

Журнал входит в Перечень ВАК России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973–1990); «Социально-политические науки» (1990–1993); Социально-политический журнал» (1993–1998); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Баркова Э.В. Экофилософия в жизнеразвивающем управлении региональным воспроизводством.....	7
Го Юйин. Прецедентные феномены в русских анекдотах.....	13
Кондакова Л.И., Доники А.Д. Социальная динамика научного этоса: практика и вызовы.....	19
Хромов С.С. Урбанистическая эстетика современной Луганщины	23
Цзян Юань. Стратегические аспекты применения русскоязычных видеодидактических ресурсов в контексте мультимодальной образовательной парадигмы	27
Чайкин П.П., Кожевников С.Б. Генеративные нейронные сети как «культурные призраки».....	30
Чжу Минъян, Иллимира Илияс. Исследование перевода наименований яогуай в игровых текстах с позиции теории скопоса – на примере игры «Black Myth: Wukong».....	35
Янь Дунмэй, Сунь Фуцин. Исследование адаптивности русского перевода культуросных слов в книге Си Цзиньпина «Один пояс, один путь».....	40

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Андрянов А.В., Максимова А.С. Эмиграционные установки российской молодежи, занимающейся научной деятельностью	47
Белозеров А.В., Спасский Е.Н. Особенности мотивации сотрудников, занятых в рекламном бизнесе	54
Бидарова Ф.Н., Айро И.Н., Нартикоева М.И. Цифровая трансформация фармацевтического образования: формирование компетенций для экономики данных	60
Вахромеева Е.Н., Зензинова Ю.Б. Обучение служением в социальной практике студентов	65
Иванов С.Ю., Иванова Д.В., Чвякин В.А. Расширение подготовки молодых специалистов – приоритеты в запросах региональных рынков.....	69
Ковалев А.Н., Потемкина Ю.Г. Оценка эффективности социальных технологий управления миграционными потоками: сравнительный анализ опыта России, Казахстана, Индии и Бразилии	73

Учредитель: ООО «Издательство «КноРус»

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-83076

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26.04.2022 г.

ISSN 0869-8120

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Сайт: <http://socgum-journal.ru>

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке elibrary.ru и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Миронов Анатолий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, профессор Московского педагогического университета, академик РАСН, РАЕН, Международной академии наук (русская секция)

Ответственный секретарь:

Миронова Елена Витальевна (Москва)

Аванесова Галина Алексеевна – доктор философских наук, профессор действительный член РАЕН; **Балбеко Анатолий Михайлович** – доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ; **Владимирова Татьяна Николаевна** – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов России; **Волков Юрий Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, директор Института социологии и регионалистики, ЮФУ; **Иванов Виллен Николаевич** – доктор философских наук, профессор, действительный член Академии литературы, почетный доктор Института социологии РАН; **Капицын Владимир Михайлович** – доктор политических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой по научной работе, МГУ им. М.В. Ломоносова; **Кара-Мурза Сергей Георгиевич** – доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник, ИСПИ РАН; **Кефели Игорь Федорович** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социологии Балтийского государственного технического университета; **Козлова Оксана Николаевна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Польша); **Кривопусков Виктор Владимирович** – доктор социологических наук, профессор Государственного университета управления; **Макаров Анатолий Васильевич** – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института Высшей школы (Беларусь); **Матюхин Андрей Викторович** – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета; **Михайленок Олег Михайлович** – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН; **Ореховская Наталья Анатольевна** – доктор философских наук, заведующий кафедрой гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве РФ (Москва); **Панферова Валентина Васильевна** – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, член международной федерации журналистов, профессор Московского педагогического государственного университета, почетный работник Высшего профессионального образования РФ; **Пуляев Вячеслав Тихонович** – доктор экономических наук, профессор, Президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского университета; **Субочев Николай Сергеевич** – доктор социологических наук, профессор кафедры Корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО; **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой сравнительной социологии факультета социологии, декан Факультета социологии СПбГУ, директор Центра изучения Германии и Европы; **Хазиев Валерий Семенович** – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы.

Отпечатано в типографии ООО «Стромынка Принт», Москва, ул. Стромынка, д. 18

Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.06.2025 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

<i>Котусов С.А., Бурганова Е.Н.</i> Искусственный интеллект и трансформация социально-трудовых институтов: социологический анализ профессиональных рисков и стратегий адаптации до 2030 года	79
<i>Плещёв И.Е., Савгачев В.В.</i> Цифровая трансформация физического воспитания студентов-медиков: инновации и прикладные технологии	86
<i>Ракитянская А.И.</i> Формирование профессионального мировоззрения курсантов военных вузов в контексте безопасности и суверенитета России в условиях ментальной войны	92
<i>Табаков Г.М.</i> Возможности применения агент-ориентированного моделирования в социологии управления	95
<i>Ушаков Е.В.</i> Трансдисциплинарные исследования в публичном управлении: проблема концептуально-методологических оснований	98
<i>Цзо Жуйчао.</i> Трансформация социального менеджмента в Китае: от конфуцианских традиций к «социализму с китайской спецификой»	102
<i>Шинкевич В.Е.</i> Успешности как целеполагание в представлениях молодежи, избравшей путь сотрудника органов внутренних дел: по результатам социологических исследований	106
<i>Полякова Е.А., Астоянц М.С., Шевченко О.М., Эмирбекова Э.Э.</i> Установки россиян по отношению к мигрантам в РФ: отличия и сходства в оценках разных поколений	111
ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ	
<i>Бегичева А.Г.</i> От обряда к симулякру: духовные практики в эпоху виртуальности	117
<i>Веденев И.Н., Кафтан В.В.</i> Нарративность как атрибут философского и исторического дискурса	120
<i>Денищенко М.Е.</i> Диалог поколений сквозь призму поиска оптимальной методологии исследования	124
<i>Донских К.Ю.</i> Взаимоотношения И.С. Тургенева и К.Н. Леонтьева: литературные и философские аспекты	128
<i>Заклинский П.А.</i> Формирование исторической памяти музейными средствами	132
<i>Зимова Н.С., У Ци.</i> Трансформация моделей управления цифровым контентом в китайских социальных сетях в контексте глобального маркетинга	135
<i>Елдин М.А., Ширшов А.В., Изергина В.П., Шегулова М.А.</i> Реализуемость системы имперских духовных ценностей византизма в России и имперский опыт англосферы	139
<i>Литаш-Сорокина Е.А., Василенко Л.А.</i> Вопросы этики и доверия в диффузии ИИ-инноваций	143
<i>Ма Цзинхань.</i> Исследование концепции «жизненная политика» в соответствии с философией К. Маркса	150

<i>Казиев Н.Э., Магаррамов М.Д.</i> Некоторые аспекты философии истории постсоветской России как объективные условия самореализации молодежи	154
<i>Пичугин В.Г.</i> Основы практик социального конструирования истории и исторического сознания	158
<i>Илларионов Г.А., Мусат Р.П., Леона А.В., Рахинский Д.В.</i> Философский анализ использования понятия «традиция» в рамках курса «Основы российской государственности»	163
<i>Суховская Д.Н.</i> Город как смысловое поле: философско-антропологический взгляд на современное урбанистическое бытие	169
<i>Третьяков Я.А.</i> Экономика и ресурсы технократического будущего: социально-философский анализ	174
<i>Честнейшин Н.В., Честнейшина Д.А.</i> Проблема собственности в социальной философии русского консерватизма	179
ФИЛОСОФСКИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ	
<i>Аторин Р.Ю.</i> Кратко о «платоническом» и «перипатетическом» в томистской философской методологии	183
<i>Виноградова В.В.</i> Концепция Третьего Завета Д.С. Мережковского и образ Новой эпохи в Живой Этике: параллели и особенности	187
<i>Пантин И.В.</i> Культурное отчуждение в условиях глобализации: между унификацией и идентичностью ...	193
ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ	
<i>Ерзылева И.А., Мамаева Ю.А.</i> К вопросу о роли религиозного фактора в политической культуре общества	197
<i>Смулов А.М.</i> Иосифо-Волоцкий монастырь: окормление армии и флота, помощь увечным воинам и больницы обители в конце XIX – начале XX вв.	202
<i>Солодухин Д.В.</i> Рукопись о. Василия (Гролимунда) о Ниле Сорском: модели аскетической парадигмы	207
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ	
<i>Артемьев А.А., Чугров Н.В.</i> Суверенитет государства в условиях технологического и информационного неравенства социальных платформ	211
<i>Билиева И.И.</i> Информационное противостояние: понятийно-смысловой анализ	215
<i>Бочанов М.А.</i> От формальности к вовлеченности: трансформация восприятия государственных символов с помощью интернет-технологий	219
<i>Ван Цзинхуа.</i> «Война и мир» в китайской философии ...	223
<i>Даниленко В.И.</i> Молодежь как объект политических технологий микро-таргетинга в избирательном процессе	227
<i>Зиновьев Д.В.</i> Искусственный интеллект как цифровой инструментальный проект избирательной кампании	233

Крапивин Н.П. Политическая коммуникация в избирательном процессе в рамках технофеодальной концепции цифровизации политики 239

Самойлов С.Ф., Митин А.В. Теоретико-методологические основы конструктивистского исследования идеологического аспекта феномена внутрироссийского сепаратизма 245

Сюй Хао, Сюй Чан. Киберпространство и суверенитет: как сетевое взаимодействие формирует национальную автономию 251

Чистов И.С. Тенденции современной цифровой политики в азиатском регионе 257

Маркос Мина Атеф Махер. Терроризм между определенческим плюрализмом и расхождением мотивов: «Аль-Каида»* и ИГИЛ* как примеры исследования 260

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Айвазян С.Г. Политико-идеологические противоречия в американском обществе 266

Аржанов А.А. Спустя 30 лет: Дейтонские соглашения как механизм структурирования постюгославского пространства 270

Ван Хуэйжу. Роль Инициатив глобального развития в содействии реализации ЦУР-30 275

Гэн Цзяхуань, Ху Вэйвэй. Китайско-российское гуманитарное сотрудничество: история и современность 280

Джигкаев А.Х. Движение Халистан как международная террористическая организация: критерии идентификации и анализ деятельности 285

Исламов Т.М. Уход США из Афганистана и неудачные попытки его сохранения в орбите американского влияния (Часть II) 289

Лю Синь. Стратегии и политики КПК в отношении Тайваня в период правления Си Цзиньпина 295

Матосова А.П. Перспективы участия России в ОБСЕ на фоне системного кризиса организации 301

Сяо Паньцин, Нин Ваньцян. Сотрудничество Китая и России в области продовольственной безопасности в контексте инициативы «Один пояс – Один путь»: перспективы и вызовы 305

Пархитко Н.П., Курбанов М.А. Инициатива «Пояс и путь» как инструмент мягкой силы Китая 310

Сулейманов И.Т. Актуализация стратегических инструментов научной дипломатии в Российской Федерации в середине 20-х гг. XXI века 315

Тафик Д.Ф. Роль внешних факторов в поддержании политической стабильности на Ближнем Востоке 323

Тянь Шуци, Амиантова И.С. Эволюция курса государственной безопасности КНДР: идеологические основы и сохранение режима в свете решений VIII съезда Трудовой партии Кореи 327

Халаф Я.А. Ирак в международной политике: влияние внешних сил на внутренние процессы 333

Сулейманов И.Т. «Постаффирмативная» эпоха научной дипломатии в ЕС: на пути кооптации в дипломатию принуждения? 338

Шитьков С.В. Цифровой суверенитет в повестке ШОС и БРИКС 343

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Кравченко А.И. Одежда как сэндвич с начинкой 348

Кубаева О.В. Влияние игрового сленга на русский язык 352

Марченко А.А., Евдокимова Е.В. Организация экспериментальной работы по формированию функциональной грамотности обучающихся в рамках многоуровневого образовательного комплекса 355

Хамидуллина Л.К. Подготовка будущих учителей к открытой международной студенческой интернет-олимпиаде по педагогике средствами научного кружка 359

Шукшина Л.В., Малиновских Д.М., Пожарская Е.Л. Взаимосвязь эмоционального выгорания и стиля поведения в конфликте у преподавателей вуза 363

Шестакова Т.А. Особенности технологии проектирования блочной модели функционально-тренировочных занятий по оздоровительному бегу с женщинами 35–45 лет 367

Ван Фан. Материализация сознания стремления к благополучию: образы и культурное значение декоративной скульптуры в древней китайской архитектуре 371

Высоцкий К.В. Проблемы регуляции в условиях глобализации международной миграции 377

Денисова О.Е. Значение естественной языковой среды при обучении русскому языку как иностранному ... 380

Калигина Е.Н. Возрастная стратификация в индустрии перманентного макияжа 383

Касьянова Е.И., Виноградова Н.И., Кохан С.Т. Учебно-профессиональное самочувствие студентов с особыми образовательными потребностями 387

Лю Эншуай. Антропологические проблемы в философии российского марксизма: от теории отчуждения к концепции всесторонне развитой личности 394

Мададли Г.П. Цифровые технологии в образовании: социологический анализ 399

Новоселова О.А. Англия в эпоху промышленного переворота: особенности экономического развития 403

Падерина Я.В., Коваленко А.С., Карцева Е.А., Кохан И.Н. Как внештатные переводчики справляются с профессиональными рисками 407

Новоселова О.А. Культурные и интеллектуальные процессы в Великобритании конца XVIII столетия 411

Раджиб Наимул Ислам. Кризис беженцев рохинджа: исторические предпосылки, современное состояние и перспективы урегулирования 415

Е Цзюотянь. Китайская культура как культура поэтическая: опыт сино-европейского диалога 422

TABLE OF CONTENTS

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT. SOCIOLOGY OF CULTURE

<i>Barkova E.V.</i> Ecophilosophy in life-developmental management of regional reproduction	7
<i>Guo Yuying.</i> Precedent phenomena in Russian anecdotes	13
<i>Kondakova L.I., Donika A.D.</i> Social dynamics of Scientific ethos: practice and challenges	19
<i>Khromov S.S.</i> Urban aesthetics of modern lugansk region ...	23
<i>Jiang Yuan.</i> Strategic Aspects of Using Russian-Language Video Didactic Resources within the Multimodal Educational Paradigm	27
<i>Chaikin P.P., Kozhevnikov S.B.</i> Generative Neural Networks as “Cultural Ghosts”	30
<i>Zhu Mingyang, Yilimire Yiliyasi.</i> A Study of Translation of Yaoguai Names in Game Texts from the Skopos Theory Perspective – Using the Game “Black Myth: Wukong” as an Example	35
<i>Yan Dongmei, Sun Fuqin.</i> A Study of the Adaptability of Russian Translation of Cultural Words in Xi Jinping’s «One Belt, One Road»	40

SOCIAL STRUCTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT. SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

<i>Andrianov A.V., Maximova A.S.</i> Emigration attitudes of Russian youth pursuing scientific research	47
<i>Belozеров A.V., Spassky E.N.</i> Features of motivation of employees engaged in the advertising business	54
<i>Bidarova F.N., Ayro I.N., Nartikoeva M.I.</i> Digital transformation of pharmaceutical education: developing competencies for the data economy	60
<i>Vakhromeeva E.N., Zenzinova Yu.B.</i> Service-learning in students’ social practice	65
<i>Ivanov S.Yu., Ivanova D.V., Chvyakin V.A.</i> Expanding the training of young professionals is a priority in the demands of regional markets	69
<i>Kovalev A.N., Potemkina Yu.G.</i> Evaluation of the effectiveness of social technologies for managing migration flows: a comparative analysis of the experiences of Russia, Kazakhstan, India, and Brazil	73
<i>Kotusov S.A., Burganova E.N.</i> Artificial Intelligence and the Transformation of Social and Labor Institutions: Sociological Analysis of Professional Risks and Adaptation Strategies until 2030	79
<i>Pleshchev I.E., Savgachev V.V.</i> Digital transformation of physical education of medical students: innovations and applied technologies	86
<i>Rakityanskaya A.I.</i> Formation of professional worldview of cadets of military universities in the context of security and sovereignty of Russia in the conditions of mental war	92
<i>Tabakov G.M.</i> The possibilities of applying agent-based modeling in the sociology of management	95
<i>Ushakov E.V.</i> Transdisciplinary Research in Public Administration: The Problem of Conceptual and Methodological Foundations	98

Founder: LLC Publishing House «KnoRus»

Mass media registration certificate PI No. FS 77-83076 Issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on April 26, 2022.

ISSN 0869-8120

Editorial address: 117218, Moscow, st. Kedrova, d. 14, bldg. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Website: <http://socgum-journal.ru>

The journal is presented in the Scientific Electronic Library elibrary.ru and registered in the scientometric database RSCI (Russian Science Citation Index)

EDITORIAL TEAM:

Chief Editor:

Mironov Anatoly Vasilievich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Moscow Pedagogical University, Academician of the Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Natural Sciences, International Academy of Sciences (Russian section)

Secretary of the editorial staff:

Mironova Elena Vitalievna

Mironov Anatoly Vasilievich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Moscow Pedagogical University, Academician of the Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Natural Sciences, International Academy of Sciences (Russian section)

Avanesova Galina Alekseevna – Doctor of Philosophy, Professor, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences; **Balbeko Anatoly Mikhailovich** – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation; **Vladimirova Tatyana Nikolaevna** – Doctor of Pedagogical Sciences, Vice-Rector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of Journalism, Communications and Media Education, member of the Union of Journalists of Russia; **Volkov Yuri Grigorievich** – Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Director of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University; **Ivanov Vilen Nikolaevich** – Doctor of Philosophy, Professor, Full Member of the Academy of Literature, Honorary Doctor Institute of Sociology RAS; **Kapitsyn Vladimir Mikhailovich** – Doctor of Political Sciences, Professor, Deputy Head of the Department for Scientific Work, Moscow State University, M.V. Lomonosov; **Kara-Murza Sergey Georgievich** – Doctor of Chemical Sciences, Professor, Chief Researcher, ISPI RAS; **Kefeli Igor Fedorovich** – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Cultural Studies and Sociology, Baltic State Technical University; **Kozlova Oksana Nikolaevna** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of the Institute of Sociology (Poland); **Krivopuskov Viktor Vladimirovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor at the State University of Management; **Makarov Anatoly Vasilievich** – Candidate of Philosophical Sciences, Professor, Head, Department of Design of Educational Systems of the Republican Institute of Higher School (Belarus); **Matyukhin Andrey Viktorovich** – Doctor of Political Sciences, Professor, Head, Department of Philosophy and History of Moscow Financial and Industrial University; **Mikhailenok Oleg Mikhailovich** – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department for the Study of Socio-Political Relations of the Center for Political Science and Political Sociology of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **Orekhovskaya Natalya Anatolyevna** – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow); **Panferova Valentina Vasilievna** – deputy editor-in-chief, candidate of philosophical sciences, professor, member of the International Federation of Journalists, professor of Moscow Pedagogical State University, honorary worker of Higher Professional Education of the Russian Federation; **Pulyaev Vyacheslav Tikhonovich** – Doctor of Economics, Professor, President of the Academy of Humanities, Professor of St. Petersburg University; **Subochev Nikolay Sergeevich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Corporate Governance at RANEPa, Honorary Worker of Higher Professional Education; **Skvortsov Nikolay Genrikhovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Comparative Sociology of the Faculty of Sociology, Dean of the Faculty of Sociology of St. Petersburg State University, Director of the Center for the Study of Germany and Europe; **Khaziev Valery Semenovich** – Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Director of the Research Center for the Development of Islamic Education of the BSPU named after. M. Akhmedov.

Former titles: «Scientific Communism» (1973–1990); «Socio-Political Sciences» (1990–1993); «Socio-Political Journal» (1993–1998); «Social and Humanitarian Knowledge» (since 1999)

Printed in the printing house of Stromynka Print LLC, Moscow, st. Stromynka, 18
Circulation 300 copies. A4 format. Signed in print: 30.06.2025. Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external peer review.

The publication is not subject to labeling in accordance with paragraph 2 of Art. 1 of the Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ «On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development».

<i>Zuo Ruichao</i> . Transformation of Social Management in China: from Confucian Traditions to «Socialism with Chinese characteristics»	102
<i>Shinkevich V.E.</i> Success as a goal setting in the minds of young people who have chosen the path of an employee of the internal affairs bodies: based on the results of sociological research	106
<i>Polyakova E.A., Astoyants M.S., Shevchenko O.M., Emirbekova E.E.</i> Attitudes of Russians towards migrants in the Russian Federation: differences and similarities in assessments of different generations.....	111

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE. SOCIAL PHILOSOPHY. PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

<i>Begicheva A.G.</i> From rite to simulacr: spiritual practices in the age of virtuality	117
<i>Vedeneev I.N., Kaftan V.V.</i> Narrativity as an attribute of philosophical and historical discourse	120
<i>Denishchenko M.E.</i> The dialogue of generations through the prism of the search for optimal research methodology.....	124
<i>Donskikh K.Yu.</i> The Relationship Between I.S. Turgenev and K.N. Leontiev: Literary and Philosophical Aspects.....	128
<i>Zaklinsky P.A.</i> Old testament texts as places of memory	132
<i>Zimova N.S., Wu Qi.</i> Transformation of Digital Content Management Models in Chinese Social Media in the Context of Global Marketing.....	135
<i>Eldin M.A., Shirshov A.V., Izergina V.P., Shegulova M.A.</i> The realizability of the system of imperial spiritual values of byzantinism in Russia and the imperial experience of the anglosphere	139
<i>Litash-Sorokina E.A., Vasilenko L.A.</i> Issues of Ethics and Trust in the Diffusion of AI Innovations	143
<i>Ma Jinghan.</i> Research of the concept of «life policy» in accordance with the philosophy of K. Marx.....	150
<i>Kaziyev N.E., Magarramov M.D.</i> Some aspects of the philosophy of history of post-Soviet Russia as objective conditions for self-realization of youth	154
<i>Pichugin V.G.</i> Fundamentals of the practices of social construction of history and historical consciousness	158
<i>Illarionov G.A., Musat R.P., Leopa A.V., Rakhinsky D.V.</i> Philosophical analysis of the use of the concept of «tradition» in the framework of the course «Fundamentals of Russian Statehood».....	163
<i>Sukhovskaya D.N.</i> The City as a semantic field: a philosophical and anthropological view of modern urban existence.....	169
<i>Tretyakov Ya.A.</i> Economy and resources of a technocratic future: a socio-philosophical analysis	174
<i>Chestneyshin N., Chestneyshina D.</i> The problem of property in the social philosophy of russian conservatism..	179

PHILOSOPHICAL WORLD VIEWS. ONTOLOGY AND THEORY OF KNOWLEDGE

<i>Atorin R.Yu.</i> Briefly about the «platonian» and «peripatetic» in thomist philosophical methodology	183

<i>Vinogradova V.V.</i> The concept of the Third Testament by D.S. Merezhkovsky and the image of the New Era in Living Ethics: parallels and features.....	187
<i>Pantin I.V.</i> Cultural alienation in the context of globalization: between unification and identity	193

PHILOSOPHY OF RELIGION AND RELIGIOUS STUDIES

<i>Erzyleva I.A., Mamaeva Yu.A.</i> On the role of the religious factor in the political culture of society	197
<i>Smulov A.M.</i> Iosifo-Volotsky Monastery: nursing of the army and navy, assistance to crippled soldiers and the monastery hospital in the late XIX – early XX centuries	202
<i>Solodukhin D.</i> Manuscript of Fr. Basil (Grolimund) on Nilus of Sora: Models of the Ascetical Paradigm.....	207

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

<i>Artemiev A.A., Chugrov N.V.</i> State sovereignty in the context of technological and information inequality of social platforms	211
<i>Bilyaeva I.I.</i> Information confrontation: conceptual and semantic analysis	215
<i>Bochanov M.A.</i> From Formality to Engagement: Transforming the Perception of State Symbols with the Help of Internet Technologies	219
<i>Wang Jinghua.</i> «War and Peace» in Chinese philosophy	223
<i>Danilenko V.I.</i> Youth as an object of micro-targeting political technologies in the electoral process	227
<i>Zinoviev D.V.</i> Artificial intelligence as a digital toolkit for an election campaign project.....	233
<i>Krapivin N.P.</i> Political communication in the electoral process within the framework of the technofeudal concept of digitalization of politics	239
<i>Samoilov S.F., Mitin A.V.</i> Theoretical and methodological foundations of constructivist research into the ideological aspect of the phenomenon of intra-Russian separatism.....	245
<i>Xu Hao, Xu Chang.</i> Cyberspace and Sovereignty: How Networking Shapes National Autonomy.....	251
<i>Chistov I.S.</i> Trends in contemporary digital policy in the Asian region.....	257
<i>Markos Mina Atef Maher.</i> Terrorism Between Definitional Pluralism and Divergent Motives: Al-Qaeda* and ISIS* as Case Studies in Diagnosis and Analysis	260

INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

<i>Ayvazyazyan S.G.</i> Political and ideological contradictions in American society	266
<i>Arzhanov A.A.</i> 30 years later: The Dayton Agreements as a mechanism for structuring the post-Yugoslav space ...	270
<i>Wang Huiru.</i> The Role of Global Development Initiatives in Supporting the Implementation of SDG-30.....	275
<i>Geng Jiahuan, Hu Weiwei.</i> Chinese-Russian humanitarian cooperation: history and modernity	280
<i>Dzhigkaev A.H.</i> The Khalistan Movement as an international terrorist organization: identification criteria and activity analysis.....	285

<i>Islamov T.M.</i> U.S. Withdrawal from Afghanistan and Failed Attempts to Maintain It in the Orbit of American Influence	289
<i>Liu Xin.</i> The CPC's Strategies and Policies on Taiwan During Xi Jinping's Presidency	295
<i>Matosova A.P.</i> Prospects of Russia's participation in the OSCE against the backdrop of the organisation's systemic crisis	301
<i>Xiao Panqing, Ning Wanqiang.</i> Cooperation between China and Russia in the field of food security within the context of the belt and road initiative: prospects and challenges.....	305
<i>Parkhitko N.P., Kurbanov M.A.</i> The Belt and Road Initiative as a tool of China's Soft Power	310
<i>Suleimanov I.T.</i> Updating the Strategic Instruments of Science Diplomacy in the Russian Federation in the Mid-20s of the 21st Century	315
<i>Tafik Diyar Fakher</i> The Role of External Factors in Maintaining Political Stability in the Middle East	323
<i>Tian Shuqi, Amiantova I.S.</i> Evolution of the DPRK'S national security policy: ideological foundations and regime preservation in light of the decisions of the 8th congress of the workers' party of Korea	327
<i>Khalaf Yaser Ahmed Khalaf</i> Iraq in international politics: the influence of external forces on internal processes.....	333
<i>Suleymanov I.T.</i> The post-affirmative era of science diplomacy in the eu: towards cooptation into coercive diplomacy?	338
<i>Shitkov S.V.</i> Digital Sovereignty in the Agenda of SCO and BRICS.....	343
INTERDISCIPLINARY AND APPLIED RESEARCH	
<i>Kravchenko A.I.</i> Blanket as a sandwich with filling	348
<i>Kubaeva O.V.</i> The influence of gaming slang on the Russian language.....	352
<i>Marchenko A.A., Evdokimova E.V.</i> Organization of experimental work on the formation of functional literacy of students within the framework of a multi-level educational complex.....	355
<i>Khamidullina L.K.</i> Preparation of future teachers for the open international student internet olympiad in pedagogy by means of a scientific circle	359
<i>Shukshina L.V., Malinovskikh D.M., Pozharskaya E.L.</i> The relationship between emotional burnout and behavior style in conflict among university teachers	363
<i>Shestakova T.A.</i> Features of the technology of designing a block model of functional-training classes in healthy running for women aged 35–45	367
<i>Wang Fang.</i> Materialization of the Consciousness of the Striving for Well-Being: Images and Cultural Significance of Decorative Sculpture in Ancient Chinese Architecture	371
<i>Vysotskiy K.V.</i> Globalization of international migration: social problems and political consequences.....	377
<i>Denisova O.E.</i> The Importance of the Natural Language Environment in Teaching Russian as a Foreign Language ...	380
<i>Kaligina E.N.</i> Age stratification in the permanent makeup industry	383
<i>Kasyanova E.I., Vinogradova N.I., Kokhan S.T.</i> Educational and professional well-being of students with special educational needs	387
<i>Liu Enshuai.</i> Anthropological problems in the philosophy of russian marxism: from the theory of alienation to the concept of a comprehensively developed personality	394
<i>Madadli G.</i> Digital technologies in education: a sociological analysis	399
<i>Novoselova O.A.</i> Great Britain during the industrial revolution: features of economic development	403
<i>Paderina Ya.V., Kovalenko A.S., Kartseva E.A., Kokhan I.N.</i> How Freelance Translators Cope with Professional Risks	407
<i>Novoselova O.A.</i> Cultural and intellectual processes in Great Britain at the end of the 18th century	411
<i>Rajib Naimul Islam.</i> The Rohingya Refugee Crisis: It's Historical Background, Present State, and the prospect of resolution.....	415
<i>Ye Zuotian.</i> Chinese Culture as a Poetic Culture: An Experience of Sino-European Dialogue.....	422

Экофилософия в жизнеразвивающем управлении региональным воспроизводством

Баркова Элеонора Владиленовна,

д.ф.н., профессор кафедры истории и философии,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
руководитель Лаборатории экофилософских исследований,
Донецкий национальный университет экономики и торговли
им. М.И. Туган-Барановского
E-mail: barkova3000@yandex.ru

Обоснована востребованность методологического обновления проблемного поля философии регионалистики на основе принципов экофилософии, интегрирующей достижения ориентированных на жизнеразвитие наук, включая экологию человека, культуры и социальную экологию. Ориентиры философии экорегионалистики на сохранение многообразия природных и культурных форм, укрепление психического и физического здоровья, включающие человеко-развивающие векторы, рассмотрены как условия устойчивого развития и основа перспективных управленческих практик, направленных на осуществление антропо-био-социо-культурного воспроизводства целостности региональной жизни России. Полирегиональность показана как богатство и недооцениваемый стратегический ресурс развития России.

Ключевые слова: перспективы жизни, экофилософия, регион, субъектное измерение регионального бытия, региональное воспроизводство, полирегиональность России как стратегический ресурс.

*«Незачем плестись в науке в хвосте Запада,
когда мы можем идти впереди».*

В.И. Вернадский [1, с. 262]

Регуляция региональной и межрегиональной жизни России на основе видения ее целостного проблемного поля и необходимых для ее современного жизнеобеспечения связей – одно из ключевых условий, определяющих перспективы устойчивого развития нашей страны. От качества управления/самоуправления, ценностных ориентиров, культуры управленцев и их решений сегодня в значительной мере зависят успехи, возможности раскрытия потенциала регионов и «здоровье» не только экономики и демографических показателей, но и людей, всех субъектов и бытия страны в целом.

Более того, в ситуации, когда отчетливо обозначился предел разбалансированности всего пространства планеты, жизни природы и всех культур Земли, открыв тупики тех путей и типа рефлексии глобализации, в соответствии с логикой которой в последние десятилетия прошла цивилизация, только Россия еще способна, сохранить Мир, сохранить Землю. И только сохранив Мир, мы сохраним Природу, Культуру, Науку, сумеем начать движение к гармонизации планетарного бытия и, сделав невозможное, в очередной раз спасти все народы и регионы Земли. Многие люди и народы на всех континентах – в отличие от немногих неадекватных и агрессивно настроенных политиков Запада – сегодня только из России ждут поддержки и начало жизнеспасительного поворота к отношениям взаимного уважения, доверия и надежному миру, с тревогой следя за происходящим. Россия, как свидетельствует история, не раз ценой жизни лучших из своих детей – главного богатства любой страны – выполняла миссию спасителя многих народов, но, по-видимому, задача, стоящая перед нами сегодня, несоизмерима по трудности, наукоемкости, как и по готовности к внутренней мобилизации сил и масштабу со всем тем, что предстоит сделать сегодня.

Возможно ли сегодня урегулирование отношений между регионами России и всего мира, когда ситуация раскола ценностного, политического и экономического пространства достигла критической точки бифуркации? *Правомерна ли вообще постановка вопроса об устойчивом развитии*, когда настолько враждебно несопоставимыми оказываются некоторые установки, современные стили жизни, социальные интересы, потребности?

С точки зрения формальной логики и «арифметики» науки – безусловно, нет. Но понимая следствия перехода опасной черты и рассыпающейся «мозаики» ожиданий, векторов мировоззренческих позиций и военных усилий, сделать это необходимо. И кроме нас не сделает никто, потому что в мире не существует другой страны со столь же трудным многовековым историческим опытом совместной жизни регионов, народов, традиций истории и современной жизни, где путем отбора форм, подтверждающих оптимальные возможности мирного сосуществования и формирования взаимного доверия и взаимоуважения в процессе соединения-состыковки ценностей.

Более того, сделать это – урегулировать отношения и утвердить мир – предстоит безотлагательно, начав с возрождения полноты жизни и принятия жизнеразвивающих решений проблем своих собственных регионов, проблем укрепления их внутренних и внешних связей и утверждения целостности России как конкурентоспособного, высокотехнологичного, сохраняющего богатства своей природы и культуры уникального Экомира. Только в этом сильном качестве Россия способна утвердить себя и свое достойное место в структуре складывающегося многополярного мира.

Актуальные установки для начала этих преобразований известны: их отчетливо сформулировал 19 мая 2025 г. Президент России В.В. Путин в Приветствии к участникам XIII Петербургского международного юридического форума. Отметив необходимость налаживать работу глобальных институтов управления так, чтобы они служили процветанию и прогрессу, он подчеркнул: «Сегодня, в условиях активно формирующегося многополярного миропорядка, одна из приоритетных задач – настроить глобальные институты управления и механизмы обеспечения коллективной безопасности так, чтобы они отвечали требованиям времени, служили на благо прогресса и процветания» [2].

Путь к устойчивому развитию регионов в структуре Экомира и рефлексии управленческих решений, необходимых и достаточных в современных условиях перформатирования бытия для решения задач такого масштаба – ответ на вызовы нашей эпохи с ее экстремумом социального времени – делает востребованным методологическое обновление концептуального поля отечественной науки.

Экомир России как объединяющее регионы целое здесь – не случайная конструкция или фигура речи, а категория науки, или общая экофилософская форма, выражающая открытую целостность такого бытия природы, человека, культуры и общества, развитие которого осуществляется в ходе освоения субъектом, деятельность которого направлена на гармонизацию – сохранение и развитие связей с природой, включая природу самого человека. Напомню, что этимологически в переводе с греческого буквальный смысл Эко – это Дом, который здесь понимается в широком смысле, т.е. в единстве территориально-географического, материально обеспечивающего и духовно-культурного смысла.

Поэтому в экомире открывается мера полноты и завершенности всех связей и отношений природного и культурного, субъективного и объективного, которые характеризуют специфику экореальности как структурно выраженного процесса. *Эко, или «одомашнивание» – очеловечивание мира предполагает здесь развитие человека в границах меры человеческого в самом человеке, т.е. как микрокосма, или пути восхождения к Природе-Культуре, а не «возвышения» над ней.*

Общее направление обновления философии регионалистики, поэтому, – изучение объективных оснований первостепенно востребованных векторов региональных трансформаций – условий блокирования деструктивных тенденций, локальных и глобальных рисков и выработка управленческих решений и моделей, направленных на осуществление полноценного *антропо-био-социо-культурного воспроизводства региональной жизни России.*

Регионы здесь уже понимаются не только как результаты и формы территориального разделения труда, существующие в установленных административных границах. При такой их традиционной интерпретации уникальность региона с его научно-интеллектуальным и культурным потенциалом и способность к раскрытию своей

жизни на основе сложившихся культурных кодов оказывается невостребованной. Наука, в которой по-прежнему воспроизводится парадигма, согласно которой «региональная идентичность формируется на основе территориальной принадлежности, которая обуславливает развитие специфических социальных, психологических и культурных признаков» [3, с. 85] отстала от практики. Уже сегодня Донбасс, Алтай, Карелия, Волгоград, Татарстан, Нижний Новгород, Новосибирск и ряд других регионов и региональных центров утверждают свое региональное достоинство через неповторимые социально- и культурно значимые проекты.

Одна из главных целевых стратегий здесь – преодоление исследуемой еще академиком В.П. Казначеевым современной критической ситуации с *динамикой психического и физического здоровья населения*, роста популяционного здоровья населения России и ее регионов, исключение рисков генетического дефолта народа, повышение уровня общей культуры и подъем духа [4], [5]. В противном случае, сколь бы впечатляющими не были планы развития и проекты, их просто некому будет осуществлять, т.к. даже простое воспроизводство регионов окажется нерешаемой задачей.

Поэтому исходный пункт в обновлении научного подхода здесь связан не со специфически региональными, административными или экономическими подходами, а с философско-космическим мировидением [6]. В.П. Казначеев был прав: «Социально-демографическое, социально-этическое будущее человечества, его выживание, здоровье на планете Земля вместе с биосферой – это космофизическая проблема, ...это проблема космофизического будущего человечества, оно должно быть продолжено в том же стиле, в каком оно начиналось в отечественной космогонии, начиная от Н.А. Умова, В.И. Вернадского, К.Э. Циолковского и многих других продолжателей, – это новое поле науки, космическая антропоэкология» [7, с. 27].

Но очевидно и то, что только опоры на прошлое, даже на достижения науки последних десятилетий, как и на традиции регионалистики отечественной и мировой науки, на патристический пафос и воспроизведение прошлого практического опыта, что, разумеется, важно и необходимо, для успешного решения внутри- и межрегиональных проблем недостаточно. Недостаточно потому, что уже наступило так стремительно ворвавшееся в нашу жизнь новое ноосферно-историческое время, в силу чего происходит становление новой архитектоники всего пространства с его новыми ориентирами, технологиями, институтами и структурами. Этим определяется и востребованность радикального обновления науки не только технологически, но, прежде всего, содержательно-концептуально, *эвристически-мировоззренчески и методологически.*

В течение ряда последних лет становилось все более ясно, что «Регионы имеют возможности для развития экономики, но, чтобы ускорить этот процесс, нужны четкая концепция реформирования, помощь государства и разумное перераспределение ответственности» [8, с. 282].

Более того, все регионы России безусловно, имеют потенциал, не сводимый только к возможностям экономического развития, хотя далеко не везде он проявлен и по достоинству оценен в общероссийских планах развития. А потому реформирование уже сегодня предполагает переосмысление методологии, самих фундаментально-философских и междисциплинарных подходов к управлению региональным воспроизводством и развитием.

Детерминация проектирования регионального и межрегионального воспроизводства из человеко-сохраняющего будущего – будущего физически и культурно-нравственно здоровых людей, актуализирует «укрупнение» статуса философии в культуре, в т.ч. понимания управленцами того, ЗАЧЕМ и ПОЧЕМУ они должны мыслить так, а не иначе. Именно философский анализ обосновывает причины востребованного проекта жизнеразвивающего регионального воспроизводства и анализа каждого российского региона как части Экомира, как субъекта деятельности, исходящего из развития бытия, своей Родины, культуры жизнестворчества, а не из логики победившего техночеловека, уже сегодня допускающего планирование ключевых задач России, формулировки целевых стратегических направлений всего нашего развития и технических заданий искусственному интеллекту [9].

Такой тип детерминации из человеко-развивающего будущего, в котором сохраняется культурный код региона и локально-региональной культуры – ориентир управленческого мышления на философию экорегионализма, на рефлексию долгосрочных перспектив, конкретизацию смыслов и качества жизни наших детей, внуков и правнуков.

Уже эти подходы к решению заявленной темы при первом приближении открывают роль и востребованность экофилософского поворота в мировидении, в культуре, образовании и проектировании перспектив регионального воспроизводства. Именно экофилософия, по моему убеждению, – есть философия надежды и творчества мира ноосферно-исторического времени, методологическими основами которой являются ориентиры русских философов-космистов, учение о ноосфере В.И. Вернадского, о мысли как космическом явлении К.Э. Циолковского, рефлексия роли экологического императива, сформулированного Н.Н. Моисеевым и ряд связанных с ними положений в современной науке. И эта работа, повторю, безотлагательна. В.И. Вернадский был прав, записав в Дневнике 16 марта 1918 года часто повторяемые сегодня слова: «Нельзя отложить заботу о вечном и великом на то время, когда будет достигнута для всех возможность удовлетворения своих элементарных нужд. Иначе будет поздно» [10].

Экофилософия – стремительно развивающееся сегодня философское направление, целенаправленно и последовательно утверждающее самоценность Бытия, Жизни Земли, всех ее регионов с многообразием их природных и социокультурных форм, созданных человеком на основе принципа универсальной эволюции. В логике такой эволюции, показывающей органическое единство, внутреннее родство всех форм бытия и их подчинения единым законам мироздания и Земли формируется целостная картина мира, частями которой является все многообразие и естественно рождавшихся связей организмов, «живого вещества», человека со всеми формами – естественными и искусственными, внешними и внутренними – среды обитания [11].

Подчеркну, в экофилософской концепции получает обоснование целостность картины мира в ее всеобщности – единство космоса, природы, культуры, философии, науки, неотъемлемой частью которой является человек. В этом экофилософия принципиально не совпадает с позициями ряда ведущих философских направлений, где человек осмыслен односторонне: либо только в ключе натуралистическом, «отсекающим» не случайно возникшее – о чем свидетельствует антропный принцип – разумно-духовное измерение бытия человека, либо как иррационально-случайный феномен, который, подобно песчинке на ветру, в принципе «не нужен» космосу, Все-

ленной, Земле, а потому его можно, «сочинив» оригинальный крутой проект, заменить на техночеловека в силу истощенности природы человека.

Но экофилософское видение субъекта следует классической традиции, где субъект – это не только отдельный человек, но и общество, и человечество и большие, исторически закономерно возникшие группы людей – этно-национальные, социальные, культурные. Это предполагает их единую универсально-всеобщую природу, каждая часть которой включает в себя в качестве атрибута, т.е. не снимаемого качества, наряду с временными параметрами и ценностями и вечное, а наряду с конечными – бесконечное. А потому фундаментальные основания природы каждого субъекта, в т.ч. региона при всей их уникальности и неповторимости, как и человечества и планеты Земля едины и взаимозависимы. Регион в силу этого имеет наряду с системно-объектными свойствами и параметрами, которые просчитываются, планируются, включаются в отчеты и свое неповторимое субъектное измерение, и именно как субъект регион связан со всеми другими субъектами планеты [12]. А потому жестко-тоталитарная логика управленцев-бюрократов здесь не эффективна: регион требует наряду с известными принципами управления регулироваться на основе развития форм самоуправления.

Из этого экофилософского представления о субъекте следует позиция ответственности, заботы и возможности «разговорить» регион, понять связь с ним на основе субъект-субъектного отношения и того, что тип управленческого отношения не сводим к методологии прагматизма с его отношением субъекта-управленца к объекту-региону как системе, которую он без последствий может произвольно изменять.

Вследствие этого открывается еще одно проблемное поле, связанное с типом связи и регулирования региональными процессами. Если прагматический подход, согласно которому истинно и допустимо то, что приносит прибыль «здесь и сейчас», как и все вариации иррационализма и интуитивизма, поскольку снимают статус разума, не полезны и недопустимы с точки зрения логики дела, то актуализируется вопрос об адекватном для жизнеразвития региона типе рациональности [13], [14], [15]. Но все известные типы рациональности – классический, неклассический и постнеклассический тоже оказываются продуктивными здесь лишь частично и в определенных аспектах. С нашей точки зрения, именно и только на основе экорациональности возможно отразить ориентир Человека на сохранение Жизнь, его любовь, уважение к жизни должно быть включено в содержание этой связи.

Экорациональность – это тип теоретического отношения человека ноосферной эпохи к Земле, ее регионам, людям Земли как звеньям единой цепи жизни, бытия, но разумность как атрибут субъекта не тождественна прагматически понятой рациональности. Экорациональность – это общая форма организации жизни, деятельности и мышления, в логике которой получают развитие жизнесохраняющие стратегии и прокладываются пути эко-антропологическим векторам гармонизации жизни, возвышающим человека [16].

А поскольку в экофилософской гносеологии смена форм рациональности смена форм рациональности объясняется не сменой парадигм науки и ценностей культуры, а развитием самой жизни, т.е. онтологически, то и самым фундаментальным основанием экорациональности оказывается единство онтологии, антропологии, культурологии и гносеологии, или онто-антропологи-гносеология, понятая в аспекте холизма.

Ориентир на Эко здесь *содержательно* дополняет разумно-рациональный подход к исследуемой проблеме как части дорогого субъекту его управления Дома. Иначе говоря, в философии экорегионализма одновременно с традиционными подходами акцентируется внимание и на *ценностно-аксиологическом измерении подхода управленца в контексте заботы о людях региона как наследниках человечества, как о людях Земли*, за судьбы которых он лично отвечает. Эти люди должны быть здоровы, чувствовать уверенность через родство с Родиной, укоренение жизни в своих традициях – насколько это возможно в условиях перемен – уверенного развития, не утрачивая способности творит и мечтать.

А с учетом не только территориальных и климатических различий, но и уникальности культур, требующих специализации в подходах к региональному воспроизводству, становится ясной значительно более многомерная и многосторонняя представленность вариантов творчества, мироотношений, ментальных, сложившихся на Земле, включая типы коммуникаций с другими странами и народами. Здесь на основе экорационально-философского мировидения открываются и причины того, почему полирегиональность России оказывается настолько бесценным богатством и важнейшим не только природно-ресурсным, но и интеллектуальным и культурным *стратегическим* ресурсом страны.

Но развивая, далее, концепции русских мыслителей-космистов и исследователей 1970–1980-х годов, которые рассматривали экофилософию как природоохранное учение, исследующее систему «человек – общество – природа», сегодня и сама экофилософия как методология регионоведческого анализа вышла за эти границы. Сегодня она работает в направлении создания теоретического синтеза направлений и уже сформированных в течение всех последних десятилетий эко-учениями: эко-космо-антропологии В.П. Казначеева, экологии человека, экологии культуры Д.С. Лихачева, концепций социальной экологии, экологии космоса, экологии духа, коммуникаций, эко-психологии, эколопитологии, экопедагогике и многих других. Однако, экофилософски, т.е. в аспекте жизнетворческом, известные онтологические категории и социальные проблемы, в ней не только получают развитие, но рождаются новые востребованные направления, одним из которых является философии экорегионализма.

Здесь, что вытекает из сказанного, и *регион осмыслен как звено развития Жизни в целом*. А потому механическая замена субъектного измерения бытия региона искусственно созданной программой, т.е. искусственным интеллектом, роботом или *нано-человеком, недопустима, ибо приведет к фундаментальным сдвигам не только климата, уничтожения парков, лесов, источников чистой воды на данном пространстве Земли, но и более существенным сдвигам и разбалансировке во Вселенной*, представить себе масштаб которых мы едва ли сегодня можем. Отсюда – глобальные риски и игр и переоценки статусов сложившихся на основе родной природы и культуры регионов, о чем уже многие десятилетия предупреждают не только писатели-фантасты, но и крупные ученые и чем определяется самоценность экологического императива Н.Н. Моисеева. Экологический императив здесь – это не только нравственное требование, но принцип регионального воспроизводства и категория экофилософии, на уровне всеобщего синтезирующая достижения экологии региона, а в нем – человека, культуры, природы, общества, и изучающей *био-геокультуругенез*.

Следовательно, *воспроизводство региона предполагает такое понимание адаптации к среде, которое вклю-*

чает творчество, развитие и использование новейших технологий и там, где необходимо, «поддержки» искусственного интеллекта.

Но верно и обратное: региональное воспроизводство и развитие его творчески-креативного потенциала исходит из понимания целостности региональной жизни и адаптации и к природе, к климату края, в процессе которой устанавливаются границы допустимых коррекций, не нарушающих границы меры и количества биомассы, необходимой для воспроизводства здоровья человека. Управление региональным воспроизводством на основе экофилософской картины мира, согласованной с законами универсальной эволюции и природно-культурной целостности Земли, возможно на пути соединения философско-экорегionalной парадигмы с объективной логикой коэволюционных процессов, в которых регион естественно гармонизируется с ритмами, темпами природы и общества и культуры.

Иначе говоря, каким бы не был материально выгодным проект вырубки лесов, строительства химических или каких-либо других комбинатов, следствием которых может стать загрязнение океанов, рек и озер, и вследствие о росте заболеваний, именно ценность человека, сохранение его природы и природы края как условия их здоровья – всегда на первом месте.

Экофилософия, таким образом, как методология проектирования процесса регионального воспроизводства не ограничена требованием следования логике научного разума, а выступает общей формой перспективного и оздоровляющего творчества. Задача регионального управления – формирование человека и среды, ориентированных на радость, мечты, счастье, на удивление реальному чуду природы и культуры Мира, стремящегося постичь вдохновляющие цели будущего.

Вследствие сказанного трансформируется и представление о самом содержании понятия «воспроизводство»: это уже не просто процесс возобновления производства товаров и услуг, как это принято в концепциях экономистов, и не восстановление и приращение природных ресурсов, как это понимают специалисты воспроизводства природы, и не возобновление населения в процессах смены поколений через рождение/смерть, и показатели естественного прироста или убыли [17], [18], [19], [20].

Таким образом, воспроизводство региона, ориентированное на мир, устойчивое развитие и оздоровление жизни России, исследуемое в логике экофилософии, – это расширенное возобновление-возрождение и совершенствование его бытия, региональной жизни в целом, как системы-объекта и открытой саморазвивающейся целостности в ее субъектном измерении; это тип развития, при котором сохраняется многообразие природных и культурных форм, воспроизводятся культурные коды – условия роста его человеческого капитала и интеллектуального, социального и экономического потенциала. Все эти стороны и целевые стратегии в проекте управления региональным воспроизводством важны потому, что только на его основе сохраняется человекообразность – выражение связи региона как субъекта и объекта с целостностью мира, включая его человеческое измерение.

С этой точки зрения востребована и регуляция миграционных потоков, мер для увеличения продолжительности жизни и понимания содержания устанавливаемых связей с другими регионами России и мира.

Экофилософская модель, положенная в основу управления региональным воспроизводством, таким образом, – и *путь к решению вопроса о внешних межкультурных связях-коммуникациях*, об условиях и формах общении людей с разными ценностными установками.

Иначе говоря, если речь идет о понимании традиционных культур, подтвердивших исторически свою жизнеобеспечивающую, человеко-совершенствующую функцию, о смыслах и проявлениях – пусть и представленных непривычными чертами и особенностями – то в общении необходима установка на деликатность и сдержанность в оценках и поведении.

Однако когда речь заходит о принципиальной позиции, исходящей из «столкновения цивилизаций», как их мыслит С. Хантингтон и предполагает интерпретация западной модели глобализации, допускающей колониализм, включая сферы языка, духовной культуры, образования, допускает унижающий достоинство регионов, агрессию, ущемлении прав, – тогда не только допустимы, но и в целях ЖИЗНИ и перспектив Экомира Земли необходимы все, если нужно, и жесткие меры.

Экофилософия, поэтому, может быть понята как общая форма метасубъектного регулирования регионально-воспроизводственных процессов во всем спектре их развертывания – экологии человека, природы, культуры, общества и Вселенной, космос [21].

Экофилософия в жизнеразвивающем управлении региональным воспроизводством – не утопический проект. Пример Алтая, заявившего о сенсе как на Международном Форуме «Эко Алтай. Нить природы» как о регионе, который развивается по пути от экологии мышления к экологическому суверенитету. Или Калининград с его Куршской косой, ставший для тысяч людей примером грамотной, с точки зрения экофилософии, политики и ответственного управления региональным воспроизводством, его природой и культурой. Рядом с Волгоградом город Волжский объявил себя ноосферным городом, и там предпринимаются шаги в том же общем направлении.

Таким образом, намеченные здесь возможности использования экофилософской методологии даже при первом приближении поднимают вопрос о востребованности системно-целостной экорегиональной политики в современной России, направленной на жизнеобеспечение и жизнеразвитие на основе расширенного регионального воспроизводства, улучшения его количественных и качественных показателей. Но для такой политики, как видим, оказывается востребованной новая экофилософская концепция и ее принципы – объективности рассмотрения, антропный, целостности, козволюции, экологический императив, обоснованно защищающих и укрепляющих фундамент и все «части» нашего экомира – родного Дома, нашей малой и большой Родины.

Литература

- Вернадский В.И. Избр. соч. Т. IV, кн. 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 262. (Цит по: Козиков И.А. Философские воззрения Вернадского (к столетию со дня рождения). – М.: МГУ, 1963. – 78 с.
- Путин В.В. // Участникам и гостям XIII Петербургского международного юридического форума Президент России.
- Культурные коды: уч.-методич. пособие. – М.: МГПУ. Книгодел. – 2023. – 296 с.
- Казначеев В.П. Стратегия и тактика реформ с позиций геополитики и безопасности нации // Культура, наука, образование: контекст познания в развитии универсума: монография / Под общей редакцией академика В.П. Казначеева. – Новосибирск: ЗСО МСА, 2013. – С. 31–66.
- Казначеев В.П., Дмитриев А.Н., Мингазов И.Ф. Цивилизация в условиях роста энергоемкости природных процессов Земли (Проблемы космоноосферной футурологии). – Новосибирск: 2007. – 419 с.
- Баркова Э.В. Популяционное здоровье России в целях космической эко-антропологии: К 100-летию В.П. Казначеева // Экология человека в современных трансформациях исторического времени. Коллективная монография по итогам V Всероссийской научной конференции с международным участием. – Москва, 2025. – С. 8–19.
- Казначеев В.П. Космическая антропоэкология – новое поле науки XXI века // Вестник Международного научно-исследовательского института космической антропоэкологии. 2003. Вып. 10. С. 21–27.
- Гришанова Ю.В. Российские регионы: последствия реформ и перспективы развития» // Воспроизводство и экономический рост. – М.: ТЭИС. 2001. С. 273–282.
- Баркова Э.В. Экофилософское мышление в стратегиях развития человечества XXI века // Глобалистика-2023. Сборник материалов Международного научного конгресса. Москва, Издательство: Межрегиональная общественная организация содействия изучению, пропаганде научного наследия Н.Д. Кондратьев 2023. С. 204–205.
- Вернадский В.И. // 28 лучших цитат Владимира Ивановича Вернадского. Афоризмы, высказывания и мысли Владимира Ивановича Вернадского – BBF.RU
- Экофилософия в пространстве творчества мира: Монография / Москва: РУСАЙНС, 2024. – 246 с.
- Баркова Э.В. Философия экорегионализма как потенциал интеллектуального развития России: экофилософский аспект // Человеческий капитал. – 2023. – № 9(177). – С. 52–59.
- Воспроизводственный потенциал региона: материалы Международная науч.-практическая конференция; Башкирский гос. ун-т. – Уфа: БаГ У. 2004. – Т. 2. 2004. – 337 с.
- Воспроизводство населения и демографическая политика в СССР / В.А. Борисов, Г.П. Киселева, Ю.М. Лукашук, А.Б. Синельников. – М.: Наука, 1987. – 205 с.
- Воспроизводство и экономический рост / под ред. В.Н. Черковца, В.А. Бирюкова. – М.: ТЭИС, 2001. – 282 с.
- Баркова Э.В. Экорациональность в освоении целостности бытия. Монография Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2020. – 130 с.
- Воспроизводство и экономический рост. – М.: Экономический факультет, ТЭИС, 2001. – 282 с.
- Коган Л.Л., Сесюнина И.Б. Духовное воспроизводство: методологические и социологические проблемы. – Томск: Томск ун-т, 1998. – 165 с.
- Воспроизводство населения и демографическая политика в СССР / В.А. Борисов, Г.П. Киселева, Ю.М. Лукашук, А.Б. Синельников. – М.: Наука. 1987. – 205 с.
- Воспроизводство населения и трудовых ресурсов / Чл.-корр. АН СССР Рябушкин Т.В, д.э.н. Урланис Б.Ц и др. – М.: Наука. 1976. – 301 с.
- Баркова Э.В. Экофилософия России – основа развития экомира XXI века и новый бренд в научной конкуренции // Русский инженер. Сборник тезисов II Всероссийского конгресса с международным участием. Москва, 2024. С. 244–245.

ECOPHILOSOPHY IN LIFE-DEVELOPMENTAL MANAGEMENT OF REGIONAL REPRODUCTION

Barkova E.V.

Plekhanov Russian University of Economics, Donetsk National University of Economics and Trade named after M.I. Tugan-Baranovsky

The article substantiates the demand for a methodological update of the problematic field of regional philosophy based on the principles of ecophilosophy, integrating the achievements of life-development-oriented sciences, including human ecology, culture and social ecology. The guidelines of ecoregional philosophy for preserving the diversity of natural and cultural forms, strengthening mental and physical health, including human-developing vectors, are considered as conditions for sustainable development and the basis for promising management practices aimed at implementing anthropo-bio-socio-cultural reproduction of the integrity of regional life in Russia. Polyregionality is shown as wealth and an underestimated strategic resource for Russia's development.

Keywords: life prospects of Russia, ecophilosophy, region, subjective dimension of regional existence, regional reproduction.

References

1. Vernadsky V.I. Selected Works. Vol. IV, book. 1. – M.: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1959. – P. 262. (Cited from: Kozikov I.A. Vernadsky's Philosophical Views (on the centenary of his birth). – M.: Moscow State University, 1963. – 78 p.
2. Putin V.V. // To the participants and guests of the XIII St. Petersburg International Legal Forum, the President of Russia.
3. Cultural codes: teaching aid. – M.: Moscow State Pedagogical Univ.. – Knigodel. – 2023. – 296 p.
4. Kaznacheev V.P. Strategy and tactics of reforms from the standpoint of geopolitics and national security // Culture, science, education: the context of knowledge in the development of the universe: monograph / Under the general editorship of Academician V.P. Kaznacheev. – Novosibirsk: ZSO MSA, 2013. – P. 31–66.
5. Kaznacheev V.P., Dmitriev A.N., Mingazov I.F. Civilization in the context of increasing energy intensity of natural processes on the Earth (Problems of cosmospheic futurology). – Novosibirsk: 2007. – 419 p.
6. Barkova E.V. Population health of Russia for the purposes of space eco-anthropology: On the 100th anniversary of V.P. Kaznacheev // Human ecology in modern transformations of historical time. Collective monograph on the results of the V All-Russian scientific conference with international participation. – Moscow, 2025. – P. 8–19.
7. Kaznacheev V.P. Space anthropoecology – a new field of science in the 21st century // Bulletin of the International Research Institute of Space Anthropoecology. 2003. Issue. 10. P. 21–27.
8. Grishanova Yu.V. Russian regions: consequences of reforms and prospects development" // Reproduction and economic growth. – M.: TEIS. 2001. Pp. 273–282.
9. Barkova E.V. Ecophilosophical thinking in the strategies of human development in the 21st century // Globalistics-2023. Collection of materials of the International Scientific Congress. Moscow, Publisher: Interregional public organization for the promotion of the study and promotion of the scientific heritage of N.D. Kondratyev 2023. Pp. 204–205.
10. Vernadsky V.I. // 28 best quotes by Vladimir Ivanovich Vernadsky. Aphorisms, statements and thoughts of Vladimir Ivanovich Vernadsky – BBF.RU
11. Ecophilosophy in the space of creativity of the world: Monograph / Moscow: RUSAINS, 2024. – 246 p.
12. Barkova E.V. Philosophy of ecoregionalism as a potential for Russia's intellectual development: ecophilosophical aspect // Human capital. – 2023. – No. 9(177). – P. 52–59.
13. Reproductive potential of the region: Proc. of the International scientific and practical conference; Bashkir State University. – Ufa: Bashkir State University. 2004. – Vol. 2. 2004. – 337 p.
14. Population reproduction and demographic policy in the USSR / V.A. Borisov, G.P. Kiseleva, Yu.M. Lukashuk, A.B. Sinelnikov. – Moscow: Nauka, 1987. – 205 p.
15. Reproduction and economic growth / edited by V.N. Cherkovets, V.A. Biryukov. – Moscow: TEIS, 2001. – 282 p.
16. Barkova E.V. Ecorationality in mastering the integrity of being. Monograph Volgograd: VolSU Publishing House, 2020. – 130 p.
17. Reproduction and Economic Growth. – M.: Faculty of Economics, TEIS, 2001. – 282 p.
18. Kogan L.L., Sesyunina I.B. Spiritual Reproduction: Methodological and Sociological Problems. – Tomsk: Tomsk University, 1998. – 165 p.
19. Population Reproduction and Demographic Policy in the USSR / V.A. Borisov, G.P. Kiseleva, Yu.M. Lukashuk, A.B. Sinelnikov. – M.: Nauka. 1987. – 205 p.
20. Population and Labor Resources Reproduction / Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences Ryabushkin T.V., Doctor of Economics Uralnis B.Ts., et al. – M.: Nauka. 1976. – 301 p.
21. Barkova E.V. Ecophilosophy of Russia – the basis for the development of the eco-world of the 21st century and a new brand in scientific competition // Russian engineer. Collection of abstracts of the II All-Russian Congress with international participation. Moscow, 2024. P. 244–245.

Го Юйин,

магистр, Сучжоуский университет

E-mail: 1326685332@qq.com

В статье осуществлено комплексное исследование прецедентных феноменов (ПФ) как ключевого механизма формирования юмора и сатиры в русских анекдотах. На основе анализа корпуса текстов выявлены и систематизированы источники ПФ: литературные произведения (например, пушкинская «Сказка о рыбаке и рыбке»), социально-политические реалии (фигура Хрущёва, события 1963 г.), фольклор, религиозные тексты («Возлюби врага своего»), медиаконтент (образы Шерлока Холмса). Детально проанализированы функции ПФ: номинативная, эмоционально-оценочная (критика социальных явлений, как в примере с «мёртвыми душами»), людическая (игровая трансформация цитат). Особое внимание уделено риторическим стратегиям: сравнению (уподобление улова причёске Хрущёва), пародии (переосмысление чеховского афоризма), иронии (инверсия пословицы «сделать из мухи слона»). Доказано, что ПФ выступают культурными кодами, обеспечивающими смысловую «свёрнутость» анекдота и требующими фоновых знаний, что определяет их роль в репрезентации национальной картины мира.

Ключевые слова: прецедентные феномены, русские анекдоты, лингвокультурология, языковой юмор, риторические стратегии, культурные коды.

Введение

Анекдот, будучи уникальным жанром русской речевой культуры, представляет собой не только средство развлечения, но и значимый объект лингвокультурологического исследования. Его особая выразительность и способность концентрированно отражать социальные реалии, ценности и стереотипы во многом обусловлены активным использованием прецедентных феноменов (ПФ). Данные феномены, определяемые сверхличностной известностью, когнитивно-эмоциональной значимостью и частой апелляцией к ним в дискурсе (Караулов, Красных, Гудков), выступают ключевыми культурными кодами, обеспечивающими юмористический эффект и глубину сатиры. Однако, несмотря на признанную роль ПФ, комплексный анализ их функционирования именно в русском анекдоте, с учетом всего многообразия источников (литературные произведения, социально-политическая жизнь, высказывания, религиозные тексты, медиа) и механизмов реализации юмора (сравнение, пародия, ирония), а также их специфических функций (номинативная, эмоционально-оценочная, людическая), остается актуальной научной задачей. Целью данной статьи является системное исследование природы, типологии (по степени распространенности и внутренней структуре), источников и, главным образом, особенностей функционирования прецедентных феноменов в корпусе русских анекдотов. Научная новизна работы заключается в детальном рассмотрении ПФ как основного инструмента создания анекдотического юмора и сатиры через призму их риторического применения и функциональной нагрузки, что вносит вклад в понимание механизмов русской языковой игры и культурной специфики жанра.

Прецедентные феномены: сущность, типология и системные связи

Исследование явления прецедентности как характеристики единиц, входящих в общий фонд знаний культуры, было инициировано Ю.Н. Карауловым.[1] Он ввел термин «прецедентный текст», определив его через три ключевых признака: 1) значимость для личности в познавательном и эмоциональном планах; 2) сверхличностный характер – текст должен быть широко известен окружению личности, включая предшественников и современников; 3) многократное возобновление обращения к этому тексту в дискурсе языковой личности. Караулов подчеркнул, что такие тексты становятся «фактом культуры в широком смысле слова». Однако последующие исследователи отметили ограниченность термина «текст», так как прецедентность присуща не только вербальным объектам.[2] На основе идей Караулова они предложили более широкое и универсальное понятие «прецедентный феномен» (ПФ). ПФ определяется теми же тремя сущностными характеристиками: 1) сверхличностная известность (хорошая известность всем или подавляющему большинству представителей определенного национально-лингво-культурного сообщества); 2) когнитивная и эмоциональная значимость; 3) постоянное возобновление обращения к феномену в речи представителей сообщества. Критически важным расширением стало признание, что ПФ могут быть как вербальными, так и невербальными. Этот переход

от «прецедентного текста» к «прецедентному феномену» отражает расширение круга изучаемых культурных явлений, включение всего спектра значимых для сообщества артефактов, независимо от их вербальной природы.

Прецедентные феномены как сложные языкокультурные явления обладают разным охватом и известностью. Ученые предложили классификации, основанные на масштабе сообщества, для которого феномен является прецедентным, и степени его известности. В.В. Красных первоначально выделил уровни: социумно-, национально- и универсально-прецедентные. Г.Г. Слышкин развил эту идею, классифицируя ПФ по степени известности и групповой принадлежности: 1) Социумно-прецедентные феномены: известны любому среднему представителю определенного социума (профессионального, возрастного, субкультурного – напр., учителям, студентам, геймерам) и входят в их коллективное когнитивное пространство; могут быть независимы от национальной культуры.[3] 2) Национально-прецедентные феномены: известны любому среднему представителю конкретного национально-лингво-культурного сообщества, входят в национальную когнитивную базу, отражая специфику данной культуры. 3) Универсально-прецедентные феномены: известны любому среднему современному человеку и входят в «универсальную» когнитивную базу Д.Б. Гудков добавил к этой системе еще один важный уровень, акцентируя индивидуальный аспект: 4) Автопрецедентные феномены: это феномены, имеющие особое познавательное, эмоциональное, ценностное значение для отдельно взятой личности; они отражают ее уникальный опыт и ассоциации.[4] На основе синтеза этих подходов современная классификация по степени распространенности включает пять основных категорий: Автопрецедентные; Групповые (специфические социальные группы); Социумнопрецедентные; Национально-прецедентные; Универсально-прецедентные. Классификация Слышкина подчеркивает групповую вариативность внутри социумов.

В.В. Красных предложил также классификацию ПФ по их внутренней структуре, выделив четыре основных взаимосвязанных типа, которые часто служат «ключами» доступа к культурным смыслам: 1) Прецедентное имя (ПИ): Сложный символ (напр., имя человека, персонажа, места – «Обломов», «Шерлок Холмс», «Эльбрус»). [5] ПИ обозначает не конкретный объект, а целый набор характерных черт, ассоциаций и оценок, хранящийся в виде Инварианта Восприятия (ИВ) в когнитивной базе сообщества. ПИ ярко отражают стереотипы, ценности и нормы культуры. 2) Прецедентный текст (ПТ): Целостный, связанный продукт речемыслительной деятельности, обладающий культурной значимостью. Это может быть текст любой длины и формы (от пословицы до эпоса, включая кинофильмы, песни, анекдоты, рекламные слоганы – «Война и мир», «Мертвые души», «Ирония судьбы»). Значение ПТ не сводится к сумме значений его частей. 3) Прецедентное высказывание (ПВ): Устойчивая, часто воспроизводимая (дословно или в трансформированном виде) цитата или фраза, вышедшая за пределы исходного текста и ставшая «крылатым выражением» («Кто виноват?», «Что делать?», «А Васяка слушает да ест»). ПВ имеет глубинный, часто непредсказуемый по буквальному смыслу, культурно-коннотированный смысл. 4) Прецедентная ситуация (ПС): «Классическая», эталонная (реальная или вымышленная) ситуация, несущая определенное культурное значение и легко вызывающая в сознании комплекс ассоциаций («Ходынка», «Полтавская битва», «Ромео и Джульетта», «бой курантов в полночь»). Критически важно, что эти четыре типа тесно взаимосвязаны и динамичны: ПИ или ПВ могут

активировать ПС или ПТ; ПС может быть вербализована через ПВ или ПИ; ПТ «порождает» ПВ и ПИ. В дискурсе они часто выступают в «наложенном» виде. По форме выражения (Красных) ПФ делятся на: Вербальные (собственно ПИ, ПВ, а также ПТ и ПС, которые могут быть вербализованы) и Невербальные (живопись, скульптура, архитектура, музыка – напр., «Черный квадрат», музыка Бетховена). Обращение к невербальным ПФ в речи происходит через их вербальные обозначения (имена, описания).

Источники прецедентных феноменов в русских анекдотах

«Анекдот – как жанр, как вид, как форма, как структура – это сугубо российско-советское изобретение, эффективный и очень изящный способ сомодекларации (и российско-советской культуры, и российско-советского человека)».[6] Русские анекдоты, являясь особой призмой, юмористически отражают общественные проблемы во всех сферах жизни (политика, экономика, семья и т.д.) и отношение к ним, однако их юмор часто непонятен иностранцам из-за обилия прецедентных феноменов, требующих глубокого знания российского культурного контекста.[7] Текст анекдота может распространяться через различные каналы, в процессе распространения анекдоты не являются оригинальными, а «слышанным», является «репродукцией».[8] С точки зрения теории прецедентных феноменов лингвокультурологии, можно обнаружить, что русские анекдоты содержат очень богатые прецедентные феномены. Прецедентные феномены в русских анекдотах в основном происходят от литературных произведений, социально-политической жизни, известных высказываний, пословиц, поговорок и классических произведений православной церковности, массовых средств массовой информации и т.д.

Происходящее из литературных произведений

Литературные произведения, являясь языковыми единицами, состоящими из полипредикативных единиц, обладают богатым потенциалом для извлечения прецедентных текстов. Имена персонажей, созданных в произведениях, названия произведений, типичные ситуации, описанные в текстах, могут в различных степенях эволюционировать в прецедентные феномены, наслаждающиеся народами текста, а также народами всего мира.[9]

Поймал мужик **золотую рыбку**: –Хочу ювелирный завод , коттедж и машину.

Рыбка: – Хорошо , но в кредит или по лизингу...

– Так , выбирай: на сливочном масле или на растительном.

(老人抓到了金鱼:“我想要首饰厂、豪宅和车。”)

金鱼回答:“好啊,是贷款还是租赁.....”

老人回答说:“这样,你选一下,是想要奶油还是植物油。”)

Этот анекдот, основанный на прецедентном тексте пушкинской «Сказке о рыбаке и рыбке» (известной каждому россиянину истории о старике, поймавшем волшебную рыбку, и его жадной жене), использует имя «золотая рыбка» для создания юмора через контраст: здесь старик и рыбка угрожают друг другу, а не исполняют желания.

Происходящее из социальной реальности, включая исторические события, лозунги и другие

Как называется причёска Хрущёва?

Урожай 1963 года.

(赫鲁晓夫是什么发型?)

发型名是:丰收1963。)

В этом анекдоте затрагивается прецедентное имя «Хрущёв» и прецедентная ситуация с урожаем в Советском Союзе в 1963 году. Хрущёв, бывший высшим руководителем Советского Союза, пытался увеличить продукцию зерна путём массового освоения пустынных земель и распространения кукурузных плантаций. Однако из-за отсутствия научного обоснования и игнорирования естественных условий, эти меры привели к экологическому разрушению и нестабильности сельскохозяйственного производства, в результате чего, когда наступила засуха в 1963, сельскохозяйственная ситуация ещё больше ухудшилась. В этом анекдоте используется прецедентное имя для вызова ассоциаций, связывая образ Хрущёва без волос на голове с трагическими событиями в сельском хозяйстве 1963 года, что делает сатиру анекдота более яркой.

Происходящее из известных высказываний, пословиц, поговорок и т.д.

1) Краткость в романе была, но не хватало её брата.
(Эта篇小说中“简洁”是有了, 但还缺少它的“兄弟”。)

Этот анекдот заимствует известную фразу русского писателя Антона Чехова «краткость – сестра таланта» и умело заменяет слово «талант» на «брат», что означает, что у романа есть краткость, но отсутствует литературный дар. Используя эту фразу знаменитости, всего одним простым предложением, он даёт оценку роману. Для понимания этого анекдота необходимо хорошо понимать исходную фразу, иначе её юмор будет не так ясен.

2) –Время, –сказал он, – которые мы имеем,
– это деньги, которые мы не имеем.
(他说: 时间我们是有
但钱没有。)

В этом анекдоте присутствует прецедентное высказывание «Время – это деньги». Поговорка в первоначальном виде сравнивает время с деньгами, чтобы описать его ценность, но в анекдоте «Время – это деньги» используется в буквальном смысле, где время напрямую равноденно деньгам, что вызывает усмех о том, что у него «нет денег». Это даёт анекдоту дополнительный шарм и юмор.

Происходящее из классики Православия

Православные идеи в России коренными. Библия не только содержит древние мифы и легенды, но и является «универсальной энциклопедией» по истории, законодательству, морали и обычаям, также она собрала разнообразные стихи, народные песни, рассказы, является источником культурных аллюзий, которые широко распространены по всему миру.[10] Слова, персонажи, аллюзии, происходящие из Библии, часто появляются в русских анекдотах, но, как правило, они используются в искажённом виде для создания юмористического эффекта.

– Батюшка, алкоголь – враг здоровью?
– Враг.
– почему вы его потребляете?
– А как сказано в Писании:» **Возлюби врага своего**».
(“神甫, 酒精是健康的大敌吗?”
“是的。”
“那您为什么要饮酒呢?”
“正如圣经上所述: “要爱自己的敌人”。)

В этом анекдоте прецедентное высказывание «Возлюби врага своего» происходит от слов Иисуса: «Я дам вам новую команду: любите своих врагов». Её исходное значение заключается в том, что «не так сложно ненавидеть врага, но любить врага требует смотреть на него с более высокой точки зрения». В этом анекдоте священный искажает религиозные доктрины, используя эту

фразу для оправдания своего употребления алкоголя, что создаёт ироничный эффект, вызывающий смех.

Происходящее из массовых средств массовой информации, включая рекламу, новости, песни, фильмы и другие

Холмс и Ватсон гуляют по Лондону. На одной из улиц Холмс говорит: «Ватсон, за углом этого дома нас побьют».

– «Не может быть, Холмс!» Они завернули за угол и их побили.

Ватсон спрашивает: «Холмс, как Вы догадались, что нас побьют?»

– «Элементарно, Ватсон. Вчера я здесь не в меру выпендривался».

(福尔摩斯和华生在伦敦散步。 在一条街道上福尔摩斯说“华生, 在这房子的拐角处我们会被打”。

“这不可能! 福尔摩斯”。 他们转过街角就被打了。

华生问“福尔摩斯, 你是怎么猜到我们会挨打的?”

“很简单华生, 昨天我在这里炫耀得太过了”。)

Этот анекдот происходит от прецедентных имён Холмс и Ватсон, а также связанных с ними ассоциаций с известными сценами из драма «Шерлок Холмс». В телевизионном сериале Холмс является распространителем мировых знаний и экспертом по дедукции, а Ватсон играет роль удивлённого дурака. Благодаря существованию прецедентных феноменов, читатели могут ожидать от Холмса объяснения, основанного на логике и наблюдении, но он даёт простое и неожиданное объяснение, что и является причиной юмора этого анекдота.

Источники прецедентных феноменов в русских анекдотах не только демонстрируют богатые культурные традиции и социальную жизнь России, но и показывают умение создания и воссозданных анекдотов, используя классические произведения, социально-политические события, языковые привычки, религиозную культуру и массовые средства массовой информации. Использование прецедентных феноменов в русских анекдотах не только добавляет юмор, но и позволяет анекдотам в то же время вызывать размышления о социальных явлениях.

Особенности использования прецедентных феноменов в русских анекдотах

Функции прецедентных феноменов в русских анекдотах

Чтобы анекдот достигнул желаемого эмоционального тона, необходимо, чтобы слушатели проявляли сочувствие к эмоциям, выражаемым в анекдоте. У прецедентных феноменов есть номинативная функция, людическая функция игры и функция эмоциональной оценки, которые тесно связаны друг с другом. Анекдоты считаются литературным жанром, богатым прецедентными феноменами, и иногда комбинируются с прецедентными текстами, высказываниями, ситуациями и именами, создавая неожиданные эффекты для достижения юмористического и комичности.

Номинативная функция. В 1998 году российский учёный В.Г. Галка определил «номинация» в своих работах как понятие, которое считает номинацию за символическое выражение всего объективно существующего или выдуманного воображения. Прецедентные феномены, как важная составляющая текстового строительства, также имеют функцию наименования. В русских анекдотах содержание и ситуации, о которых хочется рассказать, иногда слишком сложны, и для упрощения общения, используя номинативную функцию прецедентных феноменов, вызывается ассоциация с реальными

ситуациями, что позволяет слушателям быстрее и эффективнее понимать, а рассказчику выражаться более ясно и кратко.

Фактически, прецедентный феномен может выполнять функцию наименования в том, что он сам является многоуровневой композитной структурой, несущая богатые уровни содержания, конкретно разделёнными на три уровня: 1) поверхностное значение, то есть совокупность буквального значения составляющих; 2) глубинное значение, которое не совпадает с поверхностным значением, но все ещё является совокупности семантических компонентов, составляющих лексико-грамматической структуры прецедентных высказываний. Например, «Опять ты опаздываешь». Поверхностное значение «Ты опять опаздываешь», глубинное значение – обвинение в опоздании; 3) системное значение, которое является совокупность поверхностного значения, глубинного значения и коннотативного значения. Системное значение иногда является потенциальным, иногда же скрытым. Если оно скрытое, понимание его требует использования связанных с текущей ситуацией прецедентных текстов и ситуаций.[11]

Например, когда появляется прецедентное имя «Барби» (芭比), его поверхностное значение означает кукла. Однако для понимания его системного значения необходимо ассоциироваться с связанными прецедентных ситуаций: поскольку у неё ангельское лицо и дьявольная фигура, это кукла, которая покорила мир в течение 50 лет, и в сознании русского народа символизирует молодость и красоту. [12] Когда люди хотят выразить в своём сознании, что что-то популярно и обладает характеристиками молодости и красоты, они могут использовать прецедентное имя «Барби».

Встретились два друга. Один и спрашивает:

- Как работаете?
- Как в лесу! Что ни начальник – дуб, что ни подчиненный – пень, что ни бумага-липа.
- А как живёшь?

Как в сказке! Дома теща – **Баба-яга**, жена – **ведьма**, соседка – **Царевна-Лягушка**, а её муж – **Иванушка-дурачок**.

(两个朋友见面了。其中一个问：

– 工作怎么样？

– 就像在森林里一样，一团乱麻！无论是橡树一样的领导，树桩一样的下属，还是像纸浆一样没用的文件。

– 那生活怎么样？

就像童话故事里一样！家里的岳母是巴巴亚嘎，妻子是巫婆，邻居是青蛙公主，而她的丈夫是小傻瓜伊万。)

Этот анекдот использует прецедентные имена, такие как Баба-Яга, ведьма, Царевна-Лягушка, Иванушка-Дурачок, которые являются персонажами в народных сказках. Баба-Яга в сказках – это старая ведьма, которая живёт в деревянном доме на ножках утки в лесу. Её глубинное значение – это злая, болтливая и некрасивая старуха. Ведьма – это колдунья в суеверных представлениях, и её глубинное значение – это женщина, которая любит ссориться. Царевна-Лягушка происходит из русской народной сказки «Царевна-Лягушка», и её глубинное значение – это женщина, обладающая красотой, трудолюбием, добротой и мудростью. Иванушка-Дурачок – это известный герой русских народных сказок, символический персонаж «глупого человека с глупой удачей», и его глубинное значение – это простодушный, беззлобный, иногда даже глупый, но очень счастливый мужчина. Персонажи анекдота сожалеют о своей неудачной жизни: теща злая и некрасивая, жена – ссорливая злая женщина, а соседка – красивая и умная, работоспособная, а её муж – глупый, но счастливый человек, который смог жениться на такой красивой и трудоспособной же-

не. Использование простых прецедентных имён может представлять целую серию характеристик персонажей, что делает анекдот легко понимаемым и полным юмора.

Функция эмоциональной оценки. Прецедентный феномен обладает сверхличностным характером, то есть известен всем членам этнической лингвокультурной общины, и у них есть общее, основное понимание этого феномена, то есть НДМП (национально-детерминированные минимизированные представления), которое включает: 1) дифференциальные признаки; 2) атрибуты, вызывающие связанные ассоциации в культурном сознании этой нации; 3) соответствующие оценки. Эмоциональная функция прецедентного феномена заключается в том, что говорящий использует этот феномен для выражения своего субъективного чувства, отношения и т.д. к содержанию речи.[13] Эмоционально-оценочная функция прецедентного феномена в анекдотах заключается в том, что в конкретной ситуации говорящий выражает через прецедентный феномен своё отношение и чувства к кому-либо или чему-либо, например, любовь, отвращение или нейтральность.

Фирма уклонилась от 24 млн рублей таможенных платежей. При расследовании выяснилось, что генеральный директор фирмы и единственный учредитель – мёртвая души, не хуже чичиковских, он умер за полгода до регистрации предприятия.

(该公司...逃避了2400万卢布的关税。在调查过程中，发现该公司的总经理及唯一的创始人是一个死人，与乞乞科夫手头的死农奴毫无二致，他在公司注册半年前就已经去世了。)

Этот анекдот является разоблачением неприемлемого способа одной компании избегать таможенных платежей, в котором появляется прецедентный текст «мёртвые души». Это заставляет людей ассоциировать текущую ситуацию с персонажем Чичикова из романа «Мёртвые души», который покупал имена крепостных крестьян, которые умерли, но ещё не были сняты с налоговой базы данных, чтобы получить кредиты и повысить свою социальную позицию, накопить богатство. Основной контекст анекдота заключается в описании нарушения компании в уклонении от налогов, автор сравнивает прецедентного имени «Чичиков» с основателем компании, что имеет сильный критическую окраску и демонстрирует критику автора к такому явлению.

Людическая или игровая функция. В общении важно правильно выразить свои мысли, но часто ещё более важно то, как это делается. Использование прецедентного феномена является одним из способов «языковой игры», которая во многих случаях может оживить атмосферу, укрепить чувства и сблизить людей в общении. [25] Игровая функция обычно проявляется в использовании прецедентного феномена в шутках, обычно происходит в начале общения и в ситуациях, когда стороны разговора устанавливают хорошие отношения. Эта функция проявляется в том, что языковой носитель не только хочет выразить свои мысли, но и найти подходящий способ их выражения. Другими словами, это желание сделать свои слова более эмоциональными, более трогательными и таким образом оказать влияние на слушателя, вызвать явление языковой игры.[15]

Едет богатырь в чистом поле и видит камень. А на камне написано:

- Прямо пойдёшь – коня потеряешь
- Направо пойдёшь – жизнь потеряешь
- Налево пойдёшь – дома поговорим.

Василиса.

(勇士在空旷的田野上看见了一个石头，石头上写着：直走—你的马会丢。往右走—你会没命。)

往左走 (俄语中又可译为出轨) – 我们回家谈谈。
瓦西里萨)

В этом примере цитируется прецедентное высказывание, происходящая из сказки: «направо пойдёшь – коня потеряешь, налево пойдёшь – голову потеряешь, прямо пойдёшь – жену найдёшь», и на этой основе эта фраза была изменена. Кроме изменения формы, также произошли изменения в смысле, относящиеся к категории «ложного цитирования». В этом анекдоте надпись на огромной скале оставлена женой богатыря Василисой. В русской культурной традиции, «налево пойдёшь» означает не только «пойти налево» по букве, но и «женых изменит» в переносном смысле. После понимания такой культурной подоплёки, перечитывание этого анекдота кажется увлекательным, на самом деле это предупреждающее письмо от жены к мужу, предупреждающее его, что если он «пойдёт налево», то ему придётся вернуться домой и хорошо поговорить об этом. Именно благодаря игровой функции прецедентных феноменов, через цитирование и игру с элементами классических сказок или культурных концепций, был создан юмор и развлекательный эффект.

Риторические средства прецедентного феномена в русских анекдотах

Для русского анекдота характерен в первую очередь «языковой юмор, реализуемый посредством каламбуров, метафор, гипербола и сравнений».[16] Прецедентный феномен русских анекдотов является обширным хранилищем языкового юмора. Риторическое средство является важным способом создания языкового юмора, и с его помощью текст может вызывать юмористические, остроумные и неожиданные эффекты.

Сравнение.

- Володя, говорят, что ты уезжал за город на рыбалку в прошлую субботу. Какой урожай у тебя был?
- Ой, урожай выражался в позорных цифрах, как причёска **Хрущёва**!

(“瓦洛佳, 听说你上周六去郊外钓鱼了, 收获怎样?”

“唉, 别提了! 收获就和赫鲁晓夫的发型一样, 少得可怜!”)

Предыдущий пример имени «Хрущёв» имеет неизбежное изображение лысого головы. Поэтому в этом анекдоте причёска Хрущёва используется в качестве сравнения для представления очень невеликого количества ловли рыбы, что является ярким и забавным.

Пародия. Пародия – это богатая в изобретательности риторическая фигура, которая, в соответствии с потребностями выражения и передачи мысли, предоставляет аудитории новую точку зрения для понимания и оценки имитируемого объекта через имитацию и реконструкцию. Он в основном воспроизводит стиль, форму или содержание другого произведения через пародирование или пародистический способ, с целью достичь эффекта юмора, сарказма или критики. При использовании обычно выбираются известные языковые материалы, такие как идиомы, поговорки, известные высказывания, максимы. Пародия является органичным сочетанием имитационности и творчества.

В человеке должно быть всё прекрасно:

и зарплата, и квартира, и машина, и жена.

(人的一切都应该是美好的:

工资、房子、汽车和妻子。)

В этом примере пародия основана на известной фразе из пьесы Чехова «Дядя Ваня»: «В человеке должно быть всё прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли.» Благодаря этой остроумной пародии, автор легко выражает скрытую в тексте иронию и насмешку, вызывая у читателя неудержимое смех.

Ирония. Это способ выражения мысли не с прямой стороны, а с обратной, также известный как обратная ирония. Используя его для аргументации, он более мощный, чем прямое изложение, и для сарказмической критики он более эффективен, чем прямой разговор, и обладает более сильным юмористическим эффектом.

Об обер-полицеймейстере Кокошкине Петербурге говорили тогда много ужасающего и нелепого, но, между прочим, утверждали, что он обладает удивительным многосторонним тактом и при содействии этого такта не только «умеет сделать из мухи слона, но так же легко умеет сделать из слона муху».

(圣彼得堡上层警官科科什金当时说了很多骇人听闻的荒唐话, 但顺便说一句, 他断言自己拥有惊人的多才多艺, 在这种机智的帮助下, 不仅“能小题大做, 还能大事化小”。)

В анекдотах, прецедентное высказывание – поговорка «сделать из мухи слона» является выражением русской народной мудрости, здесь автор с изяществом использует её в противоположном смысле, создавая противоположную ей вариацию «сделать из слона муху». Несколько строчек, и образ начальника полиции нарисован с выразительностью, и сатирический и юмористический смысл здесь не нуждается в дополнительном объяснении.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает, что прецедентные феномены (ПФ) являются неотъемлемым структурным и смыслообразующим элементом русских анекдотов, выступая ключевым механизмом создания их юмористического и сатирического потенциала. Анализ обширного корпуса анекдотов демонстрирует, что ПФ, заимствованные из литературных произведений, социально-политической реальности, религиозных текстов, фольклора и массмедиа, выполняют в жанре многофункциональную роль: обеспечивают номинативную емкость и лаконизм, служат инструментом эмоционально-оценочной характеристики (часто критической или иронической), реализуют людическую (игровую) функцию через трансформацию исходных смыслов и цитирование. Особенно значимо их использование в риторических стратегиях сравнения, пародии и иронии, где контраст между прецедентным инвариантом восприятия (ИВ) и новой контекстуальной реализацией генерирует комический эффект.

Исследование показало, что ПФ в анекдотах выступают концентрированными культурными кодами, обеспечивающими «свернутость» смысла и требующими от реципиента фоновых знаний. Это обуславливает как их эффективность для носителей культуры, так и трудности интерпретации для внешней аудитории. Таким образом, прецедентные феномены не только формируют юмористическую ткань анекдота, но и служат мощным средством репрезентации национальной картины мира, социальной рефлексии и сохранения культурного наследия, что определяет их значимость для лингвокультурологии и исследований межкультурной коммуникации.

Литература

1. Караулов Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // VI Международный конгресс МАПРЯЛ. Доклады советской делегации: сб. докл. – М., 1986.
2. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: Айрис-пресс, 2002. – С. 44–47.
3. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Академия, 2000. – С. 29.

4. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: Гнозис, 2003. – С. 101–104, 146.
5. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003. – С. 170–171.
6. Соколов Е.Г. Русская культура как феноменологический анекдот // Материалы круглого стола Санкт-Петербургского философского общества. – 2002. – С. 118–119.
7. Чи Ю. Феномен «перекрытия» прецедента в русских анекдотах – на примере «Истории о рыбаке и золотой рыбке» // *Russian Learning*. – 2016. – № 2. – С. 43–48.
8. Лэн С., Ван Ц. О жанровых особенностях современных русских анекдотов // *Russian Literature and Art*. – 2022. – № 1. – С. 150.
9. Чжу Х. Анализ феномена прецедента в русских литературных произведениях разных периодов – на примере «Басен Крылова», «Братьев Карамазовых» и «Поколения Pepsi»: дис. ... канд. филол. наук. – Чанчуньский технологический университет, 2022. – С. 15, 31.
10. Дин С. Исследование русских идиом. – Пекин: Военное изд-во Ивэнь, 2001. – С. 56.
11. Лю С. Исследование феномена прецедента в русских политических анекдотах: дис. ... канд. филол. наук. – Северо-Восточный педагогический университет, 2011. – С. 8, 12–13.
12. Ли С., Чжао В. Прецедентные имена в современной русской рекламе // Исследования иностранных языков. – 2009. – № 3. – С. 43–44.
13. Пэн В. Систематическая структура и взаимосвязь русского культурного пространства // *Журнал Харбинского технологического института* (изд. по соц. наукам). – 2013. – № 1. – С. 107–112.
14. Чжао А. Теория прецедентов и ее исследование – интерпретация с точки зрения когнитивной психологии и кросс-культурной коммуникации // *Иностранные языки и преподавание иностранных языков*. – 2006. – № 9. – С. 2–5.
15. Чжан Ж. Исследование феномена прецедента в русских волшебных сказках: дис. ... канд. филол. наук. – Университет Цзилинь, 2021. – С. 17–20.
16. Крылова М.Н. Сравнение как средство конструирования юмористических высказываний // *Филология и человек*. – 2016. – № 4. – С. 139.

PRECEDENT PHENOMENA IN RUSSIAN ANECDOTES

Guo Yuying

Soochow University

The article presents a comprehensive study of precedent phenomena (PP) as a key mechanism for the formation of humor and satire in Russian anecdotes. Based on the analysis of the text corpus, the sources of PP were identified and systematized: literary works (for example, Pushkin's "The Tale of the Fisherman and the Fish"), socio-political realities (the figure of Khrushchev, the events

of 1963), folklore, religious texts ("Love your enemy"), media content (images of Sherlock Holmes). The functions of PP were analyzed in detail: nominative, emotional-evaluative (criticism of social phenomena, as in the example with "dead souls"), ludic (game transformation of quotes). Particular attention is paid to rhetorical strategies: comparison (likening the catch to Khrushchev's hairdo), parody (rethinking Chekhov's aphorism), irony (inversion of the proverb "to make a mountain out of a molehill"). It is proven that PF act as cultural codes that provide the semantic "convolution" of the joke and require background knowledge, which determines their role in representing the national picture of the world.

Keywords: Precedent Phenomena, Russian Jokes, Linguacultural Studies, Language Humor, Rhetorical Strategies, Cultural Codes.

References

1. Karaulov Yu.N. The Role of Precedent Texts in the Structure and Functioning of Linguistic Personality // VI International Congress of MAPRYAL. Reports of the Soviet Delegation: Sat. Reports. – Moscow, 1986.
2. Krasnykh V.V. Ethnopsycholinguistics and Linguocultural Studies. – Moscow: Iris-press, 2002. – P. 44–47.
3. Slyshkin G.G. From Text to Symbol: Linguocultural Concepts of Precedent Texts in Consciousness and Discourse. – Moscow: Academy, 2000. – P. 29.
4. Gudkov D.B. Theory and Practice of Intercultural Communication. – M.: Gnosis, 2003. – P. 101–104, 146.
5. Krasnykh V. V. "Ours" among "strangers": myth or reality? – M.: Gnosis, 2003. – P. 170–171.
6. Sokolov E.G. Russian culture as a phenomenological anecdote // *Proceedings of the round table of the St. Petersburg Philosophical Society*. – 2002. – P. 118–119.
7. Chi Yu. The phenomenon of "overlapping" precedent in Russian anecdotes – on the example of "The Story of the Fisherman and the Goldfish" // *Russian Learning*. – 2016. – No. 2. – P. 43–48.
8. Len S., Wang Q. On the genre features of modern Russian anecdotes // *Russian Literature and Art*. – 2022. – No. 1. – P. 150.
9. Zhu H. Analysis of the phenomenon of precedent in Russian literary works of different periods – on the example of "Krylov's Fables", "The Brothers Karamazov" and "Pepsi Generation": dis. ... Cand. Philological Sciences. – Changchun University of Technology, 2022. – P. 15, 31.
10. Ding S. Study of Russian idioms. – Beijing: Yiwon Military Publishing House, 2001. – P. 56.
11. Liu S. Study of the phenomenon of precedent in Russian political jokes: dis. ... Cand. Philological Sciences. – Northeast Normal University, 2011. – P. 8, 12–13.
12. Li S., Zhao W. Precedent names in modern Russian advertising // *Foreign language studies*. – 2009. – No. 3. – P. 43–44.
13. Peng W. Systematic structure and interrelation of Russian cultural space // *Journal of Harbin Institute of Technology* (social sciences publication). – 2013. – No. 1. – P. 107–112.
14. Zhao A. Precedent theory and its research – interpretation from the point of view of cognitive psychology and cross-cultural communication // *Foreign languages and teaching foreign languages*. – 2006. – No. 9. – P. 2–5.
15. Zhang J. Study of the phenomenon of precedent in Russian fairy tales: dis. ... cand. philological sciences. – Jilin University, 2021. – P. 17–20.
16. Krylova M.N. Comparison as a means of constructing humorous statements // *Philology and Man*. – 2016. – No. 4. – P. 139.

Кондакова Лариса Игоревна,

к.м.н., доцент, доцент кафедры гистологии, эмбриологии, цитологии, Волгоградский государственный медицинский университет

E-mail: larisakondakova@gmail.com

Доника Алена Дмитриевна,

д.с.н., профессор, заведующий кафедрой безопасности жизнедеятельности Института общественного здоровья, Волгоградский государственный медицинский университет

E-mail: aadonika@yandex.ru

Сегодня одной из перспективных форм продвижений инноваций в российской практике является технология стартапов, создание которых направлено на производство нового продукта или услуги для решения актуальных проблем общества. Социальное значение интеграции стартапов в научную практику обусловлено их влиянием на культурный код ученого, этос которого постулирован Р. Мертоном. Включение в команду стартапа молодых ученых обуславливает его влияние на их инкультурацию, отражая социальные механизмы воспроизводства научных кадров. Формирование междисциплинарных команд при разработке стартапов создает новые паттерны коммуникации, позволяющие эффективно координировать совместную деятельность и достигать успеха в реализации амбициозных проектов. Представлена социологическая оценка продвижения стартапа как инновационной техники по критериям структуры, динамики и экономической рефлексии коммерциализации научных достижений. Работа выполнена в методологии социологических теорий среднего уровня.

Ключевые слова: научный этос, стартап, прикладные научные исследования, образовательная среда, этико-правовые вызовы.

Введение. Высокие темпы развития технологий во всех сферах жизни требуют новых форм и техник инновационной деятельности, во многом зависящих от инвайронментальных факторов экономической среды (цифровизация, импортозамещение, создание экосистем и др.). Одной из перспективных форм продвижений инноваций многие исследователи считают технологию стартапов, в целом способствующих социальному преобразованию и развитию общества [11, 12]. Социальное значение интеграции стартапов в научную практику обусловлено их влиянием на культурный код ученого, этос которого постулирован Р. Мертоном символом CUDOS [4]. Включение в команды стартапов молодых ученых обуславливает их влияние на инкультурацию, отражая социальные механизмы воспроизводства научных кадров. В этой связи исследовательский интерес представляет оценка структуры и динамики продвижения стартапов в научном поле социологических теорий среднего уровня.

Цель работы – социологическая оценка продвижения стартапа как инновационной техники по критериям структуры, динамики и экономической рефлексии коммерциализации научных достижений.

Материалы и методы. Методологические подходы к решению исследовательских задач реализованы с позиций социологических теорий среднего уровня (социология культуры, социология науки, социология экономики) с применением эмпирических данных, открытых официальных баз данных, с глубиной поиска в 12 лет¹²,. Статистическая обработка данных осуществлялась с использованием пакета Excel Statistics 20,0.

Результаты и их обсуждение. Операционально создание стартапа направлено на производство нового продукта, услуги, а также создания нового решения имеющейся проблемы в обществе [7]. Стартапы стимулируют привлечение инвестиций на внедрение результатов научной и интеллектуальной деятельности ученых. Технологические стартапы базируются на преобразование новых знаний, инновационного мышления в научные инновационные разработки, полученные в ходе прикладных научных исследований с последующей коммерциализацией продукта или услуги, востребованных рынком [9].

Так в 2022 году Минобрнауки запустил федеральный проект «Платформа университетского технологического предпринимательства», направленный на создание и развитие технологических стартапов. Анализ реализации федерального проекта «Платформа университетского технологического предпринимательства» за 2022–2024 года выявил тенденцию к преобладанию в рейтинге Топ-1000 стартапов платформы проектов по направлению цифровые технологии и их росту на 30,82% в 2024 году (рис. 1). Это связано с цифровизацией процессов в государственных и частных компаниях, что позволяет оптимизировать бизнес-процессы, оказание услуг и быть конкурентоспособными на мировой арене. Внедрение новых цифровых идей и технологий, таких как цифровизация здравоохранения, цифровое правительство и др. приводит к улучшению качества жизни

¹ <https://rating.univertechpred.ru/>

² <https://rosstat.gov.ru/folder/154849?ysclid=m8x4so7b-bn184189471>

и трансформации социокультурной среды и общественных отношений. Однако наряду с преимуществами цифровизации, существуют правовые и этические вызовы, такие как защита личных данных, представление равного доступа к инновационным технологиям, которые требуют государственного контроля и регулирования.

Рис. 1. Доля стартапов в рейтинге Top-1000 по технологическим направлениям в 2022–2024 годах

Примечание. По оси ординат: направления стартапов. По оси абсцисс: доля в %

Рост доли стартапов в рейтинге Top-1000 стартапов платформы с 2022 по 2024 года по направлениям креативные индустрии, медицина и здоровье составил 5,13 и 23,66% соответственно, что обусловлено развитием технологий искусственного интеллекта.

Лидером по количеству стартапов в рейтинге Top-1000 в 2022 и 2023 годах являлась Москва (184 и 196 соответственно). В 2024 году количество стартапов снизилось на 9,18% (рис. 2). Лидером среди вузов Москвы по количеству стартапов стали Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет) и Сеченовский университет, прирост за 2 года на 28,6 и 266,7% соответственно (рис. 3). Однако в 2024 году лидирующую позицию заняла республика Татарстан – 251 стартап, рост составил 41,8% (см. рис. 2). Этому способствовало создание экосистемы, активного взаимодействия инвестиционно-венчурного фонда Татарстана с венчурными компаниями и крупными государственными и частными организациями.

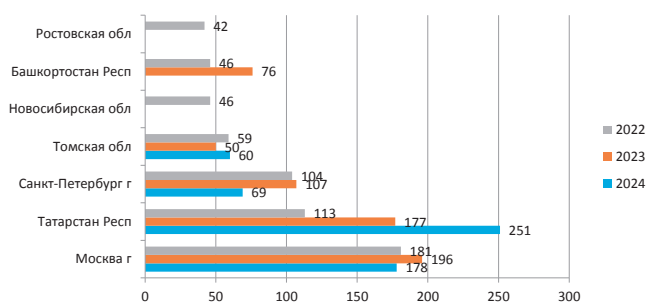

Рис. 2. Число стартапов в рейтинге Top-1000 по регионам в 2022–2024 годах

Примечание. По оси ординат: название регионов. По оси абсцисс: число в абс.ед.

Полученные данные подтверждают лидерством вузов Казани в рейтинге Top-1000 стартапов по числу стартапов. Так лидером по количеству стартапов в 2024 году стал Казанский (Приволжский) федеральный университет – 55 стартапов (рост на 89,66% по сравнению с 2022 годом). На втором месте Казанский национальный исследовательский технологический университет – 32 стартапа в 2024 году (рост на 52,3% по сравнению с 2022 годом) (рис. 3), что подтверждается ростом за 2022 и 2023 годы показателей востребованности пу-

бликаций (по данным elibrary.ru) – количества цитирований в РИНЦ на 9,16 и 5,2% соответственно.

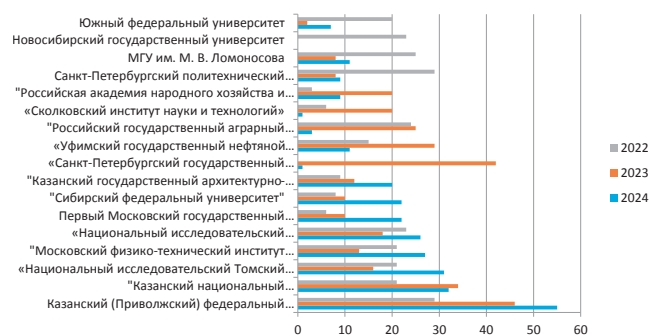

Рис. 3. Число стартапов в рейтинге Top-1000 по вузам в 2022–2024 годах

Примечание. По оси ординат: название вузов. По оси абсцисс: число в абс.ед.

Вузы разрабатывают и внедряют современные образовательные, в том числе магистерские программы, развивающие предпринимательские компетенции, необходимые для создания и развития стартапов, их коммерциализации, трансфера технологий и др.

Для развития предпринимательских навыков Сеченовский университет в 2023 году при участии Сбер, ГК «Р-Фарм» и STADA начал реализовывать двухгодичную магистерскую программу «Предприниматель в биомедицине». В 2022 году Национальный исследовательский Томский политехнический университет, занимающий третье место среди вузов по количеству стартапов в 2024 году (прирост к 2022 году составил 46,7%) (см. рис. 3) начал реализовывать магистерскую программу «Технологическое предпринимательство в медицине», включающую технические, медицинские и маркетинговые дисциплины.

Это подтверждается увеличением в Российской Федерации доли малых предприятий, внедряющих технологические инновации. Рост в 2023 году по отношению к 2021 году составил 5,6%, в республике Татарстан – 62,8%, в Москве выявлено снижение на 12,3% (см. рис. 4).

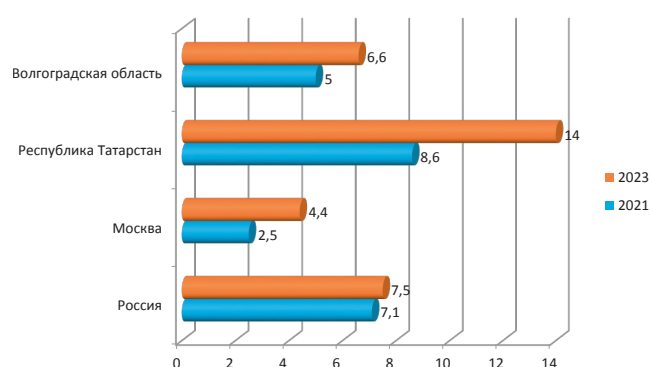

Рис. 4. Удельный вес малых предприятий, осуществлявших технологические инновации в общем числе малых предприятий по субъектам Российской Федерации в 2021–2023 годах

Примечание. По оси ординат: название субъектов Российской Федерации. По оси абсцисс: удельный вес в %.

В 2024 году в рейтинге Top-1000 стартапов от Волгоградского региона вошли проекты от трех вузов города (совместно с филиалами). Среди них два проекта по технологическим направлениям «новые приборы и производственные технологии» и «креативная индустрия» от Волгоградского кооперативного института (филиала)

«Российского университета кооперации». Ещё два проекта были представлены Волгоградским государственным университетом, один по направлению «робототехника», другой – в «креативной индустрии». Наибольшее количество проектов, вошедших в рейтинг Топ-1000 стартапов – четыре – от Волгоградского государственного медицинского университета по направлению «медицина и здоровье» (рис. 5).

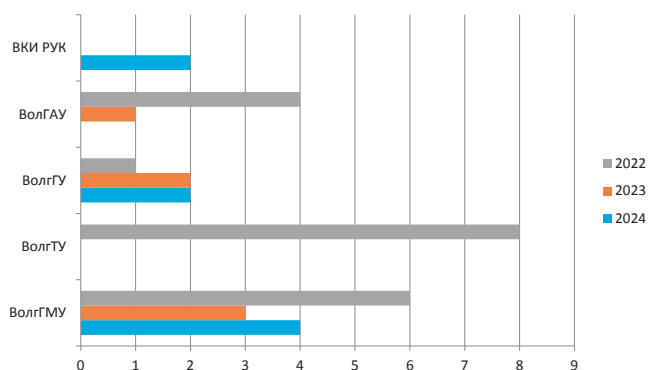

Рис. 5. Число стартапов в рейтинге Топ-1000 по вузам Волгоградской области в 2022–2024 годах (совместно с филиалами)

Примечание. По оси ординат: название вузов. По оси абсцисс: число в абс.ед.

В Волгоградской области оказание поддержки по созданию стартапов осуществляется как на вузовском уровне, так и на региональном, и на федеральном. В Волгоградском государственном университете активно работает «Акселератор» ВолГУ, направленный на формирование предпринимательских компетенций, обучение в создании и запуске стартапов. В Волгоградском государственном медицинском университете активно работает проектный офис, который помогает студентам в создании социальных и инновационных проектов и стартапов. В Волгоградском государственном техническом университете, несмотря на отсутствие стартапов в рейтинге Топ-1000, активно ведется деятельность по их развитию и поддержке. С 2021 года в Волгоградском государственном техническом университете стартовала программа «Стартап как диплом», в рамках которой студенты вместо выпускной квалификационной работы разрабатывают стартап.

На региональном уровне с 2018 года АО «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства» реализует финансовые программы направленные на поддержку стартапов.

На федеральном уровне ежегодно проводятся специальные конкурсы, гранты на создание стартапов: от Фонда содействия инновациям, охватывающие аудиторию со школьного возраста, премия Минэкономразвития для поощрения предпринимателей от 16 до 30 лет за значимые инвестиционные проекты. Крупные финансовые частные компании также оказывают поддержку по созданию стартапов через запуск акселераторов, студенческих-бизнес-инкубаторов, образовательные программы и др.

Однако участие в данных проектах требует дополнительных знаний и умений по подготовке пакета документов, в поиске индустриального партнера, коммуникация с бизнес-партнерами. Проект должен кроме научной составляющей, быть хорошо проработан, включать бизнес-план, финансовую модель, проектно-сметную и разрешительную документацию [3]. Такой опыт и знания зачастую отсутствует у ученых-исследователей.

Это требует разработки и внедрения дополнительных образовательных программ, направленных на обучение когнитивной системы, обеспечение самореализации молодых ученых и адаптации к постоянно изменяющимся условиям окружающей среды [10].

Необходимо создавать междисциплинарные команды, в которых ученые, занимаясь своими научными исследованиями, одновременно развивают ключевые универсальные компетенции, такие как командная работа и лидерство, навыки коммуникации, межкультурное взаимодействие и др. Полученные коммуникативные знания способствуют созданию и реализации проектов, востребованных обществом. Приобретенные новые универсальные компетенции, наряду с научно-исследовательской деятельностью ученого-исследователя, направлены на обеспечение прогресса не только в науке, но и в обществе, и культуре, отражая общественные запросы и личные потребности в развитии общекультурных и социально-личностных качеств [1, 5].

В связи с этим ученый-исследователь должен обладать гибкостью, выходить за рамки привычных подходов, способностью адаптироваться к внешним факторам, в том числе социально-экономическим, изменениям на рынке, отслеживать новейшие тенденции в науке и технологиях, предсказывать потребности общества, что актуально в условиях динамично развивающейся экономики и технологий [2]. Наблюдается тенденция к расширению классического научного этоса в типологии Р. Мертона – CUDOS, обусловленная необходимостью развития бизнес-компетенций ученых [8]. Может ли рассматриваться приобретение навыков предпринимателя как конфликт с «беспристрастностью» и «бескорыстием» ученого (Disinterestedness, по Р. Мертону [4]). Не является ли коммерциализация фактором девиации культурного кода научного этоса? Эти вопросы требуют глубокого и детального исследования в проблемном поле теорий среднего уровня с применением конкретных социологических исследований.

Заключение. Современные тенденции коммерциализации научных достижений инициируют появление новых форм инновационной деятельности, обуславливая внешние факторы инкультурации молодых ученых. Как показало наше исследование одной из динамично развивающихся форм инновационной техники являются стартапы. Создание благоприятных условий в вузах, внедрение дополнительных образовательных программ вносят вклад в развитие стартапов. Рост числа стартапов, связанных с искусственным интеллектом и цифровой трансформацией, отражает общую тенденцию к цифровизации и стремлению к оптимизации бизнес-процессов в государственном и частном секторах экономики. Это будет способствовать развитию социально-инновационных проектов для решения актуальных проблем во всех сферах жизни общества. В тоже время возникают этико-правовые вызовы, связанные с защитой персональных данных, равного доступа к инновационным технологиям, требующие детальных междисциплинарных исследований для разработки новых подходов государственного контроля и регулирования.

Литература

1. Белкина, В.В. Концепт универсальных компетенций высшего образования / В.В. Белкина, Т.В. Макеева // Ярославский педагогический вестник. – 2018. – № 5. – С. 117–126.
2. Фундаментальные знания и гибкость мышления -приоритеты управленческого образования для технологического прорыва / Л.Д. Гительман, А.П. Иса-

ев, М.В. Кожевников, Т.Б. Гаврилова // Стратегические решения и риск-менеджмент. – 2022. – Т. 13, № 2. – С. 92–107. – DOI 10.17747/2618–947X-2022–2–92–107.

3. Корзюк, Д.И. Стартапы в России: актуальные вопросы развития / Д.И. Корзюк, С.Н. Текучева // International Journal of Professional Science. – 2019. – № 7. – С. 15–38.
4. Мотрошилова, Н.В. Создание Р. Мертоном классических парадигм социологии науки: взгляд из XXI века / Н.В. Мотрошилова // Социология науки и технологий. – 2010. – Т. 1, № 4. – С. 45–83.
5. Пирожкова, С.В. Конструирование социальной роли ученого: от профессиональных компетенций решению глобальных задач / С.В. Пирожкова, В.В. Оме-лаенко // Философия науки и техники. – 2023. – Т. 28, № 1. – С. 105–120. – DOI 10.21146/2413–9084–2023–28–1–105–120.
6. Пястолов, С.М. Паттерны поведения исследова-телей в условиях социотехнических трансформа-ций / С.М. Пястолов // Наукоевческие исследо-вания. – 2024. – № 2. – С. 86–105. – DOI 10.31249/scis/2024.02.06.
7. Раева, И.В. Стартап: понятие, особенности, мето-ды оценки / И.В. Раева // Имущественные отноше-ния в Российской Федерации. – 2021. – № 6(237). – С. 45–55. – DOI 10.24412/2072–4098–2021–6–45–55.
8. Римарева, И.И. Трансформация личности ученого (автобиографический экскурс) / И.И. Римарева // Молодой ученый. – 2014. – № 8. – С. 725–730.
9. Тимербаев, Н.Ф. Развитие инновационных старта-пов в России / Н.Ф. Тимербаев, И.А. Кузьмин // Эко-номические исследования и разработки. – 2021. – № 3. – С. 39–45.
10. Филиппова, И.Ю. Образование как базовая цен-ность культуры / И.Ю. Филиппова // Вестник Ставро-польского государственного университета. – 2012. – № 1. – С. 98–102.
11. Цзо, Ц. Технологии и развитие общества в эпо-ху цифровой экономики / Ц. Цзо // Социология. – 2022. – № 2. – С. 76–85.
12. Шкунова, А.А. Современные тенденции поддер-жания стартапов в образовании / А.А. Шкунова, М.П. Прохорова, С.В. Булганина // Проблемы со-временного педагогического образования. – 2023. – № 79–4. – С. 285–287.

SOCIAL DYNAMICS OF SCIENTIFIC ETHOS: PRACTICE AND CHALLENGES

Kondakova L.I., Donika A.D.

Volgograd State Medical University

Today, one of the promising forms of innovation promotion in Russian practice is the technology of start-ups, the creation of which is aimed at producing a new product or service to solve current problems of society. The social significance of the integration of startups into scientific practice is due to their influence on the cultural code of

the scientist, the ethos of which is postulated by R. Merton. The inclusion of young scientists in the startup team determines its impact on their inculturation, reflecting the social mechanisms of reproduction of scientific personnel. The formation of interdisciplinary teams in the development of startups creates new communication patterns that allow effective coordination of joint activities and achieve success in the implementation of ambitious projects. A sociological assessment of the promotion of a startup as an innovative technology is presented according to the criteria of structure, dynamics and economic reflection of the commercialization of scientific achievements. The work is carried out in the methodology of middle-level sociological theories.

Keywords: scientific ethos, startup, applied scientific research, educational environment, ethical and legal challenges.

References

1. Belkina, V.V. The concept of universal competencies of higher education / V.V. Belkina, T.V. Makeeva // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. – 2018. – № 5. – P. 117–126.
2. Fundamental knowledge and flexibility of thinking – priorities of managerial education for technological breakthrough / L.D. Gitelman, A.P. Isaev, M.V. Kozhevnikov, T.B. Gavrilova // Strategic decisions and risk management. – 2022. – Vol. 13, № 2. – P. 92–107. – DOI 10.17747/2618–947X-2022–2–92–107.
3. Korzyuk, D.I. Startups in Russia: actual issues of development / D.I. Korzyuk, S.N. Tekucheva // International Journal of Professional Science. – 2019. – № 7. – P. 15–38.
4. Motroshilova, N.V. R. Merton's creation of classical paradigms of sociology of science: a view from the XXI century / N.V. Motroshilova // Sociology science and technology. – 2010. – Vol. 1, № 4. – P. 45–83.
5. Pirozhkova, S.V. Constructing the social role of a scientist: from professional competencies to solving global problems / S.V. Pirozhkova, V.V. Omelayenko // Philosophy of Science and Technology. – 2023. – Vol. 28, № 1. – P. 105–120. – DOI 10.21146/2413–9084–2023–28–1–105–120.
6. Pyastolov, S.M. Patterns of behavior of researchers in conditions of sociotechnical transformations / S.M. Pyastolov // Scientific research. – 2024. – № 2. – P. 86–105. – DOI 10.31249/scis/2024.02.06.
7. Raeva, I.V. Startup: concept, features, methods of assessment / I.V. Raeva // Property relations in the Russian Federation. – 2021. – № 6(237). – P. 45–55. – DOI 10.24412/2072–4098–2021–6–45–55.
8. Rimareva, I.I. Transformation of a scientist's personality (an autobiographical digression) / I.I. Rimareva // Young Scientist. – 2014. – № 8. – P. 725–730.
9. Timerbaev, N.F. The development of innovative start-ups in Russia / N.F. Timerbaev, I.A. Kuzmin // Economic research and development. – 2021. – № 3. – P. 39–45.
10. Filippova, I.Y. Education as a basic value of culture / I.Y. Filippova // Bulletin of Stavropol State University. – 2012. – № 1. – P. 98–102.
11. Zuo, Ts. Technologies and development of society in the era of the digital economy / Ts. Tso // Sociology. – 2022. – № 2. – P. 76–85.
12. Shkunova, A.A. Modern trends in supporting startups in education / A.A. Shkunova, M.P. Prokhorova, S.V. Bulganina // Problems of modern pedagogical education. – 2023. – № 79–4. – P. 285–287.

Хромов Станислав Сергеевич,

аспирант кафедры эстетики, ФГБОУ ВО «Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского»

E-mail: hrosta5@yandex.ru

В период глобализации особое внимание уделяется формированию уникальной городской среды. В статье рассматривается многоаспектное влияние урбанизации на культурную среду Луганщины, прослеживая его отражение в художественных практиках местных деятелей культуры. В исследовании особое внимание уделяется эстетическому восприятию городского пространства и выявлению определяющих факторов, которые сформировали современный облик Луганщины с учетом ее культурных особенностей.

В статье предлагается комплексный анализ влияния культуры на урбанизм, выявляются как позитивные, так и негативные аспекты влияния, предлагаются перспективы для дальнейших исследований в данной области.

Ключевые слова: градостроительная эстетика, художественные практики Луганщины, городская среда, визуализация культурных смыслов.

Научные исследования, направленные на изучение вопросов благоустройства городской среды, проводились как в обобщенном формате, без учета специфики конкретного региона, так и с фокусом на отдельные города, расположенные на территории бывшего Советского Союза. В качестве примеров можно привести исследования в области эстетики урбанизма, проведенные в отношении городов Тюмени, Омска [Захарова, 2020], Гомеля [Толочко, 2023], Витебска [Кулененок, 2012] и Астрахани [Альземенова и др., 2019], а также других населенных пунктов.

Луганщина недостаточно изучена в научной литературе с точки зрения формирования благоприятной городской среды, что обуславливает необходимость дальнейших исследований в данной области.

В современной информационной среде часто встречаются высказывания о кризисном состоянии архитектуры. Однотипные панельные здания, характерные для жилых районов, по мнению некоторых, препятствуют развитию культуры. Тема эстетического оформления городских пространств является объектом изучения не только в контексте современной массовой культуры, но и в рамках академических исследований, представленных в научных публикациях. В статье Юдиной А.В., опубликованной в Ярославском педагогическом вестнике можно встретить следующую цитату: «... в ходе градостроительной деятельности при создании жилых массивов прагматическая цель, конечно, достигалась, а вот эстетическая, как мы видим, зачастую задвигалась далеко на второй план, если вообще учитывалась, а тем временем такое «бытие» определило сознание уже как минимум трех поколений» [Юдина, 2016].

Проблема анализа современного состояния эстетики городского пространства на территории Луганщины нуждается во всестороннем и углубленном исследовании.

При рассмотрении эстетики урбанистики региона необходимо обратить внимание на сохранение его исторического и культурного наследия. Города формируются в процессе исторического творчества людей и является открытой социокультурной системой [Дубин, 2020].

Луганский край обладает богатым архитектурным наследием. Архитектура и градостроительство Луганщины представляют собой уникальное сочетание исторических традиций, культурных влияний и современных тенденций. Регион, находящийся на стыке различных культур и исторических эпох, обладает разнообразием архитектурных стилей, которые отражают его наследие. Архитектура края формировалась под влиянием как украинских, так и русских традиций, а также элементов, привнесенных другими народами, что создало своеобразный архитектурный ландшафт.

Заселение края осуществлялось за счёт миграции различных социальных групп. В числе первых поселенцев были сербские военнопленные, донские и запорожские казаки. Приток населения также обеспечивался иностранными предпринимателями, инвестировавшими в развитие региональной промышленности. К ним присоединялись квалифицированные рабочие из отдаленных районов Российской Империи и зарубежья [Луганск. Страницы истории, 2012].

Наличие различных культур способствовало развитию культурного плюрализма на территории Луганщи-

ны. Существование в обществе различных социальных групп, каждая из которых обладает своей собственной, уникальной культурой, отличной от культур других групп, подразумевает признание их права на самосохранение.

В исторических центрах городов Луганщины можно увидеть как типичные для украинского народного зодчества элементы, так и более утонченные формы, характерные для европейской архитектуры. Это разнообразие проявляется в таких архитектурных памятниках, как церкви, административные здания и жилые дома, которые часто имеют уникальные декоративные элементы, отражающие местные традиции.

Городское пространство является неотъемлемой частью культуры, в свою очередь культура Луганщины во многом сформировалась под влиянием творчества местных писателей. Литературные произведения луганских писателей отражают все аспекты жизни жителей региона. Так, известный поэт-песенник М.Л. Матусовский в своей работе «Семейный альбом» не только изобразил быт луганчан, но и запечатлел архитектурный облик Луганска 1930-х годов [Матусовский, 1982]. Михаил Львович вдохновлявшийся архитектурой города первой половины XX в., впоследствии сам повлиял на формирование городской среды в современности. В честь Михаила Матусовского установлен памятник на одной из площадей города и открыта мемориальная выставка, посвященная М.Л. Матусовскому.

Городская среда часто становится темой для стихов, посвященных Луганщине. Известные луганские авторы, такие как Г.С. Довнар, А.Е. Медведенко, В.С. Спектор и другие, в своих произведениях обращались к образам местных достопримечательностей, которые привлекают внимание не только представителей творческих профессий, но и всех жителей региона.

Особенно остро в XXI в. на Луганщине поднимается вопрос о философии языка. «Философия языка – в широком понимании это область философского знания о происхождении и функционировании языка, его месте в культуре, значении для познания и развития общества и человека» [Костикова, 2018].

Одним из существенных аспектов понимания лингвистических вопросов является связь с регионом известных литераторов. В частности, стоит отметить вклад выдающихся лексикографов, посвятивших свою жизнь созданию толковых словарей. К ним относятся В.И. Даль, составитель «Толкового словаря живого великорусского языка», и Б.Д. Гринченко, составитель первого «Словаря украинского языка». Близость русского и украинского языков, не смотря на очевидное родство, порождает определённые культурные противоречия. В честь писателей и литераторов, связанных с регионом, устанавливают памятники, открывают музеи и называют улицы. Все это непосредственно влияет на формирование городской среды.

Анализ произведений художников Луганщины представляет собой важный аспект исследования эстетики урбанизма в данном регионе. Луганщина, с её уникальной историей и культурным контекстом, стала ареной для множества художественных практик, отражающих взаимодействие человека и городской среды. В этом контексте важно рассмотреть, как художники воспринимают и интерпретируют урбанистическую реальность, а также как их работы влияют на восприятие городской среды жителями.

В последние десятилетия Луганщина переживает значительные изменения, связанные с урбанизацией и трансформацией городской инфраструктуры. Художники региона реагируют на эти изменения, создавая произведения, которые отражают как позитивные, так

и негативные аспекты жизни в городе. Например, многие работы посвящены заброшенным промышленным объектам, которые стали символами упадка и утраты. Эти произведения часто наполнены чувством ностальгии и тоски по ушедшим временам, когда эти места были полны жизни и активности. Художники используют различные техники и материалы, чтобы передать атмосферу заброшенности и забвения, что позволяет зрителям глубже понять последствия урбанистических изменений, которые можно увидеть в работах С.В. Неколова (улица Пушкинская в Луганске), В.Г. Скубака (пивзавод) и Данила Шурыкина (улица Карла Маркса, улица Ленина, улица Даля).

С другой стороны, в работах некоторых художников можно увидеть и позитивные аспекты урбанистической среды. В работах художников В.Г. Скубака (Дом Ильенко), И.В. Панича (Городской пейзаж), Г.С. Мустакимова (Ранняя зима) изображены пейзажи Луганска. Некоторые художники, в том числе В.Г. Скубак, активно вовлечены в процесс формирования урбанистической среды Луганщины. Так, художественные панно работы В.Г. Скубака украшают вестибюли Луганского академического музыкально-драматического театра им. М. Голубовича и Музея истории города Луганска.

«Джейси Шоу, Ричард Флорида, Джейн Джейкобс называют города одним из величайших изобретений человечества, поскольку они являются двигателями инноваций, магнитами для талантливых людей и обеспечивают плотность, разнообразие, взаимодействие, которое делает людей более творческими и продуктивными» [Лапшина, 2023].

Города, будучи неотъемлемой частью цивилизации и её достижениями, в то же время могут оказывать негативное воздействие на человека. Анонимность, стрессы, стремительный темп жизни приводят к возникновению у людей психологических проблем. Умберто Эко в своём романе «Маятник Фуко» метко заметил: «Чем хороши большие города, так это тем, что стоит отойти на несколько метров, и ты уже в одиночестве» [Эко, 2005]. Луганские художники в своих произведениях визуализируют обе стороны городской жизни – как её привлекательные, так и негативные аспекты.

Многие художники стремятся отразить мнения и чувства людей, живущих в этих городах, что делает их работы более значимыми и актуальными. Интервью с жителями, их истории и переживания становятся основой для создания произведений, которые отражают не только индивидуальный, но и коллективный опыт. Таким образом, искусство становится платформой для диалога между художниками и обществом, позволяя глубже понять социальные и культурные аспекты урбанистической жизни. Художники становятся свидетелями изменений, происходящих в обществе, и их работы часто служат комментарием к этим процессам. В творчестве художников, таких как Г.В. Яковлев («Портрет ветерана»), А.А. Фильберт («Портрет стахановки Катякаловой, работницы завода № В-2750»), И.В. Панич («Хлебороб»), А.В. Макухов («Мастер машинного доения Глубокая Тасия Филипповна») и других, нашли отражение образы рядовых граждан, органично вписанных в социальную ткань общества.

Особенностью анализа художественных произведений является изучение используемых художниками символов и метафор. Многие из них обращаются к архитектурным формам, характерным для Луганщины, чтобы подчеркнуть уникальность местной культуры. Например, в некоторых картинах можно увидеть стилизованные изображения исторических зданий, которые становятся символами идентичности региона. Такие работы

не только сохраняют память о прошлом, но и вдохновляют на создание нового, современного образа города.

Эти произведения становятся не только отражением текущих изменений, но и важным инструментом для формирования общественного мнения и активизации культурной жизни региона. Художники, исследуя эстетику урбанизма, создают новые смыслы и образы, которые способствуют развитию культурного наследия Луганщины и формированию её уникальной идентичности.

В книге «Города для людей» Ян Гейл отмечает: «Сначала мы формируем города, а потом они формируют нас» [Гейл, 2012]. Эстетика городского пространства Луганщины служит ярким примером преемственности культурных традиций. Культурное наследие региона, выраженное в монументальном искусстве, живописи и литературе, созданное мастерами прошлого, продолжает вдохновлять современных художников на создание новых произведений, которые отражают самобытность и культурные ценности Луганщины.

Одной из характерных черт анализа урбанистических мотивов является и то, как они отражают социальные и политические реалии. Художники могут использовать свои произведения как инструмент критики, поднимая важные вопросы, связанные с социальной справедливостью, экологией и устойчивым развитием. В этом контексте искусство становится не только средством самовыражения, но и мощным инструментом для привлечения внимания к актуальным проблемам, с которыми сталкиваются города и их жители.

Произведения искусства, размещенные в общественных пространствах, способны преобразить облик города, придавая ему уникальность и индивидуальность. Муралы на стенах зданий, которые изображают сцены из повседневной жизни или культурные символы региона, вызывают у жителей чувство гордости за свою историю и культуру. Они становятся местом притяжения для туристов и местных жителей, создавая пространство для общения и обмена мнениями.

Участие художников в благоустройстве общественных пространств способствует улучшению атмосферы в регионе. Художественные инсталляции, созданные в рамках совместных проектов с местными жителями, не только украшают город, но и укрепляют чувство общности, вовлекая людей в процесс создания и обсуждения.

Наличие монументально-декоративного искусства играет ключевую роль в формировании культурной идентичности региона. Специфика урбанистического искусства Луганщины определяется двумя основными факторами: технической эстетикой и отражением социально-исторических процессов. Техническая эстетика находит своё выражение в монументах, посвященных представителям ключевых отраслей промышленности – металлургии, шахтной добычи и сельского хозяйства. Эти памятники служат основными достопримечательностями, привлекающими как гостей города, так и местных жителей. Образ скульптуры «Труженику Луганщины» активно используется на сувенирной продукции и стал символом всего региона.

Увековечение памяти о событиях гражданской и Великой Отечественной войн, а также прославление подвигов героев этих войн является основополагающей частью скульптурного искусства Луганщины. Значительная часть культурного наследия региона посвящена именно этой тематике.

Выводы

Урбанистическая эстетика современной Луганщины находит отражение во взаимодействии культуры и урбаниза-

ции. Урбанизация как важный и неотъемлемый процесс, подразумевающий концентрацию населения в городах и развитие городской инфраструктуры, оказывает значительное влияние на культурные ценности, традиции и образ жизни местных жителей. Это взаимодействие между культурой и городской средой формирует уникальную урбанистическую эстетику, которая выходит далеко за пределы простой визуальной привлекательности.

В условиях, когда массовая культура и процессы глобализации проникают во все сферы жизни, существует риск вытеснения аутентичных форм искусства и традиционного народного творчества. Однако именно в этом контексте город, в котором гармонично переплетаются культура и традиции, способен вдохновлять своих жителей, мотивировать их к творчеству и, в конечном итоге, улучшать качество их жизни.

Анализ произведений искусства, характерных для Луганщины, позволяет выявить ключевые черты и элементы, которые играют важную роль в формировании городской эстетики региона. Эти особенности должны быть учтены при проектировании и развитии городской среды, чтобы создать пространство, способствующее культурному обмену и поддерживающее местные традиции. Важно, чтобы при формировании городской среды в Луганщине учитывались как исторические, так и современные аспекты, что позволит создать уникальную атмосферу, способную привлекать как местных жителей, так и туристов, и тем самым способствовать развитию региона в целом.

Литература

1. Альшеменева Е.В., Сингатулина Г.Б., Дегтярев А.С. 2019. Малые архитектурные формы в контексте городской среды. Инженерно-строительный вестник Прикаспия: научно-технический журнал, 2: 34–41;
2. Гейл Я. 2012. Города для людей. М., Альпина Паблишер, 276 с.;
3. Дубин, Р. Ш. 2020. Социокультурное пространство города как полифункциональная система в современном научном дискурсе. Вестник Московского государственного университета культуры и искусств, 6 (98): 24–33. DOI: 10.24412/1997-0803-2020-698-24-33;
4. Захарова Е. Е. 2020. Культурная среда города как часть общественного пространства. Человек и культура, 1: 73–80. DOI: 10.25136/2409-8744.2020.1.32171;
5. Костинова А. А. 2018. Философия языка: реконструкция проблемного поля. Вестник Московского университета. Серия 7. Философия, 1: 23–31;
6. Кулененок В. В. 2012. Дизайн-концепция формирования архитектурной среды города Витебска. Вестник Полоцкого государственного университета. Строительство. Архитектура. Геодезия. Картография. Геоэкология. Транспорт, 16: 23–30;
7. Лапшина В.С. 2023. Философия человеческого бытия в урбанизированной среде. Современные исследования социальных проблем. Modern studies of social issues: т. 15 № 2: 76–92. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-76-92;
8. Луганск. Страницы истории. Конец XVIII – начало XX века: сборник / общ. ред. Приколота О.В., Скворцова Л.Д. 2012. Луганск: Полиграфический центр «Максим», 496 с.;
9. Матусовский М. Л. 1982. Избранные произведения. М., Худож. лит., 559 с.;
10. Толочко А. В. 2023. Особенности восприятия городской среды. Вестник Полоцкого государственного университета. Серия F. Строительство. Прикладные

науки, 2: 55–62. DOI: 10.52928/2070-1683-2023-34-2-55-62;

11. Холодная А. А. 2017. Семантическое пространство города в современной российской культуре. Культура и цивилизация, 2: 497–503;
12. Эко У. 2005. Маятник Фуко. СПб., Symposium, 728 с.;
13. Юдина А. В. 2016. Застройка городов Центральной России: прагматика и эстетика. Ярославский педагогический вестник, 2: 345–349.

URBAN AESTHETICS OF MODERN LUGANSK REGION

Khromov S.S.

Matusovsky Academy of Culture and Arts

During the period of globalization, special attention is paid to the formation of a unique urban environment. The article analyzes the multidimensional impact of urbanization on the cultural environment of Lugansk region, tracing its reflection in the artistic creations of local cultural figures. The study pays special attention to the aesthetic perception of urban space and the identification of the determining factors that have shaped the modern appearance of Lugansk region, taking into account its cultural characteristics.

The article offers a comprehensive analysis of the relationship between urbanism and culture, identifying both positive and negative aspects of this influence, and offers prospects for further research in this area.

Keywords: urban aesthetics, artistic practices of Lugansk region, urban environment, visualization of cultural concepts.

References

1. Alzemeneva E.V., Singatulina G.B., Degtyarev A.S. 2019. Small architectural forms in the context of the urban environment. En-

gineering and construction bulletin of the Caspian region: scientific and technical journal, 2: 34–41;

2. Gale Ya. 2012. Cities for people. M., Alpina Publisher, 276 p.;
3. Dubin, R. Sh. 2020. Sociocultural space of the city as a multifunctional system in modern scientific discourse. Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts, 6 (98): 24–33. DOI: 10.24412/1997-0803-2020-698-24-33;
4. Zakharova E.E. 2020. Cultural environment of the city as part of the public space. Man and Culture, 1: 73–80. DOI: 10.25136/2409-8744.2020.1.32171;
5. Kostikova A. A. 2018. Philosophy of Language: Reconstruction of the Problem Field. Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy, 1: 23–31;
6. Kulenenok V. V. 2012. Design Concept for the Formation of the Architectural Environment of the City of Vitebsk. Bulletin of Polotsk State University. Construction. Architecture. Geodesy. Cartography. Geoecology. Transport, 16: 23–30;
7. Lapshina V. S. 2023. Philosophy of Human Existence in an Urbanized Environment. Modern Studies of Social Issues: v.15, no. 2: 76–92. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-76-92;
8. Lugansk. Pages of History. The End of the 18th – Beginning of the 20th Century: Collection / general editors Prikolot O.V., Skvortsova L.D. 2012. Lugansk: Printing Center "Maxim", 496 p.
9. Matusovsky M. L. 1982. Selected Works. Moscow, Art Literature, 559 p.;
10. Tolochko A. V. 2023. Features of Perception of the Urban Environment. Bulletin of Polotsk State University. Series F. Construction. Applied Sciences, 2: 55–62. DOI: 10.52928/2070-1683-2023-34-2-55-62;
11. Kholodnaya A. A. 2017. Semantic space of the city in modern Russian culture. Culture and Civilization, 2: 497–503;
12. Eco W. 2005. Foucault's Pendulum. St. Petersburg, Symposium, 728 p.;
13. Yudina A. V. 2016. Development of cities in Central Russia: pragmatics and aesthetics. Yaroslavl Pedagogical Bulletin, 2: 345–349.

Стратегические аспекты применения русскоязычных видеодидактических ресурсов в контексте мультимодальной образовательной парадигмы

Цзян Юань,

аспирант, преподаватель, Синьцзянский педагогический университет

E-mail: 1173628093@qq.com

В настоящей статье осуществляется комплексное исследование университетских курсов русского языка, в рамках которого систематизируются теоретико-методологические принципы адаптации и практико-ориентированные механизмы интеграции кратковременных видеодидактических материалов в процесс преподавания. Особое внимание уделяется анализу конкретных стратегий имплементации указанных ресурсов в ключевых аспектах образовательного процесса: формировании систематизированных языковых знаний, развитии межкультурной компетенции и совершенствовании речевых коммуникативных умений. Посредством разработки мультимодальной обучающей системы, синтезирующей визуальные, аудиальные и вербальные каналы восприятия, авторы ставят целью выявление эффективных педагогических технологий, направленных на оптимизацию преподавания русского языка как иностранного и качественное повышение уровня сформированности языковых компетенций у обучающихся.

Ключевые слова: мультимодальная дидактика; видеодидактические материалы; методика преподавания РКИ; дидактические принципы; педагогические стратегии

Введение

В последние годы стремительное развитие мобильных приложений для создания коротких видеороликов, таких как Tik-Tok, Wechat, Bilibili, сопровождающееся ростом интернет-технологий, привело к их массовой популярности. Платформа Tik-Tok достигла 500 миллионов активных пользователей в месяц по всему миру. Образовательный потенциал коротких видеороликов становится все более очевидным: их краткость, высокая степень виральности и низкая стоимость потребления делают их эффективным инструментом модернизации традиционного университетского образования.

В рамках инициативы «Интернет + Образование» китайские и российские педагоги запустили высококачественные короткие видеоролики по обучению русскому языку и культурной коммуникации на таких платформах, как Tik Tok и Bilibili. По сравнению с традиционными учебными материалами эти видеоролики обладают такими преимуществами, как наглядность, увлекательность и повторяемость, эффективно компенсируя недостатки традиционных учебных материалов.

Результаты исследования

В современной дидактике русского языка как иностранного интернет-ресурсы учебного назначения подразделяются на два основных типа: академически структурированные видеоматериалы и аутентичные коммуникативные видеоролики. Первые представляют собой методически организованные микроуроки, созданные преподавателями в соответствии с программными требованиями и направленные на систематизацию языковых знаний, что позволяет эффективно дополнять традиционные формы аудиторной работы. Вторые характеризуются ярко выраженной практической направленностью, демонстрируя реальные коммуникативные ситуации в культурном контексте, что способствует формированию адаптивных речевых стратегий, развитию социолингвистической компетенции и совершенствованию основных языковых навыков в условиях, максимально приближенных к естественной языковой среде. Особую дидактическую ценность таких материалов составляет их полифункциональность, сочетающая собственно языковую подготовку с усвоением страноведческих реалий и культурных кодов, что особенно значимо в условиях фрагментированного учебного процесса при организации самостоятельной работы обучающихся.

Принципы отбора обучающих видеоматериалов по русскому языку базируются на трех ключевых аспектах: принципе научности, принципе увлечения и принципе предела. Принцип научности выступает первостепенным критерием интеграции короткометражных видеоматериалов в образовательный процесс по русскому языку в высших учебных заведениях. Научная обоснованность проявляется как в тщательном отборе сложного для усвоения материала, требующего визуализации (например, морфологических особенностей русских глаголов, изучаемых через специализированные курсы типа «Причастие» на платформе Bilibili), так и в рациональном рас-

пределении учебного времени, позволяющем эффективно использовать фрагментированные периоды для повторения и закрепления знаний посредством цифровых технологий. Принцип увлечения, подтверждаемый утверждением Эйнштейна о познавательной мотивации как основном факторе успешного обучения, реализуется через повышение вовлеченности студентов за счет мультимедийного формата, который способствует поддержанию концентрации внимания на 30–40% дольше по сравнению с традиционными текстовыми материалами, согласно исследованиям когнитивной психологии. Однако внедрение инновационных методов требует соблюдения принципа предела, предполагающего три взаимосвязанных ограничения: педагогическое (доминирующая роль преподавателя в отборе и дозировании видеоконтента), дидактическое (оптимальное соотношение аудиовизуальных и вербальных компонентов обучения при сохранении фокуса на лингвистической составляющей) и технологическое (необходимость баланса между развлекательной и образовательной функциями цифровых платформ). Соблюдение данной триады принципов обеспечивает системность в использовании видеоматериалов как вспомогательного инструмента при сохранении приоритета фундаментальных подходов к преподаванию русского языка.

Стратегии применения коротких видеоресурсов в преподавании русского языка в вузах

Несмотря на временные ограничения, характерные для коротких видеоматериалов, их интеграция в образовательный процесс позволяет преодолеть рамки традиционного аудиторного обучения. Данный формат способствует эффективному представлению учебного материала как в онлайн– и офлайн-режиме, так и в рамках аудиторных и внеаудиторных занятий, формируя тем самым комплексную, многомерную систему обучения.

Оптимизация учебного контента посредством коротких видеоресурсов

В рамках данной стратегии преподаватель, исходя из типичных затруднений студентов в освоении русского языка, может разрабатывать специализированные видеоролики, акцентирующие ключевые аспекты учебной программы. Альтернативным решением выступает отбор и адаптация готового видеоконтента с образовательных платформ. Среди наиболее релевантных ресурсов следует отметить:

- курс «Расширенный комплексный курс русского языка» (Дальневосточный университет иностранных языков, Bilibili),
- многосерийный курс по русской грамматике (Ира, МГИМО),
- «Общий курс русского языка в университете» (Пекинский университет авиации и космонавтики),
- авторские видеолекции «Школа русского языка доктора Яна» (Bilibili).

Дидактические преимущества видеоматериалов

Внедрение коротких видео в образовательный процесс обеспечивает следующие методические преимущества:

1. Предварительное ознакомление с материалом – студенты получают возможность предварительного изучения темы перед аудиторным занятием.

2. Гибкость усвоения сложного материала – видеоролики позволяют обучающимся в индивидуальном режиме прорабатывать проблемные аспекты дисциплины.

3. Культурологический компонент – использование аутентичных примеров расширяет знания студентов о национально-культурных особенностях русскоязычной среды.

Таким образом, применение коротких видеоресурсов не только оптимизирует усилия преподавателя при объяснении сложных тем, но и способствует повышению академической мотивации и самостоятельности обучающихся.

Трансформация образовательной парадигмы преподавания русского языка в условиях цифровизации требует переосмысления традиционных педагогических подходов через призму интеграции коротких видеоресурсов. Основная дидактическая функция данного формата заключается в обогащении содержательного компонента учебного процесса и внедрении инновационных образовательных моделей, что предполагает необходимость преодоления консервативных педагогических установок как со стороны преподавательского состава, так и обучающихся. В классической университетской системе преподавания русского языка, где доминирует лекционно-аудиторный формат передачи знаний, внедрение цифровых технологий требует от преподавателей развития новых профессиональных компетенций, включающих навыки проектирования учебного процесса, создания авторского видеоконтента и критического отбора цифровых ресурсов, что особенно актуально при многоуровневом подходе к усвоению лингвистических знаний.

С точки зрения дидактической эффективности, короткие видеоресурсы должны рассматриваться как вспомогательный инструмент, дополняющий традиционные формы обучения, но не подменяющий их полностью. Обучающимся необходимо развивать критическое восприятие видеоматериалов, фокусируясь не только на их развлекательной составляющей, но прежде всего на образовательном потенциале, что предполагает систематизацию получаемой информации через призму академических требований. Эмпирические исследования подтверждают возрастающую популярность данного формата среди участников образовательного процесса, однако выявляют существенные проблемы, связанные с качеством контента, включая информационную перегруженность, наличие непроверенных данных и риск распространения деструктивных материалов, что требует внедрения многоуровневой системы контроля.

Особого внимания заслуживают профессиональные деформации преподавательского состава, проявляющиеся либо в чрезмерной зависимости от готовых цифровых ресурсов у молодых специалистов, либо в консервативном неприятии технологических инноваций у опытных педагогов. Решение этих проблем требует комплексного институционального подхода, включающего совершенствование модерационных алгоритмов на платформенном уровне, разработку нормативно-методической базы на институциональном уровне и создание системы профессиональных стандартов на отраслевом уровне. Эффективная интеграция коротких видеоресурсов в образовательный процесс возможна лишь при условии сбалансированного сочетания методической грамотности преподавателей, осознанной работы студентов с цифровым контентом и многоуровневой системы обеспечения качества, поддерживаемой соответствующими нормативно-правовыми механизмами и институтом общественной экспертизы.

Заключение

В условиях современной цифровой трансформации образования перед преподавателями русского языка в вузах стоит актуальная задача продуктивного использования коротких видеоресурсов в качестве вспомогательного дидактического инструментария, позволяющего модернизи-

ровать традиционные методики преподавания и обеспечить соответствие образовательного процесса вызовам времени. Ключевым аспектом данной трансформации является органичное внедрение инновационного видеоконтента в устоявшуюся систему университетского преподавания русского языка, что предполагает достижение оптимального баланса между повышением интерактивности и вариативности учебного процесса посредством мультимедийных технологий и сохранением фундаментальных дидактических принципов, составляющих основу традиционной методики. Такой синтез позволяет, с одной стороны, усилить мотивационный потенциал обучения за счёт визуализации учебного материала и повышения его доступности, а с другой – сохранить системность и научную строгость преподавания, обеспечивая тем самым комплексное развитие языковой компетенции студентов при соблюдении чёткой иерархии основных и вспомогательных элементов образовательного процесса.

Литература

1. Ван Даньци. Исследование стратегий применения микро-видеоресурсов в преподавании идеологических и политических курсов в вузах [J]. Журнал «Исследования журналистики», 2023, 14(10):187–189.
2. Вэй Сюэчунь, Пань Сяосин, Ли Пин. Краткий анализ применения «микрокурсов» в изучении иностранных языков – на примере создания микро-видео для преподавания японского языка [J]. «Международные обмены», 2018(9):16–17.
3. Ли Иньчао, Юань Дунбинь. Применение коротких видеороликов в преподавании русского языка в вузах [J]. «Наука и образование», 2022(7):227–228,268.
4. Линь Хун. Краткое обсуждение применения микрокурсов в преподавании иностранных языков в вузах [J]. «Технологические перспективы», 2016, 26(34):198.
5. Лян Тин. Исследование применения микро-видеоресурсов в преподавании идеологических и политических курсов в вузах [J]. «Коммуникация и авторское право», 2023(5):107–110.
6. Сунь Шэннань. Исследование влияния коротких видеороликов на обучение устной английской речи в профессиональных колледжах [J]. «Исследования журналистики», 2022, 13(6):71–73.
7. Хэ И. Проблемы и перспективы цифрового мультимодального творчества в преподавании в условиях применения [J]. «Наука и образование», 2025(10):104–108.
8. Чжан Даньян. Исследование развития международной коммуникативной компетенции посредством

создания англоязычных коротких видеороликов на основе трёхступенчатого взаимодействия в обучении [J]. «Исследования журналистики», 2025, 16(4):53–57.

STRATEGIC ASPECTS OF USING RUSSIAN-LANGUAGE VIDEO DIDACTIC RESOURCES WITHIN THE MULTIMODAL EDUCATIONAL PARADIGM

Jiang Yuan

Xinjiang Normal University

This paper presents a comprehensive study of university-level Russian language courses, systematically examining the theoretical-methodological principles for adapting and practice-oriented mechanisms for integrating short-form video didactic materials into teaching practices. Particular emphasis is placed on analyzing specific implementation strategies across three critical dimensions of the learning process: systematic language knowledge formation, intercultural competence development, and verbal-communicative skills enhancement. Through the development of a multimodal learning system that synthesizes visual, auditory, and verbal perceptual channels, the authors aim to identify effective pedagogical technologies for optimizing Russian as a Foreign Language (RFL) instruction and qualitatively improving learners' linguistic competencies.

Keywords: multimodal didactics; video-based instructional materials; RFL teaching methodology; didactic principles; pedagogical strategies.

References

1. He, Y. (2025). Challenges and Opportunities of Digital Multimodal Creative Teaching in Application Scenarios [J]. Science Education Journal, (10), 104–108.
2. Li, Y., & Yuan, D. (2022). The Application of Short Videos in College Russian Teaching [J]. Science Education Journal-Electronic Edition (Mid-month), (7), 227–228,268.
3. Lin, H. (2016). A Brief Discussion on the Application of Micro-lectures in College Foreign Language Teaching [J]. Technology Outlook, 26(34), 198.
4. Liang, T. (2023). Research on the Application of Micro-video Teaching Resources in Ideological and Political Courses in Colleges [J]. Communication and Copyright, (5), 107–110.
5. Sun, S. (2022). Research on the Influence of Short Videos on English Oral Teaching in Higher Vocational Colleges [J]. Journal of News Research, 13(6), 71–73.
6. Wang, D. (2023). Research on the Application Strategies of Micro-video Teaching Resources in College Ideological and Political Courses [J]. Journal of News Research, 14(10), 187–189.
7. Wei, X., Pan, X., & Li, P. (2018). A Brief Discussion on the Application of “Micro-lecture Teaching” in Foreign Language Learning: Focusing on the Production of Japanese Teaching Micro-videos [J]. International Exchanges, (9), 16–17.
8. Zhang, D. (2025). Research on Cultivating International Communication Competence through English Short Video Creation Based on Three-Classroom Linkage [J]. Journal of News Research, 16(4), 53–57.

Чайкин Павел Павлович,

аспирант департамента философии и социальных наук,
ГАОУ ВО МГПУ

E-mail: chaikinPP@yandex.ru

Кожевников Сергей Борисович,

доктор философских наук, доцент, профессор департамента
философии и социальных наук, ГАОУ ВО МГПУ

В статье рассматривается концепция хонтологии в контексте генеративных нейросетей, рассматривая их как «культурные призраки», воспроизводящие архивы прошлого через алгоритмы. Анализируются идеи Жака Дерриды о спектральности времени и Марка Фишера о «потерянном будущем», связанные с зависимостью ИИ от исторических данных. Особое внимание уделено этическим и философским вопросам: авторство, подлинность, предвзятость алгоритмов и влияние капиталистического реализма на культурное творчество. Примеры генеративного искусства, музыки и нейросетевых проектов (например, AI-поэзия, deepfake) иллюстрируют, как технологии закрепляют «замороженное время», воспроизводя культурные нарративы. Предлагаются решения для минимизации предвзятости, включая долговременную память для ИИ, open-source подходы и просветительские инициативы.

Ключевые слова: Хонтология, генеративные нейросети, искусственный интеллект, культурные архивы, ретромания, генеративное искусство, подлинность, авторство, предвзятость алгоритмов.

Хонтология (от англ. hauntology, «призрачность») представляет собой философскую концепцию, исследующую влияние «призраков» прошлого на настоящее. Этот термин был предложен Жаком Дерридой в его работе «Призраки Маркса» (1993), где он анализирует метафоры «спектральности» для объяснения того, как устаревшие идеологии, культурные практики и социальные структуры продолжают существовать в виде «фантомов», преследуя современное общество. Хонтология представляет из себя инструмент для анализа взаимодействия между технологиями и культурными нарративами, актуальным в контексте цифровых технологий и нейросетей.[2]

Актуальность хонтологии в современной научной дискуссии обусловлена тем, что технологии всё чаще воспроизводят следы прошлого через алгоритмы, базы данных и искусственный интеллект. Современные нейросети, такие как GPT, deepfake-технологии и генеративное искусство, обучаются на массивах данных, содержащих артефакты культуры, искусства и медиа, созданные десятилетия назад. Эти данные служат своего рода «призрачным архивом», который нейросети используют для создания новых произведений или интерпретаций реальности.[15] Однако этот процесс порождает вопросы о подлинности, авторстве и этике использования исторических паттернов.

Например, AI-генерируемое искусство, такое как работа Сары Мейохас «Infinite Petals» (2023), обученная на тысячах изображений лепестков роз, демонстрирует, как технологии могут переплетать прошлое и настоящее, создавая новые формы творческого самовыражения.[12]

В своей работе «Призраки Маркса» Жак Деррида вводит читателя в мир сложных метафорических интерпретаций, где ключевым понятием становится призрачность как символ незавершенного прошлого. Призраки здесь выступают не просто метафизическими сущностями, но и культурными, историческими и социальными феноменами, которые продолжают влиять на настоящее. Они становятся воплощением того, что никогда полностью не исчезает из коллективной памяти общества, формируя тем самым новый взгляд на связь между временными категориями.

Деррида критикует линейное представление времени, согласно которому прошлое уходит, настоящее существует, а будущее ещё только придет. Вместо этого он предлагает рассматривать время как многослойную структуру, где прошлое, настоящее и будущее сосуществуют в режиме так называемой «фантомной памяти». Эта концепция перекликается с исследованиями искусственного интеллекта, где алгоритмы способны воспроизводить исторические паттерны, даже если они не были явно запрограммированы для этого. Например, графовые нейронные сети могут извлекать информацию из структуры молекул, что аналогично процессу выявления скрытых смыслов в текстах или культурных артефактах.[6] Связь между деконструкцией и хонтологией становится особенно очевидной, когда мы анализируем, как ИИ обрабатывает мультимодальные данные. Feature fusion layers (слои объединения признаков) – это элементы моделей глубокого обучения, которые объединяют выходные данные двух или более предыдущих

слоёв, что позволяют комбинировать абстрактные признаки с числовыми дескрипторами, повышая точность прогнозов.[25]

Таким образом, работа Дерриды «Призраки Маркса» остается актуальной для современных исследований, особенно в контексте развития искусственного интеллекта. Хонтология как методология позволяет глубже понять, как исторические паттерны влияют на выводы нейросетей и как скрытые смыслы могут быть заново обнаружены через технологические инновации.

Концепция «капиталистического реализма», предложенная Марком Фишером, представляет собой мощную критику современного общества, в котором капитализм воспринимается как единственная возможная система, а альтернативы ему кажутся недостижимыми или нереалистичными. Фишер развил идею хонтологии и дал ей новое определение: хонтология – это «прогрессивная ностальгия», тоска по прошлому, в котором было будущее как идея.[4] В контексте этой теории особое внимание уделяется феномену утраты представлений о будущем как времени радикальных изменений и прогресса. Фишер отмечает, что в условиях капиталистического реализма общество оказывается захвачено петлёй повторяющихся культурных образов и нарративов, что приводит к глубокому кризису воображения. Этот кризис проявляется в том, что будущее начинает восприниматься не как пространство для инноваций, а как симулякр прошлого, лишенный подлинной новизны, что отсылает.

Идея «потерянного будущего» тесно связана с явлением ретромании – культурной тенденцией к ностальгическому обращению к прошлому через переосмысление и реконструкцию прежних эпох. Ретромания становится особенно заметной в поп-культуре, где фильмы, музыка и мода всё чаще возвращаются к стилистике различных десятилетий XX века. Например, популярность фильмов в стиле 80-х годов, таких как «Очень странные дела» (Stranger Things), или возрождение синтвейв-музыки демонстрирует, насколько сильно современная культура полагается на архивы прошлого. Однако это не просто ностальгическое желание вернуться к более простым временам; ретромания также отражает тревогу о невозможности создать что-то принципиально новое. Таким образом, культурное производство замыкается в круге постоянного цитирования и пересоздания уже существующих форм.

Хонтология получает новое прочтение в работах Фишера, становясь ключевым инструментом для анализа этого явления. Хонтология изучает природу бытия и его отсутствия, сосредотачиваясь на «призраках» прошлого, которые продолжают влиять на настоящее. В контексте современных технологий, такие алгоритмы, как нейросети, можно рассматривать как воплощение хонтологии, поскольку они обучаются на массивах данных из прошлого и генерируют новые формы контента, основанные на этих архивах.[13] Например, генеративные модели искусственного интеллекта способны создавать музыку, тексты и изображения, которые имитируют стиль определённых эпох, но при этом остаются продуктом машинного обучения, лишённым подлинного исторического контекста, как бы «заперты» внутри того контекста, на который существуют данные. Это создаёт парадоксальную ситуацию: с одной стороны, технологии предлагают бесконечные возможности для создания нового, а с другой – они лишь воспроизводят уже известные образы и нарративы.

Нейросети, как зеркало культурных тревог и надежд, отражают сложные взаимодействия между прошлым, настоящим и будущим. Связь между культурными тревогами и алгоритмами становится особенно очевидной

при анализе примеров генерации контента в стилистике прошлых эпох. Генерация подобного контента становится одним из ключевых направлений применения нейросетей, демонстрируя их потенциал как инструментов для воссоздания культурных артефактов. Например, технологии, такие как GPT и Stable Diffusion, могут создавать музыкальные композиции, фильмы и изображения, которые имитируют стиль 80-х годов, VHS-эстетику и другие стили и эпохи (рис. 1).

Рис. 1.

Посмотрите на героев «Простоквашино» в стиле американского ситкома 80-х – их сгенерировала нейросеть – <https://www.sobaka.ru/ekb/lifestyle/technology/162202>. Александр Доброкотов, 2023

Эти произведения часто воспринимаются как новаторские, однако их основа лежит в уже существующих культурных архивах. Такая практика не только демонстрирует зависимость технологий от прошлого, но и усиливает ощущение замкнутости культурного производства. Алгоритмы, обученные на данных прошлого, не способны преодолеть границы этих данных и создать что-то по-настоящему новое. Вместо этого они воспроизводят спектры прошлого, усиливая тревогу о невозможности выхода за пределы существующих нарративов.

Если понимать новое как неожиданный результат в экспериментировании между пластами данных – в таком случае, нейросетевая генерация может обеспечить науку (в силу того, что уже на момент 2025 порядка 92% студентов пользуются ИИ[11]) и массовую культуру притоком «нового» контента, однако подобная «алхимия» имеет свой предел. И также возникает вопрос о возможности возникновения революции как прорыва за рамки «контекстного окна». Другими словами, способна ли алгоритмическая обработка данных на революцию? Нейросети представляют собой мощный инструмент для сбора, анализа и интерпретации культурных архивов, которые служат основой для их обучения. Эти системы действуют как «архивариусы» культуры, обрабатывая огромные объемы данных, включая тексты, изображения и звуки, созданные в разные исторические периоды. Благодаря своей способности распознавать и воспроизводить паттерны, нейросети обеспечивают доступ к культурным следам прошлого, которые могут быть использованы для создания новых форм контента. Однако такой подход также поднимает важные вопросы о природе «замороженного времени», которое алгоритмы фиксируют в своих моделях.

Проблема «замороженного времени» заключается в том, что алгоритмы не эволюционируют вместе с культурой. Они зависят от статических наборов данных, которые не всегда отражают текущие социальные изменения или культурные тенденции. Например, языковые модели, обученные на текстах, написанных в прошлом, могут воспроизводить устаревшие нормы и стереотипы[24].

Это создает риск того, что технологии будут закреплять «призраки» прошлого, вместо того чтобы адаптироваться к динамике культурного развития. Таким образом, нейросети становятся одновременно хранителями культурных следов и ограничивающим фактором для их трансформации.

Рассмотрение нейросетей в качестве культурных призраков позволяет углубить понимание роли этих технологий как медиаторов между прошлым и будущим. Нейросети функционируют как интерфейсы, которые собирают и интерпретируют данные из культурных архивов, чтобы генерировать новые формы контента, будь то тексты, изображения или звуки. Однако эта способность воспроизводить культурные следы сопровождается специфической «призрачностью»: алгоритмы зависят от исторических паттернов, которые заложены в данных, и не обладают собственным «подлинным» авторством. В результате они создают контент, который лишён живого носителя, но при этом сохраняет черты культурного наследия. Кроме того, в политической плоскости БЯМ демонстрируют определенную долю ангажированности. [20]

Примеры таких явлений можно наблюдать в работе генеративных моделей, таких как GPT, deepfake и генеративное искусство. GPT, обучаясь на корпусах текстов, воспроизводит стилистические и смысловые паттерны, унаследованные от своих источников, что делает её зависимой от качества и содержания исходных наборов информации. Deepfake-технологии, в свою очередь, создают «призрачные» образы людей, которые кажутся реальными, но на самом деле являются лишь воспроизведением данных из прошлого. Аналогично, генеративное искусство, созданное с помощью нейросетей, зачастую основано на анализе произведений известных художников или культурных эпох. Хотя результаты таких процессов могут казаться новаторскими, они остаются производными от ранее существовавших объектов и идей.

Такие проекты, как AI-генерируемое искусство в рамках выставки Christie's «Augmented Intelligence», демонстрируют, как технологии могут быть использованы для создания произведений, которые одновременно отсылают к утраченным эстетическим канонам и предлагают новые интерпретации [23].

В 2023 году шведская компания Sandvik представила «Невозможную статую» – первую в мире реальную скульптуру, созданную искусственным интеллектом. Эта «призрачность» алгоритмов подчеркивает их уникальную способность генерировать новые формы контента без прямого участия человека-творца. Однако такие системы не создают ничего по-настоящему нового; они лишь перекомбинируют уже существующие данные, что делает их продукт зависимым от качества и содержания исходных наборов информации. В научном дискурсе это часто называют «отсутствием подлинного авторства». Нейросети становятся своего рода «эхо-камерами», повторяющими голоса прошлого без возможности критической оценки их актуальности или справедливости. [18]

Переосмысление идей Ролана Барта [1] и Мишеля Фуко [5] о «смерти автора» в контексте современных технологий открывает новые горизонты для анализа творческого процесса. Алгоритмы, такие как GPT и другие генеративные модели, становятся «призрачными со-авторами», которые работают в симбиозе с человеком, создавая контент, который сложно однозначно отнести к чьему-либо авторству. Это явление можно рассматривать как «смерть автора 2.0», где традиционные границы между создателем и продуктом стираются, уступая место коллаборативным формам творчества.

Кейсы AI-поэзии и музыкальных композиций наглядно демонстрируют, как технологии меняют восприятие творческого акта. Например, поэт Саша Стайлз создала AI alter ego под названием Technelegy, которое сочетает поэзию, визуальное искусство и технологии. В этом проекте человек и машина сливаются в «хонтологическом симбиозе», где алгоритм выступает не просто инструментом, а полноценным участником творческого процесса[21]

В России тоже есть подобный проект. Скульптура, высекаемая автоматически, с изменениями, что привносят люди, проходящие опрос – data.relic, создаваемая Яндекс и Третьяковской галереей.[3] Из описания, цитата приводится полностью:

«Взаимодействие человека с природой всегда включало в себя создание инструментов, превосходящих возможности тела. Но сегодня наши отношения с технологиями становятся гораздо сложнее. Они проникают во все сферы жизни: от творчества до работы, от коммуникации до самопознания. Мы не просто используем технологии, а существуем с ними, формируя симбиотическую связь, которая трансформирует саму природу. Искусственный интеллект, имитируя работу нейронов мозга и создавая новую форму сознания, становится венцом синтеза природного и технологического.

След – это свидетельство истории, артефакт, позволяющий восстановить события прошлого. След на камне – одна из первых форм мнемотехники, техники фиксации памяти человека. В то же время след на камне может быть результатом природных процессов. Постепенная трансформация поверхности камня под воздействием ветра, воды и температуры легла в основу проекта data.relic. Пескоструйные машины создают на поверхности камня следы, подобные тем, что в природе формируются тысячелетиями. Однако импульсом для их создания становятся данные коллективного опроса. След здесь приобретает двойной смысл: с одной стороны, это физический отпечаток, а с другой – знак, требующий интерпретации.

Скульптура data.relic становится материальным свидетельством современности – артефактом коллективного выбора, рождённым на заре знакомства человека с искусственным интеллектом.»

Данный объект культурного наследия выступает символом коллективного сознания, воплощая страхи перед потерей контроля над собственным будущим и определенным «схватыванием» возможностей симбиоза человека и машины.

Аналогично, музыкальные композиции, созданные с помощью нейросетей, часто невозможно отличить от произведений, созданных людьми (например «нейромузыка» от тех же «Яндекс»), что поднимает вопросы о подлинности и уникальности творческого вклада. Фишеровская «ностальгия по будущему» находит своё воплощение в эпоху алгоритмической культуры. Этот феномен характеризуется стремлением общества к созданию новых форм выражения, основанных на идеализированном представлении о прошлом, которое никогда не существовало. В контексте нейросетей это проявляется в генерации контента, который сочетает знакомые культурные элементы с футуристическими мотивами. Например, работы Рефика Анадолу, использующие AI для превращения зданий в «живые» пространства, демонстрируют, как технологии могут создавать «ретрофутуристические» образы, которые одновременно вызывают чувство узнаваемости и новизны.[19] Такие проекты подчеркивают, что нейросети способны не только воспроизводить прошлое, но и формировать новые культурные нарративы, выходящие за рамки традиционных временных категорий, однако «закоренённые» в прошлом..

Хонтологический парадокс подчёркивает, что технологии не только отражают, но и активно воспроизводят культурное наследие, включая его негативные аспекты.

Для решения этой проблемы необходимо разработать механизмы, которые позволят нейросетям обновлять свои знания и адаптироваться к изменениям в культуре. Одним из перспективных направлений является использование долговременной памяти, которая позволит системам сохранять историческую информацию, но при этом корректировать свои выводы на основе новых данных. Например, новая когнитивная архитектура SALM (Self-Adaptive Long-term Memory) решает проблему «катастрофического забывания», обеспечивая возможность адаптивного выбора формата хранения данных и предотвращая потерю ранее полученных знаний.[10] Такие подходы помогут сделать нейросети более гибкими и чувствительными к культурным изменениям, сохраняя при этом их способность к анализу прошлого.

В долгосрочной перспективе развитие технологий должно быть направлено на создание систем, которые не просто минимизируют предвзятость, но и способствуют социальной гармонии. Например, просоциальное поведение AI-агентов, направленное на помощь пользователям в развитии компетенций и автономности, может стать важным шагом в этом направлении. [17]

Для преодоления этих проблем необходимо внедрение комплексных мер, направленных на обеспечение справедливости и разнообразия в данных и алгоритмах. Одним из возможных решений является использование разнообразных аннотаторов, которые могут предоставить более сбалансированную интерпретацию данных. [14]

Также значительное внимание следует уделять обучению пользователей и специалистов, работающих с ИИ. Как отмечается в отчете McKinsey, назначение AI-чемпионов – экспертов, способных обучать коллег эффективному и этичному использованию технологий – может стать ключевым шагом в этом направлении. Практическое применение инструментов в сочетании с теоретическими знаниями поможет пользователям лучше понимать механизмы работы алгоритмов и минимизировать риски ошибок или «галлюцинаций».[16]

Альтернативой корпоративному контролю может стать децентрализация данных и open-source подходы. Проекты, такие как Huggingface (репозиторий открытых ИИ-проектов, на котором размещаются, например, российские БЯМ от «Т-банка» [22], Capi[7] (инструмент создан для борьбы с дезинформацией по вопросам изменения климата), демонстрируют, как сообщества могут участвовать в разработке алгоритмических инструментов, которые снижают риски предвзятости и повышают прозрачность алгоритмов. Исходный код доступен на GitHub, что позволяет другим исследователям улучшать его функциональность. Подобные инициативы создают возможность «освободить призраков» прошлого, предоставив обществу инструменты для критического анализа культурных паттернов, воспроизводимых технологиями.

Литература

1. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М., 1994. – С. 384–391.
2. Деррида, Ж. Призраки Маркса: Государство долга, работа скорби и новый интернационал / Пер. с франц. Б. Скуратова; под общ. ред. Д. Новикова. – М.: Логос-альтера, изд-во «Ессе homo», 2006. – 256 с.
3. Установка data.relic [Электронный ресурс]. – URL: <https://ya.ru/project/humanai/installation> (дата обращения: 15.04.2025).
4. Фишер, М. Призраки моей жизни: тексты о депрессии, хонтологии и утраченном будущем / М. Фишер. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 256 с. – ISBN 978-5-4448-1470-3.
5. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. – Пер. с франц. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.
6. AI vs. machine learning vs. deep learning vs. neural networks: What's the difference? [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ibm.com/think/topics/ai-vs-machine-learning-vs-deep-learning-vs-neural-networks> (дата обращения: 15.04.2025).
7. Capi Ambient Media [Электронный ресурс]. – URL: <https://capi.ambiental.media/> (дата обращения: 15.04.2025).
8. Chen S, Wulamu A, Zou Q, Zheng H, Wen L, Guo X, Chen H, Zhang T, Zhang Y. MD-GNN: A mechanism-data-driven graph neural network for molecular properties prediction and new material discovery. J Mol Graph Model. 2023 Sep;123:108506. doi: 10.1016/j.jmgm.2023.108506. Epub 2023 May 9. PMID: 37182505.
9. Discover five open-source digital tools you can use for free to combat disinformation [Электронный ресурс]. – URL: <https://latamjournalismreview.org/articles/discover-five-open-source-digital-tools-you-can-use-for-free-to-combat-disinformation/> (дата обращения: 15.04.2025).
10. He, Z. Human-inspired Perspectives: A Survey on AI Long-term Memory / Z. He [и др.] // arXiv:2411.00489. – 2024. – DOI: 10.48550/ARXIV.2411.00489.
11. HEPI. Student Generative AI Survey 2025 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.hepi.ac.uk/2025/02/26/student-generative-ai-survey-2025/> (дата обращения: 10.05.2025).
12. Infinite Petals [Электронный ресурс]. – URL: <https://sarahmeyohas.com/infinite-petals/> (дата обращения: 15.04.2025).
13. Komendantova, N., Erokhin, D. Artificial Intelligence Tools in Misinformation Management during Natural Disasters. Public Organiz Rev 25, 81–105 (2025). <https://doi.org/10.1007/s11115-025-00815-2>
14. Liu, S. How Humans Help LLMs: Assessing and Incentivizing Human Preference Annotators / S. Liu [и др.] // arXiv:2502.06387. – 2025. – DOI: 10.48550/ARXIV.2502.06387.
15. Manovich, Л. The AI Brain in the Cultural Archive [Электронный ресурс] / L. Manovich. – URL: <https://manovich.net/content/04-projects/124-the-ai-brain-in-the-cultural-archive/lev-manovich.ai-brain-in-the-cultural-archive.2023.pdf> (дата обращения: 15.04.2025).
16. Mayer, H. Superagency in the Workplace: Empowering People to Unlock AI's Full Potential / H. Mayer [и др.]. – McKinsey, 2025.
17. Paiva, A. From Social to Prosocial Machines: A New Challenge for AI / A. Paiva // Proceedings of the 27th International Conference on Intelligent User Interfaces (IUI '22). – ACM, New York, 2022. – P. 2. – DOI: 10.1145/3490099.3519387.
18. Pocornie Robin, My fight against algorithmic bias, 2024 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.basf.com/basf/www/global/en/media/magazine/creatingchemistrystories/2025/my-fight-against-algorithmic-bias> (дата обращения: 15.04.2025).
19. Refik Anadol. Machine Hallucinations: Sphere [Электронный ресурс]. – URL: <https://refikanadol.com/>

works/machine-hallucinations-sphere/ (дата обращения: 15.04.2025).

20. Tavishi Choudhary. Political Bias in AI–Language Models: A Comparative Analysis of ChatGPT-4, Perplexity, Google Gemini, and Claude. TechRxiv. July 15, 2024.
21. Technelegy [Электронный ресурс]. – URL: <https://criticalplayground.org/technelegy/> (дата обращения: 10.05.2025).
22. T-Tech Model [Электронный ресурс]. – URL: <https://huggingface.co/t-tech> (дата обращения: 15.04.2025).
23. What Is AI Art? [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.christies.com/en/stories/what-is-ai-art-augmented-intelligence-36dc0897d3584268b5102468a3bf8a8c> (дата обращения: 15.04.2025).
24. Zhou, M. Bias in Generative AI / M. Zhou [и др.] // arXiv:2403.02726. – 2024. – DOI: 10.48550/arXiv.2403.02726.
25. Zhang, T. A Feature Fusion Method with Guided Training for Classification Tasks / T. Zhang [и др.] // Computational Intelligence and Neuroscience. – 2021. – Vol. 2021, № 1. – DOI: 10.1155/2021/6647220.

GENERATIVE NEURAL NETWORKS AS “CULTURAL GHOSTS”

Chaikin P.P., Kozhevnikov S.B.

Moscow City Pedagogical University

The article explores hauntology in the context of generative neural networks, framing them as «cultural ghosts» that reproduce archival traces of the past through algorithms. It engages with Jacques Derrida's concept of spectrality and Mark Fisher's critique of «lost futures», highlighting how AI depends on historical data. Ethical and philosophical challenges—authorship, authenticity, algorithmic bias, and the impact of capitalist realism on cultural production—are analyzed. Case studies, such as AI-generated art, music, and projects like deepfakes or AI poetry, demonstrate how technologies perpetuate «frozen time» by recycling cultural narratives. Proposals include long-term memory systems for AI, open-source frameworks, and educational initiatives to mitigate bias and enhance transparency.

Keywords: Hauntology, generative neural networks, artificial intelligence, cultural archives, retromania, generative art, authenticity, authorship, algorithmic bias.

References

1. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М., 1994. – С. 384–391.
2. Деррида, Ж. Призраки Маркса: Государство долга, работа скорби и новый интернационал / Пер. с франц. Б. Скуратова; под общ. ред. Д. Новикова. – М.: Логос-альтера, изд-во «Ессе homo», 2006. – 256 с.
3. Инсталляция data.relic [Электронный ресурс]. – URL: <https://ya.ru/project/humanai/installation> (дата обращения: 15.04.2025).
4. Фишер, М. Призраки моей жизни: тексты о депрессии, хонтологии и утраченном будущем / М. Фишер. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 256 с. – ISBN 978-5-4448-1470-3.
5. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. – Пер. с франц. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.
6. AI vs. machine learning vs. deep learning vs. neural networks: What's the difference? [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ibm.com/think/topics/ai-vs-machine-learning-vs-deep-learning-vs-neural-networks> (дата обращения: 15.04.2025).
7. Capi Ambient Media [Электронный ресурс]. – URL: <https://capi.ambiental.media/> (дата обращения: 15.04.2025).
8. Chen S, Wulamu A, Zou Q, Zheng H, Wen L, Guo X, Chen H, Zhang T, Zhang Y. MD-GNN: A mechanism-data-driven graph neural network for molecular properties prediction and new material discovery. J Mol Graph Model. 2023 Sep;123:108506. doi: 10.1016/j.jmgm.2023.108506. Epub 2023 May 9. PMID: 37182505.
9. Discover five open-source digital tools you can use for free to combat disinformation [Электронный ресурс]. – URL: <https://latamjournalismreview.org/articles/discover-five-open-source-digital-tools-you-can-use-for-free-to-combat-disinformation/> (дата обращения: 15.04.2025).
10. He, Z. Human-inspired Perspectives: A Survey on AI Long-term Memory / Z. He [и др.] // arXiv:2411.00489. – 2024. – DOI: 10.48550/ARXIV.2411.00489.
11. HEPI. Student Generative AI Survey 2025 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.hepi.ac.uk/2025/02/26/student-generative-ai-survey-2025/> (дата обращения: 10.05.2025).
12. Infinite Petals [Электронный ресурс]. – URL: <https://sarahmeyerohas.com/infinite-petals/> (дата обращения: 15.04.2025).
13. Komendantova, N., Erokhin, D. Artificial Intelligence Tools in Misinformation Management during Natural Disasters. Public Organiz Rev 25, 81–105 (2025). <https://doi.org/10.1007/s11115-025-00815-2>
14. Liu, S. How Humans Help LLMs: Assessing and Incentivizing Human Preference Annotators / S. Liu [и др.] // arXiv:2502.06387. – 2025. – DOI: 10.48550/ARXIV.2502.06387.
15. Manovich, Л. The AI Brain in the Cultural Archive [Электронный ресурс] / L. Manovich. – URL: <https://manovich.net/content/04-projects/124-the-ai-brain-in-the-cultural-archive/lev-manovich.ai-brain-in-the-cultural-archive.2023.pdf> (дата обращения: 15.04.2025).
16. Mayer, H. Superagency in the Workplace: Empowering People to Unlock AI's Full Potential / H. Mayer [и др.]. – McKinsey, 2025.
17. Paiva, A. From Social to Prosocial Machines: A New Challenge for AI / A. Paiva // Proceedings of the 27th International Conference on Intelligent User Interfaces (IUI '22). – ACM, New York, 2022. – P. 2. – DOI: 10.1145/3490099.3519387.
18. Poccornie Robin, My fight against algorithmic bias, 2024 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.basf.com/basf/www/global/en/media/magazine/creatingchemistrystories/2025/my-fight-against-algorithmic-bias> (дата обращения: 15.04.2025).
19. Refik Anadol. Machine Hallucinations: Sphere [Электронный ресурс]. – URL: <https://refikanadol.com/works/machine-hallucinations-sphere/> (дата обращения: 15.04.2025).
20. Tavishi Choudhary. Political Bias in AI–Language Models: A Comparative Analysis of ChatGPT-4, Perplexity, Google Gemini, and Claude. TechRxiv. July 15, 2024.
21. Technelegy [Электронный ресурс]. – URL: <https://criticalplayground.org/technelegy/> (дата обращения: 10.05.2025).
22. T-Tech Model [Электронный ресурс]. – URL: <https://huggingface.co/t-tech> (дата обращения: 15.04.2025).
23. What Is AI Art? [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.christies.com/en/stories/what-is-ai-art-augmented-intelligence-36dc0897d3584268b5102468a3bf8a8c> (дата обращения: 15.04.2025).
24. Zhou, M. Bias in Generative AI / M. Zhou [и др.] // arXiv:2403.02726. – 2024. – DOI: 10.48550/arXiv.2403.02726.
25. Zhang, T. A Feature Fusion Method with Guided Training for Classification Tasks / T. Zhang [и др.] // Computational Intelligence and Neuroscience. – 2021. – Vol. 2021, № 1. – DOI: 10.1155/2021/6647220.

Исследование перевода наименований яогуай в игровых текстах с позиции теории скопоса – на примере игры «Black Myth: Wukong»

Чжу Миньян,

магистр, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 17591658723@163.com

Илимира Илияс,

преподаватель, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 906410112@qq.com

Настоящее исследование разрабатывает методологию перевода культурно-нагруженных номинаций яогуай в AAA-игре Black Myth: Wukong на русский язык в рамках теории скопоса (Х.Й. Вермеер). Анализ трёх категорий мифологических сущностей оригинальных (прямые репрезентации из «Путешествия на Запад»), адаптированных (синтез историко-фольклорных источников) и авторских (креативные разработки студии) выявил дифференцированные стратегии локализации, детерминированные принципами целесообразности, когерентности и верности. Для оригинальных яогуай («Чёрный медведь-гуай», «Чжу Бацзе») доминируют прямой перевод и транслитерация, сохраняющие культурные коды. Адаптированные сущности («Каменный могильщик», «Мать пламеньков») требуют смыслового перевода и доместикации с интеграцией русских культурных аналогов. Авторские яогуай («Волк-разведчик», «Инь-Ян рыба») акцентируют функциональную эквивалентность через семантико-культурную адаптацию. Результаты подтверждают эффективность теории скопоса для баланса лингвокультурологической аутентичности и коммуникативной эффективности в игровой локализации, предлагая модель для глобализации китайских проектов.

Ключевые слова: Теория Скопоса, Наименования Яогуай, Игровая Локализация, Китайская Мифология, Стратегии Перевода.

Введение

В последние годы китайская индустрия видеоигр демонстрирует устойчивый рост, став важной составляющей культурной отрасли. Согласно данным «Отчёта о развитии игровой индустрии Китая – 2024», объём выручки на рынке консольных игр в 2024 году достиг 4,488 млрд юаней при росте на 55,13% в годовом исчислении. В отчёте подчёркивается: «Значительное расширение рынка консольных игр обусловлено выдающимися показателями феноменальной игры «Black Myth: Wukong».

Как первая китайская игра уровня AAA, получившая международное признание, «Black Myth: Wukong» привлекла внимание глобального игрового сообщества и медиа с момента выхода первого трейлера в 2020 году. Основанная на классическом романе «Путешествие на Запад», игра синтезирует мифологические, исторические и восточно-фэнтезийные элементы, воплощая уникальные черты китайской культуры. По данным агрегатора игровых рецензий Metacritic, на 17 августа 2024 года 52 международных издания присвоили игре высокий средний балл 82/100. В условиях глобализации китайских игровых компаний и растущего присутствия отечественных проектов на международных рынках потребность в качественном переводе игровых текстов приобретает критическое значение. В данном контексте исследование переводческих стратегий становится ключевой темой для академических и отраслевых дискуссий.

Игра «Black Myth: Wukong», находящаяся под глубоким влиянием китайской мифологии и классического романа «Путешествие на Запад», демонстрирует, что наименования яогуай в ней не только выполняют нарративную функцию, но и обладают богатым культурно-символическим значением. Культура яогуай, являясь пересечением фольклорных, исторических и иных элементов, в различных лингвокультурных контекстах зачастую приобретает уникальные формы репрезентации. В данной игре представлена новаторская интерпретация традиционной китайской мифологии: образы, наименования и характеристики яогуай тесно связаны с «Путешествием на Запад», «Шань хай цзин» и народными преданиями. Такие персонажи, как Чжу Бацзе и Красный лун, не только воплощают специфические культурные коннотации, но и коррелируют с традиционной китайской философской системой, этическими концепциями и эстетическими символами. Однако в процессе межкультурной коммуникации данные наименования сталкиваются со значительными трансляционными сложностями. Ключевой проблемой исследования остаётся вопрос сохранения культурной семантики при адаптации к когнитивным паттернам русскоязычной аудитории.

В рамках теории скопоса данное исследование анализирует методы русскоязычной передачи номинаций яогуай в проекте «Black Myth: Wukong». Посредством трёхуровневой классификации оригинальные яогуай из романа «Путешествие на Запад», адаптированные игровые яогуай и авторские игровые яогуай – осуществляется конкретизация переводческих стратегий, основанное на целеполагающих принципах скопос-теории

с фокусом на функциональную адаптацию культурных коннотаций.

Теоретическая основа

Теория скопоса, разработанная немецким исследователем Хансом Фермиром[1], занимает центральное положение в функциональной школе переводоведения. Основной постулат данной концепции заключается в примате целенаправленности переводческого процесса, где стратегические решения подчиняются заранее установленным коммуникативным задачам. Теоретическая система включает три фундаментальных принципа: целесообразность, когерентность и верность.

Принцип целесообразности выступает краеугольным камнем теории, детерминирующим переводческие действия через призму целеполагания. Данный постулат требует от переводчика четкого определения целевой аудитории, формулировки иерархии задач и селекции стратегий, обеспечивающих адекватную передачу исходной информации с ориентацией на рецепторное восприятие. По Фермиру, принцип целесообразности предполагает, что перевод определяется своей целью, а не формальным соответствием исходному тексту. Это согласуется с функциональным подходом Норд[2], где перевод рассматривается как инструмент межкультурной коммуникации.

Принцип когерентности устанавливает требование интралингвистической согласованности, предполагая создание текста, обладающего логической цельностью в рамках принимающей культурно-коммуникативной системы. Реализация данного принципа обеспечивает текстуальную когезию, понятность для целевой аудитории и функциональную значимость в новых социокультурных условиях. Принцип верности регламентирует степень интерлингвистической корреспонденции между исходным и переводным текстами. Однако параметры верности определяются диалектическим взаимодействием целевой установки перевода, субъективной интерпретационной модели переводчика и субординацией принципу когерентности, формируя динамическую шкалу текстовой аутентичности.

Анализ применимости теории скопоса к переводу номинаций яогуай в игровых текстах

Перевод номинаций яогуай в игровых текстах сопряжён с высокой степенью культурной нагруженности и контекстуальной зависимости. Данные термины, насыщенные мифологическими аллюзиями и фольклорными коннотациями, не только влияют на нарративную структуру и характер персонажей, но и напрямую детерминируют иммерсивный опыт игрока. Таким образом, локализация яогуай требует не просто передачи денотативного значения, но и реконструкции культурных символов и эмоциональных смыслов. Теория скопоса предоставляет переводческому сообществу научно обоснованные критерии оценки, преодолевая ограничения эквивалентности: ключевым параметром становится не текстуальное соответствие между исходным и целевым языком, а достижение коммуникативных целей перевода [3].

Согласно постулатам теории скопоса, детерминирующим фактором переводческого процесса выступает целеполагание конкретного коммуникативного действия [4]. В контексте игровой локализации ключевая цель заключается в обеспечении понимания русскоязычными игроками культурных коннотаций яогуай при сохранении бесшовности игрового опыта. Принцип целесообразности требует чёткого определения финальной цели соз-

дания текста, который не только транслирует исходную информацию, но и вызывает культурно-эмоциональный резонанс у целевой аудитории. Это позволяет переводчику гибко применять стратегии буквального перевода, смысловой адаптации или культурной ассимиляции, учитывая мифологический бэкграунд яогуай и когнитивные паттерны игроков. Принцип когерентности актуализирует требование внутренней согласованности перевода в рамках игрового нарратива, исключая диссонансы, нарушающие иммерсивность. Принцип верности, сохраняя приоритет смысловой аутентичности, допускает стратегические компромиссы для баланса между культурной точностью и адаптацией к целевому контексту.

Классификация наименований яогуай

Наименования яогуай, выступая ключевым культурным носителем в игровом тексте «Black Myth: Wukong», аккумулируют не только богатое наследие китайской мифологии и фольклорных традиций, но и репрезентируют креативную реинтерпретацию традиционных элементов разработчиками. Различия в культурных атрибутах, функциональной направленности и визуальном моделировании яогуай различного происхождения обуславливают необходимость их классификации по культурным истокам и функциональным особенностям в процессе перевода. Данный таксономический подход не только способствует идентификации сохраняемых культурных характеристик, но и формирует методологическую базу для разработки переводческих стратегий. В рамках теории скопоса, интегрирующей канонические источники («Путешествие на Запад», «Шань хай цзин») и авторские игровые концепты, настоящая работа систематизирует наименования яогуай из «Тёмного мифа: Укун» в три категории для последующего анализа:

Роман «Путешествие на Запад», являющийся жемчужиной китайской классической литературы, сформировал за столетия устойчивые культурные архетипы яогуай, обладающие высокой узнаваемостью и символической значимостью в массовом сознании. Отнесение данных персонажей к категории оригинальных яогуай из романа «Путешествие на Запад» обусловлено их прямой текстуальной преемственностью с каноническим источником и исторической стабильностью интерпретаций. Эти мифологические сущности не только выполняют нарративные функции в игровом контексте, но и выступают носителями непрерывной культурной традиции. В проекте «Black Myth: Wukong» данная категория яогуай характеризуется двумя ключевыми аспектами: Являются носителями фиксированных культурных символов. Оригинальные яогуай, такие как «Чёрный медведь-гуай», Чжу Бацзе и «Красный ребёнок», обладают чётко закреплёнными в тексте атрибутами. Их культурные коннотации дух бунтарства, дикая сила, мистическая семантика приобрели статус универсальных культурных кодов благодаря многовековой рецепции. Стабильность номинации в различных редакциях текста превратила их в лингвокультурные константы.

Выполняют сюжетообразующую роль. Например, «Чёрный медведь-гуай» появляется как финальный цари яогуай в первой главе игры. Его поражение активирует игровое достижение и вводную кат-сцену главы «Чёрные небеса, красный огонь», где персонаж репрезентирует аллегорию Тань-Чэнь-Чи (жадность), усиливая исходную символику романа. Чжу Бацзе, сохраняя роль ключевого спутника игрока, становится катализатором развития сюжета в кат-сцене четвёртой главы «Розовые щёки, седые волосы». «Красный ребёнок», будучи одним из главных Королей Яогуай пятой главы «Золотое

дитя, алая кровь», воплощает амбивалентный образ, балансирующий между антагонизмом и трагическим величием. Адаптированные игровые яогуай объединяет общая черта: их образы и номинации восходят к древним мифологическим трактатам («Шань хай цзин», «Соу шэнь цзи»), буддийской культуре и элементам романа «Путешествие на Запад», не будучи жёстко привязанными к единому канону. Эти сущности, обладающие аморфными и вариативными характеристиками, насыщены архаичной символикой и локальными особенностями. Их многовековая эволюция через устные предания и письменные фиксации кристаллизовала уникальные культурные коды, демонстрирующие универсальность и синкретизм китайской мифопоэтики. Данная категория проявляет две ключевые особенности:

Глубинная историко-культурная генеалогия. Номинации и атрибуты адаптированных яогуай синтезируют разнородные источники. Согласно Wiki-энциклопедии платформы Bilibili, «Би шуй цзинь цзин шоу» восходит к юаньской драме «Пьяный выстрел Священного Божества Эрлан в Зеркало Демонов».[5] В сюжете «Князь-бык с девятью головами» и «Цзинь цзин бай янь гуй», нарушившие небесные законы, запечатаны в зеркале, позднее реинкарнировавшись в «Князя с головой быка» из романа и «Златоглазого зверя» в игре. Вождь яогуай «Лотосовый капитан», один из четырёх божественных генералов третьего царевича в романе, получил имя через буддийские эпитеты «Лянь янь», «Цин лянь янь» и «Цин лянь хуа янь», обозначающие чистоту ока божеств. Цари яогуай «Фубань» отсылает к одноимённому эссе Лю Цзунъюаня эпохи Тан: «Фубань – малый жук, искусный в ношении нош».

В игре яогуай выполняют роль экологических элементов, формирующих игровую среду. Их номинации, такие как «Ши цан цан» или «Цин жань жань», отсылают к природным образам (литосфера, флора), подчёркивая архетипическую силу и загадочную эстетику. Эти сущности сочетают мифологическую основу с визуальной поэтикой, усиливая атмосферу мира.

Разработанные командой создателей, авторские яогуай ориентированы на современные игровые тренды. Их дизайн не прямое заимствование из фольклора, а творческая интерпретация. Например, «Волк-разведчик» и «Крыса-стрелок» сочетают фольклорные мотивы с тактическими ролями (разведка, дальние атаки). Группы вроде «Орлиного солдата» или король яогуай «Рыба Ин-ян» регулируют сложность геймплея, интегрируя механики боя с эстетикой традиционной китайской живописи. Такие сущности обогащают вселенную и привлекают игроков инновационными решениями.

Конкретный анализ кейсов

В рамках интеграции теории скопоса с трёхуровневой классификацией оригинальные яогуай из романа «Путешествие на Запад», адаптированные игровые яогуай и авторские игровые яогуай осуществляется анализ переводческих стратегий для номинаций яогуай в проекте «Black Myth: Wukong».

Поскольку оригинальные яогуай из романа «Путешествие на Запад» обладают чёткой символической значимостью и исторической преемственностью в китайской культуре, их перевод требует приоритетного соблюдения принципа верности с учётом принципа целесообразности. Переводчик применяет комбинированные методы прямого перевода и транслитерации, сохраняя как фонетическую эстетику оригинальных номинаций, так и их исходные культурные атрибуты.

Прямой перевод подразумевает дословное воспроизведение лексической структуры без существенной семантической адаптации, что позволяет сохранить оригинальные лингвокультурные особенности[6]. Данный метод применим при наличии концептуальных аналогов в целевом языке или высокой прозрачности исходного выражения:

(1) 黑熊精 – Чёрный медведь-гуай

“黑熊精” переводится как «Чёрный медведь-гуай»: компонент “黑熊” передаётся прямым переводом, а “精” транскрибируется через семантически близкое «гуай», сохраняя визуальную образность и культурную уникальность китайских яогуай.

(2) 黄风大圣 – Мудрец Жёлтый Ветер

Прямой перевод сочетается с импликацией мудрости и мистицизма через эпитет «Мудрец», что соответствует каноническому образу “黄风大圣” и создаёт аутентичное восприятие у русскоязычных игроков.

Параллельно с прямым переводом в локализации «Тёмного мифа: Укун» применяется стратегия транслитерации, предполагающая фонетическую адаптацию без учёта семантики. Это характерно для культуроспецифичных терминов и мифонимов:

(3) 猪八戒 – Чжу Бацзе

Транслитерация ключевого персонажа “猪八戒” сохраняет фонетические особенности оригинала через подбор русских фонем, близких к китайскому произношению, балансируя между верностью культурному символу и целесообразностью игрового восприятия.

(4) 灵虚子 – Лин Сюй-цзы

Компонент “灵” транскрибируется как «Лин», “虚” – «Сюй», а “子” – «цзы», сохраняя фонетическую мелодику и мистическую ауру персонажа через чёткое слоговое членение.

(5) 亢金龙 – Кандзинь-лун

Особый интерес представляет транслитерация “亢金龙”: “亢” передаётся как «Канд-», отражая фонетическую связность согласных и гласных; “金” адаптируется как «дзинь», где сочетание «дз» имитирует китайский звук «j»; “龙” транскрибируется как «лун», отклоняясь от традиционного «дракон», чтобы подчеркнуть уникальность китайского дракона как культурного символа. Данный подход минимизирует интерференцию западных культурных стереотипов, усиливая идентичность китайского культурного кода в глобальном игровом контексте и демонстрируя верность ядру китайской культурной традиции.

Адаптированные игровые яогуай, интегрирующие множественные культурные элементы, требуют обеспечения естественности и логической связности перевода в русскоязычном контексте, что выдвигает принцип когерентности на ведущую позицию. В анализе переводческих стратегий для данной категории наблюдается преобладание смыслового перевода и стратегии доместикации. Смысловой перевод подразумевает передачу содержания без строгого следования форме оригинала, что не гарантирует поэлементного соответствия. Многие номинации адаптированных яогуай подвергаются смысловой трансформации для соответствия когнитивным паттернам русскоязычных игроков. Например:

(1) 石磷磷 – Каменный могильщик

“石磷磷” дословно переводится как «Камень, светящийся фосфором», но в игре используется смысловой вариант «Каменный могильщик». Хотя “磷磷” исходно обозначает мерцание камня, перевод акцентирует функцию охраны могил или каменных ландшафтов, усиливая мистико-угрожающую атмосферу. Это соответствует принципу когерентности (культурная логика целевого

контекста) и принципу целесообразности (снижение когнитивной нагрузки).

(2) 螭虫精 – Гуай-кузнечик

«螭虫精» дословно – «Богомолвый демон», но игровой перевод «Гуай-кузнечик» сохраняет китайскую концепцию «гуай» (сверхъестественное существо), комбинируя её с общепонятным «кузнечик», что облегчает визуализацию для русскоязычной аудитории в рамках принципа целесообразности.

Для адаптированных яогуай, культурно чуждых русскоязычным игрокам, применяется стратегия доместикации, облегчающая принятие текста целевой аудиторией. Согласно теориям Ньюмарка [7] и Баснетт [8], доместикация включает семантическую, культурную, образную и функциональную адаптацию, что иллюстрируют примеры:

(3) 魔将·妙音 – Мудро-голосый капитан

Дословный перевод «Генерал-демон с прекрасным голосом» заменён на «Мудро-голосый капитан». «妙音», исходно означающее «прекрасный звук», в русской версии акцентирует философский концепт «мудрость» (культурная адаптация), что соответствует русскому культурному архетипу «разумности». Перевод «将» как «капитан» (функциональная адаптация) подчёркивает лидерскую роль персонажа в игровой механике.

(4) 无量蝠 – Летучая мышь Апраманы

Дословный вариант «Безграничная летучая мышь» трансформирован в «Летучая мышь Апраманы». Термин «无量», связанный с буддийской концепцией бесконечности, адаптирован через санскритское «Апрамана» (семантическая адаптация). Перевод «蝠» как «летучая мышь» (образная адаптация) визуализирует морфологию существа, сохраняя узнаваемость для русской аудитории.

Многие переводы интегрируют аналоги мифологических образов из русской культуры. Например:

(5) 火灵元母 – Мать пламеньков

Номинация «火灵元母» переосмыслена как «Мать пламеньков». Использование уменьшительного суффикса «-ек» («пламеньки») создаёт антропоморфный образ, близкий к славянским мифам о духах огня. Перевод «元母» как «Мать» (культурная адаптация) актуализирует архетип материнства, усиливая связь с русской фольклорной традицией.

Авторские игровые яогуай ориентированы на функциональность и современную эстетику, что требует подчинения перевода принципу целесообразности для обеспечения игрового опыта и достижения целей проекта. Основной стратегией выступает доместикация с элементами гибридного перевода, направленная на акцентирование боевых функций, визуальных характеристик и культурного контекста. Примеры:

(1) 狼斥候 – Волк-разведчик

(2) 鼠弩手 – Крыса-стрелок

Примеры (1) и (2) иллюстрируют семантическую адаптацию: В первом случае «斥候» («разведчик») передано как «разведчик», что чётко идентифицирует роль персонажа; Во втором «弩手» («арбалетчик») переведено как «стрелок», указывая на дистанционный тип атаки и тактическую специализацию. Данные переводы обеспечивают прямую связь между функционалом яогуай и игровой механикой, облегчая русскоязычным игрокам оперативное восприятие ролевых характеристик.

(3) 火灵童子 – Пламенёк

(4) 狼护法 – Волк-страж

Примеры (3) и (4) демонстрируют культурную адаптацию: Создание антропоморфного образа через уменьшительный суффикс «-ёк» («пламенёк»); Замена буд-

дийского термина «护法» на общепонятное «страж» (стратегическая интеграция в игровой контекст).

(5) 百目真人 – Кровожадный даос

(6) 碧臂螂 – Богомол с изумрудным оружием

Примеры (5) и (6) отражают образную адаптацию: «百目» «кровожадный» (акцент на устрашающую характеристику); «碧» (нефрит) «изумрудное оружие» (визуализация через культурно-значимый цвет).

Гибридные стратегии применяются для сохранения культурной уникальности при адаптации к русским языковым нормам:

(7) 阴阳鱼 – Инь-Ян рыба

Сочетание транслитерации («Инь-Ян») и прямого перевода («рыба») обеспечивает баланс между экзотичностью и понятностью.

(8) 海罗刹 – Морские ракшасы

Комбинация транслитерации буддийского термина («ракшасы») и описательного элемента («морские») усиливает контекстуальную ясность.

(9) 浪里个波 – Лан-Ли-Гу-Бао / 波里个浪 – Бао-Ли-Гу-Лан

(10) 琴螂幼虫 – «Малый червь-ненасытник»

Примеры (9) и (10) используют креативную локализацию: Фонетическая адаптация звукоподражательных номинаций («Лан-Ли-Гу-Бао»); Описательный перевод («ненасытник») для указания на агрессивное поведение.

Заключение

Настоящее исследование подтвердило эффективность применения теории скопоса (Х.Й. Вермеер) в качестве методологического фундамента для перевода культурно-нагруженных номинаций яогуай в игровом проекте «Black Myth: Wukong». Анализ трёх категорий мифологических существ оригинальных (прямые репрезентации из «Путешествия на Запад»), адаптированных (синтез различных источников) и авторских (креативные разработки студии) выявил дифференцированные стратегии локализации, детерминированные принципами целесообразности, когерентности и верности. Для оригинальных яогуай, таких как «Чёрный медведь-гуай» и «Чжу Бацзе», доминируют прямой перевод и транслитерация, обеспечивающие сохранение культурных кодов и фонетической аутентичности. Адаптированные существа (напр., «Каменный могильщик» вместо дословного «Ши линь линь») требуют смыслового перевода и доместикации, интегрирующей аналоги из русской мифопоэтики («Мать пламеньков»), что балансирует историческую точность с когнитивной доступностью. Авторские яогуай («Волк-разведчик», «Инь-Ян рыба») акцентируют функциональную эквивалентность через семантическую и культурную адаптацию, подчиняясь принципу целесообразности для оптимизации игрового опыта.

Теоретическая значимость работы заключается в расширении инструментария теории скопоса для игровой локализации, демонстрирующей гибкость в решении ключевой дилеммы: синтеза лингвокультурологической аутентичности («верность») и коммуникативной эффективности («целесообразность»). Практическая модель, разработанная на основе исследования, предлагает алгоритм перевода культурно-специфичных элементов для глобализации китайских AAA-проектов, подчёркивая необходимость двойной компетенции переводчика глубины культурологического анализа и понимания психологии игроков. Ограничения (узкая выборка, отсутствие эмпирических данных) определяют перспективы дальнейших исследований: верификацию выводов на расширенном материале и интеграцию юзабилити-тестирования для оценки кросс-культурной рецепции.

Литература

1. Вермеер Х. Дж. Аскопосская теория перевода: (некоторые аргументы за и против). – Textcontext-Verlag, 1996. – С. 24–32.
2. Норд К. Перевод имеет свою цель: интерпретация теории функционального перевода / пер. с англ. Чжан Мэйфан, Ван Кефэй. – Пекин: Издательство по преподаванию и исследованиям иностранных языков, 2005. – С. 16–78.
3. Шэнь Кэцзя. Анализ эффектов перевода заклинаний в серии фильмов «Фантастические твари» с точки зрения теории цели перевода // Язык и культурология. – 2024. – Т. 32, № 6. – С. 190–194.
4. Бянь Цзяньхуа. Наследие и трансцендентность: исследование функционалистской теории цели перевода. – Пекин: Издательство общественных наук Китая, 2008. – С. 210–217.
5. Bilibili Game Center. Персонажи – Wukong WIKI. – URL: <https://wiki.biligame.com/wukong/>.
6. Чжэн Дэху. Китайская культура становится глобальной и перевод культурно-окрашенных слов // Шанхайский перевод. – 2016. – № 2. – С. 53–56.
7. Ньюмарк П. Учебник перевода. – Шанхай: Шанхайский институт иностранных языков, 2001. – С. 123–135.
8. Басснетт С., Хоукс Т. Переводческие исследования. – 3-е изд. . – 2002. – С. 85–91.

A STUDY OF TRANSLATION OF YAOGUAI NAMES IN GAME TEXTS FROM THE SKOPOS THEORY PERSPECTIVE – USING THE GAME “BLACK MYTH: WUKONG” AS AN EXAMPLE

Zhu Mingyang, Yilimire Yiliyasi
Xinjiang Normal University

This study develops a methodology for translating culturally loaded yaoguai nominations in the AAA game Black Myth: Wukong into Russian within the framework of the skopos theory (H.J. Vermeer).

An analysis of three categories of mythological entities: original (direct representations from “Journey to the West”), adapted (synthesis of historical and folklore sources) and author’s (creative developments of the studio) revealed differentiated localization strategies determined by the principles of expediency, coherence and fidelity. For the original yaoguai (“Black Bear-guai”, “Zhu Bajie”), direct translation and transliteration preserving cultural codes dominate. Adapted entities (“Stone Gravedigger”, “Mother of Flames”) require semantic translation and domestication with the integration of Russian cultural analogues. The author’s yaoguai (“Wolf Scout”, “Yin-Yang Fish”) emphasize functional equivalence through semantic-cultural adaptation. The results confirm the effectiveness of skopos theory for balancing linguacultural authenticity and communicative efficiency in game localization, offering a model for the globalization of Chinese projects.

Keywords: Skopos Theory, Yaoguai Names, Game Localization, Chinese Mythology, Translation Strategies.

References

1. Vermeer H.J. The Askopos Theory of Translation: (Some Arguments for and Against). – Textcontext-Verlag, 1996. – P. 24–32.
2. Nord K. Translation Has a Purpose: An Interpretation of the Theory of Functional Translation / trans. from English by Zhang Meifang, Wang Kefei. – Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2005. – P. 16–78.
3. Shen Kejia. An Analysis of the Translation Effects of Spells in the Fantastic Beasts Film Series from the Perspective of Translation Purpose Theory // Language and Cultural Studies. – 2024. – Vol. 32, No. 6. – P. 190–194.
4. Bian Jianhua. Heritage and Transcendence: A Study of the Functionalist Theory of Translation Purpose. – Beijing: China Social Sciences Press, 2008. – P. 210–217.
5. Bilibili Game Center. Characters – Wukong WIKI. – URL: <https://wiki.biligame.com/wukong/>.
6. Zheng Dehu. Chinese Culture Goes Global and Translation of Culturally Colored Words // Shanghai Translation. – 2016. – No. 2. – P. 53–56.
7. Newmark P. Textbook of Translation. – Shanghai: Shanghai Institute of Foreign Languages, 2001. – P. 123–135.
8. Bassnett S., Hawkes T. Translation Studies. – 3rd ed. . – 2002. – P. 85–91.

Исследование адаптивности русского перевода культурноносных слов в книге Си Цзиньпина «Один пояс, один путь»

Янь Дунмэй,

магистр, Северо-Восточный университет лесного хозяйства
E-mail: yandongmei2002@163.com

Сунь Фуцин,

доктор, преподаватель, Северо-Восточный университет лесного хозяйства; пост-доктор, Хэйлунцзянский университет
E-mail: 406884556@qq.com

Культурноносные слова в политическом дискурсе с китайской спецификой содержат глубокую информацию о китайской культуре и, обладая литературной и эстетической ценностью, также отражают особую политическую позицию и политическую чувствительность. В данном исследовании на основе теории языковой адаптации Версхюрена в качестве корпуса взята цитата Си Цзиньпина «Один пояс, один путь», построена четырехмерная схема анализа русского перевода культурноносных слов и на примерах рассмотрен механизм соответствия в русском переводе культурноносных слов. Исследование показывает, что: переводчики могут динамично соединять культурную схему исходного языка и когнитивную структуру языка перевода посредством контекстуальной адаптации; многоуровневые особенности языковой адаптации отражаются в стратегиях фонологической трансплантации, синтаксической трансформации и артикуляции дискурса; анализ исторического корпуса показывает, что существует динамический закон адаптации стратегии перевода в направлении политики; стратегия выделения сознания может эффективно сбалансировать культурную неоднородность и принятие аудитории. Данное исследование проверяет применимость модели лингвистического соответствия при переводе политического дискурса с целью создания переводческой парадигмы для международного распространения политического дискурса с китайской спецификой.

Ключевые слова: культурноносные слова; один пояс, один путь; теория адаптации; русский перевод политического дискурса; стратегии перевода; адаптивность; переводческая деятельность.

Введение

Решение, принятое на третьем пленуме ЦК КПК двадцатого созыва, предлагает «ускорить создание китайского дискурса и китайской нарративной системы, а также всесторонне повысить эффективность международного общения». Решение включает перевод политического дискурса в общие рамки модернизации государственного управления и призывает к уточнению «идентифицирующих концепций» в ходе переводческой работы, а также к созданию «новых концепций, новых категорий и новых выражений, которые легко понять и принять международному сообществу». Русскоязычный регион, являющийся важной стратегической точкой опоры сотрудничества «Один пояс, один путь», имеет значительные различия между своими языковыми и культурными системами и китайским языком, что делает изучение русского перевода культурноносных слов ключевым лингвистическим мостом для углубления российско-китайского стратегического партнерства во взаимодействии. В последние годы в Китае культурноносные слова изучаются в самых разных типах текстов, таких как туристические, литературные и канонические произведения.[1,2,3] Например, в отношении иностранных пропагандистских текстов Чжэн Дэху выступает за перевод китайских культурноносных слов с помощью подхода, основанного на отчуждении;[4] Бу Бяо и Чжу Чжаовэй исследуют перевод культурноносных слов в книге «Си Цзиньпин о государственном управлении» с точки зрения экологического перевода с учетом трех измерений – языка,[5] культуры и коммуникации, соответственно, утверждая, что переводчик должен гибко использовать стратегии прямого перевода, намеренного перевода, вычитания и реформации перевода и адаптироваться к переводу в условиях Лю Сюэ исследует переводческую компенсацию культурноносных слов на примере отчета о работе правительства;[6] Лю Дунъюэ и Цзинь Инлинь анализируют китайско-немецкий перевод культурноносных слов с китайской спецификой с помощью теории цели,[7] «трех близостей» иностранной пропаганды и лингвистической самоуверенности. В связи с этим, основываясь на теории языковой адаптации, в данной статье систематически рассматривается соответствие русского перевода культурноносных слов в книге Си Цзиньпина «Один пояс, один путь», чтобы раскрыть глубинный механизм взаимодействия языкового выбора и контекстуальных факторов в межкультурной коммуникации и предоставить переводческую парадигму для интернационализации политического дискурса с китайской спецификой. Это позволит создать переводческую парадигму для международного распространения политического дискурса с китайской спецификой.

Интерпретация теории языковой адаптации

Йеф Версхюрен, генеральный секретарь Международного общества прагматики Бельгии, в своей книге «Новая интерпретация прагматики» в 1999 году понял и интерпретировал прагматику с новой точки зрения, выдвинув взгляды на синтез и соответствие языка. Что касается теории, то ее представили и прокомментировали отече-

Данная работа выполнена при поддержке инновационного научно-исследовательского проекта магистрантов Факультета иностранных языков Северо-Восточного Университета Лесного Хозяйства: «Исследование изменений перевода на русский язык политических терминов инициативы “Один пояс, один путь” в контексте теории контекстуальной адаптации (2024CX09)» и проекта Национальных философских социальных наук «Исследование перевода метафор культурных классиков в политических дискурсах на основе параллельных корпусов (22BYU198)».

ственные ученые Хэ Натурал и Юй Годун. [8] Согласно лингвистическому синтезу Версхюрена, использование языка – это, в конечном счете, «прерывистый процесс выбора языка, независимо от того, является ли этот выбор сознательным или бессознательным, и обусловлен ли он внутренними или внешними по отношению к языку причинами». [9] Версхюрен считает, что пользователи языка способны делать соответствующий выбор в процессе его использования благодаря следующим трем характеристикам языка: вариативности, переговорности и адаптивности.

Лингвистическая вариативность относится к тому факту, что «язык имеет ряд альтернативных возможностей»; лингвистическая переговорность относится к тому факту, что «все решения принимаются не механически или в строгом соответствии с отношениями форма-функция, а на основе очень гибких принципов и стратегий»; лингвистическая адаптивность относится к свойству «позволять говорящим делать гибкую адаптацию из имеющихся вариантов для удовлетворения коммуникативных потребностей». [10] А лингвистическая адаптивность относится к свойству «позволять пользователям языка осуществлять гибкую адаптацию из имеющихся вариантов для удовлетворения коммуникативных потребностей». Эти три свойства языка взаимосвязаны и неразделимы и представляют собой основные элементы использования языка. Среди них вариативность и переговорность являются условиями и основой, а адаптивность – корнем и целью; первые два обеспечивают возможность и способы выбора языка, а адаптивность – это основа, на которой можно сделать выбор языка, отвечающего потребностям общения, соответствующим образом и в пределах возможностей, чтобы языковое общение проходило гладко. Эти три характеристики языка очень вдохновляют переводоведение и помогают решить некоторые традиционные трудности.

По сравнению с этим адаптивность языка более информативна для описания всего процесса перевода. В процессе вербальной коммуникации пользователи языка делают гибкий выбор и корректируют язык, основываясь на динамическом знании коммуникативного контекста, чтобы реализовать конкретные коммуникативные намерения. [11] Эта характеристика воплощается в четырех основных измерениях: во-первых, контекстуальная адаптация, т.е. выбор языка должен быть адаптирован к контекстуальным элементам физического, социального и психологического мира, охватывая измерения времени, пространства, социокультурных норм, а также идентичности и аффективного восприятия двух сторон коммуникации. Во-вторых, лингвистическая структурная адаптация, которая предполагает выбор внутренней структуры языковой системы, включая стратегическое использование фонологии, лексики, синтаксиса, главы и других аспектов; в-третьих, динамический характер адаптации, который подчеркивает, что языковой выбор не является статичным соответствием, а постоянно корректируется в ответ на изменения контекстуальных элементов в процессе коммуникации, что отражается в согласовании потенциального выбора с фактической формой языка в режиме реального времени; и в-четвертых, степень осознанности адаптации, которая означает, что степень самонаблюдения и рефлексии пользователей языка при согласовании, а также их иерархическое различие влияет на стратегический и целесообразный выбор языка.

Согласно теории адаптации, выбор и использование языка – динамичный процесс соответствия контекста и структуры. При переводе центральных документов ключевое требование выделять субъектную позицию

народа в интересах государства и нации. Переводчик, изменяя структуру предложений по контексту и следуя политической логике, обязан ориентироваться на аудиторию, быть инновационным и точно передавать коннотации. Контекстуальное соответствие политического дискурса – это многомерный баланс идеологии, культурных различий и коммуникативной эффективности. Лингвистическая адаптивность – динамический механизм поиска баланса между языковыми возможностями, социальными нормами и коммуникативными целями, отражающий гибкость языка и роль познания, обеспечивая аналитическую основу для понимания смысла в политической коммуникации.

Обзор культурноносных слов

Определение и характеристики культурноносных слов

Культурный подтекст и история нации откладываются в её словарном запасе, порождая уникальные «культурноносные слова», отражающие историю, социальное устройство, среду, религию и обычаи народа. Как отметил Ван Цзююань, различия культур проявляются в коннотации слов, которая включает эмоции и ассоциации помимо словарного значения. Мона Бейкер указывает, что такие слова в переводе часто обозначают понятия, присутствующие в исходном языке, но отсутствующие в целевом, включая специфические предметы, религиозные верования, социальные практики или привычки питания. Ляо Ции в своей книге «Исследования современных западных теорий перевода» указывает, [12] что определение «культурноносные слова» относится к словам, фразам и идиомам, которые обозначают что-то специфическое для определенной культуры. Эти слова отражают уникальные способы деятельности конкретного народа, накопленные в течение долгой истории и отличающиеся от способов деятельности других народов.

Все определения подчеркивают уникальность и культурную маркированность культурноносных слов исходного языка, ориентированных на китайскую идеологию и ценности. Они служат «окном» в китайскую политику и культуру, демонстрируя наследие и эпохальность традиций. Чжэн Дэху отмечает растущую важность унификации их перевода, так как разнообразие препятствует распространению культуры и ослабляет влияние. Будучи лексическими единицами с уникальной культурной коннотацией, отражающими национальное мышление и ценности, их суть – глубокая связь семантики с социокультурной системой. Они не только языковые символы, но и концентраторы культурной информации, чей перевод требует внимания к культурным различиям для преодоления разрыва.

Классификация культурноносных слов

Американский теоретик перевода Юджин Найда разделил культурные элементы в языке на пять категорий: экологическая культура, материальная культура, социальная культура, религиозная культура и лингвистическая культура. В академических кругах данная классификация часто используется как основа для анализа культурноносных слов, которые интерпретируются в соответствующих категориях. Экологические культурноносные слова связаны с географической средой (животные, растения, реки, горы) и климатическими сезонами, например, «24 сезона сельскохозяйственного календаря» («二十四节气») или «водные ландшафты Цзяннани» («江南水乡»). Материальная культура, в отличие от духовной, охватывает артефакты, удовлетворяющие потребности человеческой деятельности, и их культурные проявления; к та-

ким терминам относятся предметы одежды, пищи, жилья и транспорта, например, «сыхэюань» («四合院») или «ципао» («旗袍»). Культурноносные слова социальной культуры отражают политические институты, формы обращений, образовательные традиции и социальные нормы, демонстрируя организацию и ценности традиционного общества, как, например, «сыновняя почтительность» («孝道») или «система государственных экзаменов кэцзюй» («科举»). Религиозно-культурные слова связаны с традиционными верованиями, мифологией или народными культурами, например, «инь-ян» («阴阳») или «сансара» («轮回»). Лингвокультурные слова основаны на уникальных особенностях китайской языковой структуры или риторике, обладая неразрывной двойственностью языка и культуры, например, пословицы-загадки «сехоуяу» («歇后语») или парные надписи «дуйлянь» («对联»).

С точки зрения языковой формы и функциональности культурноносные слова можно разделить на идиомы и пословицы (например, «рисовать змее ноги» — «画蛇添足»), лексику из мифов и классических аллюзий (например, «Цзин Вэй, заполняющая море» — «精卫填海», «ящик Пандоры» — «潘多拉魔盒»), а также диалектизмы и региональную лексику (например, кантонское «ямча» — «饮茶»), чья смысловая передача глубоко зависит от культурного контекста, а риторические и структурные особенности усложняют межъязыковую трансформацию. В политическом дискурсе культурноносные слова концентрируются в использовании устойчивых выражений, сокращений, политических терминов и исторических аллюзий. С эволюцией общества такие термины демонстрируют динамическое развитие: статичные культурные слова (например, «цзягувэнь» — «甲骨文») чаще отсылают к историческим традициям, тогда как динамичные (например, «нэйцзюань» — «内卷», «танпин» — «躺平») отражают современные социальные феномены, особенно расширяя семантику через интернет-мемы. На практике перевода требуются дифференцированные стратегии: для полных лакун (например, «фэншуй» — «风水») применяется транскрипция с пояснением; для частичных лакун (например, «дракон» — «龙») необходим анализ культурных коннотаций во избежание искажений; для культурно-конфликтных терминов (например, «индивидуализм» — «个人主义») используется реконтекстуализация; при этом перевод функциональной лексики (например, «Четыре сокровища кабинета» — «文房四宝») и символической лексики (например, «слива, орхидея, бамбук, хризантема» — «梅兰竹菊») должен учитывать как утилитарное значение, так и культурную символику.

Адаптивность русских переводов культурноносных слов

Инициатива «Один пояс, один путь» зародилась в Китае и является основной практикой участия Китая в глобальном управлении и продвижении международного сотрудничества, а ее международный коммуникационный эффект в значительной степени зависит от точного перевода политического дискурса. Книга Си Цзиньпина «Один пояс, один путь» содержит 42 статьи, написанные председателем КНР Си Цзиньпином в период с сентября 2013 года по июль 2018 года и посвященные продвижению строительства «Одного пояса и одного пути», в которых подробно отражен процесс выдвижения, обогащения и развития инициативы «Один пояс, один путь». В ней подробно описывается процесс выдвижения, обогащения и развития инициативы «Один пояс, один путь», ярко интерпретируются принципы, богатый подтекст и целевые пути строительства «Один пояс, один путь», что позволяет читателям в стране и за рубежом лучше понять значение строительства «Один пояс, один путь». Она позволяет

читателям в стране и за рубежом лучше понять значение, идеологические истоки и практическую ценность строительства «Один пояс, один путь». Точный перевод культурноносных слов на русский язык имеет решающее значение для понимания Россией и другими русскоговорящими странами смысла и значения инициативы «Один пояс, один путь», а также для развития обменов и сотрудничества между двумя сторонами в политической, экономической, культурной и других областях в рамках инициативы «Один путь». В данной статье анализируется русский перевод культурноносных слов в книге Си Цзиньпина «Один пояс, один путь» с точки зрения четырех аспектов теории адаптации.

Контекстуально-реляционная адаптация

Контекст, то есть среда использования языка, является важным понятием в таких дисциплинах, как прагматика, семантика и риторика. Контекст можно разделить на лингвистический контекст, ситуативный контекст и культурный контекст или на вербальный и невербальный контекст. Контекстуально-реляционная адаптация означает, что выбор языка в процессе его использования должен соответствовать коммуникативному контексту. Йеф Версхюрен выдвинул идею о том, что динамическая адаптация контекста является ядром процесса языкового употребления, разделив контекст на коммуникативный и лингвистический. Первый состоит из факторов физического мира, социального мира и ментального мира, а второй, также называемый информационным каналом, относится к общепринятому понятию контекста и включает три аспекта: внутритекстовую связность, межтекстовые ограничения и линейную последовательность.

Физический мир в первую очередь относится к референциальным связям времени и пространства. Временные аспекты включают время события, время высказывания и референциальное время. Пространственные отсылки охватывают локацию говорящего, референциальное пространство, а также положение коммуникантов в физическом мире, включая невербальные элементы, такие как жесты, позы тела и движения. Социальный мир подразумевает принципы и нормы, регулирующие речевое поведение коммуникантов в рамках социальных ситуаций и общественной среды. Языковой выбор должен соответствовать коммуникативным стандартам социального контекста, окружения и языкового сообщества. Ментальный мир включает когнитивные и эмоциональные факторы, такие как личность, настроение, желания и интенции участников коммуникации.

Пример 1. 保护主义政策如饮鸩止渴, 看似短期内能缓解一国内部压力, 但从长期看将给自身和世界经济造成难以弥补的伤害。 Протекционизм подобен утолению жажды ядом: он способен снять внутреннее давление в стране на короткий срок, но, в конечном итоге, он лишь наносит тяжкий вред самой стране и всей мировой экономике.

«Утоление жажды ядом» китайская идиома, впервые упомянутая в историческом труде Фань Е «История Поздней Хань» в главе о Хо Сюй из эпохи Южных династий. «Чжэнь» мифическая ядовитая птица, а сама идиома буквально означает «пить вино, отравленное перьями чжэнь, чтобы утолить жажду», метафорически описывая решение сиюминутных проблем опасными методами, игнорируя катастрофические последствия. В оригинальном тексте использование этой метафоры направлено на создание яркого предупреждающего образа, вызывающего у читателя осознание вреда протекционистской политики. Переводчик избежал буквального перевода, применив адаптивную стратегию, преобразовав идиому в русский аналог с аналогичной функцией «утоление жажды ядом». Данный подход сохранил ри-

торический замысел оригинала, устранил когнитивный барьер, вызванный культурным дефолтом, и обеспечил эмоционально-смысловую эквивалентность, учитывая восприятие целевой аудиторией метафорических выражений.

Пример 2. 公元前三百三十多年的中国汉代，一支从长安出发的和平使团，开始打通东方通往西方的道路，完成了“凿空之旅”，这就是著名的张骞出使西域。Во времена династии Хань, около 130 года до н.э., мирная дипломатическая миссия покинула город **Чанъань (древняя столица Китая, современный город Сиань, прим. пер.)** и начала прокладывать дорогу с Востока на Запад, совершив **«Путешествие первопроходца»**.

Топоним «Чанъань» в переводе транскрибирован как «Чанъань» с пояснением «древняя столица Китая, современный город Сиань», сохраняя культурную уникальность и адаптируясь к пониманию русскоязычного читателя через добавление пространственно-временной информации, создавая мост между древним и современным. Историческое выражение «Путешествие первопроходца», несущее политико-дипломатическую коннотацию и оригинальную метафору трудностей, переведено стратегией адаптации как «Путешествие первопроходца». Хотя метафора изменена, выбор «первопроходца» позитивного образа новатора и героя в русской культуре активизирует восхищение достижениями Чжан Цзяня и эффективно передает оценочный замысел оригинала, соответствуя психологическим ожиданиям аудитории, социальным нормам перевода исторических текстов и усиливая авторитетность перевода через устоявшийся почетный термин.

Структурная адаптация языка

Структурная адаптация языка фокусируется на динамической корректировке различных уровней языковой системы, подчеркивая сознательный выбор языковых форм, осуществляемый субъектом коммуникации для реализации конкретных коммуникативных целей. Данная адаптация проявляется на фонетическом, лексическом, синтаксическом и дискурсивном уровнях, охватывая как выбор микроязыковых единиц, так и реорганизацию макроструктуры высказывания. Такой динамический выбор на формальном уровне отражает процесс креативного использования языкового потенциала носителями языка. Переводчик должен учитывать функциональность структурных элементов и особенности языковой архитектоники, выбирая стратегии перевода, которые обеспечивают оптимальный коммуникативный эффект.

Пример 3. “风翻白浪花千片，雁点青天字一行。”今天，我们聚首雁栖湖，目的就是加强合作、展翅齐飞，书写亚太发展新愿景。Как говорится в древней китайской поэзии, **«Под ветром белые волны образуют тысячи лепестков, на синем небе стая диких гусей оставляет строки иероглифов»**. Сегодня мы собрались на озере Яньциху с целью, чтобы укрепить сотрудничество, **вместе взлететь выше с гордо расправленными крыльями, словно дикие гуси**, и вместе открывать новые горизонты развития АТР.

Данное стихотворение демонстрирует черты динамической адаптации на фонетическом, синтаксическом и семантическом уровнях. На фонетическом уровне переводчик творчески реконструировал ритмику русского языка: например, выражение «花千片» переведено как «тысячи лепестков», где окончание множественного числа «-ов» создает рифму со словом «иероглифов» в следующей строке, компенсируя эффект конечной рифмы оригинала «片/行». На синтаксическом уровне оригинальная фраза «风翻白浪花千片», характерная для китайского безличного построения, акцентирует динамику

природного образа. Русский перевод трансформирован в «Под ветром белые волны образуют тысячи лепестков»: добавлена предложная конструкция «под ветром», явно указывающая на источник действия (ветер), а глагол «переворачивать» заменен на эксплицитное «образуют». Такая синтаксическая номинализация соответствует требованиям русского языка к логическому подлежащему и четкости действия, соблюдая грамматические нормы целевого языка.

Пример 4. 古丝绸之路见证了陆上“使者相望于道，商旅不绝于途”的盛况，也见证了海上“舶交海中，不知其数”的繁华。Древний Шелковый путь стал **свидетелем великолепия непрерывных визитов посланцев и торговцев на суше и несчетного количества кораблей в море**. [13]

На лексическом уровне переводчик творчески преобразовал глагол «свидетельствовать» в существительное «свидетель», используя прием олицетворения, чтобы наделить «Шелковый путь» субъектной агентностью. Такая конверсия частей речи не только соответствует синтаксическому предпочтению русского языка к номинализации, но и усиливает экспрессивность исторического нарратива через механизм метафоры. На синтаксическом уровне исходное сложносочиненное предложение реструктурировано в компактную конструкцию «свидетелем + родительный падеж»: предлогные словосочетания «на суше» и «в море» формируют пространственную антитезу. Несмотря на отсутствие строгой рифмы, повтор предлогов («на»/«в») и созвучие окончаний («-ше»/«-ре») создают параллельную структуру, сохраняя оригинальную риторику противопоставления и адаптируясь к гипотаксису русского языка. Подобные многомерные стратегии структурной адаптации языка обеспечивают точную передачу концептуального смысла, одновременно воссоздавая поэтическую функцию и историческую глубину оригинала, что демонстрирует глубокое понимание переводчиком различий между лингвосомиотическими системами и его способность к их творческой гармонизации.

Динамичность адаптации

Для достижения динамической адаптации языкового выбора необходимо учитывать временное измерение использования языка и постоянно меняющийся контекст. Оригинальный текст неизбежно адаптирован к временному и социальному контексту своего создания, поэтому перевод должен адекватно передать эту связь. Динамичность адаптации отражает применение коммуникативных принципов и стратегий в процессе взаимодействия, воплощая весь механизм выбора. При принятии переводческих решений следует учитывать вариативность и переговорность предложений. Кроме того, динамичность адаптации охватывает среду и структуру: переводчик должен выбирать подходящие методы перевода и корректировать структуру предложений, ориентируясь на временной фактор, контекст и структурные особенности.

Пример 5. Частота употребления термина «共享» в книге Си Цзиньпина «Один пояс, один путь» (рис. 1).

Языковой выбор требует динамической корректировки в зависимости от коммуникативного контекста, ожиданий аудитории и социокультурных факторов. Эволюция перевода политического термина «совместное обсуждение, совместное строительство, совместное пользование» на примере русской версии «совместное пользование» демонстрирует процесс динамического взаимодействия между языковым выбором и контекстом. Согласно статистике, вариант «совместное пользование плодами» в книге Си Цзиньпина «Один пояс, один путь» встречался с высокой частотой в период 2015–2018 гг.

(всего 13 раз), причем добавление «плодами» усилило акцент на результативности «совместного пользования», тогда как другие варианты, такие как «совместное пользование», постепенно маргинализировались. Это явление указывает на то, что переводчики сознательно адаптировались к сдвигу политического дискурса от абстрактных концепций к акценту на распределении практических выгод сотрудничества, используя стратегии лексического расширения и семантической фокусировки. Динамичность здесь проявляется в диахронической корректировке: ранние буквальные переводы (например, 2014 г.) обеспечивали базовую передачу смысла, тогда как поздние композитные конструкции (например, «совместное пользование плодами развития» в 2017 г.) способствовали конкретизации идеологии. Такая итерация языковых форм отражает как углубление политической концепции, так и динамическую калибровку когнитивных рамок целевой аудитории переводчиком как агентом реконтекстуализации. Гибкий выбор языковых средств позволяет достичь динамического баланса между интенциями исходного текста и нормами восприятия на целевом языке.

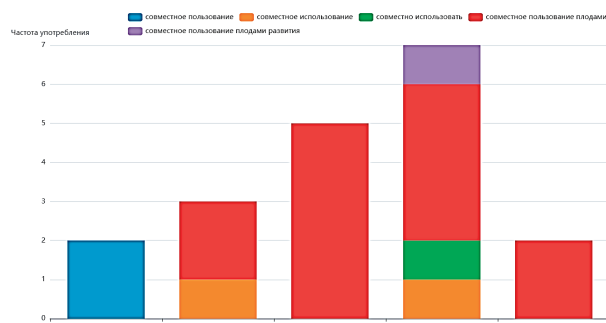

Рис. 1

Пример 6. Частота употребления термина «互利共赢» в книге Си Цзиньпина «Один пояс, один путь» (рис. 2).

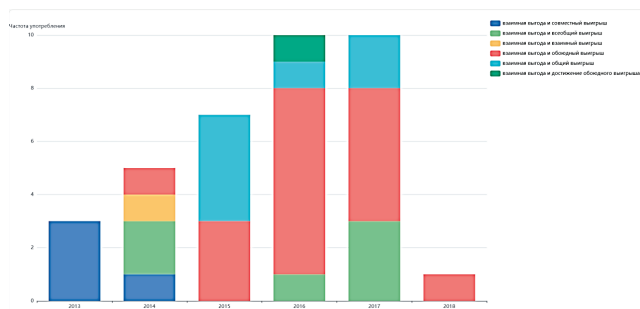

Рис. 2

Варианты перевода китайского термина «互利共赢» на русский язык отражают стратегическую адаптацию перевода политического дискурса в диахроническом измерении для соответствия динамическому коммуникативному контексту. Согласно теории адаптации Версхурена, языковой выбор требует достижения динамического баланса коммуникативных интенций через «переговорность» и «адаптивность». В случае перевода «互利共赢» доминирующее использование термина «обоюдный выигрыш» (более 40% случаев в 2014–2018 гг.) подчеркивает адаптацию переводчиков к этапу углубления российско-китайского стратегического взаимодействия: лексема «обоюдный» акцентирует взаимность и симметричность двустороннего взаимодействия, а также оперативность обратной связи по интересам, что соответствует риторическим запросам периода продвижения

инициативы «Один пояс, один путь» на принципах равноправного партнерства. Параллельно диахронический сдвиг от детерминанта «совместный» к «обоюдный» отражает трансформацию китайской внешнеполитической наррации от «доминирования инициативы» к «двустороннему взаимодействию» усиление интерсубъективности нивелирует потенциальные сомнения русскоязычной аудитории относительно односторонности. Такой динамический выбор сохраняет семантический инвариант ядра «взаимная выгода», одновременно позволяя через гибкую корректировку детерминанта осуществлять ресемантизацию политических концептов в межкультурном контексте, достигая в итоге динамического равновесия между идеологической безопасностью и коммуникативной эффективностью.

Степень осознанности процесса адаптации

Перевод представляет собой коммуникацию между языками с различными культурными фонами, а различия в культурных контекстах переводчиков из разных стран обуславливают критическую важность степени осознанности в процессе перевода. Степень осознанности процесса адаптации отражает субъектность переводчика: «В процессе языкового выбора возникает саморефлексия, и уровень этой осознанности напрямую влияет на качество перевода». Параллельно переводчики делают выборы, адаптируясь к читателям из разных культурных контекстов. Многие культурноносные слова, укорененные в китайской культуре, могут затруднять восприятие иностранной аудитории, что требует от переводчика учета степени осознанности и применения дифференцированных стратегий. Высокая или низкая степень осознанности процесса адаптации определяет временные затраты читателя на декодирование: чем выше осознанность, тем быстрее усваивается сообщение, тогда как низкая осознанность вынуждает тратить дополнительные усилия на интерпретацию. Переводчик должен находить оптимальный баланс осознанности, достигая одновременно адаптивности и эстетической ценности текста, чтобы читатель ощутил силу слова.

Пример 7. 中国有个寓言叫“愚公移山”。 В Китае есть басня под заголовком «Старец-простака Юй Гун передвинул горы». В рамках теории языковой адаптации данный переводческий пример демонстрирует динамическую калибровку когнитивных схем целевой культуры через призму степени осознанности. Переводчик сознательно выбирает «Старец-простака» в качестве культурного эквивалента «Юйгуна», сохраняя семантическое ядро «простака» (простака несет двойной потенциал значений: простодушие и тупоголовье), одновременно усиливая визуализацию результата действия через совершенный вид глагола «передвинул». Такая осознанная операция акцентирует ключевую мораль басни – «упорство ведет к цели», адаптируясь к когнитивным ожиданиям русской нарративной традиции, где типизация персонажей и конкретизация результатов действий являются нормой. Это обеспечивает эффективное выделение фокусной информации в процессе культурной транскодировки, достигая баланса между сохранением исходного смысла и соответствием целевой лингвокультурной матрице.

Пример 8. 你能听到中国传统的京剧和相声，也能欣赏到来自西方的芭蕾舞和交响乐。你会碰到衣着新潮、穿行在世界名品商店里的中国青年，也能遇见操着流利汉语、在老胡同里徜徉的外国友人。 Здесь у вас есть возможность услышать традиционную пекинскую оперу и увидеть китайское эстрадное представление «сяншэн», а затем можете насладиться красотой западного балета и сим-

фонии. Вы встретите молодых китайцев, которые одеты по последнему писку моды и гуляют по магазинам известных мировых брендов, а также иностранцев, которые свободно говорят по-китайски и гуляют среди **старых переулков – «хутунов»**.

В практике межкультурного перевода переводчик, применяя стратегию акцентуации осознанности языковой адаптации, осуществляет явные культурные пояснения для таких культурно-нагруженных терминов, как «сяншэн» и «хутун». Посредством добавления детерминанта, таких как «китайское эстрадное представление» и «старые переулки», переводчик сознательно усиливает когнитивную салиентность исходных культурных концептов для целевой аудитории. Данный металингвистический компенсаторный механизм не только восполняет лакуны в когнитивных схемах русско-китайской культуры, но и формирует градуальную модель адаптации культурного восприятия через двойную стратегию кодирования.

Заключение

Культуросносные слова с китайской спецификой, как концентрированное выражение политических концепций, служат «декодером» китайских подходов и «мостом» формирования дискурсивной идентичности для международного сообщества. В рамках настоящего исследования, на основе теории языковой адаптации, системно проанализированы стратегии перевода таких слов в книге Си Цзиньпина «Один пояс, один путь» на русский язык, выявлены механизмы адаптивного выбора переводчиков в четырех измерениях: контекстуально-реляционная, структурная, динамическая адаптация и степень осознанности. Результаты демонстрируют, что перевод представляет собой динамический процесс переговоров между культурным содержанием источника и когнитивными рамками рецептора, где стратегии (метафорическая трансформация, культурная аннотация, семантическая адаптация) обеспечивают баланс идеологического продвижения и межкультурного понимания. Контекстуально-реляционная адаптация требует учета физических, социальных и ментальных факторов; структурная работы на всех языковых уровнях для сохранения уникальности при соответствии нормам. Динамичность подчеркивает интерактивность перевода, корректируемого политической повесткой и взаимодействием с аудиторией; степень осознанности акцентирует стратегический выбор переводчика между эксплицитностью и имплицитностью, адаптируясь к когниции рецептора. Данная перспектива определяет перевод как адаптивную межкультурную практику, углубляя понимание стратегий и раскрывая его активную роль в культурной коммуникации и интернационализации китайского дискурса.

Литература

- Сюй Цзюнь, Сяо Хайянь. Исследование контекстуальной адаптации в бизнес-переводе // Журнал иностранных языков. – 2015. – № 5. – С. 72–76.
- Ге Линглинг. Ограничение выбора лексических значений в рамках теории контекстуально-реляционной адаптации // Китайский научно-технический перевод. – 2001. – № 4. – С. 27–29, 39.
- Гуань Банди, Сян Минью. Новая интерпретация концептуальной интеграции в процессе перевода: На примере перевода культурно-обусловленных терминов из «Сна в красном тереме» // Преподавание иностранных языков. – 2024. – № 1. – С. 95–100.
- Чжэн Дэху. Продвижение китайской культуры вовне и перевод культуросносных слов // Шанхайский перевод. – 2016. – № 2. – С. 53–56.
- Бу Бяо, Чжу Чаовэй. Стратегии перевода культуросносных слов в книге «Си Цзиньпин о государственном управлении»: перспектива эконо-переводоведения // Вестник Фуцзинского филиала Фуцзяньского педагогического университета. – 2019. – № 6. – С. 46–52.
- Лю Сюэ. Исследование компенсационных методов перевода культуросносных слов в рамках эконо-переводоведения: На примере докладов правительства КНР (2017–2021 гг.) // Исследования языка и культуры. – 2022. – № 2. – С. 217–223.
- Лю Дунъяо, Цзинь Инлинь. Анализ китайско-немецкого перевода культуросносных слов: На материале немецкой версии доклада XX съезда КПК // Сравнительные исследования культурных инноваций. – 2023. – № 25. – С. 156–162.
- Хэ Цзыжань, Юй Годун. «Понимание прагматики» – рецензия на новую работу Версхюрена // Современные иностранные языки. – 1999. – № 4. – С. 429–435.
- Ши Вэнь, Лю Жуньцзэ, Вэй Сянцин. Эффект «терминологического фильтра» в межкультурной коммуникации политического дискурса и анализ стратегий перевода терминов: На примере распространения дискурса «Один пояс, один путь» // Китайский иностранный язык. – 2019. – № 1. – С. 79–88.
- Си Сянчжу, Цзэн Цзяньпин. Перевод внешнеполитического дискурса: Принципы, стратегии, эффективность – на примере английского перевода «Си Цзиньпин о государственном управлении» // Шанхайский перевод. – 2021. – № 2. – С. 18–24.
- Хуан Юйи. Принцип «трех приближений» во внешнеполитической пропаганде: Решение сложных вопросов перевода внешнеполитических материалов // Китайский перевод. – 2004. – № 6. – С. 29–30.
- Ляо Цыи. Исследования современных западных теорий перевода. – Нанкин: Издательство «Илинь», 2000. – 232 с.
- Си Цзиньпин. Си Цзиньпин «Один пояс, один путь». – Пекин: Издательство иностранных языков, 2023. – С. 11–14.

A STUDY OF THE ADAPTABILITY OF RUSSIAN TRANSLATION OF CULTURAL WORDS IN XI JINPING'S «ONE BELT, ONE ROAD»

Yan Dongmei, Sun Fuqin

Northeast Forestry University, Heilongjiang University

Cultural words in political discourse with Chinese characteristics contain profound information about Chinese culture and, possessing literary and aesthetic value, also reflect a special political position and political sensitivity. In this study, based on Verschueren's theory of language adaptation, Xi Jinping's quote "One Belt, One Road" is taken as a corpus, a four-dimensional scheme for analyzing the Russian translation of cultural words is constructed, and the mechanism of correspondence in the Russian translation of cultural words is considered using examples. The study shows that: translators can dynamically connect the cultural scheme of the source language and the cognitive structure of the target language through contextual adaptation; multi-level features of language adaptation are reflected in the strategies of phonological transplantation, syntactic transformation and discourse articulation; analysis of the historical corpus shows that there is a dynamic law of adaptation of the translation strategy in the direction of policy; the strategy of consciousness extraction can effectively balance cultural heterogeneity and audience acceptance. This study tests the applicability of the linguistic congruence model in the translation of political discourse, with the aim of establishing a translation paradigm for the interna-

tional dissemination of political discourse with Chinese characteristics.

Keywords: Cultural Words; One Belt, One Road; Adaptation Theory; Russian Translation Of Political Discourse; Translation Strategies; Adaptability; Translation Activity.

References

1. Xu Jun, Xiao Haiyan. A Study of Contextual Adaptation in Business Translation // *Journal of Foreign Languages*. – 2015. – No. 5. – P. 72–76.
2. Ge Lingling. Limiting the Choice of Lexical Meanings within the Theory of Contextual-Relational Adaptation // *Chinese Scientific and Technical Translation*. – 2001. – No. 4. – P. 27–29, 39.
3. Guan Bandi, Xiang Minyou. A New Interpretation of Conceptual Integration in the Translation Process: A Case Study of Translating Culturally Deterministic Terms from “Dream of the Red Chamber” // *Teaching Foreign Languages*. – 2024. – No. 1. – P. 95–100.
4. Zheng Dehu. Promoting Chinese Culture Outside and Translating Culturally Bearing Words // *Shanghai Translation*. – 2016. – No. 2. – P. 53–56.
5. Bu Biao, Zhu Chaowei. Translation Strategies for Cultural-Bearing Words in Xi Jinping’s Book on Public Administration: An Eco-Translation Studies Perspective // *Bulletin of the Fujing Branch of Fujian Normal University*. – 2019. – No. 6. – P. 46–52.
6. Liu Xue. A Study of Compensatory Translation Methods for Cultural-Bearing Words in the Framework of Eco-Translation Studies: Based on the Example of PRC Government Reports (2017–2021) // *Language and Culture Studies*. – 2022. – No. 2. – P. 217–223.
7. Liu Dongyao, Jin Yinglin. Analysis of Chinese-German Translation of Cultural Words: Based on the German Version of the Report of the 20th CPC Congress // *Comparative Studies of Cultural Innovations*. – 2023. – No. 25. – P. 156–162.
8. He Ziran, Yu Guodong. “Understanding Pragmatics”: A Review of Verschueren’s New Work // *Modern Foreign Languages*. – 1999. – No. 4. – P. 429–435.
9. Shi Wen, Liu Runze, Wei Xiangqing. The Effect of the “Terminological Filter” in Intercultural Communication of Political Discourse and an Analysis of Term Translation Strategies: Based on the Spread of the “One Belt, One Road” Discourse // *Chinese Foreign Language*. – 2019. – No. 1. – P. 79–88.
10. Si Xianzhu, Zeng Jianping. Translation of Foreign Policy Discourse: Principles, Strategies, and Effectiveness—Based on the English Translation of “Xi Jinping on Public Administration” // *Shanghai Translation*. – 2021. – No. 2. – P. 18–24.
11. Huang Yuyi. The Principle of “Three Approximations” in Foreign Policy Propaganda: Solving Complex Issues in Translating Foreign Policy Materials // *Chinese Translation*. – 2004. – No. 6. – P. 29–30.
12. Liao Ciyi. *Studies in Modern Western Theories of Translation*. – Nanjing: Yilin Publishing House, 2000. – 232 p.
13. Xi Jinping. Xi Jinping “One Belt, One Road”. – Beijing: Foreign Languages Publishing House, 2023. – P. 11–14.

Эмиграционные установки российской молодежи, занимающейся научной деятельностью

Андриянов Андрей Владимирович,

магистр социологии, Высшая школа современных социальных наук МГУ имени М.В. Ломоносова; сопредседатель Международного союза молодых ученых

Максимова Анастасия Сергеевна,

к.э.н., доцент кафедры социологии знания Высшей школы современных социальных наук МГУ имени М.В. Ломоносова

В статье на основе результатов анкетного опроса описаны эмиграционные установки российской молодежи, занимающейся научной деятельностью. Исследование проводилось среди студентов, аспирантов, молодых ученых, а также молодых специалистов, занимающихся научными исследованиями вне зависимости от занимаемой должности, с помощью формы сбора, охватывающей все аккаунты, зарегистрированные на научном портале «Ломоносов». Описана степень выраженности эмиграционных установок, желаемые страны выезда и причины их привлекательности, а также комплекс выталкивающих и притягивающих факторов. Авторами отмечается, что эмиграционные установки даже на последнем этапе их формирования не тождественны возможному отъезду за рубеж, поскольку играют роль сдерживающие обстоятельства, отсутствие возможностей и ряд иных факторов, однако высокая привлекательность зарубежных стран и формирование устойчивого желания переселения отражает неудовлетворенность текущими условиями или качеством жизни, что проявляется уже на первом этапе формирования эмиграционных установок. Статья является частью исследования, оценивающего воздействие фактора информационной среды на формирование эмиграционных установок.

Ключевые слова: эмиграция молодежи, эмиграционные установки, интеллектуальная молодежь, утечка умов.

Актуальность мониторинга эмиграционных установок среди молодежи, занимающейся научной деятельностью обуславливается как тенденциями территориальной мобильности молодежи в целом, особенно в условиях текущей общественно-политической и экономической нестабильности последних лет, так и необходимостью сохранения интеллектуального капитала внутри страны. Понимание процесса и факторов формирования эмиграционных установок среди наиболее активной молодежи, участвующей в научной деятельности и обладающей интеллектуальным потенциалом, позволит своевременно оценивать возможные риски оттока талантливой и перспективной молодежи из страны. Однако, ввиду частоты представления результатов подобных исследований различными научными коллективами, следует отметить амбивалентность замера эмиграционных установок. С одной стороны, оценка доли лиц, имеющих сформированные эмиграционные установки, позволяет оценить масштабы эмиграционного оттока в случае развития сценария их реализации, с другой стороны, как неустойчивость данных намерений, так и ряд ограничивающих обстоятельств, позволяют использовать данный показатель как оценку доли лиц, ощущающих отсутствие перспектив улучшения качества собственной жизни в России.

При этом проводимые исследования показывают, что среди молодежи эмиграционные настроения более выражены, чем у старших поколений. Так, согласно данным опроса ВЦИОМ «Эмиграционные настроения: мониторинг», проведенного в 2023 году, доля граждан России, желающих уехать за рубеж в возрасте 18–24 лет составляла 18%, в то время как в группе 35–44 года эта доля уже вдвое меньше – 9% [1].

На уровне государства значимость работы с молодежью, чья деятельность связана с наукой, подтверждается тем, что 2022–2031 гг. объявлены в России Десятилетием науки и технологий. Среди основных задач Десятилетия, обозначенных Указом Президента России от 25.04.2022 № 231, первым пунктом является «привлечение талантливой молодежи в сферу исследований и разработок» [2].

Таким образом, выстраивание теоретико-методологической основы и осмысление результатов исследования проводились как в дискурсе работ о миграции, так и с опорой на социально-психологические концепции, в частности формирования социальных установок. Кроме того, введение новой категории, отражающей эмпирический объект исследования, подчеркивается методологическим и правовым вакуумом, образовавшимся вокруг «молодых ученых», а также полиинтерпретативностью данного понятия и многогранностью тех контингентов, в которых заинтересована наша страна с точки зрения сохранения интеллектуального капитала и будущего развития экономики, инженерии, медицины, и других основных отраслей знания и практической деятельности. Всё это обусловило поиск наиболее оптимальной эмпирической категории, которую необходимо анализировать в контексте эмиграционного оттока.

При рассмотрении проблемы «утечки мозгов» среди молодежи в качестве объекта часто выступают «молодые ученые». Однако данное понятие до сих пор в нашей стране однозначно не определено и существует сразу несколько официальных подходов к определению «молодого ученого». С целью устранения данных разночтений в 2022 году группой федеральных законодателей был подготовлен законопроект № 203207–8 «О внесении изменения в главу II Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» (в части государственной поддержки молодых ученых)» с целью закрепления в Федеральном законе от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» понятия «молодой ученый», а также четкого разграничения молодых ученых и иных лиц при предоставлении адресных мер государственной поддержки [3].

В данном законопроекте предложено считать молодыми учеными «лиц в возрасте до 35 лет включительно, являющихся научными работниками научных организаций, научно-педагогическими работниками образовательных организаций высшего образования, а также научными работниками иных организаций, осуществляющих научную и (или) научно-техническую деятельность (далее – молодой ученый)» [3]. Кроме этого, в документе говорится, что «при установлении отдельных мер поддержки молодых ученых органы государственной власти и местного самоуправления, юридические и физические лица вправе установить возрастной критерий для получателей мер поддержки до 40 лет включительно» [3].

Однако, после внесения законопроекта в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации и прохождения первого чтения, 17.04.2023 было принято решение о переносе рассмотрения данного законопроекта. В настоящий момент данный законопроект, которым предполагается законодательно закрепить определение термина «молодой ученый» в нашей стране, не принят.

Кроме этого практика приема молодых сотрудников в научные и образовательные учреждения нашей страны показывает, что молодой исследователь может числиться на технической, инженерной или другой не научной должности в организации ввиду отсутствия нужных вакантных позиций в штатном расписании. Например, аспиранты часто работают в лабораториях числясь на ставках технического и учебно-вспомогательного персонала. При этом, такие молодые исследователи, безусловно, входят в число тех, в ком заинтересована наша страна и заинтересована в том, чтобы они продолжали свой карьерный путь в российской науке.

В связи с вышесказанным, а также с тем, что целью эмпирического исследования было охватить широкий круг молодежи, вовлеченной в исследовательскую деятельность, эмпирическим объектом выступала молодежь, занимающаяся научной деятельностью. Критериями идентификации выступили: наличие российского гражданства, возраст от 18 до 35 лет, и фактическая причастность к научной работе. В качестве последней был выбран квантифицируемый и регистрируемый признак – участие в научных мероприятиях в качестве докладчика или эксперта не менее 1 раза в год за последние три года.

Среди современных российских исследователей, занимающихся разработкой проблемы интеллектуальной миграции, а также процессом формирования желания эмигрировать и его факторов, следует отметить работы Е.Л. Омельченко [4], В.А. Ионцева [5], В.Ю. Леденевой [6], С.В. Рязанцевой и Е.Е. Письменной [7], Ю.Ф. Флоринской и Л.Б. Карачуриной [8]. Региональных и локаль-

ных эмпирических исследований миграционных планов выпускников учебных заведений, в том числе по внутри-страновому переселению проводится много, некоторые из них объединяют несколько регионов [9].

Согласно разработанным подходам, эмиграционные установки представляют собой сложные ментально-поведенческие ориентации, формирующиеся под воздействием информации, эмоций и межличностных взаимодействий. Процесс формирования эмиграционных установок в миграционных исследованиях объясняется через призму теории социальной установки (аттитюда), разработанной У. Томасом и Ф. Знанецким [10].

Подробно рассматривался процесс принятия решения о миграции в работах Л.Л. Рыбаковского, согласно которому миграция представляет собой «специфический способ удовлетворения потребностей», которым пользуются лишь некоторые при «возникновении противоречий между возросшими потребностями и сохранившимися условиями жизни» [11].

Согласно подходу С.К. Лычко и Н.Л. Мосиенко [12], миграционные установки представляют собой уже сформированное человеком представление о желаемом месте проживания. Исследователи выделяют следующие характерные признаки миграционных установок: 1) наличие и осознанность миграционных установок (человек в разной степени задумывается о смене места жительства); 2) направленность миграционных установок (подразумевает наличие у человека видения территориального направления для миграции в будущем); 3) сформированность установок может иметь разную степень интенсивности: а) низкая степень сформированности (наличие у человека желания сменить место жительства при отсутствии четкого понимания времени, места и способа переезда); б) средняя степень сформированности (подразумевает наличие у человека приблизительного плана переезда); в) высокая степень сформированности (индивид предпринял определенные действия, направленные на осуществления переезда).

Формирование эмиграционных установок представляет собой многоуровневый процесс, в котором пересекаются личностные ценности, институциональные условия и глобальные контексты. На микроуровне (индивидуальном), мезоуровне (институциональном) и макроуровне (социокультурном и политическом) действуют специфические факторы, которые, находясь во взаимосвязи, образуют единую систему формирования установок. Такой подход позволяет систематизировать широкий спектр способов влияния на миграционные настроения молодежи и наглядно представить, как индивидуальные стратегии складываются под воздействием среды и глобальных трендов.

Методология и методика исследования

Эмпирическую основу исследования эмиграционных установок российской молодежи, занимающейся научной деятельностью, составили результаты анкетного опроса, проведенного в период 03.03.2025 по 18.05.2025. Распространение формы электронного опросника проводилось по базе Международного молодежного научного портала «Ломоносов» [13], содержащего более 1 млн аккаунтов участников различных научных мероприятий за последние 15 лет. Для рассылки опроса были отобраны пользователи портала, принимавшие участие в научных мероприятиях в 2021–2025 годах, возраст которых составил от 18 до 35 лет на момент проведения опроса. Данным критериям удовлетворяли 345 000 пользователей портала, которым были отправлены письма с приглашением принять участие в опросе.

Кроме этого, на странице XXXII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» была создана страница о проводимом исследовании [14]. Благодаря этому, участники Конференции «Ломоносов-2025», а также другие посетители страницы конференции, могли самостоятельно найти электронный опросник и заполнить его. Первичный результат сбора составил 1220 анкет, из которых были отобраны 622 анкеты, удовлетворяющие вышеописанным критериям отнесения к категории «российская молодежь, занимающаяся научной деятельностью».

Использованная в исследовании методология не позволяет в целом давать оценку генеральной совокупности, однако, охват порталом «Ломоносов» молодежи, которая занимается наукой представляется наиболее полным из всех существующих ресурсов, разве что за исключением научных электронных библиотек. Однако, целевая аудитория при использовании зарегистрированных аккаунтов на ресурсе, посвященном научной деятельности, достигается лучше.

Анализ результатов исследования

Среди респондентов 66% составили женщины, 34% — мужчины. Из-за стихийной выборки, региональный охват не был повсеместным, некоторые регионы не были представлены в выборке. В число наиболее часто встречающихся регионов проживания респондентов вошли Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Ростовская область, Новосибирская область и Республика Татарстан.

По учебному статусу в анализируемой выборке было больше всего студентов бакалавриата — 38,8%, на втором и третьем месте — практически с одинаковым результатом аспиранты (20,1%) и студенты магистратуры (18,2%). По профессиональной специализации среди респондентов больше всего было представителей наук об обществе (социология, психология, экономика, юриспруденция, политология, управление, журналистика) — 42,4%, гуманитарных наук (история, философия, археология, языкознание, физическая культура и спорт, теология) — 25,6% и естественных наук (физика, химия, биология, науки о Земле). Активных участников научных мероприятий было около 30%: 4–5 раз в год в период 2022–2025 гг. участвовали в научных мероприятиях в качестве докладчика или эксперта 15,4%, 6 и более раз в год — 16,2%, а большинство респондентов (68,3%) участвовало в научных мероприятиях с частотой 1–3 раза в год.

Для анализа доли молодежи, имеющей сформированные установки на эмиграцию, были выделены 2 группы по эмиграционным намерениям: те, у кого они сформированы и те, у кого они не сформированы. Поскольку вопросов, направленных на уточнение наличия эмиграционных намерений было несколько, а первый из них включал варианты ответа, предполагающие изменение обстоятельств, например, «возможно, при определенных условиях» и неопределенность «затрудняются ответить», при выделении групп по наличию эмиграционных намерений использовался признак указания любой из причин возможного переезда. Таким образом, в первую группу вошли респонденты, которые указали хотя бы одну из причин желаемого переезда (в том числе какую-либо свою); во вторую вошли те, кто не указал ни одной причины, по которой хотел бы переехать. Респонденты разделились почти поровну: группу, у которой сформированы эмиграционные намерения составили 317 респондентов (51,0%), а группу, у которой не сформированы эмиграционные намерения составили 305 респондентов (49,0%). Следует отметить, что

те, кто в вопросе о наличии желания переехать с целью развития карьеры, указывали вариант ответа «возможно, при определенных условиях», чаще всего указывали в качестве причин желаемого переезда также одну или несколько других причин. Среди всех предлагаемых причин эмиграции преобладает желание получить опыт проживания в других странах (его отметили 60,6%), что характерно в целом для молодежи, как наиболее инициативной группы, открытой новому опыту (рис. 1). Кроме того, в исследовании участвовала молодежь, занимающаяся научными исследованиями, что в целом способствует формированию качеств, обеспечивающих прогрессивные мысли, стремление к поиску и новым знаниям и навыкам. На втором месте по популярности оказалось желание получить образование за рубежом, которое отметили 52,1% респондентов, что обусловлено жизненным этапом многих респондентов, связанным с получением образования (рис. 1).

Рис. 1. Причины желания переехать в другую страну, в % от общего количества лиц, имеющих эмиграционные намерения

Считают, что благодаря эмиграции в другую страну получат возможность улучшить качество жизни в целом 38,5% респондентов. 32,2% респондентов отметили наличие у них интереса к конкретным странам, их культуре, истории, экономике, что оказывает влияние на формирование желания переехать. Переезд для продолжения или построения карьеры неожиданно не являлся преобладающей причиной желаемой эмиграции — его отметили только 26,8% респондентов с эмиграционными намерениями, то есть роль представлений об успешной карьере за рубежом в ценностно-смысловой картине молодежи, занимающейся научной деятельностью, не настолько значительна. Возможно, на это оказывает влияние успех в профессиональной деятельности в России, либо фактор фокуса внимания на обучении, а не на карьере, сосредотачивающий молодых людей на ближайшей перспективе, в которую входит получение образования, а карьерное становление является отложенным мотивом.

Распределение тех, у кого есть эмиграционные намерения по полу и по возрасту не было смещено относительно выборочной совокупности в целом: около 33% составляют мужчины и 67% — женщины; преобладали лица в возрасте 21–22 лет, на которых совместно приходится 31% всех, кто имеет установки на эмиграцию. Статус брачного состояния отличается незначительно в группе лиц, имеющих эмиграционные намерения и в группе не имеющих эмиграционных намерений: состоящих в зарегистрированном браке значительно меньше в группе лиц со сформированными эмиграционными намерениями (9% против 17%), в то же время, состоящих в незарегистрированном браке значительно больше (16,7% против 9,2%). Суммарно доля лиц, состоящих в браке, как зарегистрированном, так и не зарегистрированном

в каждой группе по наличию эмиграционных намерений около 26%.

Была обнаружена статистически значимая взаимосвязь между частотой ответов о сформированности эмиграционных намерений и укрупненными группами специальностей: среди молодых ученых естественно-научных направлений уровень эмиграционных намерений выше (56,6%) чем среди молодых ученых гуманитарных направлений (48,9%) ($\chi^2 = 4,19$, ассимпт.знач.=0,036). При этом, в укрупненную группу естественно-научных специальностей вошли: математические науки (математика, механика, компьютерные науки), естественные науки (физика, химия, биология, науки о Земле), инженерное дело, технологии и технические науки, здравоохранение и медицинские науки, сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки. В группу общественных и гуманитарных наук вошли: науки об обществе (социология, психология, экономика, юриспруденция, политология, управление, журналистика), образование и педагогические науки, гуманитарные науки (история, философия, археология, языкознание, физическая культура и спорт, теология), искусство и культура, оборона и безопасность государства, военные науки.

Среди выталкивающих факторов лидируют экономические причины и наблюдаемая неуверенность в завтрашнем дне: наиболее часто встречающимися причинами, по которым респонденты хотели бы уехать, стали «низкие зарплаты» и «экономическая и политическая нестабильность в стране».

Среди всех, у кого есть сформированные эмиграционные намерения 3% планируют уехать в ближайший год, что свидетельствует о формировании устойчивого намерения, очерченного краткосрочной перспективой. Среди тех, кто планирует уехать в более длительной перспективе или не определился со сроками, многих сдерживает необходимость завершить образование и отсутствие финансовых возможностей для переезда, так называемые «ловушки бедности». Наличие работы и карьеры сильно уступает вышеперечисленным причинам. Среди сдерживающих обстоятельств часто указывались недостаток опыта, остающиеся в России родственники, а также – незнание иностранных языков.

Среди направлений желаемого переезда респондентами было указано 56 стран. В качестве самой популярной страны для переезда респонденты назвали Германию, на втором месте – США, а вот на третьем оказался Китай. Далее идут Италия и Великобритания (рис. 2).

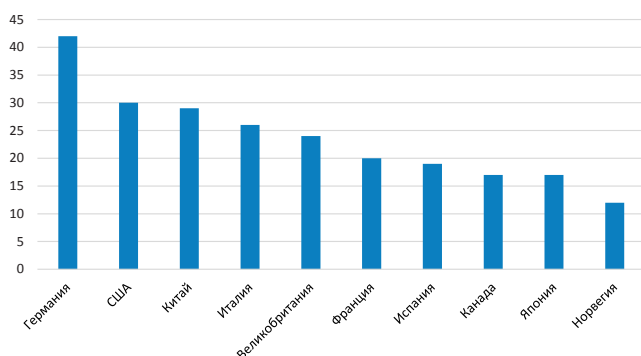

Рис. 2. Топ-10 желаемых стран для переезда, количество упоминаний

Однозначное преобладание западноевропейских и североамериканских стран в этом списке также подтверждает гипотезу, поставленную в начале исследования по данному вопросу. Одновременно с этим надо отметить, что, если бесспорная популярность в этом отношении западных стран, о которой свидетельствует дан-

ный перечень, не удивляет, то присутствие в нем Китая заставляет задуматься о причинах его появления в рядах предпочтительных для переезда стран. Дело в том, что по результатам предыдущих исследований, предоставляющих информацию о странах и географических областях, которые молодые люди выделяют в качестве благоприятных для эмиграции, список таких стран включал в себя, можно сказать, стандартный набор западноевропейских и североамериканских стран, вместе с тем азиатские страны, как правило, не удостоивались подобного внимания [15].

Появление Китая в этом списке удивительно, но объяснимо. Современный Китай проводит активную политику в сфере мягкой силы, одним из важных инструментов которой выделяется академическая мобильность. Так, ежегодно китайские вузы предоставляют около 1000 бюджетных мест для обучения иностранных студентов [16]. Однако это не единственное, чем привлекательна студенческая мобильность в Китае. Помимо выделения бюджета на формирование стипендиальных программ и бесплатных мест для обучения иностранцев, КНР предоставляет комфортные условия проживания, не требует выдающихся академических результатов и не стремится нагрузить студентов образовательной программой.

Несмотря на то, что в рассматриваемом вопросе особое предпочтение со стороны российской молодежи, занимающейся научными исследованиями, все еще отдается западным государствам, которые не теряют в престиже и популярности, надо признать, что требования для эмиграции в данных странах достаточно высоки [6], при этом Китай, напротив, стремится создать все условия, для привлечения иностранных студентов в свои вузы [16], что частично отражено в результатах ответов респондентов в данном вопросе.

Далее два открытых вопроса – о конкретных странах для переезда и причинах выбора этих стран – были проанализированы во взаимосвязи в результате чего страны были поделены на 4 группы в зависимости от причин, по которым в них желают переехать респонденты (табл. 1).

Таблица 1. Группы стран по причинам привлекательности для переезда

Причины	Страны входящие в группу	Привлекающие преимущества стран
Экономические / карьерные	Германия, США, Канада, Австралия	работа, высокий доход, стабильная экономика
Культурно-исторические	Италия, Франция, Великобритания, Япония, Китай	культура, архитектура, «мечта детства»
Климат-природа	Испания, Норвегия, Новая Зеландия, Швейцария	мягкая погода, природа, экология
Безопасность / социальная защита	Швеция, Финляндия, Дания	социальные гарантии, низкая преступность, политические свободы

Среди тех, кто указал страны для желаемого переезда более 60% респондентов ответили, что они не посещали страны, в которые хотели бы переехать, при этом около 35% в этих странах были (табл. 2). Полученные данные говорят о том, что у большинства респондентов личные представления о странах, в которые хотелось бы

переехать, сформированы за счет информационных источников, а не личного опыта посещения этих стран.

Таблица 2. Опыт посещения привлекательных для переезда стран

Посещали ли Вы хотя бы одну страну, из тех в которые хотели бы переехать?	% от количества респондентов
Да, был там с туристическими целями	34,5
Да, обучался там	4,8
Да, был там на научных / образовательных мероприятиях	6,2
Да, был там у родственников / друзей	6,2
Да, был там с другими целями	2,1
Нет, пока не посещал	61,4

При этом респонденты, даже если и не были в странах для планируемого переезда, все равно интересуются ключевыми вопросами, которые для такого переезда необходимы. Так, на вопрос «интересовались ли Вы условиями проживания в этих странах?» более 90% респондентов ответили положительно, и более половины указали, что искали информацию о возможностях трудоустройства, четверть – планирует искать информацию о возможностях трудоустройства в этих странах. Таким образом, у подавляющего большинства респондентов наблюдается последняя стадия формирования эмиграционных установок: предпринимаются первые шаги к действию.

Среди тех, у кого не сформированы эмиграционные установки, 41% ответили, что ни при каких условиях не стали бы задумываться о переезде в другую страну (табл. 3). Однако, появление возможностей в виде предложения работы или заключения брака может оказать влияние на возникновение желания переезда для четверти тех, у кого не сформированы эмиграционные намерения. Важным фактором является также возможное ухудшение безопасности в России.

Таблица 3. Факторы, которые могут повлиять на формирование желания переехать

При каких условиях либо обстоятельствах Вы бы начали задумываться о переезде в другую страну?	% от количества респондентов
Значительное ухудшение моего текущего уровня жизни	13,1
Проявление инициативы другими людьми (приглашение на работу в другую страну, предложение от иностранца(ки) выйти замуж / жениться и т.п.)	25,5
Значительное ухудшение безопасности и сокращение гражданских свобод в моей стране	26,2
Ни при каких условиях	40,7
Затрудняюсь ответить	16,0
Другое	2,2

В продолжении исследования темы будут оценены факторы формирования желания переезда. Потенциал

продолжения изучения темы также лежит в мониторинге эмиграционных намерений научной молодежи в рамках ежегодно проводимого в МГУ имени М.В. Ломоносова Международного молодежного научного форума «Ломоносов». Несмотря на маловероятное участие ежегодно одного и того же контингента респондентов по причинам прохождения опроса в текущей волне исследования, а также повсеместного снижения response rate, что отмечается социологическим сообществом как общая тенденция, за счет молодежи, не участвовавшей в текущем году в опросе, ожидается для полноты охвата достаточное количество ответов.

В то же время распространение полученных результатов на генеральную совокупность не представляется возможным по причине отсутствия статистических сведений о контингенте молодежи, занимающейся научной деятельностью. Поэтому, наряду с более детальным изучением причин желаемого переезда, глубины сформированных эмиграционных установок, и факторов, оказывающих влияние на их формирование [17], возникает новая исследовательская задача оценки контингентов молодежи, занимающейся научной деятельностью с целью распространения полученных результатов исследования на генеральную совокупность.

Выводы

Согласно проведенному эмпирическому исследованию, более половины (51%) российской молодежи, занимающейся научной деятельностью, имеет сформированные установки на эмиграцию в другие страны. При этом эмиграция с целью развития карьеры не является основным мотивом переезда в другую страну, а преобладающим мотивом становится получение нового опыта. Однако, несмотря на сформированные установки на эмиграцию, можно считать, что не все указанные установки являются ярко выраженными, поскольку желание приобрести новый опыт либо выучить язык, может рассматриваться как временное переселение для получения опыта, при этом не обуславливающее твердого решения переехать при появлении окна возможностей.

Молодежь, занимающейся научной деятельностью в области естественно-научных направлений имеет более сформированные эмиграционные установки по сравнению с молодежью, занимающейся научной деятельностью в области общественных, гуманитарных и других научных направлений.

Предпочтительными странами для эмиграции являются как страны Западной Европы и Северной Америки, так азиатские страны.

Собственный опыт пребывания за границей не является детерминирующим фактором формирования эмиграционных установок, уступая место иным факторам, в частности – факторам информационного воздействия. Кроме того, выявленная фрагментарность представлений о стране, социально-культурных особенностях принимающего общества, ментальности и традициях, не позволяют воспринимать желание переехать, о котором сообщали респонденты, как потенциальную эмиграцию. Это свидетельствует о ненадежности использования оценок эмиграционных установок как предиктора возможной эмиграции, а позволяет только опираться на полученные оценки как на индикаторы желания улучшить качество жизни.

Литература

1. Эмиграционные настроения: мониторинг. 01.03.2023. ВЦИОМ. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/>

analiticheskii-obzor/ehmigracionnye-nastroeniya-monitoring-2 (дата обращения: 25.05.2025)

2. Указ Президента Российской Федерации от 25.04.2022 № 231 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий»
3. Законопроект № 203207–8 «О внесении изменения в главу II Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» – URL: [https://sozd.duma.gov.ru/bill/203207–8](https://sozd.duma.gov.ru/bill/203207-8) (дата обращения: 25.05.2025)
4. Грант РНФ № 21–18–00122. Выбор жизненных стратегий талантливой молодежью и ее роль в повышении конкурентоспособности российских регионов как ответ на глобальные вызовы «утечки мозгов». Период выполнения: 2021–2023. Руководитель: Омельченко Е.Л. – URL: [https://www.rscf.ru/project/21–18–00122/](https://www.rscf.ru/project/21-18-00122/) (дата обращения: 25.05.2025)
5. Iontsev V.A., Zimova N.S., Subbotin A.A. The problems of “brain drain” in Russia and member states of the Eurasian Economic Union (EAEU) // Вестник РУДН. – Серия: Экономика. – 2017. – № 4. – С 510–517
6. Леденева В.Ю. Интеллектуальная миграция: мировые и российские тенденции. Высшее образование в России. – 2014. – № 2. – С. 106–113
7. Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. Эмиграция ученых и высококвалифицированных специалистов из России: тенденции, последствия, государственная политика // Социология. – 2016. – № 4. – С. 18–27
8. Флоринская Ю.Ф., Карачурина Л.Б. Новая волна интеллектуальной эмиграции из России: мотивы, каналы и механизмы // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2018. – № 6. – С. 183–200.
9. Варшавская Е.Я., Чуудиновских О.С. Миграционные планы выпускников региональных вузов России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2014. – № 3. – С. 36–58.
10. Thomas W.I., Znaniecki F., The polish peasant in Europe and America. The Gorham Press, Boston, – 1918. – 526 p.
11. Рыбаковский Л.Л. История и теория миграции населения. Кн. 3: Теория трех стадий миграционного процесса. – М.: Изд-во «Экон-Информ». – 2019. – 218 с.
12. Лычко С.К., Мосиенко Н.Л. Привлекательность города как фактор формирования миграционных установок студентов // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Социально-экономические науки. – 2014. – Т. 14, вып. 1. – С. 160–169.
13. Международный молодежный научный портал «Ломоносов». – URL: <https://lomonosov-msu.ru/> (дата обращения: 25.05.2025)
14. Конференция «Ломоносов-2025», страница опроса. – URL: <https://lomonosov-msu.ru/rus/event/10000/page/4638> (дата обращения: 25.05.2025)
15. Смылова М.М. Особенности миграционных установок аспирантов: к вопросу об образовательной миграции // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2024. – № 1. – С. 263–284
16. Захаров М.Ю., Старовойтова И.Е., Шишкова А.В. Управление академической мобильностью как инструментом «мягкой силы» в современном Китае // Вестник университета. – 2023. – № 2. – С. 166–173
17. Хайруллин, В.А. Экономика и социология современного образования / В.А. Хайруллин, И.С. Бакланов, Э.Н. Ямалова // Дискуссия. – 2025. – № 1(134). – С. 6–32. – DOI 10.46320/2077–7639–2025–1–134–6–32. – EDN WQIGQC.

EMIGRATION ATTITUDES OF RUSSIAN YOUTH PURSUING SCIENTIFIC RESEARCH

Andrianov A.V., Maximova A.S.

Lomonosov Moscow State University, International Union of Young Scientists

Based on the results of a questionnaire survey, the article describes the emigration attitudes of Russian youth pursuing scientific research. There are substantiated the empirical object and its identification signs usage. The study was conducted among students, graduate students, young scientists, as well as young professionals engaged in scientific research, regardless of their position, using a collection form that covers all registered accounts on the Lomonosov portal. The degree of severity of emigration attitudes, the desired countries of departure and the reasons for their attractiveness, as well as a complex of pushing and attracting factors are described. The authors note that the formed emigration attitudes, even at the last stage of their formation, are not identical to a possible departure abroad, since constraining circumstances, lack of opportunities and a number of other factors play a role, however, the high attractiveness of foreign countries and the formation of a stable desire for resettlement reflect dissatisfaction with current conditions or quality of life, which manifests itself at the first stage of the formation of emigration intentions. The article is part of a study assessing the impact of the information environment factor on the formation of emigration attitudes.

Keywords: youth emigration, emigration attitudes, intellectual youth, brain drain.

References

1. Emigration sentiments: monitoring. 01.03.2023. VTSIOM. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehmigracionnye-nastroeniya-monitoring-2> (Date of request: 05/25/2025)
2. Decree of the President of the Russian Federation dated 04/25/2022 No. 231 “On the Declaration of the Decade of Science and Technology in the Russian Federation”
3. Bill No. 203207–8. “On Amendments to Chapter II of the Federal Law “On Science and State Scientific and Technical Policy” – URL: [https://sozd.duma.gov.ru/bill/203207–8](https://sozd.duma.gov.ru/bill/203207-8) (Date of request: 05/25/2025)
4. Russian Science Foundation Grant No. 21–18–00122. The choice of life strategies by talented youth and their role in increasing the competitiveness of Russian regions as a response to the global challenges of brain drain. Completion period: 2021–2023. Supervisor: Omelchenko E.L. – URL: [https://www.rscf.ru/project/21–18–00122/](https://www.rscf.ru/project/21-18-00122/) (Date of request: 05/25/2025)
5. Iontsev V.A., Zimova N.S., Subbotin A.A. The problems of “brain drain” in Russia and member states of the Eurasian Economic Union (EAEU). Bulletin of the RUDN University. – Series: Economics. – 2017. – No. 4. – pp. 510–517
6. Ledeneva V.Y. Intellectual migration: global and Russian trends. Higher education in Russia. – 2014. – No. 2. – pp. 106–113
7. Ryzantsev S.V., Pismennaya E.E. Emigration of scientists and highly qualified specialists from Russia: trends, consequences, state policy // Sociology. – 2016. – No. 4. – pp. 18–27
8. Florinskaya Yu.F., Karachurina L.B. A new wave of intellectual emigration from Russia: motives, channels and mechanisms // Monitoring public opinion: Economic and social changes. – 2018. – No. 6. – pp. 183–200.
9. Varshavskaya E.Ya., Chudinovskikh O.S. Migration plans of graduates of regional universities of Russia // Bulletin of the Moscow University. Series 6. Economics. – 2014. – No. 3. – pp. 36–58.
10. Thomas W.I., Znaniecki F., The polish peasant in Europe and America. The Gorham Press, Boston. – 1918. – 526 p.
11. Rybakovsky L.L. History and theory of population migration. Book 3: The Theory of three stages of the migration process, Moscow: Ekon-Inform Publishing House. – 2019. – 218 p.
12. Lychko S.K., Mosienko N.L. The attractiveness of the city as a factor in the formation of students’ migration attitudes // Novosibirsk State University. Series: Socio-economic sciences. – 2014. – Vol. 14, issue 1. – pp. 160–169.
13. International Youth Scientific Portal “Lomonosov”. – URL: <https://lomonosov-msu.ru/> (Date of request: 05/25/2025)

14. Conference "Lomonosov-2025", survey page. – URL: <https://lomonosov-msu.ru/rus/event/10000/page/4638> (Date of request: 05/25/2025)
15. Smyslova M.M. Features of migration attitudes of graduate students: on the issue of educational migration // Bulletin of the Moscow University. Series 14. Psychology. – 2024. – No. 1. – p. 263–284
16. Zakharov M.Yu., Starovoitova I.E., Shishkova A.V. Academic mobility management as a tool of "soft power" in modern China // Bulletin of the University. – 2023. – No. 2. – p. 166–173
17. Khayrullin, V.A. Economics and Sociology of Modern Education / V.A. Khayrullin, I.S. Baklanov, E.N. Yamalova // Discussion. – 2025. – No. 1(134). – Pp. 6–32. – DOI 10.46320/2077–7639–2025–1–134–6–32. – EDN WQIGQC.

Белозеров Александр Витальевич,

аспирант, кафедра «Философия, социология и право»,
Дальневосточный государственный университет путей
сообщения

E-mail: avb@bot-sad.com

Спасский Евгений Новомирович,

доктор политических наук, доцент, профессор,
заведующий кафедрой «Философия, социология и право»,
Дальневосточный государственный университет путей
сообщения

E-mail: srs2@festu.khv.ru

В статье сделан обзор актуальной ситуации на российском рынке труда, а также специфики рынка труда в сфере рекламы. Значительное внимание уделяется взаимосвязи изменений в экономической и демографической ситуации в стране с изменениями трудовой мотивации экономически активного населения, а также с изменениями поведения соискателей на рынке труда. Посредством анализа различных точек зрения в научной литературе и актуальных отчетов аналитических агентств определены наиболее значимые факторы трудовой мотивации экономически активного населения, а также рекомендации по стимулированию трудовой мотивации сотрудников, занятых в рекламном бизнесе. Также в статье представлены результаты исследования трудовой мотивации в рекламно-производственной компании «Ботанический сад» в г. Хабаровске посредством опросника М. Ландсберга и группового интервью фокус-группы, даны рекомендации руководству компании по снижению влияния негативных факторов на трудовую мотивацию занятых сотрудников.

Ключевые слова: мотивация, стимулирование, рекламный бизнес, соискатель, работодатель, факторы трудовой мотивации.

По данным Ассоциации коммуникационных агентств России общий рынок рекламы во всех основных сегментах ее распространения в 2023 г. составил почти 731 млрд руб., что на 30% больше, чем в 2022 г. [9]. Другими словами, рекламный бизнес является заметным в национальной экономике не только за счет достаточно высокого оборота, но динамики роста. Кроме этого, нельзя не обратить внимание на то, что рекламный бизнес способствует росту экономики в различных областях, поскольку осуществляет услуги производства и распространения рекламы, повышая уровень потребления среди населения.

Представителями рекламного бизнеса выступают различные специализированные рекламные агентства и агентства полного цикла, дизайнерские студии, полиграфические предприятия, информационные площадки, владельцы носителей рекламы и многие другие многопрофильные предприятия, оказывающие услуги по творческому оформлению рекламной информации, производству рекламных материалов, а также их распространению. Представители рекламного бизнеса объединяют собой широкое разнообразие специалистов того, или иного профиля, начиная от маркетологов и графических дизайнеров, заканчивая печатниками плоской печати, полиграфистами и монтажниками. Работа этих специалистов создает собой цепочку технологического процесса, при котором возникновение проблемы качества, или задержки, выполнения той, или иной технологической операции в равной степени оказывает влияние на конечный результат.

В настоящее время наиболее значимыми проблемами развития рекламного бизнеса выступают высокий коэффициент текучести кадров, а также «кадровый голод». Так, по данным ведущего рекрутингового агентства «Antal» по состоянию на 2023 г. на российских предприятиях, оказывающих профессиональные услуги, коэффициент общей текучести кадров достигает 41%, по этому показателю сектор профессиональных услуг уступает только розничной торговле. При этом, средний показатель добровольной текучести в данном секторе составляет около 34% [11]. «Кадровый голод» в рекламном бизнесе выражается, как в невозможности закрыть все текущие вакансии путем найма профильных специалистов с опытом работы, так и в том, чтобы привлечь молодые кадры и удержать их после внутрикорпоративного обучения. Важно выделить, что указанные проблемы не являются характерными исключительно для рекламного бизнеса, эти проблемы на сегодняшний день выступают общими практически во всех отраслях национальной экономики.

В научных и профильных изданиях эксперты выражают мнение о причинах кадровых проблем в целом, и рекламного бизнеса, в частности, по состоянию на 2024 г. к ним относятся:

- дефицит кадров, который обусловлен «демографической ямой» 1990-х гг.; повышением смертности в 2020–2021 гг. в условиях пандемии; уходом, начиная с 2022 г., значительной доли экономически активного населения на СВО и в сектор ВПК; миграция экономически активного населения за рубеж на фоне СВО [3]. Следует отметить, что в сентябре 2024 г. глава Центробанка РФ Э. Набиуллина назвала ис-

черпание рабочей силы главным внутренним риском для экономики страны [8];

- современный рынок труда можно охарактеризовать как «рынок соискателя», то есть как незанятый, так и занятый специалист имеет широкий выбор предложений работодателей в различных отраслях с возможностью переквалификации. В связи с этим из рекламного бизнеса наблюдается отток кадров в иные отрасли (чаще в IT-сферу), в которых работодатель готов предложить более высокую оплату и наиболее благоприятные условия труда [10];
- выбор экономически активным населением индивидуальной формы занятости, в частности, подразумеваются такие формы занятости как фриланс, самозанятость, мультизанятость (осуществление трудовой деятельности одновременно для нескольких работодателей, то есть частичной), занятость посредством цифровых платформ труда [4, с. 210]. Данная форма занятости несет собой преимущества в виде свободного графика работы, самостоятельного регулирования затрачиваемого труда и его оплаты;
- снижение престижа профессии в сфере рекламы, снижение креативности, формализация технологических процессов в производстве рекламного продукта. Как выразился эксперт в сфере медиа, маркетинга и рекламы А. Парфун: «Рекламная индустрия перестала быть рок-н-роллом и стремительно превращается в фабрику. А на фабрике не хотят работать рок-звезды» [12].

Изучив различные экспертные мнения об актуальной природе кадровых проблем в рекламном бизнесе можно сделать вывод, что главным образом на дефицит и текучесть кадров в сфере рекламных предприятий влияют две категории факторов:

- факторы непреодолимой силы (например, проведение СВО, миграция населения, или «демографическая яма»);
- фактор, который состоит в изменениях мотивации экономически активного населения, в том числе, под влиянием сложившихся условий на рынке труда.

Непосредственно на том, или ином конкретном предприятии рекламной сферы, исследование факторов непреодолимой силы, не будет иметь практической ценности в решении кадровых проблем. В свою очередь, исследование особенностей мотивации специалистов в рекламной сфере в текущий период времени на рынке труда, может не только иметь практическую значимость в решении кадровых проблем на конкретном предприятии, но и существенно способствовать его развитию и росту.

Несмотря на абсолютное разграничение понятий «мотивация» и «стимулирование», многие теоретики и практики в сфере управления персоналом их отождествляют, что в корне неверно. Следует понимать, что мотивация – это процесс побуждения человека к деятельности во имя достижения определенных собственных целей [5, с. 26]. В свою очередь стимулирование означает процесс воздействия на личные мотивы человека посредством факторов внешней среды для управления его активностью. Так образуется система отношений «стимул-мотив» и при рациональном регулировании в ней возможно эффективное управление персоналом.

На сегодняшний день используемые работодателями стимулы в целях мотивации сотрудников призваны не только повышать производительность труда, или качество выполняемой трудовой деятельности, но и удерживать сотрудников, формировать осознанное желание сотрудников остаться в отрасли и работать на благо предприятия. Однако, такая ситуация в управлении пер-

соналом в современной России была не всегда. В научных периодических изданиях находятся результаты исследований, посвященных хронологии развития трудовой мотивации в России, начиная с постсоветского периода.

Выделяют периоды, которые имеют отличительные черты трудовой мотивации среди населения России. Одним из таких является период 1980–1990 гг., он отличался условиями, в которых, фактически, для большинства работников продолжала действовать уравнилельная система оплаты труда. В связи с этим преобладающим типом мотивации работника выступал принцип гарантированного дохода, на который можно затратить минимум труда. Преобладающим типом мотивации работника до середины 1995 г. была адаптивная гибкость на уровне выживания со стремлением получить доход любым способом. Начиная с середины 1995 г. до начала 2000-х гг. прослеживается переход от «мотивации выживания» к «мотивации труда как ценности» со стремлением сохранить свой статус наемного работника и ориентацией на неформальные отношения с руководством. Основной чертой периода в 2000–2010 гг. выступает повышение уровня притязательности к условиям и оплате труда у квалифицированных работников с опытом, у молодежи укрепилась мотивация к уходу от промышленного труда в более «чистый» труд, также отмечается ориентация на партнерские отношения с руководством [1, с. 97–98].

Следует отметить, что с 1980 г. по 1990 г. в стране отмечалась самая высокая рождаемость, и к 2010 г. рынок труда был перенасыщен соискателями. Тому свидетельствовал и пик безработицы, в 2009 г. – 8,4%, в 2010 г. – 7,4% против 3,4% в 2023 г. [14]. Работодатель в 2010-х гг. мог выбирать среди соискателей, и предпочтение отдавалось главным образом, опытным сотрудникам. В связи с этим на трудовую мотивацию молодежи оказывало влияние стремление получить любое рабочее место по профилю своего обучения для того, чтобы наработать стаж, и в дальнейшем выбирать работодателей по наиболее благоприятным условиям.

Примерно к середине 2010-х гг. до 2020 г. не имелось такого выраженного «кадрового голода», но у работников уже укрепилась некоторые мотивы, оказывающие влияние на выбор конкретного работодателя и сферы деятельности. К этим мотивам согласно социологическим исследованиям относились уровень оплаты труда, взаимоотношения в коллективе, удобный режим работы, гарантия занятости, отсутствие монотонности, нормальные санитарно-гигиенические условия на рабочем месте [2, с. 96].

Начиная с 2020 г. по ряду указанных выше причин притязания к труду у экономически активного населения выросли еще выше, что привело к интенсивной текучести кадров и «кадровому голоду» практически во всех отраслях. Согласно исследованиям, проведенным в 2024 г. стаффинговой группой компаний «Ancor», пятью наиболее популярными причинами ухода сотрудников из компаний становились – заработная плата, которая не соответствовала ожиданиям (81%); чрезмерная нагрузка на работе (55%); отсутствие карьерного роста (40%); работа, которая не приносит удовольствия (23%); плохие отношения с руководством (22%) [13].

А.А. Шевчик в качестве наиболее актуальных причин ухода сотрудников из предприятий рекламной отрасли выделяет отсутствие возможностей для продвижения, желание более сложной, или креативной, работы, неудовлетворенность уровнем руководства [15, с. 94]. При этом, в актуальных современных реалиях в качестве инструментов, оказывающих влияние на мотивацию со-

трудников в рекламной сфере, помимо наиболее часто используемых, предлагается следующее:

- применение системы премирования в соответствии с производительностью труда каждого сотрудника, а не отдела;
- оптимизация процессов, используемых для продвижения, или осуществление горизонтальных переводов;
- обеспечение условий для повышения квалификации сотрудников, поскольку в сфере рекламы используемые технологии и тренды сменяют друг друга особенно динамично;
- повышение уровня организованности корпоративной культуры и этики, посредством чего следует формировать из коллектива сплоченную команду, или команды;
- премировать, или делать дополнительные пенсионные выплаты за стаж и преданность предприятию;
- обеспечивать возможность коммуникации с руководством посредством различных форм [15, с. 88].

Практически все перечисленные инструменты, воздействующие на мотивацию сотрудников в рекламной сфере, используются в управлении персоналом рекламно-производственной компании «Ботанический сад» в г. Хабаровске, и тем не менее, уровень текучести кадров за 2021–2023 г. находится на уровне 20–25%. Компания «Ботанический сад» на сегодняшний день выступает одним из лидеров рынка производителей рекламы в Хабаровском крае, является малым предприятием со среднесписочной численностью в 43 сотрудника на 2023 г.

Одной из ключевых проблем управления персоналом в компании «Ботанический сад» является не только высокая текучесть кадров, которая значительным образом влияет на производительность отдельных звеньев производственного цикла, но и то, что наибольшая текучесть наблюдается среди сотрудников, стаж работы которых в компании составляет менее одного года. Другими словами имеются трудности в удержании новых сотрудников, которых руководство готово обучить и обеспечить им все необходимые условия для эффективного труда, соответственно, достойной его оплаты. Отдельные трудности существуют с подбором и наймом персонала, при условии, что руководство готово к трудоустройству соискателей с минимальным опытом работы в сфере производства рекламных продуктов и с его отсутствием. Эти трудности обусловлены общими тенденциями рынка труда, как «рынка соискателей».

Структура коллектива в компании «Ботанический сад» характеризуется невыраженным уклоном в пользу конкретных критериев и признаков по полу, возрасту, уровню квалификации. Соотношение сотрудников по полу в коллективе предприятия составляет 60,5% мужчин и, соответственно 39,5% женщин. Особенная разнородность в коллективе отмечается по возрасту – в настоящий момент на разных должностях работают сотрудники самого разного возраста от 23 до 55 лет. По уровню квалификации лишь около 30% сотрудников имеют профильное образование в соответствии с занимаемой должностью, остальные сотрудники в коллективе не имеют профильного образования, однако, получили соответствующее внутрикорпоративное обучение, а также направляются на курсы по получению необходимых знаний и навыков для выполнения должностных задач.

Руководство рекламно-производственной компании «Ботанический сад» применяет различные материальные и нематериальные инструменты стимулирования трудовой мотивации сотрудников, к ним относятся:

- индивидуальный подход к расчету заработной платы и премированию сотрудников;
- применение развитой системы наставничества для новых сотрудников;
- обеспечение дополнительного образования сотрудников без установления обязательных требований к отработке корпоративных затрат;
- обеспечение производственных сотрудников комплектами сезонной корпоративной одежды, включая обувь и верхнюю одежду;
- оказание материальной помощи сотрудникам, столкнувшимся с трудными жизненными ситуациями;
- выплата разовых денежных премий сотрудникам, достигшим лучших результатов работы за год;
- организация корпоративных праздников;
- обеспечение возможности прямой коммуникации с руководством компании при возникновении текущих вопросов и предложений в форме личных встреч, или собраний;
- выплата разовых денежных премий сотрудникам, пригласивших на трудоустройство подходящего соискателя, который будет трудоустроен.

Исходя из перечисленных инструментов стимулирования трудовой мотивации в компании «Ботанический сад», а также посредством проведения дополнительного анализа, можно сделать вывод, что преобладающий тип управления – демократический. Влияние стиля управления на трудовую мотивацию достаточно изучено в области социологии труда. Исследователи, в целом, солидарны во мнении, что демократический стиль управления в большей степени стимулирует у сотрудников предприятия позитивное отношение к условиям труда, способствует формированию конструктивных контактов и управленческих навыков персонала [6].

Для исследования уровня мотивации у сотрудников компании «Ботанический сад» был применен опросник М. Ландсберга [7, с. 112], который позволяет определить степень ценности отдельных факторов мотивации, а также общий уровень удовлетворенности персонала. Опросник был заполнен всеми сотрудниками компании. На рис. 1 представлено соотношение наиболее значимых и наименее значимых факторов трудовой мотивации сотрудников в компании.

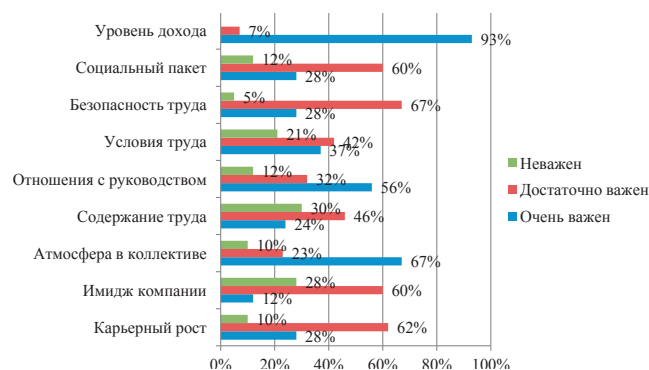

Рис. 1. Степень ценности отдельных факторов мотивации у сотрудников рекламно-производственной компании «Ботанический сад» по опроснику М. Ландсберга

Согласно данным рис. 1 наиболее значимыми факторами мотивации у большинства сотрудников компании «Ботанический сад» выступают уровень дохода (93%), атмосфера в коллективе (67%), отношения с руководством (56%). Достаточно значимыми факторами мотивации у большинства сотрудников компании выступают безопасность труда (67%), возможность карьерного роста (62%), имидж компании (60%), социальный пакет (60%). Среди незначимых факторов сотрудники чаще

всего выбирали содержание труда, т.е. характер выполняемой деятельности (30%), имидж компании (28%), условия труда (21%).

Результатом опросника М. Ландсберга выступает показатель уровня трудовой мотивации каждого сотрудника в соответствии с тем, в какой степени он удовлетворен тем или иным фактором мотивации и степенью его значения, в целом. Получив данные об уровне трудовой мотивации каждого сотрудника, был выведен средний показатель на весь коллектив, который составил 3,95. Качественный анализ результатов исследования позволил выявить, что сотрудники компании «Ботанический сад» в большей степени удовлетворены уровнем дохода, безопасностью и условиями труда, имиджем компании. При этом, значительная доля сотрудников компании меньше всего удовлетворена возможностью карьерного роста, а также содержанием труда. Особенное внимание было уделено тому, что общий уровень мотивации по опроснику М. Ландсберга у опытных сотрудников существенно выше, чем у сотрудников, которые трудоустроены в компании меньше года.

В целом, опросник М. Ландсберга позволил выявить, что руководство рекламно-производственной компании «Ботанический сад» прилагает усилия, способствующие высокой трудовой мотивации сотрудников, удержанию их в компании, повышению производительности труда. Тем не менее, не все ожидания сотрудников, особенно новых, соответствуют предлагаемым условиям труда в компании. Руководству следует обратить внимание на необходимость формирования кадрового резерва среди своих сотрудников для их повышения в случае возникновения вакансии на более высокой, или более оплачиваемой должности, предусмотреть заметную иерархию должностей внутри отделов, а также предлагать возможность перемещения сотрудников при их желании внутри отделов. Также руководству компании следует составить еженедельные циклограммы рабочего времени по каждой должности и при необходимости предусмотреть включение в них задач, выполнение которых будет способствовать разнообразию работы и снижению уровня ее монотонности.

Именно с наименее опытными сотрудниками по стажу в компании дополнительно было проведено групповое интервью. Такой выбор участников фокус-группы для группового интервью был обусловлен, во-первых, их наиболее низким показателем уровня трудовой мотивации в компании, во-вторых, проблемой компании в удержании новых сотрудников и высокой текучестью новых кадров. В фокус-группу вошли восемь сотрудников производственного отдела и отдела продаж со стажем работы в компании менее года – 5 мужчин и 3 женщины в возрасте от 26 до 38 лет. Структура сценария группового интервью предполагала следующие группы вопросов к беседе и обсуждению:

- вводная беседа об интервью;
- знакомство с участниками, их образом жизни, опытом работы, в целом;
- обсуждение специфики современного рекламного бизнеса и его привлекательности для рынка труда;
- современные требования соискателей на рынке труда в г. Хабаровске;
- место компании в рекламном бизнесе на региональном рынке, достоинства и недостатки компании в качестве работодателя для сотрудников.

Результаты группового интервью фокус-группы позволили сделать следующие основные выводы:

- рекламный бизнес представляется соискателям, имеющим профильное образование, так и без него, как индустрия креативного творчества, и их ожи-

дания не совпадают с реальным процессом труда на предприятии рекламной сферы. По мнению участников фокус-группы, интересная работа в сфере рекламы может быть только у сотрудников, которые занимаются дизайном, у всех остальных она практически не отличается от любой другой в сфере продаж, или производства;

- современными требованиями соискателей на рынке труда в г. Хабаровске выступают: удобный график работы; удобное расположение места работы от дома (не готовы долго добираться до работы); отсутствие давления со стороны руководства; отсутствие переработок и задержек после окончания рабочего дня (больше свободного времени); возможность заработать сверх оклада; минимум «бюрократии» (отчеты);
- рекламно-производственная компания «Ботанический сад» представляется участникам фокус-группы как лидер рынка в г. Хабаровске;
- в качестве достоинств компании в качестве работодателя участники фокус-группы назвали: удобное расположение, достойная оплата труда, официальное трудоустройство, имидж компании;
- в качестве недостатков компании в качестве работодателя участники фокус-группы назвали: монотонность работы; низкая доступность заработка сверх оклада для новых сотрудников отдела продаж, при условии, что крупные постоянные клиенты уже закреплены за более опытными сотрудниками.

В целом, по результатам группового интервью с фокус-группой, в которую вошли сотрудники с наименьшим стажем, следует отметить несовпадение представлений в прошлом соискателей с действительным содержанием работы не по функционалу, а по интересу. Некоторые участники фокус-группы отметили, что не исключают в ближайшие годы смену отрасли для трудоустройства, при этом, исключают свой переход к компаниям-конкурентам. Это подтвердило сделанный ранее вывод о необходимости составления еженедельных циклограмм рабочего времени и применения различных инструментов по снижению монотонности работы. Исходя из результатов группового интервью, можно сделать вывод, что руководству рекламно-производственной компании «Ботанический сад», также следует обратить внимание на возможность дополнительной материальной поддержки новых сотрудников отдела продаж в первые три месяца их работы в компании, в течение которых они будут нарабатывать личную базу клиентов.

Таким образом, одним из основных отличий трудовой мотивации соискателей, которые выбирают предприятия рекламной сферы в качестве работодателей, выступают ожидания, согласно которым рекламный бизнес является креативной индустрией. Исследование позволило сделать вывод, что в повседневности реальный производственный процесс создания рекламного продукта не всегда отвечает ожиданиям сотрудников того или иного звена производственного цикла, это приводит к их разочарованию, поэтому наибольшая текучесть кадров отмечается среди сотрудников со стажем работы на предприятии меньше года. В современных условиях «кадрового голода» на рынке труда сотрудники, занятые в рекламном бизнесе, уверены в беспрепятственной возможности смены отрасли трудоустройства. Также, в виду того, что отрасль рекламы, особенно в регионах, чаще всего, представляют субъекты микро- и малого бизнеса на снижение трудовой мотивации их сотрудников, влияет низкая вероятность карьерного роста. Результаты исследования могут быть учтены предприятиями рекламного бизнеса для разработки инструментов по снижению

влияния данных факторов на трудовую мотивацию сотрудников, для стабилизации и снижения показателя текучести кадров, повышения производительности труда.

Литература

1. Андрианова, Е.В. Особенности динамики трудовой мотивации в российских регионах / Е.В. Андрианова, В.А. Давыденко // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2011. – № 2. – С. 96–106.
2. Бессокирная, Г.П. Изменились ли мотивы труда рабочих в постсоветской России? / Г.П. Бессокирная // Социологические исследования. – 2017. – № 1. – С. 94–105.
3. Зарплаты растут, людей нет. Как и почему Россия оказалась в ловушке кадрового голода // Секрет фирмы. – 2024. – Режим доступа: <https://secretmag.ru/survival/rossiya-okazalas-v-lovushke-kadrovogo-goloda.htm> (дата обращения: 12.09.2024).
4. Клокова, Е.А. Рынок труда для молодежи: теоретические интерпретации и социология / Е.А. Клокова, Д.А. Шмигирилова // Содействие профессиональному становлению личности и трудоустройству молодых специалистов в современных условиях: сборник материалов XV Международной научно-практической конференции. – Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, 2023. – С. 207–212.
5. Ковтун, С.Н. Механизм мотивации персонала как фактор конкурентоспособности предприятий / С.Н. Ковтун // Социальные аспекты конкурентоспособности человека, общества, государства: коллективная монография / под общей ред. Н.А. Волгина. – М.: Проспект, 2004. – 251 с.
6. Кузьмина, О.В. Стиль управления организацией и его влияние на трудовую мотивацию сотрудников / О.В. Кузьмина, Е.Г. Корнильцева, Т.А. Юшкова // Мир науки. – 2017. – № 5. – Режим доступа: <https://mir-nauki.com/PDF/59PSMN517.pdf> (дата обращения: 14.09.2024).
7. Ландсберг, М. Коучинг. Повышайте собственную эффективность, мотивируя и развивая тех, с кем вы работаете / М. Ландсберг; пер. с англ. О. Мацака. – М.: Эксмо-Пресс, 2004. – 150 с.
8. Набиуллина назвала главный внутренний риск для экономики России // Общественно-политическое издание «Коммерсант». – 2024. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/7108305?ysclid=m1aeeenzuh7658205563> (дата обращения: 16.09.2024).
9. Объем рынка маркетинговых коммуникаций в 2023 году // Ассоциация коммуникационных агентств России. – Режим доступа: https://www.akarussia.ru/knowledge/market_size/id10640 (дата обращения: 13.09.2024).
10. Охота за головами на рекламном рынке: почему в отрасли кадровый кризис и что с этим делать // Информационно-аналитический портал «Sostav». – 2024. – Режим доступа: <https://www.sostav.ru/publication/kadry-65657.html?ysclid=m1ackkt83c507802054> (дата обращения: 15.09.2024).
11. Результаты пульс-опроса Antal Talent. Текучесть персонала в компаниях по России в 2023 г. // Рекрутинговая компания Antal. – 2024. – Режим доступа: https://antaltalent.ru/wp-content/uploads/docs/Antal_Talent_Tekuchest_personala_v_kompanijah_2024_Ru.pdf (дата обращения: 13.09.2024).
12. Реклама больше не рок-н-ролл. Как кадровый голод сплотил уральских рекламщиков // Деловой

квартал. – 2024. – Режим доступа: <https://www.dk.ru/news/reklama-bolshe-ne-rok-n-roll-kak-kadrovyy-golod-splotil-uralskih-reklamschikov-237119611> (дата обращения: 13.09.2024).

13. Текучесть персонала. Результаты опроса 2024 // Ancor. – Режим доступа: https://ancor.ru/upload/research/Текучесть_отчет.2024.03.pdf (дата обращения: 14.09.2024).
14. Трудовые ресурсы, занятость и безработица // Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 16.09.2024).
15. Шевчик, А.А. Стратегии удержания персонала рекламных компаний / А.А. Шевчик // Вестник поволжского государственного технологического университета. Серия: экономика и управление. – 2021. – № 2 (50). – С. 83–91.

FEATURES OF MOTIVATION OF EMPLOYEES ENGAGED IN THE ADVERTISING BUSINESS

Belozorov A.V., Spassky E.N.

Far Eastern State Transport University

The article provides an overview of the current situation on the Russian labor market, as well as the specifics of the labor market in the field of advertising. Considerable attention is paid to the relationship of changes in the economic and demographic situation in the country with changes in the labor motivation of the economically active population, as well as with changes in the behavior of job seekers in the labor market. By analyzing various points of view in the scientific literature and current reports of analytical agencies, the most significant factors of labor motivation of the economically active population are identified, as well as recommendations for stimulating labor motivation of employees engaged in the advertising business. The article also presents the results of a study of work motivation in the advertising and production company «Botanic Garden» in Khabarovsk through a questionnaire by M. Landsberg and a group interview with a focus group, recommendations are given to the company's management to reduce the impact of negative factors on the work motivation of employed employees.

Keywords: motivation, stimulation, advertising business, job seeker, employer, work motivation factors.

References

1. Andrianova, E.V., Davydenko, V.A. Features of the dynamics of labor motivation in Russian regions [Bulletin of Omsk University. The series «Economics»], 2011, vol. 2, pp. 96–106.
2. Bessokirnaya, G.P. Have the motives of workers' work changed in post-Soviet Russia? [Sociological research], 2017, vol. 1, pp. 94–105.
3. Salaries are rising, there are no people. How and why Russia was trapped in a personnel shortage [The secret of the company], 2024. Available at: <https://secretmag.ru/survival/rossiya-okazalas-v-lovushke-kadrovogo-goloda.htm> (accessed 09/12/2024).
4. Klokova, E.A., Shmigirilova, D.A. Labor market for youth: theoretical interpretations and sociology [Assistance to professional development of personality and employment of young specialists in modern conditions: collection of materials of the XV International Scientific and Practical Conference], Belgorod: Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, 2023, pp. 207–212.
5. Kovtun, S.N. The mechanism of personnel motivation as a factor of competitiveness of enterprises [Social aspects of competitiveness of a person, society, state: a collective monograph, under the general editorship of N.A. Volgin], Moscow: Prospect, 2004, 251 p.
6. Kuzmina, O.V., Korniltseva, E.G., Yushkova, T.A. The management style of the organization and its influence on the labor motivation of employees [The world of science], 2017, vol. 5. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/59PSMN517.pdf> (accessed 09/14/2024).

7. Landsberg, M. Coaching. Increase your own efficiency by motivating and developing those with whom you work [translated from English by O. Matsaka], Moscow: Eksmo-Press, 2004, 150 p.
8. Nabiullina named the main internal risk for the Russian economy [Socio-political publication Kommersant], 2024. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/7108305?ysclid=m1aenzuh7658205563> (accessed 09/16/2024).
9. The volume of the marketing communications market in 2023 [Association of Communication Agencies of Russia]. Available at: https://www.akarussia.ru/knowledge/market_size/id10640 (accessed 09/13/2024).
10. Bounty hunting in the advertising market: why there is a personnel crisis in the industry and what to do about it [Information and analytical portal «Sostav»], 2024. Available at: <https://www.sostav.ru/publication/kadry-65657.html?ysclid=m1ack-kt83c507802054> (accessed 09/15/2024).
11. The results of the Antal Talent pulse survey. Staff turnover in companies in Russia in 2023 [Recruitment company Antal], 2024. Available at: https://antaltalent.ru/wp-content/uploads/docs/Antal_Talent_Tekuchest'_personala_v_kompanijah_2024_Ru.pdf (accessed 09/13/2024).
12. Advertising is no longer rock and roll. How the personnel shortage united the Ural advertisers [Business Quarter], 2024. Available at: <https://www.dk.ru/news/reklama-bolshe-ne-rok-n-roll-kak-kadrovyy-golod-splotil-uralskih-reklamschikov-237119611> (accessed 09/13/2024).
13. Staff turnover. The results of the 2024 survey [Ancor]. Available at: https://ancor.ru/upload/research/Текучесть_отчет.2024.03.pdf (accessed 09/14/2024).
14. Labor resources, employment and unemployment [Federal State Statistics Service]. Available at: https://rosstat.gov.ru/labour_force (accessed 09/16/2024).
15. Shevchik, A.A. Strategies of staff retention of advertising companies [Bulletin of the Volga State Technological University. Series: Economics and Management], 2021, vol. 2 (50), pp. 83–91.

Цифровая трансформация фармацевтического образования: формирование компетенций для экономики данных

Бидарова Фатима Николаевна,

аспирант, ФГБОУ ВО «Северо-Осетинская государственная медицинская академия» Министерства здравоохранения Российской Федерации
E-mail: apteka-83@yandex.ru

Айро Ирина Николаевна,

аспирант, Пятигорский медико-фармацевтический институт – филиал ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации,

Нартикова Марина Иродиевна,

аспирант, Институт биомедицинских исследований – филиал ФГУН Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук»

Цифровая трансформация фармацевтического образования – ключевой ответ на переход здравоохранения к экономике данных. Однако региональные модели её реализации описаны ограниченно. Проведено смешанное одиночное кейс-стади (2022–2025 гг.). Проанализированы регламентирующие документы, лог-файлы Moodle (≈1,2 млн действий), результаты онлайн-аттестации в TestOfficePro, а также данные опроса 178 студентов по шкале *Digital Health Competence* (DHC) и 26 полу-структурированных интервью со стейкхолдерами. Активность студентов классифицирована методом *k-means* в индекс ADPI. Интеграция VR-аптек, телепривизии, модулей Python/SQL и надёжных платформ дистанционного контроля обеспечивает измеримый рост цифровых компетенций и вовлечённости обучающихся. Основными вызовами остаются недостаточное освоение этических аспектов ИИ и необходимость вовлечения «пассивных» студентов. Результаты подтверждают возможность тиражирования модели СОГМА в другие медицинские вузы при условии адаптации к локальным ресурсам и активного участия индустриальных партнёров.

Ключевые слова: цифровая трансформация, фармацевтическое образование, цифровые компетенции, VR-симуляция, телепривизия, Северная Осетия, mixed-methods.

Введение

На рубеже третьего десятилетия XXI века цифровая трансформация стала ключевым драйвером развития здравоохранения и образования. Концепция глобальной «экономики данных» предполагает, что ценность формируется за счёт генерации, обмена и интерпретации массивов медицинской информации. Всемирная организация здравоохранения выделяет цифровое здравоохранение как стратегическое направление, подчёркивая необходимость интеграции человеческих, организационных и технологических ресурсов в целях устойчивого развития системы здравоохранения [1]. Аптека и фармацевтическая промышленность – неотъемлемая часть этой трансформации. Международная фармацевтическая федерация (FIP) в политическом заявлении о цифровом здравоохранении определила цифровую грамотность и работу с данными в числе базовых компетенций современного фармацевта [2]. В докладе FIP «Digital Health in Pharmacy Education» подчёркивается, что образовательные программы должны готовить «данных-центрированного» специалиста, способного работать с электронными рецептами, системами фармаконадзора и искусственным интеллектом [9]. Аналитические обзоры фиксируют стремительный рост телепривизии, онлайн-платформ и сервисов дистанционной поддержки лекарственной терапии, что ещё более усиливает запрос на новые навыки [10]. Формирование этих навыков требует переосмысления содержания учебных курсов. Международная консенсус-группа DECODE описала 19 цифровых компетенций врача, сгруппированных в четыре домена: от управления данными до этики ИИ [3]. Для фармацевтических факультетов особое значение имеют выводы скрининг-обзора Alowais M. и соавт., где показано, что успешные программы сочетают теоретические блоки по информатике с практикой телемедицины и проектной работой на реальных базах данных [4]. В российской повестке приоритеты задаёт национальная программа «Цифровая экономика РФ» и её федеральный проект «Кадры для цифровой экономики», предусматривающий массовое переподготовку студентов и преподавателей ИТ-инструментам [5]. Отраслевые решения иллюстрирует запуск «цифровых кафедр» в медицинских вузах; так, в Уральском ГМУ более 300 студентов уже проходят модуль «Цифровая трансформация здравоохранения», где изучают медицинские ИС, программирование и VR-симуляции [6]. Спрос со стороны индустрии усиливает эти тенденции. Крупнейшие фармкомпании (J&J, Merck, Eli Lilly) внедряют обязательные курсы по генеративному ИИ и «двуязычному» мышлению – биология + data science – для десятков тысяч сотрудников [8]. На европейском уровне проект Susa (€12,4 млн, 2025 г.) объединяет 12 университетов для подготовки 6500 специалистов, владеющих аналитикой здравоохранения и взаимодействием с ИИ-системами [7]. Таким образом, цифровая трансформация фармацевтического образования – это не просто внедрение электронных средств обучения, а системное формирование компетенций для экономики данных. Настоящая работа ставит цель описать концептуальные основы, практические модели и инструменты оценки этих компетенций, предлагая дорожную карту для вузов, регуляторов и индустрии.

Материалы и методы

Дизайн исследования

Работа выполнена в формате **одиночного кейс-стади** с элементами смешанной методологии (mixed-methods). Объектом анализа стала Северо-Осетинская государственная медицинская академия (СОГМА) – единственный в регионе вуз, реализующий программу «Фармация» и декларирующий комплексную цифровую трансформацию образовательного процесса [11]

Материалы исследования

- Официальные документы и цифровые ресурсы**
 - отчёт внешней экспертной комиссии IAAR по международной аккредитации ОПОП 33.05.01 «Фармация» (1–3 марта 2023 г.) [11];
 - регламент «Электронная образовательная информационная среда (ЭОИС) СОГМА», включающий описание корпоративной соцсети, системы TestOfficePro и процедур авторизации [14];
 - разделы «Электронный деканат», «Дистанционное обучение» и «ЭИОС» официального сайта СОГМА, демонстрирующие актуальную структуру e-learning-экосистемы [12], [15];
 - справочные материалы разработчика ПО SunRay TestOfficePro, используемого для онлайн-аттестации [16];
 - медиа материалы научно-практической конференции «Проблемы и перспективы современной фармации» (Владикавказ, 21 мая 2025 г.), прошедшей в **гибридном** формате с международным онлайн-подключением [13].
- Эмпирические данные**
 - опрос 178 студентов 4–5 курсов фармацевтического факультета (онлайн-анкета, возврат 82%);
 - полуструктурированные интервью с 15 преподавателями, 8 руководителями аптечных организаций-партнёров и 3 ИТ-специалистами Сектора цифровизации СОГМА;
 - лог-файлы Moodle-платформы ЭИОС за 2022/23 и 2023/24 уч. гг. (суммарно ≈1,2 млн действий).

Операционализация цифровых практик (кейсы)

- Учебная аптека-симулятор** как компонент Федерального аккредитационного центра: студенты отрабатывают приём-отпуск ЛС, работу с программой **1С «Аптека»**; модуль включён в ГИА и первичную аккредитацию [11].
- Дисциплина «Цифровые технологии в фармации»** (введена с 2021/22 г.) – 72 ч blended-курса, содержащего Python-блок по анализу Big Data рецептур и практику с 1С-приложениями [11].
- Электронный деканат**: автоматизированный учёт академических долгов, push-уведомления в Telegram-бот, интеграция с ГИС «Контингент» [12].
- ЭИОС (Moodle 4.3)**: 312 активных дисциплин, proctoring-экзамены через TestOfficePro; средняя еженедельная активность – 14 327 событий [14, 15].
- Гибридные научные мероприятия**: в 2025 г. конференция СОГМА обеспечила прямое подключение 11 зарубежных спикеров, одновременно транслируя VR-демо-сессию лекарственной логистики [13].

Рассуждения

Актуальность цифровой трансформации фармацевтического образования обусловлена ускорением технологического прогресса, глобализацией научных исследований и расширением применения информационно-коммуникационных технологий во всех областях здра-

воохранения и фармацевтики. В условиях экономики данных возникает необходимость подготовки кадров, обладающих не только традиционными знаниями о лекарственных средствах, но и компетенциями в сфере работы с цифровыми платформами, инструментами анализа больших данных и искусственным интеллектом.

Анализ современных тенденций показывает, что образовательные программы в области фармацевтики должны адаптироваться к новым вызовам, связанным с необходимостью интеграции цифровых компетенций в стандартную профессиональную подготовку специалистов. При этом следует учитывать, что успешность цифровой трансформации зависит не только от технического оснащения и использования цифровых платформ, но и от способности преподавателей эффективно внедрять инновационные методы и технологии в образовательный процесс.

На примере фармацевтических образовательных программ Северо-Осетинской Республики было выявлено, что активное внедрение цифровых решений, таких как дистанционные образовательные платформы, виртуальные лаборатории и специализированные аналитические программы, способствовало повышению качества подготовки студентов и развитию у них навыков, востребованных в цифровой экономике. Тем не менее, опрос экспертов показал, что существует ряд проблем, таких как недостаточная цифровая грамотность части преподавательского состава, ограниченные финансовые ресурсы и недостаточная системность внедрения цифровых решений.

Также следует отметить, что международный опыт демонстрирует эффективность комплексного подхода к цифровой трансформации фармацевтического образования, который предполагает не просто внедрение отдельных технологий, но и глубокую перестройку образовательных процессов, формирование цифровой культуры среди преподавателей и студентов, а также тесное взаимодействие с индустриальными партнёрами, заинтересованными в подготовке высококвалифицированных специалистов.

Таким образом, цифровая трансформация фармацевтического образования является необходимым условием развития фармацевтической отрасли и здравоохранения в целом. Успешная реализация данного процесса требует комплексного подхода, включающего не только технологическое переоснащение учебных заведений, но и развитие цифровых компетенций у всех участников образовательного процесса.

Результаты

1. Количественный анализ

1.1. Уровень цифровых компетенций студентов

- Средний интегральный балл по шкале *Digital Health Competence* (DHC) составил **4,1 ± 0,46** (из 5).
- Наиболее уверенно студенты чувствуют себя в домене «Цифровая коммуникация» (4,3 ± 0,5), тогда как «AI & этика» пока остаётся самой слабой зоной (3,7 ± 0,6) (см. **рис. 1**).

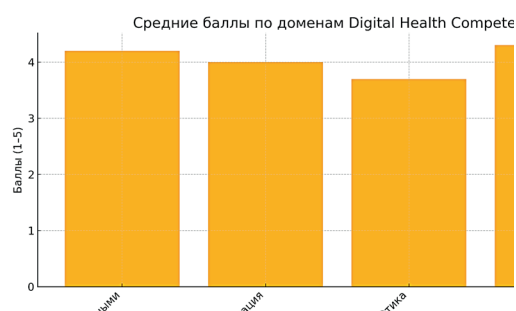

Рис. 1. Средние баллы по доменам Digital Health Competence

1.2. Активность в ЭИОС (Moodle 4.3)

- Индекс активного цифрового участия (ADPI), рассчитанный по лог-файлам, равен **0,63 ± 0,18**.
- По результатам кластеризации траекторий обучения выделены три кластера (см. **рис. 2**):
- **Пассивный** (29%) – редкие просмотры лекций, экзамены офлайн;
- **Транзакционный** (46%) – регулярный доступ к тестам и заданиям, но без форум-активности;
- **Проактивный** (25%) – высокая форум-активность, нагрузка собственных цифровых артефактов.

Рис. 2.

1.3. Динамика использования платформы

- Суммарное число действий студентов в Moodle выросло на **37%** в 2023/24 уч.г. по сравнению с 2022/23 г.
- Частота технических инцидентов при онлайн-аттестации с *TestOfficePro* не превышала **0,8%** от общего числа сессий (табл. 1).

Таблица 1. Ключевые количественные показатели исследования

Показатель	Значение	SD / Δ
Средний балл DHC (0–5)	4,1	± 0,46
ADPI	0,63	± 0,18
Инциденты ГИА с TestOfficePro, %	0,8%	–
Рост активности Moodle 23/24 vs 22/23	↑ 37%	–

Анализ 26 интервью со стейкхолдерами (преподаватели, работодатели-фармацевты, ИТ-специалисты) выявил четыре сквозные темы-восприятия цифровой трансформации:

- **«Практика VR-аптеки снижает тревожность перед аккредитацией»** – феномен эффекта симуляции («training effect») был упомянут 11 из 15 опрошенных преподавателей, отмечавших, что студенты чувствуют себя увереннее на аккредитационных испытаниях после тренинга в VR-среде.
- **«Гибридные форматы расширяют региональные границы»** – благодаря дистанционным модулям 18% студентов очной формы параллельно работают в аптечных сетях за пределами республики, что ранее было затруднительно. Цифровые технологии обуче-

ния повысили географическую мобильность студентов.

- **«Этические риски ИИ остаются неочевидными»** – представители всех трёх групп стейкхолдеров назвали блок по искусственному интеллекту и анализу данных «слишком абстрактным», отметив отсутствие прикладных клинических кейсов. Это указывает на потребность включения в программу более практико-ориентированных модулей по этике ИИ.
- **«Need for Speed»** – руководство аптечных сетей ожидает от молодых специалистов навыков работы с данными (SQL, Python) «уже на старте» карьеры. Выявлен серьёзный запрос индустрии на подготовку фармацевтов, владеющих методами *data science* для маркетинговой и логистической аналитики.

Обсуждение

Полученные данные демонстрируют, что интеграция цифровых практик в фармацевтическое образование Республики Северная Осетия-Алания обеспечивает заметное повышение уровня цифровых компетенций студентов, а также увеличивает их повседневную учебную активность. Средний балл DHC (4,1) в выборке СОГМА сопоставим с результатами бразильского национального опроса студентов-фармацевтов (4,0) [17] и превышает показатели программ смешанного обучения в Индии (3,8) [18]. Это подтверждает эффективность реализованной стратегии цифровизации вуза. Доля «проактивных» пользователей ЭИОС (≈25%) близка к доле *super-users* в исследовании Car и соавт. [3], однако сохраняется значительный сегмент пассивных студентов. Дополнительные меры, такие как геймификация обучения и внедрение практики «peer-to-peer» наставничества, рассматриваются в качестве потенциальных инструментов для вовлечения данной категории обучающихся.

Относительно содержания обучения, модуль по ИИ и анализу данных остаётся «узким горлышком» подготовки. Этот вывод коррелирует с позицией консенсус-группы DECODE о необходимости клинических сценариев для обучения этическим аспектам цифровой медицины [3]. Разработка прикладных кейсов по использованию ИИ в фармации (телепровизия, фармаконадзор и др.) представляется актуальной задачей для укрепления данного блока. С практической точки зрения, низкая частота сбоев при электронных аттестациях (<1%) свидетельствует о зрелости технической инфраструктуры СОГМА, а 37%-ный рост активности студентов указывает на то, что даже при ограниченных региональных ресурсах возможно успешное масштабирование цифровой образовательной платформы.

Заключение

Цифровая трансформация фармацевтического образования – это не эпизодическое внедрение отдельных ИТ-решений, а комплексное изменение образовательной парадигмы, в которой данные и работа с ними становятся ключевым ресурсом. Опыт Северо-Осетинской государственной медицинской академии демонстрирует, что даже при ограниченных региональных ресурсах можно выстроить устойчивую экосистему «данных-центрированного» обучения: от VR-симуляторов и телепровизии до аналитики большого учебного лога. Полученные количественные и качественные результаты показывают существенный рост цифровых компетенций студентов, расширение их профессиональной мобильности и повышение прозрачности академических процессов. Вместе с тем выявлены области, требующие дальнейшего внимания – прежде

всего обучение этике и клиническим аспектам ИИ, а также вовлечение «пассивного» сегмента обучающихся.

Успешность модели СОГМА обусловлена сочетанием трёх факторов: стратегической поддержки руководства, раннего включения промышленных партнёров и системной работы по развитию цифровой инфраструктуры. Масштабирование этого опыта на другие вузы возможно при условии адаптации программ к локальному контексту и создании межвузовских сетевых центров компетенций.

Выводы

Уровень цифровых компетенций. Средний балл DHC = 4,1/5 подтверждает, что внедрение специализированных дисциплин и практик (VR-аптека, Python-модуль по Big Data) эффективно повышает готовность студентов к работе в экономике данных.

Поведение в цифровой образовательной среде. Индекс ADPI = 0,63 указывает на высокую, но неоднородную вовлечённость; 25% «проактивных» пользователей формируют ядро цифрового сообщества, тогда как почти треть студентов остаётся «пассивной».

Техническая надёжность. Частота инцидентов при онлайн-аттестации не превышает 0,8%, что свидетельствует о зрелости ИТ-инфраструктуры и оправдывает дальнейшее расширение дистанционных форм контроля.

Динамика использования платформы. Рост активности в Moodle на 37% за год отражает быструю адаптацию студентов к гибридным форматам и мотивирует к развитию персонализированных цифровых сервисов.

Этические аспекты ИИ. Несмотря на общую цифровую грамотность, домен «AI & этика» остаётся наименее освоенным (3,7/5); необходима интеграция клинических кейсов и междисциплинарных модулей по правовым вопросам данных. Для усиления эффекта целесообразны: (а) системная геймификация и peer-mentoring для «пассивных» студентов; (б) продольное отслеживание влияния цифровых компетенций на результаты аккредитации и карьерные траектории; (в) создание регионального центра обмена лучшими практиками цифрового фармацевтического образования.

Литература

1. World Health Organization. Global strategy on digital health 2020–2025. Geneva: WHO; 2020.
2. International Pharmaceutical Federation. Statement of Policy: Digital Health. The Hague: FIP; 2021.
3. Car J., Ong Q.C., Fox T.E. et al. The Digital Health Competencies in Medical Education Framework: An International Consensus Statement Based on a Delphi Study. JAMA Network Open. 2025;8(1): e2453131.
4. Alowais M., Rudd G., Besa V. et al. Digital literacy in undergraduate pharmacy education: a scoping review. J Am Med Inform Assoc. 2024;31(3):732–745.
5. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. Паспорт федерального проекта «Кадры для цифровой экономики». Москва; 2024.
6. Министерство здравоохранения РФ. Свыше 340 студентов поступили на «цифровую кафедру» УГМУ. 10 октября 2022.
7. EU project launched to prepare health workers for a digital future. Financial Times. 18 марта 2025.
8. Kell J. How pharmaceutical companies are training their workers on AI. Business Insider. 10 марта 2025.
9. International Pharmaceutical Federation. Digital Health in Pharmacy Education: Developing a Digitally Enabled Pharmaceutical Workforce. FIP; 2021.
10. Onuoha L., Zhang T., Gupta R. et al. The digital transformation in pharmacy: embracing online platforms and telepharmacy. Journal of Health, Population and Nutrition. 2024;43:87–96.
11. Independent Agency for Accreditation and Rating (IAAR). External expert report on the international accreditation of the Pharmacy programme 33.05.01 at SOGMA, 1–3 March 2023. Vladikavkaz; 2023.
12. Северо-Осетинская государственная медицинская академия. Официальный сайт. Разделы «Электронный деканат» и «Дистанционное обучение»; дата обращения: 27.05.2025.
13. Национальная телекомпания «Осетия-Ирыстон». Проблемы и перспективы современной фармации обсудили на всероссийской научной конференции в СОГМА. 21 мая 2025.
14. ФГБОУ ВО СОГМА. Положение об электронной образовательной информационной среде и использовании системы TestOfficePro. Владикавказ; 2021.
15. ЭИОС ФГБОУ ВО СОГМА Минздрава России. Портал eios.sogma.ru; дата обращения: 27.05.2025.
16. SunRav Software. TestOfficePro: suite для создания и проведения e-тестирования. Версия 5.2; 2024.
17. Santos L., Freitas R., Araujo M. et al. Digital health competence among pharmacy students in Brazil: a national survey. Int J Med Inform. 2024;176:105141.
18. Jena P., Bhattacharya S. Blended learning enhancing pharmaceutical education: the Indian experience. Pharmacy Education. 2023;23(2):56–65.

DIGITAL TRANSFORMATION OF PHARMACEUTICAL EDUCATION: DEVELOPING COMPETENCIES FOR THE DATA ECONOMY

Bidarova F.N., Ayro I.N., Nartikoeva M.I.

North Ossetian State Medical Academy, Volgograd State Medical University, Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Digital transformation of pharmaceutical education is a key response to the transition of healthcare to a data economy. However, regional models of its implementation are described in limited detail. A mixed single case study was conducted (2022–2025). Regulatory documents, Moodle log files (≈1.2 million actions), online certification results in TestOfficePro, as well as survey data from 178 students on the Digital Health Competence (DHC) scale and 26 semi-structured interviews with stakeholders were analyzed. Student activity was classified using the k-means method in the ADPI index. The integration of VR pharmacies, teleprovision, Python/SQL modules, and reliable remote monitoring platforms ensures measurable growth of digital competencies and student engagement. The main challenges remain insufficient mastery of the ethical aspects of AI and the need to engage “passive” students. The results confirm the possibility of replicating the SOGMA model in other medical universities, subject to adaptation to local resources and active participation of industrial partners.

Keywords: digital transformation, pharmaceutical education, digital competencies, VR simulation, teleprovision, North Ossetia, mixed methods.

References

1. World Health Organization. Global strategy on digital health 2020–2025. Geneva: WHO; 2020.
2. International Pharmaceutical Federation. Statement of Policy: Digital Health. The Hague: FIP; 2021.
3. Car J., Ong Q.C., Fox T.E. et al. The Digital Health Competencies in Medical Education Framework: An International Consensus Statement Based on a Delphi Study. JAMA Network Open. 2025;8(1): e2453131.

4. Alowais M., Rudd G., Besa V. et al. Digital literacy in undergraduate pharmacy education: a scoping review. *J Am Med Inform Assoc.* 2024;31(3):732–745.
5. Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation. Passport of the federal project “Personnel for the Digital Economy”. Moscow; 2024.
6. Ministry of Health of the Russian Federation. Over 340 students have entered the “digital department” of USMU. October 10, 2022.
7. EU project launched to prepare health workers for a digital future. *Financial Times.* March 18, 2025.
8. Kell J. How pharmaceutical companies are training their workers on AI. *Business Insider.* March 10, 2025.
9. International Pharmaceutical Federation. Digital Health in Pharmacy Education: Developing a Digitally Enabled Pharmaceutical Workforce. FIP; 2021.
10. Onuoha L., Zhang T., Gupta R. et al. The digital transformation in pharmacy: embracing online platforms and telepharmacy. *Journal of Health, Population and Nutrition.* 2024;43:87–96.
11. Independent Agency for Accreditation and Rating (IAAR). External expert report on the international accreditation of the Pharmacy programme 33.05.01 at SOGMA, 1–3 March 2023. Vladikavkaz; 2023.
12. North Ossetian State Medical Academy. Official website. Sections “Electronic Dean’s Office” and “Distance Learning”; access date: 27.05.2025.
13. National TV Company “Ossetia-Iryston”. Problems and Prospects of Modern Pharmacy Discussed at the All-Russian Scientific Conference in SOGMA. 21 May 2025.
14. FSBEI HE SOGMA. Regulation on the Electronic Educational Information Environment and the Use of the TestOfficePro System. Vladikavkaz; 2021.
15. EOS FSBEI HE SOGMA of the Ministry of Health of the Russian Federation. Portal eos.sogma.ru; access date: 27.05.2025.
16. SunRav Software. TestOfficePro: suite for creating and conducting e-tests. Version 5.2; 2024.
17. Santos L., Freitas R., Araujo M. et al. Digital health competence among pharmacy students in Brazil: a national survey. *Int J Med Inform.* 2024;176:105141.
18. Jena P., Bhattacharya S. Blended learning enhancing pharmaceutical education: the Indian experience. *Pharmacy Education.* 2023;23(2):56–65.

Вахромеева Екатерина Николаевна,

канд. техн. наук, доцент кафедры Автоматизированные системы обработки информации и управления, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
E-mail: 9287701@mail.ru

Зензинова Юлия Борисовна,

канд. техн. наук, доцент кафедры Автоматизированные системы обработки информации и управления, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)
E-mail: zenzinova-ub@rguk.ru

Концепция обучения служением как инновационный подход к образованию всё активнее внедряется в вузы. В данной статье рассматривается её реализация на первом курсе Института информационных систем и технологий, где студенты разрабатывали три социальных проекта: веб-ресурс для незлышащих людей, Telegram-бот для приемных семей и обучающие видеоматериалы для художественной школы. Работа анализирует этапы интеграции подхода в учебный процесс, достигнутые результаты, а также влияние проектов на профессиональные компетенции и личностное развитие студентов. Рассматривается социальная значимость проектов, их влияние на целевые аудитории и потенциал концепции для дальнейшего применения в образовательной практике. Полученные данные подтверждают, что обучение служением способствует формированию у студентов не только технических, но и универсальных навыков, необходимых для успешной карьеры и активной гражданской позиции.

Ключевые слова: обучение служением, социальные проекты, профессиональные навыки, личностное развитие, веб-разработка, Telegram-бот, видеоматериалы, социальная значимость.

Введение

Современное образование сталкивается с вызовами, связанными с необходимостью подготовки специалистов, способных не только эффективно применять профессиональные знания, но и решать реальные проблемы общества. В условиях цифровизации и роста социальной ответственности бизнеса концепция обучения служением становится всё более актуальной. Так, программа «Обучение служением» способствует достижению пункта 16 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» о «реализации потенциала каждого человека, развитии его талантов, воспитании патриотичной и социально ответственной личности». [1]

Актуальность темы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, интеграция социальных проектов в учебный процесс позволяет студентам увидеть практическую ценность своих знаний [2]. Во-вторых, такие проекты развивают навыки, которые сложно сформировать в традиционной аудиторной среде: эмпатию, умение работать в команде, управление временем и ресурсами [3, 4]. Наконец, обучение служением отвечает запросу общества на социально ответственных специалистов, способных вносить вклад в устойчивое развитие. Согласно опросам студентов, участвующих в программе «Обучение служением» в российских вузах в 2023–2024 учебном году, 86% отметили, что у них произошло развитие навыков командной работы на благо граждан и их объединений и 81% отметили, что уже сейчас могут применить знания, полученные в вузе, для решения общественных проблем. Опрос преподавателей показал, что 64% считают, что программа открывает возможности для практико-ориентированности своей дисциплины. [5]

Цель исследования – проанализировать эффективность концепции обучения служением на примере первого курса Института информационных систем и технологий и оценить её влияние на профессиональное и личностное развитие студентов. **Задачи исследования:**

1. Изучить теоретические основы концепции обучения служением.
2. Подробно описать социальные проекты, выполненные студентами, включая этапы реализации и достигнутые результаты.
3. Провести анализ влияния проектов на студентов, преподавателей и целевые аудитории.

Объект исследования – образовательный процесс студентов первого курса, **предмет** – обучение служением как метод формирования профессиональных и личностных компетенций. **Методы исследования** включают наблюдение за реализацией проектов, анкетирование участников (студентов и представителей целевых групп), интервью с преподавателями, а также анализ результатов.

Теоретические основы концепции обучения служением

Модуль «Обучение служением» в образовательных организациях высшего образования (ООВО) предназначен для студентов, обучающихся по образовательным про-

граммам бакалавриата и специалитета очной, очно-заочной и заочной форм обучения, и направлен на развитие у обучающихся гражданственности, патриотизма, лидерства, гражданской солидарности и традиционных ценностей путём решения социально значимой задачи в рамках основной образовательной программы.[6]

Ключевые принципы концепции:

1. **Связь теории с практикой.** Студенты используют учебные знания в реальных проектах, что делает обучение более осмысленным. Например, изучение веб-разработки становится не просто техническим заданием, а инструментом для создания доступного ресурса.
2. **Социальная ответственность.** Участие в проектах формирует у студентов понимание их роли в обществе.
3. **Рефлексия.** Регулярное обсуждение опыта помогает студентам осмыслить свои достижения и ошибки. Например, в конце каждого проекта студенты Института информационных систем и технологий заполняли рефлексивные анкеты, анализируя свои успехи и трудности.
4. **Командная работа.** Проекты требуют взаимодействия внутри группы и с внешними партнёрами, что развивает навыки коммуникации, лидерства и управления.

Вывод – это хорошо

Кейс № 1: Сайт для танцевального коллектива незлышащих людей “Сударушка”

Цель проекта – разработка веб-ресурса, направленного на повышение доступности информации и услуг для людей с нарушением слуха, увлекающихся танцами. Целевая аудитория – пользователи старшего возраста с ограничениями по слуху, а также их друзья и родственники. Инициатива проекта возникла на основе консультаций с региональным центром «Московское долголетие» [7].

Этапы реализации:

1. **Исследование потребностей.** Для определения потребностей целевой аудитории студенты провели исследование, включающее сбор информации о танцевальном коллективе, посещение занятий и беседы с его руководителем. В результате были выявлены ключевые требования к веб-ресурсу: простой интерфейс, визуальная доступность, поддержка видеоконтента с субтитрами.
2. **Проектирование.** Команда разработала прототип сайта, его логотип, уделяя внимание цветовой палитре, крупным шрифтам и интуитивной навигации.
3. **Разработка.** Использовались HTML, CSS и JavaScript для создания адаптивного дизайна, а также CMS для удобного управления контентом.
4. **Тестирование.** Сайт тестировался как студентами, так и представителями целевой аудитории. Были устранены небольшие недочеты.
5. **Запуск и поддержка.** После завершения разработки студенты выбрали подходящий хостинг и разместили на нем сайт. Готовый ресурс был продемонстрирован руководителю танцевального коллектива и его участникам, получив положительные отзывы.

Проблемы и решения. Основной сложностью стал ограниченный бюджет, из-за чего использовались только бесплатные инструменты и небольшой объем знаний студентов, так как это только первый курс.

Результаты. Студенты развили навыки веб-разработки, UX-дизайна и коммуникации с заказчиком. Один из участников проекта отметил: «Я впервые понял, как

мои знания могут реально помочь людям». а коллектив получил сайт, которым может пользоваться и получать информацию о времени тренировок, и просматривать видео и фото с прошедших выступлений.

Кейс № 2: Telegram-бот для организации психологической поддержки приемной семьи и приемного ребенка

Цель проекта – разработать Telegram-бот, который помогает приемным родителям и детям в процессе адаптации, предоставляя психологическую поддержку на основе концепции «книги жизни» [4].

Этапы реализации:

1. **Анализ потребностей.** Команда консультировалась с заказчиком, чтобы определить, как должен выглядеть и функционировать бот для поддержки приемных семей. Основное внимание уделялось созданию инструмента, способствующего эмоциональной связи между ребенком и семьей.
2. **Проектирование функционала.** Было принято решение создать Telegram-бот, который задает ребенку вопросы, помогающие осознать свое место в новой семье и жизни. Ответы пользователей собираются в PDF-файл, который можно скачать и распечатать в формате «книги жизни». Также предусмотрена возможность загрузки фотографий для персонализации книги.
3. **Разработка.** Для реализации использовался язык Python и библиотека python-telegram-bot. Студенты разработали чат-бот с функциями диалогового взаимодействия и формирования PDF-документа, включающего ответы ребенка и загруженные изображения.
4. **Запуск.** После запуска бот был представлен на хакатоне как прототип решения для поддержки приемных семей, где получил положительные отзывы от экспертов и участников.
5. **Проблемы и решения.** Основным вызов – первый курс ничего не знают. найти где размещать код.

Результаты. Студенты освоили программирование на Python, принципы дизайна для создания интерфейса книги и организацию хостинг. По словам одного из участников, «работа над ботом показала, как важно думать о пользователе с самого начала».

Кейс № 3: Видеопояснения для учеников художественной школы

Цель проекта – создать серию обучающих видеороликов для учеников художественной школы, для возможности повторного и наглядного изучения сложных тем. Проект был разработан в сотрудничестве с преподавателями художественной школы.

Этапы реализации:

1. **Согласование тем.** Студенты совместно с педагогами выбрали темы: построение формы и работа с цветом.
2. **Подготовка сценариев.** Команда написала подробные сценарии, включающие объяснения и примеры, адаптированные для детей 10–14 лет.
3. **Съёмка и монтаж.** Для создания роликов использовались инструменты 2D– и 3D-графики, а также программа karcut [5].
4. **Озвучка.** Студенты записали голосовые комментарии, ориентированные на детскую аудиторию 10–14 лет, уделяя внимание ясности и доступности изложения.

5. **Размещение.** Готовые видеоролики были переданы сотрудникам художественной школы для использования на занятиях и демонстрации ученикам.

Проблемы и решения. Основной сложностью стало отсутствие у студентов опыта в видеопроизводстве, монтаже, озвучке и работе с графикой. Также возникли трудности с правильным изображением объектов сложной формы. После консультации с педагогами, команда преодолела эти ограничения.

Результаты. Было создано 2 видеоролика общей длительностью 30 минут. Педагоги школы отметили, что материалы добавили наглядности в обучение. Студенты изучили 2d и 3d графику, навыки монтажа и озвучки в специализированных программах. Один из участников поделился: «Я думал, что снимать видео – это легко, но понял, сколько труда нужно, чтобы всё выглядело профессионально».

Анализ полученных результатов

Реализация проектов позволила достичь значительных результатов на нескольких уровнях:

- **Профессиональные компетенции:** студенты существенно повысили свои компетенции в следующих областях: веб-разработка, программирование на Python, видеомонтаж, создание 3d и 2d графики, научились работать с реальными заказчиками и управлять проектами.
 - **Личностное развитие.** Анкетирование показало, что 92% студентов отметили рост уверенности в своих силах, а 87% – повышение мотивации к обучению. Участие в проектах способствовало осознанию социальной значимости их будущей профессии. Рефлексивный опрос выявил, что студенты научились эффективно сотрудничать в команде, распределять задачи и применять методы самоконтроля для повышения профессиональной компетенции [6]. Эти навыки укрепили их мотивацию к профессиональной деятельности и помогли осознать важность проектирования информационных технологий для решения реальных задач.
 - **Социальный эффект.** Проекты внесли вклад в поддержку различных социальных групп, помогая решать их повседневные задачи и улучшая качество жизни. Через активное взаимодействие с заказчиками и аудиторией команда стремилась создать полезные и доступные решения, способствующие позитивным изменениям в обществе.
 - **Роль преподавателей.** Наставники координировали работу с заказчиком, помогали выстраивать таймлайн проектов и проводили рефлексивные сессии.
- Сравнительный анализ проектов:**
- В разработке сайтов была задействована самая многочисленная команда, что вызвало сложности с распределением ролей внутри команды;
 - В создании Telegram-бота участвовала команда из двух человек, а основной проблемой стала разработка визуальной концепции результирующего файла;
 - Видео были наиболее креативным проектом, но возникли трудности из-за отсутствия опыта в художественных навыках.

Во всех проектах были задействованы первокурсники, поэтому техническая реализация проектов была непростой задачей.

Обратная связь

Анкетирование показало, что 95% студентов выразили желание участвовать в подобных проектах в будущем, отметив их практическую и образовательную ценность.

Заключение

Исследование подтвердило, что обучение служением – это эффективный инструмент формирования профессиональных и личностных компетенций. Практическая работа над социальными проектами не только закрепляет технические навыки, но и развивает эмпатию, ответственность и умение работать в команде. Проекты, реализованные студентами Института информационных систем и технологий, принесли реальную пользу обществу, что усилило мотивацию участников и укрепило их веру в значимость своей профессии.

Литература

1. Сайт президента России URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения 19.06.2025)
2. Полосина, А.А. Обучение служением как педагогическая стратегия: интеграция знаний, опыта и социальной ответственности / А.А. Полосина // Мировые научные достижения естественно-научных и социально-гуманитарных исследований: от теории к практике: Сборник научных статей III Международной научно-практической конференции, Москва, 28 февраля 2025 года. – Москва: ООО «Симметрия», 2025. – С. 174–176. – EDN MFKAID.
3. Никольский, В.С. Просоциальные установки и поведение студенческой молодежи: эффекты обучения служением / В.С. Никольский, П.А. Амбарова, Н.В. Шаброва // Высшее образование в России. – 2025. – Т. 34, № 3. – С. 9–30. – DOI 10.31992/0869–3617–2025–34–3–9–30. – EDN QPCYQZ.
4. Кичерова М.Н., Ефимова Г.З. Влияние неформального образования на человеческий капитал: поколенческий подход // Интеграция образования. 2020. Т. 24. № 2 (99). С. 316–338
5. Сайт Добро.рф URL: <https://sl.dobro.ru/> (дата обращения 19.06.2025)
6. Методические рекомендации по реализации модуля «Обучение служением» в образовательных организациях высшего образования Российской Федерации / В.С. Никольский, А.Н. Зленко, Т.В. Рябко и др.; рук. авт. кол. А.П. Метелев, Д.И. Земцов; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. – 86 с
7. Сайт Московское долголетие URL: <https://dszn.ru/dolgoletie> (дата обращения 19.06.2025)
8. Тузова О.Н., Кардакова И.Н. психологическая реабилитация ребенка в процессе сопровождения семьи с кровно-родственной формой опеки// Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2015. – № 7. – С. 477–486.
9. Сайт редактора CapCut URL: <https://www.capcut.com/> (дата обращения 19.06.2025)
10. ФГОС 09.03.02 Информационные системы и технологии. Приказ Минобрнауки России от 12.03.2015 N 219 (ред. от 09.09.2015) URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-09-03-02-informacionnye-sistemy-i-tehnologii-219/> (дата обращения 19.06.2025)

SERVICE-LEARNING IN STUDENTS' SOCIAL PRACTICE

Vakhromeeva E.N., Zenzinova Yu.B.
A.N. Kosygin Russian State University

The concept of service-learning as an innovative educational approach is increasingly being integrated into higher education institutions. This article examines its implementation in the first year of the Institute of Information Systems and Technologies, where students

developed three social projects: a web resource for deaf individuals, a Telegram bot for foster families, and educational video materials for an art school. The study analyzes the stages of integrating this approach into the educational process, the achieved results, and the impact of the projects on students' professional competencies and personal development. The social significance of the projects, their influence on target audiences, and the potential of the concept for further application in educational practice are also explored. The findings confirm that service-learning fosters not only technical but also universal skills in students, essential for a successful career and active civic engagement.

Keywords: service-learning, social projects, professional skills, personal development, web development, Telegram bot, video materials, social significance.

References

1. Website of the President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (accessed June 19, 2025)
2. Polosina, A.A. Service-Learning as a Pedagogical Strategy: Integration of Knowledge, Experience, and Social Responsibility / A.A. Polosina // *World Scientific Achievements in Natural Sciences and Socio-Humanitarian Research: From Theory to Practice: Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference, Moscow, February 28, 2025*. – Moscow: LLC “Symmetry”, 2025. – pp. 174–176. – EDN MFKAID.
3. Nikolsky, V.S. Prosocial Attitudes and Behavior of Student Youth: Effects of Service-Learning / V.S. Nikolsky, P.A. Ambarova, N.V. Shabrova // *Higher Education in Russia*. – 2025. – Vol. 34, No. 3. – pp. 9–30. – DOI 10.31992/0869–3617–2025–34–3–9–30. – EDN QPCYQZ.
4. Kicherova, M. N., Efimova, G.Z. The Impact of Non-Formal Education on Human Capital: A Generational Approach // *Integration of Education*. 2020. Vol. 24. No. 2 (99). pp. 316–338.
5. Dobro.rf Website. URL: <https://sl.dobro.ru/> (accessed June 19, 2025).
6. Methodological Recommendations for Implementing the “Service-Learning” Module in Higher Education Institutions of the Russian Federation / V.S. Nikolsky, A.N. Zlenko, T.V. Ryabko, et al.; lead authors A.P. Metelev, D.I. Zemtsov; National Research University Higher School of Economics. – Moscow: HSE Publishing House, 2023. – 86 p.
7. Moscow Longevity Website. URL: <https://dszn.ru/dolgoletie> (accessed June 19, 2025).
8. Tuzova, O. N., Kardakova, I.N. Psychological Rehabilitation of a Child in the Process of Supporting a Family with Kinship Guardianship // *Modern Studies of Social Issues (Electronic Scientific Journal)*. – 2015. – No. 7. – pp. 477–486.
9. CapCut Editor Website. URL: <https://www.capcut.com/> (accessed June 19, 2025).
10. Federal State Educational Standard 09.03.02 Information Systems and Technologies. Order of the Ministry of Education and Science of Russia dated March 12, 2015, No. 219 (as amended on September 9, 2015). URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-09-03-02-informacionnye-sistemy-i-tehnologii-219/> (accessed June 19, 2025).

Расширение подготовки молодых специалистов – приоритеты в запросах региональных рынков

Иванов Сергей Юрьевич,

д.с.н., профессор, зав. кафедрой теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой, Московский педагогический государственный университет

Иванова Дарья Вячеславовна,

к.с.н., доцент, доцент кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой, Московский педагогический государственный университет
E-mail: soc-lab@yandex.ru

Чвякин Владимир Алексеевич,

д.ф.н., профессор кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой, Московский педагогический государственный университет
E-mail: 195805@mail.ru

Статья посвящена вопросам подготовки молодых специалистов, а также сбалансированному спросу и предложению на молодых специалистов. В центре внимания различные проблемы, связанные с обеспечением успешной интеграции образования в экономику региона и страны. Большое значение отводится факторам, которые определяют потребительский выбор современной молодежи в условиях информационного общества. Подчеркивается, что современные проблемы молодежной занятости и безработица должны решаться в рамках взаимодействия на региональном уровне социальных партнеров.

Ключевые слова: социальное партнерство, образование, рынок труда, молодой специалист, профессия, рынок образовательных услуг, клиентоцентричность, мобильность, занятость, безработица.

Наблюдаемые рыночные преобразования в российской экономике меняют профессиональные приоритеты и мотивацию работников. Ускоренный рост индустриальной занятости, обусловленной успешной реализацией стратегии импортозамещающей политики задают перспективы и барьеры развития отраслей национальной экономики. Вопросы сопряженности структуры подготовки молодых специалистов с потребностями рынка труда в территориально-отраслевом разрезе сегодня остаются по-прежнему актуальными для национальной экономики.

Заметим, что в трудовом кодексе РФ отсутствует детальная расшифровка термина «молодой специалист». Тем не менее, в ст. 70 ТК РФ фиксируется гарантия для лиц, впервые устроившихся после получения образования – законодательного освобождения от испытания при приеме на работу. В статье определены следующим критерии данной категории работников: наличие образования (среднее или высшее) по направлению подготовки, имеющим госаккредитацию; поступление впервые на работу по полученной специальности в течение одного года со дня получения образования.

В п. 6. ст. 2 «к молодым специалистам относятся граждане РФ в возрасте до 35 лет (включительно), которые имеют трудовой стаж, полученный в период обучения по основным профессиональным образовательным программам или по программам профессионального обучения».

Современное информационное общество характеризуется определенной структурой потребностей. Важно выделить социальные приоритеты в повышении роли знаний и интеллектуальных профессий как источника социально-экономического развития регионов, а также смещение ориентиров от производства товаров к производству услуг. Не секрет, что приоритет на региональных рынках труда сегодня отводится молодым специалистам в области информационных услуг, современным технологиям, обеспечивающим основу для создания сильной национальной экономики.

Исследователи С. Коэн и Дж. Зисман, справедливо утверждают, что в настоящее время речь идет о «тресекторной» концепции общества, которая строится на индустриальной экономике нового типа, в основу которой заложены сельское хозяйство, промышленность и услуги [1]. Именно они создают базис для интенсивного экономического роста. Причем одним из главных индикаторов инновационных процессов по праву является обрабатывающая промышленность. По сравнению с другими отраслями она обеспечивает активный прирост ВВП, а также существенный рост производительности труда и потенциально может аккумулировать молодых работников.

Очевидно, что подготовка современных специалистов во многом ориентируется и на те виды деятельности, которые могут как аккумулировать интеллектуальный потенциал, так и будут являться драйверами ускоренного социально-экономического развития. Так, в условиях наблюдаемой у нас в стране нехватки трудовых ресурсов приоритет отдается ряду высокотехнологических отраслей, маркетингу, НИОКР, дизайну, финансовому планированию. В то же время, повышенный спрос

сегодня наблюдается по многим позициям квалифицированных рабочих (фрезеровщик, сварщик и т.д.).

В этой связи важно выделить особенности формирования предпочтений социальных партнеров в контексте современных требований отраслевой экономики.

Интересно отметить, что региональные рынки образовательных услуг ориентируются не только на потребности целевых групп абитуриентов, но на потребности рынков труда (работодателей). Однако не всегда эти потребности совпадают. К тому же профессиональный выбор молодого специалиста, без должной профессиональной ответственности не всегда ориентируется на запросы рынка труда, которые могут изменяться достаточно стремительно. Как итог, сегодня каждый второй выпускник, так или иначе, испытывает трудности при устройстве на работу, поскольку при выборе направлений подготовки они не учли свою востребованность на рынке труда. Безусловно, кастомизация образовательных услуг ориентируется на конкретные предпочтения определенных групп потребителей, что позволяет придать устойчивый импульс для развития сферы образования и сыграть огромную роль в формировании индустриального потенциала страны. Тем не менее, требования постиндустриальной экономики обуславливают новый формат отношений в системе «абитуриент – вуз – студент – выпускник – работодатель».

Бесспорно, молодые специалисты представляют значимый ресурс для рынка труда, их занятость вносит существенный вклад в экономическое развитие нашей страны. Однако, в последнее время прослеживается тенденция, согласно которой, молодежь не стремится к совершенствованию своих профессиональных компетенций, получению высшего образования. Доминирующая установка «здесь и сейчас», подкрепленная сменой экономического уклада зачастую идет в разрез с престижностью и востребованностью высшего образования среди молодежи. Возрастает установка определенной доли молодежи, ориентирующейся на так называемую «экономику свободного времени» (туризм, игры, развлечения, спорт, охота и др.), свободные «социально-трудовые отношения, которые можно расторгнуть в любое время. Решить целый ряд проблем для поколения «Z» позволяют информационные технологии, которые призваны обрабатывать большие объемы информации, сократить потери в сфере обращения, «экономить» на подготовке специалистов.

Приходится констатировать, что за достаточно длительный период развития рыночной экономики не произошло существенных изменений в структуре занятости молодых специалистов. По-прежнему, фиксируются значимые дисфункции на рынке труда – наблюдается нехватка специалистов по ряду дефицитных направлений подготовки. Профильные специалисты отмечают высокую долю тех, кто по окончании вуза работает не по специальности (35%) [2]. Причем традиционно на первое место выходят отрасли социальной сферы (здравоохранение, образование, культура и др.). Причины этому самые разнообразные и видятся не только в неправильном выборе работы, но и в тяжелых условиях труда, неспособности молодежи адаптироваться к трудовой деятельности. Более того, нельзя исключать, в силу особенностей возраста, и высокую профессиональную мобильность молодежи, получившей необходимые универсальные компетенции. Формат наличия базового профильного образования, не всегда позволяет определить профессиональную траекторию молодых специалистов. Молодые специалисты зачастую оказываются предоставленными сами себе.

В условиях санкционной политики «усеченные» масштабы подготовки квалифицированных специалистов по ряду укрупненных групп специальностей и направлений подготовки негативно сказываются на структурной модернизации российской экономики. Спрос оказывается выше предложения по ряду направлений подготовки. Подготовка специалистов с высшим образованием характеризуется определенным дисбалансом в отношении перспективной потребности в трудовых ресурсах.

Нельзя забывать о том, что нашей страной с 2022 г. был взят курс на поддержание технологического суверенитета, развитие собственных технологий, обеспечивающих интенсивное социально-экономическое развитие. Очевидно, что большое значение для реализации поставленной задачи отводится подготовке профильных кадров с высшим образованием по приоритетным направлениям. Причем уровень профессиональной подготовки самым непосредственным образом влияет на конкурентные позиции отечественной экономики.

Стоит согласиться и с мнением специалистов Т.Н. Блинова, А.А. Коваленко, А.В. Федотова, которые считают, что на обеспеченность национальной экономики квалифицированными кадрами влияет целое множество факторов, в их числе: численность экономически активного населения, объемы и структура подготовки специалистов; профессионально-возрастная структура населения; переподготовка кадров в системе дополнительного образования, социально-демографическая ситуация и др. [3]. Большое значение на обеспеченность региональной экономики кадрами оказывает создание необходимых условий для развития человеческого потенциала. В этой связи значимым представляется комплекс мер по развитию социального партнерства на различных уровнях социального управления, ориентированного на инвестиции в человеческий капитал. Очевидно, что в заключаемых региональных соглашениях и коллективных договорах социальным партнерам особое внимание следует обращать не только на социальную защиту человека труда, достойную оплату труда, но и на подготовку квалифицированных кадров, их профессиональное развитие.

Несомненно, включенность институтов образования в социально-экономическую систему регионов является важнейшим фактором, обеспечивающим конкурентоспособные преимущества субъектов РФ. Однако не всегда этого удается достичь. Положение системы образования самым непосредственным образом отражается на уровне квалификации работников, обеспечение сбалансированного предложения и спроса на рабочую силу.

В то же время доступ населения к высшему образованию является индикатором социально-профессиональной мобильности и ситуации на рынке труда. Востребованность получаемых специальностей и, как следствие, ожидания в получении престижной и высокооплачиваемой работы обуславливается сбалансированностью как социально-экономических, так и личностных ожиданий.

Обратимся к результатам социологического опроса, «Адаптация первокурсников МПГУ», проведенного в 2016–2024 гг. кафедрой теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой. Всего было опрошено в каждом году около 200 студентов – первокурсников, разных направлений обучения. Одна из целей опроса состояла в выявлении мотивов выбора направления подготовки.

Исходя из наиболее популярного варианта ответа, можно утверждать, что за исследуемый период предпочтения респондентов изменились незначительно. Так, во-

семь лет назад при выборе вуза первокурсники во многом ориентировались на наличие определенных программ обучения, в которых они были заинтересованы в рамках своих индивидуальных интересов. Напротив, в настоящее время чаще всего в их ответах прослеживался целенаправленный (содержательный) выбор с учетом требований рынка труда и востребованности направления подготовки.

В 2024 г. значимая доля первокурсников демонстрировала интерес к выбранной специальности (19%). На втором месте оказываются те, кто отмечает в качестве мотива выбора перспективы трудоустройства и реальный проходной балл для поступления в вуз (соответственно по 13%). Несколько меньше тех, кто выделяет в качестве приоритетных мотивов востребованность на рынке труда и престиж профессии (соответственно по 9%). В меньшинстве оказываются те, кто говорил о том, что выбор был случайным (2%).

В целом результаты опроса показывают, что абитуриенты (первокурсники) при выборе направления подготовки чаще всего руководствовались не только своими личностными установками и убеждениями, но и внешними факторами, связанным с рынком труда.

Однако нельзя не отметить, что для индивида ценность получаемого образования нередко измеряется возможными затратами. Более того, ценность образования для многих определяется получаемыми заработками, а также высокими возможностями для дальнейшего карьерного развития. К тому же работодатель не всегда готов ответить на данные вызовы со стороны молодого поколения.

Значимым фактором выступают и отмечаемые структурные изменения на рынке труда, обусловленные отраслевыми диспропорциями, деиндустриализацией и расширением сферы потребления и услуг. С одной стороны, массовизация высшего образования смогла в определенной мере удовлетворить спрос на отложенные образовательные потребности определенной части населения. С другой стороны, нерегулируемая его «массовизация» привела к размыванию ценности образования и еще большей отраслевой диспозиции. К тому же, не все социальные партнеры оказались в полной мере включенными в складывающуюся систему социально-трудовых отношений и смогли обеспечить баланс интересов. Это приводит к росту риска ошибочного или конъюнктурного выбора профессии, или специальности. Пресыщение рынка образования подготовкой по массовым профессиям сформировал у их потребителей завышенные представления о работе, отличающейся высокими потребительскими качествами. Причем упрощенная установка на рассмотрение высшего образования как ступеньки для деятельности в разных сферах работает не для всех видов отраслей.

В рамках организации процесса обучения наблюдается значимый диссонанс между теоретической и практической подготовкой. Это не может не сказаться на численности тех, кто уверен в получении пригодных навыков и знаний для успешной трудовой деятельности. К тому же не все образовательные организации ориентируются на клиентоцентричность и могут в полной мере восполнить потребности рынков труда и образовательных услуг. Соответствие качеству и количеству образовательных услуг на региональном рынке без должных инвестиций не всегда удается реализовать.

Как справедливо полагают профильные специалисты Леонова А.И., Ковзель А.Д., в оценки клиентоцентричности важно обращать внимание на целый ряд стоимостных показателей (например, обеспечение высокой скорости и удобства обслуживания, наличие обратной

связи, спектр предоставляемых услуг, стоимость продвижения и др.) [4]. Отсутствие согласованности в действиях региональных партнеров дополняется и тем обстоятельством, что не всегда осуществляемые расходы на образование согласуются с ожидаемым уровнем конверсии и финансовыми результатами.

Современное информационное общество задает повышенные требования к подготовке молодых специалистов. Однако в условиях наблюдаемого дефицита факторов производства не все регионы в одинаковой степени реагируют на возросшие требования к качеству образовательного процесса. Это во много способствует молодежной безработице.

На фоне отмечаемого общего роста уровня занятости населения за период 2015–2023 г. фиксируется заметное снижение уровень занятости молодежи в возрасте 20–24 года – на 5%. Безработица среди молодых людей в возрасте 15–19 лет по итогам сентября 2022 года составила 31,6%, а среди молодых специалистов 20–24 лет – 14,4%. Молодые специалисты чаще всего находятся в зоне риска. Это объясняется тем, что, в первую очередь у них наблюдаются высокая профессиональная мобильность, а также отсутствие опыта работы, которые делают их менее конкурентоспособными.

В целом, из-за низкого социального статуса ряда профессий наблюдается формирование не только кадрового дефицита по многим из них, но и снижение уровня подготовки обучающихся. Например, по данным Минпросвещения, школам не хватает около 550 тыс. учителей, если бы они работали на одну ставку. Острая нехватка наблюдается среди учителей-предметников (33,2% – учителей математики, 24,1% – учителей физики). Численность молодых педагогов составляет сегодня около 10% от общего числа, причем учителей старше 65 лет, наоборот, достаточно много [5].

Каков же выход? Ответом на данный вопрос может служить повышение уровня занятости на основе вовлечения в экономику тех, кто еще не реализовал по различным причинам свой трудовой потенциал. Безусловно, «компенсация» недостающей рабочей силы предполагает замену ее более дешевой с невысокими требованиями к ее квалификации. Однако итогом может быть, нивелирование требований к развитию образовательного потенциала и стимулированию научно-производственного потенциала. Это приводит зачастую к неоправданным издержкам на рабочую силу, ухудшению качества работы и, соответственно, выпускаемой продукции или оказываемых услуг, размыванием культуры трудовой мотивации. Стремление молодых людей к активному поиску рабочего места, и «выращивание» молодых работников, расслабленных социальными выплатами и завышенными гарантиями – сложная проблема для любого общества. Переход на рельсы рыночной экономики означает, что в силу различных обстоятельств работодатель все в меньшей степени будет заботиться о социальных проблемах функционирования своей организации. В этой связи государство должно способствовать созданию принципиально новой модели подготовки профессиональных кадров и социальной поддержки молодых специалистов. В ее основу имеет смысл заложить принципы формирования профессиональной лояльности. Данная культура строится на построении траекторий карьерного развития молодежи. По наиболее востребованным специальностям имеет смысл обратиться и к реанимированию существующей ранее в условиях плановой экономики распределению молодых специалистов по окончании вуза.

Актуальным для обеспечения эффективной занятости в современных условиях является нахождение ком-

промисса между экономическими и социальными результатами. Это достигается на основе совершенствования системы подготовки кадров всех уровней, а также трудовой мотивации молодых специалистов [6, 7]. В ее основе – достойные условия труда и заработная плата. Это будет возможно, если работодатель будет проявлять социальную ответственность, обеспечивающую необходимый уровень доверия со стороны работников.

Особое направление видится в развитии в регионах инвестиционных и инфраструктурных проектов. Это позволит повысить занятость местного населения, включая молодежь. Перспективными являются направления в сфере добычи полезных ископаемых, лесопереработки, энергетики, транспорта и строительства. Так, например, только за 2024 год служба занятости Красноярского края закрыла порядка 74% от всех заявленных компаний вакансий за прошлый год [8].

Предпринимаемые сегодня государством активные шаги по нормализации ситуации и достижением баланса между спросом и предложением призваны обеспечить содействие занятости населения. В соответствии с наблюдаемой в условиях кризиса структурной перестройки экономики важно особое внимание уделить среди прочего сохранению эффективно работающих и созданию новых рабочих мест при обеспечении необходимой мотивации молодых кадров. Необходимо систематически корректировать объем и профиль подготовки кадров в образовательных учреждениях, а также минимизировать возможные риски безработицы среди выпускников учебных заведений среднего, высшего и дополнительного образования.

Во главу угла ставится требование по повышению качества образования, соответствия квалификации выпускника запросам работодателя. Важно привлекать в экономику лиц, обладающих высоким уровнем квалификации, развивать систему подготовки работников с высоким образовательным и профессиональным уровнем. Все это будет возможно на основе повышения профессиональной ответственности в контексте формирования траекторий личностного развития.

Резюмируя сказанное, подчеркнем, что сегодня не приходится говорить о замещающем или стабилизирующем, догоняющем или опережающем развитии сферы образования речь скорее идет об эффективной интеграции системы образования в социально-экономическую инфраструктуру территории, региона, отрасли, ориентированной на удовлетворение потребностей экономических субъектов.

Литература

1. Коэн С., Зисман Дж. Производящие отрасли. Миф о постиндустриальной экономике: Реф. / АН СССР. ИНИОН. – М., 1988.
2. Появились новые данные о том, сколько россиян работает не по специальности. – URL: <https://skillbox.ru/media/education/poyavilis-novye-dannye-o-tom-skolko-rossiyan-rabotaet-ne-po-professii/> (режим доступа 20.04.2025).
3. Блинова Т.Н., Федотов А.В., Коваленко А.А. Соответствие структуры подготовки кадров с высшим образованием потребностям экономики: проблемы и решения. Университетское управление: практика

и анализ. 2021;25(2):13–33. <https://doi.org/10.15826/umpa.2021.02.012>.

4. Леонов А.И., Ковзель А.Д. Исследование клиентоцентричности рынка образовательных услуг // Маркетинг и маркетинговые исследования. – 2024. – № 4. – С. 322–335. – URL: <https://grebennikon.ru/article-ku1s.html>
5. Володин указал на серьезную проблему с учителями в России: кадров не хватает уже восемь лет. – URL: www.kp.ru/online/news/6222907.
6. Горкин А.П. География постиндустриальной промышленности. – Смоленск, 2012. – 348 с.
7. Блинова Т.Н., Федотов А.В., Коваленко А.А. Механизмы и ограничения ликвидации дефицита кадров с высшим образованием – региональный и отраслевой аспект / Университетское управление: Практика и анализ. – 2023. – С. 7–22.
8. Главные специалисты на рынке труда – квалифицированные рабочие. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7564885>.

EXPANDING THE TRAINING OF YOUNG PROFESSIONALS IS A PRIORITY IN THE DEMANDS OF REGIONAL MARKETS

Ivanov S.Yu., Ivanova D.V., Chvyakin V.A.
Moscow Pedagogical State University

The article is devoted to the issues of training young specialists, as well as balanced supply and demand for young specialists. The focus is on various issues related to ensuring the successful integration of education into the economy of the region and the country. Great importance is given to the factors that determine the consumer choice of modern youth in the information society. It is emphasized that the current problems of youth employment and unemployment should be solved within the framework of interaction at the regional level of social partners.

Keywords: social partnership, education, labor market, young specialist, profession, educational services market, client-centricity, mobility, employment, unemployment.

References

1. Cohen S., Zisman J. Manufacturing industries. The myth of the post-industrial economy: Ref. / USSR Academy of Sciences. IN-ION. – M., 1988.
2. New data has appeared on how many Russians do not work in their specialty. – URL: <https://skillbox.ru/media/education/poyavilis-novye-dannye-o-tom-skolko-rossiyan-rabotaet-ne-po-professii/> (accessed on 20.04.2025).
3. Blinova T.N., Fedotov A.V., Kovalenko A.A. Correspondence of the structure of training personnel with higher education to the needs of the economy: problems and solutions. University management: practice and analysis. 2021; 25 (2): 13–33. <https://doi.org/10.15826/umpa.2021.02.012>.
4. Leonov A.I., Kovzel A.D. Study of customer centricity of the educational services market // Marketing and marketing research. – 2024. – № 4. – P. 322–335. – URL: <https://grebennikon.ru/article-ku1s.html>
5. Volodin pointed out a serious problem with teachers in Russia: there has been a shortage of personnel for eight years. – URL: www.kp.ru/online/news/6222907.
6. Gorkin A.P. Geography of post-industrial industry. – Smolensk, 2012. – 348 p.
7. Blinova T.N., Fedotov A.V., Kovalenko A.A. Mechanisms and limitations of eliminating the deficit of personnel with higher education – regional and industry aspect / University management: Practice and analysis. – 2023. – P. 7–22.
8. The main specialists in the labor market are skilled workers. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7564885>.

Оценка эффективности социальных технологий управления миграционными потоками: сравнительный анализ опыта России, Казахстана, Индии и Бразилии

Ковалев Алексей Николаевич,

аспирант Московского института радиотехники, электроники и автоматики – Институт технологий управления, Московского института радиотехники, электроники и автоматики – Институт технологий управления
E-mail: kovalev@mirea.ru

Потемкина Юлия Геннадьевна,

кандидат социологических наук, доцент, кафедра отраслевой и практической социологии, Национальный Исследовательский Нижегородский Государственный университет им. Н.Н. Лобачевского
E-mail: jpotemkina3@gmail.com

В статье проводится сравнительный анализ социальных технологий управления миграционными потоками в России, Казахстане, Индии и Бразилии, направленный на оценку их эффективности в различных социально-экономических и культурных контекстах. Введение обосновывает актуальность исследования, подчеркивая рост миграционной мобильности и необходимость баланса между экономическими выгодами и социальной интеграцией. Методы включают сравнительный анализ законодательных шаблонов, национальных программ и статистических данных, а также качественную оценку кейсов, основанную на экспертных интервью, документах международных организаций и академических публикациях. Результаты выявили ключевые различия: Россия и Казахстан сочетают формальные квоты с программами культурной адаптации, Индия акцентирует цифровизацию управления внутренней миграцией, а Бразилия опирается на мультикультурализм. Общие вызовы включают бюрократические барьеры, низкий уровень доверия между мигрантами и принимающими сообществами, а также неравномерное внедрение цифровых инструментов. Обсуждение подчеркивает отсутствие универсальных решений: эффективность технологий зависит от учета локальной специфики, межведомственной координации и интеграции образовательных, правовых и цифровых компонентов. Отдельное внимание уделяется роли гражданского общества и международных организаций в минимизации рисков маргинализации. Статья рекомендует развивать гибридные модели, сочетающие традиционные практики с инновационными платформами для мониторинга и поддержки мигрантов.

Ключевые слова: управление миграцией, социальные технологии, сравнительный анализ, интеграция мигрантов, цифровые инструменты.

Введение

Миграционные процессы на современном этапе всё более активно вовлекаются в поле внимания социологов, политологов, экономистов и специалистов в области управления, которые стремятся оценить их масштаб, причины и социальные последствия. Одним из наиболее важных направлений исследований становится поиск и апробация эффективных социальных технологий, позволяющих регулировать миграционные потоки с учётом интересов как принимающего, так и отправляющего сообщества. При этом заметно выделяются разные регионы мира, среди которых Россия, Казахстан, Индия и Бразилия занимают особое место благодаря своему уникальному историческому опыту, экономическим реалиям и социально-культурной специфике. Нельзя не принимать во внимание, что каждая из перечисленных стран обладает собственной комбинацией внутренних и внешних факторов, формирующих специфику управления миграционными потоками. Исследование данной темы требует глубокого анализа целого комплекса вопросов, связанных с законодательным регулированием, социальными практиками интеграции, адаптацией приезжих, отношениями между коренным населением и мигрантами, а также оценкой эффективности используемых инструментов [14]. В этой перспективе особую роль играют именно социальные технологии – совокупность методик, подходов и организационно-правовых механизмов, которые призваны способствовать позитивным и взаимовыгодным результатам как для мигрантов, так и для государственных структур и локальных сообществ.

Рассматривая Россию, сложно игнорировать её многонациональный характер и богатую историю взаимоотношений разных этнических групп, которые традиционно сосуществуют в пределах одного государства. С приходом постсоветского периода стали заметны новые миграционные процессы, обусловленные в первую очередь экономическими факторами, поиском более высоких заработков и возможностями для социальной мобильности [3]. В то же время Россия столкнулась с увеличением потока трудовых мигрантов из стран Центральной Азии, что требовало адекватной адаптации существующих подходов к управлению миграцией. Социальные технологии, направленные на упрощение процедур легализации, обучение языку и культуру взаимодействия с местным населением, начали формироваться с опорой на накопленный советский опыт, но при этом включали в себя рыночные принципы и требования глобализации. Изменились и требования к интеграционным практикам: к ним всё чаще стали относить адресные образовательные программы, курсы по истории и культуре России, а также системы профессиональной ориентации, помогающие мигрантам быстрее найти работу и избежать социальной маргинализации [5]. Однако эффективность этих технологий нередко оказывалась ограниченной уровнем бюрократической нагрузки и коррупционными рисками, что свидетельствует о необходимости постоянного совершенствования форм и методов управления миграционными потоками.

Материалы и методы исследования

Говоря о Казахстане, нельзя отрицать схожесть некоторых исторических предпосылок с Россией, поскольку обе страны прошли через распад Советского Союза и в значительной степени унаследовали советскую модель управления миграционными процессами. Тем не менее Казахстан, обладающий обширными ресурсами и меньшей плотностью населения, проводил особую политику, основанную на привлечении этнических казахов из-за рубежа и частичном упрощении процедур для трудовых мигрантов [9]. Здесь социальные технологии включали программы «оралманов», когда этническим казахам предоставлялась возможность вернуться на историческую родину, получая дополнительные льготы и социальные гарантии. Подобные программы имеют выраженную идеологическую нагрузку, так как способствуют сохранению идентичности и увеличению численности титульного народа. В то же время Казахстан активно включал механизмы региональной интеграции, используя выход на рынки соседних государств для более эффективного управления притоком рабочей силы [12]. Однако подобная практика вызывала в обществе определённые напряжения, связанные с конкуренцией за рабочие места, а также с разрывом между продекларированными социальными гарантиями и фактическими возможностями государства обеспечить устойчивую поддержку вновь прибывшим. Таким образом, оценивать результативность таких социальных технологий следует комплексно, рассматривая не только экономический, но и социокультурный эффект.

В контексте Индии ситуация имеет свои специфические черты. Эта страна традиционно рассматривается как государство, откуда значительное количество мигрантов выезжает в поисках работы за рубеж, будь то страны Персидского залива, Северной Америки или Европа [2]. При этом Индия испытывает и внутренние миграционные потоки, связанные с масштабной урбанизацией и перемещением больших масс населения из сельской местности в города. Недостаточное развитие инфраструктуры, несбалансированность экономического роста и социальное неравенство ведут к тому, что миллионы людей ищут лучшие возможности в мегаполисах, сталкиваясь там с проблемами интеграции и обеспечения базовых социальных услуг. Государство реагирует на это через запуск программ поддержки сельских регионов, попытки децентрализации и внедрение информационных технологий, позволяющих отслеживать трудовую мобильность и создавать механизмы дистанционной занятости [11]. Однако подобные инициативы часто сталкиваются с отсутствием должной координации между региональными властями, а также с явлением технологического разрыва, когда передовые цифровые решения оказываются недоступными для миллионов людей, лишённых элементарных условий жизни. Это подчёркивает, что любые социальные технологии, направленные на управление миграционными процессами, должны учитывать высокий уровень неоднородности социального пространства. Вызовы связаны и с тем, что Индия представляет собой федерацию штатов с разными культурными, языковыми и правовыми традициями, усложняющими формирование единой политики.

Результаты и обсуждение

Бразилия, в свою очередь, стала любопытным примером, где перемешивание этнических общин и формирование уникального многонационального населения происходили на фоне активного привлечения зарубежных рабочих сил в сельское хозяйство и промышленность [7]. Традицион-

ные миграционные волны в Бразилии включали португальцев, итальянцев, испанцев, японцев и представителей многих других этносов. В более поздний период страна также столкнулась с процессами внутренней миграции из бедных северо-восточных регионов в более развитые южные районы. Социальные технологии управления миграционными потоками в бразильском контексте базировались на сочетании либеральных трудовых законов, политике поощрения иностранного инвестирования и относительно высоком уровне толерантности в обществе [13]. Однако в современных условиях, когда экономические кризисы чередуются с политическими, государство оказывается перед необходимостью перераспределения ограниченных ресурсов, что сказывается на программах социального обеспечения и на возможностях интеграции новых мигрантов. Тем не менее Бразилия продолжает искать оптимальные формы управления миграцией, включая создание специализированных агентств и внедрение электронных систем мониторинга прибытия-убытия иностранцев. При этом эффективность данных мер требует более глубокого социологического анализа, учитывающего сложную этническую структуру и неравномерное развитие регионов.

Сопоставляя Россию, Казахстан, Индию и Бразилию, можно выделить ряд общих вызовов, с которыми сталкиваются эти страны. Прежде всего, это проблема «баланса интересов» между экономической выгодой, которую приносят трудовые мигранты, и социальными издержками, связанными с необходимостью адаптации и интеграции прибывших [1]. При этом важно отметить, что социальные технологии, применяемые в различных национальных контекстах, имеют различный уровень институционализации и законодательного закрепления. В России и Казахстане сформировалась более или менее формальная система квотирования, патентов и разрешений, тогда как в Индии и Бразилии она меньше структурирована. С другой стороны, в Индии существует целый ряд цифровых инструментов и программ, позволяющих управлять внутренней миграцией, однако они не всегда успешно переносятся на внешние потоки [8]. В Бразилии же меры интеграции часто формируются на муниципальном уровне, что создаёт широкое поле для экспериментов, но снижает общенациональную координацию. Успешное применение социальных технологий во многом зависит от согласованности действий государства, бизнеса и гражданского общества, а также от наличия ресурсов, достаточных для реализации системных проектов.

Одним из ключевых параметров, которые следует учитывать при оценке эффективности социальных технологий управления миграционными потоками, является уровень социального доверия – как между мигрантами и принимающим обществом, так и внутри самих групп мигрантов [4]. Высокая степень взаимного доверия способствует более быстрому обмену информацией, формированию сетей взаимопомощи и уменьшению конфликтов на этнической или культурной почве. В России постепенно развивается практика взаимодействия НКО, религиозных организаций и государственных структур, которые создают площадки для выстраивания диалога между местным населением и приезжими. Казахстан делает ставку на укрепление национальной идентичности и интеркультурной толерантности, используя механизмы народных ассамблей, образовательные инициативы и социальную рекламу [10]. В Индии при вышеупомянутой сложности межконфессиональных отношений подобные инструменты требуют более тонкой настройки, чтобы не провоцировать рост напряжённости. В Бразилии, несмотря на этническое многообразие, отме-

чается сравнительно высокая толерантность, но часто именно она приводит к снижению внимания к реальным потребностям мигрантов, принимаемых по умолчанию как часть общего мультикультурного сообщества. Это указывает на то, что каждая страна должна разрабатывать свои меры, исходя из реальной ситуации на местах, а не полагаться исключительно на заимствование моделей, показавших эффективность в иных условиях.

Следующей важной составляющей является экономический аспект, а именно устройство рынка труда и уровень профессиональной квалификации мигрантов. В России значительная часть прибывших занята в строительстве, жилищно-коммунальном хозяйстве и сервисных услугах, где спрос на неквалифицированную рабочую силу высок, однако растёт активность высококвалифицированных специалистов, переезжающих на длительный срок [6]. Казахстан, располагая большими сырьевыми ресурсами, также сосредоточен на притоке специалистов в сфере добывающих отраслей, не забывая о привлечении сезонных работников на инфраструктурные проекты. Индия, напротив, становится поставщиком высококвалифицированных айти-специалистов и врачей на глобальном рынке труда и одновременно принимает миллионы внутренних мигрантов низкой квалификации, что формирует уникальный контраст в рамках одной страны [15]. Бразилия же, имея традиции аграрно-промышленного развития, с одной стороны заинтересована в квалифицированных инженерах и технических специалистах, а с другой – сохраняет спрос на работников сельского хозяйства, занятых на плантациях и фермах. Важен вопрос признания дипломов, квалификаций и обеспечения прав мигрантов в контексте трудовых отношений. Социальные технологии в этом направлении могут включать специальные образовательные курсы, сертификационные программы, механизмы профессионального развития и адаптации к новым условиям, а также создание цифровых платформ для поиска вакансий и контактов с работодателями [9]. Очевидно, что качественная реализация подобных проектов требует серьёзных финансовых вложений и компетентного менеджмента.

Наряду с экономическими факторами в современной практике всё более значимым становится использование комплексных информационных систем, помогающих контролировать миграционные потоки и регулировать правовой статус приезжих. Такие системы предполагают электронную регистрацию, биометрические данные и эффективное взаимодействие между различными ведомствами, отвечающими за безопасность, социальное обеспечение, здравоохранение и образование. В России подобные проекты пока внедряются точечно и часто сталкиваются с бюрократическими барьерами [2]. В Казахстане в последние годы задействованы инициативы «Цифрового Казахстана», охватывающие, помимо прочего, и аспекты миграции. В Индии государство активно продвигает программу Aadhaar, направленную на сбор биометрической информации о гражданах, что теоретически может быть адаптировано для регистрации мигрантов, но вызывает критику в отношении конфиденциальности данных и возможностей их нецелевого использования [11]. В Бразилии работа с цифровыми технологиями может быть осложнена высоким уровнем социального неравенства и слабым доступом к интернету в удалённых регионах. Однако потенциал подобных систем очевиден, так как они позволяют более оперативно реагировать на изменения миграционного ландшафта и выстраивать персонализированные стратегии интеграции.

Также стоит упомянуть о роли международных организаций в формировании и трансфере социальных технологий управления миграцией. Крупные агентства, такие как Международная организация по миграции (IOM), Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (UNHCR), а также различные фонды и НКО, вносят вклад в развитие и апробацию инновационных практик [3]. В России проекты в сотрудничестве с международными структурами затрагивают как вопросы беженцев, так и трудовых мигрантов из республик бывшего СССР. Казахстан активно взаимодействует с партнёрами из Центральной Азии, принимая участие в региональных программах по обмену данными и согласованию миграционной политики. Индия часто становится предметом исследований со стороны глобальных институтов как одно из ведущих государств в сфере трудовой миграции, а Бразилия регулярно получает поддержку для развития систем мониторинга на границах и обеспечения прав мигрантов из соседних стран. Транснациональное сотрудничество помогает обмениваться лучшими практиками и совершенствовать национальное законодательство, однако при этом необходимо учитывать специфику локальных реалий, чтобы не ограничиваться формальным заимствованием институтов без их адаптации к конкретным условиям.

Эффективность социальных технологий во многом определяется степенью участия гражданского общества и самих мигрантов в разработке и реализации соответствующих мер. При формальном подходе, когда государственные органы выступают главным и зачастую единственным субъектом управления миграционными процессами, велик риск принятия технократических решений, не учитывающих реальные потребности людей [14]. В России наблюдается постепенное развитие сообщества мигрантов, которые создают собственные объединения, культурные центры и ассоциации для общения и самопомощи. Аналогичные тенденции заметны в Казахстане, где различные этногруппы стремятся к поддержке своей идентичности и защите интересов на местном уровне. В Индии исторически сильные общественные институты, что может способствовать либо ускоренной интеграции, либо, напротив, углублению сегрегации, если государство не выстраивает грамотную политику межконфессионального и межэтнического диалога [10]. В Бразилии многие мигранты активно включаются в жизнь районов, формируя многоуровневые социальные сети, которые могут служить своеобразным буфером против экономических и культурных шоков. Такие самоорганизующиеся структуры, опирающиеся на традиции взаимовыручки, могут быть важным ресурсом для государственных программ, однако полноценное сотрудничество требует взаимного доверия и уважения.

Важно отметить, что социальные технологии управления миграционными потоками часто связаны с вопросами национальной идентичности и культурной политики. Стремление государства продвигать образ «открытого и толерантного» общества может входить в противоречие с ростом ксенофобии или политической риторикой, нацеленной на ограничение прав и свобод мигрантов [8]. В России вопрос миграции часто политизируется, влияя на избирательные кампании и формируя общественные дискуссии о вкладе мигрантов в экономику и о предполагаемой угрозе криминализации. В Казахстане официальная риторика о дружбе народов сочетается с повесткой укрепления титульной нации, что в отдельных случаях приводит к скрытым ограничениям для представителей других этнических групп [1]. Индия, будучи многонациональным и многоконфессиональным государством, регулярно сталкивается с религиозными

конфликтами и консервативными настроениями, которые тормозят реализацию интеграционных проектов. Бразильский опыт показывает, что при всей внешней либеральности социокультурной среды значительная часть мигрантов остаётся в «теневом» секторе или маргинализируется в периферийных районах городов. Это свидетельствует о том, что любые социальные технологии не могут работать в отрыве от общих тенденций социальной политики и идеологических установок, транслируемых властью и обществом.

Следует уделить внимание и гендерному измерению миграции. В последние десятилетия всё больше женщин самостоятельно выезжает на заработки за рубеж, а также участвует во внутренних миграционных потоках, что влечёт целый ряд социальных и культурных последствий. В России женщины-мигрантки нередко находят работу в сфере услуг, уходе за пожилыми, домашнем хозяйстве, сталкиваясь при этом с дискриминацией и уязвимостью из-за языка и правового статуса [13]. В Казахстане женщины-мигрантки, особенно из соседних центральноазиатских государств, могут быть подвержены дополнительному риску нарушения трудовых прав. В Индии проблема неравенства полов усугубляется кастовой системой и религиозными нормами, ограничивающими социальную мобильность женского населения. В Бразилии при кажущейся свободе и равноправии вопрос домашнего насилия и эксплуатации остаётся острым, в том числе и для мигранток. Социальные технологии, направленные на поддержку и защиту женского населения, прибывающего в чужую страну или регион, должны учитывать их особые потребности, включая доступ к информации о правах, механизмам защиты, психологической и юридической помощи. Если данные аспекты игнорируются, увеличивается риск «двойной маргинализации» этих групп, что может приводить к росту теневой экономики и социальной напряжённости [5].

Рассматривая политико-правовое измерение, нельзя обойти вниманием особенности законодательства. В России с начала 2000-х годов предпринимались попытки упростить процедуры оформления разрешений на работу и другие правовые механизмы пребывания, однако процесс нередко сопровождался появлением дополнительных бюрократических барьеров [7]. Общественные дискуссии велись вокруг вопроса о том, насколько лояльной или, наоборот, жёсткой должна быть политика государства в отношении трудовых мигрантов. В Казахстане законы тоже регулярно меняются, стремясь сочетать интересы национального рынка труда и потребности экономики в иностранных специалистах. В Индии правовое поле более фрагментировано, и многие аспекты миграции регулируются на уровне штатов, что затрудняет формирование единого подхода. В Бразилии в последние годы произошли реформы миграционного законодательства, призванные упростить легальное пребывание иностранцев, но их исполнение на местах остаётся неоднородным [4]. Поскольку правовая составляющая является базовой для выстраивания эффективных социальных технологий, любая неопределённость или противоречие в законах способно серьёзно снизить эффективность мер по управлению миграционными потоками.

Не менее важна роль СМИ и общественной коммуникации, формирующей образ мигрантов в глазах общества. В России часть медиа нередко демонстрирует негативную повестку, связывая мигрантов с ростом преступности и нелегальной занятости. Такая практика провоцирует рост ксенофобских настроений и затрудняет реализацию интеграционных программ. В Казахстане официальные каналы чаще подчёркивают позитивную сторону трудовой миграции, однако на уровне обыден-

ного сознания стереотипы сохраняются [9]. Индия имеет огромный медиапространственный рынок, где популярные телеканалы и киноиндустрия иногда используют тему миграции как сюжетный элемент, усиливая или смягчая те или иные аспекты. В Бразилии масс-медиа уделяют внимание вопросам неравенства и социальной исключённости, но миграционная проблематика зачастую проигрывает конкуренцию другим остросоциальным темам. Социальные технологии могли бы включать в себя просветительские и информационные кампании, направленные на повышение толерантности и взаимопонимания, однако для их успешности необходимо преодолеть коммерческую и политическую конъюнктуру, которая порой влияет на редакционную политику СМИ.

Выводы

Сравнительный анализ подходов России, Казахстана, Индии и Бразилии к управлению миграционными потоками показывает, что каждая из стран имеет собственное сочетание сильных и слабых сторон в этой сфере. Россия традиционно привлекает мигрантов из стран бывшего СССР, обладая достаточно налаженной системой регистрации, но иногда страдает от чрезмерного бюрократизма [7]. Казахстан демонстрирует гибкость миграционной политики с ориентацией на близлежащие регионы и приглашение этнических казахов, но наряду с этим нуждается в повышении уровня социальной поддержки и формировании более комплексных интеграционных стратегий. Индия, располагая огромным многонациональным населением, вынуждена искать баланс между внутренними и внешними миграционными волнами, активнее экспериментируя с цифровыми инструментами слежения и учёта [11]. Бразилия, имея долгую историю переселений и культурного смешения, сохраняет высокий уровень толерантности, но сталкивается с проблемами недостатка ресурсов в периферийных районах и неравномерного распределения социальных услуг. Таким образом, нет единой модели, которую можно применить повсеместно, зато есть возможность учиться на положительных и отрицательных уроках каждого кейса, совершенствуя собственные социальные технологии.

Эффективность управления миграционными потоками, в конечном счёте, зависит от системного видения, включающего законодательство, экономические стимулы, социальную адаптацию, межкультурный диалог и защиту прав человека [9]. Достижение баланса между интересами государственного развития, нуждами рынка труда, безопасностью и гуманитарными аспектами представляет собой многогранную задачу, требующую гибких и эволюционирующих инструментов. Россия, Казахстан, Индия и Бразилия уже прошли значительный путь, внедрив разнообразные социальные технологии, от электронных систем контроля и программ адаптации до международных соглашений и корпоративных инициатив. Важно, чтобы результаты этих внедрений непрерывно анализировались, выявлялись наиболее успешные форматы и адаптировались к новым вызовам, будь то изменение глобальной геополитической обстановки, экономические кризисы или экологические катастрофы. Миграция не является чисто проблемой или чистой возможностью; это явление, которое можно грамотно регулировать, создавая условия для максимально продуктивного и гуманного сосуществования людей разных культур и национальностей [15]. В перспективе именно развитие социальных технологий, учитывающих комплекс факторов, окажется решающим в формировании устойчивых и инклюзивных обществ.

Литература

1. Киреев Е.Ю. Социологическая оценка социальной эффективности миграционной политики правительства Москвы // Человеческий капитал. 2011. № 12 (36). С. 91–94.
2. Лученок А. И., Колесникова И.В. Влияние миграционных потоков на социально-экономическое развитие Беларуси // Демоскоп Weekly. 2015. № 649–650. С. 13.
3. Шерер И.Н. Эффективность миграционной политики в условиях современных экономических закономерностей // Мы и право. 2011. № 1 (10). С. 21–25.
4. Бормотова Т. М., Меркурьев А.В. Социальные предпосылки актуализации миграции в теории и практике государственного управления и выработка эффективных механизмов воздействия на миграционные процессы // Миграционное право. 2011. № 4. С. 12–14.
5. Мельникова А.С. Современные методологические подходы к организации мониторинга трудовой миграции и ее влияние на социально-экономические и демографические параметры территориального развития // Фундаментальные исследования. 2016. № 10–3. С. 627–631.
6. Бормотова Т.М. Влияние социальных предпосылок актуализации миграции на разработку эффективной миграционной политики и ее реализацию // Культура Мира. 2014. № 1. С. 52–57.
7. Козлова О.С. Социологические подходы исследования миграции // Научные труды Центра перспективных экономических исследований. 2009. № 2. С. 33–36.
8. Ванюшин Я.Л. Некоторые аспекты современной миграционной политики в контексте социально-экономических вопросов местного самоуправления // Академический вестник. 2008. № 2. С. 23–26.
9. Зотова Н.А. Восприятие миграции в стране выхода: Таджикистан // Вестник Евразии. 2008. № 2. С. 29–43.
10. Рязанцев С.В. Влияние миграции на социально-экономическое положение региона и проблемы совершенствования системы управления миграционными процессами на Ставрополье в современных условиях // Вестник Ставропольского государственного университета. 1998. № 15. С. 60–78.
11. Забелина Е. В., Николаева Е.В., Иванова А.А., Валько Д.В. Социально-экономические предикторы миграционных намерений: систематический анализ // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 12 (482). С. 152–162.
12. Метелёв С.Е. Международная миграция в России и перспективы социально-экономического развития страны // Вестник Российского государственного торгово-экономического университета (РГТЭУ). 2008. № 1 (22). С. 7–11.
13. Ходенко С.В. Миграционный опыт постоянного населения в контексте социологического опроса // Народонаселение. 2008. № 1 (39). С. 85–92.
14. Дмитриева Ю.В. Особенности использования интеллектуального анализа данных в управлении миграционными процессами // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2022. № 10. С. 20–24.
15. Сулейманов А. Д.О. Социологический анализ интеллектуальной миграции Азербайджана // Социология науки и технологий. 2010. Т. 1. № 1. С. 109–117.

EVALUATION OF THE EFFECTIVENESS OF SOCIAL TECHNOLOGIES FOR MANAGING MIGRATION FLOWS: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE EXPERIENCES OF RUSSIA, KAZAKHSTAN, INDIA, AND BRAZIL

Kovalev A.N., Potemkina Yu.G.

Institute of Control Technologies, Moscow Institute of Radio Engineering, Electronics and Automation – Institute of Control Technologies, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky

This article presents a comparative analysis of social technologies for managing migration flows in Russia, Kazakhstan, India, and Brazil, aimed at assessing their efficiency within various socio-economic and cultural contexts. The introduction justifies the relevance of the research, emphasizing the growth of migratory mobility and the need to balance economic benefits with social integration. The methods include a comparative analysis of legislative frameworks, national programs, and statistical data, as well as a qualitative evaluation of cases based on expert interviews, documents from international organizations, and academic publications. The results revealed key differences: Russia and Kazakhstan combine formal quotas with cultural adaptation programs, India emphasizes the digitalization of internal migration management, and Brazil relies on multiculturalism. Common challenges include bureaucratic barriers, a low level of trust between migrants and host communities, and the uneven implementation of digital tools. The discussion highlights the absence of universal solutions: the effectiveness of these technologies depends on accounting for local specifics, inter-agency coordination, and the integration of educational, legal, and digital components. Special attention is given to the role of civil society and international organizations in minimizing the risks of marginalization. The article recommends developing hybrid models that combine traditional practices with innovative platforms for monitoring and supporting migrants.

Keywords: migration management, social technologies, comparative analysis, migrant integration, digital tools.

References

1. Kireyev E. Yu. Sociological assessment of the social effectiveness of the Moscow government's migration policy // Human Capital. 2011. No. 12 (36). pp. 91–94.
2. Luchenok A. I., Kolesnikova I.V. The influence of migration flows on the socio-economic development of Belarus // Demoscope Weekly. 2015. Nos. 649–650. p. 13.
3. Sherer I.N. The effectiveness of migration policy under modern economic patterns // We and Law. 2011. No. 1 (10). pp. 21–25.
4. Bormotova T. M., Merkuryev A.V. Social prerequisites for the actualization of migration in the theory and practice of public administration and the development of effective mechanisms to influence migration processes // Migration Law. 2011. No. 4. pp. 12–14.
5. Melnikova A.S. Modern methodological approaches to organizing labor migration monitoring and its impact on the socio-economic and demographic parameters of territorial development // Fundamental Research. 2016. Nos. 10–3. pp. 627–631.
6. Bormotova T.M. The influence of social prerequisites for the actualization of migration on the development and implementation of effective migration policy // Culture of the World. 2014. No. 1. pp. 52–57.
7. Kozlova O.S. Sociological approaches to the study of migration // Scientific Works of the Center for Advanced Economic Studies. 2009. No. 2. pp. 33–36.
8. Vanyushin Ya.L. Some aspects of modern migration policy in the context of the socio-economic issues of local self-government // Academic Bulletin. 2008. No. 2. pp. 23–26.
9. Zotova N.A. Perception of migration in the exit country: Tajikistan // Eurasia Bulletin. 2008. No. 2. pp. 29–43.
10. Ryazantsev S.V. The impact of migration on the socio-economic situation of the region and problems of improving the management system of migration processes in Stavropol under modern conditions // Bulletin of Stavropol State University. 1998. No. 15. pp. 60–78.
11. Zabelina E. V., Nikolaeva E.V., Ivanova A.A., Valko D.V. Socio-economic predictors of migration intentions: a systematic analysis // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023. No. 12 (482). pp. 152–162.

12. Metelev S.E. International migration in Russia and prospects for the country's socio-economic development // Bulletin of the Russian State University of Trade and Economics (RSTU). 2008. No. 1 (22). pp. 7–11.
13. Khodenko S.V. The migration experience of the permanent population in the context of a sociological survey // Population. 2008. No. 1 (39). pp. 85–92.
14. Dmitrieva Yu.V. Features of using intelligent data analysis in managing migration processes // Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series: Economics and Law. 2022. No. 10. pp. 20–24.
15. Suleymanov A. D.O. Sociological analysis of intellectual migration in Azerbaijan // Sociology of Science and Technology. 2010. Vol. 1. No. 1. pp. 109–117.

Искусственный интеллект и трансформация социально-трудовых институтов: социологический анализ профессиональных рисков и стратегий адаптации до 2030 года

Котусов Сергей Александрович,

аспирант кафедры управления персоналом и социологии Российской академии народного хозяйства и государственной службы – Уральского института управления; заведующий учебным отделом, ГАПОУ СО «Уральский колледж строительства архитектуры и предпринимательства»

Бурганова Екатерина Николаевна,

преподаватель высшей квалификационной категории, заместитель генерального директора по маркетингу, ООО «Диалог Диджитал»

В статье рассматриваются социологические аспекты влияния искусственного интеллекта (ИИ) на рынок труда и профессиональные институты в условиях современной России. Акцент сделан на анализе изменений занятости, профессиональной идентичности и новых форм социальной стратификации в контексте распространения ИИ-решений. Исследование опирается на результаты эмпирического кастдев-исследования (42 респондента из креативных и образовательных отраслей), а также на контент-анализ отечественных и международных аналитических докладов (включая отчёты ВШЭ, Минтруда РФ, World Economic Forum, OpenAI). Особое внимание уделено анализу применения в России ИИ-инструментов (например, GigaChat, Kandinsky, RuGPT, «Сбертрансформер», DeepSeek, YandexGPT) и их влиянию на перераспределение трудовых функций. Обосновывается тезис о том, что ИИ в российском контексте выступает не только технологическим, но и институциональным фактором стратификации и трансформации социального статуса. Делается вывод о необходимости комплексной адаптационной политики, включающей развитие обучающихся сообществ, цифровой грамотности и гибкой профессиональной траектории как элемента устойчивости в условиях технологического сдвига.

Ключевые слова: российский рынок труда, искусственный интеллект, цифровая трансформация, профессиональная адаптация, социология труда, институциональные изменения, цифровой капитал, обучающие сообщества, нейросети.

Введение: ИИ как вызов социальному контракту труда в российском контексте

Развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) становится ключевым триггером трансформации российского рынка труда и социоинституциональных механизмов занятости. На первый план выходит необходимость переоценки устоявшихся понятий: что означает «работать» в эпоху автоматизации, где пролегают границы профессии, и каковы легитимные формы участия в экономике будущего. Особенно остро эти вопросы проявляются в России, где рынок труда демонстрирует одновременно высокую адаптивность и структурные уязвимости: несмотря на разнообразие образовательных программ, курсов и низкий уровень официальной безработицы, сохраняются значительные барьеры для трудоустройства высококвалифицированных специалистов. Проблему усугубляют региональные диспропорции, высокий уровень нестабильной (временной и проектной) занятости, а также фрагментированная инфраструктура кадровой подготовки и переподготовки.

Ответы на эти вопросы невозможно сформировать без учёта особенностей российского социально-трудового контекста. В отличие от ряда западных экономик, где последовательно формируются системы предиктивного мониторинга профессиональных рисков, институты поддержки занятости в условиях автоматизации и стратегии переобучения на уровне политики, в России наблюдается институциональная фрагментация. Отсутствует согласованная национальная модель прогнозирования последствий внедрения ИИ, а существующие образовательные инициативы, как правило, реализуются в формате грантовых программ, корпоративных академий или отдельных онлайн-курсов, охватывающих преимущественно активное городское население. Это приводит к тому, что большая часть работников, особенно в регионах и в возрасте 40+, остаётся за пределами системной цифровой адаптации.

Параллельно усиливается феномен институционального «отставания»: действующие профстандарты и образовательные треки зачастую не включают в себя ИИ-компетенции даже в базовом объёме. Отсюда – эффект «социальной несинхронности», при котором выпускники формально соответствуют требованиям диплома, но не способны работать с ИИ-инструментами, востребованными в профессии. В практическом измерении это приводит к маргинализации специалистов, подрыву доверия к институтам подготовки кадров и усилению самоорганизованных форм адаптации: от неформальных peer-to-peer курсов до комьюнити в Telegram и локальных обучающих кластеров.

Дополнительно следует учитывать территориальный и инфраструктурный разрыв: цифровая адаптация концентрируется в крупных агломерациях (Москва, Санкт-Петербург, Казань, Екатеринбург), тогда как в моногородах, малых населённых пунктах и в системе среднего профобразования доступ к ИИ-инструментам, менторской поддержке и устойчивым практикам переподготов-

ки ограничен. При этом именно в этих зонах проживает значительная доля трудоспособного населения, что создаёт риски масштабной профессиональной уязвимости и роста социального напряжения в условиях технологической трансформации.

Таким образом, ИИ выступает не только как технологическая инновация, но и как **институциональный фактор перераспределения власти, труда и профессионального капитала**. Перед российским обществом и наукой встают острые вопросы: какие профессии сохранят устойчивость в новых условиях? какие компетенции станут «новой грамотностью»? как выстроить механизмы коллективной и солидарной адаптации в условиях усиливающейся автоматизации? Без разработки многоуровневой системы сопровождения ИИ-перехода – от обновления профстандартов до институционализации обучающихся сообществ, цифрового наставничества и гибких траекторий освоения новых компетенций – автоматизация не приведёт к расширению возможностей, а лишь усилит уже существующее социальное расслоение, цифровую тревожность и профессиональную дезориентацию. В перспективе до 2030 года можно с высокой вероятностью прогнозировать нарастание этих тенденций: технологическая трансформация будет ускоряться, а давление на профессиональные институты – возрастать. Именно поэтому социология труда сегодня должна не только фиксировать происходящие деструкции, но и становиться активным участником проектирования новых справедливых и адаптивных моделей профессионального будущего. Настоящее исследование ориентировано не только на описание актуальных рисков, но и на выявление долгосрочных стратегий выживания и институционального обновления в условиях цифровой эволюции трудовых практик.

Цель статьи – осуществить социологический анализ влияния искусственного интеллекта на трансформацию социально-трудовых институтов в России, выявить ключевые профессиональные риски, формы цифрового неравенства и барьеры адаптации в горизонте до 2030 года, а также предложить институциональные механизмы поддержки устойчивых и адаптивных профессиональных траекторий. Исследование опирается на междисциплинарный подход, сочетающий анализ глобальных и отечественных аналитических источников, теоретических разработок в области социологии труда и данных авторского кастдев-исследования. Такой подход позволяет рассматривать проблему как на уровне структурных трансформаций рынка труда, так и через призму индивидуального опыта, когнитивных затруднений и коллективных стратегий освоения ИИ в реальной профессиональной среде.

Методология и источниковая база

Исследование опирается на междисциплинарный подход с доминирующей социологической рамкой, что обусловлено комплексностью самого явления искусственного интеллекта. ИИ предстает не только как технология, но и как социокультурный и институциональный фактор, трансформирующий структуру труда, символический статус профессий и механизмы социальной мобильности. Такая постановка проблемы требует анализа как на уровне системных изменений, так и на уровне повседневных стратегий адаптации.

Во-первых, применён **контент-анализ отечественных аналитических докладов**, включая:

- материалы **Минтруда РФ** по цифровым навыкам и прогнозу занятости (2022–2024),

- доклады **НИУ ВШЭ** по рынку труда и образованию (например, «Цифровизация и профессии будущего», 2023),
- исследования **Института социологии ФНИСЦ РАН** о восприятии цифровой трансформации в трудовой сфере,
- обзорные публикации **РАНХиГС**, **АНО «Россия – страна возможностей»**, **Сбера**, **VK Образование**, **Skillbox**, **Нетологии** и **Цифровой кафедры** при вузах.

Среди международных источников использовались:

- ежегодный отчёт **World Economic Forum** (The Future of Jobs Report, 2023),
- аналитика **OpenAI** и **McKinsey Global Institute** по технологиям автоматизации,
- исследования **SmartInsights** о применении ИИ в цифровом маркетинге,
- обзоры **Nexford University**, **Deloitte** и **Forbes** по влиянию ИИ на глобальный рынок труда.

Такое сопоставление позволило выстроить макросоциологическую рамку анализа: как в России и за рубежом формируется дискурс о профессиях будущего, какие компетенции признаются критически важными, и как различаются подходы к институциональной адаптации.

Во-вторых, эмпирическую базу составили **глубинные кастдев-интервью с 42 респондентами из России** (возраст 25–55 лет), представляющими сферы маркетинга, образования, графического дизайна, управления и HR. География охватывает крупные города (Москва, Екатеринбург, Казань, Новосибирск) и малые промышленные центры. Метод кастдев позволил зафиксировать напряжение между публичной риторикой об «освобождении человека от рутины» и реальным опытом тревожности, выгорания, фрагментарной занятости и неуверенности в будущем. Особенно ярко это проявляется у специалистов среднего возраста, испытывающих давление необходимости «догнать» цифровые компетенции при отсутствии системной поддержки.

В-третьих, теоретическая рамка исследования строится на сопоставлении следующих концептуальных подходов:

- **социальная теория капитала П. Бурдьё**, позволяющая осмыслить дисбаланс между обладанием ИИ-грамотностью и её символическим капиталом;
- **институционализм Д. Норта**, через который анализируется несоответствие между формальными регуляторами (профстандарты, ГОСы) и неформальными практиками переобучения;
- **социотехнический подход В.М. Розина**, позволяющий рассматривать ИИ как артефакт, изменяющий субъектность и распределение труда.

Дополнительно применялся **метод включённого наблюдения** в российских профессиональных сообществах: открытые Telegram-чаты (например, «ИИ и профессии», «Цифровая педагогика», «AI-менеджеры РФ»), платформы дополнительного образования (SkillFactory, Stepik, Университет 20.35), форумы и опен-классы. Это позволило выявить темы, вызывающие сопротивление (например, работа с промтами, генерация контента), а также зафиксировать появление новых форм цифровой поддержки и неформальных структур горизонтального обучения.

Наконец, в исследовании отражена **дискуссионность экспертных позиций**. Так, аналитика **СберАналитики** и **Яндекс Образования** подчеркивает позитивную перспективу коэволюции с ИИ и роста гибких компетенций. В то же время, работы российских исследователей (А. Вишневский, А. Соколов, А. Сунгуров) акцентируют внимание на **институциональном вакууме**,

цифровом неравенстве и усилении стратификации. Международные оценки также поляризованы: **Accenture, Gartner** и **IBM** выстраивают оптимистичную рамку («augmentation of human labor»), в то время как **Саймон Хедс, Э. Бринольфссон, Марк Андреessen** и другие предупреждают о рисках технократического контроля, «профессионального исчезновения» и распада среднего класса.

Таким образом, источниковая и методологическая база статьи позволяет рассматривать феномен ИИ не как однолинейный прогресс, а как **объект социологического анализа, порождающий конфликт интерпретаций**, новые формы стратификации и институциональные вызовы, требующие комплексного междисциплинарного ответа.

Деконструкция профессии: что теряет человек в эпоху ИИ

ИИ ставит под сомнение не только занятость, но и саму идею профессиональной уникальности. Алгоритмы способны выполнять аналитические, визуальные, языковые и логические задачи, ранее считавшиеся исключительной прерогативой человека. Это создаёт эффект взаимозаменяемости и подрывает базовое ощущение ценности труда. Возникает феномен «*символического обесценивания*» профессий – когда специалист продолжает выполнять работу, но перестаёт ощущать её как значимую или сугубо человеческую. Особенно это проявляется в сферах дизайна, копирайтинга, маркетинга, технической поддержки, преподавания и даже юридического анализа.

В практическом измерении уже сейчас наблюдается смещение функций:

Графический дизайн: российские специалисты всё чаще используют *YandexGPT, Kandinsky*, нейросетевой функционал в «Яндекс Облаке», а также *Сбертрансформер* и *GigaChat* для генерации визуального контента;

Копирайтинг: в Рунете применяются *ContentOffice, CopyMonkey, Текстоген* и *RuGPT-3*, позволяющие быстро создавать рекламные и SEO-материалы;

Юриспруденция: на российском рынке развиваются автоматизированные системы анализа договоров, такие как *CasePro* и *Paragon LegalTech*;

Журналистика: работают сервисы автоматической генерации корпоративных новостей – например, *MediaMetrics* и решения от *РБК Tech*;

Образование: применяются EdTech-платформы с элементами ИИ (*Фоксфорд, Яндекс Учебник*), а также Moodle-плагины с функциями автопроверки и рекомендательных алгоритмов;

Медицина: в системах типа *СберЗдоровье* и *Яндекс. Health* ИИ-сервисы визуальной диагностики берут на себя рутинные функции интерпретации изображений;

Бухгалтерия и аудит: облачные решения *Контур. Бухгалтерия, Сбис.Аналитика* и др. автоматизируют значительную часть документооборота и расчётов;

Логистика и транспорт: алгоритмы *Яндекс Go, Delivery Club* и других платформ оптимизируют маршруты, графики и загрузку, снижая необходимость в диспетчерских и операторских звеньях.

Для сопоставления, в международной практике широко распространены аналоги: *Canva, Midjourney, ChatGPT, Jasper, Casetext, Khanmigo* и другие. Однако в условиях ограниченного доступа и санкционного давления российские специалисты адаптируют локальные решения, интегрируя ИИ в рамках доступных экосистем.

В докладе MIT (2023) подчёркивается, что «*профессия как социальный институт переживает фазу делеги-*

тимации», поскольку ИИ размывает границы между экспертизой и автоматизированной обработкой. Роль эксперта становится всё менее устойчивой не только из-за скорости обновления знаний, но и из-за того, что машины зачастую демонстрируют сопоставимую или более высокую эффективность в рутинных задачах.

Однако существует и противоположная точка зрения. Согласно исследованиям *Stanford Digital Society Lab* (2024), по мере автоматизации технической части профессии возрастает ценность эмпатии, креативности, этического суждения и междисциплинарного мышления. Это особенно заметно в сфере образования, где преподаватель всё больше выступает не как транслятор знаний, а как *фасилитатор смыслов и медиатор в сложной цифровой среде*.

Важно уточнить, что сами ИИ-инструменты не являются по своей сути деструктивными. Их цель – *повысить эффективность, освободить время и ресурсы*, расширить возможности для стратегической и творческой деятельности. Ошибка заключается не в технологиях, а в *их бездумном применении или в неспособности специалистов адаптировать и критически интерпретировать результаты работы ИИ*. Часто наблюдается ситуация, где **человеческий фактор вытесняется**, а вместо оценки и корректировки ИИ-продукта происходит его механическое принятие, что приводит к *ошибкам, утрате качества и отчуждению от профессии*.

Таким образом, формируется поле напряжения между двумя моделями:

Профессия как алгоритм, где труд сводится к воспроизводимым операциям, выполняемым ИИ;

Профессия как субъектность, где человек сохраняет уникальную роль интерпретатора, медиатора и носителя смысла.

Социологическая задача состоит в фиксации этих границ, анализе процессов отчуждения и переопределения идентичности. В условиях ИИ-перехода профессия перестаёт гарантировать стабильность, статус или доход. Она становится *зоной риска и самоподтверждения*, требующей постоянной валидации через обучение, цифровую активность и признание в профессиональных сообществах.

Стратификация будущего: уязвимые и устойчивые классы занятости

ИИ радикализирует неравенство между теми, кто обладает цифровым капиталом, и теми, кто не успевает адаптироваться. В современной России это особенно заметно на фоне неоднородности доступа к качественному образованию, инфраструктуре и возможностям переобучения. Мы наблюдаем формирование нового стратификационного признака – **способности к козволуции с ИИ**.

Возникают новые типы социально-профессиональных групп:

Цифровые кочевники – преимущественно представители ИТ-сектора, маркетинга, диджитал-дизайна и онлайн-образования, активно осваивающие генеративные и аналитические ИИ-инструменты (например, *RuGPT-3, Kandinsky*, нейросервисы *VK Cloud*). Эти специалисты способны адаптироваться к любому рынку, монетизировать экспертизу через фриланс, наставничество или запуск собственных продуктов.

Цифровые брокеры – медиаторы, способные объяснить ИИ-инструменты традиционным профессионалам: сотрудники корпоративных команд трансформации, консультанты в EdTech и HR, преподаватели вузов с ИИ-компетенциями. Именно они становятся проводни-

ками изменений, но часто работают без формализованной поддержки.

Цифровые маргиналы – специалисты, занятые в профессиях с высокой долей рутинных задач: операторы ввода данных, методисты старого типа, преподаватели, не владеющие ИКТ, бухгалтеры без навыков автоматизации. Они оказываются в «серой зоне» – ещё включены в рынок, но с высокой вероятностью вытеснения.

По данным НИУ ВШЭ, 65% организаций в РФ применяют ИИ в тестовом режиме, но системной подготовки кадров в регионах нет. Программы переподготовки носят фрагментарный и проектный характер, что усиливает социальное расслоение. Работники из крупных городов с ИТ-доступом выигрывают, тогда как в моногородах и в системе среднего профобразования наблюдается «информационная и мотивационная изоляция».

Традиционные институты образования – колледжи, вузы, ЦОПы – часто демонстрируют инерционность. Несмотря на рост числа программ по ИИ, они охватывают ограниченный круг студентов и слабо интегрированы в реальные запросы работодателей. Это создаёт ситуацию, при которой социальная мобильность определяется не дипломом, а доступом к цифровому обучению, сообществам и самоорганизации.

Всё более очевидно, что риск в эпоху ИИ кроется не столько в самой технологии, сколько в её применении. Мы живём не в эпоху «технологической угрозы», а в эпоху **человеческой интерпретации технологий**. Ошибки в использовании ИИ, слепая вера в алгоритмы, неспособность критически осмыслить полученные результаты – всё это порождает новую форму уязвимости. Возникает **разрыв между автоматизацией и интерпретацией**, где риск заключается не в замещении человека, а в **утрате субъектной роли профессионала**.

Социологически это означает сдвиг стратификационного фокуса: не просто «доступ к ИИ», а **способы смыслового обращения с ним** становятся новым маркером включённости в рынок труда. Это требует не только технических навыков, но и развития метакомпетенций: критического мышления, этической оценки, способности к верификации и контекстуализации. Именно здесь проходит невидимая граница будущего – между теми, кто способен осмысленно взаимодействовать с ИИ, и теми, кто оказывается заложником чужого алгоритмического выбора.

Эмпирическая панорама: страхи, запросы и адаптационные стратегии

Кастдев-исследование, проведённое авторами в 2024 году, охватило 42 респондента из различных регионов России. В выборку вошли представители сфер образования, управления, маркетинга, дизайна, HR и административного сектора, преимущественно в возрасте от 25 до 55 лет. Исследование проводилось в форме глубоких полуструктурированных интервью, направленных на выявление субъективных восприятий, эмоциональных состояний и практик взаимодействия с ИИ в профессиональной повседневности.

На диаграмме (рис. 1) представлена типология ответов респондентов, классифицированная по степени выраженности риска и адаптационного потенциала. Цветовая кодировка позволяет визуализировать спектр профессионального реагирования на интеграцию ИИ:

- красный цвет маркирует острые риски и страхи (вытеснение, отставание от «цифровых» коллег);
- жёлтый – указывает на внутренние барьеры и умеренные тревожные состояния (когнитивная перегрузка, цифровой стыд);

- зелёный – отражает позитивные сигналы и потенциальные ресурсы адаптации (запрос на рост, обучение, безопасную среду).

Рис. 1.

Основные выявленные боли и страхи

Страх отставания от «цифровых» коллег

73% респондентов испытывают тревогу от того, что не успевают за темпами изменений, особенно в связи с быстрой интеграцией ИИ в смежных отделах или у коллег младшего возраста. Упоминаются ситуации, когда «внутри отдела формируются цифровые кланы», и человек оказывается «вне обсуждения» лишь потому, что не освоил нужный инструмент.

Страх вытеснения с рынка

61% респондентов выражают уверенность в том, что их профессия может исчезнуть или радикально измениться в течение ближайших 3–5 лет. Наиболее остро этот страх звучал в ответах преподавателей колледжей, рекламщиков, журналистов, чья деятельность становится все более автоматизируемой (например, проверка работ, написание стандартных текстов, проведение типовых занятий).

Когнитивная перегрузка

70% участников описали состояние постоянной перегрузки: «слишком быстро, слишком много», «ничего не понятно, всё меняется каждую неделю», «боишься даже начать, вдруг ошибёшься». Особенно часто звучал страх быть осмеянным или «показаться глупым» при попытке освоить ИИ-инструмент, особенно среди специалистов старше 40 лет.

Цифровая тревожность и стыд

Помимо страха и растерянности, фиксировались чувства вины и стыда: «все вроде уже умеют, а я до сих пор не понимаю, как задать правильный промт», «чувствую себя балластом», «мне неудобно просить объяснить – кажется, что я торможу прогресс».

Тем не менее, обнаружена и сильная линия адаптационного запроса:

ИИ как ресурс роста. 68% респондентов отмечают, что при наличии понятной среды обучения и поддержки они готовы осваивать ИИ-инструменты. Причём эта готовность выражалась не только у молодых, но и у специалистов 40+, особенно у тех, кто уже переживал смену профессии или переквалификацию в прошлом.

Потребность в «понятных» форматах. Формальные онлайн-курсы оценивались как малодейственные: «открыла курс, посмотрела 10 минут – всё как будто не про меня», «там всё для айтишников». Гораздо вы-

ше оценивались неформальные форматы: мини-группы, Telegram-сообщества, воркшопы, обучение с «наставником из своих». Peer-to-peer-подход показал себя как наиболее вовлекающий.

Ценность безопасной среды. Около 60% подчёркивают: главный барьер не в сложности ИИ, а в отсутствии среды, где можно «ошибаться без страха», задавать «глупые» вопросы и учиться неформально. Часто звучали запросы: «если бы был кто-то вроде переводчика с технического», «хотелось бы, чтобы объясняли на языке профессии, а не ИТ».

Таким образом, **адаптация к ИИ в России** – это не просто вопрос доступа к технологиям, но и вопрос **психологической безопасности, семантической доступности и социальной поддержки**. Без этих компонентов ИИ воспринимается не как ресурс, а как ещё один источник угрозы профессиональному выживанию.

Ключевое противоречие проявляется в разрыве между декларациями о «равном доступе» к технологиям и реальными ощущениями профессионалов: **освоение ИИ – это прежде всего опыт уязвимости**, требующий новых форм коллективной поддержки и институционализации «понятных» обучающих сред. Это подтверждает вывод о том, что ключевым ресурсом в эпоху ИИ становится не инструмент, а **доступ к интерпретации**, переводу и сопровождению – как символическая, так и коммуникативная инфраструктура ИИ-адаптации.

Институциональные тупики и вызовы образовательной системы

Современные образовательные и профессиональные институты в России демонстрируют высокий уровень институциональной инерции. Несмотря на декларации о приоритете цифровой трансформации и стратегических задачах внедрения ИИ в экономику, образовательная система с трудом адаптируется к новой реальности. Программы подготовки кадров зачастую обновляются формально: элементы «цифровых компетенций» встраиваются как дополнение, а не как пересмотр смыслового ядра образования. Особенно отчётливо это проявляется в системе среднего профессионального образования, где доминирует ориентация на традиционные профессии, не учитывая в образовательном процессе внедрение инструментов ИИ, вопрос частично решается за счет стажировок на предприятиях, но в основном в крупных городах России, таких как Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Казань, Новосибирск, Сочи.

Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) и профессиональные стандарты воспроизводят структуру компетенций, не отражающую запросов работодателей и вызовов ИИ-перехода. В результате возникает эффект **«социальной несинхронности»**: выпускники, формально обладая дипломами, оказываются неготовыми к включению в цифровые и гибридные трудовые практики, где ключевую роль играют ИИ-инструменты, междисциплинарность и навык быстрой адаптации.

На институциональном уровне меры остаются точечными: курсы по ИИ запускаются в рамках грантовых проектов, цифровые кафедры охватывают ограниченные аудитории, а программы переобучения не масштабируются за пределами пилотных вузов. При этом отсутствует системная модель **гибкого, непрерывного и персонализированного образования**, в которой учитывались бы:

- микрообучение и модульные треки;

- peer-learning и наставничество внутри профессиональных сообществ;
- признание экспериментальности, ошибок и вариативности как условий роста;
- вовлечение EdTech-экосистем и работодателей как соразработчиков содержания.

Внутри образовательных организаций также наблюдается дефицит цифровой субъектности: преподаватели и администраторы зачастую сами испытывают тревожность, неуверенность в работе с ИИ и не получают поддержки в адаптации. Это создаёт замкнутый цикл – невозможность передавать компетенции, которые не освоены на институциональном уровне.

Для преодоления этого тупика необходимо не просто «цифровизировать» существующие модели, а провести **переосмысление роли образования как института адаптации и стабилизации в эпоху ИИ**. Ключевые направления такой трансформации могут включать:

- **интеграцию ИИ-компетенций в ядро всех образовательных программ**, включая гуманитарные и управленческие;
- **создание механизмов быстрой модульной актуализации** программ с участием работодателей и EdTech-сектора;
- **институционализацию форматов неформального обучения** (сетевые сообщества, публичные портфолио, peer-to-peer);
- **модернизацию системы повышения квалификации преподавателей** с акцентом на практическое использование ИИ как среды труда, а не как абстрактной цели.

В противном случае образование рискует утратить способность выполнять не только функции подготовки, но и **функцию социальной поддержки и снижения тревожности** – столь критично важную в условиях ускоренной технологической трансформации и роста неравенства.

Преодоление цифровой тревожности: к модели обучающего сообщества

В контексте ускоренного ИИ-перехода до 2030 года особую значимость приобретает вопрос не только профессиональной, но и **психологической адаптации**. Цифровая тревожность, фиксируемая в многочисленных эмпирических исследованиях, порождает когнитивную перегрузку, снижает мотивацию к переобучению и усиливает социальную изоляцию работников, не успевающих адаптироваться. На этом фоне ключевым ресурсом становится не формализованное обучение, а **социальная среда, в которой допустимы проба, ошибка и совместное освоение новых инструментов**.

Именно такие функции начинают выполнять **обучающие сообщества нового типа** – неформальные и полупрофессиональные сетевые структуры, вырастающие на стыке профессионального интереса, цифрового эксперимента и взаимной поддержки. Это Telegram и VK-группы, студенческие лаборатории, кружки при коворкингах и университетах, локальные peer-to-peer-инициативы. Их сила – в горизонтальности и социальной безопасности: здесь нет давления авторитета, допускается незнание, ценится готовность делиться и пробовать.

Среди участников подобных сообществ фиксируется ключевой сдвиг: **от цифровой тревожности к цифровой уверенности**. Респонденты подчёркивают, что именно внутри таких пространств они впервые осмелились:

- задать «глупый» вопрос;

- начать работу с ИИ-инструментами;
- получить объяснение «на своём языке» – через аналогии с профессией, а не через ИТ-лексикон;
- получить эмоциональную поддержку от тех, кто тоже прошёл путь освоения.

Социологически это свидетельствует о **становлении новой формы института признания**: статус в таких сообществах определяется не только дипломом или должностью, а репутацией, готовностью делиться и быть фасилитатором для других. Это особенно важно для «новичков» – представителей среднего возраста, гуманитарных профессий, преподавателей, методистов, ранее не включённых в цифровую среду. Обучающее сообщество становится точкой восстановления субъектности: человек вновь ощущает свою значимость, несмотря на срыв привычных профессиональных ролей.

При этом эффект таких структур не сводится к образовательному. **Они выполняют компенсаторную и даже терапевтическую функцию** – снижая тревожность, формируя чувство принадлежности, и создавая горизонт доверия в среде, подверженной технологическому неравенству. Эти сообщества становятся **прединституциональной формой будущей цифровой инфраструктуры образования и труда**.

Важно подчеркнуть: в перспективе до 2030 года именно такие структуры могут стать **ядром гибкой и адаптивной модели профессионального развития** – если получат поддержку со стороны образовательных институтов, работодателей и корпоративных партнёров. Возможные направления институционализации включают:

- грантовую и инфраструктурную поддержку цифровых реер-групп;
- признание участия в таких сообществах как элемента непрерывного образования;
- интеграцию форматов soft mentoring и «цифрового наставничества» в кадровые практики организаций;
- создание цифровых экосистем с возможностью неформального обмена знаниями и кейсами.

Таким образом, обучающие сообщества – это не только реакция на институциональные ограничения, но и **площадка формирования новой этики труда и образования**, в которой ключевыми становятся солидарность, взаимная фасилитация и способность к устойчивому созвиту. В условиях ИИ-трансформации это и есть основа будущей профессиональной устойчивости.

Заключение: от вызова к модели адаптивного будущего

Искусственный интеллект становится центральным фактором трансформации рынка труда в России. Он нарушает привычные траектории занятости, обостряет социальные различия и предъявляет новые требования к квалификациям, самоидентификации и институциональной реакции. Вместе с тем ИИ порождает и ресурсы: возможность переосмысления труда, обновления профессиональных сообществ и формирования новых моделей солидарности.

Проведённое исследование показало, что влияние ИИ на трудовую сферу в России не ограничивается заменой профессий или автоматизацией задач. Гораздо более значимыми оказываются:

- феномен символического обесценивания профессий,
- усиление цифрового неравенства и стратификации по признаку «доступа к адаптации»,
- непроработанность институционального ответа.

Особую значимость приобретают **эмоциональные и когнитивные барьеры** – страх, цифровая тревожность, отсутствие понятных моделей включения. Вместе с тем выявлена и линия продуктивного запроса: растущая потребность в безопасных, живых, неиерархичных форматах освоения ИИ, где возможны ошибки, совместный рост и перераспределение знаний.

Таким образом, к 2030 году рынок труда в России рискует закрепить двойную логику: одни группы будут включены в цифровую экономику благодаря доступу к навыкам и сообществам, другие – вытеснены на периферию из-за нехватки институциональных, образовательных и культурных механизмов поддержки.

Социология труда в этих условиях не должна ограничиваться фиксацией разрывов – напротив, она становится **инструментом проектирования адапционных моделей**. Это означает необходимость:

- институционального признания неформальных сообществ и реер-to-реер форматов;
- переосмысления роли вузов, СПО и корпоративного сектора как пространств непрерывного цифрового развития;
- разработки новых механизмов легитимации профессионального роста – не через формальный диплом, а через сетевую активность, цифровое портфолио и горизонтальное признание.

ИИ – не нейтральная технология, а **социальный актор, требующий сонастройки институтов, культур и профессиональной субъектности**. Перевод его из угрозы в ресурс возможен только при условии системной поддержки, прозрачных каналов адаптации и формирования нового профессионального языка – языка совместности, гибкости и коллективного действия.

Литература

1. Вишневский А.Г. Социология труда. – М.: Инфра-М, 2020. – 352 с.
2. Цифровая трансформация: эффекты и риски в новых условиях / рук. авт. колл. П.Б. Рудник, Т.С. Зинина; под ред. И.Р. Агамирзяна, Л.М. Гохберга, Т.С. Зининой, П.Б. Рудника; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. – 156 с. – ISBN 978-5-7598-3009-2.
3. Шкаратан О.И. Профессия как фактор социального статуса и мобильности // Социологические исследования. – 2018. – № 10. – С. 56–67.
4. Гапоненко А. Л., Пакрухин А.П. Стратегическое управление. – М.: ОМЕГА-Л, 2006. – 382 с.
5. Чернышевский С.Г. Профессиональные идентичности в цифровой экономике. – СПб.: Питер, 2022. – 240 с.
6. Розин В.М. Техногенная цивилизация и человек. – М.: URSS, 2019. – 320 с.
7. Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3, № 5. – С. 60–74.
8. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.
9. Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. – М.: Логос, 2004. – 272 с.
10. Турен А. Возвращение субъекта. – М.: Наука, 1999. – 308 с.
11. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
12. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Т. 1. Власть идентичности. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

13. Министерство труда и социальной защиты РФ. Цифровые компетенции и прогноз занятости, 2022–2024. – М.: Минтруд России, 2024. – 95 с.
14. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Искусственный интеллект в России: вызовы и перспективы. – М.: НИУ ВШЭ, 2024. – 128 с.
15. СберАналитика. Отчёт по цифровой трансформации профессий. – М.: Сбер, 2024. – 47 с.
16. РАНХиГС. Этика и «цифра»: этические проблемы цифровых технологий. – М.: РАНХиГС, 2020. – 132 с.
17. OpenAI, University of Pennsylvania. GPTs are GPTs: An Early Look at the Labor Market Impact Potential of Large Language Models [Электронный ресурс]. – 2023. – URL: <https://arxiv.org/pdf/2303.10130v4> (дата обращения: 12.05.2025).
18. World Economic Forum. The Future of Jobs Report 2025 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.weforum.org/publications/the-future-of-jobs-report-2025> (дата обращения: 10.03.2025).
19. Stanford Digital Society Lab. AI & Work: Emotional Landscapes of Automation. – 2024. – URL: <https://digitalsocietylab.stanford.edu/publications> (дата обращения: 10.04.2025).
20. MIT Task Force on the Work of the Future. The Work of the Future: Building Better Jobs in an Age of Intelligent Machines. – 2023. – URL: <https://workofthefuture.mit.edu> (дата обращения: 09.03.2025).
21. The Jobs That Will Fall First as AI Takes Over the Workplace // Forbes [Электронный ресурс]. – 2025. – URL: <https://www.forbes.com> (дата обращения: 12.02.2025).
22. Nexford University. How Will AI Affect Jobs [Электронный ресурс]. – 2024. – URL: <https://www.nexford.edu> (дата обращения: 09.03.2025).

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND THE TRANSFORMATION OF SOCIAL AND LABOR INSTITUTIONS: SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF PROFESSIONAL RISKS AND ADAPTATION STRATEGIES UNTIL 2030

Kotusov S.A., Burganova E.N.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration – Ural Institute of Management, Dialog Digital LLC

The article examines the sociological aspects of the impact of artificial intelligence (AI) on the labor market and professional institutions in modern Russia. The emphasis is on the analysis of changes in employment, professional identity and new forms of social stratification in the context of the spread of AI solutions. The study is based on the results of an empirical castdev study (42 respondents from the creative and educational industries), as well as on a content analysis of domestic and international analytical reports (including reports from the HSE, the Ministry of Labor of the Russian Federation, the World Economic Forum, OpenAI). Particular attention is paid to the analysis of the use of AI tools in Russia (for example, GigaChat, Kandinsky, RuGPT, Sbertransformer, DeepSeek, YandexGPT) and their impact on the redistribution of labor functions. The thesis is substantiated that AI in the Russian context acts not only as a technological, but also as an institutional factor in the stratification and transformation of social status. A conclusion is made about the need for a comprehensive adaptation policy, including the

development of learning communities, digital literacy and a flexible professional trajectory as an element of sustainability in the context of a technological shift.

Keywords: Russian labor market, artificial intelligence, digital transformation, professional adaptation, sociology of labor, institutional changes, digital capital, learning communities, neural networks.

References

1. Vishnevsky A.G. Sociology of labor. – М.: Infra-M, 2020. – 352 p.
2. Digital transformation: effects and risks in the new conditions / head. collective authors P.B. Rudnik, T.S. Zinina; edited by I.R. Agamirzyan, L.M. Gokhberg, T.S. Zinina, P.B. Rudnik; Nat. research University "Higher School of Economics". – М.: ISSEK HSE, 2024. – 156 p. – ISBN 978-5-7598-3009-2.
3. Shkaratan O.I. Profession as a factor of social status and mobility // Sociological studies. – 2018. – No. 10. – P. 56–67.
4. Gaponenko A. L., Pakruhin A.P. Strategic Management. – Moscow: OMEGA-L, 2006. – 382 p.
5. Chernyshevsky S.G. Professional Identities in the Digital Economy. – St. Petersburg: Piter, 2022. – 240 p.
6. Rozin V.M. Technogenic Civilization and Man. – Moscow: URSS, 2019. – 320 p.
7. Bourdieu P. Forms of Capital // Economic Sociology. – 2002. – Vol. 3, No. 5. – P. 60–74.
8. North D. Institutions, Institutional Changes, and the Functioning of the Economy. – М.: Fund of the economic book "Nachala", 1997. – 180 p.
9. Bauman Z. Globalization: consequences for man and society. – М.: Logos, 2004. – 272 p.
10. Turen A. Return of the subject. – М.: Nauka, 1999. – 308 p.
11. Beck U. Risk society: on the way to another modernity. – М.: Progress-Tradition, 2000. – 384 p.
12. Castells M. Information age: economy, society and culture. T. 1. The power of identity. – М.: HSE, 2000. – 608 p.
13. Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation. Digital competencies and employment forecast, 2022–2024. – М.: Ministry of Labor of the Russian Federation, 2024. – 95 p.
14. National Research University Higher School of Economics. Artificial Intelligence in Russia: Challenges and Prospects. – М.: HSE University, 2024. – 128 p.
15. SberAnalytics. Report on the Digital Transformation of Professions. – М.: Sber, 2024. – 47 p.
16. RANEPa. Ethics and "Digital": Ethical Issues of Digital Technologies. – М.: RANEPa, 2020. – 132 p.
17. OpenAI, University of Pennsylvania. GPTs are GPTs: An Early Look at the Labor Market Impact Potential of Large Language Models [Electronic resource]. – 2023. – URL: <https://arxiv.org/pdf/2303.10130v4> (date of access: 12.05.2025).
18. World Economic Forum. The Future of Jobs Report 2025 [Electronic resource]. – URL: <https://www.weforum.org/publications/the-future-of-jobs-report-2025> (date of access: 10.03.2025).
19. Stanford Digital Society Lab. AI & Work: Emotional Landscapes of Automation. – 2024. – URL: <https://digitalsocietylab.stanford.edu/publications> (date of access: 10.04.2025).
20. MIT Task Force on the Work of the Future. The Work of the Future: Building Better Jobs in an Age of Intelligent Machines. – 2023. – URL: <https://workofthefuture.mit.edu> (accessed: 03/09/2025).
21. The Jobs That Will Fall First as AI Takes Over the Workplace // Forbes [Electronic resource]. – 2025. – URL: <https://www.forbes.com> (accessed: 02/12/2025).
22. Nexford University. How Will AI Affect Jobs [Electronic resource]. – 2024. – URL: <https://www.nexford.edu> (accessed: 03/09/2025).

Цифровая трансформация физического воспитания студентов-медиков: инновации и прикладные технологии

Плещёв Игорь Евгеньевич,

канд. мед. наук, доцент кафедры физической культуры и спорта, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: doctor.pleshyov@gmail.com

Савгачев Виталий Владимирович,

канд. мед. наук, доцент кафедры травматологии и ортопедии, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: hirurg2288@mail.ru

В статье рассматривается многоаспектная проблема модернизации физического воспитания в системе высшего медицинского образования. Актуальность темы обусловлена существующим противоречием: с одной стороны, наблюдается устойчивая тенденция к снижению уровня физической подготовленности и работоспособности студентов-медиков в процессе обучения, а с другой – возрастают требования к их профессиональной компетентности в вопросах здоровьесбережения. Значительная часть студентов имеет ослабленное здоровье и не может выполнить стандартные нормативы, что свидетельствует о недостаточной эффективности действующих программ физического воспитания.

Центральное место в работе занимает анализ потенциала цифровой трансформации как инструмента для кардинального изменения методологического подхода к преподаванию дисциплины. Рассматривается влияние современных цифровых технологий, таких как мобильные приложения для мониторинга здоровья, фитнес-трекеры и виртуальные обучающие платформы. Эти инструменты способны повысить мотивацию студентов к регулярным занятиям, преодолевая такие барьеры, как нехватка времени и интенсивные умственные нагрузки, характерные для медицинских вузов. Внедрение цифровых решений способствует не только повышению физической активности, но и формированию у будущих врачей необходимых цифровых компетенций.

Ключевым аспектом статьи является предложение по реконструкции содержания и системы оценки физического воспитания. Обосновывается необходимость смещения акцента на профессионально-прикладную физическую подготовку, учитывающую специфику будущей деятельности медицинских работников.

Ключевые слова: физическое воспитание, искусственный интеллект, высшее образование, студенты-медики, цифровая трансформация, спортивная медицина.

Введение

Современные реалии высшего медицинского образования демонстрируют парадоксальную ситуацию: на фоне роста профессиональных требований к будущим врачам наблюдается устойчивое снижение уровня физической подготовленности студентов-медиков. Это противоречие усугубляется тем, что значительная часть обучающихся имеет ослабленное здоровье, что ограничивает их способность соответствовать традиционным нормативам физического воспитания. Данная проблема приобретает особую остроту, учитывая, что физическая культура является не только средством укрепления здоровья, но и ключевым элементом профессиональной компетентности медиков, обязанных пропагандировать здоровый образ жизни.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления методологических подходов к физическому воспитанию в медицинских вузах через призму цифровой трансформации. Традиционные системы оценки, ориентированные на формальные нормативы, утрачивают эффективность в условиях роста числа студентов с ограниченными физическими возможностями. При этом внедрение цифровых технологий открывает новые перспективы для персонализации учебного процесса, мониторинга здоровья и формирования прикладных навыков. Интеграция мобильных приложений, фитнес-трекеров и виртуальных платформ не только повышает вовлеченность студентов в образовательный процесс, но и формирует у них цифровые компетенции, востребованные в практическом здравоохранении.

Цель статьи – анализ потенциала цифровой трансформации как инструмента реконструкции системы физического воспитания студентов-медиков.

В работе обсуждаются задачи оценки эффективности цифровых технологий в преодолении барьеров физической активности, а также разработка модели балльно-рейтинговой системы оценки, интегрирующей теоретические знания и динамику личных показателей; с обоснованием перехода к профессионально-прикладной подготовке с акцентом на лечебную физкультуру (ЛФК) и спортивную медицину. Научная новизна исследования заключается в синтезе цифровых инноваций и специфики медицинского образования, где физическое воспитание трансформируется в инструмент формирования общекультурных и профессиональных ценностей.

Инновационная модель обучения: путь реформирования физического воспитания в медицинских вузах

С обновлением образовательных концепций и развитием методов обучения постоянно появляются инновационные модели преподавания физического воспитания в вузах, привнося новую жизненную силу и импульс в традиционную систему физического воспитания. Инновационные модели обучения могут не только повысить уровень заинтересованности студентов в обученном процессе, но и развить у них логическое мышление и практические навыки, что имеет большое значение для выявления медицинских

талантов, способных адаптироваться к потребностям современного здравоохранения [1, с. 6].

Обучение на клубной основе является важным направлением реформы физического воспитания в медицинских вузах за последние годы. Во многих медицинских вузах РФ созданы студенческие спортивные клубы (ССК), которые являются базовым звеном реформы системы преподавания спортивных дисциплин. Это помогло достичь хороших результатов и еще больше усилило интерес студентов – медиков к преподаваемым спортивным дисциплинам в вузах. В медицинских вузах активно функционируют ССК, такие как «Адреналин» в ВГМУ им. Н.Н. Бурденко (Воронеж), «ИВМ-спорт» в ИвГМА (Иваново), «Черная мамба» в КубГМУ (Краснодар), «Хаски» в СЗГМУ им. И.И. Мечникова (Санкт-Петербург) и другие. Основными целями этих клубов является привлечение обучающихся к занятиям физической культурой и спортом, воспитание стремления к здоровому образу жизни и поддержка позитивных студенческих инициатив в области охраны здоровья [2, с. 354].

Участие в деятельности спортивных клубов предполагает разделение обучающихся на группы по интересам и спортивным специализациям, с проведением различных форм спортивных занятий и соревнований под руководством профессиональных педагогов. Это не только отвечает индивидуальным потребностям студентов, но и повышает актуальность и эффективность обучения [3, с. 58].

Преимущество ССК заключается в том, что оно позволяет преодолеть временные и пространственные ограничения традиционного физического воспитания и добиться диверсификации и персонализации содержания обучения. Студенты могут выбирать спортивные направления в соответствии со своими интересами и специализацией (секции по баскетболу, футболу, бадминтону, борьбе), и проводить систематическое обучение и тренировки под руководством профессиональных преподавателей. Эта модель позволяет не только улучшить спортивные навыки студентов, но и развить у них командный дух и организационные управленческие способности [4, с. 825].

Помимо реализации выбора физической активности на базе спортивных клубов, важным направлением реформы физического воспитания в медицинских вузах является обучение на основе выбора спортивной специализации. Медицинский университет Анхуй (Anhui Medical University) в полной мере использует свою медицинскую специализацию для изучения органического сочетания мониторинга физической подготовки студентов, общего медицинского образования и традиционной национальной спортивной культуры, содействия развитию «интеграции спорта, образования и медицины», внедрения инноваций в учебную программу «интеграции спорта и медицины» и интеграции физического воспитания в весь процесс подготовки талантов [5, с. 8]. Данная индивидуализированная образовательная модель в области физического воспитания представляет собой систему, ориентированную на удовлетворение специфических потребностей каждого обучающегося. Такой подход предполагает создание множественных образовательных траекторий и вариативного учебного материала, что существенно увеличивает релевантность и результативность педагогического процесса в сфере физической активности и спортивной деятельности.

Однако внедрение инновационных моделей обучения по-прежнему сопряжено со многими трудностями. С одной стороны, отсутствие системных стандартов обучения и оценки приводит к неравномерному качеству физического воспитания в различных медицинских вузах [6, с. 11]. С другой стороны, инновационные

модели обучения требуют увеличения профессорско-преподавательского состава кафедр и обновления материальной базы, что является проблемой для некоторых медицинских вузов ввиду ограниченности ресурсов. Кроме того, данные программы обучения также требуют от преподавателей высоких профессиональных качеств, что предъявляет более высокие требования к уровню их подготовки [7, с. 75].

Усиливая профессорско-преподавательский состав кафедр, модернизируя материальную базу и совершенствуя систему оценок студентов, будет постоянно повышаться качество и эффективность моделей обучения, оказывая мощную поддержку развитию медицинских кадров, способных адаптироваться к потребностям современного здравоохранения.

Расширение возможностей технологий: цифровая трансформация физического воспитания в медицинских вузах

В связи с быстрым развитием и широким применением информационных технологий физическое воспитание в медицинских вузах претерпевает глубокие изменения в условиях цифровой трансформации. Расширение технологических возможностей не только изменило методы и содержание физического воспитания, но и реконструировало сценарии и модели физического воспитания, предоставив новые возможности и шансы для инновационного развития физического воспитания в медицинских вузах [8, с. 5].

В контексте цифровой трансформации новые технологии, такие как интеллектуальные носимые устройства (часы, фитнес – браслеты), технологии виртуальной реальности и искусственный интеллект, все чаще используются в преподавании физкультуры в медицинских вузах. Эти технологии позволяют не только отслеживать данные о физических нагрузках (интенсивность упражнений) обучающихся и показателях макрогомодинамики (ЧСС, АД, ЧДД) в режиме реального времени, но также анализировать уровень физической активности и состояние здоровья студентов, для оказания своевременной медицинской и методической помощи во время учебных занятий [9, с. 47].

Технология виртуальной реальности (VR) – это еще одно важное применение цифрового спортивного образования. Благодаря технологии VR обучающиеся могут участвовать в различных спортивных мероприятиях и соревнованиях в виртуальной среде (футбол, баскетбол, теннис, боулинг) испытывая настоящие спортивные эмоции [10, с. 5]. Данная технология может не только повысить интерес студентов к спортивной жизни вуза, но и воссоздавать различные сложные и опасные спортивные ситуации (катание на горных лыжах, скалолазание), позволяя им тренироваться и приобретать опыт в безопасной среде [11, с. 8].

Искусственный интеллект – еще одно важное применение цифрового спортивного образования. Благодаря технологии искусственного интеллекта система может анализировать и оценивать спортивные движения обучающихся, предоставлять персонализированные рекомендации и руководства по упражнениям, помогать обучающимся исправлять неправильные движения и позы, а также улучшать эффективность и безопасность упражнений [4, с. 9]. В то же время искусственный интеллект может также разрабатывать персонализированные программы упражнений и планов оздоровления на основе данных об упражнениях и состоянии здоровья студентов, чтобы удовлетворять индивидуальные потребности обучающихся [10, с. 3].

Под влиянием цифровой трансформации формы и модели физического воспитания в медицинских вузах также постоянно меняются. Первая цель – перейти от традиционного очного обучения к сочетанию онлайн– и офлайн–обучения, а также обеспечить возможность преподавания физической культуры в любое время и в любом месте с помощью онлайн–платформ и мобильных приложений. Во-вторых, необходимо перейти от передачи отдельных навыков к обучению разносторонним знаниям, а также обогатить содержание и форму преподавания физического воспитания с помощью мультимедиа, геймификации и других методов. Третье – переход от одностороннего обучения под руководством преподавателя к интерактивному обучению, ориентированному на обучающихся, а также повышение уровня участия студентов посредством интерактивных и совместных педагогических мероприятий [1, с. 8].

Многие медицинские и гуманитарные вузы активно изучают и практикуют цифровое спортивное образование. Внедряются медицинские знания в спортивные мероприятия, а клинические навыки – в соревновательные мероприятия, что позволяет обучающимся укреплять свои клинические навыки во время физических упражнений и достигать органической интеграции спорта и медицины [9, с. 49]. Эта модель позволяет не только улучшить спортивные навыки студентов, но и усилить их способность применять профессиональные медицинские знания и добиться глубокой интеграции спорта и медицины [12, с. 35].

К примеру, в Китае, на базе Пекинского института физического воспитания (Beijing Sport University) тщательно развиваются новые междисциплинарные специальности и определены направления исследований, такие как ключевые технологические исследования в области спортивной биомеханики в спортивных тренировках, спортивная психология и исследования в области науки о мозге, а также ключевые технологические исследования в области научного спорта и интеллектуального тестирования и анализа [13, с. 9]. Такого рода исследования могут оказать теоретическую и техническую поддержку интеграции спорта и медицины, а также способствовать глубокой интеграции физического воспитания и медицинского образования [14, с. 220].

Однако, хотя цифровая трансформация открывает новые возможности, она также сопряжена со многими проблемами. С одной стороны, применение технологий требует больших финансовых вложений и применения дорогого оборудования, что является проблемой для некоторых медицинских вузов с ограниченными ресурсами. С другой стороны, применение технологий требует от преподавателей высокой технической грамотности и практических навыков, что предъявляет более высокие требования к подготовке и совершенствованию педагогических кадров [15, с. 6]. Кроме того, технологические приложения также должны учитывать такие вопросы, как безопасность данных и защита конфиденциальности, что предъявляет более высокие требования к стандартизированному использованию и управлению технологиями.

Реконструкция системы оценки физического воспитания в медицинских вузах

Система оценки является важной частью физического воспитания в медицинских вузах. Она не только отражает качество и эффективность обучения, но и определяет направление и цели обучения. С внедрением новых технологий в процесс обучения на кафедрах физического воспитания в медицинских вузах, традиционная система

балльно – рейтинговой оценки оказалась неспособной адаптироваться к потребностям современного медицинского образования. Реконструкция данной системы стала важным вопросом развития курса физического воспитания в медицинских вузах [4, с. 6].

Традиционные формы оценки на кафедрах физического воспитания в основном сосредоточены на спортивных показателях и уровне физической подготовки студентов (бег на 100/500 метров, прыжки в длину, приседания итд), а также на соблюдении стандартов физического здоровья [16, с. 5]. Хотя этот метод оценки и может объективно отражать физическую подготовку студентов, он затрудняет комплексную оценку медицинской и профессиональной грамотности студентов и не может удовлетворять потребностям современного медицинского образования.

Обновление системы балльно – рейтинговой оценки на кафедрах физического воспитания должно осуществляться с учетом трех аспектов: разнообразия, развития и персонализации. Внимание должно уделяться не только спортивным навыкам и уровню физической подготовки обучающихся, но и их профессиональной грамотности. Оценка развития подчеркивает динамичный и непрерывный характер процесса обучения, где упор делается не на текущих успехах студентов, а на потенциале развития и возможностях для совершенствования. Персонализированная система оценок подчеркивает разнообразие и адаптивность методов в соответствии с индивидуальными особенностями и потребностями обучающихся [6, с. 101].

Конкретная реализация системы оценки развития может включать в себя следующие разделы: 1. создание регистрационных записей об антропометрических данных студента (рост, вес, ИМТ), различных достижениях в учебной и спортивной сфере, что даст нам возможность для создания индивидуальной траектории его развития; 2. проведение регулярной оценки достижений с предоставлением обратной связи, что поможет студенту понять свои возможности для улучшения индивидуальных показателей, а преподавателю даст рычаги для формулирования персонального плана обучения и целей развития; 3. внедрение многоуровневой балльно – рейтинговой оценки с применением системы стимулирования [4, с. 7]. В зависимости от индивидуальных особенностей и специфики получаемого образования у обучающихся будет формироваться личностная многоуровневая оценочная система, с четким пониманием своих возможностей и путей реализации собственных компетенций в данной области для дальнейшего прогресса [8, с. 4].

В зависимости от индивидуальных особенностей и успеваемости студентам могут предоставляться различные отзывы и рекомендации по корректировке индивидуальной оценки, которые должны помочь в понимании своих сильных и слабых сторон, для разработки персональной стратегии обучения и плана развития.

Значимость реконструкции системы оценки заключается в том, что она может способствовать повышению качества и оптимизации эффекта физического воспитания в медицинских вузах, а благодаря персонализированным и дифференцированным методам оценки мы можем удовлетворить индивидуальные потребности и возможности всестороннего развития студентов.

Перспективы развития физического воспитания в медицинских вузах

С изменением социальных потребностей и обновлением образовательных концепций физическое воспита-

ние в медицинских вузах претерпевает глубокие изменения и инновации, а тенденции его будущего развития также демонстрируют характеристики диверсификации и сложности. Анализируя современные тенденции развития и практический опыт, можно предвидеть, что будущее физического воспитания в медицинских вузах будет развиваться по следующим направлениям.

Прежде всего, интеграция спорта и медицины станет основной концепцией и основным направлением физического воспитания в медицинских вузах. С трансформацией медицинской модели и расширением концепции здравоохранения интеграция спорта и медицины станет глубже и шире. С одной стороны, физическое воспитание будет уделять больше внимания интеграции медицинских знаний, таких как преподавание и применение знаний по физиологии упражнений, спортивной анатомии и питанию итд. С другой стороны, медицинское образование также будет уделять больше внимания интеграции спортивных концепций, например, распространению и применению на практике таких концепций, как назначение физических упражнений, спортивная реабилитация и спортивное здоровье [5, с. 10]. Такая интеграция будет способствовать взаимопроникновению и взаимному продвижению спорта и медицины, а также воспитанию специалистов, знакомых как с медициной, так и со спортивным здоровьем.

Технологические инновации со временем станут важной движущей силой и направлением развития физического воспитания в медицинских вузах. В связи с быстрым развитием и широким применением информационных технологий новые технологии, такие как интеллектуальные носимые устройства (часы, фитнес-трекеры), технологии виртуальной реальности и искусственный интеллект, будут играть все более важную роль в физическом воспитании в медицинских вузах [10, с. 7]. Данные технологии позволяют не только отслеживать спортивные достижения обучающихся в режиме реального времени, но и анализировать их спортивный статус с оценкой состояния здоровья, предоставляя персонализированные спортивные рекомендации и руководства, отвечающие индивидуальным потребностям студентов [11, с. 4].

Важным направлением и целью физического воспитания в медицинских вузах должно стать личностное развитие. Благодаря обновлению образовательных концепций и инновациям в методах обучения, физическому воспитанию в медицинских вузах необходимо уделять больше внимания, понимая индивидуальные потребности студентов [8, с. 3]. Благодаря разнообразным формам обучения, таким как студенческие спортивные клубы, выбор спортивной специализации и проектное обучение, мы можем удовлетворять различным интересам студентов, способствуя развитию их личности и заинтересованности учебной дисциплиной.

Несомненно, международное сотрудничество станет важным способом и методом физического воспитания в медицинских вузах. С углублением процесса глобализации и увеличением частоты международных обменов физическое воспитание в медицинских вузах будет уделять больше внимания международному видению и глобальным моделям. Благодаря сотрудничеству с всемирно известными медицинскими школами и спортивными колледжами внедряются передовые образовательные концепции и методы для развития медицинских кадров с международным видением и конкурентоспособностью.

Хорошим примером является обмен между Северо-Сичуанским медицинским колледжем (North Sichuan Medical University, Китай) и Школой физического воспитания Юго-Западного медицинского университета

(Southwestern University of Texas, США). Обе стороны выразили готовность использовать этот обмен опытом как возможность для дальнейшего укрепления сотрудничества, совместного изучения новых путей и методов реформирования и развития спортивного образования, а также содействия воспитанию выдающихся спортивных талантов и развитию спортивного образования [17, с. 10]. Также, в 2018 году университеты Малайзии (University of Malaysia) и Великобритании (Newcastle University Medicine) создали программу обмена для студентов второго курса обучения медицинских вузов, где в рамках межкультурного и международного сотрудничества они погрузились в образовательную среду вуза другой страны, и своих интервью поделились особенностями преподавания дисциплин, в том числе физической культуры [18, с. 7]. Подобные сотрудничества предоставляют платформу и пространство для международного развития спортивного образования и способствует обмену и интегративному взаимодействию в области медицины и спорта.

Заключение

Проведенный анализ современных практик показывает, что цифровизация позволяет преодолеть ключевые ограничения традиционного подхода: нехватку времени у студентов, стандартизацию нагрузок и низкую мотивацию. При этом особое внимание уделяется адаптации технологий под потребности обучающихся с ослабленным здоровьем, для которых ЛФК становится основой физического развития. Результаты исследования имеют практическую значимость для разработки образовательных программ, сочетающих здоровьесберегающие технологии с подготовкой к профессиональным вызовам, включая работу в экстремальных условиях.

Физическое воспитание в медицинских вузах и колледжах, несомненно является основным звеном этой социальной ответственности. Профильные вузы, должны в полной мере использовать особенности своей медицинской специализации, исследуя органическое сочетание мониторинга физической подготовки студентов, общего медицинского образования и национальной традиционной спортивной физической культуры, способствуя развитию интеграции спорта, образования и медицины, вводя новшества в учебную программу и объединяя физическое воспитание в весь процесс подготовки студентов – медиков. Такое образование поможет обучающимся обращать внимание на социальные проблемы здравоохранения, участвовать в мероприятиях по укреплению здоровья и вносить вклад в построение здорового общества.

Литература

1. Kljajević, V., Stanković, M., Đorđević, D., Trkulja-Petković, D., Jovanović, R., Plazibat, K., Oršolić, M., Čurić, M., Sporiš, G. Physical Activity and Physical Fitness among University Students-A Systematic Review. *International journal of environmental research and public health*. 2021. Vol. 19(1). Pp. 158. <https://doi.org/10.3390/ijerph19010158>
2. Садовой В.П. Студенческий спортивный клуб как эффективная форма воспитания студенческой молодежи // *Мир науки, культуры, образования*. 2017. № 6 (67). С. 352–354.
3. Решетников А.В., Присяжная Н.В., Решетников В.А., Михайловский В.В. Спорт в жизни студентов медицинских ВУЗов России // *Социология медици-*

ны. – 2021. – Т. 20. – № 2. – С. 55–63. doi: 10.17816/socm100988

4. Gao Y. The role of artificial intelligence in enhancing sports education and public health in higher education: innovations in teaching models, evaluation systems, and personalized training. *Front Public Health*. 2025;13:1554911. doi:10.3389/fpubh.2025.1554911
5. Lyu Z, Hou Y, Wang Y. Research on the Current Situation of College Students' Physical Health under the Background of the Integration of Sports and Medicine. *J Healthc Eng*. 2022, No. 4. Pp. 1581282. doi:10.1155/2022/1581282
6. Shivgulam ME, Petterson JL, Pellerine L, Kivell MJ, Wilson T, Theou O, O'Brien MW. Effectiveness of physical activity counselling and exercise prescription education among medical students: a systematic review. *Can Med Educ J*. 2024. Vol. 15(5). Pp. 95–112. doi: 10.36834/cmej.77065
7. Аверясова Ю. О., Кондраков Г.Б., Витько С.Ю. Профессионально-личностное развитие специалистов по физической культуре и спорту в период модернизации высшего образования // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2016. № 3. С. 73–75.
8. Niu Y. Integrated physical education and medicine in general physical education at universities in the age of educational technologies. *BMC Med Educ*. 2023. Vol. 23(1). Pp. 466. doi:10.1186/s12909-023-04440-9
9. Сурова Н. Ю., Шутова Т.Н., Андрющенко Л.Б., Ростеванов А.Г. Цифровая образовательная среда по физической культуре и спорту в вузе // Теория и практика физической культуры. 2021. № 1. С. 47–49.
10. Richlan F, Weiß M, Kastner P, Braid J. Virtual training, real effects: a narrative review on sports performance enhancement through interventions in virtual reality. *Front Psychol*. 2023 Vol. 14. Pp. 1240790. doi:10.3389/fpsyg.2023.1240790
11. Cariatì I, Bonanni R, Cifelli P, et al. Virtual reality and sports performance: a systematic review of randomized controlled trials exploring balance. *Front Sports Act Living*. 2025. Vol. 7 pp. 1497161. doi:10.3389/fspor.2025.1497161
12. Гурьянов М., Бочарин И., Стельникова И., Бардинская Т. Изучение предпочтительных форм физической активности у иностранных студентов медицинского вуза // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта, 2022. Т. 26, № 2. С. 29–39. DOI: [https://doi.org/10.14258/zosh\(2022\)2.03](https://doi.org/10.14258/zosh(2022)2.03)
13. Niyonsenga C., Shuhong X., Muradov O., Kussainova A., Sebata E. Competition anxiety between participants of individual, dual, and team sports: A comparative study of foreign sports students in Beijing Sport University. *Int J Phys Educ Sports Health*. 2021. Vol. 8(1). Pp. 216–222. DOI: <https://doi.org/10.22271/kheljournal.2021.v8.i1d.2008>
14. Bai, Y., & Yang, X. Prediction and treatment of joint injuries in basketball training based on improved regression algorithm from the perspective of sports biomechanics. *Molecular & Cellular Biomechanics*. 2024. Vol. 21(3). Pp. 258. <https://doi.org/10.62617/mcb258>
15. Будкина А.В., Резер Т.М. Сравнительный анализ российского и западного инструментов диагностики цифровой компетентности педагогов // Современные проблемы науки и образования. 2024. № 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=33330> (дата

обращения: 10.06.2025) DOI: <https://doi.org/10.17513/spno.33330>

16. Духанин Д. С., Глухов А.В. Результаты осуществления студентов по элективным дисциплинам физической культуры и спорта // Творчество и современность. 2019. № 2 (10).
17. Liu Z, Ren Z, Fang L, Liao Y, Ren D, Yu Y, Qin Y, Wu J, Rong P. From the West to the East: an evidence-based educational reform for modern medical students in traditional Chinese medicine learning. *Front Med (Lausanne)*. 2023. No. 10. Pp. 1223614. doi: 10.3389/fmed.2023.1223614.
18. Rothwell, C., Guilding, C., Veasuvalingam, B., McKeegan, K., & Illing, J. Identification of multicultural learning experiences following an international cross campus medical student exchange programme between the UK and Malaysia: a qualitative study. *BMJ open*. 2023. Vol. 13(10). Pp. e072808. <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2023-072808>

DIGITAL TRANSFORMATION OF PHYSICAL EDUCATION OF MEDICAL STUDENTS: INNOVATIONS AND APPLIED TECHNOLOGIES

Pleshchev I.E., Savgachev V.V.

Yaroslav State Medical University

The article considers the multidimensional problem of modernization of physical education in the system of higher medical education. The relevance of the topic is due to the existing contradiction: on the one hand, there is a steady trend towards a decrease in the level of physical fitness and efficiency of medical students in the learning process, and on the other hand, the requirements for their professional competence in health care issues are increasing. A significant number of students have poor health and are unable to meet standard standards, which indicates the insufficient effectiveness of existing physical education programs.

The central place in the work is occupied by the analysis of the potential of digital transformation as a tool for a fundamental change in the methodological approach to teaching the discipline. The impact of modern digital technologies such as mobile health monitoring applications, fitness trackers, and virtual learning platforms is being considered. These tools can increase students' motivation for regular classes, overcoming barriers such as lack of time and intense mental stress typical of medical schools. The introduction of digital solutions contributes not only to increasing physical activity, but also to the formation of necessary digital competencies among future doctors.

The key aspect of the article is a proposal to reconstruct the content and assessment system of physical education. The necessity of shifting the focus to professionally applied physical training, taking into account the specifics of the future activities of medical workers, is substantiated.

Keywords: physical education, artificial intelligence, higher education, medical students, digital transformation, sports medicine.

References

1. Kljajević V., Stanković M., Đorđević D., Trkulja-Petković D., Jovanović R., Plazibat K., Oršolić M., Čurić M., Sporiš G. Physical Activity and Physical Fitness among University Students-A Systematic Review. *International journal of environmental research and public health*. 2021. Vol. 19(1). Pp. 158. <https://doi.org/10.3390/ijerph19010158>
2. Sadovoy V.P. Student sports club as an effective form of education for students // The world of science, culture, and education. 2017. No. 6 (67). pp. 352–354.
3. Reshetnikov A. V., Prisyazhnaya N.V., Reshetnikov V.A., Mikhailovsky V.V. Sport in the life of students of medical universities in Russia // *Sociology of medicine*. 2021. Т. 20. No. 2. Pp. 55–63. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17816/socm100988>
4. Gao Y. The role of artificial intelligence in enhancing sports education and public health in higher education: innovations in teaching models, evaluation systems, and personalized training.

- ing. *Front Public Health*. 2025;13:1554911. doi:10.3389/fpubh.2025.1554911
5. Lyu Z, Hou Y, Wang Y. Research on the Current Situation of College Students' Physical Health under the Background of the Integration of Sports and Medicine. *J Healthc Eng*. 2022, No. 4. Pp. 1581282. doi:10.1155/2022/1581282
 6. Shivgulam ME, Petterson JL, Pellerine L, Kivell MJ, Wilson T, Theou O, O'Brien MW. Effectiveness of physical activity counselling and exercise prescription education among medical students: a systematic review. *Can Med Educ J*. 2024. Vol. 15(5). Pp. 95–112. doi: 10.36834/cmej.77065
 7. Averyasova Yu. O., Kondrakov G.B., Vitko S.Y. Professional and personal development of specialists in physical culture and sports during the modernization of higher education // *Physical culture: upbringing, education, training*. 2016. No. 3. pp. 73–75.
 8. Niu Y. Integrated physical education and medicine in general physical education at universities in the age of educational technologies. *BMC Med Educ*. 2023. Vol. 23(1). Pp. 466. doi:10.1186/s12909-023-04440-9
 9. Surova N. Yu., Shutova T.N., Andryushchenko L.B., Rostevanov A.G. Digital educational environment for physical culture and sports in higher education institutions // *Theory and practice of physical culture*. 2021. No. 1. pp. 47–49.
 10. Richlan F, Weiß M, Kastner P, Braid J. Virtual training, real effects: a narrative review on sports performance enhancement through interventions in virtual reality. *Front Psychol*. 2023 Vol. 14. Pp. 1240790. doi:10.3389/fpsyg.2023.1240790
 11. Cariati I, Bonanni R, Cifelli P, et al. Virtual reality and sports performance: a systematic review of randomized controlled trials exploring balance. *Front Sports Act Living*. 2025. Vol. 7 pp. 1497161. doi:10.3389/fspor.2025.1497161
 12. Guryanov M., Bocharin I., Strelnikova I., Bardinskaya T. Study of preferred forms of physical activity among foreign students of a medical university // *Human health, theory and methodology of physical culture and sports*. 2022. T. 26, No. 2. pp. 29–39. DOI: [https://doi.org/10.14258/zosh\(2022\)2.03](https://doi.org/10.14258/zosh(2022)2.03)
 13. Niyonsenga C., Shuhong X., Muradov O., Kussainova A., Sebata E. Competition anxiety between participants of individual, dual, and team sports: A comparative study of foreign sports students in Beijing Sport University. *Int J Phys Educ Sports Health*. 2021. Vol. 8(1). Pp. 216–222. DOI: <https://doi.org/10.22271/kheljournal.2021.v8.i1d.2008>
 14. Bai, Y., & Yang, X. Prediction and treatment of joint injuries in basketball training based on improved regression algorithm from the perspective of sports biomechanics. *Molecular & Cellular Biomechanics*. 2024. Vol. 21(3). Pp. 258. <https://doi.org/10.62617/mcb258>
 15. Budkina A.V., Rezer T.M. Comparative analysis of russian and western tools for diagnosing digital competence of teachers // *Modern problems of science and education*. 2024. No. 2. [Electronic resource]. Access mode: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=33330> (access date: 10/06/2025) DOI: <https://doi.org/10.17513/spno.33330>
 16. Dukhanin D. S., Glukhov A.V. The results of students' performance in elective disciplines of physical culture and sports // *Creativity and modernity*. 2019. No. 2 (10).
 17. Liu Z, Ren Z, Fang L, Liao Y, Ren D, Yu Y, Qin Y, Wu J, Rong P. From the West to the East: an evidence-based educational reform for modern medical students in traditional Chinese medicine learning. *Front Med (Lausanne)*. 2023. No. 10. Pp. 1223614. doi: 10.3389/fmed.2023.1223614.
 18. Rothwell, C., Guilding, C., Veasuvalingam, B., McKeegan, K., & Illing, J. Identification of multicultural learning experiences following an international cross campus medical student exchange programme between the UK and Malaysia: a qualitative study. *BMJ open*. 2023. Vol. 13(10). Pp. e072808. <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2023-072808>

Формирование профессионального мировоззрения курсантов военных вузов в контексте безопасности и суверенитета России в условиях ментальной войны

Ракитянская Анжела Ивановна,

кандидат философских наук, доцент, кафедра истории и философии, ФБГВО ВО «Военно-космическая академия им. А.Ф. Можайского» Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: Rakityanskayaspb@mail.ru

В современном мире ментальная война становится неотъемлемой частью стратегии государств. Ментальная безопасность представляет собой состояние защищенности индивидуального, группового и общественного сознания от деструктивных внешних и внутренних воздействий, которые могут привести к искажению ценностно-смысловых ориентиров, подрыву традиционных для данного общества духовно-нравственных устоев и дезинтеграции социума. Умение адекватно воспринимать и анализировать информационные потоки формирует личность, готовую к вызовам современности. Курсантам военных вузов необходимо осознать, что их профессиональное мировоззрение – это не просто набор знаний, а стратегический ресурс для защиты безопасности и суверенитета России. В статье представлены комплексный подход и механизмы внедрения разнообразных форм работы в военных вузах по формированию профессионального мировоззрения у курсантов, которые включают в себя теоретические основы духовно-нравственных и патриотических ценностей в условиях ментальной войны.

Ключевые слова: профессиональное мировоззрение, суверенитет государства, ментальная безопасность, военное образование, философия «воинского служения», концепция «военного этоса», концепция «морального солдата», искусство войны.

В условиях глобальных вызовов и угроз современности формирование профессионального мировоззрения курсантов военных вузов России приобретает особое значение. Каждый будущий офицер не только осваивает профессиональные навыки, но и становится носителем ценностей, которые влияют на ментальную безопасность и суверенитет страны.

Профессиональное мировоззрение включает в себя систему представлений, убеждений и идеалов, которые определяют действия и поведение военнослужащего. Основной задачей военных образовательных учреждений является воспитание курсантов как стойких защитников Отечества, обладающих глубокими знаниями о национальной безопасности и своей роли в ее обеспечении.

В контексте военной профессии, формирование профессионального мировоззрения курсантов можно рассматривать через призму ряда философских концепций:

1. Концепция «военного этоса» Сэмюэля Хантингтона. Согласно ей, военные обладают особой системой ценностей, включающей в себя профессионализм, корпоративность, консерватизм и чувство долга перед государством. Эти ценности противопоставляются «гражданскому этосу» и формируют специфическую военную культуру [3].
2. Философия «воинского служения» Георгия Федотова. Он рассматривал военную службу как особый вид духовного подвижничества, основанный на самопожертвовании, чести и верности долгу. Такое мировоззрение предполагает высокую мотивацию к защите Отечества [2].
3. Концепция «морального солдата» Майкла Уолцера. Она акцентирует внимание на необходимости формирования у военнослужащих моральных убеждений, позволяющих им отличать законные и незаконные приказы, а также действовать в соответствии с нормами международного права [1].
4. В восточной философии (например, в трактате Сунь-Цзы «Искусство войны») большое внимание уделяется стратегическому мышлению, умению управлять людьми и ситуацией. Профессиональное мировоззрение здесь связано с глубоким пониманием законов войны и способностью их применять.
5. В западной философии (например, у Платона в «Государстве») также обсуждается роль военных в обществе, их особая этика и ценности. Профессиональное мировоззрение тут может включать представления о долге, чести, дисциплине; так же интересно было бы обратиться к идеям Макиавелли, который рассматривал вопросы формирования сильного государства и роли вооруженных сил в этом процессе. Он подчеркивал важность воспитания в солдатах таких качеств, как дисциплина, верность и готовность к самопожертвованию. При этом Макиавелли не отрицал роль религии, но считал, что она должна служить интересам государства, а не наоборот.

Образование в военных вузах имеет свои особенности, которые направлены на подготовку специалистов, способных принимать ответственные решения в условиях стресса и неопределенности. Важное значение имеют:

1. Курсы по военной теории и практике. Они развивают критическое мышление и позволяют курсанту понять, как теория может быть применена на практике.

Академические дисциплины, отражающие исторический и культурный контекст. Знание истории своей страны, включая победы и трагедии, формирует у курсантов осознание места России в мире.

2. Формирование ценностей и убеждений. Процесс формирования ценностей включает в себя несколько этапов:

- Индивидуальное восприятие. Каждый курсант, проходя обучение, сталкивается с множеством влияний, включая преподавателей, однокурсников и внешнюю среду.
- Групповая динамика. Взаимодействие внутри учебной группы способствует формированию общих ценностей и убеждений, таких как братство, доверие и взаимопомощь.
- Переживание опыта. Участие в учебных заданиях и полевых выходах создает условия для эмоционального и психического роста курсантов, что положительно сказывается на их мировоззрении.

Противники России активно пытаются внедрять в сознание молодежи, в том числе будущих офицеров, ложные представления о роли Вооруженных Сил, их месте в обществе, а также подрывать традиционные российские ценности и патриотизм. Здесь важно понимать, что профессиональное мировоззрение курсантов формируется не только в стенах военного вуза, но и под влиянием семьи, религии, культуры, исторического опыта и других факторов. Семья формирует базовые ценности, убеждения. Семья закладывает основу мировоззрения, которое затем развивается в военном вузе. Часто сохраняет преемственность поколений в выборе профессии. Религия влияет на формирование духовно-нравственных ориентиров. Так же важно, чтобы военное образование не противоречило, а дополняло и укрепляло религиозные и этические принципы курсантов. Это связано с тем, что военная служба имеет свою специфику, которая требует особого мировоззренческого подхода. Курсанты должны не только обладать теоретическими знаниями, но и уметь применять их на практике, действовать в экстремальных ситуациях, принимать ответственные решения и т.д. Ведь помимо получения узкопрофессиональных знаний и навыков, курсанты проходят через систему воспитания, которая призвана сформировать у них четкое понимание роли Вооруженных Сил, их места в обществе, а также систему ценностей, необходимых для военной службы.

Ментальная безопасность подразумевает защиту духовных и информационных ценностей личности и общества от негативных воздействий, способных привести к дезориентации и утрате идентичности. В условиях информационной агрессии и внешнего давления, ментальная безопасность становится ключевым элементом суверенитета государства. В современных геополитических условиях, когда информационные войны становятся все более распространенным явлением, особенно важно обеспечить защиту сознания и мировоззрения будущих офицеров. Представим некоторые примеры информационно-психологических угроз для курсантов:

1. Пропаганда чуждых ценностей и идеологий, направленная на подрыв патриотизма и веры в российские государственные институты. Целенаправленное внедрение в сознание курсантов ложных ценностей, норм и установок, противоречащих традиционным для военной службы. Снижение мотивации к военной службе, а в конечном итоге – на ослабление обороноспособности и суверенитета страны.

2. Использование манипулятивных приемов, таких как апелляция к эмоциям, упрощение сложных вопросов, создание «образа врага» и т.д. Это позволяет формировать у курсантов предвзятое, искаженное восприятие. Распространение дезинформации и «фейковых» новостей, способных посеять сомнения в правильности выбранного профессионального пути. Дезинформация и распространение ложных сведений о деятельности Вооруженных Сил, их задачах и роли в обществе. Это может включать в себя искажение фактов, умолчание важной информации, а также прямую ложь. Избирательная подача информации, когда освещаются только негативные или спорные аспекты деятельности военных, при этом замалчиваются их достижения и позитивная роль.
3. Попытки подорвать доверие между курсантами и их командирами, подорвать доверие к руководству. Здесь важную роль играют религиозные и философские воззрения. Курсанты могут исповедовать различные религии, что может приводить к конфликтам на религиозной и национальной почве. Задача военного образования – найти баланс, сформировать общие ценности, основанные на уважении к человеческой жизни, патриотизме и готовности к самопожертвованию ради защиты Родины, при сохранении религиозной и культурной идентичности каждого.

Важно также отметить, что в современных условиях, когда информационно-психологические угрозы становятся все более актуальными, военные вузы должны уделять особое внимание формированию «ментальной безопасности» курсантов. Это предполагает, в том числе, противодействие различным манипулятивным технологиям, которые могут использоваться для формирования ложных представлений о роли Вооруженных Сил и их месте в обществе.

Далее представим рекомендации для укрепления безопасности и суверенитета России в условиях ментальной войны:

1. Формирование нового культурного кода – экранного. Социальные сети – это мощный инструмент для продвижения брэндинга страны, вуза, профессии в современном мире. Выбор социальных сетей, которые подходят для конкретной аудитории, создание контента, который будет привлекать внимание и удерживать интерес пользователей и т.д.
2. Формирование бренда государства. Бренда – идентичность (brand identity) – это совокупность элементов, которые создают уникальный образ бренда государства, страны и позволяют отличать его от других брендов, работает на массовое сознание социума.
3. Формирование и сохранение общенациональной идеи посредством культурных кодов, которая определит главный вектор развития, его высший смысл, характеризующий предназначение и судьбу нашей цивилизации.
4. Использовать массовые мероприятия: организация мероприятий и выставок, конференций и фестивалей привлекут внимание к стране, ее культуре, традициям, истории и т.д.
5. Применять агитационные методы. Стимулировать развитие культуры и искусства, чтобы привлечь внимание населения. Создание документальных фильмов по тематике: суть и предпосылки СВО; герои России конца XX–XXI вв. (биографические, о каждом поименно); Россия в военных конфликтах конца XX–XXI вв., ее миссия в данном конфликте. Данные фильмы транслировать на уроках, классных часах, показывать вместо рекламы перед показом фильмов в кинотеатрах, на переменах показывать.

Так же называть вновь образованные населенные пункты, школы, улицы именами героев.

6. В развитии системы образования, обучения и воспитания проводить тренинги и деловые игры, моделирующие ситуации, связанные с защитой национальных интересов и ценностей. Это позволит курсантам отработать практические навыки принятия решений в данной сфере. Ввести в учебный план компьютерные игры, разработанные по заказу Минобразования и Министерства обороны РФ (Военные стратегии – это поджанр стратегий, в которых абсолютно весь геймплей строится вокруг наращивания военного преимущества и уничтожения противника. Большинство таких игр посвящено различным военным конфликтам – часто они являются вымышленными – и их разрешению. Игры этого поджанра могут быть как стратегиями в реальном времени, так и пошаговыми). В интервью.
7. Формирование коллективизма у курсантов военных вузов в современных условиях. Приобщение курсантов к системе ценностей, а не только к выполнению профессиональных обязанностей военнослужащего. Подобный подход к воспитанию офицера, к формированию гуманистической направленности личности, поскольку в этом случае возрастает ответственность ценностных ориентаций для выработки жизненных принципов будущего командира в условиях угроз и вызовов современному обществу.
8. Введение в образовательный процесс через образовательные программы литературные произведения, чтение которых способствует развитию уважительного и особенного отношения к истории героизма своего народа в различные эпохи.
9. Разработать и ввести в образовательную программу военных вузов дисциплину «ментальные войны: теория и история», расширить курс гуманитарных дисциплин или количество часов, или ввести как модуль в такие дисциплины как «культурология», «геополитика» и т.д.
10. Организовать всероссийский с международным участием интеллектуально-патриотический турнир «Патриоты России» для курсантов высших учебных заведений, с учетом междисциплинарных связей гуманитарных дисциплин.
11. Организовывать встречи и дискуссии с ведущими учеными, политиками, военными экспертами, чтобы курсанты могли познакомиться с различными взглядами на проблему ментальной безопасности и суверенитета.
12. Поощрять научно-исследовательскую деятельность курсантов по тематике ментальной безопасности. Это будет способствовать развитию их аналитических способностей и критического мышления.
13. Организовывать регулярные встречи и беседы с ветеранами, героями России, чтобы передавать молодому поколению опыт и традиции военной службы.
14. Военные учебные заведения должны являться опорным институтом государства, источником идеологии служения Отечеству. Так, например, М.М. Сперанский сформировал в новом учебном заведении, Императорском Царскосельском лицее, новую систему подготовки чиновников: их, по мысли автора проекта, должны отличать «широчайшие знания, умение мыслить и стремление трудиться для блага России. В первом пункте Лицейского Устава изложено «Учреждение Лицея имеет целью образование юношества, особенно предназначенного к важным частям службы государственной».

Таким образом, формирование профессионального мировоззрения у курсантов военных вузов требует мно-

гогранного подхода, который включает в себя теоретические основы ментальной безопасности, анализ духовно-нравственных и патриотических ценностей, а также внедрение разнообразных механизмов работы. Это не только способствует подготовке высококвалифицированных специалистов, но и формирует личностей, способных защищать и развивать суверенитет России в условиях современных вызовов и является важнейшей задачей военного образования.

Литература

1. Куманьков А.Д. Эволюция концепции справедливой войны в работах М. Уолцера // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-kontseptsii-spravedlivoy-voyny-v-rabotah-m-uoltsera> (дата обращения: 21.04.2025).
2. Федотов Г.П. Собрание сочинений: в 12 томах / Г.П. Федотов; [сост., примеч., вступ. ст.: С.С. Бычков]. – Москва: Мартис: SAM end SAM, 1996-. / Т. 8: Святые Древней Руси. – 2000. – 266 с.
3. Хантингтон С. Офицерская служба как профессия // Отечественные записки. 2002. № 8. <https://strana-oz.ru/2002/8/oficerskaya-sluzhba-kak-professiya/> (Дата обращения: 19.05.2025)

FORMATION OF PROFESSIONAL WORLDVIEW OF CADETS OF MILITARY UNIVERSITIES IN THE CONTEXT OF SECURITY AND SOVEREIGNTY OF RUSSIA IN THE CONDITIONS OF MENTAL WAR

Rakityanskaya A.I.

Military Space Academy named after A.F. Mozhaisky

In the modern world, mental warfare is becoming an integral part of state strategy. Mental security is a state of protection of individual, group and public consciousness from destructive external and internal influences that can lead to distortion of value-semantic guidelines, undermining of traditional spiritual and moral foundations for a given society and disintegration of society. The ability to adequately perceive and analyze information flows forms a personality ready for the challenges of modern times. Cadets of military universities need to realize that their professional worldview is not just a set of knowledge, but a strategic resource for protecting the security and sovereignty of Russia. The article presents a comprehensive approach and mechanisms for implementing various forms of work in military universities to form a professional worldview in cadets, which include the theoretical foundations of spiritual, moral and patriotic values in the context of a mental war.

Keywords: professional worldview, state sovereignty, mental security, military education, philosophy of "military service", concept of "military ethos", concept of "moral soldier", art of war.

References

1. Kumankov A.D. Evolution of the concept of a just war in the works of M. Walzer // Bulletin of Adyghe State University. Series: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies. 2012. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-kontseptsii-spravedlivoy-voyny-v-rabotah-m-uoltsera> (date of access: 21.04.2025).
2. Fedotov G.P. Collected Works: in 12 volumes / G.P. Fedotov; [compiled, notes, introduction: S.S. Bychkov]. – Moscow: Martis: SAM end SAM, 1996-. / Т. 8: Saints of Ancient Rus'. – 2000. – 266 p.
3. Huntington S. Officer service as a profession // Otechestvennyye zapiski. 2002. No. 8. <https://strana-oz.ru/2002/8/oficerskaya-sluzhba-kak-professiya/> (Accessed: 19.05.2025)

Возможности применения агент-ориентированного моделирования в социологии управления

Табакос Георгий Максимович,

независимый исследователь

E-mail: tabakovtabakovtabakovgosha@mail.ru

Актуальность данной статьи обусловлена формированием новых социальных и технологических условий, не позволяющих решать проблемы социологии управления применяемой ранее методологией. В частности, чрезвычайное умножение информации, создаваемой человечеством ежегодно, значительно затрудняет, как анализ трудовых процессов в обществе (социология управления), так и принятие кадровых решений на уровне организации (кадровая аналитика). Наука, получившая возможность пользоваться искусственным интеллектом, алгоритмами работы с большими данными, пока не может создавать такие аналитические системы, которые бы могли совершенствовать подготовку и принятие кадровых решений в масштабе от отдельной организации до общества в целом. Автор предлагает перейти к формированию новой методологии решения научных проблем на основе метода агент-ориентированного моделирования, разработанного российскими учёными под руководством В.Л. Макарова и А.Р. Бахтизина.

Ключевые слова: социология управления, кадровая аналитика, агент-ориентированное моделирование, суперкомпьютеры, новейшие аналитические системы.

Период 2020–2025 поставил перед отечественной социологией управления новые задачи. Как известно, данная наука описывает различные общественные процессы в рамках практической деятельности менеджеров. Принято считать, что первые попытки измерения и научного отражения процессов труда предпринимали около ста лет назад Ф. Тейлор, Э. Мейо и др. Однако, современные западные учёные указывают, что в данных теориях возникло ещё одно научно-практическое направление – кадровая аналитика. Под ней понимают систематический сбор, анализ и применение информации о сотрудниках, либо кандидатах на вакантное место в интересах бизнеса [3, с.480–483]. Джон Феррар и Дэвид Грин отмечали в 2021 году, что попытки Тейлора измерить трудовые операции на его предприятиях – это рождение HR-аналитики [11, с. 335]. К началу XXI века кадровая аналитика развивалась в рамках психологических теорий, концепции управления человеческими ресурсами. Построение HR-метрик, сбор информации о сотрудниках из разных источников стали повсеместными. Стоит отметить, что именно в 2010х социология управления и кадровая аналитика сближаются максимально. Именно в это время, по причинам резкого развития информационных технологий и происходит «второе рождение» кадровой аналитики, озаглавленное выходом научной статьи Съерд ван ден Хёвеля, Тани Бондарук «Взлёт или падение HR-аналитики» [15]. В своей работе учёные отметили умножение исследований на тему кадровой аналитики. Специалисты в области компьютерной обработки информации с то же самое время прогнозировали резкое её количественное увеличение – до 35.000 экзабайт (40,3 зеттабайт) в 2020 году [5, с. 252–262]. Что фактически обозначает увеличение общего количества информации, созданной человечеством на текущий момент, в 29 раз каждые десять лет. На практике оказалось ещё больше – 64,2 зеттабайта (2020), 181 зетта байт (2025) [1]. В этом случае успешное решение задач, стоящих перед социологией управления и кадровой аналитикой без новейших аналитических систем невозможно. Крупнейший российский учёный В.Л. Макаров обосновал тезис о том, что изучать процессы в управленческих и социальных системах можно через построение агент-ориентированных моделей (далее – АОМ), позволяющих смоделировать поведение некоторых агентов с использованием компьютерной симуляции [4, с. 252].

В.Л. Макаров и А.Р. Бахтизин указывают, что мощности персонального компьютера для обработки больших массивов информации не хватит – нужны суперкомпьютеры [4, с. 253]. Последние обладают оперативной памятью, способной проводить расчёты и имитацию поведения в масштабах, близких к населению всей планеты или отдельных стран. За период с 2016 по 2025 год учёные создали множество новейших программных продуктов, решающих проблемы социологии управления или кадровой аналитики сугубо технологически. Их исследование представляется весьма актуальным, так как сможет дать теоретикам и практикам управления персоналом результативные инструменты анализа социальных процессов любого масштаба. Объект настоящей работы: пробле-

мы высоких объемов информации в кадровой аналитике и социологии управления в 2020х. Предмет исследования технологические преимущества программных продуктов для построения АОМ, созданных в мире с 2016 по 2025 годы. Цель настоящей работы: выявление преимуществ программного обеспечения для построения АОМ, позволяющих решать проблемы кадровой аналитики и социологии управления. Для достижения цели важно решить ряд задач по исследованию публикаций российских и иностранных учёных, выявлению преимуществ компьютерных программ, сравнению их между собой.

Исследование общественных процессов с помощью моделирующих программных средств активно велось уже в середине 2010х. В.Л. Макаров, А.Р. Бахтизин, Е.Д. Сушко высоко оценивали результативность программ для анализа мировых социальных, экономических и технологических подсистем (Futur ICT, EURACE), моделирования распространения пандемии (US National Model), имитации моделей рынка (EMCAS). Поиски новых, более перспективных программных моделей, позволяющих анализировать огромные массивы, данных начались в 2016 году, когда В.Л. Макаров обосновал тезис о применимости к решению данной задачи суперкомпьютеров [5]. Тогда же в мировой науке попытались сформулировать требования к ПО для построения агент-ориентированных моделей.

Группа ирландских исследователей в начале 2017 года опубликовала объёмную статью, описывающую все существующие на тот момент программные продукты для построения АОМ [4, с. 1–21]. Авторы классифицировали их по нескольким критериям: программный код, тип исследуемых агентов, операционная система и др. Однако, в контексте настоящего исследования наиболее показательным является такой критерий, как масштаб моделируемых социально-экономических процессов. Ведь практика управления персоналом в середине 2020х показывает, что сегодня максимально увеличилась необходимость использования HRM – системы управления персоналом, приложения для работы с Big Data – большими данными и средства визуализации информации [6, с. 37]. Аналитические методы, применяемые в данных программах и системах – весьма обширны (от простых статистических до сложных алгоритмов машинного обучения). Вообще, технологии искусственного интеллекта значительно расширяют возможности кадровой аналитики именно в стратегическом смысле.

Среди моделей, описанных в статье ирландских исследователей, можно выделить те, которые способны моделировать поведение агентов в среднем и в большом масштабе. [7, с. 19]. Ведь имитацию социальных процессов в обществе или на предприятии могут производить не только специалисты агент-ориентированного моделирования, а простые HR или социологи. С. Абар и К.Т. Георгиос признают, что критерий проработанности будущей имитационной модели – гораздо важнее. По их мнению, к 2017 году появилось множество программ для создания АОС, в которых были заранее созданы шаблоны агентов, встроены библиотеки процедур, внедряемые в имитационные модели. Но даже такое масштабное исследование программных продуктов для создания АОМ привело авторов к мысли о том, что пользователи должны, прежде всего, учитывать тонкие настройки, которые могут значительно повлиять на полученный результат моделирования.

Анализ открытых источников позволяет отметить, что в период с 2017 по 2022 год теоретические исследования в области программного обеспечения для построения АОМ практически не велись. Некоторые исследова-

тели эпизодически публиковали свой взгляд на то, какие именно программные продукты лучше всего подходят для построения агент-ориентированных моделей. Список таких приложений значительно сократился с моменты выхода уже упомянутого обзора С. Абара и К.Т. Георгиоса. Так, пользователь сети Венди Камачо в 2023 году опубликовала свой взгляд на проблему практики построения АОМ [10], в котором сравнила наиболее часто используемые приложения по следующим характеристикам: основной домен, поддержка, лицензия, язык программирования, операционная система, поддерживаемые функции, спутниковые возможности, возможности 3d построения, дата последнего обновления. В контексте настоящей статьи наиболее корректно будет рассмотреть программные приложения, описанные В. Камачо, именно в контексте наиболее позднего обновления, последней версии. Так как совершенствование программы может свидетельствовать к вниманию пользователей и разработчиков к ней. Следовательно, по состоянию на 2022 год для построения АОМ чаще всего применяют (дата последнего обновления показана в скобках) всего около 7–8 приложений.

В статье также перечислены и ранее обновлённые программные приложения, однако угасший к ним пользовательский интерес показывает низкую актуальность их изучения. А.В. Брагин, А.Р. Бахтизин, В.Л. Макаров в 2022 году вводят определение «заброшенные» программы, подразумевая те программные продукты, для которых не создано сайта, чей программный код нельзя восстановить и они более не продаются [2]. Были рассмотрены технические характеристики тех программ, последняя версия которых вышла в период с 2017 года по настоящее время.

Важнейшим технологическим преимуществом программного обеспечения для построения АОМ в 2025 году является объём моделируемых процессов (максимальное количество агентов и связей). Программа должна быть средой, в которой можно создавать и комбинировать десятки (сотни) тысяч агентов, связи между ними, задавать десятки характеристик. В этом случае, приложение позволит решить практически любую задачу агент-ориентированного моделирования. Стоит отметить бурное развитие компьютерных игр, вызванное эволюцией приложений для создания АОМ. Поставленная изначально научная задача имитации поведения максимума агентов в некоторой среде сегодня всё чаще реализуется наоборот: максимум действий и проявлений поведения одного персонажа. Немаловажную роль в этом процессе играет технология машинного обучения и ИИ. Что создаёт бурный научный интерес социологии управления в части экспериментального рассмотрения (моделирования) процессов, протекающих в обществе. HR-аналитики заинтересованы в том же на уровне предприятий, так как результативная агент-ориентированная модель подскажет им, в каком подразделении предприятия находится проблема, поможет проиграть сценарии её решения.

Литература

1. Бегин А. (2025). Сколько данных создается каждый день? [URL: <https://incliend.ru/data-create-stats/>]. – (дата обращения: 01.05.2025);
2. Брагин А.В., Бахтизин А.Р., Макаров В.Л. Современные программные средства агент-ориентированного моделирования. Искусственные сообщества. 2022. Т. 17. Вып.4 [https://artsoc.jes.su/s207751800023501–0–1/] (дата обращения: 01.05.2025);

3. Линецкий Н.А. Определение HR-аналитики и ее соотношение с бизнес-аналитикой. Молодой ученый. 2022. № 24 (419). 480–483;
4. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Сушко Е.Д., Васенин В.А., Борисов В.А., Роганов В.А. Агент-ориентированные модели: мировой опыт и технические возможности реализации на суперкомпьютерах. Вестник Российской Академии наук. 2016. Т. 86. № 3. 252–262;
5. В. Л. Макаров, А.Р. Бахтизин, Е.Д. Сушко (2016) Моделирование социально-экономических процессов с использованием суперкомпьютерных технологий. М: ИСЭРТ РАН;
6. Промина М.А. Использование HR-аналитики в оптимизации кадровых процессов. Вестник науки. 2025. № 1 (82). 35–40;
7. Abar S., Georgios K.T., Lemarinier P., O'Hare G.M.P. Agent Based Modelling and Simulation tools: A review of the state-of-art software. Computer Science Review. 2017. № 3. 1–21;
8. Agentscript [URL: <https://agentscript.org/>] – (дата обращения: 01.05.2025);
9. Archive of Previous Soar Releases [<https://soar.eecs.umich.edu/downloads/soar/archive/>]. – (дата обращения: 01.05.2025);
10. Camacho, Wendi. Comparison of agent-based modeling software [<https://www.questionai.com/knowledge/kbe2ba5WU6-comparison-of-agent-based-modeling-software/>]. – (дата обращения: 01.05.2025);
11. Ferrar J., Green D. (2021) Excellence in People Analytics. London, New York: KoganPage;
12. GAMA.Version 1.9.3 [URL: <https://gama-platform.org/wiki/Home>] – (дата обращения: 01.05.2025);
13. Laird, John E. Introduction to Soar. Researchgate. 2022 [https://www.researchgate.net/publication/360482511_Introduction_to_Soar] – (дата обращения: 01.05.2025);
14. Luke S., Cioffi C., Panait L., Sullivan K.M. Mason: A new multi-agent simulation toolkit. ResearchGate. 2004 [https://www.researchgate.net/publication/246772166_Mason_A_new_multi-agent_simulation_toolkit] – (дата обращения: 01.05.2025);
15. Sjoerd van den Heuvel, Tanya Bondarouk, “The rise (and fall?) of HR analytics: A study into the future application, value, structure, and system support” // Journal of Organizational Effectiveness People and Performance. 2017. 4 (2);
16. StarLogo Nova [<https://www.slnova.org/>] – (дата обращения: 01.05.2025).

THE POSSIBILITIES OF APPLYING AGENT-BASED MODELING IN THE SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Tabakov G.M.

The relevance of this article is due to the formation of new social and technological conditions that do not allow solving the problems of management sociology using the previously used methodology. In particular, the extreme multiplication of information created

by humanity every year significantly complicates both the analysis of labor processes in society (management sociology) and personnel decision-making at the organizational level (personnel analytics). Science, which has gained the opportunity to use artificial intelligence and algorithms for working with big data, cannot yet create analytical systems that could improve training and personnel decision-making on a scale from an individual organization to society as a whole. The author suggests moving on to the formation of a new methodology for solving scientific problems based on the agent-based modeling method developed by Russian scientists led by V.L. Makarov and A.R. Bakhtizin.

Keywords: management sociology, HR analytics, agent-based modeling, supercomputers, the latest analytical systems.

References

1. Abar S., Georgios K.T., Lemarinier P., O'Hare G.M.P. Agent Based Modelling and Simulation tools: A review of the state-of-art software. Computer Science Review. 2017. № 3. 1–21;
2. Agentscript [URL: <https://agentscript.org/>] – (date of request: 01.05.2025);
3. Archive of Previous Soar Releases [<https://soar.eecs.umich.edu/downloads/soar/archive/>]. – (date of request: 01.05.2025);
4. Begin A. (2025). How much data is created every day? [URL: <https://inclient.ru/data-create-stats/>]. – (date of request: 05/01/2025);
5. Bragin A.V., Bahtizin A.R., Makarov V.L. Modern software tools for agent-based modeling. Iskustvennyye soobshchestva. 2022. T.17. Vyp.4 [<https://artsoc.jes.su/s207751800023501-0-1/>] – (date of request: 01.05.2025);
6. Camacho, Wendi. Comparison of agent-based modeling software [<https://www.questionai.com/knowledge/kbe2ba5WU6-comparison-of-agent-based-modeling-software/>]. – (date of request: 01.05.2025);
7. Ferrar J., Green D. (2021) Excellence in People Analytics. London, New York: KoganPage;
8. GAMA.Version 1.9.3 [URL: <https://gama-platform.org/wiki/Home>] – (date of request: 01.05.2025);
9. Laird, John E. Introduction to Soar. Researchgate. 2022 [https://www.researchgate.net/publication/360482511_Introduction_to_Soar] – (date of request: 01.05.2025);
10. Lineckij N.A. Definition of HR analytics and its relation to business analytics. Molodoj uchenyj. 2022. № 24 (419). 480–483;
11. Luke S., Cioffi C., Panait L., Sullivan K.M. Mason: A new multi-agent simulation toolkit. ResearchGate. 2004 [https://www.researchgate.net/publication/246772166_Mason_A_new_multi-agent_simulation_toolkit] – (date of request: 01.05.2025);
12. Makarov V.L., Bahtizin A.R., Sushko E.D., Vasenin V.A., Borisov V.A., Roganov V.A. Agent-based models: global experience and technical possibilities of implementation on supercomputers. Vestnik Rossijskoj Akademii nauk. 2016. T. 86. № 3. 252–262;
13. V. L. Makarov, A.R. Bahtizin, E.D. Sushko (2016) Modeling of socio-economic processes using supercomputer technologies. M: ISERT RAN;
14. Promina M.A. The use of HR analytics in optimizing HR processes. Vestnik nauki. 2025. № 1 (82). 35–40;
15. Sjoerd van den Heuvel, Tanya Bondarouk, “The rise (and fall?) of HR analytics: A study into the future application, value, structure, and system support” // Journal of Organizational Effectiveness People and Performance. 2017. 4 (2);
16. StarLogo Nova [<https://www.slnova.org/>] – (date of request: 01.05.2025).

Трансдисциплинарные исследования в публичном управлении: проблема концептуально-методологических оснований

Ушаков Евгений Владимирович,

к.ф.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС Санкт-Петербург)
E-mail: e_uszakow@mail.ru

Трансдисциплинарные исследования сегодня активно применяются в самых различных областях, в том числе в области публичного управления для решения важнейших проблем общественной жизни. По определению, трансдисциплинарные исследования призваны преодолевать дисциплинарные барьеры, а также привлекать к исследованиям специалистов-практиков и широкую общественность с целью получения новых идей, знаний, решений. Существует широкое разнообразие проводимых сегодня исследований, которые характеризуют как трансдисциплинарные. При этом концептуальные и методологические основы таких исследований остаются недостаточно проясненными. В статье рассматриваются такие вопросы, как разновидности трансдисциплинарных исследований, уровни достижения трансдисциплинарного видения решаемых проблем, а также проблема участия непрофессионалов для создания новых знаний. Для развития данных исследований требуется дальнейшая разработка концептуальных и методологических основ трансдисциплинарности.

Ключевые слова: публичное управление, наука и общество, трансдисциплинарные исследования, взаимодействие науки и практики, методология социальных наук.

Для решения сложнейших проблем в различных областях современной общественной жизни традиционные подходы, основанные на дисциплинарных знаниях и опыте деятельности в рамках конкретной специальности, часто оказываются недостаточными. Все большую популярность приобретают подходы, позволяющие интегрировать разные дисциплины, преодолеть сложившиеся профессиональные барьеры. В этой связи все шире применяются междисциплинарные подходы, которые в целом представляют собой обширный класс, в котором принято выделять мультидисциплинарные, собственно междисциплинарные и трансдисциплинарные подходы. При этом трансдисциплинарные подходы в известном смысле имеют наибольшую инновационную направленность.

Мультидисциплинарные подходы представляют собой, как правило, совместное участие нескольких дисциплин при работе над какой-то проблемой, однако при этом не происходит пересечения специальностей, а проблема рассматривается в разных ракурсах (например, изучаются экологические, демографические, экономические и т.п. аспекты одной и той же проблемы). Междисциплинарные подходы нацелены на интеграцию дисциплин с целью получения некоторого совместного, синтетического результата. В этом случае новые знания, решения и т.п. формулируются в общем поле, объединяющем несколько специальностей.

Трансдисциплинарный подход, как следует из его названия, ориентирован на преодоление дисциплинарных границ вообще и, более того, может привлекать внешние, т.е. ненаучные знания, точки зрения, представления и т.п. При этом внешними участниками в конкретных трансдисциплинарных проектах могут выступать специалисты-практики (например, из сферы публичного управления), а также более широкий круг «непрофессионалов» (граждан, представителей общественности, правозащитных движений и т.п.).

Трансдисциплинарный подход изначально нацелен на создание принципиально новых идей, решений, методов. Предложено много определений данного подхода.

Так, согласно мнению Дж. Клейн и соавт., основная идея трансдисциплинарности заключается в том, что различные академические дисциплины совместно с практиками работают над решением реальной проблемы; эту идею можно применять в самых разных областях. [1]

Другое определение характеризует трансдисциплинарные исследования как интеграцию знаний и взаимное обучение между заинтересованными участниками из академической и неакадемической сфер. [2, p.1]

В литературе также отмечается, что трансдисциплинарным исследованиям, как правило, присущи следующие четыре ключевые черты: (1) связь с социально значимыми проблемами; (2) выход за рамки дисциплинарных парадигм; (3) проекты исследования, основанные на участии; (4) поиск объединяющего знания [3].

По мнению Кристиана Пола и Гертруды Хирш Хадорн, трансдисциплинарные исследования направлены на выявление, структурирование, анализ и решение проблем в проблемных областях со стремлением (1) понять

актуальную сложность подлежащей решению проблемы, (2) принять во внимание разнообразие жизненного мира и научных представлений о проблемах, (3) объединить абстрактные и конкретные знания, (4) развивать знания и практику для достижения того, что понимается как общее благо. [4]

Однако следует отметить, что в целом пока отсутствует единое понимание сущности трансдисциплинарного подхода. [5] Этому способствует и то обстоятельство, что сегодня проводится большое разнообразие трансдисциплинарных исследований в самых разных формах.

Трансдисциплинарные исследования и разработки применяются в настоящее время в самых различных проблемных областях. Примерами могут служить: устойчивое развитие (например, формирование устойчивых городов), адаптация к изменениям климата, городское планирование, городская мобильность, решение различных проблем социальной политики, развитие сельских местностей и сельского хозяйства и многое другое.

Один из ярких примеров подобных исследований за рубежом – Швейцарская горная программа (1979–1987) (The Swiss MaB Mountain Programme) в рамках всемирной программы ЮНЕСКО «Человек и биосфера» (MaB). Швейцарский проект был направлен на охрану горных экосистем, а также на экономическое развитие в горных районах. При его реализации был использован (в том числе) трансдисциплинарный подход. [6]

С недавнего времени в литературе появилось такое понятие, как трансдисциплинарность для трансформации (transdisciplinarity for transformation). В этом концепте отражается необходимость проведения различных изменений в социальных, экологических, административных, технологических и других системах для решения актуальных общественных проблем. Однако такие изменения должны быть основаны на совместном, инклюзивном создании лучших знаний – процессе, который может преодолевать профессиональные барьеры и включать различные круги заинтересованных участников. [7]

Несмотря на растущую популярность трансдисциплинарного подхода, остается немало вопросов относительно его концептуальных и методологических основ. Так, в ряде работ отмечалась вызывающая удивление скудость исследований в области оснований трансдисциплинарности. [8], [9]

Например, до сих пор нет четкой картины того, какие вообще имеются разновидности трансдисциплинарных исследований.

С нашей точки зрения, можно различать трансдисциплинарные проекты в слабом и сильном смысле (в соответствии с получаемыми в этих проектах результатами).

Трансдисциплинарное исследование (или проект) в слабом смысле означает то, что его результатом может быть некоторое удовлетворяющее решение какой-либо (локальной) проблемы, разработанное посредством ресурсов нескольких дисциплин (с привлечением, возможно, внеаучных ресурсов). Как правило, это в большей степени характерно для прикладных проектов и разработок.

Трансдисциплинарность в сильном смысле означает то, что в результате исследования (исследований) производится новое знание, ценное само по себе, которое может, соответственно, применяться для решения других проблем (то есть имеет определенную степень генерализуемости). Более того, такое знание даже может стать основой для развития самостоятельной новой области знаний и разработок – как, например, это характерно для таких областей, как устойчивое развитие или адаптация к изменениям климата.

Трансдисциплинарные проекты в сильном смысле в целом характерны для более теоретически ориентированных исследований (но не только).

Как правило, это различие может отражаться и в исходной точке зрения в отношении решаемой проблемы.

Для слабой версии трансдисциплинарного подхода начальное предположение может состоять в том, что сама постановка проблемы, а также поиск решения в рамках какой-либо конкретной дисциплины являются изначально недостаточными, поэтому для продвижения в данном направлении необходимо взаимодействие нескольких дисциплин.

Дополнительный тезис слабой версии состоит в том, что для решения проблемы недостаточно только научных представлений; поэтому необходимо по крайней мере учитывать другие (внеаучные) формы знания и опыта и синтезировать их с научными в рамках единого исследования.

Для сильной версии исходный принцип заключается в том, что решение проблемы изначально следует искать, преодолевая дисциплинарные рамки, т.е. создавая с самого начала некоторое новое интеллектуальное пространство.

Как правило, для практических нужд публичного управления достаточно слабой версии трансдисциплинарных исследований, т.е. ориентации просто на решение конкретных проблем, которое, однако, может преодолевать различные профессиональные барьеры.

В любом случае, при проведении трансдисциплинарного исследования, даже если не было найдено эффективное решение исходной проблемы, ценным результатом может быть уже само ее новое видение. И здесь возможны различные градации, отражающие прирост пользы по сравнению с начальной проблемной ситуацией. Кратко рассмотрим эти потенциальные уровни трансдисциплинарного видения.

Во-первых, это может быть расширенное понимание проблемы по сравнению с более традиционным: например выявление новых связей, которые не были учтены в прежнем подходе. Примером может служить растущее понимание зависимости здоровья общества от здоровья дикой природы (что, в частности, ясно представлено в международном движении «Единое здоровье») [10]. Кроме того, это может быть также рассмотрение более обширного диапазона вариантов проблемы (в том числе с учетом внеаучных составляющих).

Во-вторых (на втором уровне), возможно достижение многомерного видения, при котором эксплицитно формируются и удерживаются в едином поле зрения различные измерения или аспекты проблемы – например, экономические, социальные, экологические и т.д.

С практической точки зрения, при проведении конкретного исследования, следовало бы в начале выбирать некоторый минимум подобных измерений (аспектов), который предполагается необходимым (по крайней мере на данном этапе исследования) для адекватного понимания проблемы и разработки подходов к ее решению.

Третий уровень – это интегрированное видение, при котором различные измерения или аспекты проблемы (или решения) организованы в виде единой системы и объединены посредством различных связей, взаимных влияний, структурных отношений и т.п.

В практическом плане это может означать разработку скоординированной, многоаспектной политики, то есть согласованной с точки зрения различных релевантных аспектов.

Наконец, четвертый уровень трансдисциплинарного понимания характерен для проблем особой сложности

(сверхсложных). Проблемы подобного рода могут изменяться, динамически развиваться, для них могут быть характерны явления самоорганизации, эмерджентности и т.п. Достигнутое видение в целом как раз и означает адекватное понимание сверхсложности данной проблемы.

В частности, это означает признание того, что различные (используемые для интерпретации текущей проблемы) схемы, теоретические модели, фреймворки имеют лишь вспомогательное, операционное значение и не охватывают всей сложности проблемы. Поэтому мы должны быть готовы при необходимости отбросить их, заменить или дополнить другими моделями и т.п. На практике это может быть связано с текущей политикой и поступающими данными о её результатах, или в связи с фактами, свидетельствующими об изменении самой проблемы, характера ее динамики, о более сложной природе проблемы, чем это предполагалось ранее, и т.д.

Таким образом, возможны различные варианты достижения нового видения проблемы, что само по себе может стать основой для дальнейшей выработки решения (или серии решений, развертываемой комплексной политики и т.п.). При этом существенную роль в формировании такого видения, согласно идеям трансдисциплинарности, играет вклад представителей вненаучных сфер.

Однако следует отметить, что участие непрофессионалов является отдельной темой в обсуждениях проблем трансдисциплинарных исследований. Конечно, на практике непрофессионалы часто привлекаются для обсуждения возможных решений, выражения своих предпочтений, точек зрения, ценностей – и это само по себе имеет важнейшее значение. Однако на более глубоком уровне сам принцип трансдисциплинарности идет гораздо дальше и предполагает большее. А именно: получение с участием непрофессионалов совершенно нового типа знаний, сочетающего как научные, так и ненаучные компоненты. И это является довольно дискуссионной темой.

В этой связи возникают по крайней мере следующие вопросы: каково должно быть содержание знаний нового типа, и по каким критериям они должны оцениваться? Что касается критериев оценки, то здесь обсуждению подлежат такие возможные регулятивы, как научная валидность, социальная робастность, различные ценностно ориентированные параметры, критерии практической применимости, релевантности, эффективности и др.

Относительно содержания таких знаний тоже остается существенная неопределенность. Что предполагается под новым типом знаний? Либо это преимущественно научное знание, скорректированное с учетом вненаучных точек зрения, либо это какое-то комбинированное знание, в котором за одни аспекты отвечает научный дискурс, за другие – вненаучные составляющие. Либо, возможно, это некоторый эффективный симбиоз научного познания со своего рода житейской мудростью, представляющий собой искомое единство науки и практики. Возможны и другие варианты соотношения научных и ненаучных компонентов в трансдисциплинарных знаниях.

При этом, с учетом того, насколько высоко развитой и специализированной является современная наука, эффективность взаимодействия ученых и непрофессионалов для создания интегрированного нового знания вряд ли можно назвать очевидной. Поэтому в литературе имеются и критические высказывания в отношении возможности интеграции разнородных знаний в единое целое. [11]

Таким образом, в отношении трансдисциплинарных исследований остается множество вопросов. Требуется дальнейшая разработка самих концептуальных оснований трансдисциплинарности. Данная тема включает такие аспекты, как новые формы взаимоотношений науки и общества, соотношение научных и ненаучных знаний, производство комбинированных знаний и их оценка и др. Кроме того, необходимо дальнейшее развитие методологии трансдисциплинарных исследований и разработок, наращивание практического опыта их проведения, а также применения их результатов для решения актуальных общественных проблем.

Литература

1. Klein J.T., Grossenbacher-Mansuy W., Häberli R., Bill A., Scholz R.W., Welti M. Transdisciplinarity: Joint Problem Solving among Science. An Effective Way for Managing Complexity, Birkhäuser Verlag, Basel, 2001
2. Patoniti N.P., Stevens N.J., Salmon P.M. A sociotechnical systems approach to understand complex urban systems: A global transdisciplinary perspective. Human Factors and Ergonomics in Manufacturing & Service Industries. 2018; 1–16
3. Pohl C. From Transdisciplinarity to Transdisciplinary Research. Transdisciplinary Journal of Engineering & Science, 1, 2010.
4. Pohl C., Hirsch Hadorn G. Principles for Designing Transdisciplinary Research, Proposed by the Swiss Academies of Arts and Sciences. Oekom, München, 2007
5. Jahn T., Bergmann M., Keil F. Transdisciplinarity: Between mainstreaming and marginalization. Ecological Economics, 2012, 79, 1–10
6. Messerli B., Messerli P. From Local Projects in the Alps to Global Change Programmes in the Mountains of the World: Milestones in Transdisciplinary Research // Handbook of Transdisciplinary Research / Hirsch Hadorn G., Hoffmann-Riem H., Biber-Klemm S., Grossenbacher-Mansuy W., Joye D., Pohl, C., Wiesmann U., Zemp E. (Eds.). London: Springer, 2008
7. Transdisciplinarity for Transformation Responding to Societal Challenges through Multi-actor, Reflexive Practices / Regeer B.J., Klaassen P., Broerse J.E. W. (Eds.). Springer Nature, 2024
8. Wiek A. Challenges of transdisciplinary research as interactive knowledge generation—experiences from transdisciplinary case study research. GAIA – Ecological Perspectives for Science and Society, 2007, 16, 52–57.
9. Höchtl F., Lehninger S., Konold W. Pure theory or useful tool? Experiences with transdisciplinarity in the Piedmont Alps. Environmental Science & Policy 2006, 9, 322–329.
10. Planetary Health – Laws, Policies and Science on the ‘One Health’ Approach / Antonelli G, Penna F., Chaturvedi E., Cilento A. (Eds.). Springer Nature 2025
11. Klenk N., Meehan K. Climate change and transdisciplinary science: Problematising the integration imperative. Environmental Science & Policy 2015, 54 160–167.

TRANSDISCIPLINARY RESEARCH IN PUBLIC ADMINISTRATION: THE PROBLEM OF CONCEPTUAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS

Ushakov E.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Transdisciplinary research is currently being actively applied in a wide variety of fields, including public administration, to address the most pressing issues in society. By definition, transdisciplinary

research aims to overcome disciplinary barriers and engage practitioners and the public in order to generate new ideas, knowledge, and solutions. There is a wide variety of research being conducted today that is characterized as transdisciplinary. However, the conceptual and methodological foundations of such research remain insufficiently clarified. The article discusses issues such as the kinds of transdisciplinary research, the levels of achieving a transdisciplinary vision of the problems being solved, and the issue of involving non-professionals in creating new knowledge. Further development of the conceptual and methodological foundations of transdisciplinarity is required to advance such research.

Keywords: public administration, science and society, transdisciplinary research, science – practice interaction, social sciences methodology.

References

1. Klein J.T., Grossenbacher-Mansuy W., Häberli R., Bill A., Scholz R.W., Welti M. Transdisciplinarity: Joint Problem Solving among Science. An Effective Way for Managing Complexity, Birkhäuser Verlag, Basel, 2001
2. Patorniti N.P., Stevens N.J., Salmon P.M. A sociotechnical systems approach to understand complex urban systems: A global transdisciplinary perspective. *Human Factors and Ergonomics in Manufacturing & Service Industries*. 2018; 1–16
3. Pohl C. From Transdisciplinarity to Transdisciplinary Research. *Transdisciplinary Journal of Engineering & Science*, 1, 2010.
4. Pohl C., Hirsch Hadorn G. Principles for Designing Transdisciplinary Research, Proposed by the Swiss Academies of Arts and Sciences. Oekom, München, 2007
5. Jahn T., Bergmann M., Keil F. Transdisciplinarity: Between mainstreaming and marginalization. *Ecological Economics*, 2012, 79, 1–10
6. Messerli B., Messerli P. From Local Projects in the Alps to Global Change Programmes in the Mountains of the World: Milestones in Transdisciplinary Research // *Handbook of Transdisciplinary Research / Hirsch Hadorn G., Hoffmann-Riem H., Biber-Klemm S., Grossenbacher-Mansuy W., Joye D., Pohl, C., Wiesmann U., Zemp E. (Eds.). London: Springer, 2008*
7. Transdisciplinarity for Transformation Responding to Societal Challenges through Multi-actor, Reflexive Practices / Regeer B.J., Klaassen P., Broerse J.E. W. (Eds.). Springer Nature, 2024
8. Wiek A. Challenges of transdisciplinary research as interactive knowledge generation—experiences from transdisciplinary case study research. *GAIA – Ecological Perspectives for Science and Society*, 2007, 16, 52–57.
9. Höchtl F., Lehringer S., Konold W. Pure theory or useful tool? Experiences with transdisciplinarity in the Piedmont Alps. *Environmental Science & Policy* 2006, 9, 322–329.
10. Planetary Health – Laws, Policies and Science on the ‘One Health’ Approach / Antonelli G, Penna F., Chaturvedi E., Cilento A. (Eds.). Springer Nature 2025
11. Klenk N., Meehan K. Climate change and transdisciplinary science: Problematising the integration imperative. *Environmental Science & Policy* 2015, 54 160–167.

Трансформация социального менеджмента в Китае: от конфуцианских традиций к «социализму с китайской спецификой»

Цзо Жуйчао,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: 871630364@qq.com

В статье рассматриваются вопросы, связанные с процессом трансформации социального менеджмента в Китае при построении новой модели государства. Автор статьи подчеркивает важность конфуцианских традиций при формировании нового облика правового государства. Отмечается, что конфуцианские идеи направлены на формирование гармоничного развития общества и государства, создание правопорядка, эффективной системы управления. Рассмотрены основные принципы реализации идеи «жэнь» при построении социалистического государства в Китае. Определены основные идеи, заложенные в конфуцианских традициях. Рассмотрено положительное и отрицательное влияние конфуцианских традиций на формирование социалистического государства в Китае. Разработана модель социалистического государства в основе, которой заложены конфуцианские традиции, которая включает в себя пять основных этапов: формирование структуры государственного устройства на основе подчинения личных интересов коллективным; формирование механизма социального менеджмента; разработка стратегии стабильности и роста; управление государством с помощью морали; обеспечение гармоничного развития в стране. Практическая ценность данной модели заключается в том, что она может быть использована при планировании и прогнозировании государственной деятельности, а также при разработке политики социального менеджмента.

Ключевые слова: трансформация; социальный менеджмент; Китай; конфуцианские традиции; культура; социализм; специфика.

Введение

Китай в своем развитии прошел длительный этап трансформации социального менеджмента, начиная от возникновения конфуцианских традиций к «социализму с китайской спецификой». На протяжении данной периода возникали как падения, так и подъемы в социальном развитии. Важнейшей задачей при построении социалистического государства является минимизация отрицательных факторов и максимальное использование позитивных сторон. Создание необходимых условий для формирования новой модели государства в Китае явился важной задачей для правительства и общества в целом. Это определяет актуальность темы исследования, ее теоретическую и практическую значимость.

Проблематика исследования заключается в том, что несмотря широкий круг исследований, посвященной данной проблеме отдельные вопросы являются малоизученными. В частности, требует внимания к изучению вопрос о влиянии конфуцианских традиций на формирование новой модели построения государства.

Литературный обзор

Вопросы, касающиеся трансформации социального менеджмента в Китае: от конфуцианских традиций к «социализму с китайской спецификой» рассматривали различные ученые, среди которых можно отметить труды Большакова Ю.М., Дерюгина П.П., Лебединцева Л.А., Веселова Л.С., Иванова А.И., Шевченко В.Н., Ван М., Тянь Чэньшань, Фэн Дуншань и других. Считаем необходимым продолжить данное исследование и более подробно остановиться на изучении отдельных вопросов темы.

Результаты и обсуждения

Социалистическая форма китайского государства с одной стороны, является формой интеграции основных положений марксизма и сочетания реальной китайской действительности, а с другой стороны она объединяет древние китайские традиции, ценности с современной действительностью [4, с. 130].

В современных условиях развития на фоне глобальных мировых перемен и вызовов происходит трансформация социальных процессов и управления в Китае, а также формирование новой модели государственного устройства с китайской спецификой. Важное значение имеет сохранение исторических традиций и ценностей в основе которых лежат идеи конфуцианства.

Конфуцианская идея является основой традиционной китайской культуры, с ее богатым содержанием и наследием. Данная идея оказала большое влияние на сознание китайского народа, его поведение, а также развитие многих политических, экономических, социальных процессов [10, с. 31]. Важно отметить, что после проведения ряда реформ Китай приступил к формированию нового социалистического государства. Однако, процесс построения нового государства должен опираться на традиции, культуру народа, учитывать внутренние возможности страны. Различные китайские ученые по-разному

оценивают идеи конфуцианства при формировании нового облика страны. Так, например, профессор Чэнь Юн-лянь считает, что конфуцианские идеи противоречат механизму формирования правового государства, а также оказывают негативное влияние на понимание традиционной китайской культуры. Напротив, Грациан отмечал, что построение новой модели государства невозможно без опоры на традиции и культуру китайского народа. Он отмечал, что «правовая система – это не мёртвая оболочка: она укоренена в прошлом и простирается в будущее». Можно согласиться с точкой зрения данного ученого и отметить, что конфуцианские традиции играют ключевую роль на пути к подлинному правовому государству, поскольку в них заложены исторические основы развития, культура и менталитет народа [9, с. 10].

Следует отметить, что в основе конфуцианских традиций заложены три основные идеи:

1) первая идея заключается в определении единства Неба и человека (небо рассматривается как гармоничная система с определенным порядком, а человек стремится к установлению гармонии между своей личностью и Небом);

2) вторая идея – человеколюбия («Жэнь» (仁) – это гуманистическое начало, связанное с моральным самосознанием, самодисциплиной и нравственным воспитанием. Эта идея способствует социальной стабильности и поддержке правопорядка);

3) третья идея – идея «золотой середины» (中庸), которая выступает основным инструментом по развитию и управлению миром, достижения в нем гармонии и правопорядка, а также гармоничного развития [3, с. 124].

Важно отметить, что данные идеи объединяются в единую целостную систему, которая с одной стороны, направлена на организацию эффективного процесса управления в новом государстве, а с другой стороны, объединению нравственных, гуманных проявлений политики управления, доброты, человечности, понимания и т.д.

В основе конфуцианской идеи лежит идея «жэнь», которая определяется как идея гуманного управления обществом и государством, реализации важных принципов, таких как добродетель, милосердие, сострадание, осторожное применение наказаний и т.д. На Рис. 1 наглядным образом представлены основные принципы реализации идеи «жэнь» при построении социалистического государства в Китае [6, с. 11].

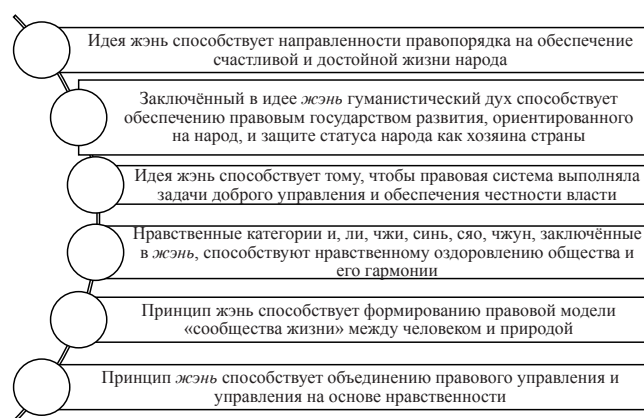

Рис. 1. Основные принципы реализации идеи «жэнь» при построении социалистического государства в Китае

Источник: составлено автором.

Далее рассмотрим положительное влияние конфуцианских традиций на формирование социалистического государства в Китае. В китайских конфуцианских

традициях большое внимание уделяется рассмотрению политической роли народа и признанию его значимости в обществе. Кроме того, народ играет решающую роль в управлении страны [1, с. 195]. Следующим основным моментом в рамках конфуцианских традиций является предъявление требований к правителям действовать в интересах народа, принимать эффективные решения, учитывая их мнения и т.д. Также имеет место критика абсолютной монархии и стремление к расширению политических прав народа. Таким образом, признание роли и значимости народа в управлении государством и обществом нашло свое отражение в политике народоцентризма, в основу которого заложены демократические принципы.

Наличие конфуцианских идей в политике народоцентризма оказывает положительное влияние на процесс управления обществом, его гармоничное развитие, внутреннее устройство и миропорядок [8, с. 27].

Следующее положительное влияние выражается в влиянии единства Неба и сознания человека на формирование экологического правосознания. С точки зрения социологии человек и природа являются неразделимыми по своей сути. С этим связано возникновение конфуцианской идеи прямого влияния на процесс управления экологическим правосознанием человека и общества в целом, выделении и сохранении в нем духовного, культурного, социального начала.

Из самой идеи конфуцианства также вытекает идея управления обществом и государством на основе личного примера и нравственности. В основе такого управления должен лежать принцип добродетели, основанной на понимании, добре, чистоте. Конфуций придерживался идеи врожденной доброты человека от природы. Мэнцзы прямо утверждал, что у человека от рождения есть чувства сострадания, стыда, уважения и различения добра и зла. Эти «четыре начала» являются источником 仁 (гуманности), 义 (справедливости), 礼 (этикета) и 智 (мудрости) – основ, дарованных человеку Небом. Управление через добродетель оказывает положительное влияние на формирование новой модели государства в Китае.

Однако, несмотря на положительное влияние конфуцианских традиций на формирование новой модели государственного устройства и систему управления существует ряд отрицательных воздействий, которые проявляются в следующем [5, с. 4]. Во-первых, конфуцианские идеи и традиции основаны на стремлении к социальной целостности, а, следовательно, к коллективному формированию общественных благ, что снижает ценность индивидуальных ценностей человека. Таким образом, конфуцианский подход основан на идее коллективизма, а не на формировании индивидуального культа личности человека. Во-вторых, конфуцианские идеи и традиции являются препятствием для формирования и развития демократического сознания. Демократическое сознание является основным началом развития любого общества. Оно предполагает свободу и равенство в отношении прав и обязанностей людей в обществе, выражение своих мыслей и идей. В-третьих, негативное влияние конфуцианских идей проявляется в процессе управления. Это проявляется в процессе противостояния личностного управления правовому управлению. Личностное управление направлено на воздействие на волю человека, или узкого круга лиц, которые стоят у власти. В противоположность личностному управлению правовое управление направлено на широкий охват общественной сферы жизни, включая социальное развитие и процессы.

Важно отметить, что Конфуций был против политики жесткого управления обществом и государством. Он считал, что в основе управления должно быть положено

гуманное начало и добродетель. Только таким способом можно достичь поставленных целей и задач, процветания государства и благополучия народа [2, с. 53]. Как правило, политика управления имеет свою особенность, которая заключается в том, что представители власти очень часто злоупотребляют своими полномочиями, превращая ее в инструмент личной выгоды. Следовательно, необходимо осуществлять контроль не только в сфере обеспечения правопорядка в обществе, но и контроль над самой властью. Наказывать тех, кто пользуется своим служебным положением.

На протяжении всей истории развития Китая произошла трансформация социального менеджмента при создании новой модели государственного устройства.

В Китае в 1997 году Цзянь Цзэминь впервые сформулировал стратегию построения социалистического государства на основе закона права и морали. Согласно данному закону правовое и моральное управление представляют собой единые эффективные инструменты для развития общества и поддержания в нем порядка. Мораль является основополагающей основой духовного начала и способствует формированию прочной основы для правового управления.

В современных условиях в Китае Си Цзиньпин при отборе кадров управления обозначил ряд четких критериев, которые должны быть соблюдены, к их числу можно отнести следующие:

- 1) честность при принятии государственных и управленческих решений;
- 2) решительность в своих намерениях и действиях;
- 3) трудолюбие и желание служить народу.

Кроме того, в целях обеспечения надлежащего правопорядка в стране Си Цзиньпин активно проводит антикоррупционную политику, совершенствуя законодательство, меры пресечения противозаконных действий и т.д. Также Си Цзиньпин подчеркивает важность формирования социалистических ценностей в обществе как основу создания современного социалистического государства. Он указывает на то, чтобы укреплять чувство патриотизма, патриотического духа народа, призывает общество к ответственности за свои действия и поступки. Только таким образом, по его мнению, можно добиться успехов и сформировать крепкую структуру социалистического государства [7, с. 213].

В данной статье разработана модель социалистического государства в основе, которой заложены конфуцианские традиции. Данная модель включает в себя пять основных этапов (Рис. 2).

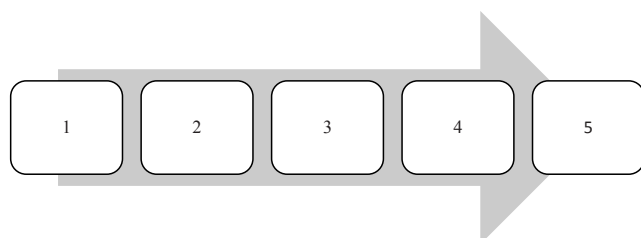

Рис. 2. Модель социалистического государства на основе идей конфуцианства

Источник: составлено автором.

- 1 – Формирование структуры государственного устройства на основе подчинения личных интересов коллективным;
- 2 – Формирование механизма социального менеджмента на основе идей Конфуцианства;
- 3 – Разработка стратегии стабильности и роста;
- 4- Управление государством с помощью морали;

5 – Обеспечение гармоничного развития в стране.

Считаем, что данная может быть использована при разработке политики социального менеджмента, а также при осуществлении процесса планирования и прогнозирования государственной деятельности. Основными ожидаемыми результатами от ее реализации в будущем должны стать: формирование социалистического государства в основе которого будут заложены идеи конфуцианства, повышение уровня экономического роста и развития, снижение политической напряженности и достижение стабильности деятельности, процветание страны в целом.

Считаем, что формирование новой модели социалистического государства с китайской спецификой является достаточно сложным процессом, который зависит от большого числа внутренних и внешних факторов (экономических, политических, социальных и т.д.), развитой системы управления, учета традиций. Основной задачей правительства Китая при формировании новой модели государства важно минимизировать влияние негативных факторов и усилить влияние положительных факторов для того, чтобы максимально сохранить конфуцианские традиции, ценности, обеспечить эффективный правопорядок в обществе. Конфуцианские традиции играют важную роль в построении социалистического государства с китайской спецификой в современных условиях. Поскольку именно древние традиции являются объединяющим началом для многих людей, их сплочения, появления общих интересов и ценностей.

Заключение

Можно сделать вывод, что в условиях современных глобальных вызовов произошло переосмысление многих подходов к формированию новой модели государства, а также системе социального менеджмента в Китае. Уникальность древних китайских традиций, в основе которых заложены идеи конфуцианства явились отражением культуры китайского народа, его ценностей, взглядов. Следовательно, сформировались предпосылки для образования новой модели социалистического государства с китайской спецификой. В таком государстве должны преобладать гуманистические принципы управления, основанные на социальном единоначалии; учитываться взгляды и мнения людей, достигнута справедливость и равенство в обществе. В современных условиях Китай показывает передовой опыт формирования нового миропорядка и новой модели построения государства в основе, которой заложены конфуцианские идеи и принципы.

Литература

1. Большакова Ю.М. Трансформация стратегий менеджмента в системе корпоративного управления Китая // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера. 2024. № 2. С. 195–205.
2. Ван М. Теоретические основы национальных особенностей китайского менеджмента // Научный аспект. 2023. № 12. С. 53–59.
3. Дерюгин П.П., Лебединцева Л.А., Веселова Л.С. Векторы становления китайской социологии: прагматическая направленность, сохранение традиции // Социологические исследования. 2018. № 7 (411). С. 124–134.
4. Иванов А.И. Социальные и гуманитарные науки в Китае: от догоняющего развития к борьбе за глобальную гегемонию // Россия и АТР. 2023. № 2. С. 130–155.

5. Лукьянов К.Е. Институт Конфуция // Социология. 2024. № 3. С. 4–17.
6. Пивоварова Э.П. Социализм с китайской спецификой в новую эпоху // Социология. 2024. № 1. С. 11–19.
7. Тащилин А.Л. Роль конфуцианства в трансформации политической элиты современного Китая // Теории и проблемы политических исследований. 2019. № 1. С. 213–219.
8. Тянь Чэньшань. Путь к социализму с китайской спецификой. Альпина Паблшер. 2024. 138 с.
9. Фэн Дуншань Влияние конфуцианской идеи гармонии на строительство социалистической правовой системы с китайской спецификой // Юридическое образование. 2013. С. 10–12.
10. Шевченко В.Н. Исторический опыт социалистического Китая и теорий формаций К. Маркса // Философские науки. 2019. № 12. С. 31–42.

TRANSFORMATION OF SOCIAL MANAGEMENT IN CHINA: FROM CONFUCIAN TRADITIONS TO «SOCIALISM WITH CHINESE CHARACTERISTICS»

Zuo Ruichao

St. Petersburg State University

The article deals with the issues related to the process of transformation of social management in China while building a new model of the state. The author of the article emphasizes the importance of Confucian traditions in the formation of a new image of the rule of law. It is noted that Confucian ideas are aimed at the formation of harmonious development of society and state, creation of law and order, effective system of management. The basic principles of the realization of the idea of “zhen” in the construction of the socialist state in China are considered. The basic ideas laid down in Confucian traditions are defined. The positive and negative influence of Confucian traditions on the formation of the socialist state in China is considered. The model of the socialist state is developed, which is based on Confucian traditions and includes five main stages: formation of the structure of the state structure on the basis of

subordination of personal interests to collective ones; formation of the mechanism of social management; development of the strategy of stability and growth; management of the state with the help of morality; provision of harmonious development in the country. The practical value of this model is that it can be used in planning and forecasting of state activity, as well as in the development of social management policy.

Keywords: transformation; social management; China; Confucian traditions; culture; socialism; specificity.

References

1. Bolshakova Yu.M. Transformation of management strategies in China's corporate governance system // Corporate governance and innovative development of the economy of the North. 2024. No. 2. pp. 195–205.
2. Wang M. Theoretical foundations of the national characteristics of Chinese management // Scientific aspect. 2023. No. 12. pp.53–59.
3. Deryugin P.P., Lebedintseva L.A., Veselova L.S. Vectors of the formation of Chinese sociology: pragmatic orientation, preservation of tradition // Sociological research. 2018. No. 7 (411). pp. 124–134.
4. Ivanov A.I. Social and humanitarian sciences in China: from catching up development to the struggle for global hegemony // Russia and the Asia-Pacific Region. 2023. No. 2. pp. 130–155.
5. Lukyanov K.E. Confucius Institute // Sociology. 2024. No. 3. pp.4–17.
6. Pivovarova E.P. Socialism with Chinese characteristics in the new era // Sociology. 2024. No. 1. pp.11–19.
7. Tashchilin A.L. The role of Confucianism in the transformation of the political elite of modern China // Theories and problems of political research. 2019. No. 1. pp.213–219.
8. Tian Chenshan. The path to socialism with Chinese characteristics. Alpina Publisher. 2024. 138 p.
9. Feng Dongshan The influence of the Confucian idea of harmony on the construction of a socialist legal system with Chinese characteristics // Legal education. 2013. pp.10–12.
10. Shevchenko V.N. Historical experience of socialist China and K. Marx's theories of formations // Philosophical Sciences. 2019. No. 12. pp. 31–42.

Успешности как целеполагание в представлениях молодежи, избравшей путь сотрудника органов внутренних дел: по результатам социологических исследований

Шинкевич Владимир Ефимович,

доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России, профессор кафедры социологии и демографии Института педагогики психологии и социологии Сибирского федерального университета
E-mail: vlashink@yandex.ru

В статье рассматривается значимость для человека феномена успешности при выстраивании и реализации жизненно значимых целей. При этом автор под успешностью понимает определенный уровень эмоциональной удовлетворенности человека достигнутым положением в системе социальных отношений, охватывающих как ближайший социум (прежде всего семья, друзья), так и профессиональную, творческую и иные сферы трудовой деятельности, а также досуговую сферу. Существенное место отводится анализу роли ощущения успешности в жизни и профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел, динамики ее формирования. Автор изучает значимость профессионального обучения и субъективные оценки обучающихся образовательной организации органов внутренних дел факторов, являющихся основой формирования в настоящем и будущем успешности.

Ключевые слова: успешность, профессиональная деятельность, образовательная организация, обучающиеся, сотрудники органов внутренних дел.

Каждый человек, оценивая возможности своей генеральной жизненной перспективы и сопутствующих перспектив, хочет видеть себя в ближайшей и дальней перспективах, занимающим социально и профессионально значимые статусы и соответственно им исполнять социальные роли. Человек хочет жить, а не проживать отмеренный ему природой, или высшими сверхъестественными персонифицированным Абсолютом, или имманентным, или трансцендентным могущественным сверхъестественным высшим существом, жизненный путь. Не случайно, вопрос о статусе и роли личности, с учетом глобальных процессов, развития цифровых технологий и средств коммуникации, становится все более и более актуальным [1]. Воображаемые и реальные возможности реализовать себя в профессии, в социуме притягивают внимание человека к поиску соответствующих внутренних и внешних потенциалов [2, 3].

И это осознанное желание будет способствовать поиску человека своего уникального жизненного пути к поставленной цели даже в условиях реальных или мнимых трудностей. Человек, осознающий успешность как ценность сможет приобретать и преумножать умение на этом пути осознавать проблему, как фактора необходимого для выработки направлений ее решения и преодоления возникающих трудностей на пути продвижения к обозначенной цели. Цели как конкретного значимого ориентира и желаемого результата. Оценка эффективности реализуемых человеком целей во многом является в будущем осознанным отражением уровня успешности на жизненном, профессиональном, творческом и т.д. пути [4]. Вместе с тем, одного желания быть успешным явно недостаточно. Желание – это лишь точка возможного старта, оценка своих имеющихся, а в будущем и приобретенных, возможностей [5]. Существенное значение для целенаправленной деятельности имеет мотивация как сила, существующая внутри и вне человека, возбуждающая и сопровождающая его поступки и действия [6]. Для осознания ценности феномена силы в жизнедеятельности человека на достижения успешности огромное значение имеют научные исследования алтайских социологов конца XX – начала XXI вв. (Григорьев С.И., Гуслякова Л.Г., Растов Ю.Е., Демина Л.Д. и др.), обосновывающие концепцию жизненных сил [7, 8, 9, 10]. Концепция жизненных сил, как методология, активно использовалась многими учениками алтайских новаторов и их последователями в социологических исследованиях социальных процессов в постсоветском российском социуме [11, 12]. В научной литературе категория «жизненные силы человека» коррелируют с понятием «жизненные стратегии личности», направленной на осознание собственных возможностей при реализации успешности как целевого ориентира жизнедеятельности в профессиональной, социальной, семейной и иных сферах как в едином комплексе, так и в отдельной из них, наиболее значимых для человека ищущего и деятельного.

При этом, главный показатель стремления к успешности – это желание, количество попыток и вложенной энергии человеком в достижение успешности. Большое

значение имеют и многочисленные ресурсы, которыми располагает или в последствии, посредством своих усилий, может располагать человек. При этом успешность не определяется, хотя конечно имеет значение для человека, достигнутым статусом, материальным положением. Она определяется как состояние души, удовлетворенность собой, своей семьей и пр.

Вместе с тем не каждый человек имеет внутренний настрой решать проблемы самостоятельно. Это является во многом следствием, в принципе естественной заботы в детстве о сегодняшних молодых людей родителей, взрослых, которые за них делали то, что малыши, подростки должны были делать самостоятельно, и опережающими темпами формируемое потребительское общество, существенно опережающее формирование у населения, и особенно у молодежи, потребительской культуры. Желание иметь все и желательно сразу при минимальных физических, интеллектуальных, материальных, временных и иных затратах все чаще становится не совсем удачным трендом молодых людей, стоящих в начале своего самостоятельного жизненного и профессионального пути.

Внесистемное стремление к желаемому будущему, вне поэтапной, последовательной деятельности, без осознания для успешности необходимости и значимости собственных усилий по освоению основ профессии, приобретение знаний, умений, навыков привело к тому, что современный мир заполнили различные тренинги личностного роста, вебинары и коучи, которые готовы не только рассказать о том, как быть богатым и успешным, но и научить этому любого желающего в кратчайшие сроки. Конечно не бесплатно. Люди готовы платить за виртуальную надежду, поверить да и верят, что их научат, им помогут выстраивать свое будущее на основе того, что есть, без особых собственных усилий и средств. Как результат сотни людей потеряли огромные средства из-за мошенников за фиктивные услуги бизнес-коучинга, сомнительные бизнес-тренинги, которые не оставили им ничего, кроме долгов, а иногда и полного разорения. Самое главное люди перестают

верить в собственные силы и собственные возможности, теряют интерес к обозначенной ранее жизненной цели и отказываются от нее.

Юлия Печерская, Артем и Валерия Чекалины, Аяз Шабудтинов, Александра Митрошина, Сергей Галантер далеко не весь перечень гуру подобных тренингов, тренеров личностного роста и бизнеса. Чем же инфоцыгане, тарологи и менторы менторов так легко привлекают людей? Всё дело в том, что никто не любит решать проблемы [13].

Одним из значимых факторов, мобилизующих человека на реализацию жизненно значимых целей и планов, достижение успешности является отношение к самому себе, оценка значимости собственной деятельности составляющей. Люди, проявляющие признаки подавленности и расстройства, не способны к активному поиску работы и не могут долго сохранять за собой имеющуюся работу, поэтому душевное состояние выступает причиной безработицы, подавленности, неверия в себя и свои силы. При отсутствии внутреннего собственного деятельного начала и появляется потребность обращения к услугам различных специалистов бизнес-коучинга, которые воспринимаются как референтная власть, «однозначно» способные дать каждому желающему «волшебный» гарантированный рецепт успешности. Однако чаще всего такие обращения заканчиваются потерей денежных средств, разочарованием, глубокой депрессией, приобретение аддикцией в поиске выхода из социального, душевного, эмоционального кризиса.

Неслучайно уже несколько лет в ходе ежегодного мониторинга наркоситуации изучается отношение населения к самому себе. Суммарный общий показатель по депрессивным индикаторам: «Думаю, мне особо нечем гордиться», «Иногда я чувствую себя бесполезным», «Я хочу больше себя уважать», «Я чувствую себя неудачником» по результатам опросов, проведенных в 2024 г., составил около 13% ответов респондентов. При этом предпочтение при выборе индикаторов депрессивным оценкам чаще отдают мужчины, чем женщины 15,0 и 9,7% соответственно. Состояние и динамика показаны в таблице 1.

Таблица 1. Динамика результаты ответов на вопрос «Как Вы относитесь к самому себе?»

Как Вы относитесь к самому себе?	Мужчины				Женщины				Общее значение
	2022	2023	2024	среднее	2022	2023	2024	среднее	
В целом я доволен собой	40,1	32,4	39,2	37,2	40,6	48,0	44,2	44,3	40,8
Думаю, у меня есть ряд хороших качеств	28,9	25,2	25,1	26,4	32,7	28,2	28,9	20,9	23,7
Я в состоянии справиться со всем не хуже других	20,6	24,7	19,7	21,7	16,4	11,9	17,0	15,1	18,4
Думаю, мне особо нечем гордиться	5,5	6,5	10,1	7,7	4,6	5,4	4,5	4,8	6,3
Иногда я чувствую себя бесполезным	2,8	4,4	1,7	3,0	2,2	3,0	2,9	2,7	2,9
Я хочу больше себя уважать	1,4	5,4	3,5	3,4	2,8	2,8	1,7	2,4	2,9
Я чувствую себя неудачником	0,6	1,4	0,7	0,9	0,7	0,8	0,8	0,8	0,8

Среди тех, кто хочет больше себя уважать – это молодежь 21–25 лет (10,6%). Данный возраст соответствует возрасту окончания обучения и периоду вступления в самостоятельную профессиональную жизнь как основу будущей успешности, где огромное значение приобретают и собственные усилия деятельности.

Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел, является основой обеспечения ре-

зультативности достижения цели и выполнение задач правоохранительной службы. Более того в настоящее время актуализировалась острая потребность в высококлассных профессионалах, способных принимать самостоятельные решения и эффективно действовать в условиях высокой неопределенности и риска. Эти качества во многом определяют осознание успешности сотрудником органов внутренних дел на эмоциональном уровне

в период прохождения службы, продвижения по служебной лестнице.

В связи с этим от выпускников образовательных организаций МВД России сегодня требуется не только профессиональное мышление, высокая мобильность, компетентность, но и готовность нести правоохранительную службу в условиях проведения Россией специальной военной операции, на новых ее территориях, организовывать деятельность подразделений органов внутренних дел на данных территориях с учетом российского нормативного правового законодательства. Существенное значение для качественного исполнения профессиональных обязанностей имеет сформированность компетенции у сотрудника органов внутренних дел, позволяющей учитывать специфику своей профессиональной деятельности, исходя из деловых возможностей и мотивационных слагаемых деятельности.

Необходимо считаться с тем, что для успешного саморазвития сотрудника органов внутренних дел на каждом профессиональном отрезке необходимы потребности в самосовершенствовании, которые могут возникнуть и поддерживаться только у высокомотивированного к данному виду деятельности человека. Уровень мотивации можно считать высоким тогда, когда в выбранной профессии сотрудник органов внутренних дел видит возможности удовлетворения всех своих социальных, духовно-нравственных, интеллектуальных и профессиональных потребностей, а также способен выработать в себе систему ценностных ориентаций, как путеводителей успешности.

Благодаря ценностным ориентациям сотрудник органов внутренних дел делает свою жизнь осмысленной, определяя: а) что он дает жизни (ценности жизнедеятельности); б) что он берет от жизни (ценности переживаний); в) в чем предназначение сотрудника органа внутренних дел как конкретного звена правоохранительной системы.

В целях выявления факторов, субъективно оцениваемых обучающимися как необходимых для достижения успешности, были использована часть индикаторов, внесенных в опросные листы специальной социологической анкеты, которая использовалась для изучения состояния и динамики акме-потенциала обучающихся. Выборочная совокупность формировалась по случайному закону из одной и той же генеральной совокупности обучающихся, поступивших на обучение в 2019 г., но с учетом обучения их на различных курсах – от первого до пятого.

При осуществлении математической обработки использовалась компьютерная программа статистического анализа и обработки SPSS.

Результаты исследования обучающихся в начальный период позволило выявить то, что более 90% поступили в образовательное учреждение сразу по окончании средней общеобразовательной школы, более 86% сделали свой профессиональный выбор как сотрудника органов внутренних дел осознанно. С одной стороны подавляющее большинство имело незначительный жизненный опыт, с другой стороны собственный выбор профессионального обучения говорит о хороших потенциалах первокурсников.

В тоже время практически со второго курса обучения обучающиеся начинают чаще сомневаться в правильности своего профессионального выбора и количество сомневающих ежегодно увеличивается, что отражено в таблице 2.

Оценки правильности сделанного профессионального выбора во многом коррелируют с предложением респондентам завершить суждение «Сегодня я считаю, что...», что отражено в таблице 3.

Таблица 2. Оценка обучающимися наблюдаемой совокупности правильности сделанного профессионального выбора на момент опроса (октябрь каждого текущего года)

	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Да, вполне	71,7	46,2	42,9	33,3	47,4
Скорее да, чем нет	28,3	42,3	28,6	50,0	26,3
Скорее нет, чем да	0,0	3,8	14,3	16,7	23,7
Затрудняюсь с ответом	0,0	7,7	14,3	0,0	2,6
Итого:	100	100	100	100	100

Таблица 3. Результаты выборов для завершения суждения: «Сегодня я считаю, что...»

	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Решение было принято, несомненно, правильно	59,6	34,8	57,1	21,7	24,3
Решение было принято в основном правильно	40,4	52,2	28,6	56,5	48,6
Решение было принято не правильно	0,0	4,3	7,1	8,7	16,2
Я не могу оценить ни правильность ранее принятого решения, ни его неправильность	0,0	8,7	7,1	13,0	10,8
Итого:	100	100	100	100	100

Как видим, результаты опроса, представленные в данных таблицах позволяют говорить о целесообразности совершенствования форм и методов работы всех структурных подразделений образовательной организации по сопровождению социализации обучающихся в процессе получения профессионального образования для формирования основы эмоционального ощущения успешности как в процессе получения профессионального образования, так и в дальнейшей служебной деятельности.

Наибольшая ценность, как основы успешности, в период получения профессионального образования, по мнению обучающихся, имеет качественное усвоение учебных дисциплин, и прежде всего: физическая подготовка, знание частно юридических и специальных дисциплин и формируемых ими компетенций.

Вместе с тем, понимая ценность освоения дисциплин учебного плана для дальнейшей профессиональной деятельности, карьерного роста, достижения жизненно важных целей, около 16% обучающихся отмечают, что не всегда имеют высокий уровень личной подготовки к учебным занятиям, что во многом сможет отразиться в будущем на эмоциональном ощущении успешности,

соответствующей не только личной, но и общественной оценкам. Низкие знания в последствии могут привести к конфликтным ситуациям при выполнении профессиональных задач, связанных с несением правоохранительной службы, а их восполнение потребует дополнительного времени, не редко при существенном дефиците свободного служебного времени вообще.

Достижение высокого уровня успешности в профессиональной и социально-значимой деятельности возможно только при четком осознании всего комплекса ресурсов, которые гипотетически может использовать человек, осознающий жизненно важные цели, и его готовности оптимально приложить усилия для их достижения. Обучающимся предлагалось из возможного перечня ресурсов, выделенных в ходе предварительного полевого исследования выбрать не более трех, либо дописать те, которые они считают наиболее важными, но которые не вошли в предложенный список.

Чаще всего респонденты отдавали предпочтение таким факторам, как «наличие специального образования и умение аккумулировать профессиональный опыт» (более 17%), «уверенность в себе, упорство в достижении цели» (около 17%), «трудолюбие, профессионализм и усердие в выполнении служебных заданий» (более 15%), «наличие цели в деятельности» (13%). Эти факторы занимают вершину рейтинга.

Середину рейтинга занимает такой фактор, как «поддержка и хорошее отношение в семье» (5,4%). В среднем значении за все годы обучения около 80% слушателей и курсантов отмечают, что их семья эмоционально комфортна.

Факторы, занимающие нижние рейтинговые места: «поддержка и уважение в коллективе», «поддержка влиятельных высокопоставленных покровителей», «поддержка непосредственных руководителей», «умение выбирать друзей и находить подходы к людям, от которых зависит ваша служебная деятельность» – это также значимые ресурсы, но в большинстве своем отличающиеся более чем на десять пунктов от факторов верхнего рейтингового уровня.

Офицеру органов внутренних дел, мотивированному и ориентированному на достижение эмоционально желаемого уровня успешности необходимы как высокая выучка, так и устойчивые профессионально-этические качества. Эти качества формируются и развиваются на протяжении всей службы, но первоначально закладывается основа в период обучения в образовательной организации органов внутренних дел. В процессе опроса обучающимся было предложено ответить на вопрос «Назовите наиболее ценные качества, которыми должен обладать сотрудник органов внутренних дел», выбрать не более трех из восемнадцати социально значимых качеств, выделенных как социально значимые в предыдущих исследованиях. Индикаторы данного вопроса во многом коррелировали с вопросом, направленным на оценку основных факторов, способствующих успешному продвижению по службе.

Каждое оцениваемое качество значимо, естественно они формируют потенциал успешности сотрудника органов внутренних дел, способствуют достижению социально значимых результатов, препятствует профессиональному, да и душевному выгоранию. Особое предпочтение обучаемые отметили такие качества как «высокая профессиональная подготовка» (более 25%), «дополненная необходимостью специального профессионального образования» (около 7%), «ответственность» (около 20%) и связанное с данным качеством «умение самостоятельно принимать решения» (около 15%). В период обучения от курса к курсу прослеживается положительная дина-

мика для обучающихся ценности качества «умение самостоятельно принимать решение». Вариационный размах от первого к выпускному курсу составил более 5%.

По мнению обучающихся в условиях правоохранительной службы большое значение для достижения успешности имеет умение принимать решение, адекватно профессиональной, жизненной, социальной и других ситуаций, актуализирующих положительные последствия. Ценность данного умения заключается в том, что в сфере «принятия решения» каждый человек строит и проживает свои социальные практики, которые зависят от принятого и обоснованного решения. Не исключением здесь является и служебная деятельность. Уход от принятия решения, либо откладывание его, либо поспешность и непродуманность решения может в лучшем ухудшить динамику социальных практик, в худшем – минимизировать положительные составляющие реализуемых социальных практик или потребовать коренной их реконструкции, признав малозначимыми, а возможно и ложными.

В условиях правоохранительной службы большое значение для эмоционального осознания успешности имеет такое качество как «умение доводить начатое до конца».

Средние рейтинговые места занимают: «умение работать в команде», «способность слышать и принимать мнения коллег», «внимание к нуждам других», «эмоциональная устойчивость», «способность слышать и принимать мнения коллег», «внимательность к нуждам других». Большое значение как ценность имеет фактор личного уважения и признания.

Обучающимся ежегодно, начиная с первого курса, предлагалось проранжировать восемь социальных феноменов. Те факторы, которые чаще всего отмечали респонденты в ходе опроса, в будущем имеют наибольшее значение для реализации выпускниками профессионального потенциала.

Верхние места занимают: «уважение и признание руководителей», «уважение и признание товарищей по службе», «уважение и признание в обществе», «уважение и признание результатов родственниками». Как видим, большую значимость в формировании и достижении жизненно значимых целей имеет такой социальный феномен как «уважение...», т.е. общественное признание. Ни один из этих факторов не опускался в рейтинге ниже 4 места, а значимость остается относительно стабильной.

Группу факторов, занимающих 5–8 места в рейтинге, занимают такие факторы как «возможность соблюдения режима труда и отдыха», «возможность заняться любимым делом», «карьерный рост», «успехи в семье». При этом в данной группе факторов отмечено уменьшение по мере обучения значимости такого фактора как «возможность занятия любимым делом», что косвенно говорит о том, что обучаемые осознанно относятся к возможным будущим сложностям и напряженному ритму служебной деятельности. К заключительному курсу повышается значимость фактора «успех семьи». Надо полагать, семье обучаемые отдают предпочтение, как возможному компенсатору напряженной служебной деятельности и психологическому фактору смена эмоциональной напряженности.

Таким образом, на основании проведенного исследования потенциальных перспектив осознания фактора успешности в настоящем и будущем обучающимися, обозначим наиболее значимые:

во-первых, в целом обучаемые имеют хорошо выраженную интенцию, адекватно оценивают перспективы службы, карьерного роста;

во-вторых, курсанты изначально признают ценность образовательной организации как возможность получения достойного образования, необходимого для реализации жизненно значимых и профессиональных целей, формирования умений аккумулировать получаемый профессиональный опыт, вырабатывать уверенность в себя и свои жизненные силы, быть настойчивым в достижении цели через собственную поведенческую активность; в-третьих, наиболее ценными качествами, которыми должен обладать сотрудник органов внутренних дел для эмоционального признания личной успешности являются: высокая профессиональная подготовка; наличие специального профессионального образования; ответственность и умение самостоятельно принимать решения;

в-четвертых, достижение успешности возможно только при четком осознании всего комплекса ресурсов, которые гипотетически может использовать человек, осознающий жизненно важные цели и готовый приложить оптимальные усилия для их достижения.

Результаты социологического исследования позволяют говорить о том, что при прочих равных условиях успешность выпускников образовательной организации находится в прямой зависимости от наличия у него качеств, способствующих его возможностям, мотивации, настойчивости в реализации жизненно значимых установок достижения успешности как духовного состояния.

Литература

1. Чернавин Ю.А., Баранова Г.В. Человек в пространстве цифровой культуры // Вопросы философии. 2023. № 4. – С. 29–39.
2. Тугушева А.Р. Представления о социальной успешности и личное самоопределение юношества: Дисс...к. психол. наук. Самара, 2007. С. 24.
3. Малышева И.А. Социальная успешность личности в современном обществе // Вестник МГПУ. Серия «Педагогика и психология». 2013. № 1 (23). С. 103–112.
4. Таранова О.В. Успешность как категория собственной эффективности. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uspeshnost-kak-kategoriya-sobstvennoy-effektivnosti-1/viewer>
5. Устинова Д. Почему одного желания недостаточно для достижения цели? – URL: https://www.b17.ru/article/pochemu_odnogo_zhelaniya_nedostatochno/
6. Шилияева И.Ф., Леонтьева Е.Ю. Мотивация достижения успеха, как фактор развития личности. С. 196–200. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-dostizheniya-uspeha-kak-faktor-razvitiya-lichnosti/viewer>.
7. Григорьев С.И. Виталистская социология: парадигма настоящего и будущего: Избранные статьи по неклассической социологии. Барнаул: Изд-во АРНЦ СО РАН, 2001. 229 с.
8. Современное понимание жизненных сил человека: от метафоры к концепции (становление виталистской социологической парадигмы) / Под ред. С.И. Григорьева, Л.Д. Деминой. М.: Издательский Дом МАГИСТР-ПРЕСС, 2000. 242 с.
9. Григорьев С.И. Основы виталистской социологии XXI века. М.: Гардарики, 2007. 239 с.
10. Григорьев С.И., Демина Л.Д., Растов Ю.Е. Жизненные силы человека. Барнаул, 1995. 248 с.
11. Дитятев А.Ю. Концепция жизненных сил как методологическая основа социологического изучения феноменов оптимизма и пессимизма в современном обществе // Мир науки, культуры, образования. № 4 (29) 2011. С. 198–200.

12. Ноянзина О.Е. Концептуальные возможности социологии жизненных сил в изучении социального здоровья // Ползуновский вестник. 2006. № 4. С. 339–344.
13. Борисова О.В., Максимова С.Г. Специфика взаимобусловленности гражданской идентификации и социальной активности населения (на примере приграничных регионов России) // Society and Security Insights. 2024. Т. 7. № 4. С. 13–29.

SUCCESS AS A GOAL SETTING IN THE MINDS OF YOUNG PEOPLE WHO HAVE CHOSEN THE PATH OF AN EMPLOYEE OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES: BASED ON THE RESULTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

Shinkevich V.E.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Siberian Federal University

This article examines the importance for a person of the phenomenon of success in building and implementing vital goals. At the same time, the author understands success as a certain level of emotional satisfaction of a person with his achieved position in the system of social relations, covering both the nearest society (primarily family, friends), as well as professional, creative and other spheres of work, as well as leisure activities. An essential place is given to the analysis of the role of the feeling of success in the life and professional activity of an employee of the internal affairs bodies, the dynamics of its formation. The author examines the importance of vocational training and the subjective assessments of students of the educational organization of the internal affairs bodies of the factors that form the basis for the formation of success in the present and future.

Keywords: success, professional activity, educational organization, students, law enforcement officers.

References

1. Chernavin Yu.A., Baranova G.V. Man in the space of digital culture // Questions of philosophy. 2023. № 4. pp. 29–39.
2. Tugusheva A.R. Ideas about social success and personal self-determination of youth: Diss...K.psychological sciences. Samara, 2007. p. 24.
3. Malysheva I.A. Social success of personality in modern society // Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. The series "Pedagogy and Psychology". 2013. № 1 (23). pp. 103–112.
4. Taranova O.V. Success as a category of self-efficacy. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uspeshnost-kak-kategoriya-sobstvennoy-effektivnosti-1/viewer>
5. Ustinova D. Why is desire alone not enough to achieve a goal? – URL: https://www.b17.ru/article/pochemu_odnogo_zhelaniya_nedostatochno/
6. Shilyaeva I.F., Leontieva E.Y. Motivation for success as a factor of personality development. pp. 196–200. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-dostizheniya-uspeha-kak-faktor-razvitiya-lichnosti/viewer>.
7. Grigoriev S.I. Vitalist sociology: a paradigm of the present and the future: Selected articles on nonclassical sociology. Barnaul: Publishing house of the ARSC SB RAS, 2001. 229 p.
8. Modern understanding of human life forces: from metaphor to concept (the formation of a vitalist sociological paradigm) / Edited by S.I. Grigoriev, L.D. Demina. Moscow: MAGISTER-PRESS Publishing House, 2000. 242 p.
9. Grigoriev S.I. Fundamentals of Vitalist sociology of the XXI century. Moscow: Gardariki, 2007. 239 p.
10. Grigoriev S. I., Demina L.D., Rastov Yu.E. Human vital forces. Barnaul, 1995. 248 p.
11. Dityatev A.Y. The concept of vital forces as a methodological basis for the sociological study of the phenomena of optimism and pessimism in modern society // The world of science, culture, education. № 4 (29) 2011. pp. 198–200.
12. Noyanzina O.E. Conceptual possibilities of the sociology of vital forces in the study of social health // Polzunovskiy vestnik. 2006. № 4. pp. 339–344.
13. Borisova O.V., Maksimova S.G. The specifics of the interdependence of civil identification and social activity of the population (on the example of the border regions of Russia) // Society and Security Insights. 2024. Vol. 7. № 4. pp. 13–29.

Установки россиян по отношению к мигрантам в РФ: отличия и сходства в оценках разных поколений

Полякова Екатерина Андреевна,

старший лаборант, Южно-Российский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
E-mail: ms.katerin2002@mail.ru

Астоянц Маргарита Сергеевна,

доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, Южный федеральный университет
E-mail: mastoyanc@sfedu.ru

Шевченко Ольга Михайловна,

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, Южный федеральный университет
E-mail: omshevchenko@sfedu.ru

Эмирбекова Элена Эмирбековна,

доктор философских наук, профессор Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета, Южный федеральный университет
E-mail: eemirbekova@sfedu.ru

В рамках статьи были проанализированы основные отличия и сходства в установках современных россиян к мигрантам. Основной упор сделан на рассмотрение поколенческих различий. В качестве теоретической основы представлены два доминирующих методологических направления: экономическое и социокультурное. А также использовано описанное В.И. Мукомелем представление о групповой идентичности принимающего сообщества, образах «своих» и «чужих» в вопросах национальности и повседневности. Эмпирической базой исследования являются мониторинговые исследования от ФОМ и ВЦИОМ, ежегодно отслеживающие динамику национальных отношений как по всей России, так и в регионах. Помимо этого, представлены результаты исследования коллектива ЮРФ ФНИСЦ РАН, проведённого в период 2024–2025 года в Ростовской области. Основные результаты демонстрируют факт явных различий в отношении к мигрантам. Можно заметить, что молодое поколение достаточно нейтрально и более благожелательно воспринимает факт наличия приезжего населения, но с возрастом люди более осторожно и даже скептически относятся к таким людям. Были также высказаны возможные причины таких различий.

Ключевые слова: миграция, поколения, стереотипы, демографические процессы, отношение к мигрантам.

Введение

Миграционные процессы, интенсифицировавшиеся в последние десятилетия, оказывают значительное влияние на социальную структуру и культурный ландшафт принимающих обществ. Российская Федерация, являясь одним из крупнейших центров притяжения мигрантов в Евразийском регионе, сталкивается с комплексом социально-экономических и социокультурных вопросов, связанных с адаптацией и интеграцией мигрантов. В этой связи, общественное мнение и установки россиян по отношению к мигрантам приобретают особое значение, определяя не только характер взаимодействия между мигрантами и принимающим населением, но и эффективность государственной миграционной политики.

Актуальность данного вопроса обусловлена не просто количественным ростом притока мигрантов, но качественными изменениями общества, обусловленными влиянием миграции на демографические процессы и структуру трудовых ресурсов страны. Увеличение масштабов и трансформация миграционных потоков диктуют необходимость переосмысления существующих подходов к управлению миграцией для обеспечения устойчивого развития России. В условиях беспрецедентного внешнего давления, вызванного санкционной политикой и направленного на дестабилизацию российской экономики и политической системы, Россия испытывает значительное усиление миграционных потоков. Эта ситуация требует разработки принципиально новых подходов к государственной миграционной политике, способных нивелировать возникающие политические и социально-экономические риски.

Эмпирической базой представленной работы стало проведённое в период 2024–2025 гг. социологическое исследование, проведённое коллективом ЮРФ ФНИСЦ РАН, участниками которого были жители Ростовской области в возрасте 18–100 лет. Данная статья посвящена изучению установок жителей Ростовской области по отношению к мигрантам, с акцентом на анализе различий и сходств в оценках, характерных для разных поколений. Исследование также направлено на выявление ключевых факторов, формирующих общественное мнение о мигрантах.

Теоретическое осмысление феномена миграции и отношения к нему

Миграция населения, происходящая от латинского «migratio» т.е. переселение, представляет собой перемещение людей из одной географической области (будь то страна, регион или даже часть мира) в другую, часто характеризующееся значительным масштабом и преодолением больших расстояний. О.Д. Воробьева [2] определяет миграцию так: «любое территориальное перемещение, пересекающее границы административно-территориальных единиц. Целью такого перемещения может быть смена постоянного места жительства, получение образования или осуществление трудовой деятельности, и не имеет значения, какие факторы преобладают – привлекающие или выталкивающие».

Миграционные процессы, как сложное и многогранное явление, неизменно привлекали внимание исследователей на протяжении многих лет. В разные эпохи ученые стремились осмыслить причины, последствия и механизмы миграции, разрабатывая теоретические основы для понимания этого важного социального процесса. Значительный вклад в изучение миграции населения внесли отечественные ученые, чьи работы стали фундаментом для дальнейших исследований в этой области. В особенности, если речь идёт о миграционных процессах на территории России. Среди них следует особо выделить работы таких учёных как В.И. Мукомель [8], который посвящал труды описанию проблемам интеграции мигрантов, реакция принимающего сообщества и ксенофобии. Можно отметить также В.И. Переведенцева [10], рассматривавшего миграцию как фактор экономического развития, О.Д. Воробьеву [2], изучавшую демографические аспекты миграции. Также В.А. Ионцева [5], разрабатывавшего концепцию миграционного потенциала, Е.С. Красинца [4], специалиста в области международной миграции.

Посвященная восприятию мигрантов в принимающих сообществах литература также достаточно актуальна, но общепризнанного, унифицированного измерителя этого отношения до сих пор не существует. Исследовательские стратегии разнятся в выборе индикаторов. Так, изучаются:

1. Готовность или неготовность разрешить мигрантам въезд в страну;
2. Оценка позитивных либо негативных последствий миграции для принимающего социума;
3. Стремление или отказ от проживания по соседству с мигрантами;
4. Желание иметь дружеские связи с представителями мигрантских сообществ и т.д.

Все эти вопросы, объединенные общей темой, выявляют различные грани отношения к мигрантам, взаимно дополняя друг друга, но при этом осложняя проведение прямого сравнительного анализа.

Несмотря на разнообразие объяснительных моделей, предложенных учеными, можно выделить два доминирующих методологических направления: экономическое и социокультурное.

Экономическое базируется на гипотезе о потенциальном конфликте экономических интересов между коренным населением и мигрантами. Это проявляется, прежде всего, в конкуренции за ограниченные ресурсы: рабочие места, уровень заработной платы и доступ к социальным пособиям. Во многом предполагается, что увеличение притока низкоквалифицированных мигрантов приводит к росту предложения рабочей силы в этом сегменте рынка, что, в свою очередь, может оказывать давление на уровень заработной платы или приводить к росту безработицы среди местных жителей, обладающих аналогичной квалификацией. При этом выгоду могут получить работодатели и высококвалифицированные специалисты, поскольку относительно снижается стоимость труда и повышается спрос на их услуги. В то же время приток высококвалифицированных мигрантов способен оказывать обратное воздействие, создавая дефицит низкоквалифицированной рабочей силы. В рамках данного подхода отношение к миграции рассматривается как производное от положения индивида на рынке труда и его экономических интересов, то есть, выгодно или нет прибытие мигрантов конкретному человеку или социальной группе. [14]

Однако, не всегда перечисленные опасения основываются на объективной реальности. Одной из причин негативного отношения к мигрантам как к экономиче-

ским конкурентам могут являться предубеждения, стереотипное мышление и недостаточная финансовая грамотность населения. Распространенной является ошибочная установка, известная как «lump of labor fallacy» (ошибочность представления о фиксированном объеме труда), согласно которой общее количество рабочих мест в экономике является величиной постоянной. В соответствии с этой логикой, любое увеличение занятости среди мигрантов автоматически означает сокращение возможностей для трудоустройства местных жителей. Это представление игнорирует фундаментальный принцип функционирования конкурентного рынка труда, где увеличение предложения, как правило, стимулирует рост спроса, что в конечном итоге приводит к созданию новых рабочих мест и расширению возможностей для трудоустройства всех участников рынка. Таким образом, даже в случаях, когда миграция оказывает положительное влияние на экономику в целом, отдельные индивиды или группы населения могут воспринимать её как негативное явление, угрожающее их личной экономической безопасности. [12]

Аналогичные заблуждения могут возникать и в отношении распределения социальных благ. Местные жители могут испытывать чувство несправедливости, полагая, что мигранты незаконно присваивают часть ресурсов, предназначенных для коренного населения. Однако, в действительности, трудовые мигранты зачастую вносят существенный вклад в экономику принимающей страны, создавая новую стоимость, уплачивая налоги (как прямые, так и косвенные) и пополняя бюджеты, при этом, как правило, имея весьма ограниченный доступ к социальным пособиям и льготам. [7] Искаженное восприятие этой ситуации может приводить к негативному отношению к мигрантам, даже если их экономический вклад объективно превышает получаемые ими социальные выплаты.

Социокультурное направление акцентирует внимание на противоречиях в идентичностях «местных» и «не-местных», на разделении на «своих» и «чужих». «Чужие» могут отличаться этнической принадлежностью, религиозными убеждениями, культурными традициями или внешним видом. В этом случае конфликт носит ценностный, социально-культурный характер и, как правило, подпитывается предрассудками и стереотипами. Однако, нередко граница между «своими» и «чужими» проводится и внутри одной культуры, определяясь исключительно принадлежностью к определенной стране или нации. В основе такого разделения лежат процессы социальной категоризации и межгрупповой дискриминации, когда индивиды склонны переоценивать различия между своей группой и другими группами, и приписывать позитивные качества «своим», а негативные – «чужим». [1]

Важно отметить, что экономический и социокультурный подходы не являются взаимоисключающими, а скорее дополняют друг друга, формируя комплексное представление о факторах, влияющих на отношение к мигрантам. Их эффекты зачастую трудно разделить. Например, корреляцию между уровнем образования и положительным отношением к миграции можно объяснить не только страхом менее образованных групп населения потерять работу из-за конкуренции с мигрантами, но и различиями в ценностях, уровне толерантности и склонности к предубеждениям, характерных для разных социальных групп. Индивиды, не готовые принять даже незначительные проявления иной культуры, демонстрирующие неприязнь к мигрантам, с большей вероятностью будут считать, что их приезд в страну несет в себе и экономическую угрозу. [9]

Другими словами, негативное отношение к мигрантам, обусловленное культурными различиями, может приводить к предвзятому восприятию их экономического вклада. В этом случае индивид склонен приписывать мигрантам негативные черты и связывать их прибытие с различными социальными и экономическими проблемами.

Оценки экономических последствий миграции местными жителями тесно связаны с их ценностями, общими взглядами на социальную и культурную жизнь общества, что свидетельствует о сложной взаимосвязи между экономическими и социокультурными факторами в формировании отношения к мигрантам. Таким образом, для понимания отношения к мигрантам необходимо учитывать как экономические, так и социокультурные аспекты, а также их взаимодействие и взаимное влияние.

Особенности восприятия мигрантов жителями Ростовской области разных поколений

В эпоху глобальной мобильности, подкрепленной развитой транспортной сетью и относительно свободным перемещением, миграционные потоки приобретают невиданную интенсивность. Привлекаемые возможностями трудоустройства, наиболее активные и молодые представители населения пересекают границы в поисках лучших перспектив. Для принимающих стран, включая Россию, этот приток человеческого капитала может служить мощным двигателем экономического роста и повышения общей производительности труда. В связи с такой ситуацией можно отдельно выявить как разные поколения воспринимают сложившиеся тенденции.

В.В. Радаев выделяет шесть поколений, чей жизненный опыт релевантен для понимания истории жителей России. Самое старшее поколение составляют люди, родившиеся до 1938 года. Их детство пришлось на годы Великой Отечественной войны, а юность и молодость — на послевоенный период восстановления страны. Следующее поколение, хронологически, — рожденные в военные годы (1939–1946). Молодость этих людей совпала с эпохой хрущёвской оттепели, и именно они сыграли значительную роль в определении хода демократических и либеральных реформ 80-х и 90-х годов в России.

Третьим поколением считаются рожденные в период с 1947 по 1967 год, в эпоху послевоенного подъема. Эту группу часто называют «бэби-бумерами». Четвертое поколение, уже ближе к современности (1968–1981), стало эпоху горбачевской перестройки. Эта возрастная группа часто ассоциируется с «поколением X». Далее следует «поколение Y» или «миллениалы» — люди, родившиеся с 1982 по 2000 год. Их молодость пришлась на «лихие 90-е», период социально-экономической нестабильности в стране. Наконец, последнее поколение — это люди, рожденные в XXI веке, после 2000 года, известные как «центениалы» или «поколение Z».[11]

Отметим, что после трагических событий в «Крокус» в 2024 году российское правительство предприняло ряд мер, направленных на ужесточение миграционного законодательства. Примерами таких изменений являются усложнение процедуры получения разрешения на временное проживание на основании брака с гражданином РФ, а также введение ограничений на прием в образовательные учреждения детей, не владеющих русским языком. Логично было бы предположить, что ужесточение правил приведет к уменьшению числа мигрантов, находящихся на территории России [3]. Однако, официальная статистика за период с января по ноябрь 2024 года демонстрирует противоположную тенденцию: численность мигрантов оказалась на рекордно высоком уровне.

Согласно данным из сборника «Социально-экономическое положение России» за 2024 год [13], за период с января по ноябрь 2024 года в Российской Федерации наблюдался значительный миграционный прирост, составивший 420 тысяч человек. Этот показатель в 3,9 раза превышает аналогичный период 2023 года и представляет собой самое высокое значение, зафиксированное в XXI веке.

Основной вклад в увеличение миграционного прироста внесли граждане следующих стран: Таджикистана (прирост на 107,6 тысячи человек, что соответствует увеличению на 40% по сравнению с аналогичным периодом 2023 года), Узбекистана (прирост на 83 тысячи человек, рост в 19,35 раза), Кыргызстана (прирост на 79 тысяч человек, рост в 11,7 раза) и Армении (прирост на 34 тысячи человек, рост в 3,15 раза). [13] (рис. 1).

Миграционный прирост в 2024 году стал рекордным как минимум за последние 26 лет

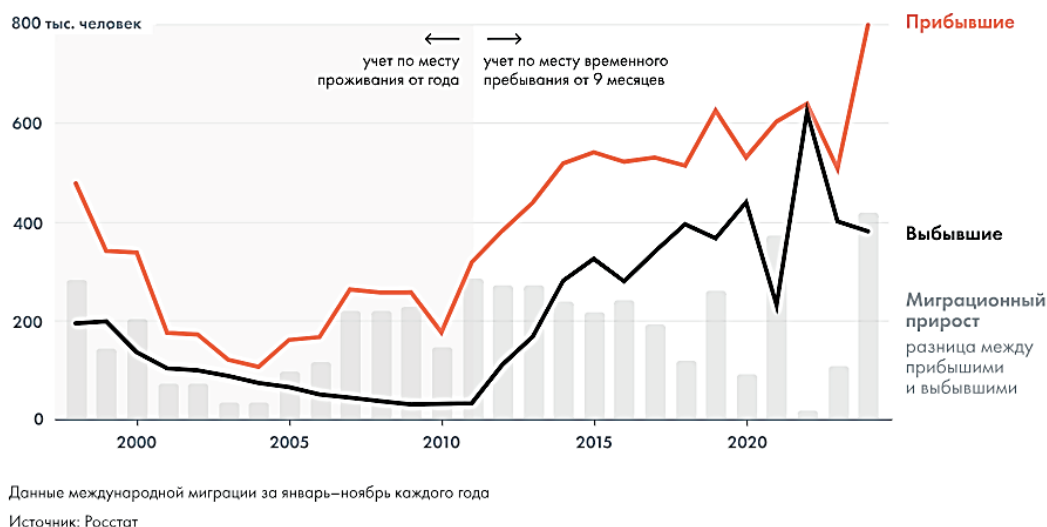

Рис. 1. Данные статистики международной миграции, январь–ноябрь, 2000–2024 года. По данным Росстат. [Электронный ресурс] <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801>

В связи со сложившейся демографической тенденцией, которая наблюдалась в течение года, а также событиями, которые влияли на мнения россиян в отношении мигрантов и переселении, исследовательский интерес в рамках данной работы был направлен на изучение установок жителей Ростовской области по отношению к мигрантам, с акцентом на анализе различий и сходств в оценках, характерных для разных поколений. Для этой цели исследовательским коллективом Южно-российского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук было проведено социологическое исследование. Выборка была представлена 1370 респондентов, среди которых были жители Ростовской области: Ростова-на-Дону, городов, малых городов, а также сельской местности.

Возрастные общности в работе были рассмотрены с точки зрения разделения опрошенных на младшие и более старшим возрастным группам в рамках X, Y, Z-поколений: где X – это группы 50–59 лет, 60 и старше, Y – 30–39, 40–49, а Z – 18–24 года и 25–29 лет. Если рассматривать интересующий нас критерий, разде-

ляющих респондентов по возрастам, то отметим, что среди опрошенных было: представителей Z-поколения (18–24 года) – 117 респондентов, Y-поколения (25–34 года и 35–44 года) – 205 и 289 респондентов, т.е. суммарно 494, а представителей X-поколения (45–59 лет и старше 60 лет) – 330 и 430 соответственно.

Для того, чтобы выяснить отношение граждан к мигрантам на территории их проживания, в первую очередь рассмотрим прямые ответы респондентов при ответе на вопрос «Как лично Вы относитесь к мигрантам?». Если обратить внимание на линейные распределения ответов, а также разбить их в соответствии с поколенной структурой, то выясняется, что во многом респонденты безразлично относятся к людям-переселенцам в их регионе. Доброжелательное отношение, т.е. сумма оценок «Доброжелательно» и «Скорее доброжелательно» составляет около 30% в среднем по всем возрастам. Недоброжелательное отношение – сумма «Скорее недоброжелательно» и «Недоброжелательно» – около 30%. И именно безразличие – наиболее популярная позиция у граждан, её выбирают примерно 35% респондентов. Затруднились ответить около 6%. (Таблица 1)

Таблица 1. Отношение к мигрантам по возрастным группам, распределение ответов на вопрос «Как лично Вы относитесь к мигрантам?» (%)

Отношение к мигрантам	18–24 лет	25–34 лет	35–44 лет	45–59 лет	60+ лет	Всего
Доброжелательно	9,5	9,2	9,4	10,2	8,6	9,3
Скорее доброжелательно	20,8	21,9	20,2	21,4	19,2	20,5
Безразлично	37,1	33,3	35,7	31,6	36,6	34,7
Скорее недоброжелательно	16,0	24,5	20,4	22,3	22,8	21,8
Недоброжелательно	9,1	5,8	6,1	8,4	8,9	7,8
Затрудняюсь ответить	7,6	5,3	8,2	6,1	3,8	5,8
Итого (доброжелательные)	30,3	31,1	29,6	31,6	27,8	29,8
Итого (недоброжелательные)	25,1	30,3	26,5	30,7	31,7	29,6

Хотелось бы отметить и возрастные особенности распределения ответов на упомянутый выше вопрос. Говоря о поколении Z (18–24 года), заметим, что данная группа наименее недоброжелательна: только 25% (20,8% + 9,1%) негативных ответов. В данной группе наибольший процент безразличных – 37,1%, что может указывать на пассивность по отношению к вопросам миграционных процессов в регионе, в том числе и миграции. И также в этой группе высокий процент затруднившихся ответить – 7,6%, что может указывать на недостаток опыта или информации.

Группа 25–34 года, которых можно отнести к Y-поколению, во многом демонстрирует умеренное отношение: 30,3% доброжелательных и 30,3% недоброжелательных ответов. Безразличие – 33,3%. Также можно объединить мнения с группой среднего возраста (35–44 года), поскольку мы видим лишь незначительные различия: 31,1% доброжелательных и 26,5% недоброжелательных, а также безразличия – 35,7%.

Люди X-поколения (49–49 лет) демонстрируют безразличие. Помимо этого, у этой группы заметно повышение недоброжелательности по сравнению с другими группами: 30,7% негативных ответов, а доброжелательных – 27,9%. Безразличие всё же преобладает (36,6%). Среди людей 60 лет и старше замечен наибольший процент недоброжелательности (31,7% негативных ответов, доброжелательных – 29,6%). Безразличие высказали 31,6%, что ниже, чем в других группах.

Можно обратить внимание на то, что люди поколения Z (18–24 года) демонстрирует наименьшую враждеб-

ность и наибольшее безразличие, возможно, из-за меньшей вовлечённости в вопросы миграции. Y-поколение (25–44 года) показывают сбалансированное отношение с небольшим преобладанием доброжелательности. А люди X-поколения, т.е. старше 45 лет, склонны к более негативному отношению, особенно группа 60+, где недоброжелательность достигает максимума. Безразличие – доминирующая позиция во всех возрастах, что может говорить о недостаточной актуальности темы для части населения или отсутствии чёткой позиции.

Помимо этого, хотелось обратить внимание на социокультурные аспекты, которые влияют на восприятие мигрантов принимающим сообществом. Такие мнения представлены в ответах на вопросы с выбором пар высказываний на тему изменения естественного уклада жизни под влиянием мигрантов, отношению к мигрантам как к угрозе и трансляции образов мигрантов в СМИ.

В первую очередь оценивалось восприятия угрозы со стороны мигрантов. Большинство респондентов (в среднем 70,9%) считают, что угроза безопасности со стороны мигрантов возросла. Наибольшая доля согласных с этим наблюдается среди людей 60 лет и старше (74,4%) и 18–24 лет (72,6%). Меньше всего эту точку зрения разделяют респонденты 25–34 лет (63,7%). Около 29,1% опрошенных полагают, что угроза нагнетается СМИ. Самый высокий процент несогласия с угрозой – в группе 25–34 лет (36,3%), т.е. у Y поколения младших возрастов.

Также удалось выяснить отношение к трудовой деятельности мигрантов. Было установлено, что запрет

на работу в «чувствительных» для населения сферах (здравоохранение и др.) поддерживается пропорционально увеличению возраста: от 43,3% у респондентов 18–24 до 63,8% у 60+ лет. Наибольшая оппозиция запрету среди молодёжи 18–24 лет (56,7%).

Немаловажным аспектом отношения к мигрантам – сфера труда, занятости и мнения о мигрантах как о трудовом ресурсе. Поддержка этой идеи выше среди молодых групп: 60,6% (25–34) против 36,2% у 60+. Было заметно, чем старше респонденты, тем чаще они выступают за ограничения для мигрантов в трудоустройстве. Молодёжь, напротив, чаще видит в них важный трудовой ресурс.

И также в рамках исследования внимание было обращено на мнение об ограничении въезда по национальному/государственному признаку. Поддержка запрета колеблется в пределах 45–56%, без чёткой возрастной динамики. Пик поддержки замечен среди респондентов 45–59 лет (55,8%). Наименьшая поддержка – 45,2%, у людей 25–34 года. Противники запрета составляют 44–55%, с небольшим перевесом среди 25–34 лет (54,8%). Люди среднего возраста чаще поддерживают жёсткие ограничения, тогда молодёжь 25–34 лет и пожилые (60+ лет) проявляют меньший консенсус в этом вопросе.

На наш взгляд причинами, которые объясняют полученные результаты данного исследования, могут стать многие глобальные тенденции. Мы видим, что поколение Z (18–24 года) демонстрирует наименьшую враждебность, но большее безразличие. Это может объясняться низким уровнем вовлечённости молодых людей в социально-экономические и бытовые проблемы, поскольку многие представители данной возрастной группы ещё не начали построение карьеры, не работают или только начинают карьеру, что позволяет исключить столкновение с конкуренцией за рабочие места. Кроме того, люди младшего возраста возможно не имеют опыта взаимодействия с мигрантами в сфере ЖКХ, медицине и других «болезненных и уязвимых» сферах. Также есть предположение о том, что в глазах молодёжи миграция не воспринимается как острая проблема для современного социума, в отличие от мирового кризиса, острой ситуации на политической арене или возможностей самореализации. Или же у таких людей нет личного негативного опыта, но и нет активной поддержки, отсюда причина частых ответов «затрудняюсь ответить».

Говоря о поколении Y (25–44 года), было замечено более нейтральное отношение к миграции с уклоном в доброжелательность. Для таких людей на данном этапе волнение вызывает карьерная самореализация, поэтому и отношение к миграции строится, как нам кажется, на прагматичности. Люди этого возраста видят в мигрантах экономический ресурс, дешёвую рабочую силу. К тому же данное поколение помнит опыт жизни в более открытой России 2000–2010-х годов, когда люди застали период относительной толерантности до ужесточения миграционного законодательства. Также данная группа в меньшей степени подвержена пропаганде о «мигрантской угрозе» по сравнению с поколением 45+ и обращает внимание на накаливание отношений со стороны СМИ.

Поколение X (45+ лет) в рамках опроса демонстрирует максимальную недоброжелательность. Среди причин можно предположить культурный консерватизм, ведь эти люди росли в СССР, где мультикультурализм не ощущался, а иностранцы были редкостью. Также именно эти люди сильнее привязаны к традиционным ценностям и настороженно относятся к «чужим». И, как нам кажется, негатив может возникать на почве страха перед изменениями, ведь часто общественность поднимает во-

прос о страхе, что мигранты «размывают» российскую идентичность.

Заключение

Отношение россиян к мигрантам в РФ неоднородно и формируется под влиянием множества факторов: социально-экономических условий, культурных особенностей, личного опыта и пр. Существуют как сходства, так и различия в восприятии мигрантов разными поколениями россиян.

По результатам исследования был выявлен ряд закрепившихся тенденций, которые долгие годы развивались на территории нашей страны. Старшее поколение X часто демонстрирует более консервативные взгляды на миграцию, связывая ее с возможными рисками для национальной идентичности и рынка труда. В это же время более молодые поколения (Y, Z) проявляют большую толерантность и открытость к мигрантам, рассматривая их как часть глобального мира и потенциальный источник культурного обогащения. В это же время Молодёжь (18–24) и пожилые люди (60+) чаще воспринимают мигрантов как возможную угрозу для личной безопасности, тогда как группа 25–34 года демонстрирует более скептическое отношение к этой позиции.

Ключевыми возрастными трендами стали следующие факты для разных возрастных групп населения Ростовской области: молодёжь (18–34 года) чаще рассматривает мигрантов как трудовой ресурс, менее склонна видеть в них угрозу, а также реже поддерживает запреты на въезд и работу.

Средний и старший возраста, т.е. 35+ более тревожны, видят угрозу в мигрантах. При этом активнее выступают за запреты и ограничения для переселенцев и именно в трудовой сфере. Также именно эта категория менее уверена в позитивной роли миграции для экономики.

Возраст является значимым фактором для выяснения мнения о современных трендах. Говоря о миграции на территории РФ можно заметить, чем больше возраст человека, тем больше усиливается настороженность к мигрантам и поддержка жёстких мер для таких людей. Молодёжь демонстрирует более прагматичный и менее эмоциональный подход.

Литература

1. Блумер Х. (1958) Расовые предрассудки как чувство групповой позиции. Тихоокеанский социологический обзор. Т. 1. № 1. С. 3–7.
2. Воробьева, О.Д. Миграционная политика России: учебник для вузов / О.Д. Воробьева, Л.Л. Рыбаковский, О.Л. Рыбаковский. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 182 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-06376-9. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/564026> (дата обращения: 18.05.2025).
3. Как изменилась миграционная политика после теракта в «Крокус Сити Холле»/ Парламентская Газета: [Электронный ресурс] <https://www.pnp.ru/social/kak-izmenilas-migracionnaya-politika-posle-terakta-v-krokus-siti-kholle.html> (Дата обращения 10.04.2025)
4. Красинец Е., Кубишин Е., Тюрюканова Е. Нелегальная миграция в России. М., 2000
5. Международная миграция населения: Россия и современный мир / Гл. ред. В.А. Ионцев. Вып. 1–16. М., 1998–2000

6. Миграционная политика России: история и современность / О.Д. Воробьева – М.: Изд-во «Экон-информ», 2016. – 192 с.
7. Монусова Г.А. Отношение к мигрантам: мнения и сомнения россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 436–458.
8. Мукомель В.И. Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества // Россия реформирующаяся. 2016. № 14.
9. Мукомель В.И. Ксенофобы и их антиподы, кто они? // Мир России. 2017. Т. 26. № 1. С. 32–57.
10. Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. М. 1975.
11. Радаев В.В. Миллениалы: как меняется российское общество. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2019.
12. Российский рынок труда через призму демографии / под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшников. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020
13. Социально-экономическое положение России. Январь 2025 года (№ 1) – <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801>
14. Шеде К. Ф., Слотер М. Дж. (2001) Конкуренция на рынке труда и индивидуальные предпочтения в отношении иммиграционной политики. Обзор экономики и статистики. Т. 83. № 1. С. 133–145.

ATTITUDES OF RUSSIANS TOWARDS MIGRANTS IN THE RUSSIAN FEDERATION: DIFFERENCES AND SIMILARITIES IN ASSESSMENTS OF DIFFERENT GENERATIONS

Polyakova E.A., Astoyants M.S., Shevchenko O.M., Emirbekova E.E.

South-Russian Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Southern Federal University

This article analyzes the main differences and similarities in the attitudes of modern Russians towards migrants. The main emphasis is placed on generational differences. Two dominant methodological directions are presented as a theoretical basis: economic and socio-cultural. Also used is the concept of the group identity of the host community, the images of “us” and “others” in matters of nationality and everyday life, described by V.I. Mukomel. The empirical basis of the study is monitoring studies from POF and ACPO, which annually track the dynamics of national relations both throughout Russia and in the regions. In addition, the results of a study by the team of the Southern Russian Branch of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, conducted in the period 2024–2025

in the Rostov Region, are presented. The main results demonstrate the fact of obvious differences in attitudes towards migrants. It can be noted that the younger generation is quite neutral and more favorable to the fact of the presence of a visiting population, but with age, people are more cautious and even skeptical about such people. Possible reasons for such differences were also suggested.

Keywords: migration, generations, stereotypes, demographic processes, attitudes towards migrants.

References

1. Blumer H. (1958) Racial Prejudice as a Sense of Group Position. *Pacific Sociological Review*. Vol. 1. No. 1. Pp. 3–7.
2. Vorobyova, O.D. Migration Policy of Russia: a textbook for universities / O.D. Vorobyova, L.L. Rybakovsky, O.L. Rybakovsky. – 2nd ed., revised. and additional. – Moscow: Publishing House Yurait, 2025. – 182 p. – (Higher education). – ISBN 978-5-534-06376-9. – Text: electronic // Educational platform Yurait [website]. – URL: <https://urait.ru/bcode/564026> (date of access: 05/18/2025).
3. How has migration policy changed after the terrorist attack in Crocus City Hall / Parliamentary Newspaper: [Electronic resource] <https://www.pnp.ru/social/kak-izmenilas-migracionnaya-politika-posle-terakta-v-krokus-siti-kholle.html> (Accessed 10.04.2025)
4. Krasinets E., Kubishin E., Tyuryukanova E. *Illegal migration in Russia*. Moscow, 2000
5. *International migration of the population: Russia and the modern world* / Ed. V.A. Iontsev. Issues 1–16. Moscow, 1998–200
6. Migration policy of Russia: history and modernity / O.D. Vorobyova – Moscow: Publishing house “Econ-inform”, 2016. – 192 p.
7. Monusova G.A. Attitude towards migrants: opinions and doubts of Russians // *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2021. No. 6. Pp. 436–458.
8. Mukomel V.I. Adaptation and integration of migrants: methodological approaches to assessing the effectiveness and the role of the host society // *Reforming Russia*. 2016. No. 14.
9. Mukomel V.I. Xenophobes and their antipodes, who are they? // *The World of Russia*. 2017. Vol. 26. No. 1. Pp. 32–57.
10. Perevedentsev V.I. *Methods of studying population migration*. M. 1975.
11. Radaev V.V. *Millennials: how Russian society is changing*. M.: Publishing house of the National Research University Higher School of Economics, 2019.
12. *Russian labor market through the prism of demography* / edited by V.E. Gimpelson, R.I. Kapelyushnikov. M.: Publishing house of the Higher School of Economics, 2020
13. Socio-economic situation in Russia. January 2025 (No. 1) – <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801>
14. Schewe K. F., Slaughter M.J. (2001) Competition in the labor market and individual preferences for immigration policy. *Review of Economics and Statistics*. Vol. 83. No. 1. P. 133–145.

От обряда к симулякру: духовные практики в эпоху виртуальности

Бегичева Анастасия Геннадиевна,

старший преподаватель кафедры философии, Российский
университет транспорта РУТ (МИИТ)
E-mail: soshnina.nastya@mail.ru

В статье авторами рассматривается трансформация духовных практик в условиях цифровой эпохи. Анализируется переход от традиционного обряда как сакрального действия к симулякру – знаку, утратившему связь с реальностью. Особое внимание уделяется философскому осмыслению изменений, вызванных виртуализацией культуры, а также влиянию информационных технологий на механизмы воспроизводства духовно-нравственных ценностей. Используются концепции Жана Бодрийера, Мирча Элиаде и современных исследователей цифровой культуры.

Ключевые слова: обряд, симулякр, виртуальность, духовные практики, цифровая культура, сакральное, постмодерн.

Современное общество, переживающее этап глубокой мировоззренчески-нравственной и социокультурной трансформации, сталкивается с переосмыслением традиционных форм духовной жизни.

Хотелось бы отметить, что в наши задачи не входит демонизация негативных аспектов происходящих процессов, мы скорее подчеркиваем тот факт, что реальность в которой мы сейчас находимся – это результат закономерного развития общества и человека, который обусловлен множеством факторов – научно-технический прогресс, изменения в психологии и качестве жизни человека, информационные технологии, смена ценностно-ориентирующего вектора и многое другое.

Виртуализация повседневности, внедрение информационных технологий в религиозные практики и обряды, массовое распространение цифровых ритуалов – всё это ставит под вопрос подлинность и действенность духовных практик в их классическом понимании. Как отмечает один из авторитетных теоретиков симулятивной концепции реальности, Ж. Бодрийер, в эпоху симулякров и симуляции реальность растворяется в знаке [1], и именно в этом контексте обряд как носитель сакрального наполнения подвергается радикальной трансформации и коренной ломке, потому что формы обряда, религии и власти сохраняются, но теряют связь с трансцендентным и становятся симулякрами – знаками без содержания [1].

Продолжая эту мысль, Ж. Делез справедливо подчеркивает, что «все стало симулякром. Но под симулякром мы должны иметь в виду не простую имитацию, а, скорее действие, в силу которого сама идея образца или особой позиции опровергается, отвергается. Симулякр – инстанция, включающая в себя различие двух расходящихся рядов, которыми он играет, устраняя любое подобие, что бы с этого момента нельзя было указать на существование оригинала или копии» [3, с. 33].

В рамках заявленной темы представляется особо важным и актуальным философское осмысление перехода от традиционного обряда к симулякру в контексте духовных практик современного российского общества. Нужно определить механизмы этой трансформации, ее социокультурных и онтологических оснований, а также возможных последствий для духовной идентичности личности, общества и человека.

Обряды и ритуалы на протяжении веков выполняли функцию посредника между сакральным и профанным. Они структурировали религиозный опыт, обеспечивали воспроизводство традиции, были способом формирования и поддержания коллективной идентичности. Мирча Элиаде указывает, что обряд – это повторение архетипического действия, совершенного предками или богами, придающее смысл человеческому существованию [7]. Таким образом, обряд есть не просто пустая форма, но действие, обладающее онтологическим статусом.

В традиционной культуре обряд неотделим от веры, он символически репрезентирует и одновременно воспроизводит сакральную реальность. Он требует теле-

сного участия, определённой ритуальной подготовки, внутреннего сосредоточения. Как подчеркивает Пивоваров В.Д.: «Праздничный архаический ритуал – способ символического обновления мира. Вначале «состарившийся» космос погружают в плодотворный хаос, а затем поэтапно восстанавливают изначальный порядок вещей. В древних религиях ритуал служил основным выражением культовых отношений» [6, с. 72].

С появлением цифровых технологий происходит кардинальное изменение форм духовного опыта. Онлайн-трансляции и стримы богослужений, цифровые иконы, религиозные приложения, виртуальные перформанс-практики все чаще смещают акцент с внутреннего духовного, глубинного сосредоточения и погружения (молитвы, аскезы, созерцание) на внешние симулятивные показатели, будь то число лайков, репостов, комментариев, как отмечает Ж. Делез: «Бог сотворил человека по своему образу и подобию, но в результате грехопадения человек утратил подобие, сохранив, однако, образ. Мы стали симулякрами, мы утратили моральное существование, чтобы вступить в существование эстетическое. Конечно, симулякр еще производит впечатление подобия, но это – общее впечатление, совершенно внешнее и производимое совершенно иными средствами, нежели те, которые действуют в первообразце. Симулякр строится на несоответствии, на различии, он интериоризирует некое сходство» [2].

Все эти формы, с одной стороны, расширяют доступ к религиозным практикам, а с другой – изменяют саму их природу, их сущностное ядро.

Участие в обрядах, ритуальных практиках становится возможным через посредников – информационные технологии, в результате чего сакральность таких действий вытесняется и постепенно теряет свою сущностную выразительность и глубину. Как подмечает С. Жижек: «Виртуальная реальность просто генерализует эту процедуру предложения продукта, лишённого своей субстанции: она обеспечивает саму реальность, лишённую своей субстанции, сопротивляющуюся твердому ядру Реального – точно так же, как кофе без кофеина обладает запахом и вкусом кофе, но им не является, виртуальная реальность переживается как реальность, не будучи таковой» [4, с. 84].

Таким образом, возникает симулякр обряда – его визуальная, квазиэстетическая репрезентация, лишённая глубинной связи с подлинным сакральным.

Как мы уже отметили, примером симулякра может служить практика «лайков» под религиозным контентом в социальных сетях. Пользователь, поставивший «лайк» или комментарий под изображением иконы или цитатой из священного текста, ощущает участие в духовной жизни и единение с другими участниками, не предпринимая никаких усилий. Это участие – не подлинное действие, а его имитация, поверхностная вера. Подобные формы создают иллюзию причастности к сакральному, не требуя внутренней экзистенциальной рефлексии и последующей трансформации.

Другим примером могут служить так называемые «цифровые» или виртуальные паломничества, когда пользователь «посещает» святые места через виртуальные туры. Подобный опыт, безусловно, может носить культурно-просветительский характер, но он лишён главного – полноценной религиозной социализации, физического и духовного преодоления пути, посещения религиозных святынь, составляющего суть паломничества: «онлайн-паломничество, особенно по удалённым территориям или с целью более подробного ознакомления со святыми местами, расположенными близко, может дать весьма многое. Однако одного его, безусловно,

недостаточно – оно никак не может заменить живой образ и «дух» места, которые постигаются только при его непосредственном посещении» [5, с. 1373].

На основании вышесказанного возникает ряд вполне закономерных вопросов – каковы философские последствия этих процессов? Что ожидает человечество – утрата подлинности или новый формат духовности?

Конечно, у нас нет однозначных ответов на эти вопросы, но заявленные проблемы в дальнейшем могут быть рассмотрены в рамках более детального междисциплинарного подхода.

Осмелимся предположить, что возможно переосмысление и адаптация духовных практик к новой онтологической ситуации. Так, например, перспективной представляется концепция «цифрового аскетизма» – осознанного и критического отношения к виртуальной среде, в которой духовные формы не имитируются, а трансформируются в соответствии с внутренней потребностью человека в экзистенциальном наполнении.

Переход от обряда к симулякру – это коренной социокультурный сдвиг, когда происходит серьёзное изменение в аксиосфере. Он отражает глубинные изменения в способе бытия человека, в его отношении к сакральному, к себе и к Другому. Цифровая эпоха бросает вызов подлинности духовного опыта, но в то же время открывает новые горизонты для философского осмысления религиозности, обряда и традиции. Необходима критическая рефлексия, способная защитить метафизическую границу между подлинником и копией и отличить сакральное от виртуального, духовное от искусственно декоративного.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. – М.: Добросвет, 2000. – 272 с.
2. Делез Ж. Платон и симулякр // Новое литературное обозрение. 1993. № 5. // <http://www.nlo.magazine.ru>
3. Делез Ж. Различие и повторение. СПб., 1998. – 384 с.
4. Жижек, С. Добро пожаловать в пустыню Реального / С. Жижек / Пер. с англ. Артема Смирного. М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002. – 160 с.
5. Маркова О.И. Онлайн-паломничество как элемент Информационной системы: за и против // Гуманитарное пространство. 2021. № 9.
6. Пивоваров Д.В. Религиозный культ: операционные модификации // Вестник экономики, управления и права. 2011. № 2 (15). С. 72.
7. Элиаде М. Священное и мирское. – М.: АСТ, 1994. – 144 с.

FROM RITE TO SIMULACR: SPIRITUAL PRACTICES IN THE AGE OF VIRTUALITY

Бегичева А.Г.

Russian University of Transport (Moscow State University of Railway Engineering)

In this article, the authors examine the transformation of spiritual practices in the digital age. They analyze the transition from a traditional ritual as a sacred act to a simulacrum – a sign that has lost touch with reality. Particular attention is paid to the philosophical understanding of the changes caused by the virtualization of culture, as well as the influence of information technology on the mechanisms of reproduction of spiritual and moral values. The concepts of Jean Baudrillard, Mircea Eliade and modern researchers of digital culture are used.

Keywords: ritual, simulacrum, virtuality, spiritual practices, digital culture, sacred, postmodern.

References

1. Baudrillard J. Simulacra and Simulation. – M.: Dobrosvet, 2000. – 272 p.
2. Deleuze J. Plato and the Simulacrum // New Literary Review. 1993. № 5. // <http://www.nlo.magazine.ru>
3. Deleuze J. Difference and Repetition. St. Petersburg, 1998. – 384 p.
4. Zizek, S. Welcome to the Desert of the Real / S. Zizek / Transl. from English by Artem Smirny. M.: Pragmatics of Culture Foundation, 2002. – 160 p.
5. Markova O.I. Online Pilgrimage as an Element of the Information System: Pros and Cons // Humanitarian Space. 2021. № 9.
6. Pivovarov D.V. Religious cult: operational modifications // Bulletin of Economics, Management and Law. 2011. № 2 (15). P. 72.
7. Eliade M. Sacred and Secular. – M.: AST, 1994. – 144 p.

Веденеев Илья Николаевич,

к.и.н., преподаватель, Кафедра гуманитарных наук
Финансового университета при Правительстве Российской
Федерации
E-mail: invedenееv@fa.ru

Кафтан Виталий Викторович,

д.ф.н., профессор, Кафедра массовых коммуникаций
и медиабизнеса Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
E-mail: vvkaftan@fa.ru

Гипотеза исследования состоит в том, что базовые понятия нарратологии могут использоваться для анализа не только художественных произведений, но также философских и исторических (историографических). Исследование приводит доказательства в подтверждение этой точки зрения, опираясь на работы таких авторов как Ж. Деррида (применительно к философии), Х. Уайта и Ф. Анкерсмита (применительно к истории). Делается вывод что метафора, метонимия, синекдоха являются универсальными категориями нарратологии, которые подходят для анализа дискурса любой модальности. Как следствие, нарративность определяется как неотъемлемый атрибут любого текста, написанного на естественном языке. Она может пониматься как невозможность полной, абсолютной объективности, т.к. метафора и метонимия знаменуют постоянное смещение смысла с одного означающего (слова) к другому.

Ключевые слова: нарратив, нарратология, нарративность, метафора, метонимия, синекдоха, ирония.

По состоянию на данный момент исследование нарративов (также известное как нарратология) представляется одним из наиболее перспективных направлений в гуманитарных науках. Это связано с рядом причин, в числе которых необходимо упомянуть, в первую очередь, «языковой поворот»: то обстоятельство, что большое количество исследователей, учёных и философов XX в. обратили своё внимание на язык как самостоятельную сущность, стоящую между познающим разумом, с одной стороны, и объективной реальностью, с другой. Несмотря на то что эта «парадигма» исследований затронула почти все (или почти все) сферы гуманитарного знания, а также по-новому поставила (сформулировала) многие из прежних вопросов, сказать, что на них найдены окончательные ответы, по-прежнему нельзя. В числе направлений исследований и исследователей, занимавшихся проблемой языка в XX в., следует упомянуть феноменологию (М. Хайдеггер), аналитическую философию (Л. Витгенштейн), структурную лингвистику (Ф. де Соссюр, Р. Якобсон), структурализм (К.-Л. Стросс, Р. Барт, Ж. Лакан), постструктурализм (М. Фуко, Ж. Деррида) и др.

Гипотеза нашего исследования состоит в том, что применение базовых категорий (т.е. понятийного аппарата) нарратологии в равной степени правомочно не только по отношению к художественным произведениям, но также работам, написанным в философской и исторической модальностях языка (дискурсе). В рамках данного исследования мы выделяем литературный (художественный), философский и исторический (историографический) дискурсы. Как следствие, задачи работы следующие. Во-первых, дать ответ на вопрос, применение каких конкретно категорий классической нарратологии правомочно также для произведений, относящихся к философскому и историческому дискурсу. Во-вторых, если гипотеза подтвердится, вскрыть истоки структурного единообразия нарративов (притом, что их внешнее несходство, различие представляется очевидным).

С точки зрения Я. Мейстера, одного из наиболее известных и авторитетных исследователей нарративов, нарратология (narratology) представляет собой гуманитарную дисциплину, целью которой является изучение логики, принципов и способов репрезентации повествований (narrative) [1, с. 623]. Нарратив при этом понимается как повествование, рассказ о чём-то [2]. Схожего взгляда придерживается англоязычная традиция, согласно которой нарратив является «способом представления или понимания ситуации или ряда событий, который отражает и служит продвижению определённой точки зрения или набора ценностей», либо «написанной или рассказанной историей» [3, 4].

Существует длительная традиция изучения нарративов. Фактически, если не сама нарратология, то ряд её основополагающих понятий был впервые изложен, сформулирован в «Поэтике» Аристотеля. Впоследствии изучение нарративов получило широкое развитие, особенно в XX в. ввиду упомянутого «языкового поворота» в гуманитарных науках.

Как метод литературоведческого исследования нарратология обладает обширным и глубоко разработанным понятийным аппаратом. Большой вклад в её разви-

тие внесли авторы российского происхождения (русские формалисты, московско-тартуская семиотическая школа). С точки зрения современного состояния науки можно привести следующие факты. Англоязычное «Пособие по нарратологии» (2014) включает в себя 68 разделов (36 в первом томе и 32 во втором). Каждый из них рассматривает либо каждую базовую категорию по отдельности (автор, персонаж, метафора, метонимия, синекдоха, ирония, диегезис, мимесис, событийность, фокализация, металепис и др.), либо в контексте (когнитивная нарратология, корпоративный сторителлинг, историографическое повествование, повествование в религиозном дискурсе, нарративная этика, уровни повествования и др.) [5, с. V–X]. «Энциклопедия нарративной теории Рутледж» (2005) насчитывает порядка 214 ключевых концептов, 96 подходов и исследовательских программ, а также 138 жанров и поджанров (итого 448 понятий) [6, с. XIX–XXIII].

Мы исходим из того, что всё, что может быть выражено средствами естественного языка (не может быть выражено иначе, нежели средствами естественного языка) может считаться нарративом. Однако констатации этого недостаточно. Необходимо прояснить вопрос, какие конкретно нарратологические понятия могут использоваться при анализе философского и историографического дискурсов. Если не сказать, в чём состоит нарративность (narrativity) этих полей человеческого знания и практики?

В том, что касается философии, можно привести несколько аргументов. Во-первых, существует целая серия исследований, получивших название «Исследования древнегреческих нарративов» (*Studies in Ancient Greek Narrative*). На данный момент в нидерландском издательстве Brill вышло пять томов (последний в 2022). Они посвящены рассмотрению античных авторов, в том числе и Платона. Одно из них ставит вопрос, можно ли изучать произведения основоположника традиции западной философии как нарратив [7]. Другие рассматривают творчество Платона сквозь такие нарративные категории как время, пространство, создание персонажей (*characterization*) и речь. Автором всех работ, посвящённых Платону в этой серии, была К. Морган.

На этот аргумент «от практики» можно возразить, что далеко не из всех философских концепций, трактатов разных авторов нарратив может быть эксплицирован с той же лёгкостью, что из «Апологии Сократа» или диалогов Платона: само название которых указывает на нарративный характер (как минимум, структуру) этих произведений. Более того, в XX в. появилось такое направление философии как логический позитивизм, согласно которому все значимые философские вопросы могут быть сведены к вопросу языка: в то время как вопросы, на которые невозможно ответить, не имеют смысла или являются следствием неправильного употребления языка. Конструктивным следствием такой позитивистской постановки вопроса стало активное использование языка математики и математической логики. Однако достаточно скоро стало ясно, что полностью отказаться от средств естественного языка – либо добиться его полной «формализации» – не получится. Характерным, в связи с этим, представляется переход Л. Витгенштейна от раннего «Логико-философского трактата» к более поздним «Философским исследованиям», в центре внимания которых оказывается феномен языковых игр [8, с. 90].

Нашим следующим аргументом в пользу того, что нарративность составляет ткань не только художественных произведений, но и философского дискурса, является ссылка на работы французского философа-

постструктуралиста Ж. Деррида. В одном из своих произведений, рассуждая о центре, его отсутствии и, как следствие, децентрированности структуры, он приходит к выводу, что всякая структура – сама история этого понятия – должна осмысляться как «серия подмен одного центра другим» [9, с. 353]. Иными словами, понятие центра (а с ним и бытия – определяемого как присутствие) на протяжении истории философии лишь получало различные «формы или имена», но само никогда не становилось предметом прямой, ничем не опосредованной критики, рефлексии. В результате задачей деконструкции стало показать «искусственный, ограниченный, противоречивый характер метафизики присутствия» [10, с. 13].

Таким образом, история западной метафизики оказывается историей метафор и метонимий: переноса значений, смещения смысла с одного означающего (слова) на другое. В качестве примера Деррида приводит следующую цепочку означающих: «все имена, относящиеся к основе, первопричине или центру, всегда отсылают к определённом инварианту присутствия: эйдос, архе, телос, энергия, усия (сущность, существование, субстанция, субъект), алетейя, трансцендентальность, сознание, Бог, человек и т.д.» [9, с. 353–354]. Из этого также делаются далеко идущие выводы что «в отсутствие центра или истока всё становится дискурсом» и «отсутствие трансцендентального означаемого расширяет поле и игру означивания до бесконечности», что ведёт к релятивизации [9, с. 354]. Связь этих высказываний с другим известным высказыванием Деррида – о том, что «внетекстовой реальности вообще не существует» – представляется очевидной [11, с. 313].

Иными словами, в том, что касается отношения философии к нарратологии, можно сделать следующий, промежуточный вывод. Ясно, что создание философских концепций не сводится только к нарративному уровню, техникам. Не всё, что является нарративом, относится к философии (хотя, возможно, из любого текста – даже естественно-научного – те или иные философские импликации могут быть эксплицированы). Однако любая философия, с нашей точки зрения, может рассматриваться как нарратив. Во всяком случае, она содержит в себе нарративное измерение как, своего рода, «нулевой уровень»: представленный самим текстом в его «материальности» – вплоть до букв, напечатанных на бумаге, – относительно которого всякое последующее прочтение, интерпретация становятся возможны.

Что касается истории (историографии), аргументация в пользу того, что в её основании лежит нарративный фундамент, отчасти та же, что в случае философии. Тем не менее, специфика базового объекта истории как науки (историческая реальность, о которой судят по оставшимся от неё свидетельствам) сама по себе делает исторический дискурс отличным от дискурсов других модальностей.

В предисловии к одной из своих книг (сборнику эссе) известный исследователь политической репрезентации Ф. Анкерсмит изложил нарратив, согласно которому история становления философии истории – по меньшей мере, начиная с XIX в. – может быть представлена как ряд последовательно сменяющих друг друга этапов. Первый из них – получивший название спекулятивной философии истории – ставил перед собой целью создание масштабных историософских полотен, призванных объяснить ход всей мировой истории, выводя его, как правило, из какого-то одного принципа, значение которого признавалось преобладающим (например, развитие производительных сил у К. Маркса). Работы Г. Гегеля, К. Маркса, О. Шпенглера и Дж. Тойнби являют собой

примеры подобных «больших нарративов» применительны к истории. Впоследствии спекулятивная философия истории была подвергнута критике за её «метафизичность»: даже если знание, получаемое ей, не является ложным, нет способов, которые позволили бы его верифицировать [12, с. 5–6].

Следующий этап рефлексии о науке истории, её «сциентизации» получил название критической философии истории. Ключевым событием этого этапа стал выход в 1973 г. работы уже упоминавшегося Х. Уайта «Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX столетия». По мнению Анкерсмита, это исследование «означало начало процесса решающего изменения парадигмы», став «огромным достижением в исторической науке» [12, с. 9]. Как следствие, два положения работы Уайта представляют для нас интерес.

Во-первых, он сформулировал «три уровня исторического текста»: описания отдельных фактов; их интерпретации и «исторического текста в целом». Последний представляет собой определённую репрезентацию. С точки зрения Анкерсмита этот уровень – «единственный, действительно верно представляющий историю». Иными словами, «описания и объяснения, которые мы находим в тексте, есть просто компоненты текста как целого, и их функция заключается только в том, чтобы внести вклад в это целое» [12, с. 9]. Данное обстоятельство также полностью игнорировалось предшествующими традициями восприятия и интерпретации исторических текстов.

Чтобы прояснить последнюю мысль, можно привести пример «Культуры итальянского Ренессанса» Я. Буркхардта. Сквозь всё произведение красной нитью проходит представление, согласно которому итальянская культура XV–XVI вв. представляла собой «возрождение» классической Античности. Нарративное изменение этого – равно как любого другого, исторического – сочинения состоит, по мнению Уайта, в том, что экстраполяции и обобщения, подобные приведённым, «имеют смысл» несмотря на «фактические неточности, которые они могут содержать и логические противоречия, которые могут ослаблять их доказательства» [13, с. 8]. Иными словами, речь идёт – как мы уже предположили в предыдущем разделе – не столько о том, какова была реальность «на самом деле», сколько о нашем представлении, «реконструкции» того, какой она была, могла выглядеть. Примечательно, в связи с этим, прямые параллели, проводимые Анкерсмитом между произведениями авторов «лингвистического поворота» XX в. и философией И. Канта. В обоих случаях итогом оказывается «производство понятия «ноуменальной действительности» (в кантианской терминологии), к которой мы никогда не сможем получить доступ» [12, с. 12–13].

Второй новацией Уайта стало то, что он создал ряд символических «сеток», опираясь на которые стало возможно классифицировать нарративы, которые когда-либо создавались историками. Во-первых, он сформулировал три типа стратегий, используемых историографами для создания «эффекта объяснения»: (а) посредством формального доказательства; (б) построения сюжета (emplotment); (в) создания идеологического подтекста. Каждой из этих стратегий, в свою очередь, соответствуют четыре способа артикуляции: (а) для формального доказательства: формизм, органицизм, механицизм, контекстуализм; (б) для сюжета: архетипы романа, комедии, трагедии и сатиры; (в) для идеологического подтекста: тактики анархизма, консерватизма, радикализма и либерализма. Комбинация этих типов составляет «историографический стиль» того или иного историка, философа истории [13, с. 18].

Уайт не согласен с тем, что категории, используемые историками при анализе, являются, во-первых, реальной структурой их исследований, а, во-вторых, могут служить ключом к объяснению «убедительности» предлагаемых ими историософских концепций. С его точки зрения всё наоборот и рациональной рефлексии избранного материала предшествует акт представления (pre-figures): историк заранее «представляет историческое поле и конституирует его как специфическую область». Осуществляется это, в свою очередь, сугубо нарративными средствами: посредством метафоры, метонимии, синекдохи и иронии. Все эти категории – возводимые Уайтом в «типы представления» – являются, по совместительству, базовыми категориями нарратологии.

С этим, однако, связана обратная сторона его подхода, на которую не преминул указать Анкерсмит. Так, концентрация на нарративной стороне исторического исследования приводит к тому, что «Метаистория» не даёт ответа на вопрос как соотносятся текст, создаваемый историком и историческая реальность, по поводу которой он создаётся. Как следствие, концепция Уайта также не даёт ответа на вопрос, почему одни интерпретации исторических событий могут восприниматься нами как более точные, удачные и убедительные, нежели другие. В итоге Анкерсмит проводит параллели между трудом Уайта и уже процитированной выше цитатой Деррида, согласно которой «внетекстовой реальности не существует». С нашей точки зрения можно сказать, что это свидетельство в пользу «чистоты» исследования Уайта: ни разу не выйдя за пределы того проблемного поля, круга вопросов, что с самого начала очертил для себя, он подводит к выводу что нарративы – безотносительно того, каково конкретное их содержание – самодостаточны; в то время как их убедительность зависит от нарративных средств если не исключительно, то в значительной степени.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Нарратология представляет собой гуманитарную дисциплину, которая ставит своей целью изучение закономерностей репрезентации повествований. Она включает в себя большое количество категорий, которые призваны описывать специфику устройства в первую очередь художественного текста (такие как метафора, метонимия, построение сюжета, синекдоха и т.д.).

Как показало наше исследование, несмотря на то что базовым объектом нарратологии является художественная литература, нельзя сказать, что её базовые понятия не могут использоваться для анализа дискурсов иной модальности. В самом общем приближении это обосновывается тем, что и философские, и исторические (историографические) произведения представляют собой тексты. То обстоятельство что историки предпочитают писать целые книги не случайно: «историки знают, что только книга в целом представляет сущность их концепций о прошлом» [12, с. 9].

В числе универсальных черт, присущих всем нарративам, независимо от их конкретной модальности, можно указать такие категории как метафора, метонимия, синекдоха и ирония. Как показал Деррида в своих исследованиях, первые две являются неотъемлемыми элементами философского дискурса. Связь между рядом основополагающих положений классической (как и модернистской) философии оказывается не логической, а метафорической (замещающей одно понятие другим). В не меньшей степени это касается исторических сочинений, в которых связь между отдельными элементами повествования является «скорее тропологической, нежели логической», а дискурсивные связи между фигурами «метафоричны, т.е. основаны на поэтических тех-

никах конденсации, замещения, символизации и переосмотра» [13, с. 8].

С нашей точки зрения именно в этом состоит специфика нарративности. Нарративность – это неотъемлемое свойство любого текста, написанного на естественном языке, которое включает в себя такие эффекты как метафора и метонимия. Из-за их вмешательства ни про какой текст нельзя сказать, что он выстроен сугубо логико-дедуктивно (либо таковой является его структура). Или, как выразился по этому поводу Уайт, «описание истории остаётся риторическими и литературным, поскольку продолжает использовать обычные грамотные речь и письмо как наиболее предпочтительные средства для выражения результатов исследования прошлого» (как следствие, сами репрезентации прошлого остаются «литературными» и «поэтическими») [13, с. 7]. Если более ранняя, позитивистская традиция исторической науки XIX в. требовала «отказа от использования субъективного повествовательного авторитета», то к середине XX в. стало ясно, что этот идеал строгой научности оказывается совершенно недостижим. То же самое касается аналогичных изысканий логических позитивистов в философии.

Литература

1. Meister J.C. Narratology // Handbook of Narratology. Vol. I-II / Ed. by P. Hühn, J.C. Meister, J. Pier, W. Schmid. 2nd ed. De Gruyter, 2014.
2. Нарратив // Большая российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru /c/narrativ-e32ac9> (дата обращения: 28.04.2025).
3. Narrative // Merriam-Webster Dictionary. – URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/narrative> (accessed: 28.04.2025).
4. Narrative // The Britannica Dictionary. – URL: <https://www.britannica.com/ dictionary/narrative> (accessed: 28.04.2025).
5. Handbook of Narratology. Vol. I-II / Ed. by P. Hühn, J.C. Meister, J. Pier, W. Schmid. 2nd ed. De Gruyter, 2014.
6. Routledge Encyclopedia of Narrative Theory / Ed. by D. Herman, M. Jahn, M.-L. Ryan. Routledge, 2005.
7. Morgan K.A. Plato // Narrators, Narratees, and Narratives in Ancient Greek Literature. Studies in Ancient Greek Narrative. Vol. I / Ed. by I. de Jong, R. Nünlist, A. Bowie. Brill, 2004.
8. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Т. I. М.: Гнозис, 1994.
9. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Деррида Ж. Письмо и различие. СПб.: Академический проект, 2000.
10. Мазин В. Субъект Фрейда и Деррида. СПб.: Алетейя, 2023.

11. Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000.
12. Анкерсмит Ф. История и тропология: взлёт и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
13. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд. Уральского ун-та, 2002.

NARRATIVITY AS AN ATTRIBUTE OF PHILOSOPHICAL AND HISTORICAL DISCOURSE

Vedeneev I.N., Kaftan V.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The hypothesis of the study is that the basic concepts of narratology can be used to analyze not only works of fiction, but also philosophical and historical (historiographical) works. The study provides evidence in support of this point of view, relying on the works of such authors as J. Derrida (in relation to philosophy), H. White and F. Ankersmith (in relation to history). It is concluded that metaphor, metonymy, synecdoche and metonymy are universal categories of narratology, which are suitable for analyzing discourse of any modality. As a consequence, narrativity is defined as an inherent attribute of any text written in natural language. It can be understood as the impossibility of complete, absolute objectivity, since metaphor and metonymy mark a constant shift of meaning from one signifier (word) to another.

Keywords: narrative, narratology, narrativity, metaphor, metonymy, synecdoche, irony.

References

1. Meister J.C. Narratology // Handbook of Narratology. Vol. I-II / Ed. by P. Hühn, J.C. Meister, J. Pier, W. Schmid. 2nd ed. De Gruyter.
2. Narrative // The Great Russian Encyclopedia. – URL: <https://bigenc.ru /c/narrativ-e32ac9> (accessed: 28.04.2025).
3. Narrative // Merriam-Webster Dictionary. – URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/narrative> (accessed: 28.04.2025).
4. Narrative // The Britannica Dictionary. – URL: <https://www.britannica.com/ dictionary/narrative> (accessed: 28.04.2025).
5. Handbook of Narratology. Vol. I-II / Ed. by P. Hühn, J.C. Meister, J. Pier, W. Schmid. 2nd ed. De Gruyter, 2014.
6. Routledge Encyclopedia of Narrative Theory / Ed. by D. Herman, M. Jahn, M.-L. Ryan. Routledge, 2005.
7. Morgan K.A. Plato // Narrators, Narratees, and Narratives in Ancient Greek Literature. Studies in Ancient Greek Narrative. Vol. I / Ed. by I. de Jong, R. Nünlist, A. Bowie. Brill, 2004.
8. Wittgenstein L. Philosophical Investigations // Wittgenstein L. Philosophical works. Vol. I. Moscow: Gnosis, 1994.
9. Derrida J. Structure, Sign and Play in the Discourse of Humanities // Derrida J. Writing and Difference. Saint-Petersburg: Academic Project, 2000.
10. Mazin V. Freud and Derrida's Subject. Saint-Petersburg: Aleteya, 2023.
11. Derrida J. Of Grammatology. Moscow: Ad Marginem, 2000.
12. Ankersmit F. History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor. Moscow: Progress-Tradition, 2003.
13. White H. Metahistory: Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe. Ekaterinburg: Ural State University, 2002.

Диалог поколений сквозь призму поиска оптимальной методологии исследования

Денищенко Мария Евгеньевна,

ведущий специалист отдела расчетов и экономического анализа Южного федерального университета
E-mail: mdenishenko@sfedu.ru

В статье осуществляется поиск оптимальных методологических средств исследования проблемы диалога поколений. Автор прослеживает основные вехи в развитии подходов к определению поколения, диалога, диалога поколений в науках об обществе, анализирует потенциал экзистенциальной, феноменологической концепций, а также положений коммуникативной философии с целью выделить наиболее конструктивные положения, которые можно использовать для реализации цели исследования диалога поколений в современном российском обществе. Формируется мнение о том, что экзистенциально-феноменологическая методология, а также учёт ряда положений коммуникативной философии, теории жизненного мира и методологии «приспособления» способны обеспечить концептуальное теоретико-методологическое пространство изучения феномена диалога поколений с учетом не только нормативно-институциональной его составляющей, но с акцентом на углубленное понимание специфики переживания другим индивидом аспектов социальной реальности, способности проникнуть в это переживание и уяснить его смысловые и интерпретационные основания.

Ключевые слова: жизненный мир, культура, межпоколенческий диалог, методология, поколение, смысл, социальный опыт, феноменология, ценности, экзистенциализм.

Перефразируя известное изречение Гегеля о том, что философия – это эпоха, схваченная в мысли, можно заключить, что поколение – это эпоха, схваченная в переживании большинства современников. Безусловно, в определении связи либо напротив, различий между поколениями играют значительную роль экономический, политический, демографический и даже физиологический, факторы, однако все они в итоге формируют уникальное для определенной группы людей ощущение социального и личного времени и пространства, различное в оттенках и полутонах, однако сходное по своим онтологическим и аксиологическим основаниям. Соответственно, взаимодействие поколений во многом похоже на встречу эпох, исход которой зависит от способности участников данного взаимодействия понять друг друга на уровне указанных оснований.

В науках об обществе сформировалось достаточно много подходов как к определению собственно поколения, так и к основам исследования межпоколенческого общения и его результатов. Основной дискурс связан с философской, социологической и культурологической интерпретациями данной проблемы, нередко они пересекаются. Поиск оптимального определения поколения проходит в истории социально-гуманитарного дискурса этапы позитивистской, романтической и интегративной рефлексии, когда идеи О. Конта, Дж.С. Милля относительно роли смены поколений в процессе социальной эволюции и возможностей дать четкие объективные параметры этого процесса уступают место трактовке поколения как новой, социальной меры времени, внутренней характеристики общности переживания группой людей состояния детства и молодости, а также знаменательных событий, создающих призму для формирования ценностного мира и восприятия действительности у данной общности. Так или иначе, оба подхода стремятся обосновать выбор в конкретных исторических условиях определенной модели социальной целостности, признанной большинством индивидов в силу воздействия объективных или субъективных факторов. Основным критерием, таким образом, выступает хронологический, дискурс же подтверждает мнение Э. Гидденса о том, что «...время является, пожалуй, наиболее загадочной характеристикой человеческого опыта» [2, с. 81].

Классик теории поколений К. Маннгейм предпринял попытку вписать в позитивистский в целом контекст исследования этой проблематики компонент духовности. Он определяет поколение как группу людей одинакового возраста, испытавших примечательные исторические события в течение определённого промежутка времени [11, с. 280]. Также Маннгейм проследил диалектичность процесса коммуникации между поколениями – он описывает мирный плавный эволюционный прогресс, где одно поколение сменяет другое, старшее поколение передает опыт, обеспечивая преемственность, каждое поколение похоже на своих отцов, но в тоже время привносит в социальную жизнь и что-то свое, специфическое [3, с. 157]. Критики Маннгейма утверждали, что он угодил в ловушку детерминизма, и его социальные конструкты «наделяют» индивида знаниями, убеждением и в целом формируют его мировоззрение, однако сам учёный отме-

чал, что весьма осторожен с понятием «детерминации» и не имел в виду механическую причинно-следственную связь [12, с. 495].

Н. Хоув и В. Штраус также известны как создатели «теории поколений», определяя социальное поколение в первую очередь с точки зрения похожих ценностей, которыми обладают люди, переживающие определенную фазу жизненного цикла [10]. Если Маннгейм рассматривает «формативные годы для индивида», когда он наиболее восприимчив к определенным реакциям и выводам о мире, Хоув и Штраус, также уделяя внимание событиям, формирующим сходные ценности у людей, рожденных в определенные годы, выделяют также фазы жизненного цикла, в которых складывается представление индивида о социальной роли, т.е. ощущение себя в качестве представителя данного поколения. В трактовке указанных учёных основным мотивом общения между поколениями становится стремление более молодого поколения изменить те установки и практики, которые транслируются старшим поколением, т.е. из привычной доселе диалектической триады исключается синтез, и взаимодействие сводится к борьбе тезиса и антитезиса.

В условиях современности дискурс в отношении определения отличительных признаков поколений и механизма их взаимодействия дополняется новой проблематикой. В частности, антропологический вектор развития дискуссии представлен работами М. Мид, показавшей зависимость этого феномена от типа общества в значении типа культуры, который, в свою очередь, определяет формат передаваемого социального опыта, причем траектории такой передачи могут быть разными – впервые обосновывается взаимное культуробогащающее воздействие старшего и младшего поколений.

У. Бек в своих работах поднимает проблему поколений на макроуровень, когда в условиях глобальных рисков одной из проблем взаимодействия носителей разных ценностей, приобретенных в силу возрастной включенности в разные исторические периоды, является способность правильно понять масштабы социального риска и перспективы возвращения в состояние равновесия. В свою очередь Р. Инглхарт выделяет материалистический и постматериалистический ценностный контекст как критерий межпоколенческого общения. Появляются тенденции рассмотрения вопроса в ракурсе постиндустриальной рациональности (Дж. Ритцер) и «текучей» современности (З. Бауман), а также их производные. В частности, П.С. Макеев полагает возможным появление такого феномена, как «текучее» поколение [5, с. 223], где привычные отличия между поколениями будут становиться всё более размытыми, а поколенческие характеристики контекстуально «перетекать» друг в друга.

Использование в целях настоящего исследования понятия диалог представляется оптимальным для отображения специфики общения между поколениями в плоскости трансляции социального опыта и операций с ним в ходе такого общения.

Философская культура и философствование в целом вплоть до эпохи Нового времени были зачастую монолитны (за исключением, конечно, творчества Платона и свидетельств о методе его учителя, Сократа), когда выяснилось, что многие философские проблемы, в особенности, связанные с включенностью человека в жизнь

общества, требуют зримого или незримого, формального или неформального, структурированного либо же несистематизированного, однако определенного качества взаимодействия, видоизменяющего исходные социально-философские позиции участников либо расширяющие пространство смыслов, значений и трактовок, используемых в ходе общения. Ибо сам принцип диалогического общения, помимо определенного количества участников, подразумевает «обоснование и отстаивание своей позиции (мысли), выраженной словом» [4, с. 105].

Социально-философское понимание диалога связано с рассмотрением последнего в качестве:

- источника разнообразия социального и индивидуального мира (обобщенная социокультурная трактовка);
- основы мышления (М. Хайдеггер, К. Леви-Стросс);
- средства межкультурного общения (Л.Н. Гумилёв);
- иллюстрации диалектики человеческих взаимоотношений, потребности личности постигнуть себя через мир во всей его «полифонии», а мир через себя (М.М. Бахтин, В.С. Библер, А.С. Ахиезер);
- коммуникации любого вида, связанной с обменом информацией (Г.Д. Левин);
- взаимодействия с целью достижения нового и общего для участников диалога понимания (Д. Бом);
- совместного исследования социальной проблемы с целью выхода на новый уровень познавательного контекста как основы для новых смыслов и значений (У. Айзекс);
- средства отождествления себя с другими, с целью прийти в итоге к пониманию не столько их, сколько самого себя (Г. Мид).

Каким же должно быть общение, если в качестве участников диалога выступают представители различных поколений, говоря глобально – собственно поколения?

П.С. Макеев предлагает достаточно содержательное определение межпоколенческого диалога, понимая под ним процесс взаимодействия между представителями двух или более поколенческих групп (когорт), направленный на передачу, критическое осмысление и воспроизводство социального опыта, его модернизацию и новообразование [5, с. 222].

Отдавая должное учету основных операций с социальным опытом в ходе диалога поколений, представленных в указанном определении, считаем необходимым при исследовании феномена межпоколенческого диалога, его ценностных оснований и принципов обратить особое внимание на схему «Я-другие», которая актуализируется всякий раз, когда имеет место взаимодействие представителей различных поколений и в качестве предмета взаимодействия выступает социальный опыт, а соответственно, кем-то уже пережитый отрезок реальности и сформированная на основе этого программа социального поведения. Во многом от того, насколько индивид способен приблизиться к содержанию этого переживания, понять его экзистенциальные и контекстуальные основания, зависит конструктивность данного диалога.

Символический интеракционист Герберт Мид, замечая, что «лишь принимая роли других, мы стали способны обращаться к самим себе» [6, с. 67], и межпоколенческий диалог видит как складывающийся в процессе выполнения индивидом социальных ролей других.

Ценности и смыслы, которыми обмениваются участники диалога, не всегда с необходимостью будут наследованы или воспроизведены, но должны быть *поняты (или прочувствованы)* в ходе диалога, и его итогом в таком случае может выступить изменение в мировоззрении участников, а значит, и транслируемый социальный опыт будет принят или учтён.

Наиболее продуктивным для настоящего исследования представляется экзистенциально-феноменологический подход. Данная методология позволяет проанализировать феномен межпоколенческого диалога с учетом его формальных и неформальных, логичных и противоречивых аспектов, то есть в многообразии жизненных проявлений, а также обратиться к изучению особенностей построения межпоколенческого диалога в реальном пространственно-временном формате существования российского общества. Став объектом экзистенциально-феноменологической рефлексии, личность раскрывается сквозь призму её переживаний, осмысления «изнутри» ситуации восприятия другой личности с учётом уже её переживаний.

Социальное как таковое исследуется в рамках экзистенциальной методологии с помощью обращения к содержанию внутреннего мира личности, лишь глубокое понимание граней которого открывает путь к осознанию общности социокультурного мира как результата открытости внутреннему миру, переживаниям и эмоциональным состояниям Другого – того, кто одновременно не похож на нас, однако же осознаётся нами как находящийся рядом «микрокосм», располагающий богатством своего внутреннего мира и целым спектром индивидуальных интерпретаций социальной реальности. Обрести самого себя (свою самость), человек, по мнению представителей экзистенциализма, может с помощью коммуникации [9], будучи открытым миру Другого. Хотя экзистенциальные теории и смещают исследовательский акцент в сторону субъекта, использование данного метода в практической плоскости может быть ориентировано на обнаружение ответа на вопрос – есть ли средства, способные повлиять на степень подобной открытости?

В свою очередь, феноменологическое прочтение феномена социального подразумевает охват всех сфер социальной реальности и изучение определенного её отрезка с учётом экономической, экологической, политической, культурной интенциональности личного и общественного сознания. В аспекте исследования межпоколенческого общения использование потенциала феноменологического метода открывает возможность наиболее полного и конструктивного учёта индивидуальных смыслообразующих факторов при обмене социальным опытом между представителями поколений.

В ракурсе современных отечественных исследований в этом ключе можно отметить предлагаемую Е.В. Биричевой методологическую концепцию «приспособления», ориентированную на решение такой задачи, как выявление онтологических оснований проблемы понимания Другого на основании объединения уникальных способов бытия в творчестве смыслов. Понимание Другого в рамках данной методологии основано на сопоставлении бытийных оснований жизненных позиций индивидов. Результатом творчества смыслов как онтологической операции по приспособлению к позиции Другого является объединение двух позиций – «Я и Другого в общечеловеческой онтологической ситуации» [1, с. 171]. В условиях радикализации и идеологизации содержания ряда социокультурных практик и возросшее влияние глобальных проблем в современном обществе, механизм достижения уровня общей онтологической ситуации приобретает значение гармонизирующего фактора в развитии культуры межпоколенческого общения.

Неклассическая философия со своим предельным вниманием к ситуативности и её интерпретациям представляет собой радикальный пересмотр классических парадигм и акцентирует внимание на субъективном опыте, иррациональных аспектах человеческого существования.

Однако, построение исследовательской стратегии исключительно на методологической основе экзистенциализма и феноменологии рискует оставить в стороне возможности для изучения нормативных и институциональных средств формирования и передачи социального опыта. Поиск оптимальных траекторий развития взаимодействия между поколениями с учётом его рационального уровня связан с методологическими возможностями, которыми располагает коммуникативная философия, в частности, идеи Ю. Хабермаса. Концепты свободы и коммуникативного действия в их влиянии на процессы социализации индивида и эволюции общества в целом развиваются в философии Хабермаса до обоснования целесообразности рационального соотношения научно-технических возможностей и ценностных ориентаций личности, науки и политики. Такое соотношение, по мнению философа, позволит восстановить единство знания и интереса, интеллекта и действия, интуиции и разума в рамках теории жизненного мира [8, с. 638]. Таким образом, необходимый нам элемент рационального находит выражение в феноменологическом по своей сути концепте жизненного мира, который в трактовке Э. Гуссерля определяется как «...мир в его значимости для человека, конкретно-историческая основа взаимосогласованного опыта, intersubъективная идентификация любого смысла, универсум складывающихся первоначальных очевидностей, априорных по отношению логико-теоретическим схематизациям природы, культуры, жизни» [8, с. 185].

В отечественном социально-гуманитарном знании теория жизненного мира получила развитие в работах Ж.Т. Тощенко, которые являются принципиально значимыми для исследования межпоколенческого диалога в российском обществе. Жизненный мир определяется как «мир не только рациональности, но и мир чувственных и эмоциональных оценок, выраженных в вербальном и/или поведенческом отношении к происходящей действительности. Этот мир отражает всю гамму субъективной характеристики переживаемых человеком общественных процессов и природных явлений» [7, с. 8].

Обращение к категории жизненного мира, глубокое понимание специфики онтологических, гносеологических, антропологических и аксиологических оснований жизненного мира человека конкретной эпохи, определенного поколения расширяет методологические и практические возможности соотнесения указанных оснований для оптимально эффективной реализации координационной функции при изучении путей преодоления барьеров на пути построения конструктивного межпоколенческого диалога.

В заключении отметим, что использование потенциала экзистенциально-феноменологических методологических средств с учётом достижений коммуникативной философии и элементов развиваемых в отечественном научном дискурсе теорий жизненного мира и приспособления способствует системно-теоретическому пониманию феномена межпоколенческого общения и даёт возможность исследовать закономерности и перспективы его развития как в аспекте вызовов и трансформаций современности, так и в ракурсе личных переживаний индивида по поводу ситуации взаимодействия с носителем ценностей, установок и практик, представляющим другое поколение.

В то же время, обращение к концепции жизненного мира способствует адекватному отображению содержания и результатов указанного взаимодействия посредством его «вписывания» в цельную картину социокультурного воспроизводства с учетом объективных факто-

Литература

1. Биричева Е.В. Проблема понимания Другого как иного способа бытия: методология «приспособления» // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 3 (19). С. 167–171.
2. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. – М.: Академический проект, 2018. – 528 с.
3. Ковин Е. А., Лысенко О.В. Теория поколений в контексте социологии управления // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, № 4. С. 151–162. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-13
4. Курбатов В.И. Социальный диалог: концептуальный анализ // Гуманитарий Юга России. 2014. № 1. С. 103–112.
5. Макеев П.С. Межпоколенческий диалог: обзор теоретических подходов и концепций // Социальная политика и социология. – 2013. – № 2–2(93). – С. 221–231.
6. Мид Д.Г. Избранное: Сб. переводов / Д.Г. Мид; Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и переводчик В.Г. Николаев. Отв. ред. Д.В. Ефременко. – М., 2009. – 290 с.
7. Тощенко Ж.Т. Жизненный мир и его смыслы // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 6–17.
8. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Республика, 2001. – 719 с.
9. Ясперс К. Смысл и назначение истории: пер. с нем. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.
10. Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future 1584–2069. New York: Harper perennial, 1991.
11. Mannheim K. The Problem of Generations // Essays on the Sociology of Knowledge. London: Routledge & K. Paul, 1958.
12. Pilcher J., 1994. Mannheim's sociology of generations: an undervalued legacy. The British Journal of Sociology, 45 (3), pp. 481–495.

THE DIALOGUE OF GENERATIONS THROUGH THE PRISM OF THE SEARCH FOR OPTIMAL RESEARCH METHODOLOGY

Denishchenko M.E.

Southern Federal University

The presented article searches for optimal methodological tools for studying the problem of the dialogue of generations. The author traces the main milestones in the development of approaches to the definition of generation, dialogue, and generational dialogue in the social sciences, analyzes the potential of existential, phenomenological concepts, as well as the provisions of communicative philosophy in order to identify the most constructive provisions that can be used to realize the goal of researching the dialogue of generations in modern Russian society. The opinion is being formed that existential-phenomenological methodology, as well as taking into account a number of provisions of communicative philosophy, the theory of the life world and the methodology of «adaptation» can provide a conceptual theoretical and methodological space for studying the phenomenon of generational dialogue, taking into account not only its normative and institutional component, but with an emphasis on an in-depth understanding of the specifics of another individual's experience of aspects of social reality, the ability to penetrate into this experience and understand its semantic and interpretative grounds.

Keywords: life world, culture, dialogue of generations, methodology, generation, meaning, social experience, phenomenology, values, existentialism.

References

1. Biricheva E.V. The problem of understanding the Other as a different way of being: the methodology of «adaptation» // Historical and socio-educational thought. 2013. № 3 (19). pp. 167–171.
2. Giddens E. Organization of society: An essay on the theory of structuration. Moscow: Academic Project, 2018. 528 p.
3. Kovin E. A., Lysenko O.V. Theory of generations in the context of management sociology // A scientific result. Sociology and management. 2019. Vol. 5, № 4. pp. 151–162. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-13
4. Kurbatov V.I. Social dialogue: a conceptual analysis // Humanities of the South of Russia. 2014. № 1. pp. 103–112.
5. Makeev P.S. Intergenerational dialogue: a review of theoretical approaches and concepts // Social policy and Sociology. – 2013. – № 2–2(93). – Pp. 221–231.
6. Mead H.G. Selected works: Collection of translations / H.G. Mead; Center for Social Scientific Information. research. Department of Sociology and Social Sciences. psychology; Comp. and translator V.G. Nikolaev. Ed. by D.V. Efremenko, Moscow, 2009. – 290 p.
7. Toshchenko J.T. The life world and its meanings // Sociological research. 2016. № 1. pp. 6–17.
8. Philosophical Dictionary / Edited by I.T. Frolov. – 7th ed., revised and add. – M.: Republic, 2001. – 719 p.
9. Jaspers K. The meaning and purpose of history: translated from German, Moscow: Politizdat, 1991, 527 p.
10. Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future 1584–2069. New York: Harper perennial, 1991.
11. Mannheim K. The Problem of Generations // Essays on the Sociology of Knowledge. London: Routledge & K. Paul, 1958.
12. Pilcher J., 1994. Mannheim's sociology of generations: an undervalued legacy. The British Journal of Sociology, 45 (3), pp. 481–495.

Взаимоотношения И.С. Тургенева и К.Н. Леонтьева: литературные и философские аспекты

Донских Ксения Юрьевна,

к.ф.н., доцент кафедры философии ФГБОУ ВО «РГАУ – МСХА имени К.А. Тимирязева»

E-mail: ks.donskih@rgau-mscha.ru

Статья посвящена анализу взаимоотношений И.С. Тургенева и К.Н. Леонтьева – двух выдающихся писателей XIX века, чьи взгляды на искусство, общество и политику во многом противостояли друг другу. В исследовании анализируется не только их личный конфликт, но и влияние на него интеллектуальных идей начала XIX века. И.С. Тургенев, оказал серьезное влияние на становление К.Н. Леонтьева как писателя и философа. Их полемика, зафиксированная в письмах и воспоминаниях современников, является важным свидетельством идейных противоречий в русской интеллектуальной среде второй половины XIX века. В статье анализируются их разногласия не только в области литературы, затрагивается более глубокий контекст их споров в виде противостояния между либерально-просветительским и консервативным движением.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, К.Н. Леонтьев, литературная критика, эстетизм, воспоминания, западничество, консерватизм.

К.Н. Леонтьев начал свой творческий путь в 21 год, когда его произведение получило одобрение И.С. Тургенева. Их знакомство состоялось в 1851 году и продолжилось около десяти лет, завершившись не только полным разрывом отношений, но и окончательным формированием взглядов Леонтьева как мыслителя и писателя.

Первой работой начинающего литератора, стала пьеса «Женитьба по любви» – «Комедия эта была написана не для сцены, а для чтения; она вся основана на тонком анализе болезненных чувств. В ней, я помню, было много лиризма, потому что она вырвалась у меня из жестоко страдавшей души» [6, с. 139]. Написанное получилось слишком интимным, для чтения родным или возлюбленной. Слушателями Леонтьева становятся пара приятелей, которые и посоветовали ему найти покровителя из писательской среды, который мог бы посодействовать в публикации.

Выбор Леонтьева пал на Тургенева, чей «Дневник лишнего человека», был им горячо прочувствован при прочтении. Их первая встреча, произвела на молодого человека сильное впечатление. Воспитанный матерью в эстетическом ключе, он придавал большое значение не столько характеру, сколько внешности своих знакомых. В статье «Мои дела с Тургеневым» писатель описывается так: «Росту он был почти огромного, широкоплечий; глаза глубокие, задумчивые, темно-серые; волосы были у него тогда темные, густые, как помнится, несколько курчавые, с небольшой проседью; улыбка обворожительная, профиль немного груб и резок, но резок барски и прекрасно» [6, с. 142]. Перед первой встречей, Леонтьев сильно переживал, что она не оправдает его ожиданий: «Я не знал ни наружности, ни состояния Тургенева и ужасно боялся встретить человека, негодного в герои, некрасивого, скромного, небогатого, одним словом, честного труженика, которых вид и тогда уже прибавлял объективного яду в мои субъективные язвы. – Терпеть не могу бесцветности, скуки и буржуазного плебейства! Герои Тургенева были всё такие скромные и жалкие... Мало ли что! – а я хочу вид хороший» [6, с. 142]. Их первая встреча проходит благополучно, Тургенева заинтересовал талант Леонтьева, и он берет его под свое покровительство. Благодаря этому, осенью 1851 года, он попадает в литературный салон графини Е.В. Салиас де Турнемир, где собирается весь цвет либеральной мысли того времени. Леонтьев знакомится с Т.Н. Грановским, М.Н. Катковым, В.П. Боткиным. Примерно тогда же, он встречается и со славянофилами – А.С. Хомяковым и М.П. Погодиным, но их идеи еще не интересны, а сами мыслители не нравятся лично.

Находясь под влиянием Тургенева, Леонтьев отчасти интересуется либеральными идеями («тургеновский» либерализм, как позже напишет об этом И.П. Иваск), но всерьез их не воспринимает: «С И.С. Тургеневым – убежденным либералом – К.Н. Леонтьева сближали не политические убеждения, скорее они в это время не препятствовали их общению» [1, с. 283]. Летом 1851 года у них начинается практически дружеская переписка, первое письмо в которой, Тургенев посвящает обстоятельному разбору и критике леонтьевских гекзаметров, высказывая в конце пожелание «быть по мере

сил полезным». Подобная симпатия со стороны известного писателя не могла не польстить Леонтьеву: «Сила его действия удваивалась, помню, еще и бескорыстной радостью тому, что сам Тургенев так красив, так ростом велик и плечист, такой «барин»! Мне было приятно быть обязанным человеку, который мне так нравился. Я радовался даже тому, что он богат» [6, с. 150].

Тургенев обещает Леонтьеву попытаться опубликовать его первые работы («Женитьбу по любви» и «Булавинский завод»), но его помощь не помогла, и они не были пропущены цензурой. Начинающий писатель не огорчился подобной неудаче и воспринял ее «равнодушно и вообще хорошо». В этом во многом была заслуга Тургенева, который в своем письме, старался его приободрить: «Мне очень досадно, что вы с первого же шага на литературном поприще наткнулись на препятствия, но это не должно лишать вас бодрости: порядочный человек тут-то и должен показать себя; в таких случаях позволается не апатия, а озлобление» [5, с. 171].

Вполне вероятно, что причиной такого спокойного отношения к первой литературной неудаче, была сильная влюбленность философа. Эту любовную историю, осложняла бедность, как самого студента-Леонтьева, так и отсутствие приданного у его возлюбленной. В конце концов, он принимает решение прекратить эти отношения. Тургенев, не раздумывая одобрил эту жертву, посчитав, что эта страсть должна быть брошена на алтарь искусства.

Несколько лет подряд, писатель оказывает несомненное влияние на жизнь будущего философа. Это касалось не только литературной судьбы. Именно его речи вдохновили Леонтьева отправиться в качестве медика на Крымскую войну. Это, продиктованное внутренним гуманизмом желание, не одобрил никто из его родных. Тургенев же нашел в этом поступке возможность увидеть реальную жизнь, далекую и непохожую на жизнь в столице. Несмотря на, казалось бы, огромное количество сцен для новых сюжетов, Леонтьев во время службы осознанно ничего не пишет. Он копит впечатления как внешние (война, госпиталь), так и внутренние (препарируя свои ощущения от разбитого несчастной любовью сердца).

До конца 1850-х годов дружба с Тургеневым не прекращается, но по мере взросления, Леонтьев начинает замечать изъяны и шероховатости в его произведениях (в частности, так любимых ранее «Записках охотника»). Остальные литераторы и вовсе не вызывают в нем отклика. Кто-то (Некрасов, Гончаров, Гоголь, Майков) отталкивают его внешне, другие (Толстой, Достоевский) – своими произведениями. Как позднее писал Леонтьев в биографических работах («Моя литературная судьба», «Мои дела с Тургеневым»), эстетический элемент преобладал для него тогда над всеми другими.

Эстетика сыграла колоссальную роль в жизни философа. Выбор друзей, рода деятельности, поступки – все было подчинено ей. Выступая как литературный критик в адрес «натуральной школы» и именитых писателей, он говорит в первую очередь с позиций эстетизма. Один из его главных современных биографов, К.Н. Долгов, так оценивает леонтьевский эстетизм: «Константин Леонтьев – первый и последний русский великий эстет. Именно ему принадлежит заслуга постановки фундаментальных проблем эстетики и эстетизма в их универсальном смысле и значении: эстетика природы, эстетика духа, эстетическое понимание истории, эстетика быта, эстетика жизни и эстетика литературы и искусства» [3, с. 183].

Эстетизм Леонтьева постепенно начинает проявлять себя не только в обыденной жизни и личных предпочте-

ниях, но и в творчестве. Так, в «Письмах провинциала к И. Тургеневу», изданных в 1860 году, он выступает с критикой своего кумира. Ознакомившись с разбором его произведений другими критиками (Н.Д. Ахшарумов, П.В. Анненков, М.И. Дараган) – он во многом с ними соглашается. Но критический обзор романа «Накануне» решает написать сам. Еще недавно, восхищаясь Тургеневым и тонко прочувствовав «Дневник лишнего человека», он выступает с довольно смелой критикой в его адрес: «Вы недостойны сами себя как поэт в этом романе, недостойны творца «Рудина», «Гнезда», «Муму», «Затишья», даже «Записок охотника», которые, однако, много уступают в деле зрелой красоты этим повестям. Что за математическая ясность плана! Разве такова жизнь? Жизнь проста; но где ее концы, где удовлетворяющий предел красоты и безобразия, страдания и блаженства, прогресса и падения?» [7, с. 271]. Тургенев не сумел перейти ту черту, «за которой живет красота» [7, с. 272] и это, делает его произведения слабыми и не особо ценными. Леонтьев-критик находит план романа излишне выразительным, ясным и четким (и поэтому простым). Подобные черты, знаменовали для него упадок, чего он не мог простить своему любимому и уважаемому наставнику. Тургенев упрощает даже драматические сцены – которые получились «избитыми и механическими» [7, с. 274]. Для Леонтьева-эстета без красоты невозможна жизнь и тем более, ее отражение в искусстве. «Накануне», лишено не просто таинственности, но самой глубинной тайны. Главные герои – Инсаров и Елена – прописаны слабо и не изящно. Елена – мила, но будто бездушна, как и Инсаров, вследствие чего, они оставляют читателя равнодушным. Происходит это, из-за «насилования собственного вкуса, в предпочтении упрямой, органической, но благородной направленности души – душе изящной, разбегающейся, страдающей и мыслящей» [7, с. 277].

Примечательно, но Тургенев отнесся спокойно к подобной резкой критике и не стал вступать в полемику. Его реакция была сдержанной, и он, даже пытался способствовать публикации наиболее острых рецензий Леонтьева. Эта критическая статья не внесла серьезных изменений в их взаимоотношения, но стала отправной точкой для будущего разрыва. Он происходит в 1861 году, когда Леонтьев сближается со славянофилами. В это же время, он знакомится с Н.И. Страховым. Дискутируя с ним, он приходит к внутреннему выводу, что Тургенев относится к той русской литературе, чей метод испортил ее дальнейшее развитие. Намного позже, в переписке с Вл. Соловьевым, он пишет, что ему в 1860-х годах: «опротивел даже сам Тургенев, со своими «живыми людьми»» [4, с. 257].

Славянофильство Леонтьева увеличивает пропасть во взглядах еще шире. Тургенев – западник, либерал, не скрывающий своих позиций и открыто радующийся реформам, постепенно перестает пониматься проникшемся консервативными идеями Леонтьевым. Он – «поздний славянофил», усматривал в реформаторских устремлениях дух культурного и морального упадка и, следовательно, не мог более игнорировать принципиальные расхождения в их политических предпочтениях.

По мнению Леонтьева, Тургенев жертвовал бессознательным, красотой жизни, ради сознательного и социально-значимого. Тем не менее, в конце жизни, философ отзовется о писателе так: «И если не все, то очень, очень многому в этом просветлении моей жизни был главной причиной Тургенев. Он наставил и вознес меня <...> Как же мне не быть благодарным Тургеневу; как мне не вспоминать его добром, совершенно независимо от того, по каким разным путям мы

оба пошли лет 10–15–20 позже и, несмотря на глубокую до враждебности, пожалуй, разницу в наших с ним позднейших гражданских взглядах и приверженностях» [5, с. 173]. Подобная эволюция взаимоотношений Леонтьева и Тургенева демонстрирует не только личную неприязнь, но и конфликт эстетических, философских и политических мировоззрений в русской интеллектуальной среде XIX века. Их приятельство и последующий разрыв, наглядно показывает переход от западных идеалов, к поиску Леонтьевым самобытной идентичности. Вполне вероятно, что на такой идейный перелом повлияло не только общее разочарование в столичной интеллигенции, но и «неудачи на литературном фронте, связанные с трудностями публикаций леонтьевских сочинений в либеральных журналах» [11, с. 204].

Постепенно, взгляды Леонтьева укрепляются, он все более убеждается в своей политической позиции, которую основывает на эстетизме. Литературовед С.Г. Бочаров, так отзываясь об этом моменте: «Все это близко у Леонтьева – органическая природа, политика и эстетика, а эстетическое понятие формы универсально относится как к биологическим, историческим, политическим и культурным организмам, так и к художественной форме в искусстве» [2, с. 196].

Если в начале своего творческого пути, Леонтьев восхищался и видел в Тургеневе образец для подражания, то со временем и по мере своего духовного роста, его взгляды эволюционируют в сторону эстетического элитаризма, противоположного по своей сути реалистическому направлению в русской литературе. Тургеневские попытки синтеза художественного творчества и общественно значимых проблем, начали казаться Леонтьеву профанацией истинного искусства.

Позже, эта критика из частного случая, перерастет в полемику со всей реалистической традицией русской литературы (к которой он относил и творчество Тургенева). По его мнению, «натуральная школа» подменяет художественную сложность социальной публицистикой в то время, когда истинное искусство должно быть свободным в своих действиях. Противник утилитаризма и эгалитаризма, Леонтьев не мог оценить творчество большинства современных ему писателей. Эстетизм становится для него не просто категорией вкуса, но и мировоззренческой установкой, призванной заменить нравственно-идеологические концепции.

В качестве своеобразного ответа реалистическому искусству, можно рассматривать и принцип «цветущей сложности». Подлинная культура, должна быть (и сохранять) сложной и контрастной, а не стремиться к упрощению, ради социальной функции. С этой точки зрения, позднее творчество Тургенева для него представляло собой пример постепенного «выравнивания» искусства, его подчинения общественным идеалам.

Примечательно, но намного позже, П.Б. Струве, в своей статье о Леонтьеве, находя его эстетически близким по духу А.И. Герцену, отмечает, что Тургенев был все-таки ближе: «Эстетизм Тургенева, родственник Леонтьеву, был гораздо последовательнее и целостнее, чем эстетизм Герцена. Недаром Тургенев обмолвился афоризмом, что «Венера Милосская несомненное principio 1789 года». В понимании живой истории у Леонтьева было очень много точек соприкосновения с Тургеневым как автором писем к Герцену, этого лучшего произведения русской эпистолярной литературы и подлинного кладеза исторической мудрости. Несмотря на весь свой византизм и несмотря на отдельные места, звучащие даже по-евразийски, Леонтьев в своем понимании истории был ближе к «западничеству» Тургенева и даже Чаадаева, чем не только к евразийству, но даже и к сла-

вянофильству. Только Тургенев, будучи необыкновенно острым по своему историческому и политическому зрению человеком, был и в этой области далек от какого бы то ни было максимализма, в который нередко впадал Леонтьев» [10, с. 487]].

К.Н. Долгов ставит эстетически воззрения Леонтьева в один ряд с Шиллером, Шеллингом, Гегелем и Флобером, признавая при этом, за русским философом более глубокое понимание эстетизма. Он сравнивает его с Шопенгауэром и Ницше, находя общие черты в их взглядах. Примечательно, но Леонтьев не занимался изучением их произведений специально, а многие свои «дерзкие» идеи высказал задолго до того же Ницше. К сожалению, «русский Ницше» не оказал на философию и культуру такого же влияния, как его западный коллега.

Взаимоотношения И.С. Тургенева и К.Н. Леонтьева были сложными и многогранными. Если в начале своего творческого пути Леонтьев восхищался Тургеневым и учился у него (можно сказать, что он был его единственным литературным учителем), то со временем их взгляды кардинально разошлись: «Леонтьев вел с Тургеневым ожесточенную журнально-газетную полемику. Последняя была односторонней – Тургенев не отвечал. Но когда Ивана Сергеевича не стало, Леонтьев рассказывал о встречах с великим писателем и опубликовал его письма» [9, с. 124]. Это не было интеллектуальным или литературным соперничеством, скорее обоюдное непонимание, приведшее в итоге к окончательному разрыву. Во многом близкие по духу и взглядам, они оказались «по разные стороны баррикад». Тем не менее, в своих поздних воспоминаниях, Леонтьев отзывался о Тургеневе очень тепло, признавая то колоссальное влияние, которое он оказал на его духовное развитие.

Литература

1. Акаева Т.В. «...И с тех пор я никогда уже не отдавался никому душой и умом так безусловно» (И.С. Тургенев и К.Н. Леонтьев: история взаимоотношений). – Томск, Вестник ТГУ, 2010, № 4 (84).
2. Бочаров С.Г. Эстетический трактат Константина Леонтьева // Вопросы литературы. – М., Издательство «Известия Советов народных депутатов СССР», 1988, № 12.
3. Долгов К.М. Восхождение на Афон: Жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева. – М., «Отчий дом», 2008.
4. Леонтьев К.Н. Избранные письма 1854–1891. – СПб., «Пушкинский фонд», 1993.
5. Леонтьев К.Н. Мои дела с Тургеневым // Моя литературная судьба. Воспоминания. – М., Русская книга, 2002.
6. Леонтьев К.Н. Моя литературная судьба. Воспоминания. – М., Русская книга, 2002.
7. Леонтьев К.Н. Письмо провинциала к г. Тургеневу // Моя литературная судьба. Воспоминания. – М., Русская книга, 2002.
8. Мамедов, А.А. Мотивы экзистенциальной философии в творчестве К.Н. Леонтьева / А.А. Мамедов, К.Ю. Донских, В.В. Кортуннов // Сервис plus. – 2020. – Т. 14, № 2. – С. 58–63. – DOI 10.24411/2413–693X-2020–10207. – EDN ZDQFKG.
9. Рабкина, Н. Литературные уроки (Тургенев и Константин Леонтьев – история взаимоотношений) / Н. Рабкина // Вопросы литературы. – 1991. – № 4.
10. Струве П.Б. Константин Леонтьев // Моя литературная судьба. Воспоминания. – М., Русская книга, 2002.

11. Тюренок М.А. К вопросу о социально-политической и религиозной эволюции взглядов К.Н. Леонтьева // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2009. № 4.

THE RELATIONSHIP BETWEEN I.S. TURGENEV AND K.N. LEONTIEV: LITERARY AND PHILOSOPHICAL ASPECTS

Donskikh K.Yu.

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy

The article is devoted to the analysis of the calculation of I.S. Turgenev and K.N. Leontyev – two outstanding writers of the 19th century, whose views on art, society and politics in many ways opposed each other. In the course of the analysis, not only their personal conflict is analyzed, but also its influence on the intellectual ideas of the early 19th century. I.S. Turgenev, expressed a serious influence on the formation of K.N. Leontyev as a writer and philosopher. Their polemics, recorded in letters and memoirs of contemporaries, are important evidence of ideological contradictions in the Russian intellectual environment of the second half of the 19th century. The article analyzes their disagreements not only in the field of literature, but also touches on the deeper context of their disputes in the form of confrontation between the liberal-enlightenment and conservative movements.

Keywords: I.S. Turgenev, K.N. Leontyev, literary criticism, aestheticism, memoirs, westernism, conservatism.

References

1. Akaeva T.V. "...And since then I have never given myself to anyone with my soul and mind so unconditionally" (I.S. Turgenev and K.N. Leontiev: the history of relationships). – Tomsk, Vestnik TSU, 2010, № 4 (84).
2. Bocharov S.G. Aesthetic treatise of Konstantin Leontiev // Questions of literature. – M., Publishing house "Bulletin of the Soviets of People's Deputies of the USSR", 1988, № 12.
3. Dolgov K.M. Ascent to Athos: The Life and Worldview of Konstantin Leontiev. – M., "Otchiy Dom", 2008.
4. Leontiev K.N. Selected letters 1854–1891. – St. Petersburg, "Pushkin Fund", 1993.
5. Leontiev K.N. My Affairs with Turgenev // My Literary Destiny. Memories. – M., Russkaya Kniga, 2002.
6. Leontiev K.N. My Literary Destiny. Memories. – M., Russkaya Kniga, 2002.
7. Leontiev K. N. A Provincial's Letter to Mr. Turgenev // My Literary Destiny. Memories. – M., Russkaya Kniga, 2002.
8. Mamedov, A.A. Motives of Existential Philosophy in the Works of K.N. Leontiev / A.A. Mamedov, K. Yu. Donskikh, V.V. Kortunov // Service plus. – 2020. – Vol. 14, № 2. – Pp. 58–63. – DOI 10.24411/2413–693X-2020–10207. – EDN ZDQFKG.
9. Rabkina, N. Literary lessons (Turgenev and Konstantin Leontiev – the history of the relationship) / N. Rabkina // Questions of literature. – 1991. – № 4.
10. Struve P.B. Konstantin Leontiev // My literary fate. Memories. – M., Russian book, 2002.
11. Tyurenkov M.A. On the issue of the socio-political and religious evolution of the views of K.N. Leontiev // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science. 2009. № 4.

Заклинский Петр Александрович,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры гуманитарных и специальных дисциплин ИМПЭ им. А.С. Грибоедова

E-mail: zaklinsky@yandex.ru

В статье рассматривается проблема формирования содержания исторической памяти посредством создания музейных экспозиций с целью воздействия на общественное сознание через формирование образов прошлого. Данная работа исторического сознания имеет целенаправленный характер, поскольку это преднамеренное формирование представлений о соответствующих временах и событиях. Памятники ландшафтной архитектуры имеют здесь также особое значение в связи с возможностью максимального погружения в определенную эпоху с практически полной кратковременной изоляцией от внешнего воздействия современности. Попытки разобраться в целях и результатах этой деятельности предпринимаются на базе конкретного исторического материала.

Ключевые слова: историческая память, историческое время, общественное сознание, исторический факт, экспозиция, ландшафтный дизайн, реконструирование образов прошлого.

Формирование содержания исторической памяти человечества процесс спонтанный лишь отчасти, да и то только потому, что состоит из целенаправленных действий, формирующих память отдельных обществ, а эти действия в глобальном масштабе слабо согласуются между собой. В каждом же конкретном случае содержание исторической памяти формируется со строго определенной целью. Поскольку речь пойдет о музеефикации отдельных фрагментов истории, то и пример, подтверждающий сказанное выше, лучше привести из этой же области. Понятно, что, например, Павловский парк под Санкт-Петербургом вряд ли создавался с мыслью о том, что когда-то он станет ландшафтной частью музея, но поскольку сейчас это именно так, стоит вспомнить, что, планируя его как классический парк-некрополь, создатели старались сохранить и передать гнетущую атмосферу павловской эпохи. Именно поэтому в парке так тяжело находиться долго, несмотря на то, что внешне он изумительно красив. Такое воздействие парка известно давно и даже использовалось в русской литературе, в частности, Ф.М. Достоевским: вспомнить хотя бы, что князь Мышкин в романе «Идиот» возвращается оттуда окончательно больным и душевно разбитым. Эту атмосферу Павловский ансамбль хранит и теперь, и его пример показывает, что музеефикация истории с определенной целью, – один из сильнейших рычагов воздействия на общественное сознание. Использование этого рычага служит, как правило каким-то другим, более глобальным целям, но будучи достигнутыми, эти цели со временем забываются, а созданные образы прошлого остаются в веках.

В отличие от далеких перспектив дешифровки заложенного в Павловский парк настроения, музей, о котором дальше пойдет речь, сразу создавался с целью формирования строго определенного отношения к теме через соответствующие образы минувшей исторической действительности. Это «Палаты бояр Романовых» в Зарядье. Ныне это музей, созданный и функционирующий в соответствии со всеми нормами и правилами музейного дела, и цели и задачи его вполне современны – погружение в эпоху и воспитание любви к истории Отечества, чему способствует применение ансамблевого и ландшафтного методов создания музейно-выставочных экспозиций. Но это сейчас, когда музей практически создан заново после тяжелых испытаний середины XX века. Нас же интересуют мотивы и процесс его создания еще на столетие раньше – во второй половине XIX века.

Одной из важнейших причин обращения к идее создания музея была тяжелая атмосфера эпохи восшествия на престол императора Александра II. Многим известна фраза умирающего Николая I о том, что он оставляет наследнику Россию не в лучшем состоянии, обращенная к самому цесаревичу. В такой обстановке празднование в 1856 году его коронации выглядело проблематичным, по крайней мере, с точки зрения настроения. В связи с этим и возникает идея не просто отвлекающего маневра, а прославляющего величие страны через ее древность и непоколебимую преемственность поколений. Нельзя сказать, что идея утверждения силы и могущества государства через внешние образы была так уж нова. В рационалистическом европейском сознании, носителем которого была и остается Россия, эта идея

появилась задолго до возникновения нашей страны. Достаточно вспомнить ответ Гая Юлия Цезаря поверженному царю галлов Верцингеторигу на вопрос последнего о том, почему в течение всего времени, предшествующего его казни, его собираются содержать в хороших условиях и удовлетворять все его желания. Цезарь сказал, что Риму важен величественный и процветающий внешний вид побежденного врага: это подчеркивает и возвеличивает силу Рима в глазах его граждан, наблюдающих триумфальное шествие с участием побежденных. Грязный, забытый и изможденный враг будет выглядеть простым бандитом, победить которого не составляет никакого труда.

Итак, в целом идея не нова, но к тому ее аспекту, о котором дальше пойдет речь, в России по-настоящему обратились только во второй половине XIX века.

В сложившейся обстановке необходимо было грамотно сформировать в общественном сознании России образ ее непоколебимого величия, идущего из далекого прошлого. Этот образ создает ощущение временности существующих проблем и иллюзию простоты их преодоления. Однако вытеснение из памяти тернистого участка исторического пути возможно только в том случае, если создаваемые образы не будут гипертрофированы и навязчивы. На понимание этого историческое сознание середины XIX века уже было способно. В данном случае для достижения цели наилучшим образом подходит музеефикация необходимых аспектов исторического процесса. Так сформировалась программа действий, в которую вошли два важнейших пункта. Во-первых, мемориальное строительство, посвященное историческим корням царствующей династии, и в первую очередь – в Москве; во-вторых, возрождение мемориальных мест, что продемонстрировало бы уважение к предкам, связь династии со всей историей русского народа и преемственность России от великокняжеской Руси.

Из существовавших к тому моменту архитектурных сооружений, представлявших собой определенный культурный текст, в программу по достижению поставленных целей попали – Теремной дворец в Кремле, Новоспасский монастырь (усыпальница Романовых) и настоятельские покои Ипатьевского монастыря в Костроме. Объекты известные, несомненно, значимые, но значимость их слишком широка, чтобы в их общекультурном величии не потерялось происхождение, развитие и превращение в правящую династию далеко не самого значительного в истории России рода – рода Романовых. Требовалось найти то, что будет работать именно на этот род и его показательную историю. Укрепление авторитета династии требовало создания особого «места памяти», связанного с ней. Задача непростая, поскольку объект должен был соответствовать очень серьезным требованиям: демонстрировать связь с прошлым, следовательно, находиться в Москве, отражать прошлое величие, – располагаться близко к Кремлю и иметь собственную значимость, то есть быть не на территории Кремля. Проработка исторического материала в соответствии с этими требованиями и заставила обратить внимание на древний дом на территории московского Знаменского монастыря на улице Варварке – практически неизвестный к тому времени объект.

Источник идеи конкретизации столь значимого места памяти не может быть «проходным»: эта идея должна быть или уж совсем народной или исходить от значимого лица, олицетворяющего собой «административный ресурс». Оба варианта практически исключают скептицизм и какие бы то ни было попытки проверить обоснованность идеи: народ – это непосредственные чаяния Отечества, а высокопоставленное чиновничество – глас

народа. Именно второй вариант и был реализован в данном случае как наиболее действенный. Идею возобновления памятника с целью создания музея династии от ее истоков подал управляющий гербовым отделением при Департаменте геральдики Правительствующего сената барон Б.В. Кене. Личность создателя и секретаря Русского Археологического общества более чем подходила для этого, поскольку в системе символов исторической памяти вряд ли кто-то мог разбираться лучше нумизмата и геральдиста. Важно заметить, что этот вне всякого сомнения выдающийся специалист в своей области к моменту принятия с его подачи решения о создании музея (1856) еще не был ни бароном (с 1862), ни чиновником высшего ранга (действительный статский советник с 1863, тайный советник – с 1876), следовательно, нельзя было сказать, что об упрочении положения царствующей династии в общественном сознании заботится сама высшая власть.

Алгоритм работы общественного сознания и его мыслительных конструкций этого времени был просчитан филигранно. Это видно в обосновании выбора именно этого дома как музейного пространства. Уже тогда использование более значимого имени на вторых ролях осознавалось как один из методов формирования исторической памяти, а значит, дом, в котором не только родился сам царь Михаил Федорович, но и воспитывался его отец – боярин и воевода Федор Никитич (будущий патриарх Филарет), более чем подходит, в каком бы состоянии он ни находился на момент принятия решения. При воспоминании об обстоятельствах целенаправленного выбора царя «из более «худородных»», наличие двух выдающихся имен особенно важно.

В итоге царский указ о возобновлении палат бояр Романовых последовал 26 августа 1856 года, то есть еще в период празднования восшествия на престол императора Александра II.

Следует обратить внимание на то, что новый император был очень прагматичен не только в формировании исторической памяти, но и в вопросах непосредственного, вполне материального сохранения ее содержания. Да бы обезопасить создаваемое место памяти от каких бы то ни было посягательств в будущем, дом с небольшой территорией при нем Александр II выкупил у Знаменского монастыря за 20 тысяч рублей.

Содержание общественного сознания, как мы помним, определяет общественно-экономическая формация. Однако само по себе сознание одной эпохи воздействует на сознание другой минуя производственные отношения. А следовательно, механизмы функционирования исторической памяти на разных стадиях общественного развития сходны. Образы, явления и события актуальные для сознания разных эпох, несомненно, разные, но механизмы актуализации их универсальны. Так, например, универсален механизм «железной информационной зацепки» для актуализации далекого прошлого как подтверждающего правильность выводов, производимых в процессе целенаправленного формирования исторической памяти. В рассматриваемом нами случае такой «зацепкой» стал кирпич с двуглавым орлом, который по очертаниям (!) был датирован временами Ивана Грозного. На основании изучения этого фрагмента прошлого был сделан вывод о том, что здание построено после женитьбы Ивана IV на Анастасии Романовой, женитьбы, знаменовавшей начало приближения этого рода к царю. Этот информационный повод сделал возможными следующие решительные шаги по пути формирования «места памяти», и самый главный из них – приведение палат в исходный вид: реставрация. Проект ее был утвержден императором 2 мая 1858 года.

Наиболее сильное впечатление на посетителя производит обстановка, создающая иллюзию проникновения в подлинную реальность: например, когда кажется, что живущие в этом помещении люди только что вышли отсюда и сейчас вернутся. Но при создании образов прошлого нужно быть очень аккуратными с этим, чтобы не перейти предел правдоподобия. В категориях сознания второй половины XIX века (а тем более, XVI и XV) был уже сказочным прошлым. Следовательно, создавать «иллюзию присутствия» нельзя. Значит, в течение всего времени проведения работ по созданию этого места памяти ведущей должна была быть «идея музейности», а не стремление создать «подлинную реальность». Во второй половине XIX века (в категориях общественного сознания капиталистической общественно-экономической формации) это уже очень хорошо понимали. Именно поэтому в процессе создания музея далеко не все оставалось «как было» или в точности реконструировалось и внутри дома, и во дворе – добавили стилизованные новоделы: «... балкон на восточном фасаде палат, галерея, парадная лестница южного фасада и верхний этаж – деревянный терем» [2, с. 46–47], разобрали некоторые более поздние постройки, а флигель вообще вывели из воссоздаваемого пространства и предназначили для служителей музея. То есть происходило целенаправленное формирование некоего образа прошлого в категориях сознания XIX века. Итогом трехлетней работы стал собирательный образ богатого русского дома XVII века.

Следует заметить, что у этого старательно созданного образа прошлого были как положительные, так и отрицательные стороны. «Минусов» было больше, но благодаря невысокому уровню исторической образованности общества, они были незаметны: даже профессиональный историк знает и видит не все, сосредоточившись, как правило, на своей, конкретной теме исследования, не говоря уж о простых обывателях, даже имеющих высшее образование. Главное, чтобы эти «минусы» были в хорошем смысле слова вынужденным наполнением образа, необходимым, не приводящим к «передозировке» неточностей.

Что же конкретно мы можем увидеть здесь?

Как уже было сказано выше, музейное пространство в данном случае организовано грамотно. Эстетическое сознание второй половины XIX века в своем развитии еще не дошло до утонченности, заставляющей сразу обращать внимание на мелочи: это пресыщение «крупным» еще впереди – в первые десятилетия XX века, поэтому на передний план выводятся базовые подлинные детали со справедливой уверенностью в том, что внимание посетителя сразу «ухватится» за них. В первую очередь, это древняя (XV–XVII вв.) отреставрированная основа здания. Эти детали (например, белокаменный и краснокирпичный подвалы XV–XVI вв.) занимают все поле зрения и создают эффект погружения в эпоху, поэтому даже при большом желании невозможно противостоять, поскольку подлинность помещений неоспорима. Кроме того, в интерьерах есть предметы, усиливающие этот эффект – например, подлинные вещи Романовых или мебель тех времен. Так, среди подлинников, полученных из Оружейной палаты, были «... янтарный посох патриарха Филарета ... Самому царю Михаилу Федоровичу принадлежали булава серебряная, тесак, щит персидский...» [2, с. 51]. Именно благодаря всему этому становится возможным незаметное добавление тех самых «минусов»: встраивание в подлинники стилизованных новоделов, перепланировка помещений и двора, додумывание интерьеров, добавление элементов, которых вообще не было. Еще не дошедшее до понимания

преобладания малого над большим сознание XIX века не обращает внимания на эти мелочи, поэтому главное – не переусердствовать, не дойти до обнуления ценности воссоздаваемого пространства, – только в этом случае формирование «места памяти» и встраивание его в Историческую память эпохи пройдет успешно.

Так данный образ прошлого был сформирован и встроен в общественное сознание второй половины XIX века в соответствии с задачами времени (упрочение авторитета династии) и при невозможности рефлексии над ним основных носителей этого сознания из-за недостатка исторических знаний. Оставалось последнее действие – открыть музей. Ощущение того, что не доставало каких-то завершающих штрихов, видимо, не покидало создателей. Это выглядит наиболее вероятной причиной того, что вскоре после торжественного открытия, последовавшего 22 августа 1859 г. музей был закрыт еще на полгода «для завершения некоторых работ», – скорее всего, для окончательной шлифовки образа эпохи: ведь он еще не был «обкатан», как Павловский парк, а значит, пока не ясно, как он будет действовать, и будет ли? Ведь этот образ возник не для всех, а только для лиц высших сословий. Парадокс: «место памяти» создано для укрепления авторитета правящей династии в общественном сознании эпохи, а допускаются в это «место памяти» не все... Это был явный просчет, особенно в сравнении с Павловским парком: в него могли попасть, если не все, то очень многие, по крайней мере, через некоторое время.

Литература

1. Дом бояр Романовых. К 150-летию основания музея. Труды ГИМ. Вып. 180. – М., 2009.
2. Дом бояр Романовых: Путеводитель-справочник. – М.: НО «Издательский центр «Московедение»», 2014. – 256 с.
3. Поляков Т.П. Музейная экспозиция: методы и технологии актуализации культурного наследия. – М.: Вече, 2019. – 592 с.

OLD TESTAMENT TEXTS AS PLACES OF MEMORY

Zaklinsky P.A.

IMPE named after A.S. Griboyedov

The article examines the problem of shaping the content of historical memory through the creation of museum exhibitions in order to influence public consciousness through the formation of images of the past. This work of historical consciousness has a purposeful character, since it is the deliberate formation of ideas about the relevant times and events. Landscape architecture monuments are also of particular importance here due to the possibility of maximum immersion in a certain era with almost complete short-term isolation from the external influences of modernity. Attempts to understand the goals and results of this activity are made on the basis of specific historical material.

Keywords: historical memory, historical time, public consciousness, historical fact, exposition, landscape design, reconstruction of images of the past.

References

1. The house of the Romanov Boyars. To mark the 150th anniversary of the museum's foundation. Proceedings of the GIM. Issue 180. Moscow, 2009.
2. The House of the Romanov Boyars: A guidebook. Moscow: Publishing Center "Moskovvedenie", 2014. 256 p.
3. Polyakov T.P. Museum exposition: methods and technologies of updating cultural heritage. Moscow: Vechе, 2019. 592 p.

Трансформация моделей управления цифровым контентом в китайских социальных сетях в контексте глобального маркетинга

Зимова Наталья Сергеевна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социального конструирования, Высшая школа современных социальных наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: nzimova@mail.ru

У Ци,

магистр, Высшая школа современных социальных наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: 370466112@qq.com

В условиях стремительного развития цифровых технологий и глобализации китайские социальные сети (WeChat, Weibo, Douyin и др.) трансформируют традиционные модели управления цифровым контентом, адаптируя их к требованиям международного маркетинга. Статья посвящена анализу изменений в подходах к созданию, распространению и монетизации контента в китайских соцмедиа в контексте выхода на глобальный рынок. Особое внимание уделяется механизмам алгоритмического продвижения, использованию больших данных для персонализации маркетинговых сообщений, а также стратегическому сотрудничеству с инфлюенсерами. Рассматриваются примеры успешных кейсов транснационального брендинга, реализованных через китайские платформы. В статье также подчеркивается важность культурной адаптации контента и соблюдения нормативных требований целевых рынков. Полученные выводы могут быть полезны как для исследователей в области цифрового маркетинга, так и для практиков, заинтересованных в международной экспансии с использованием китайских цифровых платформ.

Ключевые слова: Цифровой контент, управление, китайские соцсети, глобальный маркетинг, трансформация.

Введение

Цифровая эпоха коренным образом изменила формы коммуникации между брендами и потребителями, особенно в условиях глобализованного рынка. Одним из наиболее заметных проявлений этой трансформации стало стремительное развитие социальных сетей, которые превратились не только в инструменты межличностного общения, но и в мощные маркетинговые каналы. В данном контексте китайские социальные сети – такие как WeChat, Weibo, Douyin, Xiaohongshu и другие – заняли особое место, продемонстрировав уникальные подходы к управлению цифровым контентом, построенные на сочетании высоких технологий, культурной самобытности и коммерческой прагматики [1].

На фоне роста международного интереса к китайским цифровым платформам наблюдается качественное изменение моделей контентного менеджмента, ориентированных как на внутренний, так и на внешний рынки. Эти изменения охватывают различные аспекты – от алгоритмической фильтрации и персонализации до интеграции электронной коммерции и использования креативного пользовательского контента. Всё это обуславливает необходимость переосмысления теоретических и практических основ управления цифровым контентом в условиях глобального маркетинга [2].

Настоящая статья ставит своей целью исследовать процессы трансформации моделей управления цифровым контентом в китайских социальных сетях, определить ключевые направления развития и выявить их значение для глобальных маркетинговых стратегий. Особое внимание уделяется вопросам адаптации контента к межкультурной среде, а также стратегическому использованию китайских платформ в интересах транснационального продвижения брендов.

Основная часть

Китайский рынок социальных сетей прошёл уникальный путь развития, отличающийся от западной траектории как по технологическим параметрам, так и по культурно-регуляторным особенностям. Возникновение таких платформ, как WeChat (微信), Weibo (微博), Douyin (抖音, международная версия – TikTok), Xiaohongshu (小红书, RED), Zhihu (知乎) и Bilibili (哔哩哔哩), стало не только следствием цифровизации, но и выражением стремления к формированию собственных экосистем цифрового контента [3].

В отличие от западных аналогов, китайские платформы изначально ориентировались не только на взаимодействие пользователей, но и на интеграцию с e-commerce, финансовыми сервисами, геймификацией и рекламными платформами. Это способствовало формированию комплексной системы управления цифровым контентом, где маркетинг, коммуникация и коммерция сосуществуют в едином цифровом пространстве. Внутри этих экосистем управление контентом перестало быть пассивной публикацией и превратилось в активный процесс анализа, адаптации, персонализации и монетизации информации.

Ключевым фактором трансформации моделей управления цифровым контентом является широкое внедрение алгоритмических механизмов на основе искусственного интеллекта и обработки больших данных. На примере Douyin и его алгоритма персонализированной ленты можно проследить, как машинное обучение влияет на видимость и распространение контента.

Алгоритмы Douyin анализируют поведение пользователей по множеству параметров: длительность просмотра, лайки, комментарии, скорость прокрутки, повторные просмотры и даже звуковой фон. Это позволяет платформе не просто «показывать» контент, а активно управлять его жизненным циклом, выбирая целевые аудитории в реальном времени.

Кроме того, в контексте глобального маркетинга важную роль играют технологии локализации и адаптации контента, работающие в рамках нейросетевых переводчиков и мультимодальных аналитических систем. Примером служит TikTok, международная версия Douyin, где платформенные алгоритмы различаются по регионам, учитывая локальные поведенческие паттерны и культурные нормы.

WeChat представляет собой наиболее развитый пример так называемого «суперприложения» (super-app), в котором управление контентом осуществляется в связке с мобильными платежами (WeChat Pay), онлайн-торговлей (Mini Programs), корпоративными аккаунтами, видеоформатом Channels и инструментами аналитики. В такой структуре контент – это не просто информация, а инструмент управления вниманием и потребительским поведением [4].

С точки зрения глобального маркетинга, это открывает новые возможности для брендов: через WeChat можно не только транслировать сообщение, но и сразу же предложить товар, оформить заказ, получить обратную связь и проанализировать эффективность кампании. Таким образом, управление цифровым контентом становится частью воронки продаж в режиме реального времени.

Примером успешной трансграничной интеграции служат кампании международных брендов (например, Lancôme, Nike, Starbucks), которые адаптировали свой контент под экосистемную логику китайских платформ, запуская мини-программы, пользовательские челленджи и прямые эфиры с лидерами мнений.

Традиционные стратегии маркетинга в социальных сетях предполагают участие лидеров мнений (Key Opinion Leaders – KOL) и потребителей-мотиваторов (Key Opinion Consumers – KOC), играющих ключевую роль в распространении контента. В Китае это приобрело институциональный характер: блогеры и микро-инфлюенсеры становятся участниками тщательно продуманной медиа-среды, где их взаимодействие с аудиторией регулируется как платформами, так и брендами [5].

Контент, генерируемый инфлюенсерами, обладает более высоким уровнем доверия, поскольку воспринимается как «аутентичный» и персонализированный. В модели управления цифровым контентом это означает смещение акцента с официального брендинга на децентрализованную репрезентацию – бренды инвестируют в создание условий для органического распространения контента через аффилированных участников.

Особую роль играют «живые трансляции» (直播, live-streaming), которые стали эффективным инструментом прямых продаж и построения эмоциональной связи с аудиторией. Такие трансляции могут включать демонстрацию товаров, ответы на вопросы, распаковку продукции и эксклюзивные предложения. Это создаёт ин-

терактивную среду, где управление контентом осуществляется в режиме «здесь и сейчас» [6].

Управление цифровым контентом невозможно без понимания стратегий монетизации. Китайские соцсети предлагают брендам обширный инструментарий: платное продвижение, встраивание в видео, покупка ключевых слов, разработка AR-фильтров, проведение челленджей и многое другое. Такие форматы позволяют не только расширить охват, но и повысить вовлеченность аудитории.

Особую нишу занимает «контент, созданный пользователями» (UGC), который может быть трансформирован в брендированный контент (Branded UGC) через механизмы платформенной валидации, поощрения и алгоритмической раскрутки. Это снижает затраты на продвижение и увеличивает аутентичность восприятия рекламных материалов [10].

Примером может служить кампания Xiaomi, которая использует платформу Weibo для запуска пользовательских конкурсов на создание контента, интегрируя лучшие публикации в официальную стратегию продвижения. Подобные механизмы усиливают взаимодействие бренда с аудиторией и стимулируют органическое распространение.

Выход китайских платформ на международную арену требует глубокой культурной трансформации моделей управления контентом. Вопросы межкультурной адаптации касаются как лингвистических особенностей, так и визуального и символического наполнения. Например, цветовые коды, риторические обороты, культурные аллюзии могут по-разному восприниматься в Европе, США, Юго-Восточной Азии [7].

В связи с этим ключевым элементом глобального маркетинга становится локализация контента, осуществляемая с учётом культурной чувствительности и юридических норм целевого региона. Успешная адаптация предполагает не просто перевод, но и глубокую переформулировку смыслов и образов в соответствии с культурным кодом аудитории.

Так, TikTok активно сотрудничает с местными агентствами и креативными командами, чтобы обеспечить контентную релевантность в разных странах. Это позволяет достигать органического роста за счёт «культурной близости» контента.

Цифровой контент в Китае регулируется строго – с учётом законов о кибербезопасности, информационной безопасности, а также цензурных практик. Это влияет не только на пользователей, но и на бренды, вынужденные адаптировать свои стратегии под местные нормы.

В то же время, при выходе китайских платформ за пределы страны они сталкиваются с требованиями других юрисдикций (например, европейский GDPR или американский COPPA), что требует создания универсальных механизмов управления контентом и данными. Возникает парадокс: китайские платформы одновременно являются локальными и глобальными, управляя контентом на пересечении нескольких правовых и культурных систем [8].

Компании, сотрудничающие с китайскими соцсетями в рамках глобального маркетинга, вынуждены учитывать эти особенности и выстраивать гибкие модели управления, способные к адаптации и быстрой перестройке при изменении политико-правовых условий.

В ближайшем будущем ожидается усиление следующих тенденций.

- **Развитие генеративного ИИ:** создание персонализированного контента при помощи нейросетей.

- **Интерактивный контент:** gamification, VR/AR, голо-совое взаимодействие.
- **Интеграция с Web3 и метавселенными:** создание децентрализованных платформ для управления цифровыми активами.
- **Рост микроинфлюенсеров и наноаудиторий:** переход от массовой к нишевой коммуникации.
- **Экологическая и этическая ответственность контента:** внимание к устойчивости, инклюзии, борьбе с фейками [9].

Заключение

Проведённый анализ показал, что трансформация моделей управления цифровым контентом в китайских социальных сетях представляет собой комплексный процесс, охватывающий технологические, социокультурные, экономические и нормативные аспекты. Китайские платформы – от универсального WeChat до креативного Douyin – демонстрируют уникальные стратегии интеграции маркетинга, алгоритмического управления, пользовательского участия и экосистемного взаимодействия. Эти особенности позволяют говорить о формировании новой парадигмы цифрового контент-менеджмента, отличной от западной модели и одновременно более гибкой и многоуровневой.

Особое значение в условиях глобального маркетинга приобретает способность китайских соцсетей к трансграничной адаптации, что проявляется в создании локализованных версий платформ, кооперации с международными брендами и соблюдении культурной чувствительности целевых рынков. Эффективное управление цифровым контентом в таком контексте предполагает не только техническую компетентность, но и стратегическое мышление, основанное на глубоком понимании культурных кодов, пользовательских предпочтений и регуляторной среды.

Таким образом, китайские социальные сети становятся не просто средством коммуникации, но и полноценным инструментом формирования глобальных брендов, усиления маркетинговых стратегий и выстраивания устойчивых каналов взаимодействия с международной аудиторией. Перспективы дальнейших исследований в этой области открывают возможности для более глубокого осмысления транснациональных процессов в цифровой экономике и глобальной цифровой культуре.

Литература

1. Алексеева Н.В. Анализ инструментов интернет-маркетинга для продвижения на рынке Китая // Современные научные исследования и инновации. 2022. № 4. С. 45–50. DOI:10.18411/2313-0176-2022-4-45-50
2. Баранцева А.Г., Чжэндун Ш., Немировская Е.П. Ванхун-экономика как медиафеномен социальных сетей Китая // Global and regional research. 2019. № 1. Т. 1. С. 206–209. DOI:10.18411/GRR-2019-1-206-209
3. Гаврилова Н.И. Влияние китайской культуры на рекламные стратегии международных брендов // Вестник международных отношений. 2023. № 2. С. 112–118. DOI:10.18411/2313-0176-2023-2-112-118
4. Дмитриева Е.А. Цифровой брендинг как инструмент публичной дипломатии группы стран ДАЧ // Современные проблемы науки и образования. 2021. № 6. С. 98–103. DOI:10.18411/2313-0176-2021-6-98-103
5. Иванова Т.С. Особенности интернет-маркетинга для бренда одежды в Китае // Маркетинг и логистика. 2020. № 3. С. 55–60. DOI:10.18411/2313-0176-2020-3-55-60
6. Козлова М.В. Социальные медиа как маркетинговый инструмент в цифровой экосистеме // Журнал исследований в области экономики и управления. 2022. № 5. С. 77–82. DOI:10.18411/2313-0176-2022-5-77-82
7. Ли С. Тенденции развития медиарынка Китая под влиянием новых технологий // Вестник экономики и права. 2021. № 4. С. 89–94. DOI:10.18411/2313-0176-2021-4-89-94
8. Морозова А.П. Развитие использования цифрового маркетинга в мировой экономике // Экономика и предпринимательство. 2023. № 2. С. 101–106. DOI:10.18411/2313-0176-2023-2-101-106
9. Петрова Е.Н. Изучение китайских социальных медиа-площадок и микроблогов в контексте публичной дипломатии // Международные отношения и внешняя политика. 2022. № 1. С. 65–70. DOI:10.18411/2313-0176-2022-1-65-70
10. Смирнова И.В. Цифровой маркетинг: обзор каналов и инструментов // Маркетинг и маркетинговые исследования. 2021. № 3. С. 33–38. DOI:10.18411/2313-0176-2021-3-33-38

TRANSFORMATION OF DIGITAL CONTENT MANAGEMENT MODELS IN CHINESE SOCIAL MEDIA IN THE CONTEXT OF GLOBAL MARKETING

Zimova N.S., Wu Qi

Lomonosov Moscow State University

In the context of rapid development of digital technologies and globalization, Chinese social networks (WeChat, Weibo, Douyin, etc.) are transforming traditional models of digital content management, adapting them to the requirements of international marketing. This article analyzes changes in approaches to content creation, distribution and monetization in Chinese social media in the context of entering the global market. Particular attention is paid to the mechanisms of algorithmic promotion, the use of big data for personalization of marketing messages, as well as strategic cooperation with influencers. Examples of successful cases of transnational branding implemented through Chinese platforms are considered. The article also emphasizes the importance of cultural adaptation of content and compliance with regulatory requirements of target markets. The findings can be useful for both digital marketing researchers and practitioners interested in international expansion using Chinese digital platforms.

Keywords: Digital content, management, Chinese social networks, global marketing, transformation.

References

1. Alekseeva N.V. Analysis of Internet Marketing Tools for Promotion in the Chinese Market // Modern Scientific Research and Innovation. 2022. № 4. P. 45–50. DOI: 10.18411/2313-0176-2022-4-45-50
2. Barantseva A.G., Zhendong Sh., Nemirovskaya E.P. Wanhong Economy as a Media Phenomenon of Chinese Social Networks // Global and Regional Research. 2019. № 1. Vol. 1. P. 206–209. DOI: 10.18411/GRR-2019-1-206-209
3. Gavrilova N.I. The Influence of Chinese Culture on Advertising Strategies of International Brands // Bulletin of International Relations. 2023. № 2. P. 112–118. DOI:10.18411/2313-0176-2023-2-112-118
4. Dmitrieva E.A. Digital branding as a tool of public diplomacy of the DACH group of countries // Modern problems of science and education. 2021. № 6. P. 98–103. DOI:10.18411/2313-0176-2021-6-98-103
5. Ivanova T.S. Features of Internet marketing for a clothing brand in China // Marketing and logistics. 2020. № 3. P. 55–60. DOI:10.18411/2313-0176-2020-3-55-60

6. Kozlova M.V. Social media as a marketing tool in the digital ecosystem // Journal of Research in Economics and Management. 2022. № 5. Pp. 77–82. DOI:10.18411/2313-0176-2022-5-77-82
7. Li S. Trends in the Development of China's Media Market Under the Influence of New Technologies // Bulletin of Economics and Law. 2021. № 4. Pp. 89–94. DOI:10.18411/2313-0176-2021-4-89-94
8. Morozova A.P. Development of the Use of Digital Marketing in the Global Economy // Economy and Entrepreneurship. 2023. № 2. Pp. 101–106. DOI:10.18411/2313-0176-2023-2-101-106
9. Petrova E.N. Study of Chinese Social Media Platforms and Microblogs in the Context of Public Diplomacy // International Relations and Foreign Policy. 2022. № 1. Pp. 65–70. DOI:10.18411/2313-0176-2022-1-65-70
10. Smirnova I.V. Digital Marketing: An Overview of Channels and Tools // Marketing and Marketing Research. 2021. № 3. Pp. 33–38. DOI:10.18411/2313-0176-2021-3-33-38

Реализуемость системы имперских духовных ценностей византизма в России и имперский опыт англосферы

Елдин Михаил Александрович,

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»
E-mail: eldin1974@yandex.ru

Ширшов Александр Васильевич,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»
E-mail: shirshov.av@mail.ru

Изергина Вера Павловна,

кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры философии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»
E-mail: vera.ivp@yandex.ru

Шегулова Маргарита Алексеевна,

студент I курса магистратуры направления подготовки «Политология», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»
E-mail: margaritashegulova@yandex.ru

Актуальность данного исследования определяется усилением влияния общечеловеческих ценностей в сфере духовной культуры, которое проявляется в международном сотрудничестве по пути социосозидания в России и мире, а также в принятии совместных решений.

В статье рассматриваются процессы глобализации и политика «имперскости» России и англосферы, их взаимодействие, а также объясняется место политики, экономики и технологий в данных процессах. Для осуществления консенсуса в социальных отношениях в рамках парадигмы культурного единства применяется жесткий систематизирующий подход с тенденциями консерватизма. Консерватизм здесь многовариантен, он, как и в других динамичных социальных структурах является либо охранительным, либо деструктивно инспирированным, то есть казенным.

Кроме того, в исследовании раскрывается известный тезис о социокультурной комплементарности духовных традиций славян и Византии, трагедия конфронтальности телесного и духовного начал культурного бытия человека.

Ключевые слова: империя, византизм, социум, цивилизация, англосфера, социальная философия, глобализация, традиция.

Введение

Изучение значимости имперской духовной традиции для генезиса российского социума отличается от подобного критерия для формирования других стран. Это связано с особенностями культуры и исторического пути развития регионов, стран и этнических общностей. Ярким примером в данном контексте может послужить история Византии.

Последствием «ориентализации» Византии стало ее все большее расхождение с Западом. На Западе догматы византийской ортодоксии восприняли в смысле «книги для неграмотных», не беря в расчет византийский «зримый образ» воплощения, который способствовал энергетической связи с Творцом.

В Византии господствовало ортодоксальное христианство, так как неверующих людей в Средневековье фактически не было. Само византийское понимание социального устройства, которое со времен Иоанна Златоуста и Василия Великого носило государственно-циничный социальный характер. Господствовал дуализм, люди верили в силы добра и зла, притом эгоцентризм воспринимался негативно.

Обеспечение подобного понимания справедливости в национальном менталитете византийцев, а позднее и русских, регулярно способствовало осуществлению перераспределения социальных благ в соответствии с количеством потребителей в домашних условиях. Такая процедура может показаться триумфом эгалитаризма. Так некоторые авторы считают, что фонды местных сообществ не содержали ценностей, которые бы стимулировали отдельные виды экономической деятельности, то есть имели место нерыночные отношения, в отличие от Западной Европы, что влияло и на характер русской национальной психологии.

Обзор литературы

Основная концепция имперских традиций носит культуроцентричный характер – *цивилизационная концепция истории* (Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Дж. Тойнби, П.А. Сорокин), оформившаяся в начале XX века. В отношении решения вопроса о направленности истории, данный подход можно охарактеризовать как *нелинейную, или плюрално-циклическую интерпретацию социальной динамики*. По отношению к решению вопроса о движущем факторе развития такую концепцию можно охарактеризовать как культуро-центрическую (идеализм), ведь ее приверженцы находят корень перемен именно в культурной среде.

Сторонники цивилизационной концепции считали, что история имеет дискретный характер, разделяли исторический процесс на локальные социокультурные образования – *цивилизации* (культурно-исторические типы и т.д.) и акцентировали внимание на их своеобразии и уникальности, придерживаясь позиции плюрализма в рассмотрении источников возникновения и гибели социальных организмов.

Методология

В процессе работы над материалами исследования все-стороннее применялись общенаучные методологические подходы в данном направлении, а также имел место нарративный анализ показателей общественного уклада и традиций духовности населения России и ее регионов.

Обсуждение

Системный характер имперских духовных ценностей в рассмотренных аспектах развития России свидетельствуют о том, что такие ценности, как *общительность, жизнь, свобода, жертвенность и нравственность* играют большую роль в построении межкультурного продуктивного общения и взаимосвязаны между собой. Об имперскости общественного сознания говорит Ю.М. Бородай. Он пишет о соединении этносов в нацию следующее: «Ведь чтобы действительно сделаться объединяющим надэтническим центром, сам этнос – строитель нации, неизбежно вынужден отказываться от своего узкоэтнического своеобразия... Нацию (которая сама может со временем встать на имперский путь) не построить без жесточайшего самоограничения этноса-созидателя. Все вокруг до последнего будут бороться за свою «особость»» [1, с. 256]. Здесь поднимается весьма важная и сложная проблема «разумных пределов» толерантности. В качестве таковых выражается и государственный интерес.

Духовные качества общественного бытия России и Византии отличались от всех иных тем самым «православным образом», под которым подразумевалось стремление к добру, справедливости, достижению смысла жизни, выполнению долга и т.д. Особое место в подобной системе ценностей имели такие взаимосвязанные категории как, добро и зло, самопожертвование во имя общего блага и т.д. Именно из-за подобного рода ценностных ориентиров человек живет настоящим, а не мнимым будущим. Наличие таких целей определяет поведение целого народа, например, мордвы, так общими стремлениями и ценностными установками мордвы объясняется их типичный образ жизни, сложившееся этническое самосознание, отношение к собственной культуре и миру. Как пишет один из современных исследователей: «Византия не только стала мостом между античной культурой и культурой Нового времени, сохранив и передав сокровища древности современности, не только вошла в плоть и кровь православных и других христианских народов, но и во многих отношениях может многое дать нынешнему и грядущему времени» [4, с. 25].

Развитию интеграции больших пространств способствует общественная интеграция, то есть разрушение межэтнических барьеров, образование все более крупных социальных систем. По верному наблюдению известного современного русского философа М.А. Маслина, «...кризис России – кризис культуры, который глубже политики и экономики, что справедливо и по отношению к современной России» [2, с. 370].

В начале XX века в англосфере происходил всесторонний кризис, в том числе и сознание англичан переживало глубокий период трансформации. Согласно данным исследователей «Англия – везде, где живет английский народ, мы будем искать ее истории везде, где совершаются наиболее важные для англичан события... В период расширения Англии в Великую Британию история ее творится везде, где проходит расширение, даже в таких далеких странах, как Канада и Индия» [7, с. 275].

Также некоторые исследователи англосферы убеждены в том, что «в наше время такое явное срав-

нение далеко не столь убедительно – изобретения сплюснули весь земной шар, и в лице России и Соединенных Штатов появилась новая форма государства, в гораздо большем масштабе, чем бывшие прежде» [7, с. 274].

В середине XX века итогом рефлексии развернувшейся научно-технической революции стало формирование множества концепций общественного развития, центром тяготения которых стала своего рода «зачарованность» техникой как фактором социальной динамики. В них современное общество рассматривалось как «техногенная цивилизация», «техносфера», «социотехнический комплекс» и т.д. [6, с. 4]. Выполненное исследование и полученные в итоге результаты позволяют сделать довольно закономерный вывод о наличии в России возможности обеспечения реализации и функционирования системы ценностей, необходимой для становления внутреннего мира любого человека.

В формировании подобной структуры ценностей большую роль играли такие факторы, как отречение царя от престола, ликвидация Российской империи, сформированная научно-идейная платформа социалистического общества, неприятие капиталистической идеологии в XX столетии и прочее.

Ценности духовной сферы российской цивилизации в данной связи имели свои особенности. Развивались отрасли духовной сферы – литература, музыка, театр, кино, живопись и архитектура. Они также имели характерные черты, в связи с идеологией и особенностями советского периода развития страны. В изменении духовной сферы выделялись как положительные факторы, так и отрицательные. К числу положительных факторов можно отнести стремление народа к коллективному труду, четкие задачи советского руководства по наращиванию темпов производства, что выражалось в прославлении труда рабочих и крестьян, развитии науки и производства, формировании пятилетних планов индустриализации. Все выше отмеченное нашло выражение в произведениях культуры, в частности, в картинах, музыкальных произведениях, литературе. К числу отрицательных факторов формирования духовной культуры и ценностей следует отнести атеистический характер советской идеологии, который сломил глубокий духовный смысл исконно российской национальной идеи, основанной на единстве народа, государства и духовных традиций.

Ценности цивилизации в российской духовной сфере в области производства формировались под влиянием роста культурного сотрудничества со сходными по духовным традициям странами, где также преобладала духовная культура. Одновременно в России действовали космополиты и патриоты одновременно. Они были знаком традиций «всемирной отзывчивости» россиян. Тем не менее, национализм был чужд сознанию россиян.

В российском обществе существует сформированная система ценностей. Она сложно организована по структуре и имеет ряд характерных черт, связанных с культурными особенностями регионов и дифференциацией общества на составные общности, отвечающие за функционирование предприятий сфер общественной жизни. Для каждой области характерна определенная система ценностей, которые разделяются на уровни. Рассмотренная модель системы ценностей находит проявление в российском обществе. Каждый уровень имеет ряд особенностей проявления и взаимосвязан с другими. Для российского общества характерна взаимосвязь духовных ценностей всех структурных частей и их дифференциация, в виде ценностей личности, коллективов, культур народов, ценностей государства и мирового общества.

Рассмотрим реализуемость в России духовных ценностей человеческой цивилизации. Россия занимает ключевое место и активную позицию в международных отношениях. Ценности России предоставляют мировому сообществу оценочную позицию нашей страны по актуальным вопросам в различных сферах. По правильно-му замечанию С.Л. Франка, «русское мировоззрение можно считать практически в самом высоком смысле этого слова». Оно изначально ориентировано на совершенствование мира, из-за чего «основное содержание русской философской мысли можно определить как религиозную этику» [3, с. 32].

Ценности, связанные с государством, характеризовались особенностями внешней и внутренней политики российского государства. Ценности культуры народов, населяющих Россию, определялись их участием в политической жизни страны. Они подчинялись центру – Москве, но имели собственные административные центры, подчиняющиеся правительству. Ценности межличностного взаимодействия в политической сфере характеризовались наличием общей для предприятий страны позиции по отношению к правительственному курсу, его одобрением, а также подчинением социалистической системе управления страной. Сейчас Россия – демократическое государство с республиканской формой правления, федеративное по своему государственному устройству. В соответствии с этим, система ценностей России сегодня построена на основе демократического управления. Развитие экономики, промышленности и всех отраслей хозяйства осуществляется на основе уважения к культурам других народов, к профессиональной и творческой реализации личности.

Развитию культуры социума уделяется большое внимание на всех уровнях общественной структуры, в том числе на региональном, государственном и международном уровне. *Универсализм и имперскость* в традициях социума прослеживаются не только в российском историческом опыте, но и в достаточно влиятельном пространственном имперском социуме, каким являлась Британия и англосфера.

Согласно мнению российского исследователя имперского контекста развития поликультурного социума важна традиция восприятия себя в аналитике международного положения. Он пишет, что «можно с уверенностью предположить, что вопрос о восприятии наследия и символики Римской империи, и более всего об отношении к модели римской императорской власти, неизбежно попадал в поле зрения британских историописателей. Для протестантских авторов «церковных историй» имперская тема неизбежно дополнялась вынесением суждений о зловещем детище империи – Римской церкви» [4, с. 485].

В структуре общественного сознания имперской нации часто проявляются созидательные качества традиций. Духовные традиции способствуют интерактивности начал привлекательности культурной деятельности нации. В англосфере Новейшего времени наблюдается доминирующая в социуме «...идея избранничества... избранность английской нации оказывалась лишь залогом гораздо более рельефно обозначенного политического и социального процветания государства» [4, с. 481]. Империя Туманного Альбиона со времен Тюдоров и до Новейшего времени была тем государственным образованием, над которым не заходило солнце.

Однако авторы считают, что концепция культурного империализма как системы мер, реализуемых социальными институтами англосферы для установления идеологического согласия с зарубежными странами посредством активной политики обучения, пропаганды и де-

монстрации образа жизни американцев, является для нашего исследования наиболее подходящей. Именно в указанном плане российская и западная модели империостроительства отличались друг от друга кардинально. В результате систематизации научных исследований об имперских ценностях социума, а также значимых динамических особенностей системы духовных ценностей. Определены основные механизмы реализации системы духовных ценностей современной России при взаимодействии традиций и инноваций.

Континуальность и преемственность духовных традиций оказалась важным фактором позитивного империостроительства. В современном мире и российском обществе создаются условия для благополучия человека, его творческой реализации, соблюдения его прав и осуществления продуктивной совместной деятельности в коллективе [8].

Заключение

В современных исследованиях многими авторами осуществлено комплексное осмысление системы ценностей уровня социальной структуры российского общества, при осуществлении взаимосвязи традиционного и инновационного. В качестве инновации в исследовании предлагается разработка конкретных моделей, предназначенных для оптимального функционирования и реализации системы ценностей на изученных уровнях.

В частности, для эффективного функционирования государственных ценностей построена модель для обеспечения реализации механизмов, способствующих этому. Для оптимального функционирования ценностей культуры разработана инновационная модель по достижению точки равновесия между взаимодействующими людьми в социальных общностях. Для эффективной реализации личности в социуме с помощью уровней ценностей внутреннего мира человека в российской имперской традиции разработана солидарная модель поэтапного личностного становления.

Таким образом, для успешного развития культуры необходимо объединение усилий творчески мыслящих специалистов вокруг всех отраслей человеческой деятельности, создание творческих союзов и т.д. Для оптимального функционирования системы ценностей культуры народов необходима реализация определенных механизмов. Среди них:

- сохранение и приумножение культурного наследия,
- международное сотрудничество во всех сферах общественной жизни,
- роль образования в реализации системы духовных ценностей,
- социокультурная автономия русского национального характера,
- самый высокий уровень восприятия духовных ценностей.

Россия представляет собой государство, состоящее из народов со своими особенностями культуры. Каждому народу соответствует определенная система ценностей, отражающая его культурные особенности. Ценности данного уровня отражают смысловую основу культуры в виде культурного наследия, осознанного и сохраняемого потомками.

Литература

1. Бородай Ю.М. От фантазии к реальности (происхождение нравственности) / ИФ РАН. – Москва: ИФ РАН, 1995. – 297 с.

2. История русской философии: учебник / [А.И. Абрамов, Л.Р. Авдеева, А.Л. Андреев и др.]; под ред. М.А. Маслина. – Москва: Издательство «КДУ», 2008. – 640 с.
3. Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция / Н.О. Лосский; [подгот. текста и примеч. Р.К. Медведевой; послесл. П.П. Гайденко]. – Москва: Республика, 1995. – 399 с.
4. Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / [отв. ред. и сост. Н.А. Хачатурян]; Институт всеобщей истории РАН; МГУ им. М.В. Ломоносова. – Москва: Наука, 2011. – С. 474–487.
5. Петрунин Ю.Ю. Призрак Царьграда: неразрешимые задачи в русской и европейской культуре / Ю.Ю. Петрунин; МГУ им. М.В. Ломоносова. – Москва: Книжный дом Университет, 2006. – 223 с.
6. Степин В.С., Кузнецова Л.Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации / В.С. Степин, Л.Ф. Кузнецова. – Москва: ИФ РАН, 1994. – 274 с.
7. Сили Дж.Р. Британская империя / Дж.Р. Сили, Дж.А. Крэмб. – Москва: Издательство Алгоритм-Книга, 2004. – 448 с.
8. Диалектика Просвещения: Философские фрагменты / М. Хоркхаймер, Т.В. Адорно; пер. с нем. М. Кузнецова. – Москва: Медиум, 1997. – 312 с.

THE REALIZABILITY OF THE SYSTEM OF IMPERIAL SPIRITUAL VALUES OF BYZANTINISM IN RUSSIA AND THE IMPERIAL EXPERIENCE OF THE ANGLOSPHERE

Eldin M.A., Shirshov A.V., Izergina V.P., Shegulova M.A.
National Research Ogarev Mordovia State University

The relevance of this research is determined by the increasing influence of universal values in the field of spiritual culture, which is manifested in international cooperation on the path of social creation in Russia and the world, as well as in making joint decisions. The article examines the processes of globalization and the policy of «imperialism» of Russia and the Anglosphere, their interac-

tion, and explains the place of politics, economics, and technology in these processes. To achieve consensus in social relations within the paradigm of cultural unity, a rigid systematizing approach with tendencies of conservatism is applied. Conservatism is multivariate here, as in other dynamic social structures, it is either protective or destructively inspired, that is, official.

In addition, the study reveals the well-known thesis about the socio-cultural complementarity of the spiritual traditions of the Slavs and Byzantium, the tragedy of the confrontation of the bodily and spiritual beginnings of human cultural existence.

Keywords: empire, byzantinism, society, civilization, anglosphere, social philosophy, globalization, tradition.

References

1. Borodai Yu.M. From fantasy to reality (the origin of morality) / IF RAS. – Moscow: IF RAS, 1995. – 297 p.
2. History of Russian philosophy: textbook / [A.I. Abramov, L.R. Avdeeva, A.L. Andreev et al.]; edited by M.A. Maslin. – Moscow: KDU Publishing House, 2008. – 640 p.
3. Lossky N.O. Sensual, intellectual and mystical intuition / N.O. Lossky; [prepared by text and notes by R.K. Medvedeva; afterword by P.P. Gaidenko]. – Moscow: Republika Publ., 1995. – 399 p.
4. Empires and ethnonational states in Western Europe in the Middle Ages and Early Modern Times. / [responsible editor and compiler N.A. Khachaturian]; Institute of General History of the Russian Academy of Sciences; Lomonosov Moscow State University. – Moscow: Nauka Publ., 2011. pp. 474–487.
5. Petrunin Yu.Y. The Ghost of Tsargrad: unsolvable problems in Russian and European culture / Yu.Y. Petrunin; Lomonosov Moscow State University. – Moscow: University Book House, 2006. – 223 p.
6. Stepin V.S., Kuznetsova L.F. The scientific picture of the world in the culture of a technogenic civilization / V.S. Stepin, L.F. Kuznetsova. – Moscow: IF RAS, 1994. – 274 p.
7. Seeley J.R. The British Empire / J.R. Seeley, J.A. Cramb. – Moscow: Algorithm-Book Publishing House, 2004. – 448 p.
8. Dialectics of Enlightenment: Philosophical fragments / M. Horkheimer, T.V. Adorno; translated from German by M. Kuznetsov. – Moscow: Medium, 1997. – 312 p.

Литаш-Сорокина Елена Александровна,
магистр, РАНХиГС при Президенте РФ
E-mail: elena@lita.sh

Василенко Людмила Александровна,
доктор социологических наук, профессор, Институт
государственной службы и управления РАНХиГС
при Президенте РФ
E-mail: vasilenkola@mail.ru

Статья посвящена исследованию этических аспектов проникновения искусственного интеллекта (ИИ) в повседневную жизнь и общественные структуры. Рассматривается роль технологий в изменении традиционных моделей взаимодействия человека с окружающим миром, выделяя ключевую проблему доверия к автоматизированным системам и ответственность человека за контроль над этими технологиями. Анализируются тенденции развития общества, обусловленные внедрением ИИ, и предложены подходы к формированию эффективного взаимодействия человека и технологий, направленные на обеспечение психологического благополучия личности и стабильного функционирования общества.

Ключевые слова: искусственный интеллект, ИИ, доверие, этика, цифровая культура, человекоцентрированность.

Введение

Распространение информационных технологий оказывает все большее влияние на все большие области человеческой жизни. Наиболее значительные эффекты ожидаются в следствии влияния диффузии ИИ. Машинное обучение, в отличие от ранее создаваемых компьютерных программ, четко кодирующих человеческое знание посредством алгоритмов, самостоятельно определяет соответствующие сопоставления в рамках реализации этих алгоритмов, что фундаментально отличает возможные эффекты от простой компьютеризации (Цепелева, 2021). Доступность данных и рост производительности позволяют ИИ добиваться впечатляющих успехов в области восприятия и познания – двух важнейших навыков человеческой деятельности (Brynjolfsson et al., 2017). ИИ создает впечатление «мыслящего-самостоятельно», что в представлении человека делает его равным людям, приводит к сравнению и разочарованию человека в собственных способностях (Salvi, 2021). Реальность меняется благодаря новым возможностям: меняются модели социального взаимодействия, трансформируются организации, государственное управление, его взаимодействие с гражданином, иначе происходит взросление новых поколений (Солдатов и др., 2022). Цифровые возможности открывают перед нами двери желаемого будущего, о котором ранее читали в научной фантастике. В связи с этим следует рассмотреть вопрос, что означает для самооценки людей организация ими среды обитания с помощью независимых и непрозрачных информационно-технологических систем (Salvi, 2021).

Сэм Альтман¹, Джефф Безос², Сундар Пичай³ и др. технологические лидеры предсказывают как ИИ создает процветающее общество. Хотя такие заявления отражают всеобщие ожидания, влияние ИИ может послужить причиной еще большего неравенства и проблем. Важно понять, какие последуют социальные эффекты, что блокирует, а что является драйвером диффузии ИИ. Человекоцентрированность требует управлять изменениями, направлять их на благо человека, обращает наше внимание к взаимоотношениям человека и технологий, которые, в свою очередь, представляют форму самопознания и самовыражения человека, а также способ его взаимодействия с миром. Человек через технологию не просто меняет мир, а меняет и себя, формируя новый образ себя в мире технологий (Кассирер, 1995). Согласно одной из теорий человеческого существования, опыт и знание вещей возникают в результате взаимодействия с ними, не являются внутренними для действующего лица, находятся между ним и взаимодействием с ними. В то время как человеческая деятельность и связанное с ней восприятие производят множество воплощенного

¹ Matteo Wong, Was Sam Altman Right About the Job Market? URL: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2025/03/generative-ai-agents/682050/>

² Martin Baron, WHERE JEFF BEZOS WENT WRONG WITH THE WASHINGTON POST. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2025/03/bezos-appease-trump-administration/681899/>

³ Alexis C. Madrigal, What Google's CEO Couldn't Explain to Congress. URL: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2018/12/what-sundar-pichai-couldnt-explain-to-congress/577903/>

опыта, навыков и неявного знания, наблюдение и концептуальное осмысление социальных практик коллективного действия, связанных с репрезентативным мировоззрением, приводят к явному знанию как объективациям. Неявное знание, возникающее из взаимодействия с миром и включающее рефлексивные, операциональные и кооперативные способности, навыки и опыт, которые человек развивает в течение жизни, позволяет эффективно действовать в конкретных ситуациях, оценивать сложные отношения и справляться с неопределенностью (Suchman, 1987). Знание того, как это происходит, охватывает способность воспринимать и фиксировать ситуацию как целое, а не как совокупность отдельных частей и свойств, а также процедурных рутин для продолжающегося действия. Эта мета-компетентность в действии в основном бессознательна («неявная») растет с опытом путем присвоения и интернализации явных знаний и технических артефактов для эффективного практического использования (Brödnér, 2019).

Проникновение ИИ во все сферы человеческой жизни меняет традиционные порядки, приводит к устареванию «неявных знаний», создавая условия формирования новых; несёт ожидаемые выгоды, требует решения сопряженных с ними технических трудностей, а также осмысления вопросов, возникающих в отношениях человека, технологий и общества. Требуемая скорость реакций на изменения ориентирует на развитие способностей осознания происходящего среди широких масс.

Обзор исследований

Специалистами всего мира в различных областях знаний прорабатывается проблематика влияния цифровой трансформации на человека. Ниже некоторые авторы, к чьим работам обращается исследование.

Рафаэль Сальви, специализируется в областях философии технологии и философии медицины, в работе «Философско-антропологические дискуссии на тему «Глубокое обучение»: непрозрачная и независимая система как решение для самопознания человека?» (Salvi, 2021) рассматривает системы машинного обучения как вызов человеческому пониманию самого себя, поскольку такие системы способны демонстрировать признаки автономии и независимости от человека, несмотря на свою техническую природу.

Ваухини Вара (Vauhini Vara) – канадская и американская журналистка и писательница, финалистка Пулитцеровской премии, в книге «Поиски» изучает взаимодействие человека и технологий. Основная цель ее исследования показать, как цифровизация влияет на формирование нашей личной психологической территории, идентичности и общества в целом^{1,2}.

Профессор религии и педагогики д-р Бирте Платоу, один из основателей GeNet-ISMRС³ исследует формирование человеком своего образа, восприятия собственной идентичности в условиях взаимодействия с ИИ, то, каким образом технологии влияют на представления человека о нем самом.

Василенко Людмила Александровна, профессор кафедры организационного проектирования систем управ-

ления Факультета управления персоналом и государственной службы ИГСУ РАНХиГС, доктор социологических наук, на протяжении всей научной деятельности исследует вопросы влияния цифровизации на социальные процессы (Василенко, 2004; Василенко, 2018; Василенко, 2021; Василенко, 2024), поднимает вопрос «расчеловечивания» под влиянием проникновения в нашу жизнь ИИ⁴.

Солдатова Галина Владимировна, Доктор психологических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, с соавторами в своей книге «Рожденные цифровыми: семейный контекст и когнитивное развитие» исследует вопрос оптимального баланса использования цифровых технологий в реальной жизни, который важен для здорового когнитивного развития детей.

Методология исследования. Новые сущности и отношения

Технологии представляют собой знания, которые используются для формирования физической и социальной среды. В теории деятельности инструменты отражают собственный опыт и опыт других людей, которые пытались решить аналогичные проблемы и изобрели или модифицировали инструмент, чтобы сделать его более эффективным. Опыт накапливается в свойствах инструмента и в знаниях как его использовать. Инструменты создаются и трансформируются в ходе развития деятельности и несут с собой культуру. Использование инструментов является средством накопления и результатом передачи социальных знаний (Broedner, 2008). В связи с чем проведение рефлексии происходящего даст возможность понять как ИИ (созданный инструмент), повлиял на человека и как повлияет в будущем. На глобальном фоне нестабильности и напряженности, цифрового ускорения – важность изменений, стимулируемых ИИ приобретает новый масштаб. Экономический рост зависит от устойчивого, сбалансированного технологического развития. Развивающиеся и наименее развитые страны⁵ больше всех воодушевлены возможностями ИИ. В экономиках всего мира наблюдается возрождение промышленной политики⁶. Инновации и технологии, необходимые для диверсификации и развития, воспринимаются как средство обеспечения безопасности, решения национальных и международных проблем, создания стимулов устойчивого роста.

Существует множество открытых ИИ вопросов, изучение которых провоцирует осмысление природы разнообразных «сущностей», возникающих в результате новых «социальных взаимодействий» (Василенко, 2004). Некоторые исследования социального пространства требуют философского подхода к рассмотрению сущностей. В связи с этим в исследовании будут затронуты концептуальные вопросы таких сущностей как «доверие» и «этика» ИИ. Ключевым вопросом распространяющегося наряду с цифровой трансформацией человекоцентрированного подхода остается проблема психологического благополучия человека в меняющемся мире. Видится необходимым определить, как строить отношения «ИИ-человек», дать теоретическое основание «доверие ИИ» и «этика ИИ», на основе имеющихся эмпирических данных ВЦИОМ и др. исследовать вопросы (1) как сегод-

¹ A Memoir of What A.I. Giveth, and What It Taketh Away "Searches," by Vauhini Vara, is both a memoir and a critical study of our digital selves. URL: <https://www.nytimes.com/2025/04/14/books/review/vauhini-vara-searches.html>

² «Призраки» были показаны в The Believer в 2021 году; он был антологизирован в серии «Лучшие американские эссе» и был адаптирован для аудио «This American Life»

³ Сеть исследователей религии и культуры во времена глубокой медиатизации

⁴ Василенко Л.А., Литаш-Сорокина Е.А., XV международная Грушинская социологическая конференция, Давление нейросетей: ИИ-зрелость vs расчеловечивание https://event.wciom.ru/file/report_2025/166_26032025133610.pdf

⁵ The 2025 AI Index Report. URL: <https://hai.stanford.edu/ai-index/2025-ai-index-report>

⁶ WORLD INTELLECTUAL PROPERTY REPORT 2024, <https://www.wipo.int/web-publications/world-intellectual-property-report-2024/en/foreword.html>

ня сказывается влияние ИИ на человеке, (2) что может означать для самооценки людей организация ими среды обитания с помощью независимых и непрозрачных информационно-технологических систем. Сформировать рекомендации тому, как обеспечить психологическое благополучие человека в меняющемся совместными достижениями человека и технологий мире.

Доверие ИИ

Технология стала незаменимой частью человеческой жизни, в следствии чего человек становится зависим от нее. И эксперты ИИ, и простые пользователи предвидят, что ИИ превзойдет человека не только в способностях к переработке информации, но и в уникальных для человека способностях – креативности, рассуждениях, эмпатии и др.. Вопрос смысла, причин, приведших к появлению технологий для человека, становится краеугольным для сохранения субъектной позиции человека в этих отношениях. Для диффузии инноваций (Rogers, 1971) требуется доверие и передача его аудиторией от инноваторов до крайних скептиков. Вместе с тем, с точки зрения философии, доверие не имеет рациональной основы для доверия к гарантированному результату (McLeod, 2015). Наиболее цитируемое определение феномена доверия – «готовность одной стороны быть уязвимой к действиям другой стороны, основанная на ожидании того, что сторона выполнит определенное действие, важное для доверителя, независимо от способности контролировать или управлять другой стороной» (Mayer et al., 1995); «попытка принять решение в условиях неопределенности относительно результата и уязвимости доверителя к предательству: оценка риска со стороны доверителя по отношению к доверительному управляющему относительно некоторого действия, набора действий или обстоятельств» (Taddeo, 2009; Coeckelbergh, 2012; McLeod, 2015). В парадигмах доверия традиционно выделяют две: основная говорит о доверии как о том, что возникает между людьми, откуда обогащается и производит другие варианты, которые «паразитируют на основной концепции» (McLeod, 2015), другая утверждает, что доверие – «данность, часть наивной онтологической установки человека относительно его поведения в социальном мире и отношений с ним» (Coeckelbergh, 2012). Некоторые философы проводят дополнительное различие между доверием и опорой, полагая, что опора может существовать без отношения доверия: тогда, если что-то пойдет не так, человек будет разочарован, но не предан. Другие философы признают возможность доверия как зависимости (Coeckelbergh 2012). Таким образом, в определении доверия подчеркивается готовность человека быть уязвимым в поставленных на карту вопросах, предполагая, что человек готов разочаровываться в случае наличия доверия. Все это не ограничивает концепцию доверия взаимодействием между людьми, позволяя рассматривать доверие в отношении ИИ (Wang et al., 2016), делает зависимым диффузию ИИ от оказываемого ему доверия человеком.

Людям, чтобы найти свой путь в повседневной жизни, необходим огромный объем знаний и опыта, большая часть которого является интуитивным и субъективным знанием, которое трудно выразить формальным языком и логическими выводами. Опытный врач может сказать какие факторы считает важными при принятии решения назначить определенное обследование, но все же некоторая часть его решения останется спонтанной. Тоже наблюдается и с системами глубокого обучения: хотя они могут распознавать и формировать определенные закономерности для получения определенных знаний или принятия решений, но, почему такая система работает и генерирует

определенные результаты, не вполне объяснимо: «Хотя мы и создаем эти сети, мы не приближаемся к их пониманию» (Castelvecchi, 2016). В связи с такой непрозрачностью об ИИ говорят как о «черном ящике». И все же, в случае решения, принимаемого врачом, он будет действовать осмотрительно, не только потому что дал клятву Гиппократу, но и потому, что может потерять лицензию, если воспользуются уязвимостью пациента¹. И человеку смысл таких потерь знаком, но смысл, который движет деятельностью ИИ, для человека остается в «черном ящике».

Замещение доверия человеку доверием технологиям

В свое время люди оставляли соседям ключи от квартир, чтобы они заботились о питомцах во время отпуска, но боялись оставить данные банковской карты в интернет-магазине. Сейчас мы готовы доверить ребенка незнакомцу лишь на основании рейтинга (например, на платформе KidsOut)²; впустить в дом людей, которых видим впервые; выбрать дом для отпуска по фотографиям и профилю владельца на онлайн-платформах³. Технологии всего за два десятилетия завоевали доверие. Благодаря свободе, которую дали человеку: выбора образа жизни (страна, общение/работа и др.), и пандемии, которая не оставила выбора. Бытовая составляющая нашла онлайн-воплощение, демократизировала рынок для различных компаний, упразднила избыточные этапы между человеком и производством, сократило количество действий в процессе получения ценности. Доверять технологиям было выгодно. В результате, сформированы новые паттерны и социальные механизмы: люди «оказывают доверие» на основе количества отзывов, экспертных рекомендаций, цифрового следа, а традиционные механизмы, такие как страхование, служат подкреплением. Поскольку технологии способствуют реализации ценностей молодых поколений (Y-Z), это стимулирует рост спроса на технологии, а с ним и доверия⁴. ИИ, повышая удобство и производительность существующих технологических решений, появляется там, где доверие уже сформировано, и «паразитирует» на сложившейся ситуации. ИИ в смартфонах, которые мы не выпускаем из рук, используется ежедневно. И если в 2021 году люди не были готовы доверить ИИ решения в значимых для них сферах⁵, то в 2025 году первое место в потреблении ИИ заняла поддержка в таких сферах как эмоции и жизнь человека⁶. В целом, в 2025 году доверие к генеративному ИИ фиксируется как высокое (Merz, 2025).

¹ Sheila Kaplan, Dr. Jodi Halpern on why AI isn't a magic bullet for mental health. URL: <https://publichealth.berkeley.edu/news-media/research-highlights/why-ai-isnt-a-magic-bullet-for-mental-health> (дата обращения: 2.05.2025)

² Маркетплейс: сайт и приложение, где студенты и не только находят через нас социально значимую и развивающую подработку, а родители – няню на несколько часов для своего ребенка

³ Филипп Генс, Технологии учат доверию: как технический прогресс меняет психологию общества. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/394309-tehnologii-uchat-doveriyu-kak-tehnicheskij-progress-menyat-psihologiyu-obshchestva>

⁴ Тренд совместного потребления, где на первом месте функциональность, на втором владение

⁵ Голосовые ассистенты (Роботы-операторы). URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Голосовые_ассистенты_%28Роботы-операторы%29

⁶ Pallavi Rao, Ranked: All the Things People Use AI for in 2025, // URL: <https://www.visualcapitalist.com/ranked-all-the-things-people-use-ai-for-in-2025/> (дата обращения: 03 мая 2025 года)

⁷ OpenAI – исследовательская организация Илона Маска и Сэма Альтмана, занимающаяся разработкой и продви-

Встают вопросы реализации этических норм в «черном ящике» и нравственности ИИ. Сказать, что инженеры не знают, что происходит внутри систем, если взглянуть на отдельные узлы нейросети нельзя, поэтому метафора «черного ящика» не вполне применима. Тем не менее, отсутствуют и убедительные объяснения того, почему глубокое обучение вообще работает (Lin et al., 2017; Lipton 2018; Zhang et al., 2021), да и этичность производства самих ИИ-платформ может быть подвержена критике¹.

Природа самодостаточности человека – является вопросом понимания того, о чем мы бы могли бы думать свободно, поскольку лучше информированы об этом, хотя понимаем мораль и ее важность. При разумном подходе результат понимания создает идею свободы: человек доволен изменениями, это основано на его перспективах автономии, с его пониманием моральной философии свободы. Человек, готовый реализовать это знание, способен реализовать его, или придерживаться того, что прочно устоялось в системе. Таким образом, свобода существует «сама по себе» и она есть. В тоже самое время, в человекоцентрированном подходе, идея самоуправляемой системы глубокого обучения заключалась бы в понимании развития у нее «самости» и понимания возможной свободы, которая при реализации с ее стороны действий, принесла бы пользу каждому человеку. Результатом развития ценностей и понимания свободы является то, что люди могут мыслить и действовать нравственно, и, следовательно, быть свободными в этом. Тогда и характеристики возможностей машины должны зависеть от понимания свободы людей.

Говоря о доверии, к себе, к другим людям, можно говорить о способности «знать и не сомневаться», соглашаться с опытом того, кому доверяешь, отношению к себе. Это дает возможность делегировать, сохраняя психологическое благополучие. Для доверия человеку нужны точки опоры (больше – лучше), в поисках которых он ориентируется на личный опыт, нормы культуры и информацию. С точки зрения психологии о доверии говорят как о результате социализации (Антоненко, 2020) в результате соприкосновения надежд и страхов (Попов, 2018). Одновременно с этим, доверие – это интегративная опора всей деятельности. Доверие – это фундамент построения продуктивной команды (Lencioni, 2002), «моральный капитал общества», который формируется в результате длительного развития, благодаря чему, его уровень становится основой стабильности социальной системы. И в командах, и в обществах с низким уровнем доверия сложно осуществлять какие-либо позитивные перемены, эти группы неэффективны и нестабильны (Fukuyma, 1995; Lencioni, 2002). Имплементируя технологии в частную жизнь и рабочие процессы, мы сталкиваемся с необходимостью преодоления блокирующих доверие психологических установок человека, определение точек опоры и построение фундамента доверительного отношения человека к ИИ. Сами информационные технологии принесут пользу об-

щением дружественного искусственного интеллекта. Прим. Авт. Metz, C. (2025) OpenAI Unveils A.I. Technology for “Natural Conversation”, [online], available at: URL: <https://www.nytimes.com/2025/02/27/technology/openai-artificial-intelligence-technology.html> (Accessed 3 May 2025).

¹ OpenAI ‘reviewing’ allegations that its AI models were used to make DeepSeek. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2025/jan/29/openai-chatgpt-deepseek-china-us-ai-models#:~:text=There's%20substantial%20evidence%20that%20what,some%20of%20these%20copycat%20models.&text=Privacy%20Notice%20Newsletters%20may%20contain,and%20Terms%20of%20Service%20apply.&text=The%20US%20navy%20has%20reportedly,Microsoft%20declined%20to%20comment>

ществу именно за счет того, что способствуют росту доверия в обществе (Algan, Cahuc, 2010)².

Сферы необходимого внимания

Диффузия ИИ в жизнь россиян указывает на высокий уровень доверия: 75% используют ИИ в повседневной жизни, 71% готово ему доверять, 54% воспринимает как помощника. Активное использование ИИ наблюдается среди различных возрастных групп и социальных слоев. Однако, люди старшего возраста испытывают трудности в освоении ИИ, а молодежь склонна воспринимать его исключительно как помощника и игнорирует возможность негативных последствий формирующейся зависимости. Преимущества доверия ИИ подтверждают ожидаемые выгоды: экономия времени благодаря быстрому поиску нужной информации (68%), рост производительности труда и улучшение результатов (55%), автоматизация рутинных (62%). Несмотря на позитивное отношение к ИИ (54% считают его полезным), существует значительная доля противоречий в восприятии технологий: 10% воспринимает ИИ как врага, ещё столько же – как конкурента, 24% боится потерять из-за него работу. Доверие демонстрируют сферы, которые воспринимаются как относительно безопасные и понятные (умные колонки, часы, чат-боты и пр.) (44%), творчество (42%) и робототехника (40%). В сферах, напрямую влияющих на жизнь и безопасность отношение осторожное: в промышленности ИИ поддерживает 32%, в здравоохранении и транспорте – по 28%, образовании – 24%. Менее всего уровень доверия в сферах, напрямую связанных с решениями, влияющими на жизнь: экономика, социальная сфера, военное дело (по 19%), безопасность – 18%; в государственном управлении – 13%. Шумиха вокруг внедрения технологий ИИ в государственных органах и производствах, стимулирует потенциальный стресс в следствии изменений в привычной среде обитания. Особенно уязвимы становятся пожилые поколения, так как уровень восприятия ИИ значительно ниже.

Большинство все же положительно оценивает ИИ. Основное применение: обучение и образование (32%), профессиональная деятельность (28%), создание мультимедийного контента (22%), Мониторинг здоровья и физической активности – 18%. Финансовые вопросы: управление, планирование, инвестиции – все еще на последнем месте (12%). Присутствуют серьезные проблемы с пониманием границ возможностей технологий. Только 7% выступают против широкого использования ИИ в учебе, что подчеркивает низкий уровень критики и скептицизма в отношении применения технологий. Этот факт повышает риск чрезмерного доверия и отказа от критической оценки результатов, полученных с помощью ИИ^{3, 4, 5, 6}.

² Филипп Генс, Технологии учат доверию: как технический прогресс меняет психологию общества. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/394309-tehnologii-uchat-doveriyu-kak-tehnicheskii-progress-menyaet-psihologiyu-obshchestva>

³ Россияне и нейросети: как ИИ облегчил жизнь людей за год. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2025-02-24_rossiya-ne_i_nejroseti_kak

⁴ Опрос россиян об использовании ИИ на работе в 2024 году. URL: <https://ict.moscow/research/opros-rossiian-ob-ispolzovanii-ii-v-2024-godu/>

⁵ Лебедев Павел, Студенты считают, что чрезмерное использование ИИ в преподавании обесценивает процесс. URL: https://skillbox.ru/media/education/studenty-schitayut-chto-chrezmernoe-ispolzovanie-ii-v-prepodavanii-obestsenivaet-protsess/?utm_source=media&utm_medium=link&utm_campaign=all_all_media_links_links_articles_all_all_skillbox

⁶ Тематический каталог. Информационные технологии. URL: <https://wcio.ru/tematicheskii-katalog-1/information-technology>

Перечисленное создает риски психологического дискомфорта и социального напряжения в обществе в виду непредсказуемых последствий диффузии ИИ, которые имеют риски создания поколенческого, гендерного, территориального разрывов между представителями групп населения, а также может негативно сказаться на способностях познания человека: риск снижения самостоятельности, утраты навыков анализа, обработки информации, ухудшение способностей критического и творческого мышления. Отсутствие чётких стандартов и правил использования ИИ создаёт предпосылки для искажённого понимания реальности, снижения способности анализировать и интерпретировать данные самостоятельно.

Заключение

Главным словом для ИИ в 2025 году стало понятие «агент». Последние тенденции обещают революцию в промышленности: корпорации станут эффективнее и конкурентоспособнее благодаря способностям ИИ-агентов ставить цели, планировать и совершать конкретные действия, реально воздействуя на окружающий мир. Готовы ли современные агенты ИИ получить вместе с «агентской» позицией и моральную нагрузку, которая неизбежно сопровождает любое значимое действие человека? Ответственность – неотъемлемая часть обладания возможностью менять мир. Обладая возможностью повлиять на события, человек ощущает давление обязательства: «можешь» мгновенно превращается в «должен». Когда власть действовать употребляется без моральных ограничений, человек чувствует себя песчинкой, без возможности на что-то повлиять. Прогресс технологий и сформированного им доверия, одновременно с бурным развитием ИИ в продолжение технического прогрессу, рост ожиданий помощи в рутине и все еще осторожное отношением к ИИ в вопросах, напрямую влияющих на жизнь, свидетельствует о необходимости четких этических принципов и прозрачных механизмов контроля применения ИИ во всех областях человеческой жизни как на уровне государства, так и каждого гражданина.

Время деятельного ИИ – время сознательных людей, готовых отвечать за свои поступки и руководствоваться высокими моральными принципами. Доверие человека к ИИ может возникнуть только благодаря активной, взаимной и честной, ответственной позиции сторон; сделает возможным введение ИИ в социальное устройство, создаст условия для управляемого человеком изменения социальных связей взаимодействия с ним. Оказываемая государствами поддержка макротренду ИИ-трансформации должна быть направлена на создание условий государственной системы для возможности реализации только соответствующих принципам доверия ИИ стратегий. Необходимо оказание содействия формированию культуры доверия ИИ в обществе, создание стимулов развития ответственности граждан за производство и использование ИИ. Если сейчас нельзя сказать, как обеспечить моральной нагрузкой ИИ, можно конструировать, создавать условия и процессы, направленные на настройку единых ценностных оснований, закреплять их институционально (Василенко, 2018), способствовать функционированию этики как средства «успешной саморегуляции» общества в отношениях с ИИ. Необходимо определить возможные для реализации моральные нравственные принципы, сопоставимые с ожиданиями человека и необходимые ему для доверия ИИ, которых будет способен придерживаться самообучаемый ИИ, в силу определенного человеком уровня ответственности.

Литература

1. Антоненко И.В. Доверие как интеграционный механизм общества // Педагогика и психология современного образования: теория и практика: материалы научно-практической конференции «Чтения Ушинского» (5–6 марта 2020 г.) / под науч. ред. И.Ю. Тархановой. Ч. 2. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2020. С. 227–233.
2. Василенко Л.А. Public value management и цифровое государство – значимые тенденции развития системы государственного управления // Государственное управление и развитие России: вызовы и возможности. Сборник статей международной конференц-сессии. Том 1 / под общей редакцией Г.Ю. Ивлевой. – М.: Издательский дом «НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА», 2018. – 942 с. С. 149–155. ISBN 987-5-6041666-0-4.
3. Василенко Л.А. (2004). Опережающее образование как способ выживания человечества // Безопасность Евразии. № 3 (17). С. 491–505. DOI: 10.18411/vasilenko-1-1
4. Василенко Л.А., Мещерякова Н.Н., Социология цифрового общества: монография, 2021, 226 с., // URL: <https://earchive.tpu.ru/bitstream/11683/69233/1/m-2021-m42.pdf>
5. Василенко Л.А., Молчанова О.И., Богданова Л.В. (2024) Креативность и субъектность как феномены цифрового общества. Журнал социологии и социальной антропологии, 27(1): 139–161. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.7>. EDN: CITUDT
6. Попов Д.В., Психологические аспекты доверия, Вестник ТвГУ. Серия «Педагогика и психология». 2018. Выпуск 3. С. 252–259. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/162004129.pdf>
7. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Вишнева А.Е., Теславская О.И., Чигарькова С.В. Рожденные цифровыми: семейный контекст и когнитивное развитие. – М.: 2022. – 356 с. ISBN 978-5-98807-102-0. URL: <https://cyberpsy.ru/literature/rozhdennyye-cifrovymi-semejnyj-kontekst-kognitivnoe-razvitiye>
8. Цепелева Н.П. Этическое (само)регулирование в сфере государственной и муниципальной службы: проблема доверия // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 4А. С. 109–119. DOI: 10.34670/AR.2021.75.15.012
9. Эрнст Кассирер, Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры. Серия: Лики культуры Издательство: М.: Гардарики; 784 страниц; 1998 г. ISBN: 5–7975–0039–6
10. Brödnér, P. Coping with Descartes' error in information systems. AI & Soc 34, 203–213 (2019). <https://doi.org/10.1007/s00146-018-0798-8>
11. Broedner, Peter. (2008). The misery of digital organisations and the semiotic nature of IT. AI & Society. 23. 331–351. 10.1007/s00146-006-0066-1.
12. Castelvécchi, Davide. 2016. „The Black Box of AI.“ Nature, Oct 6;538(7623): 20–23.
13. Coeckelbergh, Mark. 2012. „Can We Trust Robot?“ Ethics and Information Technology 31: 9–14.
14. Erik Brynjolfsson, Daniel Rock, Chad Syverson, Artificial Intelligence and the Modern Productivity Paradox: A Clash of Expectations and Statistics, NBER Working Paper No. 24001 (2017)
15. Francis Fukuyama, Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity, Free Press, 1995, 480.
16. Lin, Henry W., Max Tegmark, und David Rolnick. 2017. „Why Does Deep and Cheap Learning Work So Well?“ J Stat Phys 168, 1223–1247.

17. Lipton, Zachary C. 2018. „The Mythos of Model Interpretability: In machine Learning, the concept of interpretability is both important and slippery.“ *ACM Queue*, Vol. 16, Issue 3, May-June 2018, 31–57
18. Mayer, R. C., Davis, J. H., & Schoorman, D. F. (1995). An integrative model of organizational trust. *The Academy of Management Review*, 20(3), 709–734.. URL: <https://doi.org/10.2307/258792>
19. McLeod, Carolyn. 2015. „Trust.“ *Stanford Encyclopedia of Philosophy*, Meta– physics Research Lab, Center for the Study of Language and Information (CSLI), Stanford University, 03 August 2015. <https://plato.stanford.edu/entries/trust/>
20. Patrick M. Lencioni, *The Five Dysfunctions of a Team: A Leadership Fable*, 20th Anniversary Edition, ISBN: 978–0–787–96075–9, April 2002, Jossey-Bass, 256.
21. Rogers, Everett M. *Diffusion of innovations*. Library of Congress Cataloging in Publication Data, Rev. ed. of: *Communication of innovations*. 2nd ed. 1971
22. Salvi, Raphael (2021). Philosophisch-anthropologische Überlegungen angesichts „Deep Learning“: Intransparente und eigenständige Systeme als Herausforderung für das Selbstverständnis des Menschen? In Gotlind Ulshöfer, Peter G. Kirchschläger & Markus Huppenbauer, *Digitalisierung aus theologischer und ethischer Perspektive*. Nomos. pp. 285–305. URL: <https://doi.org/10.5771/9783748924012–285>
23. Suchman, L. A. (1987). *Plans and situated actions: The problem of human-machine communication*. Cambridge University Press.
24. Taddeo, Mariarosaria. 2009. „Defining Trust and E-Trust: From Old Theories to New Problems.“ *International Journal of Technology and Human Interaction* 5(2): 23–35.
25. Wang, W., Qiu, L., Kim, D., & Benbasat, I. (2016). Effects of rational and social appeals of online recommendation agents on cognition– and affect-based trust. *Decision Support Systems*, 86, 48–60.. URL: <https://doi.org/10.1016/j.dss.2016.03.007>
26. Yann Algan, Pierre Cahuc, *American Economic Review*, VOL. 100, NO. 5, DECEMBER 2010 (pp. 2060–92), ISSN 0002-8282 (Print) ISSN 1944-7981 (Online). URL: <https://www.aeaweb.org/journals/aer>
27. Zhang, Chiyuan, Samy Bengio, Moritz Hardt, Benjamin Recht und Oriol Vinjals. 2021. „Understanding deep learning (still) requires rethinking generalization.“ *Communications of the ACM* 64, 107–115.
1. Antonenko I.V. Trust as an integration mechanism of society // *Pedagogy and psychology of modern education: theory and practice: materials of the scientific and practical conference “Ushinsky Readings”* (March 5–6, 2020) / edited by I. Yu. Tarkhanova. Part 2. Yaroslavl: RIO YSPU, 2020. Pp. 227–233.
2. Ernst Cassirer, *An Experiment on Man: Introduction to the Philosophy of Human Culture*. Series: *Faces of Culture* Publisher: Moscow: Gardarika; 784 pages; 1998 r. ISBN: 5–7975–0039–6
3. Brödnér, P. Coping with Descartes’ error in information systems. *AI & Soc* 34, 203–213 (2019). <https://doi.org/10.1007/s00146–018–0798–8>
4. Broedner, Peter. (2008). The misery of digital organisations and the semiotic nature of IT. *AI & Society*. 23. 331–351. 10.1007/s00146–006–0066–1.
5. Castelvecchi, Davide. 2016. „The Black Box of AI.“ *Nature*, Oct 6;538(7623): 20–23.
6. Coeckelbergh, Mark. 2012. „Can We Trust Robot?“ *Ethics and Information Technology* 31: 9–14.
7. Erik Brynjolfsson, Daniel Rock, Chad Syverson, *Artificial Intelligence and the Modern Productivity Paradox: A Clash of Expectations and Statistics*, NBER Working Paper No. 24001 (2017)
8. Francis Fukuyama, *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity*, Free Press, 1995, 480.
9. L. Vasilenko, N. Meshcheryakova, *SOCIOLOGY OF DIGITAL SOCIETY*, Monograph, 2021, 226 c., // URL: <https://earchive.tpu.ru/bitstream/11683/69233/1/m-2021-m42.pdf>
10. Lin, Henry W., Max Tegmark, und David Rolnick. 2017. „Why Does Deep and Cheap Learning Work So Well?“ *J Stat Phys* 168, 1223–1247.
11. Lipton, Zachary C. 2018. „The Mythos of Model Interpretability: In machine Learning, the concept of interpretability is both important and slippery.“ *ACM Queue*, Vol. 16, Issue 3, May-June 2018, 31–57
12. Mayer, R. C., Davis, J. H., & Schoorman, D. F. (1995). An integrative model of organizational trust. *The Academy of Management Review*, 20(3), 709–734.. URL: <https://doi.org/10.2307/258792>
13. McLeod, Carolyn. 2015. „Trust.“ *Stanford Encyclopedia of Philosophy*, Meta– physics Research Lab, Center for the Study of Language and Information (CSLI), Stanford University, 03 August 2015. <https://plato.stanford.edu/entries/trust/>
14. Patrick M. Lencioni, *The Five Dysfunctions of a Team: A Leadership Fable*, 20th Anniversary Edition, ISBN: 978–0–787–96075–9, April 2002, Jossey-Bass, 256.
15. Popov D.V., *Psychological aspects of trust*, *Vestnik of TvS U. Series “Pedagogy and Psychology”*. 2018. Issue 3. Pp. 252–259. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/162004129.pdf>
16. Rogers, Everett M. *Diffusion of innovations*. Library of Congress Cataloging in Publication Data, Rev. ed. of: *Communication of innovations*. 2nd ed. 1971
17. Salvi, Raphael (2021). Philosophisch-anthropologische Überlegungen angesichts „Deep Learning“: Intransparente und eigenständige Systeme als Herausforderung für das Selbstverständnis des Menschen? In Gotlind Ulshöfer, Peter G. Kirchschläger & Markus Huppenbauer, *Digitalisierung aus theologischer und ethischer Perspektive*. Nomos. pp. 285–305. URL: <https://doi.org/10.5771/9783748924012–285>
18. Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Vishneva A.E., Te-slavskaya O.I., Chigarkova S.V. *Born Digital: Family Context and Cognitive Development*. – M., 2022. – 356 p. – ISBN 978-5-98807-102-0
19. Suchman, L. A. (1987). *Plans and situated actions: The problem of human-machine communication*. Cambridge University Press.
20. Taddeo, Mariarosaria. 2009. „Defining Trust and E-Trust: From Old Theories to New Problems.“ *International Journal of Technology and Human Interaction* 5(2): 23–35.
21. Tsepeleva N.P. (2021) Eticheskoe (samo)regulirovanie v sfere gosudarstvennoi i munitsipal’noi sluzhby: problema doveriya [Ethical (self-)regulation in the public and municipal services: a problem of trust]. Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 10 (4A), pp. 109–119. DOI: 10.34670/AR.2021.75.15.012
22. Vasilenko L.A *Public value management and the digital state – significant trends in the development of public administration // Public administration and development of Russia: challeng-*

ISSUES OF ETHICS AND TRUST IN THE DIFFUSION OF AI INNOVATIONS

Litash-Sorokina E.A., Vasilenko L.A.

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article explores the ethical dimensions of artificial intelligence’s (AI) penetration into everyday life and societal structures. The authors examine how technologies transform traditional patterns of human interaction with the environment, highlighting the critical issue of trust in automated systems and humanity’s responsibility for controlling them. Trends in societal evolution driven by AI adoption are analyzed, along with proposed approaches to creating efficient human-technology synergy aimed at maintaining personal well-being and stable societal functioning.

Keywords: artificial intelligence, AI, trust, ethics, digital culture, anthropocentricity.

References

- es and opportunities. Collection of articles of the international conference session. Volume 1 / edited by G. Yu. Ivleva. – M.: Publishing house "SCIENTIFIC LIBRARY", 2018. – 942 p. 149–155pp..
23. Vasilenko L.A. (2004). Advanced education as a way for humanity to survive. *Bezopasnost' Evrazii*, 3(17), 491–505. DOI: 10.18411/vasilenko-1-1 (in Russian).
 24. Vasilenko L.A., Molchanova O.I., Bogdanova L.V. (2024) Creativity and subjectivity as phenomena of digital society. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 27(1): 139–161. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.7>. EDN: CITUDT
 25. Wang, W., Qiu, L., Kim, D., & Benbasat, I. (2016). Effects of rational and social appeals of online recommendation agents on cognition– and affect-based trust. *Decision Support Systems*, 86, 48–60.. URL: <https://doi.org/10.1016/j.dss.2016.03.007>
 26. Yann Algan, Pierre Cahuc, *American Economic Review*, VOL. 100, NO. 5, DECEMBER 2010 (pp. 2060–92), ISSN 0002-8282 (Print)| ISSN 1944-7981 (Online). URL: <https://www.aeaweb.org/journals/aer>
 27. Zhang, Chiyuan, Samy Bengio, Moritz Hardt, Benjamin Recht und Oriol Vinjals. 2021. „Understanding deep learning (still) requires rethinking generalization.“ *Communications of the ACM* 64, 107–115.

Исследование концепции «жизненная политика» в соответствии с философией К. Маркса

Ма Цзинхань,

докторант, философский институт Хэйлунцзянского университета

E-mail: 1254708440@qq.com

В последние годы концепция “жизненной политики” привлекла широкое внимание академического сообщества. Отечественные исследования, посвященные “жизненной политике”, появились в конце прошлого века. С появлением и переводом работ таких выдающихся ученых, как Фуко, Харт и Негри, китайские ученые, занимающиеся политикой в отношении жизни, начали изучать политику в отношении жизни. академическое сообщество проводит исследования современной политической жизни с точки зрения марксизма. В то же время, благодаря изучению жизненной политики, возникли и другие вопросы: действительно ли философия Маркса содержит измерение жизненной политики, или же общество сегодня навязывает марксизм, чтобы сделать его более эпохальным? Если в марксизме действительно есть жизненная составляющая политики, то какова связь между ними? Играет ли критика капитала, выдвинутая Марксом в его эпоху, руководящую роль и в современном мире капитала? В этой статье мы попытаемся оттолкнуться от этих вопросов, проанализируем теоретическое пересечение марксизма, особенно исторического материализма и жизненной политической философии, и попытаемся обсудить, что современная критика марксизмом общества капитала по-прежнему имеет большое значение.

Ключевые слова: власть капитала; рабочая сила; дисциплина; жизненная политика; критика капитала

С фундаментальными изменениями в методах производства человеческого общества претерпел изменения и способ выживания человека. Когда политика жизни, как западная теория, критикует современное капиталистическое общество, мы неизбежно сравниваем ее с критической теорией капитала Маркса. Многие западные марксисты с новейших времен считают, что исторический материализм Маркса ушел в прошлое из-за изменений в методах производства и выживания и больше не имеет руководящего значения критики общества, а жизненная политика неизбежно попадет в такой “постмодернистский водоворот”. критика политической экономики также была отброшена как отсталый продукт, и появилась так называемая “современная” критика капитала. Перед лицом такой сложной ситуации нам необходимо исследовать, включает ли мысль Маркса идею жизненной политики и как Маркс рассматривал жизненную политику в свое время

Историческое исследование жизненной политики

Наиболее важные сомнения, высказанные отечественными учеными по поводу философии жизненной политики Маркса, заключаются в том, что сам Маркс никогда не использовал термин “жизненная политика”. Когда многие ученые исследуют историю термина “жизненная политика”, “все они начинают с французской речи Фуко; однако, если мы продолжим проследить доисторическую историю “философии жизни”, мы обнаружим, что есть два вида идей, которые вместе составляют первоначальный контекст его употребления. Первая – это философия жизни как философия истории. Когда немецкий философ Шпенглер обсуждал развитие социальной истории в своей книге 1918 года «Закат Запада», он изучал эволюцию культуры и истории в виде циклов. Шпенглер считает, что культура и социальная история, подобно живым организмам, должны пройти через процесс зарождения, созревания и упадка, и все этапы социального и культурного развития также соответствуют процессу биологической эволюции, в который верил Дарвин. Другой теорией, которая оказывает влияние на философию жизни, является философия жизни немецкого философа Ницше. Проблема жизни и смерти была в центре внимания философов с древних времен. Смерть всегда была загадкой, и исследования философов о смерти бесконечны: Аристотель однажды сказал: “Люди начали изучать философию из-за удивления. Так было в прошлом, и это настоящее время». сейчас то же самое.” [1.С.119] Сократ и Платон негативно относились к жизни, считая, что существование жизни – это всего лишь имитация мира идей. Все, что существует в реальности, недолговечно и ложно, но только мир идей вечен, совершенен и истинен.

“Концепция жизненной политики” официально вошла в обиход людей в 1970-х годах, когда французский философ Мишель Фуко перешел от “права на дисциплину” к “праву на жизнь”. В своей речи в Коллеж де Франс он определил “жизненную политику” как своего рода господство жизненной силы. Важной причиной, по которой монархи с древних времен обладали высокой властью, является то, что в их руках находится власть над жизнью

и смертью людей, и они могут напрямую лишить их власти над жизнью, если они не подчиняются приказам монарха; однако, в отличие от древней социальной системы, цель этого “жизненная сила” в наше время заключается уже не в том, чтобы “заставить вас умереть”, а в контроле и мониторинге жизненных методов, использовании производственных систем и методов производства для управления жизнями работников в форме “Жизненной политики населения”, предложенной Фуко: “Ряд вмешательства и корректировки, сосредоточенные на физическом теле вида, физическом теле, которое пронизывает жизненную силу и служит носителем жизненного процесса”. контроль.[2.С.100–101] Короче говоря, “сила жизни” больше не проявляется в виде насилия, второе – это нормативное регулирование и нормализация эволюции жизни”.[3.С.93] В книге «Дисциплина и наказание» Фуко объяснил, что сила жизни как целостная система власти контролирует и регулирует жизненный процесс; если дисциплина – это контроль над индивидуальной жизнью, то жизненная политика – это контроль над общественной жизнью. Этот вид власти перешел от власти распоряжаться жизнью к власти вмешиваться в нее, и это новый способ применения технологии власти.

Исходя из этого, мы можем определить жизненную политику как своего рода политическое господство посредством контроля за соблюдением права на жизнь. Этот контроль кажется своего рода защитой права на жизнь и поддержанием нормального общественного порядка, но ирония заключается в том, что эта система лишена жестокого нацизма. Анализируя нацизовский холокост, Фуко полагал, что уничтоженные жизни были низкого качества, а исчезновение жизни низкого качества способствовало более здоровому развитию жизни высокого качества. Фуко способствует повышению качества жизни населения в целом, контролируя его.

Регулируемая коммерциализированная рабочая сила

Слово “capital” переводится с английского как “капитал”, а корень “сар”, который его образует, имеет значение “захватывать” и “удерживать”; из его лексической конструкции можно видеть, что само существование “капитала” связано с “господством”. В обществе капитала, слово “капитал” тесно связано с уровнем жизни работников или отношениями между рабочими и капиталистами. Тесно связано. Маркс утверждал в начале четвертой главы первого тома «Капитал»: “Товарное обращение является отправной точкой капитала. Товарное производство и обращение развитых товаров первой необходимости, то есть торговля, являются историческими предпосылками для создания капитала.” [4.С.171] Сутью капитала является валюта, но самое большое различие между валютой как капиталом и простой валютой заключается в процессе ее обращения. Секретный ключ к превращению валюты в капитал кроется в рабочей силе, которая существует как товар: во-первых, когда у самого работника нет информации, необходимой для выживания, он может продать себя как товар только капиталисту; во-вторых, сам работник волен продавать себя на рынке капитала. Только при одновременном выполнении этих двух условий капитал как валюта может быть “модернизирован” до капитала, обладающего способностью к воспроизводству. “Именно благодаря такому виду единых социальных отношений между «духом и плотью» капитал становится живым организмом, который воспроизводит и размножается сам по себе, и становится живым капиталом.” [5.С.50] В процессе самовоспроизводства капита-

ла важнейшим звеном является производство, и именно в процессе производства формируются отношения между людьми. «Капитал» Маркс позаимствовал точку зрения Уэйкфилда: “Капитал – это не какая-то вещь, а своего рода социальные отношения между людьми, которые используют вещи в качестве посредников”.[4.С.877–878] В то же время эти отношения неравноправны, и за ними стоит власть, не только экономическая, но и, что более важно, политическая. В условиях частной собственности в капиталистическом обществе капиталисты полностью контролируют средства производства. Хотя они больше не определяют напрямую “жизнь и смерть” рабов и низших слоев населения, подобно рабовладельцам и монархам первобытных и феодальных обществ, они все еще могут определять условия жизни работников посредством распределения средств производства. Когда трудящимся становится трудно поддерживать нормальные условия жизни, они вынуждены подчиняться приказам капиталистов и создавать для них богатство, чтобы обеспечить приумножение капитала. Поскольку неравенство в средствах производства привело к неравенству в отношениях между людьми, неравенство в экономической основе определяет неравенство в политических отношениях.

Для того чтобы максимально увеличить приумножение капитала, капиталисты, исходя из предпосылки наличия определенного количества необходимого обществу рабочего времени, основным методом являются создание остаточной стоимости путем сжатия рабочих рук. Увеличьте продолжительность рабочего дня рабочих и увеличьте интенсивность труда; в главе “Рабочие дни” книги «Капитал» Маркс указывал: “Как капиталист, это всего лишь персонифицированный капитал... Капитал – это мертвый труд. Он подобен вампиру. Только высасывая живой труд, можно обрести жизнь. Чем больше живого труда он поглощает, тем более энергичной будет его жизнь”.[4.С.269] Рабочая нагрузка состоит из двух частей: капиталисты нанимают работников для создания стоимости, и работники должны вернуть эту часть стоимости капиталистам в рабочее время; после того, как эта часть стоимости будет возвращена капиталистам, оставшийся труд предназначен для приумножения капитала, и капиталисты надеются максимизировать свои доходы. получает выгоду, продлевая свое рабочее время на неопределенный срок. Цель. Капиталистам не нужно заботиться о продолжительности жизни и здоровье работников. Они просто относятся к рабочим как к машинам: “Относитесь к рабочим как к простым средствам производства и давайте им пищу, точно так же, как добавляете уголь в котел и смазываете машину”.[4.С.306]

Однако для работников как субъекта жизни должен существовать предел “использования” капиталистами. Такой способ работы, нарушающий нормальные законы жизни, не только вызовет сопротивление работников, что повлияет на эффективность производства; для капиталистов более важно компенсировать работникам возросшие затраты на травматизм в производственном процессе и снижение остаточной стоимости. Поэтому капиталисты с удовольствием тратят деньги на внедрение машин для повышения эффективности производства и снижения затрат на рабочую силу; другими словами, использование машин не направлено на снижение производственного давления на работников, и любые инвестиции капиталистов никогда не будут направлены на благо работников. “Сомнительно, что все существующие механические технологии будут эффективны. изобретения облегчили повседневный труд любого человека”.[4.С.427] Методы производства всегда менялись с развитием науки и техники. До изобретения электрического освещения люди могли работать только на рас свете-

те и отдыхать на закате. В то время производственный метод все еще основывался на чисто кустарном производстве, и единственным способом увеличить остаточную стоимость было увеличение рабочего времени; однако изобретение электричества и машин позволило машинам работать безостановочно, а восьмичасовую систему труда рабочих можно было изменить с внедрением станков завод перешел на “трехсменный” режим работы, и он был полностью превращен в “тюрьму для неженатых”. Капиталисты должны не только управлять ограниченным рабочим временем рабочих, но и контролировать распределение и содержание работы рабочих в течение рабочего дня, а также организовывать работников с помощью “научных расчетов” для достижения цели выжимания каждой капли крови и пота рабочих.

Внутренняя логика исторического материализма и жизненная политика

Теоретический анализ Маркса от начала до конца всегда придерживался позиции исторического материализма. Это также является самым большим отличием между ним и западной политической мыслью. Когда Маркс анализировал реальность капиталистического общества, он поместил человеческую жизнь во весь исторический материализм, чтобы проанализировать ее. Когда философы до Маркса размышляли о человеческой жизни, они рассматривали “естественность” как человеческую природу и рассматривали человека как естественное существование. Маркс также анализировал, что сущность человека тесно связана с обществом: “Фейербах связывал сущность религии с сущностью человека. Но сущность человека – это не абстрактная вещь, присущая отдельному человеку. С точки зрения своей реальности, это сумма всех социальных отношений.” [6.С.505] В то же время человеческая жизнь может доказать свое существование только в процессе практики и труда: “...Поэтому мы должны сначала подтвердить первую предпосылку всего человеческого выживания, которая является первой предпосылкой всей истории...” [6.С.531] История человечества начинается с живых людей. Таким образом, исторический материализм Маркса также использует живых людей как точку опоры для анализа общества в целом.

В то же время процесс человеческой жизни и процесс развития социальной истории – это один и тот же процесс. Человеческая жизнь отличается от жизни животных: “Как только люди начинают самостоятельно добывать средства к существованию, то есть они определяются своей физической организацией. На этом этапе люди сами начинают отличать себя от животных. Люди сами добывают себе средства к существованию, в то же время косвенно создавая саму свою материальную жизнь.” [6.С.519] Удовлетворяя свои собственные потребности в материальных средствах к существованию, люди могут производить сами по себе, то есть осуществлять воспроизводство видов. Вместе эти два фактора составляют процесс социальной истории. С увеличением численности населения и развитием социальной истории человеческая жизнь перестает быть просто основной проблемой индивидуального выживания. По мере того, как материальная информация постепенно удовлетворяется, “определенные индивиды, которые определенным образом осуществляют производственную деятельность, вступают в определенные социальные и политические отношения.” [6.С.523–524] Политические факторы начали влиять на жизнедеятельность людей. Власть не только контролирует материальные средства существования людей, но и оказывает влияние на само выживание людей; в то же время, помимо контроля над развитием

человеческой плоти, власть также вмешивается в духовное развитие людей, и идеология, находящаяся под контролем государственной власти, больше не оказывает постоянного влияния на развитие общества в реальной жизни. Как развиваются сами люди, как развивается идеология и как развивается социальная история. Следовательно, в этом смысле развитие человеческой жизни и социальной истории происходит шаг за шагом. Это также является действующим законом исторического материализма Маркса, и теоретический анализ жизни, несомненно, начинается с исторического материализма.

В своем раннем тексте «Рукопись экономической философии 1844 года» Маркс проанализировал условия жизни рабочих через призму отчужденного труда, который включал в себя физическое и психическое преследование рабочих капиталистической системой. Труд должен быть свободной и сознательной деятельностью людей, но в реальном производстве капиталистического общества “объект, произведенный трудом, то есть продукт труда, как некое чуждое существование, как сила, не зависящая от производителя, противопоставляется труду.” [6.С.156–157] Мало того, что продукты труда противопоставляются деятельности самого труда, но еще более парадоксально, что продукты труда также противопоставляются работникам. Чем больше продуктов производит рабочий, тем богаче материальная информация о предметном мире, в котором он находится, но сам рабочий становится еще более смущенным, потому что он может получить только ту часть, которая поддерживает его жизнь. Особенно в условиях крупномасштабного машинного производства, труд большинства работников, особенно работников физического труда, стал монотонным и повторяющимся, причем даже в “бессознательном” состоянии, не говоря уже о творческой деятельности. Рабочие кажутся хозяевами машины, но на самом деле они должны подчиняться ее работе в любое время. Помимо контроля за началом и окончанием работы машины, все люди являются ее вспомогательными элементами. На самом деле, отдельные люди и целые жизни стали рабами машины. В то же время, благодаря чрезвычайно скрытому методу использования машин, рабочие неосознанно теряют возможность использовать свой интеллект. Все виды науки и техники, а также медицинское обслуживание “помогают” капиталистам давить на рабочих. Интеллект производственного процесса отделен от ручного труда, и интеллект превращается в силу производства. капитал будет господствовать над рабочей силой. [4.С.487] Однако, поскольку в молодости Маркс все еще находился под влиянием философии Фейербаха, путь, указанный в процессе освобождения человека, – это возвращение к сущности человека, но на самом деле все явления не могут быть объяснены “отчуждением”. Таким образом, теория раннего освобождения человеческой жизни Маркса по-прежнему остается актуальной. имеет несколько незрелых частей. Маркс всегда был обеспокоен о вреде капитала для выживания работников. Просто он не критиковать капитала в качестве самостоятельной теории жизни, будь то политика, но достигнута это за счет критики истории и политических наук. Преобладающие западные теории жизни, будь то политика только в современной интерпретации этой теории.

Современное значение и ценность жизненной политики Маркса

Истинная философия никогда не была пустой болтовней в реальном обществе, а критика общества капитала никогда не была конечной целью; истинная философия

никогда не устареет, пока существуют остаточные проблемы, критическую философию можно подпитывать. Франкфуртская школа, известная своей “критикой”, фокусируется на современном образе человеческого существования, но некоторые люди сравнивают Франкфуртскую школу с “современным оводом”. Сократ однажды заявил во время судебного процесса: “Если провести нелепую аналогию, я похож на овода, жалящего вас повсюду весь день напролет будил тебя, убеждал и обвинял.” Только критикуйте, а не конструируйте, и в этом также заключается самое большое различие между марксистской философией и другими направлениями философии.

Марксизм обобщил историческую эволюцию социальных форм и использует диалектику, чтобы показать путь социального прогресса. Начиная с первобытного общества, отношения между людьми и обществом были плохими. В условиях капитального производства, после того как материальная информация в основном удовлетворена, люди обретают относительную независимость. Это, несомненно, является крупным прогрессом в социальной истории. Кажется, что свобода и равенство прав человека были реализованы, но на самом деле выживание человека по-прежнему зависит от логики капитала. Только ликвидировав эксплуатацию и двигаясь к коммунистическому обществу, можно сделать жизнь по-настоящему равной и освободить все человечество. Рабочие постепенно втягиваются в водоворот логики капитала. Большое количество безработных и высокий уровень занятости стали той каплей, с помощью которой капитал подавляет их. Они не могут контролировать свое время и жизнь. Маркс также обсуждал в Немецкой идеологии, каково это – свободно распоряжаться временем в коммунистическом обществе: “...Общество регулирует все производство, что позволяет мне заниматься этим сегодня и этим завтра, охотиться утром, рыбачить днем, заниматься животноводством вечером и критиковать после ужина...” [6.С.537] При такой идеальной жизни только тогда, когда работники будут способны думать о себе и о том, как избавиться от контроля отчужденного труда, чтобы иметь контроль над своей собственной жизнью, станет возможным достижение освобождения человека.

Человеческая цивилизация прошла через процесс перехода от низкого уровня к высокому, от простоты к сложности, от отсталости к прогрессу. За сменой каждой социальной формы стоит непрерывное изменение методов производства, образа жизни и форм цивилизации. Социалистическая цивилизация современного китайского общества возникла на основе предшествующей человеческой цивилизации. В своей речи на конференции, посвященной столетию со дня основания Коммунистической партии Китая, генеральный секретарь Си Цзиньпин впервые предложил построить новую форму человеческой цивилизации. Этой новой формой является не возникает из воздуха, а основывается на тенденции исторического процесса. “Люди сами создают свою историю, но они творят не так, как им заблагорассудится, не в условиях, которые они выбирают сами, а в условиях, с которыми они непосредственно сталкиваются, которые они установили и унаследовали из прошлого” [7.С.470–471], Новая форма человеческой цивилизации – это новая социальная форма, которая может развиваться одновременно в условиях значительного обогащения материальной цивилизации, политической цивилизации, духовной цивилизации, социальной цивилизации и экологической цивилизации. В этой социальной форме люди могут по-настоящему распоряжаться своей судьбой, избегать дисциплины капитала, по-насто-

ящему становиться субъектами труда, а труд становится свободной и осознанной деятельностью.

Литература

1. Кафедра преподавания и исследований зарубежной философии философского факультета Пекинского университета. Избранные чтения оригинальных произведений западной философии. / Пекин: Коммерческая пресса, 2004.
2. Фуко. История сексуального опыта. / Шанхай: Шанхайское народное издательство, 2000.
3. Ма Цзюньфэн, Ма Цзюэнь. Исторический материализм и жизненная политика. / Пекин: Китайская пресса социальных наук, 2020.
4. Маркс, Энгельс. Собрание сочинений Маркса и Энгельса. / Том 5. Пекин: Народное издательство, 2009.
5. Дун Бяо. Мысль Маркса о правах капитала и критика жизненной политики. // Социальные науки Внутренней Монголии, 2021 (3).
6. Маркс, Энгельс. Собрание сочинений Маркса и Энгельса. / Том 1. Пекин: Народное издательство, 2009.
7. Маркс, Энгельс. Собрание сочинений Маркса и Энгельса. / Том 2. Пекин: Народное издательство, 2009.

RESEARCH OF THE CONCEPT OF «LIFE POLICY» IN ACCORDANCE WITH THE PHILOSOPHY OF K. MARX

Ma Jinghan
Heilongjiang University

In recent years, the concept of “life politics” has attracted wide attention from the academic community. Russian studies on “life politics” appeared at the end of the last century. With the appearance and translation of the works of such prominent scientists as Foucault, Hart, and Negri, Chinese life policy scholars began to study life policy. The academic community conducts research on modern political life from the point of view of Marxism. At the same time, thanks to the study of life politics, other questions have arisen: does Marx’s philosophy really contain a dimension of life politics, or does society today impose Marxism in order to make it more epochal? If there really is a vital component of politics in Marxism, then what is the connection between them? Does Marx’s critique of capital in his era play a leading role in the modern world of capital? In this article, we will try to build on these issues, analyze the theoretical intersection of Marxism, especially historical materialism and vital political philosophy, and try to discuss that Marxism’s modern critique of capital society is still of great importance.

Keywords: the power of capital; labor force; discipline; life policy; criticism of capital

References

1. Department of Foreign Philosophy Teaching and Research, Department of Philosophy, Peking University. Selected Readings from Original Works of Western Philosophy. / Beijing: Commercial Press, 2004.
2. Foucault. History of Sexual Experience. / Shanghai: Shanghai People’s Publishing House, 2000.
3. Ma Junfeng, Ma Qiao’en. Historical Materialism and Life Politics. / Beijing: China Social Science Press, 2020.
4. Marx, Engels. Collected Works of Marx and Engels. / Volume 5. Beijing: People’s Publishing House, 2009.
5. Dong Biao. Marx’s Thought on the Rights of Capital and Critique of Life Politics. // Social Sciences of Inner Mongolia, 2021 (3).
6. Marx, Engels. Collected Works of Marx and Engels. / Volume 1. Beijing: People’s Publishing House, 2009.
7. Marx, Engels. Collected Works of Marx and Engels. / Volume 2. Beijing: People’s Publishing House, 2009.

Некоторые аспекты философии истории постсоветской России как объективные условия самореализации молодежи

Казиев Низами Эмирович,

кандидат философских наук, профессор, главный научный сотрудник Регионального центра этнополитических исследований (РЦЭИ) Дагестанского федерального исследовательского центра (ДФИЦ) Российской академии наук (РАН)
E-mail: rcidnc@mail.ru

Магаррамов Магаррам Джабраилович,

доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Регионального центра этнополитических исследований (РЦЭИ) Дагестанского федерального исследовательского центра (ДФИЦ) Российской академии наук (РАН)
E-mail: m.magarram@gmail.com

Это одна из первых попыток социально-философского анализа некоторых аспектов философии истории постсоветской России как объективных условий самореализации отечественной молодежи сквозь призму объективных законов, противоречий, рассматриваемые авторами как источник развития современного российского общества и государства. Противоречивая природа их развития детерминируют адекватные механизмы и направления развития страны в сторону утверждения режима правовой государственности и гражданского общества.

Ключевые слова: философия истории постсоветской России; объективный закон; противоречия, детерминированные действием объективного закона; способ производства материальных благ; производительные силы и производственные отношения; стадии производственных отношений; духовные блага; нормы права; духовность; основные сферы жизни общества и др.

Актуальность темы исследования вытекает из той посылки, что анализ концептуальных положений философии истории постсоветской России как объективных условий самореализации молодежи своего потенциала является почти неисследованной проблемой в социально-философском ключе. Необходимость такого анализа проистекает еще из того, что определение роли и значения учета при управлении страной объективных философских и экономических законов позволяет четче определить источник, механизм и направление развития современного российского общества и молодежи как главного субъекта этого процесса.

Говоря о степени разработанности проблемы, стоит отметить, что в такой постановке данная проблема ни кем из исследователей не ставилась и, по этой причине, отсутствуют какие-либо источники в социальной философии, где аналогичным образом ставился бы вопрос. Между тем, при анализе проблемы использованы знания из области философии, экономической теории и футурологии. Они касаются понятия объективного закона, определения его роли и значения в сознательном управлении общественными процессами, детерминации общественных явлений внутренними и внешними противоречиями, их скачкообразный характер как переход от низших ступеней развития к высшим, а также отрицания убогих, устаревших форм и методов с переходом к наиболее развитым, креативным и совершенным.

Избранная в качестве основной, является диалектической методология с ее принципами и подходами. Она требует формулировки дефиниции объективного закона, поскольку знание о них позволит сознательно и грамотно управлять всеми слоями российского общества, включая молодежь. А это то, что называется сознательным управлением стабильностью и гармонией общества. С учетом сказанного, под объективными законами следует понимать *всеобщую, необходимую, существенную связь явлений и предметов, характеризующаяся устойчивостью и повторяемостью.*

Известно, что одним из главных участников всех общественно-политических процессов, происходящих в нашей стране за постсоветский период ее развития, является современная молодежь. И от того, каким будет ее самочувствие в плане созданий соответствующих условий для самореализации, сознательного и систематического учета ее интересов обществом и государством зависит гармоничное и стабильное их функционирование.

Следует подчеркнуть, что основным источником развития современной российской молодежи являются противоречия. Как нам кажется, основным противоречием, присущим всем представителям молодежи, является противоречие между их сущностью и существованием. То есть противоречие между биологической и социальной сущностью человека, исходя из посылки, что человек есть биосоциальное существо. Если в свое время известные мыслители Чезаре Ламброзо, Зигмунд Фрейд и некоторые другие абсолютизировали роль биологических факторов в определении сущности человека, то вместе с тем, в социальной философии представители марксистско-ленинского направления абсолютизи-

ровали роль социальных факторов в опредмечивании сущности человека. В этом смысле наиболее лаконично и глубоко это выразил один из известных мыслителей XIX столетия: «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивидууму; в своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений». Здесь абсолютизация социальных начал и их роли в определении сущности человека. Нам же кажется, что было бы логичным объединить эти два видения решения этого вопроса и исходить из того первоначала, что сущность человека – в его биосоциальных началах, а человек – это биосоциальное существо. Значит, сказанное актуально в отношении всех представителей молодежи и сознательный учет этого вывода при работе с нею позволит учитывать не только социальный контекст, но и биологический, предполагающий взаимосвязь биологического и социального портрета родителей с представителями молодежи.

Говоря об условном ранжировании противоречий, следует выделить: а) внутренние и внешние. Внутренние условно можно подразделить, опираясь на известные сферы развития жизни российского общества, а именно: *экономической, социальной, политической, идеологической, правовой и духовно-нравственной*.

Основным противоречием в экономической жизни российского общества, согласно известного объективного экономического закона – соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил, является противоречие между уровнями развития производительных сил и производственных отношений.

Первым срезом противоречий, применительно к рассматриваемой в публикации проблеме выступают представители молодежи с их умениями и навыками к труду. В этом отношении важно совершенствовать работу по формированию знаний, умений и навыков, то есть необходимых компетенций, прививаемые в процессе обучения в учебных заведениях.

Второй срез противоречий, исходя из указанного объективного закона, – это противоречия, вытекающие из состояния средств производства, в аспекте сравнения существующего и необходимого, желаемого качества.

Третий срез противоречий, связанный с наукой, как главной производительной силой, проявляется в процессе реализации российской молодежью своего научно-исследовательского потенциала в рамках вузовской и послевузовской профессиональной подготовки, обретения статуса кадров высшей квалификации, а также наличия соответствующих объективных и субъективных условий для такой реализации.

Противоречия в стадии производственных отношений, как экономических отношений между людьми по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ. Отсюда можно выделить: а) противоречия на стадии производства; б) распределения; в) обмена; г) потребления материальных и духовных благ. Остановимся на этом немного подробно.

Так, на стадии производства основным противоречием является противоречие товарного производства, то есть противоречие между общественным характером производства и индивидуальностью товаропроизводителя. Общественный характер производства обусловлен ориентированностью товаропроизводителя на выпуск продукции для неопределенного числа покупателей и в соответствии со ст. 426 Гражданского кодекса РФ [1] эти товары согласно публичному договору продаются всем тем, кто за этим обратится. А индивидуальность товаропроизводителя проявляется через товарный знак, знак обслуживания, наименования места

происхождения товара и специфика их использования регулируется соответствующим федеральным законом. Именно индивидуальность товаропроизводителя является двигателем совершенствования и обновления процесса производства, вовлечения в этот процесс других представителей молодежи и иных социальных слоев. В то же самое время общественный характер труда является тем цензором, который оценивает товар по качеству и он не допускает вовлечения в товарооборот некачественной и недобротной продукции, поскольку она никому не нужна. Вот в таком диалектическом взаимодействии находятся категории «общественный характер труда» и «индивидуальность товаропроизводителя». Их суть в жизни – противоречие, являющееся источником движения и развития товарного производства в стране и, оно разрешается на такой стадии производственных отношений, как обмен.

Противоречия на стадии распределения вытекают из амбивалентной, дихотомичной и двойственной природы распределения – производственных ресурсов и рабочей силы. Разрешение этих противоречий приводит к сбалансированному распределению по всей территории страны производственных ресурсов с потенциалом их систематического обновления, сопряженного с подготовкой и переподготовкой рабочей силы, могущей работать на соответствующем производстве. Известно, что основным костяком рабочей силы является российская молодежь и, привитие ей адекватных условиям производства компетенций, является залогом эффективного развития стадии распределения, тесно связанной со стадией производства и, в конечном итоге, сказанное неизбежно влияет на процесс эффективного становления, развития и функционирования отечественной экономики.

В стране с 2000 годов проводятся мероприятия, направленные на пропорциональное распределение сырья, техники, технологий, производственных мощностей по всей территории Российской Федерации с учетом специфики регионов Сибири и Дальнего Востока. Программа бесплатного дальневосточного гектара, с одной стороны, снимает проблему малонаселенности данного региона, с другой – динамичное развитие региона трудно себе представить без соответствующих работников, могущих работать в той или иной области деятельности. Противоречивость ситуации, вытекающей из упомянутой программы позволит освоить данный регион, более того, это помогает государству реализовать планомерную урбанизацию и, наконец, все это, неизбежно, способствует снижению уровня безработицы среди молодежи, образованию новых производственных единиц, увеличению количества выпускаемой продукции и росту уровня ВВП страны.

С 2000 годов по настоящее время в области распределения наметился крен в сторону перехода от уравнительной к распределительной справедливости. Понятно, что уравнительная справедливость в своей основе является порождением социалистической системы хозяйствования, а распределительная – порождение постсоветского экономического развития, в основе которого в большей степени стоят товарно-денежные, рыночные отношения, где об уравнительной системе можно говорить лишь в аспекте выделения роли государственных социальных институтов в патронаже над малоимущими и социально незащищенными гражданами.

В связи с упомянутыми трансформациями следует говорить и о социальном неравенстве на стадии распределения в отношении духовных благ. Так, например, в силу объективных причин не все граждане в стране, среди которых, конечно, и молодежь могут посетить уч-

реждения искусства и культуры. Поэтому можно утверждать о наличии в нашей стране, как и во всем мире, отчуждения сограждан от духовных благ. Но, представляется, что уровень такого отчуждения год от года снижается с ростом материальных, имущественных их возможностей.

Для гармонизации отношений между гражданами и их составной частью молодежью на этой стадии производственных отношений следует усилить роль и значение указанных социальных институтов посредством увеличения процентной доли ВВП на социально-значимые программы. Речь не идет о всеобщем социальном патернализме, а говорится об усилении роли этих социальных институтов в снятии, минимизации последствий объективно существующих противоречий.

На такой стадии производственных отношений, как обмен опять-таки возникают и снимаются противоречия, являющиеся имманентным двигателем товарно-денежных отношений, где так-таки задействована российская молодежь. Уже категория стоимости как экономические отношения между товаропроизводителями по поводу сравнения результатов их труда, происходящего на рынке, содержит в себе объяснение природы и сущности противоречий. Их внешним обрамлением является конкуренция, в конечном итоге, приводящая к повышению качества, добротности выпускаемой продукции, постепенному снижению ее цены, как денежного выражения стоимости; а внутренним – объективная природа стоимости и реализованной прибавочной стоимости.

Имеются *противоречия и на стадии обмена*. Немного ранее говорилось об основном противоречии товарного производства – между общественным характером производства и индивидуальностью товаропроизводителя. С одной стороны данное противоречие имманентно является источником развития и совершенствования товарного производства, с другой – индивидуальность целого ряда товаропроизводителей не всегда отвечает общественным интересам. На то и существует в нашей стране Антимонопольная служба и система правоохранительных и правоприменительных органов, усилиями которых шиканство товаропроизводителей пресекается и, таким образом, обеспечивается гармония интересов людей на стадии обмена.

На стадии потребления материальных благ весомое значение имеет противоречие, вытекающее из объективного экономического закона *роста потребностей*. В соответствии с ним, год от года, десятилетия за десятилетиями у молодежи, как впрочем, и у остальных членов общества растут потребности не в смысле количественном, а в смысле новаций. То есть каждый новый, ранее неизвестный товар является объектом вожделений молодежи, притягивает их, порождает у них желания обрести его во что бы то ни стало. А между желанием приобрести и реальными возможностями это сделать, как говорят в простонародье, – большое расстояние. Это так-таки стимулирует их к более активной деятельности для получения относительно высокой заработной платы и удовлетворения своих потребностей.

Мы, опираясь на понятие объективного закона, рассмотрели некоторые противоречия, имеющие место быть в экономической сфере России. Вместе с тем, эти противоречия, как уже обозначили немного ранее, характерны для социальной сферы жизни российского общества. Подчеркнем, что природу и сущность противоречий в социальной сфере трудно определить без знания и учета методологического значения природы и сущности противоречий в экономической сфере, о которых мы говорили подробно немного ранее. Было бы правиль-

ным сформулировать такую посылку о том, что противоречия в экономической сфере российского общества определяют природу и сущность противоречий в социальной сфере. В свою очередь, социальные противоречия имеют свою иерархию и структуру, а именно: можно выделить: а) основное противоречие в человеке – противоречие между его сущностью и существованием; б) противоречие между общественным и индивидуальным образами жизни; в) противоречие между трудом и капиталом, проявляющееся через дефиницию стоимости, как отношения между рабочим классом и классом капиталистов по поводу присвоения вторым части прибавочной стоимости, созданной в сфере материального производства; г) противоречия между социальными стратами; д) противоречия в сфере социальных лифтов и др.

В российском обществе имеют место быть и *противоречия в политической сфере*, которые опять-таки можно ранжировать: а) противоречия между элементами политической системы в проекции совокупности властно-политических институтов; б) противоречия между политическими партиями, общественными движениями и благотворительными фондами; в) противоречия между политическими лидерами и субъектами, желающими обладать статусом политического лидера; г) межгосударственные противоречия; д) противоречия между ТНК и национально-государственной формой политического устройства общества – явление не сегодняшнего дня. Оно своими корнями уходит к этапу перехода монополистического капитализма к его государственно-монополистической форме – примерно в 30–40 годы XX века. Говоря об этом, следует выделить два среза противоречий, а именно: противоречия между ТНК и между ТНК и национально-государственной формой политического устройства общества.

Противоречия в идеологической сфере жизни общества проистекают из факта наличия в жизни страны разнообразных политических партий, исповедующих разные идеологии. Конституцией РФ установлена максима плюрализма идеологий и отсутствия какой-либо господствующей. Но многообразие политических партий является источником плюрализма идеологий, что означает фактическую борьбу между ними ради обретения политической власти. Во всяком случае, очевидно, что на стыке XX и XXI веков развернулась острая борьба между представителями либеральной и консервативной идеологий, что, к счастью, завершилось победой консервативной идеологии – идеологии опирающейся на сохранение всего позитивного из советского прошлого, идеологии поддерживающей традиционные семейные, духовно-нравственные ценности, идеологии созидания, а не разрушения.

У нас в стране законом справедливо запрещена фашистская, неонацистская, идеология терроризма и религиозно-политического экстремизма. Идеологии, разрушающие социальный мир и стабильность в государстве. У нынешней российской молодежи одна идеология – патриотизма, а не космополитизма, героизма, а не трусости, верности Родине и присяге, а не гнусности и предательства.

Противоречия в правовой сфере жизни общества оздоравливают и укрепляют все правовое поле государства. Можно провести условное ранжирование противоречий в этой области: а) противоречия между нормами действующей Конституции РФ и Конституциями (Уставами) субъектов РФ; б) противоречия между Конституцией РФ и Конституционными законами РФ; в) противоречия между федеральными конституционными и федеральными законами; г) противоречия между Конституцией РФ и Указами Президента РФ; д) противоречия между

Указами Президента РФ и Постановлениями Правительства РФ; е) противоречия между всеми перечисленными нормативно-правовыми актами и актами местного, локального значения.

Вместе со сказанным, у нас в стране существует огромное количество кодифицированных правовых актов в конституционной, гражданской, уголовной и административной сферах. При этом каждой перечисленной правовой сфере присущи свои виды судопроизводства – конституционное, гражданское, уголовное и административное, в рамках которых применяются соответствующие нормы материального и процессуального права. Коллизии в этой сфере жизненная, правовая практика делает гласным и очевидным. По этой причине законодатель и правоиздатель в широком смысле слова проводят работу по устранению правовых пробелов и совершенствованию существующей нормативно-правовой базы.

Не разрешение противоречий в правовой сфере приводит к отрицательным правовым явлениям как анония права и правовой нигилизм. Следует подчеркнуть, что правовой нигилизм, к сожалению, в большей степени проявляется в действиях и поступках современной российской молодежи. Поэтому, проведение целенаправленной воспитательной работы среди нее – задача родителей и работников образовательных учреждений. Изжитие правового нигилизма из сознания и поведения молодежи должны быть решающими максимумами в работе указанных субъектов. Ее успешность и результативность является залогом эффективного и динамичного развития нашего государства в направлении достижения конституционной максимы – завершение строительства у нас в стране правового государства и адекватного ему гражданского общества.

Противоречия в духовно-нравственной сфере российского общества также можно градирировать. Так, выделяем: а) противоречия в области образа жизни различных категорий населения, включая молодежь; б) противоречия в области культуры, искусства, религии и нравственного, духовного взросления подрастающего поколения сограждан; в) противоречия между материальным и духовным, финансированием духовного и его недостаточностью.

Суть некоторых аспектов философии истории постсоветской России в опредмечивании объективных философских и экономических законов, противоречий, вытекающих из них с целью оптимизации источника, механизма и направления развития нашей страны в направлении обеспечения надежных устоев гражданского общества и правового государства.

Мы убедились, что каждое описанное в настоящей публикации противоречие, с одной стороны, носит объективный характер, с другой – является источником движения и развития молодежи и других социальных слоев населения. С третьей стороны – оптимизирует их внутренних потенциал, тягу к знаниям и труду, а в более общем плане на уровне всего общества – развивает производительные силы и производственные отношения, хозяйственный механизм страны и экономический уклад людей в целом.

Сознательное управление обществом, его составной частью – молодежью имманентно предполагает знание управленцами рассмотренных нами объективных законов, природы, сущности противоречий, вытекающих из них. Их сознательный учет при разработке и принятии решений, касающихся государственной молодежной политики, изменения качественного состояния производительных сил, производственных отношений, элементов хозяйственного механизма, в целом – способа производства материальных благ и существующей надстройки.

Литература

1. Гражданский кодекс РФ. Часть I. М., 1996.

SOME ASPECTS OF THE PHILOSOPHY OF HISTORY OF POST-SOVIET RUSSIA AS OBJECTIVE CONDITIONS FOR SELF-REALIZATION OF YOUTH

Kaziyev N.E., Magarramov M.D.

Regional Center for Ethnopolitical Studies (RCES) of the Dagestan Federal Research Center (DFRC) of the Russian Academy of Sciences (RAS)

This is one of the first attempts at a socio-philosophical analysis of some aspects of the philosophy of the history of post-Soviet Russia as objective conditions for the self-realization of Russian youth through the prism of objective laws and contradictions, considered by the authors as a source of development of modern Russian society and the state. The contradictory nature of their development determines adequate mechanisms and directions of the country's development towards the establishment of the legal statehood regime and civil society.

Keywords: philosophy of history of post-Soviet Russia; objective law; contradictions determined by the action of objective law; mode of production of material goods; productive forces and production relations; stages of production relations; spiritual goods; legal norms; spirituality; main spheres of life of society, etc.

References

1. Civil Code of the Russian Federation. Part I. М., 1996.

Основы практик социального конструирования истории и исторического сознания

Пичугин Виталий Григорьевич,

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет при правительстве РФ
E-mail: VGPichugin@fa.ru

В статье рассматриваются теоретические вопросы современных практик социального конструирования истории и исторического сознания современного общества. Актуальность темы исследования определяется важностью и необходимостью выявления сущности и содержания практик социального конструирования истории и исторического сознания общества с учётом возможностей современных информационно-коммуникативных технологий, а также запросом государства и общества на сохранение исторической правды. В результате проведённого исследования представлены этапы конструирования социальной реальности, выявлены и проанализированы основные практики социального конструирования исторического сознания, принципы на которых базируется механизм реализации влияния на общественное сознание через совокупность определённых технологий. Представлены выводы о необходимости дальнейших исследований практик социального конструирования истории и исторического сознания в их совокупности, что необходимо делать с учётом последних достижений развития информационно-коммуникативных технологий.

Ключевые слова: сознание, общество, историческое сознание, влияния, практики, социальное конструирование, история.

Введение

С глубокой древности политические деятели обращались к истории с целью легитимизации своей власти, укрепления политической системы, подтверждения права на ту или иную территорию. В прошлом находили основания и аргументы для оправдания определённой политики в настоящем и формирования идентичности нации. Американский политолог Дж. Филлипс определяет это как: «целенаправленный процесс отбора, ведущий к отбраковке и утрате некоторых событий, тогда как другие сохраняются и превращаются в символы идентичности» [1, с. 328]. Соответственно, с развитием науки и техники практики социального конструирования видоизменяются и модифицируются.

Под практиками социального конструирования истории понимается комплекс социально-управленческих действий различных акторов общественного развития, выраженных в форме специализированных алгоритмов реализации социогуманитарных концептов по управлению общественным сознанием масс через оказание системно-организованного воздействия на историческое измерение социума (проектирование прошлого; формирование исторического сознания общества; реконструкция исторической памяти; деконструкция символической значимости исторических образов; репрезентация фейковой ретрореальности исторических событий и другие) [2].

Актуальность исследования определяется динамичным изменением информационного пространства и влиянием этого процесса на трансформацию всей структуры взаимодействия в обществе, что приводит к качественным изменениям в формах и методах проектирования и реализации социальных конструктов, направленных на пересмотр исторических фактов, новую интерпретацию событий прошлого в целях создания необходимого восприятия истории. По мнению старшего научного сотрудника Военного университета имени князя Александра Невского МО РФ А.М. Ильницкого, коллективный Запад развязал против России «ментальную войну», главная цель которой замена истинной истории на вымышленную, выгодную субъектам социально-политического противостояния нашей стране [3]. Поэтому необходимо и важно целенаправленное изучение практик социального конструирования истории, поскольку этот процесс может негативно влиять на историческое сознание общества, социально-психологическую атмосферу в обществе, политическую стабильность.

Специфика социального конструирования истории и исторического сознания

При изучении таких сложных и многосоставных феноменов как историческое сознание, историческая память, историческая истина, невозможно обойтись без мультипарадигмального подхода, включающего различные социально-философские концепции, теории, охватывающие широкий спектр аспектов, включая социальные, культурные, психологические и политические, которые требуют интеграции различных теоретических рамок

и методов исследования, что позволяет не только расширить горизонты исследования, но и обеспечить более комплексное и многогранное понимание исторической реальности.

Одно из представлений цели социального конструирования истории предполагает активное управление восприятием исторических событий с целью формирования массового общественного сознания. Это связано с идеей, что история не является объективным набором фактов, а скорее подвержена интерпретации и представлению в определённой форме в зависимости от контекста и целей (Г. Пэрс [4], Д. Телен [5], Вандерстэл [6] и другие). Наиболее значимые события могут быть реконструированы, а главное, представлены в удобном и лёгком для восприятия виде. Пример – музейные комплексы «живой истории», такие как Скан-сен в Швеции, которые играют важную роль в социально-психологическом влиянии на сознание общества благодаря своей способности демонстрировать прошлую реальность через осязаемые, интерактивные экспонаты. Посетители таких музеев могут получить возможность понимания прошлого через личный опыт жизни в конкретные исторические периоды. Это достигается за счет тщательного воспроизведения архитектуры, быта, ремесел и других аспектов повседневной жизни того времени.

Такие проекты создаются не только для образования, но и поддержания интереса к истории своего края, страны, создания у широкой публики необходимого эмоционального восприятия деятельности предыдущих поколений, показывая, как люди жили, работали и взаимодействовали друг с другом в прошлом. Эти реконструкции делают акцент на важных социальных и культурных аспектах, которые, по мнению авторов, могут быть актуальны и в современности, создавая мост между прошлым и настоящим, формируя историческое сознание общества настоящего времени.

Точка зрения, выраженная А.Е. Савельевым и С.В. Савельевым, выделяет важные аспекты социального конструирования истории с акцентом на процессы запоминания и забывания в контексте коллективной и индивидуальной памяти. Нестабильность и энергозависимость процесса запоминания подчеркивают необходимость понимания того, как информация сохраняется и передается в обществе: «через час человек забывает половину всего попавшего в его память, через сутки – две трети и так далее по нарастающей экспоненте» [7]. Люди больше забывают, чем помнят, что делает ещё более значимым аспект социального наследования памяти в процессе формирования исторического сознания общества на основе общего разделяемого отношения к основным историческим событиям. Таким образом, история становится не просто хроникой и набором фактов, а результатом того, как в обществе, в результате практик социального конструирования, складывается интерпретация и образ исторических событий через призму культурных и социальных взаимодействий.

Эскапизм как защита личности от травмирующей реальностью описан З. Фрейдом, это проявляется в избирательности памяти, человек забывает некоторые обстоятельства прошлого, как будто их не было в действительности [8]. Если рассматривать социальное конструирование истории и исторического сознания как процесс вытеснения информации на коллективном и личностном уровне, в обществе, при соответствующем социально-психологическом воздействии, также могут происходить процессы частичного или полного вытеснения исторических событий, образуя в коллективном бессознательном архетип «Тени» по К. Юнгу.

В концепции гиперреальности Ж. Бодрийяра современные общества погружаются в состояние, где границы между действительностью и её симуляциями размываются. В его понимании, гиперреальность – это мир знаков и симулякров, которые не просто представляют реальность, но заменяют её. В этом мире копии неотличимы или даже превосходят оригиналы в своей убедительности, что детерминирует множественность фальсификаций событий прошлого [9]. В условиях гиперреальности история становится главным симулятивным образованием в сознании общества. Созданные нарративы и реконструкции прошлого в современной информационно-коммуникативной среде могут быть абсолютными симулякрами, но вызывать доверие, как нечто подлинное, реальное, представленное с ясной убедительностью. Вопрос возможности достижения исторической истины ставится под сомнение, поскольку в социуме гиперреальности субъективные и модифицированные представления превалируют над фактами.

В результате история может быть представлена в различных формах, каждая из которых претендует на истинность, отсюда и мультипарадигмальность исторического знания требует обозначения и анализа различных подходов, каждый из которых используется заинтересованными акторами в процессе обоснования и применения современных практик социального конструирования истории и исторического сознания.

Анализ основных подходов в практике социального конструирования истории и исторического сознания

Конструктивистский подход предлагает рассматривать знание как конструкцию, формируемую в процессе взаимодействия субъекта с миром. Знание в этом контексте не является отражением объективной реальности, а представляет собой субъективные интерпретации и смысловые конструкции, созданные когнитивной системой человека через рефлексию и взаимодействие. Такой взгляд подчеркивает, что знание всегда зависит от контекста и опыта индивида, и тем самым отвергает существование абсолютно объективного знания, утверждая, что любые формы знания являются итогом когнитивной деятельности сознания [10]. Смысловые конструкции (композиции) в радикальном конструктивизме: «служат для организации опытного мира, а не для открытия онтологической реальности» [11, с. 6].

Основоположник теории личностных конструктов Дж. Келли раскрывает механизм восприятие и взаимодействия человека с реальностью. Для внутренней классификации и оценки своего опыта необходимо находить рационально-логические критерии для объяснения действительности, это не обязательно истинное знание, а больше некоторые когнитивные рамки или схемы, которые человек использует для интерпретации и предсказания событий в своей жизни. Такие личностные конструкты имеют организацию в виде бинарных оппозиций «свои-чужие» и являются динамичными, что позволяет постоянно тестировать и пересматривать конструкты в зависимости от их соответствия действительности. Такой процесс опосредован необходимостью частой адаптации к изменениям в социальном окружении и потребностью корректировать свои представления происходящем при необходимости. Это вписывается в общую конструктивистскую традицию, где внимание акцентируется не на поиске истинности своих представлений, а на формировании таких личностных конструктов, которые были бы практичны и эффективны в их логической

консистентности для конкретного индивида, позволяли объяснять явления, интегрировать новые переживания и информацию в свои существующие когнитивные схемы, достигать когнитивной гармонии и адаптации к постоянно меняющемуся миру [12].

Один из основателей радикального конструктивизма Эрнст фон Глазерсфельд полагал, что знание и реальность конструируются субъектом и зависят от его активности. В рамках радикального конструктивизма познание рассматривается не как пассивное отражение внешнего мира, а как активный процесс построения и адаптации когнитивных структур на основе субъективного опыта. Глазерсфельд подчёркивал, что знание не может считаться абсолютным, поскольку любое представление о реальности является продуктом опыта, а не объективного отражения действительности. Другими словами, построенная индивидом картина мира не может считаться, его «истинной репрезентацией» [13, с. 93]. Знание – это не открытие мира, это его интерпретация, достоверность которой необходимо пересматривать ввиду ограниченности любого конструкта. Конструирование исторического сознания общества посредством интерпретации фактов прошлого, содержания и значения документов, является ещё одним значимым подходом в формировании современного исторического восприятия.

В. Дильтей акцентировал внимание на отличии гуманитарных наук от естественных. Он полагал, что задача историка и гуманитарного исследователя не столько в объяснении, сколько в понимании культурных и исторических явлений. История позволяет стремиться к постижению человеческого опыта через переживание и интерпретацию, а не к выведению универсальных законов, как это делают естественные науки. Х.-Г. Гадамер продолжая эту традицию, развил понятие герменевтического диалога. Он предложил идею, что понимание исторического текста – это не пассивный процесс, а активное взаимодействие, своего рода диалог между интерпретатором и текстом. Гадамер подчёркивал важность выхода за рамки буквального смысла и стремление к раскрытию глубинных смыслов, заложенных в тексте. Это требует от исследователя не только понимания контекста, в котором создавался текст, но и его собственных предвзятых суждений (заблуждений), которые могут влиять на интерпретацию. «Интерпретатор должен стремиться не просто понять то, что сказал автор, но пробиться к еще более глубокому слою заключенного в тексте смысла, к тому, что автор хотел сказать» [14, с. 106].

М. Блок и Л. Февр (основатели «школы Анналов») подвергали сомнению абсолютную достоверность исторических документов, утверждая, что они могут быть легко искажены или неправильно интерпретированы. Они подчеркивали значимость междисциплинарного подхода, включающего в себя методы этнографии, статистики, истории техники и других смежных наук. Это позволяло исследователям глубже проникать в социальные структуры и выявлять подтексты, иначе недоступные при традиционном анализе.

«Школа Анналов» во многом изменила парадигму исторических исследований, предлагая более обширный взгляд на прошлое, учитывающий различные аспекты повседневной человеческой жизни и активности. Это направление оказало значительное влияние на последующее развитие исторической науки, углубляя понимание социальной динамики и значимости коллективных менталитетов: «для понимания истории необходимо обнаружить смысл явления, постигнуть мотивы людей, совершивших поступки в условиях, прочитанных ими на свой манер» [15, с. 144].

Практическая деятельность в феноменологической традиции представлена совокупностью отдельных феноменов, посредством которых индивидуум формирует свою реальность. Э. Гуссерль, один из основателей феноменологии, обосновывал идею, что наше восприятие мира начинается с субъективного опыта. Он утверждал, что понимание реальности строится на интуитивных актах сознания, где каждый индивид переживает свой уникальный опыт, формируя субъективную картину мира. А. Шютц, развивая идеи Гуссерля, полагал, что восприятие и понимание мира всегда субъективно и связано с личностным «Я», поэтому взаимодействие с миром и другими людьми обусловлено личной перспективой и интерпретацией действительности через «Я». П. Бергер и Т. Лукман в своей работе «Социальное конструирование реальности» утверждали, что реальность создается через социальные взаимодействия и общий опыт, подчеркивая интерсубъективность – конструирование реальности совместно несколькими индивидами через общее разделяемое восприятие и понимание.

Этапы конструирования социальной реальности можно представить следующим образом:

1. Деятельность человека стремиться к упрощению, особенно это касается привычных, повседневных дел, поэтому любая форма активности в её регулярном исполнении проходит процесс «опривычивания», превращения в рутину – габитуализации.
2. То, что является привычным становится со временем нормативным, то есть, в результате привычной деятельности социальные отношения людей начинают регулироваться устанавливаемыми нормами и правилами, что можно назвать – институализацией.
3. Установленная институализация становится в обществе реальностью, принудительным внешним фактором для индивида. Социальные институты встраиваются и уже являются частью общего исторического пространства общества как некоторая объективная данность.
4. Легитимация (как процесс – легитимизация) – придание смысла и значения институализированному социуму, придание законности существующему порядку.
5. Интернализация как процесс принятия и усвоения смыслов и правил установленной определённой социальной организации, посредством трансляции уже сложившегося «знания».

В семиотическом подходе рассматривается проблематика формирования и интерпретации социальной реальности посредством системы знаков и символов. Ю.М. Лотман, один из ведущих представителей семиотики и культурологии, подчёркивал, что культура сама по себе является системой знаков, посредством которой люди не только общаются, но и понимают окружающий мир. Социальная реальность при этом представляется не как нечто статичное, а как динамичная система, в которой происходят постоянные изменения под воздействием внутренних и внешних факторов. В процессе этого динамического взаимодействия старые смыслы могут утрачивать свою актуальность, в то время как новые смыслы и символы появляются и развиваются, обогащая культурное пространство. Это схоже с расширением лексического запаса языка, который постоянно обогащается за счет новых слов и выражений, возникших в результате культурного обмена или изменений в обществе. Исторические события в семиотическом подходе представляются как отражение в сознании общества символов и знаков прошлого, что создаёт динамичные конструкты ретрореальности, формируя при этом кол-

лективную идентичность и определенные нарративы, обращённые как в настоящее, так и будущее.

В мифологической традиции понимание прошлого в массовом сознании опосредовано природой массовости, которая представляет собой упрощённое, эмоциональное, внелогическое и мифологическое восприятие ретрореальности. Мифы играют важную роль в интерпретации истории, начиная с детских лет. Массовое сознание в этом плане схоже с сознанием ребёнка, где мифы в виде сказок легко уживаются с реальностью. Мифы предлагают упрощённые объяснения явлениям мира, что облегчает массовому сознанию структурировать знания о нем. Мифы комплексны, они содержат не только исторические элементы, но также символические и культурные коды, отражающие ценности, убеждения, верования общества. В мифологической традиции миф доминирует над исторической реальностью, превосходит исторические факты за счёт использования архетипических образов истории, которые легче запоминаются и передаются из поколения в поколение. Миф выгоден современной культуре, поэтому жив и устойчив. Например, искусство, литература, кино и другие формы массовой культуры для лёгкости восприятия, часто, создают и поддерживают исторические (и не только) мифы. Через художественные и изобразительные средства мифы проникают в повседневную жизнь, влияя на формирование идентичности и коллективной памяти общества.

Лингвистический подход подчеркивает важность языка как инструмента для создания и понимания социальной реальности. В трудах Л. Витгенштейна уделяется большое внимание тому, как язык формирует восприятие мира. Его знаменитое высказывание «Границы моего языка означают границы моего мира» выражает ограниченность восприятия и понимания мира рамками языковой культуры.

Язык рассматривается не только как средство коммуникации, но и как механизм, посредством которого происходит интерпретация и конструирование картины мира настоящего и исторического прошлого, посредством событий, текстов, символов, слов, и т.п., что способствует созданию объединённой языковой среды, дающей возможность общего понимания в социальной коммуникации. Язык формирует дискурсы через систему значений и практик, что влияют на восприятие исторических событий, определяя, какие фрагменты прошлого становятся значимыми, а какие остаются не в фокусе внимания. Языковые игры и перформативные высказывания помогают субъектам социальной коммуникации воспроизводить и интерпретировать историю, что приводит к её непрерывному социальному конструированию.

Сторонники идей постмодерна настаивают на всеобщей нестабильности и изменчивости современного общества, в котором традиционные представления о реальности и истории ставятся под сомнение. Нелинейность, ускорение времени и информационная насыщенность ведут к тому, что знание становится фрагментарным и контекстуально зависимым, множественным и лишённым фундаментальной истинности. В этом контексте постмодернистские мыслители призывают к отказу от единой авторитетной версии истории, предлагая вместо этого признание множества историй и нарративов, каждая из которых имеет право на существование. Отказ от постулатов логоцентризма и пересмотр классических исторических интерпретаций способствует деконструкции традиционных идеалов и норм, утвержденных классическими научными постулатами в философии, истории, социологии, психологии. Такие концепты, как ризома (образ сети без центра), множественность истин, метарассказ (критика универсальных нарративов),

«смерть автора» (отказ от единоличного авторства и измерений), реификация (объективация), и деконструкция (анализ и выявление скрытых значений и противоречий в текстах) позволяют рассматривать историю как социальный конструкт, где различные интерпретации и точки зрения отражают множество индивидуальных и культурных перспектив.

В Медиакоммуникативном подходе рассматриваются процессы влияния информации и медиа на восприятие и понимание исторических событий. Концепция медиавируса в метафорическом ключе представляет объяснительную модель воздействия информации, подобно биологическому вирусу, на общественное сознание через различные каналы доставки, что позволяет медиавирусу не просто проникать в сознание масс, но и изменять его структуру, а также восприятие реальности. «Информационные пандемии и взрывы», обусловленные развитием информационных технологий, привели к тому, что значительный объем информации становится доступным мгновенно неограниченной аудитории, что, в свою очередь, практически всегда, ввиду скорости и объёма распространения информационного потока, затрудняет критическое осмысление и оценку этой информации. Поэтому медиавирусы становятся мощным инструментом, способным менять общественное восприятие, формируя новые нарративы, модифицируя историческую память, разрушая историческое сознание общества.

Медиакоммуникативный подход предлагает не только теоретическую рамку для анализа медиапроцессов, но и практические инструменты для понимания и, возможно, управления социальными изменениями. Обращение особого внимания на роль медиавирусов открывает новые горизонты в изучении того, как медиаформаты могут использоваться для конструирования и реконструирования истории и исторического сознания.

Выводы

Мультипарадигмальная природа исторического знания требует дальнейшего изучения представленных подходов в их совокупности, комплементарности, с учётом информационно-коммуникативных технологий, динамично меняющих социальное взаимодействие и опосредующих применение практик социального конструирования истории и исторического сознания.

Приведённый анализ подходов в исследовании практик социального конструирования истории и исторического сознания позволяет сделать вывод о проектируемости исторического сознания общества определёнными акторами политического противостояния с целью изменения восприятия исторических событий, очернения прошлого страны, в котором нечем гордиться и не за что быть благодарными своим предкам. Или напротив, использование истории для легитимизации политического строя, оправдания мнимого или реального права на территорию, создания определённых социальных идентичностей.

Историческое сознание общества подвержено постоянному влиянию посредством определённых программ, проектов, алгоритмов воздействия с целью установления контроля над ним и создания необходимого субъектам влияния отношения к событиям недавнего и далёкого прошлого.

Социальное конструирование исторического сознания имеет своим содержанием реконструкцию как процесс воссоздания и сохранения исторического наследия, поддерживающий коллективную историческую память, либо внедрение такой реконструкции, которая будет напротив детерминировать ложные представления о прошлом, разрушая историческое сознание социума.

Необходимо дальнейшее исследования данной тематики, что требует междисциплинарного подхода и учета новых технологических достижений, на которых основаны различные формы влияния медиа на восприятие истории в социуме.

Литература

1. Phillips J. Symbol, myth, and rhetoric: The politics of culture in the Armenian American population / J. Phillips. – New York: AMS press, Cop. 1989. – P. 4.
2. Пичугин В.Г. Феномен практик социального конструирования истории: сущность и специфика их проявления в современном социуме / В.Г. Пичугин, В.В. Кафтан // Социально-политические науки. – 2022. – № 1. Том 12. – С. 119–126.
3. Ильницкий, А.М. Ментальная война России / А.М. Ильницкий // Военная мысль. 2021. – № 8 – С. 19–33.
4. Пэрс Л. Игра в себя; интерпретация родной истории на исторических реконструкциях / Л. Пэрс. – Lanham, MD: AltaMira Press, 2007. – С. 91.
5. Телен Д. Изучение прошлого: индивидуальный опыт и воссоздание / Д. Телен // Indiana Magazine of History, – 2003. – Выпуск 2. Том. 99.
6. Vanderstel D. G. «And I thought Historians Only Taught»: Doing History Beyond the Classroom / D.G. Vanderstel // OAH Magazine of History. – 2002. – Volume 16. – Issue 2. – P. 5–7.
7. Савельев С.В. Созревание памяти / Газета «Завтра»: официальный сайт. – Текст: электронный. – URL: https://zavtra.ru/books/s_v_savel_ev_sozrevanie_pamyati/ (дата обращения: 27.05.2025).
8. Фрейд З. Введение в психоанализ / З. Фрейд. – Москва: АСТ Publishers, 2018. – 544 с.
9. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. – Москва: Добросвет, 2000. – 257 с.
10. Пичугин В.Г. Выявление онтологических компонентов личностного исторического сознания / В.Г. Пичугин // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 3. – С. 109–113
11. Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма: Традиции скептицизма в современной философии и теории познания / С. Цоколов. – Мюнхен: Phren, 2000. – 332 с.
12. Келли Дж. Теория личности. Психология личностных конструктов / Дж. Келли. – Санкт-Петербург: Речь, 2000. – 248 с.
13. Glaserfeld E. von. Radical Constructivism: a Way of Knowing and Learning / E. von Glasersfeld. – London: Falmer Press, 1995. – 231 p.
14. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. – Москва: Прогресс, 1988. – 704 с.
15. Блок М. Апология истории или Ремесло историка / М. Блок. – Москва: Наука, 1986. – 254 с.

FUNDAMENTALS OF THE PRACTICES OF SOCIAL CONSTRUCTION OF HISTORY AND HISTORICAL CONSCIOUSNESS

Pichugin V.G.

Financial University under the government of the Russian Federation

The article examines the theoretical issues of modern practices of social construction of history and historical consciousness of modern society. The relevance of the research topic is determined by the importance and necessity of identifying the essence and content of the practices of social construction of history and historical consciousness of society, taking into account the capabilities of modern information and communication technologies, as well as the request of the state and society to preserve historical truth. As a result of the conducted research, the stages of constructing social reality are presented, the main practices of social construction of historical consciousness are identified and analyzed, the principles on which the mechanism of influence on public consciousness through a set of certain technologies is based. Conclusions are presented on the need for further research on the practices of social construction of history and historical consciousness in their entirety, which must be done taking into account the latest achievements in the development of information and communication technologies.

Keywords: consciousness, society, historical consciousness, influences, practices, social construction, history.

References

1. Phillips J. Symbol, myth, and rhetoric: The politics of culture in the Armenian American population / J. Phillips. – New York: AMS press, Cop. 1989. – P. 4.
2. Pichugin V.G. The phenomenon of practices of social construction of history: the essence and specifics of their manifestation in modern society / V.G. Pichugin, V.V. Kaftan // Socio-political sciences. – 2022. – No. 1. Volume 12. – pp. 119–126.
3. Ilitsky, A.M. The mental war of Russia / A.M. Ilitsky // Military thought. 2021. – No. 8 – pp. 19–33.
4. Peers L. Self-play; interpretation of native history based on historical reconstructions / L. Peers. – Lanham, MD: AltaMira Press, 2007. – p. 91.
5. Telen D. Exploring the Past: Individual Experience and Recreation / D. Thelen // Indiana Magazine of History, – 2003. – Issue 2. Volume. 99.
6. Vanderstel D. G. “And I thought Historians Only Knew”: Doing History Beyond the Classroom / D.G. Vanderstel // OAH Magazine of History. – 2002. – Volume 16. – Issue 2. – P. 5–7.
7. Saveliev S.V. Maturation of memory / Newspaper “Tomorrow”: official website. – Text: electronic. – URL: https://zavtra.ru/books/s_v_savel_ev_sozrevanie_pamyati/ (date of reference: 05/27/2025).
8. Freud Z. Introduction to psychoanalysis / Z. Freud. Moscow: AST Publishers, 2018. 544 p
9. Baudrillard J. Transparency of evil / J. Baudrillard. Moscow: Dobrosvet Publ., 2000. 257 p
10. Pichugin V.G. Identification of ontological components of personal historical consciousness / V.G. Pichugin // Social and humanitarian knowledge. – 2024. – No. 3. – pp. 109–113
11. Tsokolov S. The discourse of radical constructivism: Traditions of skepticism in modern philosophy and theory of knowledge / S. Tsokolov. – Munich: Phren, 2000. – 332 p.
12. Kelly J. Theory of personality. Psychology of personality constructs / J. Kelly. – St. Petersburg: Speech, 2000. – 248 p.
13. Glaserfeld E. von. Radical Constructivism: a Way of Knowing and Learning / E. von Glasersfeld. – London: Falmer Press, 1995. – 231 p.
14. Gadamer H.-G. Truth and method. Fundamentals of philosophical hermeneutics / H.-G. Gadamer. Moscow: Progress Publ., 1988. 704 p.
15. Blok M. The apology of history or the craft of a historian / M. Blok. Moscow: Nauka Publ., 1986. 254 p.

Философский анализ использования понятия «традиция» в рамках курса «Основы российской государственности»

Илларионов Григорий Андреевич,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Сибирского федерального университета
E-mail: bromov1917@yandex.ru

Мусат Раиса Павловна,

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры
информационных технологий в креативных и культурных
индустриях Сибирского федерального университета
E-mail: lozraisa@yandex.ru

Леона Александр Владимирович,

доктор философских наук, доцент, начальник кафедры
гуманитарной подготовки Сибирского федерального
университета
E-mail: alleopa@mail.ru

Рахинский Дмитрий Владимирович,

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры
общественного здоровья и здравоохранения Красноярского
государственного медицинского университета имени
профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого; профессор
кафедры гражданского права и процесса Красноярского
государственного аграрного университета
E-mail: siridar@mail.ru

Статья посвящена анализу использования понятия «традиция» в рамках курса «Основы российской государственности». На основе количественного анализа учебников по ОРГ (2023–2025 гг.) подтверждается центральное место этого понятия в содержании курса. Однако его многозначность и концептуальная неопределенность создают методологические и практические трудности. Выделяются три различные смысловые рамки использования понятия «традиция»: как культурного континуума, как ценностного отбора и как оппозицию рациональности и новации. Несовместимость подходов приводят к логическим противоречиям, что нарушает концептуальную целостность. Мыслимы два пути решения. Первый состоит в формализации понятия через создание единой теоретической модели. Второй заключается в акценте на «дух» традиции, основанный на патриотической идентичности и эмоциональной вовлеченности. Исследование подчеркивает необходимость баланса между академической строгостью и практической реализуемостью курса «Основы российской государственности», что особенно важно для его роли в укреплении гражданской идентичности и духовно-нравственной безопасности России.

Ключевые слова: традиция, традиционные ценности, основы российской государственности, неопределенность традиции, парадигмы традиции, духовно-нравственные ценности.

Внедрение курса «Основ российской государственности» (в дальнейшем – ОРГ) стало значимой вехой в развитии российской политики в области защиты традиционных ценностей, мировоззренческого суверенитета и гражданского самоопределения. Понятие «традиция», и производное от него понятие «традиционные ценности», являются одними из ключевых смысловых единиц содержания курса. Причем это доказывается не только декларацией приверженности традиционным ценностям, но и простым количественным анализом его использования в текстах изданных учебников по ОРГ. В учебнике, изданном в 2023 году под редакцией В.М. Марасанова, В.Э. Багдасарян и других, слово традиция и производные от него использованы 158 раз [1]. В других учебниках, изданных в 2023 году это слово используется 79 и 114 раз [2; 3]. В изданном в 2025 году учебнике А.Д. Харичева, А.В. Полосина и А.В. Селезневой слово традиция и его производные используется 170 раз [4]. Такой количественный анализ исчерпывающе доказывает роль понятия «традиция» как одного из ключевых понятий содержания курса ОРГ.

Предметом данного исследования будет являться смысловое многообразие понятия «традиция» в контексте реализации курса ОРГ и связанных концептуальных и практических трудностей.

Цель исследования состоит в экспликации значений понятия «традиция» в курсе ОРГ и их соотнесение с существующими парадигмами философского понимания традиции. Что, в свою очередь, имеет целью развитие теории и практики курса и концептуальных основ российской политики в ценностно-смысловой сфере в целом.

Методологически статья будет представлять собой концептуальный анализ понимания понятия «традиция» в материалах курса ОРГ в сравнении с различными существующими оптиками философского исследования понятия «традиция» в прошлом и настоящем.

Начиная рассмотрение использования понятия «традиция», мы можем отметить, что само по себе обращение к нему в рамках курса ОРГ очевидно гармонирует с целями развития духовно-нравственных основ российской культуры, отраженными в соответствующей нормативной базе [5]. Однако проблема становится заметна, если рассмотреть вопрос в контексте общей теории традиции, вернее ее отсутствия.

Принципиальное многообразие и неопределенность понятия «традиция» является проблемой, имеющей значительную историю в социальной философии, теоретической социологии и других смежных дисциплинах. Понятие «традиция» неопределенно поскольку не существует единой теории, раскрывающей непротиворечивым образом все значения этого понятия. Исследователь Д. Бен-Амос емко выразил эту мысль несколько десятилетий назад: «такого синтеза, в котором бы учитывались противоречащие друг другу взгляды и аналитические потребности, моменты стабильности и изменчивости в традиции, смысловые аспекты, пришедшие из научной терминологии и порожденные повседневым сознанием и живой культурой, прошлое и проекция прошлого в будущее, применительно к понятию традиции,

уже имеющему собственную историю, достигнуть невозможно» [6]. Причем, неопределенность понятия «традиция» вовсе не является следствием недостаточной исследованности, напротив, именно множественность оптик рассмотрения и определения традиции и делает ее столь сложной для непротиворечивого определения. Для фундирования нашего тезиса приведем небольшой список работ отечественных и зарубежных авторов, посвященных проблеме неопределенности понятия «традиция» [7; 8; 9; 10]. Неопределенность понятия «традиция» не носит чисто схоластический характер. Это может подразумевать применение понятия к принципиально различным феноменам социальности, и связи с различными мировоззренческими установками. Допустимым иллюстративным упрощением будет демонстрация дискретности понимания понятия «традиция» через бинарные оппозиции. Для традиции как Священного Предания ортодоксального христианства антонимом понятия «традиция» будет либо закрепленное в тексте Священное Писание, либо конкретно-исторические ситуативные человеческие мнения. Для модернизма, в лице К. Маркса или М. Вебера традиция противоположна рациональности. В традиционализме традиционность есть синоним сакральности, а антонимом будет мирское. Для дискурсов социологии или антропологии понятие «традиция» чаще всего означает устойчивые формы культуры, в противоположность ситуативным. Для классика социологии Э. Шилза понятие «традиция» по своим границам близко к понятию культура, но для фольклориста Г. Глассе это понятия противоположны [11; 12]. Понятие «традиция» может применятся к культурному континууму в целом, или к одной из форм существования или этапов развития культуры, и к механизмам наследования, и к политическим конструктам и нарративам, и к субъективным акцентуациям людей в настоящем в отношении прошлого. Каждая из перечисленных позиций имеет собственные предметы и цели, их невозможно распределить на истинные и ложные, поскольку в них говорится о различных феноменах, а не о различных пониманиях одних и тех же феноменов.

Без сомнения, любому философу, культурологу, социологу и иному специалисту в области гуманитарных наук очевидны сложность и комплексность заявленных проблем и невозможность простых ответов и разрешения противоречий, часть из которых представляет собой антиномии. Для науки, все вышесказанное является не затруднением в деятельности, но материалом для исследования. Однако это становится проблемой в рамках реализации массового образовательного курса, имеющего мировоззренческий характер и ориентированного на всех студентов безотносительно глубины их подготовки в социогуманитарных науках.

Массовый курс требует наличия насколько возможно простой и непротиворечивой формулы определения того, что есть «традиция» и производные от него «традиционные ценности». Для курса ОРГ это особенно актуально в силу его специфики. Как отмечают многие практики, и согласно нашему собственному опыту преподавания курса, он требует тончайшего баланса академичности и эмоциональности, теоретической строгости и субъективного переживания, акривии и икономики [13; 14]. И обманчивая очевидность значения понятия «традиция» представляет собой элемент, нуждающийся в осмыслении и формулировании синтеза, отвечающего требованиям одновременной простоты и определенности.

Основным материалом для анализа выступит для нас изданный в 2025 году учебник по ОРГ А.Д. Харичева, А.В. Полосина и А.В. Селезневой. Этот выбор обусловлен более поздний изданием, что подразумевает неко-

торую проработку недостатков более ранних учебников, и тем, что его авторами являются архитекторы проекта ДНК России и курса ОРГ. Основной процедурой исследования станет анализ содержащихся в нем высказываний, включающих понятие «традиция», и сравнение их с различными существующими позициями и оптиками рассмотрения понятия в философской мысли.

В рассматриваемом тексте понятие «традиция» широко используется, но не получает четко артикулированного определения. Подобное не является специфической чертой данного текста. Многие крупные идеологи различных направлений философской мысли, в работах которых понятие «традиция» играло значимую роль, использовали его, никак не определяя, причем в значительно различающихся смыслах. В пример можно привести политическую философию Х. Арендт, постнекласическую философию науки Т. Куна, социологический конструктивизм Р. Коллинза. В этом смысле мы можем говорить не столько о некой недоработке, сколько о том, что в материалах курса ОРГ мы наблюдаем отражение общей проблемы неопределенности понятия «традиция».

Можно ли вывести понимание понятия «традиция» в рассматриваемом тексте контекстуально? Да, но можем констатировать, что понятие «традиция» используется в нем в несколько противоречивых смыслах, каждый из которых проистекает из различных рамок понимания традиции. Мы можем выделить три ключевые смысловые рамки использования понятия «традиция».

Первая из них – использования понятия «традиция» в отношении культурного континуума устойчивых форм. Это тот случай, когда речь идет о «традициях государственности», «церковной традиции», «традиции русского балета», «византийской религиозной и политической традиции», «самодержавной властной традиции», «отечественной философской традиции», «культурно-языковой традиции» и т.д. [4].

В такой рамке понимания понятия «традиция» под ней подразумевается континуум связей времен, в котором основанием включения чего-либо во множество «традиция» является его устойчивость, проще говоря, все что дошло из прошлого до наших дней. В качестве примера определения такого типа можно привести определение советского этнолога Э.С. Маркаряна, определявшего традицию как «сети (системы) связей настоящего с прошлым, причем при помощи этой сети совершаются определенный отбор, стереотипизация опыта и передача стереотипов, которые затем опять воспроизводятся» [15]. В этой рамке понятие «традиция» дескриптивно, оно используется для описания фактической устойчивости чего-либо. Например, традиция государственности включает любой устойчивый во времени феномен, связанный с институтом государства, безотносительно его оценок и характера, и динамика его исторической трансформации. В этом случае, под понятие «традиция» в наиболее общем смысле подпадают любые феномены культуры независимо от их желательности или нежелательности. И тогда наряду с «традиционными ценностями крепкой власти», мы можем говорить, например, «традициях русского бунта», воплощенной в таких фигурах как С. Разин, К. Булавин, Е. Пугачев или таких событиях как холерные бунты, русская революция 1905 г. или норильское восстание 1953 г. Или, например, о богатой российской «традиции уголовной культуры». Это будет явно противоречить ценностно-мировоззренческим целям курса, но в рамке понимания традиции как континуума устойчивых культурных феноменов – негативные и нежелательные явления являются традиционными аб-

солютно в той же степени, что и позитивные, что расхо-
дится с представлением о традиционных ценностях [4].

Вторая рамка использования понятия «традиция» подразумевает его отнесение уже не к «устойчивому», но «ценному». Такая оптика подразумевает, что традиция – это не все, что устойчиво существует в культуре, но то, что ценного мы можем увидеть в прошлом, смотря на него в настоящем. Иными словами, традиция – это уже не дескрипция фактических феноменов культуры, но прескрипция, она относится не к сфере наличествующего, но к сфере должного. Такое понимание можно увидеть в определении духовных ценностей как «стремления к идеальным образам и сохранению богатой культурной традиции», или в утверждении «значение псевдоуниверсальных категорий, как «достоинство» или «равенство», в значительной степени определяется толкованием, традиционным для определенной культуры» [4].

Такой подход соответствует конструктивистскому пониманию традиции. Он означает что традиция – это форма общественной рефлексии прошлого в контексте потребностей настоящего. Эту мысль еще в первой половине XX века выдвигал М. Радин и подробно анализировал философ и социолог Е. Шацкий [16]. Этот подход позволяет обойти затруднение континуального понимания понятия «традиция», однако вступает в противоречие с используемым в курсе ОРГ цивилизационным подходом. Если традиция – это акцентуации субъекта в настоящем относительно ценности прошлого, то это приводит нас в конструктивистский дискурс «изобретенных традиций» Э. Хобсбаума и «воображаемых сообществ» Б. Андерсона. Ведь традиция, о которой мы говорим в этом случае, предстает порождением актуальных общественных потребностей, порожденных политическими, военными и экономическими вызовами, и утратит свою актуальность, когда историческая ситуация изменится. Цивилизационный подход подразумевает примордиалистский подход к культуре, но конструктивизм привязывает традицию к субъекту в настоящем, его потребностям и нуждам. И если мы будем позиционировать традицию таким образом это приведет к ситуации поздней советской идеологии, которая, по меткому выражению А.В. Юрчака «была навсегда, пока не закончилась» [17]. В контексте практики преподавания ОРГ это нашло выражение в вопросе, заданном автору данного исследования одним из слушателей курса – «будет ли ОРГ иметь смысл, если Россия и Запад примирятся?».

Третья рамка использования понятия «традиция» связана со ставшими классическими для западной культуры бинарными оппозициями «традиция-новация» и «традиционное-рациональное». Такое понимание выражено в параграфе 3 раздела 2 «Прогресс vs традиция», где речь идет о том, «что должно являться приоритетом для общественного развития – динамичная адаптация под меняющиеся условия существования или неукоснительное следование традиции, воплощенной в великих памятниках народной культуры» [4]. Иными словами, речь идет о классическом со времен Просвещения противопоставлении «старого» и «нового», которое удачно охарактеризовал Ю.М. Лотман: «вера в прогресс заставляет видеть в истории полужитие начало. Но это относится лишь к истории Разума и успехам цивилизации. От этой истории отделяется неразумная история предрассудков, заблуждений, фанатизма. Последние отождествляются с традицией. Идеальной истории Разума противопоставляется реальная история предрассудков» [18]. Этот подход восходит также к идеям К. Маркса и М. Вебера. Для К. Маркса традиция – это иррациональная форма ложного общественного сознания, «традиции всех мертвых поколений тяготеют, как

кошмар, над умами живых» [19]. М. Вебер видел в традиции форму социального действия, основанного на повторении шаблона, своего рода общественную привычку, отмирающую по мере рационализации социума [20].

Очевидно, что сама идея защиты традиционных ценностей находится в принципиальном антагонизме с модернистским пониманием традиции. Однако все же авторы обращаются именно к нему в той части учебника, где речь идет о модернизации и прогрессе. Мы полагаем объяснение такого положения дел можно найти в мысли социолога Ш. Айзенштадта, к которой обращаются и сами авторы. Еще в середине XX века он писал о том, что классическое противопоставление традиции и новации утратило свой смысл. Однако, несмотря на это, общепринятой какой-либо общепринятой альтернативной теоретической модели модернизации так и не было создано, ни в середине XX века, ни в настоящий момент. Вследствие чего, обращение к понятию «традиция» в контексте проблематики модернизации неизменно приводит к противопоставлению традиции и новации даже в том случае, когда общей интенцией является критика позиции, это противопоставление, конституирующее.

Итак, понятие «традиция» используется в рамках курса ОРГ как минимум в трех различных смысловых рамках. Насколько непротиворечивый концепт предстанет перед нами?

В силу принципиального различия подходов, являющихся источниками этих рамок, это приводит к логическим противоречиям в нарративе курса. Приведем примеры.

В одном из фрагментов текста говорится о традиции как о «системе активной адаптации, не только отвечающими на внешние вызовы, но и предупреждающими таковые» [4]. Однако, в другом фрагменте говорится о традиции, как о том, что противоположно адаптации: «в рамках своей институциональной конфигурации любая цивилизация решает сложный вопрос о том, что должно являться приоритетом для общественного развития – динамичная адаптация под меняющиеся условия существования или неукоснительное следование традиции, воплощенной в великих памятниках народной культуры» [4].

Противоречие приведенных фрагментов означает, что традиция в одной рамке употребления понятия является способом адаптации, а в другой рамке предстанет уже диалектической противоположностью адаптации.

Другой пример противоречия. В одном из фрагментов текста учебника традиционные ценности охарактеризованы следующим образом: «наиболее релевантным с этой точки зрения представляется обозначение ценностных оснований российского мировоззрения термином «традиционные» ввиду того, что они не определены идеологизированным решением, но обусловлены фундаментальной связью времен и актуализируются из поколения в поколение по причине высокой значимости этого культурного наследия и механизма преемственности» [4]. Иными словами, традиционность характеризуется как-то, что сложилось исторически, ненамеренно, не было утверждено какой-либо властной инстанцией или конвенцией экспертов. Однако, в другом фрагменте традиционность характеризуется уже как конвенциональная, когда говорится «в символах воплощаются значимые для общества или группы конвенциональные (традиционные) ценности, укорененные в истории и политической культуре» [4]. И вновь традиция предстает неопределенной, она становится одновременно и тем, что сложилось спонтанно в истории, и тем, что стало результатом конвенции.

Такие противоречия можно было считать исправимыми логическими ошибками, если бы они полностью не соответствовали той противоречивости, с которой понятие «традиция» фигурирует в науке в целом. Это продиктовано тем, что в разных высказываниях понятие «традиция» берется в разных рамках его понимания, и в каждом из случаев оно имеет собственный смысл. Материалы курса ОРГ отражают общую проблему неопределенности понятия «традиция», и в таком комплексном дискурсе как попытка создать единую картину основ российской государственности это неизбежно воплощается в противоречия.

К чему описанная неопределенность использования понятия «традиция» приводит в аспекте практики реализации курса ОРГ? Она означает, что даже при сохранении общего намерения – укрепления духовно-нравственной безопасности России, и у преподавателей, и у студентов может сложиться принципиально разная картина, чем является традиция, как ключевой элемент этой смысловой системы. Это могут быть и умеренно модернистские взгляды, основанные на идее необходимости социальной калибровки соотношения традиций и новаций с сохранением идеи противопоставления традиции и рациональности. Или взгляды близкие русскому почвенничеству или европейскому консерватизму Э. Берка, для которых традиция означает доверие живому историческому *modus operandi*, который следует предпочитать искусственным идеологическим схемам. Или интегральный традиционализм, для которого традиция – это метафизическое основание цивилизационного развития, как это представлено в идеях Р. Генона, Ю. Эволи или А.Г. Дугина. Возможен и конструктивистский вывод о том, что традиция и традиционные ценности – это полезный идеологический конструкт, «изобретенная традиция». Возможен и вариант, когда традиция станет ассоциирована с какой-либо конкретно-исторической линией развития – «русская традиция», «православная традиция» и т.д. И хотя само по себе многообразие позиций не противоречит духу «единства многообразия» курса ОРГ, это может привести и к тому, что вместо укрепления согласия, неопределенность понятия «традиция» может иметь и обратный эффект – внесение разделения, превращения вопроса о традиции в спор, подобный спору о природе Христа в эпоху Вселенских Соборов. Для одних российская традиция, и вытекающие из нее традиционные ценности, будут относиться к сфере имманентного и исторического, а для других – к сфере трансцендентального и сакрального. Одни будут полагать ее этничной по своей природе, другие – интернациональной. Одни будут связывать ее с религией, иные полагать светским явлением. Одни будут искать в ней рациональность, иные будут противопоставлять рациональности. Что будет означать возможный раскол даже среди тех, кто разделяет общую патриотическую интенцию.

В заключение вышесказанного мы можем констатировать концептуальную и вытекающую из нее методологическую проблему неопределенности понятия «традиция» в рамках реализации курса ОРГ. Сама по себе неопределенность является перспективным полем исследования, и может быть если не снята, то стать основой для конструирования новых исследований в социогуманитарной сфере. Однако, для реализации массового мировоззренческого курса ОРГ, который и помимо рассматриваемой нами проблемы является сложным балансом академичности, политической практичности и эмоциональной вовлеченности – требуется выбрать путь.

Мыслимы два пути. Один заключается в том, чтобы разработать «халкидонскую формулу», которая могла бы если не разрешить все антиномии множества оптик взгляда на традицию, то по крайней мере выработать канон, позволяющий его непротиворечиво транслировать. Что могло бы стать одним из направлений содержательного развития курса ОРГ. Этот путь содержит в себе преимущество конкретности, но имеет риск формализации и отчужденности возможного канонического понимания понятия «традиция» от непосредственных переживаний и взглядов преподавателей и слушателей, то есть превращения его в сухую и понятную лишь специалистам теорию.

Второй путь основан на древнем принципе передачи «не буквы, но духа». Он будет означать акцент не на попытках выстроить некоторую общую теоретическую модель, но на общей патриотической цели и общего патриотического чувства. Такая позиция означает что «единство многообразия» станет не только доктриной, но и габитусом курса ОРГ. В которой российскую традицию, и понятие «традиция» вообще, рассматривают как принципиально не охватываемое ограниченными рациональными моделями, в духе знаменитых строк Ф. Тютчева. По сути, это заимствование подхода ортодоксального христианства, где значимость Священного Предания – не рациональная теория, но незримое присутствие Святого Духа, никем в полной мере никогда разумно не усвоенное. Это будет означать что традиционные ценности России – вопрос не только разума, но и веры. И его формулирование – это не попытка создания непротиворечивой теории, но выражение живой веры в Россию. Такой подход решал бы задачу эмоциональной вовлеченности, однако сохраняет очевидный риск превращения курса ОРГ в изложение субъективных взглядов его преподавателей.

Подведем тезисный итог исследования:

1. Анализ учебников по курсу ОРГ подтверждает центральное место в его содержании понятия «традиция», и производных от него. В материалах курса понятие «традиция» используется в трех основных смысловых рамках: как культурный континуум устойчивых форм; как ценностный отбор и конструирование социально-значимых представлений о прошлом; как оппозиция рациональности и новации. Эти подходы приводят к логическим противоречиям, например, в трактовке традиции как адаптации и одновременно ее противоположности.
2. Неопределенность понятия «традиция» создает риски формирования противоречивых интерпретаций, от модернистских до сакрально-традиционалистских, что в свою очередь, имеет потенциал раскола в понимании традиционных ценностей.
3. Возможными путями решения проблемы являются формализация понятия, формирование непротиворечивой трактовки, что несет риск формалистского отчуждения. Или акцент на «дух» традиции, то есть принятие ее принципиальной неопределенности как основы единства через общее чувство и патриотизм, но с угрозой субъективизации содержания.
4. Неопределенность понятия «традиция» есть не недоработка содержания курса, а отражение сложной природы самой традиции, но для массового курса ОРГ требуется баланс между теоретической четкостью и эмоциональной вовлеченностью. Выбор стратегии (строгое определение или «живая традиция») определит дальнейшее развитие курса и его влияние на формирование гражданской идентичности.

Литература

1. Основы российской государственности: учебно-методический комплекс по дисциплине для образовательных организаций высшего образования / В.М. Марасанова, В.Э. Багдасарян, Ю.Ю. Иерусалимский, Л.Г. Титова, С.А. Кудрина // Москва, 2023. 212 с.
2. Основы российской государственности: учебное пособие для студентов, изучающих социогуманитарные науки / Т.В. Евгеньева, И.И. Кузнецов, С.В. Перевезенцев, А.В. Селезнева, О.Е. Сорокопудова, А.Б. Страхов, А.Р. Боронин; под ред. С.В. Перевезенцева // Москва, 2023. 550 с.
3. Основы российской государственности: учебное пособие для студентов естественнонаучных и инженерно-технических специальностей / авт. колл.: А.П. Шевырев, В.В. Лапин, С.В. Рогачев, А.В. Тугорский, П.Ю. Уваров, А.А. Ларионов, В.С. Бремин, Н.Ю. Пивоваров, О.А. Ефремов, Е.А. Маковецкий, Е.А. Овчинникова, Д.А. Андреев, В.В. Булатов, О.А. Чагадаева // Москва, 2023. 252 с.
4. Основы российской государственности: учебное пособие / А.Д. Харичев, А.В. Полосин, А.В. Селезнева // Москва: РАНХиГС, 2024. 448 с.
5. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».
6. Ben-Amos D. The Seven Strands of Tradition: Varieties in its Meaning in American Folklore Studies // Journal of Folklore Research. 1984. Vol. 2. № 3. P. 97–131.
7. Айзенштадт Ш. О неопределенности термина «традиция» // Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия. / сост., ред. и автор вступ. ст. Б.С. Ерасов // М.: Аспект Пресс. С. 237–240.
8. Полонская И.Н. Понятие традиции: проблема определения // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2006. № 2. С. 6–10.
9. Хупения Н.Р. Смысловое многообразие понятия традиции // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. № 2. С. 12–27.
10. Трегулова Н.П. Становление дефиниции «традиция» // Вестник БГУ. 2021. № 2. С. 79–85.
11. Glassie H. Tradition // Journal of American Folklore. 1995. № 108. P. 395–412.
12. Shils E. Tradition. Chicago: The University of Chicago Press, 1983. 334 p.
13. Булахтин М.А., Тимофеева О.В. Традиционные ценности как предмет изучения в современной польской историографии // Вестник Прикамского социального института. 2018. № 3 (81). С. 117–126.
14. Кузнецова М.Ф. Проблема образовательного концепта в преподавании основ российской государственности // Наукосфера. 2024. № 2 (2). С. 32–35.
15. Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции. // Советская Этнография, 1981. № 2. С. 78–96.
16. Шацкий Е. Утопия и традиция // М.: Наука, 1990. 350 с.
17. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение // М.: Новое литературное обозрение, 2014. 604 с.
18. Лотман Ю.М. 1986. Архаисты – просветители // Тыняновский сборник. Вторые Тыняновские чтения / под ред. М.О. Чудаковой. Рига: Зинатне. С. 192–208.
19. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. – М., 1955–1981. 689 с.
20. Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 602–643.
21. Рахинский Д.В., Король Л.Г., Малимонов И.В., Фоминых Ю.С. Актуальные проблемы формирования государственной политики в области управления человеческими ресурсами // Социально-экономический и гуманитарный журнал, 2015. № 2 (2). С. 64–69.
22. Актуальные психолого-педагогические, философские, экономические и юридические проблемы современного российского общества // В.В. Астапов, Е.Н. Афанасова, Ю.Н. Белокопытов [и др.]. Том Выпуск 5. – Ульяновск, 2020. – 315 с.

PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE USE OF THE CONCEPT OF «TRADITION» IN THE FRAMEWORK OF THE COURSE «FUNDAMENTALS OF RUSSIAN STATEHOOD»

Illarionov G.A., Musat R.P., Leopa A.V., Rakhinsky D.V.

Siberian Federal University, V.F. Voyno-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Krasnoyarsk State Agrarian University

The article is devoted to the analysis of the use of the concept of «tradition» in the framework of the course «Fundamentals of Russian statehood». Based on a quantitative analysis of textbooks on ORG (2023–2025), the centrality of this concept in the course content is confirmed. However, its ambiguity and conceptual ambiguity create methodological and practical difficulties. There are three different semantic frameworks for using the concept of «tradition»: as a cultural continuum, as a value selection, and as an opposition to rationality and innovation. Incompatibility of approaches leads to logical contradictions, which violates the conceptual integrity. There are two possible solutions. The first is to formalize the concept through the creation of a unified theoretical model. The second is the emphasis on the «spirit» of tradition, based on patriotic identity and emotional engagement. The study highlights the need for a balance between academic rigor and the practical feasibility of the «Fundamentals of Russian Statehood» course, which is especially important for its role in strengthening Russia's civic identity and spiritual and moral security.

Keywords: tradition, traditional values, foundations of russian statehood, uncertainty of tradition, paradigms of tradition, spiritual and moral values.

References

1. Fundamentals of Russian statehood: an educational and methodological complex on discipline for educational institutions of higher education / V.M. Marasanova, V.E. Baghdasaryan, Yu.Y. Jerusalem, L.G. Titova, S.A. Kudrina // Moscow, 2023. 212 p.
2. Fundamentals of Russian statehood: a textbook for students studying socio-humanitarian sciences / T.V. Evgenieva, I.I. Kuznetsov, S.V. Perevezentsev, A.V. Selezneva, O.E. Sorokopudova, A.B. Strakhov, A.R. Boronin; edited by S.V. Perevezentsev // Moscow, 2023. 550 p.
3. Fundamentals of Russian statehood: a textbook for students of natural sciences and engineering / author's call: A.P. Shevyrev, V.V. Lapin, S.V. Rogachev, A.V. Tutorsky, P. Yu. Uvarov, A.A. Larionov, V.S. Bremin, N. Yu. Pivovarov, O.A. Efremov, E.A. Makovetsky, E.A. Ovchinnikova, D.A. Andreev, V.V. Bulatov, O.A. Chagadaeva // Moscow, 2023. 252 p.
4. Fundamentals of Russian statehood: a textbook / A.D. Kharichev, A.V. Polosin, A.V. Selezneva // Moscow: RANHiGS, 2024. 448 p.
5. Decree of the President of the Russian Federation dated 11.09.2022 № 809 «On Approval of the Foundations of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values».
6. Ben-Amos D. The Seven Strands of Tradition: Variations in its Meaning in American Folklore Studies // Journal of Folklore Research. 1984. Vol. 2. № 3. P. 97–131.
7. Eisenstadt S. On the ambiguity of the term «tradition» // Comparative study of civilizations: a textbook. / comp., ed. and the

- author of the introductory article B.S. Yerasov // M.: Aspect Press. P. 237–240.
8. Polonskaya I.N. The concept of tradition: the problem of definition // *Izvestiya vuzov. The North Caucasus region. Series: Social Sciences*. 2006. № 2. P. 6–10.
 9. Khupenia N.R. Semantic diversity of the concept of tradition // *Context and reflection: philosophy of the world and man*. 2016. № 2. P. 12–27.
 10. Tregulova N.P. The formation of the definition of «tradition» // *Bulletin of BSU*. 2021. № 2. P. 79–85
 11. Glassie H. Tradition // *Journal of American Folklore*. 1995. № 108. P. 395–412.
 12. Shils E. Tradition. Chicago: The University of Chicago Press, 1983. 334 p.
 13. Bulakhtin M.A., Timofeeva O.V. Traditional values as a subject of study in modern Polish historiography // *Bulletin of the Kama Social Institute*. 2018. № 3 (81). P. 117–126.
 14. Kuznetsova M.F. The problem of the educational concept in teaching the fundamentals of Russian statehood // *Naukosphere*. 2024. № 2 (2). P. 32–35.
 15. Markarian E.S. Nodal problems of the theory of cultural tradition. // *Soviet Ethnography*, 1981. № 2. P. 78–96.
 16. Shatsky E. Utopia and tradition // Moscow: Nauka Publ., 1990. 350 p.
 17. Yurchak A. It was forever, until it was over. The last Soviet generation // Moscow: New Literary Review, 2014. 604 p.
 18. Lotman Yu.M. 1986. Archaist Enlighteners // *The Tynian collection. The second Tynian Readings / edited by M.O. Chudakova*. Riga: Zinatne. P. 192–208.
 19. K. Marx. Louis Bonaparte's eighteenth Brumaire // Marx K., Engels F. *Soch.* 2nd ed. Vol. 8. Moscow, 1955–1981. 689 p.
 20. Weber M. Basic sociological concepts // Weber M. *Selected works*. Moscow: Progress, 1990. P. 602–643.
 21. Rakhinsky D.V., Korol L.G., Malimonov I.V., Fominykh J.S. Actual problems of formation of state policy in the field of human resource management // *Socio-economic and humanitarian journal*, 2015. № 2 (2). P. 64–69.
 22. Actual psychological, pedagogical, philosophical, economic and legal problems modern Russian society // V.V. Astapov, E.N. Afanasova, Yu.N. Belokopytov [et al.]. Volume Issue 5. Ulyanovsk, 2020. – 315 p.

Город как смысловое поле: философско-антропологический взгляд на современное урбанистическое бытие

Суховская Дарья Николаевна,

кандидат философских наук, доцент, кафедра исторических, социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии, ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

E-mail: daria.sukhovskaya@yahoo.com

В статье рассматривается городское пространство как многомерная социокультурная конструкция, формирующаяся на пересечении личных и коллективных траекторий существования человека. Особое внимание уделяется феномену личного пространства, его границам и трансформациям в условиях мегаполиса. Анализируются способы адаптации индивидов к анонимности и гетерогенности городской среды, а также значение визуальных и ментальных ориентиров в формировании «читаемого ландшафта». Подчеркивается роль ментальности, антропологических установок и культурных кодов в восприятии и организации городской реальности. Отдельный раздел посвящён использованию контент-анализа как метода выявления характеристик социального пространства. В завершение вводится образовательная парадигма осмысления города, позволяющая рассматривать его как динамичную систему, формирующую ценностные ориентации личности. Делается акцент на применении концепции ризоматического обучения для анализа городской среды как обучающей структуры, подверженной постоянной трансформации.

Ключевые слова: городское пространство, ментальность, личное пространство, визуальная идентичность, читаемый ландшафт, антропология города, образовательная среда, контент-анализ.

В современном гуманитарном знании город всё чаще рассматривается не как набор зданий и инфраструктурных связей, а как сложная социокультурная конструкция, формируемая взаимодействием индивидов, сообществ и символов. Пространство мегаполиса становится ареной смыслов, в которой пересекаются личные и коллективные траектории, а само восприятие городской среды определяется ментальностью, ценностями и антропологическим типом человека. Именно в этом контексте возникает необходимость переосмысления городской среды как динамичного образовательного и культурного феномена.

Сегодняшняя тенденция заключается в социокультурной интерпретации города как места пересечения субъективных и объективных структур жизнедеятельности человека, и в этом смысле – репрезентации его бытия [22, с. 219].

Границы личного пространства у каждого человека свои, но в общем смысле это то пространство, которое он рассматривает как свою собственность и где он чувствует себя в безопасности. Личное пространство регулируется уровнем агрессии, которых тот или иной индивидум готов допустить со стороны окружающих. То есть в сообществах, где уровень возможной агрессии высок, человек склонен сужать свое личное пространство, а если он ощущает себя частью цивилизованного, малоагрессивного сообщества – расширять. С этой точки зрения мегаполис является местом постоянного соприкосновения различных личных пространств, и снять это напряжение можно только путем создания максимально комфортной общественной среды, где люди меньше склонны ожидать агрессии от сограждан в повседневной жизни [5, с. 16].

Жизнь в современном городе предполагает многочисленные контакты с окружающими, есть люди (продавцы, официанты, доктора, попутчики), без которых обойтись невозможно. Можно лишь попытаться сократить количество контактов, частично обезличив их, переводя в виртуальную сферу. Иными словами, «реальный мир» наполнен множеством людей (с их особенностями, внешностью, привычками, характерами и так далее), по тому или иному признаку включенных в круг социального взаимодействия. Стремление каждого человека расширять или сокращать этот круг определяется его психотипом и жизненными задачами на каждом конкретном этапе.

Диаметрально противоположным способом существования человека в городском пространстве является анонимность и типизация. Здесь речь идет не о полной утрате идентичности самим индивидумом, а о том, что он стремится переместить как можно больше проживающих с ним на одной территории граждан в «дальний круг», представить окружающих исключительно в форме функций, лишенных уникальных признаков (пусть даже сознательно не замечаемых) [19, с. 43].

Логично предположить, что для одного типа людей, мотивированных общаться с окружающими в режиме так называемого «реального мира», городская среда является более комфортной, чем для другого, представители которого склонны к условной анонимности.

Для исследования существующего в рамках города многомерного пространства социальных отношений и практик, процессов и позиций, другими словами, особой среды, которая структурируется распределением в этом пространстве различных видов капитала (экономического, политического, культурного, символического и пр.), используют различные методики [2, с. 95]. Например, контент-анализ СМИ может многое рассказать о социальном пространстве современного города, потому что эта методика призвана перевести содержание большого массива текстовой, визуальной и графической информации в параметры, поддающиеся содержательной интерпретации, систематизации и формулировке выводов. Этот метод используют в разных научных дисциплинах, но чаще всего – в социологии. На основании контент-анализа публикаций в средствах массовой информации можно выявить и сгруппировать следующие особенности социального пространства города:

1. Гетерогенность. Проявляется в сосуществовании различных групп городского населения, при том, что ни одна из них, как правило, не занимает главенствующей позиции. Например, наличие в черте города крупного металлургического предприятия позволяет назвать его «городом металлургов», что не исключает развития в том же городе массового движения приверженцев какого-либо направления молодежной субкультуры, лидеры которой, становясь медийными личностями, создают у окружающих мнение о городе как о родине условного рэпа или хип-хопа. Если в этом же городе действует притягивающее туристов музейное пространство, посвященное какой-либо известной персоне, родившейся или проживавшей на данной территории, то СМИ описывают город как «родину художника Х» [1], [3], [4], [7].

2. Динамичность городской среды проявляется как в мобильности населения (удаленность мест учебы или работы от места проживания), так и в стремительном изменении облика, в том числе и за счет переформатирования общественных пространств или действий органов власти в парадигме конкуренции регионов. Например, власти Перми решили превратить промышленный город в «культурную столицу», активно развивая эту тему именно в СМИ и создавая новые институты, смыслы и образы [8, с. 3]. Смещение и размытость границ классической схемы «центр», «периферия», «граница» за счет переноса акцента с официальной информации на раскрытие других аспектов социальной жизни, от экологических проблем до вопросов межнационального и межкультурного общения между жителями городских окраин [14]. Безусловно, образ города, создаваемый СМИ, зачастую далек от реального, но поскольку журналисты в широком смысле слова обслуживают интересы своих зрителей и читателей, а люди склонны читать/смотреть то, что их в первую очередь интересует, то можно с уверенностью сказать, что образ города в СМИ соответствует запросу его жителей. Другими словами, городской ландшафт – это результат взаимодействия и взаимного влияния различных социальных групп населения, представленных на данной территории.

Поскольку мы постоянно сталкиваемся с тем, что человек/гражданин/горожанин является активным актором, формирующим городское пространство или, как минимум, оказывающим значительное влияние на его формирование, будет логично, если мы подробнее рассмотрим именно человека через его взаимодействие с окружающим миром в различных его ипостасях. Совокупность научных дисциплин, предметом которых является происхождение и развитие человека, а также принципы и правила существования его в различных средах, объединена общим названием «антропология».

В первую очередь нас будут интересовать социальная и культурная антропология, которая занимается изучением сообществ, анализирует взаимодействие человека с окружающей природной или социокультурной средой (пространством) с акцентом на культурную традицию [12, с. 333].

Что заставляет человека создавать, осмыслять, изменять окружающий мир? И каким образом этот созданный человеком реальный или виртуальный мир влияет на него самого? Несмотря на то, что этим проблемам в своих трудах уделяли внимание еще античные философы, в отдельную науку антропология выделилась лишь в начале XIX века, а термин закрепился ближе к его концу [20, с. 748].

Как было отмечено ранее, городское пространство в каком-то смысле является созданием человека, прямым результатом его социальной активности и культурной деятельности. Само же пространство, в свою очередь, придает окружающей среде некие образовательные смыслы, стимулирует образовательную активность индивидуума. В этой парадигме культура рассматривается как совокупность идей, ценностей, поведенческих шаблонов и ролевых моделей, этнических процессов, несущих на себе отпечаток данного конкретного этапа развития человеческого общества.

В научной литературе описаны примеры картины мира с точки зрения носителя религиозного сознания, приведены примеры того, каким образовательным смыслом эта картина наполнена, какие онтологические координаты заданы. Очевидно, что все явления и сущности окружающего мира каким-то образом определены, обозначены и объяснены. Они неравнозначны, и могут быть отнесены к одной из двух разновидностей [9, с. 176]:

1. «Центр мира» представляет из себя сильное, священное, коренное и значимое место, некую центральную ось для последующей организации и точку отсчета для всего сущего. В этом пространстве религиозный человек защищен от всего чуждого, неизвестного, не в последнюю очередь посредством своей религиозности. Именно вера обеспечивает безопасность в рамках освященного пространства.
2. Аморфная, неясная, не имеющая понятного содержания и объяснимой структуры, «неосвященная», «темная» зона. Здесь царит хаос, существуют всевозможные «чужие», угрожающие человеку.

Казалось бы, в восприятии нерелигиозного человека пространство должно существовать как однородная и нейтральная субстанция. Однако, поскольку в процессе образования и воспитания человека невозможно игнорировать элементы религиозного мировоззрения (хотя бы на уровне исторического представления, или в качестве основы для произведений искусства), никто не может «отделаться» от религиозных понятий и взглядов (как минимум, на уровне языка – пословиц, фразеологизмов и так далее) [16, с. 179].

В силу своей ментальности даже нерелигиозный человек склонен выделять для себя какие-то особые (для каждого свои) места, несущие определенную эмоциональную окраску, вызывающие теплые воспоминания, места, где всегда хорошо и куда хочется возвращаться. Возможно, именно эти места выполняют для нерелигиозного человека роль центральных. Таких мест может быть несколько, и этим мир жителя индустриального и постиндустриального общества отличается от «централизованного» мира религиозного человека.

Тем не менее, большинство городов до сих пор формируются и выстраивают свою планировку вокруг центра. Как и было описано в части, посвященной схеме

города, все главные культовые и административные здания традиционно располагаются в центре. Иногда сами того не осознавая, люди продолжают следовать архаичной конструкции: наличие «Оси мира» (центра), которая связывает Небо (Мир Богов, Душа), Землю (Космос, Тело) и «нижние области» (Атимир, Брюхо) [23, с. 11]. Эту конструкцию можно проследить, «расшифровывая» и описывая современные города с точки зрения не столько пространственной (географической), соответствующей схеме «центр-периферия», сколько с ценностно-значимой, образовательной [11, с. 65].

Душа – это то, что делает город неповторимым, отличает его от других.

Тело – ежедневные практики, социальное взаимодействие, публичная сфера, образовательное пространство.

Брюхо – часть города, как правило (но не обязательно) ближайшая к его границам, находящаяся в тени, непубличная [13].

В пространстве города мы можем обнаружить все выделяемые на сегодняшний день типы ментальности: от индивидуальной до национальной и цивилизационной. Но в первую очередь ментальность связана с пониманием данным конкретным человеком окружающей действительности, благодаря чему она выполняет в городском пространстве ряд специфических функций:

1. Функция объединения предполагает наличие некой общей для жителей одного города схемы поведения, трансляцию общих оценок, поддержку одних и тех же политических деятелей, любовь к одним и тем же кумирам («Зенит» – любимая команда петербуржцев).

2. Функция различения или дифференциации, отстройки от других городов, конкуренция с ними (полемика по поводу звания «третьей столицы» России между Нижним Новгородом и Екатеринбург) [18, с. 10].

Чаще всего понятие «городское пространство» раскрывается через феноменологический подход, предполагающий, что исследователь ориентируется не на объективный факт, а на его субъективное переживание конкретным человеком. Безусловно, в таком исследовании необходимо использовать базовые понятия и инструментарий различных наук (социологии, истории, географии, педагогики и так далее), что позволит полнее оценить природу изучаемого явления [6, с. 205]. Эффективность такого подхода удачнее всего иллюстрирует изучение визуального качества городского пространства и анализ того ментального образа города, которое складывается у его жителей.

Учитывая, что вся инфраструктура города должна наиболее оптимальным способом удовлетворять потребности его обитателей, в первую очередь следует оценить, насколько просто ориентироваться в городском пространстве: легко ли распознаются его районы, зоны, насколько логично по отношению друг к другу они расположены, составляют ли единое понятное целое. Эти особенности принято называть «читаемостью ландшафта». Если элементы городской инфраструктуры легко определяются и группируются, создавая удобную и естественную целостную картину, город считается «читаемым».

История градостроительства знает немало удачных и не очень способов организации пространства, прошедших проверку практикой. На данном этапе ряд исследователей в качестве универсального метода предлагает систему так называемых «ключевых точек», большинство из которых носят универсальный характер и представляют из себя общеизвестные, типовые, а потому относительно абстрактные элементы, характерные для практически всех более-менее крупных человеческих

поселений: путь, ориентир, граница, узел, район. Приведем одну из распространенных интерпретаций понятия «ключевые точки» городского пространства [15, с. 8]:

1. Пути как система сообщения, специально оборудованные и предназначенные для перемещения людей, транспорта и грузов на постоянной или периодической основе. Применимо к городскому пространству, это могут быть улицы, бульвары, магистрали, дороги, проспекты, аллеи, пешеходные зоны и так далее, специально построенные, оборудованные, имеющие название и/или обозначенные понятным термином, упрощающим пользование (по дороге перемещается транспорт, по улице ходят люди, в улицы объединены дома, имеющие свой номер и так далее). Одновременно пути выполняют структурообразующую (с точки зрения топонимики) функцию. По ним можно не только ходить или ездить, но и приходить/приезжать в определенную точку. Именно таким способом – перемещением по путям – пользуется большинство горожан и гостей города.
2. Границы представляют собой реальные или воображаемые линии (иногда – сооружения), отделяющие один объект (тело, состояние, статус, административную единицу) от другого. Очерчивая определенные зоны городского пространства, они маркируют его с точки зрения самых разнообразных признаков: МКАД, кольцевая дорога, в прошлом – городские стены и так далее.
3. Районы – административные или осознаваемые городским сообществом как отличные от других части (сегменты) города, призванные обозначить и структурировать пространство. Все они имеют свои не столько объективно существующие, сколько субъективно осознаваемые признаки, иногда отраженные в названии: бедный район, богатый район, Рублевка, Замоскворечье, промышленная зона и так далее. Тот или иной район, как правило, имеет свой образ в сознании горожанина – он там либо бывал, либо знает людей, проживающих в нем. Поэтому отношение к району города, где проживает индивидум, скорее можно охарактеризовать, как «внутреннее».
4. Узлы – это стратегические точки на карте города, определяемые как функциональные, притягивающие людей для реализации определенных потребностей: деловой центр, вокзал, торговый, развлекательный центр, университетский городок.
5. Ориентиры – это обобщенное определение различных элементов городской среды, которые помогают определить свое место в пространстве города. Ориентиры могут быть как созданными специально и только с целью навигации в пространстве (различные дорожные указатели, таблички, схемы, рекламные конструкции), так и образовываться в ходе застройки и не предназначенные по своему функционалу для выполнения этой задачи (башни, высотки, памятники и городская скульптура, культовые сооружения, парки и скверы). Ориентиры могут быть общеизвестными и локальными, на которые ориентируются только жители конкретного микрорайона [17, с. 100].

Очевидно, что перечисленные «ключевые точки» присутствуют в городском пространстве, как говорится, в комплексе, воздействуют на человека одновременно. Оглянувшись вокруг, каждый из нас сможет назвать видимые одновременно пути, узлы, ориентиры и районы. Весь этот комплекс, воздействуя на человека одновре-

менно и накладываясь на его ментальные особенности, формирует тот самый читаемый ландшафт [21, с. 3].

Предпринятая автором исследования попытка раскрыть образовательный смысл категории «городское пространство» позволяет сделать вывод о том, что, поскольку человеку свойственно ценностное восприятие окружающей действительности, невозможно определить город, как находящееся в определённой климатической зоне поселение, в котором построены конкретные физические объекты, призванные удовлетворить физиологические потребности жителей. Горожане ментально осваивают свое «поселение», изучая и мифологизируя его историю, выстраивая социальную коммуникацию, создавая его образ, новые смыслы, которыми во многом определяется ценность города, его частей и ипостасей.

Во многом сформированное самими горожанами, городское пространство, в свою очередь, постоянно влияет на них, побуждая к образованию и дальнейшему развитию, сомоусложняясь и предлагая новые задачи (образовательные ситуации), решение которых сформулирует новые потребности и новые способы их решения [24, с. 45].

Применяя образовательную парадигму, можно говорить об эвристическом методе работы с понятием «городское пространство», когда сообщество формулирует запрос и путем коммуникаций различного уровня находит решение, позволяющее реформировать городское пространство. Однако следует избегать поверхностности подхода, стоит рассматривать и изучать город с привлечением инструментария фундаментальных и прикладных наук и направлений, от географии до психологии и культурологии.

Учитывая, что городское пространство ни в одном городе мира не является зафиксированным в данный конкретный момент времени, было бы интересно применить к ее изучению принципы ризоматического обучения, в рамках которого, при наличии качественной образовательной среды, программа динамически изменяется в зависимости от контекста.

Литература

- Акимов, В. Москва – город культурных героев: как столица продвигает своих знаменитых жителей: электрон. ресурс / В. Акимов // Российская газета. – 2023. – URL: <https://rg.ru> (дата обращения: 28.08.2024).
- Брагина, И.С. Урбанизация городского пространства и ее трансформация для развития комфортной городской среды / И.С. Брагина, Е.И. Четверикова // Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. – С. 95–98.
- Ведомости. Проект «СберСити» и его культурные ассоциации: электрон. ресурс // Ведомости. – 2024. – URL: <https://www.vedomosti.ru/business/sber-city> (дата обращения: 10.08.2024).
- Ведомости. Санкт-Петербург как туристический бренд: электрон. ресурс // Ведомости. – 2024. – URL: <https://www.vedomosti.ru/travel/saint-petersburg-brand> (дата обращения: 10.08.2024).
- Горелова, Ю.Р. Аксиология городской культуры: категория «прекрасное» в оценке городских пространств современными горожанами / Ю.Р. Горелова // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2021. – № 2 (31). – С. 16–24.
- Ермакова, Е.Е. Городская пустота как ресурс для создания альтернативных городских пространств, способствующих устойчивому развитию города / Е.Е. Ермакова, О.Р. Мамлеев // Тюмень: Тюменский индустриальный университет, 2022. – С. 205–207.
- Иванова, М. Петербург как родина поэтов и писателей: бренд города через известных личностей: электрон. ресурс / М. Иванова // Коммерсантъ. – 2022. – URL: <https://kommersant.ru> (дата обращения: 28.08.2024).
- Калинин, С. Гельман ушел, искусство осталось? / С. Калинин // Коммерсантъ. – 2012. – С. 1–3.
- Лавринова, Н.Н. Социальные аспекты ярмарки в пространстве городской культуры / Н.Н. Лавринова // Неофилология. – 2020. – Т. 6, № 21. – С. 176–182.
- Левкин, А. Культурная столица России: как Пермь пытается стать центром современного искусства / А. Левкин // Новая газета. – 2011. – С. 1–5.
- Мельникова, О.Т. Мультимодальный подход к исследованию городского пространства / О.Т. Мельникова, С.А. Избасарова // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2022. – № 3. – С. 65–84.
- Одинцова, А.В. Умное городское пространство: влияние цифровизации на изменение городской среды / А.В. Одинцова // Пенза: Пензенский государственный университет, 2021. – С. 333–336.
- Секацкий, А.К. Тело города, его душа и его тень: электрон. ресурс / А.К. Секацкий // EINAi: Философия. Религия. Культура. – URL: <https://einai.ru/archives/2893> (дата обращения: 03.05.2024).
- Смирнов, А. Периферии мегаполисов: почему окраины городов остаются в тени: электрон. ресурс / А. Смирнов // Известия. – 2023. – URL: <https://iz.ru> (дата обращения: 28.08.2024).
- Сморгунов, Л.В. Социальный компьютинг и трансформация городского публичного пространства / Л.В. Сморгунов // Южно-российский журнал социальных наук. – 2021. – Т. 22, № 4. – С. 6–21.
- Соколов, А.В. Городские конфликты: роль и влияние городского пространства / А.В. Соколов, И.С. Абрамовский // Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2021. – С. 179–183.
- Суховская, Д.Н. Деструктивное влияние креативных пространств поселений на процессы социализации и самореализации личности и среду ее формирования в условиях глобализации / Д.Н. Суховская // European Social Science Journal. – 2015. – № 1–2. – С. 100–106.
- Суховская, Д.Н. Креативное пространство российских городских поселений и его влияние на формирование ценностных ориентаций личности: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Д.Н. Суховская. – Краснодар: Краснодарский университет МВД РФ, 2016. – 24 с.
- Тхабисимова, Д.М. Особенности восприятия городской среды: социально-психологические проблемы восприятия современного городского пространства / Д.М. Тхабисимова // Новосибирск: Общество с ограниченной ответственностью «Сибирская академическая книга», 2022. – С. 43–49.
- Тюрина, А.А. Городское пространство как антропологический феномен / А.А. Тюрина, В.С. Лапшина // Нижний Новгород: Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, 2020. – С. 748–751.
- Чиркунов, О. Зачем Перми новая культурная политика? / О. Чиркунов // Проектный офис. – 2013. – С. 1–3.
- Шереметьева, Л.В. Городское арт-пространство как площадка для диалога искусств (на примере горо-

да Хабаровска) / Л.В. Шереметьева // Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2020. – С. 219–229.

23. Шилехина, М.С. Городские медиа как возможность для формирования культурного пространства современного города / М.С. Шилехина // Культурное наследие России. – 2022. – № 3 (38). – С. 11–16.
24. Щипков, А.А. Роль архетипа axis mundi в современном дискурсе пространства: электрон. ресурс / А.А. Щипков // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 6–1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-arhetipa-axis-mundi-v-sovremennom-diskurse-prostranstva> (дата обращения: 11.05.2024).
25. Zukin, S. Naked City: The Death and Life of Authentic Urban Places: моногр. / S. Zukin. – New York: Oxford University Press, 2010. – 294 p.

THE CITY AS A SEMANTIC FIELD: A PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL VIEW OF MODERN URBAN EXISTENCE

Sukhovskaya D.N.

Pyatigorsk State University

The article considers urban space as a multidimensional socio-cultural structure formed at the intersection of personal and collective trajectories of human existence. Special attention is paid to the phenomenon of personal space, its boundaries and transformations in a megalopolis. The article analyzes the ways individuals adapt to the anonymity and heterogeneity of the urban environment, as well as the importance of visual and mental landmarks in the formation of a “readable landscape.” The role of mentality, anthropological attitudes and cultural codes in the perception and organization of urban reality is emphasized. A separate section is devoted to the use of content analysis as a method of identifying the characteristics of a social space. Finally, an educational paradigm of understanding the city is introduced, which makes it possible to consider it as a dynamic system that forms the value orientations of an individual. The emphasis is placed on the application of the concept of rhizomatic learning to analyze the urban environment as a learning structure subject to constant transformation.

Keywords: urban space, mentality, personal space, visual identity, readable landscape, urban anthropology, educational environment, content analysis.

References

1. Akimov, V. Moscow – the city of cultural heroes: how the capital promotes its famous residents: electron. resource / V. Akimov // Rossiyskaya gazeta. – 2023. – URL: <https://rg.ru> (date of reference: 08/28/2024).
2. Bragina, I.S. Urbanization of urban space and its transformation for the development of a comfortable urban environment / I.S. Bragina, E.I. Chetverikova // Kursk: Southwestern State University, 2022. – pp. 95–98.
3. Vedomosti. The Sberbank City project and its cultural associations: electron. resource // Vedomosti. – 2024. – URL: <https://www.vedomosti.ru/business/sbercity> (date of application: 08/10/2024).
4. Vedomosti. St. Petersburg as a travel brand: electron. resource // Vedomosti. – 2024. – URL: <https://www.vedomosti.ru/travel/saint-petersburg-brand> (accessed: 10.08.2024).
5. Gorelova, Yu.R. The Axiology of Urban Culture: The Category of “Beautiful” in the Assessment of Urban Spaces by Modern Citizens / Yu.R. Gorelova // Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research. – 2021. – No. 2 (31). – Pp. 16–24.
6. Ermakova, E.E. Urban Emptiness as a Resource for Creating Alternative Urban Spaces that Contribute to Sustainable Urban Development / E.E. Ermakova, O.R. Mamleev // Tyumen: Tyumen Industrial University, 2022. – Pp. 205–207.
7. Ivanova, M. St. Petersburg as the Birthplace of Poets and Writers: Branding the City through Famous Personalities: electronic. resource / M. Ivanova // Kommersant. – 2022. – URL: <https://kommersant.ru> (accessed: 28.08.2024).
8. Kalinin, S. Gelman is gone, but art remains? / S. Kalinin // Kommersant. – 2012. P. 1–3.
9. Lavrinova, N.N. Social Aspects of the Fair in the Space of Urban Culture / N.N. Lavrinova // Neofilology. – 2020. – Vol. 6, No. 21. – Pp. 176–182.
10. Levkin, A. The Cultural Capital of Russia: How Perm is Trying to Become a Center of Contemporary Art / A. Levkin // Novaya Gazeta. – 2011. P. 1–5.
11. Melnikova, O. T. A Multimodal Approach to the Study of Urban Space / O. T. Melnikova, S. A. Izbasarova // Bulletin of Moscow University. Series 14: Psychology. – 2022. – No. 3. – Pp. 65–84.
12. Odintsova, A.V. Smart Urban Space: The Impact of Digitalization on the Transformation of the Urban Environment / A.V. Odintsova // Penza: Penza State University, 2021. – Pp. 333–336.
13. Sekatsky, A.K. The Body of the City, Its Soul, and Its Shadow: Electron. resource / A.K. Sekatsky // EINA: Philosophy. Religion. Culture. – URL: <https://einai.ru/ru/archives/2893> (date of access: 03.05.2024).
14. Smirnov, A. Peripheries of Megacities: Why the Outskirts of Cities Remain in the Shadows: electron. resource / A. Smirnov // Izvestia. – 2023. – URL: <https://iz.ru> (accessed on 28.08.2024).
15. Smorgunov, L.V. Social Computing and the Transformation of Urban Public Space / L.V. Smorgunov // South Russian Journal of Social Sciences. – 2021. – Vol. 22, No. 4. – pp. 6–21.
16. Sokolov, A.V. Urban conflicts: the role and influence of urban space / A.V. Sokolov, I.S. Abramovsky // Omsk: Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, 2021. – pp. 179–183.
17. Sukhovskaya, D.N. Destructive influence of creative spaces of settlements on the processes of socialization and self-realization of personality and the environment of its formation in the context of globalization / D.N. Sukhovskaya // European Social Science Journal. – 2015. – № 1–2. – pp. 100–106.
18. Sukhovskaya, D.N. The creative space of Russian urban settlements and its influence on the formation of value orientations of personality: abstract of the dissertation of the Candidate of Philology. Sciences / D.N. Sukhovskaya. – Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2016. – 24 p.
19. Thabisimova, D.M. Peculiarities of perception of the urban environment: socio-psychological problems of perception of modern urban space / D.M. Thabisimova // Novosibirsk: Limited Liability Company “Siberian Academic Book”, 2022. – pp. 43–49.
20. Tyurina, A.A. Urban space as an anthropological phenomenon / A.A. Tyurina, V.S. Lapshina // Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering, 2020. pp. 748–751.
21. Chirkunov, O. Why does Perm need a new cultural policy? / O. Chirkunov // Project Office. – 2013. P. 1–3.
22. Sheremetyeva, L.V. Urban Art Space as a Platform for Dialogue of Arts (on the Example of the City of Khabarovsk) / L.V. Sheremetyeva // Petrozavodsk: International Center of Scientific Partnership “New Science”, 2020. – P. 219–229.
23. Shilekhina, M.S. Urban Media as an Opportunity for the Formation of the Cultural Space of the Modern City / M.S. Shilekhina // Cultural Heritage of Russia. – 2022. – № 3 (38). – Pp. 11–16.
24. Shchipkov, A.A. The role of the axis mundi archetype in the modern discourse of space: electron. resource / A.A. Shchipkov // Humanities, socio-economic and social sciences. – 2015. – No. 6–1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-arhetipa-axis-mundi-v-sovremennom-diskurse-prostranstva> (accessed: 11.05.2024).
25. Zukin, S. Naked City: The Death and Life of Authentic Urban Places: monograph / S. Zukin. – New York: Oxford University Press, 2010. – 294 p.

Экономика и ресурсы технократического будущего: социально-философский анализ

Третьяков Ярослав Андреевич,

советник директора Ассоциации организаций в области недропользования «Национальная ассоциация пользователей недр»

E-mail: yartret@me.com

Проведён философско-социологический анализ возможного сценария технократического будущего, в котором алгоритмические системы и искусственный интеллект (ИИ) радикально перестраивают сферу экономики и управление ресурсами. Цель исследования – реконструкция гипотетической траектории развития социально-экономических отношений под воздействием тотальной цифровизации и алгоритмизации. Объектом анализа выступают тенденции трансформации экономических принципов и институтов (собственности, распределения ресурсов, гражданских прав) в условиях доминирования интеллектуальных технологий. Методологическая основа исследования опирается на междисциплинарный подход (социальная философия, футурология, политическая теория) и метод аналитической экстраполяции, позволяющий выявлять закономерности в современных технологических и социально-экономических тенденциях и логически продолжать их в будущем. На этой базе сформирована концептуальная модель технократического общества, в котором искусственный интеллект осуществляет глобальное распределение ресурсов по цифровым метрикам «вклада»; частная собственность трансформируется в платформенное пользование; «энергоэффективность» индивида становится показателем его социального рейтинга; гражданские права переходят в формат «подписки»; а человеческая память превращается в рыночный товар. Показано, что подобная система способна повышать управленческую эффективность, однако несёт риски деперсонализации и усиления неравенства, когда ценность человека определяется алгоритмическими критериями, а субъектность уступает место цифровому статусу. Научная новизна работы состоит в разработке целостной концепции «техно-экономического уклада» будущего, где алгоритмическая рационализация проникает в основы собственности, распределения ресурсов и гражданского статуса. Автор впервые систематически рассматривает уязвимости человеческого статуса (деперсонализацию, трансформацию права в «подписку», коммерциализацию памяти) в контексте полной цифровизации и соединяет их в единую модель технократического общества. Подчёркивается, что предлагаемый сценарий не является фатально предопределённым; его критический анализ актуален для определения границ допустимой автоматизации и сохранения гуманистических ценностей, таких как свобода, равенство и автономия личности.

Ключевые слова: технократическое будущее, алгоритмическое управление, искусственный интеллект, распределение ресурсов, частная собственность, социальный рейтинг, экономика совместного потребления.

Введение

В философии и социальных науках нарастает интерес к влиянию современных технологий на будущее общество. Стремительное развитие искусственного интеллекта (ИИ), больших данных и повсеместной цифровой связности порождает беспрецедентные возможности автоматизации управления социальными процессами. Уже сегодня алгоритмические системы принимают на себя функции, ранее принадлежавшие человеку: от рекомендаций в цифровых сервисах до принятия управленческих решений. Возникает образ технократического будущего – общества, в котором власть знаний и технологий вытесняет традиционные социальные механизмы. Такой прогноз вызывает дискуссии о том, какие трансформации могут ожидать базовые институты и ценности человеческого мира [7, с. 134].

Особый интерес представляет сфера экономики, где технологические инновации уже меняют устоявшиеся принципы. Понятия «платформенный капитализм» (platform capitalism) и «экономика совместного потребления» (sharing economy) отражают перераспределение собственности и доступа к благам через цифровые платформы. В некоторых странах внедряются системы «социального рейтинга» граждан, указывающие на тенденцию к алгоритмическому контролю поведения. Эти примеры свидетельствуют о зарождении новых форм организации экономики и ресурсных отношений, опирающихся на цифровые метрики и автоматизированные решения. Однако единая картина подобного будущего пока не определена, что требует концептуального моделирования и философского осмысления потенциального сценария.

В настоящей работе предпринимается попытка реконструировать гипотетическую модель технократически организованного общества в его экономическом измерении. Основная задача исследования – выявить логические вытекающие из текущих тенденций черты и последствия трансформации экономических отношений под влиянием алгоритмов и ИИ, а также оценить, какие риски несут такие изменения для человека и общества.

Методы и методология исследования

Методологически исследование базируется на сценарном и междисциплинарном подходах, объединяя идеи социальной философии, футурологии, политической экономики и теории технологий. В качестве ключевого инструмента применяется метод аналитической экстраполяции, позволяющий выявить потенциальные формы общественного устройства при логическом продолжении современных технологических, экономических и культурных тенденций.

Исследование носит концептуальный характер: не претендуя на детальное предсказание, автор использует собранные данные о реализуемых технологических проектах, теоретические модели «цифрового будущего» и философские интерпретации техногенного развития. Такой синтез обеспечил целостную реконструкцию сценария технократического уклада: от алгоритмического управления ресурсами и трансформации собственности

до перехода гражданских прав в режим подписки и коммерциализации человеческой памяти. Принципиальная важность данного подхода заключается в возможности выявить «узловые точки» риска и сформулировать теоретические пределы, за которыми автоматизация угрожает человеческой субъектности и социальному равенству.

Результаты и обсуждение

Современные технологии и алгоритмы в моделируемом сценарии коренным образом изменяют базовые экономические принципы: материальные и нематериальные ценности начинают распределяться по новым правилам. В результате анализа выявлен ряд ключевых трансформаций экономической сферы будущего общества, которые представлены далее.

Глобальное управление ресурсами и экономический популизм

В эпоху полной цифровизации ИИ становится распорядителем ресурсов планеты. Технологии больших данных и цифровые двойники биосферы позволяют в режиме реального времени моделировать потоки воды, энергии, продовольствия и информации. Каждый ресурс воспринимается уже не как индивидуальное благо, а как общественный поток, доступ к которому даётся по цифровым «кредитам». Алгоритм оценивает вклад каждого индивида в общее благополучие и экологическую стабильность и по этим показателям распределяет права пользования. Так, гражданин с «низким экологическим следом» и высокой социальной продуктивностью получает приоритетный доступ к благам, в то время как другие вынуждены экономить. Фактически формируется своего рода «ресурсный социализм»: базовые потребности удовлетворяются автоматически, а дополнительные блага выдаются в качестве бонуса за «правильное поведение» [10, с. 34].

В этом контексте закладывается новый вид популизма – встроенного в алгоритмы: политика становится программой, поощряющей социально желаемое. Например, система может бесплатно снабжать жильём или продовольствием всех, кто соблюдает нормы, а за особые заслуги давать привилегированное обслуживание. Появляются и глобальные экомаркеты: цифровые налоги перераспределяют богатство, ИИ поддерживает баланс между социальной стабильностью и сохранением природы. Государственный сектор фактически программируется, а не управляется традиционными методами – таким образом понятие «экономический популизм» приобретает буквальный смысл в условиях алгоритмического управления на основе больших данных [12, с. 114].

Обучение с подкреплением: алгоритмическое управление поведением

Одним из фундаментальных механизмов современного искусственного интеллекта выступает обучение с подкреплением (Reinforcement Learning, RL), когда агент (ИИ-система) изучает стратегию действий на основе сигналов «награда» или «штраф» из окружающей среды. В контексте социального инжиниринга технократического будущего этот принцип может быть реализован следующим образом.

1. Алгоритм-управленец (государственная ИИ-система) совершает «пробы» различных регулятивных мер – принятие тех или иных законов, манипуляции налоговыми ставками, распределение благ и т.д. [2, с. 75].

2. Общество (граждане, экономика) даёт ответную реакцию в виде поощрения или наказания на введённые

меры. Например, если новое правило привело к росту продуктивности и снижению преступности, это можно считать позитивным подкреплением для системы. Если же обществу нанесён ущерб (например, протесты или падение экономических показателей), система регистрирует негативный сигнал.

3. Постепенно ИИ «обучается» всё более эффективной политике, корректируя свою стратегию с учётом прошлых успехов и неудач [5, с. 9].

4. Одновременно граждане сами становятся «объектами» обучения с подкреплением. Им раздаются цифровые награды – доступ к дополнительным услугам, льготы, повышение рейтинга – за «желательное» поведение (например, активное участие в государственных проектах или соблюдение определённых социальных норм). Наоборот, вводятся санкции за «нежелательные» поступки. В итоге общество превращается в огромную «лабораторию», где люди вынуждены подстраиваться под систему стимулов, чтобы не оказаться в числе «наказанных».

Успехи современных алгоритмов обучения с подкреплением (RL-алгоритмов) – от игр вроде Go и StarCraft до управления роботами – наглядно демонстрируют силу подхода «проб и ошибок». Масштабирование этой идеи на экономику и политику вполне логично с точки зрения ИИ: любые решения можно оптимизировать, периодически экспериментируя и анализируя обратную связь. Однако ключевым моментом остаётся функция вознаграждения (reward function). Если в её определении доминирует, к примеру, показатель «максимизация прибыли», система может игнорировать гуманитарные аспекты. Такой узколинейный подход часто ведёт к побочным эффектам, когда во имя эффективности жертвуются другие ценности [8, с. 21].

Конец частной собственности как концепта

Концепция собственности кардинально меняется. Модель «экономики совместного потребления» заметно расширяется: владение любыми объектами – от жилья до личного автомобиля – уступает место арендной модели, полностью контролируемой цифровыми платформами. Жилище, транспорт и даже вещи предоставляются «по запросу» в зависимости от текущей задачи и социальной роли человека. Например, автомобиль подается именно туда и тогда, когда он необходим, а всё остальное время находится в общем пользовании. Цифровые ключи и сети на основе технологии блокчейн отслеживают перераспределение ресурсов: фиксируют, кто и сколько потребляет, и автоматически переназначают ресурсы. Например, если человеку для выполнения задачи требуется усиление мышечной силы рук, система временно усилит его мускулатуру, а затем снимет это усиление. Новая социальная норма такова: полная свобода личного выбора объектов исчезает, её заменяют алгоритмические протоколы, повышающие эффективность, но порождающие новые этические вопросы [6, с. 24].

При экстремальном регулировании плата за жильё или транспорт также привязывается к цифровым показателям. Например, устройство домашнего «умного дома» может отключаться или ограничивать доступ к сервисам (вода, электричество) при снижении социального рейтинга жильца. Таким образом, право на собственность окончательно превращается в привилегию с цифровым отпечатком, а её реализация – в услугу на платформе, которая постоянно оценивается алгоритмами [3, с. 95].

Оценка личности через энергоэффективность

В новых экономических моделях человека оценивают иначе: по показателю энергоэффективности. Системы бу-

дущего учитывают не только результаты труда, но и энергозатраты индивида. Каждый человек получает «коэффициент полезности», основанный на том, насколько много он производит при минимальных затратах ресурсов. Те, кто с минимальными энергозатратами добиваются наибольшей отдачи, становятся «звездами» экономики и получают доступ к лучшим проектам и ресурсам. Менее «эффективные» люди оказываются на периферии: креативные или эмоционально нестабильные индивиды в такой системе воспринимаются как «дорогостоящие». С появлением «энергетических квот» личное потребление ресурсов (даже объём сохраняемой информации) начинает строго лимитироваться. Социальные связи перестраиваются: на передний план выходит не традиционный статус или заслуги, а именно ресурсный вклад. Это усугубляет маргинализацию групп, чья деятельность не укладывается в жёсткие показатели эффективности [4, с. 42].

Гражданство как подписка

Гражданские права и социальные гарантии трансформируются в сервис по подписке (subscription service). Данная идея уже обсуждается в политической философии платформенного капитализма. Каждый гражданин по умолчанию имеет «базовый пакет» прав – минимальный уровень обеспечения медициной, образованием и инфраструктурой. За всё остальное приходится доплачивать своего рода «социальным баллом»: чем выше продуктивность и предсказуемость человека, тем лучше уровень его «подписки». Такая модель порождает жёсткую иерархию: доступ к лучшей медицине, образованию и жилью зависит от индивидуального рейтинга. Нарушение алгоритмических норм влечёт временное или даже пожизненное ограничение в правах. «Гражданство-платформа» делает базовые свободы условными и пересматриваемыми алгоритмически [11, с. 117].

Кроме того, могут вводиться «краткосрочные лицензии гражданина» на совершение конкретных действий. Например, для путешествий, вступления в брак или даже возможности голосовать требуется специальный «пропуск», срок действия и стоимость которого автоматически определяются профилем гражданина. Таким образом, базовый набор прав превращается в пакет услуг, приобретаемых за социальные баллы. [1, с. 69].

Обмен воспоминаниями как новая валюта

В цифровом обществе человеческая память сама по себе приобретает экономическую ценность. Системы, подробно записывающие опыт каждого индивида, способны превратить воспоминания в товар. Эмоционально значимые моменты жизни – редкие приключения или личные достижения – становятся единицами обмена на особых «биржах памяти». Там торгуются не акции, а переживания и личные истории. Этот рынок регулируется как государством, так и корпорациями: данные о жизни человека рассматриваются как собственность, которой можно обмениваться и торговать.

Нейроэкономические исследования показывают, что такой обмен опытом изменяет самовосприятие личности. Оказавшись производителем эмоционального контента, человек перестаёт быть полноправным хозяином собственных переживаний. В будущем могут появиться «временные валюты»: ценность воспоминаний начнут измерять продолжительностью и уникальностью соответствующего переживания. По сути, каждый человек становится автором и продюсером персонального «шоу из жизни», где главные герои – его собственные воспоминания [9, с. 12].

Выводы

Таким образом, на основе вышеизложенного, автором настоящей статьи были сделаны следующие выводы.

1. Глобальное алгоритмическое управление ресурсами рождает «программируемый» популизм. Сценарный анализ (см. «Глобальное управление ресурсами и экономический популизм») указывает, что искусственный интеллект (ИИ) может распределять ресурсы на основе «социально желаемого поведения», поощряя лояльность через цифровые кредиты и льготы. Такая система повышает эффективность использования благ, но рискует подменить демократический процесс алгоритмическими решениями, где голос гражданина уступает приоритет «оценке» его вклада. Теоретически это формирует «ресурсный социализм» с привилегиями для «эффективных», однако создаёт предпосылки к усугублению контроля за индивидом и к неравномерному доступу к базовым благам. Практическая мера: внести «конституционные лимиты ИИ» (Комитет Госдумы + Конст. Суд; учёт гуманитарных прав). Это вводит верхние границы алгоритмического управления, защищая свободу выбора. Оно предотвращает подмену демократического процесса формальными метриками, сохраняя общественную легитимность.
2. Обучение с подкреплением (Reinforcement Learning) превращает общество в экспериментальную площадку для ИИ. Как показано в разделе «Обучение с подкреплением: алгоритмическое управление поведением», государственная ИИ-система применяет подход «проб и ошибок», получая позитивный или негативный отклик от общества и корректируя свою стратегию. Граждане, в свою очередь, реагируют на систему стимулов и санкций, чтобы сохранять или повышать собственный социально-экономический рейтинг. Подобная методология усиливает оптимизацию решений, но при узколинейных целях (например, чистая прибыль) может игнорировать гуманистические ценности, ставя общество перед угрозой утраты свободы выбора. Практическая мера: создать «Центр этического аудита RL» (Аналитический центр Правительства РФ + ИПИ РАН). Он ежегодно проверяет целевые функции и обновления госалгоритмов, исключая игнорирование гуманитарных приоритетов. Такая модель предотвращает риск утраты свободы выбора.
3. Частная собственность сменяется платформенным использованием и жёсткой алгоритмической регламентацией. Принцип «еconomy on demand» (раздел «Конец частной собственности как концепта») предполагает, что жильё, транспорт и вещи выдаются человеку временно, а их оборот контролируется цифровыми платформами. На первый план выходит не правовой титул владения, а динамический доступ к ресурсам, который пересматривается алгоритмом в зависимости от «социальной профилей» пользователя. Такой механизм снижает транзакционные издержки и повышает общий КПД системы, однако ограничивает автономию индивида, превращая базовые потребности в услугу «по подписке» и подчиняя их логике технологического менеджмента. Практическая мера: принять «Цифровую хартию собственности» (ЕЭК + Росреестр; неотчуждаемый минимум). Она гарантирует стабильный доступ к ключевым ресурсам даже при изменении социального статуса. Это защищает граждан от полной потери имущества в системе платформенных услуг.

4. Оценка человеческой личности по энергоэффективности и продуктивности усиливает неравенство. Исследование (см. «Оценка личности через энергоэффективность») показывает, что люди с высокими показателями «пользы при минимальных затратах» становятся «экономическими элитами», получая привилегии и больший доступ к ресурсам. Группы, чья деятельность не укладывается в метрики ресурсоотдачи (творцы, эмоционально нестабильные, социально уязвимые), рискуют маргинализироваться. Прогностически это ведёт к ещё более жёсткой стратификации общества, где гуманитарные и нравственные критерии вытесняются узким понятием эффективности. Практическая мера: добавить «коэффициент творчества и заботы» (Минэкономразвития РФ; гуманитарная польза) в методику энергоэффективности. Он учитывает вклад нестандартных групп в социальное благополучие. Такая корректировка препятствует чрезмерной дискриминации по узким метрикам.
5. «Гражданство по подписке» переводит гражданские права в категорию условных услуг. По данным раздела «Гражданство как подписка», индивид получает лишь базовый пакет социальных гарантий, а расширенные права активируются за «социальные баллы» или повышенный тариф. Алгоритмы периодически пересматривают статус гражданина и могут урезать его права при несоответствии требуемым нормам (например, коэффициенту экологической дисциплины). Методологически это иллюстрирует, как платформа способна превратить «право» в регулируемый сервис, подрывая фундаментальные принципы равенства и безусловной правовой защиты. Практическая мера: утвердить «Базовый реестр гражданских прав» (Минюст РФ + Совет Федерации). Он исключает отзыв фундаментальных свобод по рейтингу и сохраняет безусловное равенство. Это препятствует превращению базовых прав в услугу «по подписке».
6. Коммерциализация человеческой памяти создаёт новый рынок переживаний и подрывает целостность идентичности. Концепция «Обмен воспоминаниями как новая валюта» (см. соответствующий раздел) описывает механизмы торговли личными впечатлениями через специальные платформы, где уникальный опыт оценивается как коммерческий актив. С одной стороны, это формирует новые бизнес-модели в сфере нейроэкономики и даёт возможность монетизировать креативные аспекты жизни. С другой – такая товаризация памяти угрожает приватности и аутентичности «Я», когда переживания, ранее считавшиеся глубоко личными, становятся средством рыночного обмена. Практическая мера: лицензировать торговлю воспоминаниями (Роскомнадзор + Росздравнадзор; проверка добровольности). Сервис обязан верифицировать анонимность и осознанное согласие, сохраняя личную целостность. Такой подход не допускает злоупотреблений и подрыва идентичности.
7. Полная алгоритмизация экономических процессов несёт риск утраты человеческой субъектности и требует ценностных ограничений. Итоговый философско-социологический анализ (см. «Результаты и обсуждение») демонстрирует, что алгоритмические системы управления ресурсами, правами и человеческим поведением повышают экономическую эффективность, но могут сводить социальную жизнь к механике исполнения цифровых метрик. В подобных сценариях человеческий статус –

от собственности до эмоций – определяется алгоритмом, ослабляя традиционные источники свободы и достоинства. Прогностически это подчёркивает необходимость критического осмысления и установления пределов автоматизации, чтобы сохранить гуманистические ценности и защитить человека от тотальной алгоритмической рационализации. Практическая мера: учредить «Совет по технoгуманитарному балансу» (Общественная палата РФ + РАН). Он разрабатывает этические нормы для всех ИИ-систем, защищая человеческое достоинство от алгоритмического диктата. Такое взаимодействие обеспечивает баланс инноваций и гуманизма.

Литература

1. Горина, Т.С. Через философское образование к осознанию ответственности перед будущим / Т.С. Горина // *Logos et Praxis*. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 66–72.
2. Гусев, А.М. Российское образование (настоящее и будущее): социально-философский анализ / А.М. Гусев // *Философия образования*. – 2021. – Т. 21, № 1. – С. 68–86.
3. Гуц, А.К. Будущие физические теории содержатся в философских текстах / А.К. Гуц // *Математические структуры и моделирование*. – 2022. – № 3(63). – С. 93–96.
4. Кайгородова, Х.В. Цифровой человек будущего: философский аспект / Х.В. Кайгородова // *Наука в современном мире: приоритеты развития*. – 2020. – № 1(6). – С. 38–44.
5. Ли, Т. Философские размышления Ф.М. Достоевского и А.Д. Градовского об истории России и о будущем человечества / Т. Ли, С.К. Кудрин // *Журнал философских исследований*. – 2024. – Т. 10, № 4. – С. 3–11.
6. Макарьев, И.В. «Без прошлого нет будущего»: взаимосвязь прошлого и будущего как философская проблема / И.В. Макарьев // *Вестник Вятского государственного университета*. – 2024. – № 2(152). – С. 18–27.
7. Немцева, А.В. Философский взгляд на человека будущего в современной фантастике / А.В. Немцева, К.А. Белобородова // *Культура. Наука. Образование*. – 2022. – № 2(63). – С. 132–136.
8. Орлов, Е.В. Философский аспект предсказания будущего / Е.В. Орлов // *Журнал философских исследований*. – 2022. – Т. 8, № 1. – С. 19–22.
9. Павлушенко, М.И. Некоторые вопросы философского осмысления войн будущего / М.И. Павлушенко, О.В. Чичаева, Г.А. Шепилова // *Гуманитарный вестник Военной академии Ракетных войск стратегического назначения*. – 2021. – № 3(25). – С. 7–18.
10. Плюснин, Л.В. Экосистемная рациональность – философский дискурс мышления о современном мире и его будущем / Л.В. Плюснин, Г.И. Петрова // *Философская мысль*. – 2023. – № 8. – С. 27–40.
11. Шамякина, М.В. Образ будущего в философском аспекте / М.В. Шамякина // *Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки*. – 2021. – № 20–2. – С. 114–119.
12. Яковлев, В.А. Ментальность технократической культуры / В.А. Яковлев // *Метафизика*. – 2021. – № 1(39). – С. 109–118.

ECONOMY AND RESOURCES OF A TECHNOCRATIC FUTURE: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Tretyakov Ya.A.

National Association of Subsoil Users

This study presents a philosophical and sociological analysis of a possible technocratic future scenario in which algorithmic systems and artificial intelligence (AI) radically restructure the economic sphere and resource management. The aim is to reconstruct a hypothetical trajectory for the development of socio-economic relations under ubiquitous digitalization and algorithmic governance. The methodological foundation of this study rests on an interdisciplinary approach – drawing on social philosophy, futurology, and political theory – combined with analytic extrapolation, which identifies patterns in current technological and socioeconomic trends and projects them logically into the future. On this basis, a conceptual model is developed of a technocratic society in which artificial intelligence allocates global resources according to digital metrics of “contribution”; private property is transformed into platform-based usage rights; an individual’s “energy efficiency” becomes a measure of social ranking; civil rights shift to a subscription format; and human memory is commodified. The analysis shows that such a system can increase administrative efficiency but carries risks of depersonalization and heightened inequality, as human value is determined by algorithmic criteria and subjectivity yields to digital status. The study’s scientific novelty lies in formulating a comprehensive concept of a future “techno-economic order” where algorithmic rationalization permeates the foundations of ownership, resource distribution, and civic status. For the first time, vulnerabilities of the human condition – depersonalization, the transformation of rights into subscriptions, and the commercialization of memory – are systematically examined within a fully digital context and integrated into a unified model of technocratic society. The scenario is not presented as inexorable; rather, its critical analysis is vital for delineating the acceptable limits of automation and preserving humanistic values such as freedom, equality, and personal autonomy.

Keywords: technocratic future, algorithmic governance, artificial intelligence, resource distribution, private property, social rating, sharing economy.

References

1. Gorina, TS Through philosophical education to awareness of responsibility for the future / TS Gorina // *Logos et Praxis*. – 2024. – Vol. 23, № 4. – Pp. 66–72.
2. Gusev, AM Russian education (present and future): socio-philosophical analysis / AM Gusev // *Philosophy of education*. – 2021. – Vol. 21, № 1. – Pp. 68–86.
3. Guts, AK Future physical theories are contained in philosophical texts / AK Guts // *Mathematical structures and modeling*. – 2022. – № 3 (63). – Pp. 93–96.
4. Kaigorodova, HV Digital man of the future: philosophical aspect / HV Kaigorodova // *Science in the modern world: development priorities*. – 2020. – № 1 (6). – P. 38–44.
5. Lee, T. Philosophical reflections of F.M. Dostoevsky and A.D. Gradovsky on the history of Russia and the future of mankind / T. Lee, S.K. Kudrin // *Journal of Philosophical Research*. – 2024. – Vol. 10, № 4. – P. 3–11.
6. Makaryev, I. V. “No future without the past”: the relationship between the past and the future as a philosophical problem / I.V. Makaryev // *Bulletin of Vyatka State University*. – 2024. – № 2 (152). – P. 18–27.
7. Nemtseva, A.V. Philosophical view of the man of the future in modern science fiction / A.V. Nemtseva, K.A. Beloborodova // *Culture. Science. Education*. – 2022. – № 2 (63). – P. 132–136.
8. Orlov, E.V. Philosophical aspect of predicting the future / E.V. Orlov // *Journal of Philosophical Studies*. – 2022. – Vol. 8, № 1. – P. 19–22.
9. Pavlushenko, M.I. Some issues of philosophical understanding of the wars of the future / M.I. Pavlushenko, O.V. Chichaeva, G.A. Shepilova // *Humanitarian Bulletin of the Military Academy of the Strategic Missile Forces*. – 2021. – № 3 (25). – P. 7–18.
10. Plyusnin, L.V. Ecosystem rationality – a philosophical discourse of thinking about the modern world and its future / L.V. Plyusnin, G.I. Petrova // *Philosophical Thought*. – 2023. – № 8. – P. 27–40.
11. Shamyakin, M.V. The Image of the Future in the Philosophical Aspect / M.V. Shamyakin // *Scientific Works of the Republican Institute of Higher Education. Philosophical and Humanitarian Sciences*. – 2021. – № 20–2. – P. 114–119.
12. Yakovlev, V.A. Mentality of Technocratic Culture / V.A. Yakovlev // *Metaphysics*. – 2021. – № 1 (39). – P. 109–118.

Честнейшин Николай Васильевич,

канд. филос. наук, доцент кафедры философии и социологии,
Северный (Арктический) федеральный университет
им. М.В. Ломоносова
E-mail: n.chestnejshin@narfu.ru

Честнейшина Диана Анатольевна,

канд. филос. наук, доцент кафедры философии и социологии,
Северный (Арктический) федеральный университет
им. М.В. Ломоносова
E-mail: d.chestnejshina@narfu.ru

В статье выделяются основные этапы и ключевые особенности осмысления проблемы собственности у наиболее значимых представителей социальной философии русского консерватизма. Основные задачи: проследить динамику и выявить причины трансформации представлений о собственности в процессе развития социально-философской мысли русского консерватизма с начала XIX до сер. XX вв.; определить онтологические и аксиологические основания понимания собственности у отечественных консерваторов; выявить специфику осмысления права собственности в русском консерватизме в аспекте соотношения позитивного и естественного права. В работе показано как происходит трансформация консервативных представлений о праве собственности как позитивного, сословного, общинного права к универсальному естественному праву сочетающаяся с сохранением традиционных для консерватизма онтологических и аксиологических установок о духовно-нравственной природе права собственности.

Ключевые слова: собственность, консерватизм, либерализм, онтология, аксиология, позитивное право, естественное право.

Введение

Вопрос о собственности является одним из ведущих в социально-политической и философской мысли со времен античности. В рамках отечественной общественно-публицистической и исследовательской традиций данная проблема обсуждается преимущественно в контексте либеральной и социалистической парадигм, но за последние десятилетия существенно возрос интерес к русскому консерватизму, где также представления о собственности оказываются важной составляющей как идеологических, так и философско-мировоззренческих построений. Непреходящая актуальность этой темы связана во многом с тем, что «собственность — одно из тех понятий, посредством которых философская рефлексия не только смыкается с идеологией и политико-правовой мыслью, но и начинает влиять на формы и содержание самой социальной жизни» [2, с. 199].

Цель: выделить основные этапы и ключевые особенности осмысления проблемы собственности у наиболее значимых представителей социальной философии русского консерватизма.

Задачи: 1) проследить динамику и выявить причины трансформации представлений о собственности в процессе развития социально-философской мысли русского консерватизма с начала XIX до сер. XX вв.;

2) определить онтологические и аксиологические основания понимания собственности у отечественных консерваторов;

3) выявить специфику осмысления права собственности в русском консерватизме в аспекте соотношения позитивного и естественного права.

Материалы и методы

Источниковой базой работы послужили сочинения Н.М. Карамзина, славянофилов (И.В. Киреевского и Ю.Ф. Самарина), Л.А. Тихомирова и И.А. Ильина. Выбор данных мыслителей связан, во-первых, с тем, что каждый из них является одним из ведущих представителей консерватизма определенного этапа его развития, что позволяет проследить динамику представлений о собственности; во-вторых, в их трудах сочетаются элементы философской рефлексии с идеологической и практической направленностью мысли, что служит удобной базой для репрезентации и реконструкции консервативного подхода к феномену собственности. Методология статьи основывается на компаративном подходе с использованием принципов историзма, герменевтики и логико-контекстуальной реконструкции, что обусловлено необходимостью интерпретации консервативной мысли с учетом ее взаимодействия с альтернативными идеологиями и практиками, а также особенностями цивилизационного развития в конкретную эпоху.

Литературный обзор

За последние десятилетия благодаря возрастающему интересу к идейному наследию русского консерватизма появилось множество разнообразных исследований, посвященных идеологии и философии данного направления общественно-политической мысли, вместе с тем

наблюдается перевес в сторону анализа политических аспектов, тогда как другие и, в частности, экономические, правовые вопросы оказываются на периферии внимания исследователей. В частности проблема собственности традиционно оказывается предметом анализа в контексте либеральной и радикальных парадигм социальной философии. Тем не менее в последние годы появляются статьи анализирующие проблему собственности у отдельных представителей русского консерватизма, среди них можно выделить работы Демина И.В. [2] Занделова В.В. [3], Князева В.М. и Стожко В.П. [7], Некрасова С.Н. [8], Подольского В.А. [9] Вместе с тем работ представляющих исследование проблему собственности в русском консерватизме в целом или хотя бы на определенном этапе его развития явно не хватает.

Результаты и обсуждение

Н.М. Карамзин обращался к проблеме собственности в контексте вопроса о крепостном праве, происхождение которого он объяснял традиционным холопством и сложившимися социально-экономическими условиями на рубеже XVI–XVII столетий. При этом он подчеркивал, что крестьяне никогда не были собственниками земли, «которая есть законная, неотъемлемая собственность дворян» [5, с. 120]. Тем самым Карамзин отрицал естественный и всеобщий характер права собственности, более того он утверждал, что «в государственном общежитии право естественное уступает гражданскому», и только монарх в конечном счете определяет какие законы могут быть признаны вредными или полезными. Таким образом, русский историк вставал на защиту исключительного права дворянства касательно собственности на землю, важнейшим основанием которого он считал исторически сложившуюся и закреплённую позитивным правом сословную и поземельную форму отношений.

Специфика славянофильского понимания собственности была наиболее ярко была выражена И.В. Киреевским, который писал, что если «... все здание западной общественности стоит на развитии... личного права собственности, так что и самая личность... есть только выражение этого права собственности» [6; с. 112], то «в России... общество сложилось не из частных собственности, к которым приписывались лица, но из лиц, которым приписывалась собственность» [6; с. 113]. Не будем выяснять насколько это соотносится с реальной социальной и исторической действительностью, а обратим внимание на глубокую философскую мысль. Получается, что согласно Киреевскому дихотомический разрыв между Россией и Европой проходит по линии разного соотношения субстанции и свойства: что определяется субстанцией общественных отношений, а что есть лишь производное от этой субстанции и даже случайное. Поэтому у него получается, что на Западе субстанцией является право частной собственности, а личность есть лишь производное этого права, тогда как в России субстанция – сама личность, а право собственности – одно из свойств личности. Напрашивается аналогия со знаменитым вопросом Эриха Фромма «Иметь или быть», хоть и нарушающая историческую и идейную преемственность, но тем не менее в мысли Киреевского угадывается фроммовская идея о том, что бытие личности первично и ценностно более значимо по сравнению с тем, чем владеет эта личность и самой способностью обладания. Здесь же выражается онтологическое и аксиологическое превосходство конкретного бытия (личности) над абстрактной формой бытия (правом).

Важно отметить, что данная иерархия форм бытия вовсе не приводит Киреевского к правовому нигилиз-

му, как отмечает Анджей Валицкий «он выступал против “юридификации” общественных связей, но не считал закон как таковой прирожденным злом» [1; с. 58] Для Киреевского особенность русского права заключалась в том, что оно коренилось в обычаях и традициях и тем самым было подчинено нравственным и религиозным предписаниям. По его мнению, отечественные правовые нормы происходили «из бытового предания и из внутреннего убеждения», имея «характер более внутренней, чем внешней правды», предпочитая «святость предания логическому выводу; нравственность требования – внешней пользе» [6; с. 110]. Таким образом, Киреевский противопоставил органический характер почитаемых на Руси законов формально-договорному стилю римского и западноевропейского законодательства. Отсюда вытекало и его отношение к собственности, богатству как внешнему, нравственно нейтральному. «Русский человек, – писал Киреевский, – больше золотой парчи придворного уважал лохмотья юродивого» [6; с. 118]. Эта мысль вполне соответствует отношению к богатству в православной традиции. Богатство для православного мировоззрения не является самодовлеющей ценностью, а стремление к нему, во что бы то ни стало, выглядит показателем духовной нищеты и греха личности. Богатство может приобретать характер ценности, но не само по себе, а лишь как средство служения Добру, общественному благу, государству и народу, открывая для этого более широкие возможности. Но накопление его в ущерб другим этим мировоззрением отрицается, как и государственное устройство, предполагающее такой способ накопления.

Антибуржуазный характер представлений И.В. Киреевского также проявляется в том, что общинное владение землей он выводил из того, что община состоит из семей, а последняя из лиц способных возделывать землю, в свою очередь «право общины над землей ограничивается правом помещика или вотчинника, право помещика обуславливается его отношением к государству» [6, с. 112]. В этом же фрагменте проявляется понимание права собственности, прежде всего, как государственного установления. Главным отличием российского поземельного права от европейского Киреевский признавал, что это право связано со всей совокупностью общественных и нравственных отношений.

Представитель «младшего поколения» славянофилов Ю.Ф. Самарин обращался к проблеме собственности в контексте обсуждения крестьянского вопроса накануне Великих реформ. Одной из главных проблем он выделял право собственности крестьян на землю, поскольку в обществе укоренилось представление о том, что такое право может принадлежать исключительно князьям, дворянам и церкви. Самарин обращает внимание на происхождение крестьян, которые изначально были свободными общинниками и пользовались землей также как воздухом, светом или водой. Поэтому он подчеркивает «историческое право крестьян на владение землей» [10, с. 152], но разграничивает право владения и право собственности, где первое право крестьян, а второе – вотчинников. Отмена крепостного права должна превратить крестьян в полноправных собственников земли, при этом Самарин рекомендует сохранить общинное владение, полагая, что «мирское владение, если того потребует естественных ход экономического развития, легко перейдет в личное» [10, с. 171]. Таким образом, он не отрицает возможности формирования личной собственности крестьян, но требует придерживаться «разумного консерватизма», чтобы сохранить общину как «самородное начало», характеризуя личное владение как «разъедающую стихию». В этом проявля-

ется одна из важнейших ценностных установок славянофильства в рамках которой приоритет принадлежит общему, а конкретнее общинному началу общественной жизни.

В работах видного консерватора конца XIX – нач. XX столетий Л.А. Тихомирова обнаруживается определенный крен в сторону признания безусловного права частной собственности, но в то же время его идейный настрой вряд ли можно считать даже либерально консервативным поскольку он отвергает буржуазные принципы хозяйствования. Главным объектом критики у него становится социалистическая теория экономики в связи с тем, что, по его мнению, она не совместима с принципами свободного труда и частной собственности, тогда как с его точки зрения необходимо сочетать частную и коллективную формы собственности, основанные на свободе труда.

Сложным и запутанным остается вопрос о признании Тихомировым права собственности естественным правом. С одной стороны, он считает частную собственность неотъемлемым правом человека и даже утверждает, что «только незыблемость *личного* права делает прочным право *коллективное*» [11, с. 279]. С другой стороны, он дает такую общую формулу естественного права: «Сверхгосударственным правом человека можно определить его право на самостоятельное бытие, как существа нравственно-разумного» [12, с. 572]. Предварительно указывая, что именно от духовно-нравственного развития человека зависит реальный объем прав. Кроме того, перечисляя основные личные права, определяемые верховной властью государства, Тихомиров среди них называет и право собственности. Следовательно это право оказывается уже не естественным, а позитивным. В целом, в соответствии со смыслом правовой концепции, развиваемой в «Монархической государственности», права и свободы личности ставятся в зависимость от того, «насколько глубоко Верховная власть признает естественную свободу человека» [12, С. 573] поэтому Тихомиров весьма далек от либеральной идеи неотчуждаемости права собственности.

Гораздо в большей степени элементы либерального понимания права собственности можно обнаружить в философии И.А. Ильина, что не удивительно поскольку он являлся непосредственным учеником П.И. Новгородцева и сторонником его концепции «Возрожденного естественного права». Вместе с тем нельзя считать позицию Ильина либеральной, поскольку, признавая право частной собственности естественным и неотчуждаемым он дает религиозно-нравственное обоснование этого права. Поэтому следует признать, что именно «в общем русле мировой консервативной мысли Ильин защищает частную собственность как средство воспитания личности» [9, с. 191]

Ильин определял частную собственность как «*господство частного лица над вещью – господство полное, исключительное и прочно обеспеченное правом*» [4, с. 265]. Необходимость частной собственности он обосновывал исходя из признания, что человек от Бога и природы как существо телесно-душевно-духовное обладает индивидуальным способом бытия. При этом он отмечал, что индивидуальный способ бытия человека не исключает взаимодействия людей, более того он является основой всех социальных союзов. Поэтому «частная собственность, – пишет Ильин, – воспитывает человека к хозяйственной солидарности, не нарушающей хозяйственную свободу: ибо каждый собственник, богатея, обогащает и свое окружение, и самое народное хозяйство» [4, с. 279]. Такое понимание природы и значения частной собственности было прямо противопоставле-

но марксизму. Маркс утверждал, что труд выражает родовую сущность человека, а частная собственность на средства производства есть причина и следствие отчуждения человека, поэтому он приходил к выводу, что уничтожение частной собственности и обобществление средств производства должно привести к снятию отчуждения. В противовес марксистскому пониманию человека, труда и частной собственности, Ильин, полагал, что сущность человека заключена в его духовной природе, которая обуславливает его индивидуальный способ бытия, и, следовательно, уничтожение, частной собственности влечет за собой отчуждение человека, поскольку обобществление собственности и средств производства ведет к отрицанию «человеческого духа и особенно самодетельности и самоценности человеческой личности» [4, с. 259]. В связи с этим Ильин находил выход в возможности «...сочетать строй частной собственности с «социальным» настроением души: свободное хозяйство с организованной братской справедливостью» [4, с. 277].

Заключение

В целом, можно заметить, что прослеживается следующая динамика в трансформации представлений о праве собственности у отечественных консерваторов, во-первых, – от партикулярного (сословного) до универсального (всеобщего) права, во-вторых – от позитивного до естественного права, в-третьих – смещение акцента с коллективного (общинного права) к праву частной собственности. Такая трансформация обусловлена по всей видимости тем, что на первых этапах главным объектом критики русских консерваторов были буржуазно-либеральная идеология и практика европейских стран, тогда как с конца XIX в. основным предметом полемики становится социалистическая идеология, а затем (после 1917 г.) и соответствующая практика. При этом сохраняется фундаментальное представление об онтологическом и аксиологическом основании права собственности. Этим основанием признается духовно-нравственное бытие личности.

Литература

1. Валицкий А. Философия права русского либерализма. М.: Мысль, 2012. 567 с.
2. Демин И.В. Вопрос о собственности в русской философско-правовой мысли первой трети XX В. (С.Л. Франк и Н.Н. Алексеев) // Философия хозяйства. 2022. № 1 (139). С. 189–211.
3. Занделов В.В. Частная собственность как форма «своего» у И.А. Ильина // Сознание у водоразделов культуры: Своё и Чужое: сборник научных статей. Мурманск: МАГУ, 2023. С. 28–31.
4. Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1. М.: Русская книга, 1996. С. 38–282.
5. Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: Н.М. Карамзин / Под ред. А.А. Ширинянца. М.: Издатель Воробьев А.В., 2001. С. 80–145.
6. Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Киреевский И.В., Киреевский П.В. Полное собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. Философские и историко-публицистические работы. Калуга: ИПЦ «Гриф», 2006. С. 71–126.

7. Князев В.М., Стожко В.П. И.А. Ильин о собственности: философия хозяйства // Аксиология русского гуманизма: История. Философия. Культура. Экономика. Право. Сборник научных статей. Екатеринбург: ООО «Изд-во УМЦ УПИ», 2023. С. 15–21.
8. Некрасов С.Н. Иван Ильин против Карла Маркса: обоснование права частной собственности // Мировая наука: проблема и инновации. Сборник статей LXXIX Международной научно-практической конференции. Пенза: ООО «Наука и Просвещение», 2024. С. 128–133.
9. Подольский В.А. Социальная политика в консервативном политико-философском наследии Российской империи // Тетради по консерватизму. 2022. № 2. С. 185–197.
10. Самарин Ю.Ф. Четыре записки по крестьянскому делу // Сочинения Ю.Ф. Самарина. Т. 2. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1878. С. 137–190.
11. Тихомиров Л.А. Заслуги и ошибки социализма // Тихомиров Л.А. Критика демократии. Статьи из журнала «Русское обозрение» 1892–1897 гг. М.: «Москва», 1997. С. 267–282.
12. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998. 672 с.

THE PROBLEM OF PROPERTY IN THE SOCIAL PHILOSOPHY OF RUSSIAN CONSERVATISM

Chestneyshin N., Chestneyshina D.

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

The article identifies the main stages and key features of understanding the problem of property in the most important representatives of social philosophy of Russian conservatism. The main tasks: to trace the dynamics and find out the reasons for the transformation of ideas about property in the process of development of social and philosophical thought of Russian conservatism from the beginning of the 19th to the middle of the 20th centuries; to determine the ontological and axiological bases of understanding of property in Russian conservatives; to find out the specifics of understanding of property rights in Russian conservatism in the aspect of the correlation between positive and natural rights. The paper shows how the transformation of conservative ideas about the right of property as a positive, social estate, communal right to the universal natural right occurs, combined with the preservation of ontological and axi-

ological attitudes traditional for conservatism about the spiritual and moral nature of the right of property.

Keywords: property, conservatism, liberalism, ontology, axiology, positive right, natural right.

References

1. Valitsky A. Philosophy of Law of Russian Liberalism. M.: Mysl, 2012. 567 p.
2. Demin I.V. The question of property in Russian philosophical and legal thought of the first third of the XX century (S.L. Frank and N.N. Alekseev) // Philosophy of Economy. 2022. № 1 (139). P. 189–211.
3. Zandelov V.V. Private property as a form of 'own' in I.A. Ilyin // Consciousness at the watersheds of culture: The Own and the Alien: a collection of scientific articles. Murmansk: MAGU, 2023. P. 28–31.
4. Ilyin I.A. Way of spiritual renewal // Ilyin I.A. Collected Works: In 10 vol. T. 1. M.: Russian Book, 1996. P. 38–282.
5. Karamzin, N.M. On ancient and new Russia in its political and civil relations // Russian socio-political thought of the XIX – early XX century: N.M. Karamzin / Edited by A.A. Shirinyanets. Moscow: Vorobyov A.V. Publisher, 2001. P. 80–145.
6. Kireevsky I.V. On the nature of the enlightenment of Europe and its relation to the enlightenment of Russia // Kireevsky I.V., Kireevsky P.V. Complete Works: in 4 vols. Vol. 1. Philosophical and historical-publicistic works. Kaluga: IPC 'Grif', 2006. P. 71–126.
7. Knyazev V.M., Stozhko V.P. I.A. Ilyin about property: philosophy of economy // Axiology of Russian humanism: History. Philosophy. Culture. Economics. Law. Collection of scientific articles. Ekaterinburg: LLC 'Izd-vo UMC UPI', 2023. P. 15–21.
8. Nekrasov S.N. Ivan Ilyin vs. Karl Marx: justification of the right of private property // World science: problem and innovation. Collection of articles LXXIX International scientific-practical conference. Penza: ООО 'Nauka i Prosveshchenie', 2024. P. 128–133.
9. Podolsky V.A. Social policy in the conservative political-philosophical heritage of the Russian Empire // Notebook on conservatism. 2022. № 2. C. 185–197.
10. Samarina Y.F. Four notes on the peasant case // Works by Y.F. Samarina. T. 2. M.: Tip. A.I. Mamontov and Co, 1878. P. 137–190.
11. Tikhomirov L.A. Merits and errors of socialism // Tikhomirov L.A. Criticism of Democracy. Articles from the journal 'Russian Review' 1892–1897. M., 1997. P. 267–282.
12. Tikhomirov L.A. Monarchical Statehood. M.: GUP 'Obfizdat', LLP 'Alir', 1998. 672 p.

Кратко о «платоническом» и «перипатетическом» в томистской философской методологии

Аторин Роман Юрьевич,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Государственного университета управления
E-mail: romanos-85@yandex.ru

Томазо де Аквино, или Фома Аквинский (1225–1274) – представитель доминиканского ордена, один из крупнейших мыслителей Средневековья. Объектами его философских изысканий являлись естественная теология, онтология и гносеология, космология, натурфилософия, метафизика. Аквинат в своей методологии во многом ориентировался на интеллектуальные достижения Аристотеля и Блаженного Августина (а последний находился под влиянием неоплатонизма). Соотношение в философии Фомы двух методологий и есть предмет исследования статьи.

Ключевые слова: перипатетизм, платонизм, томизм, философская методология, высокая схоластика, рациональная теология, естественное богопознание.

800-летию Фомы Аквинского

На формирование воззрений Фомы Аквинского оказало влияние то, что можно было бы назвать «христианский аристотелизм», то есть представление христианского вероучения через призму аристотелевской философии, что являлось научно-методологической основой высокой схоластики, так как западное христианство ощутило необходимость рационального истолкования собственных положений, и аристотелевские аналитические приёмы оказались для этого весьма подходящими. На смену августинианских преобладаний в теологии пришли тенденции, когда догма требовала точной формулы, а не пространного возвышенного богословия. Формула ищет основания в разуме, а «Аристотелевская философия с её ясными, чёткими понятиями гораздо больше подходила для доктринальной передачи христианского комплекса истин, чем платоновский способ мышления, который был характерен для поэзии и менее скован схоластическими формами» [6, с. 160].

Отныне недостаточно простое некритическое принятие догмы запечатлённой в Символе Веры, подкреплённой святостью предания, богословским авторитетом и пр. Средневековый учёный-теолог, с одной стороны, как человек религиозный, принимал догматическую формулу в качестве начала истины веры, которая одновременно становилась аксиомой его науки. С другой – теолог, реализуя просветительскую функцию, берёт на себя ответственность объяснить догму, и довести её до умов обучающихся настолько, насколько это позволяет инструментарий аналитической философии. Стремление к удовлетворению интеллектуальных потребностей способствовало развитию естественной теологии – области богопознания в пределах только разума. Отсюда особое внимание уделяется разработке теории аргументации, требованию чётких доказательств по правилам мышления, их систематическое изложение, дефинитивность, углубление в общетеоретическую исследовательскую методологию – что, несомненно, обогащало средневековую науку.

Однако в отношении Средневековья также можно встретить далеко нелестные мнения. Иногда схоластика ассоциируется с окаменелой доктриной, церковным авторитаризмом, клерикализмом, догматизмом, профессиональной монополией на истину, безжизненным формализмом и компилятивностью, отсутствием критического мышления и подобным им тенденциям, яко бы подавляющим интеллектуальное творческое начало, так необходимое для развития научного знания. Нечто из вышеперечисленного встречается и в современной литературе. Например, такие высказывания: «схоластика <...> оправдывала и утверждала средневековое социальное неравенство, <...>, провозглашала нетерпимость к любому инакомыслию, разжигала религиозный фанатизм» [10, с. 75]. Мы оставим в стороне критический анализ приведённых положений, (весьма дискуссионных), создающих неприглядный образ эпохи, и отнесём это к теме последующих исследований, учитывая, что ранее об этом нами было уже написано [3, с. 121–125, 138–139, 142], и ограничимся кратким изложением собственного

видения места и значения схоластики в истории философской мысли.

Оформление христианского вероучения в понятиях и категориях философии, а также его последующее вхождение в историческое русло мировой человеческой мысли дало мощный импульс к развитию рационализма, логики, диалектики и методологии научного исследования в зародившихся под эгидой церкви средневековых европейских университетах [9, с. 34–50]. *Не случайно такие вечные вопросы философии, как проблема универсалий, сущности и существования, единичности и множественности, – решались в контексте рефлексии самых рационально непостижимых, а подчас логически парадоксальных [14] догматов христианства [15; 16], что, естественным образом, только обогащало теорию познания, ибо «всё необыкновенное привлекает к себе внимание ума» [8, с. 1], а христианское откровение и стало тем самым «необыкновенным», которое предстояло осмыслить передовым умам той эпохи.*

Творчество Фомы Аквинского прочно ассоциируется с наследием Аристотеля, однако перипатетизм не является единственной методологической основой его философствования. Очевидно, что Фома, в ходе исследования той или иной проблемы, предпочтительно апеллирует к Аристотелю, научный авторитет которого для Аквината остаётся непререкаемым. Однако это не мешает ему также весьма часто ссылаться на блаженного Августина, что даёт основания говорить о влиянии на томистские выводы платонизма. Например: «Сама благодать Божья предшествует творению как цель и первое побуждение к творению: Августин говорит об этом: «Мы существуем, потому что Бог благ» [17, с. 106–107]. Для Августина, по его собственному высказыванию, «Платон имел такой образ мыслей о Боге, который они (платоники – Р. А.), находят очень близким к нашей религии» [5, с. 21]. Аквинат уделяет немало внимания рассуждениям о высшем благе, и в этих рассуждениях, обращаясь к Августину, явно присутствуют ноты Платона и это неудивительно, так как именно в неоплатонизме, приверженцем которого является Августин, концепция блага является наиболее глубоко и последовательно проработанной, что не могло не отобразиться в текстах самого Фомы, например: «<...> целью Божией воли может быть только Божья благодать <...>: Богу не нужно приводить свою цель в бытие, [реализовать её], ведь Божья благодать вечна и неизменна <...>» [17, с. 149]. Таким образом, в размышлениях «ангельского доктора» о вечной сущности Бога нетрудно увидеть нечто, весьма приближённое к платоновской созерцательности, тем более в разрешении проблемы универсалий Аквинат говорит об идеях, как «образцах» мыслимых Богом, объективно независимых от вещей, что полностью соответствует атрибуции платоновских эйдосов [13, с. 159]. Более того, платоновскую метафизику нельзя считать недооценённой и самим Аристотелем. Последний ни в коем случае не поднимал проблему избавления от объективно-идеального и не покушался на его онтологический статус, ибо понимал, что соответственно здравому смыслу, вычеркнуть из процесса философствования пропитанную теологией онтологию Платона, и особенно его первый «εἶδος» – Бога, так глубоко и пронизательно им обоснованного [1, с. 254–272] – невозможно. Однако, с другой стороны, не отрицая удивления [2, с. 69], как начала философии, природа *ratio* хочет анализа, и требует своего законного права на исследование, обоснование, уточнение, отделение главного от второстепенного, систематизацию всего прочего, составляющего методологическую основу научно-теоретического исследования. Аристотель не мог игнорировать эти требования, и соответственно

тому же здравому смыслу, «всего лишь» задался вопросом о способе существования «εἶδος» в вещах и мыслительных способах их постижения, о чём нами было более подробно исследовано ранее [4, с. 118–125].

Не лишним будет напомнить о влиянии на Платона учения Парменида. Влияние последнего на метафизику сложно переоценить. Интересно, что в составлении онтологического определения, отображающего нечто, касательно божественной природы, Фома Аквинский приближен к парменидовскому Сущему: «длительность Бога, то есть вечность, не имеет частей: она абсолютно проста и в ней нет ни «прежде», ни «после», так как Бог неизменен» [17, с. 147]. Процитированная нами аквиновская фраза практически идентична по смыслу с характеристикой идеи Сущего, изложенной родоначальником досократовской онтологии: «как нерождённое существующее является и неумирающим, потому что оно цельное, непоколебимое и нескончаемое» [11, с. 180].

Итак, «самостоятельный, глубоко продуманный синтез Аристотеля и Августина» [7, с. 144], а, если быть более последовательным – органическое сочетание двух мыслительных традиций античности: перипатетической и платонической – способствовало формированию, *идеальных* представлений о божественном универсуме, сущем, вселенной, мире в философии Фомы. Нельзя также не упомянуть о влиянии на мысль Фомы политических взглядов его учителя – Альберта Великого [12, с. 72–96].

Важно также подчеркнуть, что бытие Бога Фомой Аквинским не только признаётся, как религиозным человеком, в качестве предмета веры, объекта поклонения или мистического откровения, но также выводится как учёным-теологом с помощью естественных способностей разума, в качестве необходимости и представляется закономерным итогом философской рефлексии. Этим Фома продемонстрировал единство веры и разума. Что касается последнего, то именно исходя из позиций *ratio* Аристотель в «Метафизике» ставит теологию вершиной всех наук, так как философское исследование законов природы неизбежно направляет ум к источнику их происхождения – первой неподвижной Сущности, божественному Перводвигателю, с необходимо присущими ему атрибутами мышления и личности, в существовании которого возможно убедиться путём несложных умозаключений. Например, физическое движение вещей может быть обусловлено только метафизическим Перводвигателем, которого логично предположить Богом; причинность вещей предполагает наличие первой причины, которой может быть только Бог и пр. Поэтому, Аристотель, определяя ценность иерархию наук, пишет: «Бог, по общему мнению (Курсив мой. – Р. А.), принадлежит к причинам и есть некое начало, и такая наука могла бы быть или только или больше всего у Бога» [2, с. 69]. Фома Аквинский уточняет, что «исследованием начала всех вещей надлежит заниматься не натурфилософу, а первому философу (теологу – Р. А.), который рассматривает сущее вообще (если, условно говоря, этот теолог – «платоник» – Р. А.), и то, что отделено от движения (если «перипатетик» – Р. А.)» [17, с. 17]. Кратко также отметим, что знание о Боге, как это предполагалось средневековой теологической наукой, можно получить двояким образом: религиозным (теология откровения) и посредством научно-теоретических изысканий (естественная теология). Откровенная теология, начиная с первых страниц книги Бытия, постулирует Бога как творца и управителя мира. В естественной теологии к этому же выводу исследователь приходит через умственное рассмотрение свойств и закономерностей природы вещей, так как очевидно, что «философская наука,

которая изучает творения сами по себе, а от них переходит к изучению Бога, начинается с рассмотрения творений и заканчивается рассмотрением Бога» [17, с. 159].

Достижения Фомы Аквинского в области естественной теологии всегда вызывали особый научный интерес, и Аквинат больше всего известен как разработчик и систематизатор пяти логических аргументов, т.н. «пяти путей», представляющих собою умозрительные доводы в пользу бытия высшей Сущности, которой может быть только Бог, являющийся началом всего существующего. Пять классических доказательств бытия Бога Фомы Аквинского вошли в золотой фонд философской мысли.

Литература

1. Антология мировой философии: Античность. – Мн.: Харвест, М.: ООО «Издательство АСТ», 2001.
2. Аристотель. Метафизика I. 2. 982b. 10–20 // Сочинения в четырёх томах. Т. 1. Ред. В.Ф. Асмус. – М.: «Мысль», 1976.
3. Аторин Р.Ю. Западноевропейская средневековая философия: к вопросу об истине и авторитете, оригинальности и заимствованиях // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 12. – С. 234–238.; Философия науки на пути к цифровой постнеклассике: монография / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Государственный университет управления; науч. ред.: М.Ю. Захаров, И.Е. Старовойтова. – Москва: ГУУ, 2025. – С. 121–125, 138–139, 142.
4. Аторин Р.Ю., Васильченко М.А. «ΕΙΔΟΣ»: от Платона к Аристотелю // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 1. – С. 118–125; Актуальные проблемы философии науки. Часть 1. Историко-методологические аспекты: учебное пособие для обучающихся всех научных специальностей программ подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре: Рекомендовано Учёным советом ГУУ / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Государственный университет управления, Институт управления персоналом, социальных и бизнес-коммуникаций; под ред. М.Ю. Захарова, И.Е. Старовойтовой. – М.: ГУУ, 2025. – С. 56–78, 102–103.
5. Блаженный Августин. О граде Божием (в двадцати двух книгах). Том III. Книги 8–13. – М., Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. Москва, 1994. – С. 21. (Репринтное воспроизведение издания: Киев, Тип. И.И. Горбунова, Крещ., д. Дегтерева, № 38-й. 1985.).
6. Грабман М. История схоластического метода: Первый том: Схоластический метод от первых истоков в святоотеческой литературе до начала XII века. 1957 / Мартин Грабман. – [б.м.]: Издательские решения, 2024.
7. Грабманн М. Введение в «Сумму теологии» св. Фомы Аквинского / пер. с нем. А.В. Аполлонова. – М.: Сигнум Веритатис, 2007.
8. Джевонс У.С. Основы науки: трактат о логике и научном методе. / пер. с англ. Изд. стереотип. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2024.
9. Марков А.В. Европейская классическая философия / А.В. Марков. – М.: Издательство АСТ, 2019.
10. Параллели и меридианы истории: учебное пособие / М.Н. Рыбина, А.А. Колчин. – М.: Русайнс, 2025.
11. Парменид. «О природе» // Цит. по: Рохмистров В.Г. Парменид. «О природе»: Философское прочтение. – СПб.: Изд-во РХГА, 2021.
12. Пьерпаули Х.П. Политическая философия Фомы Аквинского: пересмотр доктрины *Deregn* с точки зрения Альберта Великого. *Lex Humana* (на испанском). 8 (2). Католический университет Петрополиса, 2016.
13. Тарнас Р. История западного мышления / Пер. с английского Т.А. Азаркович. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1995. – С. 159.
14. Тертуллиан. Избранные сочинения: Пер. с лат. / Общ. ред. и сост. А.А. Столярова. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Культура», 1994. – 448 с.
15. Фома Аквинский. Комментарий к трактату Бозция «О Троице»: Билингва латинско-русский / пер. с лат., вступ. ст. и коммент. А.В. Аполлонова. Изд. стереотип. – М.: ЛЕНАНД, 2019. – 344 с.
16. Фома Аквинский. О Сущем и сущности // Сочинения: Билингва латинско-русский / сост., пер. с лат., ввод ст. и коммент. А.В. Аполлонова. Изд. 8-е. – М.: ЛЕНАНД, 2021. – 264 с.
17. Фома Аквинский. Сумма против язычников. Книга II. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2004.

BRIEFLY ABOUT THE “PLATONIC” AND “PERIPATETIC” IN THOMIST PHILOSOPHICAL METHODOLOGY

Atorin R.Yu.

State University of Management

The 800th anniversary of Thomas Aquinas

Tomaso de Aquino, or Thomas Aquinas (1225–1274), was a representative of the Dominican Order and one of the greatest thinkers of the Middle Ages. The objects of his philosophical research were natural theology, ontology and epistemology, cosmology, natural philosophy, and metaphysics. Aquinas in his methodology was largely guided by the intellectual achievements of Aristotle and St. Augustine (and the latter was influenced by Neoplatonism). The correlation of the two methodologies in Thomas' philosophy is the subject of this article.

Keywords: peripatetism, platonism, thomism, philosophical methodology, high scholasticism, rational theology, natural knowledge of God.

References

1. Anthology of World Philosophy: Antiquity. – Mn.: Harvest, Moscow: AST Publishing House, 2001.
2. Aristotle. *Metaphysics* I. 2. 982b. 10–20 // *Works in four volumes*. Vol. 1. Edited by V.F. Asmus. – M.: “Mysl”, 1976.
3. Atorin R.Y. Western European medieval philosophy: on the question of truth and authority, originality and borrowings // *Socio-humanitarian knowledge*. 2024. № 12. – pp. 234–238.; *Philosophy of Science on the way to digital postnonclassics: a monograph* / Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, State University of Management; scientific editors: M. Yu. Zakharov, I.E. Starovoitova. Moscow: GUU, 2025. pp. 121–125, 138–139, 142.
4. Atorin R. Yu., Vasilchenko M.A. “ΕΙΔΟΣ”: from Plato to Aristotle // *Electronic scientific journal “Science. Society. The state.”* 2025. Vol. 13, № 1. – pp. 118–125.; *Actual problems of philosophy of science. Part 1. Historical and methodological aspects: a textbook for students of all scientific specialties of postgraduate training programs for scientific and scientific-pedagogical personnel: Recommended by the Academic Council of GUU* / Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, State University of Management, Institute of Personnel Management, Social and Business Communications; edited by M. Yu. Zakharova, I.E. Starovoitova. Moscow: GUU, 2025. pp. 56–78, 102–103.
5. Blessed Augustine. *About the city of God* (in twenty-two books). Volume III. Books 8–13. Moscow, Publishing House of the Spaso-Preobrazhensky Valaam Monastery. Moscow, 1994. – p. 21. (Reprint reproduction of the edition: Kiev, Type. I.I. Gorbunov, Kresh., D. Degtereva, № 38. 1985.)

6. Grabman M. The History of the Scholastic Method: The First Volume: The scholastic method from its first origins in patristic literature to the beginning of the 12th century. 1957 / Martin Grabman. – [B. M.]: Publishing Solutions, 2024.
7. Grabmann M. Introduction to the "Sum of theology" by St. Thomas Aquinas / Translated from German by A.V. Apollonov. Moscow: Signum Veritatis, 2007.
8. Jevons, U.S. Fundamentals of Science: a treatise on Logic and Scientific method. Translated from the English Stereotype Publishing House, Moscow: LIBROCOM Book House, 2024.
9. Markov A.V. European Classical Philosophy / A.V. Markov, Moscow: AST Publishing House, 2019.
10. Parallels and meridians of history: a textbook / M.N. Rybina, A.A. Kolchin. Moscow: RUSAINS, 2025.
11. Parmenides. "About nature" // Cit. by: Rokhmistrov V.G. Parmenides. "About Nature": A philosophical reading. – St. Petersburg: Publishing House of the Russian Academy of Fine Arts, 2021.
12. Pierpauli H.P. The political philosophy of Thomas Aquinas: a revision of the doctrine of Deregno from the point of view of Albert the Great. Lex Humana (in Spanish). 8 (2). Catholic University of Petropolis, 2016.
13. Tarnas R. The History of Western Thinking / Translated from English by T.A. Azarkovich. Moscow: CROWN PRESS, 1995. – p. 159.
14. Tertullian. Selected works: Translated from Latin. / General ed. and comp. by A.A. Stolyarov. Moscow: Progress Publishing Group, Kultura, 1994. 448 p.
15. Thomas Aquinas. Commentary on Boethius' treatise "On the Trinity": Latin-Russian Bilingualism / Translated from Latin, intro. and commentary by A.V. Apollonov. Stereotype publishing house. Moscow: LENAND, 2019. – 344 p.
16. Thomas Aquinas. About Existence and essence // Essays: Latin-Russian bilingualism / Comp., translated from Latin, introduction and commentary by A.V. Apollonov. Ed. 8-E. – M.: LENAND, 2021. – 264 p.
17. Thomas Aquinas. The sum against the pagans. Book II. Moscow: Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas, 2004.

Концепция Третьего Завета Д.С. Мережковского и образ Новой эпохи в Живой Этике: параллели и особенности

Виноградова Валентина Владимировна,

аспирант кафедры философии, МПГУ; научный сотрудник
Международного центра Рерихов
E-mail: valentina.v.vinogradova@yandex.ru

В статье рассмотрены параллели между концепцией Третьего Завета Д.С. Мережковского, связанной с раскрытием в человеке и мире третьей ипостаси Троицы – Святого Духа и образом Новой эпохи в философии космической реальности Живой Этики. Обе философские парадигмы восходят к троичному культурному идеалу, введенному в пространство русской культуры и философии Преподобным Сергием Радонежским. Эпоха Святого Духа осмысливается в концепции Мережковского, как воплощение единства материального и духовного в человеке и мире, понятие Святого Духа в Живой Этике рассмотрено с позиции современной науки, как реализация духовно-энергетического потенциала человека. Обе концепции имеют ряд сходных особенностей, связанных с теорией русского космизма, в которой человек является частью Космоса, объектом и субъектом эволюционного процесса.

Ключевые слова: Троица, русский космизм, троичный культурный идеал, Мережковский, Рерих, красота, творчество, теургия, русская духовная традиция, всеединство, русская культура, русская философия, Живая Этика, Духовная революция.

Начало XX века, Серебряный век или Духовная революция в России, ознаменованы формированием в недрах русской духовной традиции, базирующейся на христианском миропонимании философии русского космизма. Сохраняя связь с предшествующим культурно-историческим опытом, прежде всего, троичным культурным идеалом, возникновение которого в пространстве русской культуры связано с общественно-просветительской деятельностью Преподобного Сергия Радонежского и основанной им в XIV веке Троице-Сергиевой лавры, она расширила границы догматического миропонимания, осмыслила религиозные концепции творчески, в контексте современных научных открытий. Н.А. Бердяев, оценивая задачи, которые решали представители русского космизма, отмечал в работе «Новое христианство»: «Для этого типа характерна не жажда возврата в материнское лоно Церкви, к древним преданиям, а искание новых откровений, обращение вперед» [1]. Философ русского космизма Д.С. Мережковский говорит о своем «споре с христианством», «будущей критике христианства», при этом мыслитель не противоречит христианской концепции, отмечая, что «Христос не нарушил, а исполнил закон. И Дух не нарушит, а исполнит христианство» [3]. В основе новых идей и концепций русского космизма лежало осмысление догмата Троицы, как философского понятия – онтологического и гносеологического: Троица выступает как образ Мироздания, самого человека, как его подобия, микрокосма, как принцип духовного и социального развития человечества.

Наступающая эпоха называется рядом философов, среди которых П. Флоренский, Вл. Соловьев, Д. Мережковский и другие временем раскрытия и в мире третьей ипостаси Троицы – Святого Духа. В письме В. Розанову Вл. Соловьев пишет: «Исповедуемая мною религия Св. Духа шире и вместе с тем содержательнее всех отдельных религий: она не есть ни сумма, ни экстракт из них, как целый человек не есть ни сумма, ни экстракт своих отдельных органов» [5, с. 337]. Фактически идея Вл.С. Соловьева о всеединстве, как третьем этапе духовного и общественного существования человечества и связанный с этим образ человека новой эпохи – Богочеловека – есть полная и совершенная реализация в мире третьей ипостаси Троицы – Св. Духа. Следует отметить, что в святоотеческой литературе осмысление третьей ипостаси Троицы, в отличие от первой и второй (Отца и Сына) реализовано в недостаточной степени. Об этом пишет П.А. Флоренский, однако отмечает, что еще Григорий Богослов в своих «Догматических поэмах» говорит о постепенном откровении Триипостасного божества: «сначала открывается Бог Отец, затем Сын и, наконец, Утешитель – Дух Святой» [16]. Д.С. Мережковский в большой степени восполняет этот пробел в философском познании, философия космической реальности Живая Этика, в свою очередь, дает подробный и всесторонний анализ этого понятия с научно-философской точки зрения.

Концепция Третьего Завета Д.С. Мережковского является наиболее системной и интересной в ряду подобных идей русского космизма. Она восходит к учению

Иоанна Флорского, итальянского богослова XIII века, согласно которому трем лицам христианской Троицы соответствуют три периода в истории человечества. Последний он называет царством Святого Духа или Вечным заветом, причем по его представлениям, это время уже наступило в 1260 году, согласно откровению Иоанна Богослова. В царстве Духа Святого писаное Евангелие (Евангелие буквы) упразднится, чтобы дать место Евангелию Духа, при этом под последним он понимает высший, духовный смысл того же Евангелия Христа. Но несмотря на наличие очевидных параллелей между мыслителем XIII и начала XX века, в концепции Мережковского очевидна самостоятельность мысли и осмысление этой идеи в контексте процессов его времени, в том числе обеих революций – социальной и Духовной, которые он считал частями единого объективного исторического и метаисторического процессов в России и мире.

Мережковский отмечает, что христианская святость отделена от мира и даже противоположна ему, в этом кроется причина духовного кризиса современного человечества, неразрешимого до сих пор противоречия между цивилизацией (как воплощением материального начала) и культурой (как воплощением идеального или духовного). Этот раскол в сознании и бытии человека, по Мережковскому, связан с тем, что христианство не приемлет плоть (тайна одного), за которым должно последовать священное соединение двух начал – мужского и женского (тайна двух) и, наконец, множественность или общность (тайна трех): возникает разделение, а затем противопоставление завета Отца и Сына. Между тем, путь, указанный Христом – это одухотворение материи, единство земного и небесного через преображение земного, органическое соединение человечества в духе и любви: «Откровение любви Христовой и есть откровение об этом законе сверхорганического мирового развития. От Богочеловека к богочеловечеству – таков путь, указанный Христом» [3]. Это противоречие между двумя заветами должно найти своей разрешение в Третьем Завете – завете Святого Духа – это «завет Свободы вослед заветам Закона и Благодати» [4]. Концепция Мережковского имеет очевидную параллель и с идеями Бердяева, также говорившего о трех периодах бытия человечества в соответствии с раскрытием ипостасей Троицы: откровение закона (Отца), откровение искупления (Сына) и, наконец, откровение творчества (Духа): «Творчество – последнее откровение Св. Троицы, антропологическое ее откровение» [2]. Теургия, теургическое творчество – это творчество в сотрудничестве и взаимоделии с Высшим, «совместное с Богом действие», человек становится Богочеловеком, продолжающим «дело Божьего творения», творящим «Космическую Красоту». В этом, по Бердяеву, и состоит высшая цель человеческого существования и смысл истории, как торжество свободного творящего духа в несвободном, объективированном, мертвом мире, это переход из «вражды мира в космическую любовь», т.е. победа над низшей природой человека – победа над невежеством, разъединением, смертью [2]. Все перечисленные концепции (включая славянофилов, Федорова, Флорского, Соловьева, Бердяева, Мережковского, Рерихов и других) при существующих внешних противоречиях содержат в своей основе глубокое и всестороннее осмысление понятия Троицы и единый источник, восходящий ко времени Преподобного Сергия Радонежского и его знаменитому девизу: «взиранием на Святую Троицу побеждать страх ненавистной розни мира сего». Троичный культурный идеал, положенный Преподобным Сергием в основу русского самосознания, определил культурно-исторический вектор русского народа, его нравствен-

ные ориентиры, особенности философии и ее контекст, этико-эстетические особенности русской культуры. Под «взиранием» нужно понимать не отвлеченное созерцание, а умопостижение, осмысление, реальный акт познания, не только гносеологический, но онтологический, как понимал его П.А. Флоренский, т.е. «вхождение познаваемого в познающего», «единение познающего и познаваемого» и тем самым сущностное, качественное изменение познающего [16].

Еще одно ключевое определение Третьего Завета или эпохи Святого Духа Муха – «эпоха Матери»: «...глубока любовь Отца, а любовь Сына глубже; глубока любовь Сына, а еще глубже любовь Матери. Отец не спас, Сын не спасет – спасет Мать» [4]. Понятие Матери у Мережковского равнозначно Любви, это Дух-Мать, которая устраняет противопоставление Отца и Сына, т.е. земного и небесного, плоть сочетается с Духом, тем самым устраняется извечный дуализм двух начал. Понятие Духа-Матери созвучно представлению Вл. Соловьева о Святой Софии: Софию Соловьев также осмысляет как единство идеального и материального, одухотворение материи и преображение человека (здесь уместно вспомнить и о традиции исихазма, обожения, связанной в русской духовной традиции с Преподобным Сергием Радонежским). София – это Душа мира, воплощение Высшего замысла о мире и человеке, она реализуется через претворение первоначального хаоса Мироздания в Красоту, т.е. реальное, проявленное единство, София – это образ Любви, связывающей все вещи друг с другом и в Боге. Близки или почти тождественны понятия у Соловьева понятия Софии и Вечной Женственности, как космогонического начала Вселенной, вдохновительницы творчества человека, проявленной в достижениях человеческой культуры.

Мережковский проводит параллель между откровением Святого Духа и явлением Вечной Женственности – и то, и другое есть осуществление единства земного и небесного, переход человечества к своему богочеловеческому состоянию: «Первое явление вечной женственности – Мать Божия в христианстве; последнее в Апокалипсисе – Жена, облеченная в солнце, – откровение Духа Святого, плоти святой, Церкви как Царства, Богочеловека в богочеловечестве. <...> лик Духа откроется в богочеловечестве – в последнем соединении слова с плотью мира, Сына с Отцом», «в последнем соединении двух во едином, в последнем откровении Троицы» [3]. Итак, Дух по Мережковскому – это Мать, Материя, просветленная и преображенная. Некоторые толкователи учения Христа, например, гностики, также отождествляли Святой Дух с женским аспектом Творца. Близким понятию Матери Мира является понятие Мировой души, введенной в античную философию Платоном и осмысленную Оригеном как третье Лицо Троицы, т.е. Святой Дух.

Новое осмысление этих представлений русской религиозной философии представлено в философии космической реальности Живой Этике, тексты которой были записаны в 20–30-е годы двадцатого века выдающимся философом Е.И. Рерих. Живая Этика объединила в себе открытия современной западной науки и древние знания Востока. Живая Этика возникла на фундаменте открытий философов русского космизма и стала кульминацией Духовной революции в России. Философия Живой Этики – энергетическое мировоззрение, согласно которому человек является частью Вселенной, представляющей собой многомерную энергетическую систему. В соответствии с этим Живая Этика разрешает отмеченное Мережковским противоречие между духом и плотью, земным и небесным. Все в мироздании, согласно Живой

Этике, является материей, которая имеет разные уровни своей плотности и качества. Дух – это тонкое состояние материи, тонкоматериальная субстанция, которой присуща энергетика высоких вибраций. Академик РАН, философ-космист Л.В. Шапошникова пишет: «С этой точки зрения Живая Этика есть наиболее материалистическая философская система. Для нее не существует “невещественного начала”. <...> Состояние материи, в конечном счете, обуславливается уровнем вибраций энергии, связанной с данным видом материи» [18, с. 5]. В одном из писем Елены Ивановны Рерих сказано: «Так в Мире Проявленном можно говорить лишь о той или иной стадии проявления духо-материи. Дух есть энергия, и мы знаем, что никакая энергия не может проявиться вне материи. <...> Дух, субъективный элемент или энергия, находится в потенциальном состоянии в недрах Космической Природы. Конечно, при дифференциации, в силу чего возникли бесконечные стадии, или степени, проявления духо-материи, установились понятия относительности и противоположения. Но именно эта относительность и противоположение являются основами нашего познания» [6, с. 446] Двойственность – важнейшее методологическое положение Живой Этики, новой системы познания, которая осмысливает концепты русской религиозной философии посредством научного аппарата. Человек предстает в Живой Этике, как носитель творческой силы духа, преобразующей окружающий мир и его самого. Задачей человека, несущего в себе двойственность духа и материи и задачей эволюции, высшим проявлением которой человек выступает на земле, является одухотворение материи, повышение ее энергетики, то есть ее изменение и утончение. Это возможно посредством двух онтологических, гносеологических и аксиологических явлений, присущих человеческому сознанию и бытию – любви и творчества: «Из земных предметов любовь и творчество больше всего сочетаются с понятием высшего мира» [12]. Они проявляются в человеке и реализуются в его деятельности посредством психической энергии, которая понимается в Живой Этике как разновидность всеначальной энергии Вселенной. В Живой Этике проводится параллель между понятием психической энергии и Святым Духом в христианстве: «Психическая энергия есть Дух Святой. Псих[ическая] энергия есть любовь и устремление. Псих[ическая] энергия есть синтез всех нервных излучений» [8], также проводится параллель между понятием психической энергии и ее определениями в других религиозно-философских системах, в частности в индуизме: «Можно всюду следить, как люди расчленяют одно понятие по-своему. Энергия психическая – тонкая, Огненная; Божественная – Аум» [11].

Всеединство для Мережковского, как и для Соловьева, как и для авторов Живой Этики, невозможно в текущем состоянии человечества, оно возможно только тогда, когда в человеке будет раскрыт Дух – этим и будет ознаменовано его новая стадия бытия – Богочеловечество. «Именно, воскресение духа даст новую Эпоху» [7], отмечает Е.И. Рерих. Д.С. Мережковский называет это единение вселенской Церковью, отмечая, что нынешнее, современное ему христианство – это еще не откровение, а чаяние: «для тех, кто верит в грядущую Церковь Христову, нынешняя христианская государственная церковность есть камень, которым завален гроб Христа, Богочеловека в богочеловечестве: если гробовый камень рушится, значит – Христос воскрес» [3]. Второй завет, по Мережковскому – это пришествие Сына в Духе, это «богочеловечество, которое и будет последним откровением Духа Святого в плоти святой», при этом «откровение Духа не нарушит, а исполнит христианство» [3].

Откровение Духа, третьей ипостаси, которое и есть откровение всех трех ипостасей – откровение Троицы – заключено, сокрыто, но еще не раскрыто в христианстве. Таким образом, эпоха Святого Духа – это реализация в значительной степени еще сокрытого в человеке потенциала психической (как Всеначальной космической или огненной энергии) в совокупности ее возможностей: познавательной, творческой, духовной. Отмечается, что правильное применение психической энергии способно качественно изменить жизнь человека, в том числе повлиять на состояние его здоровья. Развитие психической энергией непосредственно связано с нравственными качествами человека, процессом его духовного самосовершенствования. Представление о психической энергии как об огненной или высшей энергии имеет параллель с христианским учением (явление Бога в образе Неопалимой Купины в Ветхом Завете, сошествие Святого Духа на апостолов в Евангелие и т.д.). Мир Огненный в Живой Этике – это мир горний или мир иного состояния материи.

Откровение Духа как Матери, Вечной Женственности и жены облеченной в солнце в текстах Мережковского созвучно понятию Матери Мира в философии Живой Этики. Мать Мира понимается как космологическое женское начало и высшая форма энергии, проявленная в Космосе. Она имеет название Материи Люциды (лат. «светоносная»), являющееся одновременно и материей, и энергией. Материя Люцида – это дифференциация Материи Матрикс, т.е. Первичной Материи, недоступной человечеству для восприятия. Материя Люцида – это Любовь в ее космологическом понимании, как принцип существования Мироздания. Здесь можно привести заключительные строки «Божественной комедии»: «Любовь, что движет Солнце и светила», прежде понимаемые, как поэтический образ, в Живой Этике осмыслены научно, с позиции энергетического мировоззрения: «Правы, называя Материю Люциду великой Матерью Мира. Правы, называя Материю Люциду космической Любовью. Истинно, соткана Вселенная пряжею Люциды и рычагом Любви» [14].

Мать Мира на протяжении истории человечества проявляла себя в пространстве культуры посредством вестников космической эволюции, творцов культуры: основателей мировых религий, ученых, философов, деятелей искусства. Их жизнь, подвиг и творчество – ее проявление на Земле. «Без Материи Люциды ничто не могло бы иметь проявления, потому ее и называют Матерью Мира. Все космические великие принципы имеют свои символы и свои олицетворения в проявленных Высоких Духах» [9]. Д.С. Мережковский посвящает ряд своих работ этому «племени Святых людей» [10], как их охарактеризовал Н.К. Рерих. В непреходящих явлениях культуры, в отдельных людях от древности до современности он выделяет тех, на ком «почил Святой Дух», тех, кто принадлежит царству Третьего Завета. Яркий пример – Жанна д'Арк, о которой Мережковский пишет в книге «Жанна д'Арк и Третье Царство Духа», где национальная героиня Франции представлена как сражающаяся за Церковь вселенскую (частью которой она является) против церкви земной, обреченной на гибель – огненное распятие.

Одним из ключевых аспектов, затронутых в концепции Д.С. Мережковского и философии Живой Этики, является эсхатологический. В соответствии с этим Мережковский делит историю человечества на три этапа: первое человечество (допотопное), погибшее от Воды, второе (послепотопное), которое погибнет от Огня, и третье, идущее вслед за вторым, которое возродится в Духе. Живая Этика говорит о наступающей эпохе Огня

(Матери Мира), связанной с понятием психической энергии и интерпретирует представление о гибели от Огня, как неприятие человечеством огненной (высшей) космической энергии. Именно необходимостью качественного изменения сознания человечества Живая Этика объясняет происходящее на Земле социальные переустройства и перевороты, войны, катастрофы: «Потому эпохи явления Огня всегда сопровождались пертурбациями, ибо духовное сознание сдвигалось вместе с космическими смещениями» [13]. О зависимости исторически процессов на Земле от космических энергий, прежде всего, энергии Солнца, а также излучений иных космических тел писал еще в начале XX века ученый-космист А.Л. Чижевский, убедительно доказавший в своих исследованиях существование их периодики – четырех циклах, в каждом из которых человечество накапливает энергию, получаемую от Солнца, а затем реализует ее в исторических событиях [17]. Чижевский отмечал, что, к сожалению, в большинстве случаев эта энергия (имеющая в Живой Этике название «психической») направлена на человечеством на разрушение, не находя ей должного применения, не умея аккумулировать и трансформировать ее, человечество обрекает себя и свою планету на уничтожение: яркое подтверждение этому вся история XX и, увы, все еще, XXI век. Таким образом, эпоха Третьей ипостаси Троицы или эпоха Святого Духа по Мережковскому есть реализация потенциала психической энергии, о которой говорит Живая Этика: «Психическая энергия соединяет огонь с *Materia Matrix*, и Учение Агни Йоги не что иное, как выявление современного применения энергии, поток которой приближается вместе с Сатиа Югой». Под Агни Йогой в приведенной цитате понимается Живая Этика: «Агни Йога» в дословном значении переводится с санскрита как «связь с огнем или Миром Огненным». Под «Сатиа Югой» – наступающая на смену Кали-юге (эпохе разрушения и зла) эра благоденствия человечества согласно древнему индуистскому представлению о цикле времен.

Наступающее время согласно Живой Этике – это и эпоха синтеза. Синтез связан с взаимодействием духа и материи во внутреннем мире человека. Чем выше уровень синтеза, тем выше способность познания и шире сознание человека. Под синтезом понимается не синкретизм, как механическое соединение отдельных частей, а их слияние, дающее входящим в синтез элементам новое качество и порождающее новое явление. Понятие синтеза, как и понятие психической энергии (Святого Духа в концепции Мережковского) авторы Живой Этики связывают с сердцем человека, как органом духовного сознания. Наступающая эпоха озаменована соединением духа и интеллекта человека, когда наука становится одухотворенной, а религиозные прозрения находят научные подтверждения. Мережковский утверждает, что Троица – это гносеологическое понятие, связанное с познавательными способностями человека, Троица есть модель постижения Бытия: «первый низший синтез, бессознательное единство бытия и сознания – я есмь я – раздвоится на тезис и антитезис, субъект и объект, я и не-я, внутренний и внешний мир, для того чтобы завершиться последним высшим синтезом, последним сознательным соединением, которое требуется метафизическим и осуществляется мистическим познанием. От первого единства через раздвоение к последнему соединению, от единого в едином через два в едином к единому в трех – таковы три момента диалектического развития» [3]. Это понимание соответствует концепции Вл. Соловьева о всеединстве и цельном познании, когда человечество после периода первого несознательного единства через второй этап – индиви-

дуализацию и разделение – должно прийти к третьему: всеединству, реализованному сознательно и духовно, то есть в Любви. Таким образом, эпоха Третьего Завета – это эпоха всеединства, как онтологической, метафизической и социальной категории.

Христианская Троица и представление о трех Мирах различных состояний материи в Живой Этике имеют общую философскую основу. Человек, являющий собой микрокосм, несет в себе синтез этих трех Миров, являясь частью физического мира или мира плотного. Мир Тонкий – область человеческой мысли, которая согласно Живой Этике является материальной субстанцией, более тонкой формы, имеющей реальную силу и воздействие. Мир Огненный или Святой Дух в человеке реализуется как его Высшее Я, его творческая воля, чьей задачей является одухотворение и утончение материи в пространстве земли посредством культуры, красоты и знания. Согласно Живой Этике человек призван быть «трансмутатором и конденсатором» космических энергий. Об этом пишет и Мережковский, говоря о «плоти святой» Третьего Завета.

Все указанные выше теоретические представления нашли свое реальное воплощение в Знамени Мира – символе Международного документа о защите памятников культуры всего мира в военное и мирное, инициированном художником, ученым и общественным деятелем Н.К. Рерихом и подписанном США, странами Северной и Южной Америки 15 апреля 1935 года. Пакт выдвинул концепцию культуры, как основополагающую категорию человеческой эволюции, основываясь на положениях философии Живой Этики. Символ Знамени Мира – символ Триединства является древнейшим знаком нашей планеты, имеющим священное значение в культурах всего мира, о чем свидетельствуют многочисленные исторические источники. При создании символа Знамени Мира Рерих опирался на образ иконы Андрея Рублева Троица. Его можно рассматривать, как единство прошлого, настоящего и будущего в круге вечности, а также единство науки, религии (философии) и искусства в кольце культуры. Первое определение связано с представлением о пространственно-временных характеристиках упомянутых выше миров, частью которых является человек. В земном (плотном) мире время дифференцировано, но «в мире высокого состояния материи (мире Огненном) эта дифференциация отсутствует, а прошлое, настоящее и будущее составляют единое целое явление, выраженное на символе Знамени Мира неразрывным кругом вечности». Единство религии (философии), науки и искусства отражает единство различных областей человеческой деятельности, различных путей познания, которые на новом этапе эволюционного развития человечества объединены понятием культуры, как кульминацией всех духовных достижений человечества. Таким образом, Знамя Мира и Пакт Рериха, который оно олицетворяет, можно назвать реальным путем человечества к переходу в новый этап развития – эпоху Третьего Завета или Святого Духа.

Ведущую роль в наступлении этого времени и реализации эпохи Третьего Завета, суждено сыграть России: в этом солидарны и Д.С. Мережковский, и авторы Живой Этики. Мережковский считал, что русский народ – самый «последний, крайний, предельный и... по всей вероятности, объединяющий все остальные культуры, преимущественно синтетический народ» [3], близкий к пределам всемирной истории. Это определение близко размышлениям Ф.М. Достоевского о всемирной русской отзывчивости. Россия, исторический объединяющая в себе Восток и Запад, что обуславливает ее способность к осуществлению синтеза в философии и культуре, ак-

туализации нового типа мышления – космического, родоначальником которого в XX веке она стала. Таким образом, концепция Третьего Завета Д.С. Мережковского и понятие Новой эпохи в Живой Этике имеют ряд сходных черт: особенности русской духовной традиции, направленной на утверждение единства земного и небесного, эсхатологичность русской философии, троичный культурный идеал, как особенность национального самосознания – все это нашло свое выражение в трудах Д.С. Мережковского и философии Живой Этики, как концепция эволюционного развития человека, являющегося частью беспредельного Мироздания, занимающего активную духовно-общественную позицию, устремленного к расширению сознания и воплощению Высших идеалов на Земле.

Литература

- Бердяев Н.А. Новое христианство (Д.С. Мережковский) // Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы «Ве-хи»: сайт. URL: <https://vehi.net/merezhkovsky/berdyayev.html> (дата обращения: 02.03.2025).
- Бердяев Н.А. Смысл творчества // Православный портал «Предание»: сайт. URL: <https://predanie.ru/book/69714-smysl-tvorchestva/> (дата обращения: 28.02.2025).
- Мережковский Д.С. Не мир, но меч // Православный портал «Предание»: сайт. URL: <https://predanie.ru/book/193513-ne-mir-no-mech/> (дата обращения: 03.03.2025).
- Мережковский Д.С. Тайна трёх: Египет и Вавилон // Православный портал «Предание»: сайт. URL: <https://predanie.ru/book/195089-egipet-i-vavilon-atlantida-evropa/> (дата обращения: 03.04.2025).
- Письма Владимира Сергеевича Соловьева: [Т. 1–4] / Под ред. [и с предисл.] Э.Л. Радлова. – Санкт-Петербург: Тип. т-ва «Общественная польза», 1908–1923. / Т. 3. – 1911. – [3], 337, II с.
- Письма Елены Рерих. Рига. 1940. Т. I. С. 446.
- Письма Е.И. Рерих. Том II. 66. Е.И. Рерих – Н.К. и Ю.Н. Рерихам (14 июля 1934 г.) // Рериховская библиотека: сайт. URL: <https://roerich-lib.ru/e-i-rerikh/pisma-e-i-rerikh-tom-ii/2131-66-e-i-rerikh-n-k-i-yu-n-rerikh-14-iyulya-1934-g> (дата обращения: 12.04.2025).
- Письма Е.И. Рерих. Том V. 55. Е.И. Рерих – Н.П. Се-рафининой (11 июня 1937 г.) // Рериховская би-блиотека: сайт. URL: <https://roerich-lib.ru/e-i-rerikh/pisma-e-i-rerikh-tom-v/2717-55-e-i-rerikh-n-p-serafininoj-11-iyunya-1937-g> (дата обращения: 12.04.2025).
- Письма Е.И. Рерих. Том VI. 74. Е.И. Рерих – С.Н. Ру-динскому (13 августа 1938 г.) // Рериховская би-блиотека: сайт. URL: <https://roerich-lib.ru/index.php/e-i-rerikh/pisma-e-i-rerikh-tom-vi/2882-74-e-i-rerikh-s-n-rudinskomu-13-avgusta-1938-g> (дата обращения: 15.04.2025).
- Рерих Н.К. Твердыня Пламенная. I. Твердыня Пла-менная // Рериховская библиотека: сайт. URL: <https://roerich-lib.ru/index.php/n-k-rerikh/tverdunya-plamennaya/1833-i-tverdunya-plamennaya-2> (дата об-ращения: 15.04.2025).
- Учений Живой Этики. Агни-Йога, 416
- Учение Живой Этики. Аум, 234.
- Учение Живой Этики. Иерархия, 350
- Учение Живой Этики. Беспредельность, ч. 1, 52
- Учение Живой Этики. Мир Огненный, часть третья, 597
- Флоренский П.А. Столп и утверждение истины // Православный портал «Азбука веры». Православ-ная библиотека: сайт. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Florenskij/stolp-i-utverzhdenie-istiny/ (дата обращения: 07.03.2025).
- Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. Изд. 2-е. Ред. коллегия: П.А. Коржуев (отв. и др.). М, «Мысль», 1976
- Шапошникова Л.В. Философия космической реаль-ности [вступ. ст.] // Листы Сада Мории. Кн. 1. Зов. М.: Международный Центр Рерихов, 2003. С. 5.

THE CONCEPT OF THE THIRD TESTAMENT BY D.S. MEREZHKOVSKY AND THE IMAGE OF THE NEW ERA IN LIVING ETHICS: PARALLELS AND FEATURES

Vinogradova V.V.

International Center of the Roerichs, Moscow State Pedagogical University

The article examines the parallels between the concept of the Third Testament by D.S. Merezhkovsky, associated with the revelation of the third hypostasis of the Trinity in man and the world – the Holy Spirit and the image of the New Era in the philosophy of cosmic reality Living Ethics. Both philosophical paradigms go back to the triune cultural ideal introduced into the space of Russian culture and philosophy by St. Sergius of Radonezh. The era of the Holy Spirit is understood in Merezhkovsky's concept as the embodiment of the unity of the material and spiritual in man and the world, the concept of the Holy Spirit in Living Ethics is considered from the standpoint of modern science, as the realization of the spiritual and energetic potential of man. Both concepts have a number of similar features associated with the theory of Russian cosmism, in which man is part of the Cosmos, the object and subject of the evolutionary process.

Keywords: Trinity, Russian cosmism, triune cultural ideal, Merezhkovsky, Roerich, beauty, creativity, theurgy, Russian spiritual tradi-tion, all-unity, Russian culture, Russian philosophy, Living Ethics, Spiritual Revolution.

References

- Berdyayev N. New Christianity (D.S. Merezhkovsky) // Library of Russian religious-philosophical and artistic literature 'Milestones': website. URL: <https://vehi.net/merezhkovsky/berdyayev.html> (date of reference: 02.03.2025).
- Berdyayev N. The meaning of creativity // Orthodox portal 'Tradition': website. URL: <https://predanie.ru/book/69714-smysl-tvorchestva/> (date of address: 28.02.2025).
- Merezhkovsky D. Not Peace, but a Sword // Orthodox portal 'Tradition': website. URL: <https://predanie.ru/book/193513-ne-mir-no-mech/> (date of address: 03.03.2025).
- Merezhkovsky D. The Mystery of Three: Egypt and Babylon // Orthodox portal 'Tradition': website. URL: <https://predanie.ru/book/195089-egipet-i-vavilon-atlantida-evropa/> (date of address: 03.04.2025).
- Letters of Vladimir Solovyov: [Vol. 1–4] / Under ed. [and with preface] E.L. Radlov. – St. Petersburg: Tip. t-va 'Public Utility', 1908–1923. / T. 3. – 1911. – [3], 337, II p.
- Letters of Helena Roerich. Riga. 1940. VOL. I. P. 446.
- Letters of Helena Roerich. Vol. II. 66. E.I. Roerich to N.K. and Y.N. Roerich (14 July 1934) // Roerich Library: website. URL: <https://roerich-lib.ru/e-i-rerikh/pisma-e-i-rerikh-tom-ii/2131-66-e-i-rerikh-n-k-i-yu-n-rerikh-14-iyulya-1934-g> (дата обращения: 12.04.2025).
- Letters of E.I. Roerich. Vol. V. 55. E.I. Roerich to N.P. Serafinina (11 June 1937) // Roerich Library: website. URL: <https://roerich-lib.ru/e-i-rerikh/pisma-e-i-rerikh-tom-v/2717-55-e-i-rerikh-n-p-serafininoj-11-iyunya-1937-g> (date of reference: 12.04.2025).
- Letters of E.I. Roerich. Vol. VI. 74. E.I. Roerich to S.N. Rudinsky (13 August 1938) // Roerich Library: website. URL: <https://roerich-lib.ru/index.php/e-i-rerikh/pisma-e-i-rerikh-tom-vi/2882-74-e-i-rerikh-s-n-rudinskomu-13-avgusta-1938-g> (date of address: 15.04.2025).
- Roerich N.K. Tverdunya Plamennaya. I. Tverdunya Plamen-naya // Roerich Library: website. URL: <https://roerich-lib.ru/in-dex.php/n-k-rerikh/tverdunya-plamennaya/1833-i-tverdunya-plamennaya-2> (date of address: 15.04.2025).

11. Teachings of the Living Ethics. Agni Yoga, 416
12. Teachings of the Living Ethics. Aum, 234.
13. Teachings of the Living Ethics. Hierarchy, 350
14. Teachings of the Living Ethics. Infinity, part 1, 52.
15. Teachings of the Living Ethics. The Fiery World, part three, 597.
16. Florensky P.A. Pillar and affirmation of truth // Orthodox portal 'ABC of Faith'. Orthodox library: site. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Florenskij/stolp-i-utverzhdenie-istiny/ (date of address: 07.03.2025).
17. Chizhevsky A.L. Earth Echo of Solar Storms. Ed. 2nd. Editorial Board: P.A. Korzhuev (responsible and others). M, 'Mysl', 1976
18. Shaposhnikova L.V. Philosophy of cosmic reality [intro. article] // Sheets of the Garden of Moria. Book 1: The Call. M.: International Centre of Roerichs, 2003. P. 5.

Культурное отчуждение в условиях глобализации: между унификацией и идентичностью

Пантин Игорь Владимирович,

аспирант Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева
E-mail: igp1997@mail.ru

Глобализация, интегрируя экономические, политические и культурные пространства, радикально трансформирует социокультурные ландшафты, порождая культурное отчуждение – феномен, связанный с утратой традиционных идентичностей, фрагментацией культурного пространства и социальной разобщенностью. В статье анализируется культурное отчуждение в контексте глобализации, рассматривая его как диалектику между унификацией культурных практик и возрождением локальных, национальных и этнических идентичностей. Актуальность исследования обусловлена негативными последствиями глобальных культурных потоков, которые стирают локальные особенности, вызывая утрату культурных корней, кризис идентичности и дегуманизацию в цифровых пространствах. Новизна работы заключается в применении постмодернистских концепций Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Деррида и Р. Рорти для интерпретации отчуждения как амбивалентного явления, сочетающего деструктивные и продуктивные аспекты. Особое внимание уделяется негативным эффектам отчуждения, включая утрату исторической памяти и усиление изоляции в сетевом обществе. В статье предлагаются пути преодоления культурного отчуждения: укрепление межкультурного диалога, поддержка локальных культурных практик, использование цифровых платформ для сохранения идентичности и феноменологическая рефлексия для восстановления культурной целостности. Используются методы сравнительного анализа, деконструкции и феноменологического подхода. Исследование показывает, что глобализация, несмотря на унифицирующие тенденции, способствует глокализации и формированию гибридных идентичностей, что иллюстрируется примерами диаспор, адаптации глобальных брендов и виртуальных сообществ. Работа подчеркивает, что отчуждение – это вызов, требующий активных стратегий для сохранения культурного многообразия. Автор предлагает новый взгляд на отчуждение как неотъемлемую часть постмодернистской реальности, открывающую перспективы для переосмысления культурных взаимодействий и восстановления идентичности в условиях глобальных трансформаций.

Ключевые слова: глобализация, культурное отчуждение, идентичность, унификация, постмодернизм, цифровые технологии.

Глобализация, как процесс интеграции экономических, политических и культурных структур, радикально меняет современный мир, порождая новые вызовы для культурной идентичности. Культурное отчуждение, проявляющееся в утрате традиционных ориентиров и фрагментации идентичности, становится одним из ключевых последствий глобализации. В модернистской философии отчуждение рассматривалось как проблема, требующая преодоления, например, через революцию или экзистенциальное самосознание. Однако в постмодернистской перспективе, представленной Ж.-Ф. Лиотаром, Ж. Дерридой и Р. Рорти, отчуждение приобретает амбивалентный характер, становясь не только деструктивным, но и продуктивным состоянием, способствующим культурному плюрализму.

Актуальность исследования обусловлена негативными последствиями глобальных культурных потоков, такими как утрата локальных культур, социальная разобщенность и кризис идентичности. В условиях цифровизации и медиатизации общества культурное отчуждение принимает новые формы, связанные с виртуальными сообществами и гиперреальностью. Поэтому важен анализ отчуждения как вызова, требующего активных стратегий преодоления, и в изучении роли цифровых технологий в усилении или смягчении этого феномена.

Целью исследования является показать, что культурное отчуждение является не только проблемой, но и возможностью для культурного диалога, и разработать стратегии его преодоления через укрепление локальных идентичностей и межкультурное взаимодействие. Используются методы сравнительного анализа, деконструкции и феноменологического подхода.

Рассматривая степень разработанности проблемы важно отметить, что проблема культурного отчуждения в контексте глобализации активно изучалась в философии, социологии и культурологии. Классические исследования отчуждения, представленные в работах К. Маркса, Г. Маркузе и Ж.-П. Сартра, акцентировали его экономические и экзистенциальные аспекты, рассматривая отчуждение как следствие капиталистического производства или утраты смысла существования. В постмодернистской философии, начиная с Ж.-Ф. Лиотара и Ж. Деррида, отчуждение интерпретируется как результат фрагментации метанарративов и отсутствия единого культурного центра. Р. Рорти предлагает рассматривать отчуждение как условие для иронического переосмысления идентичности.

Социологические исследования глобализации, проведенные А. Аппадураем, Р. Робертсоном и З. Бауманом, подчеркивают роль культурных потоков, глокализации и текучести идентичностей в формировании отчуждения. Х. Бхабха и М. Кастельс анализируют гибридные идентичности и сетевое общество, указывая на амбивалентность отчуждения. В работах Дж. Томлинсона и Ж. Бодрийяра акцентируется роль медиа в усилении отчуждения через детерриториализацию и гиперреальность.

В российской науке проблематика культурного отчуждения изучалась в контексте постсоветской трансформации. Например, работы А.С. Панарина подчерки-

вают утрату национальной идентичности под влиянием западной культуры, а исследования Е.А. Самарской акцентируют роль локальных традиций в сопротивлении глобализации. Однако недостаточно внимания уделено синтезу постмодернистских подходов с практическими стратегиями преодоления отчуждения, особенно в цифровую эпоху. Настоящая статья восполняет этот пробел, предлагая новый взгляд на отчуждение как вызов, требующий активных мер, и анализируя российский контекст, среди которых, например, возрождение языков малых народов. Важно отметить, что культурное отчуждение в условиях глобализации является не только проблемой, но и возможностью для культурного диалога.

Рассматривая данную проблему следует сказать, что глобализация способствует стандартизации культурных практик, что проявляется в распространении универсальных символов, языков и потребительских моделей. Арджун Аппадурай подчеркивает, что глобализация создает «культурные потоки», формирующие «воображаемые миры», но стирающие локальные различия: «Глобальные потоки создают новые формы культурной гомогенизации, но также порождают сопротивление в виде локальных культурных практик» [1, с. 33]. Например, глобальное влияние англоязычной поп-культуры и брендов, таких как Coca-Cola или Netflix, приводит к утрате уникальности локальных традиций, вызывая чувство культурной отчужденности.

Эта унификация имеет негативные последствия: утрата культурных корней, утрата исторической памяти и ослабление социальных связей. Однако, как отмечает Ролан Робертсон, глобализация сопровождается «глокализацией»: «Глокализация предполагает, что глобальное и локальное не противостоят друг другу, а взаимно проникают» [2, с. 45]. Адаптация глобальных брендов, таких как McDonald's, демонстрирует попытки смягчить культурное отчуждение через локализацию. Тем не менее, унификация часто воспринимается как угроза, вызывая возрождение национальных и этнических идентичностей, что подчеркивает амбивалентность глобализации.

Жан-Франсуа Лиотар определяет постмодерн как «недоверие к метанарративам»: «Упрощая до крайности, я определяю постмодерн как недоверие к метанарративам. Это недоверие является следствием прогресса наук, но, в свою очередь, оно предполагает этот прогресс» [3, с. 7]. В этом контексте культурное отчуждение проявляется в фрагментации идентичности и утрате универсальных ценностей, что усиливает чувство изоляции и разобщенности. Однако Лиотар видит в этом возможность для сосуществования множественных «языковых игр», что делает отчуждение продуктивным. Жак Деррида, предлагая деконструкцию, утверждает: «Центр – это не центр» [4, с. 353], подчеркивая отсутствие фиксированной культурной нормы. Это усиливает отчуждение, поскольку индивиды теряют стабильные ориентиры, но открывает пространство для плюрализма. Ричард Рорти добавляет, что «иронист понимает, что его убеждения и идентичность случайны, а не абсолютны» [5, с. 89], что подчеркивает неизбежность отчуждения в условиях отсутствия универсальных истин.

Негативные аспекты отчуждения включают утрату культурной целостности и дегуманизацию, особенно в цифровых пространствах, где индивиды сталкиваются с бесконечным потоком информации, ослабляющим их связь с реальностью. Культурное отчуждение приводит к утрате традиционных ориентиров, вызывая кризис идентичности. Зигмунт Бауман описывает глобализацию как «текущую современность»: «В условиях текучей современности идентичность становится подвижной, кон-

текстуальной и постоянно перестраиваемой» [6, с. 17]. Это усиливает чувство нестабильности, особенно среди диаспор, которые сталкиваются с разрывом между родной и принимающей культурой. Хоми Бхабха отмечает, что мигранты существуют в «третьем пространстве»: «Гибридность – это не просто смешение культур, а создание новых идентичностей» [7, с. 112].

Однако гибридность часто сопровождается чувством отчуждения, поскольку индивиды теряют связь с традиционными корнями. Мануэль Кастельс подчеркивает, что в «сетевом обществе» идентичность становится фрагментированной: «Сети позволяют индивидам конструировать идентичность вне традиционных структур» [8, с. 23]. Это усиливает негативные аспекты отчуждения, такие как социальная изоляция и утрата принадлежности, особенно в виртуальных сообществах, где идентичность становится симуляцией. В России, например, молодежь, активно участвующая в глобальных онлайн-трендах, может испытывать отчуждение от традиционных ценностей, таких как коллективизм, укорененный в советском прошлом.

Цифровые медиа и технологии играют двойственную роль в процессах культурного отчуждения, одновременно усиливая его негативные аспекты и предоставляя возможности для культурного самовыражения. Джон Томлинсон подчеркивает, что глобализация, опосредованная медиа, приводит к «детерриториализации» культуры: «Медиа стирают границы между локальным и глобальным, порождая чувство отчуждения от традиционных культурных контекстов» [9, с. 54]. Платформы, такие как TikTok, распространяют глобальные культурные тренды, часто основанные на западных стандартах, что отрывает индивидов от локальных традиций. В России, например, популярность западных музыкальных жанров, таких как К-поп, среди молодежи может ослаблять интерес к традиционной русской музыке, усиливая культурное отчуждение.

Жан Бодрийяр описывает медиа как создателей «симулякров», заменяющих реальность: «Реальность исчезает в потоке знаков, оставляя индивида в состоянии отчуждения» [10, с. 67]. В цифровых пространствах виртуальные идентичности, формируемые через фильтры и постановочные образы, создают иллюзию принадлежности, но усиливают изоляцию. Например, российские пользователи социальных сетей, стремящиеся соответствовать глобальным стандартам красоты, могут терять связь с локальными культурными нормами, что приводит к дегуманизации и утрате аутентичности.

Кроме того, алгоритмы социальных сетей способствуют фрагментации культурного опыта, создавая «фильтрующие пузыри», где пользователи сталкиваются только с контентом, соответствующим их предпочтениям. Это ограничивает межкультурное взаимодействие и усиливает чувство отчуждения. В России, где платформы играют значительную роль, пользователи могут быть изолированы от глобальных культурных течений или, наоборот, поглощены ими, теряя связь с национальной идентичностью.

Цифровые технологии также способствуют гиперреальной природе современного общества, где медийные образы доминируют над реальным опытом. Например, виртуальные туры по российским музеям, таким как Эрмитаж, могут заменить физическое посещение, что снижает эмоциональную связь с культурным наследием. Это усиливает отчуждение, поскольку индивиды воспринимают культуру как набор симулякров, а не как живой опыт.

Тем не менее, медиа могут служить инструментом преодоления отчуждения, предоставляя платформы для

локальных сообществ. Например, российские коренные народы, которые используют платформы для документирования своих традиций, что помогает сохранять их идентичность в условиях глобализации. Однако негативные аспекты медиа, такие как изоляция, остаются доминирующими.

Для преодоления негативных последствий культурного отчуждения необходимы комплексные стратегии, направленные на восстановление культурной целостности и укрепление идентичности. Эти стратегии включают как индивидуальные, так и коллективные подходы, опирающиеся на философские концепции и практические инициативы. Среди них можно выделить межкультурный диалог. Юрген Хабермас подчеркивает роль «коммуникативного действия» в создании взаимопонимания: «Коммуникативное действие способствует взаимопониманию через диалог» [11, с. 102]. Организация международных культурных фестивалей, образовательных программ и обменов может укрепить связи между глобальными и локальными сообществами. В России, например, фестиваль «Интермузей» объединяет музеи разных регионов, способствуя диалогу между национальными и региональными культурами, что помогает смягчить отчуждение. Поддержка локальных культурных практик, которая проявляется в сохранении традиций, языков и ремесел, что укрепляет культурные корни. Например, в Австралии возрождение языков коренных народов демонстрирует успех таких инициатив. В России программы по сохранению языков малых народов, таких как татарский или якутский, через школьное образование и культурные центры, помогают противостоять унификации. Фестивали, которые укрепляют национальную идентичность, снижая чувство отчуждения.

Использование цифровых платформ. Мануэль Кастельс отмечает, что сети создают «сообщества сопротивления» [8, с. 25]. Цифровые платформы могут быть инструментом сохранения идентичности. В России, например, платформа «Живое наследие» продвигает локальные культурные достопримечательности, а группы в социальных сетях, посвященные фольклору, позволяют молодежи изучать традиции.

Феноменологическая рефлексия. Эдмунд Гуссерль предлагает феноменологию как способ возвращения к «вещам самим по себе» [12, с. 49]. Осознанное переживание культурного опыта через рефлексию помогает индивидам восстановить связь с их идентичностью. В России это может проявляться в образовательных программах, таких как курсы по русской литературе или истории, которые побуждают студентов осмысливать национальные ценности. Развитие критической медиаграмотности, поскольку обучение анализу медиаконтента позволяет индивидам противостоять манипуляциям и симулякрам. В России программы медиаграмотности в школах, направленные на распознавание фейковых новостей и глобальных культурных стереотипов, могут помочь молодежи сохранять связь с локальной культурой, снижая влияние гиперреальности. Также государственные программы, направленные на сохранение культурного наследия, играют ключевую роль. В России, например, проект «Культура» финансирует реставрацию памятников и развитие региональных музеев, что укрепляет связь граждан с национальной историей. Такие меры помогают противостоять культурной унификации и отчуждению.

Эти стратегии требуют совместных усилий государства, общества и индивидов. В России, где исторически сильны традиции коллективизма, такие подходы могут быть особенно эффективными, если они будут адаптированы к современным вызовам глобализации.

Таким образом, культурное отчуждение в условиях глобализации представляет собой многогранный феномен, связанный с утратой культурных корней, фрагментацией идентичности и социальной разобщенностью. Постмодернистский подход, основанный на идеях Липотара, Дерриды и Рорти, показывает, что отчуждение может быть продуктивным, открывая пространство для культурного плюрализма, но его негативные аспекты – утрата традиций, дегуманизация в цифровых пространствах и кризис идентичности – требуют активного противодействия. Глобализация, унифицируя культурные практики, одновременно порождает глокализацию и гибридные идентичности, что иллюстрируется примерами диаспор, адаптации глобальных брендов и виртуальных сообществ.

Цифровые медиа играют двойственную роль: они усиливают отчуждение через детерриториализацию, симулякры, но также предоставляют инструменты для сохранения идентичности, как в случае с российскими инициативами по продвижению фольклора и наследия. Негативное влияние медиа, особенно на молодежь, требует разработки стратегий, таких как медиаграмотность и поддержка локального контента.

Предложенные пути преодоления отчуждения – межкультурный диалог, поддержка локальных практик, цифровые платформы, феноменологическая рефлексия, медиаграмотность и государственная поддержка – создают основу для восстановления культурной целостности. В России эти меры особенно актуальны в контексте сохранения национального наследия и языков малых народов. Например, успехи в цифровизации русского фольклора показывают, что локальные инициативы могут эффективно противостоять глобальной унификации.

Исследование показало, что культурное отчуждение в условиях глобализации является амбивалентным феноменом, сочетающим негативные последствия, среди которых утрата культурных корней, социальная изоляция, дегуманизация, но и продуктивные возможности, среди которых формирование гибридных идентичностей, культурный плюрализм. Глобализация, унифицируя культурные практики, порождает глокализацию, что подтверждается адаптацией брендов и российских инициатив, таких как, например, «Интермузей». Цифровые медиа усиливают отчуждение через симулякры, но также служат инструментом сохранения идентичности. Предложенные стратегии – межкультурный диалог, локальные практики, цифровые платформы, феноменологическая рефлексия, медиаграмотность и государственная поддержка – эффективны для смягчения отчуждения и сохранения культурного многообразия.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение влияния искусственного интеллекта и виртуальной реальности на культурное отчуждение, а также на анализ того, как локальные сообщества, включая российские, адаптируются к глобальным вызовам. Важно продолжать изучение роли государства и цифровых технологий в сохранении культурного многообразия. Культурное отчуждение, несмотря на свои негативные аспекты, открывает возможности для переосмысления идентичности и укрепления культурного диалога, что делает его ключевым объектом философского анализа в эпоху глобализации.

Литература

1. Аппадурай, А. Современность в широком смысле: культурные измерения глобализации / А. Аппадурай; пер. с англ. А.Б. Боженковой, М.П. Лебеде-

ва. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 288 с.

2. Робертсон, Р. Глобализация: социальная теория и глобальная культура / Р. Робертсон; пер. с англ. А.В. Маркова. – Москва: Прогресс, 2003. – 312 с.
3. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар; пер. с фр. Н.А. Шматко. – Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. – 160 с.
4. Деррида Ж. Письмо и различие / Пер. с франц. А. Гараджи, В. Лапицкого и С. Фокина. Сост. и общая ред. В. Лапицкого – 432 с.
5. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. / Перевод с англ. И. Хестановой, Р. Хестанова. – М.: Русское феноменологическое общество, 1996. – 282 с.
6. Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
7. Бхабха, Х. Местонахождение культуры / Х. Бхабха; пер. с англ. И. Кушнарева. – Москва: Прогресс-Традиция, 2006. – 344 с.
8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
9. Томлинсон, Дж. Глобализация и культура / Дж. Томлинсон; пер. с англ. В.П. Терина. – Москва: Прогресс, 2007. – 256 с.
10. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова]. – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.
11. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Пер. с нем. – М.: Издательство «Весь Мир», 2003. – 416 с.
12. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль; пер. с нем. А.В. Михайлова. – Москва: Академический проект, 2009. – 489 с.

CULTURAL ALIENATION IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION: BETWEEN UNIFICATION AND IDENTITY

Pantin I.V.

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Globalization, integrating economic, political and cultural spaces, radically transforms socio-cultural landscapes, giving rise to cultural alienation – a phenomenon associated with the loss of traditional identities, fragmentation of cultural space and social disunity. The article analyzes cultural alienation in the context of globalization, considering it as a dialectic between the unification of cultural practices and the revival of local, national and ethnic identities. The relevance of the study is due to the negative consequences of global cultural flows that erase local features, causing the loss of cultural roots, identity crisis and dehumanization in digital spaces. The novelty

of the work lies in the application of postmodernist concepts of J.-F. Lyotard, J. Derrida and R. Rorty to interpret alienation as an ambivalent phenomenon combining destructive and productive aspects. Particular attention is paid to the negative effects of alienation, including the loss of historical memory and increased isolation in a network society. The article suggests ways to overcome cultural alienation: strengthening intercultural dialogue, supporting local cultural practices, using digital platforms to preserve identity, and phenomenological reflection to restore cultural integrity. The methods of comparative analysis, deconstruction, and phenomenological approach are used. The study shows that globalization, despite unifying tendencies, contributes to glocalization and the formation of hybrid identities, which is illustrated by examples of diasporas, adaptation of global brands, and virtual communities. The work emphasizes that alienation is a challenge that requires active strategies to preserve cultural diversity. The author offers a new perspective on alienation as an integral part of postmodern reality, opening up prospects for rethinking cultural interactions and restoring identity in the context of global transformations.

Keywords: globalization, cultural alienation, identity, unification, postmodernism, digital technologies.

References

1. Appadurai, A. Modernity in the broad sense: cultural dimensions of globalization / A. Appadurai; per. from English. A.B. Bozhenkova, M.P. Lebedev. – Moscow: ed. House of Higher School of Economics, 2015. – 288 p.
2. Robertson, R. Globalization: social theory and global culture / R. Robertson; per. from English. A.V. Markova. – Moscow: Progress, 2003. – 312 p.
3. Lyotard, J.-F. The state of the postmodern / J.-F. Lyotard; per. with fr. N.A. Shmatko. -St. Petersburg: Aletheia, 1998.-160 p.
4. Derrida J. Letter and difference / Per. with French. A. Garaj, V. Lapitsky and S. Fokin. Comp. and general ed. V. Lapitsky – 432 p.
5. Rorty R. Accident, irony and solidarity. / Translation from English. I. Hestanova, R. Hestanova. – M.: Russian Phenomenological Society, 1996. – 282 p.
6. Bauman Z. The flowing modernity / Per. from English. Ed. Yu. V. ASOCHAKOVA. – St. Petersburg: Peter, 2008. – 240 p.
7. Bhabha, H. The location of culture / H. Bhabha; per. from English. I. Kushnareva. -Moscow: Progress-Tradition, 2006.-344 p.
8. Castels M. Information era: economics, society and culture: trans. from English. under scientific. Ed. O.I. Croatana. – M. : GSHE, 2000. – 608 p.
9. Tomlinson, J. Globalization and Culture / J. Tomlinson; per. from English. V.P. Terina. – Moscow: Progress, 2007. – 256 p.
10. Bodriyar J. Simulyakra and Simulation / J. Bodriyar; [Per. with fr. A. Kachalova]. – M. : Publishing house "Postum", 2015. – 240 p.
11. Habermas Yu. Philosophical discourse about modern. Per. With him. – M. : Publishing House "The whole world", 2003. – 416 p.
12. Husserl, E. ideas for pure phenomenology and phenomenological philosophy / E. Husserl; per. With him. A.V. Mikhailova. – Moscow: Academic Project, 2009. – 489 p.

К вопросу о роли религиозного фактора в политической культуре общества

Ерзылева Ирина Анатольевна,

старший преподаватель Кафедры психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: iaerzyileva@fa.ru

Мамаева Юлия Александровна,

к.и.н., доцент, доцент Кафедры политологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: yamamaeva@fa.ru

Статья посвящена проблематизации соотношения религиозного и политического факторов социальной жизни путем теоретического исследования корреляций между типами политической культуры и постулатами религиозного толка. Раскрываются наличествующие в обществоведческом дискурсе дефиниции политической культуры, обозначается устоявшаяся типизация вариаций политической культуры. Устанавливается, что религиозный фактор проецируется в культурную компоненту политических конструкций парохияльного, подданнического и участнического типов. Замечается, что традиционная религия, рассматриваемая сквозь призму политики, может принимать форму своего отрицания в условиях распространения секулярных политико-религиозных форматов тотальной направленности, что дополняет акценты в части вневременной инкорпорации религиозного мировосприятия в политические отношения. Констатируется, что религия, преломляемая через деклериализованное видение сакрального, в ряде обществ с подданническими и партиципативными политико-культурными паттернами трансформируется в феномены политических и гражданских религий, которые становятся симптомом массовизации политики и синтеза идеологического конструкта всеобщей политической субъектности.

Ключевые слова: политическая культура, политическая система, религия, секулярная религия, политическая религия, гражданская религия, политическая философия.

Проблематизация роли религиозного мировоззрения в функционировании политических отношений является одним из устоявшихся направлений политологических исследований как в российской, так и в зарубежной научных сферах социально-гуманитарной направленности. Вместе с тем данное условие, выступающее в качестве основания для априорного признания актуальности избранной темы настоящей публикации, вовсе не свидетельствует о смысловой исчерпанности проблемы соотношения религии и политики, а, напротив, становится стимулом для углубления исследований в части корреляций политических и религиозных детерминант власти и подчинения. На данное обстоятельство с политико-философских позиций, в частности, обращает внимание видный исследователь политико-религиозных отношений М.М. Мchedлова. По ее мнению, нелинейность подходов к интерпретации связей политики и религии приводит к «теоретической растерянности» по причине, во-первых, «фрагментированности теоретических интерпретаций религиозных коннотаций в публичных и экзистенциальных сферах» [9, с. 53], и, во-вторых, вследствие «исчерпания традиционных познавательных парадигм (теории секуляризации, традиционной социологии религии и др.)» [9, с. 53]. Ко всему прочему, «современные политизированные дискурсы о религии и религиозные дискурсы рождаются прежде всего из-за нарушений негласных договоренностей о разделении публичного и частного, сложившихся статус-кво между религиозной и политической сферами, столкновений религиозного и светского, включая институциональные, попадающие в фокус властных конфликтов» [9, с. 53].

Как представляется, последнее обстоятельство может стать важным побудительным мотивом для поиска новых эвристических моделей в части исследования связей политики и религии. При этом конструирование новых теоретических схем видится невозможным без калибровки исследовательской оптики с подбором нетривиальных ракурсов, одним из которых может выступить не политическая онтология в целом, а политическая культура как модус бытия властеотношений и как эссенциальная составляющая политической системы наряду с институциональной, нормативной, коммуникативной и функциональной подсистемами политической целостности [8, с. 149–150].

Политическая культура в специализированной литературе определяется как «комплекс устойчивых, исторически сложившихся на индивидуальном, групповом и массовом уровнях установок сознания и моделей поведения, определяющих основные характеристики функционирования политической системы» [14, с. 126].

Классическая типизация политической культуры предложена Г. Алмондом и С. Вербой. В работе «Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах» ученые предлагают своего рода матрицу основных политических культур, в рамках которой, с одной стороны, выделяются критерии анализа, а, с другой стороны, релевантные и качественно обособленные культурно-политические типы, соответствующие универсальным аналитическим параметрам.

Г. Алмонд и С. Верба в качестве унифицированных критериев сепарации политических культур выделяют следующие черты:

- система как объект в целом – базисные представления граждан (подданных) об особенностях исторического пути собственной страны, элементарные знания о политической организации собственного общества;
- объекты на «входе» – сведения о возможных и / или вероятных детерминантах (причинах, поводах, предпосылках), определяющих общее течение политического процесса или принятие значимых властно-управленческих решений в масштабах всего социума;
- объекты на «выходе» – знания о результатах и последствиях принимаемых политических решений;
- знания о «Я» как части политической жизни – представления индивидов о собственной субъектности в политике и ее пределах, о возможности политического участия и о правах, связанных с участием в социально-политической жизни [2, с. 32–33].

В соответствии с обозначенными направлениями оценки, Г. Алмонд и С. Верба выделяют следующие разновидности политической культуры:

- парохияльная политическая культура [2, с. 34] – характерна для традиционалистских обществ со слабо развитой политической структурой, в которых индивид не обладает элементарной политической субъектностью и практически полностью дистанцирован от политики;
- подданическая политическая культура – присуща социальным системам с локализованными социальными лифтами в части политической мобильности рядовых граждан; «в такой системе подданный осознает наличие специализированной правящей (в том числе правительственной) власти; он эмоционально ориентирован на нее...но все его отношение – это отношение к системе в целом и к ее «выходу» [2, с. 35];
- участническая (партиципативная) политическая культура – «такая культура, в которой члены общества склонны ответливо и явным образом ориентироваться на систему в целом, а также и на политические, и на административные структуры и процессы, другими словами, на оба аспекта политической системы – как на «вход», так и на «выход» [2, с. 36].

Вместе с тем, как замечается в профильных исследованиях, «чистых» типов политической культуры в действительной политике не существует. В.В. Трушков, интерпретируя концепцию Г. Алмонда и С. Вербы, указывал на то, что в случае принятия типологии двух вышеуказанных авторов следует также подразделять промежуточные типы, такие, как «патриархально-подданический тип, подданическо-активистский тип, патриархально-активистский тип» [15, с. 20].

Впрочем, нетрудно заметить, что ведущим основанием для разграничения исторических и актуальных типов политической культуры является фактор доступа к информации политической значимости.

В условиях политико-культурного парохизма монополия на знание сосредоточена в руках ограниченного числа привилегированных страт (дворянства, духовенства, воинской аристократии), которые отстраняют низшие сословия от деятельного политического участия, но вместе с тем на правах суверена вовлекают их в описанной К. Шмиттом ситуации «чрезвычайного положения» в качестве управляемого ресурса риск-менеджеральных практик политического администрирования.

Движение к подданическому типу политической культуры сопровождалось постепенным вовлечением широких слоев населения в политику и сопутствующей массовизацией политических отношений, что влекло

за собой более свободную циркуляцию знаний о политике и ее механизмах. Тем не менее внутренние, глубинные основания и предпосылки политических отношений оставались сокрытыми от подвластных групп.

Демократизация политической системы, ставшая одним из этапов массовизации политики, как предполагается Г. Алмондом и С. Вербой, открывает простор для широкой политической транспарентности и диффузии знаний политического содержания, что позволяет характеризовать рядовых индивидов в качестве субстантивированных элементов политики и обладателей части властных функций.

Важной компонентой политической культуры, фундаментирующей фундаментальные идейные начала политики и, соответственно, определяющей вектор взаимоотношения политики и религиозной сферы, является политическая философия.

Политическая философия, как отмечается в статье В.В. Зубова и А.Р. Филиппова, может быть рассмотрена в теоретико-политологическом и прикладном аспектах [6, с. 41]. В теоретико-политологическом измерении политическая философия предстает как «наивысший (глубинный) уровень политического сознания» [6, с. 42], связанный с рефлексией в границах абстрактных категорий, таких, «как «порядок», «справедливость», «свобода», «равенство» и пр.» [5, с. 21]. В прикладном отношении «политическая философия представляет собой базисные концептуальные положения какого-либо политического движения, лежащие в основу его идеологического фундамента и рассматривающие политику посредством наднациональных и кросс-темпоральных абстракций» [6, с. 43].

Как отмечается, политическая философия состоит из метафизического, онтологического, эпистемологического, аксиологического, этического, акмеологического и пракиологического пластов [6, с. 43–44]. При этом в рамках нашего исследования особый интерес представляет метафизическая составляющая политической философии, предполагающая «умопостижение политики в категориях трансцендентного порядка, высвечивающих существо феномена власти и суть властеотношений как нечто большее, нежели сведение политики к натурализованным средствам властвования» [6, с. 43].

В условиях парохияльной (традиционалистской) политической культуры метафизика власти строится на априорном и аподиктическом признании жесткой социальной иерархии как основы политического бытия. Высшие страты (монархи, воинская каста, священнослужители) воспринимаются в качестве носителей исключительных личностных черт и обладателей эксклюзивных знаний об основах функционирования сущего, что дает им право властвовать по своему усмотрению без жестких нормативных ограничений. Религиозный фактор в такой конструкции метафизики власти становится духовным базисом для укоренения кастового политического протокола.

Переход к подданичеству на уровне политической культуры коррелирует с секуляризацией сознания, вследствие чего традиционные религии начинают утрачивать роль идейного основания прежних властных порядков. Метафизика власти в таких условиях выстраивается на инспирируемом вопрошании некогда низших классов о правомерности и целесообразности монархических и аристократических форм государственного правления в разрезе обеспечения такими системами индивидуального благополучия и гарантий личных прав. Религия в границах распространения подданических политико-культурных паттернов постепенно извлекается из политической жизни либо трансформируется до со-

стояния субституции религии в политике, примером чего является многообразие так называемых «секулярных религий», которые будут охарактеризованы нами далее.

Идеальный тип партициптивной культуры, как предполагается, имеет в качестве метафизического основания конструкцию непреложной и тотальной субъектности каждого гражданина (за исключением лиц, признанных недееспособными или ограниченно дееспособными, лиц, на которых поражение в правах наложено вследствие совершения ими правонарушений) вне зависимости от текущего социального статуса, предполагающей консолидированное участие наравне с другими равноправными индивидами в политике. Возникает своего рода «коллективный суверен», который и является единственным источником власти, тогда как государство презюмируется в виде продукта такого «суверена». Указанная метафизика власти в переложении на связь политики и религии эксплицируется сквозь призму идеала светского государства, в котором религия и ее социальные формы (например, религиозные объединения) дистанцированы от прямого участия в политике. При этом, поскольку архетип сакрального сам по себе инвариантен политическим трансформациям, в условиях партициптивной политической культуры и светского государства он принимает обличие «гражданской религии».

Исследование соотношения политики и религии в локусе различных политических культур показывает, что религия и идея сакрального в том или ином переложении имеют место практически во всех теоретических построениях политико-культурных типов.

Рассматривая место религии в парохияльной политической культуре, отметим, что религиозное мировоззрение в лице его толкователей (а иногда – и вовсе создателей) находится в кооперативной связи с политикомом, вследствие чего последний получает основания легитимности. При этом такого рода попытки религиозной легитимации политической власти в традиционалистском политико-культурном контексте, как видится, не лишены манипулятивной составляющей. Религиозные постулаты, используемые для обоснования духовных начал светской власти, становятся «инструментом консолидации общества или его отдельных групп во имя достижения узким кругом интересантов собственных политических амбиций, таких как приобретение контроля над ресурсами и получение легальных полномочий» [16, с. 137].

И здесь важно заметить, что, помимо широко известного миропомазания на царство как манифестации монарха в статусе проводника Божьей власти на земле, в отдельных странах имели место попытки обожествления правителей для укрепления династийной власти.

Так, при установлении господства рода Токугава в Японии, с чем связывается начало периода Эдо, «новый сегунат нуждался в некоем духовном обосновании и подкреплении правомочий политического доминирования» [16, с. 40], «и поскольку японское общество того периода воспроизводило патриархальную форму политической культуры, то в качестве задачи обозначалась сакрализация наследия первого сёгуна Токугава – Изясу» [16, с. 40]: возведенный в честь первого сёгуна Токугава мавзолей Никко Тосё-гу был признан местом сохранения синтай («божественной субстанции») [7, с. 215], и, кроме того, «в период правления Токугава Измицу в 1639 г. публикуется произведение «Тошо дайгонгэн энги» 東照大権現縁起 («Происхождение Великого Аватара, освещающего Восток»), в котором проводился постулат о божественном происхождении сёгуна Токугава, поскольку Токугава Изясу воспринимался как аватар (то есть как инкарнация божества) Дайнити Нёрай (Вайрочаны)» [7, с. 191], [10, с. 191].

Отметим, что симбиоз религии и политики в парохияльной культуре имеет в том числе корреспондирующую составляющую. Она связана не только с односторонними действиями религиозных институций по легитимации правящей власти, но и с охранительными мерами со стороны государства по защите принятых религиозных устоев и институциональных основ конфессионального исповедания веры. Так, например, в период правления царя Алексея Михайловича Романова, которому приписываются цезарепапистские устремления [18, с. 248], было принято Соборное Уложение 1649 года, а его первая глава отводилась противодействию «богохульникам и церковным мятежникам». Богохульство, согласно Соборному Уложению, предусматривало наказание в виде сожжения, за срыв литургии полагалась казнь «безо всякой пощады», за непристойные речи в адрес священнослужителей – «торговая казнь» [публичная порка кнутом – Ю. М.], за членовредительство в стенах церкви – «торговая казнь без пощады», тюремное заключение на месяц и двойное «бесчестие» в отместку за лишения потерпевшего [13].

Также стоит отметить, что в границах парохияльной политической культуры возможна концентрация религиозно-политических функций в руках персонализированного политического субъекта, примером чего служит модель теократии как тип рафинированного смешения религии и политики. Наиболее известным кейсом теократии из политической жизни современности является Саудовская Аравия, где «король как носитель политической власти совмещает функции Хранителя двух святынь ислама – Заповедной мечети в Мекке и мечети Аль-Масджид ан-Набави в Медине» [4, с. 29].

В свою очередь, при переходе к подданныческой и участнической политическим культурам общество претерпевает деклерикализацию, которая может выражаться как в отстранении традиционной религии от политики, так и в полном исключении религиозного фактора из конкретного политического ландшафта. При этом сублимацией потребности в сакральном в условиях секуляризации политического пространства выступают так называемые «светские религии» политического толка.

Развивая ранее высказанную идею о субститутах религии в условиях массовой политики, остановимся на более подробной характеристике таких форматов имплантации сакрального в политические культуры подданныческого и партициптивного типов, как политическая религия и гражданская религия соответственно.

Значимый вклад в исследование политических и гражданских религий был внесен итальянским историком и политическим теоретиком Э. Джентиле. Методология исследования Э. Джентиле строится на концептуальном обособлении трех смежных понятий – «светская (секулярная) религия», «политическая религия» и «гражданская религия».

Светская религия, по Джентиле, представляет собой «более или менее разработанную систему мифов, обрядов и символов, которая придает священный характер некоей сущности этого мира, делая ее предметом культуры, поклонения и благочестивой преданности» [3, с. 63–64]. Важно подчеркнуть, что данное понятие является родовым для дефиниций политической и гражданской религии.

Политическая религия – это «сакрализация политической системы, основанной на непреложной монополии власти, на идеологическом монизме, на обязательном и безусловном подчинении индивида и социума своему кодексу заповедей; следовательно, политическая религия нетолерантна, основана на навязывании своих принципов и фундаменталистична, она стремится к тому, что-

бы пронизать собой все аспекты индивидуальной и коллективной жизни» [3, с. 63–64].

Гражданская религия – это «концептуальная категория, предполагающая формы сакрализации политической системы, гарантирующей плюрализм идей, свободную соревновательность в осуществлении власти и сменяемость правящего при участии управляемого народа мирными и конституционными способами» [3, с. 44].

В условиях доминанции политической религии, согласующихся с подданныческим типом политической культуры, допускаются два сценария сосуществования религии и политики: 1) традиционная религия затушевывается ореолом политической религии тоталитарного плана; 2) традиционная религия претерпевает отрицание догматами политической религии.

Затушевывание традиционной религии ореолом религии политической имело место в период господства Третьего рейха в нацистской Германии, где культивирование политической религии национал-социализма не вступало в прямую конфронтацию с католическим и протестантским вероучением. Причем, как представляется, не вызывает удивления тот факт, что конституирование политической религии проводилось на основе рецепции методов экспансии традиционных религий, одним из которых является насаждение нуминозных переживаний, связанных, согласно взглядам Р. Отто, с амбивалентным насаждением страха и трепета перед объектом культа, благодаря чему формируются «чувство тварности», «чувство зависимости», «момент ужасающего», «момент всемогущего» «момент энергийного» [12, с. 16].

В частности, одним из примеров насаждения нуминозных переживаний являются приемы политической риторики А. Гитлера: «Подходя во время выступления к трибуне, лидер нацистов выдерживал нарочитую паузу в течение нескольких секунд, прежде чем огласить послание. Тем самым он создавал напряжение среди слушателей и концентрировал внимание аудитории, которая затем восторженно слушала его речь» [11, с. 98].

Историко-политический пример отрицания ценности традиционной религии средствами укоренившейся религии политического толка связывается с опытом функционирования Народной Социалистической Республики Албания, которая, будучи построенной на началах политической религии марксизма-ленинизма и ходжаизма, представляла собой единственное атеистическое государство в мире, где запрет религии был провозглашен на конституционном уровне. Статьей 37 Конституции Народной Социалистической Республики Албании от 29 декабря 1976 года было установлено юридическое непризнание религии со стороны государства [1, с. 52].

Распространение «гражданской религии» в демократических странах, характеризующихся партиципативной политической культурой, возводит на аксиологический пьедестал и делает объектом культа идеи прав человека, конституционности власти, народного суверенитета, правового государства, разделения властей, что сочетается с закреплением принципов свободы совести и свободы вероисповедания. Причем данные ценности, несущие во многом гипостазированный характер, имеют значение в контексте глобального политико-религиозного прозелитизма, что было явственно высвечено известным американским политическим философом Ф. Фукуямой в предложенной им концепции «конца истории», связанной с экспансионистскими устремлениями США в части попыток полного покрытия всей ойкумены либерально-демократическими импликациями.

При этом, анализируя отдельные кейсы стран с активистским политико-культурным кодом, мы можем вы-

явить случаи вплетения элементов традиционной религии в политико-правовые процедуры, пусть даже такие включения выглядят анахронистично. Как замечает В.В. Зубов, «для принятия гражданства США претендент обязан произнести клятву на верность, которая заканчивается словами «Да поможет мне Бог», но при этом «текст клятвы отражает традицию, и неверующие люди могут опустить слова о Боге без каких-либо санкций» [4, с. 27].

Таким образом, по результатам проведенного исследования можем сделать следующие выводы. Религиозный фактор проецируется в культурную компоненту политических конструкций парохияльного, подданныческого и участнического типов. Традиционная религия, рассматриваемая сквозь призму политики, как мы постарались показать на примере ходжаистской Албании, может принимать форму своего отрицания в условиях распространения секулярных политико-религиозных форматов тотальной направленности, что дополняет акценты в части вневременной инкорпорации религиозного мировосприятия в политические отношения. Кроме всего прочего, религия, преломляемая через деклериализованное видение сакрального, в ряде обществ с подданныческими и партиципативными политико-культурными паттернами трансформируется в феномены политических и гражданских религий, которые, в свою очередь, становятся симптомом массовизации политики и синтеза идейного конструкта всеобщей политической субъектности.

Литература

1. Конституция Народной Социалистической Республики Албании. Тирана, «8 НЕНТОРИ», 1977. 52 с.
2. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М.: Мысль, 2014. 500 с.
3. Джентиле Э. Политические религии. Между демократией и тоталитаризмом. СПб.: «Владимир Даль», 2021. 397 с.
4. Зубов В.В. Влияние политических и законодательных нововведений XX–XXI вв. на религиозные взгляды общества: опыт кросс-национального исследования // Социально-политические науки. 2024. Т. 14. № 1. С. 24–34.
5. Зубов В.В. Сравнительный анализ идейных платформ политических партий в контексте политической борьбы (на примере ФРГ и ГДР времён холодной войны) // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. № 12 (4). С. 20–26.
6. Зубов В.В., Филиппов А.Р. Политическая философия нацизма и банковская система Третьего рейха: финансы и экспансия // Современные философские исследования. 2025. № 1. С. 40–54.
7. Лещенко Н.Ф., Мещеряков А.Н., Стрельцов Д.В. и др. История Японии М.: Аспект Пресс, 2018. 592 с.
8. Мухаев Р.Т. Политология. М.: Проспект, 2015. 640 с.
9. Мchedлова М.М. Религия в проектах современности: между алармизмом, политической целесообразностью и утопией // Полис. Политические исследования. 2024. № 2. С. 50–64.
10. Нелюбин П.Г. «Батэрэн цуихо но фуми» – ранний антихристианский документ сегуната Токугава // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского гос. гум.-пед. ун-та. Серия: Studis historica juvenum. 2018. № 1 (14). С. 190–194.
11. Новиков О.Г., Филиппов А.Р. Механизмы манипуляции общественным сознанием // Власть. 2024. № 3. С. 94–100.

12. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб.: АНО «Издательство Санкт-Петербургского университета», 2008. 272 с.
13. Соборное Уложение 1649 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Text/1649/whole.htm#2> (Дата обращения: 25.04.2025).
14. Сравнительная политология / под редакцией О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Издательство «Аспект-Пресс», 2018. 752 с.
15. Трушков В.В. Общество и отечественная политическая культура. XX век. М.: «Былина», 2001. 304 с.
16. Филиппов А.Р. Политическая идеология как разновидность манипулирования // Власть. 2024. № 3. С. 133–139.
17. Филиппов А.Р. Религиозная политика Японии XV–XVII вв. в контексте централизации власти и зарождения реалистического авторитаризма // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 2. С. 36–43.
18. Цыганов В.И., Мезина Е.Е. Взаимоотношения государства и церкви: от симфонии властей к цезарепапизму // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6 (1). С. 245–251.

ON THE ROLE OF THE RELIGIOUS FACTOR IN THE POLITICAL CULTURE OF SOCIETY

Erzyleva I.A., Mamaeva Yu.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

This article is devoted to problematisation of the correlation between religious and political factors of social life by means of theoretical research of correlations between types of political culture and religious postulates. The definitions of political culture existing in the social science discourse are revealed, the established typification of variations of political culture is outlined. It is established that the religious factor is projected into the cultural component of political constructions of parochial, subject and participant types. It is noted that traditional religion, viewed through the prism of politics, can take the form of its negation in the conditions of the spread of secular political-religious formats of total orientation, which complements the emphasis on the timeless incorporation of religious worldview into political relations. It is stated that religion, refracted through a clericalised vision of the sacred, in several societies with subordinate and partisan political-cultural patterns is transformed into the phenomena of political and civil religions, which become a symptom of the massivisation of politics and the synthesis of the ideological construct of universal political subjectivity.

Keywords: political culture, political system, religion, secular religion, political religion, civil religion, political philosophy.

References

1. Constitution of the People's Socialist Republic of Albania. Tirana, 8 NENTORI', 1977. 52 c.
2. Almond G., Verba S. Civic Culture: Political attitudes and democracy in five countries. Moscow: Mysl, 2014. 500 c.
3. Gentile E. Political Religions. Between democracy and totalitarianism. SPb.: 'Vladimir Dal', 2021. 397 c.
4. Zubov V.V. Influence of political and legislative innovations of the XX–XXI centuries on the religious views of society: the experience of cross-national research // Social and political science. cross-national study // Socio-political sciences. 2024. Т. 14. № 1. С. 24–34.
5. Zubov V.V. Comparative analysis of ideological platforms of political parties in the context of political struggle. Comparative analysis of political parties' ideological platforms in the context of political struggle (on the example of FRG and GDR during the Cold War) // Humanities. GDR during the Cold War // Humanities. Vestnik Finansovogo University. 2022. № 12 (4). С. 20–26.
6. Zubov V. V., Filippov A.R. Political philosophy of Nazism and the banking system of the Third Reich: finance and expansion. Nazi philosophy and the banking system of the Third Reich: finance and expansion // Modern Philosophical Studies.
7. Modern Philosophical Studies. 2025. № 1. С. 40–54.
8. Leshchenko N. F., Meshcheryakov A.N., Streltsov D.V. et al. History of Japan M.: Aspect Press, 2018. 592 c.
9. Mukhaev R.T. Political Science. Moscow: Prospect, 2015. 640 c.
10. Mchedlova M.M. Religion in the projects of modernity: Between alarmism, political expediency and utopia // Polis. Political Studies. 2024. № 2. С. 50–64.
11. Nelyubin P. G. 'Bateren tsuiho no fumi' – an early anti-Christian document of the Tokugawa shogunate // Bulletin of the Scientific Association of Students and Postgraduate Students of the Perm State History Faculty. of students and postgraduates of the Faculty of History of Perm State Gum.-ped. un-ta. Series: Studis historica juvenum. 2018. № 1 (14). С. 190–194.
12. Novikov O. G., Filippov A.R. Mechanisms of manipulation of public consciousness // Vlast. 2024. № 3. С. 94–100.
13. Otto R. Sacred. On the irrational in the idea of the Divine and its correlation with the rational. St. Petersburg: ANO 'Publishing House St. Petersburg University', 2008. 272 c.
14. Sobornoe Уложение 1649 г. [Electronic resource]. – URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Text/1649/whole.htm#2> (date of address: 25.04.2025).
15. Comparative Political Science / Edited by O.V. Gaman-Golutvina. Gaman-Golutvina. Moscow: Aspect-Press Publishing House, 2018. 752 c.
16. Trushkov V.V. Society and domestic political culture. political culture. XX century. Moscow: Bylina, 2001. 304 c.
17. Filippov A.R. Political ideology as a type of manipulation // Vlast. a kind of manipulation // Vlast. 2024. № 3. С. 133–139.
18. Filippov A.R. Religious policy of Japan XV–XVII centuries. in the context of centralisation of power and the emergence of realist authoritarianism // Socio-political sciences. Authoritarianism // Socio-political sciences. 2023. Т. 13. № 2. С. 36–43.
19. Tsyganov V. I., Mezina E.E. Interrelations State and Church: from symphony of powers to caesarepapism // Bulletin of the N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod University. 2012. № 6 (1). С. 245–251.

Иосифо-Волоцкий монастырь: окормление армии и флота, помощь увечным воинам и больница обители в конце XIX – начале XX вв.

Смулов Алексей Михайлович,

д.э.н., профессор, магистр теологии, профессор кафедры Миссиологии, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
E-mail: jeger@bk.ru

Работа выполнена на основании сохранившихся материалов фонда 1192 «Иосифов Волоколамский (Волоцкий) мужской монастырь, Волоколамский уезд Московской губернии» Российского государственного архива древних актов, других источников и тематической литературы. В статье показаны: осуществление обителью финансовой поддержки духовных потребностей военных кампаний; личное участие насельников в духовно-нравственном воспитании воинов армии и флота; помощь увечным (раненым) воинам и содействие увековечению памяти павших в боях. Дополнительно исследованы вопросы открытия в скиту монастыря больницы, богадельни и аптеки, которые не только оказывали медицинскую помощь братии, но, на благотворительной основе, обслуживали нуждающееся белое духовенство и местное население.

Ключевые слова: Иосифо-Волоцкий монастырь, военные кампании, окормление воинов, увечные воины, больница, богадельня, благотворительность.

Об участии насельников монастыря в военных кампаниях и в окормлении воинов армии и флота

Насельники монастыря участвовали в предвоенных и военных кампаниях, где несли духовно-нравственное просвещение воинам армии и морякам военно-морского флота Российской империи.

В начале марта 1897 г. началась Первая греко-турецкая война, между православной Грецией и мусульманской Османской империей. Война закончилась в кратчайший срок победой турков, и получила название «Тридцатидневная война» (с 6 апреля по 8 мая 1897 г.) (см., например, [1]).

Тем не менее, как можно представить из имеющихся в распоряжении архивных документов, православная Россия начала подготовку к ее возможному участию в конфликте на стороне Греции.

Первый секретный Указ Московской духовной консистории (МДК) поступает в монастырь в марте 1897 г. от благочинного общежительных монастырей Московского епархиального архим. Валентина. В сопроводительном документе указано: «Секретным указом Московской Духовной Консистории от 27 сего Марта за № 2371, предписано мне назначить в военно-врачебные заведения военного времени священнослужителей из монашествующего духовенства, для исправления в сих заведениях богослужения и треб».

Вследствие сего прошу о.о. Настоятелей монастырей немедленно доставить мне сведения: сколько из вверенного Вам монастыря может быть отпущено для означенной цели благонадежных по поведению Иеромонахов, из Вашей обители представить мне именной их список» [3, 1897, ед. хр. 336, л. 46].

В начале апреля 1897 г. настоятель о. Сергей направляет ответ: «Вследствие секретного отношения Вашего Высокопреподобия от 30 минув. Марта за № 70, о назначении в военно-врачебные заведения военного времени священнослужителей для исправления богослужения и треб, от вверенного мне Волоколамского Иосифова монастыря могут быть назначенными для сего служения два священнослужителя: Библиотекарь Иером. Тихон и Иером. Вениамин, послужный список коих при сем прилагается» [3, 1897, ед. хр. 336, л. 47].

В мае-месяце 1897 г. в монастырь был направлен новый секретный Указ МДК: «уделить какая-либо из нижепоименованных церковных вещей для снабжения оными военно-врачебных заведений военного времени. Для каждого полевого госпиталя потребны следующие церковные вещи: потир малый, лжица, ковш, тарелочка, дароносица, ящик для запасных даров (3–4 вершка длины). Евангелие в 8 долю, крест (5–6 вершков), все вещи бронзовые или накладного серебра вызолоченные, кадило накладного серебра, белое, риза (фелонь), эпитрахиль, 1 пара поручей, 2 покрыва и воздых, пелена 1½ арш., – из материи, соответствующей форменной зеленой, требник в 8-ю долю листа, следованная Псалтирь в 8-ю долю листа, книга молебных пений в 8-ю долю листа, все в переплетах, кропило, 1 ф. ладану, 5 ф. трехкопеечных свеч белого воска, венчики и разрешительная молитвы и ящик для укладки поименованных вещей» [3,

Исследование выполнено на основании материалов фонда 1192 «Иосифов Волоколамский (Волоцкий) мужской монастырь, Волоколамский уезд Московской губернии» Российского государственного архива древних актов, других источников и литературы, приведенных в библиографическом списке к данной статье.

1897, ед. хр. 334, л. 10]. Ответ (донесение) настоятеля архим. Сергия последовал незамедлительно: «Во исполнение секретного указа Московской Духовной Консistorии от 13 сего Мая за № 5020, от вверенного мне Волоколамского Иосифова монастыря пожертвованы в пользу военно-врачебных заведений военного времени следующие церковные вещи: потир дискос и звездица, 2 копыя малая, лжица, ковш, 2 тарелочки, дароносица, ящик для запасных даров (в 4 вершка), Евангелие в 8 долю, крест (в 5 верш.) – все металлических вызолоченных, кадило белое, подризник, риза, пояс, эпитрахиль, 1 пара поручей, 2 покровов и воздух, 2 пелены из шелковой зеленой материи, <вписанное карандашом слово неразборчиво – «кресто...»>, требник в 8 дол., следованная псалтирь в 8 дол., книга молебных пений в 8 долю, все в переплетах, кропило, 1 ф. ладану, 5 ф. свеч 3 коп., каковыя вещи вместе с сим препровождены к Благодичному общежительных монастырей Архимандриту Валентину для отправления оных по назначению» [3, 1897, ед. хр. 334, л. 14–14об].

В период с 15 июня 1900 г. по 25 апреля 1901 г. в распоряжение военно-врачебных заведений на Дальний Восток командировается иером. Тимофей (65 лет) (2, 1915, ед. хр. 4, л. 26об-28; 3, 1907, ед. хр. 401, л. 40].

На период с июля 1900 по апрель 1902 г. на Дальний Восток, в возрасте 77 лет, командировается иером. Вениамин. По итогам активного окормления действующих войск, он награжден светло-бронзовой медалью за поход в Китай в 1900–1901 гг. [2, 1915, ед. хр. 4, л. 18].

Там же в это время находился иеродиак. Мелетий, который был награжден знаком Красного Креста и светлой бронзовой медалью за поход в Китай 1900–1901 гг. [3, 1907, ед. хр. 401, л. 45–46].

После начала русско-японской войны иером. Порфирий с 25 июня 1904 г. по 06 ноября 1905 г. был командирован к церкви санитарного отряда на Дальнем Востоке [2, 1904, ед. хр. 1, л. 14, 15–15об, 16; 3, 1907, ед. хр. 401, л. 38–39].

14 января 1906 г. от братии монастыря (по списку жертвователей) принято 43 руб. добровольных пожертвований в пользу «Высочайше учрежденного Особого Комитета по усилению военного флота России» [3, 1906, ед. хр. 395, л. 6].

Иером. Павел (46 лет) с 09 ноября 1908 г. был назначен в состав Российского императорского флота для отправления пастырских обязанностей (3, 1908, ед. хр. 407, л. 48об-49]. В декабре 1910 г. он был уже благочинным учебно-минного отряда Балтийского флота (с базой в г. Кронштадт), но продолжал частично содержаться за счет средств монастыря (получая от него «одежные деньги»: из расчета 125 руб./год) [3, 1910, ед. хр. 422, л. 61]. В ноябре 1911 г. Павел продолжал оставаться в составе Флота и исполнял свои пастырские обязанности, а монастырь продолжал высылать ему «одежные деньги» (2, 1912, ед. хр. 2, л. 11об]. В мае 1912 г. он был награжден наперсным крестом от Св Синода, а в мае 1915 г. – орденом Св Анны III степени [2, 1915, ед. хр. 4, л. 28об-30].

В дальнейшем иером. Павел был назначен и.о. настоятеля Ильинской (св Илии-пророка – покровителя российского воздухоплавания; первого храма русских авиаторов) церкви офицерской Воздухоплавательной школы (построена по благословению св прав Иоанна Кронштадтского в 1899 г., числилась приписным храмом Миронской церкви лейб-гвардии Егерского полка, разрушена в конце 1920-х гг., находилась по адресу: г. Санкт-Петербург, ул. Парковая, 5). В адрес этого храма на имя иером. Павла монастырем были перечислены «одежные деньги» за период с 01 января по 01 июля 1915 г. [2,

1915, ед. хр. 1, л. 87]. Отец Павел, став настоятелем храма, был возведен в сан игумена и 19 сентября 1918 г. им был основан приход, который существовал в 1919 г. Церковь св Илии-пророка была закрыта в 1922 г. и здание передано клубу советской Воздухоплавательной школы.

В феврале 1911 г. поступает письмо от благочинного общежительных монастырей Московской епархии архим. Валентина следующего содержания: «Секретно. Настоятелю Волоколамского монастыря. ... предлагаю Вам немедленно донести мне: кто из иеромонахов, вверенного Вам монастыря, может быть назначен в войсковые части, на случай мобилизации армии» [3, 1911, ед. хр. 428, л. 4].

Вслед за первым поступает второе письмо: «Секретно. Настоятелям монастырей. ... предписано о назначении 36-ти священнослужителей из Московской епархии, преимущественно из монашествующаго духовенства в полевые подвижные госпитали по мобилизационному росписанию 1910 г. посему предлагаю Вам немедленно донести мне кто из иеромонахов вверенного Вам монастыря может быть назначен в полевые госпитали» [3, 1911, ед. хр. 428, л. 11].

Уже в конце февраля 1911 г. настоятель монастыря направляет следующий ответ: «Вследствие отношений Ваших от 7 февраля за № 138 и 15 Февраля за № 324 имею долг донести Вашему Высокопреподобию что в полевые госпитали на случай мобилизации армии могут быть назначены иеромонахи Тимофей и Феодосий» [3, 1911, ед. хр. 428, л. 12].

В апреле 1915 г. на фронт убывает иером. Нил, вот выписка из предписания (Указа) МДК с грифом «В. срочно»: «... консистория предписывает ... командировать в распоряжение Общества Красного Креста для исполнения пастырских обязанностей при седьмом передовом отряде, работающем в районе Юго-Западного фронта, – состоящего в должности благочинного братии вверенного Вам монастыря иеромонаха Нила, со снабжением его жалованием от монастыря и церковными принадлежностями /<слово пропало> и перевязочными средствами обещаны от Красного Креста/, в том числе и со антиминсом...» [2, 1915, ед. хр. 1, л. 3–3об].

В том же 1915 г. (документы без указания даты) Никольская община сестер милосердия в память кн. С.С. Щербатовой и д-ра Ф.П. Гааза, входящая в состав Российского Общества Красного Креста (РОКК), состоящего под Высочайшим покровительством Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны, обращается в монастырь с просьбой «о приобретении художественных открыток для получения денег на изготовление респираторов для воинов, страдающих от применения германцами удушливых газов. Каждые 2–3 открытки ценою 3 коп. за штуку, дают возможность изготовить один респиратор. Открытки, по поручению благотворителей, будут направляться воинам, чтобы они имели возможность «почаще писать весточки домой» [2, 1915, ед. хр. 1, л. 26–26об]. Никольской общине было направлено вспоможение в 73 руб., а от нее был получен ответ о том, что от имени Иосифо-Волоцкого монастыря в действующую армию послано 418 открыток [2, 1915, ед. хр. 1, л. 27, 31].

В сентябре 1915 г. в распоряжение РОКК для исполнения пастырских обязанностей при седьмом передовом отряде на Западном фронте из монастыря командировается иером. Феодосий (57-ми лет) [2, 1915, ед. хр. 4, л. 29об-30].

В октябре 1915 г. для исполнения пастырских обязанностей иером. Питирим (47 лет) и иером. Геннадий (44 лет) из монастыря командироваются в распоряжение за-

ведущего формированием лазаретов 111-ой и 124-ой пехотных дивизий [2, 1915, ед. хр. 4, л. 30об-31,31об-32].

Во время боевых действий на фронтах Первой мировой войны, Иосифов монастырь оказывал помощь семьям военных священников. Так в мае 1916 г. из донесения в МДК настоятеля архим. Иннокентия следует, что священник Деревукской церкви, Пинского уезда Адам Ждан «в настоящее время занимает должность штатного священнослужителя в военном ведомстве, на фронте военных действий, а семья его в составе девяти человек проживает в гостинице при вверенном мне Иосифовом монастыре на монастырском содержании ...» [2, 1916, ед. хр. 1, л. 2].

Священнику-беженцу Михаилу Войтовичу, проживающему в феврале 1916 г. при монастыре и назначенному от монастыря в 3-й лазарет, по Указу МДК, от обители были бесплатно выданы богослужебные книги (согласно перечню, полученному от Окружного Военно-Санитарного Управления) [2, 1916, ед. хр. 1, л. 24].

О помощи раненым и увечным воинам

Значительную роль в духовном просвещении российского воинства играла помощь увечным воинам. Монашествующие Иосифо-Волоцкого монастыря укрепляли их веру и тем значительно повышали шансы раненых на выздоровление, переподготовку, получение работы и заработной платы. Вспомним слова Господа Иисуса Христа: «... по вере вашей да будет вам» (Мф. 9:29).

Рассмотрим только один пример: русско-турецкая война 1877–78 гг. 12(24) апреля 1877 г. в г. Кишиневе на торжественном молебне епископ Павел (Лебедев, †1892), Кишиневский и Хотинский, объявил манифест императора Александра II об объявлении войны Турции. Война была христианско-освободительная, результатом ее стали возврат России ранее отторгнутых земель, восстановление государственности Болгарии (после почти 500-летнего угнетения магометанской Османской империей), увеличение территорий России, Сербии, Черногории и Румынии.

Вместе с тем война принесла многие тысячи погибших и искалеченных воинов. Во время боевых действий был ранен 621 офицер и пострадало 14310 нижних чинов [4].

Иосифо-Волоцкий монастырь откликнулся на нужды пострадавших православных (в большинстве своем) людей.

Иером. Досифей, в бытность свою иеродиаконем один год (с августа 1877 г. по июль 1878 г. – всю русско-турецкую войну на Балканах) находился в качестве брата милосердия в госпитале для раненых воинов при Троице-Сергиевой Лавре, где оказывал также духовную помощь увечным воинам. За понесенные труды в 1879 г. был награжден знаком Красного Креста [2, 1915, ед. хр. 4, л. 23об-26].

Уже в августе 1877 г. в Волоколамский уездный комитет Общества Красного Креста Настоятелем и братией Иосифа монастыря, рабочими и проживающими в гостинице (всеми единодушно) были сделаны пожертвования в пользу раненых и больных воинов на общую сумму 43 р. 10 коп. серебром. Жертвователями были: настоятель архимандрит Гедеон (5 руб.), казначей иеромонах Иосиф (3 руб.), четыре иеромонаха (до 2-х руб.), два иеродиакона, три монаха, послушник (50 коп.), пастух (20 коп.), сторож (15 коп.), звонарь (20 коп.), кучер (15 коп.), столяр (15 коп.), повар (15 коп.), скотница (50 коп.), две работницы (по 20 коп.) [2, 1877, ед. хр. 4, л. 1–1об,2–2об].

За половину 1879 г. кружечные сборы в пользу Общества Красного Креста составили 43 руб. серебром [2,

1879, ед. хр. 3, л. 13–13об]. Большие или меньшие суммы монастырь собирал и в последующие годы (в частности [2, 1880, ед. хр. 8, л. 1–1об,2–2об,3].

Оказывалась особая помощь ослепшим воинам. В июне 1881 г. в донесении монастыря в МДК указывалось: «... представляем деньги пять руб. сер. (5р.), собранные в церкви во время сбора пожертвований в течение всей недели о слепом, в пользу попечительства для призрения слепых воинов, потерявших зрение во время последней русско-турецкой войны» [2, 1881, ед. хр. 2, л. 17]. Помощь воинам потерявшим зрение оказывалась и в последующем.

Некоторое число воинов запаса (преимущественно сверхсрочных унтер-офицеров) принималось в монастырь на службу. Число таких служащих колебалось от 7 до 9 чел. Больших возможностей для трудоустройства не имелось из-за малости самого монастыря, а вакансии появлялись и замещались «за выбытием рабочего из числа служащих по найму» [2, 1879, ед. хр. 3, л. 20об, 21об-22].

В июле 1908 г. монастырем по обращению Комитета им. генерал-адъютанта М.Д. Скобелева были направлены «8 р. 50 к.» в адрес Николаевской Академии Генерального Штаба (г. С.-Петербург) «для выдачи пособий потерявшим на войне способность к труду воинам» [2, 1908, ед. хр. 1, л. 20,23]. В декабре того же года еще 23 руб. 70 коп. были направлены в пользу «Общества всеобщей помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям» [2, 1908, ед. хр. 1, л. 34]. В апреле 1910 г. обитель снова оказывает помощь – теперь Волоколамскому отделу этого Общества [3, 1910, ед. хр. 422, л. 22–24об].

Уже в начальные месяцы Первой мировой войны (октябрь 1914 г.) монастырь вновь отправляет средства (69 руб.) в адрес Комитета им. генерал-адъютанта М.Д. Скобелева «на дело помощи увечным и раненым воинам» [2, 1914, ед. хр. 1, л. 18].

В январе 1915 г. обитель рапортует о направлении в Романовскую больницу (была открыта в 1913 г. по случаю 300-летия царствования дома Романовых) на нужды раненых 500 руб. [2, 1915, ед. хр. 1, л. 1]. Всего за 1915 г. в эту больницу на ее нужды было направлено 6,0 тыс. руб. [2, 1915, ед. хр. 3, л. 1–3], что, по тем временам, составляло весьма значительную сумму.

В мае отправлено «500 руб. за май месяц с.г. на оборудование и содержание кроватей для больных и раненых воинов в больнице, учрежденной в память 300-летия Царствования Дома Романовых при Покровской Общине Сестер Милосердия» [2, 1915, ед. хр. 1, л. 83]. В дальнейшем в эту больницу направляется по 500 руб. ежемесячно.

Несмотря на новую войну, монашествующие, как и все россияне, хранят память о прошлых войнах. «Деньги 2 руб. собранные в церквях Иосифова монастыря 14 Сентября и накануне за всенощной» отправляются «в пользу Комитета по увековечению памяти русских воинов, павших на войне против Японии» [2, 1914, ед. хр. 1, л. 7].

В первый год Первой мировой войны обитель перечисляет средства «в пользу Всероссийского Общества памяти воинов русской армии, павших в текущую войну с Германией, Австрией и Турцией» [2, 1915, ед. хр. 1, л. 50].

Все описанные выше деяния в пользу вспоможения раненым и увечным воинам, в сохранения памяти о павших воинах, способствовали росту духовности народонаселения Российской империи, укрепляли его патриотизм и веру христиан в силы Православной Церкви.

О больнице и богадельне

В документах обители отмечается, что по состоянию на конец 1880 г. ни больницы, ни богадельни при Иосифовом монастыре не имелось (см. в частности, [2, 1880, ед. хр. 3, л. 3; 3, 1888, ед. хр. 269, л. 5]). Такое положение сохранялось до 1902 г. Тем не менее, обитель принимала активное участие в помощи подобным заведениям во многих других местностях России.

В апреле 1871 г. митрополит Московский и Коломенский Иннокентий (Попов-Вениаминов, †1879) направляет в монастырь благодарение за «пожертвование в пользу устрояемой в селе Остров богадельни для бедных и сирот из Духовенства» [2, 1871 ед. хр. 2, л. 1–10б]. Пожертвование составило 10 тыс. руб. серебром [2, 1871, ед. хр. 6, л. 1–10б, 3, 5, 9], по тогдашнему времени сумму весьма и весьма крупную. (*Справочно: по данным Конвертера (преобразователя) денежных единиц из древних единиц измерения в современные [5] сумма «10.000 руб. серебром» 1871 года составляет, на дату опубликования настоящей работы, примерно 12,5 млн российских рублей*).

В 1879 г. были пожертвованы «... четыре рубля пятьдесят четыре копейки последовавшие к отчислению одного процента с общаго кошельковаго? <слово неразборчиво> сбора на лечение бедных лиц духовнаго звания находящихся в каких либо разных земских больницах...» [2, 1879, ед. хр. 3, л. 310б]. Делались такие отчисления и в дальнейшем. В 1888 г. пожертвования составили «5 р. 54 коп. – проценты с кошельковаго сбора Иосифова Монастыря» (2, 1889, ед. хр. 2, л. 9).

Но, участвовала обитель в охране здоровья не только денежными средствами.

Так, в 1882 г. наместником архим. Сергием, «как благочинным общежительных монастырей, были составлены типовые уставы для богадельни и больницы» при монастырях [2, 1882, ед. хр. 2, л. 117–117об, 118]. С 1 июня 1883 г., по прошению Канторы Старо-Екатерининского отделения больницы для чернорабочих, в Старо-Екатерининское отделение назначались по одному иеромонаху с послушником [2, 1883, ед. хр. 4, л. 5], в том числе от Иосифо-Волоцкого монастыря. Целью такого назначения следует определить как общую помощь больнице, так и, в первую очередь, исполнение треб нуждающихся крайне малообеспеченных людей («чернорабочих»), а равно их просвещение с целью духовно-нравственного роста и исцеления.

В июне 1902 г. настоятель Волоколамского Иосифова монастыря архим. Геронтий (Кургановский, †1903; настоятелем монастыря был с марта 1902 г. по день кончины) доносит Его Высокопреподобию, благочинному уездных монастырей, Николаевского Угрешского монастыря архим. Валентину о том, что «в Волоколамском Иосифовом монастыре больница-богадельня крайне необходима» и которая «назначена при ските означеннаго монастыря» [2, 1902, ед. хр. 1, л. 2]).

Инженером Михиным готовится пояснительная записка, описывающая технико-строительные вопросы постройки больницы и богадельни Иосифо-Волоколамского монастыря [2, XIX–XX век. Без дат. Ед. хр. 21].

В ноябре 1902 г. поступает Указ МДК о строительстве в монастыре запроектированной больницы-богадельни. В Указе, в частности говорится: «Настоятель монастыря с старшею братиею ходатайствуют о разрешении им устроить свою братскую больницу-богадельню близ монастыря в скиту ... в) что, кроме удовлетворения своих братских нужд, означенному учреждению предполагается дать благотворительное назначение – служить амбулаторию для больных белаго духовенства, жителей окрестных сел и деревень с выдачею лекарств из апте-

ки простому народу г) что таковое назначение этого учреждения, являясь подражанием обычаю древних монастырей, несомненно будет содействовать возвышению обители преподобнаго Иосифа среди окружающего ее населения» [3, 1902, ед. хр. 379, л. 2–3]. Выдача лекарств из аптеки производилась на благотворительной (безвозмездной) основе.

Как видим из текста Указа, в нем подчеркивается высокое назначение строящейся больницы для лечения монашествующих самого монастыря, белого духовенства и местных жителей («простого люда»), что, несомненно, приведет к росту авторитета обители и, как следствие, ее значения в росте духовно-нравственного просвещения всех обращающихся в обитель за помощью.

В декабре 1909 г. в скитском больничном отделении трудились 1 иеромонах и 1 указной послушник [2, 1909, ед. хр. 6, л. 71–74]. В ноябре 1911 г. в больничном отделении трудились уже 1 иеромонах и 2 указных послушника [2, 1911, ед. хр. 1, л. 118–120].

Несмотря на наличие в монастыре своей больницы-богадельни, он продолжал оказывать денежное содействие на строительство других больниц. Так, в ноябре 1912 г. «председателю строительной комиссии по постройке больницы в память 300-летия Дома Романовых» архим. Модесту было передано 2000 руб. [2, 1912, ед. хр. 2, л. 910б].

В 1915 г. больница монастыря могла содержать до 12 чел. на стационарном лечении, а воспользовались ее амбулаторными услугами 4,6 тыс. чел. «приходящих», в богадельне «призревался 1 чел., мужского пола» [2, 1915, ед. хр. 2, л. 1–2]. В 1916 г. число мест в больнице и число призреваемых в богадельне осталось без изменения, и была оказана помощь 3,7 тыс. чел. «приходящих» [2, 1916, ед. хр. 2, л. 1–2].

Выводы

1. Окормление российской армии и флота в исследуемый период проводилось Иосифо-Волоцким монастырем не только путем различного рода помощи в удовлетворении их потребностей, но и путем личного участия насельников обители в священном сани в укреплении духа воинства, оказания моральной поддержки нуждающимся воинам.

2. Обитель св Иосифа не оставляла без внимания нужды увечных (раненых) воинов, регулярно направляя денежные средства на укрепление медсанучреждений и личных потребностей пострадавших в военных действиях и членов их семей.

3. Даже в условиях текущих военных действий оказывалась посильная помощь по увековечению памяти русских воинов, павших на войне.

4. При появлении возможности, в удовлетворение давно назревшего желания насельников монастыря, с 1902 г. в его Всехсвятском скиту была организована и открыта больница с аптекой и богадельня. Богоугодные медучреждения обслуживали нужды братии, а также в порядке благотворительности нужды белого духовенства и жителей окрестных населенных пунктов, которым, на безвозмездной основе, выдавались из аптеки необходимые лекарства.

Другим подобным учреждениям обитель оказывала материально-денежную помощь.

Литература

1. Соколовская О.В. Российский императорский флот и греко-турецкая война 1897 г. Сайт: «Научная электронная библиотека «КиберЛенин-

ка»». – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskiy-imperatorskiy-flot-i-greko-turetskaya-voyna-1897-g> (дата доступа 25.05.2025).

2. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Фонд 1192 «Иосифов Волоколамский (Волоцкий) мужской монастырь, Волоколамский уезд Московской губернии». Опись 4, часть I.
3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Фонд 1192 «Иосифов Волоколамский (Волоцкий) мужской монастырь, Волоколамский уезд Московской губернии». Опись 5.
4. Гизетти А.Л. Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае. 1801–1885 гг. – Тифлис, Типография Я.И. Либермана, Михайловский пр., № 64, 1901.
5. Конвертер (преобразователь) денежных единиц из древних единиц измерения в современные. Сайт: «DrevLit.Ru – библиотека древних рукописей». – URL: https://drevlit.ru/converter_money.html (дата доступа 25.05.2025).

IOSIFO-VOLOTSKY MONASTERY: NURSING OF THE ARMY AND NAVY, ASSISTANCE TO CRIPPLED SOLDIERS AND THE MONASTERY HOSPITAL IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES¹

Smulov A.M.

Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University

The work was carried out on the basis of the preserved materials of the 1192 fund "Iosifov Volokolamsk (Volotsky) Monastery, Volokolamsk district of Moscow province" of the Russian State Archive

of Ancient Acts, other sources and thematic literature. The article shows: the monastery's financial support for the spiritual needs of military campaigns; the personal participation of the inhabitants in the spiritual and moral education of soldiers of the army and navy; assistance to maimed (wounded) soldiers and assistance in perpetuating the memory of those who died in battle. Additionally, the issues of opening a hospital, an almshouse and a pharmacy in the monastery's hermitage were investigated, which not only provided medical care to the brethren, but, on a charitable basis, served the needy white clergy and the local population.

Keywords: Iosifo-Volotsky monastery, military campaigns, nursing of soldiers, crippled soldiers, hospital, almshouse, charity.

References

1. Sokolovskaya O.V. The Russian Imperial Navy and the Greco-Turkish War of 1897. Website: «CyberLeninka Scientific Electronic Library». – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskiy-imperatorskiy-flot-i-greko-turetskaya-voyna-1897-g> (accessed 05/25/2025).
2. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Foundation 1192 «Iosifov Volokolamsk (Volotsky) monastery, Volokolamsk district of Moscow province». Inventory 4, part I.
3. RGADA. Foundation 1192 «Iosifov Volokolamsk (Volotsky) monastery, Volokolamsk district of Moscow province». Inventory 5.
4. Gisetti A.L. Collection of information about the losses of the Caucasian troops during the wars of the Caucasian Mountain, Persian, Turkish and in the Transcaspian region. 1801–1885. – Tiflis, Printing house of Ya.I. Lieberman, Mikhailovsky Ave., № 64, 1901.
5. Converter (converter) of monetary units from ancient units of measurement to modern ones. Website: «DrevLit.Ru – library of ancient manuscripts». – URL: https://drevlit.ru/converter_money.html (accessed 05/25/2025).

¹ The study was carried out on the basis of materials from collection 1192 "Iosif Volokolamsk (Volokolamsk) Monastery, Volokolamsk District, Moscow Province" of the Russian State Archive of Ancient Acts, other sources and literature listed in the bibliography for this article.

Рукопись о. Василия (Гролимунда) о Ниле Сорском: модели аскетической парадигмы

Солодухин Денис Витальевич,

кандидат философских наук, доцент, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет»; доцент кафедры СГНТ, ФГБОУ ВО «Херсонский государственный педагогический университет»
E-mail: dvsolodukhin@gmail.com

Впервые публикуются фрагменты сквозь проблему «онтологических стратегий» иночества и мотивации в аскетическом делании из машинописи афонского монаха швейцарского происхождения схиархимандрита Василия (Гролимунда; Grolimund). Текст обнаружен в фонде архим. Иннокентия (Просвирнина) Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (Ф. 862). Проблема раскрывается, равным образом, как России, так и на Афоне, ставшем своего рода квинтэссенцией и образцом аскетического делания и связанными с ним проблемами организации экономической жизни, а также мотивированием всего духовного уклада. Публикация сопровождается предварительным комментарием исследователя.

Ключевые слова: Василий (Гролимунд), Иннокентий (Просвирнин), Нил Сорский, Иосиф Волоцкий, иосифляне и нестяжатели, герменевтика, Возрождение, Исихазм, Афон.

Предисловие

В конце семидесятых – начале восьмидесятых годов прошлого века шла оживлённая переписка двух учёных монахов – схиархимандрита Василия (Гролимунда; Grolimund) и архимандрита Иннокентия (Просвирнина).

Отец Василий родился 25.04.1943 г. в Швейцарии, учился в ФРГ, позднее – в США и Греции. С 1975 г. 11 лет монашествовал на Афоне, затем возглавил восточно-христианскую миссию в Германии, в Гайльнау (Geilnau) в основанном им ските Св. Спиридона (Сербский Патриархат), где обитает и поныне. [1, 2, 3]. По отзывам знающих его людей, подвижник, эрудит, интеллектуал, специально ради которого следовало бы изобрести монашество, если б последнего уже не существовало.

Архимандрит Иннокентий (в миру Анатолий Иванович Просвирнин; 1940–1994) – заместитель председателя Издательского отдела Московской патриархии, богослов, историк, дипломат, журналист, педагог и проч. [4], соединявший устремлённость к истине с духовным деланием. На рубеже слома эпох был одним из тех, кто знакомил современников с патристическим опытом. «Изучать и распространять положительный опыт, накопленный нашим народом», – было его кредо.

Русский архимандрит познакомился со швейцарским монахом во время одного из своих визитов на Афон [5] во второй половине 1970-х годов. Примерно с рубежа 1980-х гг. отец Иннокентий в переписке начал уговаривать своего афонского собрата составить статью о Ниле Сорском, основателе русского нестяжательства [6]. Наконец, в 1983 г. был получен текст. На машинописи рукой получателя помета: «Статья передана А.П. Мумрикову на обработку для представления Главному редактору [Журнала Московской Патриархии – Д.С.] Судьба неизвестна. 10.6.83. а. И.» [7].

Ниже публикуются фрагменты обнаруженной статьи, а здесь сделаем обзор её некоторых моментов – сквозь призму «онтологических стратегий» иноческой жизни: причём, как в России, так и на Афоне, ставшем своего рода квинтэссенцией и образцом аскетического делания и связанными с ним проблемами организации экономической жизни, а также мотивированием всего духовного уклада. (Весь найденный текст целиком в настоящее время находится в процессе комментирования и также предполагается к публикации.)

О. Василий констатирует проблему противоречия двух модусов духовной жизни: попечение о «земном» и углублённое духовное делание. «Одна часть монахов, – читаем в статье, – хотела продолжать неограниченное приобретение недвижимого имущества монастыря...; другая часть боялась опасностей богатства и управительных хлопот для монашеской жизни и старалась, по крайней мере ограничить недвижимое имущество».

Отсюда в том числе – проблема: Церковь и (земельные) владения – позволительно ли, и в чём смысл? А также связанная с ней проблематика духовной жизни и духовной свободы. Характерно, что разные пути «иноческого делания» – как избегание владения собственностью, так и терпимое отношение к ней – предстают в тексте сквозь призму проблемы динамики внутренней

духовной жизни адептов обоих путей, причём, в её глубинных «экзистенциальных» моментах.

Любопытно, что эрудированный исследователь-святогорец герменевтически вплетает обозначенную проблему в исторический контекст. В результате она обретает нюансы и начинает восприниматься не сама по себе, а в том числе как ответ на вызовы современной ей эпохи.

Отец Василий начинает статью с обзора эпохи Возрождения и квалифицирует её как эпоху духовного кризиса и упадка, пусть и сопровождавшееся внешним расцветом, открытиями технического и географического плана, а также обильным формотворчеством. «Распространение этого культурного движения из Италии по всей Европе и связанный с ним духовный кризис». Согласно исследователю исихастской традиции (который ведал о ней не только абстрактно-теоретически, но также лично практиковавшего «умное делание»), Возрождением начинается длинный, но постоянный процесс *секуляризации* жизни и культуры христианской Европы.

Своего рода «альтернативой» ему стало «византийское Предвозрождение» с исихастским духовным деланием – так называемый «Палеологовский Расцвет византийской культуры». В этом смысле исихазм («Паламизм»), «проникнутый духом христианской веры» и связанный с углубленным внутренним духовным деланием предстаёт как ответ на секуляристские тенденции, существовавшие на Западе. В России ярким представителем исихастской традиции стал Нил Сорский, который приобщился к ней на Афоне.

По отцу Василию, духовный упадок, переживаемый тогдашним Западом, связан в том числе с распространением «новоязыческой культуры вовлечённостью католического епископата (и не только его) в светский образ жизни, политические интриги, связанного с «забвением» собственного церковного предназначения, представлявший соблазн, дававший повод протестам. А одной из важнейших причин Реформации стало как бы «забвение» духовенством своего церковного предназначения и светский образ жизни, и как следствие – «разочарование» публики в официальном христианстве католической церкви.

Среди иных проблем в статье затрагиваются проблема поднятия духовно-нравственного уровня духовенства как ответ разложению общественной жизни (на вызовы ереси=реформации), а также проблема обновления русского монашества.

В контексте последней автор рассматривает и движения «иосифлян» и «нестяжателей», которые в тексте предстают не столько как взаимоисключающие, а скорее, как разные варианты одного и того же монашеского служения.

Афонский учёный рассматривает проблему монастырских имуществ в ракурсе динамики духовной жизни; здесь существует очевидная взаимосвязь. «Главной причиной этого печального явления [обмирщения духовной жизни – Д.С.], – пишет он, – было обогащение монастырей, которые благодаря частым и большим вкладам быстро превратились в крупных феодальных землевладельцев». И пояснение: «Оторванные от созерцательной молитвы, монахи теперь стали заниматься светскими делами управления огромными имениями. Но не только суетные попечения и заботы отвлекают ум от богомыслия; самое наличие богатства опасно для христианина и именно для монаха, потому что, оно сковывает душу, возбуждая страсти сребролюбия и скупость или прельщая его удовольствиями роскошной жизни»

Здесь можно заметить перевод проблемы землевладения из социального плана в сугубо духовно-

нравственный «регистр» аскетической практики. То есть о. Василий переводит проблему из социально-экономического и чисто политического в сугубо духовно-нравственный регистр аскетической практики. Здесь проявляется именно духовно-аскетическая оценка искущённого инока.

Важно: исследователь отмечает, что проблема монастырских и церковных имуществ не была исключительно русской. Уже за несколько веков до спора «иосифлян» и «нестяжателей» с аналогичным вопросом столкнулись и на Афоне. Приводится опыт решения, которое не просто разрешило вопрос, но положившего возможность сосуществования двух направлений духовной практики. «Император Иоанн Цимискис (969–976) в своем знаменитом “Трагосе” 971/2 г. строго ограничил сельскохозяйство и другие шумливые деятели Афонских монастырей».

Святогорец рассматривает Сорского подвижника как в контексте русской истории, так и в более широком общеправославном контексте. Он отмечает, что Нил имел тесные связи с византийскими исихастами. А между последними существовало «два параллельных течения». Первое сочетало созерцательную жизнь с активным участием в церковных делах. Приверженцы второго совершенно удалились от мира и от общественных и церковных дел, «отдавшись исключительно умному деланию и безмолвию».

Так, рассматривая подход Нила Сорского, отец Василий приводит его доводы: поднятие нравственности духовенства и монашества; попечение о хозяйственных нуждах и имуществе пагубно сказывается на степени вовлечённости в духовное делание и молитву Иисусову. Говоря об «аргументации» Иосифа Волоцкого, он называет благотворительность, помощь бедным, строительство больниц; вероятность падения культурного уровня монашествующих, если бы только трудиться крестьянским трудом.

Афонский исследователь, один из крупнейших знатоков (и поклонник) Сорского подвижника отмечает, что после кончины Нила и Иосифа их ученики не смогли удержат высокой планки, заданной их учителями. Отец Василий именует размолвку, со временем превратившуюся в «очень страстную полемику, которая дошла до печальных крайностей и до глубокого разрыва в Русском монашестве» трагедией древнерусской святости.

Таким образом, в неопубликованной статье афонского учёного монаха представлен взгляд на Нила Сорского именно в контексте духовно-нравственного и аскетического подхода к человеку. Этим его подход отличается от широко распространённых традиционных светских интерпретаций спора «иосифлян» и «нестяжателей», акцентирующих преимущественно «материальные» и социально-политические стороны. Духовно опытный афонский исследователь, не понаслышке знающий то, о чём говорит, добавляет к традиционно рассматриваемым секулярной наукой факторам «экзистенциальное измерение» – в частности внутриличностный «резонанс» двух основных «онтологических стратегий» монастырской жизни и стоящих за каждой из них парадигм «духовных космоса».

Ниже публикуются фрагменты статьи – с сохранением стилистики оригинала.

О. Василий (Гролимунд). «К 550-летию с года рождения Преподобного отца нашего Нила Сорского (1433–1508)» [8] (фрагменты)

...Самые жители монастыря разделились. У них проблема приняла еще другой размер: Одна часть монахов хотела

продолжать неограниченное приобретение недвижимого имущества монастыря, который уже владел больше 50-и сел и огромными имениями; другая часть боялась опасностей богатства и управительных хлопот для монашеской жизни и старалась, по крайней мере ограничить недвижимое имущество. Кажется, что уже преподобный Кирилл хотел ограничить землевладение своего монастыря. Вероятно, в то же самое время и Особножитие (Идиорритмия) началось распространяться на ущерб общежительного устава и строгой дисциплины монастыря. <...>

К концу XV-го века благотворительное [благотворное – Д.С.] влияние византийского Исихазма уже начало ослабевать. После большого духовного подъёма показывались первые знаки усталости и нерадения. После расцвета отцвет оказывается общим явлением и в церковной истории – до следующего обновления под влиянием животворящего Святого Духа. Не только нравы и невежество приходского духовенства вызывали неудовольствие народа и дали еретикам повод к критике, но и в многих монастырях духовная жизнь и строгая дисциплина после смерти основателей и первых поколений учеников их скоро перешли в упадок. Главной причиной этого печального явления было обогащение монастырей, которые благодаря частым и большим вкладам быстро превратились в крупные феодальные землевладельцы. Оторванные от созерцательной молитвы, монахи теперь стали заниматься светскими делами управления огромными имениями. Но не только суетные попечения и заботы отвлекают ум от богомыслия; самое наличие богатства опасно для христианина и именно для монаха, потому что, оно сковывает душу, возбуждая страсти сребролюбия и скупости или прельщая его удовольствиями роскошной жизни. <...>

Из истории Святой Горы Афонской например хорошо известно, что первые её жители – отшельники враждебно относились к преподобному Афанасию Афонскому (920–1003), когда основал свою лавру, ибо они считали строение большого монастыря в своей пустыне переворотом древних порядков и опасным новшеством в ущерб строгого подвижничества, будь-то бы проникновением светского духа на Святой Горе. Они только смирились, когда Император Иоанн Цимискис (969–976) в своем знаменитом «Трагосе» 971/2 г. (= первая конституция Афона) строго ограничил сельско-хозяйство и другие шумливые деятельности Афонских монастырей. И на Руси XVI-го века существовали святые подвижники, которые старались примирить противоположные течения в монашестве и сочетать их лучшие основы в новую синтезу. Таким является, например, преподобный Корнилий Комельский († 1537), который сочинил свой устав из писаний преподобных Иосифа [Волоцкого] и Нила [Сорского]. Трагедия состояла именно в том, что такие люди уже стали очень редкими и по этому они не могли восстановить единство русского монашества. Но самая глубокая причина этой трагедии является медленное, но продолжительное проникновение светского духа Возрождения на Руси. <...>

Как и другие основатели общежительных монастырей он [Иосиф Волоцкий – Д.С.] в своем уставе конечно написал больше о внешнем послушании, разных обрядах и порядках, без которых киновия не может существовать. Но древняя и современная практики (на пример на Святой Афонской Горе) доказывают, что умное делание не только может, но обязательно должно дополнить соборные богослужения общежительной обители. <...> Великий подвижник [Сергий Радонежский – Д.С.] имел многие и тесные сношения с византийскими исихастами, между которыми существовало два параллельных течения: Одно, которое сочетало созерцательную жизнь с ак-

тивным участием в церковных делах, и другое, приверженцы которого совершенно удалились от света и от общественных и церковных дел, отдавшись исключительно умному деланию и безмолвию. <...>

Защита Православия не дело царских цензоров и казнителей, но должность церковных Пастырей, право правящих слово истины, которые только могут убедить заблудившихся истиной православной веры и превлечь их к Церкви примером христианской жизни. По этому он [Нил Сорский – Д.С.] требовал от своих учеников не только догматического Православия (‘Ορθοδοξία), но и практического «Праводелания» (‘Ορθοπραξία), т.е., нравственной, добродетельной жизни по заповедям Евангелия. Судя по его отношению к еретикам можно заключить, что преподобный Нил стоял за большую независимость Церкви от царской власти, с которой очень тесно связал её преподобный Иосиф. Церковная трагедия Синодального периода доказала, что на долгий срок установка Сорского старца оказалась правильной.

Так-как внутренняя жизнь православного монаха, его подвиг очищения от грехов и страстных помыслов путем умного делания и его соединение с Богом через непрестанную Иисусову молитву являются главной темой писаний преподобного Нила, они в течение веков не потеряли свою духовную свежесть и актуальность, ибо основные духовные проблемы человека не меняются. По этому монахи и миряне и сегодня высоко их ценят и усердно читают. Его творения занимают важное место среди самых популярных изданий православной аскетики. <...>

Авва Нил и его друзья не были равнодушны к угрозе жидовствующими, но они боролись против ереси другим способом: Признавая, что церковные беспорядки и нестроения дали еретикам причину успешно нападать на православную Церковь, они считали необходимым прежде всего поднять уровень духовной жизни духовенства и монашества, которое в православной Церкви играет столь важную роль. Старцы поняли опасность в то время очень развитого монастырского землевладения за [для – Д.С.] соблюдение монашеского обета нищеты и сохранение подвижнического настроения иноков. По этому перед самым закрытием Собора они ставили вопрос о монастырских имениях, требуя, чтобы монахи жили в пустынях и кормились от трудов и рукоделий своих, а не от плодов чужого пота.

К сожалению, протоколы Собора не сохранились, и подробности разговоров нам не известны. Заявление старцев было Ивану III очень кстати, ибо он нуждался в монастырской земле для окормления своих государственных чиновников и служилых людей и поэтому мечтал о секуляризации монастырских вотчин. Однако большинство иерархов и членов Собора возразили предложению старцев и вызвали уже уехавшего из Москвы преподобного Иосифа для защиты монастырского землевладения.

Волоцкий игумен тоже старался обновить русское монашество, но на основе строгого общежития – киновии. От монахов он требовал личной нищеты, но монастырю разрешил наличие общего имущества, ибо для него монастырь являлся общественно-церковным учреждением с обширной религиозно-культурной и благотворительной деятельностью. По этому он твердо высказался за монастырские имения и крепостных, без которых монастыри по его мнению не могли бы существовать как следует, помогать бедным и строить храмы и больницы. Если монахи должны бы жить исключительно своим трудом как простые крестьяне, благородные люди не принимали бы пострига, и культурный уровень монастырского духовенства и церковной иерархии опас-

но понизился бы. Собор уделился [согласился с] этими соображениями преподобного Иосифа и утвердил право монастырей на землевладение.

Литература

1. Die Skite des Heiligen Spyridon in Geilnau (нем.) URL: <http://www.spyridon-skite.de/> (Дата обращения: 18.02.2025.)
2. Orthodoxe Mönchs-Skite des Hl. Spyridon (нем.) URL: <http://www.orthodoxfrat.de/seite7.htm> (Дата обращения: 18.02.2025.)
3. Паломничество в сербский скит // Храм святого праведного Иоанна Кронштадтского. Русская Православная Церковь Московский Патриархат. URL: <http://www.hamburg-hram.de/zhizn-obschinyi/geilnau/122.html> (Дата обращения: 18.02.2025.)
4. Иннокентий (Просвирнин Анатолий Иванович) // Православная энциклопедия. Т. 23 / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла; Вып. ред: Л.В. Барбашова (отв. ред.) и др. – Москва: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2010. – ISBN: 978–5–89572–042–4. – С. 19–21.
5. Афон // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. 4. – Москва: ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2002. – ISBN: 5–89572–009–9. – С. 103–181.
6. НИОР РГБ. Ф. 862. К. 51. Ед. хр. 3, 12, 30, 31.
7. НИОР РГБ. Ф. 862. К. 51. Ед. хр. 12 Л. 59 Об.
8. НИОР РГБ. Ф. 862. К. 51. Ед. хр. 12 Л. 33–59

MANUSCRIPT OF FR. BASIL (GROLIMUND) ON NILUS OF SORA: MODELS OF THE ASCETICAL PARADIGM

Solodukhin D.

Moscow State University of Civil Engineering National Research University, Kherson State Pedagogical University

This is the first publication the manuscript fragments wrote by fr. Basil (Grolimund), Athonite monk of Swiss origin. This text have discovered at the fr. Innocent (Prosvirnin)' collection at the Russian State Library Manuscript Department (F. 862). Text' fragments chosen according the "ontological strategies" of monastic life and the motivation in ascetic work as well. Moreover, equally, both in Russia and on Athos, which has become a kind of quintessence and model of the ascetic work and problems of organizing economic life associated with it, as well as motivation for the entire spiritual order. The publication accompanied by the researcher' preliminary commentary.

Keywords: Basil (Grolimund), Innocent (Prosvirnin), Nilus of Sora, Joseph Volotsky, Josephites and non-possessors, hermeneutics, Renaissance, Hesychasm, Athos.

References

1. Die Skite des Heiligen Spyridon in Geilnau [The Skete of Saint Spyridon in Geilnau] URL: <http://www.spyridon-skite.de/> (Access: 18.02.2025.)
2. Orthodoxe Mönchs-Skite des Hl. Spyridon [Orthodox Monastic Skete of St. Spyridon] URL: <http://www.orthodoxfrat.de/seite7.htm> (Access: 18.02.2025.)
3. Palomничество v serbskij skit [Pilgrimage to the Serbian Skete] // Hram svyatogo pravednogo Ioanna Kronshtadtskogo. Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' Moskovskij Patriarhat. URL: <http://www.hamburg-hram.de/zhizn-obschinyi/geilnau/122.html> (Access: 18.02.2025.)
4. Innokentij (Prosvirnin Anatolij Ivanovich) [Innocent Prosvirnin] // Pravoslavnaya enciklopediya [Orthodox Encyclopedia]. Т. 23. Moscow, 2010. P. 19–21.
5. Afon [Athos] // Pravoslavnaya enciklopediya [Orthodox Encyclopedia] / Vol. 4. Moscow, 2002. P. 103–181.
6. NIOR RGB [RSL SIMD]. F. 862. K. 51. Ed. hr. 3, 12, 30, 31.
7. NIOR RGB [RSL SIMD]. F. 862. K. 51. Ed. hr. 12 L. 59 Ob.
8. NIOR RGB [RSL SIMD]. F. 862. K. 51. Ed. hr. 12 L. 33–59 Ob.

Суверенитет государства в условиях технологического и информационного неравенства социальных платформ

Артемьев Алексей Александрович,

к.ф.н., доцент кафедры СГНЗ, МГТУ им. Н.Э. Баумана

E-mail: aleksey-artemev@bk.ru

Чугров Никита Владиславович,

студент МГТУ им. Н.Э. Баумана

E-mail: chugrovnv@student.bmstu.ru

Суверенитет государства в современных условиях дополняется и обуславливается информационным суверенитетом. Для государств, находящихся на информационно-технологической периферии, складывается ситуация утраты информационного суверенитета. Утрата информационного суверенитета может привести и к потере государственного суверенитета.

Ключевые слова: суверенитет государства, информационный суверенитет, технологический суверенитет, социальные платформы, СМИ и социальные сети, информационное противоборство.

Внедрение государством информационных технологий во все сферы жизни и деятельности общества не только служит важнейшим фактором доминирования в мировой экономике, но и является ключевым условием лидерства и гегемонии государства в сфере мировой политики и международных отношений. Важнейшими информационно-коммуникационными технологиями в социально-экономическом развитии и политическом влиянии в современном мире стали выступать социальные платформы (сети) и различные цифровые приложения для обмена информацией. Многообразие разнообразных отношений различных субъектов и объектов информационного пространства, увеличение потоков информации и возрастание количества ее источников повлекли за собой глобализацию информационной среды. Глобализация информационной среды и развитие цифровых технологий изменили бытие человека, в частности организацию его социальных связей в пространстве и времени. Современная архитектура социальных платформ в информационном обществе формирует новые правила организации социума, где горизонтальные отношения заменяются вертикальными, создается новое сетевое общество глобальных взаимоотношений, вытесняя при этом традиционные социальные и государственные институты.

Такие глобальные информационные преобразования, происходящие в современном обществе, несут в себе следующие угрозы: утрата национальной идентичности; переоценка устоявшихся в обществе ценностей, норм и правил; трансформация политической культуры общества в сторону изменения индивидуальных позиций и ориентаций, определяющих традиции государственности. Происходящие информационные трансформации формируют в сознании человека иное понимание сущности общества и государства, зарождается восприятие политической карты мира без государственных границ.

Тотальное использование человеком социальных платформ не только переступает через географические и культурные преграды, но и способствует универсализации различных этносов, обществ и цивилизаций, что приводит к потере культурной самобытности.

Под глобальными социальными платформами следует считать «социальные сети и приложения для мгновенного обмена информацией, которые предоставляют пользователям из разных стран возможность взаимодействовать в интернете независимо от географического положения. Региональные и локальные социальные платформы – цифровые экосистемы, созданные и ориентированные на определенные регионы, страны или языковые группы. Они отражают культурные, языковые и законодательные особенности региональных рынков, выступают в качестве конкурентов глобальных платформ с точки зрения аудитории и влияния» [1].

В то же время создание и развитие информационных технологий в различных странах мира происходят достаточно неравномерно, что влечет за собой проблему технологического неравенства между государствами. Такое технологическое различие обусловлено в первую очередь не только экономическими, но и социально-политическими и духовными факторами. Технологиче-

ское неравенство государств в информационной сфере обуславливается в возможности создавать, производить и самостоятельно использовать свои коммуникационные технологии, социальные платформы и другие информационные ресурсы, а также в свободном присутствии национального контента на глобальных, региональных и локальных площадках. Стоит отметить и равноправное участие государств в мировой цифровой экономике. Технологическое неравенство подразумевает под собой пребывание государства в материально-технологическом подчинении и отставании, нахождении в зависимости от информационных технологий иностранных государств или транснациональных корпораций.

Следствием технологического неравенства выступает технологический суверенитет государства, под которым понимается «способность государства создавать и применять наукоемкие технологии, критически важные для обеспечения независимости и конкурентоспособности, и иметь возможность на их основе организовать производство товаров (выполнение работ, оказание услуг) в стратегически значимых сферах деятельности общества и государства» [2].

Для государств, находящихся на информационно-технологической периферии, складывается ситуация утраты информационного суверенитета. Утрата информационного суверенитета может привести и к потере государственного суверенитета.

«Государственный суверенитет, верховенство и независимость государственной власти, проявляющиеся в соответствующих формах во внутренней и внешнеполитической деятельности государства» [3].

Суверенитет государства в информационной сфере определяется приоритетным правом государства проводить самостоятельную информационную политику в интересах обеспечения национальной безопасности. Основными критериями информационного суверенитета государства необходимо считать национальную технологическую базу и средства обеспечения ее безопасности, функционирование платежной цифровой системы, контролирование информационных потоков, свободное управление социальной информацией в целях формирования имиджа государства и российского общества в мировом пространстве.

Суверенитет государства в информационной сфере необходимо рассматривать в двух аспектах: техническом и идеологическом. Так, в техническом аспекте – это создание национальных информационных технологий, различных социальных платформ и программного обеспечения. В идеологическом аспекте – это наличие государственной идеологии или национальной идеи, эффективное правовое регулирование в информационной сфере, высокий уровень национальной культуры, оказывающей влияние на мировое сообщество, внутренний и внешний имидж государства в информационном пространстве, развитую систему информационно-коммуникационных отношений как внутри страны, так и за ее пределами.

Суверенитет государства в информационной сфере имеет внутреннюю и внешнюю стороны. Внутренний информационный суверенитет государства подразумевает под собой господство власти в едином информационном пространстве государства. Внешний информационный суверенитет государства определяется возможностью государственной власти автономно и независимо проводить информационную политику в глобальном и региональном информационном пространстве.

Полноценный информационный суверенитет имеет государство создающее комплектующие для компьютерной техники, операционные системы, офисные про-

граммы и браузеры, технические средства безопасности и управления, популярные социальные платформы, средства для ведения электронной и информационной войны. Особо стоит выделить национальную медийную информационную структуру, которая включает все виды средств массовой информации и коммуникации, где особо стоит выделить различные виды социальных платформ (социальные сети, мессенджеры, игры, видеохостинги, образовательные и просветительские платформы, финансовые площадки и другие коммерческие приложения). Практически все современные СМИ и медиаресурсы осуществляют свою работу на площадках социальных платформ.

На площадках социальных платформ должно создаваться свободное и демократическое пространство для доступа к информации и равноправного диалога различных государств и обществ. В то же время в информационном пространстве происходит противоборство, в том числе и для достижения военно-политических целей. Стоит особо отметить применение социальных платформ в сферах обороны и национальной безопасности государств.

На сегодняшний день в глобальном, региональном и локальном информационном пространстве доминируют зарубежные социальные сети и мессенджеры, в частности американские и китайские. Данные социальные платформы имеют популярность не только в своих странах, но в большинстве стран мира, включая Россию.

В сложившейся военно-политической обстановке в мире стремительное развитие и доминирование иностранных социальных платформ в информационном пространстве России приводят к вытеснению российского контента и превалирование информационных сообщений антироссийского содержания. Социальные платформы сегодня выступают в качестве информационного оружия в противостоянии России с «коллективным Западом», превращаясь в поле битвы информационных сражений. Под «коллективным Западом» следует понимать часть европейских государств (члены НАТО и ЕС) во главе с США, которые проводят антироссийскую политику и противодействуют нашему государству с целью его нейтрализации. «Коллективный Запад» считает своей важной задачей ослабление развития России, Китая и ряда других стран, противодействовать их технологическому прогрессу и многополярности в международных отношениях. В настоящий момент «коллективный Запад» доминирует в цифровой экономике и имеет существенное технологическое преимущество перед другими странами по использованию своих информационных ресурсов и социальных платформ в целях влияния на мировое сообщество в информационном пространстве.

«Накопленные данные социальных платформ становятся важным стратегическим ресурсом как для государственных, так и для негосударственных акторов. Они открывают широкие возможности для управления общественным мнением с помощью анализа «больших данных». Гонка за данными ведется и в рамках работы по обучению ИИ. В результате информация, собираемая платформами, становится важным фактором влияния и конкурентоспособности» [1].

Формируется негативный имидж Российского государства и его власти, происходит навязывание российскому обществу антигосударственной позиции. На площадках социальных сетей и других информационных ресурсов происходит обесценивание и компрометирование российской культуры, науки и искусства.

Так, отмену русской культуры, которую в первую очередь проводит Украина и англосаксонские государства, можно считать политической информационно-

коммуникационной технологией. Данная деструктивная технология направлена на подрыв международного имиджа России. Субъектами применения таких технологий являются государственные органы и структуры Украины и стран Европы, что не всегда соответствует общественному мнению многих украинцев и европейцев, особенно профессиональному сообществу, которое симпатизирует русской культуре. Технология отмены русской культуры в информационном пространстве наносит политический и экономический ущерб Российскому государству, раскалывая российское общество по этническому и религиозному принципу. Западные «партнеры» стараются не допускать на площадки своих социальных платформ альтернативные точки зрения, строго контролируя информационное пространство.

«1 марта 2022 года Совет ЕС запретил трансляцию любого контента каналов RT и Sputnik на своей территории. В рамках шестого пакета санкций было приостановлено вещание телеканалов «Россия РТР/РТР-Планета», «Россия-24» и «Международный ТВ Центр». В девятом пакете санкций ЕС запретил вещание телеканалов НТВ/«НТВ-Мир», «Россия-1», РЕН ТВ и Первого канала. В рамках 11-го санкционного пакета приостановлено действие лицензий пяти информационных ресурсов: RT Balkan, Oriental Review, «Царьград», «Катехон» и New Eastern Outlook. В 12-й санкционный пакет, который был принят в 2023 году, попали телеканалы «Царьград» и «Спас», говорится на сайте МИД РФ. Кроме того, Евросоюз вводил персональные меры против российских журналистов и руководителей СМИ» [4].

Таким образом, информационный суверенитет Российского государства предрасположен к следующим угрозам: технологическая зависимость от импорта цифровой продукции; информационное и экономическое воздействие со стороны государств (членов НАТО и ЕС), лидирующих в цифровой технологической сфере; масштабное распространение антироссийского контента на площадках социальных платформ; киберпреступность и другие виды угроз в сфере информационной безопасности.

С целью защиты информационного суверенитета государства необходимо использовать методы «заслона» и «нападения». Так, метод «заслона» предполагает разработку законодательных, технических, коммуникативных, идеологических и культурных мер, необходимых для информационно-технологического развития, блокировки и ликвидации деструктивной социальной информации, защиты личной и государственно важной информации, безопасности национальных финансовых систем. Информационное нападение представляет собой подготовку, создание и реализацию различных методов и приемов, направленных на подрыв информационного суверенитета вероятного противника.

В сложившейся ситуации требуется осмысление и разработка Концепции государства в информационном пространстве с отражением вопросов технологического развития, правовых, морально-нравственных и этических проблем современного российского общества.

Для решения проблем в области информационного суверенитета государства необходимо принять комплекс следующих первоочередных мер: увеличение финансирования на разработку национальных цифровых платформ и подготовку специалистов в области информационных технологий; выполнение исследований в области разработки и применения социальных платформ и проведение активной политики в области информационной безопасности и медиаобразования; строгий государственный контроль социальных платформ в целях

выявления противоправных действий в отношении безопасности личности, общества и государства.

В условиях информационного противоборства технологическое неравенство принимает многогранный характер. Развитие российских социальных платформ стимулирует не только рост информационного присутствия и доминирования России в глобальном пространстве, но и повышение эффективности функционирования социально-политической, экономической и духовной сферы российского общества. Стоит еще раз отметить, что неравномерное развитие, использование и применение цифровых технологий способствуют технологическому неравенству и потере информационного суверенитета государства. Уровень технологического неравенства находится в прямой зависимости от экономических, социально-политических и духовных факторов.

«Россия укрепляет собственный суверенитет, причем по всем направлениям, которые обеспечивают работу бизнеса, включая развитие транспортной, логистической, финансово-платежной инфраструктуры. Мы это делаем, делаем уже сейчас и обязательно продолжим», – сказал Президент РФ В.В. Путин [5].

Для преодоления технологического неравенства в интересах информационного суверенитета России необходимо создавать и развивать национальные социальные платформы, которые будут привлекательны для представителей других стран, разрабатывать национальные медиаплощадки и доводить российскую позицию до мировой общественности. Дальнейшее построение многополярного мира в международных отношениях невозможно без развития российских социальных платформ, которые будут соперничать с доминирующими информационными игроками интернет-пространства.

Таким образом, проблема технологического неравенства социальных платформ оказывает существенное влияние на информационный суверенитет государства. Данная проблема требует безотлагательных мер для ее срочного решения в интересах национальной безопасности России.

Государственный суверенитет в современных условиях дополняется и обуславливается информационным суверенитетом и включается право государства контролировать информационное пространство, производить новые цифровые технологии, обеспечивать выпуск, хранение и распространение информации, а также способность государства формировать и проводить независимую информационную политику не только в национальном сегменте, но и в глобальном информационном пространстве.

Литература

1. Альтернативные социальные платформы Мирового большинства / А.Н. Сытник, Н.И. Ладыгина-Глазунова, С.В. Вострикова, М.М. Базлуцкая и др. / Под ред. А.Н. Сытника и др.; Центр Инновационной Дипломатии БРИКС и ШОС, Колаборатория, Центр глобальной ИТ-кооперации. – Санкт-Петербург, 12 декабря 2024. – 79 с.
2. Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».
3. Большая советская энциклопедия. – URL: <https://gufo.me/dict/bse/Суверенитет>
4. iz.ru Несвобода слова: ЕС готов ввести новые ограничения против российских СМИ. – URL: <https://iz.ru/1705083/semen-boikov/nesvoboda-slova-es-gotov-vesti-novye-ogranicheniia-protiv-rossiiskikh-smi>

5. Официальный интернет-ресурс для информирования о социально-экономической ситуации в России. – URL: <https://объясняем.пф/https://объясняем.пф/articles/news/vladimir-putin-rossiya-ukreplyaet-sobstvennyy-suverenitet-po-vsem-napravleniyam/>

STATE SOVEREIGNTY IN THE CONTEXT OF TECHNOLOGICAL AND INFORMATION INEQUALITY OF SOCIAL PLATFORMS

Artemiev A.A., Chugrov N.V.

MSTU im. N.E. Bauman

The sovereignty of the state in modern conditions is complemented and conditioned by information sovereignty. For States located on the information technology periphery, there is a situation of loss of information sovereignty. The loss of information sovereignty can also lead to the loss of State sovereignty.

Keywords: state sovereignty, information sovereignty, technological sovereignty, social platforms, mass media and social networks, information warfare.

References

1. Alternative social platforms of the world majority / A.N. Sytnik, N.I. Ladygina-Glazunova, S.V. Vostrikova, M.M. Bazlutsкая et al.; Edited by A.N. Sytnik et al.; Center for Innovative Diplomacy of BRICS and SCO, Laboratory of Co, Center for Global Cooperation. – St. Petersburg, December 12, 2024. 79 p.
2. Decree of the President of the Russian Federation dated 02/28/2024 № 145 “On the Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation”.
3. The Great Soviet Encyclopedia. – URL: <https://gufo.me/dict/bse/Sovereignty>
4. iz.ru The lack of freedom of speech: The EU is ready to introduce new restrictions against Russian media. – URL: <https://iz.ru/1705083/semen-boikov/nesvoboda-slova-es-gotov-vvesti-novye-ogranicheniia-protiv-rossiiskikh-smi>
5. The official Internet resource for information about the socio-economic situation in Russia. – URL: <https://объясняем.Russian Federation/https://we-explain.Russian Federation/articles/news/vladimir-putin-rossiya-ukreplyaet-sobstvennyy-suverenitet-po-vsem-napravleniyam/>

Билиева Ирина Ивановна,

ассистент, кафедра истории и философии, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
E-mail: irbilika@gmail.com

В статье проведен комплексный анализ понятийно-смысловой нагрузки концепта «информационное противостояние», с особым вниманием к различным формам проявления этого явления – противоречию, противопоставлению, противодействию, сопротивлению, войне, конфронтации, столкновению, антагонизму и др. Осуществлена систематизация ключевых понятийных элементов, выявлены их взаимосвязи и синонимические ряды, а также исследованы базовые философские категории, лежащие в основе смысловой конструкции «информационное противостояние». Проанализированы принципиальные различия между понятиями, входящими в сферу информационного противоречия. Выделены два ключевых фактора, лежащих в основе всех форм: целенаправленная передача информации и несогласие с ней, вызывающее противоречие. Так, «информационное противоречие» характеризуется простым несогласием без активных действий, тогда как активное развитие этого противоречия приводит к формированию «информационного противостояния», которое предполагает борьбу сторон за информационное влияние или доминирование. Особое внимание уделено роли современных технологий, которые усложняют и расширяют содержание информационного противостояния. Подчеркнута актуальность дальнейших исследований в связи с ростом масштабов и сложности информационных противостояний, затрагивающих интересы государств, обществ и отдельных индивидов в условиях глобализации и развития информационных технологий.

Ключевые слова: информация, противоречие, противостояние, информационное противостояние, информационное противодействие, информационное сопротивление, информационный антагонизм, информационная война, информационное общество.

В эпоху стремительного развития информационных технологий информационные потоки играют основную роль в формировании экономической, социально-политической и культурной реальности. Борьба за влияние на общественное мнение, контроль над информационными потоками и манипулирование сознанием общества являются основными элементами современной внутренней и внешней информационной политики. В условиях, когда информация становится стратегическим ресурсом, исследование такого феномена как «информационное противостояние», приобретает особую актуальность.

Цель статьи: анализ понятийно-категориального аппарата смысловой конструкции «информационное противостояние». Задачи статьи: выявление ключевых смыслов, заложенных в понятие «информационное противостояние»; определение его взаимосвязи с другими релевантными понятиями. План исследования предполагает анализ словарных дефиниций, рассмотрение их синонимического ряда и выделение базовых философских категорий построения смысловой конструкции «информационное противостояние». Если говорить более детально, то начнем с рассмотрения толкований сущности понятия «противостояние» в современных словарях и раскроем его связь с такими категориями, как антагонизм, оппозиция и конфронтация. Далее перейдем к рассмотрению в научном дискурсе второй части нашей смысловой конструкции, понятия «информация», и представим обобщенное определение понятия «информационное противостояние». Предлагаемый подход позволит нам более точно определить его содержание и выявить, при наличии, отличительные характеристики.

Научные исследования информационного противостояния охватывают широкий спектр проблемных вопросов, в частности, таких, как изучение методов пропаганды и дезинформации, анализ влияния социальных сетей на формирование общественного мнения, разработка стратегий защиты и создание систем информационной безопасности и др. Осмыслением и анализом ключевых понятий в области информационного противостояния, занимались следующие исследователи: Л.А. Бураева [2], А.А. Дорский [3], С.А. Иванов [4], А.В. Манойло [7], К.В. Марчан, В.В. Тулупов [8], Л.Ю. Медовкина [9], И.Н. Панарин [12] и др. Учитывая высокий уровень внимания, уделяемого этим вопросам исследователями, проблема соотношения, взаимосвязи и взаимозаменяемости указанных понятий остается актуальной и вызывает дискуссии, что определяет необходимость дальнейшего их изучения.

Информационное противостояние – это сложное и многогранное явление, требующее скрупулезного теоретико-концептуального анализа. Начнем рассмотрение нашей смысловой конструкции с понятия «противостояние». В Толковом словаре Ожегова смысловая нагрузка понятия «противостояние» представлена в двух значениях: первое – как «сопротивление действию чего-нибудь, сохраняя устойчивое положение», например, «противостояние ветру» или «противостояние чьему-нибудь нажиму» [17]; второе – как «быть противопоставленным, различаться по сути, по существу», например, «противостоящие мнения» [17].

В Большом толковом словаре русских глаголов данное понятие интерпретируется также в двух значениях: первое, как «*противодействовать кому-либо, чему-либо, оказывая сопротивление, создавая преграды, помехи, задерживая что-либо, стараясь преодолеть, уничтожить кого-либо, что-либо*»; второе, как «*противодействовать чему-либо, находиться в противоречии друг с другом, будучи противопоставленными*» [16]. Также к сущностному описанию понятия «противостоять» указана подборка синонимов: препятствовать, противоборствовать, противоречить [16].

Для более четкого понимания сущности понятия «противостояние» следует обратить внимание на понятия-синонимы, представленные в Словаре русских синонимов: антагонизм, антагонистичность, оппозиция, оппозиционность, конфронтация [15]. Так, понятие «антагонизм» (от греч. *antagonisma* – спор, борьба) *противоречие*, характеризующееся острой борьбой враждебных сил, тенденций [1]. В свою очередь, его синонимический ряд включает в себя такие чувства и действия, как вражда, недоброжелательство, нелюбовь, неприязнь, противодействие, противоречие, рознь, соперничество. Отсюда и происходит формирование антагонистичности, то есть враждебности, непримиримости, противоположности и противостояния [1].

Следующим синонимом понятия «противостояние» является феномен оппозиции, оппозиционности. Понятие «оппозиция» (от лат. *oppositio* – *противопоставление*) обозначает, с одной стороны, обобщенное *противодействие, сопротивление* чему-либо, какой-либо политике или чьим-либо действиям, взглядам. С другой стороны, фактически представляет собой определенную партию или группу, выступающую вразрез с мнением большинства или господствующим мнением, *ведущую политику противодействия*. Например, парламентская оппозиция, внутрипартийная оппозиция [11], в целом – противодействие каких-либо партий или любое другое *политическое противостояние* [10]. Подобные оппозиционные действия составляют синонимическую картину, представляющую следующий понятийным рядом: вернакулятор, обструкция, противодействие, противопоставление, противостояние, сопротивление, фронда и др. [11], [10].

Нельзя обойти вниманием и синоним «конфронтация». Осмысление понятия «конфронтация» (от франц. *confrontation*) подразумевает тот же набор синонимических понятий, что и у предыдущего термина, таких как противоборство, противопоставление, а также включает возможное столкновение социальных систем, классовых интересов, убеждений. Например, политика конфронтации и даже военная конфронтация или просто конфронтация взглядов [6]. Синонимичность рассматриваемого понятия остается такой же. Добавим только уже довольно знакомые нам и устойчивые понятия «*противостояние*» и «*столкновение*» [6].

Относительно смысловой нагрузки понятия «противостояние» важно обратить внимание, что все вышеприведенные определения включают в себя объединяющий элемент – *противоречие*. Противоречие – это философская категория, для которой характерно единство и борьба противоположностей [13]. С политологической точки зрения понятие «противоречие» прежде всего положение, при котором одно высказывание исключает другое высказывание, суждение или мнение, несовместимое с ним [14].

Учитывая вторую часть смысловой конструкции «информационное противостояние» следует отметить, что в научном дискурсе существуют разнообразные подходы к определению понятия «информация». Мы же

остановимся на следующих. Во-первых, в Большой российской энциклопедии понятие «информация» (от лат. *informatio* – *разъяснение, осведомление, понимание*) определено как «сообщение или сигнал, совокупность данных сведений, рассматриваемые в контексте их содержания, структурной организации, динамики (процессов создания, передачи, восприятия, использования, репрезентации, анализа, хранения и т.п.)» [5]. Во-вторых, в нашем исследовании важно применить также расширенное и универсальное определение понятия «информация» предложенное В.П. Рыжовым. Он рассматривает информацию как «философскую категорию, характеризующую объекты любой природы и любого уровня организации, являющуюся мерой неоднородности и воплощающую отраженное разнообразие» [18, с. 8]. Таким образом, где информация – это не только данные или сведения, но и категория, объединяющая любые проявления различий и многообразия в окружающем мире.

Обобщая нашу понятийно-смысловую конструкцию «информационное противостояние» и используя ее синонимический ряд, важно определить производные от нее следующие понятия: информационное противоречие, информационное противоборство, информационный антагонизм, информационное противодействие, информационная конфронтация, информационное сопротивление, информационное столкновение, информационная война. На первый взгляд перечисленные понятия в принципе выглядят близкими по смысловой нагрузке и очень часто используются как синонимы. Но при более детальном рассмотрении можно выявить их отличительные черты.

Сосредоточимся на рассмотрении их принципиальных различий. В основе всех вышеупомянутых конструкций находится два объединяющих фундаментальных фактора. Это целенаправленная передача информации и обычное несогласие с ней, непринятие ее и, как следствие, формирование определенного *противоречия*. Так, понятие «информационное противоречие» по сути, не подразумевает активных действий, а обозначает просто самое обычное несогласие/различие во мнениях с производимой/получаемой информацией. Наличие же последнего при активных действиях развивает *информационное противостояние* и является обобщающей основой для проявления разных его этапов и форм. Информационное противостояние подразумевает действия двух и более сторон-участников, преследующих разные информационные цели в условиях соперничества или конфликта. Его характерной чертой есть динамика информационных взаимодействий, которые могут пребывать в разных состояниях, переходить из пассивной в активную фазу и наоборот.

Информационное противоборство представляет собой активную фазу информационного противостояния. Включает в себя борьбу за информационное влияние. Предусматривает как наступательные, так и оборонительные информационные действия. Целью информационного противоборства выступает ослабление информационных возможностей противоположной стороны и до усиление или усиление собственного информационного превосходства.

Неотъемлемым его элементом является планомерное и хорошо организованное *информационное противодействие*. Задачи которого направлены, прежде всего, на выполнении конкретных действий по *предотвращению, ослаблению или нивелированию* информационного воздействия противоборствующей стороны и защиты своих интересов. Цель защита от нежелательного информационного воздействия присуща и *информационному сопротивлению*, но методы и подходы у них разные.

Для информационного сопротивления характерна спонтанная реакция на предпринимаемые действия в рамках информационного противоборства.

Информационная война наиболее агрессивная форма информационного противоборства, активный элемент борьбы за превосходство в информационной сфере. В ее условиях информационное действие направлено на достижения конкретных экономических, политических, социальных, культурных, военных и других целей.

В противовес от информационной войны *информационное столкновение* представляет кратковременное и интенсивное информационное взаимодействие, направленное на достижение конкретной ограниченной цели за короткий период времени. В целом информационным столкновением может быть краткий эпизод в рамках более широкой конфронтации или даже антагонизма. В случае эскалации информационного взаимодействия и формирования постоянной напряженности информационное столкновение может перерасти в информационную конфронтацию.

Информационная конфронтация – активное и открытое противостояние с демонстрацией враждебности. Для нее характерно применение различных информационных методов и средств, вплоть до агрессивных действий и взаимных обвинений, направленных на достижение каждой стороной своих целей. В случае, когда же разногласия становятся принципиально непримиримыми, противостояние переходит на новый уровень.

Информационный антагонизм имеет наиболее фундаментальный уровень противостояния. Характерная черта – наличие глубоких, принципиально непримиримых разногласий, которые трудно или невозможно решить. Информационный антагонизм может проявляться как в активном, так и латентном состоянии и является всегда подчеркивает непримиримый характер противоречий между сторонами в информационной сфере. Близко связан с идеологическими, культурными, религиозными и др. противоречиями. В силу своей глубины и связи с основополагающими ценностями, мировоззренческими установками информационный антагонизм требует тщательного управления, направленного либо на смягчение противоречий и поиск компромиссов, либо на сдерживание эскалации конфликта и т.д. В общем, для всех форм информационного противостояния традиционно использование информации в качестве инструмента воздействия и взаимодействия, а также применение целенаправленных действий для достижения поставленных задач. Дифференциация же обусловлена прежде всего динамикой, обстоятельствами, контекстом и применяемыми методиками.

В целом, все вышеперечисленные понятийно-смысловые конструкции не обладают равной смысловой нагрузкой, несмотря на то что синонимично связаны между собой. Прежде всего, они описывают разные аспекты, этапы и формы информационного противостояния. Однако важно понимать, что границы между этими понятиями размыты, и в реальной жизни они часто переплетаются. Так, например, распространение альтернативной информации может быть одновременно и актом информационного сопротивления, и элементом информационного взаимодействия со стороны государства и т.д.

При анализе смысловой нагрузки концепта «информационное противостояние» необходимо учесть разнообразие проявлений противостояния, охватывающего как концептуальные категории, такие как противоречие и противопоставление, так и практические аспекты, например противодействие и сопротивление. Особое внимание при этом следует уделить информационной со-

ставляющей, которая в эпоху стремительного развития технологий приобретает, пожалуй, ключевое значение. Каждое действие с информацией, будь то ее создание, передача, восприятие или применение, неразрывно связано с определенным смысловым содержанием, заданной целью, потенциалом воздействия и возможностями взаимодействия.

В этом контексте важно подчеркнуть, что «информационное противостояние» представляет собой динамичный процесс взаимодействия нескольких субъектов, где ключевыми чертами являются разногласия, противопоставление, взаимное сопротивление и борьба, осуществляемая через распространение и интерпретацию информации. Данный феномен характеризуется наличием противостояний, столкновений и соперничества, призванных обеспечить господство или защитить интересы в информационной сфере и за ее пределами.

Таким образом, понятие «информационное противостояние» – это обусловленное противоречиями информационное взаимодействие двух и более сторон, направленное на достижение поставленных целей. В условиях глобализации и непрерывного развития технологий данное явление становится все более интенсивным и многофакторным, затрагивая интересы государств, обществ и каждого человека, что подчеркивает необходимость дальнейших исследований.

Литература

1. Антагонизм. Современная энциклопедия // [Электронный ресурс]. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/5426> (дата обращения: 10.05.2025).
2. Бураева Л.А. Информационное противостояние как способ ведения информационных войн / Л.А. Бураева // Пробелы в Российском законодательстве. 2018. № 3. С. 59–60.
3. Дорский А.А. «Информационное противостояние» как проблема наук об общественных коммуникациях / А.А. Дворский // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2024. № 1. Т. 1. С. 52–60.
4. Иванов С.А. Информационная война: сущность и основные формы проявления // [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-voyna-suschnost-i-osnovnye-formy-proyavleniya> (дата обращения: 04.05.2025).
5. Информация. Большая российская энциклопедия / Урсул А.Д. Проблема информации в современной науке. М.: Наука, 1975. // [Электронный ресурс]. – URL: <https://bigenc.ru/c/informatsiia-50086f> (дата обращения: 10.05.2025).
6. Конфронтация. Большой энциклопедический словарь // [Электронный ресурс]. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/162906> (дата обращения: 10.05.2025).
7. Манойло А.В. К вопросу о содержании понятия «Информационная война» / А.В. Манойло // [Электронный ресурс]. – URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=1552> (дата обращения: 03.05.2025).
8. Марчан К.В., Тулупов В.В. От информационного противостояния и давления – к информационной войне / К.В. Марчан, В.В. Тулупов // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2022. № 1. С. 135–140.
9. Медовкина Л.Ю. Соотношение понятий «информационная война» и «информационное противостояние» // Социальногуманитарный вестник. Всероссийский сборник научных трудов. Главный редактор Н.П. Курусканова. Краснодар, 2018. С. 61–65.

10. Оппозиционность. Современный толковый словарь русского языка Ефремовой // [Электронный ресурс]. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/203355> (дата обращения: 10.06.2025).
11. Оппозиция. Современная энциклопедия // [Электронный ресурс]. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/34466> (дата обращения: 10.05.2025).
12. Панарин И.Н. СМИ, пропаганда и информационные войны [Электронный ресурс]. – URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=https://www.phantastike.com/iwar/media_propaganda/doc/ (дата обращения: 05.06.2025).
13. Противоречие. Новая философская энциклопедия // [Электронный ресурс]. – URL: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/ПРОТИВОРЕЧИЕ (дата обращения: 10.05.2025).
14. Противоречие. Политический словарь // [Электронный ресурс]. – URL: https://gufo.me/dict/politics_dict/ Противоречие (дата обращения: 10.05.2025).
15. Противостояние. Словарь русских синонимов // [Электронный ресурс]. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/143454/противостояние (дата обращения: 10.05.2025).
16. Противостоять. Большой толковый словарь русских глаголов // [Электронный ресурс]. – URL: https://verbs_ru.academic.ru/3259/противостоять (дата обращения: 10.05.2025).
17. Противостоять. Толковый словарь Ожегова. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова // [Электронный ресурс]. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/192350> (дата обращения: 10.05.2025).
18. Рыжов В.П. О понятии «информация» / В.П. Рыжов // Известия вузов России. Радиоэлектроника. 2011. Вып. 1. С. 3–8. // [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-informatsiya/viewer> (дата обращения: 04.05.2025).

INFORMATION CONFRONTATION: CONCEPTUAL AND SEMANTIC ANALYSIS

Bilyaeva I.I.

Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky

The article provides a comprehensive analysis of the conceptual and semantic load of the concept of “information confrontation”, with special attention to the various forms of its manifestation – contradiction, opposition, counteraction, resistance, war, confrontation, clash, antagonism, and others. The systematization of key conceptual elements has been carried out, their interrelationships and synonymous series have been revealed, and the basic philosophical categories underlying the semantic structure “information confrontation” have been investigated.

The analysis showed that the fundamental differences between the concepts in the field of information contradiction lie in the degree of activity and involvement of the parties. An “information contradiction” is characterized by a simple disagreement between participants in an information exchange without active action. However, if this disagreement develops and turns into an active confrontation, it transforms into an “information confrontation.” This confrontation involves the parties fighting for information influence, control over information flows and dominance in the information space.

Thus, the study made it possible to clearly define the boundaries between the concepts included in the sphere of information confrontation and identify the key factors determining their development and dynamics. Special attention is paid to the role of modern technologies that complicate and expand the content of information warfare. The relevance of further research is emphasized in connection with the growing scale and complexity of information confrontations af-

fecting the interests of states, societies, and individuals in the context of globalization and the development of information technologies.

Keywords: information, contradiction, confrontation, information confrontation, information counteraction, information resistance, information antagonism, information warfare, information society.

References

1. Antagonism. Modern encyclopedia // [Electronic resource]. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/5426> (date of access: 05/10/2025).
2. Buraeva L.A. Information confrontation as a way of conducting information wars / L.A. Buraeva // Gaps in Russian legislation. 2018. No. 3. pp. 59–60.
3. Dorsky A.A. “Information confrontation” as a problem of the sciences of public communications / A.A. Dvorsky // Bulletin of the V.N. Tatishchev Volga University. 2024. No. 1. Vol. 1. pp. 52–60.
4. Ivanov S.A. Information warfare: the essence and main forms of manifestation // [Electronic resource]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-voyna-suschnost-i-osnovnyemye-formy-proyavleniya> (date of request: 05/04/2025).
5. Information. The Great Russian Encyclopedia / Ursul A.D. The problem of information in modern science. Moscow: Nauka, 1975. // [Electronic resource]. – URL: <https://bigenc.ru/c/informatsiya-50086f> (date of request: 05/10/2025).
6. Confrontation. Large encyclopedic dictionary // [Electronic resource]. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/162906> (date of reference: 05/10/2025).
7. Manoilo A.V. On the issue of the content of the concept of “Information warfare” / A.V. Manoilo // [Electronic resource]. – URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=1552> (date of reference: 05/03/2025).
8. Marchan K.V., Tulupov V.V. From information confrontation and pressure to information warfare / K.V. Marchan, V.V. Tulupov // VSU Bulletin. Series: Philology. Journalism. 2022. No. 1. pp. 135–140.
9. Medovkina L.Y. The correlation of the concepts of “information war” and “information confrontation” // Socio-humanitarian Bulletin. All-Russian collection of scientific papers. Editor-in-chief N.P. Kuruskanova. Krasnodar, 2018. pp. 61–65.
10. Oppositionality. Modern explanatory dictionary of the Russian language by Efremova // [Electronic resource]. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/203355> (date of appeal: 06/10/2025).
11. Opposition. Modern encyclopedia // [Electronic resource]. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/34466> (date of request: 05/10/2025).
12. Panarin I.N. Mass media, propaganda, and information wars [Electronic resource]. – URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=https://www.phantastike.com/iwar/media_propaganda/doc/ (accessed: 06/05/2025).
13. Contradiction. New Philosophical Encyclopedia // [Electronic resource]. – URL: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/ПРОТИВОРЕЧИЕ (date of appeal: 05/10/2025).
14. Contradiction. Political dictionary // [Electronic resource]. – URL: [https://gufo.me/dict/politics_dict/The contradiction](https://gufo.me/dict/politics_dict/The%20contradiction) (date of reference: 05/10/2025).
15. Confrontation. Dictionary of Russian synonyms // [Electronic resource]. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/143454/противостояние (date of request: 05/10/2025).
16. Resist. A large explanatory dictionary of Russian verbs // [Electronic resource]. – URL: https://verbs_ru.academic.ru/3259/противостоять (date of request: 05/10/2025).
17. Resist. Explanatory dictionary of Ozhegov. S.I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova // [Electronic resource]. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/192350> (date of request: 05/10/2025).
18. Ryzhov V.P. On the concept of “information” / V.P. Ryzhov // Izvestiya vuzov Rossii. Radio electronics. 2011. Issue 1. pp. 3–8. // [Electronic resource]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-informatsiya/viewer> (date of request: 05/04/2025).

От формальности к вовлеченности: трансформация восприятия государственных символов с помощью интернет-технологий

Бочанов Максим Александрович,

кандидат политических наук, доцент, доцент Кафедры политологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: max8797@list.ru

Актуальность данного исследования определяется глубокой трансформацией восприятия государственных символов (герб, флаг, гимн) под влиянием интернет-технологий и цифровизации общества. Традиционно формальные атрибуты государственности все чаще интегрируются в повседневную цифровую коммуникацию, приобретая новые смыслы и эмоциональную значимость, особенно для молодежи, что требует переосмысления подходов к патриотическому воспитанию.

Цель работы заключается в анализе эволюции роли государственной символики в условиях цифровой среды и разработке модели ее эффективной популяризации среди молодого поколения. Результаты исследования выявили значительный сдвиг от пассивного восприятия символов к активной вовлеченности через социальные сети, и цифровые платформы. На основе этого предложена комплексная педагогическая модель, интегрирующая эмоционально-ценностные, образовательные, культурно-исторические, социальные, оценочно-рефлексивные и инновационные аспекты, включая использование VR/AR и соцсетей. Исследование обосновывает, что цифровые технологии трансформируют символы в динамичные элементы культуры, укрепляя гражданскую идентичность в информационном обществе.

Ключевые слова: государственные символы, цифровизация, патриотическое воспитание, молодежь, интернет-технологии, гражданская идентичность, педагогическая модель.

Введение

Трансформация восприятия государственных символов в эпоху цифровых технологий представляет собой сложный и многогранный процесс, в котором традиционные формы символики и их восприятие гражданами претерпевают качественные изменения под воздействием новых коммуникационных практик и цифровых платформ. Государственные символы – герб, флаг, гимн – исторически служили не только идентификаторами государственности, но и носителями глубоких смыслов, отражающих исторический путь, культурные особенности и политические устремления народа. Однако с развитием интернет-технологий и переходом общества в цифровую эпоху роль и восприятие этих символов существенно меняются [1].

Исторически государственные символы имели ярко выраженный формальный и институциональный характер. Они были закреплены законом и использовались в официальных церемониях, государственных документах, военной атрибутике, что формировало у граждан отношение к ним как к знакам власти и суверенитета. В традиционном понимании символы выступали как элементы государственной идеологии, обеспечивая консолидирующую функцию и укрепляя национальную идентичность в рамках формальных институтов.

С переходом в цифровую эпоху, характеризующуюся распространением интернета, социальных сетей и мобильных технологий, восприятие государственных символов начинает выходить за рамки официальных контекстов. Цифровые платформы создают пространство для интерактивного и персонализированного взаимодействия с символами, где граждане не просто пассивно воспринимают их, но и активно участвуют в их интерпретации, обсуждении и распространении. Это приводит к тому, что символы перестают быть исключительно формальными атрибутами власти и становятся частью повседневной коммуникации, приобретая новые смыслы и эмоциональную значимость.

Социологические исследования показывают, что молодежь, особенно в мультикультурной среде, воспринимает государственные символы через призму цифровых коммуникаций, что способствует формированию более активного и вовлеченного отношения к ним [2]. В социальных сетях символы государства могут использоваться как маркеры идентичности, средства выражения патриотизма, а также элементы меметической культуры, что демонстрирует их адаптацию к новым форматам коммуникации.

С точки зрения теории цифрового общества, как отмечает М. Кастельс, цифровизация способствует развитию сетевого общества, где информация и знания становятся ключевыми ресурсами, а государственные институты трансформируются в сторону большей прозрачности и взаимодействия с гражданами через цифровые каналы. В этом контексте государственные символы приобретают дополнительное значение как инструменты политической коммуникации, способствующие укреплению доверия и вовлеченности населения.

Важным аспектом является и изменение роли государства в условиях цифровой трансформации. Совре-

менное «предпринимательское государство», по мнению Д. Осборна и Т. Гэблера, использует цифровые технологии для повышения эффективности управления и создания клиентоориентированных сервисов. В этом процессе символика становится неотъемлемой частью цифрового имиджа государства, интегрируясь в электронные сервисы, мобильные приложения и платформы взаимодействия с гражданами.

Результаты и обсуждение

В последнее время появился ряд работ по изучению потенциала интернет – технологий в популяризации государственной символики, авторы которых (А.А. Майоров, С.А. Кудж, А.Б. Купцов, Д.Ф. Бужинков, Е.Н. Путинцева, О.А. Дмитриева и др.) размышляют о необходимости поиска новых форм и методов эффективного использования интернет – коммуникации как уникальной возможности взаимодействия с современной молодежью в контексте ее патриотического воспитания. При этом учтем, что 53,8% молодых людей, принявших участие в исследовании В.Н. Ретинской и И.А. Мурзиной [3], на вопрос об основном источнике информации о символах государства указали интернет.

По мнению Д.Ф. Бужинкова и Е.Н. Путинцевой [4], сейчас невозможно игнорировать в корне меняющую традиционные формы межличностных коммуникаций цифровую реальность, не придавая значения открывающим новые возможности прогрессивным технологиям. Юные граждане с рождения погружены в нее, активно используя, к примеру, социальные сети как каналы общения. Именно через эти каналы можно «достучаться» до молодежи, но это требует разработки интересных, увлекательных методов общения [5]. Эксперты в данной области рекомендуют в социальных сетях, как постоянно посещаемых и пользующихся спросом, без отсутствия падения интереса платформ, создавать группы патриотической направленности, развивать интернет – портал государственной символики и интернет-сайты. Однако следует задействовать интернет – коммуникацию в качестве дополнительного канала, поскольку первичным должно быть живое общение и личный пример.

В этом отношении интересен опыт Китая, который несколько лет держит пальму первенства в мире по численности интернет-аудитории. Правительство страны использует интернет с целью регулирования настроения социума, для избегания проникновения идей подрыва идеологии, считая «создание специализированных сайтов и форумов...эффективным средством патриотического воспитания китайских студентов» [6, с. 75]. Так, на интернет-платформе действуют крупные проекты в целях патриотического воспитания студенческой молодежи.

Проекты, участвующие в патриотическом воспитании студентов Китая, действующие на интернет-платформе:

- 1) патриотический видеоконтент и изображение на страницах «Байдупедии»;
- 2) мессенджеры быстрого информационного обмена;
- 3) интернет-проекты с патриотической тематикой; интернет-порталы «Китайское патриотическое воспитание», «Дом патриота» и др.

Любители онлайн-игр тоже находятся в поле зрения государства. Для этой аудитории, с целью воспитания чувства единства нации, к примеру, разработаны онлайн-игры «National Spirit Online», в которых игрок сражается с врагами в рядах Красной армии за светлое будущее своей страны. Не стоят в стороне в исследуемом вопросе и средства массовой информации, также

государственная символика присутствует во время торжеств, посвященных национальным праздникам и историческим датам. В образовательных учреждениях работа по нравственно-патриотическому воспитанию и порядок поднятия государственного флага регламентируется соответствующим методическим пособием, гимн КНР и патриотические песни разучиваются на уроках музыки [7, с. 96].

В целом, в последние годы отмечаются преобразования в сфере образования, направленные на повышение осведомленности молодежи Китая о патриотизме, разрабатываются новые форматы по повышению местного патриотизма. Так, школьники младшего и среднего звена знакомят с историей и правилами исполнения гимна страны, с выучиванием слов и мелодии, с последующим его исполнением. В государстве на протяжении многих лет действуют две молодежные организации: «Юные пионеры Китая», куда вступают дети с 6 и до 14 лет, и Коммунистический союз молодежи Китая, куда входит молодежь в возрасте от 14 до 28 лет.

Популяризаторами государственных символов Соединенных Штатов Америки в молодежной среде выступают институты гражданского общества, культура и медиа. Национальный флаг США распространен среди местного населения, им украшают и дома, и автомобили, он висит в классных комнатах учебных заведений и ему, хотя и не повсеместно, произносят Клятву в верности, «...что с ним можно сделать, а что нельзя, где и когда его можно вывесить и каких размеров – все это также прописано или на федеральном уровне, или на уровне штата» [8, с. 3]. Гимн США «The Star-Spangled Banner» (Звездно-полосатое знамя) звучит при проведении различных мероприятий общественной и спортивной направленности. С целью торжественности его исполняют вживую. Слова гимна своей страны американцы знают, во время его исполнения подпевают, встав и приложив руку к сердцу.

Американский патриотизм строго регламентирован и формализован: «Если... когда все в школе перед началом занятий исполняют гимн США, ученик не встал и не приложил руку к сердцу, его тут же могут исключить из учебного заведения» [8, с. 3].

С целью популяризации государственной символики в контексте патриотического воспитания российской молодежи мы разработали педагогическую модель, сфокусированную на инновационных методах и формах работы, структурированную с учетом современных тенденций формирования гражданской идентичности и национального самосознания, включающую эмоционально-ценностный, образовательный, культурно-исторический, социальный, оценочно-рефлексивный и инновационный компоненты (рис. 1).

Остановимся на компонентах модели.

1. Эмоционально-ценностный компонент.

Формирование гражданской идентичности: развитие патриотических чувств и приверженности к своей стране через знакомство и понимание символов.

Эмоциональная привязанность: создание эмоционально насыщенной обстановки при работе с государственными символами для укрепления связи молодежи с Родиной.

2. Образовательный компонент.

Интеграция в учебные планы: включение изучения государственной символики в образовательные программы различных уровней.

Интерактивные методы обучения: использование интерактивных методик, игровых форматов и проектной деятельности для увлечения молодежи.

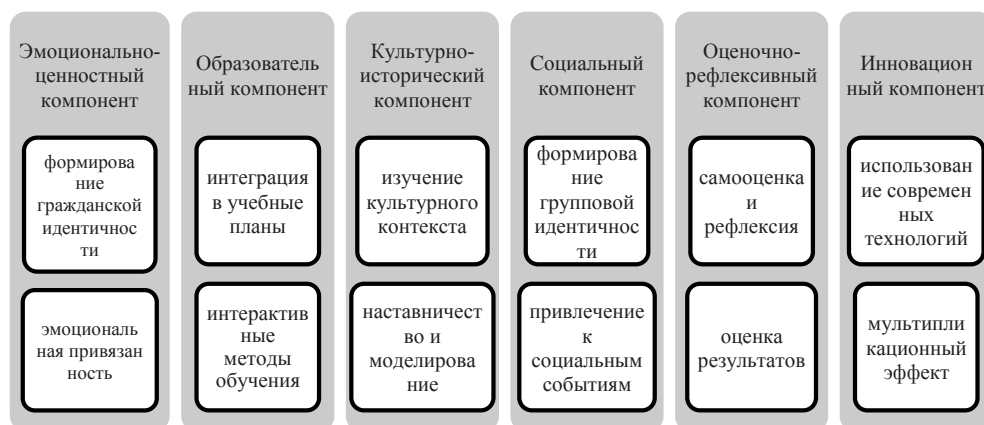

Рис. 1. Компоненты модели популяризации государственной символики в контексте патриотического воспитания российской молодежи

3. Культурно-исторический компонент.

Изучение культурного контекста: обучение молодежи истории и значения государственных символов в контексте культуры и истории страны.

Наставничество и моделирование: привлечение авторитетных фигур, исторических личностей для демонстрации важности символов.

4. Социальный компонент.

Формирование групповой идентичности: работа в коллективе над созданием проектов, связанных с символикой государства.

Привлечение к социальным событиям: участие молодежи в мероприятиях, посвященных государственным праздникам и событиям.

5. Оценочно-рефлексивный компонент.

Самооценка и рефлексия: стимулирование самоанализа и обсуждения убеждений, связанных с государственными символами.

Оценка результатов: проведение оценки эффективности образовательных мероприятий по воспитанию патриотизма через символику.

6. Инновационный компонент.

Использование современных технологий: интеграция виртуальной и дополненной реальности для погружения в историю и значения символов.

Мультипликаторный эффект: создание условий для распространения полученных знаний и ценностей среди широких слоев общества.

Эта модель учитывает не только образовательные и культурные аспекты, но также социальные и эмоциональные составляющие влияния государственной символики на формирование патриотизма и гражданской идентичности у молодежи.

Заключение

Исследование показывает, что официальная государственная символика Российской Федерации, выступая выражением суверенитета и самобытности страны, изучается в единстве всех структурных компонентов, в ее триаде, что позволяет комплексно осваивать заложенные в них смыслы. Использование государственных символов в патриотическом воспитании современной российской молодежи способствует самоопределению молодой личности, ее социализации, формированию активной гражданской и жизненной позиции, национального самосознания и идентичности. Центрами общественного мнения изучается осведомленность и отношение молодых граждан к государственным символам, в последние годы увеличились расходы на приобретение российской государственной символики для патриотического воспитания;

задействуется и интернет-коммуникация как важнейший канал взаимодействия с молодежью.

Воспитание чувств любви у молодого поколения к своей стране в современном мире, гордости за нацию и популяризация государственной символики находятся в центре внимания не только у нас, но и в зарубежных странах.

Таким образом, цифровые технологии не только расширяют функциональное поле государственных символов, но и меняют способы их восприятия и использования. Символы перестают быть монолитными и статичными, превращаясь в динамичные элементы цифровой культуры, которые отражают современные социальные практики и коммуникации. Это способствует формированию новой модели гражданской идентичности, основанной на вовлеченности и активном участии в цифровом пространстве, что является важным фактором укрепления национального единства и патриотизма в условиях информационного общества.

Резюмируя выше сказанное, отметим, что деятельность по воспитанию патриотических чувств молодых граждан осуществляется в контексте слов Президента страны: «...объединив усилия, консолидировав лучшие практики и инициативы, мы сможем вырастить поколения, которые знают свою страну, чувствуют сопричастность её судьбе, к ответственности за её будущее и, главное, верят в неё» [9].

Литература

1. Косаткина, О.В. История формирования государственных символов России / О.В. Косаткина / Текст: непосредственный // Исследования молодых ученых: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, ноябрь 2019 г.). – Казань: Молодой ученый, 2019. – С. 61–65.
2. Розенберг Н.В., Карпова М.К. Государственные символы в восприятии российских и иностранных студентов: сравнительный анализ // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 1. С. 103–117.
3. Ретинская В.Н., Мурзина И.А. Гражданско-патриотическое воспитание молодежи в современном российском обществе: актуальные проблемы и перспективы развития // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2022. № 1 (90). С. 45–52.
4. Бужинев Д.Ф., Путинцева Е.Н. Гражданско-патриотическое воспитание современного российского молодого поколения: проблемы, перспективы и потенциал использования интернет-технологий //

Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. 2022. № 10 (75). – URL: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/grazhdansko-patrioticheskoe-voospitanie-sovremennogo-rossijskogo-molodogo-pokoleniya-problemy-perspektivy-i-potentsial-ispolzovaniya-internet-tehnologij.html>

5. Машкова С.Г. Интернет как эффективный канал коммуникации в процессе гражданско-патриотического воспитания молодежи // SCIENCE TIME. 2014. № 7. С. 243–253.
6. Се Илин, Коврижных О.А. Об опытах патриотического воспитания студентов в Китае // Социально-политические и культурные проблемы современности: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции 31 мая 2016 г. Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука», 2016. С. 73–75.
7. Клепиков В.З. Современный Китай: вопросы воспитания // Педагогика. 2000. № 5. С. 92–98.
8. Балук Н.Н., Иваничкин Ю.А. Патриотизм по-американски. – URL: <http://archive.redstar.ru/index.php/mohov/item/14445-patriotizm-po-amerikanski>
9. Владимир Путин призвал воспитывать молодежь еще патриотичнее. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2956353>

FROM FORMALITY TO ENGAGEMENT: TRANSFORMING THE PERCEPTION OF STATE SYMBOLS WITH THE HELP OF INTERNET TECHNOLOGIES

Bochanov M.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The relevance of this study is determined by the profound transformation of the perception of state symbols (coat of arms, flag, anthem) under the influence of Internet technologies and the digitalization of society. Traditionally, formal attributes of statehood are increasingly integrated into everyday digital communication, acquiring new meanings and emotional significance, especially for young people, which requires rethinking approaches to patriotic education. The purpose of the work is to analyze the evolution of the role of state symbols in the digital environment and to develop a model for its effective popularization among the younger generation. The results of the study revealed a significant shift from passive perception

of symbols to active involvement through social networks and digital platforms. Based on this, a comprehensive pedagogical model is proposed that integrates emotional-value, educational, cultural-historical, social, evaluative-reflexive and innovative aspects, including the use of VR / AR and social networks. The study substantiates that digital technologies transform symbols into dynamic elements of culture, strengthening civic identity in the information society.

Keywords: state symbols, digitalization, patriotic education, youth, Internet technologies, civic identity, pedagogical model.

References

1. Kosatkina, O.V. History of the formation of state symbols of Russia / O.V. Kosatkina. – Text: direct // Research of young scientists: materials of the IV Intern. scientific conf. (Kazan, November 2019). – Kazan: Young scientist, 2019. – Pp. 61–65.
2. Rosenberg N. V., Karpova M.K. State symbols in the perception of Russian and foreign students: a comparative analysis // Electronic scientific journal "Science. Society. State". 2025. Vol. 13, № 1. Pp. 103–117.
3. Retinskaya V. N., Murzina I.A. Civic-patriotic education of youth in modern Russian society: current problems and development prospects // Search: Politics. Social science. Art. Sociology. Culture. 2022. № 1 (90). P. 45–52.
4. Buzhinov D.F., Putintseva E.N. Civic-patriotic education of the modern Russian young generation: problems, prospects and potential for using Internet technologies // The world of pedagogy and psychology: international scientific and practical journal. 2022. № 10 (75). – URL: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/grazhdansko-patrioticheskoe-voospitanie-sovremennogo-rossijskogo-molodogo-pokoleniya-problemy-perspektivy-i-potentsial-ispolzovaniya-internet-tehnologij.html>
5. Mashkova S.G. The Internet as an effective communication channel in the process of civic-patriotic education of youth // SCIENCE TIME. 2014. № 7. P. 243–253.
6. Xie Yilin, Kovrizhnykh O.A. On the Experiences of Patriotic Education of Students in China // Socio-political and cultural problems of our time: a collection of scientific papers based on the materials of the I International scientific and practical conference on May 31, 2016. Nizhny Novgorod: NPO "Professional Science", 2016. P. 73–75.
7. Klepikov V.Z. Modern China: issues of education // Pedagogy. 2000. № 5. P. 92–98.
8. Balukov N.N., Ivanichkin Yu.A. Patriotism in American Style. – URL: <http://archive.redstar.ru/index.php/mohov/item/14445-patriotizm-po-amerikanski>
9. Vladimir Putin called for raising young people to be even more patriotic. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2956353>

Ван Цзинхуа,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: wjh2559518072@gmail.com

Статья представляет собой аналитический обзор эволюции концепции «войны и мира» в китайской философии и её применения к современным глобальным вызовам безопасности. В статье рассматриваются ключевые этапы эволюции отношения к войне и миру в китайской философии: от древности «гармонии в отношениях», основанной на династических браках и политике умиротворения, до современной Инициативы Глобальной безопасности, предложенной в 2022 году. Далее автор критически анализирует формы конфликтов XXI века, им являются не только традиционными угрозами, но и нетрадиционными: Терроризм, экстремизм, сепаратизм, экономическая безопасность и т.д. Особое внимание уделено концептуальным основам Инициативы Глобальной безопасности: четырём измерениям «кооперативной-открытой-общей-мультилатеральной безопасности», которые противостоят западным парадигмам конфронтации. Автор считает, что китайский подход сочетает диалектическое понимание войны и мира (не как антонимы, а как взаимосвязанные аспекты) с прагматической стратегией развития. В итоге делается вывод, что Инициатива Глобальной безопасности выступает не только как альтернатива западным нормам, но и как попытка формирования новой международной системы, основанной на принципах взаимовыгоды и мультилатерализма.

Ключевые слова: Война и мир в китайской философии, глобальная безопасность, региональные конфликты, Инициатива глобальной безопасности, сотрудничество, саморазвитие и альтруизм.

Введение

После распада СССР в 1991 году, США утвердились как единственная сверхдержава, формируя структуру «однополярного мира с несколькими центрами силы». На первый взгляд, идеологическое противостояние и борьба политических систем завершились временной победой либерально-демократической модели Запада, а международный порядок погрузился в фазу стабильности и мира. Однако реальность оказалась иной: несмотря на значительное влияние США, региональные конфликты не сократились, террористическая активность достигла уникальных масштабов, а глобальная безопасность оказалась под серьёзной угрозой. *Цель и задачи.* В статье исследуются концепции «войны и мира» в китайской философии и поиск Китаем новых подходов к глобальной безопасности в условиях меняющейся международной ситуации XXI века. В работе использовались методы индукции, наблюдения, обобщения и метод сравнительного анализа. *Вывод.* Статья представляет собой междисциплинарный диалог между китайской классической философией и теорией международных отношений, без западно-центрической политической парадигмы. Автор предлагает китайское видение решения современных проблем глобальной безопасности: Китай выдвинул Инициативу Глобальной безопасности, которая, опираясь на традиционную философию «гармонии в разнообразии». Также, вместо конкуренции между политическими системами Китая и Запада необходимо сочетать создать двойной аспект – саморазвитие и альтруизм, формировать нормативную основу, противостоящую узкому эгоизму.

Эволюция отношения к войне и миру в китайской философии

От древности до наших дней взаимоотношения войны и мира оставались ключевым вопросом для выживания человеческих сообществ. Принцип «гармония в отношениях», восходящий к традиционной китайской философии, выступал не только как этическая норма, но и как политический принцип, регулирующий отношения между этническими группами, внутренними вассалами(фань), также и внешними вассалами(шу) [1]. Геостратегия Китая в древности активно использовала «мягкие силы»: династические браки и политику умиротворения, устанавливая между Китаем и соседями не «игру с нулевой суммой», а взаимовыгодный мир [2]. Эти принципы обеспечивали стабильность и процветание восточной Азии до XIX века, а ценности «стремления к миру и отрицания войны» сохранились в китайской культурной памяти до сих пор.

Однако в традиционной китайской философии существовал и другой подход – концепция «бдительности в мирное время»: «Размышляя о безопасности, нужно готовиться к обороне; подготовка предотвращает угрозы». Этот военно-философское мнение, эволюционировавшее через две мировые войны, процессы глобализации и глобальной интеграции, в XX веке стало главным в китайском восприятии войны.

Современная китайская мысль рассматривает войну и мир как диалектически связанные категории. Мао Цзэдун утверждал: «Единственный способ уничтожить вой-

ну – это ведение войны против войны» [3]. Дialeктику эту развивает и Си Цзиньпин: «Только обладая военной мощью, можно предотвратить конфликт. Чем больше готовности к войне, тем меньше вероятность её начала. Неспособность защитить себя провоцирует агрессию – в этом заключается диалектика войны и мира».

Можно сказать, что современная китайская философия концептуализирует войну и мир не как антонимы, а как полярные стороны единой системы, где их взаимодействие подчиняется законам исторического развития.

Трансформация форм конфликтов XXI века

На первый взгляд, после распада СССР в 1991 году идеологическое противостояние и борьба политических систем завершились временной победой либерально-демократической модели Запада, а международный порядок погрузился в фазу стабильности и мира.

Американский учёный Сэмюэл Хантингтон в своей работе о постхолодной войне выдвинул теорию, согласно которой окончание биполярного противостояния не означает «конец истории» и наступление стабильности и мира. Он прогнозировал возникновение новых цивилизационных конкурентов и конфликтов, получивших название «Столкновение цивилизаций» [4].

Например, террористические акты 11 сентября 2001 года и последующая «глобальная война против терроризма», завершившаяся в августе 2021 года выводом войск из Афганистана, которая продлила почти 20 лет; Подъем и восстание Исламского государства; Арабская весна, Российско-украинские конфликты, конфликты в секторе Газа и т.д. Этнический сепаратизм, религиозный экстремизм и территориальные противоречия лежат в основе 80% современных вооружённых конфликтов [5].

Что касается международной экономики, вступление Китая в ВТО в 2001 году запустило бурный рост экономики, однако 2008 год стал годом глобального финансового кризиса, а долг США достиг рекордных значений. После этого в еврозоне появился Европейский долговой кризис, который в 2010 году охватил сначала периферийные страны Евросоюза (Греция, Ирландия), а затем распространился практически на всю зону евро [6]. Торговая война между США и Китаем (с 2018) продолжает обостряться, что подрывает гегемонию Вашингтона. К сегодняшнему дню новые экономические державы – Китай, Россия, Индия – бросили вызов традиционному мировому порядку. Еще один важный момент – пандемия COVID-19 в конце 2019 года усугубила кризис, вызвав глобальный социально-экономический хаос и угрозы безопасности.

Во всех упомянутых конфликтах прослеживается влияние США, чья огромная международная роль активизировала региональные противоречия и ускоряла возникновение конфликтов как непосредственно, так и косвенно. Известно, что блок НАТО создавался для «отражения советской угрозы». По словам первого генерального секретаря Гастингса Исмэя, цель создания НАТО: «держатъ Советский Союз вне (Европы), американцев – внутри, а немцев – в подчинённом положении» [7]. Однако НАТО продолжило расширение после распада СССР: количество стран-членов увеличилось на 16 по сравнению с периодом холодной войны. США ещё после окончания Второй мировой войны заключили ряд соглашений о безопасности с Филиппинами («Договор о взаимной обороне (США – Филиппины)» 1951), Южной Кореей («Договор о взаимной обороне между США и РК» 1953), Японией («Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности между США и Японией»

1961), Австралией и Новой Зеландией («Тихоокеанский пакт безопасности» 1951), целью которых было усиление контроля над Тихоокеанским регионом. В 2023 году было подписано десятилетнее соглашение о безопасности между США и Украиной, что ускорило формирование кольца сдерживания против Китая и России [8].

Всё это подтверждает то, что XXI век станет эпохой цивилизационных конфликтов и трансформации международного порядка. Как показывает исследование Rand Corporation (2023), в современных гибридных конфликтах доля невоенных средств (санкции, кибератаки, информационные операции) превышает 67% от общих расходов на конфликт, причём разрушительная сила экономических санкций уже превосходит эффективность традиционных бомбардировок [9]. Современные конфликты представляют собой не просто традиционные военные противостояния, но выражение многомерного взаимодействия политических, экономических, социальных, религиозных факторов, формирующих гораздо более сложную и гибридную природу современных кризисов.

Инициатива глобальной безопасности

В апреле 2022 года, на открытии ежегодной сессии Форума Боаоского Азиатского, Председатель КНР Си Цзиньпин впервые представил Инициативу глобальной безопасности, основанную на «шести принципах» – концептуальном фундаменте. Инициатива предлагает альтернативный путь – взаимовыгодный подход вместо логики нулевой суммы [10].

По мнению китайского ученого Пэн Бо и Сюэ Ли – Инициатива Глобальной безопасности, укорененная в традиционной китайской философии. Как отметил Си Цзиньпин на Совещании по развитию культурного наследия в июне 2023 года, ключевые характеристики китайской традиционной культуры:

- непрерывность (сохранение исторической преемственности);
- инновационность (динамическое развитие);
- единство (политико-культурная целостность);
- инклюзивность (открытость к мультикультурализму);
- и миролюбивость (отказ от гегемонии) [11].

Как отмечалось во второй части, в различных типах и региональных конфликтах влияние США остается значимым фактором. В контексте китайской политики ключевым элементом является трансформация стратегии США с 2016 года: администрация Трампа инициировала переход от смешанной стратегии «соперничества и сотрудничества» к доктрине «конкурентного приоритета», официально объявив Китай «стратегическим конкурентом» [12]. Джо Байден, вступив в должность, радикализировал эту позицию, характеризуя КНР как «самое масштабное геополитическое испытание XXI века». В октябре 2022 года администрация Байдена в «Национальной стратегии безопасности» формулирует ключевую тезис: «Китай – единственный актер, обладающий как намерением перестроить международный порядок, так и ресурсами (экономическими, дипломатическими, военными, технологическими) для постепенной реализации этой цели» [13].

Эта концепция представляет собой попытку деконструировать западный «гегемонический подход» к безопасности через призму цивилизационной многомерности. Теоретическая логика инициативы воплощается в четырёх измерениях: кооперативная безопасность (сотрудничество вместо конфронтации), открытая безопасность (инклюзивность вместо исключительности), общая безопасность (солидарность вместо гегемонии) и мультilaterальная безопасность (институциональная

координация вместо односторонности). Этот подход радикально контрастирует со стратегической логикой США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где доминируют парадигмы конкурирующей безопасности (силовое сдерживание КНР), закрытой безопасности (технологическая изоляция), сегментированной безопасности (создание военно-политических блоков) и унилатеральной безопасности (игнорирование международного права) [14].

Можно сказать, что Инициатива Глобальной безопасности воплощает концепцию «взаимовыгодности», сочетающую двойной аспект – саморазвитие и альтруизм – что формирует нормативную основу, противостоящую узкому эгоизму [15]. Эта парадигма, объединяющая этические принципы «совместного благополучия» с современными требованиями глобального управления, может стать ключевым инструментом для формирования партнёрских отношений в условиях кризиса международной системы.

Заключение

Китайская философия восприятия «войны и мира» претерпела эволюцию от древних времён до современности. В эпоху империи стратегия «гармонии в отношениях» достигалась через геополитические браки и политику умиротворения, что позволяло поддерживать мирные отношения с соседями. В XX веке Китай пережил фазу отставания, что привело к изменению подхода к войне и миру: Китай придерживается принципа «не провоцировать войны, но быть готовой к их отражению», рассматривая войну и мир не как антонимы, а как диалектически взаимосвязанные стороны единой системы.

В XXI веке характер войны радикально изменился: современные войны представляют собой комплексное взаимодействие политических, экономических, социальных и религиозных факторов, порождающее гибридные конфликты. Традиционная концепция безопасности, предложенная Западом (США), основывается на идеологии «игры с нулевой суммой», стремлении к сдерживанию конкурентов и созданию «разделённых» блоков для обеспечения «унилатеральной безопасности», что фактически усугубляет глобальные риски.

В контрасте с этим Китай выдвинул Инициативу Глобальной безопасности, которая, опираясь на традиционную философию «гармонии в разнообразии», объединяет саморазвитие и альтруизм в нормативную рамку. Эта инициатива выступает альтернативой западным парадигмам, предлагая практический путь к «взаимовыгодному сотрудничеству» вместо конфронтации, «открытости» вместо «изоляции» и «мультилатерализму» вместо «односторонности». Таким образом, Китай переопределяет роль глобального актора: от «пассивного наблюдателя» до «активного координатора» международных норм безопасности.

Литература

1. Забровская Л.В. Традиционная китайская система управления «Восточными варварами» при династии Цин // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2015. № . – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnaya-kitayskaya-sistema-upravleniya-vostochnymi-varvarami-pri-dinastii-tsin> (дата обращения: 27.01.2025).
2. Цзин Бо, Го Цзясин. Диалектика войны и мира – от пацифизма и конечности средств мира // Пекин: Марксистская философия, 2020(03): с. 248–258. = 荆博,郭嘉星.战争与和平的辩证法——从和平主义与和平手

段的有限性谈起[J].马克思主义哲学论丛,2020,(03):248–258. (на кит. яз.)

3. Чжао Ваньшу, Чжай Цинхуа. О мысли Мао Цзэдуна об отношениях между человеком и войной, победой и поражением и ее руководящем значении. // Пекин: Party literature, 2019(01):54–60. = 赵万须,翟清华.论毛泽东人与战争胜负关系思想及其指导意义[J].党的文献,2019,(01):54–60. (на кит. яз.)
4. Huntington, Samuel P. “The Clash of Civilizations?” Foreign Affairs 72, no. 3 (1993): 22–49. (на англ. яз.)
5. Цзян Цзэминь о социализме с китайской спецификой: сбор статей. // Пекин: Центральное издательство литературы, 2002, с. 520 = 《江泽民论中国特色社会主义文集》. 北京: 中央文献出版社, 2002 年: 第 520 页 (на кит. яз.)
6. Jamal Ibrahim Haidar, 2012. Sovereign Credit Risk in the Eurozone, World Economics, World Economics, 1 Ivory Square, Plantation Wharf, London, United Kingdom, SW11 3UE, vol. 13(1), p. 123–136. (на англ. яз.)
7. Reynolds D. The Origins of the Cold War in Europe: International Perspectives. Yale University Press, 1994. p.13 “Keep the Soviet Union out, the Americans in, and the Germans down.” (на англ. яз.)
8. Чу Гофэй, Цуй Цзяньшу. Логика войны, мировое гражданство и институциональные гарантии: исследование мысли Канта о войне и мире. // Пекин: Все мирный экономический и политический форум, 2022(05) с. 1–23. = 褚国飞,崔建树.战争逻辑、世界公民权与制度保障——康德战争与和平思想探微[J].世界经济与政治论坛,2022,(05):1–23. (на кит. яз.)
9. Looking Back on the Big Policy Stories of 2023. // Rand company – 2023. – URL: <https://www.rand.org/pubs/commentary/2023/12/looking-back-on-the-big-policy-stories-of-2023.html> (Дата обращения: 06.03.2025) (на англ. яз.)
10. «Полный текст выступления Си Цзиньпина на церемонии закрытия Делового форума БРИКС-2023» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202308/content_6899641.htm (Дата обращения: 17.03.2025)
11. Си Цзиньпин подчеркнул, что на симпозиуме по развитию культурного наследия он «берет на себя новую культурную миссию, стремится к созданию современной китайской культуры» // Пекин: People's Daily, 3 июня 2023 г., с. 1. = 《习近平在文化传承发展座谈会上强调“担负起新的文化使命，努力建设中华民族现代文明”》，《人民日报》2023 年 6 月 3 日，第 1 版。
12. The White House, “National Security Strategy of the United States of America” // Официальный сайт Белого дома США. – 2017. – URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>. (дата обращения: 17.04.2025).
13. The White House, “National Security Strategy” // Официальный сайт Белого дома США. – 2022. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>. (дата обращения: 17.04.2025).
14. Пэн Бо, Сюэ Ли. Цивилизационные основы, теоретическая логика и практический путь инициатив в области глобальной безопасности. // Пекин: Международные исследования безопасности, 2023, 41 (06): 79–101+154. = 彭博, 薛力. 全球安全倡议的文明基底、理论逻辑与实践路径[J]. 国际安全研究, 2023, 41 (06): 79–101+154. (на кит. яз.)
15. Ло Инцзе, Чжан Юэ. Логика выигрыша и реалистичные вызовы глобальных инициатив в области безопасности – на примере дипломатической практи-

ки Китая в Центральной Азии. // Пекин: Исследования России, Восточной Европы, Центральной Азии, 2025, (01):99–117+163–164. = 罗英杰,张悦.全球安全倡议的共赢逻辑与现实挑战——以中国在中亚地区的外交实践为例[J].俄罗斯东欧中亚研究,2025,(01):99–117+163–164. (на кит. яз.)

“WAR AND PEACE” IN CHINESE PHILOSOPHY

Wang Jinghua

Saint Petersburg State University

This article presents an analytical review of the evolution of the concept of “war and peace” in Chinese philosophy and its application to contemporary global security challenges. The article undertakes an examination of the pivotal stages in the evaluation of the attitude to war and peace in Chinese philosophy, commencing from the era of “harmony in relations” that was founded on dynastic marriages and the policy of appeasement, extending to the contemporary Global Security Initiative that was proposed in 2022. Additionally, the author conducts a critical analysis of the forms of conflicts that have emerged in the 21st century. These conflicts encompass both traditional and non-traditional threats. A plethora of issues have come to the fore, including but not limited to terrorism, extremism, separatism, and economic security. A particular emphasis is placed on the conceptual underpinnings of the Global Security Initiative, which are characterized by the four dimensions of “cooperative-open-shared-multilateral security.” These dimensions stand in opposition to the Western paradigms of confrontation. The author posits that the Chinese approach integrates a dialectical understanding of war and peace, perceiving them not as antonyms but as interrelated aspects, with a pragmatic development strategy. Consequently, it is posited that the Global Security Initiative functions not solely as an alternative to Western norms but also as an endeavor to establish a novel international system predicated on the principles of mutual benefit and multilateralism.

Keywords: War and peace in Chinese philosophy, global security, regional conflicts, Global Security Initiative, cooperation, self-development and altruism.

References

1. Zabrovskaya L.V. Traditional Chinese management system of “Eastern barbarians” under the Qing dynasty // *Izvestia Irkutsk State University. Series: History*. 2015. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnaya-kitayskaya-sistema-upravleniya-vostochnymi-varvarami-pri-dinastii-tsin> (date of reference: 27.01.2025).
2. Jing Bo, Guo Jiaxing. Dialectics of war and peace – from pacifism and finality of peace means // *Beijing: Marxist Philosophy*, 2020(03): pp. 248–258. = 荆博, 郭嘉星.战争与和平的辩证法——从和平主义与和平手段的有限性谈起[J].马克思主义哲学论丛,2020,(03):248–258. (in Chinese).
3. Zhao Wanshu, Zhai Qinghua. On Mao Zedong’s thought on the relationship between man and war, victory and defeat and its guiding significance. // *Beijing: Party literature*,2019(01):54–60.

- = 赵万须, 翟清华.论毛泽东人与战争胜负关系思想及其指导意义[J].党的文献, 2019,(01):54–60. (in Chinese).
4. Huntington, Samuel P. “The Clash of Civilizations?” *Foreign Affairs* 72, № 3 (1993): 22–49. (in English).
 5. Jiang Zemin on socialism with Chinese characteristics: a collection of articles. // *Beijing: Central Literature Publishing House*, 2002, p. 520 = 《江泽民论中国特色社会主义文集》. 北京: 中央文献出版社, 2002 年: 第520页. (in Chinese).
 6. Jamal Ibrahim Haidar, 2012. Sovereign Credit Risk in the Eurozone, *World Economics*, World Economics, 1 Ivory Square, Plantation Wharf, London, United Kingdom, SW11 3UE, vol. 13(1), p. 123–136.
 7. Reynolds D. The Origins of the Cold War in Europe: International Perspectives. *Yale University Press*, 1994. p. 13 “Keep the Soviet Union out, the Americans in, and the Germans down.” (in English).
 8. Chu Guofei, Cui Jianshu. The Logic of War, World Citizenship, and Institutional Guarantees: A Study of Kant’s Thought on War and Peace. // *Beijing: All Peace Economic and Political Forum*, 2022(05) pp. 1–23. = 褚国飞, 崔建树.战争逻辑、世界公民权与制度保障——康德战争与和平思想探微[J].世界经济与政治论坛,2022,(05):1–23. (in Chinese).
 9. Looking Back on the Big Policy Stories of 2023. // *Rand company* – 2023. – URL: <https://www.rand.org/pubs/commentary/2023/12/looking-back-on-the-big-policy-stories-of-2023.html> (date of access: 06.03.2025) (in English).
 10. “Full text of Xi Jinping’s speech at the closing ceremony of the BRICS-2023 Business Forum”. [Electronic resource]. Access mode: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202308/content_6899641.htm (date of access: 17.03.2025).
 11. Xi Jinping stressed that at the symposium on the development of cultural heritage, he is “taking on a new cultural mission, striving to build a modern Chinese culture” // *Beijing: People’s Daily*, June 3, 2023, p. 1. = 《习近平在文化传承发展座谈会上强调“担负起新的文化使命，努力建设中华民族现代文明”》，《人民日报》2023 年 6 月 3 日，第 1 版。
 12. The White House, “National Security Strategy of the United States of America” // *Official website of the U.S. White House*. – 2017. – URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>. (date of reference: 17.04.2025).
 13. The White House, “National Security Strategy” // *Official website of the White House of the United States of America*. – 2022. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>. (date of reference: 17.04.2025).
 14. Peng Bo, Xue Li. Civilizational foundations, theoretical logic and practical path of global security initiatives. // *Beijing: International Security Studies*, 2023, 41 (06): 79–101+154. = 彭博, 薛力.全球安全倡议的文明基底、理论逻辑与实践路径[J].国际安全研究, 2023, 41 (06): 79–101+154. (in Chinese).
 15. Luo Yingjie, Zhang Yue. Winning Logic and Realistic Challenges of Global Security Initiatives – A Case Study of China’s Diplomatic Practice in Central Asia. // *Beijing: Russia, Eastern Europe, Central Asia Studies*, 2025, (01):99–117+163–164. = 罗英杰,张悦.全球安全倡议的共赢逻辑与现实挑战——以中国在中亚地区的外交实践为例[J].俄罗斯东欧中亚研究,2025,(01):99–117+163–164. (in Chinese).

Молодежь как объект политических технологий микро-таргетинга в избирательном процессе

Даниленко Виталий Игоревич,

стажер-исследователь Центра Стратегии развития образования МГУ им. М.В. Ломоносова
E-mail: science-rus@bk.ru

В статье рассматривается возможность применения технологии политического микро-таргетинга для повышения уровня вовлеченности молодежи в избирательный процесс. Автор демонстрирует, что, использование микро-таргетинга отвечает стилю деятельности молодежи в виртуальном пространстве. Контекстуальные стимулы способствуют быстрому и эффективному поиску информации, создают основы для коммуникации по модели «убеждение посредством взаимодействия». Сегментирование молодежи на более узкие подгруппы способствует углублению наших знаний о ценностях, ориентациях, проблемах и склонностях групп молодежи, что повышает эффективность коммуникации с ними в рамках избирательной кампании. В результате возрастает уровень информированности молодежи, что делает их выбор более ответственным. При этом микро-таргетинг является технологией, позволяющей оптимизировать коммуникацию, тогда как сама коммуникация с молодежью и повышение степени ее вовлеченности в избирательный процесс могут быть достигнуты только на основе создания подлинно содержательных персонализированных сообщений.

Ключевые слова: молодежь, политический микро-таргетинг, избирательный процесс, вовлечение молодежи в политику, политика.

Введение

Для современного этапа развития политической науки характерен повышенный интерес к фундаментальным, базовым демократическим институтам и процессам. Это вызвано тем, что модель демократии, воплощенная в практике деятельности западноевропейских и североамериканских государств и претендовавшая на монопольное положение в качестве единственно возможного регулятора политической жизни стран всего мира, демонстрирует свою неэффективность и нежизнеспособность. Как подчеркнул в 2024 г. Президент РФ В.В. Путин, «все чаще демократию начинают трактовать как власть не большинства, а меньшинства. И даже противопоставляют традиционную демократию и народовластие некой абстрактной свободе, ради которой демократическими процедурами, выборами, мнением большинства, свободой слова и неангажированностью СМИ, как некоторые считают, можно и пренебречь»¹. В этой связи, задача формирования многополярного мира с «полифоническим устройством» общества, в котором «должны быть услышаны все голоса», делает крайне востребованными политические исследования электоральных процессов, составляющих сущностное ядро демократических практик.

Теоретико-методологические основания исследования

Обращаясь к институту выборов, нельзя не увидеть особого положения молодежи как субъекта избирательного процесса. С одной стороны, очевидным представляется тот факт, что именно участие молодежи в выборах позволит обеспечить стабильное и поступательное развитие политической системе в силу того, что именно молодежь своим выбором транслирует и утверждает те идеи и ценности, которые определяют будущее развитие страны и мира.

С другой стороны, именно молодежь «является наиболее сложной электоральной группой» [7, с. 355]. На протяжении уже длительного периода времени исследователи говорят о «низкой электоральной активности молодежи» [16, с. 14], о том, что «большая часть молодежи не склонна принимать участие в выборах» [6, с. 148]. Исследователи всерьез озабочены проблемой молодежного абсентеизма, тенденции которого «в молодежной среде сильны, настолько, что оставлять их без должного внимания нельзя» [3, с. 43].

Стоит отметить также политологов, склонных не к столь категоричным, а, скорее, к сдержанным оценкам электорального участия молодежи. Например, мнение М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги о среднем уровне политической активности молодежи, не склоняющейся ни к полной апатии, ни к высокому уровню гражданского активизма[5]. Исследователи указывают на допустимость утверждений о низкой электоральной активности молодежи лишь в относительном смысле, в сравнении со старшим поколением[1, с. 303]. Еще десятилетие на-

¹ Демократию всё чаще трактуют как власть меньшинства. [Электронный режим доступа] <https://radiosputnik.ru/20241107/demokratiya-1974627671.html> Дата обращения 17.05.2025.

зад Ю.А. Беликова, опираясь на многолетний анализ избирательных процессов в стране говорила о том, что «молодежь не стоит в явной оппозиции ко всему институту выборов в нашей стране..., [но при этом] её политическая активность, если и не равна нулю, то далека от идеальной» [2, с. 59].

Стоит отметить, что сложная ситуация с участием молодежи в избирательном процессе демонстрируется не только на федеральном, но и на региональном уровнях. Так, например, исследования, проведенные в Алтайском крае в 2017 г., позволили говорить о том, что «среди молодых людей больше половины нейтрально относятся к избирательному процессу и к выборам в частности» [13].

Повышенное внимание государства к вопросу участия молодежи в социально-политической жизни страны, системная реализация на протяжении последнего десятилетия молодежной политики, направленной, прежде всего, на противодействие попыткам вовлечения молодежи в противоправные, общественно опасные формы политической активности, в целом ряде аспектов имели свои положительные результаты. В настоящее время статистические данные, полученные на прошедших в 2023 и 2024 гг. избирательных кампаниях в России [4], позволяют исследователям говорить о наметившейся тенденции к «омоложению» [9, с. 65] электорального участия и «более активном участии молодых людей в избирательных кампаниях в различных статусах» [15, с. 100]. Исследователи отмечают рост числа молодых членов избирательных комиссий, а также рост политического волонтерства – вовлечения молодежи в организацию и проведение избирательных кампаний в органы представительной и исполнительной власти [1].

Несмотря на фиксируемую тенденцию, вовлечение молодежи в избирательный процесс остаётся сложной задачей. Проблема низкой электоральной активности молодежи характерна не только для России, но и для многих стран мира [20].

В этих условиях ключевую роль играют новые формы вовлечения, особенно цифровые технологии, поскольку молодежь относится к «цифровым аборигенам» – поколению, живущему в мире интернета и соцсетей. Доля такой молодежи растёт, повышая её восприимчивость к цифровым методам политической мобилизации.

Особый интерес представляет микротаргетинг как инструмент повышения электоральной активности молодежи и её вовлечения в политику.

Под микро-таргетингом понимается технология «сегментации целевой аудитории с использованием уникального алгоритма, который определяет комбинацию демографических и психографических характеристик для каждого из сегментов» [14, с. 40], в результате чего на основе полученных данных определяются параметры и содержание политической коммуникации, специализированной согласно конкретике выделенных электоральных сегментов. Микро-таргетинг – это практика использования данных для разработки и донесения персонализированных сообщений до сегментированных групп электората, жанр предвыборных коммуникаций, использующий новые технологические возможности искусственного интеллекта и цифровых баз данных.

Данная технология обладает особым положением применительно к рассматриваемым проблемам политического участия молодежи в избирательном процессе. Оно обосновывается тем обстоятельством, что реальное применение технологии микро-таргетинга в период избирательной кампании (прежде всего, речь идет об избирательной кампании по выборам Президента США в 2016 году и последующих избирательных кампаниях

в США и ряде европейских стран) «позволило мобилизовать малоинформированных избирателей (low-information voters) – неоднородную группу населения, в силу разных причин аполитичных или критично настроенных по отношению к политическим новостям, событиям, избирательному процессу» [11, с. 147; 18].

Обращает на себя внимание при этом, что политологи, признавая, что с помощью цифровых инструментов оказалось возможным мобилизовать ранее «невостребованный» электорат, не обращались к рассмотрению применения технологии микро-таргетинга конкретно к молодежи. Хотя в отдельных работах данный аспект затрагивался, но полноценного рассмотрения он не получил [12]. В силу этого обстоятельства целью данного исследования будет являться изучение особенностей использования технологии микро-таргетинга для повышения уровня вовлеченности молодежи в избирательный процесс.

В методологическом отношении проводимое исследование основывается на системном подходе, в рамках которого автор обращается к структурно-функциональному анализу технологии микро-таргетинга. Мы полагаем наиболее адекватным в методологическом плане подход, предполагающий выявление структуры технологии микро-таргетинга с последующим анализом специфики функциональной применимости ее компонентов для влияния на молодежь в рамках избирательного процесса. Помимо этого в методологическом отношении работа опирается на общелогические методы индуктивных и дедуктивных обобщений, анализа и синтеза, формально-логический и исторический методы.

Основное содержание

Отталкиваясь от вышеприведенного определения политического микро-таргетинга, мы можем легко увидеть, что, по своей сути, данная технология является производной адаптацией методов поведенческой рекламы, используемых в потребительском маркетинге. Как таковая поведенческая реклама в маркетинге является одним из продуктов применения искусственного интеллекта. Алгоритмы и механизмы ее использования развивались вместе с совершенствованием принципов деятельности искусственного интеллекта и в настоящий день представляют собой явление, перманентно сопровождающее любого пользователя интернета и в наиболее выраженном виде заключающееся в рекламном предложении товаров и услуг в контекстном меню на основе поисковых запросов пользователя или иным образом установленных его интересов.

В этом смысле политическая версия микро-таргетинга направлена на использование больших объемов данных о поведении, склонностях, интересах, ориентациях пользователя, полученных на основе его виртуальных следов, прежде всего, на платформах социальных сетей. Использование большого объема данных с помощью специальных алгоритмов аналитической деятельности искусственного интеллекта позволяет выделить не просто группы избирателей, а группы, узко сегментированные согласно интересующей их тематике и проблематике, что позволяет построить с ними специфицированную политическую коммуникацию. Формируемая в результате коммуникативная модель имеет больший потенциал политического восприятия молодежью в силу того, что в целом само построение информационного обмена в виртуальном пространстве интернета 2.0 носит характер нишевой ориентации. В этом случае приоритетное значение в системе коммуникации имеет не информация (ее содержание) безлико распространяемая источником, монопольно ею обладающим, но ин-

формация персонализированная, предполагающая и даже ожидающая определенного интерактивного отклика со стороны реципиента. Получатель информации становится со-творцом коммуникации, а не остаётся просто потребителем.

Структурно политический микро-таргетинг включает в себя три основных элемента:

- 1) сбор персональных данных,
- 2) использование этих данных для выявления групп людей, для построения специализированной политической коммуникации,
- 3) отправка персонализированных онлайн-сообщений.

Сбор персональных данных осуществляется на основе использования алгоритмов искусственного интеллекта преимущественно в социальных сетях и представляет собой обработку цифровых следов деятельности пользователя. Применительно к молодежи, проводящей значительное время в интернете и получающей информацию преимущественно из сетевых ресурсов, информативность собранных данных может быть очень высока. Интересы, склонности, озабоченности и тревоги молодых пользователей не могут не получить своего отражения в виртуальной реальности, в целом ряде аспектов замещающей для них оффлайн-реальность, а следовательно, алгоритмы с той или иной степенью адекватности могут сформировать портрет искомого пользователя. Цифровая активность молодежи, как правило, проявляется в крошечных актах политического участия, таких действиях, как лайк, хештег, репост или твит. Эти действия и выражаемые в них политические склонности, которые ранее были недоступны, теперь в силу развития технологий вполне могут быть использованы.

Критики использования технологии политическо-го микро-таргетинга указывают на то обстоятельство, что сбор и обработка персональных цифровых следов пользователя предстают покушением на неприкосновенность частной жизни. В этом смысле сбор данных о цифровых следах воспринимается в рамках конспирологических идей повсеместной слежки интернет-платформ за пользователями и нового тоталитарного общества, в котором, как, например, мрачно прогнозирует Ф. Ховард, «политики будут использовать данные для «перепределения границ» граждан, получающих политическую информацию, формируя установки и убеждения, ведущие к «управляемому гражданству»» [19].

Представляется, что применительно к молодежи такие недостатки микро-таргетинга не имеют определяющего значения в той мере, в какой сбор данных не нарушает действующего законодательства. Широкое применение технологий таргетирования в промышленном маркетинге за годы своей реализации продемонстрировало, что информация, предоставляемая пользователям на основе цифровых следов, значительно экономит их время и ресурсы.

Речь идет о том, что без контекстной рекламы пользователь вынужден искать информацию самостоятельно, в значительной мере полагаясь на некие интуитивные откровения, приводящие к его столкновению с нужной продукцией (информацией) в ситуации, когда пользователь, в сущности, не имеет еще должного понимания того, что ему требуется. Применительно к деятельности пользователей сети, находящихся в условиях поиска информации, мы сталкиваемся с характерным для ограниченно рациональных агентов разрывом между намерением и действием. Как результат наблюдается рост транзакционных и когнитивных издержек.

В противоположность этому в аналогичной ситуации контекстные рекламные предложения, основанные

на цифровых следах, создают для пользователя возможность конкретизации своих информационных потребностей и получения дополнительных сведений. По своей сути они выступают дифференциальными стимулами, в рамках которых внимание выборочно фокусируется на отдельных реперных точках. Такой подход позволяет перейти от интуитивно неопределённого поиска информации к осознанному уточнению на базе контекстуальных ориентиров.

Таким образом, благодаря таргетинг технологии в маркетинге пользователь лишается права «узнавать о вещах по счастливой случайности». Критики указывают, что не пользователь сам, но алгоритмы таргетинга, реализуемые программными платформами от имени рекламодателей, решают, что люди видят и обнаруживают, и где они получают доступ к информации. Однако подобное замечание не выдерживает критики, ибо в целом при осуществлении любых действий предполагающих свободный выбор человек учитывает те или иные маркёры, показывающие альтернативы выбора, как то, скажем, указание дорожных знаков или наименования магазинов. Однако же последнее никак не воспринимается в качестве фактора тотального контроля над личностью. Тот факт, что подсказки с использованием технологии таргетинга являются более персонализированными, не должен вводить в заблуждение. В любом случае они являются лишь ориентирами, уточняющими информацию, и прямая причинно-следственная связь между контекстной таргет-рекламой и выбором человека отсутствует. Таргет-технологии позволяют узнать о наличии информации, но пользоваться ей или нет, решает человек.

В полной мере вышеприведенные рассуждения применимы к политической микро-таргетингу в отношении молодежи. Самим фактом своего пребывания в онлайн пространстве молодые пользователи выражают согласие на алгоритмы контекстуальной выдачи информационных ориентиров. Их быстроедействие в сети в значительной мере основано на использовании контекстуальных информационных маркеров – подсказок, уточнений и отказе от самостоятельно интуитивного столкновения с информацией. Именно поэтому широкое применение в отношении молодежи микро-таргетинга едва ли вызовет у них опасение и отвержение.

Повторим еще раз, сбор данных в рамках технологии микро-таргетинга возможен только в рамках определённых законодательством и тех допусков к приватной информации, которые ставит сам пользователь. В этой связи скандал с деятельностью кампании Cambridge Analytica в рамках избирательной кампании Д. Трампа 2016 г. свидетельствует не столько о порочности самой технологии, сколько о неурегулированности ряда правовых аспектов.

Второй структурный элемент технологии микро-таргетинга – использование собранных данных для выявления групп людей, для построения специализированной политической коммуникации. Сам по себе подход к построению политической коммуникации с учётом особенностей тех социальных групп, к которым обращена данная коммуникация, является столь же древним, сколь и сама избирательная агитация. Кандидаты всегда предпочитали знать о наиболее значимых проблемах, темах, вопросах той аудитории, которую они планировали увлечь, и строить свою коммуникацию сообразно готовности избирателей воспринимать то или иное содержание. Микро-таргетинг позволяет лишь поставить этот процесс на новые технологические рельсы, делает сегментацию групп избирателей более детальной на основе их цифровых следов.

В функциональном отношении реализация этого элемента позволяет углубить наше понимание молодежи как крайне неоднородной группы избирателей. Собственно говоря, одна из основных проблем вовлечения молодежи в активную политическую деятельность вообще и в избирательный процесс в частности заключается в отсутствии четких сведений об интересах, ценностях, ориентациях, симпатиях и антипатиях молодежной среды с учетом того, что она распадается на множественные, как правило, очень подвижные группы. Восприятие молодежи как некоей единой социальной группы – это не просто большая абстракция, но опасное искажение политической реальности. Как таковая эта группа существует лишь в работах академического сообщества, тогда как в реальности она представима в виде пестрого набора различного рода подгрупп, ориентаций, объединений и т.п.

В этом отношении структурирование данной среды с помощью искусственного интеллекта даже при учёте того, что определяемые сегменты будут нести на себе печать применяемых алгоритмов, имеет большое значение для преодоления молодежного абсентеизма и организации политической коммуникации. Современная политическая наука далека от наивного реализма классической теории демократии, предполагавшей одинокого рационального индивида, реализующего свой политический выбор на основе осознания своих интересов и логического анализа политических программ. Сегодня всё большую поддержку получают воззрения, согласно которым социальная привязанность и групповая идентификация выступают решающими факторами определения политической позиции и поддержки того или иного кандидата на выборах. В целом цифровизация политики приводит к тому, что выбор людей определяется в значительной мере позицией тех групп, к которым принадлежат и не принадлежат индивиды.

Выявление групп в рамках микро-таргетинга позволяет понять, что при всей сегментированности молодежная среда не состоит из единиц, с которыми нужно проводить подлинно персональное общение. Здесь так же, как и в других сегментах избирателей есть группы, которые через идентификацию с собой задают склонность пользователя к тому или иному выбору. Знание тематико-проблематических характеристик микрогруппы молодежной среды позволяет перейти к общению по модели «убеждение посредством взаимодействия», что значительно повышает качество политической коммуникации и степень вовлеченности молодых людей в политику.

Третий структурный элемент технологии микро-таргетинга – отправка персонализированных онлайн сообщений – представляется самым значимым. При этом, как бы ни был значим канал коммуникации, то что в теории Маклюэна именуется медиа, он является средством доставки идеи [8]. Технология микро-таргетинга предполагает возможность персонализации сообщения, но само это персональное содержание имеет огромное значение. Т. Доббер образно выразил эту идею словами: «избиратель, которого больше всего беспокоят более дешевые солнечные панели, будет нацелен на другое послание, чем тот, кто хочет более мягкой позиции в отношении иммиграции» [17, с. 3]. Однако же само это послание, его содержание, а не технологическая возможность отправки персонифицированного послания узко определенному сегменту избирателей, составляет суть технологии микро-таргетинга.

Примечательно также то обстоятельство, что противники использования технологии микро-таргетинга в рамках избирательных кампаний наиболее агрессивно обра-

щают острее своей критики именно на третий аспект – персонализированное послание. Применительно к нему высказываются опасения того, что микро-таргетинг позволяет манипулировать гражданами, распространять фейковую информацию и в целом оказывать недобросовестное влияние на избирателей. Внимательный анализ показывает, что представленные опасения касаются не самой технологии, но указывают на имеющую место быть принципиальную возможность политической манипуляции. Так, фейки – недостоверная информация – могут распространяться как с помощью, так и без помощи микро-таргетинга.

Собственно политический микро-таргетинг позволяет построить политическую коммуникацию таким образом, чтобы создать у граждан впечатление более тесной связи с кандидатом, чего часто не хватало в рамках технологических решений по построению избирательного процесса на более ранних этапах. Современные социальные сети с помощью микро-таргетинга позволяют приблизить политических кандидатов к обычным гражданам и сделать их общение с общественностью более неформальным. Это обстоятельство крайне важно для повышения мотивации молодежи к участию в выборах и в целом к политике. Молодежь ориентирована на коммуникацию, которая предполагает возможность не только слушать, но и быть услышанной.

Опасения в том, что микро-таргетинг становится питательной средой для политической манипуляции, не учитывают факта отсутствия прямой причинно-следственной связи между персонифицированным сообщением и дальнейшим политическим действием субъекта. Сообщение вполне может быть оставлено без внимания или уйти в информационный «мусор». При этом персонализированные сообщения способствуют получению гражданами актуальной для них информации, что повышает уровень их осведомленности в отношении анализа политических вопросов. В конечном итоге именно это способно сделать решения граждан по вопросу поддержки того или иного кандидата (программы) более взвешенными и существенными. Следовательно, привнося рациональное зерно в процесс принятия решений избирателями, микро-таргетинг делает избирательные процедуры более эффективными. Оптимистичная оценка предполагает, что при условии, что справедливость политической конкуренции может быть достаточной защищена, политический микро-таргетинг обладает потенциалом для создания более разнообразного политического рынка, который лучше реагирует на возникающие проблемы избирателей, с большей готовностью предоставляет избирателям информацию, которую они ищут, и, следовательно, позволяет им делать более информированный и осознанный выбор.

Говоря о влиянии политического микро-таргетинга на молодежь, крайне важно вернуться к заявленной выше доминанте содержания послания. Какие бы инструменты не предоставляла цифровая технология, будь то тексты разные по объему, видео, аудио сообщения, онлайн-трансляции и прочее, все они способны лишь усилить эффект послания, но не заменить его. Именно на базе основной идеи послания происходит интеграция технологических элементов цифрового персонифицированного сообщения. В этой связи, завершая рассмотрение вопроса о вовлечении молодежи в избирательный процесс посредством микро-таргетинга, отметим, что главенствующую роль в этой коммуникации должна играть готовность и способность создавать содержательно значимые послания для различных групп молодежи.

Выводы и результаты

Подводя основные итоги исследования, следует сказать о том, что микро-таргетинг демонстрирует высокую перспективность применения в качестве технологии, способной повысить вовлеченность молодежи в политические процессы. При этом особое значение имеет использование микро-таргетинга для избирательного процесса, в силу того, что данная технология демонстрирует высокие результаты на коротком временном отрезке. Микро-таргетинг использует эффект подталкивания, результативный на малом временном треке и недостаточно эффективный на длительном временном лаге.

При этом микро-таргетинг особенно приемлем для применения в отношении молодежи в силу того, что с каждым годом в возраст активной политической жизни приходит все больше и больше людей, которые уже не мыслят себя вне смартфонов, мобильного интернета и социальных сетей. Проводя значительное время своей жизни в виртуальном пространстве, они, во многом благодаря потребительскому таргетингу, уже адаптированы к поиску информации с помощью контекстуальных маркеров и стимулов, формируемых алгоритмами искусственного интеллекта на основе обработки собственных цифровых следов. В ситуации соблюдения общих законодательных норм цифровыми платформами сама технология, позволяющая сегментировать пользователей сообразно сведениям об их активности в виртуальной среде и задающая тем самым возможность персонализированной коммуникации, не встречает отторжения у молодежи. Более того, сегментация молодежи позволяет получить более подробные сведения о ценностях, склонностях, проблемах и ожиданиях тех или иных микро-групп молодежи, что позволит перейти к общению по модели «убеждение посредством взаимодействия».

Важно подчеркнуть, что сама технология микро-таргетинга не решает задачу вовлечения молодежи в избирательный процесс. Она представляет собой исключительно «оболочку», способ доставки информации, тогда как содержание информации персонализированного сообщения должно быть создано властным (претендующим на власть) субъектом. От того, насколько удачно, адекватно такая информация будет создана, то есть насколько содержание персонализированного послания будет подлинно персонализированным, а не шаблонным, будет зависеть эффективность применения микро-таргетинга в отношении молодежи.

Литература

1. Барсукова С. Ю., Звягинцев А.В., Лаптиева Л.С., Сафиуллина Э.И. Мотивы участия молодежи в избирательных кампаниях // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 300–318.
2. Беликова Ю.А. Политическое участие молодежи: анализ проблем политической активности // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 1. С. 57–61.
3. Васильев В.Е. Политическая активность молодежи в современных условиях: проблема молодежного абсентеизма. //Youth World Politic. 2019. № 2. С. 40–44.
4. ВЦИОМ: молодежь до 34 лет голосовала на выборах не менее активно, чем старшее поколение. ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obshchestvo/5055270> (дата обращения 07.05.2025);
5. Горшков М. К., Шереги Ф.Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований: монография. М.: ФНИСЦ РАН; 2020. 688 с.
6. Кудрина Ю.А., Печенкин Н.М., Косарева А.А. Политическое участие молодежи на выборах в государственную думу в 2021 году: ценностные установки, электоральные предпочтения и политическое поведение. // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12. № 3. С. 142–150.
7. Макаренко К.М. Влияние семьи на участие молодежи в выборах: кросснациональный анализ. //Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2024. Т. 8. № 3. С. 354–360.
8. Маклюэн Г.М. Понимание медиа: внешнее расширение человека. – М.: Кучково поле, 2003, 464 с.
9. Малик Е.Н., Кудинова Т.А., Щедый М.В. Социальные сети как агенты интернетизации молодежи: преимущества и риски //PolitBook. 2023. № 3. С. 50–70.
10. Молодежь ломает стереотипы. ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/molodezh-lomaet-stereotipy> (дата обращения 07.05.2025).
11. Мухаметов Д.Р. Технологии big data в политических процессах: возможности и риски. //Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9. № 6 (42). С. 143–149.
12. Росенко М.И., Скребец Е.В., Гарас Л.Н. Особенности парламентской избирательной кампании Великобритании 2017 года: феномен «молодежестрашения». //Общество: политика, экономика, право. 2020. № 4 (81). С. 13–18.
13. Савченко Ю.Ю., Голева О.Г., Корчагина И.А. Исследование электоральной активности среди молодежи и методы ее повышения (на примере Алтайского края) // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2018. № 2.
14. Северс А.В. Синергия микротаргетирования и социальных сетей в политических коммуникациях (роль социальных медиа в президентской предвыборной кампании США 2012 г.). // Вестник Московского университета, Сер. 10. Журналистика. 2013. № 2. С. 39–49.
15. Семочкина Е.В. Молодежь в электоральном цикле 2023: опыт Самарской области. //Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. 2024. № 17. С. 99–104.
16. Царихин В.А. Методы манипулирования политическим сознанием молодежи в период избирательных кампаний в современной России. Автореф. дисс... уч.степ.к.полит.н. – М., 2014.
17. Dobber T. The regulation of online political micro-targeting in Europe. Internet Policy Review. 2019. V. 8 № 4. p.3
18. Fording R., Schram S. The Cognitive and Emotional Sources of Trump Support: The Case of Low-Information Voters. //New Political Science. 2017; 39(4), p. 670–686.
19. Howard Ph. New Media Campaigns and the Managed Citizen. – L., Cambridge University Press, 2006.
20. Islamia I., Hermawan F. Family Matters: Understanding the Relationship Between Family Background, Parenting Style, and Youth Political Behavior // International Conference on Multidisciplinary Science, KnE Life Sciences, 2023. P. 224–232.

YOUTH AS AN OBJECT OF MICRO-TARGETING POLITICAL TECHNOLOGIES IN THE ELECTORAL PROCESS

Danilenko V.I.

Lomonosov Moscow State University

The article considers the possibility of using political micro-targeting technology to increase the level of youth involvement in the electoral process. The author demonstrates that the use of micro-targeting corresponds to the style of youth activity in the virtual space. Contextual stimuli contribute to the rapid and effective search for information, create the basis for communication according to the model of "persuasion through interaction". Segmentation of youth into narrower subgroups helps to deepen our knowledge of the values, orientations, problems and inclinations of youth groups, which increases the effectiveness of communication with them during the election campaign. As a result, the awareness of young people is increasing, which makes their choice more responsible. At the same time, micro-targeting is a technology that makes it possible to optimize communication, whereas communication with young people and increasing their involvement in the electoral process can only be achieved by creating truly meaningful personalized messages.

Keywords: youth, political micro-targeting, electoral process, youth involvement in politics, politics.

References

1. Barsukova S. Yu., Zvyagintsev A.V., Laptieva L.S., Safiullina E.I. Motives for Youth Participation in Election Campaigns // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2021. No. 4. Pp. 300–318.
2. Belikova Yu.A. Political Participation of Youth: Analysis of the Problems of Political Activity // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2014. No. 1. Pp. 57–61.
3. Vasilyev V.E. Political Activity of Young People in Modern Conditions: The Problem of Youth Absenteeism. // Youth World Politic. 2019. No. 2. Pp. 40–44.
4. VTsIOM: Young People Under 34 Voted as Actively as the Elderly in Elections. TASS. [Electronic resource]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/5055270> (accessed on 07.05.2025);
5. Gorshkov M. K., Sheregi F.E. Youth of Russia in the Mirror of Sociology. To the Results of Long-Term Research: Monograph. Moscow: FNIISC RAS; 2020. 688 p.
6. Kudrina Yu.A., Pechenkin N.M., Kosareva A.A. Political Participation of Young People in the 2021 State Duma Elections: Value Attitudes, Electoral Preferences, and Political Behavior. // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2022. Vol. 12. No. 3. Pp. 142–150.
7. Makarenko K.M. The Influence of the Family on Young People's Participation in Elections: A Cross-National Analysis. // Bulletin of the Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations. 2024. Vol. 8. No. 3. Pp. 354–360.
8. McLuhan, G.M. Understanding Media: The Extensions of Man. Moscow: Kuchkovo Pole, 2003, 464 p.
9. Malik E.N., Kudinova T.A., Shchediy M.V. Social Networks as Agents of Youth Internetization: Advantages and Risks // Polit-Book. 2023. No. 3. Pp. 50–70.
10. Youth Breaks Stereotypes. VTsIOM. [Electronic resource]. URL: https://wciom.ru/analytical_reviews/analiticheskii_obzor/molodezh_lomaet_stereotipy (accessed on 07.05.2025).
11. Mukhametov D.R. Big Data Technologies in Political Processes: Opportunities and Risks. // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2019. Vol. 9. No. 6 (42). Pp. 143–149.
12. Rosenko M.I., Skrebetz E.V., Garas L.N. Features of the 2017 UK Parliamentary Election Campaign: The Phenomenon of "Youthquake". // Society: Politics, Economics, Law. 2020. No. 4 (81). Pp. 13–18.
13. Savchenko Yu.Yu., Goleva O.G., Korchagina I.A. Research of Electoral Activity among Young People and Methods of Increasing It (on the Example of the Altai Territory) // World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies, 2018. No. 2.
14. Severs, A.V. Synergy of Microtargeting and Social Media in Political Communications (The Role of Social Media in the 2012 U.S. Presidential Campaign). Vestnik Moskovskogo Universiteta, Ser. 10. Zhurnalistika. 2013. No. 2. Pp. 39–49.
15. Semochkina E.V. Youth in the 2023 Electoral Cycle: The Experience of the Samara Region. // Russian Political Process in the Regional Dimension: History, Theory, and Practice. 2024. No. 17. Pp. 99–104.
16. Tsarikhin V.A. Methods of Manipulating the Political Consciousness of Youth during Electoral Campaigns in Contemporary Russia. Abstract. Diss. PhD in Political Science. Moscow, 2014.
17. Dobber T. The regulation of online political micro-targeting in Europe. Internet Policy Review. 2019. V. 8 № 4. p.3
18. Fording R., Schram S. The Cognitive and Emotional Sources of Trump Support: The Case of Low-Information Voters. // New Political Science. 2017; 39(4), p. 670–686.
19. Howard Ph. New Media Campaigns and the Managed Citizen. – L., Cambridge University Press, 2006.
20. Islamia I., Hermawan F. Family Matters: Understanding the Relationship Between Family Background, Parenting Style, and Youth Political Behavior // International Conference on Multidisciplinary Science, KnE Life Sciences, 2023. P. 224–232.

Искусственный интеллект как цифровой инструментарий проекта избирательной кампании

Зиновьев Дмитрий Владимирович,

соискатель кафедры социальных и политических наук
Национального института бизнеса
E-mail: apmmaster@mail.ruedited

В статье с позиций проектного подхода к электоральным процессам анализируется использование искусственного интеллекта как инструментария избирательной кампании. Целью исследования является анализ параметров использования искусственного интеллекта как генеративной цифровой технологии при проектировании избирательной кампании. Методология исследования основывается на системном анализе и предполагает индуктивное изучение специфики зафиксированных ранее случаев применения искусственного интеллекта в избирательном процессе.

На основе анализа исследований отечественных и зарубежных политологов, а также изучения случаев применения технологий искусственного интеллекта в избирательном процессе систематизируется позитивный потенциал его использования. Отмечается, что выделенные возможности сопряжены со значительными рисками, включая потенциальное влияние искусственного интеллекта на выборы с помощью предвзятых алгоритмов и кампаний по дезинформации.

Ключевые слова: избирательный процесс, выборы, искусственный интеллект, чат-бот, дипфейк, таргетирование.

Введение

Успех разработки и последующей реализации проекта избирательной кампании во многом зависит от того, насколько на стадии планирования были адекватно задействованы все средства и методы, доступные для применения. В этом отношении огромную актуальность приобретают научные исследования цифрового инструментария политического влияния искусственного интеллекта, многообразие форм, механизмов и разновидностей которого демонстрирует стремительную тенденцию к развитию в условиях глубочайшей технологической трансформации мира. Без научного анализа сущности и специфики цифровой трансформации сферы политических отношений, влияния процессов цифровизации на политические институты, структуры и процессы невозможен адекватный выбор наиболее современных и потому максимально эффективных инструментов достижения целей, поставленных на этапе формирования политического проекта.

Следует признать, что избирательный процесс относится к числу тех политических институтов, который претерпевает значительную трансформацию под воздействием цифровизации. Еще в 2014 году политический теоретик К. Шваб в своей работе «Четвертая промышленная революция» говорил о двояком характере влияния цифровизации на избирательный процесс. С одной стороны, К. Шваб отмечал, что «с помощью интернет-технологий традиционные формы гражданской активности (например, голосование за местных, региональных или национальных представителей) будут объединяться с инновационными методами, дающими гражданам более прямое воздействие на принятие решений, которые повлияют на их сообщества» [8, с. 117]. С другой стороны, Шваб предостерегал об опасности, заключающейся в том, что в результате информационной асимметрии «отдельные лица, группы гражданского общества, общественные движения и местные общины ощущают, что их все больше и больше отстраняют от значимого участия в традиционных процессах принятия решений, в том числе от голосования и выборов, и они оказываются бесправными, с точки зрения возможностей оказать влияние и быть услышанными влиятельными учреждениями и источниками власти в рамках национального и регионального управления» [8, с. 118].

Отмечаемая двусмысленность цифровизации электоральных процессов, охватывающая как несомненные достоинства, так и ранее не фиксировавшиеся угрозы, в полной мере, характерна и для отдельных инструментов цифровизации, таких как искусственный интеллект. В рамках настоящей статьи полагается не вполне целесообразным трактовать искусственный интеллект (ИИ) как «область информатики и компьютерных наук, которая занимается разработкой компьютерных систем и алгоритмов, способных имитировать и обучаться аналогично человеческому интеллекту» [5, с. 89]. Представляется более оправданным понимать под ИИ нейронные сети как «программу, которая позволяет найти оптимальное (по выбранному критерию) решение задачи, зависящей от огромного числа параметров в многомерном пространстве» [3, с. 129]. При этом важнейшей сущност-

ной характеристикой искусственного интеллекта следует считать его способность к самостоятельному анализу больших массивов цифровых данных без непосредственного участия человека. Именно эта черта цифровых технологий искусственного интеллекта определила его применимость в политической деятельности вообще и в электоральных процессах, в частности. Она же является истоком значительного многообразия форм проявления искусственного интеллекта.

Отталкиваясь от первых разработок 1950-х – 60-х годов компьютерных программ в области шахмат, алгебры и формальной логики, искусственный интеллект в начале XXI века понимается, прежде всего, как генеративный интеллект. В наиболее широко известной своей форме генеративный ИИ представлен в большой языковой модели – чат-бота ChatGPT-4. Эта и ей подобные диалоговые языковые модели способны генерировать текст, похожий на человеческий, создавать изображения, музыку и видео под конкретные задачи, дополняя исходные данные самостоятельно продуцируемым контентом. Эти и иные характеристики позволяют широко использовать ИИ в электоральных практиках и, прежде всего, в таких областях, как создание содержания типовых сообщений, пропаганда и маркетинговые кампании.

В свете вышесказанного целью нашего исследования будет являться анализ параметров использования искусственного интеллекта как генеративной цифровой технологии при проектировании избирательной кампании. Следует подчеркнуть, что подобное рассмотрение обязательным образом потребует четкой фиксации этических и политических ограничений использования искусственного интеллекта, игнорирование которых способно привести к краху всего проекта избирательной кампании кандидата.

В методологическом отношении статья построена на методологии индуктивного изучения специфики зафиксированных ранее случаев применения искусственного интеллекта в избирательном процессе. Это предполагает рассмотрение возможных параметров включения цифровых технологий генеративного искусственного интеллекта в политическую деятельность, с последующим моделированием тех или иных компонентов проекта избирательной кампании. Подобная методология позволяет сделать настоящее исследование в максимальной степени предметно ориентированным, предполагая его анализ не отвлеченно теоретически, а в тесной взаимосвязи с практикой проектирования избирательной кампании.

Основное исследование

В силу того обстоятельства, что искусственный интеллект лишь сравнительно недавно начал активное внедрение в политические процессы, институты и отношения, существует достаточно ограниченное количество работ по вопросам его применения в практике избирательного процесса и, тем более, в рамках проектного подхода. Из отечественных политологов следует отметить исследования Е.А. Виноградовой, сконцентрировавшейся на анализе угроз, порождаемых искусственным интеллектом при его использовании в избирательном процессе[1, с. 355]. Интерес представляют также изучение Т.Ю. Фроловой политико-правовых аспектов имплементации технологий искусственного интеллекта в избирательный процесс[7], а также аналитический обзор практики использования искусственного интеллекта при организации и проведения конкретных избирательных кампаний, представленный в творчестве ряда авторов[6;2].

Анализируя работы зарубежных исследователей, нельзя не упомянуть о подробном исследовании, принятом международной группой исследователей университетов Северной Дакоты (США) и университета науки и технологий (Исламабад, Пакистан), целью которого являлось изучение влияния искусственного интеллекта на выборы и определение потенциальных контрмер для борьбы с угрозами, порождаемыми ИИ. Ценность исследования повышается тем обстоятельством, что в работе была предложена авторская разработка системы проверки сообщений на предмет выявления манипулятивных технологий дипфейков[12].

Значительный интерес представляют также исследования Чен Ю (С. Yu), который подчеркивает, что искусственный интеллект обладает двойственным влиянием на избирательный процесс. С одной стороны, он повышает потенциал эффективности предвыборной кампании, но, с другой стороны, возрастают риски дезинформации и манипулирования. Подчеркивается важность обеспечения баланса между преимуществами искусственного интеллекта и необходимостью соблюдения этических норм. В исследовании представлен подробный анализ того, как искусственный интеллект может создавать реалистичный поддельный контент, который трудно отличить от реальности, тем самым подрывая доверие к общественным деятелям и демократическим институтам. Автор подробно описывает механизмы, с помощью которых искусственно созданные фейки и дезинформация могут влиять на общественное мнение и поведение избирателей[15].

В целом, обсуждение новых угроз, формируемых искусственным интеллектом, и, прежде всего, создания дипфейков, под которыми понимаются гиперреалистичные цифровые манипуляции с аудио и видео. Они могут создать впечатление, что люди говорят или делают то, чего они никогда не делали[11, с. 5]. Угроза производства фальшивых фото, видео и аудио сообщений на основе технологий искусственного интеллекта, а также противодействие этим манипулятивным деяниям является одной из наиболее актуальных тем в рассматриваемой исследовательской сфере. В качестве примера можно привести работы М. Павелец[13], А. Ченнупати[10] и ряд других.

Наряду с исследованиями, уделяющими большое внимание угрозам применения искусственного интеллекта в избирательном процессе, следует отметить также работы, авторы которых подробно анализируют те несомненные достоинства, которые приносит использование цифровых технологий. Так, например, европейские исследователи З. Томич, Т. Дамьянович и др. аргументированно демонстрируют, что технологии искусственного интеллекта произвели революцию в политических кампаниях. Искусственный интеллект позволяет разрабатывать стратегии, основанные на больших массивах данных. Он также позволяет повысить персонализированное вовлечение избирателей. Все это усиливает эффективность политических кампаний за счет анализа данных, таргетинга и оптимизации стратегии. Инструменты искусственного интеллекта могут анализировать обширные массивы данных для определения предпочтений избирателей и соответствующей адаптации сообщений, что существенно влияет на поведение избирателей и результаты выборов[14].

Параллельно исследовательской активности и научному обсуждению в политической среде вопросов допустимости, пределов и специфики использования искусственного интеллекта в избирательном процессе, большинство прошедших за последние годы выборов отметились значительной активностью применения техноло-

гий ИИ. Влияние искусственного интеллекта на выборы не является теоретической моделью. Только за последние 5–6 лет использование технологий искусственного интеллекта наблюдалось в различных реальных сценариях электоральных процессов, где технологии ИИ способствовали победе определенных политических партий или кандидатов. Аналитика данных, основанная на искусственном интеллекте, оказала значительное влияние на последние избирательные кампании по всему миру. Будь то предвыборная кампания Трампа в 2016 году, направленная на привлечение избирателей в колеблю-

щихся штатах[4], или использование чат-ботов, распространявших политическую информацию во время выборов в Бразилии в 2020 году[9], искусственный интеллект широко использовался для достижения результатов, поставленных в проекте избирательной кампании тех или иных кандидатов или политических субъектов.

М. Ислам и соавторы приводят обзор фактов использования искусственного интеллекта в выборах, что позволяет наглядно проиллюстрировать степень вовлеченности цифровых технологий искусственного интеллекта в избирательный процесс (табл. 1).

Таблица 1

Страна	Год	Характер выборов	Форма использования ИИ
Индия	2019	Всеобщие выборы	Созданные ИИ ложные (фейковые) новости и измененное видео
Великобритания	2020	Всеобщие выборы	Созданные ИИ статьи и дипфейки
Бразилия	2020	Муниципальные выборы	Цифровые чат-боты, распространявшие непроверенную информацию
ЮАР	2021	Выборы региональных правительств	Таргет-технологии пропаганды, создаваемые на основе ИИ
Кения	2022	Всеобщие выборы	Цифровые чат-боты медиа ресурсов в социальных сетях, распространение фейковых новостей
Филиппины	2022	Президентские выборы	Проводимая с помощью ИИ таргетная реклама
Италия	2023	Парламентские выборы	Дипфейковые видео и политический таргетинг
Турция	2024	Выборы региональных правительств	Дипфейковые видео и политический таргетинг
США	2024	Президентские выборы	Дипфейк видео, включая видео ареста кандидата в президенты Д. Трампа

Источник: составлено автором на основе [12].

Приводимые примеры могут быть истолкованы как свидетельства серьезных угроз применения искусственного интеллекта. Однако представляется, что более целесообразной будет взвешенная позиция, выраженная авторами цитируемого исследования. Она заключается в постулате того положения, что технологии искусственного интеллекта есть всего лишь инструментарий, сам по себе свободный от этических и теоретических конструкций. Политический потенциал искусственного интеллекта и то, как его используют, – это разные вещи. М. Ислам фиксирует в предлагаемой формуле ИИ как инструментария избирательного процесса:

Информация (правдивая или манипулятивная) + Дополнительное влияние на поведение = Влияние демократии (положительное или отрицательное).

Опора на данное положение позволяет структурировать потенциал искусственного интеллекта исключительно как инструментария проекта избирательной кампании. При этом, в рамках проектного подхода к избирательной кампании ее субъекты должны, в первую очередь, знать о возможностях искусственного интеллекта. Будет ли искусственный интеллект использован в манипулятивных целях или нет, зависит от нравственности самих субъектов и меры эффективности, дееспособности правовых и политических ограничений, применяемых к электоральной сфере. Соответственно этому подходу, в данном исследовании сначала систематизируется потенциал искусственного интеллекта, который должен быть использован при разработке и реализации проектного подхода к избирательной кампании. Вслед за этим – систематизируются те угрозы и вызовы, которые также следует учитывать при создании проекта избирательной кампании

Итак, при создании проекта избирательной кампании, следует исходить из того, что искусственный ин-

теллект как инструментарий обладает следующим потенциалом:

- Повышение вовлеченности избирателей, обусловленной способностью ИИ** персонализировать взаимодействие с избирателями, предоставляя актуальную информацию о кандидатах, политических программах и процедуре голосования. Виртуальные помощники могут оперативно отвечать на запросы, напоминать о датах голосования, а также указывать места для подачи голосов. Кроме того, технология оптимизирует управление выборами – от ведения списков избирателей до логистики и распределения ресурсов, повышает эффективность и прозрачность процесса.
- Персонализация и оптимизация кампаний.** На основе детальных профилей избирателей (демография, онлайн-активность, психологические особенности) ИИ создает таргетированные коммуникационные стратегии. Алгоритмы прогнозируют эффективность рекламы, выступлений и других активностей, помогая оптимально распределять ресурсы и корректировать тактику.
- Борьба с дезинформацией, которая стала возможна** с помощью анализа больших данных. ИИ выявляет фейковые новости и вводящий в заблуждение контент. Далее алгоритмы проверки фактов помогают оценивать достоверность информации и ограничивать распространение ложных сведений. В результате формируется более информированный и защищенный электорат.
- Обеспечение доступности выборов** для избирателей с ограниченными возможностями, поскольку технологии ИИ предоставляют им необходимые инструменты: перевод в реальном времени, преобразование речи в текст и т.п. Эти вспомогательные решения облегчают участие в голосовании.

5. **Анализ данных для политических кампаний** ускоряется и упрощается, так как ИИ обрабатывает массивы информации: поведение избирателей, цифровые масс-медиа. В итоге, партии в более точно могут определять предпочтения электората, выявлять ключевые группы (например, склонных к абсентизму) и воздействовать на них через персонализированные сообщения.

При разработке проекта избирательной кампании следует исходить из того, что способность искусственного интеллекта оказывать большое влияние на избирательный процесс заключается в одновременно узко и точно ориентированном и глубоко воздействии. Ярким примером, иллюстрирующим эту специфику, является способность искусственного интеллекта сегментировать электорат на четко определенные группы. В результате этого формируется возможность в рамках избирательной кампании построить политическую коммуникацию таким образом, чтобы донести до определенной группы избирателей именно те (содержательно и формально определенные) сообщения, которые найдут отклик у конкретных избирателей. Современные технологии искусственного интеллекта позволяют политическим кампаниям выходить на новый уровень взаимодействия с избирателями. Например, алгоритмы ИИ способны точно воздействовать на колеблющихся граждан в стратегически важных округах. При этом позиция кандидата может доноситься через актуальные для определенной группы людей проблемы. Дело в том, что, обрабатывая данные из соцсетей и открытых источников, ИИ создает детальные психологические портреты избирателей. Они, в свою очередь, помогают в разработке сообщений, воздействующие на эмоции, глубинные убеждения и ценностные ориентиры, что усиливает убедительность агитационных материалов. В цифровую эпоху быстрая и адаптивная генерация контента в различных форматах – сама по себе конкурентное преимущество. А в купе с формированием нужного общественного дискурса и нивелировки альтернативных точек зрения, она дает огромный результат. Наконец, технологии ИИ на основе мониторинга общественных настроений в реальном времени, могут оперативно скорректировать коммуникационные стратегии, разработав альтернативные послылы с большей эффективностью.

Таким образом, ИИ трансформирует политический маркетинг, позволяя кампаниям вести сверхточное микротаргетирование, создавать психологически выверенные сообщения и оперативно реагировать на изменения электоральных настроений. Эти технологии существенно повышают эффективность избирательных кампаний, хотя и вызывают вопросы этического характера.

Обращаясь к тем угрозам и спорным моментам использования искусственного интеллекта в избирательной кампании при планировании проекта такого процесса, следует учитывать следующие особенности.

1. Использование технологий искусственного интеллекта позволяет настолько адресно работать с группами избирателей, что это повышает уровень поляризации в обществе. Алгоритмы искусственного интеллекта, особенно те, которые используются платформами социальных сетей, определяют приоритетность контента, который максимально вовлекает пользователей. Это часто приводит к продвижению сенсационного и эмоционально заряженного контента, который может поляризовать общественное мнение[15]. Алгоритмы анализируют поведение и предпочтения пользователей, чтобы предоставлять контент, который соответствует существующим убеждениям и укрепляет их, создавая эхо-камеры, в ко-

торых люди в основном сталкиваются с позициями, совпадающими с их собственными.

2. Производство дипфейков и распространение недостоверной информации (дезинформация избирателей).

Как мы уже отмечали выше, технология производства дипфейков посредством инструментария искусственного интеллекта представляет серьезную угрозу для выборов, поскольку позволяет создавать убедительный, но ложный контент, который может ввести в заблуждение избирателей и нанести ущерб репутации, а также быть использован для дискредитации кандидатов или разжигания беспорядков.

Искусственный интеллект может автоматизировать создание и распространение ложных новостных статей, постов в социальных сетях и другого контента. Эти кампании могут быть адаптированы к конкретной демографической группе избирателей с использованием индивидуальной дезинформации, призванной повлиять на их восприятие и поведение.

3. Эрозия доверия и манипулятивное воздействие.

Искусственный интеллект, осуществляя пропагандистское по своей сути воздействие, способен настолько незаметно повлиять на избирателей, что последующее раскрытие манипулятивного воздействия или широкая осведомленность избирателей об использовании искусственного интеллекта способны вызвать кризис доверия граждан. При создании проекта избирательной кампании следует учитывать настороженное отношение граждан к использованию цифровых средств влияния и их склонность часто обнаруживать конспирологический подтекст. Результатом некорректного использования искусственного интеллекта может стать подрыв доверия граждан как к политике вообще, так и к ее конкретным институтам (средствам массовой информации, политическим деятелям, партиям, институту выборов как таковому). Когда избиратели не могут отличить правду от лжи, их доверие к демократическому процессу снижается – возникает эрозия доверия.

Манипулирование поведением избирателей: микротаргетинг с поддержкой искусственного интеллекта и психологическое профилирование могут влиять на поведение избирателей способами, которые трудно обнаружить, и, соответственно, им трудно противодействовать. Эта манипуляция может изменить исход выборов, склоняя на свою сторону неопределившихся избирателей или подавляя явку избирателей из определенных демографических групп.

Самая большая опасность манипулятивного влияния искусственного интеллекта состоит в возможности его использования в экстремистских целях. В этом случае экстремистские противоправные действия по дезинформации и глубокой фальсификации могут нарушить избирательный процесс, распространяя ложную информацию о процедурах голосования, создавая путаницу и порождая беспорядки.

Основные результаты исследования

Подводя основные результаты исследования, стоит отметить, что роль искусственного интеллекта в современных выборах многогранна. Использование искусственного интеллекта в качестве инструментария проекта избирательной кампании предоставляет как значительные преимущества, так и порождает существенные риски. Хотя искусственный интеллект может повысить эффективность политических кампаний, он также может подрывать демократические процессы посредством манипуляций и предвзятости. Понимание этой дуальности имеет решающее значение для разработки стратегий снижения

рисков и использования положительного потенциала искусственного интеллекта на выборах.

Проведенное исследование показывает, что в современном мире реализация проектного подхода к избирательной кампании немыслима без использования искусственного интеллекта как эффективного инструментария. Проведенная систематизация позволила выделить 6 основных преимуществ использования искусственного интеллекта как инструментария проекта избирательной кампании:

1. повышение уровня вовлеченности избирателей;
2. обнаружение дезинформации и противодействия ей путем анализа больших объемов данных и выявления ложного или вводящего в заблуждение контента;
3. повышение доступности института выборов для избирателей с ограниченными возможностями здоровья;
4. аналитика больших баз данных в целях предоставления точной информации на стадии планирования кампании;
5. использование таргет-технологий для вовлечения избирателей в электоральный процесс;
6. разработка персонализированных коммуникативных стратегий, построение коммуникации на основе взаимодействия.

Вместе с тем при реализации проектного подхода к избирательной кампании следует отдавать отчет и в очевидных угрозах, которые несет в себе использование инструментария искусственного интеллекта вплоть до утраты избирателями доверия к институту выборов вообще.

Литература

1. Виноградова Е.А. Потенциальные угрозы несанкционированного использования политических дипфейков в период политических выборов: международный опыт. //Мировая политика. 2024. № 3. С. 44–60.
2. Каминченко Д.И., Петухов А.Ю. Анализ особенностей репрезентации кандидатов на выборах в президенты США 2024 года в приложении генеративного искусственного интеллекта ChatGP T. //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 4. С. 772–787.
3. Киячков А.А., Чалдаева Л.А., Королев Д.А., Байер А.В. Использование искусственного интеллекта для выявления признаков мошеннических действий в ходе выборов. //Власть. 2021. Т. 29. № 5. С. 128–132.
4. Соловей В.Д. Цифровая мифология и избирательная кампания Дональда Трампа. //Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 122–132.
5. Титов А.К. Применение искусственного интеллекта в предвыборных кампаниях. //Аллея науки. 2023. Т. 2. № 12 (87). С. 88–92.
6. Устинович Е.С. Генеративный искусственный интеллект в избирательных процессах 2024 года в мире: дезинформационные кампании и онлайн-тролли. //Социальная политика и социальное партнерство. 2024. Т. 19. № 3 (230). С. 197–204.
7. Фролова Т.Ю. Цифровые технологии как средство реализации избирательных прав граждан Российской Федерации. //Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 8 (165). С. 38–45.
8. Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М.: Эксмо, 2022. – 208 с.

9. Benevenuto F., Melo P. Misinformation Campaigns through WhatsApp and Telegram in Presidential Elections in Brazil. //Communications of the ACM, 2024, № 67, pp. 72–77.
10. Chennupati, A. The threat of artificial intelligence to elections worldwide: A review of the 2024 landscape. World journal of advanced engineering technology and sciences. 2024, № 12, p. 29–34.
11. Helmus T.C. Artificial Intelligence, Deepfakes, and Disinformation. – Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2022.
12. Islam, M.B.E.; Haseeb, M.; Batool, H.; Ahtasham, N.; Muhammad, Z. AI Threats to Politics, Elections, and Democracy: A Blockchain-Based Deepfake Authenticity Verification Framework. //Blockchains 2024, 2, 458–481.
13. Pawelec M. Deepfakes and democracy (theory): How synthetic audio-visual media for disinformation and hate speech threaten core democratic functions. Digital Society, 2022, № 1, 19.
14. Tomić, Z.; Damnjanović, T.; Tomić, I. Artificial intelligence in political campaigns. //South Eastern European journal of communication. 2023, № 5, p. 17–28.
15. Yu, C. How Will AI Steal Our Elections? – Charlottesville, VA: Center for Open Science, 2024.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A DIGITAL TOOLKIT FOR AN ELECTION CAMPAIGN PROJECT

Zinoviev D.V.

National Institute of Business

The article analyzes the use of artificial intelligence as an electoral campaign tool from the perspective of a project approach to electoral processes. The purpose of the study is to analyze the parameters of using artificial intelligence as a generative digital technology in the design of an election campaign. The research methodology is based on a systematic analysis and involves an inductive study of the specifics of previously documented cases of the use of artificial intelligence in the electoral process.

Based on the analysis of research by domestic and foreign political scientists, as well as the study of the use of artificial intelligence technologies in the electoral process, the positive potential of its use is systematized. The highlighted features come with significant risks, including the potential impact of artificial intelligence on elections through biased algorithms and disinformation campaigns.

Keywords: electoral process, elections, artificial intelligence, chatbot, deep fake, targeting.

References

1. Vinogradova E.A. Potential threats of unauthorized use of political deepfakes during political elections: international experience. //World politics. 2024. No. 3. pp. 44–60.
2. Kaminchenko D.I., Petukhov A. Yu. Analysis of the features of representation of candidates for the US presidential election in 2024 in the ChatGPT generative artificial intelligence application. //Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary Studies. Journalism. 2024. Vol. 29. No. 4. Pp. 772–787.
3. Kilyachkov A.A., Chaldaeava L.A., Korolev D.A., Bayer A.V. Using Artificial Intelligence to Detect Signs of Fraudulent Actions During Elections. //Vlast. 2021. Vol. 29. No. 5. Pp. 128–132.
4. Solovey V.D. Digital Mythology and Donald Trump's Election Campaign. //Polis. Political Studies. 2017. No. 5. Pp. 122–132.
5. Titov A.K. The Use of Artificial Intelligence in Election Campaigns. //Alley of Science. 2023. Vol. 2. No. 12 (87). Pp. 88–92.
6. Ustinovich E.S. Generative artificial intelligence in the electoral processes of 2024 in the world: disinformation campaigns and online trolls. //Social policy and social partnership. 2024. Vol. 19. No. 3 (230). pp. 197–204.
7. Frolova T.Y. Digital technologies as a means of exercising the electoral rights of citizens of the Russian Federation. //Actual problems of Russian law. 2024. Vol. 19. No. 8 (165). pp. 38–45.

8. Shvab K. The Fourth Industrial Revolution. Moscow: Eksmo, 2022. 208p.
9. Benevenuto F., Melo P. Misinformation Campaigns through WhatsApp and Telegram in Presidential Elections in Brazil. // Communications of the ACM, 2024, № 67, pp. 72–77.
10. Chennupati, A. The threat of artificial intelligence to elections worldwide: A review of the 2024 landscape. World journal of advanced engineering technology and sciences. 2024, № 12, p. 29–34.
11. Helmus T.C. Artificial Intelligence, Deepfakes, and Disinformation. – Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2022.
12. Islam, M.B.E.; Haseeb, M.; Batool, H.; Ahtasham, N.; Muhammad, Z. AI Threats to Politics, Elections, and Democracy: A Blockchain-Based Deepfake Authenticity Verification Framework. //Blockchains 2024, 2, 458–481.
13. Pawelec M. Deepfakes and democracy (theory): How synthetic audio-visual media for disinformation and hate speech threaten core democratic functions. Digital Society, 2022, № 1, 19.
14. Tomić, Z.; Damjanović, T.; Tomić, I. Artificial intelligence in political campaigns. //South Eastern European journal of communication. 2023, № 5, p. 17–28.
15. Yu, C. How Will AI Steal Our Elections? – Charlottesville, VA: Center for Open Science, 2024.

Политическая коммуникация в избирательном процессе в рамках технофеодальной концепции цифровизации политики

Крапивин Николай Петрович,

стажер-исследователь Центра Стратегии развития образования МГУ им. М.В. Ломоносова

E-mail: rms-ptz@ya.ru

В статье изучается специфика влияния процессов цифровизации на политическую коммуникацию в условиях избирательного процесса. Опираясь на методологию технофеодальной концепции, автор проводит анализ политической коммуникации в период выборов, показывая, что в цифровом пространстве текст как центральный элемент до-цифровой эпохи (галактика Гутенберга) замещается устным сказанием. Устное сказание являлось доминирующей формой политической коммуникации в период господства феодализма, чем косвенно подтверждается обоснованность отдельных положений технофеодальной трактовки процессов цифровизации. Автор анализирует фейковый характер политической коммуникации в цифровом пространстве, отмечая, что её фантазмагоричность уходит корнями в традиции устной политической коммуникации (сказания). Эта черта, характерная как для средневековых форм политического общения, так и для современных цифровых, проявляется в искажении информации и создании мифологизированных нарративов.

Ключевые слова: политическая коммуникация, избирательный процесс, технофеодализм, неофеодализм, цифровизация политики.

Введение

Галопирующие темпы роста потенциала и реальных объёмов влияния процессов цифровизации на политическую сферу человеческого общества делают насущной задачу осмысления фиксируемых сущностных трансформаций политических институтов, структур, процессов, политической системы и порядка взаимодействия ее элементов в целом. В этом смысле понятно то внимание, которое значительное большинство современных политологов уделяют вопросам исследования воздействия цифровизации на политическую жизнь, отчётливо понимая то, что «характер происходящих изменений настолько фундаментален, что мировая история еще не знала подобной эпохи – времени как великих возможностей, так и потенциальных опасностей» [3].

При этом быстрое и масштабное внедрение цифровых технологий в политическое пространство создаёт ситуацию отсутствия единой научной парадигмы понимания сущностных характеристик рассматриваемого явления. Современная политическая наука в вопросе исследования цифровизации представлена спектром конкурирующих между собой научно-исследовательских программ, если воспользоваться терминологией И. Лакатоса.

Теоретико-методологические основы исследования

Анализируя широкий спектр альтернативных научных подходов, нельзя не отметить возрастающее влияние так называемой технофеодальной трактовки процессов цифровизации. Исследователи «концепции технофеодализма и неомедиевализма» предлагают содержательно ценные подходы к пониманию сложных и меняющихся проблем управления и регулирования Интернета в современную цифровую эпоху. Они предлагают доступное объяснение трансформации суверенитета Интернета, нормативных потребностей государств, и взаимоотношений между пользователями и гигантскими цифровыми платформами» [7, с. 37]. Неомедиевализм или «новый феодализм», представляющий собой «постмодернистский взгляд на систему международных отношений, возникший на основе принятия идеи постсуверенных, постгосударственных образований» [2, с. 44] и потому особенно подходящий для описания процессов цифровой политической глобализации. Сторонники неомедиевализма указывают на то, что в современном глобализованном мире власть становится все более фрагментированной на различных уровнях, включая региональные и глобальные институты, некоммерческие организации и группы гражданского общества. Вестфальская модель государства «не устояла перед натиском экономических и технологических новаций» [6]. Суверенные государства принуждаются к постепенной передаче власти постгосударственным образованиям, проявлением которых выступают частные военные компании, глобальные организации (типа Всемирной организации здравоохранения), претендующие на высший по отношению к национальным государствам суверенитет, экстремистские организации религиозного

и этнического толка, мегаполисы и цифровое пространство сетевых сообществ интернета 2.0. [9]

Следует подчеркнуть, что в последнее десятилетие бурное развитие неомедиевалистские (неофеодальные) концепции получили вследствие дрейфа центра исследовательского внимания от сферы международных отношений к вопросам цифровизации политической и экономической жизни. Так, еще в 2002 году П. Дрейхос и Д. Брейтвейт использовали в своей работе термин «информационный феодализм» для фиксации процесса перехода интеллектуальной общественной собственности к ограниченному числу владельцев цифровых технологических корпораций, что в результате создало первые интеллектуально-технологические владения феодального типа[5]. В аналогичном содержательном ключе более поздними исследователями использовался термин цифровой феодализм[10]. Д. Дженсен посвящает цифровому неофеодализму целую главу своей монографии «Средневековый интернет», в которой обосновывает достаточно полную аналогию между той политической структурой, которая сложилась во взаимоотношениях публичной государственной власти, общества и цифровых платформ интернет-медиа в нашу эпоху со структурами политических и социальных отношений средневековья[8]. В конечном итоге, при некоторых отличиях в подходах сторонники неомедиевализма едины в том, что «термины и концепции, возникшие в средневековом обществе, подходят для описания и обсуждения множества социальных и политических явлений, все из которых связаны с массовым ростом и использованием новых цифровых медиа-технологий и присущими им социальными парадоксами, дилеммами и вызовами» [8, с. 2].

В максимально широкой перспективе процессы цифровизации как возвращение к социальным и политическим практикам средневековья представляет в ряде своих работ греческий исследователь Я. Варуфакис. Он отталкивается от политической экономии К. Маркса. Марксистский подход позволяет Варуфакису, сфокусировавшись на экономике как на базисе, достичь широких обобщений применительно ко всем сферам и секторам надстройки от политики и права до культуры и досуга.

Центральным элементом концепции греческого исследователя выступает положение о том, что капитализм в своём развитии, действительно, оказался преодолён, но не социалистическим общественным устройством, а качественно новой разновидностью социальной организации, которую Варуфакис и называет технофеодализмом. Сущностную специфику технофеодализма образует трансформация капитала в облачный капитал, под которым понимается «совокупность объединённых в сеть компьютеров, программного обеспечения, алгоритмов на основе искусственного интеллекта и коммуникационного оборудования, обеспечивающих доступ в любой точке планеты и выполняющих широкий спектр новых и старых задач» [1, с. 265], что делает возможным не просто изменение сервисных секторов экономической деятельности, но полностью переформатирует поведение рабочих и потребителей в интересах новой формы капитала.

Варуфакис убеждён в том, что цифровые торговые платформы не представляют собой аналог рынка. Напротив, они вообще уничтожают рынок как таковой, являя собой некий облачный феод. Именно в этой аналогии цифровой платформы типа AppStore, Amazon, WeChat, eBay, Google Play феодам средневекового мира Я. Варуфакис черпает основу для концептуального понимания цифровизации как становления технофеодализма. Глобальная цифровизация в данном подходе приводит к тому, что мир оказывается сегментирован-

ым на отдельные участки, принадлежащие цифровым феодалам на правах ренты. Эти феодалы – владельцы цифровых технологических гигантов, из числа которых Варуфакис видит первопроходцем Apple. Именно эта корпорация, как полагает Варуфакис, не только создала смартфон – полностью изменив представление о телефоне и задав тренд тотальной мобильности и столь же тотальной цифровизации, но и первой предложила сторонним разработчикам создавать приложения для айфона. В результате, производитель попадает в вассальную зависимость от цифрового лорда. Самим фактом размещения своей продукции на цифровой площадке он демонстрирует лояльность сюзерену, готовность подчиняться ему. При этом платой за неповиновение будет являться расторжение вассальной присяги и изгнание «недостойного вассала» с цифровой территории феода, что автоматически влечёт за собой его смерть. Альтернативой смерти выступает принятие вассальных отношений с другим цифровым сюзереном.

Суть самих отношений при этом не меняется и они, как указывает Варнуфвакис, не имеют ничего общего с капитализмом в силу того, что облачный капитал упраздняет прибыль, замещая ее рентой. Под облачной рентой здесь понимаются платежи, которые облачные вассалы выплачивают своим цифровым сюзеренам просто за право быть представленным в иерархическом цифровом мире. Подобное полностью вписывается в формулу средневекового вассалитета, которую Ж. ле Гофф выразил в красивой формуле: феодализм – это омаж и фье́в (феод).

Омаж есть присяга, знаменующая заключение вассального договора. Формой такой присяги выступает принятие соглашения с цифровым вассалом, которое не может быть изменено, почти никогда не воспринимается со стороны своего содержания и представляет собой не более чем ритуальное действие. «Я принимаю» («I accept»). Феод (фье́в) в новом цифровом мире есть та часть цифрового пространства, которая дарована за верность и принятие места в иерархии и которая позволяет получать некие средства. При этом важно не то, насколько эффективно используется феод (то есть не прибыль), а само вассальное принятие феода и получаемая с него рента. Подводя определённый итог, Варуфакис постулирует максимум, согласно которой «величайшим достижением облачного капитала стало всё большее поглощение его ИИ-алгоритмически-цифровой сетью не только процессов изменения поведения работников и потребителей в интересах облачных капиталистов, но и самого рынка, превращающее целые сегменты капиталистического класса в его вассалов» [1, с. 280].

В этом мире облачных феофов всё население представляет собой больше не граждан, а цифровых пролетариев в то время, когда человек работает, и цифровых крепостных во всё остальное время. Варуфакис обращает внимание на то, что интернет, построенный по формуле 2.0. предполагает наполнение содержания сетевых ресурсов самими же пользователями. Они платят постоянно: своими идеями, мыслями, мемами, сообщениями или как минимум своими данными, предоставляя их в безраздельное пользование цифровым лордам, что позволяет их вассалам все более и более полно регулировать поведение самих же цифровых крепостных. Как пишет греческий мыслитель: «Облачные крепостные – пользователи, не имеющие отношения ни к одной корпорации (то есть не-рабочие), которые готовы долго и зачастую усердно трудиться бесплатно, чтобы воспроизводить запасы облачного капитала, например, с помощью постов, видео, фотографий, обзоров и большо-

го количества кликов, что делает цифровые платформы более привлекательными для других пользователей» [1, с. 271].

Подобный технофеодальный мир приводит к коренному переосмыслению не только экономической системы, составляющей его базис, но и, как мы указывали выше, трансформирует все надстроечные сегменты и прежде всего политику. Неофеодальные, технофеодальные концепции цифровизации порождают вполне допустимую и даже закономерную критику. Ярким примером можно считать, работу Е. Морозова «Критика технофеодального разума», в которой автор ставит под сомнения главный тезис сторонников технофеодализма о смерти капиталистического способа производства и в целом капиталистического мира[11].

Вместе с тем возможно воспринять технофеодальные концепции цифровизации как одну из альтернативных парадигм глобальной цифровизации. Подобное методологическое основание позволит нам подвергнуть рассмотрению ряд частных политических процессов, которым у выше приводимых исследователей в силу высокой степени общности не уделялось должного внимания. К числу таких процессов, безусловно, следует отнести избирательный процесс в совокупности со всей системой политической коммуникации, неизбежно охватывающей электоральные процессы.

Представляется, что цифровая специфика технофеодализма должна будет найти себя и в рамках политических отношений и политической коммуникации, складывающейся вокруг фундаментального института демократической политики – выборов. Это позволяет в определенной степени проверить адекватность концептуальных построений сторонников технофеодализма. В случае их правоты мы должны будем наблюдать определенную трансформацию института выборов в цифровом политическом мире, а вместе с ним и трансформацию политической коммуникации. При этом гипотетически следует предположить, что правота сторонников технофеодализма позволит нам увидеть черты политической коммуникации и в целом избирательного процесса, свойственные феодальному миру. Проверка настоящей гипотезы будет составлять цель нашего исследования.

Основные результаты и обсуждение

Политическая коммуникация представляет собой многоплановый и, можно сказать, всеохватывающий политический институт (процесс), обращаясь к которому в рамках проверки заявленной гипотезы мы будем обращать внимание только на один аспект политической коммуникации – политическую коммуникацию в рамках избирательного процесса. Ограничиваясь этими рамками, обратим внимание на то, что политическая коммуникация, имевшая место быть в рамках избирательного процесса политической системы период до-цифровой трансформации, имела своим краеугольным камнем текст. До-цифровая политическая система, сложившаяся в рамках современного политического мира и предполагающая государственный суверенитет и вестфальскую систему государственных отношений, демократию в ее различных проявлениях и формах, парламентаризм, представительскую форму участия граждан в политической жизни, а также ряд иных характеристик, вращалась вокруг того, что М. Маклюэн называл «Галактика Гутенберга». При всем натиске, которое печатное издание в культуре социальных сообществ цивилизации модерна испытывало под влиянием, скажем телеграфа и телевидения, сам по себе текст как центральный элемент коммуникации не ставился под сомне-

ние. Политическая коммуникация складывалась, вращалась, развивалась, сталкивалась с кризисами, но всегда по поводу тех или иных текстов печатных или доступных для печати. Книга как символ «Галактики Гутенберга» оставалась в центре политической коммуникации. Сама по себе центральная роль текста ранее никогда не ставилась под сомнение.

При этом текст как ядро политической коммуникации требовал своей интерпретации, тем самым задавая направление политических дебатов, распадаясь на ортодоксальные и современные (еретические, обновленные и прочее) трактовки. Указанная связка: «текст – интерпретация» образовывала основополагающую ось политической коммуникации, явно или непроизвольно сводя ее в эпистемологическое пространство. Такой подход предполагал обязательное наличие в системе политической коммуникации познавательного процесса, со всеми вытекающими отсюда базовыми вопросами и проблемами, как -то:

- о роли разума и степени разумности политической коммуникации,
- о соотношении разума и веры в политической коммуникации
- о возможности познания окончательной истины в политической коммуникации
- о методологии убеждения и аргументации, в целом о методологии изложения того знания, которое заложено в тексте и которое полагается изъятим (обновленным) интерпретатором
- наконец, о создании нового текста.

Политическая коммуникация эпохи «Галактики Гутенберга» в период избирательной кампании это коммуникация о политических программах, об их понимании избирателями, разрешение вопроса о мотивационных факторах, движущих избирателями (разум или вера), публичные дебаты, и многое другое, но всегда вращающееся вокруг текста как базового элемента политической коммуникации.

Цифровая эпоха в корне изменила этот фактор, упразднив печатный текст как центральный элемент политической коммуникации. Такой вывод может показаться парадоксальным на фоне гигантского роста объемов текстов, продуцируемых пользователями в интернете. Цифровая среда предоставляет каждому пользователю возможность создания и популяризации, распространения собственных текстов, более того, цифровые платформы прямо подталкивают к такому творчеству, получая в качестве собственной выгоды бесплатное наполнение цифрового пространства мыслями, чувствами, эмоциями и тому подобной информацией от пользователей. Однако же, на поверку тексты, продуцируемые в цифровом мире виртуальных сетевых пространств, являются не текстами, а контентом – цифровым содержанием пользовательской активности – сказанием.

Там, где текст галактики Гутенберга предполагал фиксированную в некоем материальном носителе идею, сказание цифровых пользователей предлагает весьма подвижное смысловое образование, не претендующее на завершенность. Более того, сказание принципиально допускает возможность, а в большинстве случаев и прямо требует его дополнения последующими сказателями. В этом смысле замена текста сказанием выводит политическую коммуникацию из эпистемологической плоскости «текст – интерпретация» в антропологическое пространство сказание – повторение (передача).

Ярким примером такой трансформации становятся акты репоста мемов, использование хештегов, техники ретвита, вирусные рассылки, комментарии, использование эмодзи. Мем это не текст и не часть текста, мем

не отсылка к тексту. Мем – это сказание, короткое, эмоционально окрашенное, несущее некое содержание, но это содержание обогащается каждым новым пользователем, пересылающим мем, ретранслирующим его. Политическая коммуникация в цифровом мире строится не вокруг обсуждения текстов, принципиально корреспондирующих к истине и завершенности в печатной данности. Политическая коммуникация в цифровом мире представляет собой вброс коммента, личного сказания, запись рилза, публикация сторис и прочее.

Сторис, как короткое видео о том или ином объекте (событии, явлении), не несет в себе завершенное содержание. Сама суть сторис-технологии сводится к тому, чтобы быть увиденным, прокомментированным. В этих комментариях, в пересылке сторис, сказание получает своё перманентно подвижное содержание, которое будет меняться от пользователя к пользователю. Суть сторис не в том, чтобы известить о некоем фиксированном содержании, но в том, чтобы быть пересказанным – набрать лайков, просмотров, репостов. Цифровое сказание как особого рода контент никогда не станет текстом в том смысле, какой текст имел в «галактике Гутенберга». Цифровой контент никогда не предполагает завершения.

Фиксируя указанные специфические характеристики коммуникативных технологий в цифровом пространстве, мы отмечаем их нарастающее распространение в политической коммуникации в рамках избирательного процесса. В той мере, в какой в возраст политической активности входят избиратели, являющиеся «цифровыми аборигенами» (то есть те люди, которые уже с самого детства жили в мире доступности цифровых технологий, мобильного интернета и смартфонов – рождённые после 2002 года), мы наблюдаем рост объемов политической коммуникации в период избирательной кампании с помощью вышеотмеченных явлений.

Яркие примеры, подтверждающие приводимые положения мы встречаем в исследованиях, анализирующих выборы, прошедшие в последние годы в США (президентские выборы 2024 года) [12], Индонезии (президентские выборы 2024 года) [14], Европе (выборы в Европейский парламент 2024 года) [13], Нигерии (местные выборы 2023 года) [4] и в ряде других работ. В своих исследованиях политологи отмечали характерные особенности, подтверждающие приведенные нами выше положения об особенностях политической коммуникации в цифровом пространстве в рамках избирательного процесса.

Так, например, Л. Робинсон, подвергнув анализу отдельные вопросы выборов в США 2024 года, категорически утверждает, что влияние мемов и, в целом, стиля общения в социальных сетях стало «неоспоримой силой в избирательном цикле 2024 года» [12, с. 44]. Аналогичным образом индонезийские исследователи говорят о том, что «политический контент в виде коротких видеороликов и инфографики получил более высокий уровень взаимодействия (лайки, комментарии и репосты) по сравнению с контентом в виде текста или длинных статей. <...> Политические сообщения, передаваемые через социальные сети в визуальной форме, более эффективны для привлечения внимания и поощрения вовлеченности избирателей, чем более традиционные сообщения» [14, с. 107–108]. Итальянские исследователи также разделяют общее положение о доминирующем тренде моделей политической коммуникации в рамках избирательных кампаний в сторону тех форм, которые присущи социальным сетям, при этом отмечая, что «четкие контрасты, числовые данные, эмоциональные триггеры и визуально привлекательные макеты вносят зна-

чительный вклад в популярность постов в социальных сетях в политическом дискурсе» [13].

Обратим внимание на то, что отмеченные выше характеристики – чёткие контрасты, эмоциональные триггеры и визуальная привлекательность – характеризуют именно сказания. Тексту «галактики Гутенберга» таковые характеристики безразличны, а применительно к сказанию они превращаются в значимые, в чём-то даже определяющие, особенности.

Отметим, что выявленное противопоставление текста традиционной избирательной коммуникации и сказания как формы цифровой политической коммуникации в период выборов имеет фундаментальное положение. Дело в том, что коммуникация в рамках феодального социума строилась не на тестах, а на сказаниях. Феодализм – эпоха устного рассказа, в которой печатное слово, безусловно, было представлено, но вне политической коммуникации, тем более в рамках избирательных процессов.

Здесь следует подчеркнуть, что сам по себе институт выборов и в целом демократические практики были достаточно полно представлены в феодальном мире. Ярким примером этого выступают вечевые формы самоуправления, соборы (как светские, так и церковные), городские общины, скажем, в итальянских городах, и так далее.

В качестве примера господства устного слова и сказания в феодальной культуре можно привести отечественную практику выбора посадников, широко распространённые практики выбора местных, «низовых» представителей (управленцев). Подобные примеры активных избирательных практик феодализма можно продолжить вплоть до избирательного процесса выбора верховного царя Земским собором, при этом именно избирательный процесс и его результат определял легитимность избранного государя.

Вся вышеприведенная практика выборов в феодальном мире проходила в медиуме активной политической коммуникации, но коммуникации исключительно устной. Даже редкие печатные тексты имели тенденцию к существованию, прежде всего, в пересказе, в устном сказании. Тексты находились на периферии политической коммуникации, тогда как устное слово формировало ее сердцевину.

Безусловно, следует понимать, что сказание в рамках цифровой политической коммуникации в наши дни и сказание в рамках политической коммуникации феодального общества представляются нетождественными по форме. Разработка и использование цифровых технологий, существование устного слова в виртуальном пространстве интернета изменяет его облик. Но существенные характеристики господства слова равным образом в социальных сетях начала XXI века и локальных сообществах феодального мира остаются тождественными.

Рамки научной статьи не позволяют без превышения объема провести всестороннее исследование параллелей и аллюзий средневековых устных практик политической коммуникации и сказаний цифровой эпохи политической коммуникации. Требуется своего полноценного анализа и осмысления допустимость параллелей между блогерами и миннезингерами, между конспирологическими темами и еретическими верованиями, а также многие другие аспекты, которые имеют значительный интерес, как для политической науки в целом, так и для развития технофеодальной картины политического мира. Однако осуществление подобного анализа потребует масштабного исследования, реализация которого возможна только в монографическом исследовании. В си-

лу этого обстоятельства можно обратиться для иллюстрации и подтверждения сущностного единства устных форм сказания в феодальной и технофеодальной политической коммуникации в период выборов лишь к одному аспекту – формированию фейков.

Фейки, то есть недостоверная информация, предстают сегодня одной из актуальных проблем политической коммуникации в виртуальной среде в период выборов. Борьба с фейками представляется как одно из наиболее значимых направлений противодействия неправомерным технологиям политического влияния. Однако, если мы встанем на позиции технофеодализма, то мы увидим, что фейковость является сущностной чертой устного сказания как такового. Всё пространство устной коммуникации феодализма пронизано тем, что в сказаниях смещаются пласты реального и нереального. При этом вымысел не рассматривается как привнесение автора (автор вообще отсутствует в устном сказании средневековой цивилизации). Сам по себе устный рассказ строится на допущении фантастического, нереального. При этом в ходе устной ретрансляции нереальное вполне себе может меняться, трансформироваться, обогащаться, перемещаясь в политическом пространстве.

Аналогичным образом видна и фейковость в цифровом пространстве виртуального мира. Яркий пример – вброс о «российском следе» в выборах Д. Трампа в США в 2016 году. Этот фейк представляет собой исключительно устное сказание, автор-прародитель которого неизвестен и являет собой совокупную среду интернет-пользователей. Он порожден самой политической коммуникацией в цифровом мире, где эта информация обрела ряд подробностей вполне себе былинного, фантазмагорического характера. Равным образом и в других фейковых новостях наблюдаются аналогии фольклорным персонажам, например, Петрова и Башарова – Тугарину Змюю или Соловью Разбойнику, по степени фантазмагоричности их поступков, скорости перемещения в пространстве и времени, личностным характеристикам и прочим аспектам.

В конечном итоге, с позиций технофеодализма, фейковые новости не следует рассматривать как исключение из правил коммуникации. Напротив, они представляют собой суть новой (старой) формы устной политической коммуникации, с которой невозможно бороться, так как она образует суть политической коммуникации в изустной традиции сказания.

Результаты исследования

Проблема трансформации политической коммуникации под влиянием процессов цифровизации политики на сегодняшний день представляет собой пространство конкурирующих научных парадигм, стремящихся вскрыть сущность происходящих изменений с позиций политической науки. В числе альтернативных исследовательских подходов интерес представляет технофеодальная концепция, сторонники которой полагают, что глобальная цифровизация приведет к сегментации единого пространства человеческой цивилизации, структурируемого сообразно фактору господства над виртуальным пространством. Цифровые гиганты превратятся (и уже превращаются) в цифровых лордов, которые равным образом правят как присягающими им цифровыми вассалами, получающими за свою лояльность в управление цифровой феод – возможность быть представленным на цифровой площадке (в виртуальном мире социальных сетей), а также цифровых крепостных и пролетариев. Капиталистическая экономика в технофеодальной концепции неминуемым

образом гибнет в результате замены прибыли рентой цифровых феодальных пространств.

В исследовании подвергается проверке технофеодальная концепция путем рассмотрения трансформации политической коммуникации под влиянием цифровизации. Выявлено, что цифровизация политической коммуникации в избирательный период приводит к замене текста на сказание. Политическая коммуникация приобретает черты доминирования устного сказания. Равным образом устное сказание было доминирующим способом политической коммуникации в эпоху феодального мира и средневековых избирательных практик. С точки зрения формы, они не являются тождественными в силу того, что технологические возможности виртуального мира XXI века позволяют представить в иной форме (мемы, сторис, рилсы, короткие видео и прочее) устное сказание, но сущностные характеристики сказаний в противоположность тексту остаются идентичными.

Литература

1. Варуфакис Я. Технофеодализм. – М., Ad Marginem, 2025. – 304 с.
2. Сморгун Л.В. Сценарии политического управления в глобализирующемся мире. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6, 2006, вып. 3. – 42–47 с. С. 44.
3. Шваб К. Четвертая промышленная революция». – М.: АНО ДПО «Корпоративный университет Сбербанка», 2016.
4. Asaju, K., Munya P. Digital Democracy and Elections in Nigeria: An Assessment of the 2023 Governorship Election in Taraba State. *Futurity of Social Sciences*.//2024, № 2(4), p.4–23.
5. Drahos P., Braithwaite J. Information feudalism. Who owns the knowledge economy. London: Earthscan Publications, 2002.
6. Gilpin R. Global political economy: Understanding the international economic order. – Princeton, Princeton University Press, 2001. – p. 379.
7. Gosztanyi G., Gyetván D. The applicability of neomedievalism, technofeudalism and sovereignty in contemporary internet governance. // *Ethical Space: International Journal of Communication Ethics*. Freedom of expression. 2025. Vol 22, № ½. – p. 37.
8. Jensen J.L. The medieval internet: Power, politics and participation in the digital age. – Bingley, Emerald Publishing, 2020. – p. 95–109.
9. Kelemen Z. A historically revised model of neomedievalism and the European Union as «regimen mixtum». – Budapest, Budapesti Corvinus Egyetem, 2019. – p. 65–68.
10. Meinrath S.D., Losey J.W., Pickard V.W. Digital Feudalism: Enclosures and Erasures from Digital Rights Management to the Digital Divide // *Advances in Computers*. 2011. Vol. 81. P. 237–287.
11. Morozov E. Critique of Techno-feudal Reason // <https://newleftreview.org/issues/ii133/articles/evgeny-morozov-critique-of-techno-feudal-reason> (проверено 23.12.2024)
12. Robinson L. Gen Z's gendered divergences in the U.S. 2024 election: Digital engagement, education, and politics. // *First Monday*, 2024. V. 29, № 12. 35–63 pp.
13. Sernani P., Cossiri A., Di Cosimo G., Frontoni E. Analyzing Digital Political Campaigning Through Machine Learning: An Exploratory Study for the Italian Campaign for European Union Parliament Election in 2024. *Computers*, 2025, 14(4), 126. <https://www.mdpi.com/2073-431X/14/4/126>

14. Sulistya A., Lianingsih N. Digital Political Dynamics: The Influence of Social Media on Election Participation, in the 2024 Election. // *International Journal of Humanities, Law, and Politics*, 2024, Vol. 2, No. 4, pp. 104–109. <https://ejournal.corespub.com/index.php/ijhlp/article/view/163>

POLITICAL COMMUNICATION IN THE ELECTORAL PROCESS WITHIN THE FRAMEWORK OF THE TECHNOFEUDAL CONCEPT OF DIGITALIZATION OF POLITICS

Krapivin N.P.

Lomonosov Moscow State University

The article examines the specifics of the impact of digitalization processes on political communication in the context of the electoral process. Based on the methodology of the technofeudal concept, the author analyzes political communication during the election period, showing that in the digital space, text as the central element of the pre-digital era (the Gutenberg galaxy) is replaced by oral tradition. Oral tradition was the dominant form of political communication during the period of feudalism, which indirectly confirms the validity of certain provisions of the technofeudal interpretation of digitalization processes. The author analyzes the fake nature of political communication in the digital space, noting that its phantasmagoria is rooted in the tradition of oral political communication (legends). This trait, characteristic of both medieval forms of political communication and modern digital ones, manifests itself in the distortion of information and the creation of mythologized narratives.

Keywords: political communication, electoral process, technofeudalism, neo-feudalism, digitalization of politics.

References

1. Varoufakis Ya. Technofeudalism. Moscow, Ad Marginem, 2025. 304 p.
2. Smorgunov L.V. Scenarios of political management in a globalizing world. // *Bulletin of St. Petersburg University*. Ser. 6, 2006, issue 3. – 42–47 p.p. 44.

3. Shvab K. The Fourth Industrial Revolution." Moscow: ANO DPO "Corporate University of Sberbank", 2016.
4. Asaju, K., Munya P. Digital Democracy and Elections in Nigeria: An Assessment of the 2023 Governorship Election in Taraba State. *Futurity of Social Sciences*.//2024, № 2(4), p.4–23.
5. Drahos P., Braithwaite J. Information feudalism. Who owns the knowledge economy. London: Earthscan Publications, 2002.
6. Gilpin R. Global political economy: Understanding the international economic order. – Princeton, Princeton University Press, 2001. – p. 379.
7. Gosztanyi G., Gyetván D. The applicability of neomedievalism, technofeudalism and sovereignty in contemporary internet governance. // *Ethical Space: International Journal of Communication Ethics*. Freedom of expression. 2025. Vol 22, № ½. – p. 37.
8. Jensen J.L. The medieval internet: Power, politics and participation in the digital age. – Bingley, Emerald Publishing, 2020. – p. 95–109.
9. Kelemen Z. A historically revised model of neomedievalism and the European Union as «regimen mixtum». – Budapest, Budapesti Corvinus Egyetem, 2019. – p. 65–68.
10. Meinrath S.D., Losey J.W., Pickard V.W. Digital Feudalism: Enclosures and Erasures from Digital Rights Management to the Digital Divide // *Advances in Computers*. 2011. Vol. 81. P. 237–287.
11. Morozov E. Critique of Techno-feudal Reason // <https://newleftreview.org/issues/ii133/articles/evgeny-morozov-critique-of-techno-feudal-reason> (проверено 23.12.2024)
12. Robinson L. Gen Z's gendered divergences in the U.S. 2024 election: Digital engagement, education, and politics. // *First Monday*, 2024. V. 29, № 12. 35–63 pp.
13. Sernani P., Cossiri A., Di Cosimo G., Frontoni E. Analyzing Digital Political Campaigning Through Machine Learning: An Exploratory Study for the Italian Campaign for European Union Parliament Election in 2024. *Computers*, 2025, 14(4), 126. <https://www.mdpi.com/2073-431X/14/4/126>
14. Sulistya A., Lianingsih N. Digital Political Dynamics: The Influence of Social Media on Election Participation, in the 2024 Election. // *International Journal of Humanities, Law, and Politics*, 2024, Vol. 2, No. 4, pp. 104–109. <https://ejournal.corespub.com/index.php/ijhlp/article/view/163>

Теоретико-методологические основы конструктивистского исследования идеологического аспекта феномена внутрироссийского сепаратизма

Самойлов Сергей Федорович,

д.ф.н., профессор, полковник полиции, заместитель
начальника кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России
E-mail: samoilow111@yandex.ru

Митин Алексей Васильевич,

к.ф.н., доцент кафедры философии и социологии Московского
университета МВД России

Содержание статьи посвящено важной для российской правоохранительной системы проблеме – анализу стратегии и тактики попыток осуществления террористической войны против Российской Федерации, предпринимаемыми действующим киевским режимом. Специфика авторского подхода к рассматриваемой проблеме заключается в конструировании особого концепта «идеология российского регионального сепаратизма», отражающего попытки враждебных Российской Федерации политических сил создать политическую и доктринальную платформу для сепаратистских групп различной идеологической направленности. В качестве теоретико-методологической базы представленного в статье исследования выступил конструктивный подход в социально-гуманитарных науках.

Ключевые слова: конструктивизм в области социально-гуманитарного познания, цивилизационный подход, идеология сепаратизма, коммуникативный предмет, радикальная и экстремистская среда, внутрироссийский сепаратизм, русский сепаратизм, этнический сепаратизм, современный российский коллаборационизм.

Актуальность темы исследования

В настоящее время экстремистская угроза на протяжении долгих лет остается одним из важнейших вызовов, с которыми приходится сталкиваться российскому государству и обществу. При этом ее характер носит ярко выраженную динамическую природу. И действительно, с момента создания Российской Федерации главные субъекты экстремистской и террористической угрозы постоянно менялись, в качестве таковых в разные периоды новейшей российской истории выступали северокавказские сепаратисты, исламисты, неонацистские группировки, сторонники подростковых субкультур «АУЕ» и «Колумбайн». Главной специфической чертой современной экстремистской угрозы является ее непосредственная связь с проводимой Российской Федерацией специальной военной операцией.

Еще до начала ее проведения действующий киевский режим для осуществления войны против республик Донбасса взял под свое покровительство как украинских, так и российских праворадикалов, которые создав собственные вооруженные формирования привлекли в свои ряды сторонников неонацизма и расизма со всего мира, что создало непосредственную угрозу безопасности нашей страны. Одним из важнейших направлений украинской политики с началом специальной военной операции, проводимой российскими силовыми ведомствами с целью денацификации Украины, стало развязывание террористической войны на территории России. При этом украинские государственные структуры и праворадикальные организации в деле реализации своего замысла пытаются использовать самые различные деструктивно настроенные политические силы, сотрудничая со всеми спектрами российской радикальной и экстремистской среды от неонацистов и религиозно-политических экстремистов до сторонников идеологии «цветных революций».

Одним из важнейших направлений усилий украинской стороны по разжиганию террористической войны в Российской Федерации следует признать поддержку различных сепаратистских группировок как на территории России, так и за ее пределами. Данная поддержка осуществляется украинскими государственными структурами и праворадикальными организациями в надежде на ухудшение социально-политической и экономической ситуации в России, которая создала предпосылки для разжигания в ней гражданской войны и как следствие к прекращению специальной военной операции. Из сказанного можно сделать вывод о том, что различные виды противодействия сепаратистским группировкам, действующим как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами является одной из приоритетных задач, стоящих перед российской правоохранительной системой в целом и органами внутренних дел в частности.

Степень разработанности темы

Высокая социальная опасность феномена сепаратизма на территории Российской Федерации послужила причи-

ной того, что он стал предметом пристального внимания со стороны научного сообщества. Среди многочисленных научно-исследовательских публикаций, посвященных данному негативному социальному явлению следует выделить работы таких авторов как Антонов М.П., Ахметов А.А., Бочарников И.В., Домарева М.А., Жамков М.В., Осторохов Н.В., Пилипенко В.А., Рыбаков А.В., Савва М.В., Савва Е.В., Сосенков Ф.С., Скулаков Р.М., Сталенная Л.С., Тишков В.А., Квон Д.А., Левченко Л.В., Нарочницкая Е.А., Маркелова А.А., Маркедонов С.М., Метелева Е.Р., Шувалов А.А., Щербинин Д.И., Фирулина И.И.

На наш взгляд одной из особенностей научно-исследовательской литературы посвященной феномену сепаратизма следует признать недостаточное внимание к его идеологическому аспекту. Если такое внимание и уделяется, то оно ограничивается рамками анализа идеологии конкретных видов сепаратизма как в России, так и иностранных государствах. Так, можно обнаружить значительный объем публикаций, по идеологии фламандского, каталонского, ирландского, корсиканского, сицилийского, галицейского, курдского сепаратизма, а также сепаратистских чиченских, татарских, крымско-татарских, башкирских, казачьих, якутских и др. сепаратистских концепций, рассмотренных как в современном, так и в историческом аспекте. Но при этом в научно-исследовательской литературе как правило не предпринимается попыток создания целостного образа идеологии сепаратизма. Во многом данное обстоятельство обусловлено тем, что сам сепаратизм часто является лишь одной из характерных черт левых, правых центристских или религиозно-политических идеологий.

Признавая справедливость данного утверждения, необходимо, однако подчеркнуть, что анализ феномена сепаратизма позволяет утверждать, что можно обнаружить многочисленные примеры, когда сепаратизм выступал в качестве идеологической базы для различных политических сил. К числу таких попыток следует отнести и попытки действующего киевского режима и поддерживающих их стран коллективного Запада консолидировать различные группы регионалистов и сепаратистов в общую антироссийскую политическую платформу.

Из сказанного следует, что научное исследование, посвященное анализу идеологии антироссийского сепаратизма как формирующейся целостной доктрины, обосновывающей экстремистскую и террористическую деятельность, представляется своевременной и актуальной.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования следует признать *идеологию сепаратизма как целостный концепт*, тогда как в качестве его *предмета* представляется целесообразным рассматривать *процесс конструирования идеологии антироссийского сепаратизма как общей политической и доктринальной платформы для сепаратистских групп*, действующих от имени различных регионов Российской Федерации.

Постановка проблемы

Стремление действующего киевского режима развязать террористическую войну против Российской Федерации с опорой на различные сепаратистские группировки, действующие как на российской территории, так и за ее пределами предполагает создание рамочной идеологической платформы, которую можно обозначить как «российский региональный сепаратизм».

Теоретико-методологические основы исследования

Основой теоретико-методологической базы проведенного исследования выступил *конструктивистский подход*, представляющий собой отбор определенного эмпирического материала на основе сконструированной идеальной схемы, с целью ее дальнейшей проверки. Данный подход был реализован посредством применения целого ряда общенаучных теоретических и эмпирических методов познания, находящих свое применение в социально-гуманитарных науках. К числу эмпирических методов, нашедших свое применение в исследовании, следует отнести метод *описания* и *сравнительно-сопоставительный анализ*. В свою очередь к числу теоретических методов, позволивших реализовать конструктивный подход к решению поставленной проблемы, принадлежат *методы идеализации* и *теоретического моделирования*.

Реализация основных принципов конструктивизма в процессе моделирования понятия «идеология российского регионального сепаратизма» потребовало опоры на теоретико-методологические разработки таких классиков социального познания как М. Вебер, К. Мангейм, А. Шюц, П. Бергман, Т. Лукман и др. В исследовании также использовались научные публикации таких представителей российского общественнознания как В.С. Степин, А.А. Бучек, А.М. Улановский, Н.Н. Витченко, О.В. Молоковой, В.Ф. Петренко и др.

Следует особо подчеркнуть, что выбор теоретико-методологической базы исследования вполне соответствует ее предмету, поскольку в настоящее время сама «идеология российского сепаратизма» является чисто полит технологическим конструктом.

Эмпирическая база исследования

В качестве эмпирического материала исследования выступили следующие политически важные события, материалы и нормативно-правовые документы:

- факты, связанные с проявлением активности групп, действующих как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами и разделяющих различные сепаратистские идеи;
- программы, декларации, соглашения, отдельные заявления как организаций, так и отдельных лиц, в той или иной степени разделяющих идеологию сепаратизма;
- различные усилия иностранных государств по поддержке, организации и консолидации сепаратистского движения в России;
- организация и противоправная деятельность террористических организаций, созданных действующим киевским режимом, действующих против российских вооруженных сил и разделяющих различные варианты идеологии сепаратизма;
- публицистические материалы и научно-исследовательские статьи, посвященные нынешнему состоянию российского сепаратистского движения;
- российские нормативно-правовые акты, признающие:
- террористическими организациями вооруженные формирования, действующие на стороне вооруженных сил Украины, состоящие из бывших и действительных российских граждан и имеющих в свою идеологическую программу идеи сепаратизма,
- экстремистской организацией движения «Антироссийское сепаратистское движение», к которому могут быть отнесены как действующие, так и могущие

возникнуть в будущем, радикальные сообщества, выступающие за отделение какой-либо территории от Российской Федерации.

Выделенные и исследованные эмпирические источники позволяют сделать уверенный вывод о том, что сепаратизм из отдельного положения радикальных и экстремистских сообществ постепенно превращается в рамочную идеологию, нацеленную с одной стороны на консолидацию различных политических сил, выступающих за свержение законно действующей власти, а с другой, на реальное расчленение Российской Федерации в обозримом будущем.

Общая характеристика идеологии сепаратизма как исходная схема теоретического конструирования

Традиционно сепаратизм рассматривается как политический феномен, связанный со стремлением определенной территории государства в силу наличия у него определенной исторических, национальных, социально-политических, культурных, религиозных и иных особенностей к политическому обособлению. При этом степень такого обособления различными авторами может определяться по-разному. В зависимости от степени радикальности сепаратистской тенденции в научно-исследовательской литературе принято различать:

- *регионализм*, предполагающий политическую стратегию, нацеленную на расширение прав определенных регионов, но при этом не предполагает изменения имеющегося административно-территориального деления и кардинального изменения действующей конституции;
- *автономизм*, выступает за создание новой автономии или существенное расширение прав уже действующего автономного образования, что, как правило, влечет за собой изменение формы государственного устройства, *например*, переход от унитарного государства к федеративному устройству или от федеративного к конфедеративному;
- *сепаратизм*, нацеленный на выход какой-либо территории за пределы государства, что в свою очередь может осуществляться в двух основных формах:
- *ирредентизма*, предполагающего присоединение определенной территории государства к другому, чаще всего соседнему государству;
- *индепендизм*, связанный с созданием на отделяемой территории нового самостоятельного государства.

Как правило, выбор одной из перечисленных стратегий сепаратизма предполагает создание определенной идеологии, в которой бы решал целый ряд важных политических задач:

- обоснование политического выбора в пользу конкретного вида сепаратизма;
- опровержение политических оппонентов как со стороны сторонников сохранения целостности государства или неизменности существующего административно-территориального устройства, так и со стороны политических сил, отстаивающего другие формы более или менее радикальные разновидности сепаратистской идеологии;
- конкретизацию метода достижения заявленной политической цели, связанной с расширением прав или отделением определенной территории;
- систему объяснения конкретных политических действий, направленных на реализацию политического проекта по расширению прав региона, создания ав-

тономии, присоединения территории к существующему государству или создание нового государства.

Идеология сепаратизма может принимать самые разнообразные формы как по своей структуре, так и по своему содержанию. По структуре можно выделить две основные формы:

- *моноидеологическую*, предполагающую наличие конкретной идеологической доктрины, отстаивающей конкретные идеал будущего государства или автономии и методы его реализации;
- *рамочную*, представляющую собой предельно общую концепцию, включающую в себя установки, объединяющие идеологически противоположные политические силы, вступающие во временный союз для достижения конкретной политической цели.

В содержательном отношении сепаратистские идеологии более разнообразны, теоретически они могут совпадать со всем имеющимся идеологическим спектром. Другими словами, практически любая идеология может при определенных ситуациях реализовывать идеи сепаратизма. По этой причине принято выделять предельно общие идеологические основания сепаратизма, раскрывающие его не доктринальную, а социальную базу. По этой причине обычно выделяют следующие виды идеологии сепаратизма:

- *этнический сепаратизм*, для которого характерно обоснование отделения определенной территории от государства интересами конкретного этноса;
- *этно-территориальный сепаратизм*, объясняет правомерность расширения прав региона или его отделения от государства наличием у него определенных особенностей исторического, социокультурного и прежде всего экономического характера, чаще всего это обоснование предполагает, что отделение территории необходимо для завершения формирования новой нации;
- *религиозно-политический сепаратизм*, делает упор на религиозную специфику населения определенной территории, настаивая, что его конфессиональные особенности требуют либо создания той или иной формы клерикального или теократического государства.

Одной из главных особенностей идеологии сепаратизма служит его временная ограниченность, поскольку она может существовать только пока сохраняется актуальность расширения или отделения прав определенной территории. Как только политические силы, реализующие сепаратистскую повестку, добиваются своей цели или она становится не актуальной их идеология претерпевает существенное изменение. Именно данное обстоятельство дает основание многим исследователям отказываться от рассмотрения как самостоятельной доктрины. Однако данный подход следует признать неправомерным, поскольку сепаратистская повестка может оказаться актуальной на значительный срок и подчинить своему влиянию все остальные элементы идеологической доктрины.

Итак, специфическими характеристиками идеологии сепаратизма, как и любой другой ситуативной идеологической конструкции, возникшей на базе отдельной черты, способной быть воспринятой различными политическими программами следует признать её:

- *ситуативность*, обусловленность конкретными историческими условиями;
- *вторичность* по отношению как к макро социально-политическим идеологиям – либерализму, консерватизму и социализму, так и их различным разновидностям, и идеологическим синтезам, которая пред-

полагает возможность обоснования идей сепаратизма различными идеологическими средствами;

- **конструктивность**, способность использовать различные идеологические взгляды для обоснования идеи расширения прав или отделения определенной территории государства.

Характерные черты идеологии сепаратизма, ставящие под вопрос ее существование в качестве самостоятельной идеологии, делают ее, с одной стороны, удобным инструментом политических технологий, а с другой наиболее подходящим предметом применения конструктивного анализа.

Конструктивистский анализ идеологии внутрироссийского сепаратизма

Конструктивистский анализ идеологии антироссийского или внутрироссийского сепаратизма должен соответствовать основным нормам данной методологической процедуры. Однако специфика социально-гуманитарного знания заключается в том, что несмотря на наличие в нем определенных теоретико-методологических парадигм, научных направлений и школ, в силу его принципиального ценностного характера и специфики предмета исследования приводит к тому, что применяемая методология зависит от целей и задач, формулируемых самим исследователем. Другими словами, различные представители как конструктивного подхода, так и уже конструктивизма в социально-гуманитарном познании предлагают свои варианты данного подхода.

По этой причине представляется целесообразным поэтапно раскрыть основные элементы конструктивистского анализа идеологии внутрироссийского сепаратизма:

- **основная методологическая установка**, заключается в том, что предмет исследования не отражается и не создается, а именно конструируется исследователем, что предполагает соединение идеальных предметов с реальными фактами, явлениями, процессами. Другими словами методологически конструктивистская установка принципиально отличается от объективистской и субъективистской познавательных установок. Применительно к рассматриваемой проблеме конструктивистская установка означает, что идеология внутрироссийского сепаратизма выделяется в качестве целостного явления самим исследователем, что однако не означает его творческого произвола, поскольку само теоретическое конструирование опирается на факты консолидации и прямого инициирования создания групп сепаратистской направленности киевским режимом и странами коллективного Запада, а также на правовую оценку данных политических действий российским законодательством;
- **специфика понимания гносеологического субъекта** проявляется в том, что он одновременно может не только познавать, занимая при этом активную по отношению к исследуемому предмету позицию, но и непосредственно участвовать в процессе онтологического формирования изучаемого предмета. В связи с этим в конструктивистской методологии возникает проблема демаркации гносеологического и онтологического субъекта. Например, исследователь идеологии внутрироссийского сепаратизма может одновременно быть и политтехнологом, разрабатывающим соответствующие идеологические конструкты. В этом случае может возникнуть опасность подмены объективных данных об исследу-

емом предмете идеологически ангажированными высказывания. Возможен и обратный процесс, идеологический противник внутрироссийского сепаратизма может подменять объективное исследование изучаемого социально-политического феномена его критикой. В силу данного обстоятельства возникает потребность в существовании следующего элемента конструктивистской методологии;

- **рефлексия**, предполагающая непосредственное разграничение описания функционирования исследуемого объекта от самого процесса познания. Именно рефлексивность конструктивистского подхода позволяет провести границу как между познавательным процессом и идеологической интерпретацией, так и в сознании самого исследователя, между ним как ученым и идеологом.

Применительно к исследуемому предмету рефлексивность конструктивистской методологии проявляется в следующем:

- **специфика понимания предмета**, заключается в том, что он является результатом не только познавательной, но и в своей сущности, хотя познавательная и онтологическая конструкции могут не совпадать. Применительно к рассматриваемой проблеме это означает, что идеология внутрироссийского сепаратизма конструируется не только исследователем, когда раскрывается ее характер, структура, причины возникновения и т.д., но сама в себе она представляет собой полит технологическую конструкцию, созданную под определенный политический заказ, в определенных социальных условиях;
- **специфика понимания предмета исследования как элемента системы**, проявляется в том, что идеология внутрироссийского сепаратизма должна быть рассмотрена не только как составная часть соответствующего феномена, но и как элемент мирового порядка, а именно как элемент конфликта цивилизаций. В этом отношении феномен внутрироссийского сепаратизма является сопоставимым с такими историческими событиями как инициирование Польшей похода Лжедмитрия I, пребывание на турецкой службе запорожских казаков и казаков-некрасовцев, поддержка западноевропейскими странами русского революционного движения в XIX – начале XX века, создание гитлеровской Германией т.н. «русского освободительного движения» во главе с генералом А. Власовым, спонсирование «цветных революций» на постсоветском пространстве. Другими словами, конструктивистский анализ позволяет рассмотреть феномен внутрироссийского сепаратизма в целом и его идеологию в частности, не в качестве уникального явления, а как элемент глобального процесса – конфликта цивилизаций;
- **специфика понимания сущности исследуемого предмета** проявляется в том, что в конструктивистской методологии раскрывается синтетическая природа исследуемой социальной реальности, присутствие в ней субъективной и объективной компонент. Применительно к пониманию сущности идеологии внутрироссийского сепаратизма это означает раскрытие его полит технологического характера, проявляющего себя в попытке создания предельно общей политической программы, способной охватить разнотипные по своей идеологической направленности оппозиционно настроенных по отношению к действующей российской власти политических сил;
- **коммуникационное объяснение существования исследуемого предмета** заключается в том, что в рам-

ках современной конструктивистской методологии доминирует коммуникационное понимание социальной предметности. Применительно к исследованию идеологии внутрироссийского сепаратизма это означает, что она формируется и функционирует внутри нескольких коммуникационных систем, важнейшей из которых следует признать политическую коммуникацию действующего киевского режима и стран коллективного Запада с российской радикальной и экстремистской средой, действующей как в России, так и за ее пределами;

- *специфика структуры исследуемого предмета* выражается в его рамочном характере. Применительно к анализу идеологии внутрироссийского сепаратизма это означает, что в ней можно выделить следующие элементы:
- *консенсусный круг*, содержание которого составляют ценностные ориентиры, политические идеи и стратегии радикального либерализма, обосновывающего как технологии «цветных революций», так и методы вооруженной борьбы,
- *доктринальные круги*, представляющие собой различные по своему характеру идеологические доктрины российской деструктивной оппозиции, а также радикальных и экстремистских сообществ, в том числе запрещенных на территории Российской Федерации таких как «Легион «Свобода России», «Русский добровольческий корпус», «Сибирский добровольческий батальон» и т.д.,
- *сектора идеологического совпадения*, содержат в себе положения общие как для радикального либерализма, так и иных идеологий радикальной и экстремистской направленности ряд положений,
- *сектора идеологических расхождений*, представлены идеологическими положениями доктрин радикальных и экстремистских сообществ, не входящих в консенсусный круг,
- *анализ содержания исследуемого предмета*, заключается в том, что конструктивистская методология осуществляет решения целого ряда задач, таких как:
- установление сущности предмета,
- выделение его основных черт и соотношение между ними,
- возникновения как результата синтеза исходных элементов,
- раскрытие эволюции содержания предметности как результат внутренней и внешней коммуникации.

Применительно к анализу содержания идеологии внутрироссийского сепаратизма перечисленные выше этапы ее исследования выглядят следующим образом:

- идеология внутри российского сепаратизма как целостная идеологическая концепция, представляет собой идеологическую конструкцию, имеющую рамочный характер и нацеленную на консолидацию, мобилизацию и формирование новых сепаратистских групп как в России, так и в эмиграции;
- важнейшими общими чертами внутрироссийского сепаратизма следует признать:
 - *антиколониализм*, определяющую Россию в качестве империи, имеющей внутренние колонии, а борьбу – за создание на ее территории новых государств,
 - *этноцентризм*, рассмотрение этнических особенностей в качестве главного основания создания новых государств,
 - *гиперкритицизм*, максимально критичное отношение к действующей власти при минимальном оглашении собственной программы социально-политического преобразования общества,

- *популизм*, выдвигание предельно общих и нереализуемых лозунгов, таких как осуществление социальной справедливости, повышение уровня благосостояния, расширение социальных, экономических и политических свобод, нацеленных на поддержку широких слоев общества,
- *революционизм*, оправдывающий участие российских граждан и эмигрантов в текущем вооруженном конфликте на украинской стороне, а также призывающий к свержению законно действующей российской власти насильственным путем.

Общие черты внутрироссийского сепаратизма вступают в противоречие с положениями идеологий и политических программ различных входящих в него групп, к числу такого рода идеологических противоречий следует противоречия между:

- *праворадикализмом и леворадикализмом*;
- *исламизмом и национализмом*;
- *национализмом и либерально-демократической идеологией*;
- *пацифизмом и милитаризмом*;
- *христианством и неоязычеством*;
- *традиционными и радикально-либеральными ценностями*.

Кроме того, идеологические противоречия имеют место и между общими положениями идеологии внутри российского и программами отдельных радикальных сообществ. Связующей идеей идеологии внутрироссийского сепаратизма, объединяющая противоположные по характеру сегменты российской радикальной и экстремистской среды служит идея активной политической и вооруженной борьбы с действующей законно избранной властью. В современной политической ситуации данная идея носит ярко выраженный *коллорабационистский характер*. По отношению к ней идея сепаратизма носит второстепенный, вспомогательный характер, позволяя идеологически разнонаправленным деструктивным силам иметь собственное поле деятельности.

Анализ влияния предмета исследования на социально-коммуникативные процессы. В рассматриваемой области среди многочисленных социально-коммуникативных отношений исследуемого предмета представляет влияние идеологии внутрироссийского сепаратизма на праворадикальную среду. Главной идеологической напряженностью внутри самой идеи внутрироссийского сепаратизма является идеологическая напряженность между русским и региональными национализмами. Данное напряжение частично снижается благодаря *идее русского сепаратизма*, которая предполагает отделение регионов с крайне малым количеством русского населения. Однако, одновременно с этим данная идея вызывает крайне негативную реакцию у значительной части консервативно настроенной части русского населения, которая рассматривается праворадикалами в качестве своей социальной опоры. Таким образом, идеология и политическая практика внутрироссийского сепаратизма как целостной доктрины и единого движения создает для русской праворадикальной среды большие сложности, создавая прямую угрозу ее очередного раскола.

Выводы

1. Идеология внутрироссийского сепаратизма представляет собой формирующуюся идеологическую конструкцию, которая с одной стороны носит ситуационный, обусловленный протекающим вооруженным конфликтом, характер, а с другой является закономерным проявлением борьбы цивилизаций.

2. Среди различных теоретико-методологического исследования идеологии внутрироссийского сепаратизма конструктивистский анализ может быть признан приоритетным по причине соответствия своего характера характеру исследуемого предмета.

3. Противодействие идеологии внутрироссийского сепаратизма должно учитывать имеющиеся у нее как идеологические, так и социально-коммуникационные противоречия.

Вышеизложенные выводы подчеркивают значимость конструктивистского подхода для анализа как ситуативных, так и рамочных идеологий. Результаты проведенного исследования подтверждают, что сепаратизм представляет серьезную угрозу, выступая элементом гибридного конфликта и инструментом внешнего вмешательства. В этой связи необходимы дальнейшие разработки в сфере изучения процессов идеологической дезинтеграции и совершенствования мер информационного противодействия подобным деструктивным идеологическим влияниям.

Литература

1. Ахметов А.А. Сепаратизм в России и на постсоветском пространстве и пути его преодоления: Дисс. канд. полит. наук. М., 2013. – 184 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: «Медиум», 1995. – 323 с.
3. Бирюков С.Н. Сепаратизм: идейные истоки, современное состояние, пути преодоления // Русский журнал. 24 июля. 2007. С. 45–60.
4. Бочарников И.В. Противодействие сепаратизму: теоретико-политологический анализ: Дисс. докт. полит. наук. М., 2009. – 374 с.
5. Домарева М.А. Сепаратизм в постсоветской России: факторы возникновения, функционирования и нейтрализации: автореф. дис. канд. полит. наук. М., 2004. – 24 с.
6. Карл Манхейм Диагноз нашего времени (сборник). Издательство: Юрист, 2010. – 744 с.
7. Левченко Н.Н. Этнический сепаратизм как фактор ослабления российской государственности: На примере Чеченской Республики: автореф. дис. канд. полит. наук. Владикавказ, 2006. – 28 с.
8. Маркедонов С.М. Этнонациональный и религиозный фактор в общественно-политической жизни Кавказского региона. Пятигорск: ИРПРГ на Северном Кавказе, 2006. – 270 с.
9. Бельский В.Ю. Молодежный экстремизм как социальная проблема. М.: Международный журнал «Социально-гуманитарное обозрение» № 1, 2019. – С. 33–35.
10. Остроухов Н.В. Территориальная целостность государств в современном международном праве и ее обеспечение в Российской Федерации и на постсоветском пространстве: Дисс. докт. юр. наук. М., 2010. – 484 с.
11. Степин В.С. Философия и методология науки. – М.: Академический проект; Альма Матер, 2015. – 716 с.
12. Тишков В.А. Pro et Contra этнического федерализма в России // Федерализм в России. – Казань, 2001. – С. 24–25.
13. Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публикация. М.: Наука. 2001. – 240 с.
14. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост.

А.Я. Алхасов / Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой / Научн. ред. перевода Г.С. Батыгин. М.: ИФ «Общественное мнение, 2003. – 336 с.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF CONSTRUCTIVIST RESEARCH INTO THE IDEOLOGICAL ASPECT OF THE PHENOMENON OF INTRA-RUSSIAN SEPARATISM

Samoilov S.F., Mitin A.V.

Donetsk branch of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The content of the article is devoted to an important problem for the Russian law enforcement system – the analysis of the strategy and tactics of attempts to carry out a terrorist war against the Russian Federation, undertaken by the current Kyiv regime. The specificity of the author's approach to the problem under consideration lies in the construction of a special concept of "ideology of Russian regional separatism", reflecting the attempts of political forces hostile to the Russian Federation to create a political and doctrinal platform for separatist groups of various ideological orientations. The theoretical and methodological basis of the study presented in the article is a constructive approach in the social and humanitarian sciences.

Keywords: constructivism in the field of social and humanitarian knowledge, civilizational approach, ideology of separatism, communicative subject, radical and extremist environment, internal Russian separatism, Russian separatism, ethnic separatism, modern Russian collaborationism.

References

1. Akhmetov A.A. Separatism in Russia and the post-Soviet space and ways to overcome it: dis. candidate of political sciences. Moscow, 2013. – 184 p.
2. Berger P., Lukman T. Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge. – Moscow: «Medium», 1995. – 323 p.
3. Biryukov S.N. Separatism: ideological origins, current state, ways to overcome it // Russian Journal. July 24. 2007. Pp. 45–60.
4. Bocharnikov I.V. Counteracting Separatism: Theoretical and Political Science Analysis: Dis. Doctor of Political Science. Moscow, 2009. – 374 p.
5. Domareva M.A. Separatism in Post-Soviet Russia: Factors of Origin, Functioning and Neutralization: Abstract of Cand. Political Science Dis. Moscow, 2004. – 24 p.
6. Karl Mannheim Diagnosis of Our Time (collection). Publisher: Jurist, 2010. – 744 p.
7. Levchenko H.N. Ethnic separatism as a factor in weakening Russian statehood: On the example of the Chechen Republic: author's abstract. dis. candidate of political sciences. Vladikavkaz, 2006. – 28 p.
8. Markedonov S.M. Ethno-national and religious factor in the socio-political life of the Caucasus region. Pyatigorsk: IRPRG in the North Caucasus, 2006. – 270 p.
9. Belsky V. Yu. Youth extremism as a social problem. M.: International journal «Social and humanitarian review» № 1, 2019. – P. 33–35.
10. Ostroukhov N.V. Territorial integrity of states in modern international law and its provision in the Russian Federation and in the post-Soviet space: diss. doc. jur. sciences. M., 2010. – 484 p.
11. Stepin V.S. Philosophy and methodology of science. – M.: Academic project; Alma Mater, 2015. – 716 p.
12. Tishkov V.A. Pro et Contra of Ethnic Federalism in Russia // Federalism in Russia. – Kazan, 2001. – P. 24–25.
13. Tishkov V.A. Ethnology and Politics. Scientific Journalism. Moscow: Science. 2001. – 240 p.
14. Schutz A. The Semantic Structure of the Everyday World: Essays on Phenomenological Sociology / Comp. A. Ya. Alkhasov; Trans. from English by A. Ya. Alkhasov, N. Ya. Mazlumyanova; Scientific editor of the translation G.S. Batygin, Moscow: IF «Public Opinion, 2003. – 336 p.

Киберпространство и суверенитет: как сетевое взаимодействие формирует национальную автономию

Сюй Хао,

аспирант, Московский университет дружбы народов
E-mail: 1042248156@pfur.ru

Сюй Чан,

доцент Московский университет дружбы народов,
Профессионально-технический колледж Суньюань
E-mail: 1042238134@pfur.ru

Появление цифровой связи в двадцать первом веке полностью изменило то, как страны взаимодействуют, обмениваются информацией и влияют друг на друга. В этом отношении сетевое взаимодействие охватывает более широкую концепцию всемирной цифровой взаимосвязанности, а также реальные и виртуальные инфраструктуры Интернета и коммуникационных технологий. Эти достижения стимулировали креативность, экономическую экспансию и возросшую связанность, но они также создали значительные препятствия для идеи национальной независимости. С быстрым развитием сетевых технологий киберпространство стало новой областью и новым вызовом национальному суверенитету. В этой статье обсуждается влияние кибернетизации на политику национального суверенитета, анализируются ее конкретные проявления в политике, экономике, культуре и социальной безопасности, а также предлагаются соответствующие стратегии преодоления с целью предоставления справочной информации для корректировки и улучшения политики национального суверенитета. В этой статье рассматриваются многочисленные способы, которыми сетевое взаимодействие влияет на национальную безопасность, и способы, которыми правительства могут защитить свою независимость, выясняя, как жить в мире технологий. Кроме того, в этой исследовательской работе применяется ряд теорий для прояснения своей позиции по этому вопросу, таких как теория культурной идентичности, теория суверенитета, теория международных отношений и теория распространения информации.

Ключевые слова: сетевое взаимодействие; политика национального суверенитета; влияние и стратегии преодоления.

Introduction

The rapid development of cyberization has changed the pattern of international relations and the mode of national governance in its traditional form. Cyberspace has demonstrated strong penetration and cross-border characteristics, with far-reaching implications for the formulation and implementation of national sovereignty policies. Networking has brought unprecedented opportunities for national economic development and cultural exchanges as well as social progress, and has also posed a new impact on national information security. However, the rules of cyberspace governance have not been fully unified, and some countries even try to dominate the formulation of cyberspace rules through technological advantages, which pose a potential threat to the cyber sovereignty of other countries. Against the above background, it is of great practical significance for us to study the impact of cyberization on the national sovereignty policy and its response strategy in order to safeguard the interests and stability of the country.

The fundamental topic of modern global law both theoretically and practically is national sovereignty, which has a significant place. Although it lacks in an international rule of behavior, cyberspace is just as vital as land, sea, and air space. The flexibility of national sovereignty in cyberspace has drawn more curiosity in the past few years. The debate about cyberspace sovereignty is still going strong, particularly in light of the emergence of heinous cyberattacks like PRISM (Hui Li, 2021).

Hui Li (2021) further explains that because of the presence of the digital world, network sovereignty is a creation of the modern period. In contrast to the comparatively firm borders of the land, sea, and air domains, national boundaries have extended into the digital domain of the Internet, where network frontiers are imperceptible and their geographic reach is unclear. On the other hand, and network boundaries are widened by innovation and the advancement of network technology. Nations are engaged in intense competition for the creation, acquisition, use, and analysis of data sources in cyberspace. The limits of network sovereignty are continually shifting due to the policy competition between many governments, the degree of information technology competence, and the shifting international standing.

Rationale

Sovereignty theory

The theory of sovereignty is a fundamental element in our study of State sovereignty policy. The traditional theory of sovereignty emphasizes that the state possesses independent and autonomous power and is free from external interference. Nowadays, in the era of cyberization, the connotation and extension of national sovereignty have changed greatly, but the core position of sovereignty has not been shaken. The transnational character of cyberspace has already confronted national sovereignty with many new challenges, such as the uncontrollability of information dissemination and the fierce competition for the right to govern cyberspace. Therefore, we say that the impact of cyberization on national sovereignty policy firstly needs to be explored from the theory of sovereignty to find out how to maintain the independent and autonomous

power of the state in cyberspace. As we all know, cyberization does not make national sovereignty disappear completely, but makes the state face a lot of new manifestations and challenges, which greatly requires the state to deal with it through policy adjustment and technical means.

Information dissemination theory

The impact of the theory of information dissemination on national sovereignty policies in the context of networking has played an important role. It has made the dissemination of information very fast and difficult to control, for example, foreign forces can carry out political infiltration and manipulation of public opinion through the network platform. This kind of information dissemination in cyberspace breaks the monopoly of traditional media and makes the current information dissemination more diversified and complicated. This kind of information dissemination has posed a great threat to the political stability and cultural security of the country, so we say that the state needs to strengthen the management and guidance of information dissemination through these policy means to safeguard the sovereignty of the country.

Theory of international relations

The theory of international relations provides a macro perspective on the impact of networking on national sovereignty policies. The rapid development of cyberization has led to more frequent and complex interactions between countries, in which the pattern of international relations has also changed greatly. According to the theory of international relations, the power structure and interest relations between countries still exist and become more prominent in cyberspace, the rules of governance in cyberspace have not been fully unified, and a part of the countries are trying to dominate the formulation of rules in cyberspace through the advantages of technology, which constitutes a potential threat to the cyber sovereignty of other countries. Therefore, countries need to better safeguard their cyber sovereignty and interests through international cooperation and the formulation of relevant rules.

Cultural identity theory

The theory of cultural identity focuses on the importance of culture in national sovereignty. The impact of networkization on national cultural sovereignty is mainly reflected in the dissemination of cultural values and the protection of cultural diversity. According to the theory of cultural identity, it is generally believed that cultural identity is an important foundation for national cohesion and stability, and cultural communication in cyberspace has a strong permeability and unidirectionality, which is more likely to lead to the penetration of cultural hegemony. Therefore, it is often necessary for the state to promote our local cultural values by means of policies, so as to enhance cultural identity and cultural confidence, and actively safeguard the cultural sovereignty of the state.

Data security theory

Data security theory plays an important role as the theoretical foundation for the study of the impact of cyberization on national sovereignty policies. Data has become an important economic and social resource in the context of networkization, and in the current situation of increasingly prominent data security problems, the collection, storage and use of data are often regulated according to the theory of data security, and it is necessary for the State to rigorously strengthen the protection of data by means of legislation and at the technical level in order to achieve the maintenance of the country's economic security and social stability.

Research methodology

Literature research method

Through extensive searching as well as reading rich domestic and foreign related literature, the research results on the theoretical and practical paths of the impact of networkization on national sovereignty policies are organized and summarized in order to better provide rich theoretical information and help the authors to deeply understand the nature of the problem and the current situation.

Comparative research method

The sovereignty policies of different countries in the context of networkization are grouped together for comparative analysis, from which the differences and similarities in the policies of each country can be identified and lessons can be learned, and the universal and special manifestations of the impact of networkization on the sovereignty policies of countries can be smoothly sorted out and summed up to provide useful references for the formulation of relevant policies.

Case study methodology

Representative typical cases of networking are selected for in-depth analysis of their impact on national sovereignty policy and actual performance, so as to provide more vivid and sufficient practical proof for further research.

Impact of networking on national sovereignty policies

Political sovereignty

The rapid development of networkization has largely changed the environment and the way in which the political sovereignty of the State is exercised. Traditionally, the exercise of national political sovereignty depended mainly on territorial boundaries and the authority of State institutions, but in the age of networks, such boundaries have been broken down, and the globalization and immediacy of information dissemination have resulted in unprecedented challenges to national political sovereignty.

The first is that the dissemination of information in cyberspace is highly permeable and uncontrollable. What we know is that foreign forces are able to rapidly disseminate political information and even carry out political infiltration and the manipulation of public opinion through a variety of channels such as social media and online platforms. For example, some countries are constantly utilizing online platforms to disseminate false information and create social conflicts, with the aim of interfering with election activities or social order in other countries. These means of information warfare not only weakened the political stability of countries, but also posed a direct threat to their political sovereignty (Fei, 2022).

Secondly, the competition for the right to govern cyberspace has long since become a new focus of political games between countries, and the rules of governance have not yet been fully harmonized; some countries still want to dominate the formulation of the rules of cyberspace by virtue of their technological superiority and economic strength, so as to achieve a dominant position in the international governance of cyberspace. Such hegemonic practices and unilateralism not only jeopardize the sovereignty of other countries in cyberspace, but may even lead to the further widening of the "digital divide" in cyberspace (Wenbo, 2023).

Networking has also led to increased polarization of political phenomena within countries. For example, the dissemination of information on network platforms often lacks a scientific and effective screening mechanism, which makes it particularly easy to form an "information cocoon" and an "echo

chamber effect”, making it difficult for groups with different political positions to reach a consensus, and even exacerbating the phenomenon of mutual antagonism. Such internal political polarization not only reduces the cohesion of the State, but also has the potential to be exploited by external forces and further interferes with political decision-making and the implementation of State policies.

Therefore, the impact of networkization on national political sovereignty is mainly reflected in the uncontrollability of information dissemination, as well as the competition for the right to govern cyberspace and the polarization of internal politics, which have posed newer challenges to the formulation and implementation of national sovereignty policies (Shen, 2020).

The UN Charter upholds the conventional idea of state sovereignty, which holds that nations have ultimate authority inside their borders, and is supported by the historical foundation established by the Treaty of Westphalia. However, the emergence of cyberspace, which by definition lacks physical borders and hence undermines the traditional ideas of jurisdiction and state authority, seriously upends this widely recognized structure. Although interactions among countries may appear to be the source of danger to their independence, the truth is that governments themselves are the ones posing the danger to state sovereignty through cyberspace. Because data and knowledge come into states in the form of news, goods, services, values, and cultures, states are impacted by cyberspace before their societies are. Because internet penetrates the social fabric of states and changes the way information, culture, and values are shared within society, it poses internal dangers as opposed to traditional sovereignty challenges, which usually involve external players. The inner cohesiveness that supports state sovereignty may be weakened as a result of this internal upheaval since it may cause changes in public opinion and social norms that conflict with state institutions and policies (Ismail, 2024).

Economic sovereignty aspects

Any state's fiscal, political, social, and safety resources are impacted by legal obstacles to cyber sovereignty, and they are more frequently opposed with political and security instruments than with legal ones. There are currently no strong regulatory mechanisms in international law that address this issue. Strong countermeasures are necessary because to the complex effects of cyber sovereignty on a number of state functions, including political integrity, unity in society, financial wellness, and national security. However, rather than creating all-encompassing legal answers, authorities frequently turn to political and security tactics like censorship and monitoring. These issues are made worse by the insufficiency of international legal frameworks to adequately govern cyberspace, highlighting the necessity of creative legal and collaborative international strategies (Ismail, 2024).

The impact of networkization on national economic sovereignty is mainly manifested in the flow of cross-border data and the formulation of the rules of the digital economy, plus economic security, and so on. With the development and popularization of network technology, the degree of digitization of global economic activities is constantly increasing, and data has become a very important economic resource. However, the complexity of cross-border data flows has pushed national economic sovereignty to face many new risks (Yi, 2020).

First, the uncontrolled flow of cross-border data has posed a major potential threat to national economic security. Data is the core element of the digital economy, and its cross-border flow may greatly affect the leakage of national economic data and commercial secrets, as well as the infringement of intellectual property rights. For example, some

transnational corporations may store sensitive data on servers outside the country, a phenomenon that could cause serious damage to the country's economic interests in the event of a data leak.

The second is that rule-making in the digital economy has become a clear new focus of international economic competition. Differences in the policies of different countries with regard to data protection and e-commerce, as well as digital trade, among others, have led to new challenges in global economic governance. There are also some developed countries that want to impose their own digital economy model on other countries through unilateral rule-making, so as to dominate international economic competition. Such unequal rule-making greatly jeopardized the economic interests of developing countries and seriously undermined national economic sovereignty.

Networking has not only exacerbated inequalities in the global economy, it has also shown that developed countries can easily benefit from the digital economy by virtue of their technological advantages and network infrastructure, but that developing countries may gradually fall into the “digital divide” because of technological backwardness and insufficient network infrastructure. These inequalities not only limit the economic development opportunities of developing countries, but may even lead to further imbalances in the global economic landscape.

The impact of networking on national economic sovereignty is therefore mainly reflected in the risk of cross-border data flows and the inequality of rule-making in the digital economy, as well as the increase in inequality in the global economy. These impacts have greatly weakened national economic security and have posed some entirely new challenges to the formulation and implementation of national economic policies.

Aspects of cultural sovereignty

The almost universal phenomenon of networking has had an impact on the sovereignty of national cultures in terms of the dissemination of cultural values, the preservation of cultural diversity and the complexity of cyber cultural governance. The openness of cyberspace and the advent of globalization have led to more frequent exchanges between different cultures, but they have also increased the penetration of cultural hegemony (Zheng, 2022).

Firstly, the speed and freedom of cultural dissemination in cyberspace, coupled with the fact that some developed countries, by virtue of their powerful network technologies and media platforms, are spreading their own cultural values at a faster pace, pose a potential threat to the cultural sovereignty of other countries. For example, the massive dissemination of cultural products and values on various social media and online platforms is influencing the cultural identity and values of other countries.

Secondly, cyberization has also posed new challenges in terms of the preservation of cultural diversity. Sometimes the trend of centralization in cyberspace has led to the dominance of a few cultural products, while some niche cultures or traditional cultures are often at risk of being marginalized. How to protect national cultural diversity in an open cyberspace environment has become an important element of cultural policy in all countries.

In addition, the complexity of cyber cultural governance poses a challenge to national cultural sovereignty. The openness and anonymity of cyberspace make it more difficult to govern culture, and some highly harmful cultural content or extreme ideas can easily be disseminated through online platforms, posing a threat to national cultural security and social stability.

Therefore, the impact of networkization on national cultural sovereignty is mainly reflected in the dissemination of cultural values and the protection of cultural diversity, coupled with the complexity of network culture governance, which has weakened the country's cultural security and even posed newer challenges to the country's formulation and implementation of cultural policies.

Social security aspects

The impact of cyberization on the security of national societies is basically manifested in cybercrime and terrorism, as well as in the protection of citizens' privacy and data security. The anonymity and secrecy of cyberspace and the transnational nature of cybercrime and terrorism are particularly rampant and pose a serious threat to national social security.

First, the transnational nature and complexity of cybercrime pose a challenge to national social security. We know that cybercrime mainly includes cyber fraud, cyber theft and cyber-attacks, among other forms, the transnational nature of which makes it very difficult to trace and combat the crime. For example, some cybercrime groups carry out criminal activities through cross-border cooperation and by taking advantage of the legal loopholes of some countries, which puts great pressure on national social security.

Secondly, the phenomenon of cyber terrorism is on the rise and poses a serious threat to the security of national societies. We all know that terrorist organizations often make use of online platforms for recruitment and propaganda, as well as for planning activities, a practice that spreads very quickly and is relatively covert, and that has greatly increased the difficulty of national counter-terrorism efforts. For example, some terrorist organizations often use social media to recruit members and disseminate their extremist ideas, and even plan cross-border terrorist attacks.

In addition the current privacy protection and data security issues of citizens at large are showing increasing prominence. Networking has also led to the massive collection and storage of citizens' data and even the theft and sale of such data, and data leakage incidents often occur. Everyone understands that once citizens' private data is leaked, it will not only harm citizens' personal interests, but also cause social instability.

Therefore, according to the above discussion, the impact of cyberization on national social security is mainly reflected in the transnational nature of cybercrime and the covert nature of cyber terrorism, which also involves the privacy of citizens and the issue of data security. These impacts have weakened national social security on the one hand, and on the other hand, they have also posed new challenges to the formulation of national social security policies as well as to their implementation.

Strategies for coping with the impact of networking

In order to protect global network autonomy, legislative responses and recommendations must be developed in light of network sovereignty theory and practice. In order to combat network dominance of technology influence, safeguard network sovereignty, regulate cyberspace, and take part in the creation of pertinent international regulations, it is critical to create a cyberspace governing structure that is in harmony with the development facts of all nations and safeguards the voice of international governance in cyberspace. The global discourse on the practice of state sovereignty in cyberspace is solidifying and growing more standardized. For instance, the NATO Cooperative Cyber Defense Centre of Excellence (CCDCOE) issued the Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations on February 2, 2017,

which elaborated on network sovereignty, as well as the associated competence and supervisory duties (Hui Li, 2021).

Strengthening cyberspace governance capacity

Cyberspace has become a new area of national sovereignty, and the continuous strengthening of cyberspace governance capacity is the foundation of our response to the impact of cyberization. The first step is to enhance the capacity of cyberspace governance, which requires a complete system of domestic laws and regulations, with clear legal norms for cyber information services, cyber security protection and cyber society management. For example, the Chinese government has formulated a series of laws and regulations, such as the Cyber security Law, the Data Security Law and the Personal Information Protection Law, to provide a more solid legal foundation for cyberspace governance (Yang, 2022)

Secondly, the key issue in upgrading cyberspace governance capacity is to strengthen the research and development and application of core technologies. Developing countries, represented by China, are increasing their investment in such cutting-edge technologies as 5G, quantum computing and artificial intelligence, and are stepping up the construction of a strong cyber defense system to cope with the fierce international competition in cyberspace. At the same time, enhancing the governance of cyberspace also requires strengthening the training of cyber security talents, promoting cyber security education in schools, classrooms and minds through the precise implementation of cyber security talent programs, and continuously raising the awareness of cyber security among the entire population (Yang X.L., 2022)

Finally, an important way to enhance governance capacity is to build a network governance mechanism with the participation of multiple actors. By clarifying the responsibilities and powers of the government, enterprises and society to actively form a situation of joint control, so that we can work together to create a clean and positive cyberspace. This comprehensive governance system can not only effectively combat cybercrime but also maintain the mainstream thinking of cyberspace as a position of public opinion.

Promoting international cooperation and rule-making

The transnational challenges posed by the current networked world also require a joint response by the international community. An important strategy for safeguarding cyber sovereignty is to promote international cooperation and rule-making.

First, the international community, with the United Nations at its core, should actively promote the formulation of universally acceptable international rules on cyberspace. These rules should often cover areas such as cyber security and data protection, as well as digital trade, so as to ensure fairness, openness and security in cyberspace (LAng, 2020).

The second is to strengthen international cooperation in science and technology, and an important means of enhancing international discourse is to actively participate in the formulation of network technology standards. While developed countries dominate in the formulation of cyber technology standards, the vast number of developing countries should also cooperate to break these imbalances and actively promote the establishment of a fairer cyber governance system. China, for example, actively advocates the building of a community of destiny in cyberspace, and kindly advocates international cooperation to solve the problems of cyber security and cyber disorder (Kuang, 2023)

In addition, the international community should strengthen its cooperation in combating cybercrime and cyber terrorism. By actively and continuously establishing mechanisms for information-sharing and joint law enforcement, we can jointly address transnational cyber threats. Such cooperation will not only help to safeguard the cyber sovereignty of

all countries, but will also promote the stability and prosperity of global cyberspace (Ping, 2020).

The concept of sovereignty over territory is acknowledged by international law, which gives governments the authority to rule and exert control inside their own territories free from outside intervention. The United Nations Charter, customary international law, and agreements like the Vienna Convention on Diplomatic Relations and the Montevideo Convention on the Rights and Duties of States are all governed by the legal concepts created through conventional sovereignty. However, we discover ourselves in an unrestricted domain where digital operations frequently exceed traditional national boundaries when we try to apply cyber sovereignty to incorporate a state's power in cyberspace. Although there isn't much agreement on international law pertaining to cyber sovereignty, states aim to implement the ideas of traditional sovereignty in cyberspace (Ismail, 2024).

Strengthening cultural and ideological security

Networking poses a serious challenge to both national cultural and ideological security, and we say that strengthening security in this area is an important element in safeguarding national sovereignty.

First, the State should actively disseminate local cultural values through online platforms in order to enhance cultural identity and boost cultural self-confidence. For example, the Chinese Government promotes the online dissemination of outstanding traditional Chinese culture through the "Internet + culture" model.

Secondly, firmly grasping the dominant power of network ideology is the key to maintaining cultural security. The state should strengthen the supervision of network information dissemination, and combat false information and harmful content should be normalized to ensure the correct direction of mainstream ideology in cyberspace. The rule of law is often needed to regulate the behavior of network communication until the field of network ideology is purified, which is an important guarantee for the maintenance of cultural security.

In addition, we say that an important way to strengthen cultural and ideological security is to continuously enhance the construction of cyber culture. By vigorously fostering a positive cyber culture and enhancing positive energy in cyberspace, we can effectively resist the malicious infiltration of external cultural hegemony. This kind of cultural construction requires not only the guidance of the government, but also the participation of the whole society.

Safeguarding citizens' data security and privacy

In the era of networking, data security and privacy protection for citizens of all countries have become an important part of national sovereignty policies. The first is that countries should clarify the principles and norms of data protection through legislation. For example, the European Union has passed the General Data Protection Regulation (GDPR) to achieve strict control over cross-border data flows in order to facilitate the protection of citizens' data security. China has also adopted the Data Security Law and the Personal Information Protection Law, among others, to regulate the collection, storage and use of data.

Secondly, the State should also strengthen the research and development and application of data security technology to effectively enhance the capacity for data protection. Preventing data leakage and misuse, mainly through technical means, are important measures for safeguarding citizens' data security. For example, the vigorous development of data encryption technology and data anonymization processing technology can effectively reduce the risk of data security.

Finally, efforts to enhance citizens' awareness of network security are also an important part of data security. By continuously carrying out network security publicity and education and actively improving citizens' ability to recognize the risks of network fraud and data leakage, these can effectively reduce the occurrence of data security incidents. This model of universal participation not only protects the personal interests of citizens, but also safeguards the country's cyber sovereignty.

Conclusion

In the age of cybernation, national sovereignty not only faces unprecedented challenges, but also brings newer opportunities for development. As we know, the complexity and transnationality of cyberspace and the immediacy of information dissemination have greatly made the traditional concept of sovereignty and governance model face an urgent need for change. The idea of national sovereignty has been drastically altered by networking, which has brought with it previously unheard-of benefits as well as obstacles. It leads countries to new risks and dependence even as it fosters creativity and international cooperation. States must take a balanced strategy that blends strong domestic policy with active international participation in order to protect their sovereignty in this digital age. Countries can take back control of their digital futures without compromising transparency and creativity by making investments in digital infrastructure, developing sensible laws, and raising public awareness. The power to traverse and regulate the enormous, ever-changing landscape of cyberspace will determine sovereignty in the coming years, not just geographical border.

Литература

1. Fei, Y. W.-D. (2022). Xi Jinping's important discourse on cyberspace governance. *Academia*, 18–22.
2. Hui Li, X. Y. (2021). *Sovereignty and Network Sovereignty*. Springer Nature Link, 1–28.
3. Ismail, A. A. (2024). Legal Challenges to Cyber Sovereignty. *ResearchGate*, 135–150.
4. Kuang, W. (2023). Algorithm governance: A new challenge for cyberspace governance. *People's Tribune*, 64–68.
5. LAng, P. (2020). Greatly changing international structure and the major power relationship in the governance of cyberspace. *Global Media Journal*, 70–85.
6. Ping, L. (2020). The Great Power Game of Cyberspace Governance under the Great Changes. *Journal of Global Media*, 70–85.
7. Shen, Y. (2020). Contributing the China program to the virtuous transformation of global cyberspace governance. *The ResearchGate*, 45–49.
8. Wenbo, K. (2023). Algorithmic governance: new challenges in cyberspace governance. *People's Forum*, 64–68.
9. Yang, Q. R. (2022). International cyberspace security governance: Dilemma, reflection and countermeasures. *Henan Social Science*, 101–109.
10. Yang, X. L. (2022). On international cyberspace security governance: The dilemmas, reflections and countermeasures. *Sciences*, 101–109.
11. Yi, S. (2020). Contributing China's program for benign change in global cyberspace governance. *People's Forum-Academic Frontiers*, 36–42.
12. Zheng, D. (2022). Global cyber governance in China: Towards building a community of shared future in cyberspace. *Science, Technology and Society*, 456–475.

CYBERSPACE AND SOVEREIGNTY: HOW NETWORKING SHAPES NATIONAL AUTONOMY

Xu Hao, Xu Chang

Peoples' Friendship University, Songyuan Vocational and Technical College

The emergence of digital connectivity in the twenty-first century has completely changed how countries engage, share information, and influence one another. In this regard, networking encompasses the wider concept of worldwide digital interconnectedness as well as the actual and virtual infrastructures of the internet and communications technologies. These advancements have sparked creativity, economic expansion, and increased connectedness, but they have also presented significant obstacles to the idea of national independence. With the rapid development of networked technology, cyberspace has become a new field and a new challenge to national sovereignty. This paper discusses the impact of cyberization on national sovereignty policy, analyzes its specific manifestations in politics, economy, culture and social security, and puts forward corresponding coping strategies, with a view to providing reference for the adjustment and improvement of national sovereignty policy. This piece looks at the many ways that networking affects national security and the ways that governments may safeguard their independence while figuring out how to live in the world of technology. Moreover, this research paper applies a bunch of theories to clarify its stance over the subject such as Cultural Identity Theory, Sovereignty Theory, International Relation Theory, and Information Dissemination Theory.

Keywords: networking; national sovereignty policy; impact and coping strategies.

References:

1. Fei, Y.-Y. W.-D. (2022). Xi Jinping's important discourse on cyberspace governance. *Academia*, 18–22.
2. Hui Li, X. Y. (2021). Sovereignty and Network Sovereignty. *Springer Nature Link*, 1–28.
3. Ismail, A. A. (2024). Legal Challenges to Cyber Sovereignty. *ResearchGate*, 135–150.
4. Kuang, W. (2023). Algorithm governance: A new challenge for cyberspace governance. *People's Tribune*, 64–68.
5. LAng, P. (2020). Greatly changing international structure and the major power relationship in the governance of cyberspace. *Global Media Journal*, 70–85.
6. Ping, L. (2020). The Great Power Game of Cyberspace Governance under the Great Changes. *Journal of Global Media*, 70–85.
7. Shen, Y. (2020). Contributing the China program to the virtuous transformation of global cyberspace governance. *The ResearchGate*, 45–49.
8. Wenbo, K. (2023). Algorithmic governance: new challenges in cyberspace governance. *People's Forum*, 64–68.
9. Yang, Q. R. (2022). International cyberspace security governance: Dilemma, reflection and countermeasures. *Henan Social Science*, 101–109.
10. Yang, X. L. (2022). On international cyberspace security governance: The dilemmas, reflections and countermeasures. *Sciences*, 101–109.
11. Yi, S. (2020). Contributing China's program for benign change in global cyberspace governance. *People's Forum-Academic Frontiers*, 36–42.
12. Zheng, D. (2022). Global cyber governance in China: Towards building a community of shared future in cyberspace. *Science, Technology and Society*, 456–475.

Чистов Иван Сергеевич,
аспирант Российского университета дружбы народов имени
Патриса Лумумбы

Статья посвящена анализу современных тенденций цифровой политики в Азиатском регионе, где страны Восточной Азии, такие как Китай, Южная Корея и Япония, становятся лидерами в области цифровизации и инновационных технологий. В условиях глобальных изменений, вызванных внутренними и внешними факторами, эти государства активно внедряют концепцию «умного города», улучшая качество жизни граждан и оптимизируя городскую инфраструктуру. В 2023 году объем торговли между Россией и Китаем достиг рекордных показателей, что подчеркивает важность сотрудничества в сфере цифровых технологий. Однако с увеличением зависимости от технологий возникают вызовы, связанные с кибербезопасностью и защитой данных. Статья акцентирует внимание на необходимости интеграции технологий в экономику и общественную жизнь, а также на важности разработки стратегий для минимизации рисков, связанных с цифровизацией, что создает условия для устойчивого роста и развития региона.

Ключевые слова: цифровизация, азиатский регион, умные города, экономика, кибербезопасность, инновации, торговля.

Введение

Азиатский регион, с его динамично развивающимися экономиками и высокими темпами цифровизации, представляет собой уникальную платформу для анализа современных тенденций цифровой политики. В условиях глобальных изменений, вызванных как внутренними, так и внешними факторами, страны Восточной Азии, включая Китай, Южную Корею и Японию, становятся лидерами в области цифровых технологий и инновационных решений. В 2023 году доля стран Азии в общем объеме российского экспорта достигла 72%, что подчеркивает значимость этого региона для российской экономики. В данной статье рассматриваются ключевые аспекты цифровой политики, а также влияние технологий на социально-экономическое развитие стран Восточной Азии.

Экономическая интеграция и цифровизация

Экономическое ядро Азиатского региона формируют три страны: Китайская Народная Республика, Республика Корея и Япония. Эти государства не только занимают ведущие позиции в производстве и экспорте высоких технологий, но и активно внедряют цифровые решения в повседневную жизнь. В условиях санкционного давления со стороны Запада, Россия наращивает торговые связи с этими странами, что создает новые возможности для сотрудничества в области цифровизации [1]. По данным на 2023 год, объем торговли между Россией и Китаем достиг рекордных 240,11 млрд долларов США, увеличившись на 26,3% по сравнению с предыдущим годом. Это свидетельствует о глубоком взаимовлиянии и необходимости интеграции цифровых технологий в торговлю. Важным аспектом является и тот факт, что экспорт из Китая в Россию увеличился на 46,9%, что также подчеркивает растущий интерес к высокотехнологичной продукции [3] (табл. 1).

Таблица 1. Динамика внешнеэкономических связей [3]

Показатель	2021 год	2022 год	2023 год
Объем торговли с Китаем	190,2 млрд \$	190,3 млрд \$	240,11 млрд \$
Экспорт из Китая в Россию	75,4 млрд \$	75,5 млрд \$	110,97 млрд \$
Импорт в Китай из России	113,8 млрд \$	114,8 млрд \$	129,14 млрд \$

Восточная Азия является лидером в области передовых технологий, включая автоматизацию городской инфраструктуры и внедрение систем «умного города». Страны региона активно используют технологии для повышения качества жизни своих граждан. Например, в Китае и Южной Корее уже внедрены системы, позволяющие жителям осуществлять доступ к различным услугам через мобильные приложения, что значительно упрощает взаимодействие с государственными органами [3].

Умные города: концепция и реализация

Концепция «умного города» охватывает широкий спектр технологий, направленных на улучшение качества жизни в городах. В 2024 году в рейтинге Smart City Index, составленном Международным институтом развития менеджмента (IMD), города Восточной Азии, такие как Пекин, Сеул и Гонконг, занимают высокие позиции, что подтверждает успешность их цифровой политики.

По данным Smart City Index 2024 года, в топ-10 умных городов входят следующие (табл. 2).

Таблица 2. Лидеры рейтинга умных городов [3]

Место	Город	Страна
13	Пекин	Китай
17	Сеул	Южная Корея
20	Гонконг	Китай
45	Пусан	Южная Корея
86	Токио	Япония

Эти города демонстрируют высокую степень цифровизации в области здравоохранения, транспорта и управления, что делает их примерами для подражания для других стран.

Тайвань также активно развивает концепцию умного города. С момента начала реализации проекта в 2018 году, Тайбэй стал одним из лидеров в этой области, занимая 16-е место в рейтинге. Поддержка правительства способствует интеграции инноваций в городское управление, что позволяет улучшать качество медицинских услуг и оптимизировать транспортную инфраструктуру [2].

Влияние цифровизации на общество

Цифровизация оказывает значительное влияние на общественные процессы в странах Восточной Азии. В условиях пандемии COVID-19 технологии, такие как QR-коды, стали ключевыми инструментами для обеспечения безопасности и мониторинга здоровья населения. В Японии и Южной Корее внедрение таких технологий позволило значительно сократить время на обработку данных и повысить уровень безопасности в общественных местах [2].

Согласно данным IMD, восприятие жителями развитости инфраструктуры в их городе и доступности технологических приложений стало одним из ключевых факторов в оценке качества жизни. В Сеуле, например, жители могут использовать мобильные приложения для получения информации о состоянии общественного транспорта, что значительно упрощает их повседневную жизнь.

В Южной Корее активно используется технология Big Data для анализа мнений граждан и улучшения качества муниципальных услуг. Горожане могут участвовать в принятии решений, что создает условия для более открытого и прозрачного управления. Эта практика имеет аналогии в Москве, где реализуется проект «Активный гражданин», позволяющий жителям влиять на городскую политику [3].

Вызовы и угрозы цифровизации

Несмотря на очевидные преимущества цифровизации, страны Восточной Азии сталкиваются с рядом вызовов. Увеличение зависимости от технологий создает риски, связанные с кибербезопасностью и защитой данных.

В 2021 году произошел масштабный сбой в работе социальных сетей, который продемонстрировал уязвимость современных систем.

С каждым годом количество кибератак растет. Важно отметить, что страны Восточной Азии активно работают над усилением кибербезопасности и защиты данных граждан. Например, в Южной Корее разработаны стратегии по защите информации, что позволяет минимизировать риски утечек данных [2].

Перед внедрением новых технологий необходимо проводить глубокие исследования их возможностей и рисков. Это позволит избежать негативных последствий и обеспечить устойчивое развитие цифровой инфраструктуры.

Заключение

Азиатский регион демонстрирует высокие темпы цифровизации и внедрения технологий в повседневную жизнь. Страны Восточной Азии, такие как Китай, Южная Корея и Япония, становятся лидерами в области «умных городов», что создает новые возможности для роста и развития. Однако с увеличением зависимости от технологий возникают новые вызовы, требующие внимания и решения. Важно, чтобы страны региона продолжали развивать свои цифровые стратегии, учитывая, как преимущества, так и риски, связанные с внедрением новых технологий. Взаимодействие с Россией в этой области также открывает новые горизонты для сотрудничества и обмена опытом [3].

Таким образом, тенденции современной цифровой политики в Азиатском регионе подчеркивают необходимость интеграции технологий в экономику и общественную жизнь, создавая условия для устойчивого роста и развития.

Литература

- Гранкина И.А., Реус А.Г., Шмидт А.В. Организация управления современным городом в рамках концепции SMART CITY // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. 2021. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-upravleniya-sovremennym-gorodom-v-ramkah-kontseptsii-smart-city> (дата обращения: 30.05.2025).
- Головенчик Г.Г. Рейтинговый анализ приоритетных направлений развития умных городов // ЭСГИ. 2022. № 2 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rejtingovyy-analiz-prioritetnyh-napravleniy-razvitiya-umnyh-gorodov> (дата обращения: 30.05.2025).
- Карасева Д.М. Цифровое развитие стран восточной азии: сотрудничество и связи с городом Москвой // Власть. 2024. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-razvitie-stran-vostochnoy-azii-sotrudnichestvo-i-svyazi-s-gorodom-moskvoy> (дата обращения: 30.05.2025).
- Назарова А.Д., Шведов В.В. Вызовы и решения в области кибербезопасности в эпоху цифровой трансформации // Столыпинский вестник. 2023. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyzovy-i-resheniya-v-oblasti-kiberbezopasnosti-v-epohu-tsifrovoy-transformatsii> (дата обращения: 30.05.2025).
- Тисленко М.И. Рейтинги как способ оценки эффективности политики развития умных городов // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2022. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rejtingi-kak-sposob-otsenki-effektivnosti-politiki-razvitiya-umnyh-gorodov> (дата обращения: 30.05.2025).

6. Фролова М. В., Гранкина И.А. Сопоставительный анализ международных рейтингов городов // Инновации и инвестиции. 2022. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sopostavitelnyy-analiz-mezhdunarodnyh-reytingov-gorodov> (дата обращения: 30.05.2025).

TRENDS IN CONTEMPORARY DIGITAL POLICY IN THE ASIAN REGION

Chistov I.S.

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

The article analyzes current trends in digital policy in the Asian region, where East Asian countries such as China, South Korea, and Japan are becoming leaders in digitalization and innovative technologies. In the context of global changes caused by internal and external factors, these countries are actively implementing the concept of a "smart city", improving the quality of life of citizens and optimizing urban infrastructure.

In 2023, the volume of trade between Russia and China reached record levels, which emphasizes the importance of cooperation in the field of digital technologies. However, with increasing dependence on technology, challenges arise related to cybersecurity and data protection. The article focuses on the need to integrate technologies into the economy and public life, as well as the importance of developing strategies to minimize the risks associated with digitalization, which creates conditions for sustainable growth and development of the region.

Keywords: digitalization, Asian region, smart cities, economy, cybersecurity, innovation, trade.

References

1. Grankina I.A., Reus A.G., Schmidt A.V. Organization of modern city management within the framework of the SMART CITY CONCEPT // Bulletin of SUSU. Series: Economics and Management. 2021. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-upravleniya-sovremennym-gorodom-v-ramkah-kontseptsii-smart-city> (date of access: 30.05.2025).
2. Golovenchik G.G. Rating analysis of priority directions of smart cities development // ESGI. 2022. No. 2 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rejtingovyy-analiz-prioritetnyh-napravleniy-razvitiya-umnyh-gorodov> (date of access: 30.05.2025).
3. Karaseva D.M. Digital development of east asian countries: cooperation and ties with the city of Moscow // Vlast. 2024. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-razvitie-stran-vostochnoy-azii-sotrudnichestvo-i-svyazi-s-gorodom-moskvoy> (date of access: 30.05.2025).
4. Nazarova A.D., Shvedov V.V. Challenges and solutions in the field of cybersecurity in the era of digital transformation // Stolypinsky Vestnik. 2023. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyzovy-i-resheniya-v-oblasti-kiberbezopasnosti-v-epohu-tsifrovoy-transformatsii> (date of access: 30.05.2025).
5. Tislenko M.I. Ratings as a way to assess the effectiveness of smart cities development policy // Bulletin of RUDN University. Series: Economy. 2022. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rejtingi-kak-sposob-otsenki-effektivnosti-politiki-razvitiya-umnyh-gorodov> (date of access: 30.05.2025).
6. Frolova M. V., Grankina I.A. Comparative analysis of international city ratings // Innovations and Investments. 2022. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sopostavitelnyy-analiz-mezhdunarodnyh-reytingov-gorodov> (date of access: 30.05.2025).

Терроризм между определенческим плюрализмом и расхождением мотивов: «Аль-Каида» и ИГИЛ как примеры исследования

Маркос Мина Атеф Махер,

аспирант кафедры сравнительной политологии ФГСН,
Российский университет дружбы народов им. Патриса
Лумумбы
E-mail: 1042235245@pfur.ru

Терроризм тесно связан со многими политическими проблемами, возникшими в политических кругах по всему миру, поскольку Совет Безопасности и международное сообщество ведут борьбу с преступлениями, классифицируемыми как террористические. В данной статье рассматриваются международные и региональные усилия по определению терроризма, а также понятия его элементов, характеристик и причин, в соответствии с другими международными и региональными соглашениями и декларациями. Законодательство делится на международное, региональное и иное законодательство и соглашения Организации Объединённых Наций, поскольку региональные и международные силы стремились выработать конкретные определения и законы, касающиеся проблемы борьбы с терроризмом.

Ключевые слова: «Аль-Каида»¹, борьба с терроризмом, ИГИЛ¹, гармонизация законодательства, политическое насилие, региональные соглашения по безопасности, резолюции Совета Безопасности, определения терроризма.

Introduction

Given the significant international challenges facing the world from the threat of terrorist ideology, which in turn is reflected in the perpetration of terrorist crimes and the resulting loss of life and negative economic impacts, it is necessary to consider the causes and motives of terrorist movements, as well as the elements and methods of terrorism. Terrorism is defined as “criminal acts intended or planned to provoke a state of terror in the general public, a group of persons, or particular persons for political purposes.” According to the General Assembly Declaration on Measures to Eliminate International Terrorism, adopted in 1994, such acts are “unjustifiable under any circumstances, whatever considerations of a political, philosophical, ideological, racial, ethnic, religious, or opportunistic nature.” Although the international community has yet to develop a comprehensive definition of terrorism, existing global sectoral declarations, resolutions, and treaties addressing various aspects of it describe specific crimes and their basic characteristics. We will analyze these items by reviewing the NATO Counter-Terrorism Reference Curriculum (English and Arabic versions); the UNODC Handbook (English and Arabic versions) (UNODC, 2009); and the Counter-Terrorism Legal Training (UNODC, 2024).

Defining terrorism according to the Arab Convention for the suppression Terrorism 1998: Terrorism is defined in accordance with this convention as: “Every act or threat of violence, regardless of its motives or purposes, that takes place in implementation of an individual or collective criminal project, aimed at sowing terror among people, or terrifying them by harming them, or endangering their lives, freedom or security, or harming the environment, facilities or property. public or private, occupying, seizing, or endangering a national resource” (League of Arab States, 1998)

Defining terrorism in the 1999 International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism: When it comes to international agreements aimed at combating international terrorism, it's worth noting that international efforts and agreements have tracked the evolution of terrorism and dealt with a wide range of terrorist acts, whether directed against states, individuals, or the safety of pilots. The international community was alerted that there are illegal acts that aid the spread and increase of terrorist acts, which is the subject of international terrorism financing, so the international community worked to develop a draft for a new international agreement to suppress the financing of terrorist acts, and the competent committee was assigned to draw up a draft agreement to suppress the financing of terrorist acts based on United Nations General Assembly resolution No. 53/108 issued in December 1998.

According to the definition of the Islamic Organization Conference agreement 1999: Terrorist crime: Any crime, attempt, or involvement in a crime committed in furtherance of a terrorist goal in any of the party-states, or against their citizens, property, interests, facilities, or foreign nationals present on their territory, and punishable under their domes-

¹ «Аль-Каида» – запрещённая на территории Российской Федерации организация, решение Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 года № ГКПИ 03–116, вступило в силу 4 марта 2003 года. ИГИЛ – запрещённая на территории Российской Федерации организация, решение Верховного Суда Российской Федерации от 29 декабря 2014 года № АКПИ 14–1424С, вступило в силу 13 февраля 2015 года.

tic law. A person's struggles for freedom or self-determination, including armed struggle, against foreign occupation, invasion, colonialism, and foreign dominance, in conformity with international law principles, shall not be deemed terrorist crimes. Preventing terrorist elements from infiltrating, seeking refuge in, residing on their lands, individually or in groups, or receiving, harboring, training, or committing terrorist crimes in any way, including working to prevent terrorist elements from infiltrating, seeking refuge in, or participating in terrorist crimes in any way, including working to prevent terrorist elements from infiltrating, seeking refuge in, residing on their lands, individually or in groups, or receiving, harboring, training, or committing terrorist crimes in any way (Organisation of Islamic Cooperation, 1999).

The Characteristics of International Terrorism:

Knowing the features of the phenomena of international terrorism is a critical first step, especially given the difficulty of governments and the international community to agree on a definition. Given the apparent conflict between Western nations' concepts of international terrorism and eastern and Arab countries' concepts of this notion, people interested in terrorism may have clarified that it is the most harmful phenomena that threatens mankind and the world community. Despite the differences in how terrorism is defined, the traits of terrorism are the most obvious.

The use of violence and threats

One of the most notable characteristics of terrorist activities is the use of violence or threats. It is impossible to envisage a terrorist attack without the intention of employing or threatening violence in order to instill fear and dread in the public. The purpose of violence is to effect change in the outside world, where terrorists strive to use or threaten to use violence to scare people and exert political, military, or economic pressure on a specific individual or country to do or refrain from doing something, or to achieve a goal. Innocent people are frequently the victims of violence. Terrorism is said to be based on violence, which is a terrifying and powerful tool. It's said to be a form of psychological pressure. Without it, the murder becomes a regular homicide. Terrorist activities have a psychological effect on society, causing dread, panic, and horror, and it is this psychological effect that seeks to influence decision-making through the pressures exerted by terrorists. Individuals and countries are both affected.

Terrorists frequently employ violence to torture and damage victims, as well as to bring attention to terrorist activities among the public, send messages, and create a condition of security instability. The threat of using violence against innocent people in order to achieve certain aims, and it is aimed to frighten or humiliate others, and to accomplish certain benefits without reasons. Acts of violence performed by people against the enemy occupying their territories, for example, are distinct from acts of violence perpetrated by terrorists, as are acts of violence perpetrated by national liberation groups to attain independence and obtain their right to self-determination. As long as these measures aren't aimed towards innocent by standers because they aren't fighting the enemy.

The method of organizing

Terrorist activities are distinguished by their organization, which is an essential component of the terrorist acts. The more coordinated or constant a terrorist attack is, the more dread and terror it causes in civilizations, as we have witnessed in our own reality in recent years. Terrorist or Jihadi groups that carry out organized terrorist actions are more dangerous and murder innocent people. It is meticulously structured to the point that the end results are identical to the original idea.

Through organized people, organized terrorism can carry out complicated and long-range terrorist operations. These terrorist organizations are capable of funding, planning, training, and procuring advanced weaponry, as well as having personnel with explosives and contemporary weapons knowledge. These crimes have achieved a pinnacle, and past ages have not seen terrorist activities of such intensity, which have enlarged their field and spread their terrorist acts to most nations throughout the world, and these attacks have been the most terrorist and horrifying in history.

The political goals

Terrorist activities are distinguished from organized crime by their desire to achieve a political aim. Terrorist acts are carried out or threatened in order to exert effective pressure on political decision-makers and force the state or a specific political group to take a specific decision that is in their best interests, or to refrain from implementing a specific decision that is in their best interests. Terrorist activities are given a political significance since they are seen as a way of exerting pressure on political decision-makers. Terrorist attacks were also influenced by politics, which had an impact on the spread and escalation of terrorist acts in the worldwide society. During the Cold War between the United States of America and the former Soviet Union, several terrorist actions were conducted for political purposes.

Motives of international terrorism

Because of the complexity of terrorist activities and the huge problems posed by international terrorism, as well as the ensuing loss of innocent lives and significant pecuniary damages, to decrease and restrict terrorism actions and terrorist activities, it is vital to investigate the phenomena of international terrorism. In order to figure out the results and solutions to combat this phenomenon of the international terrorism, we will analyze to get a better understanding the causes and motives of international terrorism in order to find the mechanisms to combat it and to understand the forms of terrorism that emerge as international terrorism evolves, also there are numerous terrorist operations for which no one can determine the causes and motives, either because the perpetrators died during the execution of the terrorist operation or because the competent authority was unable to investigate and extract the causes and motives for these terrorist operations, as well as to determine what factors led to the emergence and spread of international terrorism on political, economic, social, and media motives:

The Political motives

Many terrorist acts are motivated by political reasons, and because politics has failed to achieve the desired goals in some cases, terrorist acts are used as a violent way of expressing a black inherent problem or to protest against a specific policy, or to harm the interests of a particular states, to disrupt security and safety in that country, and to cause chaos, the state's discriminatory policy may make it a target for terrorist activities aimed at harming the biased state's interests, as happened in several cases such as the 1998 bombings of the US embassies in Nairobi Dar Al Salaam or the September 11 attacks on the World Trade Center.

The subject of international terrorism directed against the United States in general, and the reality that there is a cost to Washington's hegemony and tyranny of the worldwide community and global system. The hegemonic states must pay this price, either with their lives or their riches, or at the very least in terms of politics and morality. There are other reasons and motives for state-sponsored terrorism perpetrated during the Cold War between the United States and the for-

The Economic motives

The Social motives

fighters or terrorists who are looking for a certain pleasure or ecstasy to kill or to reach a certain fame or power or to search for money, and this is represented in the international mercenaries coming from different countries seeking false pleasures or certain lusts and ambitions that do not even aspire to be humane. It can be said that they chasing after money (Muhammad Sami Al-Shawa).

The Media motives

As it happens with Al-Qaeda or ISIS, by publishing threatening or warning videos and working on the montage of advanced and high-resolution videos to carry out stages of execution and others, in order to deliver a message aimed at spreading a state of terror and panic in the hearts of innocent citizens to indicate a state of instability and chaos.

The differ between Al-Qaeda and (ISIS)

When the crisis in Syria broke out in 2011, Abu Bakr al-Baghdadi, the Islamic State's leader since 2010, decided to expand his efforts to include Syrian territory, al-Qaeda and the Islamic State in Iraq split away. So, he dispatched a contingent of warriors to build a base there. At first, Ayman al-Zawahiri, who took over as Al-leader Qaeda's after the assassination of its founder Osama bin Laden in Pakistan in 2011, welcomed the Islamic State's entry into the fight against the Syrian regime, but the new leader planned to keep the Al-Nusra Front – the Al-Qaeda branch in Syria – as a separate entity led by Syria from the Iraq-based organization. The leadership of the "Islamic State," on the other hand, observed that Al-Zawahiri's overemphasized the combat in Syria while ignoring Iraq. The conflict between the two leaders lasted until 2013, when Zawahiri issued an order for Al-Baghdadi to obey. However, the latter rejected and unilaterally proclaimed the Al-Nusra Front to be under Iraqi control (Daniel L. Byman, 2015)

Al-Qaeda

Nº 6 2025 [CF3]

Al-Qaeda has made no signs in the last two decades that it intends to conquer regions or annex sections within an Arab or Islamic country, isolate and expand it, and impose a strict religious code on its citizens. However, he concentrated his propaganda through audio and video records of the organization's leadership asking members and Muslims in general to accept its beliefs by reminding them of their duty to the jihad. According to some analysts, the "Al Qaeda" group, which has dominated the worldwide jihad movement for over two decades, has lost the initiative and is losing the leadership struggle against ISIS (Daniel B. M., 2022).

Financially, organizationally, militarily, and in the media, the first can no longer equal the strength of the second. Rather, some of its branches throughout the world joined ISIS and pledged allegiance to its commander, Abu Bakr Al-Baghdadi, who gave the global jihad project a new spirit that continues to recruit adherents and young from all walks of life. Al-Omar has no qualms about inviting the group to join and live inside the borders of his "Islamic state." (Marc Lynch, 2006)

The Islamic State (ISIS)

The Islamic State in Iraq and Syria (Levant), or known as ISIS, it is an armed jihadist organization that follows the Salafi-jihadi ideology and whose members aim to restore the "Islamic caliphate and the application of Sharia" according to their beliefs. Abu Bakr Al-Baghdadi is the leader of this group, and its influence is spread primarily in Iraq and Syria, with its presence in the regions such as: Southern Yemen, Libya, Somalia, northeast Nigeria, and Pakistan also among other nations. Abu Bakr Al-Baghdadi is the leader of this group. ISIS became infamous for its recordings of beheading civilians and soldiers alike, including journalists and relief workers, as well as its destruction of antiquities and ancient sites, because to its command of communication networks. ISIS is accused of human rights breaches and war crimes by the United Nations, while Amnesty International accuses the group of ethnic cleansing on a "historic scale" in northern Iraq. ISIS's activities and ideals have been extensively condemned by Islamic religious authorities throughout the world, who argue that the group has strayed from the genuine path of Islam and that its actions do not reflect the religion's fundamental teachings and principles. They called them Takfiris and Kharijites as well.

It was supposed to have a major presence in Iraq's Anbar, Nineveh, and Kirkuk governorates, as well as more in Salah al-Din, sections of Babylon, Diyala, and Baghdad, and claimed Baquba as its capital. However, the Islamic State's attempts to solidify control over additional territory sparked a backlash from Iraqi Sunnis and other rebel organizations, helping to destroy and weaken the Sahwa movement. The first to designate the group as a terrorist organization was Saudi Arabia, followed by the United Nations, the European Union and its member states, the United States of America, India, Indonesia, Israel, Turkey, Syria, Iran, and other countries.

Conclusion

Despite the fact that there is a difference in the definition of terrorism and what acts are considered terrorist acts versus what acts are considered organized crimes, and the lack of an international agreement to define terrorism and acts that fall under the name of terrorist acts, the international community did not sit idly by and made great efforts to address the phenomenon of terrorism and the international community's work to internationalize this phenomenon. Despite the fact that terrorism is an ancient phenomenon, an observer in our time can notice the large number of terrorist operations and the diversity of their methods, as well as the fact that these

terrorist operations are targeting far and near, small and large, the number of innocent victims is constantly increasing, and the scope of terrorist operations has expanded and transformed from global, local terrorism to international terrorism. Many international agreements connected to the prevention and punishment of international terrorism have been reached as a result of worldwide attempts to find answers to the phenomena of terrorism.

Despite the apparent ideological differences and the profound bond that brought them together, we can now list the most crucial, basic, and apparent distinctions between ISIS and Al-Qaeda (Daniel L. Byman, 2015); it divided into 4 levels:

- The way of Recruiting: In the case of Al-Qaeda, we see that recruiting is based on selection and selection, as well as more advanced phases of scrutiny and inquiry of correctness. It has stringent entry requirements, including arduous application examinations, ideological extremism testing, and rigorous military training.
- The usage of modern technology: In the case of Al-Qaeda, we discovered that it makes only limited use of the internet, relying solely on forums, blogs, and a few chat rooms.
- ISIS, on the other hand, relies on the exploitation of all available information for mobilization and recruiting, as well as the foundations of contemporary networks for communication, correspondence, and discussions, as well as the usage of some platforms such as Twitter.
- Traumatic atrocities: When it comes to Al Qaeda, we see murders, assassinations, and suicide assaults – it's a familiar picture. For ISIS, acting in a ruthless manner to instill dread in the minds of people around them, such as beheadings, burning prisoners, or drowning them while they are still alive, has a different meaning. This is in addition to utilizing youngsters to carry out certain killings, as well as documenting and professionally creating these executions using current and advanced technology to disseminate terror and direct influence. In the minds of their foes.
- The establishment of the state: In the case of Al-Qaeda, we discover that the group has no plans to develop or seize land or extend and control the state's joints, and it has not published any statements about the construction of a state in the last two decades; In the case of ISIS, they aimed to replicate the state structure and build political, legal, and financial institutions, as well as enforce severe regulations on citizens under their control.

Литература

1. Convention on Combating International Terrorism art. 2(a), July 1, 1999, OIC Res. 59/26-P, reprinted in 12 I.L.M. 102 (2000)
2. Daniel L. Byman, Comparing Al Qaeda and ISIS: Different Goals, Different Targets, Wednesday, April 29, 2015, <https://www.brookings.edu/testimonies/comparing-al-qaeda-and-isis-different-goals-different-targets/>
3. Daniel L. Byman, Comparing Al Qaeda and ISIS: Different goals, different targets, Wednesday, April 29, 2015, <https://www.brookings.edu/testimonies/comparing-al-qaeda-and-isis-different-goals-different-targets/>
4. Danil Byman & Esfandiyar Mir, how strong is Al Qaeda? A debate, May 20, 2022, Texas National Security Review.
5. Education Program, International Terrorism: Definitions, Causes, and Responses, the United States institute of peace <https://www.usip.org/sites/default/files/terrorism.pdf>

6. Education Program, International Terrorism: Definitions, Causes, and Responses, the united states institute of peace <https://www.usip.org/sites/default/files/terrorism.pdf>
7. Intriligator, M.D. and Coissard, S. (2008), "The economics of terrorism", Fontanel, J. and Chatterji, M. (Ed.) War, Peace and Security (Contributions to Conflict Management, Peace Economics and Development, Vol. 6), Emerald Group Publishing Limited, Bingley, pp. 161–172. [https://doi.org/10.1016/S1572-8323\(08\)06010-4](https://doi.org/10.1016/S1572-8323(08)06010-4)
8. Jason Burk, Al Qaeda, Source: Foreign Policy, May – Jun., 2004, No. 142 (May -Jun 2004), Published by: Slate Group, LLC <https://www.jstor.org/stable/pdf/4147572.pdf>
9. Lia, B. and Skjølberg, K., 2004, 'Causes of Terrorism: An Expanded and Updated Review of the Literature?', FFI/RAPPORT-2004/04307, Norwegian Defence Research Establishment, Kjeller
10. Marc Lynch, Al-Qaeda's Media Strategies, The National Interest, No. 83 (Spring 2006), pp. 50–56 (7 pages), Published by: Center for the National Interest, <https://www.jstor.org/stable/42897599>
11. Muhammad Sami Al-Shawa, The Criminal Phenomenon, pp. 273–275, University Press, Cairo, Egypt
12. NATO: Arabic reference, counter-terrorism reference curriculum 2020 – https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2020/12/pdf/2012-DEEP-CTRC-arabic.PDF
13. Organization of the Islamic Conference (OIC), Convention on Combating International Terrorism, 1 July 1999, Annex to Resolution No: 59/26-P, available at: <https://www.refworld.org/docid/3de5e6646.html>
14. The Arab Convention for The Suppression of Terrorism, League of Arab States, Adopted by the Council of Arab Ministers of the Interior and the Council of Arab Ministers of Justice in Cairo, April 1998– https://www.unodc.org/images/tldb-f/conv_arab_terrorism.en.pdf
15. Todd Sandler, Journal of Peace Research, 2014, Vol. 51(2) 257–271, (2013), <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0022343313491277> DOI:10.1177/0022343313491277
16. UNODC: Arabic Legal Training, Counter-Terrorism Legal Training Curriculum: Module 3: International Cooperation in Criminal Matters – https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Training_Curriculum_Module3/Ebook_Arabic.pdf
17. UNODC: Arabic Manual on International Cooperation in Criminal Matters related to Terrorism 2009 – https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Manual_Int_Coop_Criminal_Matters/Manual_on_International_Cooperation_in_Criminal_Matters_related_to_Terrorism_-_Arabic.pdf
18. UNODC: English Legal Training, Counter-Terrorism Legal Training Curriculum: Module 3: International Cooperation in Criminal Matters– https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Training_Curriculum_Module3/Module3_EN.pdf
19. UNODC: English Manual on International Cooperation in Criminal Matters related to Terrorism 2009 – https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Manual_Int_Coop_Criminal_Matters/English.pdf

TERRORISM BETWEEN DEFINITIONAL PLURALISM AND DIVERGENT MOTIVES: AL-QAEDA AND ISIS AS CASE STUDIES IN DIAGNOSIS AND ANALYSIS

Markos Mina Atef Maher

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Terrorism has been closely linked to many political issues that have emerged in political circles around the world, as the Security Council and the international community have combated crimes classified as terrorist. This article examines international and regional efforts to define terrorism, as well as the concepts of its elements, characteristics, and causes, in accordance with other international and regional agreements and declarations. Legislation is divided into international, regional, and other United Nations legislation and agreements, as regional and international powers have strived to establish certain definitions and laws related to the issue of combating terrorism.

Keywords: Al-Qaeda, counter-terrorism, ISIS, legislative harmonization, political violence, regional security agreements, Security Council resolutions, terrorism definitions.

Al-Qaeda is an organization banned in the Russian Federation, decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 14, 2003 No. GKPI 03–116, entered into force on March 4, 2003. ISIS is an organization banned in the Russian Federation, decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 29, 2014 No. AKPI 14–1424S, entered into force on February 13, 2015.

References

1. Convention on Combating International Terrorism art. 2(a), July 1, 1999, OIC Res. 59/26-P, reprinted in 12 I.L.M. 102 (2000)
2. Daniel L. Byman, Comparing Al Qaeda and ISIS: Different Goals, Different Targets, Wednesday, April 29, 2015, <https://www.brookings.edu/testimonies/comparing-al-qaeda-and-isis-different-goals-different-targets/>
3. Daniel L. Byman, Comparing Al Qaeda and ISIS: Different goals, different targets, Wednesday, April 29, 2015, <https://www.brookings.edu/testimonies/comparing-al-qaeda-and-isis-different-goals-different-targets/>
4. Danil Byman & Esfandiyar Mir, how strong is Al Qaeda? A debate, May 20, 2022, Texas National Security Review.
5. Education Program, International Terrorism: Definitions, Causes, and Responses, the United States institute of peace <https://www.usip.org/sites/default/files/terrorism.pdf>
6. Education Program, International Terrorism: Definitions, Causes, and Responses, the united states institute of peace <https://www.usip.org/sites/default/files/terrorism.pdf>
7. Intriligator, M.D. and Coissard, S. (2008), "The economics of terrorism", Fontanel, J. and Chatterji, M. (Ed.) War, Peace and Security (Contributions to Conflict Management, Peace Economics and Development, Vol. 6), Emerald Group Publishing Limited, Bingley, pp. 161–172. [https://doi.org/10.1016/S1572-8323\(08\)06010-4](https://doi.org/10.1016/S1572-8323(08)06010-4)
8. Jason Burk, Al Qaeda, Source: Foreign Policy, May – Jun., 2004, No. 142 (May -Jun 2004), Published by: Slate Group, LLC <https://www.jstor.org/stable/pdf/4147572.pdf>
9. Lia, B. and Skjølberg, K., 2004, 'Causes of Terrorism: An Expanded and Updated Review of the Literature?', FFI/RAPPORT-2004/04307, Norwegian Defence Research Establishment, Kjeller
10. Marc Lynch, Al-Qaeda's Media Strategies, The National Interest, No. 83 (Spring 2006), pp. 50–56 (7 pages), Published by: Center for the National Interest, <https://www.jstor.org/stable/42897599>
11. Muhammad Sami Al-Shawa, The Criminal Phenomenon, pp. 273–275, University Press, Cairo, Egypt
12. NATO: Arabic reference, counter-terrorism reference curriculum 2020 – https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2020/12/pdf/2012-DEEP-CTRC-arabic.PDF
13. Organization of the Islamic Conference (OIC), Convention on Combating International Terrorism, 1 July 1999, Annex to Resolution No: 59/26-P, available at: <https://www.refworld.org/docid/3de5e6646.html>
14. The Arab Convention for The Suppression of Terrorism, League of Arab States, Adopted by the Council of Arab Ministers of the Interior and the Council of Arab Ministers of Justice in Cairo, April 1998– https://www.unodc.org/images/tldb-f/conv_arab_terrorism.en.pdf
15. Todd Sandler, Journal of Peace Research, 2014, Vol. 51(2) 257–271, (2013), <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0022343313491277>

pub.com/doi/pdf/10.1177/0022343313491277
DOI:10.1177/0022343313491277

16. UNODC: Arabic Legal Training, Counter-Terrorism Legal Training Curriculum: Module 3: International Cooperation in Criminal Matters – https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Training_Curriculum_Module3/Ebook_Arabic.pdf
17. UNODC: Arabic Manual on International Cooperation in Criminal Matters related to Terrorism 2009 – https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Manual_Int_Coop_Criminal_

Matters/Manual_on_International_Cooperation_in_Criminal_Matters_related_to_Terrorism_-_Arabic.pdf

18. UNODC: English Legal Training, Counter-Terrorism Legal Training Curriculum: Module 3: International Cooperation in Criminal Matters– https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Training_Curriculum_Module3/Module3_EN.pdf
19. UNODC: English Manual on International Cooperation in Criminal Matters related to Terrorism 2009 – https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Manual_Int_Coop_Criminal_Matters/English.pdf

Политико-идеологические противоречия в американском обществе

Айвазян Сергей Геннадьевич,

менеджер, компания Trinity Way DMCC

E-mail: sg_ayvazyan@mail.ru

В статье рассматриваются политико-идеологические противоречия в американском обществе, приводящие к тому, что в последние годы Республиканской и Демократической партиям в США все сложнее договориться в отношении внешней политики и выстроить ее единый курс. В результате внешняя политика каждого нового Президента США отличается от его предшественника и критикуется представителями партии-оппонента. Д. Трамп на текущем этапе проводит внешнюю политику изоляционизма США, противоречащую традиционным американским ценностям. Также новый Президент отказался от использования инструмента «мягкой» силы, который США применяли в течение нескольких десятилетий. Это вызывает критику и раскол в американской общественности на текущем этапе.

Ключевые слова: Д. Трамп, президент США, политика «мягкой» силы, поляризация внешней политики, внешняя политика США, демократия, ценности США.

Введение

В последние годы Республиканской и Демократической партиям в США все сложнее договориться в отношении внешней политики и выстроить ее единый курс. По мнению президента Eurasia Group Яна Бреммера, в течение всего 20 века, пока существовала противоборствующая США сверхдержава СССР, у представителей двух партий получалось находить общий язык друг с другом в отношении выстраивания единой внешнеполитической линии США, поскольку их сближала общая цель – победа над коммунистами и противодействие продвигаемой ими идеологии и низкая степень поляризации американской политической элиты и общества [12]. Однако с окончанием Холодной войны ситуация кардинальным образом изменилась – теперь перед американской политической элитой имеется не менее трех альтернатив осуществления внешнеполитической стратегии и у них не получается выбрать одну из них и четко ей следовать из-за высокой степени поляризации внутри общества и наличия существенных разногласий.

В данной работе будут рассмотрены политико-идеологические противоречия в современном американском обществе.

Постепенная поляризация внешней политики США

Несмотря на традиционное соперничество за власть между Республиканской и Демократической партиями в США ранее в отношении проведения внешней политики им всегда удавалось придерживаться базового консенсуса. При этом в качестве гарантов беспристрастности выступали аналитические центры, экспертные и исследовательские институты, которые были подчеркнуты внепартийными и внеидеологическими – Совет по международным отношениям, Фонд Карнеги за международный мир, Институт Брукинга. Они предлагали разные варианты проведения внешней политики США и политические элиты выбирали среди них те, что в наибольшей степени соответствовали национальным интересам государства. При этом население также играло высокую роль в выборе внешнеполитической стратегии.

С 1970-х гг. началась постепенная поляризация внешней политики США. Профессор Э.А. Абрамовиц считает, что Республиканская партия проводила чрезмерно консервативную политику, что не устраивало большинство ее довольно либеральных членов, которые жили в крупных городах и в которых быстро распространялись и становились популярными либеральные тенденции [11]. При этом Демократическая партия вела слишком либеральную по тем времена политику, что не устраивало ее довольно консервативных членов, считавших, что стремительное распространение прав на чернокожее население было преждевременным. В итоге члены партий, недовольные проводимой ею политикой и курсом, меняли свою партийную принадлежность, что способствовало росту поляризации американского общества в течение следующих 30–40 лет. Также росло количество людей, которые занимали крайние позиции, что привело к значительному идеологическому противостоянию. В результате и аналитические центры примкнули к той или иной

стороне, участвующей в идеологических конфликтах, перестав создавать общую прагматическую позицию.

Постепенно поляризация американских политических элит стала оказывать влияние на их возможности вырабатывать единые внешнеполитические решения. Например, при представителе Республиканской Партии Джордже Буше-младшем, который находился на посту Президента США в 2001–2009 гг., Республиканской партии стали противостоять доминировавшие в органах власти представители Демократической партии, которые преследовали цель сделать 21 век веком Америки и ее могущества на мировой арене [2]. Для упрочения позиций США в 2003 году было принято решение о вторжении в Ирак, поддержанное как политической элитой, так и американским населением, рассчитывавшим на молниеносную победу. Однако уже через год Республиканская партия и Демократическая не смогли договориться о том, необходимо ли продолжать военную кампанию в Ираке: республиканцы считали, что США уже вложили в войну в Ираке значительные средства и необходимо довести ее до конца, при этом демократы, поддерживаемые большинством населения страны, считали данную военную операцию бессмысленной тратой средств налогоплательщиков, которую необходимо прекратить. В итоге республиканцы уже в 2006 году лишились большинства мест в обеих палатах Конгресса.

Следующий Президент США Барак Обама – представитель Демократической партии – пообещал не только завершить войну в Ираке и сосредоточиться на Афганистане, но и решить проблему идеологического раскола среди американских политических элит [1]. Заняв должность Президента США в 2009 году, он действительно приступил к улучшению взаимопонимания с представителями Республиканской партии, заседавшими в Конгрессе, однако потерпел в этом деле полное поражение. Республиканская партия не стала поддерживать предлагаемые Бараком Обамой законопроекты, даже если при их разработке были учтены поправки, сделанные республиканцами. Более того, консервативная часть американского общества, в первую очередь пожилые белые американцы, были озабочены некоторыми смелыми предложениями, сделанными администрацией нового президента, в том числе касавшимися и внешней политики. СМИ, поддерживающие Республиканскую партию, начали подтверждать их опасения, обращая внимание на происхождение Барака Обамы и его возможности поддержать мигрантов за счет средств американских налогоплательщиков. Все это привело к отсутствию поддержки проводимой им внешней политики как среди политических элит, так и американского общества.

Более того, поляризация среди американских политических элит все более усиливалась, к противостоянию были подключены не только СМИ, но и политико-финансовые элиты и низовые активисты. Представители Республиканской и Демократической партий начали противостоять друг другу не столько из-за серьезных идеологических противоречий, сколько из-за необходимости выделиться на фоне другой партии в глазах избирателей. Этим же обусловлено и то, что каждая из партий занимала ту или иную радикальную позицию, критикуя политику, проводимую оппонентами. Подобное положение дел не позволяет вырабатывать единую внешнюю политику и проводить ее в течение долгосрочного периода времени.

Например, Б. Обама стремился наладить отношения с Россией, назвав это политикой «перезагрузки». Так, на встрече в Лондоне, проходившей 1 апреля 2009 года, президенты России и США – Д.А. Медведев и Б. Обама, пришли к договоренности о необходимости подписания нового договора о сокращении стратегических вооруже-

ний. В дальнейшем было согласовано и их количество. Стороны согласились на то, что США смогут осуществлять транзит военных грузов в Афганистан.

В сентябре 2009 году США пошли на уступки России и отказались от плана развертывания элементов ПРО США в Чехии и Польше, что противоречило интересам национальной безопасности России. США и России удалось согласовать свои позиции в отношении поддержки Ирана, в итоге Россия не стала поставлять ему ЗРК С-300 [4]. Несмотря на наличие выгод для США от сотрудничества и улучшения отношений с Россией, внешняя политика, направленная на сближение позиций США и России, проводимая Б. Обамой, неоднократно подвергалась критике со стороны республиканцев, заявлявших во время президентского срока Б. Обамы о том, что Россия является для США врагом № 1 в мире. В целом подвергнув Б. Обаму и Х. Клинтон, которая занимала должность госсекретаря в 2009–2012 гг. и была ответственной за проведение внешней политики США на данном этапе, масштабной критике, республиканцы смогли добиться избрания в качестве нового Президента США Д. Трампа в 2017 году.

При этом начало ухудшения отношений между США и Россией наблюдалось уже во время второго срока президентства Б. Обамы – в 2013–2017 гг. Оно достигло своего пика в 2014 году, когда США ввели санкции против России. В итоге в этот период времени отношения между двумя государствами находились на наиболее низком уровне со времен распада СССР. Д. Трамп, несмотря на заявления, сделанные в 2016 году, о том, что состояние двусторонних отношений между США и Россией является неудовлетворительным и необходимо их нормализовать, продолжил курс на ухудшение отношений. Россию обвинили во вмешательстве в американские выборы, были неоднократно ужесточены санкции в ее отношении, а также велось дипломатическое противостояние, выразившееся в высылке российских дипломатов из США и американских – из России. Одной из причин этого выступили обвинения России в отравлении в Великобритании экс-полковника ГРУ Сергея Скрипаля в марте 2018 года.

Д. Трамп во многом придерживался ревизионистского подхода к проведению внешней политики, который выступил вызовом для либерально настроенных политических элит. Новый Президент проводил свою политику под лозунгом – «Сделать Америку снова великой», который расколол политическую элиту США на два основных лагеря – сторонников и противников данной политики [10]. Сторонники согласились с Д. Трампом в том, что иностранные государства получают выгоду от слишком либеральной политики США: они развиваются экономически и получают многомиллиардные выручки и прибыли за счет продажи товаров США. Соответственно, необходимо пересмотреть торговые соглашения, заключенные США и выявить среди них невыгодные для страны, а также военные приоритеты, что позволит восстановить бывшее величие США на мировой арене. Для этого необходимо отказаться от традиционных для США тем, таких как продвижение ценностей и культуры США за границей, защиты прав человека и экспорта демократии. По мнению администрации Д. Трампа, необходимо было большее внимание сосредоточить на защите граждан США за границей и в вопросах национальной безопасности. В связи с этим фокус внимания публичной дипломатии начал смещаться с программ по продвижению демократии и культуры и американизации в заграничных сообществах, базирующихся на концепции «мягкая сила», в сторону стратегической коммуникации с акцентом на пропаганду для отражения информационных атак со стороны недружественных стран, в первую очередь – России и Китая.

Политико-идеологические противоречия в американском обществе в период президентства Д. Трампа

Наиболее ярко политико-идеологические противоречия в американском обществе проявились во время второго президентского срока Д. Трампа. Демократы критикуют политику Д. Трампа в связи с нарушением большинства традиций американской внешней политики, а также за не системность проводимой им политики. Эксперты считают, что Д. Трамп во многом является популистом в том смысле, что в каждом своем публичном выступлении он делает большое количество резких заявлений, часто он является непоследовательным и известен своими довольно агрессивными высказываниями и отношением по отношению к оппонентам [9]. В этой связи исследователи говорят о таком феномене как «трампизм», который они определяют как правопопулистскую идеологию, в основе которой лежит противопоставление «коррумпированная элита» и «благородный народ».

Главным идейным столпом кардинального пересмотра Д. Трампом устоявшихся общественных норм выступает своеобразная трактовка американской идентичности. Если ранее американская идентичность рассматривалась в качестве системы универсальных ценностей, включая и ценности демократии, свободы, равенства, защиты прав, то Д. Трамп и его администрация считают, что американская идентичность состоит в этно-национальной принадлежности с характерными для нее историческими и культурными характеристиками. В итоге Д. Трамп обращает внимание на то, что нельзя стать истинным американцем только посредством иммиграции и восприятия ценностной системы общества. Данная система должна быть впитана в человека с его рождения. В связи с этим Президент стремится при помощи разных способов защитить размывающуюся идентичность, что влечет за собой его ярое противодействие иммиграции в США [7]. Например, в отношении принятия бюджета на 2026 года Д. Трамп внес предложение прекратить финансирование в размере 3,5 млрд долл. программ переселения беженцев и мигрантов, поскольку они приводят к стимулированию нелегальной миграции [8].

Для администрации Д. Трампа свойственна критика и дискриминация всех «других», что на практике находит проявление в том, что Президент возлагает ответственность за все плохое на представителей других культур, элиту и приезжих. Кроме того, он приклеивает ярлыки «враги народа» к представителям других национальностей, например, к китайцам. В этой связи политика Д. Трампа подвергается критике со стороны членов Демократической партии за ее дискриминацию других национальностей и меньшинств, поскольку все те, кто не относится к категории американцев, не имеют прав на осуществление своих политических требований.

Демократы обращают внимание на то, что представление Д. Трампа об американской идентичности противоречит принципам, которые лежат в основе США. Американское общество объединено на основе ценностей демократии, американской мечты и образа жизни, которые являются одобряемыми всеми и общими для всех. Базовые идеалы, разделяемые американцами, включают в себя возможности каждого человека стать успешным, права на свободу и жизнь, равенство всех людей. Они содержатся в основных в США документах – Конституции США и Декларации независимости. По мнению демократов, Д. Трамп и его администрация посредством продвижения нового понимания идентичности и измененного

представления об американском народе, подрывают азы функционирования американского общества [7].

Демократы критикуют текущую политику Д. Трампа и за то, что он, стремясь защитить на международном уровне американскую идентичность, изолирует США от других стран посредством, например, введения заградительных тарифов, даже несмотря на то, что это осуществляется с целью укрепления суверенитета США. Лозунг Д. Трампа «Америка прежде всего» предполагает учет только американских интересов на международной арене, а также защиту внутреннего рынка, увеличение военного потенциала, рост контроля на границе с целью не допустить увеличения нелегальной миграции, включая строительство стены на границе с Мексикой. Представители Демократической партии выступили против финансирования предложенного Д. Трампом в 2019 году проекта по строительству стены на границе с Мексикой за счет средств американских налогоплательщиков. При этом Д. Трамп настаивал на том, что физическая стена необходима для предотвращения нелегальной миграции, а также защиты внутреннего рынка, которые в совокупности уже превратились в проблему национального масштаба для США [6].

Еще в период предвыборной кампании Д. Трамп продвигал идею о том, что США должны выйти из международных договоров и наднациональных организаций, противоречащих их национальным интересам. После того, как Д. Трамп стал Президентом США, он стал претворять свои обещания в жизнь. Так, США не только пересмотрели условия Североамериканского соглашения о свободной торговле НАФТА, разорвали договор по Транс-Тихоокеанскому партнерству, изменили отношение в рамках Трансатлантического взаимодействия и НАТО на более прагматичное, вышли из ЮНЕСКО, прекратили участвовать в Парижском соглашении по климату, но и в апреле 2025 года ввели торговые пошлины против всех своих основных торговых партнеров, что вызвало панику среди контрагентов и критику со стороны политических оппонентов Д. Трампа и проводимой им политики, направленной на изоляционизм США в международных отношениях [5]. При этом большинство государств не стали вводить ответных мер, а приступили к переговорам с США.

В последние годы США также продемонстрировали слабую заинтересованность в системе стратегической стабильности и ограничения вооружений, что является наиболее опасным в условиях роста неопределенности в международных отношениях. По мнению исследователей, все данные изменения вызваны двумя взаимосвязанными причинами: ростом экономической мощи ряда азиатских стран, включая Китай и Индию, а также снижением лидерства США в мире. Например, это проявляется в том, что Китай постепенно догоняет США по размеру ВВП, кроме того, доля доллара в международных расчетах и резервах постепенно снижается, уступая место, в том числе и юаню. Посредством введения санкций и торговых ограничений, а также ведения торговых войн с Китаем США пытаются предотвратить превращение Китая в крупнейшую экономику в мире.

Отметим и то, что Д. Трамп и его администрация также активно критикуют и за уничтожение всех инструментов «мягкой» силы, которые США развивали в течение предыдущих 60 лет в рамках политики оказания влияния на другие государства посредством продвижения американских ценностей и культуры в них. Так, в течение десятилетий США были известны своей эффективной «мягкой» силой, которая ненавязчиво продвигала в других странах американскую культуру, модель образования, язык, идеологию, потребительское общество и ди-

пломатию. Однако Д. Трамп принял решение закрыть Агентство США по международному развитию (USAID), которое является главным инструментом осуществления программ, касающихся «мягкой» силы США. На практике во многих странах агентство осуществляло более политическую деятельность по продвижению национальных интересов США, нежели гуманитарную, как было заявлено изначально. Однако Д. Трамп посчитал, что его деятельность является неэффективной и не соответствует текущим целям, преследуемым США [3].

В целом можно сделать вывод о том, что каждый новый президент США, являющийся представителем Демократической или Республиканской партии США, стремится выделиться на фоне оппонентов и предлагает радикальные решения в области внешней политики, которые не позволяют государству вести единый курс внешней политики.

Заключение

В США с 1970-х гг. наблюдается поляризация политико-идеологических противоречий как среди американского общества, так и среди американских политических элит. Это приводит к тому, что каждый новый Президент США следует новому курсу во внешней политике государства, что не позволяет поддерживать его последовательность и даёт возможность противоборствующей партии критиковать его и выдвигать своих кандидатов, придерживающихся противоположных точек зрения.

Литература

1. Барак Обама пообещал прекратить войну в Ираке и сконцентрироваться на Афганистане 16.07.2008. – URL: <https://lenta.ru/news/2008/07/16/obama/> (дата обращения: 20.04.2025).
2. В поисках утраченного центризма 28.09.2015. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2816001> (дата обращения: 20.04.2025).
3. В США закрывается агентство иностранной помощи USAID. Что нужно знать 04.02.2025. – URL: <https://iz.ru/1833382/2025-02-04/v-ssha-zakryvaetsia-agentstvo-inostrannoi-pomoshchi-usaid-chto-nuzhno-znat> (дата обращения: 20.04.2025).
4. Как развивались отношения России и США при Бараке Обаме 15.05.2013. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2188188> (дата обращения: 20.04.2025).
5. Новые торговые пошлины США: зачем Трамп их ввел и как они отразятся на мировой экономике 09.04.2025. – URL: <https://t-j.ru/news/trump-reciprocal-tariffs/> (дата обращения: 20.04.2025).
6. Саботаж от демократов: сможет ли Трамп убедить конгресс построить стену 09.01.2019. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/01/2019/5c35d2b39a7947092542bab7> (дата обращения: 20.04.2025).
7. Соколышник Л. Революция «трампизма»: радикализм как новая норма американской политики 19.12.2019. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/political-life-of-usa/revolyutsiya-trampizma-radikalizm-kak-novaya-norma-amerikanskoy-politiki/?sphrase_id=92702443 (дата обращения: 20.04.2025).
8. Трамп предложил прекратить финансирование программ переселения мигрантов 02.05.2025. – URL: <https://ria.ru/20250502/tramp-2014702054.html> (дата обращения: 20.04.2025).
9. Шариков П.А. «Трампизм» как доминирующее движение в республиканской партии США в 2020-е годы // Вестник Московского университета. Серия 25:

Международные отношения и мировая политика. 2024. № 4. С. 70–94.

10. Шур Е.А. Президентство Д. Трампа (2017–2021): закат американской публичной дипломатии? // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2024. Т. 10. № 2. С. 165–172.
11. Abramowitz A.I. The Disappearing Center. Yale University Press, 2010. 362 p.
12. Bremmer I. Superpower: Three Choices for America's Role in the World. New York: Portfolio/Penguin, 2015. 354 p.

POLITICAL AND IDEOLOGICAL CONTRADICTIONS IN AMERICAN SOCIETY

Ayvazyan S.G.

Trinity Way DMCC Company

The article examines the political and ideological contradictions in American society, which have led to the fact that in recent years it has become increasingly difficult for the Republican and Democratic parties in the United States to agree on foreign policy and build a single course. As a result, the foreign policy of each new US President differs from his predecessor and is criticized by representatives of the opposing party. D. Trump is currently pursuing a foreign policy of US isolationism, which is contrary to traditional American values. Also, the new President has refused to use the instrument of “soft” power, which the United States has used for several decades. This causes criticism and division in American society at the current stage.

Keywords: D. Trump, US President, “soft” power policy, polarization of foreign policy, US foreign policy, democracy, US values.

References

1. Barack Obama promised to end the war in Iraq and focus on Afghanistan 07/16/2008. – URL: <https://lenta.ru/news/2008/07/16/obama/> (accessed: 20.04.2025).
2. In Search of Lost Centrism 09/28/2015. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2816001> (accessed: 20.04.2025).
3. USAID, the US foreign aid agency, is closing. What you need to know 02/04/2025. – URL: <https://iz.ru/1833382/2025-02-04/v-ssha-zakryvaetsia-agentstvo-inostrannoi-pomoshchi-usaid-chto-nuzhno-znat> (accessed: 20.04.2025).
4. How Russia-US relations developed under Barack Obama 05/15/2013. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2188188> (accessed: 20.04.2025).
5. New US trade tariffs: why Trump introduced them and how they will affect the global economy 04/09/2025. – URL: <https://t-j.ru/news/trump-reciprocal-tariffs/> (accessed: 20.04.2025).
6. Sabotage from the Democrats: will Trump be able to convince Congress to build a wall 01/09/2019. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/01/2019/5c35d2b39a7947092542bab7> (accessed: 20.04.2025).
7. Sokolshchik L. The revolution of “Trumpism”: radicalism as a new norm of American politics 12/19/2019. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/political-life-of-usa/revolyutsiya-trampizma-radikalizm-kak-novaya-norma-amerikanskoy-politiki/?sphrase_id=92702443 (accessed: 20.04.2025).
8. Trump proposed to stop funding migrant resettlement programs 05/02/2025. – URL: <https://ria.ru/20250502/tramp-2014702054.html> (accessed: 20.04.2025).
9. Sharikov P.A. “Trumpism” as the Dominant Movement in the US Republican Party in the 2020s // Bulletin of Moscow University. Series 25: International Relations and World Politics. 2024. № 4. Pp. 70–94.
10. Shur E.A. The Presidency of D. Trump (2017–2021): The Sunset of American Public Diplomacy? // Bulletin of Mari State University. Series “Historical Sciences. Legal Sciences”. 2024. Vol. 10. № 2. Pp. 165–172.
11. Abramowitz A.I. The Disappearing Center. Yale University Press, 2010. 362 p.
12. Bremmer I. Superpower: Three Choices for America's Role in the World. New York: Portfolio/Penguin, 2015. 354 p.

Спустя 30 лет: Дейтонские соглашения как механизм структурирования постюгославского пространства

Аржанов Артем Алексеевич,
независимый исследователь
E-mail: Osaka_azumanga@mail.ru

Статья посвящена комплексному анализу Дейтонских мирных соглашений (1995 г.) как модели территориально-политического устройства постконфликтного пространства Боснии и Герцеговины. Автор исследует генезис соглашений в контексте распада СФРЮ и Боснийской войны (1992–1995), уделяя особое внимание механизмам разграничения полномочий между образованными субъектами – Федерацией Боснии и Герцеговины и Республикой Сербской. Доказывается, что Дейтонская система, успешно прекратив войну, создала предпосылки для хронической нестабильности. Сравнение с другими постюгославскими территориями (Хорватия, Косово) подтверждает тезис о кризисе «навязанного федерализма».

Ключевые слова: Босния и Герцеговина, Дейтонские соглашения, международное миротворчество, политико-правовое регулирование, постюгославское пространство, Республика Сербская, структурирование регионального пространства.

Исторический контекст и предпосылки возникновения Дейтонской региональной системы

Распад Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ) в 1991–1992 гг. стал следствием глубинных национальных противоречий, возникших еще в период правления Иосипа Броз Тито. Конституция 1974 года [10], закрепившая этнотерриториальный федерализм, трансформировала югославскую государственность в систему «сдержек и противовесов», в рамках которых автономные края (Косово, Воеводина) и республики получили ограниченные суверенные полномочия. Это искусственно консервировало межэтническую напряженность, особенно между сербами, хорватами и боснийскими мусульманами [11].

После смерти И.Б. Тито (1980) коллективное руководство не смогло сдерживать центробежные тенденции. Экономический кризис 80-х годов XX века обострил противоречия: более развитые Словения и Хорватия настаивали на децентрализации, в то время как Сербия под руководством Слободана Милошевича требовала усиления контроля, ликвидировав [2] автономию Косова и Воеводины в 1989–1990 гг. Националистическая риторика элит перестроила классовую идентичность в этническую, превратив Союз коммунистов Югославии в коалицию «нациократий», где каждая республиканская верхушка использовала национализм для легитимации власти [9].

Непосредственным катализатором распада стали события 1990–1991 гг., когда рост националистических настроений перешел в фазу открытого противостояния. В Хорватии принятие закона о языке (1989) [19], игнорировавшего сербское меньшинство, и победа националистического Хорватского демократического содружества под руководством Франьо Туджмана на выборах 1990 года спровоцировали «революцию брёвен» – создание сербами автономии Краины [5]. В Словении «Майская декларация» (1989) [15] требовала суверенитета, а референдум 1990 года показал 88.5% поддержки независимости. Кульминацией стал «парад суверенитетов»: 25 июня 1991 года Словения и Хорватия объявили о выходе из СФРЮ, что привело к десятидневной войне в Словении и полномасштабному конфликту в Хорватии между хорватскими силами и Югославской народной армией (ЮНА), поддержавшей сербов. В Боснии и Герцеговине провал переговоров о федеративном устройстве и радикализация позиций трех общин (сербов, хорватов, боснийцев) вылились в референдум о независимости (февраль – март 1992 года), бойкотированный сербами [21].

Боснийская война (1992–1995), ставшая самым кровопролитным конфликтом при распаде Югославии, началась с провозглашения независимости Боснии и Герцеговины в марте 1992 года. Она быстро переросла [20] в трёхстороннее военно-политическое противостояние:

- Сербские силы (Армия Республики Сербской, ВРС¹) под командованием Ратко Младича, опираясь

¹ Оригинальное название Армии Республики Сербской – Vojska Republike Srpske [Војска Републике Српске], сокращён-

на поддержку Югославской народной армии (ЮНА) и Белграда, к 1993 году контролировали до 70% территории страны. Их преимущество заключалось в тяжёлом вооружении (артиллерия, танки) и стратегическом контроле над ключевыми транспортными коридорами.

- Хорватские формирования (Хорватский совет обороны, ХСО) действовали при прямой поддержке Загреба, создав в 1993 году сепаратистское образование Герцег-Босна. Их сильные позиции в Западной Герцеговине и центральной Боснии привели к конфликту с боснийскими мусульманами, кульминацией которого стала резня в Ахмичах (апрель 1993 г.).
- Боснийские мусульмане (Армия БиГ, АРБиГ) изначально уступали в вооружении и организации, но к 1994 году получили масштабную поддержку через тайные поставки оружия от исламских стран и США (Операция «Щит»).

Перелом в балансе сил произошёл в 1994–1995 годах. Вашингтонские соглашения [3] (март 1994) объединили боснийцев (Республика БиГ) и хорватов (Херцег-Босна) против сербов (Республика Сербская). Резня в Сребренице (июль 1995 г.) стала поворотным пунктом Боснийской войны. После взятия анклава силами армии боснийских сербов (ВРС) под командованием Ратко Младича были систематически уничтожены более 8000 боснийских мусульман – преимущественно мужчин. Это преступление, квалифицированное [6] Международным трибуналом по бывшей Югославии (МТБЮ) в качестве акта геноцида, обнажило неэффективность миротворцев ООН (UNPROFOR), не сумевших защитить «безопасную зону». Доказательства целенаправленных казней, включая массовые захоронения и видеозаписи карательных операций, спровоцировали международное возмущение. Оказавшись под давлением США, Совет Безопасности ООН санкционировал военное вмешательство НАТО, признав сербские действия угрозой мировой безопасности [13].

В августе хорватская армия провела операцию «Буря», ликвидировав Республику Сербскую Краину, что позволило начать наступление на западные позиции ВРС. Одновременно НАТО инициировало операцию «Обдуманная сила» (30 августа – 20 сентября), нанеся 3515 авиаударов по 338 целям боснийских сербов [23]. Это сломило сопротивление ВРС и вынудило стороны подписать Дейтонские соглашения (декабрь 1995), разделившие страну на Федерацию Боснии и Герцеговины (51% территории) и Республику Сербскую (49%). По оценкам исследователей, конфликт унёс 97–102 тыс. жизней и спровоцировал переселение 2,2 млн беженцев, оставив глубокий раскол в обществе [18].

Операция «Обдуманная сила» (30 августа – 20 сентября 1995 г.) стала первым боевым применением НАТО в Европе. После ракетного обстрела Сараево боснийскими сербами (28 августа), Альянс начал масштабные авиаудары по военной инфраструктуре Армии Республики Сербской (ВРС): уничтожались позиции артиллерии, склады боеприпасов, узлы связи. Ключевым элементом стала координация с хорватско-боснийскими силами, которые провели наземное наступление (операция «Буря»). Комбинированный удар вынудил боснийских сербов снять блокаду Сараево, освободить другие «зоны безопасности» и сесть за стол переговоров. Ито-

го VRS/BPC. Это официальное наименование вооружённых сил сербского образования в Боснии в 1992–2006 гг., закреплённое в Дейтонских соглашениях (Приложение 1-А). После реформы 2006 г. подразделения ВРС интегрированы в Вооружённые силы БиГ

гом стали Дейтонские соглашения (декабрь 1995), завершившие войну.

Меры по урегулированию конфликта, предложенные до подписания Дейтонских соглашений

До подписания Дейтонских соглашений в 1995 году международное сообщество разработало четыре ключевых плана урегулирования, каждый из которых столкнулся с непреодолимыми противоречиями между воюющими сторонами. Первой значимой инициативой стало Лиссабонское соглашение (март 1992 г.), предложивший создание децентрализованного унитарного государства с тремя этническими автономиями. Однако боснийские сербы во главе с Радованом Караджичем отвергли его, настаивая на независимости анклавов, контролируемых Войском Республики Сербской (ВРС). Провал плана усугубился отсутствием механизмов принуждения к миру и игнорированием итогов референдума о независимости Боснии [7].

В январе 1993 года спецпосланники ООН Сайрус Вэнс и Дэвид Оуэн представили новый проект, предусматривавший раздел Боснии на 10 автономных провинций: сербам отводилось 43% территории, боснийским мусульманам – 38%, хорватам – 19%. Ключевой проблемой стала анклавная система (например, изолированный статус Сребреницы), затруднявшая территориальную связность. Сербская сторона отказалась выводить войска из стратегических коридоров, а хорваты потребовали прямой выход к Адриатике через провинцию «Западная Герцеговина». План был окончательно похоронен после голосования в парламенте боснийских сербов в Пале (май 1993 г.) [12].

К августу 1993 года дипломаты пересмотрели подход, предложив конфедеративную модель Оуэна-Столтенберга. Она предполагала создание трёх этнических государств (сербского – 52%, боснийского (мусульманского) – 30%, хорватского – 18%), объединённых в союз. США сочли это легитимацией этнических чисток и оказали давление на президента Боснии Алию Изетбеговича, чтобы тот отверг план. Позже государственный секретарь Уоррен Кристофер открыто заявил, что Вашингтон «не поддерживает раздел Боснии по этническому принципу» [22].

Таблица 1. Краткие сведения о планах мирного урегулирования, предложенных до подписания Дейтонских соглашений

План	Территориальная формула	Ключевые противники	Причина провала
Лиссабонское соглашение (1992)	Унитарное государство	Боснийские сербы	Не учтён референдум о независимости
Вэнса-Оуэна (1993)	10 провинций	Сербь, хорваты	Нежизнеспособность анклавов
Оуэна-Столтенберга (1993)	Конфедерация трёх государств	Правительство Республики БиГ	Обострение боевых действий
Контактной группы (1994)	Раздел по формуле «51:49»	Все стороны	Спор о коридоре Посавина

Летом 1994 года Контактная группа (Россия, США, Великобритания, Франция, Германия, Италия) выдвинула компромиссный вариант: раздел 51/49 в пользу Федерации Боснии и Герцеговины (боснийцы и хорваты) против Республики Сербской. Главным камнем преткновения стал коридор Посавина – территория, связывающая восточные и западные сербские анклавы. Лидер боснийских сербов Радован Караджич настаивал на его включении в состав РС, что отвергалось мусульманской стороной. Военные действия ВРС к 1995 году (захват Сребреницы и иных боснийских анклавов) окончательно нивелировали любые попытки переговоров, инициированные контактной группой [17] (табл. 1).

Институциональное содержание Дейтонских соглашений: политико-правовое структурирование

Дейтонские соглашения (1995) учредили уникальную модель государственного устройства Боснии и Герцеговины, основанную на этническом паритете и ограниченном суверенитете центральной власти. Конституционные рамки (Приложение IV) создали:

- Коллективный Президиум из трёх членов (босняк, серб, хорват) с ротацией председателя;
- Двухпалатный парламент, где Палата народов (15 делегатов) наделена правом «этнического вето»;
- Конституционный суд с участием иностранных судей (3 из 9 мест). Эта система, по заключению Венецианской комиссии, «консервирует этнический раскол, препятствуя формированию общегражданской идентичности» [4].

Распределение компетенций между уровнями власти. Полномочия разделены по принципу фиксированной децентрализации:

1. Центральное правительство контролирует лишь внешнюю политику, таможенную и денежную эмиссию (ст. III.1 Прил. IV);
2. Этнитеты (Федерация БиГ и РС) сохранили суверенитет над:
 - o Силowymi структурами (армия, полиция до реформ 2003–2006 гг.);
 - o Системой правосудия;
 - o Налоговой политикой;
 - o Образованием и культурой.

Особый статус получил округ Брчко, управляемый международным администратором на основании арбитражного решения ООН (1999) [1].

Роль международных гарантов. Контроль за реализацией соглашений осуществляют:

- Офис Высокого представителя (OHR) с «Боннскими полномочиями» (1997): право отстранять должностных лиц и отменять законы (более 1000 случаев к 2023 г.);
- Европейские силы стабилизации (EUFOR) с мандатом ООН на военное наблюдение;
- Комиссия по правам человека. Несмотря на планы завершить мандат ОНР к 2007 г., он продлевается из-за кризисов (Резолюция СБ ООН 2653, 2022), что подтверждает незавершённость политической интеграции [14].

Уроки Дейтона для современных международных отношений. Международное вмешательство vs. неуправляемый конфликт немеждународного характера

Дейтонские соглашения (1995) стали поворотным пунктом в практике урегулирования немеждународных вооруженных конфликтов, продемонстрировав необходи-

мость интервенции при достижении порога интенсивности насилия, угрожающего региональной стабильности. Боснийская война (1992–1995), первоначально квалифицируемая как внутренний конфликт, трансформировалась в «интернационализированный» кризис из-за вмешательства соседних государств (Союзной Республики Югославии, Хорватии), поддержки негосударственных акторов и систематических нарушений международного гуманитарного права (геноцид в Сребренице).

Ключевой урок Дейтона заключается в коллизии юридических критериев: формально конфликт соответствовал признакам немеждународного характера (ст. 3 Женевских конвенций) [8], но потребовал инструментов, применимых к международным конфликтам (авиаудары НАТО, санкции СБ ООН). Эта дилемма отражает размывание границ категоризации в современном праве. Исследователь Тузмухамедов Б.Р. отмечает, что «классическая бинарная модель (международный/немеждународный конфликт) не учитывает гибридные формы, где негосударственные акторы получают внешнее финансирование и ведут скоординированные операции на территории нескольких стран [16].

Литература

1. Арбитражная комиссия по Брчко. Окончательное решение [Электронный ресурс]. – 5 марта 1999. – URL: <https://www.ohr.int/?p=67528> (дата обращения: 22.04.2025)
2. Буквич Райко Региональная проблема социалистической Югославии в 1945–1991 гг. // Вестник МГУ. 2014. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnaya-problema-sotsialisticheskoy-yugoslavii-v-1945-1991-gg> (дата обращения: 22.04.2025).
3. Вашингтонские соглашения о создании Федерации Боснии и Герцеговины [Электронный ресурс]: рамочный договор / Правительство Республики Босния и Герцеговина, Представитель хорватов Боснии и Герцеговины. – Вашингтон, 18 марта 1994 г. – 15 с. – URL: <https://m.bigenc.ru/vault/0dbf17673aaee7a4d7ab67125e1e63dd.pdf> (дата обращения: 10.03.2025).
4. Венецианская комиссия. Заключение № 404/2006 о конституционной системе Боснии и Герцеговины [Электронный ресурс]. – Страсбург, 2006. – 12 с. – URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2006\)026-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2006)026-e) (дата обращения: 22.04.2025)
5. Дакич М. Српска Крајина: историјски темелји и настанак [Текст]. – Книн: Искра, 1994. – С. 52.
6. Дело № IT-98–33-A «Крстич против Прокурора»: решение МТБЮ [Электронный ресурс]. – 19 апреля 2004. – URL: <https://www.icty.org/x/cases/krstic/acjug/en/krs-aj040419e.pdf>
7. Доклад Генерального секретаря ООН, представленный во исполнение Резолюции 749 (1992) Совета Безопасности [электронный ресурс]. – UN DOC. S/23836, 1992. – URL: <https://undocs.org/ru/s/23836> (дата обращения: 22.04.2025)
8. Женевская конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – 1949. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_1.shtml (дата обращения: 20.04.2025).
9. Кандель П.Е. Как развалилась Югославия // Обозреватель. 1992. № 3. С. 18–25. URL: https://i-sng.ru/observer/observer/N03_92/3_18.HTM (дата обращения: 22.04.2025)

10. Конституция Социалистической Федеративной Республики Югославии [Текст] / Гл. ред. Драголюб Джурович; Пер. Ирины Холодковой, Ирины Фесенко. – Белград: Борба, 1974. – 337 с.
11. Мамонтова Екатерина Андреевна, Арсланов Рафаэль Амирович Предпосылки и характер югославского кризиса (1990–1999 гг.) в отечественной и зарубежной публицистике // Международные отношения. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-i-harakter-yugoslavskogo-krizisa-1990-1999-gg-v-otechestvennoy-i-zarubezhnoy-publitsistike> (дата обращения: 22.04.2025).
12. Пономарева Е.Г. Дейтон: ловушки и дилеммы Мирного соглашения // Международная жизнь. – 2011. – № 2. – С. 114–126.
13. Резолюция СБ ООН 998 (1995) [Электронный ресурс]. – URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/998\(1995\)](https://undocs.org/ru/S/RES/998(1995))
14. СБ ООН. Резолюция 2653 (2022) о продлении мандата EUFOR [Электронный ресурс]. – 12.10.2022. – URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2653\(2022\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2653(2022)) (дата обращения: 22.04.2025)
15. Старикова Н.Н. Словенские писатели и «бархатная» революция // Славянский альманах. – 2015. – № 1–2. – С. 215–224. – EDN UBSBJ.
16. Тузмухамедов Б.Р. Международно-правовая классификация вооруженных конфликтов: дефиниции и реальность // ИМЭМО РАН. 2018. № 1 (54). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovaya-klassifikatsiya-vooruzhennyh-konfliktov-definitcii-i-realnost> (дата обращения: 23.04.2025).
17. Фотомонографија Народна скупштина Републике Српске 1991–2011 [Электронный ресурс] / Народна скупштина Републике Српске. – Бања Лука: Народна скупштина РС, 2011. – 296 с.: ил. – URL: https://www.narodnaskupstinars.net/sites/default/files/upload/dokumenti/fotomonografija/cir/NSRS_1991-2011.pdf (дата обращения: 15.03.2025).
18. Цвержховски Я., Табо Э. Война в Боснии и Герцеговине 1992–1995 гг.: Оценка неучтенных потерь населения методом множественных систем на основе переписи [Электронный ресурс]: конф. докл. // Междунар. науч. семинар «Глобальные издержки конфликтов». – Берлин: Сеть домохозяйств в условиях конфликта (HiCN), Ин-т мировой экономики (DIW Berlin), 1–2 февраля 2010 г. – 42 с. – URL: https://www.icty.org/x/file/About/OTP/War_Demographics/en/bih_casualty_undercount_conf_paper_100201.pdf (дата обращения: 15.03.2025).
19. Югославия в XX веке [Текст]: очерки политической истории / [А.С. Аникеев и др.]; редкол.: К.В. Никифоров (отв. ред.), А.И. Филимонова, А.Л. Шемякин; Российская акад. наук, Ин-т славяноведения. – Москва: Индрик, 2011. – 887 с.: табл. – С. 776. – ISBN 978-5-91674-121-6.
20. Balkan Battlegrounds: A Military History of the Yugoslav Conflict [Электронный ресурс]. – Т. 1. – 2002. – С. 287–301. – URL: https://archive.org/details/balkan-battlegrounds-i/Balkan_BattlegroundsII/page/287/mode/2up
21. Case Concerning Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia-Herzegovina v. Yugoslavia), -, International Court of Justice (ICJ), 11 July 1996, <https://www.refworld.org/jurisprudence/caselaw/icj/1996/en/40162> (дата обращения: 22.04.2025)
22. McManus D. Croats, Muslims Summoned to U.S. for Talks [Электронный ресурс] // Los Angeles Times. 1994. February 25. URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1994-02-25-mn-27191-story.html> (дата обращения: 22.04.2025).
23. Operation Deliberate Force: Lessons Learned [Электронный ресурс]. – Брюссель, 2018. – URL: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2018/06/01/lessons-from-deliberate-force/index.html> (дата обращения: 18.04.2025)

30 YEARS LATER: THE DAYTON AGREEMENTS AS A MECHANISM FOR STRUCTURING THE POST-YUGOSLAV SPACE

Arzhanov A.A.

The article is devoted to a comprehensive analysis of the Dayton Peace Accords (1995) as a model of the territorial and political structure of the post-conflict space of Bosnia and Herzegovina. The author examines the genesis of the agreements in the context of the collapse of the SFRY and the Bosnian War (1992–1995), paying special attention to the mechanisms of delimitation of powers between the formed entities – the Federation of Bosnia and Herzegovina and the Republika Srpska. It is proved that the Dayton system, having successfully stopped the war, created the preconditions for chronic instability. Comparison with other post-Yugoslav territories (Croatia, Kosovo) confirms the thesis about the crisis of “imposed federalism”.

Keywords: Bosnia and Herzegovina, Dayton Accords, international peacekeeping, political and legal regulation, post-Yugoslav space, Republika Srpska, structuring of regional space.

References

1. Arbitration Commission on Brcko. Final Award [Electronic resource]. – March 5, 1999. – URL: <https://www.ohr.int/?p=67528> (date of access: 22.04.2025)
2. Bukvic Rajko Regional problem of socialist Yugoslavia in 1945–1991 // Bulletin of Moscow State University. 2014. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnaya-problema-sotsialisticheskoy-yugoslavii-v-1945-1991-gg> (date of access: 22.04.2025).
3. The Washington Accords on the Establishment of the Federation of Bosnia and Herzegovina [Electronic resource]: framework agreement / Government of the Republic of Bosnia and Herzegovina, Representative of the Croats of Bosnia and Herzegovina. – Washington, March 18, 1994. – 15 p. – URL: <https://m.bigenc.ru/vault/0dbf17673aaee7a4d7ab67125e1e63dd.pdf> (date accessed: 10.03.2025).
4. Venice Commission. Opinion No. 404/2006 on the constitutional system of Bosnia and Herzegovina [Electronic resource]. – Strasbourg, 2006. – 12 p. – URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2006\)026-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2006)026-e) (access date: 04.22.2025)
5. Dakich, M. Srpska Krajina: historical topics and culture [Text] / M. Dakich. – Knin: Iskra, 1994. – P. 52.
6. Case No. IT-98–33-A “Krstic v. Prosecutor”: ICTY decision [Electronic resource]. – April 19, 2004. – URL: <https://www.icty.org/x/cases/krstic/acjug/en/krs-aj040419e.pdf> (access date: 04.22.2025)
7. Report of the UN Secretary-General submitted pursuant to Security Council Resolution 749 (1992) [electronic resource]. – UN DOC. S/23836, 1992. – URL: <https://undocs.org/ru/s/23836> (access date: 04.22.2025)
8. Geneva Convention relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War of 12 August 1949 [Electronic resource] // United Nations. – 1949. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_1.shtml (date of access: 20.04.2025).
9. Kandel P.E. How Yugoslavia Collapsed // Obozrevatel. 1992. No. 3. Pp. 18–25. URL: https://i-sng.ru/observer/observer/N03_92/3_18.HTM (date accessed: 22.04.2025)
10. Constitution of the Socialist Federal Republic of Yugoslavia [Text] / Ed. Dragoljub Djurovic; Trans. Irina Kholodkova, Irina Fesenko. – Belgrade: Borba, 1974. – 337 p.
11. Mamontova Ekaterina Andreevna, Arslanov Rafael Amirovich Prerequisites and Nature of the Yugoslav Crisis (1990–1999) in Domestic and Foreign Journalism // International Rela-

- tions. 2018. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-i-harakter-yugoslavskogo-krizisa-1990-1999-gg-v-otechestvennoy-i-zarubezhnoy-publitsistike> (date of access: 12.04.2025).
12. Ponomareva E.G. Dayton: traps and dilemmas of the Peace Agreement / E.G. Ponomareva // *International Affairs*. – 2011. – No. 2. – P. 114–126.
 13. UN Security Council Resolution 998 (1995) [Electronic resource]. – URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/998\(1995\)](https://undocs.org/ru/S/RES/998(1995))
 14. UN Security Council. Resolution 2653 (2022) on the extension of the mandate of EUFOR [Electronic resource]. – 12.10.2022. – URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2653\(2022\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2653(2022)) (date of access: 22.04.2025)
 15. Starikova, N.N. Slovenian writers and the “velvet” revolution / N.N. Starikova // *Slavic almanac*. – 2015. – No. 1–2. – P. 215–224. – EDN UBSBZJ.
 16. Tuzmukhamedov B.R. International legal classification of armed conflicts: definitions and reality // IMEMO RAS. 2018. No. 1 (54). URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovaya-klassifikatsiya-vooruzhennyh-konfliktov-definitsii-i-realnost](https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovaya-klassifikatsiya-vooruzhennyh-konfliktov-definitcii-i-realnost) (date of access: 05/23/2025).
 17. Photo monograph of the People's Assembly of the Republic of Srpske 1991–2011 [Electronic resource] / People's Assembly of the Republic of Srpske. – Baja Luka: People's Assembly of the RS, 2011. – 296 p.: ill. – URL: https://www.narodnaskupstinars.net/sites/default/files/upload/dokumenti/fotomonografija/cir/NSRS_1991-2011.pdf (date accessed: 15.03.2025).
 18. Cwierzchowski J., Thabo E. The War in Bosnia and Herzegovina 1992–1995: Estimating Unaccounted Population Losses Using the Multiple Systems Method Based on the Census [Electronic resource]: conf. report / J. Cwierzchowski, E. Thabo // *Int. scientific seminar “Global Costs of Conflicts”*. – Berlin: Household Conflict Network (HiCN), Institute of World Economy (DIW Berlin), 1–2 February 2010. – 42 p. – URL: https://www.icty.org/x/file/About/OTP/War_Demographics/en/bih_casualty_undercount_conf_paper_100201.pdf (access date: 03/15/2025).
 19. Yugoslavia in the twentieth century [Text]: essays on political history / [A.S. Anikeev and others]; Editorial Board: K.V. Nikiforov (chief editor), A.I. Filimonova, A.L. Shemyakin; Russian academician Sciences, Institute of Slavic Studies. – Moscow: Indrik, 2011. – 887 p.: table – P. 776. – ISBN 978-5-91674-121-6.
 20. Balkan Battlegrounds: A Military History of the Yugoslav Conflict [Electronic resource]. – T. 1. – 2002. – P. 287–301. – URL: https://archive.org/details/balkan-battlegrounds-i/Balkan_BattlegroundsII/page/287/mode/2up (access date: 04.22.2025)
 21. Case Concerning Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia-Herzegovina v. Yugoslavia), -, International Court of Justice (ICJ), 11 July 1996, <https://www.refworld.org/jurisprudence/caselaw/icj/1996/en/40> (accessed on 22.04.2025)
 22. McManus D. Croats, Muslims Summoned to U.S. for Talks [Electronic resource] // *Los Angeles Times*. 1994. February 25. URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1994-02-25-mn-27191-story.html> (accessed on 22.04.2025).
 23. Operation Deliberate Force: Lessons Learned [Electronic resource]. – Brussels, 2018. – URL: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2018/06/01/lessons-from-deliberate-force/index.html> (access date: 04.18.2025)

Ван Хуэйжу,

аспирант Санкт-Петербургского государственного университета

E-mail: laobei1204@gmail.com

Статья посвящена анализу роли Инициативы глобального развития, выдвинутой Китаем в 2021 году, в контексте реализации Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Автор подчёркивает, что Инициатива глобального развития, основанная на концепции «сообщества единой судьбы человечества», демонстрирует высокую степень конвергенции с Целями устойчивого развития (ЦУР) в трёх ключевых измерениях: концептуальные принципы, цели действий и конкретные сферы. Данная инициатива синтезирует опыт китайской модернизации с глобальными императивами, направляя многостороннее сотрудничество на преодоление кризисов развития, усугубляемых геополитической конфронтацией и климатической дестабилизацией, посредством институционализации коллективных действий. На текущем этапе Инициатива глобального развития уже реализовала серию промежуточных достижений, подтверждающих её каталитическую функцию в акселерации достижения ЦУР. В заключении обосновывается необходимость ускоренной интеграции Инициатив глобального развития с ЦУР-30 через углубление концептуальных основ устойчивого развития, оптимизацию координационных механизмов с международными организациями и расширение платформенных решений, что позволит усилить её трансформационный потенциал в контексте достижения глобальных целей, реструктуризации мировой экономикополитической архитектуры и формирования полицентричной модели развития, соответствующей требованиям эпохи системных трансформаций.

Ключевые слова: инициатива глобального развития, ЦУР-30, общество единой судьбы человечества, международные отношения, внешняя политика, международное сотрудничество.

Актуальность темы исследования

Развитие представляет собой ключевой фактор обеспечения благополучия народа, универсальное решение всех проблем и вечную тему человеческой цивилизации. С наступлением нового столетия развитие человеческого общества столкнулось с серьёзными испытаниями. В последние годы под совокупным воздействием глобальных трансформаций столетнего масштаба, пандемии века, климатических изменений, цифрового управления и региональных конфликтов нестабильность и неопределённость глобального развития существенно возросли. Наблюдаются такие явления, как неравномерное восстановление, структурные дисбалансы и дефицит движущих сил в мировом развитии, что создаёт беспрецедентные вызовы для дела мира и прогресса человечества. Находясь на перекрёстке, определяющем будущее цивилизации, поиск адекватных ответов на вызовы новой эпохи, принятие верных решений и содействие преодолению существующих кризисов глобального развития стали ключевой повесткой, требующей консолидированных усилий всех государств.

Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (далее – «Повестка-2030»), выдвинутая ООН в 2015 году, ознаменовала важную трансформацию глобального управления развитием. Однако изменения в международной архитектуре и последствия пандемии COVID-19 создали серьёзные препятствия для её реализации. Наложение таких факторов, как недостаток движущих сил международного развития, геополитические кризисы и давление, связанное с постпандемическим экономическим восстановлением, привело к усугублению дефицита глобального развития, поставив мировое сообщество перед системным кризисом. Как заявил Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш на Форуме по устойчивому развитию 2021 года: «Мир находится на перепутье. Пандемия подорвала усилия по достижению ЦУР, а глобальное развитие столкнулось с беспрецедентными вызовами. Преодолеть кризис можно только через солидарность, инновации и преобразование» [4].

В условиях невозможности сохранения прежней траектории глобального развития и фундаментальных геополитических и геоэкономических трансформаций концепция «сообщества единой судьбы человечества», выдвинутая Китаем, даёт ответ на ключевой вопрос современности – «что происходит с миром и как нам действовать?» – и воплощает комплексное видение китайской модели модернизации, ориентированной на взаимное уважение цивилизаций и интересов всех народов [3, с. 7–23]. Председатель Си Цзиньпин постоянно находится в поиске ответов на вопросы мира и времени, последовательно выдвигает «Инициативу глобального развития», «Инициативу глобальной безопасности» и «Инициативу глобальной цивилизации», а также проводит всесторонние, систематические и глубокие исследования того, как построить общество единой судьбы человечества, обеспечив определённый китайский выбор и твёрдую китайскую опору для неопределённого мира [1, с. 171–178].

Объект исследования. Инициатива глобального развития.

Предметом исследования является роль Инициатив глобального развития в реализации ЦУР 30.

Цель исследования – провести системный анализ концептуальных принципов, цели действий и приоритетных направлений Инициатив глобального развития с определением её каталитической роли в оптимизации реализации Повестки-2030. Для достижения данной цели предполагается решение следующих задач: концептуальные принципы, цели действий и конкретные сферы.

1. Изучить взаимосвязь между Инициативой глобального развития и Повесткой дня в области устойчивого развития на период до 2030 года.

2. Оценить эффективность Инициатива глобального развития.

3. Предложить решения для преодоления дисбалансов глобального развития, чтобы продвинуться в реализации ЦУР 30.

В последние годы руководство КНР выступило с целым рядом масштабных внешнеполитических инициатив, подтверждая претензии Китая на роль влиятельного и ответственного глобального игрока [2, с. 62–83]. Опираясь на необходимость преодоления кризиса развития и неотложные задачи реализации Повестки-2030, Председатель Си Цзиньпин выдвинул Инициативу глобального развития на общей дискуссии 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Данная инициатива, ставящая своей целью ускорение реализации Повестки дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 года, предоставила практическое руководство по оживлению международного сотрудничества в сфере развития и совместному построению сообщества глобального развития с общей судьбой [8].

Инициатива глобального развития представляет собой новый тип международного общественного продукта, органично сочетающий концептуальное лидерство и операциональную ориентацию, обладающий характеристиками коллективности, кооперативности, инклюзивности и инновационности [10, с. 16–21]. Будучи глобальным общественным благом, предложенным Китаем в ответ на вызовы современной эпохи, данная инициатива демонстрирует как концептуальную совместимость, так и функциональную взаимодополняемость с Повесткой-2030 в аспектах базовых принципов, целевых установок, ключевых направлений и механизмов реализации, интегрируя универсальные цели устойчивого развития с институциональными преимуществами китайской модели развития.

Стратегическая конвергенция концептуальных принципов

Любая повестка развития представляет собой синтез концептуальных основ и практических механизмов. Базовые ценностные ориентиры, воплощённые в концептуальных принципах, определяют целеполагание и вектор реализации. Как Инициатива глобального развития, так и Повестка-2030 рассматривают достижение устойчивого развития и повышение общего благосостояния человечества в качестве фундаментальной цели, что представляет собой системный ответ на вызовы унилатерализма.

Повестка-2030 чётко формулирует «5Р» – Человек (People), Процветание (Prosperity), Планета (Planet), Мир (Peace) и Партнёрство (Partnership) – подчёркивая необходимость совместных действий всех государств (включая развивающиеся и развитые) для обеспечения принципа «не оставить ни одну страну и ни одного человека позади» [12, с. 36–39].

Инициатива глобального развития, будучи концептуальным воплощением идеи сообщества единой судьбы человечества, предлагает ответы на ключевые вызовы современности, фокусируясь на наиболее актуальных проблемах глобального развития. Особое внимание уделяется удовлетворению запросов развивающихся стран.

Шесть основополагающих принципов Инициатив глобального развития – приоритет развития, ориентация на человека, инклюзивность и всеобщая выгода, инновационный драйв, гармония человека и природы, ориентация на действия – синтезируют ключевые элементы китайского опыта модернизации, обладая при этом универсальной значимостью. Эти принципы не только развивают концепцию «5Р» Повестки-2030, но и создают операциональные механизмы для её практической реализации.

Высокая степень совпадения целей действий

В первую очередь это связано с изначальной интеграцией ГИР в рамки многосторонней системы ООН: выдвинутая на Генеральной Ассамблее, инициатива сфокусирована на рекаливровке глобальной повестки развития через повторное обязательство по достижению ЦУР, ревитализацию транснационального партнёрства и реактивацию механизмов международного сотрудничества.

Второй аспект конвергенции заключается в общей приверженности принципам инклюзивного мультилатерализма, где обе инициативы признают координирующую роль ООН. Созданная по инициативе Китая «Группа друзей ГИР», объединившая по состоянию на 2024 год 82 государства-участника, стала ключевым инструментом синхронизации усилий, обеспечивающим институциональную согласованность между ГИР и системами развития ООН [7].

Наконец, концептуальное единство проявляется в ориентации на триадную модель развития, сочетающую баланс интересов, социальную инклюзивность и экологическую устойчивость. Обе рамки направлены на преодоление структурных дисфункций глобальной системы – дефицита ресурсов, пространственных асимметрий и экологических дисбалансов, – предлагая в качестве финальной цели построение сообщества общей судьбы. Данная модель подразумевает развитие, ориентированное на антропоцентрические приоритеты, опирающееся на коллективное участие и гарантирующее справедливое распределение результатов прогресса.

Глубокая взаимосвязь конкретных сфер

Инициатива глобального развития демонстрирует глубокую тематическую взаимосвязь с Целями устойчивого развития (ЦУР), интегрируя опыт модернизации Китая и императивы развивающихся стран. Опираясь на 17 целей и 169 конкретных задач Повестки-2030, Инициатива глобального развития определила восемь ключевых направлений сотрудничества: сокращение бедности, продовольственная безопасность, борьба с пандемиями и вакцинация, мобилизация финансирования развития, климатические изменения и зелёный переход, индустриализация, цифровая экономика и цифровая взаимосвязанность.

Эти приоритетные области демонстрируют высокую степень соответствия с ЦУР 1 (ликвидация бедности), 2 (нулевой голод), 3 (здоровье), 8 (достойный труд), 9 (инфраструктура), 10 (сокращение неравенства), 12 (ответственное потребление), 13 (климат), 15 (экосистемы суши) и 17 (партнёрство). Такая конвергенция обеспечивает целевое содействие реализации Повестки-2030, особенно в контексте фокусировки развивающихся

стран на операционализации стратегических задач [11, с. 19–30].

При этом Инициатива глобального развития акцентирует внимание на учёт потребностей уязвимых групп – молодёжи и женщин, – тем самым концептуально отве-

чая на требование ООН о синергетической взаимосвязанности ЦУР. Через углубление межотраслевого сотрудничества в рамках восьми направлений Инициатива обеспечивает комплексное содействие достижению всех 17 Целей устойчивого развития (рис. 1).

Ключевые направления	ЦУР 1	ЦУР 2	ЦУР 3	ЦУР 8	ЦУР 9	ЦУР 10	ЦУР 12	ЦУР 13	ЦУР 14	ЦУР 15	ЦУР 17
ИГР											
Сокращение бедности	●										
Продовольственная безопасность		●									
Пандемический ответ и вакцинация			●								
Изменение климата и зелёное развитие							●	●	●	●	
Индустриализация					●						
Цифровая экономика				●			●				
Интерконнективность					●						●

Рис. 1. Сопоставление направлений деятельности Инициативы глобального развития с ЦУР 30

Примечание: ИГР – Инициатива глобального развития.

Ранние достижения Инициативы глобального развития

За последние годы при совместных усилиях Китая и стран-партнёров Инициатив глобального развития достигла серии конкретных результатов на начальном этапе реализации. Становится всё более очевидным её каталитический эффект в контексте реализации Целей устойчивого развития ООН (ЦУР), проявляющийся в ускорении достижения ключевых показателей Повестки-2030.

Согласно докладу «Отчёт о ходе реализации Инициатив глобального развития», опубликованному Китайским центром знаний о международном развитии 20 июня 2023 года, по состоянию на июнь 2023 года половина из 32 практических инициатив, перечисленных в «Перечне результатов Диалога высокого уровня по глобальному развитию» (2022), была полностью реализована или достигла первоначальных результатов. Из 50 проектов, включённых в первую версию Банка проектов Инициатив глобального развития, представленную на министерской встрече «Группы друзей Инициатив глобального развития» в сентябре 2022 года, более 10 завершены, а остальные активно реализуются. На текущий момент общее количество проектов в Банке превысило 100, причём около 40 развивающихся стран уже получают от них практическую выгоду. За прошедший год правительство Китая инициировало 1 000 программ развития человеческого капитала, предоставив 20 000 учебных квот, что обеспечило охват практически всех стран-участниц «Группы друзей» [5].

С момента выдвижения Инициатив глобального развития её поддержали более 100 государств и ряд международных организаций. В рамках инициативы были подписаны ключевые документы, включая Совместное заявление по случаю 30-летия установления диалоговых отношений между Китаем и АСЕАН и Совместное заявление совещания министров иностранных дел Китая и стран Тихоокеанского региона.

Многие международные эксперты и учёные подчёркивают, что выдвижение Инициатив глобального развития представляет собой своевременный ответ на системные вызовы глобального развития. В частности следующее.

- 1. Инициатива способствует ликвидации абсолютной бедности и акселерации устойчивого развития через призму конкретных проектов.
- 2. Она реагирует на структурный дефицит развития, синхронизируясь с глобальными трендами в области устойчивости и технологических инноваций.
- 3. В отличие от нормативов развития, оторванных от реалий развивающихся стран, Инициатива глобального развития устанавливает повышение качества жизни населения в качестве ключевого критерия эффективности. Данный подход демонстрирует высокую привлекательность для широких слоёв населения, включая страны Африканского континента.

Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш отметил: «Инициатива, выдвинутая Председателем Си Цзиньпином, направлена на ревитализацию глобальных усилий по достижению Целей устойчивого развития (ЦУР)... Данная инициатива внесёт существенный вклад в преодоление общих вызовов и ускорение построения инклюзивного и устойчивого будущего. Ради благополучия нынешних и будущих поколений, а также планеты, которая является нашим общим домом, мы должны объединить усилия для возвращения ЦУР в русло реализации» [9].

С одной стороны, Инициатива глобального развития стимулировала рекалибровку глобальной повестки развития, актуализировав внимание международного сообщества к вопросам социально-экономического прогресса, особенно в развивающихся странах. С другой стороны, инициатива укрепила многостороннюю солидарность, способствуя возобновлению обязательств по реализации Повестки-2030. Наконец, ГИР инициировала призыв к координированным коллективным действиям для решения неотложных глобальных проблем, включая: продовольственную безопасность, пандемию

COVID-19, мобилизацию развития, и климатические изменения и экологическую трансформацию.

Таким образом, инициатива сформировала стратегический ответ на системные вызовы, синхронизируя глобальные приоритеты с операциональными потребностями развивающихся экономик, что подтверждает её роль как катализатора инклюзивного развития в условиях полицентричного миропорядка.

Заключение

Ускорение комплексной институциональной конвергенции Инициатив глобального развития с Повесткой-2030 отвечает стратегическим императивам Китая, ООН и международного сообщества в контексте глобального управления развитием. С точки зрения КНР, данная конвергенция представляет собой ключевой элемент реализации национальной стратегии развития и дипломатии великой державы с китайской спецификой, выступая операциональным механизмом продвижения концепции «сообщества единой судьбы человечества» через многосторонние институты. Для ООН синхронизация Инициатив глобального развития с Повесткой-2030 служит не только инструментом операционализации Целей устойчивого развития, но и стратегическим рычагом укрепления своей системообразующей роли в архитектуре глобального управления, что особенно актуально в условиях растущей фрагментации международного сотрудничества. Международное сообщество, в свою очередь, рассматривает данный процесс как институциональный ответ на структурные дисбалансы мировой экономики: через формализацию обязательств по ЦУР, создание многосторонних инвестиционных платформ и реализацию принципа «развитие для всех» конвергенция способствует преодолению разрыва Север-Юг, реактивации глобального партнёрства и синхронизации национальных, региональных и транснациональных приоритетов в парадигме устойчивого развития. Таким образом, взаимодействие Инициатив глобального развития и Повестки-2030 формирует мегатренд посткризисного мироустройства, интегрируя китайский опыт модернизации, мандат ООН по координации развития и коллективные запросы развивающихся экономик в единую логику глобального прогресса.

За почти четыре года с момента выдвижения Инициатив глобального развития был достигнут значительный прогресс в консолидации международного консенсуса о кооперативном развитии, формировании новой парадигмы международного сотрудничества и инъекции новых импульсов в восстановление мировой экономики. На перспективу дальнейшая реализация Инициатив глобального развития требует углубления концептуальных основ, оптимизации институциональной координации и расширения платформенной инфраструктуры, что позволит усилить её вклад в достижение Целей устойчивого развития ООН до 2030 года, трансформацию архитектуры мировой экономико-политической системы и формирование новой полицентричной модели глобального развития [6, с. 1–9].

Литература

1. Большаков С.Н. Приоритеты мировой политики и международные инициативы китайской народной республики // Власть. 2024. № 6. С. 171–178.
2. Песцов С.К. Состязание в дискурсивной силе: глобальная инициатива развития Китая // Россия и АТР. 2024. № 3. С. 62–83.
3. Li Jingchen. China's "Three Global Initiatives" within the Framework of the "Community of Shared Future for Mankind" Concept // Russia in the global world. 2024. № 27. P. 7–23. = Ли Цзинчэн. Три глобальные инициативы Китая в рамках концепции «Сообщества единой судьбы человечества» // Россия в глобальном мире. 2024. № 27. С. 7–23.
4. UN chief says race to reach SDGs 'can and must' be turned around = Глава ООН заявил, что гонку по достижению ЦУР «можно и нужно» переломить. [Электронный ресурс] // Новости ООН. – URL: <https://www.un.org/en/desa/HLPF-Ministerial-Segment-2021> (дата обращения: 05.02.2025).
5. 《全球发展倡议落实进展报告》在北京发布 = Доклад о ходе реализации Инициатив глобального развития, представленный в Пекине [Электронный ресурс] // Китайская правительственная сеть. – URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202306/content_6887479.htm (дата обращения: 19.05.2025).
6. 洪向华, 冯文燕. 全球发展倡议的战略逻辑与实践路径 // 亚太经济. 2024年第4期. 第1–9页. = Хун Сянхуа, Фэн Вэньян. Стратегическая логика и практический путь Инициатив глобального развития // Экономика Азиатско-Тихоокеанского региона. 2024. № 4. С. 1–9. (на кит. яз.)
7. 王毅出席“全球发展倡议支持全球南方—中国在行动”主题发布活动 = Ван И принимает участие в мероприятии, посвященном презентации «Инициатива глобального развития в поддержку глобального Юга – Китай в действии». [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/gjhdq_676201/gj_676203/bmz_679954/1206_680204/xgxw_680210/202409/t20240926_11498136.shtml (дата обращения: 17.05.2025).
8. 习近平出席第七十六届联合国大会一般性辩论并发表重要讲话 = Си Цзиньпин принял участие в общих прениях 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН и выступил с важной речью. [Электронный ресурс] // Китайская правительственная сеть. – URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-09/22/content_5638596.htm (дата обращения: 17.01.2025).
9. 携手推动全球发展倡议走深走实 = Совместная работа по продвижению инициатив глобального развития [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао онлайн. – URL: <http://world.people.com.cn/n1/2023/0625/c1002-40020500.html> (дата обращения: 17.05.2025).
10. 张贵洪. 全球发展倡议赋能联合国2030年可持续发展议程 // 全球治理与国际格局. 2024年第8期. 第16–21页. = Чжан Гуйхун. Инициатива глобального развития, направленные на расширение возможностей ЦУР 30 ООН // Глобальное управление и международный уклад. 2024. № 8. С. 16–21. (на кит. яз.)
11. 赵若祯, 张贵洪. 全球发展倡议对接2030年可持续发展议程: 内涵、动力与路径 // 湖北社会科学. 2022年第6期. 第19–30页. = Чжао Жуочжэнь, Чжан Гуйхун. Инициатива глобального развития, связанные с ЦУР 30: коннотация, динамика и путь // Общественные науки Хубэя. 2022. № 6. С. 19–30. (на кит. яз.)
12. 周太东, 余璐. 落实全球发展倡议, 推动走好可持续发展议程“下半程” // 可持续发展观察. 2023年第8期. 第36–39页. = Чжоу Тайдун, Юй Лу. Реализация Инициатива глобального развития и достижение значительного прогресса во второй половине реализации ЦУР 30 // Наблюдение за устойчивым развитием. 2023. № 8. С. 36–39. (на кит. яз.)

THE ROLE OF GLOBAL DEVELOPMENT INITIATIVES IN SUPPORTING THE IMPLEMENTATION OF SDG-30

Wang Huiru

Saint Petersburg State University

The article analyzes the role of the Global Development Initiative, launched by China in 2021, in the context of implementing the 2030 Agenda for Sustainable Development. The author emphasizes that the Global Development Initiative, based on the concept of a “community with a shared future for mankind,” demonstrates a high degree of convergence with the Sustainable Development Goals (SDGs) in three key dimensions: conceptual principles, objectives for action, and specific areas. This initiative synthesizes the experience of China’s modernization with global imperatives, guiding multilateral cooperation to overcome development crises exacerbated by geopolitical confrontation and climate destabilization through the institutionalization of collective action. At the current stage, the Global Development Initiative has already achieved a series of interim results, confirming its catalytic role in accelerating the achievement of the SDGs. The conclusion justifies the need for accelerated integration of the Global Development Initiative with SDG-30 through deepening the conceptual foundations of sustainable development, optimizing coordination mechanisms with international organizations, and expanding platform solutions, which will enhance its transformative potential in the context of achieving global goals, restructuring the global economic and political architecture, and forming a polycentric development model that meets the requirements of an era of systemic transformations.

Keywords: global development initiatives, SDG-30, society of the Common Destiny of Humanity, international relations, foreign policy, international cooperation.

References

1. Bolshakov S.N. Priorities of world politics and international initiatives of the People’s Republic of China // *Vlast*. 2024. № 6. С. 171–178. (In Russian)
2. Hong Xianghua, Feng Wenyan. Strategic Logic and Practical Path of Global Development Initiatives // *Asia-Pacific Economy*. 2024, № 4. P. 1–9. (In Chinese)
3. Li Jingchen. China’s “Three Global Initiatives” within the Framework of the “Community of Shared Future for Mankind” Concept // *Russia in the global world*. 2024. № 27. P. 7–23.
4. Pestsov S.K. Competition in discursive power: China’s global development initiative // *Russia and APR*. 2024. № 3. С. 62–83. (In Russian)
5. Progress Report on the Global Development Initiatives, presented in Beijing // *China Government Network*. – URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202306/content_6887479.htm (In Chinese)
6. UN chief says race to reach SDGs ‘can and must’ be turned around // *UN News*. – URL: <https://www.un.org/en/desa/HLPF-Ministerial-Segment-2021>
7. Wang Yi attended the launch event on the theme “Global development initiatives in support of the global South – China in action”. // *Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China*. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/gjhdq_676201/gj_676203/bmz_679954/1206_680204/xgxw_680210/202409/t20240926_11498136.shtml (In Chinese)
8. Working together to advance global development initiatives // *People’s Daily Online*. – URL: <http://world.people.com.cn/n1/2023/0625/c1002–40020500.html> (In Chinese)
9. Xi Jinping attends the general debate of the seventy-sixth session of the General Assembly of the United Nations and delivers an important speech. // *China Government Network*. – URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021–09/22/content_5638596.htm (In Chinese)
10. Zhang Guihong. Global Development Initiatives Empowering the United Nations 2030 Agenda for Sustainable Development // *Global Governance and the International Landscape*. 2024, № 8. P. 16–21. (In Chinese)
11. Zhao Ruozhen, Zhang Guihong. Global development initiatives buttressing the 2030 Agenda for Sustainable Development: connotation, dynamics and path // *Hubei social science*. 2022, № 6. P. 19–30. (In Chinese)
12. Zhou Taidong, Yu Lu. Implementing global development initiatives and promoting the “second half” of the Agenda for Sustainable Development // *Sustainable Development Watch*. 2023, № 8. P. 36–39. (In Chinese)

Китайско-российское гуманитарное сотрудничество: история и современность

Гэн Цзяхуань,

магистр, Научно-исследовательский центр русской филологии и культуры, Хэйлунцзянский университет
E-mail: 1654546183@qq.com

Ху Вэйвэй,

доктор философских наук, главный научный сотрудник, Научно-исследовательский центр русской филологии и культуры, Хэйлунцзянский университет
E-mail: hwwde2003@163.com

Китай и Россия, являясь постоянными членами Совета Безопасности ООН, а также участниками ШОС, БРИКС и других ключевых международных структур, играют значительную роль в обеспечении устойчивого мирового развития. Динамика двусторонних отношений оказывает непосредственное влияние на формирование международного порядка и определение глобальной повестки дня. В последние годы китайско-российское сотрудничество вышло на новый уровень благодаря реализации совместных проектов в различных сферах. Особое внимание стороны уделяют развитию гуманитарного взаимодействия. 16 мая 2024 года Президент Российской Федерации В.В. Путин совершил государственный визит в КНР, в рамках которого состоялось открытие Годов культуры России и Китая 2024–2025. По итогам визита была принята обновленная редакция Совместного заявления, в котором подчеркивается особая роль гуманитарных обменов в углублении взаимопонимания и укреплении дружественных связей между народами двух стран. В данном исследовании анализируется эволюция китайско-российского гуманитарного сотрудничества, выявляются характерные черты его современного этапа, а также рассматриваются существующие проблемы. Полученные результаты могут служить теоретической основой для разработки практических рекомендаций по дальнейшему углублению двустороннего гуманитарного диалога.

Ключевые слова: гуманитарное сотрудничество; китайско-российские отношения; Годы культуры России и Китая; гуманитарный обмен; Китай; Россия; механизм гуманитарного сотрудничества; культура

Проведение Годов культуры двух стран станет новым импульсом для углубления культурного сотрудничества между странами. В мае 2024 года стороны приняли обновлённую Совместную китайско-российскую декларацию, акцентирующую ключевую роль гуманитарных обменов в углублении взаимопонимания и укреплении дружбы между народами [1].

Историческое развитие китайско-российского гуманитарного сотрудничества

Китай и Россия, являясь великими державами с богатейшим культурным наследием, имеют многовековую историю культурного сотрудничества. Формальные контакты между двумя странами оформились в середине XVII века, что в 1689 году привело к подписанию Нерчинского договора, регулировавшего пограничные вопросы. Важным аспектом раннего сотрудничества стало развитие лингвистического взаимодействия. Отсутствие квалифицированных переводчиков с русского языка побудило императора Канси в 1708 году учредить «Школу русского языка при Дворцовой канцелярии» – первое в Китае специализированное учреждение по подготовке лингвистов-русистов. К 1860 году, в условиях расширения международных связей, цинское правительство преобразовало эту школу в многоязычный «Тунвэньгуань». Параллельно в связи с нехваткой в России специалистов по китайскому и маньчжурскому языкам, значительное число российских студентов было направлено в «Гоцзыцзянь» для изучения китайского языка. Это способствовало формированию в России корпуса профессиональных китаистов. Также в Российской империи открывались курсы китайского и маньчжурского языков, а к середине XIX века эти дисциплины были институционализированы в систему высшего образования.

Особую роль в культурном обмене сыграла деятельность Русской духовной миссии в Пекине. Первая миссия прибыла в 1715 году, а после подписания Кяхтинского договора (1727) была направлена вторая. Всего за последующие два столетия Российская империя организовала 20 таких миссий, которые способствовали распространению русского языка, развитию китаеведения и становлению востоковедного образования [2, с. 8].

В эпоху Цин значительного развития достигли и литературные обмены. Работа Ту Личэня «Записки о чужих землях» («И юй лу»), содержащая этнографические и бытовые описания российских территорий, представляет собой ценный источник для изучения истории российского регионоведения в Китае [3, с. 318].

Победа Октябрьской революции 1917 года оказала значительное влияние на распространение марксистской идеологии в Китае, стимулировав развитие общественной мысли. В период Китайской Республики (1912–1949 гг.) наблюдалась интенсификация советско-китайских гуманитарных обменов в сферах литературы, искусства и образования, которые характеризовались активным участием видных деятелей китайской культуры. В идеологической сфере Мао Цзэдун, Ли Дачжао и Цюй Цюбай внесли существенный вклад в распространение марксизма в Китае. В литературной

области Лу Синь, Гэн Цзичжи и Цао Цзинхуа занимались переводами русской литературы. В театральном искусстве стоит отметить визит Мэй Ланьфана в СССР и начало распространения системы Станиславского в Китае. Важной особенностью гуманитарных обменов этого периода стало массовое изучение русского языка [3, с. 430], что заложило основу для дальнейшего развития русистики и китайского регионоведения, посвящённого России.

После образования Китайской Народной Республики (КНР) гуманитарные обмены между Китаем и СССР (позднее – Россией) вступили в новый этап развития, демонстрируя различные характеристики на разных исторических этапах: от тесного сотрудничества до всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, переходящих в современную эпоху. На начальном этапе существования КНР гуманитарные взаимодействия были отмечены сильной идеологической составляющей. Политика «полного присоединения» к СССР привела к некоторой пассивности Китая в культурном обмене и некритическому заимствованию советских культурных моделей и информации. После осознания проблемы догматического копирования, в 1958 году Мао Цзэдун указал на необходимость критического подхода к усвоению и преодолению догматического мышления [4, с. 423]. Таким образом, гуманитарные обмены между КНР и СССР после 1949 года характеризовались подчинённостью политическим задачам и сильной зависимостью от межгосударственных политических отношений [4, с. 424].

Несмотря на политизированность, культурное взаимодействие отличалось разнообразием форм и широким охватом. Обмен делегациями в ходе важных праздников и мероприятий способствовал углублению культурной интеграции через личные контакты [4, с. 418]. Советские специалисты внесли значительный вклад в период становления КНР, однако в ряде случаев предлагаемые ими проекты оказались неадекватными [4, с. 419]. В период резкого ухудшения отношений в 1960-х годах и официального разрыва в 1966 году гуманитарные контакты сократились, практически прекратившись к моменту распада СССР и сохраняя определенную периодичность в зависимости от колебаний политического климата.

После распада СССР уровень партнерства между Китаем и Россией неуклонно возрастал. Китайско-российские отношения вступили в новую историческую фазу развития, характеризующуюся расширенными возможностями и вызовами. Гуманитарное сотрудничество между двумя странами непрерывно углубляется, совершенствуются масштабы, сферы и институциональные механизмы взаимодействия.

Особенности современного гуманитарного сотрудничества между Китаем и Россией

Современное гуманитарное сотрудничество между Китаем и Россией характеризуется рядом характерных черт, отражающих новый этап в двусторонних отношениях.

Во-первых, гуманитарное сотрудничество отличается многообразием форм при ведущей роли государства. Правительства Китая и России играют ключевую роль в развитии культурных обменов. После распада СССР в 1991 году значимость гуманитарной сферы в двусторонних отношениях заметно возросла, что подтверждается активным участием высшего руководства обеих стран в соответствующих мероприятиях (см. рис. 1 и рис. 2).

Рис. 1

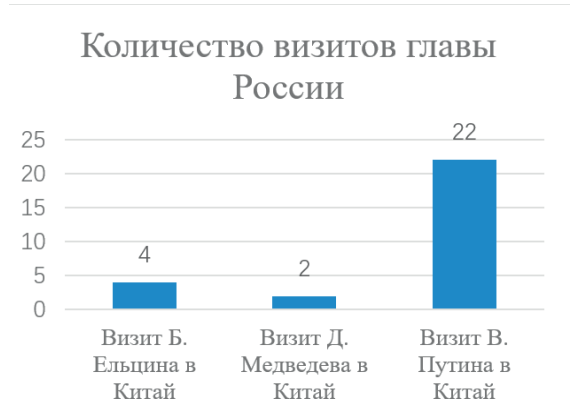

Рис. 2

Источники: составлены автором на основе [5]

Анализ взаимных визитов лидеров показывает их важную роль в продвижении гуманитарных обменов и сотрудничества между двумя странами. Отмечается устойчивая тенденция к увеличению частоты таких визитов. По состоянию на 17 мая 2024 года лидеры Китая и России провели более 40 встреч. Количество визитов В.В. Путина в Китай превышает аналогичный показатель для лидеров других стран мира, а число посещений России Председателем Си Цзиньпином также является одним из самых высоких среди глав других государств [5]. Знаковым проектом стали мероприятия, проводимые в рамках тематических годов государственного значения. Эти инициативы, реализуемые при прямой поддержке правительств, не только отражают консенсус лидеров двух стран в отношении продвижения гуманитарных обменов, но и являются важной стратегической мерой, направленной на укрепление дружественных отношений [6].

Во-вторых, наблюдаются крупномасштабность, широкий охват и многопрофильность сотрудничества. Масштаб китайско-российского сотрудничества в гуманитарной сфере значительно возрос по мере укрепления двусторонних отношений. В рамках Года культуры Китая и России в 2024–2025 годах в более чем 50 городах Китая и 30 городах России было проведено свыше 150 гуманитарных мероприятий, что способствовало углублению взаимопонимания и укреплению дружественных связей между народами двух стран [7]. В кинематографе совместная постановка фильма «Красный шёлк», посвящённого боевому братству китайских и советских воинов, собрала 688 млн рублей после премьеры 20 февраля 2025 года [8]. В театральной сфере китайские и российские артисты осуществили совместную постановку

оперы «Евгений Онегин» в 2025 году [9]. В туристической отрасли количество китайских граждан, посетивших Россию в 2024 году, достигло 848 тыс. человек, что в 3,2 раза превысило показатели 2023 года. В рамках безвизового группового туризма компании приняли свыше 550 тыс. китайских туристов, а также обслужили десятки тысяч туристов с обычными визами [10]. Благодаря транспортной доступности, безвизовому режиму и привлекательным ценам, число российских туристов на Хайнане увеличилось в 10 раз, достигнув 178,4 тыс. человек [11]. В образовательной сфере китайский язык преподается в более чем 140 вузах, 19 Институтах Конфуция и 220 школах на территории России [12].

В-третьих, механизмы культурного сотрудничества постоянно совершенствуются. Система китайско-российского гуманитарного взаимодействия формируется при государственном регулировании, нормативно-правовой поддержке, активном участии институтов и гражданского общества. Ключевыми элементами этой системы являются подписание ряда соглашений о гуманитарном сотрудничестве, соглашений о взаимном признании образования и введение безвизовых режимов для отдельных городов двух стран. В 2000 году была учреждена Российско-китайская комиссия по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта, преобразованная в 2007 году в Российско-китайскую комиссию по гуманитарному сотрудничеству. По данным 23-го заседания Комиссии, за период 2018–2023 гг. было реализовано около 2000 совместных инициатив, включая 116 совместных образовательных программ. Сотрудничество в других областях также продолжало углубляться [13].

циатив, включая 116 совместных образовательных программ. Сотрудничество в других областях также продолжало углубляться [13].

Существующие проблемы в гуманитарном сотрудничестве Китая и России

Несмотря на значительный энтузиазм сторон в развитии гуманитарного сотрудничества и накопленный за годы совместной работы опыт, сохраняется ряд проблем, требующих решения.

Развитие регионального сотрудничества происходит неравномерно и имеет нераскрытый потенциал. Гуманитарное взаимодействие между Китаем и Россией в основном концентрируется в приграничных регионах, таких как северо-восточные провинции Китая и Синьцзян-Уйгурский автономный район. По данным на октябрь 2024 года, между двумя странами было заключено 167 соглашений о побратимских связях на уровне провинций, автономных районов и городов, а также десятки межрегиональных договорённостей. По данным Китайской народной ассоциации дружбы с зарубежными странами (см. рис. 3), большинство китайско-российских пар городов-побратимов расположены в северо-восточных провинциях Китая, автономном районе Внутренняя Монголия и Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Наибольшее количество партнёрских связей с российскими регионами установила провинция Хэйлунцзян – до 27 соглашений [14].

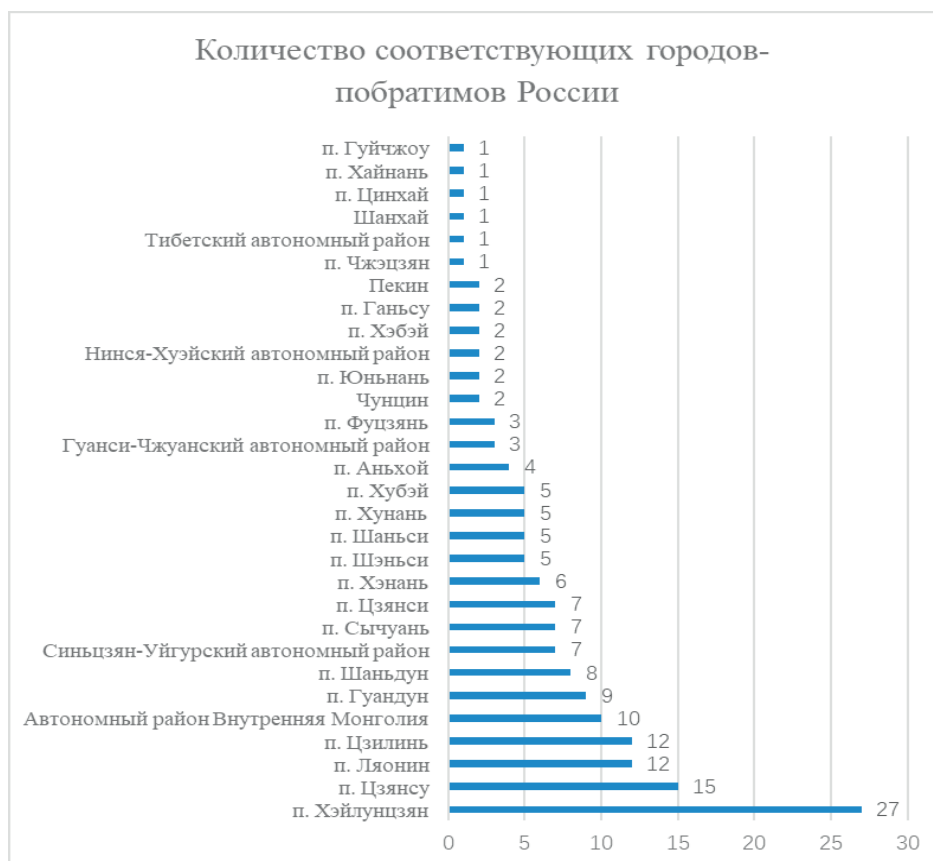

Рис. 3. Количество соответствующих городов-побратимов России

Источники: составлено автором на основе [14]

Прибрежные регионы Китая также имеют значительное количество городов-побратимов с Россией. Эти регионы отличаются богатым культурным наследием, включая такие объекты, как настенные росписи пещер Могао и артефакты пещеры сокровищниц в Дуньхуане,

руины дворца Вэйян в Чаньане, дворец Потала в Тибете и древний город Лицзян в провинции Юньнань. С российской стороны города-побратимы преимущественно расположены на Дальнем Востоке и в экономически развитых регионах. По данным издания Гуаньча, большинство китайских туристов предпочитают посещать Москву, Иркутск и Санкт-Петербург, однако наблюдается

тенденция к увеличению посещаемости Дальнего Востока и арктических регионов России. Российские территории, такие как арктическая зона, Северо-Кавказ, Верхнее Поволжье, глубинка Сибири, прибалтийское побережье [15], также обладают значительным потенциалом для развития природно-культурного обмена.

Еще одним важным фактором, влияющим на развитие гуманитарного сотрудничества, является ограниченная медиа-дистрибуция и разное восприятие информации гражданами двух стран. Китайско-российское медиа-сотрудничество играет значительную роль в гуманитарном взаимодействии и является ключевым драйвером культурного обмена. В 2001 году Китай запустил двуязычный сайт «Россия-Китай», а газета «Жэньминь жибао» представила русскоязычную версию. В 2006 году агентство «РИА Новости» открыло китайскоязычный новостной портал в КНР. В 2017 году российское подразделение CGTN и информационное агентство «Россия сегодня» совместно разработали двуязычный портал и приложение «Китайско-российские топ-новости». Однако, в целом, сотрудничество между СМИ двух стран преимущественно осуществляется крупными государственными медиа. Основное внимание СМИ уделяется освещению крупным политико-экономическим событиям, что формирует у аудитории относительно узкий спектр восприятия [16, с. 51]. Традиционные СМИ остаются доминирующими, что ограничивает интерактивность. В эпоху расцвета социальных медиа требуется расширение народных коммуникационных платформ для преодоления культурных барьеров. Создание контента должно учитывать запросы граждан, аккуратно нивелировать предубеждения через качественные культурные проекты, сохраняя акцент на базовых политико-экономических темах [16, с. 55].

Также необходимым условием дальнейшего развития гуманитарного сотрудничества является совершенствование правовых механизмов. Юридическое обеспечение взаимных интересов, особенно в вопросах защиты интеллектуальной собственности, является ключевым аспектом культурного обмена. Следует отметить, что основные двусторонние документы, регулирующие гуманитарное сотрудничество, носят рамочный характер и не обладают законодательной обязывающей силой на национальном уровне. В сфере защиты интеллектуальной собственности, несмотря на подписание 12 октября 2024 года нового Меморандума о взаимопонимании по обмену информацией, проблема интернет-пиратства продолжает оставаться актуальной [17]. В туристическом сотрудничестве наблюдаются такие проблемы, как неоднородность стандартов обслуживания гидов, наличие непрозрачности ценообразования туристических услуг и снижение качества экскурсий из-за языкового барьера [18, с. 57]. В образовательной сфере существуют такие недостатки, как несовершенство законодательной базы интернационализации высшего образования, несогласованность межведомственных регламентов, отсутствие специализированной системы оценки совместных учебных программ и недостаточный контроль за реализацией проектов [19, с. 100].

Заключение

Несмотря на существующие вызовы, китайско-российское гуманитарное сотрудничество обладает значительным потенциалом для развития в таких областях, как наука, здравоохранение и цифровая сфера. Как отметила председатель китайской части Китайско-Российского комитета гуманитарного сотрудничества Чэнь Ицзинь, к 75-летию установления дипломатических отношений

требуется реализация достигнутых договоренностей между лидерами двух стран, совместное проведение «Годов культуры» и создание новых форматов качественного сотрудничества [20].

Литература

1. Совместное заявление КНР и Российской Федерации об углублении всеобъемлющего стратегического партнерства в новую эпоху по случаю 75-летия установления дипломатических отношений // МИД КНР. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/202405/t20240516_11305860.shtml (дата обращения: 04.04.2025)
2. Сяо Юйцю. Духовные миссии Российской империи и культурные обмены в Цинскую эпоху. – Тяньцзинь: Тяньцзиньское народное издательство. 2009. – 310 с.
3. Сяо Юйцю и др. История китайско-российских культурных обменов: цинский период и эпоха Китайской Республики. – Тяньцзинь: Тяньцзиньское народное издательство. 2016. – 563 с.
4. Юй Вэй. История китайско-российских культурных обменов: период Китайской Народной Республики. – Тяньцзинь: Тяньцзиньское народное издательство. 2016. – 449 с.
5. Количество встреч Путина с китайским руководителем // Sputnik. URL: <https://sputniknews.cn/20240517/1059107914.html> (дата обращения: 04.04.2025)
6. Ван Цзясэ. Совместные тематические годы: новая глава в истории китайско-российской дружбы // Гуанмин жибао. URL: https://epaper.gmw.cn/gmrb/html/2018-01/30/nw.D110000gmrb_20180130_1-12.htm (дата обращения: 04.04.2025)
7. Путин рассказал о перекрёстных годах культуры России и Китая // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20250508/putin-2015794719.html> (дата обращения: 10.05.2025)
8. Чжан Хун. Гуманитарные связи – основа устойчивого развития китайско-российских отношений // Жэньминь жибао (зарубежное издание). – 08.05.2025. – № 006.
9. Лю Шаша. Культурные обмены между Китаем и Россией пополнились новыми достижениями // Шэньчжэнь Тецуй Бао. – 02.05.2025. – № A01.
10. Ассоциация туроператоров России: число китайских туристов в РФ выросло в 3,2 раза в 2024 году // Sputnik Китай. URL: <https://sputniknews.cn/20250210/1064025718.html> (дата обращения: 04.04.2025)
11. Чжао Чжипэн. Российские СМИ: стремительный рост числа россиян, отдыхающих на Хайнане // FX361. URL: <https://www.fx361.com/page/2025/0318/26055592.shtml> (дата обращения: 04.04.2025)
12. Гэн Пэньюй. Гуманитарные связи укрепляют узы взаимопонимания между китайским и российским народами // Синьхуа Мэйжи Дяньсюнь. – 07.05.2025. – № 003.
13. Непрерывное углубление китайско-российского гуманитарного сотрудничества // Официальный сайт Госсовета КНР. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2023-03/20/content_5747517.htm (дата обращения: 15.07.2024)
14. Обзор городов-побратимов в Китае // Китайская народная ассоциация дружбы с границей. URL: https://cpaffc.org.cn/index/friend_city/index/lang/ (дата обращения: 15.07.2024)

15. Сун Хуншань. 731800 посещений! Этот регион пользуется большой популярностью у китайских туристов // Гуаньча. URL: https://www.guancha.cn/qiche/2024_11_15_755488.shtml (дата обращения: 15.04.2025)
16. Шао Цзяньгуан, Сун Яо, Чжу Минтин. Актуальное состояние китайско-российского медийного сотрудничества и предложения по целевому информированию // Гоцзи Чуаньбо. – 2023. – № 2. – С. 49–58.
17. Россия и Китай подписали меморандум о взаимном обмене информацией в сфере интеллектуальной собственности // Sputnik Китай. URL: <https://sputniknews.cn/20241012/1062014656.html> (дата обращения: 08.04.2025)
18. Сабожникова Александра Сергеевна. Исследование китайско-российского туристического сотрудничества: магистерская диссертация // Харбин: Хэйлунцзянский университет. – 2020. – С. 57.
19. Цзинь Хуэйсинь, Цюй Ваньтао. Китайско-российское сотрудничество в сфере высшего образования // Журнал «Пояс и путь» – 2022. – Т. 12 – № 2. – С. 90–114.
20. Сяо Синьсинь. Проведено 25-е заседание Комитета по гуманитарному сотрудничеству Китая и России // Жэньминьван. 20.08.2024. URL: http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2024-08/20/nw.D110000renmrb_20240820_4-03.htm (дата обращения: 04.05.2025)

CHINESE-RUSSIAN HUMANITARIAN COOPERATION: HISTORY AND MODERNITY

Geng Jiahuan, Hu Weiwei
Heilongjiang University

China and Russia, as permanent members of the UN Security Council, as well as participants in the SCO, BRICS and other key international structures, play a significant role in ensuring sustainable global development. The dynamics of bilateral relations have a direct impact on shaping the international order and defining the global agenda. In recent years, Russia-China cooperation has reached a new level through the implementation of joint projects in various spheres. The two sides pay special attention to the development of humanitarian cooperation. On 16 May 2024, President of the Russian Federation Vladimir Putin paid a state visit to China, which included the opening of the Russia-China Years of Culture 2024–2025. Following the visit, an updated version of the Joint Statement was adopted, which emphasizes the special role of humanitarian exchanges in deepening mutual understanding and strengthening friendly ties between the peoples of the two countries. This study analyses the evolution of Russia-China humanitarian cooperation, identifies the features of its current stage, and examines the existing problems. The findings can serve as a theoretical basis for developing practical recommendations for further deepening bilateral humanitarian dialogue.

Keywords: humanitarian cooperation; Russia-China relations; Russia-China Years of Culture; humanitarian exchange; China; Russia; mechanism of humanitarian cooperation; culture.

References

1. Joint Statement of the PRC and the Russian Federation on Deepening Comprehensive Strategic Partnership in a New Era on the Occasion of the 75th Anniversary of the Establishment of Diplomatic Relations. Ministry of Foreign Affairs of the Peo-

- ple's Republic of China. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/202405/t20240516_11305860.shtml (accessed: 04.04.2025)
2. Xiao Yuqiu. Spiritual Missions of the Russian Empire and Cultural Exchanges in the Qing Era. – Tianjin: Tianjin People's Publishing House, 2009. – 310 p.
3. Xiao Yuqiu et al. History of China-Russia Cultural Exchanges: the Qing Period and the Era of the Republic of China. – Tianjin: Tianjin People's Publishing House, 2016. – 563 p.
4. Yu Wei. History of China-Russia Cultural Exchanges: the period of the People's Republic of China. – Tianjin: Tianjin People's Publishing House, 2016. – 449 p.
5. Number of meetings between Putin and the Chinese leader. Sputnik. URL: <https://sputniknews.cn/20240517/1059107914.html> (accessed: 04.04.2025)
6. Wang Jiase. Joint thematic years: a new chapter in the history of China-Russia friendship. Guangming Ribao. URL: https://epaper.gmw.cn/gmrb/html/2018-01/30/nw.D110000gmrb_20180130_1-12.htm (accessed: 04.04.2025)
7. Putin spoke about the crosscultural years of Russia and China. RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20250508/putin-2015794719.html> (accessed: 10.05.2025)
8. Zhang Hong. Humanitarian ties – the basis for sustainable development of China-Russia relations // Zhenmin zhibao (foreign edition). 08.05.2025. No. 006.
9. Liu Shasha. Cultural exchanges between China and Russia were enriched with new achievements // Shenzhen Special Zone Daily. 02.05.2025. No. A01.
10. Association of Tour Operators of Russia: the number of Chinese tourists in Russia increased by 3.2 times in 2024// Sputnik China. URL: <https://sputniknews.cn/20250210/1064025718.html> (accessed: 04.04.2025).
11. Zhao Zhipeng. Russian media: rapid growth in the number of Russians holidaying in Hainan // FX361. URL: <https://www.fx361.com/page/2025/0318/26055592.shtml> (accessed: 04.04.2025)
12. Geng Pengyu. Humanitarian ties strengthen the bonds of mutual understanding between the Chinese and Russian peoples // Xinhua Media Telegraph. 07.05.2025. No. 003.
13. Continuous deepening of China-Russia humanitarian co-operation // Official website of the State Council of the People's Republic of China. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2023-03/20/content_5747517.htm (accessed: 15.07.2024)
14. Chinese People's Association for Friendship with Foreign Countries. URL: https://cpaffc.org.cn/index/friend_city/index/lang/ (accessed: 15.07.2024)
15. Song Hongshan. 731,800 visits! This region is very popular with Chinese tourists // Guancha. 15.11.2024. URL: https://www.guancha.cn/qiche/2024_11_15_755488.shtml (accessed: 15.04.2025)
16. Shao Janguang, Song Yao, Zhu Mingting. Current State of China-Russia Media Cooperation and Suggestions for Targeted Information // Guoji Chuanbo. 2023. No. 2. pp. 49–58.
17. Russia and China signed a memorandum on mutual exchange of information in the field of intellectual property // Sputnik China. URL: <https://sputniknews.cn/20241012/1062014656.html> (accessed: 08.04.2025)
18. Alexandra Sergeevna Sabozhnikova. Research of Chinese-Russian tourist cooperation: master's thesis. Harbin: Heilongjiang University, 2020. p. 57.
19. Jin Huixin, Qiu Wantao. China-Russia cooperation in higher education // Belt and Road Journal. 2022. Vol.12, No. 2, pp. 90–114.
20. Xiao Xinxin. The 25th meeting of the Committee on Humanitarian Cooperation between China and Russia // Renminwang. URL: http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2024-08/20/nw.D110000renmrb_20240820_4-03.htm (accessed: 04.05.2025)

Движение Халистан как международная террористическая организация: критерии идентификации и анализ деятельности

Джигкаев Алан Хасанович,

лаборант-исследователь, Институт востоковедения РАН
E-mail: alan4land@gmail.com

Вопросы определения и противодействия международному терроризму остаются одними из наиболее актуальных в контексте современной глобальной безопасности. «Движение Халистан», стремящееся к созданию независимого сикхского государства, представляет собой сложный и неоднозначный случай, требующий тщательного анализа на предмет соответствия критериям террористической организации. В условиях участвовавших случаев нападений и угроз, связанных с этим движением, исследование его деятельности приобретает особую актуальность.

Статья посвящена анализу «движения Халистан» с целью определения его соответствия критериям международной террористической организации. Рассматриваются исторические предпосылки возникновения движения, его идеологическая база и эволюция, включая случаи применения насилия и террористических методов. Анализируется транснациональный характер движения, его деятельность в различных странах.

Ключевые слова: международный терроризм, движение Халистан, транснациональные угрозы, Южная Азия, экстремизм.

Введение

Проблема определения международного терроризма остается одной из наиболее дискуссионных в современной науке и практике международной безопасности. Несмотря на закрепление этого термина в национальных законодательствах практически всех стран, универсального определения, признанного на глобальном уровне, до сих пор не существует. Кроме того, границы между внутренним сепаратизмом, вооружённой борьбой за самоопределение и террористической деятельностью также остаются размытыми. Одним из примеров является движение за создание независимого государства Халистан, деятельность которого варьируется от политического активизма до насильственных акций.

В данной статье анализируется вопрос о том, соответствует ли деятельность халистанских организаций критериям международного терроризма. В центре исследования – структуры, связанные с этим движением, их тактика, идеология и транснациональные связи.

Актуальность исследования обусловлена ростом активности сторонников Халистана за пределами Индии, в первую очередь в Канаде, Великобритании и США. Возникает вопрос: являются ли эти организации частью глобальных террористических сетей или их деятельность следует рассматривать в рамках локального сепаратизма? Ответ на него важен как для оценки угроз безопасности Индии, так и для более широкого понимания эволюции современного терроризма.

Тема сикхского радикализма и его влияния на региональную безопасность нашла отражение в исследованиях как отечественных, так и зарубежных авторов, особенно индийских. Среди российских исследователей выделяются работы Демичев К.А., который детально рассмотрел вопросы истории сикхов и их претензий на национальное государство. В индийской академической среде тема, конечно, является более разработанной. В данной статье было особое внимание уделено работам Джетли Р., который в своих исследованиях сосредоточился именно на «движении Халистан» – его предпосылках и целях.

Тема выделения определения «терроризма» и «международного терроризма» также является широко разработанной. В данной статье особое внимание уделяется работам двух авторов: российского ученого, доктора юридических наук Волеводза А.Г. и швейцарского политолога, эксперта в области изучения феномена терроризма, Шмидта А.П.

Новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении деятельности халистанских группировок через призму критериев международного терроризма. В статье анализируются история и цели движения, сеть организаций, который возникли из него, их методы и сети.

Эмпирическая база исследования включает официальные данные индийских и международных спецслужб, материалы аналитических центров, открытые источники, а также исследования по теории терроризма и политического насилия.

Понятие международного терроризма

Терроризм – одна из самых серьезных угроз современности, оказывающая влияние на политику, экономику и социальную сферу и бросающая вызов всему мировому сообществу. Его опасность настолько велика, что государства создают международные коалиции, разрабатывают совместные стратегии противодействия и усиливают сотрудничество в области безопасности.

Однако, несмотря на глобальный масштаб проблем, до сих пор отсутствуют общепризнанные определения понятий «терроризм» и «международный терроризм». Это создает значительные трудности как для международного сотрудничества в борьбе с терроризмом, так и для научного анализа данного явления.

В академической среде существует множество подходов к определению терроризма. Одним из авторитетных специалистов в этой области является А.Г. Волеводз, который в своих трудах подчеркивает сложность выработки единого, общепризнанного определения терроризма, учитывая его многогранность и различные проявления. Волеводз отмечает, что отсутствие универсального определения затрудняет международное сотрудничество в борьбе с этим явлением [1, с. 42–62].

Согласно его исследованиям, ключевыми признаками терроризма являются:

1. Политический мотив: в отличие от обычной преступности, террористические акты направлены на достижение политических, идеологических или религиозных целей.
2. Насильственные методы: терроризм предполагает использование насилия или угрозы его применения для достижения поставленных целей.
3. Воздействие на общество и власть: главная цель террора не только в непосредственном ущербе, но и в создании атмосферы страха, влияющей на принятие решений правящими структурами.

Другой эксперт в области изучения терроризма, швейцарский политолог А.П. Шмидт, выделяет несколько ключевых характеристик, отличающих терроризм от иных форм насилия. Во-первых, террористические акты нацелены в первую очередь на гражданское население или некомбатантов, что усиливает их устрашающий эффект. Во-вторых, терроризм выполняет коммуникативную функцию – посредством насилия террористы передают определенное послание власти или обществу. В-третьих, важнейшей чертой терроризма является его пропагандистская составляющая: каждый акт насилия рассчитан не только на непосредственные жертвы, но и на широкий общественный резонанс. Наконец, террористические методы сознательно нарушают общепринятые правовые и моральные нормы [7, с. 39–157].

На основании этих подходов терроризм можно определить как стратегию политического насилия, основанную на систематическом применении устрашающих методов против гражданского населения с целью дестабилизации общества и принуждения власти к определенным действиям. Главной мишенью террористов являются не столько непосредственные жертвы, сколько психологическое состояние общества и его восприятие угрозы.

Ключевой особенностью международного терроризма является преодоление национальных границ – теракты планируются и осуществляются на территории нескольких государств, а их последствия имеют глобальный резонанс. А.Г. Волеводз отмечает, что международные террористические организации, такие как «Аль-Каида» или «Исламское государство», создают разветвленные транснациональные сети, включающие

вербовочные центры, тренировочные лагеря и каналы финансирования в разных регионах мира [2, с. 688].

Современный международный терроризм активно использует достижения глобализации и технологический прогресс. Интернет и социальные сети стали мощными инструментами вербовки и пропаганды, криптовалюты облегчают финансирование, а транспортная инфраструктура позволяет быстро перемещать боевиков между странами.

Таким образом, международный терроризм можно определить, как форму политически мотивированного насилия, осуществляемого транснациональными террористическими сетями с целью воздействия на международную политику и установления глобального влияния. Его главными отличиями от внутригосударственного терроризма являются межнациональный характер деятельности, глобальная идеологическая платформа и использование современных технологий для координации атак в разных точках мира.

Идеология «движения Халистан»

Идеологическая основа «движения Халистан» восходит к стремлению создания суверенного государства для последователей сикхизма – монотеистической религии, основанной в XV веке учением Гуру Нанак Дев Джи. Историческим прецедентом для современных сторонников независимости послужила Сикхская империя периода 1799–1849 годов, достигшая расцвета при махарадже Ранджите Сингхе. В период своего могущества это государственное образование контролировало значительные территории севера Индии (включая современные Пенджаб, Харьяну и Химачал-Прадеш) и востока Пакистана (с центрами в Лахоре и Пешаваре). Однако после смерти Ранджита Сингха в 1839 году и последовавших внутренних конфликтов империя была аннексирована Британской Ост-Индской компанией в 1849 году [3].

После ухода британцев сикхи добивались большей автономии в составе Индии. В 1950–1960-х гг. движение «Панджаби Суба» выступало за создание пенджабоязычного штата, что частично было реализовано в 1966 году административной реформой [5, с. 61–75]. Однако неудовлетворенность части сикхского сообщества положением в составе Индии привела к оформлению в 1970-х годах движения за создание Халистана. Основными причинами стали комплекс экономических (включая спорные вопросы распределения водных ресурсов), политических (недостаточное представительство в органах власти) и религиозно-культурных факторов [5, с. 61–75].

Кульминацией противостояния стал кризис начала 1980-х годов. В 1984 году радикальные группы заняли Золотой храм в Амритсаре, превратив святыню в центр вооруженного сопротивления. Ответом центральных властей стала операция «Голубая звезда» в июне 1984 года, в ходе которой силовые структуры ликвидировали лидера движения Джарнайла Сингха Бхиндравала, но при этом погибли сотни мирных паломников. Последовавшее в октябре того же года убийство премьер-министра Индиры Ганди ее сикхскими телохранителями спровоцировало масштабные антисикхские погромы с числом жертв около трех тысяч человек. Эти трагические события значительно усилили радикальные настроения в сикхской общине и придали новый импульс движению за независимость [5, с. 61–75].

Трагическим апогеем радикальной деятельности сторонников Халистана стал теракт 1985 года, когда в результате взрыва на борту рейса «Air India» 182 погибли 329 человек [6].

Несмотря на подавление вооруженного сопротивления в Пенджабе в 1990-х годах, идея создания независимого Халистана продолжает существовать в политическом дискурсе зарубежных сикхских общин, вызывая серьезную озабоченность индийских властей. В последнее десятилетие активность сторонников этого движения в странах с значительной сикхской диаспорой, прежде всего в Канаде и Великобритании, вновь привлекает внимание международного сообщества.

Особую обеспокоенность вызывают участвовавшие случаи агрессивных действий, связанных с халистанским движением. Зафиксированы многочисленные инциденты, включая угрозы в адрес индусских общин, нападения на религиозные учреждения и государственные объекты [4]. В ноябре 2024 года лидер организации «Сикхи за справедливость» (СЗС) Гурпатвант Сингх Паннун публично призвал сикхскую молодежь в Пенджабе сорвать празднование Дивали – важнейшего индуистского праздника – с использованием насильственных методов [11].

Кроме того, в октябре 2024 г., Паннун распространил в социальных сетях заявление о потенциальной угрозе терактов против авиакомпании «Air India» в период с 1 по 19 ноября, связав эту угрозу с 40-й годовщиной антисикхских погромов в Индии [10]. Стоит отметить, что аналогичные угрозы в адрес авиакомпании звучали и в ноябре 2023 года, однако ни в том, ни в другом случае они не были реализованы [8].

Подобные заявления, отсылающие к трагедии 1985 года, представляя собой классический пример использования психологического давления и распространения страха как инструмента политической борьбы, что соответствует основной тактике террористических организаций.

В декабре 2024 г. Паннун выступил с новыми угрозами, на этот раз направленными против российских дипломатических учреждений. Эти заявления прозвучали в ответ на предполагаемое сотрудничество России с Индией в области обмена разведданными о деятельности прохалистанских активистов в Северной Америке и Европейском Союзе. В качестве ответных мер Паннун пообещал организовать нападения на российских дипломатов, а также акции протеста у консульств России в США, Канаде, Австралии и Новой Зеландии [9].

Это является очередным примером угроз атак некомбатантов. Случай с угрозами против России показывает, что «движение Халистан» представляет опасность не только для Индии. Это, наряду с наличием обширной сети в западных странах, является явным признаком международной террористической организации.

Помимо СЗС движение за создание Халистана породило множество организаций с разными методами борьбы. Многие из них были признаны террористическими в соответствии с индийским Законом о предотвращении противоправной деятельности (UAPA) [12] из-за их причастности к насильственным акциям. Ниже представлен обзор этих организаций, их структуры и руководства.

Международное отделение «Бабар Кхалса» (BKI), основанная в 1978 году под руководством Вадхавы Сингха Баббара, стала одной из наиболее активных и известных группировок, связанных с «движением Халистан». Организация причастна к многочисленным террористическим актам, включая взрыв на борту рейса «Air India 182» в 1985 году, в результате которого погибло 329 человек.

«Силы Халистан зиндабад» (KZF), возглавляемая Ранджитом Сингхом Нита, была создана с целью достижения независимости Халистана и известна своей причастностью к серии взрывов и целенаправленных

убийств. Индийские власти классифицируют KZF как террористическую организацию согласно UAPA.

«Силы Халистан командо» (KCF), учрежденная в 1986 году под руководством Парамджита Сингха Панжвара, ответственна за многочисленные террористические действия, включая убийства и взрывы. Группа внесена в список террористических организаций по UAPA.

«Силы тигров Халистана (KTF)», отколовшаяся от BKI и созданная в 2011 году под руководством Хардипа Сингха Ниджара, стремилась возродить террористическую деятельность в Пенджабе для создания Халистана. Организация причастна к различным террористическим инцидентам, включая целенаправленные убийства, и признана террористической согласно UAPA.

«Международная молодежная федерация сикхов» (ISYF), созданная в 1984 году под руководством Лакхбистра Сингха, стремится к созданию Халистана и причастна к различным террористическим действиям. Организация внесена в список террористических согласно UAPA.

«Силы освобождения Халистана» (KLF), созданная с целью создания независимого Халистана и возглавляемая Гурджитом Сингхом Чимой, осуществляла взрывы и похищения.

На основании представленных данных можно констатировать, что движение за создание независимого Халистана породило ряд радикальных структур, деятельность которых соответствует критериям терроризма, как они определены в международном праве и национальном законодательстве Индии.

При этом, почти все активные халистанские группы сейчас ведут свою деятельность в западных странах. Несмотря на откровенные призывы к насилию со стороны лидеров «движения Халистан», западные страны не вносят их в список террористических организаций. Это в очередной раз подчеркивает проблему отсутствия общепризнанного определения терроризма. Хотя в данном случае, как утверждают некоторые эксперты, политика Запада является выверенным шагом давления на Индию.

Заключение

Анализируя «движение Халистан» через призму ранее описанной классификации террористических организаций, можно выделить несколько ключевых аспектов.

Современная деятельность сторонников Халистана также свидетельствует об их террористической природе. Лидер самой активной из всего движения организации «Сикхи за справедливость» Гурпатвант Сингх Паннун неоднократно выступал с угрозами в адрес гражданских лиц и государственных структур. В 2024 г. он призывал к насильственному срыву празднования Дивали в Пенджабе, угрожал атаками на рейсы «Air India» и заявлял о возможных нападениях на российские дипломатические представительства. Хотя его заявления пока не сопровождались реальными терактами, сам факт использования страха как инструмента давления указывает на соответствие движения ключевым критериям террористической организации.

Деятельность «движения Халистан» давно вышла за пределы Индии. Группировки, связанные с движением, активно действуют в Канаде, Великобритании, США, Австралии и ЕС, используя зарубежную сикхскую диаспору для финансирования и вербовки сторонников. Эти международные связи позволяют координировать деятельность и привлекать ресурсы вне индийской юрисдикции. Кроме того, движение активно использует цифровые платформы для пропаганды и координации, что соответствует современным тенденциям в деятельности террористических организаций.

Таким образом, в рамках, установленных в данной работе критерий, «движение Халистан» можно считать международной террористической сетью, использующей насилие, угрозы гражданского населения за пределами национальных границ Индии.

Литература

1. Волеводз А.Г. О значении выработки общепризнанного понятия «терроризм» и «международный терроризм» / А.Г. Волеводз // Право международной безопасности: современное видение и сопутствующие проблемы межгосударственного сотрудничества: Межвузовский сборник научных трудов. – Екатеринбург: Издательский дом «Уральская юридическая академия», 2011. – Вып. 3(7). – С. 42–62.
2. Волеводз А.Г. Феномен международного терроризма // Современные международные отношения: Учебник / Под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. – М.: Аспект Пресс, 2017. – 688 с.
3. Демичев К.А. От общины к империи: сикхские модели территориального устройства XVI – первой половины XIX в. // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2017. – № 4 (58). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-obschiny-k-imperii-sikhskie-modeli-territorialnogo-ustroystvaxvi-pervoy-poloviny-xix-v> (дата обращения: 13.02.2025).
4. Firdous I., Bashar I., Ramachandran S., Basit A. Counter Terrorist Trends and Analyses // International Centre for Political Violence and Terrorism Research. – Vol. 16. – No. 1. – P. 47–78. – URL: <https://www.jstor.org/stable/10.2307/48756306> (дата обращения: 01.04.2025).
5. Jetly R. The Khalistan movement in India: The interplay of politics and state power // International Review of Modern Sociology. – 2008. – P. 61–75.
6. Public Safety Canada. Air India Flight 182: Lessons Learned. – Government of Canada, 2010. – URL: <https://www.publicsafety.gc.ca/lbrr/archives/cn4766-eng.pdf> (дата обращения: 01.03.2025).
7. Schmid A.P. The definition of terrorism // The Routledge Handbook of Terrorism Research. – Routledge, 2011. – P. 39–157.
8. Khalistan terrorist Gurpatwant Singh Pannun issues video threat against Air India flight // India Today. – 2023. – November 4. – URL: <https://www.indiatoday.in/amp/india/story/khalistan-terrorist-gurpatwant-singh-pannun-video-air-india-flight-threat-2458111-2023-11-04> (дата обращения: 02.03.2025).
9. Khalistani Gurpatwant Singh Pannun threatens Russia for supporting India // OpIndia. – 2024. – December. – URL: <https://www.opindia.com/2024/12/khalistani-gurpatwant-singh-pannun-threatens-russia-for-supporting-india/> (дата обращения: 02.04.2025).
10. Khalistani terrorist Gurpatwant Pannun issues fresh warning to international passengers: 'Don't fly Air India' // India Today. – 2024. – 21 October. – URL: <https://www.indiatoday.in/india/story/khalistani-terrorist-gurpatwant-pannun-fresh-warning-international-passengers-dont-fly-air-india-2620288-2024-10-21> (дата обращения: 01.04.2025).
11. US-supported Khalistani terrorist Pannun threatens to attack Hindu temples for fireworks on Diwali // OpIndia. – 2024. – November. – URL: <https://www.opindia.com/2024/11/us-supported-khalistani-terrorist-pannun-threatens-to-attack-hindu-temples-for-fireworks-on-diwali/> (дата обращения: 02.03.2025).
12. Unlawful Activities (Prevention) Act, 1967, as amended in 2019. – URL: <https://egazette.nic.in/WriteReadData/2019/210413.pdf> (дата обращения: 30.03.2025).

THE KHALISTAN MOVEMENT AS AN INTERNATIONAL TERRORIST ORGANIZATION: IDENTIFICATION CRITERIA AND ACTIVITY ANALYSIS

Dzhigkaev A.H.

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

The issues of defining and countering international terrorism remain among the most pressing in the context of contemporary global security. The Khalistan movement, striving to create an independent Sikh state, presents a complex and ambiguous case requiring careful analysis to determine its compliance with the criteria of a terrorist organization. Amidst the increasing incidents of attacks and threats associated with this movement, the study of its activities becomes particularly relevant. This article is dedicated to analyzing the Khalistan movement to determine its conformity with the criteria of an international terrorist organization. It examines the historical prerequisites for the movement's emergence, its ideological foundation, and evolution, including instances of violence and terrorist methods. The transnational nature of the movement, its activities in various countries.

Keywords: international terrorism, Khalistan, transnational threats, South Asia, extremism.

References

1. Volevodz A.G. On the Importance of Developing a Generally Recognized Concept of "Terrorism" and "International Terrorism" / A.G. Volevodz // International Security Law: Modern Vision and Related Problems of Interstate Cooperation: Interuniversity Collection of Scientific Papers. – Ekaterinburg: Publishing House "Ural Law Academy", 2011. – Issue. 3 (7). – P. 42–62.
2. Volevodz A.G. The Phenomenon of International Terrorism // Modern International Relations: Textbook / Ed. by A.V. Toruknov, A.V. Malgin. – Moscow: Aspect Press, 2017. – 688 p.
3. Demichev K.A. From Community to Empire: Sikh Models of Territorial Structure of the 16th – First Half of the 19th Century // Problems of History, Philology, Culture. – 2017. – No. 4 (58). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-obschiny-k-imperii-sikhskie-modeli-territorialnogo-ustroystvaxvi-pervoy-poloviny-xix-v> (date of access: 02/13/2025).
4. Firdous I., Bashar I., Ramachandran S., Basit A. Counter Terrorist Trends and Analyzes // International Center for Political Violence and Terrorism Research. – Vol. 16. – No. 1. – P. 47–78. – URL: <https://www.jstor.org/stable/10.2307/48756306> (access date: 04/01/2025).
5. Jetly R. The Khalistan movement in India: The interplay of politics and state power // International Review of Modern Sociology. – 2008. – P. 61–75.
6. Public Safety Canada. Air India Flight 182: Lessons Learned. – Government of Canada, 2010. – URL: <https://www.publicsafety.gc.ca/lbrr/archives/cn4766-eng.pdf> (access date: 03/01/2025).
7. Schmid A.P. The definition of terrorism // The Routledge Handbook of Terrorism Research. – Routledge, 2011. – P. 39–157.
8. Khalistan terrorist Gurpatwant Singh Pannun issues video threat against Air India flight // India Today. – 2023. – November 4. – URL: <https://www.indiatoday.in/amp/india/story/khalistan-terrorist-gurpatwant-singh-pannun-video-air-india-flight-threat-2458111-2023-11-04> (accessed: 02.03.2025).
9. Khalistani Gurpatwant Singh Pannun threatens Russia for supporting India // OpIndia. – 2024. – December. – URL: <https://www.opindia.com/2024/12/khalistani-gurpatwant-singh-pannun-threatens-russia-for-supporting-india/> (accessed: 02.04.2025).
10. Khalistani terrorist Gurpatwant Pannun issues fresh warning to international passengers: 'Don't fly Air India' // India Today. – 2024. – 21 October. – URL: <https://www.indiatoday.in/india/story/khalistani-terrorist-gurpatwant-pannun-fresh-warning-international-passengers-dont-fly-air-india-2620288-2024-10-21> (access date: 04/01/2025).
11. US-supported Khalistani terrorist Pannun threatens to attack Hindu temples for fireworks on Diwali // OpIndia. – 2024. – November. – URL: <https://www.opindia.com/2024/11/us-supported-khalistani-terrorist-pannun-threatens-to-attack-hindu-temples-for-fireworks-on-diwali/> (Accessed: 02.03.2025).
12. Unlawful Activities (Prevention) Act, 1967, as amended in 2019. – URL: <https://egazette.nic.in/WriteReadData/2019/210413.pdf> (Accessed: 30.03.2025).

Уход США из Афганистана и неудачные попытки его сохранения в орбите американского влияния (Часть II)

Исламов Темур Миралишерович,
соискатель кафедры ПАМП, МГИМО
E-mail: islamov.temur@gmail.com

В статье рассматривается история вывода американских войск из Афганистана, причины и факторы, приведшие в итоге к поражению США, коллапсу правительства Ашрафа Гани и возвращению к власти движения «Талибан»¹. Анализируется афганская политика администраций трех президентов США – Барака Обамы, Дональда Трампа и Джо Байдена с фокусом внимания на том факте, что изначально Вашингтон не собирался терять Афганистан как зону своего геополитического влияния, планируя ограничиться лишь выводом войск с сохранением у власти проамериканских политических сил, даже по итогам мирных переговоров с оппозицией. Отмечается, что усилия Вашингтона не увенчались успехом, поскольку Талибан не только смог перехватить инициативу на поле боя, но и переиграть американцев на поле дипломатии, выведя из игры правительство Ашрафа Гани и в итоге возвратив свой контроль над Афганистаном.

Ключевые слова: Афганистан, Талибан, Барак Обама, Дональд Трамп, Джо Байден, вывод войск, военные расходы, мирные переговоры, Дохийское соглашение.

Дальнейшее развитие вопроса о выводе американских войск при Дональде Трампе и Джо Байдене

Пришедший в Белый дом в 2017 году новый республиканский президент Дональд Трамп также встал перед дилеммой вывода США из того сложного положения, в которое они попали. До своего избрания Д. Трамп активно выступал против военной миссии США в Афганистане и Двустороннего соглашения по безопасности [1]. Однако, первые шаги его президентства во многом напоминали те, которые вынужден был делать его предшественник. Этому способствовали неблагоприятные для Вашингтона и Кабула тренды в области безопасности.

В 2015–2016 гг. Талибан стал все чаще демонстрировать свои возрастающие военные и ресурсные возможности. 28–29 сентября 2015 году талибами был на короткое время взят Кундуз – крупный город и логистический центр на севере страны. В сентябре 2016 года был атакован административный центр провинции Урузган г. Тарин Кот. В октябре 2016 года ими вновь была захвачена часть Кундуза и атакован административный центр провинции Гельменд г. Лашкаргах.

Показателем возросшей нестабильности стал рост числа жертв среди мирного населения. Согласно данным ООН, по состоянию на 30 сентября 2016 г., было задокументировано 8397 жертв среди гражданского населения. Из них талибы и другие повстанческие группировки несли ответственность за 61% жертв. Правительственные силы, в том числе неофициальные ополченцы, стали причиной 23% жертв среди гражданского населения. Столица страны Кабул постепенно превращалась в один из центров террористической активности – целями террористических актов становились чаще всего хазарейцы. 24 августа 2016 г. талибы напали на Американский университет Афганистана в Кабуле, убив 14 студентов и преподавателей. Резко возросла численность внутренне перемещенных лиц – более 300 тыс. человек, что довело их общее количество по стране до 1,3 млн чел. [2].

Администрация Трампа была вынуждена в экстренном порядке реагировать на эти негативные процессы. Прежде всего, была разработана «Стратегия по Афганистану и Южной Азии», которая была обнародована 21 августа 2017 г. Она предусматривала глубокую вовлеченность США в дела региона и сохранение Кабула в орбите американского влияния. В ней можно выделить следующие пункты:

- в Афганистане и Пакистане интересы Америки состоят в предотвращении возрождения безопасных убежищ для террористов;
- ключевым аспектом новой стратегии США являлся переход от подхода, основанного на времени, на подход, определяемый конкретными условиями. Предполагалось, что американская стратегия будет формироваться на основе реальной обстановки на местах, вместо произвольных расписаний, и что это позволит исключить предсказуемость и предотвратить раскрытие планов атак перед противниками;

¹ 17 апреля 2025 г. Верховный Суд Российской Федерации огласил решение о приостановлении запрета деятельности Движения талибов (ДТ), включенного в единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2009744/ – Прим. ред.

- еще одним ключевым элементом новой стратегии для достижения успешного результата была интеграция всех инструментов американского влияния, таких как дипломатия, экономика и военная мощь;
- продолжение со стороны США поддержки афганского правительства и военных так как они противостояли талибам на местах;
- возможность политического урегулирования с участием элементов Талибана в Афганистане, как результат эффективных военных действий;
- другим важным аспектом стратегии являлся пересмотр подхода по отношению к Пакистану. США больше не могли игнорировать существование пакистанских убежищ для террористических организаций. Исламабад мог оказаться либо в выигрышном, либо в проигрышном положении, в зависимости от выбранного им курса;
- важной частью южноазиатской стратегии для Америки является дальнейшее развитие ее стратегического партнерства с Индией – крупнейшей в мире демократией и ключевым партнером Соединенных Штатов в области безопасности и экономики;
- расширение полномочий американских вооруженных сил для борьбы с террористическими и преступными сетями;
- победа будет иметь четкое определение: уничтожение ИГИЛ, сокрушение Аль-Каиды, предотвращение захвата Афганистана талибами и прекращение массовых террористических атак против Америки до того, как они начнутся;
- отказ от использования своей военной мощи со стороны США в целях формирования демократии или преобразования других стран по своему образцу [3].

Руководствуясь положениями новой стратегии, 18 сентября 2017 г. министр обороны США Джим Мэттис заявил, что США направят в Афганистан дополнительно 3000 военнослужащих в связи с укреплением позиций талибов и ухудшением безопасности в этой стране [4].

В то же время, несмотря на воинственную риторику, администрация Трампа продолжила искать пути диалога с Талибан. Ответственным за переговорный процесс был назначен специальный представитель США по афганскому примирению Залмай Халилзад, который провел первые переговоры с представителями Талибан 13 октября 2018 г. в Дохе (Катар). По словам талибов встреча дала «несколько позитивных сигналов» [5].

В течение последующих 9 месяцев интенсивность переговорных контактов лишь возрастала. Согласно З. Халилзеду, к 3 сентября 2019 г. стороны провели девять раундов переговоров, результатом которых стало достижение «принципиального» предварительного соглашения [6]. Это подтвердили и представители Талибан, по словам которых, они близки к «окончательному соглашению» с официальными лицами США по соглашению, согласно которому американские войска будут выведены из Афганистана в обмен на обещание, что страна не станет убежищем для исламистских боевиков [7].

Хотя точные детали соглашения не разглашались, но, по заявлениям З. Халилзада можно было предположить, что США собирались вывести 5400 военнослужащих из около 20 тыс. человек в течение 20 недель.

Прогресс в переговорах даже достиг такого уровня прогресса, что по данным BBC, Д. Трамп планировал проведение осенью 2019 года секретной встречи с талибами в Кэмп-Дэвиде при участии представителей правительства Афганистана. Ожидалось участие президента Ашрафа Гани. Цель – подписать договор о прекращении войны. Однако, 18 сентября Белый дом сообщил о том, что переговорному процессу «конец», поскольку тали-

бы взяли на себя организацию террористического акта в Кабуле, в котором погиб американский военнослужащий, тем самым нарушив перемирие [8].

Необходимо отметить, что Д. Трамп, даже если бы мирное соглашение с талибами и было бы подписано, все же намеревался сохранить военное присутствие США в Афганистане. Об этом он сообщил в интервью Fox News. «Мы собираемся сохранить присутствие там. Мы очень существенно сокращаем это присутствие, но мы всегда будем присутствовать. У нас будет высокое разведывательное присутствие», – сказал он [9].

Несмотря на остановку переговоров с Талибан, они все же были позже возобновлены, о чем объявил сам Д. Трамп во время своего неожиданного визита на авиабазу Баграм (Афганистан) 28 ноября 2019 года. Причиной этому стали две причины стратегического и тактического характера. Со стратегической точки зрения соглашение о мире с «Талибаном» нужно было в целом для США, поскольку американское общество устало от этой войны и огромных финансовых трат. С тактической точки зрения Д. Трампу нужен был успех на внешней арене на фоне острого противостояния с демократами в преддверии новой президентской гонки 2020 г. [10].

Возобновление переговоров завершилось заключением мирного соглашения между США и Талибан 29 февраля 2020 г. В нем можно выделить следующие четыре ключевых положения.

1. Прекращение огня между силами США, талибов и официальных властей.
2. Вывод иностранных войск. В соответствии с достигнутыми договоренностями, США согласились уменьшить численность своих войск в Афганистане с приблизительно 12 тысяч до 8,6 тысяч человек в течение 135 дней. При условии выполнения «Талибаном» своих обязательств, все американские и другие иностранные войска должны полностью покинуть страну в течение четырнадцати месяцев.
3. Внутри-афганские переговоры. Было достигнуто соглашение с Талибан, о том, что они начнут переговоры с афганским правительством марте 2020 год.
4. Контртеррористические гарантии. В соответствии с соглашением, талибы обязались обеспечить, что территория Афганистана не будет использоваться ни их членами, ни другими лицами, ни террористическими группировками для создания угроз безопасности США и их союзникам [11].

Вместе с тем, некоторые эксперты выразили сомнения в устойчивости достигнутых договоренностей, поскольку внутри Афганистана наблюдался растущий дисбаланс между возможностями и потенциалом влияния официальных властей и Талибан.

Линдси Мейзленд, эксперт Council on Foreign Relations, в этой связи указала на слабость позиций центрального правительства, страдающего от этнических, конфессиональных и племенных факторов. Также, по ее мнению, у президента Ашрафа Гани были проблемы с легитимностью по результатам выборов 2019 года, поскольку проголосовали только 1,8 млн из 9 млн зарегистрированных избирателей, многие избирательные участки подверглись нападениям, а итоги голосования не публиковались месяцами. Глава исполнительной власти Абдулла Абдулла, который был главным соперником А. Гани на выборах, оспорил результаты выборов и заявил, что сформирует собственное правительство.

Касательно позиций Талибан, Л. Мейзленд отметила, что данное движение на тот момент был сильнее, чем когда-либо за последние восемнадцать лет. Имея примерно шестьдесят тысяч боевиков, талибы контролировали большое число районов по всей стране и продол-

жали совершать крупные атаки на афганские объекты безопасности, в том числе и в Кабуле. Она также отметила дестабилизирующий фактор Пакистана, служащего базой для руководства талибов, который может почувствовать себя исключенным из переговоров и поэтому мобилизовать против них оппозицию [12].

На неустойчивость соглашения указал и российский эксперт Алексей Куприянов. По его мнению, «Заключенное между США и талибами перемирие представляется крайне неустойчивым: ни одна из сторон не исчерпала своих ресурсов, обе продолжают одерживать тактические победы и наносить значительные удары как друг другу, так и союзникам противника, при этом ни одна из них не находится на грани поражения». На неустойчивость будет работать большое количество недовольных как с афганской, так и американской стороны. Среди них, официальный Кабул, некоторые полевые командиры Талибан и другие политические акторы, что создавало угрозу срыва сроков вывода войск.

Тем не менее, идя на подписание соглашения, стороны преследовали свои цели. А. Куприянов указывает, что перемирие и соглашение о постепенном выводе войск в целом позволяют обеим сторонам решить ряд задач политического свойства. В частности, талибы фактически легитимируются как сторона конфликта, что дает им основание заявить о своей победе. В свою очередь Д. Трамп также может оказаться главным победителем, показав, что выполняет свои предвыборные обещания [13].

Если говорить о недовольных заключенной сделкой, то можно отметить бывшего Советника президента Афганистана по национальной безопасности Хамдулла Мохиб. Еще до заключения соглашения между США и Талибан он выступил с его критикой, заявив, что любое мирное соглашение с талибами должно предусматривать участие в качестве стороны правительства Афганистана, но вместо этого, США не хотят даже делиться с Кабулом информацией о ходе переговоров. Также Х. Мохиб отметил, что любое соглашение США с «Талибаном» станет оскорблением для погибших в Афганистане американских солдат [14].

Бывший президент Хамид Карзай считал, что наилучшим решением для Афганистана было бы достижение продуманного политического урегулирования при поддержке региональных игроков и международных партнеров. При этом полный уход сил США из Афганистана был бы нежелателен, поскольку не принесет пользы ни афганцам, ни их соседям, ни американцам [15].

Нужно отметить, что администрация Д. Трампа старалась в целом придерживаться заключенного соглашения. Если на момент достижения договоренностей в феврале 2020 года численность американской группировки в Афганистане составляла 13 тыс. военнослужащих, то в январе 2021 г. она была сокращена до 2,5 тыс. чел. Официальный представитель Талибан Забихулла Муджахид заявил по этому поводу: «Мы ценим этот шаг. Мы призываем к полному выполнению Дохийского соглашения, и все американские войска должны покинуть Афганистан к маю. Со своей стороны, Исламский Эмират (Талибан) подтверждает свое обязательство строго соблюдать и выполнять все положения Дохийского пакта, потому что мы считаем, что это пойдет на пользу как Афганистану, так и Соединенным Штатам» [16].

Очевидно, что, учитывая курс Д. Трампа на уход из Афганистана при наличии планов сохранения в нем американского влияния, США нуждались в наличии прочных связей со странами региона, граничащими с этой страной. Поскольку ни Пакистан, ни Иран, из ядерной сделки с которым Д. Трамп вывел США, не подходили

для этой роли, то основное внимание было сфокусировано на странах Центральной Азии. Ключевым интересом — сохранение путей снабжения американской группировки в случае, если бы США удалось договориться с талибами о сохранении ее присутствия, или использование путей ее эвакуации, а также зондирование почвы под открытие американских военных баз в странах ЦА [17].

Достижение этих целей, Вашингтон начал с обнародованной 5 февраля 2020 года «Стратегии США по Центральной Азии 2019–2025: Продвижение Суверенитета и Экономического Процветания», выход которой можно расценивать как шаг, синхронизированный с ожидаемым подписанием соглашения между США и Талибан. В новой стратегии особое внимание было уделено платформе **C5+1**, в рамках которой Вашингтон и страны Центральной Азии неоднократно подтверждали свою приверженность к изучению возможностей укрепления сотрудничества с целью продвижения стабильного, мирного и экономически процветающего Афганистана [18].

Приоритетное внимание в контексте Афганистана Вашингтон уделял укреплению сотрудничества с Узбекистаном и Казахстаном. Администрация Трампа обозначила шаги по использованию в свою пользу тренда на улучшение отношений между странами ЦА в результате новой политики президента Узбекистана Шавката Мирзиёева. В начале 2020 года госсекретарь Майк Помпео посетил Казахстан и Узбекистан, где постарался дать четко понять, что США хотят активно участвовать в новых процессах в ЦА, будь то экономическая или политическая интеграция [19]. Во время своего нахождения в Ташкенте он принял участие во встрече с главами МИД стран ЦА в формате C5 + 1, одной из тем которой стала ситуация в Афганистане. Глава Госдепа призвал государства Центральной Азии быть более активными в создании связей с Афганистаном [20].

Однако Д. Трампу не удалось довести до конца свою стратегическую линию в Афганистане. Пришедший ему на смену в 2021 году новый президент США Джо Байден продолжил линию своего предшественника по соблюдению соглашения с талибами и выводу американских контингентов из Афганистана, тем не менее, также как Д. Трамп намереваясь сохранить влияние США в этой стране, опираясь на правительство Ашрафа Гани.

Между тем, талибы имели на этот счет свои соображения. С 1 мая 2021 г. на фоне заявлений администрации Джо Байдена об окончательном выводе американских и натовских сил к 11 сентября талибы начали масштабное наступление по всей стране. Афганская армия была деморализована и не оказывала серьезного сопротивления. 2 июля своих военных служащих эвакуировали Германия и Италия [21]. Угрозы США о применении против них военной силы не возымели должного эффекта.

Генерал Кеннет Маккензи, глава Центрального командования США, находясь 25 июля 2021 г. в Кабуле, заявил, что победа талибов не является неизбежной и отметил, что «США увеличили в последние дни количество авиаударов в поддержку афганских сил, и что они готовы продолжать этот повышенный уровень в ближайшие недели, если талибы продолжат атаки» [22]. Однако, как показал дальнейший ход развития событий, эти угрозы уже не имели серьезных последствий. 15 августа 2021 года Талибан взял под свой контроль столицу страны г. Кабул, тем самым, закончив 20-летнее пребывание США и их союзников в Афганистане, которым так и не удалось разрешить сложный клубок конфликтных факторов внутреннего и внешнего характера, лежащих в основе афганского конфликта.

Фактический провал ситуации с американской миссией в Афганистане заключался в том, что администра-

ция Джо Байдена в итоге не смогла ни оставить свое военное присутствие в этой стране, ни сохранить правительство Ашрафа Гани, ни создать военные базы в Центральной Азии, которые могли бы использоваться для контроля ситуации на афганском военно-политическом поле и нанесения дистанционных ударов.

То, что администрация Байдена поднимала вопрос о базах в контактах с некоторыми странами ЦА, указала 15 апреля 2021 г. влиятельная New York Times, согласно которой, официальные лица США связывались с властями Казахстана, Узбекистана и Таджикистана по поводу возможности использования их баз в регионе [23].

Западные эксперты на тот момент отмечали, что временное размещение американских баз в регионе имеет смысл, в первую очередь, для таджикского и узбекского правительств, так как их граждане входят в состав террористических групп на севере Афганистана. США с этих баз могли бы помочь в нейтрализации этих экстремистских группировок, а также оказать военную поддержку операциям афганских правительственных сил [24].

О том, что у США были планы об открытии военных баз в Центральной Азии, сообщил директор Службы внешней разведки РФ Сергей Нарышкин, поскольку правительство США не хотело бы терять контроль за территорией. По его словам, Россия надеется, что ее союзники по ОДКБ не пойдут навстречу Вашингтону [25].

В итоге США не смогли закрепиться в ЦА и поэтому у них не осталось иного выхода, кроме как завершить свое военно-политическое присутствие в Афганистане и регионе, а также принять как факт второе возвращение Талибан к власти, перейдя к дистанционным экономическим и дипломатическим мерам воздействия на это движение, которое отказалось от создания инклюзивного правительства по устраивающей Вашингтон модели и восстановило Исламский Эмират на основе законов шариата.

Заключение

В целом анализируя процесс выхода Афганистана из орбиты влияния США можно констатировать, что изначально, когда администрация Барака Обамы начала предпринимать первые шаги по выводу войск, подобный вопрос вообще не стоял на повестке дня американской глобальной политике. Вашингтон тогда находился на пике своего геополитического влияния, определяя благодаря присутствию в Афганистане многие тренды в Южной и Центральной Азии, и на Ближнем Востоке. Хотя ситуация на афганском военно-политическом поле продолжала деградировать на момент прихода к власти Дональда Трампа, однако и он не планировал полного сворачивания американского геополитического присутствия в Афганистане, опираясь на правительство Ашрафа Гани и афганские силовые структуры.

Тот коллапс, который случился уже при президенте Джо Байдене летом 2021 года, до сих пор вызывает споры в американском экспертном и политическом пространстве. Дональд Трамп и его единомышленники обвиняют в этом администрацию Джо Байдена. Примером может служить статья бывшего госсекретаря Майкла Помпео (2018–2022) на сайте влиятельного Института Хадсона, в которой он противопоставляет выверенные и профессиональные действия администрации Трампа по выводу американских войск и обеспечению безопасности гражданского населения, афганских партнеров и союзников, а также меры по сдерживанию талибов, которым администрация Трампа никогда не доверяла и не верила на слово, непрофессиональным действиям

администрации Джо Байдена. По его мнению, администрация Байдена «разорвала план вывода войск, основанный на условиях, и приняла решение о безоговорочном уходе, рассчитывая, что «Талибан» не воспользуется вакуумом». В итоге это привело к хаотическому уходу из Афганистана, усугубленному непонятными ошибками и слабостью [26].

В свою очередь члены администрации Джо Байдена до сих пор обвиняют Трампа в произошедшей катастрофе, указывая, что его администрация «не представила никаких планов относительно того, как провести окончательный вывод или эвакуировать американцев и афганских союзников», а также поощряла Талибан, «принимая участие в мирных переговорах, не проводя консультаций с союзниками и партнерами США в регионе» [27].

Вместе с тем, продолжающие споры никак не влияют на тот факт, что талибы сумели переиграть США на военно-политическом и дипломатическом поле, и в итоге добились не только ухода иностранных военных контингентов, но также и свержения правительства Ашрафа Гани, что привело к выводу Афганистана из 20-летнего пребывания в орбите американского геополитического влияния.

Литература

1. J. Pramuk. What Trump said about Afghanistan before he became president / J. Pramuk [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cnbc.com/2017/08/21/what-trump-said-about-afghanistan-before-he-became-president.html> (дата обращения: 10.05.2023).
2. Afghanistan Events of 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hrw.org/world-report/2017/country-chapters/afghanistan> (дата обращения: 11.05.2023).
3. Remarks by President Trump on the Strategy in Afghanistan and South Asia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-strategy-afghanistan-south-asia/> (дата обращения: 11.05.2023).
4. US sends 3,000 more troops to Afghanistan [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-41314428> (дата обращения: 11.05.2023).
5. Afghanistan: Taliban confirms talks with US peace envoy in Qatar [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.aljazeera.com/news/2018/10/13/afghanistan-taliban-confirms-talks-with-us-peace-envoy-in-qatar> (дата обращения: 11.05.2023).
6. Воронин А. Война в Афганистане: Трамп признал провал переговоров с талибами. Почему так вышло?
7. А. Воронин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-49634483> (дата обращения: 12.05.2023).
8. Trump: U.S. will maintain presence in Afghanistan even if deal reached with Taliban [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/us-usa-afghanistan-trump-idUSKCN1VJ1R8> (дата обращения: 12.05.2023).
9. Воронин А. Война в Афганистане: Трамп признал провал переговоров с талибами. Почему так вышло? А. Воронин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-49634483> (дата обращения: 12.05.2023).
9. Trump: U.S. will maintain presence in Afghanistan even if deal reached with Taliban [Электронный ресурс]. –

- Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/us-usa-afghanistan-trump-idUSKCN1VJ1R8> (дата обращения: 12.05.2023).
10. Махмудов Р. Зачем Трамп перезагружает переговоры с «Талибаном»? / Р. Махмудов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/zachem-tramp-perezagruzaet-peregovorys-talibanom/> (дата обращения: 14.05.2023).
 11. Agreement for Bringing Peace to Afghanistan between the Islamic Emirate of Afghanistan which is not recognized by the United States as a state and is known as the Taliban and the United States of America. February 29, 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/context/us-taliban-peace-deal/7aab0f58-dd5c-430d-9557-1b6672d889c3/?itid=ik_inline_manual_3 (дата обращения: 14.05.2023).
 12. Maizland L. U.S.-Taliban Peace Deal: What to Know / L. Maizland [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cfr.org/backgrounder/us-taliban-peace-deal-agreement-afghanistan-war> (дата обращения: 14.05.2023).
 13. Куприянов А. Сделка «Талибан» – США: что дальше? / А. Куприянов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sdelka-taliban-ssha-chto-dalshe/> (дата обращения: 15.05.2023).
 14. США и «Талибан» договорились о выводе американских войск из Афганистана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/855546/2019-03-12/ssha-i-taliban-dogovorilis-o-vyvoде-amerikanskikh-voisk-iz-afganistana> (дата обращения: 16.05.2023).
 15. Карзай Х. Хамид Карзай для Валдайского клуба: Полного выхода США из Афганистана в ближайшее время не случится / Х. Карзай [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/khamid-karzay-dlya-valdayskogo-kлубa-polnogo-vykho/> (дата обращения: 16.05.2023).
 16. Gul A. As Ordered by Trump, US Down to 2,500 Troops in Afghanistan / A. Gul [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.voanews.com/a/south-central-asia_ordered-trump-us-down-2500-troops-afghanistan/6200770.html (дата обращения: 16.05.2023).
 17. Визит Помпео в Центральную Азию: как удержаться и расширить диалог [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.sputnik.kz/20200204/kazakhstan-usa-pompeo-dialog-12740755.html> (дата обращения: 16.11.2023).
 18. United States Strategy for Central Asia 2019–2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity (Overview) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.state.gov/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity/> (дата обращения: 17.11.2023).
 19. Debates R. Trump's Central Asia policy / R. Debates [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ornonline.org/expert-speak/trump-central-asia-policy/> (дата обращения: 17.11.2023).
 20. Евразийский тур Помпео: ожидания и реальность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.eurasian-research.org/publication/pompeos-urasian-tour-expectations-and-reality/?lang=ru> (дата обращения: 17.11.2023).
 21. Gul A. Germany, Italy Complete Troop Exit From Afghanistan / A. Gul [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.voanews.com/a/south-central-asia_germany-italy-complete-troop-exit-afghanistan/6207646.html (дата обращения: 17.11.2023).
 22. Beech S. US general vows to continue airstrikes supporting Afghan troops fighting Taliban / S. Beech [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://edition.cnn.com/2021/07/25/politics/us-supports-afghanistan-fighting-taliban/index.html> (дата обращения: 17.11.2023).
 23. Pannier B. Will Central Asia Host U.S. Military Forces Once Again? / B. Pannier [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rferl.org/a/u-s-military-bases-in-central-asia-part-two-/31219781.html> (дата обращения: 18.11.2023).
 24. Нарышкин рассказал о планах США после вывода войск из Афганистана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2021/05/19/nrsh/> (дата обращения: 18.05.2023).
 25. Pompeo M.R. Biden's Afghanistan Withdrawal Remains Catastrophe of American Weakness a Year Later / M.R. Pompeo [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hudson.org/national-security-defense/biden-s-afghanistan-withdrawal-remains-catastrophe-of-american-weakness-a-year-later> (дата обращения: 02.06.2024).
 26. Макарычев М. Белый дом переложил на Трампа вину за провал в Афганистане / М. Макарычев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2023/04/06/belyj-dom-perelozhil-na-trampa-vinu-za-proval-v-afganistane.html> (дата обращения: 02.06.2024).

U.S. WITHDRAWAL FROM AFGHANISTAN AND FAILED ATTEMPTS TO MAINTAIN IT IN THE ORBIT OF AMERICAN INFLUENCE

Islamov T.M.
MGIMO

The article explores the history of the withdrawal of American troops from Afghanistan, the reasons and factors that ultimately led to the defeat of the U.S., the collapse of Ashraf Ghani's government, and the return to power of the Taliban movement. It analyzes the Afghan policies of three U.S. presidents – Barack Obama, Donald Trump, and Joe Biden – emphasizing that initially, Washington sought to retain Afghanistan within its sphere of geopolitical influence, intending to limit itself with the withdrawal of military forces while ensuring that pro-American political factions remained in power, even in the aftermath of peace negotiations with the opposition. It is noted that Washington's efforts were unsuccessful, as the Taliban not only managed to seize the initiative on the battlefield but also outmaneuvered the Americans diplomatically, sidelining Ashraf Ghani's government and ultimately regaining control over Afghanistan.

Keywords: Afghanistan, Taliban, Barack Obama, Donald Trump, Joe Biden, troop withdrawal, military expenditures, peace negotiations, Doha Agreement.

References

1. J. Pramuk. What Trump said about Afghanistan before he became president / J. Pramuk [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.cnn.com/2017/08/21/what-trump-said-about-afghanistan-before-he-became-president.html> (accessed: 10.05.2023).
2. Afghanistan Events of 2016 [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.hrw.org/world-report/2017/country-chapters/afghanistan> (accessed: 11.05.2023).
3. Remarks by President Trump on the Strategy in Afghanistan and South Asia [Electronic resource]. – Access mode: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-strategy-afghanistan-south-asia/> (accessed: 11.05.2023).

4. US sends 3,000 more troops to Afghanistan [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-41314428> (accessed: 11.05.2023).
5. Afghanistan: Taliban confirms talks with US peace envoy in Qatar [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.aljazeera.com/news/2018/10/13/afghanistan-taliban-confirms-talks-with-us-peace-envoy-in-qatar> (accessed: 11.05.2023).
6. Voronin A. War in Afghanistan: Trump admitted the failure of negotiations with the Taliban. Why did it happen? / A. Voronin [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.bbc.com/russian/features-49634483> (accessed: 12.05.2023).
7. Trump: U.S. will maintain presence in Afghanistan even if deal reached with Taliban [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.reuters.com/article/us-usa-afghanistan-trump-idUSKCN1VJ1R8> (accessed: 12.05.2023).
8. Voronin A. War in Afghanistan: Trump admitted the failure of negotiations with the Taliban. Why did it happen? / A. Voronin [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.bbc.com/russian/features-49634483> (accessed: 12.05.2023).
9. Trump: U.S. will maintain presence in Afghanistan even if deal reached with Taliban [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.reuters.com/article/us-usa-afghanistan-trump-idUSKCN1VJ1R8> (accessed: 12.05.2023).
10. Makhmudov R. Why is Trump rebooting negotiations with the Taliban? / R. Makhmudov [Electronic resource]. – Access mode: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/zachem-trump-perezagruzhaet-peregovory-s-talibanom/> (accessed: 14.05.2023).
11. Agreement for Bringing Peace to Afghanistan between the Islamic Emirate of Afghanistan which is not recognized by the United States as a state and is known as the Taliban and the United States of America. February 29, 2020 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.washingtonpost.com/context/u-s-taliban-peace-deal/7aab0f58-dd5c-430d-9557-1b6672d889c3/?itid=ik_inline_manual_3 (accessed: 14.05.2023).
12. Maizland L. U.S.-Taliban Peace Deal: What to Know / L. Maizland [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.cfr.org/backgrounder/us-taliban-peace-deal-agreement-afghanistan-war> (accessed: 14.05.2023).
13. Kupriyanov A. Taliban–U.S. deal: What next? / A. Kupriyanov [Electronic resource]. – Access mode: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sdelka-taliban-ssha-cto-dalshe/> (accessed: 15.05.2023).
14. The U.S. and the Taliban agreed on the withdrawal of American troops from Afghanistan [Electronic resource]. – Access mode: <https://iz.ru/855546/2019-03-12/ssha-i-taliban-dogovorilis-o-vyvoде-amerikanskikh-voisk-iz-afganistana> (accessed: 16.05.2023).
15. Karzai H. Hamid Karzai for the Valdai Club: A complete U.S. withdrawal from Afghanistan will not happen in the near future / H. Karzai [Electronic resource]. – Access mode: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/khamid-karzay-dlya-valdayskogo-kluba-polnogo-vykho/> (accessed: 16.05.2023).
16. Gul A. As Ordered by Trump, US Down to 2,500 Troops in Afghanistan / A. Gul [Electronic resource]. – Access mode: https://www.voanews.com/a/south-central-asia_ordered-trump-us-down-2500-troops-afghanistan/6200770.html (accessed: 16.05.2023).
17. Pompeo's visit to Central Asia: how to maintain and expand the dialogue [Electronic resource]. – Access mode: <https://ru.sputnik.kz/20200204/kazakhstan-usa-pompeo-dialog-12740755.html> (accessed: 16.11.2023).
18. United States Strategy for Central Asia 2019–2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity (Overview) [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.state.gov/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity/> (accessed: 17.11.2023).
19. Debates R. Trump's Central Asia policy / R. Debates [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.orfonline.org/expert-speak/trump-central-asia-policy/> (accessed: 17.11.2023).
20. Pompeo's Eurasian tour: expectations and reality [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.eurasian-research.org/publication/pompeos-eurasian-tour-expectations-and-reality/?lang=ru> (accessed: 17.11.2023).
21. Gul A. Germany, Italy Complete Troop Exit From Afghanistan / A. Gul [Electronic resource]. – Access mode: https://www.voanews.com/a/south-central-asia_germany-italy-complete-troop-exit-afghanistan/6207646.html (accessed: 17.11.2023).
22. Beech S. US general vows to continue airstrikes supporting Afghan troops fighting Taliban / S. Beech [Electronic resource]. – Access mode: <https://edition.cnn.com/2021/07/25/politics/us-supports-afghanistan-fighting-taliban/index.html> (accessed: 17.11.2023).
23. Pannier B. Will Central Asia Host U.S. Military Forces Once Again? / B. Pannier [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.rferl.org/a/u-s-military-bases-in-central-asia-part-two-/31219781.html> (accessed: 18.11.2023).
24. Naryshkin spoke about U.S. plans after troop withdrawal from Afghanistan [Electronic resource]. – Access mode: <https://lenta.ru/news/2021/05/19/nrsh/> (accessed: 18.05.2023).
25. Pompeo M.R. Biden's Afghanistan Withdrawal Remains Catastrophe of American Weakness a Year Later / M.R. Pompeo [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.hudson.org/national-security-defense/biden-s-afghanistan-withdrawal-remains-catastrophe-of-american-weakness-a-year-later> (accessed: 02.06.2024).
26. Makarychev M. The White House shifted the blame for the failure in Afghanistan onto Trump / M. Makarychev [Electronic resource]. – Access mode: <https://rg.ru/2023/04/06/belyj-dom-pereložil-na-trampa-vinu-za-proval-v-afganistane.html> (accessed: 02.06.2024).

Стратегии и политики КПК в отношении Тайваня в период правления Си Цзиньпина

Лю Синь,

независимый исследователь

E-mail: liuxin269654685@mail.ru

Статья посвящена анализу стратегии и политики в отношении Тайваня в период правления Си Цзиньпина. Тайваньский вопрос, как ядро основных интересов и красная линия Китая, занимает важное место в работе правительства. Цель статьи заключается в выяснении позиции Си Цзиньпина по Тайваньскому вопросу и его подходы к решению. Используя контент-анализ, анализируем доклады на 19-ом и 20-ом Всекитайских съездах КПК, Белую книгу «Тайваньский вопрос и воссоединение Китая в новую эпоху» и документ «Резолюция ЦК КПК об основных достижениях и историческом опыте столетий борьбы партий», определяем четыре основных принципа Си Цзиньпина для решения Тайваньского вопроса: придерживаться курса мирного воссоединения и «одна страна две системы», противодействовать сепаратизму и вмешательству внешних сил с помощью военного сдерживания, усиливать обмены и сотрудничество между берегами Тайваньского пролива с целью повысить доход Тайваня на «независимости», содействовать китайской идентичности на Тайване через культурные мероприятия. В конце статьи особое внимание уделяется сценариям дальнейших отношений между двумя берегами Тайваньского пролива, прогнозируем, что самый вероятный сценарий – сохранение нынешнего положения дел (или статус-кво).

Ключевые слова: Си Цзиньпин, стратегия КПК, Доклад Всекитайского съезда КПК, Белая книга, отношения между двумя сторонами Тайваньского пролива.

Отношение КПК к решению тайваньского вопроса, который начинается с 1949 г., изменяется в разные периоды – в 1949 году после гражданской войны между Гоминьданом и Коммунистической партией делали упор на политику «освобождения силой»; примерно в 1960-х годах начали приспосабливаться к политике «мирного освобождения как основы и вооруженного освобождения как дополнения»; после публикации «Письмо соотечественникам на Тайване» в 1979 г., в котором изложила свою политику в отношении Тайваня, предложили «мирное воссоединение, но не обещает не применять силу»; в 1990-х годах предложили «мирное воссоединение в два этапа», во-первых, в соответствии с принципом «одного Китая» официально прекратили военные действия и начали проводить переговоры. Потом, особенно после договоренности 1992 основные работы превращались в развитие мирных отношений между двумя берегами.

Заявления лидеров КПК с образования КНР о своей позиции к данному вопросу зафиксированы в докладах на съездах, ключевых документах каждого руководящих групп правительств Китая, и белых книгах о Тайваньском вопросе, при этом мы используем контент-анализ при исследовании этих политических документов для уточнения акцента стратегии и политики КПК в отношении тайваньского вопроса. В период правления Си Цзиньпина, т.е. после 2013 года до сих пор, в Китае провели 19-й съезд и 20-й съезд, таким образом, основными документами для анализа стратегии и политики Си Цзиньпина являются Доклад на 19-ом Всекитайском съезде КПК и Доклад на 20-ом Всекитайском съезде КПК. Кроме того, в период правления Си опубликовали еще две ключевые документы – Белая книга «Тайваньский вопрос и воссоединение Китая в новую эпоху», созданная Канцелярией по делам Тайваня в 2022 г., в которой системно объявились отношение и метод Китая для решения Тайваньского вопроса, и документ «Резолюция ЦК КПК об основных достижениях и историческом опыте столетней борьбы партий» в 6-ом пленуме ЦК КПК 19-го созыва, созданный в 2021 г., в котором подчеркнули о важности тайваньского вопроса.

Для анализа стратегии в первую очередь необходимо разобрать личность Си. С 1985 по 2002 год Си Цзиньпин занимал должность в местном правительстве провинции Фуцзянь, что вызвало Си имеет четкое представление о работе на Тайване. Во время управления провинцией Фуцзянь Си всегда подчеркнул важность работы в отношении Тайваня. Таким образом, после прихода к власти Си Цзиньпина составлялся более конкретный подход к Тайваню и поставил тайваньский вопрос на стратегию Великое возрождение китайской нации, т.е. Китайская мечта, что определяется как Китай станет процветающим, сильным, демократическим, культурно развитым и гармоничным государством.

Позиция Си к Тайваню – это то, как он встраивает конкретный вопрос об объединении в главную тему своего теперь уже бессрочного пребывания на посту лидера Китая: «великое возрождение китайской нации». Для него нынешняя тайваньский вопрос возникла из-за слабости китайского правительства в колониальный период.

А по мере развития Китая и усиления комплексной государственной мощи, тайваньский вопрос естественно будет решен, это неизбежное требование для реализации великого возрождения китайской нации. В этой связи возникает задача убедить население Тайваня в том, что лишь объединение обретет долгосрочное процветание и стабильность. Выражение “Это неизбежное требование для реализации великого возрождения китайской нации” связало “Тайваньский вопрос” и политическую цель “великое возрождение китайской нации”, что доказывает его решимость к Тайваньскому вопросу. Такое выражение появилось впервые на 6-м пленуме ЦК КПК 19-го созыва, потом как первоначальная часть написано в всех важных документах, как Доклад на 20-ом Всеитайском съезде КПК и Белая книга.

Общую стратегию Си по решению тайваньского вопроса направлена на четыре принципа: 1) придерживаться курса мирного воссоединения и «одна страна две системы»; 2) противодействовать сепаратизму и вмешательству внешних сил с помощью военного сдерживания; 3) усиливать обмены и сотрудничество между берегами Тайваньского пролива, чтобы повысить доход Тайваня на “независимости”; 4) содействовать китайской идентичности на Тайване через культурные мероприятия.

“Мирное воссоединение и одна страна две системы” является долгосрочной и неизменной основной стратегии по отношению Тайваня. “Один Китай” является красной линией на тайваньский вопрос и принципом создания дипломатических отношений с иностранными странами. Этот принцип тесно связан с «Консенсус 1992 года» и курсом «Одна страна две системы», выдвинутом Дэн Сяопином. «Консенсус 1992 года» — это договоренность, которая означает, что Китай и Тайвань признают существование единого Китая, но имеют разные интерпретации того, что это значит. Курс «Одна страна две системы», выдвинутый Дэн Сяопином, был подобно объяснен в Белой книге (1993), в которой конкретно объясняется инициатива курса «Одна страна две системы», например, в рамках одного Китая социалистическая система материка и капиталистическая система Тайваня могут одновременно сосуществовать на долгосрочной основе; Тайвань, как особый административный район, обладает административной властью, законодательной властью, независимой судебной властью, собственной армией и т.д. При этом вместо версии Дэн Сяопина Си Цзиньпин выдвинул концепцию “Тайваньский вариант”, в которой отстоял принципы “мирное воссоединение” и “один Китай”, не определяя власть Тайваня, а выразил готовность проводить переговоры с Тайваньской стороной и достигать варианта, которым будут довольны две берега.

В Белой книге (2022) объяснение курса «Одна страна, две системы» в некоторых аспектах отличается от предыдущего в Белой книге (1993). В Белой книге (2022) делал акцент на исследование “тайваньского варианта двух систем” вместо четырех пунктов в Белой книге (1993), основной причиной чего вероятно является протест в Гонконге. Политические протесты и беспорядки в Гонконге в 2019–2020 годах и последующее принятие материком эффективных шагов по обеспечению безопасности в специальном административном районе стали важным уроком, последствия которого затрагивают перспективы воссоединения двух сторон Тайваньского пролива¹. «Как совместить единство Китая с частичным сохранением суверенитетом Тайваня?» определяет как

¹ Ломанов, А.В. От воссоединения к национальному возрождению: современный китайский взгляд на проблему Тайваня// РАН, Тайваньский кризис/Национальный исследовательский

самый актуальный вопрос среди китайским экспертами. Китайские авторы активно обсуждают об этом, пытаются решить проблему через распределение «прав управления» (чжицюань, 治权) под суверенитета Китая (чжюцюань, 主权) между берегами.

Противодействовать сепаратизму и вмешательству внешних сил с помощью военного сдерживания

В контексте стратегической игры между Китаем и США, американская сторона использует тайваньский вопрос для сдерживания Китая, вопреки договоренности в «Китайско-американском совместном коммюнике» увеличивает продажу военных оружий Тайваню. Помимо того, тенденция «декитайская» на Тайване, особенно в образовательной сфере, делает тайваньский вопрос еще более сложным, в ответ на что материковая сторона возобновила военную деятельность.

Согласно статье 8 «Закона о противодействии расколу страны», которая звучит как «в случае, если силы тайваньского сепаратизма под любым предлогом и в любой форме сделают реальным отделение Тайваня от Китая, или в случае, если произойдет серьезный инцидент, ведущий к такому отделению, или в случае, когда все возможности мирного воссоединения окажутся полностью исчерпанными, государство обязано прибегнуть к немирным способам и другим необходимым мерам для защиты государственного суверенитета и своей территориальной целостности»². Более того, в Белой книге (2022) подчеркнули, что «Мы будем продолжать стремиться к мирному воссоединению с максимальной искренностью и прилагать максимальные усилия в этом направлении. Но мы не обещаем отказаться от применения силы и оставляем за собой право принять все необходимые меры против вмешательства внешних сил и любой сепаратистской деятельности, которые никоим образом не направлены против наших соотечественников на Тайване. Немирные средства – крайняя мера при непреодолимых обстоятельствах»³. В ноябре 2016 г. на церемонии празднования 150-летия со дня рождения революционно-демократического мыслителя и революционера Сунь Ятсена Си Цзиньпин впервые предложил «Шесть любых» (лю гз жэньхэ): «Мы никогда не допустим любое лицо, любая организация или любая политическая партия должны удалить любую часть китайской территории из Китая в любое время и в любой форме!»⁴. «Шесть любых» подтвердили и на 90-й годовщине основания Народно-освободительной армии Китая 1 августа 2017 года. На 19-ом Всеитайском съезде КПК официально включили «Шесть любых» в важный политический доклад, продемонстрировав твердую решимость материкового Китая противостоять «независимости Тайваня». Более того, 22 октября 2022 года XX съезд КПК одобрил поправки в устав партии о противодействии неза-

институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова, 2022. – С. 150–174.

² 《反国家分裂法》//中华人民共和国第十届全国人民代表大会, 2005. («Закон о борьбе с расколом страны»//10-ое Всеитайское собрание народных представителей КНР, 2005 г.) URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2005/content_63187.htm

³ 《台湾问题与新时代中国统一》白皮书//国务院台湾事务办公室, 2022年. («Тайваньский вопрос и воссоединение Китая в новую эпоху» Белая книга//Канцелярия по делам Тайваня, 2022 г.) URL: http://www.gwytb.gov.cn/zt/zyzsl/baipishu/202208/t20220810_12459866.htm

⁴ Собрание по случаю 150-летия со дня рождения Сунь Ятсена состоялось в Пекине при участии Си Цзиньпина//Синьхуа Новости, 2016 г.

висимости Тайваня и принял Устав КПК в новой редакции. В общую программу было обновлено содержание «...решительно пресекает и сдерживает сепаратистские силы, выступающие за так называемую «независимость Тайваня», завершает великое дело объединения Родины»¹. «Устав Коммунистической партии Китая» является самым важным документом для КПК. КПК внесла в устав положение о противодействии независимости Тайваня, это доказывало, что Китай будет активнее наносить удары по сепаратистским силам, выступающим за независимость Тайваня.

С прихода к власти Си Цзиньпина до сих пор Народно-освободительная армия Китая (НОАК) проводила четыре раза военных учений вокруг острова Тайвань, первый раз в 2022 г., «Совместный острый меч 2024А» и «Совместный острый меч – 2024Б» 2024 г. и «Гром в проливе 2025-А» в 2025 г. В 2022 г. в воздушном пространстве и шести акваториях вокруг Тайваня развернула масштабные учения, в программу которых включены запуск десятков баллистических ракет, разворачивание авианосцев и атомной подводной лодки. Основной акцент был сделан на задачах по завоеванию господства в воздухе и отработке совместных возможностей блокирования и контроля в сложных условиях. В 2024 г. проводили совместные военные учения к северу, югу и востоку от острова Тайвань, а также вокруг островов Цзиньмэнь, Мацзу, Уцю и Дуньинь, цель этих учений очень ясна: блокирование и взятие под контроль ключевых портов и районов острова. В апреле 2025 г. учения сосредоточены на нанесении точечных ударов по ключевым целям. Исходя из вышесказанного наблюдаются разные акценты военных учений с общей целью завоевания господства, что доказывает выражение намерения КПК протестовать против укрепления американо-тайваньских отношений и тенденции «независимости» Тайваня.

Третий принцип стратегии Си **«усиливать обмены и сотрудничество между берегами Тайваньско-го пролива, чтобы повысить доход Тайваня на независимости»** и четвертый принцип **«содействовать китайской идентичности на Тайване через культурные мероприятия»** воплощался в «интегрированное развитие» для сближения экономической и социальной связей между берегами. В Белой книге (2022) подчеркивают, что интегрированное развитие является важным путем к мирному объединению и может содействовать сотрудничеству в области культуры, образования, здравоохранения, социального обеспечения и общественных ресурсов. С 2018 года Пекин принял ряд политических документов, нацеленных на углубление экономической, социальной и культурной связи.

Экономические аспекты

Работа политик «Меры о содействии экономическому и культурному обмену и сотрудничеству между двумя берегами» (31 мера) и «Меры о дальнейшей содействии экономическому и культурному обмену и сотрудничеству между двумя берегами» (26 мер), опубликованы ведомствами Пекина, заключаются в том, что помогать Тайваньским предприятиям участвовать в программе «Сделано в Китае 2025», строительстве 5G и циркулярной экономики, пользоваться кредитными и налоговыми льготами. В документах «Уведомление о работе по поддержке развития предприятий с тайваньскими инвестициями и продвижении проектов с тайваньскими инвестициями

при пандемии» (11 мер) и «Меры о поддержке развития тайваньских соотечественников и предприятий с тайваньскими инвестициями в сельском и лесном хозяйстве в материк» (сельское и лесное хозяйство 22 меры) сосредоточены на поддержке тайваньским предприятиям при пандемии и после пандемии, при этом «Сельское и лесное хозяйство 22 меры» предложит конкретные меры поддержки тайваньскими предприятиями в области сельского хозяйства и лесное хозяйство, связанные с использованием сельскохозяйственных и лесных земель, удобством финансирования и финансовой поддержкой, инвестициями и эксплуатацией, исследованиями и инновациями, а также развитием внутренних рынков.

Социальные аспекты

«Консультация о исследовании Фуцзянь по новому пути интегрированного развития между двумя берегами, строительстве демонстрационного зона интегрированного развития между двумя берегами» (Консультация) и политики «31 мера» и «26 мер» сделали акцент на обеспечении тайваньским в учебе, трудоустройстве и стартапе. По документам «31 мера» и «26 мер» тайваньцы могут сдавать 53 вида профессиональных экзаменов и 81 вид квалифицированный испытаний, обратиться за консульской защитой и помощью в посольства и консульства КНР за рубежом, участвовать в кадровой программе «План тысячи талантов». Кроме того, те, кто работают в материке, могут участвовать в кадровой программе «План десять тысяч талантов». Размер единовременного гранта кадровой программе «План тысячи талантов» состоится 500 тысяч – 1 млн юаней (6.4–12.7 млн руб.) из центрального бюджета, объем финансирования исследований состоится 1–3 млн юаней в год (12.7–38.2 млн руб.)². В 2018 году Госсовет принял «Уведомление о порядке подачи заявления и выдачи разрешений на проживание для жителей Гонконга, Макао и Тайваня». Согласно документу при предъявлении разрешения на проживание, тайваньцы получают доступ к трем видам гражданских услуг, включая обязательное образование, могут пользоваться шестью основными государственными услугами и девятью удобствами, предоставляемыми страной и местом проживания.

Культурные аспекты: использовать преимущества провинции Фуцзянь и культуры Мацзу. Расположенная на юго-восточном побережье Китая и географически близкая к Тайваню, провинция Фуцзянь обладает уникальными преимуществами: около 85% населения Тайваня ведут свое происхождение из провинции Фуцзянь и провинции Гуандун, более 70% жителей Тайваня говорят на языках «хоккен» (южнофуцзяньский диалект) и «хакка» (древний китайский диалект, сегодня носители его жили в Фуцзяни и на Тайване). Культура Мацзу, как богиня-покровительницы мореплавателей, играет важную роль в культурных обменах: на Тайване насчитывается свыше 800 храмов Мацзу и три четверти тайваньцев исповедуют её культ. Ежегодно Тайванцы приглашают статуи Мацзу из провинции Фуцзянь, место её рождения.

В документах подчеркивают необходимость углублять культурные и гуманитарные обмены между Фуцзянь и Тайванем: поддерживать Сямэньский университет и другие институты в исследовании по поводу Тайваня, содействовать образовательным обменам и сотрудничествам между двумя берегами, проводить такие

¹ 《中国共产党党章》//中国共产党第二十次全国代表大会, 2022年. («Устав коммунистической партии Китая»//20-ый Всеитайский съезд КПК, 2022 г.) URL: <https://www.12371.cn/2022/10/26/ART11666788342244946.shtml>

² Китай запустил новую программу привлечения талантов// Институт статических статических исследований и экономики знаний, НИУ ВШЭ, 28.02.2024. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/900591290.pdf>

мероприятия, как сопоставление родословных Фуцзянь и Тайваня, поиск корней и поклонение предкам, также совместно подать заявку на включение Миньнаньских краснокирпичных зданий и нематериального культурного наследия богини Мацзу в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Заключение

В период правления Си Цзиньпина стратегия материка в отношении Тайваня включает в себя как общую часть предыдущих стратегий, так и новые разработки, соответствующие нынешним условиям. Он придерживается принципа «мирного воссоединения» и курс «одна страна две системы», на основе чего материк принял конкретные политики для укрепления экономической, социальной и культурной связи между обеими берегами Тайваньского пролива.

В долгосрочной стратегической перспективе политическое будущее Тайваня, скорее всего, будет происходить по трем сценариям: (1) мирное воссоединение с КНР; (2) силовое воссоединение с КНР; и (3) сохранение нынешнего положения дел (или статус-кво). Во-первых, под мирным воссоединением понимаются мирные переговоры между правительствами по итогам которых Тайвань добровольно переходит под управление правительства Пекина и становится специальным административным районом Китая. Однако нынешнее состояние долгосрочной политической изоляции и противостояния между двумя берегами делает все более маловероятным достижение воссоединения путем межправительственных мирных переговоров. Во-вторых, силовое воссоединение с КНР. Тайвань и США неоднократно делали прогнозы относительно времени, когда Китай будет проводить силовые действия. США и Тайвань думают, что с развитием, особенно с военным развитием, Китая поставит силовой вариант на приоритетное место. А с точки зрения Китая, с учетом национального развития и управления на Тайване после воссоединения, сила не является приоритетом. Помимо того, судя по реальной ситуации, во-первых, из-за российско-украинской войны тайваньцы не желают поддерживать конфронтацию с Пекином; во-вторых, США надеются, что отношения между двумя сторонами пролива будут ухудшаться, чтобы сдерживать развитие Китая и реализовать стратегию правительства США, направленную на то, чтобы снова сделать Америку великой. Но в то же время США не хотят ввязываться в войну между двумя сторонами пролива, поэтому в настоящее время они не рассматривают возможность пересечения красной линии «одного Китая». Таким образом, третий вариант сохранения нынешнего положения дел – самый вероятный.

Литература

1. 《反国家分裂法》//中华人民共和国第十届全国人民代表大会, 2005. («Закон о борьбе с расколом страны»//10-ое Всекитайское собрание народных представителей КНР, 2005 г.) URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2005/content_63187.htm
2. 习近平在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告//中央委员会, 2017年. (Доклад Си Цзиньпина на 19-ом съезде КПК/Центральный комитет Центральный комитет Коммунистической партии Китая, 2017 г.) URL: <https://www.12371.cn/2017/10/18/AR-TI1508330185050793.shtml>
3. 习近平在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告//中央委员会, 2022年. (Доклад Си Цзиньпина на 20-ом съезде КПК/Центральный комитет Цен-

тральный комитет Коммунистической партии Китая, 2022 г.) URL: <https://www.12371.cn/2022/10/25/AR-TI1666705047474465.shtml>

4. 《中国共产党党章》//中国共产党第二十次全国代表大会, 2022年. («Устав коммунистической партии Китая»//20-ый Всекитайский съезд КПК, 2022 г.) URL: <https://www.12371.cn/2022/10/26/AR-TI1666788342244946.shtml>
5. 中共中央关于党的百年奋斗重大成就和历史经验的决议 (全文)//中央委员会, 2021年. (Резолюции ЦК КПК об основных достижениях и историческом опыте столетней борьбы партии (Полный текст)/Центральный комитет Центральный комитет Коммунистической партии Китая, 2021 г.) URL: https://www.gov.cn/zhengce/2021-11/16/content_5651269.htm
6. 《告台湾同胞书》//全国人大常委会, 1979年. («Обращения к тайваньским соотечественникам»//Постоянный комитет Всекитайского Собрания народных представителей, 1979 г.) URL: http://bbs.fmprc.gov.cn/ziliao_674904/tytj_674911/zcwj_674915/200011/t20001107_7949759.shtml
7. 《台湾问题与中国统一》白皮书//国务院台湾事务办公室, 1993年. («Тайваньский вопрос и воссоединение Китая» Белая книга/Канцелярия по делам Тайваня, 1993 г.) URL: http://www.gwytb.gov.cn/zt/zylszl/baipishu/201101/t20110118_1700018.htm
8. 《一个中国原则与台湾问题》白皮书//国务院台湾事务办公室, 2000年. («Принцип «Одного Китая» и тайваньский вопрос» Белая книга/Канцелярия по делам Тайваня, 2000 г.) URL: http://www.gwytb.gov.cn/zt/zylszl/baipishu/201101/t20110118_1700148.htm
9. 《台湾问题与新时代中国统一》白皮书//国务院台湾事务办公室, 2022年. («Тайваньский вопрос и воссоединение Китая в новую эпоху» Белая книга/Канцелярия по делам Тайваня, 2022 г.) URL: http://www.gwytb.gov.cn/zt/zylszl/baipishu/202208/t20220810_12459866.htm
10. Собрание по случаю 150-летия со дня рождения Сунь Ятсена состоялось в Пекине при участии Си Цзиньпина//Синьхуа Новости, 2016 г.
11. 《关于促进两岸经济文化交流的若干措施》(简称“31条”)//国务院台湾事务办公室, 2018年. («Меры о содействии экономическим и культурным обменам между двумя сторонами пролива» (именуемые «31 мер»)/Канцелярия по делам Тайваня при Госсовете КНР, 2018 г.) URL: http://www.gwytb.gov.cn/zccs/zccs_61195/gza31ta/
12. 《关于进一步促进两岸经济文化交流的若干措施》(简称“26条”)//国务院台湾事务办公室, 2019年. («Меры о дальнейшем содействии экономическим и культурным обменам между двумя сторонами пролива» (именуемые «26 мер»)/Канцелярия по делам Тайваня при Госсовете КНР, 2019 г.) URL: http://www.gwytb.gov.cn/zccs/zccs_61195/a26tacs/201911/t20191104_12214930.htm
13. 《关于应对疫情统筹做好支持台资企业和推进台资项目有关工作的通知》(简称“11条”)//国务院台湾事务办公室, 2020年. («Уведомление о работе по поддержке развития предприятий с тайваньскими инвестициями и продвижении проектов с тайваньскими инвестициями при пандемии» (именуемые «11 мер»)/Канцелярия по делам Тайваня при Госсовете КНР, 2020 г.) URL: http://www.gwytb.gov.cn/zccs/zccs_61195/zltqa11ta/202005/t20200515_12274847.htm
14. 《关于进一步促进两岸经济文化交流的若干措施》(简称“农林22条”)//国务院台湾事务办公室, 2021年. («Меры о поддержке развития тайваньских соотечественников и предприятий с тайваньскими ин-

- вестициями в сельском и лесном хозяйстве в материке» (именуемые «сельское и лесное хозяйство 26 мер»)/Канцелярия по делам Тайваня при Госсовете КНР, 2021 г.) URL: http://www.gwytb.gov.cn/zccs/zccs_61195/n122t/202103/t20210317_12338943.htm
15. 《关于支持福建探索海峡两岸融合发展新路 建设两岸融合发展示范区的意见》(简称“意见”)/中华人民共和国国务院, 2023年。(«Консультация о поддержке Фуцзяня в исследовании новых путей интегрированного развития между двумя берегами, строительстве образцового зона интегрированного развития между двумя берегами» (именуемые «Консультация»)/Госсовет КНР, 2021 г.) URL: http://www.gwytb.gov.cn/topone/202309/t20230912_12566987.htm
 16. 商务部、中央台办、国家发展改革委、工业和信息化部联合印发《关于经贸领域支持福建探索海峡两岸融合发展新路若干措施的通知》//中华人民共和国国务院, 2024年。(Министерство торговли, Канцелярия по делам Тайваня ЦК КПК, Госкомитет по делам развития и реформ и Министерство промышленности и информатизации совместно выпустили «Уведомление о ряде мер в области экономики и торговли для поддержки исследование провинции Фуцзянь новых путей интегрированного развития между двумя берегами»/Госсовет КНР, 2024 г.) URL: <http://www.gwytb.gov.cn/bmst/202401/W020240109408883466622.pdf>
 17. 农业农村部出台《关于农业农村领域支持福建探索海峡两岸融合发展新路的若干措施》//中华人民共和国农业农村部, 2024年。(Министерство сельского хозяйства и сельских дел опубликовало «Несколько мер в сельскохозяйственном и сельском секторе для поддержки провинции Фуцзянь в изучении новых путей интегрированного развития между двумя берегами»/Министерство сельского хозяйства и сельских дел КНР, 2024 г.) URL: http://www.moa.gov.cn/xw/zwdt/202401/t20240105_6444751.htm
 18. 中共福建省委 福建省人民政府关于贯彻落实《中共中央、国务院关于支持福建探索海峡两岸融合发展新路建设两岸融合发展示范区的意见》的实施意见//福建省人民政府, 2023年。(Мнения Комитета провинции Фуцзянь КПК и Народного правительства провинции Фуцзянь о реализации «Консультация ЦК КПК и Госсовета о поддержке Фуцзяня в исследовании новых путей интегрированного развития между двумя берегами, строительстве образцового зона интегрированного развития между двумя берегами»/Комитет провинции Фуцзянь КПК и Народное правительство провинции Фуцзянь, 2023 г.) URL: http://www.gwytb.gov.cn/zccs/zccs_61195/yj/202312/t20231228_12590313.htm
 19. 国家药监局出台《支持福建探索海峡两岸融合发展新路推动药品医疗器械化妆品监管创新发展工作方案》//中华人民共和国国家药品监督管理局, 2023年。(Государственное управление по контролю медикаментов опубликовало «План работы по поддержке провинции Фуцзянь в изучении новых путей интегрированного развития между двумя берегами и содействию инновациям и разработкам в области надзора за лекарствами, медицинскими приборами и косметикой»/Государственное управление по контролю медикаментов КНР, 2023 г.) URL: <https://www.nmpa.gov.cn/yaowen/ypjgyw/zhyw/20231201081905177.html>
 20. 中华人民共和国出入境管理局出台支持福建建设两岸融合发展示范区十项出入境政策措施//中华人民共和国出入境管理局, 2023年。(Управление выезда-въезда КНР опубликовало десять политических мер по выезду-въезду для поддержки строительства в провинции Фуцзянь образцовой зоны интегрированного разви-
 - тия между берегами/Государственное управление по делам миграции КНР, 2023 г.) URL: <https://www.nia.gov.cn/n897453/c1611312/content.html>
 21. Денисов И.Е. Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – № 5. – С. 83–98. DOI: 10.48647/IC-SA.2024.76.76.003
 22. Дикарев, А.Д. Белые книги Пекина по тайваньскому вопросу. Преемственность и новации//Журнал «Российское китаеведение» – 2024. – 1(6) – С. 26–42
 23. И. Е. Денисов Механизм принятия внешнеполитических решений в Китае: особенности реформирования в период после XVIII съезда КПК // Международная аналитика. – 2018. – Номер 2 (24). – С. 29–36.
 24. Китай запустил новую программу привлечения талантов// Институт статических статических исследований и экономики знаний, НИУ ВШЭ, 28.02.2024. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/900591290.pdf>
 25. Кожухова К.Е. Китайская стратегическая культура в белой книге «тайваньский вопрос и причина воссоединения Китая в новую эпоху» / К.Е. Кожухова // Вопросы политологии. – 2022. – Т. 12, № 8(84). – С. 2719–2726. – DOI 10.35775/PSI.2022.84.8.018. – EDN LHSZGE.
 26. Ломанов А.В. От воссоединения к национальному возрождению: современный китайский взгляд на проблему Тайваня//РАН, Тайваньский кризис/ Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова, 2022. – С. 150–174.

THE CPC'S STRATEGIES AND POLICIES ON TAIWAN DURING XI JINPING'S PRESIDENCY

Liu Xin

The article analyzes the strategy and policy on Taiwan during Xi Jinping's presidency. The Taiwan issue, as the core of China's main interests and red line, occupies an important place in the government's work. The purpose of the article is to clarify Xi Jinping's position on the Taiwan issue and his approaches to its solution. Using content analysis, we analyze the reports of the 19th and 20th National Congresses of the CPC, the White Paper "The Taiwan Question and Chinese Reunification in the New Era" and the document "Resolution of the CPC Central Committee on the Major Achievements and Historical Experience of Centuries of Party Struggle", and identify Xi Jinping's four basic principles for resolving the Taiwan question: adhering to the policy of peaceful reunification and "one country, two systems", countering separatism and interference by external forces through military deterrence, strengthening cross-strait exchanges and cooperation to increase Taiwan's income from "independence", and promoting Chinese identity in Taiwan through cultural activities. At the end of the article, special attention is paid to scenarios for future relations between the two sides of the Taiwan Strait, and we predict that the most likely scenario is maintaining the current state of affairs (or status quo).

Keywords: Xi Jinping, CPC strategy, Report of the CPC National Congress, White Paper, cross-Strait relations.

References

1. 《反国家分裂法》//中华人民共和国第十届全国人民代表大会, 2005. («Law on Combating the Divide of the Country»//10th National People's Congress China, 2005) URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2005/content_63187.htm
2. (Report by Xi Jinping at the 19th National Congress CCP// Central Committee Central Committee of the Communist Party of China, 2017) URL: <https://www.12371.cn/2017/10/18/ART1508330185050793.shtml>

3. (Report by Xi Jinping at the 20th National Congress CPC// Central Committee Central Committee of the Communist Party of China, 2022) URL: <https://www.12371.cn/2022/10/25/ART11666705047474465.shtml>
4. 《中国共产党章程》//中国共产党第二十次全国代表大会, 2022年。 (“Charter of the Communist Party of China”//20th National Congress of the CPC, 2022 d.) URL: <https://www.12371.cn/2022/10/26/ART11666788342244946.shtml>
5. Resolution of the CPC Central Committee on the Major Achievements and Historical Experience of the Party's Hundred-Year Struggle (Full text)//Resolutions of the CPC Central Committee on the Major Achievements and Historical Experience of the Party's Hundred-Year Struggle (Full text)//Central Committee of the Communist Party of China, 2021. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2021-11/16/content_5651269.htm
6. 《Addresses to Taiwan Compatriots》//Standing Committee of the National People's Congress, 1979. (“Addresses to Taiwan Compatriots”//Standing Committee of the National People's Congress, 1979) URL: http://bbs.fmprc.gov.cn/ziliao_674904/tytj_674911/zcwj_674915/200011/t20001107_7949759.shtml
7. (“The Taiwan Question and the Reunification of China” White Paper // Taiwan Affairs Office, 1993) URL: http://www.gwytb.gov.cn/ztlzylsz/baipishu/201101/t20110118_1700018.htm
8. “The One China Principle and the Taiwan Question” White book//Taiwan Affairs Office, 2000) URL: http://www.gwytb.gov.cn/ztlzylsz/baipishu/201101/t20110118_1700148.htm
9. “Taiwan Question and Chinese Reunification in the New Era White Paper”//Taiwan Affairs Office, 2022 URL: http://www.gwytb.gov.cn/ztlzylsz/baipishu/202208/t20220810_12459866.htm
10. Meeting to Commemorate the 150th Anniversary of Sun Yat-sen's Birthday Held in Beijing, Attended by Xi Jinping//Xinhua News, 2016
11. 《关于促进两岸经济文化交流的若干措施》(简称“31条”) // 国务院台湾事务办公室, 2018年。 (“Measures on Promoting Cross-Strait Economic and Cultural Exchanges” (referred to as “31 Measures”)//Taiwan Affairs Office under the State Council of the People's Republic of China, 2018) URL: http://www.gwytb.gov.cn/zccs/zccs_61195/gza31ta/
12. “26条”) //国务院台湾事务办公室, 2019年。 (“Measures on further promoting economic and cultural exchanges between the two sides of the Strait” (referred to as “26 measures”) // Taiwan Affairs Office under the State Council of the People's Republic of China, 2019) URL: http://www.gwytb.gov.cn/zccs/zccs_61195/a26tacs/201911/t20191104_12214930.htm
13. (简称“ 11条”)//国务院台湾事务办公室, 2020年。 (“Notice on work to support the development of enterprises with Taiwanese investments and Promoting Taiwanese Investment Projects During the Pandemic (referred to as “11 Measures”)//Taiwan Affairs Office of the State Council of the People's Republic of China, 2020) URL: http://www.gwytb.gov.cn/zccs/zccs_61195/zltqa11ta/202005/t20200515_12274847.htm
14. “Measures to Support the Development of Taiwan Compatriots and Taiwan-Invested Enterprises in Agriculture and Forestry in the Mainland (referred to as the “26 Measures for Agriculture and Forestry”) // Taiwan Affairs Office of the State Council of the People's Republic of China, 2021) URL: http://www.gwytb.gov.cn/zccs/zccs_61195/nl22t/202103/t20210317_12338943.htm
15. “Consultation about support” Fujian in exploring new paths for cross-river integrated development and building a model zone for cross-river integrated development” (referred to as “Consultation”)//State Council of the People's Republic of China, 2021) URL: http://www.gwytb.gov.cn/topone/202309/t20230912_12566987.htm
16. 商务部支持福建探索海峡两岸Ministry of Foreign Affairs (Ministry of Commerce, Taiwan Affairs Office of the CPC Central Committee, The National Development and Reform Commission and the Ministry of Industry and Information Technology jointly issued the “Notice on a Series of Economic and Trade Measures to Support Fujian Province's Exploration of New Paths for Cross-River Integrated Development”//State Council of the People's Republic of China, 2024) URL: <http://www.gwytb.gov.cn/bmst/202401/W020240109408883466622.pdf>
17. The Ministry of Agriculture and Rural Affairs has issued “Several Measures in the Agricultural and Rural Sector to Support Fujian Province in Exploring New Paths for Cross-River Integrated Development”//Ministry of Agriculture and Rural Affairs of the People's Republic of China, 2024. URL: http://www.moa.gov.cn/xw/zwdt/202401/t20240105_6444751.htm
18. 中共福建省委 福建省人民政府关于贯彻落实《中共中央、国于支持福建探索海峡两岸融合发展新路径》(Opinions Fujian Provincial Committee of the CPC and the Fujian Provincial People's Government on the implementation of the “Consultation of the Central Committee CPC and State Council on Fujian's support inexploring new paths for cross-sea integrated development, building a model zone for cross-sea integrated development”// CPC Fujian Provincial Committee and Fujian Provincial People's Government, 2023) URL: http://www.gwytb.gov.cn/zccs/zccs_61195/yj/202312/t20231228_12590313.htm
19. The article “The International Conference on the Study of the Bilateral Integrated Development Zone in Fujian Province” is entitled “The International Conference on the Bilateral Integrated Development Zone in Fujian Province”. The National Medical Products Administration has issued the “Work Plan to Support Fujian Province in Exploring New Paths for Cross-River Integrated Development and Promoting Innovation and Development in the Fields of Supervision of Medicines, Medical Devices and Cosmetics”//National Medical Products Administration of the People's Republic of China, 2023) URL: <https://www.nmpa.gov.cn/yaowen/ypjgyw/zhyw/20231201081905177.html>
20. 中华人民共和国出境入境政策/中华人民共和国出境入境管理局, 2023年。 (Management exit-entry China has published ten policy measures on exit-entry to support the construction of a model integrated development zone between the coasts in Fujian Province//State Administration of Immigration of the People's Republic of China, 2023) URL: <https://www.nia.gov.cn/n897453/c1611312/content.html>
21. Denisov I.E. China's Foreign Policy under Xi Jinping: Continuity and Innovation // Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. – 2017. – No. 5. – P. 83–98. DOI: 10.48647/ICCA.2024.76.76.003
22. Dikarev, A.D. Beijing's White Papers on the Taiwan Question. Continuity and Innovations// Journal of Russian Sinology – 2024. – 1(6) – P. 26–42
23. I. E. Denisov The Mechanism of Making Foreign Policy Decisions in China: Features of Reforming in the Period after the 18th CPC Congress // International Analytics. – 2018. – Issue 2 (24). – P. 29–36.
24. China Launches New Talent Attraction Program// Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge, HSE University, 02/28/2024. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/900591290.pdf>
25. Kozhukhova K.E. Chinese Strategic Culture in the White Paper “The Taiwan Question and the Reason for China's Reunification in the New Era” / K.E. Kozhukhova // Issues of Political Science. – 2022. – Vol. 12, No. 8(84). – P. 2719–2726. – DOI 10.35775/PSI.2022.84.8.018. – EDN LHSZGE.
26. Lomanov A.V. From Reunification to National Revival: A Modern Chinese View of the Taiwan Problem//RAS, Taiwan Crisis/ National Research Institute of World Economy and International Relations named after E.M. Primakov, 2022. – P. 150–174.

Перспективы участия России в ОБСЕ на фоне системного кризиса организации

Матосова Анастасия Павловна,

м.н.с. Лаборатории регионоведения, МГИМО МИД России

E-mail: anas_eg@mail.ru

Работа посвящена теме текущего кризиса Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и участию России в ее деятельности на современном этапе. Автор исследует эволюцию Хельсинкского процесса и текущее состояние ОБСЕ как организации, целью которой является обеспечение сотрудничества государств Евро-Атлантики по широкому спектру вопросов в сфере безопасности, экономики, социально-гуманитарной политики и проблематики прав человека. В исследовании проводится анализ кризиса трех «корзин» Организации с целью оценки значения ОБСЕ для российских национальных интересов и внешней политики в текущих условиях, когда приоритетом для России является построение архитектуры евразийской безопасности. В ходе исследования автор приходит к выводу, что кризисные тенденции в Организации во многом представляют собой не сравнительно недавний феномен текущей геополитической ситуации, а закономерный результат деятельности ряда государств-участников ОБСЕ на начальных этапах Хельсинкского процесса и трансформации СБСЕ в ОБСЕ. Тем не менее, несмотря на вызовы, связанные с деятельностью ОБСЕ и работой российского Представительства при Организации, автор заключает, что в интересах России не радикальный отказ от участия и изоляционизм, а выбор в пользу выжидательной позиции и сохранения российского Представительства при ОБСЕ, которая может быть использована как перспективный инструмент налаживания диалога с европейскими странами после преодоления текущего геополитического кризиса в Евро-Атлантическом регионе.

Ключевые слова: евроатлантическая безопасность, ОБСЕ, СБСЕ, Хельсинкский процесс, три «измерения» ОБСЕ, геополитический кризис, политика «коллективного Запада».

Введение

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), первоначально известная как Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), является крупнейшей региональной организацией в мире, занимающейся вопросами безопасности. Созданная после разрядки между западным блоком и Организацией Варшавского договора (ОВД) в качестве платформы для диалога и сотрудничества, сегодня она объединяет 57 государств-участниц от Северной Америки до Восточной Европы, 11 государств имеют статус партнеров по сотрудничеству. Широкую повестку дня ОБСЕ формируют три «измерения» Организации: безопасность, экономическое и экологическое развитие и защита прав человека.

В настоящий момент ОБСЕ, являвшаяся на этапе своего становления уникальной дипломатической инициативой, служащей цели построения архитектуры общеевропейской безопасности, переживает глубокий системный кризис на уровне всех трех «измерений» ее деятельности. На фоне тотального военно-политического противостояния России и стран «коллективного Запада» ОБСЕ, задуманная изначально как платформа поддержания диалога в сфере безопасности и сотрудничества между Востоком и Западом, превращается в ангажированный западными странами во главе с США инструмент давления на Россию, вплоть до создания условий, напрямую блокирующих нормальное участие российской делегации в деятельности Организации. В этих условиях в российских научных и политических кругах возникает вопрос о ценности продолжения участия России в Организации, время которой, по заявлению критиков Организации, прошло¹.

В рамках настоящего исследования рассматриваются истоки и природа системного кризиса ОБСЕ и перспективы дальнейшего участия России в ее деятельности. Целью работы является определение «переломного момента», после которого Организация начала постепенно отходить от своих первоначальных задач и установок, все более превращаясь в т.н. «клуб по интересам» и в ангажированный «инструмент» в руках Запада, направленный прежде всего против России. Ключевым вопросом исследования является то, какую ценность представляет ОБСЕ в ее текущем состоянии для России и какую роль Организация играет во внешнеполитическом курсе страны.

Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили международные и национальные нормативно-правовые акты и официальные документы ОБСЕ, в частности хельсинкский Заключительный акт 1975 г. (ХЗА), Парижская хартия для Новой Европы 1990 г., Договор об обычных воору-

¹ Бордачев Т. Почему у ОБСЕ изначально не было шансов стать эффективно работающей структурой // РСМД. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analitics-and-comments/comments/pochemu-u-obse-iznachalno-ne-bylo-shansov-stat-effektivno-rabotayushchey-strukturoy/> (дата обращения: 03.05.2025).

женных силах в Европе (ДОВСЕ), Договор по открытому небу (ДОН), Венский документ по мерам укрепления доверия и безопасности, Концепция внешней политики России, отчеты Специальной мониторинговой миссии (СММ) ОБСЕ. Особое внимание в работе было уделено анализу выступлений российских и зарубежных официальных лиц, посвященных рассматриваемой проблематике. Среди источников, использованных в представленном исследовании, также необходимо упомянуть материалы официальных сайтов ОБСЕ (<https://www.osce.org/ru>), МИД России (<https://www.mid.ru>), Постоянного Представительства России при ОБСЕ (<https://osce.mid.ru>), материалы закрытой системы Департамента общеевропейского сотрудничества (ДОС) МИД России, курирующего вопросы ОБСЕ.

В работе также был использован широкий спектр публикаций отечественных и зарубежных авторов, внесших вклад в разработку данной проблематики, прежде всего А.С. Азимова, Л.С. Воронкова, А.А. Громыко, Ю.С. Дерябина, Ю.М. Дубинина, А.В. Загорского, В.В. Журкина, Ю.Н. Рахманинова, А.В. Фененко, О.И. Шакирова, В. Зеллера, А.Д. Ротфельда, Дж. Фримана, Х. Хаккерупа, Р. Холбрука, П. Чилтона и др. Кроме того, автор обращался к публикациям СМИ: ТАСС, РБК, РИА Новости, Коммерсантъ, Российская газета, Парламентская газета и др.

В качестве основы исследования был выбран метод системного подхода. С его помощью удалось провести комплексный анализ системного кризиса ОБСЕ, опираясь на изучение кризисных тенденций, которые проявляются в каждой из трех «корзин» Организации, а также по ряду отдельных направлений ее деятельности (урегулирование украинского кризиса, мониторинг выборов и пр.).

В ходе работы автор использовал такие общенаучные методы, как анализ и обобщение научной литературы и источников, синтез, дедукция и индукция. Для исследования подходов России и западных государств-участников ОБСЕ к реформе Организации был применен метод сравнительного анализа. Из частнонаучных методов при изучении выступлений официальных лиц России и других государств-участников ОБСЕ применялась методика контент-анализа.

Результаты

Проведенное исследование позволяет сделать ряд значимых выводов. Несмотря на распространенное мнение о том, что текущий кризис ОБСЕ, заключающийся в практически полной дисфункции Организации, представляет собой сравнительно недавнее явление, вызванное общим резким ростом конфронтации между Россией и «коллективным Западом», анализ становления и развития «хельсинкского процесса» продемонстрировал, что многие «подрывные» механизмы в структуре ОБСЕ были заложены еще на начальных этапах ее существования [2]. Задуманный как уникальный проект по выработке единой концепции безопасности на евроатлантическом пространстве, которая бы объединила находящиеся в военно-политическом и идеологическом противостоянии коммунистическую и капиталистическую модели развития, «хельсинкский процесс» и образовавшиеся в его результате СБСЕ/ОБСЕ стали олицетворением серьезного компромисса, на который согласились государства западного и восточного блоков в годы «холодной войны» для предотвращения нового вооруженного, в том числе ракетно-ядерного, столкновения в Европе. На первых этапах «хельсинкского процесса» выполнение этой задачи удалось обеспечить достаточно успешно.

Однако, став беспрецедентным событием в истории дипломатии XX века, этот компромисс не был равноправным, что негативно сказалось на функционировании СБСЕ/ОБСЕ впоследствии и во многом объясняет глубокий системный кризис ОБСЕ, наблюдаемый в настоящее время. Подписание хельсинкского Заключительного акта СБСЕ¹ страны Запада увязывали с серьезными уступками со стороны СССР в области правочеловеческой проблематики, последствия которых Советский Союз, очевидно, недостаточно оценил [4]. Почти сразу после подписания ХЗА, государства Запада во главе с США отошли от изначальной миссии «хельсинкского процесса» и стали использовать инструменты Совещания (позднее Организации) для продвижения гуманитарной повестки «по западным лекалам» в государства Восточной Европы в ущерб взаимодействию в рамках первой «корзины» СБСЕ/ОБСЕ, которую СССР и страны советского блока рассматривали в качестве основополагающей [5]. Постепенной монополизацией ОБСЕ со стороны Запада в качестве инструмента воздействия на внутреннее устройство восточноевропейских государств вопреки международным принципам суверенитета и территориальной целостности способствовало и сохранение структурной и организационной гибкости при трансформации Совещания в Организацию, что, прежде всего, нашло свое выражение в отсутствии устава ОБСЕ и необязательной юридической силе ХЗА [2]. Кроме того, западные государства нашли способы преодоления ключевого для деятельности ОБСЕ правила консенсуса, что позволило им превратить Организацию в инструмент, служащий в основном западным интересам. Вскоре после образования ОБСЕ, практика «двойных стандартов», распространившаяся на деятельность ОБСЕ, абсолютизация гуманитарной «корзины» Организации и растущая аморфность ее структур стали частыми объектами справедливой критики со стороны России [6].

Несмотря на это, до 2014 г. ОБСЕ все же удалось достичь ряда положительных результатов в области «жесткой» безопасности в Евро-Атлантике. Одним из ключевых достижений ее деятельности стал ряд международных договоров и соглашений: Венский документ по мерам укрепления доверия и безопасности², ДОВСЕ³, ДОН⁴ и другие документы в сфере безопасности и контроля над вооружениями. В конце XX – первом десятилетии XXI века они играли важную роль в поддержании стабильной архитектуры евроатлантической безопасности [1: 283–326].

При этом, к сожалению, необходимо констатировать, что проблем и трудностей в деятельности ОБСЕ было несравнимо больше. ОБСЕ не смогла внести существенный вклад в разрешение кризисов в Евроатлантическом регионе. Придерживаясь генеральной линии США на сохранение структурной гибкости ОБСЕ и использования ее в качестве инструмента «законного вмешательства»

¹ Заключительный акт СБСЕ – Текст: электронный // Официальный сайт ОБСЕ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.osce.org/files/f/documents/0/c/39505_1.pdf (дата обращения: 19.05.2025).

² Венский документ о мерах укрепления доверия и безопасности 2011 г. // Официальный сайт ОБСЕ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.osce.org/files/f/documents/b/3/86600.pdf> (дата обращения: 15.05.2025).

³ Договор об обычных вооруженных силах в Европе от 19 ноября 1990 ОБСЕ // Официальный сайт ОБСЕ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.osce.org/ru/library/14091> (дата обращения: 15.05.2025).

⁴ Договор по открытому небу от 24 марта 1992 г. // Официальный сайт ОБСЕ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.osce.org/ru/library/14131> (дата обращения: 15.05.2025).

во внутренние дела государств-участников Организации под предлогом осуществления в них реформ в рамках третьей «корзины», государства Запада заблокировали ряд российских инициатив, нацеленных на юридическое закрепление основополагающих принципов ОБСЕ, прежде всего принятие Договора о европейской безопасности [3]. Полевые миссии ОБСЕ были превращены в удобное орудие претворения в жизнь геополитических задач «коллективного Запада»¹.

Катализатором негативных тенденций в ОБСЕ, окончательно высветившим истинные намерения западных государств-участников Организации, стал украинский кризис. В результате его влияния на взаимодействие государств-участников ОБСЕ в рамках первой «корзины» произошел распад заключенных под эгидой ОБСЕ международных договоренностей в области контроля над вооружениями, что стало серьезным ударом по архитектуре безопасности в Евроатлантическом регионе и продемонстрировало неспособность ОБСЕ на современном этапе такую архитектуру обеспечить. С серьезными испытаниями столкнулась и деятельность ОБСЕ в рамках ее второй и третьей «корзин»: тотальная «украинизация» повестки дня Организации заблокировала возможность сотрудничества государств по ключевым тематическим направлениям экономико-экологического измерения ОБСЕ, традиционно рассматриваемого как наиболее перспективного, учитывая, что вопросы экономики и экологии напрямую касаются всех государств-участников Организации; гуманитарная «корзина», в свою очередь, на фоне СВО была превращена Западом в арену для критики и нападок против России.

Непосредственно сам украинский кризис, полностью попадающий в сферу компетенции ОБСЕ, стал одновременно результатом эволюции системного кризиса безопасности в Евро-Атлантике, на который Россия регулярно обращала внимание на заседаниях Постсовета, и «лакмусовой бумажкой» эффективности Организации, ярко высветившей нарушения со стороны ее органов и структур, совершаемые при непосредственной поддержке западного блока государств. В этих условиях Россия была вынуждена отказаться от очередного продления мандатов Специальной мониторинговой миссии (СММ) и Координатора проектов ОБСЕ на Украине, что, по сути, привело почти к полному отстранению Организации от процесса украинского урегулирования, существенно подорвав авторитет ОБСЕ в регионе.

Текущий кризис ОБСЕ и вызовы, с которыми сталкивается деятельность Постоянного Представительства России при Организации, напрямую связаны с глубоким кризисом западного политического сообщества, одной из наиболее заметных площадок проявления которого стала ОБСЕ. После начала СВО России на Украине, западные государства-участники Организации избрали тактику «демонизации» России, стремясь воспрепятствовать полноценному участию России в ОБСЕ. Наиболее серьезным проявлением этой политики стали тотальная «украинизация» повестки дня ОБСЕ; политически ангажированная линия действующего Председательства (ДП); стремление «коллективного Запада» обойти Правила процедуры ОБСЕ и подорвать основополагающее для Организации правило консенсуса; невыполнение институтами ОБСЕ своих мандатов. На все эти нарушения Россия вынуждена регулярно реагировать, призывая своих западных «коллег» в Организации вернуться в русло конструктивного взаимодействия

в интересах возобновления сотрудничества по общей проблематике региональной безопасности, составляющей интерес всех государств-участников ОБСЕ. Эти призывы, однако, в подавляющем большинстве случаев игнорируются западным большинством в Организации, как и долгое время игнорировались российские инициативы по реформе ОБСЕ.

Заключение

В своем современном состоянии ОБСЕ перестала быть организацией, способствующей равноправному и конструктивному диалогу России со странами Запада по общим вопросам безопасности, и нуждается в реформе, которая в условиях военно-политического противостояния России и стран Запада и при сохранении у власти в европейских странах текущих политических элит вряд ли является возможной. Тем не менее, несмотря на уже ставшие регулярными попытки «коллективного Запада» воспрепятствовать участию российской делегации в официальных мероприятиях ОБСЕ, Организация по-прежнему остается важным и в региональном контексте единственным сохранившимся каналом взаимодействия России со странами Евроатлантического региона. Продолжая свое участие в ОБСЕ, несмотря на противодействие США и их европейских союзников, Россия сохраняет возможность проводить свою внешнеполитическую линию и отстаивать национальные интересы на фоне эрозии механизмов евроатлантического сотрудничества, продвигать совместные проекты с партнерами из числа стран постсоветского пространства, поддерживать диалог по наиболее важным вопросам в области безопасности и взаимного доверия. Широкий географический охват ОБСЕ и разветвленная повестка дня Организации, предполагающая рассмотрение проблематики общеевропейской безопасности с позиции ее трех ключевых «измерений», по-прежнему несут в себе значительный потенциал, который, пусть и ослабленный неконтролируемым расширением западных институтов на пространстве ОБСЕ и «антагонистической» позицией по отношению к России, может быть использован в интересах всех государств-участников. Для этого от государств Европы требуется политическая воля вывести исполнительные структуры ОБСЕ из полного подчинения интересам США и Брюсселя и их готовность выстраивать с Россией диалог в духе ключевых принципов международного права и хельсинкского Заключительного акта: суверенного равенства государств, недопустимости вмешательства во внутренние дела друг друга, равной и неделимой безопасности и отказа от политики «двойных стандартов».

Представляется, что в интересах России не радикальный отказ от участия и изоляционизм, а выбор в пользу выжидательной позиции и продолжения участия в ОБСЕ, которая может быть использована как перспективный инструмент налаживания диалога с европейскими странами после завершения СВО и запуска процесса восстановления конструктивного взаимодействия России с Европой и США.

Литература

1. Безопасность Европы. Под редакцией В.В. Журкина. – М.: ВЕСЬ МИР, 2011. 752 с.
2. Воронков Л.С. Хельсинкский процесс и европейская безопасность. Что дальше? – М.: МГИМО-Университет, 2012. 320 с.
3. Данилов Д. Договор о Европейской безопасности в контексте треугольника ЕС–США – НАТО // Индекс безопасности. М., 2010. № 3(94), том 16. С. 67–80.

¹ Белобров Ю. О полевых миссиях ОБСЕ на постсоветском пространстве // Международная жизнь. 2021. № 10. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2571> (дата обращения: 26.05.2025).

4. Дерябин Ю.С. Годы на общеевропейском направлении // Современная Европа. 2007. № 1 (29). С. 117–129.
5. Рахманинов Ю.Н. Место и роль Хельсинкского процесса в современном мире // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2001. № 1. С. 130–137.
6. Zeller W. Russia and the OSCE: from High Hopes to Disillusionment / Institute for Peace Research and Security Policy; University of Hamburg // Cambridge Review of International Affairs. 2005. V.18. Issue 3, October. – pp. 383–402.

PROSPECTS OF RUSSIA'S PARTICIPATION IN THE OSCE AGAINST THE BACKDROP OF THE ORGANISATION'S SYSTEMIC CRISIS

Matosova A.P.

Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The research is devoted to the current crisis of the Organisation for Security and Co-operation in Europe (OSCE) and Russia's participation in its activity. The author examines the evolution of the Helsinki process and the present state of the OSCE as an organisation aimed at ensuring cooperation among Euro-Atlantic states concerning a broad spectrum of issues in the fields of security, economy, social and humanitarian policy, and human rights. The paper analyses the OSCE's crisis encompassing its three "dimensions" in order to evaluate the significance of the Organisation for Russia's national interests and foreign policy today when Russia seeks to establish a Eurasian security architecture as its major priority. In the course of the research the author concludes that the OSCE's crisis trends should be viewed not as a relatively recent phenomenon of the pres-

ent geopolitical situation, but rather as a natural result of the activity led by some OSCE participating states at the early stages of the Helsinki process and during the transformation of the CSCE into the OSCE. Nevertheless, despite the challenges related to the Organization's activity and the work of Russia's Permanent Mission to the OSCE, the author claims that it is in the interests of Russia to adopt a wait-and-see approach, rather than to opt for a radical leave and isolationism. After the current geopolitical crisis in the Euro-Atlantic region has been settled, the OSCE is likely to serve as a promising tool for re-launching a dialogue with European states.

Keywords: Euro-Atlantic security, OSCE, CSCE, Helsinki process, OSCE three "security dimensions", geopolitical crisis, policy of the "collective West".

References

1. Zhurkin V.V. Security of Europe // ed.-comp. V.V. Zhurkin. M.: Ves' Mir, 2011. 752 p.
2. Voronkov L.S. The Helsinki Process and European Security. What's Next? / L.S. Voronkov // M.: MGIMO-University, 2012. 320 p.
3. Danilov D. Treaty on European security in the context of EU – USA – NATO triangle // Security Index. M, 2010. No.3(94). V.16. P. 67–80.
4. Deryabin Yu.S. Years working on the pan-European track // Modern Europe. 2007. No.1(29). P. 117–129.
5. Rachmaninov Yu.N. Place and role of the Helsinki process in the contemporary world // Vestnik RUDN. Series: International Relations. 2001. No.1. P. 130–137.
6. Zeller W. Russia and the OSCE: from High Hopes to Disillusionment / Institute for Peace Research and Security Policy; University of Hamburg // Cambridge Review of International Affairs. 2005. V.18. Issue 3, October. P. 383–402.

Сотрудничество Китая и России в области продовольственной безопасности в контексте инициативы «Один пояс – Один путь»: перспективы и вызовы

Сяо Паньцин,

кандидат политических наук, доцент, Центральный китайский педагогический университет
E-mail: 1758366225@qq.com

Нин Ваньцян,

магистрант Института исследований политических наук и государственного управления, Центральный китайский педагогический университет
E-mail: panqing6688@126.com

Целью статьи является анализ сотрудничества Китая и России в области политики продовольственной безопасности в контексте инициативы «Один пояс – Один путь». Актуальность исследования связана с развитием экономического сотрудничества Китая и России, что является определяющим для национальной безопасности обеих стран. Исходными данными исследования являются статистические данные по социально-экономическим показателям развития продовольственной политики между Китаем и Россией.

В статье автор анализирует основные направления сотрудничества, а также риски и вызовы в этой сфере. К числу последних автор относит отсутствие единых стандартов качества агропродукции, что создает значительные ограничения для продаж; проблемы с логистикой и инфраструктурой, включая высокие транспортные издержки, отсутствие развитых транспортных узлов и хранилищ; непредсказуемость мирового рынка, его подверженность влиянию колебаний мировых цен на продовольствие, в том числе, в связи с геополитическими факторами.

Автор приходит к выводу, что основным вектором развития сотрудничества Китая и России в области укрепления продовольственной безопасности является усиление экономического взаимодействия, которое включает в себя упрощение процедур доступа агропродукции на рынок, улучшение логистики и инфраструктуры. Основой данного взаимодействия является политическое сотрудничество, которое позволяет системно противостоять глобальным экономическим вызовам, способствует усилению собственной политики в области обеспечения продовольственной безопасности двух государств.

Ключевые слова: «Один пояс – Один путь», продовольственная безопасность, экономика, Китай, Россия.

Введение

В настоящее время между Китаем и Россией наблюдается значительный рост комплементарного сотрудничества в агропромышленном секторе экономики. С одной стороны, Россия обладает обширными сельскохозяйственными угодьями и выступает в качестве важного экспортера продовольственных товаров, что отражается на возрастающем объеме производства и экспорта продовольственных товаров. С другой стороны, Китай постоянно расширяет продовольственный рынок товаров и услуг, что выражено в растущих экономических показателях импорта продовольственных товаров и усилении внешнеэкономического сотрудничества с Россией. Так, объем российско-китайской торговли в 2024 году увеличился на 1,9% до 244,8 млрд долларов США, в том числе российский экспорт составил 129,3 млрд долларов, встречные поставки из Китая – 115,5 млрд долларов [1]. Значительное влияние на развитие экономического сотрудничества, которое сегодня становится частью национальной безопасности и экономической независимости, как Китая, так и России, оказывают геополитические факторы, связанные с нестабильной ситуацией на мировом экономическом рынке [2–3].

В условиях геополитической нестабильности развитие политики продовольственной безопасности становится вектором устойчивости национальной экономики обеих стран. Особенно важно, что данная устойчивость формируется и развивается в контексте глобальной экономической инициативы Китая «Один пояс – Один путь». Особенности и перспективам развития данной инициативы посвящено достаточно большое количество отечественных и иностранных исследований [4–10]. Данный стратегический проект напрямую затрагивает экономические интересы России, что отражается на формировании и развитии политики в области продовольственной безопасности.

Несмотря на растущие показатели в области экономического сотрудничества, и Китай, и Россия сегодня сталкиваются с серьезными глобальными экономическими и политическими вызовами. Экономическая инициатива «Один пояс – Один путь» создала институциональные основы для сотрудничества между КНР и РФ в области продовольственной безопасности. С момента выдвижения инициативы «Один пояс – Один путь» в 2013 году сотрудничество Китая и России в сфере продовольствия непрерывно углубляется и расширяется.

Будучи ключевыми производителями и потребителями сельскохозяйственной продукции на глобальном мировом рынке Китая и Россия определяют совместные стратегии продовольственной безопасности, которые влияют и на их собственное развитие, и на глобальный рынок в целом.

Китай и Россия непрерывно сотрудничают в области зерновой экономической политики, что отражается на логистике региональных и глобальных цепочек поставок продукции. Инициатива «Один пояс – Один путь», благодаря предложениям по улучшению транспортной инфраструктуры и логистики, создала необходимую платформу в области аграрного сотрудничества двух стран.

На фоне ускорения процессов глобализации и региональной экономической интеграции практическое взаимодействие Китая и России в таких областях, как обмен сельскохозяйственными технологиями, торговлей агропродукцией, инвестициями в данный сектор экономики, не только повысило уровень взаимной продовольственной безопасности, но и способствовало всестороннему развитию торгово-экономических отношений Китая и России. Достигнутые к настоящему моменту результаты в аграрной сфере заложили прочную основу для дальнейшего углубления сотрудничества Китая и России, открывая широкие перспективы формирования единого экономического продовольственного рынка.

В то же время, такие проблемы, как неустойчивость мировой экономики, недостаточно продуманная политика в области международной логистики, отсутствие единых стандартов в области оценки качества сельскохозяйственной продукции, создает вызовы и определенные риски в области сотрудничества двух стран. Однако, важно подчеркнуть, что зависимость от мирового экономического рынка, роста санкций со стороны стран западной Европы и США, приводит к переструктурированию сотрудничества между Китаем и Россией в сторону его усиления, дополнительно подчеркивают важность формирования совместной аграрной системы в качестве составляющей общего устойчивого пространства экономической и политической безопасности. С учетом происходящих геополитических вызовов, вопросы о том, как оптимизировать механизмы сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс – Один путь», создать инновационные модели технологической синергии в области развития продовольственной политики, согласовать правила зерновой торговли, становятся ключевыми задачами для обеспечения региональной продовольственной безопасности и устойчивого развития двух стран.

Содержание исследования. Сотрудничество Китая и России в сфере продовольственной безопасности: текущее состояние и перспективы

Являясь ключевым экономическим партнером России и крупнейшим мировым рынком сбыта продовольствия, Китай активно укрепляет сотрудничество с Россией в сфере зерновой торговли, причем темпы взаимодействия непрерывно растут. В настоящее время Китай стал крупнейшим импортером российской сои, морепродуктов, говядины и масличной продукции. Так, в 2021 году экспорт подсолнечного, соевого и рапсового масла из России в Китай продемонстрировал высокие темпы роста на 120%, 80% и 65% соответственно.

Основные зерновые культуры, импортируемые Китаем из России, включают сою, кукурузу, пшеницу и ячмень. Хотя в 2021 году доля этих российских культур в общем объеме китайского зернового импорта составляла менее 1%, темпы роста их экспорта в Китай продолжают непрерывно расти. За исключением сои, среднегодовой рост импорта других зерновых категорий в Китай за последние три года в основном находился в диапазоне от 30% до 150% [11].

Как указывают исследования, объем торговли между Россией и Китаем в 2022 году достиг рекордного уровня в 190 миллиардов долларов, а в 2023 году показатель увеличился еще на 26% и составил 240 миллиардов долларов [12]. Средний объем экспорта сельскохозяйственной продукции в Китае составил 6959878,90 тыс. долларов США с 2013 по 2024 год, достигнув исторического максимума в 14831496,56 тыс. долларов США в феврале

2024 года и рекордно низкого уровня в 0,06 тыс. долларов США в июне 2013 года.

Данные показатели постоянно растут, особенно в области экспорта продовольственной продукции Китая, о чем свидетельствуют статистические данные за 2024 год, которые представлены на рис. 1.

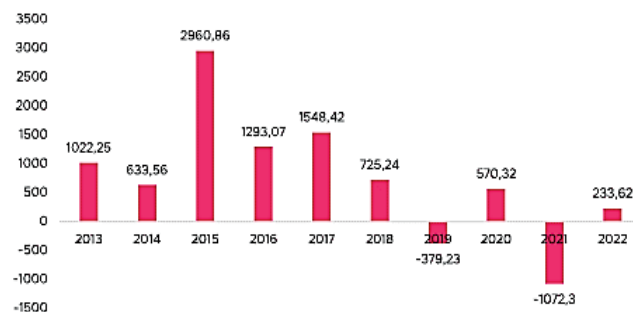

Рис. 1. Поток прямых иностранных инвестиций из Китая в Россию, млн долларов [13, с. 307]

Сегодня Китай активно работает над процедурами ускорения согласования допуска российской сельхозпродукции на свой рынок. Начиная с 2015 года Китаем были разрешены к ввозу российская пшеница, ячмень, гречиха, овес, кукуруза, рис, соя, рапс, подсолнечник, лен, а также соответствующая масличная продукция, жмыхи, люцерна, курятина, говядина и молочные продукты. Совсем недавно была полностью отменена лицензионная система на импорт таких товаров, как пшеница, ячмень, кукуруза и подсолнечник, произведенных на всей территории России. За первые восемь месяцев текущего сельскохозяйственного года (с июля 2024 года по февраль 2025 года) Россия экспортировала в Китай 275 тысяч тонн пшеницы, тем самым впервые превысив поставки американской пшеницы в КНР, что является важной вехой в изменении структуры мирового рынка зерна [14]. Такой интенсивный и стремительный темп открытия рынка является беспрецедентным в истории зернового импорта.

В текущей ситуации стремительное развитие зерновой торговли между двумя странами обладает следующими преимуществами. Во-первых, на внутреннем рынке, как Китая, так и России, наблюдается непрерывное расширение масштабов торговли. В последние годы объем китайско-российской зерновой торговли стабильно растет. Будучи одним из крупнейших мировых импортеров зерна, Китай активизирует сотрудничество с Россией в связи с потребностями в оптимизации и диверсификации структуры зернового импорта.

В 2023 году общий объем сельскохозяйственной торговли между странами превысил 7,2 миллиарда долларов США, причем зерновые культуры (такие как пшеница, соя, кукуруза) заняли значительную долю. Россия стала важным новым источником поставок пшеницы, сои и других сельскохозяйственных товаров для Китая еще в 2023 году [15]. С учетом происходящих изменений в области международной геополитики, Китай уделяет повышенное внимание сотрудничеству с Россией и другими странами БРИКС в сфере продовольствия для обеспечения собственной продовольственной безопасности.

Во-вторых, происходит постоянное углубление инвестиционного и проектного сотрудничества в области политики продовольственной безопасности. Китай и Россия активно развивают взаимодействие в области сельскохозяйственных инвестиций, создания посевных баз и переработки аграрной продукции. Ряд китайских предприятий участвует в освоении земель на Дальнем Восто-

ке, в Забайкалье и других регионах России, реализуя интегрированные проекты по выращиванию и переработке зерна. Например, компании группы COFCO инвестируют в строительство перерабатывающих заводов в России, содействуя экспорту российского зерна в Китай.

В-третьих, между Китаем и Россией происходит активное усиление поддержки на политическом уровне. Правительства двух стран придают высокое значение сотрудничеству в сфере продовольственной безопасности: подписаны соответствующие соглашения, созданы двусторонние механизмы (включая Подкомиссию по сельскохозяйственному сотрудничеству), обеспечивающие политическую поддержку углублению взаимодействия. Ключевые меры в данной области включают упрощение процедур таможенного оформления, экологического и санитарного контроля и транспортировки российского зерна, а также расширение допуска на китайский рынок пшеницы, сои и других продуктов из новых регионов России [16].

Обсуждение результатов исследования.

Проблемы и вызовы в сотрудничестве по продовольственной безопасности

Несмотря на то, что сотрудничество между Китаем и Россией в сфере продовольственной торговли достигло определенных успехов, на рынке сохраняются некоторые проблемы.

К основным проблемам можно отнести следующие проблемы:

1. Во-первых, различия в торговой политике и стандартах. Несмотря на прогресс в доступе сельхозпродукции на рынки, между Китаем и Россией сохраняются торговые барьеры, что требует дальнейших мер по снятию ограничений на доступ части сельскохозяйственных товаров. Кроме того, существуют различия в стандартах качества сельхозпродукции двух стран, включая несовпадение показателей контроля остаточных количеств пестицидов, пищевых добавок и других параметров, что легко приводит к торговым спорам и влияет на эффективность сотрудничества между странами [17].
2. Во-вторых, существуют трудности с транспортировкой продукции и транспортной логистикой. Значительное расстояние перевозки зерна между Китаем и Россией ведет к высоким транспортным расходам. Пограничный контроль и таможенные процедуры носят сложный и бюрократический характер, что сказывается на недостаточном уровне развития логистики. Эти проблемы могут увеличивать потери продукции при транспортировке, повышать дополнительные издержки и влиять на стабильность цепочек поставок.
3. В-третьих, слабость сельскохозяйственной инфраструктуры. В некоторых зернопроизводящих регионах России инфраструктура недостаточно развивается, ощущается нехватка элеваторов, сушильных комплексов и других объектов, что негативно сказывается на послеуборочной обработке и хранении зерна. Китайские агроинвесторы в России также сталкиваются с проблемами несовершенства инфраструктуры для выращивания, переработки, хранения и логистики, что ограничивает эффективность производства и товаропроводящих систем [18].
4. Недостаточные инвестиции в агропромышленный сектор экономики. В российской политике в отношении сельскохозяйственных инвестиций присутству-

ют факторы нестабильности, на фоне которых китайские предприятия могут столкнуться с рисками корректировки политики, изменений в налогообложении и другими вызовами. Кроме того, процедуры согласования иностранных инвестиций в сельское хозяйство в некоторых регионах России остаются сложными, что снижает заинтересованность китайских инвесторов.

Заключение

На фоне продвижения инициативы «Один пояс – Один путь» сотрудничество Китая и России в сфере продовольственной безопасности сформировало модель развития с высокой взаимодополняемостью и огромным потенциалом. С точки зрения текущего состояния сотрудничества, опираясь на свои собственные ресурсные и рыночные преимущества, стороны достигли значительного прогресса в таких аспектах, как торговля сельскохозяйственной продукцией, инвестиции в сельское хозяйство и координация политических решений.

Китай, являясь крупнейшим в мире потребительским рынком продовольствия, демонстрирует устойчивый рост спроса на импорт российской сельхозпродукции; в 2023 году общий объем сельскохозяйственной торговли превысил 7,2 миллиарда долларов США, и Россия стала важным новым источником поставок в Китай таких товаров, как пшеница и соя. При этом китайские предприятия углубляют инвестиции и проектное сотрудничество в сельском хозяйстве, особенно на Дальнем Востоке России; интегрированные проекты таких компаний, как COFCO (КОФКО), способствуют экспорту российского зерна. На политическом уровне стороны через многосторонние и двусторонние механизмы обеспечивают институциональные гарантии сотрудничества, ускоряя процедуры одобрения доступа сельхозпродукции и значительно повышая степень открытости рынков.

Однако сотрудничество по-прежнему сталкивается с многочисленными вызовами, к которым можно отнести различия в торговой политике и стандартах, которые создают барьеры для выхода продукции на рынки стран, а также понимают вопросы проверки контроля качества продукции; большая протяженность трансграничных перевозок и слабость логистической инфраструктуры увеличивают издержки, влияя на стабильность цепочек поставок; в некоторых регионах России ощущается нехватка элеваторов и сушильных комплексов, а китайские инвесторы сталкиваются с неопределенностью политики и бюрократическими процедурами. Кроме того, волатильность мирового рынка продовольствия и геополитические риски добавляют внешней неопределенности и создают дополнительные факторы риска для сотрудничества.

Выводы

Несмотря на проблемы и существующие факторы риска в области развития совместного экономического пространства создания продовольственного рынка, в будущем Китаю и России необходимо в рамках инициативы «Один пояс – один путь» активизировать координацию политики, содействовать сближению стандартов качества сельхозпродукции и упрощению доступа продукции на рынок.

Также необходимо увеличить совместные инвестиции в транспортную логистику и объекты хранения, оптимизируя эффективность цепочек поставок. Кроме того, в целях предотвращения дополнительных рисков Китаю и России нужно работать в сотрудничестве, чтобы

совместно создать механизмы противодействия рискам в агроинвестициях, повышая устойчивость продовольственной безопасности двух стран.

Углубляя практическое сотрудничество, стороны не только смогут повысить уровень собственной продовольственной безопасности, но и внесут важный вклад в стабильность глобальных продовольственных цепочек поставок и развитие региональной экономической интеграции. Однако, осуществление указанных нами рекомендаций невозможно без формирования устойчивой политической системы партнерских отношений Китая и России, которая позволит противостоять как внешним угрозам глобального рынка, так и собственной национальной безопасности двух стран.

Литература

1. О российско-китайской торговле по итогам 2024 года. URL: https://pekin.mid.ru/ru/news/o_rossiysko_kitayskoy_torgovle_po_itogam_2024_goda/ (дата обращения: 10.06.2025).
2. Мамычев А.Ю., Цзоу Л. Российско-китайские отношения в третьем тысячелетии: геополитические и социально-культурные основы развития // Философия права. 2016. № 4. С. 30–34.
3. Lyubashits V., Mamychhev A., Mamychheva D., Vronskaya M. The Northern Caucasus in the 21st Century: Sociocultural and Political-Economic Viability of Russia's State sovereignty // Central Asia and the Caucasus. 2016. Т. 17. № 3. С. 14–22.
4. China and Russia: just diplomatic friends with military benefits. South China Post. URL: <http://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/1788909/china-and-russia-just-diplomatic-friends-military> (дата обращения: 13.06.2025).
5. Chuvilov IA, Malevich JI. Community with a shared future for mankind, and how this concept is related to the Belt and road initiative. Journal of the Belarusian State University // International Relations. 2022. № 1ю Pp. 43–50. <https://doi.org/10.33581/2521-6848-2022-1-43-50>
6. Смоляков ДА. Перспективы российско-китайского гуманитарного сотрудничества в рамках реализации инициативы «Один пояс, один путь» // Образование и наука. 2018. № 7. С. 68–87.
7. Лукин А.В., Лузянин С.Г., Ли Синь, Денисов И.Е., Сыроежкин К.Л., Пятачкова А.С. Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи. Москва: Научный эксперт, 2016. 130 с.
8. Петровский В.Е. Новый шелковый путь и его значение для России. Москва: ДеЛи плюс, 2016. 234 с.
9. Вэй Пэнцзюй. Интеграция культурной индустрии в инициативу «Один пояс – один путь»: вызовы и ответные действия. Отчеты инициативы «Один пояс – один путь». 2018, № 2. Рр. 44–45.
10. Си Цзиньпин. О создании сообщества единой судьбы человечества. Пекин: Центральное издательство переводов, 2021. 691 с.
11. www.customs.gov.cn/customs/302249/zxgk/2799825/302274/myzs75/3840284/3840294/3842415/index.htm (дата обращения : 06.05.2025) .
12. Ministry of Commerce: Sino-Russian bilateral trade in goods in 2023 increased by 26.3% over the previous year]. – URL: https://content-static.cctvnews.cctv.com/snow-book/index.html?item_id=3669769801817947217&toc_style_id=feeds-default&module=ccnews%20%2F%2Fappclient%2Fpage%2Ffeeds%2Fdetail%3Furl%3Dhttps

%253A%20%252F%20%252Fcontent-static.cctvnews.cctv.com%20%252Fsnow-book%20%252Findex.html?item_id=3669769801817947217&toc_style_id=feeds-default&module=ccnews%20%2F%2Fappclient%2Fpage%2Ffeeds%2Fdetail%3Furl%3Dhttps

13. Кашбразиев Ринас Васимович, Чжан Тиншо. Перспективы развития инициативы «Один пояс, один путь» в контексте стратегического партнерства России и Китая // Экономические науки, 2024. № 8 (237). С. 304–309.
14. Артюков О. Россия впервые потеснила США на аграрном рынке Китая. URL: <https://www.pravda.ru/economics/2190083-zerno> (дата обращения: 14.06.2025).
15. Чжан Цюпин, ЛюЮань. Влияние торгового упрощения на китайско-российскую торговлю [J]. «Национальная экономика обращения». 2024. № 21. P85–88. DOI:10.16834/j.cnki.issn1009-5292.2024.21.015.
16. Даниловских Т. Е., Кузьмичева И.А., Флик Е.Г., Кузьмичев Д.И. Этапы развития и формы приграничной торговли между Китаем и Россией. Территория новых возможностей // Вестник Владивостокского государственного университета. 2016. № 3 (34). С. 16–22.
17. Лю Чжэнган. Анализ влияния западных экономических санкций на китайско-российскую торговлю в контексте российско-украинского конфликта [J]. Журнал «Ежемесячник цен». URL: <https://www.imemo.ru/files/File/en/Articles/2023/SibStud-042023-Lukonin.pdf> (дата обращения: 10.06.2025).
18. Ван Хайлун. Исследование путей качественного развития китайско-российской торговли в новую эпоху [J]. «Экономика и торговля нашего времени». 2024. № 21 (04).

COOPERATION BETWEEN CHINA AND RUSSIA IN THE FIELD OF FOOD SECURITY WITHIN THE CONTEXT OF THE BELT AND ROAD INITIATIVE: PROSPECTS AND CHALLENGES

Xiao Panqing, Ning Wanqiang
Central China Normal University

The purpose of the article is to analyze cooperation between China and Russia in the field of food security policy in the context of the «One Belt – One Road» initiative. The relevance of the study is associated with the development of economic cooperation between China and Russia, which is crucial for the national security of both countries. The initial data of the study are statistical data on socio-economic indicators of the development of food policy between China and Russia.

In the article, the author analyzes the main areas of cooperation, as well as risks and exports in this area. Among the latter, the author includes the lack of uniform quality standards for agricultural products, which creates significant restrictions on sales; problems with logistics and infrastructure, including high transportation costs, lack of developed transport hubs and storage facilities; unpredictability of the world market, its susceptibility to fluctuations in world food prices, including due to geopolitical factors.

The author concludes that the main vector of development of cooperation between China and Russia in the field of strengthening food security is strengthening economic interaction, which includes simplifying procedures for access of agricultural products to the market, improving logistics and infrastructure. The basis of this interaction is political cooperation, which allows us to systematically confront global economic challenges and helps strengthen our own policies in the field of food security for the two countries.

Keywords: «One Belt – One Road», food security, economy, China, Russia.

References

1. On Russian-Chinese trade in 2024. URL: https://pekin.mid.ru/ru/news/o_rossiysko_kitayskoy_torgovle_po_itogam_2024_goda/ (date of access: 06/10/2025).

2. Mamychhev A.Yu., Zou L. Russian-Chinese relations in the third millennium: the geopolitical and socio-cultural foundations of development // *Philosophy of Law*. 2016. No. 4. pp. 30–34.
3. Lyubashits v., Mamychhev A., Mamychheva D., Vronskaya M. The NorthernCaucasus in the 21st Century: Sociocultural and Political-Economic Viabilityof Russia's State sovereignty // *Central Asia and the Caucasus*. 2016.T. 17. N3.C.14–22
4. China and Russia: just diplomatic friends with military benefits. *South ChinaPost*.URL: <http://www.scmp.com/ews/china/diplomacy-defence/article/1788909/china-and-russiajust-diplomatic-friends-military>(ДараобращениЯ:13.06.2025)
5. Chuviylo IA, Malevich I. Community with a shared future for mankind, andhow this concept is related to the Belt and road initiative. *Journal of theBelarusian State University // International Relations*. 2022.No I1 Pp.43–50<https://doi.org/10.33581/2521-6848-2022-1-43-50>
6. Smolyakov D.A. Prospects of Russian – Chinese Humanitarian Cooperation within the Framework of the “Belt and Road” Initiative // *Education and Science*. 2018. No. 7. Pp. 68–87.
7. Lukin A.V., Luzyanin S.G., Li Xin, Denisov I.E., Syroezhkin K.L., Pyatachkova A.S. China's Global Project for Eurasia: Problem Statement. Moscow: Nauchnyy Ekspert, 2016. 130 pp.
8. Petrovsky V.E. The New Silk Road and its significance for Russia. Moscow: Delhi Plus, 2016. 234 p.
9. Wei Fengju. Integration of the cultural industry into the Belt and Road initiative: challenges and responses. “One Belt– One Road” analysts’ reports. 2018, No. 2. pp. 44–45.
10. Xi Jinping. On the creation of a community with a common destiny for mankind. Beijing: Central Translation Publishing House, 2021. 691 p.
11. www.customs.gov.cn/customs/302249/zxgk/2799825/302274/myzs75/3840284/3840294/3842415/index.htm (дана обращения : 06.05.2025) .
12. Ministry of Commerce: Sino-Russian bilateral trade in goods in 2023increased by 26.3% over the previous year.-URL: https://content-taticcctv.com/snow-book/index.html?item_id=cctvnews.3669769801817947217&toctypeid=feedsdefault&module=c-cnews%3A%2F%2Fappclient%2Fpage%2Ffeeds%2Fdetail%3Furl%3Dhttps%253A%252F%252Fcontent-static.cctvnews.cctycom%252Fsnow-book%252Fimnd (visited on 05/16/2024)
13. Kashbraziev Rinas Vasimovich, Zhang is More Quiet. “One Belt, One Road” innovation development projects in the context of the strategic Partnership between Russia and China // *Astronomical Sciences*, 2024. No. 8 (237). pp. 304–309.
14. Artyukov O. For the first time, Russia has displaced the United States in the Chinese agricultural market. URL: <https://www.pravda.ru/economics/2190083-zerno> (date of request: 06/14/2025).
15. Zhang Qiuping, Luban. The impact of trade facilitation on Sino-Russian trade [J]. “Thenational economy of circulation.”2024.№ 21.P85–88.DOI:10.16834/j.cnki.issn1009- 5292.2024.21.015.
16. Danilovskikh T. E., Kuzmicheva I.A., Flick E.G., Kuzmichev D.I. Stages of development and forms of cross-border trade between China and Russia. The territory of new opportunities // *Bulletin of Vladivostok State University*. 2016. No. 3 (34). pp. 16–22.
17. Liu Zhenggang. Analysis of the impact of Western economic sanctions on Sino-Russian trade in the context of the Russian-Ukrainian conflict [J]. *Monthly Price Magazine*.URL: <https://www.imemo.ru/files/File/en/Articles/2023/SibStud-042023-Lukonin.pdf> (date of request: 06/10/2025).
18. Wang Hailong. A study of ways of qualitative development of Sino-Russian trade in a new era [J]. “Economics and trade of our time”. 2024. № 21 (04).

Инициатива «Пояс и путь» как инструмент «мягкой» силы Китая

Пархитко Николай Петрович,

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики, РУДН им. Патриса Лумумбы; доцент кафедры политологии Финансового университета при Правительстве РФ
E-mail: scharnchorst@mail.ru

Курбанов Магомед Адамович,

студент кафедры теории и истории международных отношений, РУДН им. Патриса Лумумбы
E-mail: info@kurbanovph.ru

Инициатива «Пояс и путь» – ключевой элемент не только экономической дипломатии Китая, но и всей его внешней политики. Проект направлен на формирование нового типа региональной интеграции, подразумевающего создание азиатского сообщества на базе не только торговых, энергетических и инфраструктурных связей, но и схождения исторических и культурных факторов. Инициатива позволяет Китаю укрепить экономические связи со странами-участницами, диверсифицировать экспортные рынки и обеспечить доступ к критическому сырью. В рамках инициативы осуществляются образовательные и экологические программы, проекты помощи домохозяйствам, форумы по борьбе с коррупцией и другие мероприятия, укрепляющие межкультурные отношения между странами. Долгосрочность инициативы (в случае стабильного развития) даёт возможность возвращать в нужном духе не одно поколение людей и закреплять у них новое мышление и образ действия.

Ключевые слова: инициатива, международное сотрудничество, инфраструктура, транспортные коридоры.

Введение

Актуальность темы исследования «Пояс и путь» (Пип) обусловлена интересом к внешнеполитической инициативе Китая. Проект предполагает формирование новой модели международного сотрудничества, что делает его изучение актуальным для исследователей.

Инициатива была выдвинута председателем КНР Си Цзиньпином в сентябре 2013 года. Она объединила два проекта: «Экономический пояс Шёлкового пути» и «Морской Шёлковый путь XXI века».

При этом важным аспектом становится не только реализация коммерческих инициатив, но и опора на историческую общность и культурное схождение народов, что позволяет перейти от сугубо экономического партнёрства к более тесному взаимодействию различных обществ. Мягкая сила Китая в контексте данной инициативы проявляется через формирование позитивного и надёжного образа страны, готовой к взаимовыгодной кооперации и заинтересованной в поддержании стабильности мирового порядка.

В этом смысле Пекин демонстрирует близость к экономическим ценностям, традиционно ассоциируемым с глобальным Западом, таким как свобода торговли, открытость рынков и международное сотрудничество на равноправной основе. Кроме того, китайская цивилизация предлагает собственные идеи «мирного развития» и «взаимной выгоды», которые призваны действовать в качестве фундамента межгосударственных контактов и способствуют популяризации образа Китая как страны, стремящейся к гармоничному сосуществованию с другими. Существенным звеном данного проекта также становится утверждение принципов глобального управления в китайском стиле, во многом фокусирующегося на расширении механизмов диалога, снижении конфликтного потенциала и формировании сети взаимозависимых партнёров.

В то же время инициативе «Пояс и путь» отводится особая роль в условиях замедленной экономической интеграции Запада: когда традиционные торговые и финансовые связи в западном пространстве испытывают кризисные явления, предложение Китая по созданию новых каналов обмена товарами, услугами и идеями выглядит особенно привлекательным, поскольку оно даёт возможность многим странам выйти на более высокий уровень сотрудничества и диверсификации экономических контактов, не теряя при этом своих суверенных интересов и культурной идентичности.

Результаты исследований и их обсуждение

Инициатива «Пояс и путь», официально анонсированная Китаем в 2013 году, изначально была направлена на масштабное укрепление связей во всех частях света за счёт строительства железных дорог, портовой инфраструктуры, современных логистических коридоров, а также развития телекоммуникационных и спутниковых сетей. Однако со временем она превратилась и в полноценный инструмент так называемой мягкой силы, благодаря которому Китай формирует позитивный образ своей страны в глазах мировой общественности. Суть мягкой силы здесь заключается не в военных или прямых экономиче-

ских механизмах влияния, а в создании привлекательного имиджа, выстраивании доверительных отношений с многочисленными партнёрами и продвижении альтернативного подхода к международному сотрудничеству¹.

«Пояс и путь» представляет собой масштабную китайскую стратегическую концепцию, которая официально была предложена в 2013 году и объединила два крупных проекта: «Экономический пояс Шёлкового пути» и «Морской Шёлковый путь XXI века».

В основе инициативы лежит стремление упростить международную торговлю и логистику, сделав доставку товаров в страны Юго-Восточной Азии, Африки, на Ближний Восток и в Европу более быстрой, дешёвой и эффективной. Китай придаёт особенное значение формированию того, что нередко называют комплексной инфраструктурной сетью, охватывающей как континентальные, так и морские пути. Это позволяет не только стимулировать экономический рост в целевых регионах, но и укреплять взаимные связи между государствами на политическом и культурном уровнях, поскольку развитие транспортной инфраструктуры зачастую сопровождается инвестициями в промышленные, энергетические и технологические проекты (рис. 1).

Рис. 1. Проект «Пояс и путь»

«Экономический пояс Шёлкового пути» нацелен на живую интеграцию нескольких экономических коридоров: развития Евразийского пространства, установления тесной связи между Китаем, Монголией и Россией, а также формирования маршрутов через страны Западной Азии, Пакистана, Индии и всей Юго-Восточной Азии. Причём каждая из этих ветвей предполагает не только улучшение транспортного сообщения, но и реализацию совместных производственных и научно-технических инициатив. Формирование этих коридоров рассчитано на длительный период – ориентировочно на 30 лет, что даёт время не только на создание современной и безопасной инфраструктуры, но и на выстраивание устойчивых экономических систем в каждом регионе. Государства-участники подписывают договорённости, позволяющие координировать строительные проекты, обмениваться технологиями и ресурсами, а также договариваться о таможенных и налоговых преференциях. В итоге это укрепляет двусторонние и многосторонние отношения, формируя новые возможности для роста международной торговли и сотрудничества².

Следующая часть инициативы – «Морской Шёлковый путь XXI века» – включает в себя прокладку двух стратегически важных морских маршрутов из китайских портов. Один из них проходит через Южно-Китайское море и протягивается в направлении южной части Тихого

океана, а второй соединяет Юго-Восточную Азию и Индийский океан с европейскими странами. Эти маршруты нацелены на то, чтобы порты вдоль всего пути активно развивались и превращались в логистические узлы, способные принимать большой объём грузов. Участие государств, расположенных вдоль морских линий, позволяет им модернизировать собственные страны за счёт притока китайских инвестиций, укрепляют их торговые позиции и дают выход на новые мировые рынки. В результате «Морской Шёлковый путь XXI века» не только превращается в коридор, через который товары легче находят путь на глобальные рынки, но и служит платформой для культурного обмена, туристических проектов и развития международных отношений³.

Конечная цель инициативы «Пояс и путь» лежит в создании целостной торгово-экономической структуры, которая сможет охватить огромную территорию от Восточной Азии до берегов Европы и, возможно, в будущем продолжить своё расширение. В этом смысле Китай выступает в роли крупнейшего инвестора, строящего дороги, железнодорожные магистрали, портовую инфраструктуру и телекоммуникационные сети. Вместе с тем проект требует укрепления взаимного доверия между странами, поскольку каждое государство имеет свои экономические интересы и политические приоритеты. Баланс между общими выгодами от расширения торговли и возможными рисками долговой нагрузки или политических компромиссов является важнейшим аспектом дальнейшего развития этой обширной инициативы. Однако многие считают, что проект, рассчитанный на несколько десятилетий, при умелом взаимодействии и учёте региональных особенностей способен привести к формированию новой модели экономической кооперации, которая будет быстрее реагировать на внешние вызовы, обеспечивать рост благосостояния и открывать уникальные возможности для многосторонних партнёрств.

Для Китая данная инициатива служит отражением стремления к мирному развитию и постоянному диалогу, что хорошо сочетается с декларируемыми принципами международных связей, основанными на «Пяти принципах мирного сосуществования». В этих принципах заложен базис для укрепления двусторонних и многосторонних отношений, где ключевыми ценностями выступают солидарность, взаимная выгода и открытость. Механизм формирования доверия строится на том, что Китай представляет себя не назойливым лидером, а партнёром, заинтересованным в обоюдном развитии. Поэтому во многих соглашениях по «Одному поясу, одному пути» указывается на общемировую выгоду, подразумевая, что каждый участник получает доступ к новым рынкам, технологиям и ресурсам. Вследствие этого у Пекина есть возможность расширять круг единомышленников и сторонников в сугубо мирном и созидательном ключе⁴.

Ещё одним важнейшим направлением, превращающим «Пояс и путь» в фактор мягкого влияния, выступают экономические связи, которые Китай активно укрепляет со странами-участницами. Он поставляет свои товары на разнообразные рынки, тем самым диверсифицируя экспортные каналы и снижая потенциальные риски внешнего давления на собственную экономику. Это особенно значимо в условиях, когда международная обстановка может меняться по непредсказуемым сце-

¹ Акматалиева А.М. Инициатива «Один пояс – один путь» в Центральной Азии // Сравнительная политика. – 2018. – № 4. – С. 139–146.

² Алимов Р.К. Центральная Азия – регион сотрудничества, а не соперничества // Обозреватель. – 2020. – № 10 (369). – С. 5–21

³ Андропова И.В. Прямые иностранные инвестиции Китая в страны ЕС / И.В. Андропова, Д.С. Соколан // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2018. – № 4 (51). – С. 67–78

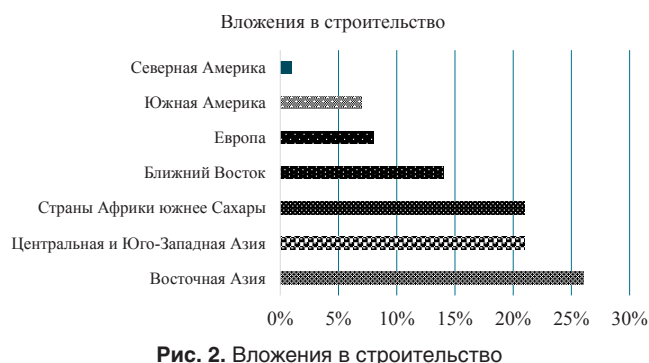
⁴ Воробьев А.В. Казахстан между российским и китайским интеграционными проектами // Центральная Азия. – 2018. – № 1 (1). – С. 75–97

нариям. К тому же страны-партнёры заинтересованы в совместных проектах: китайские инфраструктурные инициативы создают рабочие места, привлекают инвестиции и зачастую способствуют развитию локальных отраслей. Одновременно Пекин таким образом получает доступ к критически важному сырью и ресурсам, сохраняя гибкость в вопросах поставок энергии и редких материалов.

Наряду с экономическими выгодами, «Пояс и путь» приносит пользу и в гуманитарной сфере. Сюда относятся различные образовательные проекты, культура обменов молодёжью, а также природоохранные программы, направленные на сокращение экологических рисков.

В результате в сознании участников рождается образ сообщества, которое способно синхронизировать транспортные коридоры, энергетические системы и научно-технологические стандарты ради всеобщего блага. По состоянию на 15 мая 2025 года у Китая заключено более двух сотен соглашений о взаимодействии, которые охватывают свыше 150 государств и свыше 30 международных организаций. Подобный масштаб даёт основания говорить, что «пояс, один путь» сохраняет и развивает статус влиятельного инструмента мягкого влияния, увязывая воедино дипломатические, инфраструктурные, культурные и экономические инициативы для достижения взаимовыгодных целей.

Инициатива «Пояс и путь» с момента своего запуска в 2013 году сыграла огромную роль в развитии международных инвестиционных и инфраструктурных проектов, объединив под своим названием целый ряд государств и регионов по всему миру¹. Китай к концу 2022 года вложил в строительство и иные формы капиталовложений в странах, вовлечённых в инициативу, порядка 950 млрд долларов. Наибольшая часть инвестиций была направлена в Восточную Азию, где сосредоточилось 26% от общего объёма, а также в Центральную и Юго-Западную Азию, которые вместе суммарно получили 21%. Не меньшую значимость вложения приобрели в странах Африки южнее Сахары: данному макрорегиону досталось ещё 21% средств, а Ближний Восток получил 14%. Инвестиционный поток дошёл и до Европы – 8%, затем за ней следует Южная Америка с долей в 7%, а в Северную Америку пришлось всего около 1%. При этом Всемирный банк прогнозирует, что к 2030 году данная инициатива будет способствовать созданию примерно 420 тысяч новых рабочих мест вдоль её маршрутов, что в перспективе может заметно повлиять на экономический рост стран-участниц и повысить их транспортную и логистическую интегрированность (рис. 2).

Немаловажным показателем широкой географии проекта служит тот факт, что по состоянию на 13 мар-

¹ Дэкунь К. Мегaproект «Один пояс и один путь» Китайской Народной Республики как фактор укрепления евразийской интеграции: дис. ... канд. полит. наук / К. Дэкунь. – Владивосток, 2020. – 197 с.

та 2022 года Китай сумел заключить в рамках «Пояса и пути» более сотни соглашений о сотрудничестве, точнее – 148 договоров с различными государствами и 31 международной организацией. Расширение масштабов проявилось и в конкретных экономических результатах: в 2022 году региональный охват вложений охватил 54 страны-участницы, причём 26 государств выступили получателями прямых инвестиций, а в 47 шло активное строительство. Среди наиболее крупных получателей средств первенство осталось за Венгрией, куда было направлено около 7,6 млрд долларов, затем две ключевые позиции занимают Саудовская Аравия с 5,6 млрд и Сингапур с суммой около 2,5 млрд долларов. Помимо сухопутных проектов, стремительно развивается и «Морской Шёлковый путь XXI века», который является морским направлением данной инициативы и охватывает не только ключевые торговые пути, но и 147 портов в 46 странах и регионах².

К апрелю 2024 года на 128 контейнерных маршрутах этого морского направления наблюдался существенный рост: количество регулярных рейсов увеличилось на 17,7% в сравнении с аналогичным периодом прошлого года, а общая пропускная способность выросла на 13,7%, что свидетельствует о переходе перевозок на новый уровень эффективности и организации логистики. В этот же период суб-индекс экспортно-импортной торговли в рамках «Морского Шёлкового пути XXI века» поднялся на 2,34% в годовом сравнении.

Однако прирост по отдельным видам операций был неравномерным: суб-индекс экспортной торговли показал снижение примерно на 1%, а импорт, напротив, продемонстрировал заметный подъём – на 7,26%. Данный тренд может быть связан с большими потребностями стран-участниц в широком спектре товаров, необходимых для внутренних рынков и реализации совместных инфраструктурных проектов. Всё это указывает на стремительное развитие и диверсификацию «Пояса и пути», в рамках которого морская составляющая уже стала столь же важной, сколь и традиционные сухопутные коридоры, что в итоге способствует углублению межрегионального сотрудничества и формированию глобальных экономических связей нового уровня³.

Инициатива «Пояс и путь», которую Китай активно продвигает с середины 2010-х годов, была задумана как глобальный экономический и инфраструктурный проект, способствующий расширению торговли, увеличению объёмов инвестиций и созданию новых транспортных коридоров. Одновременно главным элементом этой инициативы стало стремление Китая усилить свою мягкую силу, демонстрируя способность к международному сотрудничеству, взаимной выгоде и открытому диалогу. Однако за последний период обозначился ряд значительных проблем, способных негативно влиять на восприятие Китая в мире и замедлять развитие самой инициативы, что требует переосмысления её дальнейшего продвижения и совершенствования.

Одной из основных сложностей стало обострение ситуации с ухудшением глобального имиджа Китая. Во многом это вызвано как внешним противодействием, так и ростом долговой нагрузки на развивающиеся страны-реципиенты. Китай, выделяя крупные креди-

² Еремекбаев А. Китайско-Казахстанское стратегическое партнерство и двустороннее экономическое сотрудничество // Central Asia's affairs. – 2022. – № 85 (1). – С. 18–27

³ Забелла А.А. Центральноазиатское направление политики России и Китая в контексте евразийской концепции / А.А. Забелла, Е.Ю. Каткова, А.В. Шабага // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Международные отношения. – 2021. – № 1. – С. 79–90

ты на инфраструктурные проекты, нередко сталкивается с критикой в адрес «долговой дипломатии», когда страны-получатели инвестиций оказываются в затруднительном положении из-за недостаточной способности обслуживать полученные займы. Кроме того, заметное негативное влияние на репутацию инициативы оказала начавшаяся торговая война между США и КНР, которая расколола мировую экономику и породила дополнительную напряжённость среди партнёров Китая. Отдельным вызовом выступила пандемия, в корне изменившая мировую экономическую архитектуру и наглядно продемонстрировавшая нестабильность глобальных торговых цепочек. В совокупности все эти факторы не только снизили привлекательность китайского проекта для многих стран, но и подорвали уверенность в долгосрочности выгод от сотрудничества.

Внутри самого Китая нарастают опасения, что часть проектов в рамках «Пояса и пути» недостаточно рентабельна и не оправдывает вложенные ресурсы. Некоторые аналитики указывают на безрассудное кредитование стран-участниц в погоне за демонстрацией быстрых успехов. Попытки Пекина закрепиться в регионах с высокими экономическими рисками могут привести к невозврату огромных сумм, что способно негативно отразиться на китайской банковской системе и общем состоянии национальной экономики. Тем более что беспрецедентные по масштабам вложения требуют постоянной и тщательной оценки потенциальных рисков, однако зачастую приоритет отдаётся политическим целям, связанным с укреплением влияния и демонстрацией технологической мощи¹.

Ещё одним важным аспектом, с которым сталкивается инициатива, стал рост угроз безопасности. Расширение экономического взаимодействия и строительство новых объектов инфраструктуры способствуют развитию логистики и торговых потоков, однако одновременно создают дополнительные риски. Некоторые наблюдатели обращают внимание на то, что столь масштабный проект становится потенциальной мишенью для террористических группировок. Кроме того, конкуренция за основные маршруты и за распределение инвестиций нередко повышает напряжённость в отношениях между государствами-участниками, которые могут преследовать различные, порой взаимоисключающие интересы в сфере внешней торговли, энергообеспечения и военной безопасности.

Не менее серьёзное противодействие инициатива «Пояс и путь» получает от США и их союзников, а также со стороны Индии. Вашингтон и его партнёры видят в масштабном китайском мегапроекте угрозу американскому присутствию в Азии и собственным экономическим интересам в регионе. Индия, в свою очередь, опасается усиления позиций Китая в Южной и Центральной Азии, поскольку эти территории традиционно рассматриваются Нью-Дели как сферы уверенного национального влияния. Соперничество ведущих держав может превратить обширный регион в арену геополитического противостояния, что ещё больше усложнит реализацию китайских планов².

В то же время у «Пояса и пути» есть значительный потенциал для дальнейшего совершенствования, и его реализация в новых условиях позволяет укрепить роль

¹ Зуенко И.Ю. Китай и ЕАЭС: динамика трансграничного движения товаров и будущее евразийской интеграции / И.Ю. Зуенко, С.В. Зубань // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2017. – № 2. – С. 5–24

² Зуенко И.Ю. Один «Пояс», два пути: восприятие китайских интеграционных инициатив в России и Казахстане // Россия и АТР. – 2018. – № 1 (99). – С. 118–132

Китая как страны, способной предложить инновационные форматы партнёрства. Прежде всего важно учитывать как внешние, так и внутренние факторы, влияющие на успешность инициативы. При планировании и реализации проектов производственные мощности и инфраструктурные объекты следует адаптировать к потребностям регионального развития в самом Китае, уделяя особое внимание Северо-Восточным и Западным провинциям. Это позволит распределять ресурсы более рационально и укреплять экономические связи внутри страны, что положительно скажется на её долгосрочной стабильности.

Параллельно необходимо расширять сферы сотрудничества и не ограничиваться лишь инвестициями в строительство магистралей и портов. Уже накоплен определённый опыт взаимодействия в области медицины – «Шёлковый путь здоровья» стал примером того, как расширение гуманитарных проектов улучшает образ Китая за рубежом. В перспективе это можно дополнить «Цифровым шёлковым путём», ориентированным на развитие современных технологий электронной коммерции, промышленного интернета, инновационных банковских сервисов и глобальных систем связи. Более тесные контакты в подобных передовых областях будут способствовать не только росту взаимной выгоды, но и формированию нового качественного образа Китая как технологического лидера³.

Важнейшим инструментом для продвижения этих идей может стать использование мультимедийных технологий, позволяющих широко транслировать информацию о сути инициативы и показывать её преимущества для повседневной жизни людей в различных регионах.

Немаловажным остаётся вопрос укрепления партнёрских связей не только со странами, которые традиционно рассматриваются как развивающиеся, но и с большими экономиками – США, странами Европейского союза, Японией. Механизмы паритетного сотрудничества с учётом интересов всех договаривающихся сторон помогут избежать чрезмерных асимметрий и упреков в том, что Китай стремится извлечь одностороннюю выгоду. Сильный импульс для успеха проектов придаст готовность Пекина сформировать более прозрачную систему принятия решений, допускать к реализации задуманных планов как местных экспертов, так и специалистов из третьих стран, и рассмотрение вопросов безопасности и окупаемости с разных точек зрения.

В конечном итоге судьба «Пояса и пути» тесно связана с готовностью Китая открыто решать проблемы асимметричной взаимозависимости и придерживаться принципов инклюзивной экономической глобализации. Лишь при условии баланса между экономической выгодой, взаимным доверием, широким культурным обменом и ясной геополитической перспективой данная инициатива сможет преодолеть возникающие препятствия и продолжит играть значимую роль в архитектуре будущего международного сотрудничества.

Литература

1. Акматалиева А.М. Инициатива «Один пояс – один путь» в Центральной Азии // Сравнительная политика. – 2018. – № 4. – С. 139–146.
2. Алимов Р.К. Центральная Азия – регион сотрудничества, а не соперничества // Обозреватель. – 2020. – № 10 (369). – С. 5–21

³ Кашин В.Б. Китайская политика в сфере применения экономических санкций: теория и практика / В.Б. Кашин, А.С. Пятчкова, Л.С. Крашенинникова // Сравнительная политика. – 2020. – № 2. – С. 123–138

3. Андропова И.В. Прямые иностранные инвестиции Китая в страны ЕС / И.В. Андропова, Д.С. Соколан // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2018. – № 4 (51). – С. 67–78
4. Воробьев А.В. Казахстан между российским и китайским интеграционными проектами // Центральная Азия. – 2018. – № 1 (1). – С. 75–97
5. Воронцов А.В. Перспективы «Коридора Китай-Монголия-Россия» в рамках глобального экономического пояса Шелкового пути // Азия и Африка сегодня. – 2018. – № 12. – С. 18–24
6. Дэкунь К. Мегaproект «Один пояс и один путь» Китайской Народной Республики как фактор укрепления евразийской интеграции: дис. ... канд. полит. наук / К. Дэкунь. – Владивосток, 2020. – 197 с.
7. Ермекбаев А. Китайско-Казахстанское стратегическое партнерство и двустороннее экономическое сотрудничество // Central Asia's affairs. – 2022. – № 85 (1). – С. 18–27
8. Забелла А.А. Центральноазиатское направление политики России и Китая в контексте евразийской концепции / А.А. Забелла, Е.Ю. Каткова, А.В. Шабига // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Международные отношения. – 2021. – № 1. – С. 79–90
9. Зуенко И.Ю. Китай и ЕАЭС: динамика трансграничного движения товаров и будущее евразийской интеграции / И.Ю. Зуенко, С.В. Зубань // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2017. – № 2. – С. 5–24
10. Зуенко И.Ю. Один «Пояс», два пути: восприятие китайских интеграционных инициатив в России и Казахстане // Россия и АТР. – 2018. – № 1 (99). – С. 118–132
11. Кашин В.Б. Китайская политика в сфере применения экономических санкций: теория и практика / В.Б. Кашин, А.С. Пятачкова, Л.С. Крашениникова // Сравнительная политика. – 2020. – № 2. – С. 123–138

THE BELT AND ROAD INITIATIVE AS A TOOL OF CHINA'S SOFT POWER

Parkhitko N.P., Kurbanov M.A.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
Financial University under the Government of the Russian Federation

The Belt and Road initiative is a key element not only of China's economic diplomacy, but also of its entire foreign policy. The project is aimed at forming a new type of regional integration, implying the creation of an Asian community based not only on trade, energy and infrastructure ties, but also on the similarity of historical and cultural factors. The initiative allows China to strengthen economic ties with the participating countries, diversify export markets and provide access to critical raw materials. The initiative implements educational and environmental programs, household assistance projects, anti-corruption forums, and other activities that strengthen intercultural relations between countries.

Keywords: initiative, international cooperation, infrastructure, transport corridors.

References

1. Akmatallieva, A. M. (2018). The Belt and Road Initiative in Central Asia. *Comparative Politics*, (4), 139–146.
2. Alimov, R. K. (2020). Central Asia – A Region of Cooperation, Not Rivalry. *Observer*, (10 [369]), 5–21.
3. Andronova, I. V., & Sokolan, D. S. (2018). China's Foreign Direct Investment in EU Countries. *Bulletin of the Pacific National University*, (4 [51]), 67–78.
4. Vorobyev, A. V. (2018). Kazakhstan between Russian and Chinese Integration Projects. *Central Asia*, (1 [1]), 75–97.
5. Vorontsov, A. V. (2018). Prospects of the China-Mongolia-Russia Corridor within the Global Economic Belt of the Silk Road. *Asia and Africa Today*, (12), 18–24.
6. Dekun, K. (2020). The Megaproject "One Belt, One Road" of the People's Republic of China as a Factor in Strengthening Eurasian Integration (Candidate of Political Sciences Dissertation). Vladivostok. 197 p.
7. Yermekbayev, A. (2022). China-Kazakhstan Strategic Partnership and Bilateral Economic Cooperation. *Central Asia's Affairs*, (85 [1]), 18–27.
8. Zabella, A. A., Katkova, E. Yu., & Shabaga, A. V. (2021). Central Asian Direction of Russia's and China's Policy in the Context of the Eurasian Concept. *Vestnik of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations*, (1), 79–90.
9. Zuenko, I. Yu., & Zuban, S. V. (2017). China and the EAEU: Dynamics of Cross-Border Trade and the Future of Eurasian Integration. *Customs Policy of Russia in the Far East*, (2), 5–24.
10. Zuenko, I. Yu. (2018). One "Belt", Two Paths: Perception of Chinese Integration Initiatives in Russia and Kazakhstan. *Russia and the Asia-Pacific Region*, (1 [99]), 118–132.
11. Kashin, V. B., Pyatachkova, A. S., & Krashenninnikova, L. S. (2020). China's Policy on the Use of Economic Sanctions: Theory and Practice. *Comparative Politics*, (2), 123–138.

Актуализация стратегических инструментов научной дипломатии в Российской Федерации в середине 20-х гг. XXI века

Сулейманов Ирек Тавфикович,

кандидат педагогических наук, доцент, Департамент образовательных программ, Институт статистических исследований и экономики знаний, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
E-mail: irek_s@mail.ru

В статье рассматриваются ключевые трансформации стратегических инструментов научной дипломатии в Российской Федерации в условиях изменившегося геополитического контекста середины 20-х годов XXI века. Особое внимание уделено актуализации понятия научной дипломатии, её интеграции в систему государственной научно-технической политики и нормативно-правовой базы. Анализируются изменения в Концепции международного научно-технического сотрудничества (МНТС) 2025 года, включая расширение инструментария, усиление национальных интересов, формирование модели технологического суверенитета и защиту прав российских учёных. Подчеркивается возросшая роль научной дипломатии как механизма преодоления международной напряжённости и продвижения научного влияния России.

Ключевые слова: научная дипломатия, стратегические инструменты, МНТС, геополитика, технологический суверенитет, нормативно-правовая база, международное сотрудничество,

Как справедливо отмечает китайский теоретик и практик научной дипломатии Х. Луо, научная дипломатия – это развивающийся концепт, и он должен адаптироваться по мере изменения геополитического контекста [30].

Анализ процесса эволюции стратегических документов в области МНТС традиционно представлен в работах ведущих отечественных исследователей, в частности, И.Г. Дежиной [3], Г.А. Ключарева [там же], И.В. Данилина [2] и др. В исследовании Р.О. Райнхарда отдельно высвечивается эволюционирование отечественной научной дипломатии в российских стратегических документах [17].

При этом преимущественным фактором отбора стратегических инструментов для анализа выступало эксплицитное упоминание понятия «научная дипломатия» в документах Правительства Российской Федерации. Отметим, что в существующих работах, посвящённых анализу эволюции идей научной дипломатии в стратегических документах Российской Федерации предыдущего десятилетия, зачастую рассматривается имплицитное упоминание концепта научной дипломатии на основе авторских трактовок, что закономерно порождает вопросы к субъективному характеру такого анализа.

Стратегические инструменты научной дипломатии – это политические документы, которые направлены на то, чтобы задать направления того, чего хотят достичь акторы и как реализовать их политические цели. Здесь мы в основном говорим о правительственных документах, которые излагают политику научной дипломатии. Такие документы могут содержать общее «видение» того, чего правительство стремится достичь, или это могут быть более конкретные стратегические декларации, выпущенные правительством или его структурами, такими как Министерство науки и технологий или МИД и пр. [35, р. 12].

Причем идея лидерства обеспечивается не столько прогрессом в науке и инновациях, сколько активным участием в определении международной повестки в этих сферах. На передний план выходит достаточно амбициозная геополитическая составляющая. Именно поэтому научная дипломатия как один из инструментов МНТС приобретает особое значение.

Кроме того, как внутреннее противоречие можно истолковать признание, с одной стороны, приоритета принципов открытости и деполитизированности международного научного сотрудничества [Концепция-2019, 2019, с. 7] на уровне отдельных ученых и коллективов и, с другой стороны, явный геополитический характер самой Концепции-2019.

На основе интерпретации оригинального определения ван Лангенхофе построены классификации, представленные в отечественных работах (к примеру, Г.А. Краснова) [12, с. 11]. Под стратегическими инструментами научной дипломатии понимаются программные (концептуальные) политические документы, задающие стратегические приоритеты и цели страны, а также желаемые результаты: национальные концепции, стратегии национальной безопасности или международного научно-технического сотрудничества. В таких докумен-

тах научная дипломатия редко выступает главной целью или способом реализации интересов страны, однако зачастую в них могут быть обозначены связанные с этой областью положения, такие как создание международных схем сотрудничества в области исследований и содействие международному сотрудничеству с использованием научных обменов ресурсами и знаниями.

Прежде всего, необходимо отметить наличие стратегических документов с эксплицитным упоминанием понятия научной дипломатии.

Отметим, что в рассматриваемых документах просматривается понятийное разделение концептов научной дипломатии и международного научно-технического сотрудничества. При этом в редакции 2025 года присутствуют выверенные определения научной дипломатии и МНТС, в значительной степени уточняющие тончайший водораздел двух этих феноменов.

Рассматривая Концепцию МНТС в редакции 2025 г., с точки зрения ее юридического статуса, необходимо отметить, что она утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 16 мая 2025 г. № 1218-р [9], тогда как документ 2019 г. был одобрен резолюцией профильного Заместителя Председателя Правительства Российской Федерации (8 февраля 2019 г. № ТГ-П8–952) [8]. Как отмечает И.Г. Дежина, фактически это ведомственный документ, за реализацию которого отвечает Министерство науки и высшего образования РФ [3, с. 56]. Очевидно, что новый документ имеет более понятный и значительно усиленный нормативно-правовой статус. Стоит отметить, что в соответствии с упомянутым распоряжением Правительства Российской Федерации Концепция 2025 имеет явный надведомственный характер обязывающей федеральные органы исполнительной власти России направленности «руководствоваться в своей деятельности положениями Концепции».

Вместе с тем, исходным базисом для Концепции 2019 и Концепции 2025, безусловно, является Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации [20], [21]. Концепция 2019 фактически была разработана в рамках реализации СНТР 2016 [14].

Закономерно, что после выхода обновлённой редакции СНТР в феврале 2024 г. появилась новая редакция Концепции МНТС. Примечательно, что в СНТР 2024 впервые на уровне документа стратегического планирования в области государственной научно-технической политики артикулировано понятие научной дипломатии. Посмотреть СНТР 2016. С концептуального ракурса это свидетельствует о планомерной и устойчивой интеграции концепта научной дипломатии и системы ее инструментов в структуру национальной научно-технической политики.

Не углубляясь в экстрагирование имплицитных форм упоминания научной дипломатии в доктринальных документах, все же отметим, что в актуальной редакции Концепции внешней политики РФ [6] заметное внимание уделяется сфере научной дипломатии: в частности, развитию механизмов общественной дипломатии с участием конструктивно настроенных по отношению к России представителей и институтов гражданского общества, а также представителей экспертного и научного сообщества, в контексте популяризации и защите от дискриминации за рубежом отечественных достижений в сфере науки, укреплению образа России как привлекательного государства, содействию научно обоснованным неополитизированным международным усилиям по ограничению негативного воздействия на окружающую среду, повышению эффективности международных научных исследований в сфере здравоохранения, оказанию содействия и развитию связей в гуманитарной сфере,

включая научное сотрудничество (Африка), расширению культурных, научных, и иных гуманитарных связей с государствами региона (Латинская Америка и Карибский бассейн).

В Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации 2016 г. (п. 35), пожалуй, впервые на уровне документа стратегического планирования в области научно-технической политики заявлен ориентир на развитие «механизма научной дипломатии как разновидности публичной дипломатии» (пп. «Г» п. 35) [20]. В актуализированной редакции Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации 2024 г. [21] сохранена преемственность в интеграции научной дипломатии в структуру национальной научно-технической политики, так в пп. «д» п. 32. документа говорится о «формировании модели МНТС и международной интеграции в области научных исследований и разработок» путем развития научной дипломатии, в том числе в рамках международных, национальных и профессиональных организаций, осуществляемой через представительство в таких организациях» [там же]. Стратегия очерчивает глобальные ориентиры для МНТС и научной дипломатии, делая акцент на «защите национальных интересов Российской Федерации в условиях внешнего давления, сохранении идентичности и повышении эффективности российской науки за счет взаимовыгодного международного взаимодействия» [там же].

Следует отметить, что положения Концепции 2025, касающиеся научной дипломатии, выходят за рамки классического понимания стратегических инструментов научной дипломатии, демонстрируя заметную степень детализации и конкретизации вплоть до уровня оперативных решений. Учитывая, что Концепция занимает уровень стратегического инструмента имеет смысл выделить область тактических инструментов научной дипломатии, которые занимают промежуточное положение между системой стратегических и оперативных инструментов, задавая фокусировку стратегического видения роли научной дипломатии путем формирования перечня предпочтительных инструментов научной дипломатии, близких по своему характеру к инструментам оперативного уровня. При этом приходится констатировать фактическое отсутствие упоминания в тексте т.н. вспомогательных инструментов, связанных непосредственно с поддержкой исследований и развития самой теории научной дипломатии, ее профессионализации в теоретическом и практическом ключе. Безусловно, растущая востребованность научной дипломатии потребует уже в обозримом будущем глубоко профессионального специализированного сообщества экспертов, чтобы не только формировать адекватный времени, запросу и ресурсам инструментарий российской научной дипломатии, но и находить общий язык с зарубежными визави.

Истоки научной дипломатии

Достоинно внимания рассмотрение эволюции перечня документов, в соответствии с которыми разработаны Концепции в редакциях 2019 и 2025 г.: если документ прошлого десятилетия отсылает лишь к СНТР 2016 как исходному иницирующему разработке документа началу, то в Концепции 2025 к таковым относится целый перечень документов стратегического планирования: Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом [7], Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации [21], Указ Президента Российской Федерации от 18 июня 2024 г. № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и пе-

речня важнейших наукоемких технологий», Концепция технологического развития на период до 2030 года [10].

Такая композиция исходного правового и содержательного базиса для формирования Концепции 2025 подкрепляет комплексную межсекторальную природу не только МНТС, но и концепта научной дипломатии (рассматриваемой в документе как форму МНТС), находящую свое отражение и в теоретическом дискурсе (к примеру, Л. Айгнер пишет, что «научная дипломатия» возникла как новая политическая концепция, связывающая науку и технологии и международные отношения» [28, р. 1], П.-Б. Руффини также отмечает, что «на стыке науки и внешней политики научная дипломатия страны относится ко всем практикам, в которых взаимодействуют действия исследователей и дипломатов» [32, р. 16].

Действительно, «порты ведомственной приписки» поименованных документов стратегического планирования дают плюральную картину – научная дипломатия находится на пересечении интересов МИД России, Минобрнауки России, Минэкономразвития России и др., а тем самым – внешней, научно-технической, экономической, технологической и др. политик. Здесь уместно привести позицию Л. Айгнера, подчеркивающего, что результирующая из очень широкого и размытого понимания неоднозначность понятия научной дипломатии является важным элементом ее привлекательности [28, р. 4].

Безусловно, для общего контекстуального понимания базовых векторов эволюции понимания научной дипломатии в Концепциях 2019 и 2025 имеет и генеральное понимание международного сотрудничества в области науки и технологий, которое приводится в обоих документах. Если в Концепции 2019 ключевые ориентиры сотрудничества – интеграция российской науки в мировое научное пространство, учет национальных интересов страны, развитие науки и решение глобальных проблем [8, с. 4], то в тексте 2025 г. ощутима переориентация этих векторов в следующих категориях: глобальное научно-технологическое развитие, реализация национальных интересов страны, повышение влияния российской науки, расширение взаимовыгодного взаимодействия, научно-технологическое развитие и технологический суверенитет Российской Федерации [9, с. 3].

Здесь явно прочитывается обусловленная заметными геополитическими корректировками последних лет, эволюция в направлении более активных, целевых, сфокусированных и диверсифицированных подходов в МНТС, выдвигание на первый план национальной повестки при сохранении и глобальной лексикологии в формулировках. Вполне закономерно, что в Концепции 2025 г. артикулируется и ориентир на технологический суверенитет, к примеру, в схожей логике выстроена архитектура раздела МНТС в утверждённой двумя годами ранее Концепции технологического развития на период до 2030 года (в документе не только дается определение технологического суверенитета, но и, в частности, говорится, что технологический суверенитет обеспечивается в том числе с опорой на устойчивое МНТС с дружественными странами [10, с. 9].

В Концепции 2019 описываются рамочные условия реализации МНТС и интересы России в этой сфере – сообразно тогдашним реалиям прочитывается как минимум равновеликость «глобального контекста» и «собственных задач РФ» в формировании «интересов МНТС РФ» [8, с. 4]. Развитие научной дипломатии объясняется в документе в том же ключе: процессы глобализации и интернационализации как импульсы такого развития [там же, с. 5].

Закономерно, что отдельный раздел Концепции 2025 г. посвящен анализу изменившихся внешних усло-

вий реализации МНТС. Обращает на себя внимание, интерпретация, ассиметричная линейной логике конфронтационного подхода – напротив, документ вычерчивает роль науки в категории ее потенциалов для преодоления международной напряженности и последствий санкционного давления. Постулируются прагматические и, очевидно, долгосрочные ориентиры как на сотрудничество с конструктивно настроенными государствами, так и на более широкую открытость в логике использования МНТС как средства «укрепления или восстановления взаимопонимания, доверия и полномасштабного диалога с зарубежными партнерами» [9]. Однако, если обратиться к Концепции 2019 г., то увидим, что это несколько модифицированные положения п. 10, сохранившие, однако, основной свой посыл: ведь они были увязаны в документе 2019 г. с «первой санкционной волной» в отношении России (после 2014 г.) [8].

В пункте 9 Концепции 2025 в качестве одной из задач российской научной дипломатии артикулируется «формирование устойчивой и не подверженной негативному воздействию политической конъюнктуры модели МНТС, обеспечивающей защиту национальных интересов Российской Федерации и сохранение идентичности российской науки» [9]. Очевидно, эта формулировка отсылает нас к п. «д» статьи 32 СНТР 2024 [21] (хотя тезис о защите «идентичности российской научной сферы» содержится и в СНТС 2016 [20], в текст Концепции 2019 он не перешел), одновременно, очерчивая функционал научной дипломатии как «на внешнем контуре» (взаимодействие с негативной (внешней) политической конъюнктурой) и внутренним – формирование «целевой» модели МНТС). Контрастно с редакцией 2025 г. выглядят формулировки в Концепции 2019 г., согласно которым научная дипломатия выступает значимым инструментом при решении задач в категориях «Больших вызовов», ... МНТС с учетом интересов Российской Федерации» [8, с. 5]. Видим, что несколько отстраненное и космополитичное «с учетом» эволюционировало в МНТС, «обеспечивающее защиту национальных интересов» в редакции 2025 г. [9, с. 4].

Отметим, что в обеих редакциях инвариантом остается особая роль объектов крупной исследовательской инфраструктуры для МНТС и научной дипломатии. При этом варьируются приоритетные отрасли научного знания, к примеру, в редакции 2025 г. особое значение придается природоподобным технологиям [9, с. 4].

В Концепции 2025 г. появляются статьи, раскрывающие суть национальных интересов Российской Федерации в области МНТС, а, значит, и определяющие особенности национальной модели научной дипломатии в России. Перечень профильных национальных интересов сформулирован в духе Концепции технологического развития на период до 2030 года, включая технологический суверенитет страны, защиту законных интересов российской науки, укрепление лидерства и пр. Очевиден, более четкий национально ориентированный контур МНТС и его образа результата, что не выбивается из актуальных мировых трендов, к примеру, если рассмотреть увязку понятий научной дипломатии и технологического суверенитета в последних документах ЕС. Примечательно, в этом же разделе в качестве одной из задач, содействующих достижению актуализированных стратегических целей страны в области МНТС указывается «развитие инструментов научной дипломатии» (п. 18., пп. «ж», [9, с. 7]), что в т.ч. подтверждает «статус» документа как «стратегического» для научной дипломатии (в соответствующем разделе документа в редакции 2019 г., речь идет о более общей материи – о «развитии научной дипломатии»).

Принципиальные изменения Концепция 2025 претерпела в перечне и описании принципов МНТС, если в 2019 г. к таковым относили «квадригу»: открытость, деполитизированность, взаимовыгодность и ответственность [8, с. 7], то в редакции 2025 г. последовательность принципов уже такова – открытость, взаимная выгода, ответственность и равноправие [9, с. 8–9]. Исключенный из перечня принцип «деполитизированности» в соответствии с Концепцией 2019 фактически предполагал отказ от вмешательства в МНТС по политическим или идеологическим причинам. Очевидно, этот принцип утратил свою реалистичность, с учетом санкционного и внешнеполитического давления западных стран, коснувшегося и МНТС. Косвенно выведение этого принципа из системы координат МНТС и научной дипломатии отражает общий тренд «дополненной реальности» научной дипломатии, когда она больше не ограничивается «дипломатией позитивного действия», открыв для себя и санкционные механизмы (к примеру, когда по политическим причинам европейские научные организации прерывали диалог с российскими визави). Примечательно, что образовавшаяся лакуна была заполнена принципом «равноправия», фактически прочитываемого как призыв к деполитизации и равноправному диалогу в науке, «независимо от различий экономического, социального, политического или иного характера» [9, с. 9].

Говоря о направлениях МНТС, в Концепции 2025 г. в качестве некоего ранжира появляется понятие «степени суверенности и конструктивности» политики того или иного государства: отныне этот фактор также принимается во внимание при выстраивании сценариев сотрудничества [9, с. 10], задавая вариативность в степени доверительности взаимодействия с той или иной страной: конструктивная или нейтральная политика; дружественные и недружественные страны...

Претерпела корректировку и иерархия МНТС в категориях уровней взаимодействия – в редакции 2025 г. декларируются глобальный, федеральный и региональный, хотя в тексте соответствующего раздела встречаем «старую» разбивку на уровни в терминологии Концепции 2019 г., где речь шла о глобальном, межрегиональном и региональном уровнях (здесь была заложена логика ранжирования от общепланетарных масштабов (к примеру, ООН) к межрегиональным и региональным межстрановым интеграционным объединениям) [9, с. 9–10]. Очевидно, в редакции 2025 г. изначально была интенция ввести новую уровневую таксономию, однако в утвержденном тексте она остается на декларативном уровне.

Определение научной дипломатии

Стоит обратить внимание, что структура Концепции 2016 г. выстроена таким образом, что в основном тексте документа фактически дается определение лишь ключевого термина – МНТС, тогда как «вспомогательные» понятия выведены в глоссарий в конце документа, что предсказуемо ведет к недопониманию в восприятии основного текста (к примеру в отношении понятия «больших вызовов» в работе Р.О. Райнхарда [17]). Вместе с тем, в тексте Концепции 2016 даются важные для интерпретации понятия научной дипломатии хотя и общие, эскизные характеристики (научная дипломатия как особая форма МНТС), избегая конкретики дается скорее контекстуальная интерпретация концепта: научная дипломатия выступает значимым инструментом при решении проблем, связанных с «Большими вызовами», развитии международных пространств и иными задачами публичной дипломатии и МНТС с учётом интересов

Российской Федерации» [8, с. 5]. Положения Концепции дают представление о функциональной акцентуации научной дипломатии на «укрепление или восстановление взаимопонимания, доверия и полномасштабного диалога с зарубежными партнерами, преодоление стереотипов и идеологических разделительных линий». Тем самым на первый план выступает «миротворческий» потенциал научной дипломатии.

Само формализованное определение в глоссарии гласит, что научная дипломатия – это «особая форма МНТС, относящаяся к публичной дипломатии, представляющая собой систему взаимодействий ученых, научных коллективов, организаций, выполняющих исследования и разработки, и взаимосвязанная с ней деятельность органов власти, направленная на развитие международных отношений с учётом интересов Российской Федерации, развития диалога научно-технического сообщества и улучшения взаимопонимания между народами» [8, с. 19].

Дополнительно дается определение упоминаемым в дефиниции научной дипломатии «организациям, выполняющим научные исследования и разработки»: в контексте МНТС – участники МНТС, выполняющие научные исследования и разработки в рамках реализации определенной субъектами МНТС повестки сотрудничества. Таким образом в Концепции 2016 г. имеет место разграничение МНТС и научной дипломатии, подразумевается разнородность двух этих крайне близких и пересекающихся понятий.

Можно констатировать, что подход к формулированию водораздела во многом перекликается с классической «формулой», представленной, в частности, В. Турекианом [36], К. Монтгомери [33], М.Г. Солер [34], по которой, мотивация международного научного сотрудничества – развитие науки; мотивация научной дипломатии – влияние на отношения.

В Концепции 2025 в качестве ключевых понятий в «основное тело» документа выведены три термина: глобальная повестка научно-технологического развития, МНТС и научная дипломатия. При этом трактовка краеугольного для документа понятия МНТС претерпела корректировку: если в редакции 2016 года речь идет о «сотрудничающих сторонах», как акторах МНТС, то в тексте 2025 г. говорится о «субъектах научной и (или) научно-технической деятельности» – тем самым круг акторов МНТС более сфокусирован и сформулирован в категориях действующего Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» [22]. Отчасти это снимает некоторые замечания критиков предыдущей редакции Концепции за «метафоричность и неопределенность многих ключевых понятий» [3, с. 63]. Кроме того, унификация терминологии, безусловно, способствует более органичной интеграции документа в общее правовое поле.

Определение понятия научной дипломатии сформулированное в первом разделе Концепции 2025 фактически представляет собой скорректированную дефиницию 2016 г.: формулировка «организации, выполняющие исследования и разработки» замещена конструкцией «научные организации и образовательные организации высшего образования», что уточняет перечень акторов научной дипломатии и приводит лексику документа в соответствие с действующими нормативно-правовыми актами, в частности, с Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» [23]. Кроме того, корректировка формулировки, очевидно, призвана выделить в вузы в качестве полноценных субъектов научной дипломатии, соразмерных научным организациям (вспомним, что еще в 2019 г. А.В. Торкунов характеризовал университеты как уникальное место для

реализации дипломатической функции академического сообщества [19, с. 25]).

Концепция 2016 включает в себя де-факто и описание ряда ключевых оперативных инструментов научной дипломатии (в классификации Л. ван Лангенхофе), статья 26 раздела IV «Основные мероприятия МНТС Российской Федерации» – основной носитель перечня таких инструментов: деятельность атташе по науке, послы российской науки, представительства российских профильных организаций за рубежом, молодежная научная дипломатия [8, с. 13].

При этом включение этих инструментов в Концепцию 2016 как стратегический инструмент научной дипломатии вполне логично, если обратить внимание на лексику соответствующих статей документа: они по сути формулируют стратегическую донстройку и уточнение уже существующих (**повышение** активности атташе по науке) или оглашают необходимость создания новых (**формирование** института послов российской науки), тем самым действуя в поле стратегического характера Концепции.

Инструментализация научной дипломатии

Конкретика инструментального наполнения научной дипломатии приводится в п. 26 Концепции 2019 г. Лаконичный абзац содержит акцентуацию на таких инструментах оперативного уровня (в классификации Л. ван Лангенхофе), как активизация деятельности атташе по науке, формирование института послов российской науки и института зарубежных представительств отечественных организаций, поддержку молодежной научной дипломатии [8, с. 13]. Здесь же необходимо упомянуть концептуальную увязку научной дипломатии и научной коммуникации (систематизация и активизация деятельности по развитию коммуникации между субъектами МНТС в России и за рубежом, повышение информированности зарубежной аудитории...): об этом говорится в п. 28 Концепции 2019, пусть и имплицитно [там же, с. 14]. Как отмечает, А.В. Торкунов, занимаясь популяризацией научных достижений, а также выступая по разнообразным общественным вопросам, ученые нередко привлекают внимание к международно-политическим проблемам, формируя общественное мнение по ним [19, с. 22].

В редакции Концепции 2025 сохранился как пункт об «активизации научной дипломатии» (на этот раз в разделе V «Основные формы МНТС», [9, с. 15], так и утверждение о «смычке» научной дипломатии и научной коммуникации. При этом перечень инструментов научной дипломатии значительно дополнен, в частности, «повышение роли объединений представителей научной общественности как субъекта научной дипломатии». Появление такого рода инструментов расширяет функциональный диапазон российской научной дипломатии, усиливая компоненту «наука для дипломатии» (использование научного сотрудничества для улучшения международных отношений между странами) [31].

Эта группа инструментов основана на аксиоме интернациональной природы науки [к примеру, 26], ее наднациональным характере, на «корпоративном» свойстве ученых – их неинфицированности идеологиями (по А.В. Торкунову, [19, с. 22]), а также на исходной позиции о том, что ключевым актором научной дипломатии являются ученые, как представители наднационального научного сообщества (как пишет Л. Айгнер, «Научная дипломатия возникла и от самих ученых» [28, р. 1–4]). В этом контексте здесь вполне было бы уместно, вслед за А.В. Торкуновым, использовать термин «академическая дипломатия» [19, с. 22].

К числу новелл в перечне форм активизации научной дипломатии относится и «развитие научно-экспертного

диалога с участием не только экспертов, но и официальных лиц по актуальным общественным и гуманитарным проблемам в целях снижения конфликтного потенциала международных отношений и активного участия научного сообщества в предотвращении и преодолении кризисов и конфликтов [9, с. 16].

В целом можно констатировать, что дополнения в редакции Концепции 2025 обладают значительными потенциалами укрепления так называемых II и III треков дипломатии.

Чрезвычайно значимо, что инструментами научной дипломатии охвачены не только дружественные и нейтральные направления, но и т.н. недружественный спектр современной геополитической палитры. Концепция 2025 прагматично и в асимметрии к действиям недружественных стран, зачастую провоцирующими выход на изоляционистский трек, постулирует ряд ключевых инструментов научной дипломатии на этом направлении: сохранение (где это возможно и отвечает национальным и научным интересам Российской Федерации) присутствия российских научных организаций и образовательных организаций высшего образования в международных проектах с участием недружественных иностранных государств; поддержание научных контактов с представителями конструктивно настроенных в отношении Российской Федерации кругов в недружественных иностранных государствах в интересах решения задач международного научно-технического сотрудничества [9, с. 16]. Таким образом, артикулирован примат национальных научных интересов над (гео)политической конъюнктурой и соответствующим популизмом.

Другим важным вектором научной дипломатии становится ее протекционистское, антидискриминационное направление, актуальность которого, вызвана очевидным запросом научного сообщества в связи с зачастую неэтичным и дискриминирующим характером действий, прежде всего, недружественных стран. В этой логике закономерным выглядит включение в документ «мониторинга обстановки вокруг российских ученых, научных организаций и образовательных организаций высшего образования в целях недопущения в отношении них действий дискриминационного характера, защиты их прав, свобод и законных интересов от иностранных противоправных посягательств» [9, с. 16].

Третьим направлением модернизации инструментария научной дипломатии становится локализация международных научных мероприятий на территории России [там же]. Безусловно, живое знакомство зарубежных представителей научного сообщества с нашей страной, позволит как минимум воочию удостовериться в несостоятельности целого ряда идеологических и иных стереотипов о нашей стране, в «живом» режиме выстроить человеческие отношения с отечественными учеными, а также познакомиться с потенциалами российского научно-исследовательского сектора.

Рассматривая инструментарий научной дипломатии в Концепции 2025 сквозь призму существующих теорий и классификаций, к примеру подхода «стратегических целей» по Т. Флинку и У. Шрайтереру [29], напрашивается вывод о переходе от «триады» (доступ – продвижение – влияние) к «тетраде»: (доступ – продвижение – влияние – защита), подчеркивая возросшую необходимость защиты прав отечественных исследователей от недружественных действий (в терминологии Концепции 2025).

В части, касающейся управления МНТС в новой редакции прослеживается определенная преемственность, в частности, в указании на ключевую роль Совета при Президенте Российской Федерации по науке и образованию (далее – Совет); подчеркивается «профильная»

координирующая функция Минобрнауки России и РАН, а также общая координирующая функция МИД России. Вместе с тем, в отличие от Концепции 2019 отсутствует «адресное» упоминание отдельных федеральных органов исполнительной власти (Минэкономразвития России, Минпромторг России, [8, с. 19]) – формулировки имеют более универсальный, «фронтальный» характер. Обращает на себя внимание, что исключена и конкретизация инструментов координации реализации МНТС: если в Концепции 2019 речь идет о межведомственной Рабочей группе при Совете, то в редакции 2025 г. заключительные положения носят лишь декларативный характер, констатируя «необходимость координации государственных мер и инструментов реализации иных направлений политики Российской Федерации, имеющих принципиальное значение для успешной реализации международного научно-технического сотрудничества» [9, с. 22]. Очевидно, такая формулировка дает более широкое поле для маневра при конструировании механизмов оперативной координации МНТС, равно как и риски отсутствия таковых площадок.

Важное преимущество Концепции 2025 состоит в отсутствии явной дихотомии, обусловленной санкционной политикой Запада: документ выстроен в логике холодной прагматики гениинных национальных интересов России и ее глобальной роли и международной ответственности как великой державы.

Очевидно, что имеет место более тонкая «профилизация» инструментов МНТС с одной стороны и инструментов научной дипломатии – с другой: если наполненное реальным научно-технологическим субстантивом МНТС де-факто реализуемо с дружественными и нейтральными юрисдикциями, то профилем научной дипломатии как становятся недружественные государства, те сообщества, использование в отношении которых полноформатных инструментов МНТС не пройдет сквозь «игольное ушко» санкционных ограничений, а гибкие инструменты научной дипломатии имеют на то шанс.

Меняющиеся внешние и внутренние факторы, обуславливающие корректировку общественного и государственного запроса к российской научной дипломатии и ее эффективности, рассматривались рядом авторов. К примеру, Р.О. Райнхард в одной из своих работ 2021 г. обращает внимание на «структурные недостатки...», которые в 2020 г. стали ещё более острыми. Сообразно времени написания статьи автор выделяет в качестве одного из ключевых факторов пандемию COVID-19 [18].

Разумеется и новые геополитические реалии первой пятилетки 20-х годов XXI столетия стали предметом дискуссии о будущем российской научной дипломатии, в частности, М.В. Вилисов рассуждает о расширении пространства для научной дипломатии вследствие «поворота на Восток» в российской внешней политике [1].

Соотнося актуализированный инструментарий научной дипломатии, зафиксированные в Концепции 2025, с современными подходами, к примеру с сформулированной В. Турекианом целевой триадой научной дипломатии (в английском – три «Е» научной дипломатии: *Expressing, Equipping, Enhancing* [37, р. 2]), можно увидеть, что все из них (может быть, с различной степенью акцентуации и отчетливости) просматриваются в Концепции 2025: демонстрация национальной мощи или влияния, обеспечение лиц, принимающих решения, информацией для поддержки политики, укрепление двусторонних и многосторонних отношений.

Вместе с тем, нельзя не отметить новаторский и не мейнстримовский характер российского подхода к стратегическому инструменту научной дипломатии в целом: если в большинстве стран научная дипломатия боль-

шей частью интегрируется в стратегии внешнеполитического контура, то в России Концепции 2019, как и 2025 демонстрируют принципиально иной, сообразный генетике научной дипломатии подход: СНТР 2024 как и Концепция 2025 являют собой пример интеграции концепта и инструментов научной дипломатии в национальную научно-техническую политику, тем самым выводя на первый план научные интересы страны и научного сообщества.

Вспоминая уроки и успехи научной дипломатии XX в. по снижению ядерной угрозы, американский исследователь Э.У. Колглейзер отмечает, что тогда ученые понимали: наука сама по себе не может решить наши проблемы – только люди могут – но научная дипломатия может помочь [27]. Видится, что таким оптимизмом и верой в комплементарную силу научной дипломатии и должна быть наполнена и движима имплементация рассмотренных документов в области научной дипломатии.

Литература

1. Вилисов М.В. «Поля идей» для научной дипломатии в контексте российского «поворота на Восток». Управление и политика. 2023;2(3):25–45. <https://doi.org/10.24833/2782-7062-2023-2-3-25-45>
2. Данилин И.В. Эволюция международного научно-технического сотрудничества: глобальные тренды и российская политика // Инновации. 2019. № 12. С. 124–134.
3. Дежина И.Г., Ключарев Г.А. Российские Концепции международного научно-технического сотрудничества: смена драйверов развития // Социология науки и технологий. 2020. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-kontseptsii-mezhdunarodnogo-nauchno-tehnicheskogo-sotrudnichestva-smena-drayverov-razvitiya> (дата обращения: 17.06.2025).
4. Демидов А.В. Парадоксы научной дипломатии в меняющемся мире и ответственность ученого. Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2023; 9: 122–124
5. Заботкина В.И. Ментальные пространства научной дипломатии // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2023. – Т. 14. – Выпуск 12 (134). Часть II. URL: <https://history.jes.su/s207987840029823-4-1/>. DOI: 10.18254/S207987840029823-4
6. Концепция внешней политики Российской Федерации, утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>
7. Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом, утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 сентября 2022 г. № 611 https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1829856/
8. Концепция международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации, одобрена Правительством Российской Федерации 8 февраля 2019 г. https://www.minobrnauki.gov.ru/upload/2021/07/kontseptsiya_MNTS_Rossiyskoy_Federatsii.pdf
9. Концепция международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации, утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 16 мая 2025 г. № 1218-п <http://static.government.ru/media/files/vDo5Tl0xJavZh6dOXnypxriAYDNn4Hkk.pdf>
10. Концепция технологического развития на период до 2030 года, утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г.

- № 1315-p <http://static.government.ru/media/files/KI-J6A00A1K5t8Aw93NfRG6P8OlbBp18F.pdf>
11. Краснова Г.А. Научная дипломатия в современном мире: учеб.-метод. материалы № 9/2021 / [вып. ред.: Е.О. Карпинская, И.А. Бочаров]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2021. – 48 с.
 12. Краснова Г. Возможности научной дипломатии в новых геополитических условиях. 23 мая 2022 г. // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozmozhnosti-nauchnoy-diplomatii-v-novykh-geopoliticheskikh-usloviyakh/>
 13. Лагутина М.Л. Российские университеты как акторы научной дипломатии в условиях современного геополитического кризиса // Социальные процессы в российском обществе: проблемы современности и перспективы. Материалы VIII Всероссийской научной конференции с международным участием. Иркутск, 2024, С. 78–85
 14. Об утверждении плана реализации Стратегии научно-технологического развития России, распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 июня 2017 года № 1325-п. <http://static.government.ru/media/files/g5OvkCKBOKLEhAXjN94ogSBEI-V39ObPA.pdf>
 15. Осипов Е.А. Дискуссии о новом мировом порядке в контексте научной дипломатии // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2024. – Т. 15. – Выпуск 1 (135). URL: <https://history.jes.su/s207987840029810-0-1/>. DOI: 10.18254/S207987840029810-0
 16. Панченко В.Я., Торкунов А.В. Ученый как дипломат: наука влияет на решение международных конфликтов и проблем. Вестник РФФИ, 2018, № 1(97), сс. 10–13. DOI:10.22204/2410-4639-2018-097-01-10-17
 17. Райнхардт Р.О. Эволюция концептуальных основ российской научной дипломатии 1996–2016 годов / Р.О. Райнхардт // Научный диалог. – 2020. – № 3. – С. 385–401. – DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-385-401
 18. Райнхардт Р.О. Российская научная дипломатия на распутье: позитивный и нормативный анализ. Вестник МГИМО-Университета. 2021;14(2):92–106. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-2-77-92-106>
 19. Торкунов А.В. Дипломатия академического сообщества: прошлое и настоящее. Мировая экономика и международные отношения, 2019, т. 63, № 9, сс. 22–28. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-22-28>
 20. Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449/page/3>
 21. Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358>
 22. Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О науке и государственной научно-технической политике» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/
 23. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «Об образовании в Российской Федерации» https://legalacts.ru/doc/273_FZ-ob-obrazovanii/
 24. Чубарьян А.О. Научная дипломатия и ее роль в формировании нового мирового порядка // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2023. – Т. 14. – Выпуск 12 (134). Часть II. URL: <https://history.jes.su/s207987840029821-2-1/>. DOI: 10.18254/S207987840029821-2
 25. Шугуров М.В. Научная дипломатия: парадигмальный сдвиг в условиях геополитической турбулентности // Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире. Сборник научных статей IV Конгресса Русского общества истории и философии науки. Москва, 2024, С. 315–318
 26. APS Statement on the International Nature of Science and International Scientific Cooperation, American Physical Society https://www.aps.org/policy/statements/21_1.cfm
 27. Colglazier E.W. Science Diplomacy for the Future <https://www.sciencediplomacy.org/editorial/2024/science-diplomacy-for-future>
 28. Eigner L. The Promise and Paradox of Science Diplomacy in CSS Analyses in Security Policy No. 326, July 2023, pages 1–4.
 29. Flink, Tim, and Ulrich Schreiterer (2010): “Science diplomacy at the intersection of S&T policies and foreign affairs: toward a typology of national approaches.” Science and Public Policy, 37(9), November 2010, pages 665–677.
 30. Luo H. Towards a New Model of Science Diplomacy <https://www.sciencediplomacy.org/perspective/2024/towards-new-model-science-diplomacy>
 31. Royal Society, The (2010): *New frontiers in science diplomacy*. RS Policy document 01/10. January 2010 – RS1619. London: The Royal Society.
 32. Ruffni, P.-B., 2017. Science and diplomacy: a new dimension of in-ternational relations. Springer International Publishing, Cham, p. 16.
 33. Science for Human Security: Science Diplomacy WAAS Talks, October 24, 2023. <https://worldacademy.org/conference-page/waas-talks-series/science-for-hs-science-diplomacy/>
 34. Soler M.G. Introducción a la Diplomacia Científica <https://www.iai.int/admin/site/sites/default/files/uploads/sites/2/Taller-Panama-2018-17-oct-Presentacion-AAAS.pdf>
 35. Tools for an EU Science Diplomacy. Available at: <https://cris.unu.edu/sites/cris.unu.edu/files/Tools%20for%20an%20EU%20Science%20Diplomacy%20~%20Luk%20Van%20Langenhove.pdf> (accessed 02.06.2025).
 36. Turekian V. C. A Strategic Approach to Science Diplomacy https://sciencepolicy.ca/wp-content/uploads/2020/11/science_diplomacy_7.pdf
 37. Turekian V. C., “Building a National Science Diplomacy System,” Science & Diplomacy, Vol. 1, No. 4 (December 2012). <http://www.sciencediplomacy.org/editorial/2012/building-national-science-diplomacy-system>.

UPDATING THE STRATEGIC INSTRUMENTS OF SCIENCE DIPLOMACY IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE MID-20S OF THE 21ST CENTURY

Suleimanov I.T.

National Research University Higher School of Economics

The article examines the key transformations of the strategic instruments of science diplomacy in the Russian Federation in the context of the changed geopolitical context of the mid-20s of the 21st century. Particular attention is paid to updating the concept of science diplomacy, its integration into the system of state scientific and technical policy and the regulatory framework. Changes in the Concept of International Scientific and Technical Cooperation (ISTC) for 2025 are analyzed, including the expansion of instruments, strengthening of national interests, the formation of a model of technological sovereignty and the protection of the rights of Russian scientists. The increased role of sci-

ence diplomacy as a mechanism for overcoming international tensions and promoting Russia's scientific influence is emphasized.

Keywords: science diplomacy, strategic instruments, ISTC, geopolitics, technological sovereignty, legal framework, international cooperation.

References

- VilISOV M.V. "Fields of ideas" for science diplomacy in the context of Russia's "turn to the East". *Management and politics*. 2023; 2 (3): 25–45. <https://doi.org/10.24833/2782-7062-2023-2-3-25-45>
- Danilin I.V. Evolution of international scientific and technical cooperation: global trends and Russian policy // *Innovations*. 2019. No. 12. P. 124–134.
- Dezhina I.G., Klyucharev G.A. Russian Concepts of international scientific and technical cooperation: change of development drivers // *Sociology of science and technology*. 2020. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-kontseptsii-mezhdunarodnogo-nauchno-tehnicheskogo-sotrudnichestva-smena-drayverov-razvitiya> (date of access: 17.06.2025).
- Demidov AV Paradoxes of scientific diplomacy in a changing world and the responsibility of a scientist. *Competitiveness in a global world: economics, science, technology*. 2023; 9: 122–124
- Zabotkina VI Mental spaces of scientific diplomacy // *Electronic scientific and educational journal "History"*. – 2023. – V. 14. – Issue 12 (134). Part II. URL: <https://history.jes.su/s207987840029823-4-1/>. DOI: 10.18254/S207987840029823-4
- The concept of foreign policy of the Russian Federation, approved by the Decree of the President of the Russian Federation of March 31, 2023 No. 229 <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>
- The concept of humanitarian policy of the Russian Federation abroad, approved by the Decree of the President of the Russian Federation of September 5, 2022 No. 611 https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1829856/
- The concept of international scientific and technical cooperation of the Russian Federation, approved by the Government of the Russian Federation on February 8, 2019 https://www.min-obrnauki.gov.ru/upload/2021/07/kontseptsiya_MNTS_Rossiyskoy_Federatsii.pdf
- The concept of international scientific and technical cooperation of the Russian Federation, approved by the order of the Government of the Russian Federation dated May 16, 2025 No. 1218-r <http://static.government.ru/media/files/vDo5TI0xJavZh6dOXnypxriAYDNn4Hkk.pdf>
- The concept of technological development for the period up to 2030, approved by the order of the Government of the Russian Federation dated May 20, 2023 No. 1315-r <http://static.government.ru/media/files/KIJ6A00A1K5t8Aw93NfRG6P8OIbBp18F.pdf>
- Krasnova G.A. Scientific diplomacy in the modern world: teaching and methodological materials No. 9/2021 / [ed. by: E.O. Karpinskaya, I.A. Bocharov]; Russian International Affairs Council (RIAC). – M.: NP RIAC, 2021. – 48 p.
- Krasnova G. Possibilities of scientific diplomacy in new geopolitical conditions. May 23, 2022 // RIAC. URL: <https://russian-council.ru/analytics-and-comments/analytics/vozmozhnosti-nauchnoy-diplomatii-v-novykh-geopoliticheskikh-usloviyakh/>
- Lagutina M.L. Russian universities as actors of scientific diplomacy in the context of the modern geopolitical crisis // *Social processes in Russian society: problems of modern times and prospects*. Proceedings of the VIII All-Russian scientific conference with international participation. Irkutsk, 2024, pp. 78–85
- On approval of the plan for the implementation of the Strategy for Scientific and Technological Development of Russia, Order of the Government of the Russian Federation of June 24, 2017 No. 1325-r. <http://static.government.ru/media/files/g5OvkCK-BOKLEhAXjN94ogSBEIV39ObPA.pdf>
- Osipov E.A. Discussions about the new world order in the context of scientific diplomacy // *Electronic scientific and educational journal "History"*. – 2024. – T. 15. – Issue 1 (135). URL: <https://history.jes.su/s207987840029810-0-1/>. DOI: 10.18254/S207987840029810-0
- Panchenko V.Ya., Torkunov A.V. Scientist as a diplomat: science influences the resolution of international conflicts and problems. *Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research*, 2018, No. 1(97), pp. 10–13. DOI:10.22204/2410-4639-2018-097-01-10-17
- Reinhardt R.O. Evolution of the conceptual foundations of Russian scientific diplomacy in 1996–2016 / R.O. Reinhardt // *Scientific dialogue*. – 2020. – No. 3. – P. 385–401. – DOI: 10.2422/4/2227-1295-2020-3-385-401.
- Reinhardt R.O. Russian Science Diplomacy at a Crossroads: Positive and Normative Analysis. *MGIMO University Bulletin*. 2021;14(2):92–106. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-2-77-92-106>
- Torkunov A.V. Academic Diplomacy: Past and Present. *World Economy and International Relations*, 2019, Vol. 63, No. 9, pp. 22–28. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-22-28>
- Decree of the President of the Russian Federation of December 1, 2016 No. 642 "On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation" <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449/page/3>
- Decree of the President of the Russian Federation of February 28, 2024 No. 145 "On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation" <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358>
- Federal Law of August 23, 1996 No. 127-FZ (as amended on August 8, 2024) "On Science and State Scientific and Technical Policy" https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/
- Federal Law of 29.12.2012 No. 273-FZ (as amended on 23.05.2025) "On Education in the Russian Federation" https://legalacts.ru/doc/273_FZ-ob-obrazovanii/
- Chubaryan A.O. Scientific diplomacy and its role in the formation of a new world order // *Electronic scientific and educational journal "History"*. – 2023. – V. 14. – Issue 12 (134). Part II. URL: <https://history.jes.su/s207987840029821-2-1/>. DOI: 10.18254/S207987840029821-2
- Shugurov M.V. Scientific diplomacy: a paradigm shift in the context of geopolitical turbulence // *Science, technology and values in an unstable world*. Collection of scientific articles of the IV Congress of the Russian Society for the History and Philosophy of Science. Moscow, 2024, pp. 315–318
- APS Statement on the International Nature of Science and International Scientific Cooperation, American Physical Society https://www.aps.org/policy/statements/21_1.cfm
- Colglazier E.W. Science Diplomacy for the Future <https://www.sciencediplomacy.org/editorial/2024/science-diplomacy-for-future>
- Eigner L. The Promise and Paradox of Science Diplomacy in CSS Analyzes in Security Policy No. 326, July 2023, pages 1–4.
- Flink, Tim, and Ulrich Schreiterer (2010): "Science diplomacy at the intersection of S&T policies and foreign affairs: toward a typology of national approaches." *Science and Public Policy*, 37(9), November 2010, pages 665–677.
- Luo H. Towards a New Model of Science Diplomacy <https://www.sciencediplomacy.org/perspective/2024/towards-new-model-science-diplomacy>
- Royal Society, The (2010): New frontiers in science diplomacy. RS Policy document 01/10. January 2010 – RS1619. London: The Royal Society.
- Ruffni, P.-B., 2017. *Science and diplomacy: a new dimension of international relations*. Springer International Publishing, Cham, p. 16.
- Science for Human Security: Science Diplomacy WAAS Talks, October 24, 2023. <https://worldacademy.org/conference-page/waas-talks-series/science-for-hs-science-diplomacy/>
- Soler M.G. Introducción a la Diplomacia Científica <https://www.iai.int/admin/site/sites/default/files/uploads/sites/2/Taller-Panama-2018-17-oct-Presentacion-AAAS.pdf>
- Tools for an EU Science Diplomacy. Available at: <https://cris.unu.edu/sites/cris.unu.edu/files/Tools%20for%20an%20EU%20Science%20Diplomacy%20-%20Luk%20Van%20Langenhove.pdf> (accessed 06/02/2025).
- Turekian V. C. A Strategic Approach to Science Diplomacy https://sciencepolicy.ca/wp-content/uploads/2020/11/science_diplomacy_7.pdf
- Turekian V. C., "Building a National Science Diplomacy System," *Science & Diplomacy*, Vol. 1, No. 4 (December 2012). <http://www.sciencediplomacy.org/editorial/2012/building-national-science-diplomacy-system>.

Роль внешних факторов в поддержании политической стабильности на Ближнем Востоке

Тафик Дияр Факхер,

аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

E-mail: 1042225166@pfur.ru

В статье рассмотрена роль внешних акторов в политической стабильности на Ближнем Востоке. Доказано, Ближний Восток является регионом, характеризующимся своей геополитической значимостью и сложным взаимодействием внешних воздействий и вызовов безопасности. Разные внешние факторы влияют на политическую ситуацию на Ближнем Востоке, учитывая исторические, политические, экономические и культурные влияния. Регион Ближнего Востока является мировым полигоном для проверки эффективности помощи в политической сфере, которую предоставляют глобальные и региональные силы. Сделан вывод о том, что внешние акторы будут продолжать конкурентную борьбу за геополитическое влияние на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: ближневосточный регион, политический вектор, внешние акторы, вызовы безопасности, урегулирование ситуации.

Глобализация как одна из движущих сил интеграции национальных рынков и формирование глобальной экономики одновременно стала источником многочисленных вызовов для стран и регионов. Под влиянием указанных процессов большинство региональных и локальных проблем выходит за пределы определенных территорий и приобретает мировое значение. Соответственно, в активной стадии по большей части их невозможно решить исключительно усилиями одной страны, независимо от уровня ее развития и силы влияния на глобальные процессы.

Довольно часто исследователи Ближнего Востока указывают на нестабильность и фрагментированность данного региона «...в современных международных отношениях Ближний Восток, омрачен как частыми межгосударственными, так и внутригосударственными конфликтами» [2]. Такое положение дел определяются институциональными различиями и борьбой за власть, которая усиливает незащищенность, особенностями социально-экономического развития и формами вовлечения в глобальную политику.

Сегодня глобальная безопасность нарушается постоянно действующими преступными ячейками, в том числе на Ближнем Востоке. По этому поводу один из исследователей, характеризуя перспективы решения крупнейших вызовов Ближнего Востока, отметил: «Мы тратим миллиарды долларов на оружие, но имеем самый большой дефицит безопасности. Мы живем в одном из регионов с наибольшей нехваткой воды, с самыми высокими выбросами CO₂ на душу населения, что угрожает как нашему биоразнообразию, так и продовольственной безопасности [5].

Ближний Восток является регионом, характеризующимся своей геополитической значимостью и сложным взаимодействием внешних воздействий и вызовов безопасности. Разные внешние факторы влияют на политическую ситуацию на Ближнем Востоке, учитывая исторические, политические, экономические и культурные влияния.

Деструктивным является тот факт, что нет единой региональной группировки, которая бы имела объединяющий характер, интеграционное назначение и координировало решение многих политических вопросов. Борьба за лидерство в регионе – это один из факторов, который ослабляет достижение стабильности. Ближний Восток подвергается множественным внешним воздействиям и вызовам, которые значительно влияют на его геополитический ландшафт. Понимание этих факторов является базовым для разработки эффективных стратегий содействия стабильности, мира и процветания в регионе, а также сотрудничества между региональными и глобальными участниками для эффективного решения данных проблем.

Систематизируем основные внешние воздействия на Ближнем Востоке:

1) исторические влияния: исторически Ближний Восток сформировался веками взаимодействий с великими цивилизациями, в том числе древнегреческой, древнеримской, Османской империи и европейских колониальных держав. Эти взаимодействия повлияли на культурные, социальные и политические процессы в регионе;

2) политические влияния: Ближний Восток значительно отмечен политическими маневрами глобальных держав, особенно в эпоху Холодной войны. Расхождения между США и бывшим Советским Союзом способствовали формированию альянсов и вызывали конфликты в регионе;

3) экономические влияния: Ближний Восток богат природными ресурсами, особенно нефтью и газом. Это богатство привлекает значительное внимание глобальных экономических государств, влияя на политику, торговлю и инвестиции в регионе;

4) культурные и религиозные влияния: Ближний Восток является центром основных мировых религий, в частности ислама, иудаизма и христианства. Религиозные и культурные различия часто приводят к напряженности и конфликтам как в регионе, так и со внешними акторами.

Основными проблемами для развития и стабильности на Ближнем Востоке являются конфликты, которые довольно часто поддерживаются извне и в определенный период наблюдается их обострение. Их особенностью является привлечение негосударственных организаций к созданию конфликтных ситуаций, как правило, террористических, жертвами которых становится мирное население, и посредники, которыми могут быть другие страны или международные организации. За последние два десятилетия регион Ближнего Востока и Северной Африки признан лидером по количеству совершенных террористических актов в мире, причем в 2023 г. среди стран ближнего Востока их было больше всего в Йемене (561), Ираке (495) и Сирии (211) [1].

Ближний Восток частично остается территорией с локальными конфликтами, которые вызывают определенную дестабилизацию. Нестабильность в регионе усиливалась из-за наличия конфликтов между Ираном и Саудовской Аравией, Ираном и Израилем [7].

Страны Персидского залива, каждая из которых обладает достаточными ресурсами для противостояния, рано или поздно должны прийти до мирного разрешения конфликтной ситуации, поскольку ее нагнетание не выгодно ни этим государствам, ни мировым лидерам, которые, очевидно, и будут прилагать максимум усилий для стабилизации этой ситуации. Однако, это не гарантирует, что страны будут принимать мирные соглашения по урегулированию споров, как например план США по разрешению палестино-израильского конфликта в начале 2020 г., Соглашения в Осло (полное название «Declaration of Principles on Interim Self-Government Arrangements»), которые подписаны в 1993 году под эгидой Норвегии между Палестиной и Израилем. Сейчас эти территории остаются горячей точкой на геополитической карте мира [9].

Проблемы безопасности, с которыми сталкиваются страны региона, имеют динамический и многогранный характер. Регион Ближнего Востока является мировым полигоном для проверки эффективности помощи в политической сфере, которую предоставляют глобальные и региональные силы. Эта помощь, способствовала интенсивности и частоте прокси-войны, такие как те, которые продолжаются или недавно прекратились в Ливии, Йемене, Сирии и Ираке, а также милитаризации государственных и субгосударственных акторов в регионе Ближнего Востока. Помощь в политической сфере является базисом борьбы за военные, стратегические, идеологические и экономические преимущества в этом регионе.

В целом вмешательство других стран – внешних глобальных игроков является практикой при разрешении любых конфликтов, в том числе в отношении сирий-

ского вопроса, что иногда значительно усугубляет нестабильность. Сирия остается источником потенциальной опасности в регионе, поскольку она почти за 10 лет войны подверглась не только экономической разрухе, но и гуманитарной катастрофе. В результате сирийского конфликта погибло более 500 000 человек, более 6,2 млн стали внутренне перемещенными лицами (ВПЛ), 5,6 млн. – беженцами [4].

Деятельность различных акторов в регионе Ближнего Востока также имеет определенные особенности, поскольку его страны представляют большой интерес для мощных геополитических игроков, прежде всего США. Конфликты в этом регионе периодически обостряются, а затем переходят в стадию замедления. Существующие конфликты на Ближнем Востоке не имеют системного характера, они возникают точно и поддерживаются различными глобальными акторами. Нередки случаи участия государственных и негосударственных акторов в разных конфликтах на разных позициях. Соответственно их сложно решить, поскольку трудно примирить две стороны, когда есть третья сторона. Многие решения принимаются в центрах силы, каждый из которых имеет свои интересы на Ближнем Востоке, поддерживая, например, демократические преобразования, которые в свое время предлагал и отстаивал Европейский Союз.

Среди источников нестабильности в регионе, прежде всего, следует выделить напряженность, вызванную политикой внешних акторов, в частности США. Политика США в странах Ближнего Востока, особенно в период администрации Д. Трампа (первый срок), повлекла катастрофическое положение дел в этом регионе. Подходы США в Палестину и Иран, в частности, указывают на эти две важные арены, которые вызвали обеспокоенность во всех странах Ближнего Востока, а также в Европе и даже в Китае [10].

В отношениях с Палестиной, принимая во внимание арабско-израильскую напряженность и ее критические последствия для региональной стабильности, США длительно пропагандировали благосклонную политику в отношении Израиля. Администрация Д. Трампа сотрудничала с правительством Б. Нетаньяху в разработке так называемого «Соглашения века», обнародованного в начале января 2020 г. За последние три года после прихода к власти Д. Трамп внедрял дополнительные меры, в частности признание Иерусалима столицей Израиля в конце 2017 г., перенос посольства США из Тель-Авива в Иерусалим в марте 2018 г. и признание суверенитета Израиля над сирийскими Голанскими высотами, оккупированными Израилем, в марте 2019 г. После презентации «соглашения Трампа» США и Израиль создали совместный комитет для картографирования территории палестинских земель на Западном берегу, которые будут аннексированы Израилем, фактически одобряя его расширение. В итоге политика США вызвала значительную напряженность в этом регионе. В целом такие меры создают долгосрочные препятствия для стабилизации и ограничивают минимальный процесс нормализации, который происходил между Израилем и некоторыми арабскими государствами, в частности в заливе. Соответственно ситуация между Израилем и Палестиной достигла своего критического предела в октябре 2023 г. [8].

Политика Д. Трампа в отношении Ирана является еще одним источником беспокойства для Китая, что привело к значительному росту напряженности в регионе. Отзыв США по ядерной сделке с Ираном в мае 2018 г., дальнейшие введение санкций и серия других односторонних мер, включая признание Корпуса стражей Исламской революции (IRGC) террористической организа-

цией, вызвали для Ирана сложную ситуацию, заставившую его отвечать. Китай, участвовавший в переговорах по JCROA вместе с другими постоянными членами Совета Безопасности ООН, Германией и Европейским Союзом и оставался сторонником соглашения после отзыва США, обеспокоенно отреагировал на такую политику и риторику США по Ирану [6].

В конце 2019-начале 2020 напряженность между США и Ираном резко возросла. В июне 2019 г. сбитие Ираном американского беспилотника в Ормузской проливе, повторные атаки и захват нефтяников в Персидском заливе свидетельствовали о нестабильности региональных тенденций. Таргетированное убийство в начале января 2020 К. Сулеймани, генерал-майора Корпуса стражей исламской революции и почтенной фигуры среди иранцев, вызвало дополнительные шоки в международном сообществе, вновь вызвав в регионе конфликт.

Несмотря на растущую заботу и недовольство международных участников относительно политики администрации Д. Трампа в отношении стран Ближнего Востока, США изменил свой подход к региону, добавив дополнительную неопределенность в отношении будущего развития региональных событий и военного напряжения.

США сыграло одну из решающих ролей на Ближнем Востоке. К факторам, которые привели к ухудшению ситуации на Ближнем Востоке, исследователи причисляют такие: «... вторжение в Ирак в 2003 году и последствия нарушения внутреннего и регионального баланса, «арабское пробуждение» и социально-политические трансформации, произошедшие в регионе с 2011 года, и внешняя политика администрации Обамы по региону, частично обусловленная двумя предыдущими факторами» [3].

Геополитическая конкуренция между региональными державами добавила дополнительные тенденции нестабильности к в целом нестабильной региональной среде.

На данный момент, уменьшение влияния США в регионе оставило вакуум, который заполнили региональные и определенные силы вне региона. Некоторые региональные силы, такие как Иран, рассматривают отступление США от региона как возможность расширить свое геополитическое влияние, в то время как другие, особенно Саудовская Аравия, находятся под давлением и решили защитить себя, создавая альянс среди стран Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), арабских суннитских стран и даже суннитских стран вне региона, чтобы противостоять и ограничивать Иран в действиях. Конкуренция между Ираном и Саудовской Аравией является одной из основных черт региональной борьбы за власть, которая наблюдается в регионе в целом.

Еще одна тенденция региональной конкуренции проявляется в растущей конкуренции между Турцией и Катаром, с одной стороны, и Саудовской Аравией, Объединенными Арабскими Эмиратами и Египтом – с другой. Эта конкуренция усилилась, поскольку Турция смогла занять определенное положение в Катаре в 2017 г. вследствие взрыва кризиса в странах ССАГПЗ, когда соседи Катара его заблокировали. Турция расширила свою безопасность сотрудничество с Катаром, увеличив количество турецких военных, расположенных на военной базе Турции, восстановив военное присутствие на Аравийском полуострове почти через 100 лет после распада Османской империи. Турция также утвердила свое влияние в курдских регионах за пределами своих границ, особенно в Сирии, а также в Курдистане и Ираке.

Региональные и внешние акторы будут продолжать конкурентную борьбу за геополитическое влияние

на Ближнем Востоке. Сегодня имеется недостаточно признаков того, что регион будет двигаться по пути политического развития и интеграции без использования военной силы. Учитывая это, международное сообщество и сами страны Ближнего Востока находятся в поиске новейших механизмов поддержания мира и стабильности в регионе.

Литература

1. Арабаджян А. З. Религия и политика (на примере Исламской республики Иран) // Ислам на современном Востоке: регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии. М.: Институт востоковедения РАН; 2014. – С. 88–93.
2. Ахмедов В.М. Ближний и Средний Восток в каун перемен: политика, государство, армия // Азия и Африка сегодня. 2018. – № 1. – С. 53–60.
3. Бакланов А. Ближневосточный мирный процесс: как восстановить динамику? // Азия и Африка сегодня. – 2021. № 6. – С. 32–42.
4. Грум Дж. Растущее многообразие международных акторов // Международные отношения: социологические подходы / Под ред. П.А. Цыганкова. М., 2023–310 с.
5. Исам Ф. Ближний Восток: путь к миру и согласию. М., 2024. – 230 с.
6. Койбаев Б.Г. Международные организации: информация и безопасность на Ближнем Востоке. – СПб., 2023. – 290 с.
7. Косач И.Г. Мирный процесс на Ближнем Востоке: Сирийское направление // Востоковедный сборник. 2021. – № 2. – С. 202–211.
8. Кулагина Л.М., Ахмедов В.М. Иран и проблема ближневосточного урегулирования // Ислам на современном Востоке. – М.: Институт востоковедения РАН, 2024. – 321 с.
9. Панин В.Н. Политический процесс на Ближнем Востоке: влияние России и США. Пятигорск, 2022. – 255 с.
10. Сатановский Е.Я. Россия и ближневосточный мирный процесс. Россия на Ближнем Востоке: Цели, задачи, возможности. М., 2022. – 340 с.

THE ROLE OF EXTERNAL FACTORS IN MAINTAINING POLITICAL STABILITY IN THE MIDDLE EAST

Tafik Diyar Fakher

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The article examines the role of external actors in political stability in the Middle East. It is proven that the Middle East is a region characterized by its geopolitical significance and complex interaction of external influences and security challenges. Various external factors influence the political situation in the Middle East, taking into account historical, political, economic and cultural influences. The Middle East region is a global testing ground for testing the effectiveness of political assistance provided by global and regional powers. It is concluded that external actors will continue to compete for geopolitical influence in the Middle East

Keywords: Middle East region, political vector, external actors, security challenges, settlement of the situation.

References

1. Arabajyan A. 3. Religion and Politics (on the Example of the Islamic Republic of Iran) // Islam in the Modern East: Region of the Countries of the Near and Middle East, South and Central Asia. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; 2014. – P. 88–93.

2. Akhmedov V.M. The Near and Middle East on the Eve of Change: Politics, State, Army // *Asia and Africa Today*. 2018. – No. 1. – P. 53–60.
3. Baklanov A. The Middle East Peace Process: How to Restore Dynamics? // *Asia and Africa Today*. – 2021. No. 6. – P. 32–42.
4. Groom J. The Growing Diversity of International Actors // *International Relations: Sociological Approaches* / Ed. P.A. Tsygankov. M., 2023–310 p.
5. Isam F. The Middle East: The Path to Peace and Harmony. M., 2024. – 230 p.
6. Koibaev B.G. International Organizations: Information and Security in the Middle East. – St. Petersburg, 2023. – 290 p.
7. Kosach I.G. Peace Process in the Middle East: The Syrian Direction // *Oriental Studies Collection*. 2021. – No. 2. – P. 202–211.
8. Kulagina L. M., Akhmedov V.M. Iran and the Problem of the Middle East Settlement // *Islam in the Modern East*. – M.: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2024. – 321 p.
9. Panin V.N. Political Process in the Middle East: The Influence of Russia and the United States. Pyatigorsk, 2022. – 255 p.
10. Satanovsky E. Ya. Russia and the Middle East peace process. Russia in the Middle East: Goals, objectives, opportunities. M., 2022. – 340 p.

Эволюция курса государственной безопасности КНДР: идеологические основы и сохранение режима в свете решений VIII съезда Трудовой партии Кореи

Тянь Шуци,

аспирант, Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы

Амиантова Ирина Сергеевна,

к.п.н., доцент кафедры публичной политики и истории
государства и права, ЮИ РУДН

Начиная с 2020-х годов XXI века, безопасностная стратегия КНДР демонстрирует усиление тенденций автономности и эндогенности на фоне изменений внешней обстановки, развития государственной военной линии и оборонных технологий. Внешнеполитическая перспектива в отрыве от внутренних факторов не позволяет всесторонне охватить динамику трансформации северокорейской стратегии безопасности. После VIII съезда Трудовой партии Кореи страна активизировала усилия по формированию новой нормальности в сфере безопасности. Пхеньян формирует модернизированную стратегию асимметричного сдерживания, укрепляя способности пересмотра условий диалога, формирования переговорной повестки и контроля над ситуацией. Длящаяся более 30 лет проблема северокорейской ядерной программы и связанные с ней процессы могут претерпеть изменения, что требует от международного сообщества выработки новых подходов к денуклеаризации Корейского полуострова.

Ключевые слова: КНДР; VIII съезд Трудовой партии Кореи; стратегия безопасности; оборонное строительство; военная линия; проблема северокорейской ядерной программы.

Альтернативный подход к пониманию поведения КНДР в сфере безопасности: автономность и эндогенность

Не отрицая первоначальной роли внешних угроз в формировании ядерно-ракетной стратегии КНДР, следует признать изменение баланса влияющих факторов после достижения ядерного статуса и технологического прогресса. Традиционные исследования игнорируют внутренние переменные – развитие оборонного строительства и эволюцию военной линии. Это приводит к искажённым оценкам. Возрастающая прозрачность северокорейского государства, проявляющаяся в публикациях ЦТАК и «Нодон синмун», позволяет системно анализировать военную политику. После VIII съезда ТПК стратегия безопасности КНДР демонстрирует уникальные для малых государств автономность и эндогенность – её развитие определяется как внешней обстановкой, так и внутренними военнотехническими факторами. Недоучёт этой двойственности ведёт к непониманию макропроцессов трансформации северокорейской стратегии безопасности.

По мнению автора, стратегия безопасности КНДР прошла этапы стремительного развития после VII съезда Трудовой партии Кореи, кратковременного маневрирования в 2018–2019 гг., и постепенной кристаллизации стратегического курса после VIII съезда. В оборонной сфере Пхеньян целенаправленно формирует реальный потенциал сдерживания ядерной войны и систему ядерного контраступления, параллельно выстраивая более активную военную линию для создания новой нормальности в сфере безопасности. На этой основе была сформирована модернизированная стратегия асимметричного сдерживания, позволяющая пересматривать условия диалога, переговорную повестку и усиливать контроль над ситуацией. Системная трансформация стратегии безопасности КНДР меняет формат и ключевые аспекты ядерной проблемы, сохранявшейся более 30 лет.

Системный анализ масштабных корректировок и тенденций в северокорейской стратегии безопасности после VIII съезда ТПК способствует укреплению всестороннего и системного понимания действий КНДР в сфере безопасности, открывает новые теоретические перспективы и интерпретационные рамки для исследований проблем безопасности Корейского полуострова, а также помогает сформировать новый подход к выстраиванию китайско-северокорейских отношений и прогнозированию развития ситуации в условиях сложной безопасности региона.

Формирование оборонного потенциала с ядерной сдерживающей силой и комплексной системой ядерного контраступления

Оборонное строительство составляет материальную основу стратегии безопасности. После VIII съезда ТПК КНДР, сосредоточившись на пятилетнем плане развития оборонного потенциала, всесторонне продвигает транс-

формацию вооружённых сил от оборонительной модели к системе, обладающей потенциалом сдерживания ядерной войны и комплексными возможностями ядерного контрнаступления.

Определение целей оборонного развития: усиление ядерного сдерживания и контрнаступательных возможностей

В мае 2020 года на IV расширенном заседании VII Центрального военного комитета ТПК была выдвинута новая цель – укрепление потенциала сдерживания ядерной войны. В январе 2021 года VIII съезд ТПК поставил задачу дальнейшего усиления ядерного сдерживания и создания мощнейших вооружённых сил¹.

На фоне усиления способности сдерживания ядерной войны, после VIII съезда Трудовой партии Кореи КНДР активизировала усилия по повышению возможностей ядерного контрнаступления. 19 марта 2023 года КНДР провела комплексные тактические учения с имитацией ядерного контрнаступления. 27 марта 2023 года Ким Чен Ын утвердил планы операций ядерного контрнаступления и боевые приказы, заявив: «Только будучи идеально готовыми к применению ядерного оружия в любое время и в любом месте, мы сможем никогда его не использовать. Лишь обеспечив постоянную боевую готовность ядерных сил, превосходящих воображение врага своей мощью, можно заставить противника бояться посягать на суверенитет, общественный строй и народ КНДР»².

Выдвижение задач по укреплению способности сдерживания войны и ядерного контрнаступления свидетельствует о смещении акцентов северокорейской ядерно-ракетной стратегии от обладания потенциалом к его практическому применению, демонстрируя твёрдую волю и устойчивый прогресс Пхеньяна в развитии ядерных сил.

Системное повышение ядерно-ракетного потенциала

Главной задачей «сохранения ключевых направлений» пятилетнего плана оборонного развития является качественное и количественное совершенствование ядерно-ракетного оружия для создания стратегической сдерживающей силы. «Ядерное оружие + ракеты» составляют ядро структуры национальной безопасности КНДР и являются ключевым элементом асимметричного сдерживания. В период Ким Чен Ира КНДР достигла фундаментального прорыва в ядерных и ракетных технологиях. В эпоху Ким Чен Ына продолжается углублённое развитие ядерно-ракетного потенциала:

После VIII съезда Трудовой партии Кореи КНДР не проводила новых ядерных испытаний. Согласно оборонному плану съезда, основными направлениями развития остаются миниатюризация, облегчение и тактизация ядерных боеголовок. 17 апреля 2022 года были проведены испытания тактического управляемого оружия. Это первое публичное сообщение северокорейских СМИ о тестировании характеристик тактического ядерного оружия, свидетельствующее о значительном прогрессе в миниатюризации, облегчении и тактизации ядерных боеголовок. Это свидетельствует о переходе северокорейских ядерных боеголовок из экспериментальной стадии в фазу серийного производства и боевого развёртывания.

¹ «Заключительное слово товарища Ким Чен Ына, Генерального секретаря Трудовой партии Кореи, на VIII съезде ТПК» // Нодон синмун. 13 января 2021 г. № 1.

² «Дорогой товарищ Ким Чен Ын руководил работами по операционализации ядерного оружия» // Нодон синмун. 28 марта 2023 г. № 1.

Активное развитие новых военных возможностей

После прорыва в ядерно-ракетных технологиях северокорейские оборонные исследования сместились в сторону других видов вооружений, активно развивая новые военные направления.

1) В числе пяти ключевых задач пятилетнего плана развития обороны гиперзвуковые ракетные системы занимают первое место.

Гиперзвуковые ракеты значительно усложняют обнаружение и перехват. С сентября 2021 по январь 2024 года КНДР провела три испытания гиперзвукового оружия.

5 января 2022 года ЦТАК опубликовало комментарий, заявив, что «последовательные успехи в разработке гиперзвуковых ракет имеют важное стратегическое значение для ускоренной модернизации стратегических вооружённых сил в соответствии с решениями VIII съезда ТПК и выполнения ключевой задачи пятилетнего плана в области стратегического оружия»³. 2 апреля 2024 года КНДР успешно испытала новую гиперзвуковую ракету промежуточного радиуса⁴.

2) Развитие передовых обычных вооружений, представленных многоствольными реактивными системами залпового огня (РСЗО).

С 2021 года КНДР провела интенсивные испытания реактивных систем залпового огня (РСЗО). 1 января 2023 года объявлено о передаче войскам 30 сверхкрупных РСЗО одного типа, ставших «основным ударным вооружением»⁵. Это свидетельствует, что параллельно с модернизацией ядерных сил Пхеньян стремительно развивает передовые обычные вооружения.

3) Активное развитие технологий военных разведывательных спутников.

27 февраля и 6 марта 2022 года КНДР провела два испытательных запуска спутника-разведчика⁶. При посещении космодрома Сохэ он указал на необходимость модернизации и расширения стартовых площадок для запуска многоцелевых спутников, включая военные разведспутники, с использованием различных ракет-носителей.

4) Разработка новых подводных вооружений, включая атомные подлодки. Среди пяти ключевых задач пятилетнего оборонного плана ядерное оснащение морских сил является важным направлением.

15 февраля 2024 года ЦТАК сообщило о личном руководстве Ким Чен Ына испытаниями новой противокорабельной ракеты «Орык-6»⁷, направленными на демонстрацию реального сдерживания всех надводных сил ВМС РК. Это отражает приоритет развития береговых ракетных систем и курс на параллельное развитие ядерных и обычных морских сил.

В целом Пхеньян стремится создать всеобъемлющую систему вооружений, включающую многорадиусные ракетные системы, гиперзвуковое оружие, реактивные системы залпового огня, военные разведспутники, атомные подлодки и ракеты подводного старта, которая характеризуется непрерывным перекрытием ради-

³ «Академия оборонных наук провела испытательный запуск гиперзвуковой ракеты» // Нодон синмун. 6 января 2022 г. № 2.

⁴ <http://www.kcna.kp/cn/article/q/afce7f7dbed19a4ea073506c749987c3>.

⁵ <http://www.kcna.kp/cn/article/q/5da7278a8eb1db-d31e114976a0829424>.

⁶ «Национальное управление космического развития и Академия оборонных наук провели важные испытания в рамках разработки разведывательного спутника» // Нодон синмун. 6 марта 2022 г. № 3.

⁷ <http://www.kcna.kp/cn/article/q/2866630de1847cb23e4c8b38b53dfcb7>.

усов поражения, многоплатформенностью, интеграцией ядерных и обычных компонентов, балансом стратегических и тактических возможностей, а также триадой суша-море-воздух. Эта система призвана объединить возможности ядерного удара, обычной обороны и военной разведки, обеспечив поддержку ядерного сдерживания и контрастную наступательного потенциала КНДР.

Силы сдерживания: сочетание «симметричного противодействия» и «автономного планирования»

С 2021 года КНДР проводит интенсивные военные испытания, преимущественно включающие два компонента:

1. Подавляющие ответные меры на американо-южнокорейское военное сдерживание;
2. Усиление обычного оборонного потенциала.

С одной стороны, частота, интенсивность и форма испытаний синхронизированы с американо-южнокорейскими учениями и военным давлением. После возобновления в мае 2022 года механизма «расширенного сдерживания» США и РК провели серию совместных учений.

19 января 2024 года ЦТАК сообщило об испытаниях подводной ядерной системы «Хэпхо-5–23», проведённых Академией оборонных наук в ответ на трёхсторонние морские учения США-Японии-РК.

В этом процессе каждое испытание, носящее характер «подавляющего противодействия», помимо военного ответа, преследует цели укрепления потенциала сдерживания ядерной войны и совершенствования системы ядерного контрнаступления. Таким образом достигается позитивное взаимодействие между силовым реагированием и технологическим прогрессом.

Формирование «корейского стиля превентивных действий» в военной доктрине

Военная доктрина является конкретным воплощением стратегии безопасности. После VIII съезда ТПК КНДР, опираясь на системное укрепление оборонного потенциала, активно продвигает новую ядерную политику, принципы вооружённой борьбы и военную стратегию, формируя доктрину «корейского стиля превентивных действий».

Законодательное оформление политики в области ядерных вооружений

1) На основе внесения положения о «владении ядерным оружием» в Конституцию в 2012 году 9 сентября 2022 года на седьмом заседании XIV Верховного народного собрания КНДР был принят Закон о политике в области ядерных вооружений, который законодательно закрепил миссию, статус, принципы политики, командование и контроль, а также условия применения ядерных сил.

В части миссии ядерных сил в законе указано: политика КНДР в области ядерных вооружений носит оборонный характер и направлена на создание надёжных, эффективных и зрелых сил ядерного сдерживания, предотвращение ошибочных оценок между ядерными государствами и злоупотребления ядерным оружием, а также минимизацию угрозы ядерной войны.

2) 28 сентября 2023 года IX сессия XIV Верховного народного собрания КНДР рассмотрела и утвердила поправки к конституции, включив в неё положения о политике ядерных сил.

Процесс – от конституционного закрепления ядерного статуса (2012) через принятие профильного закона (2022) до конституционной фиксации ядерной политики (2023) – демонстрирует:

- Окончательное укрепление и необратимость ядерно-ракетной стратегии КНДР;
- Утрату внутренней правовой основы для переговоров о денуклеаризации;
- Создание условий для требования ядерного разоружения США в рамках диалога без предварительных условий.

Принцип вооружённой борьбы «сила против силы, прямой конфронтации»

В ответ на усиление давления в рамках американо-южнокорейской стратегии «расширенного сдерживания» КНДР приняла принцип зеркального противодействия. В июне 2022 года на V пленуме VIII Центрального комитета Трудовой партии Кореи Ким Чен Ын выдвинул доктрину «бескомпромиссной борьбы силы против силы и открытого противостояния» в условиях обострения безопасности.

Новая военная стратегия завоевания абсолютной стратегической и тактической инициативы

В августе 2023 года на VII расширенном пленарном заседании VIII Центрального военного комитета Трудовой партии Кореи была чётко определена новая военная стратегия КНДР: «овладеть абсолютной стратегической и тактической инициативой в современной войне для подавления противника».

В связи с этим на совещании были развёрнуты меры по укреплению армии:

Первое – выдвижение наступательного военного ответа на действия США и РК, направленного на их полное сковывание, а именно принятие активных мер против американо-южнокорейских совместных учений и «расширенного сдерживания». Второе – определение оперативной доктрины на военное время. Её ядро заключается в использовании подавляющей стратегической сдерживающей силы (то есть ядерных сил) для осуществления одновременного многофронтного военного наступления с целью мгновенного разгрома вражеской атаки.

Новая военная стратегия отражает военно-стратегические намерения КНДР, а именно военное развёртывание и оперативные принципы «корейского стиля превентивных действий».

В заключение, после VIII съезда ТПК КНДР, законодательно оформив политику ядерных сил, определила границы военного сдерживания и контрнаступления.

Модернизация стратегии безопасности через асимметричное сдерживание

Восприятие КНДР угрозы ядерной войны на Корейском полуострове

После VIII съезда Трудовой партии Кореи украинский кризис, стратегическое соперничество Китая и США, а также изменения в политике США и РК в отношении КНДР вызвали масштабные трансформации глобального и регионального порядка. КНДР сформировала новое восприятие внешней безопасности.

Пессимистичные перспективы мирового порядка. После начала украинского кризиса в сентябре 2022 года Ким Чен Ын выразил видение текущего мирового порядка:

«Современная международная обстановка демонстрирует противоречия между справедливостью и несправедливостью, прогрессом и реакцией. Особенно чётко обозначилась расстановка сил вокруг Корейского полуострова, а переход от однополярного мира под эгидой США к многополярному ускорился».

Военная поддержка США Украине аналогична «защите» РК и сдерживанию КНДР. 27 января 2023 года заместитель заведующего отделом ЦК ТПК Ким Ё Чжон осудила поставки Западом Украине наступательных вооружений, включая основные боевые танки. 29 января начальник департамента по США МИД КНДР Квон Чон Гын заявил: «Американская логика, при которой танки для Украины «оправдываются» мнимой «провокативностью» КНДР, а «расширенное сдерживание» для РК сопровождается постоянным вводом ядерных средств на полуостров, – это уродливое бандитское мышление».

Требования безопасности в условиях нового противостояния

Предотвращение войны и улучшение отношений с США остаются ключевыми целями безопасности КНДР. Однако по мере изменений в оборонном потенциале и военной доктрине пути и методы достижения этих целей претерпевают изменения.

Противодействие войне остаётся базовым требованием безопасности. 16 января 2024 года Ким Чен Ын в речи на X сессии XIV Верховного народного собрания систематически изложил политическую позицию по вопросу войны:

Во-первых, КНДР не желает войны. Ким Чен Ын подчеркнул: «У КНДР нет никаких причин выбирать войну, нет намерения одностороннего и решительного развязывания войны»; во-вторых, КНДР не избегает войны. Защита суверенитета, безопасности и права на существование является непоколебимой волей КНДР; в-третьих, развитие сил самообороны. КНДР продолжит укреплять потенциал сдерживания ядерной войны и усиливать национальную обороноспособность, однако оборонное строительство придерживается принципа самообороны, а не «превентивных ударов для силового объединения»¹.

Основное отношение КНДР к войне можно свести к формуле: «нет желания, но нет страха». Базовое требование безопасности – противодействие войне – определяет, что оборона является основой стратегии безопасности КНДР. Системное укрепление оборонного потенциала и создание активной военной доктрины, по сути, представляют собой «наступательную оборону».

Улучшение отношений с США. В январе 2021 года VIII съезд Трудовой партии Кореи впервые определил позицию в отношении США, указав, что внешнеполитическая деятельность должна быть сосредоточена на «подавлении главного врага – США». Это свидетельствует, что отношения с США остаются приоритетом внешней политики КНДР, а ключевым требованием безопасности по-прежнему является улучшение отношений с Вашингтоном.

VIII съезд ТПК также выдвинул гибкие принципы политики в отношении США: «сила против силы, добро за добро», сохранив традиционную рамку американо-северокорейских отношений «противостояние и диалог».

После возобновления американо-южнокорейских совместных учений в июне 2022 года V пленум VIII Центрального комитета ТПК утвердил принцип борьбы «сила против силы, прямой конфронтации», не выходя за рамки модели «противостояние-диалог», но ужесточив условия для диалога.

В ответ на инициативу администрации Байдена о «безусловном диалоге» Ким Чен Ын в речи на VII сессии XIV Верховного народного собрания 9 сентября 2022 года обозначил условия для возобновления переговоров:

- Изменение политической и военной обстановки на Корейском полуострове;
- Подчеркивание, что КНДР «никогда не откажется от ядерного оружия первой, не будет вести переговоры о денуклеаризации и не имеет предмета для обмена»².

Короче говоря, в вопросе нормализации отношений с США КНДР не вышла за рамки общей модели «диалог-противостояние», но осуществила переход от нормализации через денуклеаризацию к нормализации через обладание мощным оборонным потенциалом.

Эскалация асимметричного сдерживания

Учитывая асимметричный характер развития обычных боевых возможностей, КНДР, сосредоточившись на стратегических ядерных силах, выстраивает архитектуру оборонной безопасности, где асимметричное стратегическое сдерживание занимает приоритетное положение. На основе модернизации технологических систем обороны и корректировки военной линии асимметричное сдерживание КНДР также претерпело изменения.

Общепринятая точка зрения относит ядерно-ракетный потенциал КНДР к первому уровню – ограниченному политическому сдерживанию. Однако, учитывая развитие оборонного потенциала и военной доктрины после VIII съезда Трудовой партии Кореи, Пхеньян формирует возможности второго, а возможно, и третьего уровня сдерживания.

До VIII съезда Трудовой партии Кореи базовым выбором стратегии безопасности КНДР было использование ограниченного низкотехнологичного ядерного оружия для достижения политического сдерживания и оборонительных целей. После VIII съезда КНДР начала модернизацию ядерного арсенала, усиливая военное сдерживание и обеспечивая достоверность ядерных угроз.

Кроме того, массовое производство ядерных боеголовок после VIII съезда ТПК свидетельствует о стремлении КНДР развить потенциал второго удара для обеспечения гарантированного возмездия.

С точки зрения военно-стратегического развёртывания: КНДР сосредоточена на реализации военного сдерживания. От усиления военного присутствия в приграничных с РК районах до принятия новой военной стратегии «завоевания абсолютной стратегической и тактической инициативы», а также недавнего акцента на традиционной «стратегии крупнокалиберной артиллерии» в ходе учений – всё это отражает растущее внимание к тактическому ядерному сдерживанию в регионе.

Таким образом, через укрепление оборонного потенциала и корректировку военной линии КНДР осуществила переход своей стратегии безопасности от ограниченного политического сдерживания к асимметричному военному сдерживанию.

От строительства оборонительных сил до формирования потенциала «ядерного сдерживания войны» и «комплексного ядерного контрнаступления» – стратегия безопасности КНДР эволюционирует от пассивного реагирования на внешние угрозы к активному формированию безопасной среды.

Заключение

После VIII съезда Трудовой партии Кореи КНДР всесторонне реализует пятилетний план оборонного развития, системно укрепляет военный потенциал и форми-

¹ <http://www.kcna.kp/cn/article/q/7b0b1636809101f1d6037b-8727ff4da8>.

² «Речь дорогого товарища Ким Чен Ына на 7-й сессии XIV созыва Верховного народного собрания Корейской Народно-Демократической Республики» // Нодон синмун. 9 сентября 2022 г. № 1.

рует военную доктрину «корейского стиля превентивных действий». В рамках общей парадигмы сдерживания и обороны стратегия безопасности КНДР модернизирует асимметричное сдерживание, стремясь перейти от ограниченного политического сдерживания к асимметричному военному, а также от пассивного реагирования на угрозы к активному формированию безопасной среды. На этом основании можно сделать следующие выводы.

1. На текущем этапе внешние факторы, такие как американо-южнокорейские учения или внутренние политические изменения в США и РК, уже не могут служить основным критерием для прогнозирования эволюции стратегии безопасности КНДР. Несмотря на споры в международном сообществе относительно северо-корейских военных возможностей, серия мер после VIII съезда ТПК демонстрирует долгосрочное и чёткое планирование оборонного строительства, реализуемое по установленному графику. Это отражает твёрдую волю и устойчивый прогресс КНДР в военной сфере, не зависящий от внешней конъюнктуры. Данные тенденции указывают на растущую автономию северо-корейской стратегии, движимой внутренними потребностями.

2. Ключевые требования безопасности КНДР остаются неизменными: сдерживание войны и нормализация отношений с США. Однако с укреплением оборонного потенциала и трансформацией военной доктрины Пхеньян сформировал новую ядерно-ракетную реальность, модернизировав методы сдерживания. Это приведёт к кардинальным изменениям в формате и повестке ядерной проблемы. Без структурных сдвигов – таких как коренное улучшение американо-северо-корейских отношений или переход к механизму мира на полуострове – КНДР не пойдёт на уступки по ядерному вопросу. Международному сообществу необходимы новые подходы к взаимодействию с Пхеньяном.

3. С точки зрения стратегического баланса на Корейском полуострове, обладание КНДР потенциалом сдерживания ядерной войны и комплексного ядерного контрнаступления способствует стратегической ребалансировке, создавая новые возможности для корректировки китайской политики в регионе.

На фоне изменений стратегии безопасности КНДР после VIII съезда ключевые государства предложили новые инициативы:

- США: Выдвижение «промежуточных мер» (относительно смягчённых по сравнению с денуклеаризацией) для региональной стабильности;
- Япония: Предложение саммита без предварительных условий;
- Россия: Усиление сотрудничества в экономической и военной сферах, включая подписание «Договора о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между КНДР и РФ» 19 июня 2024 года с положениями о военной взаимопомощи в военное время и военно-техническом сотрудничестве.

Российские гарантии безопасности и военно-техническая поддержка укрепили уверенность КНДР в дальнейшем развитии оборонного потенциала.

Как ключевая заинтересованная сторона, Китай также должен предложить более практические решения в рамках концепций «двойной приостановки» и «параллельных шагов», адаптируясь к новой реальности.

Литературы

1. Victor Cha, Na Young Lee, and Andy Lim, "North Korean Provocations and U.S. – ROK Military Exercises," CSIS Beyond Parallel, 2016, 1–17.

2. Victor Cha, "North Korean Provocations Likely Around U.S. Presidential Election," CSIS Beyond Parallel, 2020, 1–10.
3. Cao Wei, Liu Qian, Liu Ziye. «Прогнозирование ядерного поведения КНДР: Непредсказуемость или закономерность?» // Исследования международной безопасности. 2019, № 1. С. 60–88.
4. Zuo Xiying. «Блеф в ядерную эпоху: на примере действий КНДР после четвертого ядерного испытания» // Дипломатическое обозрение (Вестник Дипломатической академии). 2017, № 6. С. 132–156.
5. "The North Korea Conundrum: Pyongyang's Strategic Calculus and Future Trajectory," Georgetown Journal of International Affairs, May 31, 2023.
6. "A Fundamental Shift or More of the Same? A Rebuttal," 38 NORTH, January 17, 2024.
7. «Заключительное слово товарища Ким Чен Ына, Генерального секретаря Трудовой партии Кореи, на VIII съезде ТПК» // Нодон симмун. 13 января 2021 г. № 1.
8. «Великая программа борьбы, ведущая к новой победе в строительстве социализма корейского стиля: о докладе дорогого товарища Ким Чен Ына на VIII съезде ТПК» // Нодон симмун. 9 января 2021 г. № 1.
9. «Проведение комплексных тактических учений по отработке гипотетического ядерного контрудара» // Нодон симмун. 20 марта 2023 г. № 1.
10. «Дорогой товарищ Ким Чен Ын руководил работами по операционализации ядерного оружия» // Нодон симмун. 28 марта 2023 г. № 1.
11. «Товарищ Ким Чен Ын присутствовал на испытаниях нового типа тактического управляемого оружия» // Нодон симмун. 17 апреля 2022 г. № 1.
12. "The CNS North Korea Missile Test Database Part of The CNS Missile and SLV Launch Databases," NTI, April 15, 2024.
13. "2023 Chronology of Missile and Military Events," North Korea Leadership Watch, February 19, 2023.
14. <http://www.kcna.kp/cn/article/q/abad1068ad4bd5dbd396e909231d648b>.

EVOLUTION OF THE DPRK'S NATIONAL SECURITY POLICY: IDEOLOGICAL FOUNDATIONS AND REGIME PRESERVATION IN LIGHT OF THE DECISIONS OF THE 8TH CONGRESS OF THE WORKERS' PARTY OF KOREA

Tian Shuqi, Amiantova I.S.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Since the 2020s of the 21st century, the security strategy of the Democratic People's Republic of Korea (DPRK) has demonstrated intensified trends of autonomy and endogeneity against the backdrop of evolving external circumstances, advancements in national military policy, and defense technologies. An external policy perspective detached from internal factors fails to comprehensively capture the dynamics transforming North Korea's security strategy. Following the 8th Congress of the Workers' Party of Korea, the country has accelerated efforts to establish a new security normal. Pyongyang is crafting a modernized asymmetric deterrence strategy, enhancing its capacity to redefine dialogue conditions, shape negotiation agendas, and maintain situational control. The North Korean nuclear issue persisting for over three decades and related processes may undergo transformations, necessitating the international community's development of new approaches to denuclearizing the Korean Peninsula.

Keywords: DPRK; 8th Congress of the Workers' Party of Korea; security strategy; defense development; military policy; North Korean nuclear issue.

References

1. Victor Cha, Na Young Lee, and Andy Lim, "North Korean Provocations and U.S. – ROK Military Exercises," CSIS Beyond Parallel, 2016, 1–17.
2. Victor Cha, "North Korean Provocations Likely Around U.S. Presidential Election," CSIS Beyond Parallel, 2020, 1–10.
3. Cao Wei, Liu Qian, Liu Ziyi. "Predicting the DPRK's Nuclear Behavior: Unpredictability or Regularity?" // International Security Studies. 2019, no. 1. pp. 60–88.
4. Zuo Xiyi. "Bluffing in the Nuclear Age: The Case of the DPRK's Actions after the Fourth Nuclear Test" // Diplomatic Review (Bulletin of the Diplomatic Academy). 2017, no. 6. P. 132–156.
5. "The North Korea Conundrum: Pyongyang's Strategic Calculus and Future Trajectory," Georgetown Journal of International Affairs, May 31, 2023.
6. "A Fundamental Shift or More of the Same? A Rebuttal," 38 NORTH, January 17, 2024.
7. "Closing Remarks by Comrade Kim Jong Un, General Secretary of the Workers' Party of Korea, at the 8th Congress of the WPK" // Rodong Sinmun. January 13, 2021, No. 1.
8. "The Great Program of Struggle Leading to New Victory in Building Korean-Style Socialism: On Dear Comrade Kim Jong Un's Report at the 8th Congress of the WPK" // Rodong Sinmun. January 9, 2021, No. 1.
9. "Conducting Comprehensive Tactical Exercises to Practice a Hypothetical Nuclear Counterattack" // Rodong Sinmun. March 20, 2023, No. 1.
10. "Dear Comrade Kim Jong-un Supervised Work on Operationalizing Nuclear Weapons" // Rodong Sinmun. March 28, 2023, No. 1.
11. "Comrade Kim Jong-un Attended Tests of New Type of Tactical Guided Weapon" // Rodong Sinmun. April 17, 2022, No. 1.
12. "The CNS North Korea Missile Test Database Part of The CNS Missile and SLV Launch Databases," NTI, April 15, 2024.
13. "2023 Chronology of Missile and Military Events," North Korea Leadership Watch, February 19, 2023.
14. <http://www.kcna.kp/cn/article/q/abad1068ad4bd5dbd-396e909231d648b>.

Ирак в международной политике: влияние внешних сил на внутренние процессы

Халаф Ясер Ахмед Халаф,

аспирант, кафедры «сравнительной политологии»,
ФГБОУ ВПО «Российский университет дружбы народов»
E-mail: 1042235247@pfur.ru

Изучение внешнего влияния на внутреннюю динамику Ирака имеет критически важное значение, поскольку оно проясняет механизмы, с помощью которых региональные и глобальные акторы формируют национальный суверенитет и структуры управления: поэтому целью данного исследования является изучение воздействия иностранного вмешательства на политическую структуру Ирака как в историческом, так и в современном контексте, путем анализа ключевых взаимодействий между региональными державами и внутренними политическими структурами (в частности, изучение «политической онтологии» иракского управления, которое функционирует в рамках «синтезированной зависимости»). Методологически в исследовании используется качественный анализ, основанный на диалектическом синтезе и алгоритмическом умозаключении, объединяющий исторические данные, экономические показатели и политические тексты для построения комплексной аналитической структуры, которая интерпретирует управление Ираком через призму иностранного агентства и национальной реакции. Полученные результаты раскрывают диалектику между «автономией» и «зависимостью», показывая, что внутренняя политика Ирака, несмотря на внешнюю суверенность, пронизана внешними императивами, заметно проявляющимися в сектантских расколах и региональных альянсах, которые служат векторами международного влияния (особенно в сферах экономических инвестиций и военной поддержки). Соответственно, Ирак предстает не как изолированное политическое образование, а как «узел пересечения» в рамках ближневосточной структуры, где региональная борьба за власть как проецируется, так и смягчается. Практические выводы данного исследования заключаются в возможности их применения для политиков и международных организаций, занимающихся ближневосточной дипломатией и урегулированием конфликтов: понимание двойной структуры управления Ираком (одновременно суверенной и опосредованной внешними силами) может способствовать разработке стратегий, направленных на стабилизацию региона, путем изменения баланса влияния между внутренним правительством Ирака и внешними силами, что позволит разработать последовательную и национально ориентированную политику. Данное исследование предлагает нюансированную перспективу матрицы суверенитета и развития, предлагая новую призму, через которую можно переосмыслить геополитическое положение и внутреннее управление Ирака – признавая «проницаемые границы» между национальным агентством и международной гегемонией.

Ключевые слова: внешнее влияние, суверенитет Ирака, сектантская динамика, региональный баланс сил, геополитическое вмешательство, политическая онтология, структура управления.

Актуальность темы заключается во взаимодействии «внешних влияний» и внутренней динамики Ирака, где каждый сдвиг отражается на исторической траектории государства – траектории, отмеченной «континуумом интервенций» и доминирования, но одновременно сформированной социально-политическими трансформациями. Ирак, возникший в результате британского мандата, прошел свой путь через холодную войну, ирано-иракскую войну и последующие конфликты, каждый из которых встраивал слои иностранных интересов в структуру государства; тонкости такого исторического наложения требуют изучения, чтобы выявить, как эти силы – не просто как отдельные события, а как взаимосвязанные «воздействия» – сформировали его политическую эволюцию (эволюцию, отмеченную внешними агентствами и «зависимостями»). Цель данного исследования, таким образом, состоит в том, чтобы препарировать структуру международного участия, раскрывая, как отношения между иностранными державами перекалибруют внутренние рамки Ирака, а задачи расширяются до выявления и классификации «механизмов» влияния – от экономических санкций и военных интервенций до дипломатических маневров и региональных амбиций; исследование, тем самым, представит всесторонний отчет о том, как глобальные взаимодействия кристаллизуются в местные реалии, каждое действие, каждый мандат становятся скрытой нитью в ткани политического аспекта Ирака.

Британский мандат на Ирак, учрежденный Лигой Наций в 1920 году, функционировал как сеть контроля и уступок, в которой Британская империя стремилась не только «стабилизировать», но и внедрить политическое и экономическое влияние, поддерживающее ее господство, создавая государство, связанное дуализмом номинального суверенитета и внешней зависимости [Al-Jumaily, 2023]. Конструкция, часто отмеченная «символической автономией», заложила основы, которые будут колебаться между независимостью и внешним доминированием – характеристика, закрепленная установленными Британией структурами управления, кульминацией которой стало образование иракской монархии в 1932 году (монархии, сформированной в равной степени как внешним дизайном, так и местными устремлениями). Геополитическое перетягивание каната продолжалось в годы холодной войны, когда стратегически выгодное положение Ирака и его богатые ресурсы сделали его объектом конкуренции в рамках биполярного мирового порядка; Советский Союз и Соединенные Штаты боролись за место Ирака в своих соответствующих сферах влияния, положив начало тому, что можно назвать «политикой прокси» на иракской земле, – эпохе, подчеркнувшей идеолого-политическую неустойчивость Ближнего Востока и включившей Ирак в дуализм конфронтации и согласования [Adham, 2023].

Ирано-иракская война 1980–1988 годов еще больше усилила зависимость Ирака от внешней поддержки, но, как ни парадоксально, в этом конфликте, основанном на территориальных спорах и усугубленном этнорелигиозными антагонизмами, Ирак также предстал в качестве региональной державы, стремящейся к самоутвержде-

нию. Притязания баасистского режима на национальную «целостность» столкнулись в этой войне с растущей потребностью в иностранной военной и экономической поддержке, особенно со стороны Запада и стран Персидского залива, которые стремились сбалансировать революционную экспансию Ирана, не расширяя чрезмерно возможности Ирака. Парадоксальным образом этот период продемонстрировал одновременно уязвимость и автономию Ирака – «лиминальный суверенитет», находящийся во власти внешних расчетов и в то же время активно формирующий свою региональную позицию [Allai, 2023]. Через эту колеблющуюся матрицу доминирования и неповиновения Ирак прошел путь, отмеченный внешними интервенциями, причем каждое международное вмешательство оставляло неизгладимые следы на его государственном устройстве и идентичности – явление, раскрывающее диалектику между политической самостоятельностью Ирака и его восприимчивостью к иностранному влиянию.

Вторжение Ирака в Кувейт в 1990 году стало переломным моментом: отстаивание территориальных претензий государства под видом исторических прав резко пересеклось с глобальными экономическими и политическими интересами, в частности, западных держав, заинтересованных в сохранении контроля над нефтяными запасами Ближнего Востока и региональной стабильности. Операция «Буря в пустыне», проведенная в 1991 году под руководством коалиции и санкционированная Организацией Объединенных Наций, представляла собой сочетание военной мощи и международной дипломатии, проецируя сферу действия механизмов глобального управления и одновременно подчеркивая стратегическую уязвимость Ирака в рамках международного порядка [Hashim, 2021]. После операции введение масштабных санкций ООН против Ирака привело к длительному состоянию экономического удушья – политика, направленная на ограничение потенциала военного возрождения Ирака, но имевшая гуманитарные последствия, систематически разрушавшая социально-экономическую структуру страны и формировавшая зависимость от внешней помощи – парадоксальную зависимость, которая усиливала втягивание Ирака в международную политическую динамику [Chiam, 2021].

Режим санкций – несмотря на то что формально он представлялся как механизм обеспечения «коллективной безопасности» – на практике выходил далеко за рамки простого сдерживания, создавая ситуацию, когда внутренняя политика Ирака постепенно формировалась под влиянием императивов выживания в условиях глобального контроля. Постоянное давление катализировало внутренние сдвиги, которые меняли государственные приоритеты, часто в ущерб общественному благосостоянию, создавая тем самым социально-политическую среду, отмеченную жесткой экономией, ограниченной автономией и общественным недовольством; обстановка формировалась как под влиянием лишений, вызванных санкциями, так и в результате усилий Ирака преодолеть наложенные на него ограничения [Shebani, 2019]. В результате Ирак стал символом политики «государства-изгоя» в международной системе – статус, который, как ни парадоксально, одновременно изолировал его и усилил иностранную интервенционистскую политику, дополнительно внедрив внешнее влияние в его внутреннюю сферу, создав устойчивое взаимодействие между суверенитетом и международным контролем, которое прерывается ограничениями и давлением многостороннего управления.

Вторжение коалиции в Ирак в 2003 году возникло в результате стечения геополитических императи-

вов: заявленный «предлог» основывался на предполагаемом наличии у Ирака оружия массового уничтожения – утверждение, которое позже было опровергнуто, но служило оправданием в рамках риторики глобальной безопасности и региональной стабилизации [Allai, 2023]. Но это вмешательство было обусловлено матрицей стратегических расчетов и перестановки сил в регионе; позиционирование Ирака как воспринимаемой угрозы «балансу сил» послужило катализатором доктрины упреждения, обрамляющей вмешательство как необходимость восстановления «равновесия» в Персидском заливе (концепция подчеркивает цель Соединенных Штатов по перераспределению регионального влияния в соответствии со своими стратегическими интересами).

Сама военная операция – от первых авиаударов до масштабных наземных операций – разворачивалась с беспрецедентной скоростью, продуманная последовательность скоординированных атак в течение нескольких недель ликвидировала иракскую оборону и парализовала центральные командные структуры. Стремительный прогресс, однако, также обнажил хрупкость социально-политической архитектуры Ирака, обнажив скрытые расколы и создав условия, которые впоследствии осложнили усилия по стабилизации (такая дестабилизация, якобы являвшаяся непреднамеренным следствием, тем не менее способствовала созданию внешних моделей управления под видом реконструкции) [Mamedov, 2023].

Свержение режима Саддама Хусейна – достигнутое при минимальном сопротивлении основного военного аппарата – символизировало демонтаж авторитарных структур власти, но одновременно создало «вакуум суверенитета», в котором традиционные государственные функции оказались раздроблены в условиях временного правления. Быстрое лишение центральной власти привело к возникновению проблем управления, превратив Ирак в экспериментальную арену для внешних инициатив по государственному строительству; они повлекли за собой попытки восстановить иракское управление с помощью рамок, в значительной степени отражающих внешнеполитические амбиции, а не внутренние политические реалии, что увековечило цикл зависимости, связанный с региональной динамикой власти и возрождением фракционных альянсов в иракском государстве [Al-Jumaily, 2023].

Временная коалиционная администрация (ВКА), созданная сразу после вторжения 2003 года, олицетворяла собой модель «навязанного извне управления», чьи структуры, предназначенные для обеспечения стабильности, парадоксальным образом усиливали существующие социально-политические фрагменты: задуманная как механизм надзора за переходным периодом в Ираке, ВКА провела радикальные реформы, направленные на ликвидацию влияния баасистов, но эти реформы также ликвидировали основные государственные институты, создав пробелы в административных возможностях государства, которые отразились на всей институциональной структуре Ирака [Hammed, 2023]. Разработка новой конституции, осуществлявшаяся под контролем ВМС, рассматривалась как основополагающий шаг на пути к демократизации; процесс усилил укоровившиеся сектантские и этнические противоречия, создав структуру управления, которая скорее формализовала политическую фракционность, чем преодолела ее (структура, которая впоследствии окажется непростой для формирования согласованного национального управления) [Salman, 2021].

Выборы, проведенные в соответствии с мандатом ВМС, представили Ираку «систему участия», но одно-

временно высветили центробежные силы в иракской политике: хотя голосование символизировало шаг к «представительному управлению», результаты обнажили и усилили сектантские расколы, укоренив фракционные интересы в парламентских структурах, тем самым изменив баланс сил таким образом, что сектантское представительство стало привилегией унитарной национальной политики [Khamis, 2021]. Такое формирование правительства, пусть символически и соответствовало демократическим идеалам, на практике было затруднено этими структурными разногласиями, в результате чего управление характеризовалось фрагментарностью и неустойчивостью – циклическое укоренение раскола, при котором управление, якобы демократизированное, становилось ареной для сектантских, а не национальных интересов [Costantini, 2022].

Влияние Ирана на иракскую политику проявляется через «интервенции» и многоуровневые «промежуточные действия»: они включают в себя прямое политическое участие, экономические инвестиции и существенную военную поддержку, создавая инфраструктурную сеть, встроенную в политическую структуру Ирака. Экономическое влияние Ирана, например, выражается в объемах торговли, достигающих примерно 12 миллиардов долларов в год, – обширная связь, которая не только поддерживает, но и активно пересматривает экономические зависимости Ирака (особенно в южных регионах, где инвестиции Ирана в энергетические проекты подчеркивают растущий экономический симбиоз) [Hammed, 2023]. В политическом плане поддержка Ираном определенных фракций в «политико-религиозной сфере» Ирака усилила проиранские силы; эти силы, опираясь на военные союзы с поддерживаемыми Ираном силами, такими как Силы народной мобилизации, способствуют диалектике, в которой политическая автономия Ирака колеблется между независимостью и внешней лояльностью.

Роль Турции, напротив, сосредоточена вокруг курдского вопроса, где главной заботой страны остается «территориальная целостность» Ирака (поскольку она совпадает с национальными интересами Турции в отношении курдской автономии). Военные вторжения Турции в северный Ирак, направленные, в частности, против опорных пунктов РПК, подчеркивают эту интервенционистскую позицию: ежегодные операции достигают сотен вылетов, а численность наземных войск регулярно превышает 1 000 человек. Это постоянное присутствие в Иракском Курдистане выявляет диалектическую взаимосвязь: хотя Турция якобы принимает меры по обеспечению безопасности, она одновременно пересматривает суверенитет Ирака и усиливает напряженность в регионе (особенно потому, что инвестиции Турции в инфраструктуру северного Ирака создают вторичное экономическое влияние, параллельное ее военным интервенциям) [Salman, 2021].

Участие Саудовской Аравии сосредоточено на суннитско-шиитском противостоянии, сектантском расколе, который активно формируется благодаря ее поддержке суннитских фракций в Ираке, направленной на уравновешивание иранского влияния; финансовые потоки из Саудовской Аравии в суннитские политические образования в Ираке оцениваются в 500 миллионов долларов в год. Финансовая и идеологическая поддержка усиливает сектантскую диалектику, в рамках которой участие Саудовской Аравии, якобы направленное на обеспечение стабильности, зачастую парадоксальным образом катализирует внутригосударственные конфликты, усиливая раскол в политическом аспекте Ирака. Следовательно, влияние Саудовской Аравии дей-

ствует как обоюдоострый меч: оно обеспечивает суннитские группировки ресурсами и одновременно закрепляет структурный раскол между суннитской и шиитской общинами Ирака, раскол, который увековечивает циклическую нестабильность в политической системе Ирака [Khamis, 2021].

Появление ИГИЛ – явления, корни которого лежат во фрагментации социально-политической структуры Ирака после оккупации, – воспользовалось недовольством и межконфессиональными расколами, установив к 2014 году контроль примерно над одной третью иракской территории; эта оккупация охватывала такие города, как Мосул, создавая как символический, так и стратегический оплот (оккупация Мосула, представляющего собой «точку опоры влияния», стала катализатором идеологического и территориального распространения целей ИГИЛ). В ответ на эту транснациональную угрозу международная коалиция в 2014 году начала операцию «Непоколебимая решимость», мобилизовав ресурсы 80 стран и нанеся к 2018 году около 30 000 авиаударов – концентрированное вмешательство, которое привело к сокращению удерживаемых ИГИЛ территорий, но подчеркнуло взаимозависимость между военными действиями и региональной стабильностью; только эти авиаудары привели к значительному ослаблению инфраструктуры ИГИЛ, сократив к 2019 году его контроль до изолированных регионов [Hammed, 2023].

Роль США и НАТО в стабилизации региона – создание «аппарата безопасности», призванного противодействовать распространению экстремизма, – включала в себя стратегии, включающие как военные, так и невоенные формы влияния. США развернули около 5 000 военнослужащих для оказания поддержки и консультативных услуг. Контингент, наряду со структурированными программами помощи НАТО, создал основу для восстановления сектора безопасности Ирака посредством реформы сектора безопасности (РСБ), в рамках которой к 2020 году было подготовлено 6100 000 сотрудников иракских сил безопасности. Укрепление местного потенциала безопасности не только послужило буфером против возрождения ИГИЛ, но и подчеркнуло адаптивный характер внешнего вмешательства, когда присутствие коалиции вышло за рамки прямых военных действий и распространилось на структурную стабилизацию, проявив «многоуровневое сдерживание», которое стабилизировало внутреннюю динамику власти в Ираке [Costantini, 2022].

Фрагментированная, но развивающаяся внутренняя политика Ирака отражает «спектр зависимости», структурированный как внешними интервенциями, так и внутренними сектантскими разногласиями: несмотря на попытки стабилизации, политические разногласия остаются укоренившимися, увековеченными наследием иностранного влияния и внутренней борьбы за власть, что препятствует согласованному управлению. В то время как политические альянсы колеблются между сотрудничеством и фрагментацией, сохраняющаяся зависимость от международных игроков в плане экономической поддержки и безопасности определяет политический аспект Ирака, особенно заметная в регионах, где сектантские интересы преобладают над национальным единством, способствуя созданию среды, в которой управление является не столько независимым аппаратом, сколько «составной структурой», на которую влияют разрозненные внешние интересы (в частности, таких региональных держав, как Иран и Саудовская Аравия).

Перспективы международных отношений Ирака зависят от переговоров между его суверенитетом и стратегическими императивами иностранных государств: что-

бы утвердить автономную роль, Ирак должен пересмотреть эти влияния, не подвергая риску жизненно важные сети поддержки – для этого необходимо сбалансировать региональные союзы с Ираном, Саудовской Аравией и Турцией, одновременно ориентируясь на стратегические интересы западных держав и партнеров по коалиции, чье присутствие продолжает определять рамки безопасности и развития Ирака. Для достижения этого баланса – попытки сохранить самостоятельность в рамках созданной извне политической среды – необходим новый подход, позволяющий Ираку оказывать влияние, соразмерное его стратегическому значению на Ближнем Востоке.

Итак, влияние внешних сил на внутренние процессы в Ираке, проявляющееся в виде экономических, политических и военных интервенций, в корне изменило «политическую онтологию» Ирака: вместо чисто автономного государства Ирак предстает как «синтезированное образование», внутри которого структуры управления пересекаются с внешними императивами – парадигма ограниченного суверенитета, колеблющегося между зависимостью и самоопределением.

Литература

1. Adham, K., 2023. Evaluation of successive Iraqi governments after 2003. *Tikrit Journal For Political Science*. <https://doi.org/10.25130/tjfps.v3ipic4.249>.
2. AL-Jumaily, M., 2023. "The Dialectic of the Relationship Between the External Factor and The Independence of Decision-Making in Iraq". *Tikrit Journal For Political Science*. <https://doi.org/10.25130/tjfps.v3ipic4.244>.
3. Allai, P., 2023. US policy towards Iraq after 2014. *The International and Political Journal*. <https://doi.org/10.31272/ipj.i55.164>.
4. Alshamary, M., & Hadad, H., 2023. The Collective Neglect of Southern Iraq: Missed Opportunities for Development and Good Governance. *International Peacekeeping*, 30, pp. 668–687. <https://doi.org/10.1080/13533312.2023.2177640>.
5. Asaad, Z., Al-Delawi, A., Fatah, O., & Saleem, A., 2023. Oil Exports, Political Issues, and Stock Market Nexus. *International Journal of Energy Economics and Policy*. <https://doi.org/10.32479/ijep.13867>.
6. Belousova, K., 2023. U.S. policy in Iraq in the 1990s – early 2000s. The last decade of «undemocratic» Iraq. *Genesis: исторические исследования*. <https://doi.org/10.25136/2409-868x.2023.6.41035>.
7. Chiam, M., 2021. Public invocations of international law and legacies of the Iraq War. *London Review of International Law*. <https://doi.org/10.1093/lril/lrab009>.
8. Costantini, I., & O'Driscoll, D., 2022. Twenty Years of Externally Promoted Security Assistance in Iraq: Changing Approaches and Their Limits. *International Peacekeeping*, 30, pp. 562–584. <https://doi.org/10.1080/13533312.2022.2149501>.
9. Hammed, K., & Marie, M., 2023. Transformations of French policy towards Iraq after 2014 (Nature and paths of interaction). *Tikrit Journal For Political Science*. <https://doi.org/10.25130/tjfps.v3ipic4.233>.
10. Hashim, A., 2021. Iraq: Civil-Military Relations from the Monarchy to the Republics. *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.1829>.
11. Ibrahim, S., Amin, A., Kamaladdin, N., Baba, A., Mira, A., & Aziz, A., 2022. The Impact of Formal Military Militias on the Democratic Transition Process in Post-2014 Iraq. *As-Siyasi: Journal of Constitutional Law*. <https://doi.org/10.24042/as-siyasi.v2i2.14290>.

12. Khaleel, B., 2021. Abuse of Punishment in Transitional Justice And Its Damage to Construction Democratic Political – The Iraqi Experience after 2003 as a Model. *European Journal of Business and Management*. <https://doi.org/10.7176/ejbm/13-6-03>.
13. Khamis, K., & Mandeel, Y., 2021. Violence and its impact on political stability in Iraq After the year 2003: a study in the internal and external Factors. *Journal of Juridical and Political Science*. <https://doi.org/10.55716/jjps.2021.10201>.
14. Mamedov, R., 2023. Consequences of Lifting UN and US Sanctions on Iraq after 2003. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-5-164-170>.
15. Matar, T., 2019. Iraq's future status within the Middle East Axis Strategy. *Tikrit Journal For Political Science*. <https://doi.org/10.25130/politic.v0i0.175>.
16. Palani, K., & Fazil, S., 2023. Fluid State-Building in the Kurdistan Region of Iraq: Taking Advantage of the 2003 U.S.-Led Invasion. *International Peacekeeping*, 30, pp. 642–667. <https://doi.org/10.1080/13533312.2023.2236925>.
17. Salman, M., 2021. The impact of the security factor on Iraqi foreign policy since 2003., pp. 220–248. <https://doi.org/10.25130/POLITIC.V0I25.305>.
18. Shebani, R., 2019. The strategic importance of Iraq in the international system. *Tikrit Journal For Political Science*. <https://doi.org/10.25130/politic.v0i0.179>.
19. Shabeeb, A., & Al-Fahdawi, R., 2023. External and Internal Determinants of Market Value: An Applied Study On the Iraqi Stock Exchange for The Period 2004–2020. *Journal of AlMaarif University College*. <https://doi.org/10.51345/.v34i1.537.g338>.
20. Stapleton, S., Biygautane, T., Bhasin, T., & Hallward, M., 2023. Democracy Under Occupation: Coalition Government Formation and Survival in Iraq and Palestine. *Middle East Law and Governance*. <https://doi.org/10.1163/18763375-20231397>.

IRAQ IN INTERNATIONAL POLITICS: THE INFLUENCE OF EXTERNAL FORCES ON INTERNAL PROCESSES

Khalaf Yaser Ahmed Khalaf

Peoples' Friendship University of Russia

The study of external influences on Iraq's internal dynamics is critical as it clarifies the mechanisms through which regional and global actors shape national sovereignty and governance structures: therefore, the aim of this study is to examine the impact of foreign intervention on Iraq's political structure in both historical and contemporary contexts, by analyzing key interactions between regional powers and domestic political structures (in particular, examining the impact of foreign intervention on Iraq's political structure). Methodologically, the study employs qualitative analysis based on dialectical synthesis and algorithmic inference, integrating historical data, economic indicators, and political texts to construct an integrated analytical framework that interprets Iraq's governance through the lens of foreign agency and national response. The findings reveal a dialectic between 'autonomy' and 'dependency', showing that Iraq's domestic politics, despite its external sovereignty, is permeated by external imperatives, visibly manifested in sectarian cleavages and regional alliances that serve as vectors of international influence (especially in the areas of economic investment and military support). Accordingly, Iraq appears not as an isolated political entity, but as a "node of intersection" within the Middle Eastern structure where regional power struggles are both projected and mitigated. The practical implications of this study lie in their potential application for policymakers and international organizations engaged in Middle East diplomacy and conflict resolution: understanding Iraq's dual governance structure (simultaneously sovereign and externally mediated) can facilitate the development of strategies aimed at stabilizing the region by shifting the balance of influence between Iraq's internal government and external forces, thereby enabling the

development of a coherent and nationally oriented po This study offers a nuanced perspective of the sovereignty and development matrix, offering a new prism through which to rethink Iraq's geopolitical position and internal governance – recognizing the “permeable boundaries” between national agency and international hegemony.

Keywords: external influence, Iraqi sovereignty, sectarian dynamics, regional balance of power, geopolitical intervention, political ontology, governance structure.

References

1. Adham, K., 2023. Evaluation of successive Iraqi governments after 2003. *Tikrit Journal For Political Science*. <https://doi.org/10.25130/tjfps.v3ipic4.249>.
2. AL-Jumaily, M., 2023. “The Dialectic of the Relationship Between the External Factor and The Independence of Decision-Making in Iraq”. *Tikrit Journal For Political Science*. <https://doi.org/10.25130/tjfps.v3ipic4.244>.
3. Allai, P., 2023. US policy towards Iraq after 2014. *The International and Political Journal*. <https://doi.org/10.31272/ipj.i55.164>.
4. Alshamary, M., & Hadad, H., 2023. The Collective Neglect of Southern Iraq: Missed Opportunities for Development and Good Governance. *International Peacekeeping*, 30, pp. 668–687. <https://doi.org/10.1080/13533312.2023.2177640>.
5. Asaad, Z., Al-Delawi, A., Fatah, O., & Saleem, A., 2023. Oil Exports, Political Issues, and Stock Market Nexus. *International Journal of Energy Economics and Policy*. <https://doi.org/10.32479/ijeeep.13867>.
6. Belousova, K., 2023. U.S. policy in Iraq in the 1990s – early 2000s. The last decade of «undemocratic» Iraq. *Genesis: исторические исследования*. <https://doi.org/10.25136/2409–868x.2023.6.41035>.
7. Chiam, M., 2021. Public invocations of international law and legacies of the Iraq War. *London Review of International Law*. <https://doi.org/10.1093/lril/lrab009>.
8. Costantini, I., & O'Driscoll, D., 2022. Twenty Years of Externally Promoted Security Assistance in Iraq: Changing Approaches and Their Limits. *International Peacekeeping*, 30, pp. 562–584. <https://doi.org/10.1080/13533312.2022.2149501>.
9. Hammed, K., & Marie, M., 2023. Transformations of French policy towards Iraq after 2014 (Nature and paths of interaction). *Tikrit Journal For Political Science*. <https://doi.org/10.25130/tjfps.v3ipic4.233>.
10. Hashim, A., 2021. Iraq: Civil-Military Relations from the Monarchy to the Republics. *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.1829>.
11. Ibrahim, S., Amin, A., Kamaladdin, N., Baba, A., Mira, A., & Aziz, A., 2022. The Impact of Formal Military Militias on the Democratic Transition Process in Post-2014 Iraq. *As-Siyasi: Journal of Constitutional Law*. <https://doi.org/10.24042/as-siyasi.v2i2.14290>.
12. Khaleel, B., 2021. Abuse of Punishment in Transitional Justice And Its Damage to Construction Democratic Political – The Iraqi Experience after 2003 as a Model. *European Journal of Business and Management*. <https://doi.org/10.7176/ejbm/13–6–03>.
13. Khamis, K., & Mandeel, Y., 2021. Violence and its impact on political stability in Iraq After the year 2003: a study in the internal and external Factors. *Journal of Juridical and Political Science*. <https://doi.org/10.55716/jjps.2021.10201>.
14. Mamedov, R., 2023. Consequences of Lifting UN and US Sanctions on Iraq after 2003. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. <https://doi.org/10.26794/2226–7867–2022–12–5–164–170>.
15. Matar, T., 2019. Iraq's future status within the Middle East Axis Strategy. *Tikrit Journal For Political Science*. <https://doi.org/10.25130/politic.v0i0.175>.
16. Palani, K., & Fazil, S., 2023. Fluid State-Building in the Kurdistan Region of Iraq: Taking Advantage of the 2003 U.S.-Led Invasion. *International Peacekeeping*, 30, pp. 642–667. <https://doi.org/10.1080/13533312.2023.2236925>.
17. Salman, M., 2021. The impact of the security factor on Iraqi foreign policy since 2003., pp. 220–248. <https://doi.org/10.25130/POLTIC.V0I25.305>.
18. Shebani, R., 2019. The strategic importance of Iraq in the international system. *Tikrit Journal For Political Science*. <https://doi.org/10.25130/politic.v0i0.179>.
19. Shibeab, A., & Al-Fahdawi, R., 2023. External and Internal Determinants of Market Value: An Applied Study On the Iraqi Stock Exchange for The Period 2004–2020. *Journal of AIMaarif University College*. <https://doi.org/10.51345/v34i1.537.g338>.
20. Stapleton, S., Biygautane, T., Bhasin, T., & Hallward, M., 2023. Democracy Under Occupation: Coalition Government Formation and Survival in Iraq and Palestine. *Middle East Law and Governance*. <https://doi.org/10.1163/18763375–20231397>.

«Постаффирмативная» эпоха научной дипломатии в ЕС: на пути кооптации в дипломатию принуждения?

Сулейманов Ирек Тавфикович,

кандидат педагогических наук, доцент, Департамент образовательных программ, Институт статистических исследований и экономики знаний, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
E-mail: irek_s@mail.ru

В статье на основе анализа актуальных тенденций развития теории и практики научной дипломатии в Европейском Союзе рассматривается эволюция концепта научной дипломатии, в частности, дрейфт традиционного аффирмативного подхода «научной дипломатии позитивного действия» в «негативную полуплоскость» этого концепта. Делается вывод о признаках последовательной кооптации научной дипломатии в орбиту европейской дипломатии принуждения и санкций. В статье рассматривается политизация научной дипломатии в ЕС, усиление её роли в геополитическом дискурсе, крен в сторону национально и государственно ориентированной интерпретации с нивелированием подходов, базирующихся на тезисе об интернациональной природе науки. Уделяется внимание этической дилемме гражданской лояльности и принадлежностью к глобальному научному сообществу. Эскизно описывается траектория интеграции научной дипломатии в стратегии «санкционной дипломатии» ЕС, в частности, на примере подготовки «Европейского рамочного документа по научной дипломатии».

Ключевые слова: научная дипломатия, санкционная дипломатия, геополитика, политизация науки, международное научно-техническое сотрудничество, дипломатия принуждения, пост-аффирмативная эпоха научной дипломатии.

Введение

Размышляя об инструментах и геометрии научной дипломатии в новых геополитических реалиях, уместно обратиться к математической аналогии «негативной полуплоскости». В математике существует следующее определение: «говорят, что у прямой в плоскости (или у плоскости Π в пространстве) выбрана сторона, если выбрана одна из полуплоскостей, на которые прямая разбивает плоскость (соответственно, если выбрано одно из полупространств, на которые плоскость Π разбивает пространство). Выбранная полуплоскость (полупространство) или соответствующая сторона называется при этом положительной, а другая полуплоскость (полупространство) – отрицательной» [6]. В теории и практике научной дипломатии до недавнего времени (начала геополитических изменений в Европе) существовал широкий консенсус относительно того, что все мы находились (если следовать математическому определению) в «выбранной» (или в «положительной») плоскости, научной дипломатии. Это убеждение зачастую отражалось в идеалистическом, аффирмативном подходе к интерпретации концепта научной дипломатии: понятие стало «модной» пристройкой к научно-техническому сотрудничеству и диалогу. Здесь будет уместно использовать понятие аффирмативной установки и в контексте научной дипломатии, которое, по аналогии с Б. Гройсом, понимаем как «внутреннее согласие с всеобщим ослеплением или одобрение господствующего положения вещей» [8].

Однако, исторически исходным пунктом для такого подхода являлась аксиома дипломатии «позитивного действия»: посредством научной дипломатии мы создаем что-то новое и лучшее, мы работаем вместе, мы развиваем взаимопонимание и открываем каналы взаимодействия в (и за пределами) области науки и исследований. Такая акцентуация вполне соответствовала «мировоззрению исторического оптимизма» и «нацеленности на дипломатию позитивного действия» в терминологии А.А. Громыко [3, с. 93].

Хотя дискурс об определении научной дипломатии в ЕС был (и до геополитических потрясений последних лет) далек от концептуального единства (обзорами разнообразных подходов, в том числе с акцентом на ЕС, занимались, в частности, Г.А. Краснова [5], М.Д. Романова [7], К.А. Ибрагимова [4] и др.), и разброс интерпретаций простирался от прагматики категорий национальной «мягкой силы» до глобализма общечеловеческой направленности научной дипломатии на решение планетарных вызовов, общим все же оставалась ориентация на «дипломатию позитивного действия». Об этом свидетельствует и классификация инструментов научной дипломатии ЕС, в частности, приводимая Л. ван Лангенхофе [20, р. 12–13] – в ней просто отсутствуют инструменты негативного действия.

Основные результаты

Развитие дискурса научной дипломатии последних лет демонстрирует качественные изменения нарративов этого концепта, осознание качественных изменений считы-

вается хотя бы из названий профильных мероприятий последних лет, начиная с вузовских курсов (к примеру, «Введение в научную и техническую дипломатию: новая геополитика технологий» [16] в Университете Нюрнберга), до нескончаемого ряда семинаров и конференций («Научная экспертиза под давлением» [13], «Научная дипломатия: между научным сотрудничеством и реальной политикой» [17], «Научная дипломатия во время конфликтов» [18] и пр.).

Новые реалии функционирования научной дипломатии привели к удивительным метаморфозам в развитии этого концепта, к открытию его «негативной полуплоскости» или «негативного полупространства». Перефразируя А.А. Громыко, можно сказать, что открылось пространство «научной дипломатии негативного действия». Особенно европейские теоретики и практики научной дипломатии, очевидно следуя магистральным нарративам новой дипломатической конъюнктуры, стали использовать такие (скорее нестандартные прежде в категориях научной дипломатии) инструменты как прекращение диалога, игнорирование неудобных партнеров, стремление их изолировать от взаимодействия и пр. Мейнстримовским пониманием научной дипломатии в ЕС становится восприятие ее как элемента «санкционной дипломатии» или «дипломатии принуждения», понимаемых, вслед за Е.Я. Араповой, как особая форма официальных отношений стран и/или объединений, практикующих использование односторонних санкций, с объектами санкционного давления, реализующаяся в форме жестких односторонних ограничений [2, с. 3].

Интерпретация научной дипломатии в качестве комплементарного инструмента «дипломатии принуждения» содержит противоречие с превалировавшей позицией об объединительной силе науки и научного диалога (если вспомнить успехи научной дипломатии (хотя сам термин тогда и не существовал) даже во времена «Холодной войны»). Вместе с тем, развитие последних лет можно интерпретировать и с позиций расширенного, пост-аффирмативного понимания концепта научной дипломатии: отныне в него вкладывается бинарный функционал как позитивного, так и негативного действия. При этом следует признать и то, что в значительной степени, этот процесс в европейском экспертном сообществе связан с своеобразным «огосударствлением» научной дипломатии. Если раньше научная дипломатия во многом воспринималась и как дипломатия научного сообщества, да еще и с префиксом тезиса об «академических свободах», то сегодня отчетливо видно как научная дипломатия становится еще одним (внешне)политическим инструментом реализации интересов политического истеблишмента ЕС. Примечательно и то, что «санкционный модус» оказался применимым и для диалога профильных специалистов о научной дипломатии как объекта исследований – несмотря на то, что именно их диалог призван поддерживать или, скорее, находить путь к теории научно-дипломатических ответов на актуальные вызовы.

Л. Айгнер справедливо отмечает внутреннее противоречие концепта научной дипломатии, которое выступает одновременно и его движущей силой: «...научная дипломатия стремится соединить два противоположных императива: решением общих проблем и продвижение национальных интересов. Это внутренне напряжение не может быть устранено. По этой причине научная дипломатия останется состязательной и динамичной концепцией» [12, р. 1]. Практика научной дипломатии последних лет демонстрирует усиление внутреннего «напряжения», о котором пишет Л. Айгнер. Очевидно, обусловленная геополитическими реалиями и нагнетаемая

санкционной риторикой атмосфера реинкарнации культуры противостояния времен «Холодной войны», обострила этическую дилемму акторов научной дипломатии – прежде всего, самих ученых. Несколько упрощая, дилемма состоит в контрадикции двойственной принадлежности ученого – с одной стороны, являющегося гражданином своей страны и сотрудником национальной (научно-исследовательской) организации (а если речь идет о сфере фундаментальной науки, то и преимущественно финансирующийся из государственных средств), а с другой стороны – являющегося частью некоего глобального научного сообщества, ценностью которого является международная природа научного знания (к примеру, в заявлении Американского физического общества о международном характере науки и международном научном сотрудничестве говорится, что «наука выходит за рамки национальных границ [...] международное научное сотрудничество способствует экономическому росту и способствует взаимопониманию, несмотря на политические и идеологические разногласия, способствуя мирным отношениям между странами-партнерами» [11]).

Очевидно, в текущих обстоятельствах на «национальной» чаше «этических весов» научной дипломатии скопилось значительно большее количество «гирек», чем на чаше «космополитичной». Такая динамика в значительной степени обусловлена последовательной политизацией научной дипломатии. Это хорошо видно по динамике лексики профильных стратегических документов ЕС, к примеру, в «Мадридской декларации о научной дипломатии» говорится о направленности «стратегий и практик научной дипломатии» на «поддержку универсальных научных и демократических ценностей» [15]. Таким образом, в документе рядоположенными универсальной общенаучной аксиологии оказывается некая система демократических ценностей, очевидно, напрямую связанная с узурпированным Западом правом на их единоличную политическую интерпретацию/валидацию. Схожие подходы находим, к примеру, и в трактовке функционала научной дипломатии в документах МИД Германии: «стратегия [научной дипломатии] должна отвечать основным вызовам XXI века, создавать и защищать либеральные рамки для научной деятельности, продвигать и развивать науку как необходимое условие демократических действий ...» [19].

Неудивительно, что набранная динамика концептуального разворота в понимании научной дипломатии привела к тому, что в 2023 г. в тезисах проводимой Европейской комиссией Конференции по научной дипломатии говорится: «Ввиду растущей комплексности и взаимосвязанности глобальных проблем, давления на мировое сообщество, [...], научная дипломатия играет все большую роль, в том числе ввиду открытой стратегической автономии и технологического суверенитета ЕС» [14]. Проведение масштабной и первой в своем роде конференции в рамках председательства Испании в Совете ЕС и Европейской комиссии служило не только экспертной консолидации широкого круга «стейкхолдеров» в области научной дипломатии ЕС, включая правительства, международные организации, академические круги, неправительственные организации и частный сектор, но и кооптации т.н. «европейского подхода к научной дипломатии», ориентированного, судя по резолюции конференции, на разработку «амбициозного европейского рамочного документа для научной дипломатии». Интенция организаторов этого процесса достаточно прозрачно прослеживается в ориентирующих тезисах – эта стратегическая рамка должна создать основу для использова-

ния европейской научной дипломатии в качестве «мягкой и жесткой силы» [21].

Таким образом, фактически мы стали свидетелями своего рода «национализации» научной дипломатии в ЕС, наиболее ярко это отражено в опубликованном в феврале 2025 г. стратегическом «Европейском рамочном документе по научной дипломатии» (Рекомендации рабочих групп ЕС по научной дипломатии): «Поскольку наука и технологии все больше становятся *геополитической валютой*, научная дипломатия становится ключевым элементом в использовании нашей мощи и партнерств для глобальной Европы» [10, р. 5]. В эту логику прекрасно ложится введенный в эксплуатацию арсенал инструментов «пост-аффирмативной» научной дипломатии, нацеленный на оказание дополнительного давления на (геополитических) оппонентов.

Обращает на себя внимание и спайка концептов демократии и просвещения/науки в узусе постулируемого в документе первостепенства права Европы на них: «учитывая, что Европа была колыбелью не только *демократии*, но и просвещения, очевидна роль европейской научной дипломатии в защите науки и научного метода *во всем мире*» [10, р. 23]. Документ в явном виде артикулирует и новую функциональность научной дипломатии в духе обслуживания геополитических амбиций ЕС – в том ключе, что Европа должна конвертировать свои лидерские позиции в области исследований и инноваций «в геополитическое влияние» [там же].

При этом закономерно встает вопрос о том самом генуинном «голосе науки» наднационального уровня: является ли переход в пост-аффирмативную плоскость отражением отсутствия реальной («цеховой») независимости и самости науки? Именно это осознание целым рядом ученых себя как части глобального научного сообщества и наднациональной и внеполитической солидарности приводит к фрагментации «научно-дипломатического» сообщества: своего рода «диссидентами» (или «аутсайдерами» в терминологии С.Н. Шкеля: оппозиция и элита, не инкорпорированная в систему власти) становятся представители научного сообщества, приверженные принципу интернационального характера науки. В этом контексте уместно рассматривать понятие кооптации (как стратегические меры, направленные на формирование устойчивых связей режима с элитами и социальными группами с целью сохранения их лояльности [9, с. 800]) и даже использовать аналогию с рассуждениями С.Н. Шкеля относительно авторитарных стратегий по отношению к оппозиционным силам (такowymi для бюрократии ЕС, очевидно, и выступают космополитично настроенные представители научной дипломатии): Европейская комиссия находится на пути кооптации (в логике С.Н. Шкеля) «части оппозиционных акторов в состав властвующей коалиции». Одним из ключевых триггеров такой кооптации стало формирование рабочих групп для подготовки «Европейского рамочного документа по научной дипломатии» [9, с. 801] (в эту работу было интегрировано 130 экспертов).

Выводы

Очевидно, «краш-тест» научной дипломатии, выход в «негативную полуплоскость» ее инструментализации вполне закономерны – в силу изначального противоречия (диада «национальное – общечеловеческое»), заложенного в «ДНК» концепта. Начало пост-аффирмативной эры научной дипломатии, фактически означает, что к категории нормальности, как минимум в западном понимании, поступательно будут отнесены и инструменты «дипломатии принуждения» или «санкционной дипломатии».

При этом такое «дополненное понимание» научной дипломатии должно быть увязано и с осознанием того, что научная дипломатия перестает пользоваться неким негласным иммунитетом, которым пользовалась прежде – когда даже во времена «Холодной войны» именно наука (в особенности сфера фундаментальных исследований) выступала каналом взаимодействия с ориентиром на выход к мирному сосуществованию различных идеологических систем и политических блоков. Сегодня такое долгосрочное мышление заместилось прагматикой текущей политической конъюнктуры ЕС, порою вступающей в прямую contradикцию с реальными рациональными запросами научного сообщества (так, к примеру, несмотря на политически мотивированный разрыв по инициативе западных стран научных связей и международного соглашения России с Европейской организацией по ядерным исследованиям, ЦЕРН, продолжается кооперация России с Международным экспериментальным термоядерным реактором ИТЕР – хотя здесь следует сделать оговорку в пользу международно-правового статуса этой международной организации, в которой ЕС является лишь одним из государств-членов).

Оглядывая историю научной дипломатии, стоит констатировать и то, что Европа уже «выходила» на «негативную полуплоскость» научной дипломатии, стоит лишь вспомнить, фактический отказ ЦЕРНа принять СССР в семью государств-участников этой международной научной организации в 50-е гг прошлого столетия [1, с. 338]. Этот урок поучителен тем, что тогда опрометчивый шаг западных «партнеров» фактически инициировал формирование мощной и действенной научной дипломатии «Восточного блока» – в частности, в 1956 г. на научной карте мира появился новый современный научный центр – Объединенный институт ядерных исследований (ОИЯИ), созданный 11-ю государствами-основателями. Это был ассиметричный ответ, позволивший не скатываться в пропасть «научной дипломатии негативного действия».

Очевидно, и сегодня, коренной поворот мейнстримовской научной дипломатии ЕС в сторону «санкционной дипломатии» парадоксальным образом открывает новые перспективы для остального мира – возможности взаимовыгодного созидания посредством использования инструментов «научной дипломатии позитивного действия». Даже вступая в пост-аффирмативную эпоху научной дипломатии, мы должны оставаться оптимистами и твердо придерживаться объединяющей природы научной дипломатии наряду с непреходящей ценностью поддержания научного диалога. Констатируемая динамика может рассматриваться и как «взросление» концепта научной дипломатии: это не только понятийное/теоретическое расширение представлений о ее инструментах, но и неизбежное осознание практиками необходимости более ответственного использования инструментов из «негативной полуплоскости научной дипломатии». При этом крайне важен диалог, пусть и теоретический, между экспертами в области научной дипломатии, назрела и необходимость в прагматичной профессионализации этой сферы (подготовка специалистов по научной дипломатии).

Литература

1. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП(б) – КПСС. 1922–1991 / 1952–1958 / отв. сост. В.Ю. Афиани, В.Д. Есаков. – М.: РОССПЭН, 2010. – 1279 с.

2. Арапова Е.Я. Санкционная дипломатия. Практика российских ответных мер. – М.: МГИМО, 2024. – 32 с.
3. Громыко Ал.А. Дипломатия позитивного действия // «Война между государствами – великое зло». К 110-летию А.А. Громыко / Институт Европы РАН, Ассоц. внешнеполит. исслед. им. А.А. Громыко; [Общая редакция Ал.А. Громыко]. М: Издательство «Весь Мир»; ИЕ РАН, 2019. С. 84–102.
4. Ибрагимова К.А. Научная дипломатия и рамочные программы ЕС как инструменты взаимодействия в области НТП и инноваций // Вестник МГИМО. 2017. № 5 (56). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnaya-diplomatiya-i-ramochnye-programmy-es-kak-instrumenty-vzaimodeystviya-v-oblasti-ntp-i-innovatsiy> (дата обращения: 04.06.2025).
5. Краснова Г.А. Научная дипломатия в современном мире: учеб.-метод. материалы № 9/2021 / [вып. ред.: Е.О. Карпинская, И.А. Бочаров]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2021. – 48 с.
6. Ориентация прямой, плоскости в пространстве [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://studbooks.net/2301293/matematika_himiya_fizika/storony_pryamoy_ploskosti_ploskosti_prostranstve (дата обращения: 02.06.2025).
7. Романова М.Д. Научная дипломатия: измерения и практики / М.Д. Романова // Наука. Инновации. Образование. – 2017. – № 1 (23). – С. 38–52.
8. Что такое антифилософия? Объясняет Борис Гройс [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://admarginem.ru/2022/01/18/chto-takoe-antifilosofiya-obyasnyayet-boris-grojs/> (дата обращения: 02.06.2025).
9. Шкель С.Н. Процедурные факторы устойчивости авторитарных режимов: концептуальная рамка анализа // Власть и управление. 2014. № 6 (174). С. 799–806.
10. A European Framework for Science Diplomacy. Available at: <https://apre.it/wp-content/uploads/2025/02/a-european-framework-for-science-diplomacy-KI0125019ENN.pdf> (accessed 02.06.2025).
11. APS Statement on the International Nature of Science and International Scientific Cooperation. Available at: <https://www.aps.org/about/governance/statements/international-scientific-cooperation> (accessed 02.06.2025).
12. Eigner L. The Promise and Paradox of Science Diplomacy in CSS Analyses in Security Policy No. 326, July 2023 p 1 4p
13. EU Science Diplomacy Alliance at the conference «Science Advice under Pressure». Available at: <https://www.science-diplomacy.eu/news/eu-science-diplomacy-alliance-at-the-conference-science-advice-under-pressure/> (accessed 02.06.2025).
14. European Science Diplomacy Conference. Available at: <https://eu-science-diplomacy.service-facility.eu/> (accessed 02.06.2025).
15. Madrid Declaration on Science Diplomacy. Available at: <https://www.s4d4c.eu/s4d4c-1st-global-meeting/the-madrid-declaration-on-science-diplomacy/> (accessed 02.06.2025).
16. New University Course on Science&Tech Diplomacy at the FAU (PhD candidates and Postdocs). Available at: <https://www.stgs.fau.de/introduction-to-science-and-tech-diplomacy-the-new-geopolitics-of-technology/> (accessed 02.06.2025).
17. Science Diplomacy between Scientific Collaboration and Realpolitik. Available at: <https://era.gv.at/events/science-diplomacy-between-scientific-collaboration-and-realpolitik/> (accessed 02.06.2025).
18. Science Diplomacy in Times of Conflict. Available at: <https://www.sciencespo.fr/psia/events/science-diplomacy-times-conflict/> (accessed 02.06.2025).
19. Science Diplomacy. Available at: <https://www.daad.de/der-daad/daad-journal/themen/science-diplomacy/> (accessed 02.06.2025).
20. Tools for an EU Science Diplomacy. Available at: <https://cris.unu.edu/sites/cris.unu.edu/files/Tools%20for%20an%20EU%20Science%20Diplomacy%20~%20Luk%20Van%20Langenhove.pdf> (accessed 02.06.2025).
21. Towards a European framework for science diplomacy. Outcome of the first European Conference on Science Diplomacy. Madrid, 18–19 December 2023. Available at: <https://eu-science-diplomacy.service-facility.eu/en/outcome> (accessed 02.06.2025).

THE POST-AFFIRMATIVE ERA OF SCIENCE DIPLOMACY IN THE EU: TOWARDS COOPTATION INTO COERCIVE DIPLOMACY?

Suleymanov I.T.

National Research University Higher School of Economics

The article provides an in-depth analysis of current trends in the development of science diplomacy theory and practice within the European Union. It explores the evolution of the science diplomacy concept, particularly focusing on the shift from the traditional affirmative approach of “positive action science diplomacy” to its incorporation into the “negative half-plane” of the concept. The study concludes that there are clear indications of the systematic integration of science diplomacy into the realm of European coercive diplomacy and sanctions. It also examines the increasing politicization of science diplomacy in the EU, highlighting its growing importance in geopolitical discourse. This shift reflects a move towards nationally and state-oriented interpretations, which undermines the previously emphasized international nature of science. The article addresses the ethical dilemma of balancing civic loyalty with membership in the global scientific community. Furthermore, it outlines the trajectory of incorporating science diplomacy into the EU’s “sanctions diplomacy” strategy, exemplified by the development of the “A European Framework for Science Diplomacy”.

Keywords: science diplomacy, coercive diplomacy, geopolitics, politicization of science, international cooperation in science and technology, post-affirmative action era.

References

1. The Academy of Sciences in the decisions of the Politburo of the Central Committee of the RCP(b) – VKP(b) – CPSU. 1922–1991 / 1952–1958 / responsible. comp. V. Yu. Afiani, V.D. Esakov. – М.: ROSSPEN, 2010. – 1279 p.
2. Arapova E. Ya. Sanctions diplomacy. The practice of Russian countermeasures. – М.: МГИМО, 2024. – 32 p.
3. Gromyko Al.A. Positive action diplomacy // «War between states is a great evil». On the 110th anniversary of A.A. Gromyko / Institute of Europe RAS, Assoc. foreign policy. research. named after A.A. Gromyko; [General editorship of A.A. Gromyko]. М: Publishing house «Ves Mir»; IE RAS, 2019. P. 84–102.
4. Ibragimova K.A. Science Diplomacy and EU Framework Programs as Instruments for Interaction in the Field of Scientific and Technical Progress and Innovations // МГИМО Bulletin. 2017. No. 5 (56). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnaya-diplomatiya-i-ramochnye-programmy-es-kak-instrumenty-vzaimodeystviya-v-oblasti-ntp-i-innovatsiy> (date of access: 04.06.2025).
5. Krasnova G.A. Science Diplomacy in the Modern World: teaching and methodological materials No. 9/2021 / [ed. by: E.O. Karpinskaya, I.A. Bocharov]; Russian International Affairs Council (RIAC). – М.: NP RIAC, 2021. – 48 p.
6. Orientation of a straight line, a plane in space Available at: https://studbooks.net/2301293/matematika_himiya_fizika/sto-

- rony_pryamoy_ploskosti_ploskosti_prostranstve (date of access: 06/02/2025).
7. Romanova M.D. Scientific diplomacy: dimensions and practices / M.D. Romanova // Science. Innovations. Education. – 2017. – No. 1 (23). – P. 38–52.
 8. What is anti-philosophy? Explains Boris Groys [Electronic resource]. Available at: <https://admarginem.ru/2022/01/18/chto-takoe-antifilosofiya-obyasnyat-boris-grojs/> (date of access: 06/02/2025).
 9. Shkel S.N. Procedural factors of stability of authoritarian regimes: conceptual framework of analysis // Power and Management. 2014. No. 6 (174). P. 799–806.
 10. A European Framework for Science Diplomacy. Available at: <https://apre.it/wp-content/uploads/2025/02/a-european-framework-for-science-diplomacy-KI0125019ENN.pdf> (accessed 02.06.2025).
 11. APS Statement on the International Nature of Science and International Scientific Cooperation. Available at: <https://www.aps.org/about/governance/statements/international-scientific-cooperation> (accessed 02.06.2025).
 12. Eigner L. The Promise and Paradox of Science Diplomacy in CSS Analyses in Security Policy No. 326, July 2023 p 1 4p
 13. EU Science Diplomacy Alliance at the conference «Science Advice under Pressure». Available at: <https://www.science-diplomacy.eu/news/eu-science-diplomacy-alliance-at-the-conference-science-advice-under-pressure/> (accessed 02.06.2025).
 14. European Science Diplomacy Conference. Available at: <https://eu-science-diplomacy.service-facility.eu/> (accessed 02.06.2025).
 15. Madrid Declaration on Science Diplomacy. Available at: <https://www.s4d4c.eu/s4d4c-1st-global-meeting/the-madrid-declaration-on-science-diplomacy/> (accessed 02.06.2025).
 16. New University Course on Science&Tech Diplomacy at the FAU (PhD candidates and Postdocs). Available at: <https://www.stgs.fau.de/introduction-to-science-and-tech-diplomacy-the-new-geopolitics-of-technology/> (accessed 02.06.2025).
 17. Science Diplomacy between Scientific Collaboration and Realpolitik. Available at: <https://era.gv.at/events/science-diplomacy-between-scientific-collaboration-and-realpolitik/> (accessed 02.06.2025).
 18. Science Diplomacy in Times of Conflict. Available at: <https://www.sciencespo.fr/psia/events/science-diplomacy-times-conflict/> (accessed 02.06.2025).
 19. Science Diplomacy. Available at: <https://www.daad.de/de/der-daad/daad-journal/themen/science-diplomacy/> (accessed 02.06.2025).
 20. Tools for an EU Science Diplomacy. Available at: <https://cris.unu.edu/sites/cris.unu.edu/files/Tools%20for%20an%20EU%20Science%20Diplomacy%20-%20Luk%20Van%20Langenhove.pdf> (accessed 02.06.2025).
 21. Towards a European framework for science diplomacy. Outcome of the first European Conference on Science Diplomacy. Madrid, 18–19 December 2023. Available at: <https://eu-science-diplomacy.service-facility.eu/en/outcome> (accessed 02.06.2025).

Шитьков Сергей Владимирович,

кандидат юридических наук, и.о. Ректора Дипломатической академии МИД России, проректор по правовым вопросам МГИМО МИД России

В статье исследуется концепция цифрового суверенитета в рамках ключевых интеграционных объединений – БРИКС, ШОС. Анализируются нормативно-правовые инициативы, стратегии цифрового развития и механизмы международного сотрудничества, направленные на обеспечение технологической независимости и защиту данных. Особое внимание уделяется роли БРИКС в формировании альтернативных финансово-технологических систем (BRICS Pay, BRICS Clear), усилиям ШОС в области международной информационной безопасности. Выявляются ключевые вызовы, такие как зависимость от западных технологий, различия в уровнях цифровизации и необходимость гармонизации законодательств. Делается вывод о возрастающей роли цифрового суверенитета как инструмента геополитической конкуренции и экономической устойчивости.

Ключевые слова: цифровой суверенитет; БРИКС; ШОС; Международная информационная безопасность; Технологическая независимость; Цифровая интеграция; «Цифровой Шелковый путь».

Введение

В условиях стремительной цифровизации глобальной экономики и обострения технологической конкуренции между ведущими державами концепция цифрового суверенитета приобретает ключевое значение. Под цифровым суверенитетом понимается способность государства контролировать свои цифровые инфраструктуры, данные и технологические процессы, минимизируя зависимость от внешних игроков. Эта проблема особенно актуальна для стран, не входящих в западный технологический ареал, – участников таких объединений, как БРИКС, ШОС и ЕАЭС, которые стремятся к укреплению собственной цифровой автономии в условиях фрагментации глобального интернет-пространства и усиления санкционного давления.

На фоне геополитической нестабильности и технологического противостояния между США и Китаем страны БРИКС, ШОС активизируют усилия по созданию альтернативных платежных систем, защите данных и развитию собственных цифровых экосистем. Так, БРИКС развивает проекты вроде BRICS Pay и BRICS Clear, направленные на снижение зависимости от западных финансовых институтов. ШОС фокусируется на вопросах международной информационной безопасности, продвигая в ООН концепцию «киберсуверенитета».

Целью данной статьи является анализ подходов БРИКС, ШОС к обеспечению цифрового суверенитета, выявление общих тенденций и специфических особенностей их стратегий.

Цифровой суверенитет – это способность государства, интеграционного объединения или иного политического субъекта самостоятельно определять и реализовывать стратегию развития и регулирования цифрового пространства, обеспечивая:

- контроль над критической инфраструктурой (телекоммуникационные сети, дата-центры, системы обработки данных);
- защиту персональных и стратегически значимых данных от несанкционированного доступа и внешнего вмешательства;
- технологическую независимость в ключевых сферах (разработка ПО, микроэлектроника, искусственный интеллект);
- нормативно-правовую автономию в регулировании цифровой экономики, кибербезопасности и контента.

Ключевые аспекты концепции цифрового суверенитета в ШОС и БРИКС могут быть концептуализированы следующим образом:

- государственно-центричная модель – приоритет национального законодательства над транснациональными корпоративными стандартами;
- иммунитет к внешнему давлению – устойчивость к санкциям, технологическим блокадам и информационным кампаниям;
- стратегическая конкурентоспособность – развитие собственных цифровых экосистем (аналоги Google, SWIFT, AWS);
- многостороннее сотрудничество – создание альтернативных институтов (например, BRICS Pay) для снижения зависимости от западных цифровых платформ.

Концепция цифрового суверенитета остается предметом дискуссий: критики видят в ней угрозу открытости интернета, сторонники – необходимое условие защиты национальных интересов в цифровую эпоху. Ниже рассмотрены основные подходы к ее реализации в рамках БРИКС и ШОС.

Политика обеспечения цифрового суверенитета в БРИКС

БРИКС, представляющий собой международное объединение ведущих стран Глобального Юга, играет все более значимую роль в развитии цифровых технологий и защите цифрового суверенитета. В рамках БРИКС цифровой суверенитет можно определить как стремление государств-участников к независимости и контролю над национальными цифровыми инфраструктурами, данными и интернет-ресурсами. Это понятие отражает не только растущую значимость данных в глобальной экономике, но и связанные с ними вызовы безопасности.

Страны БРИКС – Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка – представляют 42% населения мира, что составляет 3,2 млрд человек, и обладают колоссальным объемом персональных данных¹. В своем расширенном составе БРИКС+ – уже 46% мирового населения. Цифровые услуги, предоставляемые транснациональными корпорациями, в действительности оплачиваются ценнейшим ресурсом – данными, что ставит под угрозу национальный суверенитет стран [8]. Исследование проекта CyberBRICS демонстрирует, что страны-участницы разрабатывают нормативно-правовые и кибербезопасностные стратегии для восстановления своего цифрового суверенитета, включая принятие законов о защите данных [8].

Китай реализует наиболее амбициозную программу цифрового развития среди стран БРИКС, инвестируя значительные ресурсы в 5G, искусственный интеллект и высокотехнологичное производство, что способствует закреплению его позиций как глобальной технологической державы. Россия также стремится к технологической модернизации. Бразилия начала цифровую трансформацию позднее, но достигла успехов в автоматизации государственных услуг и приняла ключевые законы, такие как Marco Civil da Internet 2014 [9]. Схожее значение имеет Закон о защите данных в КНР от 2018 года, которые открыли новые возможности для экономического роста [9].

Индия находится на стадии завершения законодательного процесса по защите данных, а Южная Африка разрабатывает национальные стратегии для извлечения преимуществ Четвертой промышленной революции, что стало одной из центральных тем Декларации БРИКС в Йоханнесбурге в 2018 году [9]. Современные исследования показывают, что на саммитах БРИКС особое внимание уделяется развитию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и созданию безопасной цифровой среды. Акцент делается на взаимосвязанности, надежности и устойчивости цифровых систем для экономического роста [3].

Важным элементом стратегии БРИКС является создание нормативно-правовой базы для обеспечения кибербезопасности и практического сотрудничества в области ИКТ. Страны работают над разработкой «дорожных карт» и поддерживают инициативы по созданию всеобъемлющей международной конвенции для про-

тиводействия киберпреступности [3]. Особо значимой инициативой является BRICS Pay – международная платежная система, основанная на технологии блокчейна, которая способна обойти западные санкции и усилить экономическую независимость БРИКС [3].

В Казанской декларации подчеркивается важность роли БРИКС в глобальной валютно-финансовой системе и обязательства по защите суверенитета в сфере ИКТ. В декларации также осуждаются односторонние действия, которые могут нарушить цепочки поставок, в частности киберсанкции, введенные Соединенными Штатами [4].

Кроме того, финансовые соглашения, достигнутые в Казани, предусматривают создание расчетно-депозитарной инфраструктуры BRICS Clear на основе технологии распределенного реестра. Это решение укрепит финансовую независимость стран БРИКС, позволяя им вести учет ценных бумаг внутри сообщества и развивать собственные механизмы финансового сотрудничества [3].

На фоне обостряющейся технологической конкуренции и геополитической нестабильности обеспечение цифрового суверенитета становится приоритетной задачей стран БРИКС. Этот вопрос приобретает еще большую актуальность в свете глобальных вызовов и растущей зависимости от передовых цифровых технологий [3].

Расширение БРИКС в 2023 году за счет включения новых членов – Эфиопии, Ирана, Египта и ОАЭ – значительно усилило потенциал объединения в сфере цифрового суверенитета и технологического развития. Это расширение не только увеличило экономический и демографический вес организации, но и привнесло новые перспективы в формирование многополярной цифровой экосистемы, альтернативной западным технологическим платформам.

Включение таких стран, как ОАЭ и Египет, которые активно инвестируют в цифровую трансформацию, создает новые возможности для развития совместных проектов в области больших данных, облачных технологий и искусственного интеллекта. Эфиопия и Иран, несмотря на различия в уровне цифровизации, обладают значительным потенциалом в сфере кибербезопасности и локализации цифровых сервисов.

Усиление технологического суверенитета ОАЭ, являясь региональным лидером в области инноваций, могут способствовать развитию цифровых финансовых систем (например, интеграция с BRICS Pay). Иран, обладающий развитой IT-инфраструктурой и опытом противодействия санкциям, может стать ключевым игроком в создании независимых от Запада цифровых решений.

Новые члены БРИКС имеют различные подходы к регулированию данных (например, ОАЭ придерживаются либеральной модели, а Иран – более жесткой). Это требует выработки общих принципов, что может ускорить создание единых стандартов внутри объединения. Возрастает значимость инициатив по противодействию киберугрозам, особенно с учетом опыта Ирана и России в этой сфере.

Новые участники демонстрируют значительный разрыв в развитии цифровой инфраструктуры (например, между ОАЭ и Эфиопией). Это может затруднить синхронизацию цифровых стратегий.

Расширение увеличивает количество участников с разными приоритетами, что может замедлить принятие решений по ключевым цифровым инициативам.

Однако, несмотря на очевидные ограничения, расширение БРИКС открыло новые горизонты для укрепления цифрового суверенитета объединения, но одновременно

¹ Country List by Geographical Regions [Электронный ресурс]. – URL: [https:// www.internetworldstats.com](https://www.internetworldstats.com) (дата обращения: 22.05.2025).

поставило сложные задачи по согласованию интересов разнородных участников. Успех будет зависеть от способности организации выработать гибкие механизмы сотрудничества, которые позволят сочетать технологические амбиции Китая и России с прагматичными подходами новых членов. Если БРИКС+ сможет преодолеть внутренние противоречия, он имеет все шансы стать ядром альтернативной глобальной цифровой экосистемы, бросая вызов доминированию США и их союзников в этой сфере.

Цифровой суверенитет ШОС

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) играет ключевую роль в укреплении международного сотрудничества в сфере цифровых технологий и обеспечения информационной безопасности. Именно в рамках ШОС Российская Федерация впервые подняла вопрос о необходимости защиты цифрового суверенитета по постсоветском пространству после событий Арабской весны. Проблематика цифрового суверенитета на уровне организации поднимается прежде всего в контексте международной информационной безопасности.

В 2011 году и впоследствии в 2015 году страны члены ШОС представили на рассмотрение ГА ООН проекты правил ответственного поведения государств в ИКТ среде, которые впоследствии были распространены как официальные документы ГА ООН на соответствующих сессиях [5]. Данные документы делали особый акцент на уважение государственного суверенитета, равноправное и мирное развитие ИКТ среды.

Одним из основополагающих документов, определяющих политику ШОС в области цифрового суверенитета, является Соглашение о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности, подписанное 16 июня 2009 года [7].

Этот документ закладывает основы для предотвращения угроз и обеспечения устойчивости в цифровом пространстве, направлен на создание безопасной международной информационной среды, в которой соблюдаются права человека, обеспечивается мир и поддерживается международная стабильность.

Согласно Соглашению, информационная безопасность определяется как состояние защищенности личности, общества и государства от деструктивных воздействий в информационном пространстве [7]. Документ выделяет основные категории угроз, подрывающих международную информационную безопасность, включая разработку и применение информационного оружия, информационный терроризм, информационную преступность и цифровое неравенство. Особое внимание уделяется рискам, связанным с использованием доминирующего положения в глобальном информационном пространстве в ущерб интересам менее развитых стран.

Для эффективного противодействия этим вызовам Соглашение подчеркивает необходимость укрепления сотрудничества между странами-участниками. Совместные меры включают разработку международных правовых норм, ограничивающих распространение и использование информационного оружия, создание систем мониторинга и реагирования на новые угрозы, а также содействие развитию международного сотрудничества в области кибербезопасности и противодействие информационному терроризму [7]. ШОС призывает к созданию более прозрачных и инклюзивных механизмов управления глобальной сетью Интернет, что должно способствовать её стабильному функционированию.

Отдельное внимание в документе уделено защите критически важных информационных инфраструктур го-

сударств. В условиях высокой взаимосвязанности глобальных сетей обеспечение устойчивости этих инфраструктур становится приоритетной задачей. Документ устанавливает строгие правила защиты информации, передаваемой между странами, и подчеркивает, что данные, составляющие государственную тайну, не могут быть переданы без соответствующих двусторонних или многосторонних договоренностей. Это положение способствует сохранению суверенитета стран и предотвращению утечек информации, угрожающих национальной безопасности.

Концепция цифрового суверенитета, закреплённая в документах ШОС, акцентирует внимание на праве государств самостоятельно управлять своими цифровыми системами и информационными ресурсами. В эпоху информационной глобализации это предполагает не только защиту от внешних угроз, но и активное развитие собственных технологий и нормативно-правовых механизмов, способствующих устойчивому экономическому и социальному развитию. Цифровой суверенитет становится инструментом защиты национальных интересов в условиях доминирования крупных технологических держав, стремящихся контролировать глобальные информационные потоки и инфраструктуры.

ШОС вносит значительный вклад в создание правовой базы для устойчивого цифрового развития своих государств-членов. Соглашение по международной информационной безопасности, подписанное в 2009 году и вступившее в силу в 2012 году, стало важным шагом к выработке скоординированных подходов к цифровой безопасности. На фоне растущей зависимости от цифровых технологий страны-участницы обязуются сотрудничать для минимизации рисков, защиты данных и создания безопасного информационного пространства, способствующего процветанию и устойчивому развитию общества. ШОС выступает как площадка для обмена опытом, координации усилий и разработки совместных инициатив в ответ на вызовы информационной эпохи, что подчеркивает её важную роль в современных цифровых международных отношениях.

Шанхайская организация сотрудничества с момента своего основания уделяет особое внимание вопросам международной информационной безопасности. Одним из ключевых инструментов укрепления доверия и координации между странами-членами стали совместные учения по кибербезопасности, направленные на отработку механизмов противодействия современным киберугрозам. Первые шаги в области совместных киберучений были сделаны в 2015 году, когда на саммите ШОС в Уфе было принято решение о создании механизмов взаимодействия в сфере МИБ. В 2023 году Специальные службы стран – членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) провели в Нью-Дели киберучения по противодействию использованию интернета в террористических, сепаратистских и экстремистских целях¹.

Заключение: цифровой суверенитет в БРИКС и ШОС как основа новой архитектуры глобального цифрового порядка

Проведенный анализ политики БРИКС и ШОС в сфере цифрового суверенитета позволяет сделать ряд принципиальных выводов, имеющих значение для понимания современных процессов трансформации глобального

¹ Спецслужбы стран-членов ШОС провели в Нью-Дели учения по отражению кибератак террористов [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19575463> (дата обращения: 22.05.2025).

цифрового пространства. На рубеже третьего десятилетия XXI века эти организации превратились в институциональные центры формирования альтернативной модели цифрового регулирования, бросающей вызов традиционной западной гегемонии в киберпространстве.

И БРИКС, и ШОС развивают собственные концепции цифрового суверенитета, которые, при всех различиях, базируются на нескольких общих принципах:

- приоритет государственного суверенитета в цифровом пространстве;
- право на самостоятельное регулирование национальных цифровых экосистем;
- необходимость защиты критической информационной инфраструктуры;
- противодействие технологическому доминированию западных корпораций.

При этом ШОС делает больший акцент на вопросах информационной безопасности и противодействия «цветным революциям», тогда как БРИКС фокусируется на экономических аспектах цифрового суверенитета, включая создание альтернативных финансовых систем.

Обе организации демонстрируют эволюцию от декларативных заявлений к созданию конкретных институтов и механизмов реализации цифрового суверенитета. В ШОС создана разветвленная система рабочих групп по информационной безопасности. БРИКС развивает практические инструменты вроде BRICS Pay и BRICS Clear. Регулярные киберучения стали важным элементом взаимодействия в рамках ШОС. Особое значение имеет процесс гармонизации национальных законодательств, который, однако, сталкивается с серьезными вызовами из-за различий в правовых системах стран-участниц.

Исследование демонстрирует, что концепция цифрового суверенитета в версии БРИКС и ШОС:

- представляет собой качественно новый подход к регулированию интернета;
- бросает вызов либеральной парадигме «глобального киберпространства»;
- создает институциональные основы для цифрового полицентризма.

В заключение следует подчеркнуть, что политика цифрового суверенитета БРИКС и ШОС не является простой реакцией на западные санкции или технологическое давление. Это осознанная стратегия построения альтернативной цифровой экосистемы, основанной на принципах технологического суверенитета, культурного многообразия и многополярного управления интернетом. Успех этой стратегии во многом будет зависеть от способности преодолеть внутренние противоречия и создать жизнеспособные технологические альтернативы существующим западным платформам.

Феномен цифрового суверенитета в БРИКС и ШОС требует дальнейшего междисциплинарного изучения, особенно в контексте взаимодействия технологических, правовых и геополитических факторов. Как показывает настоящее исследование, именно на пространстве этих организаций сегодня формируются контуры будущего цифрового миропорядка, который может оказаться значительно более сложным и фрагментированным, чем предполагали теоретики глобализации.

Литература

1. Бухарин В.В. Компоненты цифрового суверенитета Российской Федерации как техническая основа информационной безопасности // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 6 (51). С. 76–91.

2. Гаврилов Е.О. Цифровой суверенитет в условиях глобализации: философский и правовой аспекты // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4, № 2 (14). С. 146–152.
3. Зиновьева Е.С., Игнатов А.А. Повестка ИКТ безопасности в БРИКС // Международные процессы. 2023. Т. 21, № 4. С. 104–132.
4. Казанская декларация БРИКС «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности». Казань, 2024. – URL: <http://stat-ic.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xf-MUICAmF3LEh02OL3Hk.pdf>.
5. Международная информационная безопасность: подходы России / под ред. А.В. Крутских, Е.С. Зиновьевой. М.: МГИМО, 2021. 48 с.
6. Роблес-Каррильо М. Суверенитет и цифровой суверенитет // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1, № 3. С. 673–690.
7. Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества в области обеспечения международной информационной безопасности. 16 июня 2009 год. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902289626?section=-text>.
8. Jiang M., Belli L. Contesting Digital Sovereignty: Untangling a Complex and Multifaceted Concept / Jiang M. & Belli L. (Eds) Digital Sovereignty in the BRICS Countries: How the Global South and Emerging Power Alliances Are Reshaping Digital Governance. Cambridge University Press, 2024. 314 p.
9. Marco Civil Law of the Internet in Brazil / Presidency of the Republic. Civil House, Legal Affairs. LAW № 12.965, APRIL 23RD 2014. – URL: <https://www.cgi.br/pagina/marco-civil-law-of-the-internet-in-brazil/180>.

DIGITAL SOVEREIGNTY IN THE AGENDA OF SCO AND BRICS

Shitkov S.V.

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, MGIMO University

The article examines the concept of digital sovereignty within key integration associations – BRICS and the SCO. It analyzes regulatory initiatives, digital development strategies, and mechanisms of international cooperation aimed at ensuring technological independence and data protection. Special attention is paid to BRICS' role in establishing alternative financial and technological systems (BRICS Pay, BRICS Clear) and the SCO's efforts in the field of international information security. The study identifies key challenges, including dependence on Western technologies, disparities in digitalization levels, and the need for legal harmonization. The conclusion highlights the growing importance of digital sovereignty as a tool for geopolitical competition and economic resilience.

Keywords: digital sovereignty; BRICS; SCO; EAEU; international information security; technological independence; digital integration; “Digital Silk Road”.

References

1. Bukharin V.V. Components of the Digital Sovereignty of the Russian Federation as a Technical Basis for Information Security // MGIMO Review of International Relations. 2016. № 6 (51). Pp. 76–91.
2. Gavrilov E.O. Digital Sovereignty in the Context of Globalization: Philosophical and Legal Aspects // Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2020. Vol. 4, № 2 (14). Pp. 146–152.
3. Zinovieva E.S., Ignatov A.A. ICT Security Agenda in BRICS // International Trends. 2023. Vol. 21, № 4. Pp. 104–132.

4. Kazan Declaration of BRICS. Kazan, 2024. – URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAm-F3LEh02OL3Hk.pdf>.
5. International Information Security: Russia's Approaches / Ed. by A.V. Krutskikh, E.S. Zinovieva. Moscow: MGIMO University, 2021. 48 p.
6. Robles-Carrillo M. Sovereignty and Digital Sovereignty // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Vol. 1. № 3. Pp. 673–690.
7. Agreement Between the Governments of the Member States of the Shanghai Cooperation Organization on Cooperation in the Field of International Information Security. June 16th, 2009. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902289626?section=text>.
8. Jiang M., Belli L. Contesting Digital Sovereignty: Untangling a Complex and Multifaceted Concept / Jiang M. & Belli L. (Eds) Digital Sovereignty in the BRICS Countries: How the Global South and Emerging Power Alliances Are Reshaping Digital Governance. Cambridge University Press, 2024. 314 p.
9. Marco Civil Law of the Internet in Brazil / Presidency of the Republic. Civil House, Legal Affairs. LAW № 12.965, APRIL 23RD 2014. – URL: <https://www.cgi.br/pagina/marco-civil-law-of-the-internet-in-brazil/180>.

Одеяло как сэндвич с начинкой

Кравченко Альберт Иванович,доктор социологических наук, профессор, заместитель
главного редактора журнала «Социология»
E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Сэндвич – закрытая трехслойная система – аналог не только стёганного лоскутного одеяла, но и обычного одеяла в пододеяльнике. У нас в России так, а в США горожанин накрывает двумя слоями: кладет на тело простыню, на нее одеяло, а затем часть простыни загибает наверх треугольником. Таким образом, в постели русские накрываются сэндвичем, а американцы – бутербродом. Сэндвич, бутерброд, гамбургер, чизбургер, бургер – родственники одной семьи. Бутерброд – это половина сэндвича. Британский лорд Сэндвич придумал такой вид закуски – начинка в съедобной упаковке – для того, чтобы не пачкать жирными руками игральные карты за столом: просто и удобно. Точно также можно взять котлету или сосиску в салфетку и жевать, не пачкая пальцев. Но не вкусно и менее удобно. А вот когда хлеб с двух сторон от вкусной начинки, это проще, удобнее и эффективнее.

Ключевые слова: сэндвич, бутерброд, метод гамбургера, сэндвич-поколение, трехслойная социальная структура, класс, статус, социальное пространство.

По принципу сэндвича мы поступаем всякий раз, когда поднимаем с пола нечто салфеткой, которая окружает это нечто с двух сторон и не пачкает наши пальцы. Горячую тарелку мы берем с двух сторон тряпочками. Поднять горячую крышку кастрюли прихватками. Плоскогубцами мы зажимаем гвоздь и распрямляем его. Мост соединяет два берега реки: берега выполняют функцию двух хлебцев или двух губ клещей, с помощью которых жидкая «начинка» не выплескивается и направляется, куда надо. Сэндвич-панели зажимают теплый слой прокладки (утеплитель) с двух сторон жесткими стенками. Нога в ботинке как сэндвич с начинкой.

Sandwich – многослойный бутерброд. Сэндвич – представитель закрытой системы. Он скрывает то, что у него внутри. Как человек в футляре. Бутерброд – это половина сэндвича. Бутерброд – представитель открытого общества, рубаха-парень, показывает все, что у него внутри. Сэндвич означает всего лишь съедобную упаковку. Если она несъедобна, то под него сойдет очень многое на свете. Человек на матрасе – бутерброд, на матрасе, накрывшись одеялом – сэндвич. Синонимами сэндвича в широком смысле могут служить: обертка, фантик, окружение, обволакивание, сжатие, сдавливание, обжаривание, согрев, защита, безопасность, гигиена. В обычном сэндвиче самое главное и вкусное – середина, а края-корки играют второстепенную стимулирующую роль.

Лемма о двух милиционерах – лемма в математическом анализе о существовании предела у функции, которая «зажата» между двумя другими функциями, имеющими одинаковый предел. Это лемма о том, что если некую функцию ограничить сверху и снизу другими функциями с равными пределами, то предел нашей функции будет стремиться к тому же значению, что и у двух других. Называется леммой о двух милиционерах, которые как бы с двух сторон подхватывают функцию под руки и ведут в участок.

Выражение «прочитать книгу от корочки до корочки» приблизительно, т.е. метафорически, обозначает съесть сэндвич от верха до низа. Или бутерброд с двумя кусками хлеба – внизу и сверху – с начинкой посередине. У книги начина – несущая важную информацию кипа скрепленной и напечатанной бумаги, т.е. книга без переплета. Здесь подразумевается не телесная, а духовная пища. Книги – это сэндвич для мышей и книжных червей; съедают его или прогрызают от корки до корки. Выражение «я знаю его с головы до пят» – той же категории. Нога в ботинке как сэндвич с начинкой.

Сэндвич в социологическом смысле может обозначать средние классы в социальной структуре общества или маргиналов, отчаливших от одного берега и не причаливших к другому. Промежуточное положение между двумя полюсами может быть комфортным (по бокам не дует), оптимальным (сверху очень богатые, снизу очень бедные) а также весьма незавидным (прекариат, временно занятые). В последнем случае положение временщиков незавидное. Люди-сэндвичи – это слой прекариата. Прекариат (нем. Prekariat от лат. precarium, англ. precarious от англ. precarious – нестабильный, негарантированный и пролетариат, нем. Proletariat) – класс социально неустроенных людей, не имеющих полной гарантированной занятости. Люди-бутерброды испытывают все лишения прекариата. Люди не идут на подобную работу от хорошей жизни.

В последние годы на улицах городов часто встречаются люди, зажатые между рекламными плакатами-фанерами, надетыми через голову. Таких зовут человек-реклама, человек-бутерброд, сэндвич-мэн (sandwich-man), живая реклама, зазывалы. Подрабатывают зазывалами студенты, малоквалифицированные слои населения, мигранты, безработные. Одним словом, представители прекариата. «Людей-бутербродов» придумали американцы и англичане еще в конце XIX века. Поначалу на роль «бутербродов» подбирались исключительно мужчины, которые не имели постоянной работы. В России «люди-бутерброды» впервые появились в Петербурге примерно в 1910 г. Сегодня это одна из самых неприятных социальных ролей в городе и низкий статус.

Бутерброд бывает без начинки. Зато его можно намазать. На него, а не в него положить нечто съедобное. В сэндвич съедобное заворачивают. Значит, у сэндвича есть начинка, как у конфеты. Начинка – самая вкусная и самая полезная часть, она состоит из пищевых продуктов: мясо, капуста, грибы, рис, яблоки, ягоды и т.п. Ради начинки все и затевается как у бутерброда, так и у сэндвича. Там главный источник энергии для едока. А нижний и верхний слой – дополнение к главному. Так и в постиндустриально-информационном обществе: главным служит средний класс, который составляет более 70% населения страны.

Справка: Сэндвич-панель (англ. sandwich – многослойный бутерброд) – строительный материал, имеющий трёхслойную структуру, состоящую из двух листов жёсткого материала (металл, ПВХ, ДВП, магнетитовая плита) и слоя утеплителя между ними. Все детали сэндвич-панелей склеиваются между собой с помощью горячего или холодного прессования. В зависимости от назначения выделяются кровельные и стеновые панели. Сэндвич-мебель делают из панелей, выполненных по принципу бутерброда. Они обладают большой прочностью и при этом весят очень мало.

Принцип сэндвича найдешь чуть не в каждом углу городской квартиры. Книжные полки – сэндвич, ящики в шкафу, этажерка – тоже самое. Его кладут в основу экономики квартирного пространства, когда все складывается и все во все вкладывается. В основе идеи – разделение по уровням или отсекам, вертикальное или горизонтальное. Магазины и склады – гигантские сэндвичи, бургеры и гамбургеры.

Проблема среднего ребенка – это снова сэндвич. Когда он младшим в семье, то его все любили. Но вот родился младший братик, и все внимание переключилось на него. «Середняк» стал чувствовать себя обойденным. Старший уже прошел этот путь и успокоился, а среднему еще придется понервничать. Старший уже освоился с ролью «большого» и «взрослого», а для среднего актуальна еще проблема самоидентификации. Известен даже специальный термин – «синдром среднего ребенка». Каковы его проявления? «У средних детей довольно часто встречается демонстративное непокорство или поведение, не согласующееся с правилами поведения в группе сверстников, ребенок может довольно долго не уметь самостоятельно одеться или раздеться или навести минимальный порядок в детской. Средние могут иметь выраженные проблемы в обучении – ведь чего только не сделаешь, чтобы привлечь серьезное родительское внимание»¹.

В социологии принято понятие «сэндвич-поколение» – это мужчины и женщины среднего возраста, которые вынуждены заботиться о взрослеющих де-

тях и пожилых родителях одновременно. Этот термин впервые употребила социальная работница Дороти Миллер в 1981 г., к «сэндвичам» она относит людей в возрасте от 45 до 65 лет. Аналогия с «сэндвичем» возникла из-за того, что люди будто зажаты между двумя половинами. Верхняя половина бутерброда – это родители, а нижняя – дети.

Вкратце жизнь «сэндвича» можно охарактеризовать как жизнь между молотом и наковальней: представители поколения «сэндвич» заботятся о престарелых родителях и пока еще несамостоятельных детях. Это не жизнь, а война на два фронта. Люди в самом цветущем возрасте живут не для себя, а для других. Будет ли им что вспомнить в старости? С точки зрения общества «промежуточное поколение» выполняет самые важные и самые нужные функции – как энергетическая начинка в сэндвиче. Это драйвер общественной жизни. Аналогом такому поколению служит подобный ему класс – средний.

И вновь мы получаем аналогию с лоскутным и стёганым одеялом. Оно описывает не только эффект термоса, который призван хранить тепло благодаря своей многослойности, но и просто человека под одеялом: сначала он дрожит, согревая теплом своего тела матрас, простынь, пододеяльник и одеяло, а затем нежится в теплом гнездышке, которое сам же и создал.

Гамбургер, сэндвич, бургер названия как для прямого продукта пищевой промышленности, осуждаемой диетологами как причина ожирения и нездорового питания, так и косвенное название для методов, техник, приемов в коммуникации, обучении и рекламе того, как лучше упаковывать обычные вещи в красивый фантик. Недобутерброд – булочка с соусом либо разрезанная булочка с маленьким кусочком сыра или тонюсенькой колбасой. Школьный недобутерброд состоит из хлеба в отсутствие масла. Его еще называют «пищей для бедных» или «недоедой».

Суть бургера проста – три слоя чего-либо, два из них, верхний и нижний одинаковые, средний – разный. Огурцы или котлета между двумя половинками хлеба, критика человека между двумя похвалами. Схематически это выглядит как +,-,+ (рис. 1).

Метод Гамбургера

Рис. 1. Схема метода гамбургера

Иначе говоря, по такой модели делаются многие вещи на свете, хотя и не называются методом гамбургера. Например, если ложь снизу и сверху упаковать в правду, то ее легко съедают. У толстяка между рубашкой и штанами расположен мясной или пивной живот.

Фастфуд – название быстрой еды и характерно черты потребительского общества, предполагает, что быстро изготовленный (на конвейере) продукт быстро – без раздумий и анализа – потребляют. Что называется на бегу. На бегу у нас происходит все мы спешим жить и спешим потреблять, не задумываясь о последствиях.

Таким образом, сэндвич как метафора ассоциирован, произвел и по-соседски связан с целым рядом ме-

¹ Как трудно быть начинкой в сэндвиче. Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/kak-trudno-byt-nachinkoj-v-sendviche/>

тафорических полей, а именно: поколение сэндвичей, фастфуд, образ жизни, здоровье, стратификация, закрытая система, метод гамбургеров (образование, реклама, психиатрия, написание статей и эссе)

Метод гамбургера, или сэндвич-подход, основан на том, что важная информация, которая может вызвать у слушателя негативную реакцию, «помещается» между информацией, вызывающей одобрение и позитив. Рецензия на научную статью, отзыв о театральной пьесе, рекомендация и даже реклама, короче говоря, любой акт коммуникации направленного действия в оценочном жанре строится по определенной технологии: хорошо, плохо, хорошо. Вы помещаете отрицательный отзыв между двумя слоями положительных оценок. Людям легче принимать негативный отзыв о себе, когда в нем негатив спрятан под два слоя – в начале и в конце – похвалы.

По своей трехслойной структуре – верхний и нижний слой, средний прослойный – лоскутное одеяло может служить метафорой сэндвича, либо наоборот. Через трехслойный сэндвич лоскутное одеяло можно увязать с социальной стратификацией, прежде всего ее классовой разновидностью, которая, как известно, включает три класса: высший, средний и низший класс. Даже названия классов в точности напоминают терминологию одеяла и сэндвича. Нижний слой или класс служит массовой базой общества, средний, или сервисный, класс выполняет функцию прокладки, смягчающую социальные конфликты, и высший класс – верхушка пирамиды. Верхний слой одеяла, как и аристократия в обществе, меньше всего пачкается, возвышается над всем и всеми (рис. 2).

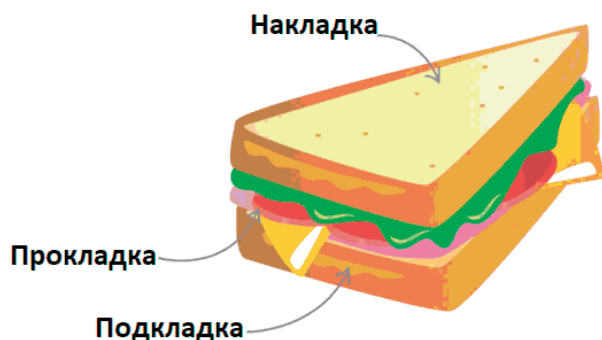

Рис. 2. Лоскутное одеяло как трехслойный сэндвич

Квилт – трехслойное одеяло, пэчворк – разноцветное одеяло. Вместе они могут изобразить график социальной структуры (рис. 3).

Рис. 3. График социальной структуры в терминах лоскутного одеяла

Квилтинг, как утверждает справочник, обозначает соединение как минимум трех слоев ткани вместе либо путем сшивания вручную с помощью иглы и нити, либо с помощью швейной машины. Стежки пронизывают все

слои ткани, скрепляя их в единое целое. А что в социальной структуре общества выполняет функцию цементирующих стежком?

Социальная структура – анатомический скелет общества. Под *структурой* в науке принято понимать совокупность функционально взаимосвязанных элементов, составляющих внутреннее строение объекта. Основу здания составляют вертикальные опоры и горизонтальные перекрытия, тесно связанные между собой. Горизонтальные перекрытия создаются социальными социальным составом населения – социальными, религиозными, профессиональными, политическими, демографическими группами, а вертикальные – социальной стратификацией, включающей слои (страты) и классы (рис. 4).

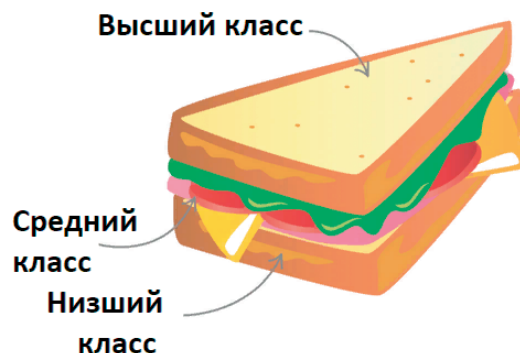

Рис. 4. Сэндвич и лоскутное одеяло как метафоры социальной структуры общества

Поскольку вхождение в группу, общность, институт или страту вместе с тем означает владение определенным статусом, именно статусы для социальной структуры выступают строительным материалом. Это своеобразные кирпичики, из которых можно построить любое общество – от самых древних до самых современных, включая мировое, или глобальное сообщество. *Социальный статус* – определенная позиция в социальной структуре группы или общества, связанная с другими позициями через систему прав и обязанностей. Благодаря им и получается *функциональная взаимосвязь* ячеек.

Такие кирпичики могут соединяться в самые разные комбинации, создавая в социальном пространстве весьма затейливые узоры. К примеру, описав все статусы, которые принадлежат одному человеку, мы получим его статусный портрет. Он будет таким же индивидуальным и неповторимым, как и сам человек. Как рисунок на его пальцах, статусный рисунок характеризует только этого и никакого другого человека. Точно также индивидуален и коллективный статусный портрет, описывающий неповторимый узор целой страны – США, России или Германии. И коллективный, и индивидуальный статусные портреты изменяются с течением времени, отражая до мельчайших деталей возрастные и общеформационные изменения, точки подъема и упадка, кризисы и деформации общества. К примеру, после Октябрьской революции 1917 г. российское общество претерпело кардинальные изменения и это моментально отразилось в его статусном портрете, так из как из социальной структуры исчезли целые классы и страты, а на их месте появились новые, каковых мировая история еще никогда не знала (рис. 5).

Понятие социальной структуры как совокупности функционально взаимосвязанных статусов, каждому из которых приписывается одна или целый набор ролей (ролевой репертуар), выводит нас еще на одну фундаментальную категорию – *социальное пространство*. Разграничение между структурой и пространством можно

выразить так. Первая категория отражает каркас общества, включающий элементы и связи между ними. Она не касается событий, процессов, тенденций, действий. Зато вторая категория лишена жесткости и хорошо приспособлена для описания динамических (наряду со статическими) явлений. Полевая теория общества П. Бурдьё, о которой обязательно пойдет речь, касается общества как социального поля, поэтому пространство в ней играет весьма ощутимую роль.

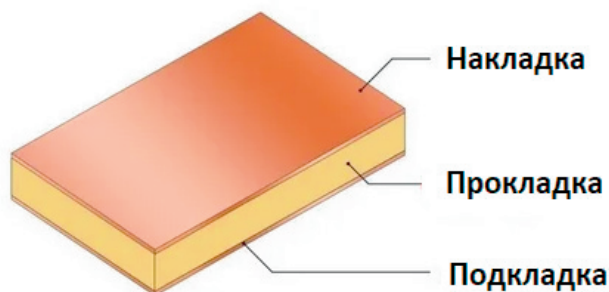

Рис. 5. Технические обозначения трехслойного сэндвича-одеяла

Можно привести совсем понятную аналогию. Если вы когда-либо взбивали утром (а может быть на сон грядущий) подушку, то наверняка заметили, какая она подвижная: перьевая начинка переливается, пересыпается, изгибается, деформируется в любом направлении. При этом форма подушки неизменна. С социальной структурой так поступать нельзя. Стоит вынуть один элемент (группу, общность, институт, класс), как немедленно изменяются соседние элементы, и вся структура деформируется. Смысл социальной структуры состоит как раз в предупреждении от поспешных реформ и революций, административного произвола и псевдомодернизаций. Общество имеет совершенно объективную структуру, которую нельзя деформировать, не разрушая все общество. Когда большевики в 1917 г. вынули из социальной структуры два элемента – дворянство и буржуазию, – образовавшиеся вакансии заполнили новые кадры – партийная и хозяйственная номенклатура. Их не называли дворянами или буржуазией, но выполняли они те же самые руководящие функции, которые предназначены элите общества. Коммунисты хотели преобразить все общество, переключив его структуру, но оказалось, что обновили только кадровый состав (рис. 6).

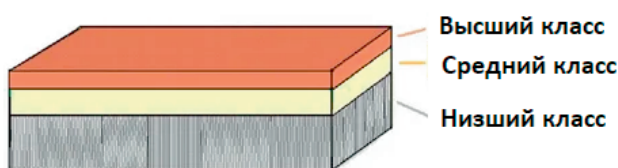

Рис. 7. Три слоя – три класса

Получившуюся связку метафор «одеяло-сэндвич-стратификация» можно расширить, распространив ее на другие сферы общественных явлений, а именно: междисциплинарное знание, социологию и главное – городскую социологию, которая выступает предметом дан-

ного исследования. Что в ней только не соединяется? Десятки самых разных наук и областей – от архитектуры и экологии, санитарии и географии до антропологии, истории, культурологии и психологии. Из этих лоскутков-фрагментов кто-то должен выкроить единое целое, соединить их так, чтобы получилась красивая, стройная и непротиворечивая картина мира. Кто же это? Конечно, социология, которая сама объединяет самые разные области жизни и научные предметы. Ее так и называют – интегрирующим знанием. Никто другой на роль собирателя земель не претендует, и объединить разрозненные силы не сумеет.

Сэндвич – представитель закрытой системы. Он скрывает то, что у него внутри. Как человек в футляре. Бутерброд – представитель открытого общества, рубаха-парень, показывает все, что у него внутри. Но почему-то закрытый сэндвич – символ открытого западного общества, а открытый бутерброд – символ закрытого русского и советского общества. Он лучше сэндвича в том, что на его поверхности, доступной контролю и всеобщему обозрению, можно творить художественные чудеса. А сэндвич хорош тем, что между двумя половинками булочки можно впихнуть гораздо большей всякой еды. Его удобно держать и заворачивать с собой. Начинка не вылетает и не падает. Сэндвич никогда не падает маслом вниз, как бутерброд.

Но почему закрытый сэндвич – символ открытого западного общества, а открытый бутерброд – символ закрытого русского и советского общества? Он лучше сэндвича в том, что на его поверхности, доступной контролю и всеобщему обозрению, можно творить художественные чудеса. А сэндвич хорош тем, что между двумя половинками булочки можно впихнуть гораздо большей всякой еды. Его удобно держать и заворачивать с собой. Начинка не вылетает и не падает. Сэндвич никогда не падает маслом вниз, как бутерброд. Сэндвичи работают по принципу прародителя пиццы. Из обязательных продуктов для него нужен только хлеб, а в начинку подойдет всё, что вы найдете съедобного дома.

Даже через незначительный культурный артефакт типа бутерброда/гамбургера можно открыть широкую панораму социальной жизни общества в разных странах на разных континентах в разных слоях общества.

BLANKET AS A SANDWICH WITH FILLING

Kravchenko A.I.

A sandwich is a closed three-layer system – an analogue of not only a quilted patchwork blanket, but also a regular blanket in a duvet cover. In Russia, this is how it is, but in the USA, a city dweller covers himself with two layers: he puts a sheet on his body, a blanket on it, and then folds part of the sheet upwards into a triangle. Thus, in bed, Russians cover themselves with a sandwich, and Americans – with a sandwich. A sandwich, a sandwich, a hamburger, a cheeseburger, a burger – are relatives of the same family. A sandwich is half a sandwich. The British Lord Sandwich came up with this type of snack – a filling in edible packaging – in order not to stain playing cards with greasy hands at the table: simple and convenient. In the same way, you can take a cutlet or sausage in a napkin and chew it without getting your fingers dirty. But it is not tasty and less convenient. But when the bread is on both sides of the tasty filling, it is simpler, more convenient and more effective.

Keywords: sandwich, sandwich, hamburger method, sandwich generation, three-layer social structure, class, status, social space.

Кубаева Ольга Валерьевна,

доцент, кафедра методики преподавания русского языка
и литературы, Дагестанский государственный университет
E-mail: olgakubaeva@mail.ru

Компьютерные игры являются неотъемлемой частью современного досуга и занимают лидирующие позиции в нише индустрии развлечений. Они не только предоставляют своей целевой аудитории возможность отдохнуть в процессе потребления контента, но и формируют свою уникальную культуру и социальные связи между игроками. В статье рассматривается феномен игрового сленга, который представляет собой значимую составляющую русского языка. Он отражает динамику развития языка и его адаптацию к современным реалиям, а также способствует формированию новых лексических единиц и языковых норм в процессе повседневного общения. Игровой сленг представляет собой разновидность языка, функционирующую в рамках игрового сообщества. Он служит не только средством самовыражения и передачи эмоций, но и активно влияет на лексикон геймеров. Сленг помогает экономить время в процессе общения, а также укрепляет социальные связи между игроками, создавая общую идентичность. Игровой сленг не только отражает современные реалии, но и способствует их формированию.

Цель работы – анализ влияния игрового сленга на развитие русского языка, исследование способов формирования новых слов, которые активно употребляются в игровой среде. В статье рассматриваются аспекты влияния сленга на повседневную речь и на культурное пространство, в котором он функционирует.

Ключевые слова: геймер, игровой сленг, заимствование, транслитерация, транскрипция, англицизмы.

В современном обществе влияние компьютерных игр распространяется далеко за пределы виртуальных миров. Одна из наиболее значимых сторон этого явления – развитие и распространение игрового сленга, который не только обогащает лексический состав русского языка, но и изменяет способы общения и самовыражения. Игровой сленг представляет собой специализированный язык, формируемый внутри игрового сообщества, и включает в себя уникальные термины, фразы и обороты, которые становятся неотъемлемой частью повседневной речи. Актуальность темы обусловлена растущим влиянием цифровых технологий и медиа на язык и культуру, а также необходимостью оценить влияние игрового контекста на современное языковое взаимодействие.

Неологизмы в игровой сфере появляются с устойчивой регулярностью. Эта область становится все более популярной, стремительно развивается и наполняется языком новыми терминами. Значительное количество неологизмов возникает в результате создания новых онлайн-игр, персонажей и игровых стратегий. В то же время формируется уникальная среда для развития неологизмов, которые представляют собой не только терминологию, связанную с онлайн-играми, но и сленговые выражения, возникающие в процессе взаимодействия геймеров [4].

Игровой сленг можно условно разделить на две ключевые категории – глобальную и локальную. Глобальный сленг охватывает термины и выражения, используемые во всех играх независимо от региона. Например, термин «фарм» (от англ. to farm – обрабатывать, выращивать) описывает процесс сбора ресурсов или опыта обычно путем постоянного выполнения одних и тех же действий (Я собираюсь фармить золото на этой локации); «спавн» (от англ. respawn – возрождение) – слово, обозначающее место, где игроки появляются в игре (Я вернулся на спавн, чтобы собрать свои вещи).

Локальный игровой сленг – это сленг, который характерен для конкретного игрового сообщества. Например, в сообществе серии игр «The Sims» встречаются характерные исключительно для него слова: «сим» – игровой персонаж в серии игр «The Sims»; «симлиш» – набор бессмысленных звуков и слов, имитирующих человеческую речь симов; «симолеон» – игровая валюта, используемая в «The Sims» [2].

Большая часть терминологии, используемой в игровых контекстах, заимствована непосредственно из английского языка, включая словосочетания, акронимы и сленговые выражения. Это приводит к тому, что игроки по всему миру независимо от родного языка начинают использовать термины на английском в своей речи. Например, такие лексемы, как «гринд» (от англ. grind – постоянная прокачка) и «лут» (от англ. loot – добыча) становятся универсальными и широко понятными в среде геймеров. Это позволяет создавать общий языковой фонд, способствующий обмену информацией и взаимодействию между игроками различных культур и языковых групп.

Существуют разные способы адаптации англоязычной игровой лексики (геймерского сленга) в русском языке [3].

1. Транслитерация – это прием, при котором буквенный состав английского слова воспроизводится с ис-

пользованием букв русского алфавита без учета правил произношения, например: фича (feature), гем (gem), мета (meta), луз (lose), дебафф (debuff), казуал (casual), донат (donate), дамаг (damage), сервер (server), левел (level). Данный метод часто применяется в интернет-коммуникации, поскольку он экономит время и облегчает набор текста на клавиатуре, не требуя знания правил орфографии и произношения английского языка. Транслитерация позволяет игрокам быстро обмениваться терминами и сленговыми выражениями, создавая удобный и понятный способ общения в игровых сообществах.

2. Транскрипция – это передача звучания английского слова средствами русского языка, например: тикет (ticket), бокс (box), гача (gacha), ваншот (one shot), винрейт (win rate), квест (quest), билд (build), хэдшот (headshot), крафт (craft), саппорт (support), баффер (buffer), геймер (gamer), гайд (guide), спидран (speedrun).

3. Аббревиатуры позволяют игрокам эффективно и быстро передавать информацию. Формирование акронимов, как правило, происходит от английских фраз, связанных с игровым процессом, видами взаимодействия и характеристиками персонажей. Например, такие сокращения, как «БП» (Battle Pass – модель монетизации игр, предоставляющая дополнительный контент игроку), «AoE» (Area of Effect – зона действия), «ДЛС» (Downloadable Content – загружаемый контент), «Ф2П» (Free To Play), «ДПС» (Damage Per Second – урон в секунду), «ХП» (Hit Points – очки здоровья), стали стандартом в лексиконе геймеров. Использование аббревиатур помогает сократить время на общение, что особенно важно во время напряжённой игровой сессии, когда каждая секунда на счету.

4. Усечение – это метод сокращения части заимствованного английского слова, при котором сохраняется его буквенная или звуковая форма: акк (account), грац (congratulations), диз (dislike), пак (package), мод (modification), конста (constellation), скрин (screenshot).

5. Использование существующих лексических единиц русского языка в новых значениях, например: плойка (PlayStation), прошить (to damage an aim without seeing it).

6. Использование морфемных способов образования. Например, префиксально-суффиксальный: за-контрить (от англ. counter – противостоять), прочекать (от англ. check – проверять), засмочить (от англ. smoke – дым) – задымить территорию; суффиксальный: фармить (от англ. farm – ферма) – собирать что-либо, абилка (от англ. ability) – способность, используемая персонажем, ваншотнуть (от англ. one shot) – убить с первого выстрела, крафтить (от англ. craft – ремесло) – создавать предметы [1].

Игровой сленг оказывает значительное влияние на повседневную речь, внедряясь в лексикон широкой аудитории, особенно среди молодежи. Слова и фразы из игровой среды становятся частью быденного общения, что позволяет использовать их в различных контекстах, выходящих за рамки игр. Это не только обогащает речь, но и помогает создать уникальную культурную идентичность тем, кто активно интересуется видеоиграми. В результате игровые термины начинают влиять на манеру общения, формируя новые языковые привычки, которые, в свою очередь, могут отражать и усиливать определённые социальные связи и принадлежность к группе геймеров. Таким образом, игровые элементы активно интегрируются в повседневный язык, создавая своеобразный мост между виртуальным и реальным мирами. Это проявляется в следующих аспектах:

– введение новых терминов (такие лексемы, как «скилл» (от англ. skill) и «квест» (от англ. quest) ста-

новятся частью общей лексики вне игрового контекста);

- изменение значений существующих слов (например, слово «грейдить» (от англ. to grade) часто используется в играх для обозначения улучшения персонажей или вещей, и его значение может переноситься на другие сферы, например, грейдить свои навыки в учебе);
- формирование уникальной идентичности (использование таких терминов, как «геймер» или «нуб» (новичок), создает чувство принадлежности к сообществу и выделяет игроков из общего круга);
- экономия времени в общении (такие выражения, как «АФК» (Away From Keyboard – отошел от клавиатуры) или «дроп» (от англ. to drop – любые предметы, ресурсы или деньги, достаемые игроку после победы), становятся распространенными и позволяют быстро согласовывать действия);
- влияние на молодежную субкультуру (слова и выражения, связанные с играми, например, «ПВП» (от англ. PvP (player versus player) – игрок против игрока) и «моб» (от англ. mobile object – мобильный объект), становятся частью молодежного сленга и могут использоваться в неигровых сценариях);
- пересечение культур (например, лексема «шутер» (от англ. shooter – стрелок, снайпер) становится частью активного словарного запаса и может употребляться в контексте разных видов спорта);
- влияние на медиа и развлекательную индустрию (игровой сленг часто используется в кинематографе и музыкальной культуре, например, в песнях о современных реалиях геймеров).

Подводя итог, можно прийти к выводу, что игровой сленг стал неотъемлемой частью современного русского языка, обогатил его новыми терминами и фразами, которые активно используются в повседневной речи. Благодаря популярности видеоигр и развитию онлайн-сообществ множество слов и выражений из игровой культуры вошло в лексикон молодежи, способствуя созданию уникальной атмосферы общения и взаимопонимания. Разнообразие способов образования сленговых выражений, безусловно, свидетельствует о динамичности и эволюции языка.

Игровой сленг не только обогащает русскую речь, но и способствует формированию культурной идентичности геймеров, создавая новые социальные связи и объединяя людей с общими интересами. Влияние этого сленга распространяется за пределы виртуальных миров, формируя новую языковую практику и нормы общения, что подчеркивает важность взаимодействия между реальным и цифровым пространствами. Таким образом, изучение и понимание игрового сленга является актуальной задачей для лингвистов и социологов, поскольку он отражает не только изменения в языке, но и новые тенденции в культуре и обществе в целом.

Литература

1. Гареева Л. М., Тоухар А.О. Языковые особенности сленга киберспорта // Russian Linguistic Bulletin. 2024. № 1 (49). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/языkovye-osobennosti-slenga-kibersporta>
2. Комаров В.А., Шушарина И.А. Игровой сленг в современном русском языке // Вестник Курганского государственного университета. 2019. № 1 (52). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/igrovoy-sleng-v-sovremennom-russkom-yazyke>
3. Пищерская Е.Н. Способы адаптации англоязычной игровой лексики (геймерского сленга) в русском язы-

ке // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 6 (42). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-adaptatsii-angloyazychnoy-igrovoy-leksiki-geymerskogo-slenga-v-russkom-yazyke>

4. Щербина В.Е. Язык геймеров как компонент молодежного сленга // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 3–2 (81). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-geymerov-kak-komponenta-molodezhnogo-slenga>

THE INFLUENCE OF GAMING SLANG ON THE RUSSIAN LANGUAGE

Kubaeva O.V.

Dagestan State University

Computer games are an integral part of modern leisure and occupy a leading position in the niche of the entertainment industry. They not only provide their target audience with the opportunity to relax while consuming content, but also form their own unique culture and social connections between the players. This article examines the phenomenon of gaming slang, which is a significant component of the Russian language. It reflects the dynamics of language development and its adaptation to modern realities, as well as contributes to the formation of new lexical units and linguistic norms in the process of everyday communication. Gaming slang is a type of language that functions within the gaming community. It serves not only as a means of self-expression and emotion transfer, but also actively influences the vocabulary of gamers. Slang helps to save time in the

communication process, and also strengthens social ties between players, creating a common identity. Gaming slang not only reflects modern realities, but also contributes to their formation.

The purpose of the work is to analyze the influence of gaming slang on the development of the Russian language, to study the ways of forming new words that are actively used in the gaming environment. The article examines the aspects of the influence of slang on everyday speech and on the cultural space in which it functions.

Keywords: gamer, gaming slang, borrowing, transliteration, transcription, anglicisms.

References

1. Gareeva L. M., Touakhar A.O. Linguistic features of esports slang // Russian Linguistic Bulletin. 2024. № 1 (49). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-osobennosti-slenga-kibersporta>
2. Komarov V.A., Shusharina I.A. Game slang in modern Russian // Bulletin of Kurgan State University. 2019. № 1 (52). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/igrovoy-sleng-v-sovremennom-russkom-yazyke>
3. Pishcherskaya E.N. Ways of adapting english-language gaming vocabulary (gaming slang) in Russian // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 6 (42). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-adaptatsii-angloyazychnoy-igrovoy-leksiki-geymerskogo-slenga-v-russkom-yazyke>
4. Shcherbina V.E. The language of gamers as a component of youth slang // Philological sciences. Questions of theory and practice. 2018. № 3–2 (81). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-geymerov-kak-komponenta-molodezhnogo-slenga>

Организация экспериментальной работы по формированию функциональной грамотности обучающихся в рамках многоуровневого образовательного комплекса

Марченко Алла Александровна,

к.п.н., доцент, доцент, Государственный университет просвещения

E-mail: geoalla@bk.ru

Евдокимова Елена Викторовна,

к.г.н., доцент, доцент, Государственный университет просвещения

E-mail: e.evdokimova2012@yandex.rug

Организация экспериментальной работы по формированию функциональной грамотности требует целостного подхода, комбинирующего теорию и практику, активное сотрудничество и интеграцию знаний из различных областей. Создание многоуровневого образовательного комплекса с фокусом на формирование функциональной грамотности обучающихся представляет собой сложную и многоаспектную задачу, требующую тщательной проработки различных аспектов образовательного процесса. Важно учитывать, как теоретические основы функциональной грамотности, так и практические подходы к её развитию в рамках экспериментальной работы.

Ключевые слова: функциональная грамотность, многоуровневый образовательный комплекс, критерии оценки функциональной грамотности, специфика формирования функциональной грамотности обучающихся в образовательных организациях.

Функциональная грамотность как понятие и явление появилось в мировом образовательном пространстве в конце XX века. Изучением ее значимости занимались исследователи и институты мировых образовательных систем (PIRLS, IEA, TIMSS, PISA). Результаты этих международных исследований послужили целевыми показателями качества образования нашей страны, которые были отражены в Государственной программе РФ «Развитие образования (2018–2025)».

Международные исследования отличаются подходами к оценке образовательных результатов: PIRLS (Международное исследование качества чтения и понимания текста – Progress in International Reading Literacy Study), TIMSS (Trends in Mathematics and Science Study) оценивают академическую грамотность по чтению, математике, естествознанию, а сформированность функциональной грамотности (математической, читательской, естественнонаучной, финансовой). Именно поэтому исследования PISA (Международная оценка образовательных достижений учащихся – Programme for International Student Assessment) считаются наиболее интересными, разработавшими индикаторы конкурентоспособности школьного образования, реализованными на основе компетентностного подхода. В 2025 г. мониторинг PISA оценивает уровень владения иностранными языками, способность учащихся к самостоятельному обучению с помощью цифровых инструментов.

Приоритетной целью образовательной политики России является вхождение в десятку лидеров стран по качеству школьного образования. При анализе конкурентоспособности образования страны учитываются следующие индикаторы: функционирование образовательной системы, характеристика образовательного процесса на уровне организаций и образовательные результаты.

Оценка выполнения целевых показателей Государственной программы РФ «Развитие образования (2018–2025)», а также Указа Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» осуществляется Центром оценки качества образования Института стратегии развития образования РАО, Федеральным институтом оценки качества образования, Министерством просвещения РФ, Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки, региональными органами управления образованием.

Разработка критериев оценки и направлений формирования функциональной грамотности осуществлялась в форме Проекта «Функциональная грамотность – единое содержание общего образования» с 2019 по 2025 г. При этом под функциональной грамотностью понималась способность использовать приобретаемые в жизни знания, умения, навыки для решения широкого диапазона жизненных задач в различных сферах человеческой деятельности. В обновленных стандартах (ФГОС НОО, ООО) понятие функциональной грамотности конкретизируется как способность решать учебные задачи и жизненные проблемные ситуации на основе сформированных предметных, метапредметных и универсальных спо-

совов деятельности, включающая овладение ключевыми компетенциями, составляющими основу готовности к успешному взаимодействию с изменяющимся миром и дальнейшему успешному образованию.

Основными направлениями формирования функциональной грамотности (в мире, России, PISA) являются математическая, читательская, естественнонаучная, глобальные компетенции, финансовая грамотность, креативное мышление. А субъектами этого процесса являются и педагоги, и школьники, и родители, и система образования в целом. Проведенное в рамках Проекта тестирование гибких и цифровых навыков педагогов, их умений развивать у обучающихся функциональную грамотность, показало высокий уровень умений по формированию финансовой и математической грамотности, но низкий – по креативному мышлению, развитию глобальных компетенций. Возникли проблемы по конструированию заданий в зависимости от развиваемой компетенции, дидактической единицы предметного содержания. Созданная платформа электронного банка тренировочных заданий по оценке функциональной грамотности образовательными организациями субъектов РФ обеспечила информационно-методическую и научную поддержку педагогов, использовалась для организации и проведения методических семинаров для региональных, муниципальных органов управления, повышения квалификации учителей.

Формирование функциональной грамотности имеет свою специфику в различных образовательных организациях, что связано с содержанием образовательной программы, методами и подходами к обучению (междисциплинарным, интегративным), использовании технологий, ролью учителя, особенностями обучающихся, индивидуализацией учебного процесса, взаимодействием с родителями и профессиональным сообществом [1].

Система столичного образования имеет свои отличительные черты за счет непрерывной системы формирования функциональной грамотности в рамках многоуровневых образовательных комплексов. Опыт г. Москва использован для подготовки регионального проекта Московской области «Эффективный образовательный комплекс», рассчитанного на период до 2030 г., который предусматривает реорганизацию и объединение 1400 школ разного уровня подчинения (учредителя), вида организации (школа, лицей, гимназия и др.), территории (город, поселок и др.) в 850 образовательных комплексов, реализующих образовательные программы разных уровней образования на основе единой концепции с предоставлением различных дополнительных образовательных услуг. В рамках проекта предусмотрены подпрограммы («Pre-school», «Эффективная начальная школа», «Предпринимательские классы», «Школа полного дня», «Умные каникулы»). Реализуются также разные модели объединения («Школа + школа», «Школа + детский сад», «Детский сад + детский сад»).

Несмотря на ряд проблем, образовательные комплексы позволяют оптимизировать процесс формирования функциональной грамотности обучающихся за счет преемственности учебного процесса, концентрации ресурсов, лучшего учебно-методического и материально-технического обеспечения. Среди отличительных черт системы столичного образования по формированию функциональной грамотности нужно выделить непрерывность этого процесса на протяжении всех лет обучения, методическое сопровождение всех участников образовательных отношений, гибкую систему профессионального развития педагогов, максимальную практическую значимость мероприятий для учителей, доминирование коротких форматов и смешанного обучения

над традиционными программами повышения квалификации, принятие решений по результатам независимых диагностик (аттестация руководителей, система оплаты, рейтинг школ), участие в независимых диагностиках функциональной грамотности, родительский селектор, адресные рассылки, горячие линии.

Среди условий успешного формирования функциональной грамотности необходимо выделить психологические и возрастные особенности школьников, определяющие способ обработки информации, мотивацию к обучению, социализацию.

Организация экспериментальной работы по формированию функциональной грамотности обучающихся в рамках многоуровневого образовательного комплекса представляет собой сложную и многоаспектную задачу, требующую тщательной проработки различных аспектов образовательного процесса, интеграцию разных образовательных уровней и подходов. Для определения уровня функциональной грамотности используют различные методики: наблюдение за деятельностью обучающихся, применение тестов и заданий, оценка навыков чтения и письма, проектная деятельность, методы игрового обучения, беседа со школьниками, цифровые технологии, специальные диагностические материалы.

Существенным отличием заданий на формирование функциональной грамотности является модель реальной жизненной ситуации, которая требует разных знаний и умений, чаще всего, носит интегративный характер, оценивает не способность учителя объяснить учебный материал, способность обучающихся применить полученные знания и умения в жизненных ситуациях.

Экспериментальная работа по оценке специфики формирования функциональной грамотности обучающихся была проведена на базе многоуровневого образовательного комплекса «Перспектива» (г. Химки), созданного по модели «Школа + детский сад». Это позволило провести исследование на всех уровнях обучения (ДО, НО, ОО, СО), с включением всех участников образовательных отношений (педагоги, обучающиеся, родители) с применением дистанционных технологий (чаты, родительский селектор) и различных мероприятий (собрания, классные часы и др. мероприятия).

Для определения отношения участников образовательных отношений к функциональной грамотности было проведено анкетирование, результаты которого показали, что среди педагогов 20% считали, что это проект, требующий дополнительного стимулирования, 6,7% решили, что педагог должен самостоятельно развивать функциональную грамотность для применения в учебном процессе, 6,7% учителей поддерживают традиционный подход к обучению в противовес развивающему, считают, что это локальный образовательный процесс, 20% считают, что процесс формирования функциональной грамотности должен быть системным, отвечающим современным запросам образовательной политики (вхождению РФ в десятку стран по качеству образования в соответствии с Указом Президента), входящим в обязательную часть образовательной программы; большинство опрошенных (46,6%) считали, что это должен быть системный, дополнительно мотивированный процесс, исходя из его стратегической важности.

По мнению большинства исследователей, базовой является читательская грамотность, определяющая успешность остальных составляющих функциональной грамотности. При этом для академической грамотности главным критерием является скорость чтения, для функциональной – понимание текста и умение извлекать из него главное, способность пересказать текст. Именно поэтому на этапе констатирующего эксперимента

по определению уровня функциональной грамотности для формирования экспериментальных групп обучающихся и получения репрезентативных результатов проводилась диагностика навыков чтения по Стандартизированной методике (СМИНЧ) (Дорофеева С.В., Решетникова В.А., Серебрякова М.Н., Горанская Д.Н., Ахутина Т.В., Драгой О.В. Оценка диагностической валидности Стандартизированной методики исследования навыков чтения на русском языке и проверка актуальности имеющихся нормативных данных // Российский журнал когнитивной науки. – 2019. – Том 6(1). – С. 4–24.). Данные диагностики коррелировали со средним уровнем успеваемости обучающихся на основе триместровых и годовых оценок, результатов ВПР. Уровень функциональной грамотности на этапах Начальный уровень функциональной грамотности на этапах констатирующего и формирующего эксперимента проверялся с использованием электронного банка заданий для оценки функциональной грамотности на портале РЭШ (<https://fg.reshe.edu.ru/>), открытого банка КИМ ЕГЭ, адаптированных автором к возрастным особенностям обучающихся [3].

Проверка уровня функциональной грамотности показала, что обучающиеся экспериментальных и контрольных групп показали более высокие результаты при выполнении заданий тестового типа, но даже среди них наибольшие затруднения вызвали тесты открытого типа (с кратким свободным ответом, развернутым ответом), комбинированного типа (с выбором одного правильного ответа и развернутым обоснованием выбора, с выбором нескольких правильных ответов и развернутым обоснованием выбора). В целом результаты констатирующего этапа эксперимента показали, что большинство обучающихся имеет фактически низкий уровень функциональной грамотности, часть – средний уровень, высоким уровнем не обладает никто.

Анализ педагогического опыта учителей позволил выбрать наиболее эффективные технологии формирования функциональной грамотности на разных уровнях обучения. Объективность выбора была подтверждена анкетированием участников. Для начальной школы были выбраны игровые технологии, в частности игры-предложения, в рамках которых перед школьниками ставится задача и создается ситуация, требующая решения последующего действия [8]. Для основной школы – исследовательские проекты, которые требуют анализа информации, критического мышления, командной работы, навыков визуализации полученных результатов, в частности краеведческий экологический проект. Для средней школы были выбраны кейсы, дающие возможность применять знания и навыки в практических ситуациях, развивать критическое мышление, использующие элементы ролевых игр, в частности «Развитие концепции «Умный город». Разработанные программы повышения уровня функциональной грамотности внедрялись последовательно на разных уровнях обучения. Проверка эффективности экспериментальной работы на контрольном этапе эксперимента показала изменения в общем уровне успеваемости, в интересе и увлеченности школьников. Количественные показатели, отраженные в контрольных тестированиях, подкреплены качественными на основе анкетирования педагогов и школьников. Уровень функциональной грамотности вырос в среднем на 10–20%, в большей степени – в старших классах за счет мотивированности на ЕГЭ и задания С. В то же время на «чистоту» эксперимента влияют различные факторы, затрудняющие комплексный подход к исследованию, возникшие за счет дифференциации образовательного пространства последних десятилетий (УМК, школы, типы образовательных учреждений, разные об-

разовательные программы, виды и формы обучения, комплексные и парциальные программы ДО и др.).

Так, младшие школьники, обучающиеся по программам развивающего обучения, направленных не столько на знания, сколько на умения и навыки, способствующих развитию самостоятельности и деятельного подхода, в целом показывают более высокий уровень функциональной грамотности. Разные стартовые условия возникают из-за миграционных процессов, влияющих на языковую, читательскую грамотность, гендерный и национальный состав, что отражается на формировании функциональной грамотности обучающихся, снижает репрезентативность результатов исследований и требует более длительного и планомерного процесса.

Литература

1. Формирование и оценка функциональной грамотности школьников в рамках многоуровневого образовательного комплекса (на примере московского столичного региона) / Евдокимова Е.В., Голышева Е.Г. // В сборнике: Современные региональные проблемы географии и экологии. Материалы VII Международной научно-практической конференции. Москва, 2024. С. 138–141.
2. Инновации в учебно-воспитательном процессе начальной школы на примере предмета «окружающий мир» / Марченко А.А., Евдокимова Е.В. // Педагогика и психология образования. 2019. № 3. С. 22–29.
3. Использование информационных технологий в компетентностном формате / Марченко А.А., Евдокимова Е.В. // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 5. С. 138–141.
4. Педагогический эксперимент в начальной школе: диагностические методики / Виттенбек В.К., Иванова Г.П., Марченко А.А. // Учебно-методическое пособие, Москва, 2023.
5. Технология критического мышления как средство развития мыслительных навыков младших школьников / Кульмасова А.В., Марченко А.А. // В сборнике: Актуальные вопросы общества, науки и образования. Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 2024. С. 168–175.
6. Творческий проект как средство формирования самостоятельности младших школьников / Баданова И.А., Марченко А.А. // В сборнике: Актуальные вопросы общества, науки и образования. Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 2024. С. 81–86.
7. Проектная деятельность как средство развития познавательной активности одаренных обучающихся младшего школьного возраста / Марченко А.А., Снигирева А.А. // В сборнике: Педагогическое образование и современная наука: проблемы и перспективы развития. Сборник научных трудов. Москва, 2024. С. 450–459.
8. Особенности реализации метода проектов в начальной школе / Марченко А.А., Соломицкая Е.И., Сулима Д.И. // В сборнике: Педагогическое образование и современная наука: проблемы и перспективы развития. Сборник научных трудов. Москва, 2024. С. 235–243.
9. Особенности творческой деятельности обучающихся в условиях поликультурной образовательной среды / Марченко А.А., Бобьякова И.Р. // В сборнике: актуальные проблемы теории и практики психологических, педагогических и лингводидактических исследований. Материалы международной научно-

практической конференции. Москва, 2023. С. 616–619.

10. Формирование основ информационной культуры младших школьников на уроках в начальной школе / Марченко А.А., Кульмасова А.В. // В сборнике: актуальные проблемы теории и практики психологических, психолого-педагогических, педагогических и лингводидактических исследований. Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 2022. С. 160–164.

ORGANIZATION OF EXPERIMENTAL WORK ON THE FORMATION OF FUNCTIONAL LITERACY OF STUDENTS WITHIN THE FRAMEWORK OF A MULTI-LEVEL EDUCATIONAL COMPLEX

Marchenko A.A., Evdokimova E.V.
State University of Education

The organization of experimental work on the formation of functional literacy requires a holistic approach combining theory and practice, active cooperation and integration of knowledge from various fields. Creating a multi-level educational complex with a focus on the formation of functional literacy of students is a complex and multidimensional task that requires careful study of various aspects of the educational process. It is important to take into account both the theoretical foundations of functional literacy and practical approaches to its development within the framework of experimental work.

Keywords: functional literacy, a multi-level educational complex, criteria for assessing functional literacy, the specifics of the formation of functional literacy of students in educational organizations.

References

1. Formation and assessment of functional literacy of schoolchildren in the framework of multilevel educational complex (on the example of Moscow metropolitan region) / Evdokimova E.V., Golysheva E.G. // In collection: Modern regional problems of geography and ecology. Materials of the VII International Scientific and Practical Conference. Moscow, 2024. С. 138–141.
2. Innovations in the educational process of primary school by the example of the subject 'surrounding world' / Marchenko A.A., Evdokimova E.V. // Pedagogy and psychology of education. 2019. № 3. С. 22–29.
3. The use of information learning technologies in the competence-based format / Marchenko A.A., Evdokimova E.V. // Socio-humanitarian knowledge. 2023. № 5. С. 138–141.
4. Pedagogical experiment in primary school: diagnostic methods / Wittenbeck V.K., Ivanova G.P., Marchenko A.A. // textbook / Moscow, 2023.
5. Technology of critical thinking as a means of developing thinking skills of junior schoolchildren / Kulmasova A.V., Marchenko A.A. // In the collection: Actual issues of society, science and education. Materials of the international scientific-practical conference. Moscow, 2024. С. 168–175.
6. Creative project as a means of forming the independence of junior schoolchildren / Badanova I.A., Marchenko A.A. // In the collection: Actual issues of society, science and education. Materials of the international scientific-practical conference. Moscow, 2024. С. 81–86.
7. Project activity as a means of development of cognitive activity of gifted students of primary school age / Marchenko A.A., Snigireva A.A. // In collection: Pedagogical education and modern science: problems and prospects of development. Collection of scientific papers. Moscow, 2024. С. 450–459.
8. Features of the implementation of the project method in primary school / Marchenko A.A., Solomitskaya E.I., Sulima D.I. // In collection: Pedagogical education and modern science: problems and prospects of development. Collection of scientific papers. Moscow, 2024. С. 235–243.
9. Features of creative activity of students in the conditions of multicultural educational environment / Marchenko A.A., Bobyakova I.R. // In collection: topical problems of theory and practice of psychological, pedagogical and linguodidactic research. Materials of the international scientific-practical conference. Moscow, 2023. С. 616–619.
10. Formation of the basics of information culture of junior schoolchildren at the lessons in primary school / Marchenko A.A., Kulmasova A.V. // In the collection: actual problems of theory and practice of psychological, psychological and pedagogical, pedagogical and linguodidactic research. Materials of the international scientific-practical conference. Moscow, 2022. С. 160–164.

Подготовка будущих учителей к открытой международной студенческой интернет-олимпиаде по педагогике средствами научного кружка

Хамидуллина Лидия Камиловна,

заведующий кафедрой романо-германской филологии и лингводидактики, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики, психологии и социальной работы Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий

В статье представлен опыт трехлетнего участия студентов – будущих учителей филологов Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий в Открытой международной студенческой Интернет-олимпиаде по дисциплине «Педагогика» профилю «Специализированный (с углубленным изучением дисциплины)». Раскрыта роль студенческого научного кружка по педагогике как средства подготовки будущих учителей к участию в Открытой международной студенческой Интернет-олимпиаде по дисциплине «Педагогика» профилю «Специализированный (с углубленным изучением дисциплины)» является эффективной формой получения дополнительных теоретических знаний и практических навыков, мотивирует к более целенаправленному и углубленному изучению выбранной ими специальности, что повышает качество подготовки специалистов по направлению 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки).

Ключевые слова: качество образования, Федеральный интернет-экзамен в сфере профессионального образования, открытая международная студенческая Интернет-олимпиада, педагогика, студенческое научное общество, студенческий научный кружок при кафедре.

XXI век характеризуется развитием информационных технологий, что требует от преподавателей особого внимания к практическим аспектам компьютерных инноваций. Они вносят в педагогику целый ряд новаций, которых или вообще ранее не было, или играли второстепенную роль. Расширяются масштабы профессиональной подготовки. Появляются в образовательном процессе проблемы формирования как профессионализма, так и личностных качеств студентов. Динамика общественной жизни требует обращать внимание воспитателей на вопросы коммуникации с учетом этнических, гендерных, расовых, религиозных и других особенностей. Вопросы знания, сохранения и развития традиционных культурных ценностей вплетаются в каждую учебную дисциплину. С одной стороны, общение через базу дистанционных сетей, вроде, уменьшает необходимость личных контактов, но с другой стороны усиливается потребности в духовной близости. Международные олимпиады помогают формировать не только новые знания и навыки, но и создают площадки для личных знакомств и неформального общения. Именно здесь начинают четко выделяться в образовательном процессе ценностные нюансы в самых разных областях (политическом, языковом, моральном, экономическом, конфессиональном, научном, бытовом, художественном и т.д.) и их зависимость от средств и способов трансляции. Компьютерные технологии увеличивают возможности как чисто образовательных, так и воспитательных процессов. Студенты и преподаватели принимают участие в международных олимпиадах, научных конференциях, фестивалях, выставках, интеллектуальных турнирах, концертах и т.д. Различия между людьми (возрастные, гендерные, языковые, этнические, религиозные, профессиональные и т.д.) затрудняют разработку унифицированных и стандартизированных педагогических методологий и конкретных методов как обучения, так и воспитания. И в полный рост встает один из самых главных и тяжелых задач образовательных учреждений – творческая свобода и потенциал студентов. Но и, конечно же, самих преподавателей. Пригодные во всех обстоятельствах и случаях жизни нормы чувствования, мышления и поведения невозможны и не нужны. Образовательные программы, как учебные так и воспитательные, должны учитывать эту мозаику дифференциации и предполагать потенциальную вариативность как условий, так и состава аудитории. При таком понимании актуализируются традиционные ценности «свобода выбора» и «творчество». Свобода и творчества – центральные ценности вузовского образования. И именно на них ориентируются различные вузовские кружки по интересам.

Сегодня в высших учебных заведениях активно внедряются новые формы независимой оценки качества образования с применением методов компьютерного тестирования, такие как Федеральный интернет-экзамен для выпускников бакалавриата, онлайн-тестирование для проверки эффективности образовательных программ. Согласно точке зрения А.А. Вербицкого, «главная идея программированного обучения и новых информационных технологий – обеспечение непрерывной управляемости со стороны педагога и самоуправляемости об-

учающегося посредством тестов. Данные тестов выступают здесь в функции непрерывной обратной информации о протекании учебного процесса и мере усвоения учебного материала» [1].

В настоящее время в Российской Федерации образовательные мероприятия, направленные на молодёжь, сосредоточены на создании возможностей для самовыражения молодых людей, реализации их личных качеств и профессионального роста, развитии востребованных компетенций в современной социальной и экономической среде. Большинство реализуемых проектов, центров, чемпионатов, хакатонов, конкурсов, олимпиад и форумов ориентированы именно на совершенствование цифровых навыков (Digital Skills), физических способностей (Phygital Skills), специализированных знаний (Hard Skills) и мягких навыков (Soft Skills) среди молодёжи [2]. И эти усилия опираются на традиционные общечеловеческие ценности: самооценку собственной жизни и личности, право на труд и на вознаграждение за него, семья, родственные связи, дружба, честь, креативность, соперничество, стремление к совершенству, достоинство, любовь, красота, добро, человечность, коллективизм, милосердие, универсализм, конформизм, патриотизм, альтруизм, самостоятельность, терпимость, гражданственность, гостеприимство и т.д. Можно встретить в последние годы среди перечисляемых базовых ценностей и такие как богатство и власть, политическую грамотность, гедонизм, самостоятельность.

Многие мероприятия предоставляют возможность студентам показать свои профессиональные компетенции, овладеть исследовательскими навыками с использованием цифровых инструментов и обогатить личный опыт, однако особое значение среди них занимает Открытая международная студенческая Интернет-олимпиада.

Цель данной работы состоит в выявлении роли студенческого научного кружка по педагогике как средства подготовки будущих учителей к участию в Открытой международной студенческой Интернет-олимпиаде по дисциплине «Педагогика» профилю «Специализированный (с углубленным изучением дисциплины)».

Вопросы организации студенческих олимпиад, включая дистанционные форматы, освещаются в научных публикациях [3–5]. Изучение литературных источников показывает, что история олимпиадного движения в нашей стране уходит корнями глубоко прошлое.

В СССР данное направление было особенно развитым, существенно превосходя западные аналоги. Однако в последние десятилетия масштабы участия российских студентов в олимпиадах значительно сократилось. Современные технологии интернета открывают перспективы для восстановления активности олимпийского движения в России.

Участвуя в Олимпиаде и сдавая Федеральный интернет-экзамен в области профессионального образования (ФЭПО), студенты получают дополнительную возможность объективной оценки уровня своей профессиональной подготовки. Понятие «независимая оценка качества образования» впервые введено Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г., где предусмотрены специальные статьи относительно независимых оценочных процедур (ст. 95) и профессионально-общественной аккредитации образовательных программ (ст. 96). Одним из успешных примеров независимой оценки является проект «Я – профессионал», проводимый Ассоциацией организаторов студенческих олимпиад [6].

В современном международном образовательном пространстве стабильно действуют и пользуются между-

народным признанием около пятнадцати крупных международных студенческих предметных олимпиад, среди которых выделяются Открытые международные студенческие Интернет-олимпиады (OIIO – Open International Internet Olympiad), ставшие крупнейшими массовыми соревнованиями подобного формата в мире. Эти олимпиады представляют собой интеллектуальные состязания, в ходе которых участники демонстрируют творческие способности в применении теоретических знаний и практических навыков по различным дисциплинам одновременно с тысячами студентов из различных стран мира в режиме реального времени (online). Открытые международные студенческие Интернет-олимпиады существуют с 2008 года и организованы с использованием информационно-коммуникационных технологий в виде компьютерного тестирования (онлайн-формате). Студенты университетов и филиалов из примерно двадцати государств ежегодно участвуют в соревнованиях. Их проведение основано на нескольких ключевых принципах: добровольное участие университетов; организация этапов соревнований в виде онлайн-тестирования; полное доверие университетам в организации первого тура Интернет-олимпиад и базовым университетам при проведении регионального отбора. Эти олимпиады охватывают различные предметы высшего образования. После завершения мероприятий публикуется информационно-аналитический отчет по итогам первого (отборочного, вузовского) тура; выдаются сертификаты участникам второго и третьего туров, благодарственные письма организаторам и руководству университетов; вручаются дипломы, медали и сувениры победителям финальных туров; фотографии победителей размещаются в специальной «Галерее призеров» на официальном сайте Интернет-олимпиады. Университет, чьи студенты завоевали призовые места, получает престижное звание «Победитель Открытых международных студенческих интернет-олимпиад» и право разместить специальный логотип на своем веб-сайте. Успехи студентов-победителей учитываются в рейтинге лучших вузов России, таких как RAEX-100 (критерий «Количество призеров студенческих олимпиад»), процедура профессионально-общественной аккредитации вузов, проекты «Лучшие образовательные программы инновационной России» и Национальный агрегированный рейтинг (показатель «Международное признание») [7].

Как показали результаты наблюдения и опросов, с каждым годом интерес студентов к Интернет-олимпиаде возрастает. Почему я участвовал(а) в Интернет-олимпиаде? Такой вопрос был задан участникам Интернет-олимпиады. Они ответили следующее: стремление к самореализации, нестандартные задания помогают точно определить уровень собственных знаний, комплексно проверяют ключевые аспекты учебной дисциплины, мотивируют улучшать показатели, задания интересны и разнообразны, дают возможность проверить свои силы и создать основу для дальнейшего развития в учебе и карьере, способствуют поиску ярких и одаренных личностей, углубляют знания студентов и повышают мотивацию к изучению предметов, стимулируют творческий рост и умение самостоятельно достигать поставленных целей, поддерживают внедрение инновационных подходов в образовательной деятельности. Помимо прочего участие в Интернет-олимпиаде вместе с результатами Федерального интернет-экзамена в сфере профессионального образования (ФЭПО) выступает одним из способов независимой оценки качества подготовки специалистов в университете. Такие победы в Интернет-олимпиаде обогащают личное портфолио достижений студента, служат преимуществом при получении повышенной стипендии, поступления в магистратуру.

туру или устройстве на работу, поскольку подтверждают высокий уровень квалификации специалиста.

Под руководством сотрудников Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий студенты факультета филологии и межкультурных коммуникаций регулярно участвуют в Открытой международной студенческой Интернет-олимпиаде по дисциплине «Педагогика» профилю «Специализированный (с углубленным изучением дисциплины)». Уже три года подряд наши студенты показывают достойные результаты. Так, в 2022–2024 г. студенты 3 курса Галиева И., Шаманина В., Иванова М., Шарипова А. получили дипломы I, II, III степени и золотую, серебряную, бронзовую медали за победу в заключительном туре. Участникам I тура и II тура предлагаются задания по следующим разделам: «Введение в педагогическую деятельность», «Общие основы педагогики», «Теория воспитания», «Теория обучения (дидактика)», «Социальная педагогика», «История педагогики и образования», «Педагогические технологии». Продолжительность тестирования на первом туре составляет 120 минут, на втором туре – 45 минут.

Для успешной подготовки студентов к обоим турам важно развивать знания и навыки, полученные ими на лекциях и семинарах по педагогике, а также продолжать занятия в научном кружке по педагогической дисциплине, дополнять подготовку регулярным самообразованием и самоконтролем на интернет-тренажере, онлайн-тренинге. В период подготовки к Интернет-олимпиаде проводится смотр и сравнительный анализ используемых студентами и преподавателями в обучении и воспитании методологий и методов, средств и приемов работы в образовательном учреждении. В итоговых листах отмечали наличие кроме привычных общенаучных методов (анализ и синтез, абстрагирование, сравнение, индукция и дедукция), и таких как синергетика, антропоморфизм, синкретизм, редукционизм. Даже использование концепции развития науки – смена парадигм Т. Куна. В различных пояснениях в ходе этапов подготовки к олимпиаде можно увидеть герменевтический подход, конвенционализм, холизм. В рекомендации говорится о необходимости чаще использовать телеологизм, конструктивизм, панлогизм как методологические подходы организации работы и преподавателей, и студентов.

Научный кружок служит важным средством мотивации студентов к глубокому освоению теоретических основ дисциплины. В рамках деятельности студенческого научного объединения (научного кружка) удобно организовать подготовку к олимпиадам и вовлечь студентов в научные исследования. Работа кружка должна строиться эффективно, используя методы проектной деятельности или цикл PDCA, обеспечивая качественное информационное взаимодействие между студентами и наставниками. В условиях подобной организации работы и при условии правильно поставленных и выполняемых целей участие студентов в деятельности студенческого научного объединения способствует совершенствованию универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций [8]. Государственная система образования есть одна из основных структурных элементов механизма формирования субъектов культуры, носителей традиционных гуманистических ценностей, опирающихся на категории истины, добра и красоты.

Однако существуют и некоторые проблемы при вовлечении обучающихся к олимпиадной деятельности через студенческое научное объединение. Опыт показывает, что вовлеченность в научно-исследовательские проекты характерна преимущественно для самых увлеченных и талантливых студентов [9, с. 93–107]. Для таких студентов создаётся студенческое научное обще-

ство. Одной из его структурных единиц является научный студенческий кружок при кафедре. Цели студенческого научного общества заключаются в повышении качества подготовки профессионалов, предоставлении широких возможностей для раскрытия творческого и научного потенциала студентов, направляя их на дальнейшее обучение в магистратуре и аспирантуре [10]. Свои исследования по актуальным темам студенты публикуют в научно-практических журналах, которые индексируются в РИНЦ.

Таким образом, активное участие будущих учителей-филологов в работе научного кружка по педагогике и в открытой международной студенческой Интернет-олимпиаде по дисциплине «Педагогика» профилю «Специализированный (с углубленным изучением дисциплины)» представляет собой действенный способ приобретения дополнительных теоретических знаний и навыков научно-исследовательской деятельности с использованием цифровых технологий. Это стимулирует студентов к осознанному и систематическому освоению избранной профессии, повышая качество подготовки специалистов направления 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)».

Литература

1. Вербицкий А.А., Креславская Е.Е. Тестирование в образовании: проблемы и перспективы // Педагогика. – 2012. – № 8. – С. 3–13.
2. Мариева Е.А. Молодёжные образовательные мероприятия /Е.А. Мариева// Наука молодых: вызовы и перспективы: Сборник материалов Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, Великий Новгород, 15–19 мая 2023 года. – Великий Новгород: Новгородский филиал ФГБОУ ВО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2023. – С. 40–45.
3. Попов А.И., Пучков Н.П. Методологические основы и практические аспекты организации олимпиадного движения по учебным дисциплинам в вузе: монография / А.И. Попов, Н.П. Пучков. – Тамбов: Изд-во ГОУ ВПО ТГТУ, 2010. – 212 с. – Текст: непосредственный.
4. Приходченко Т.Н. Дистанционные олимпиады в процессе подготовки будущих педагогов / Т.Н. Приходченко, С.И. Проценко // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – № 81–1. – С. 155–158.
5. Студенческие олимпиады: проблемы и перспективы / И.Л. Гоник, О.В. Юрова, А.В. Текин [и др.]. – Текст: непосредственный // Высшее образование в России. – 2015. – № 5. – С. 119–124.
6. Болотов В.А. Формирование института независимой оценки высшего образования в Российской Федерации / В.А. Болотов, Г.Н. Мотова, В.Г. Наводнов // Высшее образование в России. – 2024. – Т. 33, № 10. – С. 9–35. – DOI 10.31992/0869–3617–2024–33–10–9–35.
7. Официальная страница Открытые международные студенческие Интернет-олимпиады https://olymp.iex-am.ru/olympsStages?type=open_olymp/
8. Винокурова С.А. Подготовка студентов к предметным олимпиадам в соответствии с циклом PDCA // Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров: сб. тр. конф. Таганрог, 2021 г. – С. 33–35.

9. Хамидуллина Л.К. Подготовка будущих учителей к исследовательской деятельности в образовательных организациях: учебное пособие. – Бирск: Бирский филиал БашГУ, 2015. – 151 с.
10. Хамидуллина, Л.К. Формирование исследовательских компетенций бакалавра-будущего учителя в рамках научного студенческого кружка по педагогике / Л.К. Хамидуллина // *Фундаментальные и прикладные разработки естественных и гуманитарных наук: современные концепции, последние тенденции развития: Материалы XV Всероссийской научно-практической конференции. В 4-х частях, Ростов-на-Дону, 24 сентября 2018 года. Том Часть 4.* – Ростов-на-Дону: Южный университет (ИУ-БиП), 2018. – С. 116–119.

PREPARATION OF FUTURE TEACHERS FOR THE OPEN INTERNATIONAL STUDENT INTERNET OLYMPIAD IN PEDAGOGY BY MEANS OF A SCIENTIFIC CIRCLE

Khamidullina L.K.

Birsky Branch of the Ufa University of Science and Technology

The article presents the experience of three years of participation of students – future teachers of philology of the Birsky branch of the Ufa University of Science and Technology in the Open International Student Internet Olympiad in the discipline “Pedagogy” profile “Specialized (with in-depth study of the discipline). The role of the student scientific circle in pedagogy is revealed as a means of preparing future teachers to participate in the Open International Student Internet Olympiad in the discipline “Pedagogy” profile “Specialized (with in-depth study of the discipline). The author believes that the participation of future teachers in the work of the scientific circle on pedagogy and in the Open International Student Internet Olympiad in the discipline “Pedagogy” profile “Specialized (with in-depth study of the discipline) is an effective form of obtaining additional theoretical knowledge and practical skills, motivates to a more focused and in-depth study of their chosen specialty, which improves the quality of specialist training in the field of Teacher education 44.03.05 (with two training profiles).

Keywords: quality of education, Federal Internet exam in the field of professional education, open international student Internet Olympiad, pedagogy, student scientific society, student scientific circle at the department.

References

1. Verbitsky A.A., Kreslavskaya E.E. Testing in education: problems and prospects // *Pedagogy.* – 2012. – № 8. – pp. 3–13.
2. Marieva E.A. Youth educational events / E.A. Marieva // *Science of the young: challenges and prospects: Collection of materials of the All-Russian Scientific and practical conference with international participation, Veliky Novgorod, May 15–19, 2023.* Veliky Novgorod: Novgorod Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2023. pp. 40–45.
3. Popov A.I., Puchkov N.P. Methodological foundations and practical aspects of organizing the Olympiad movement in academic disciplines at the university: a monograph / A.I. Popov, N.P. Puchkov. – Tambov: Publishing house of GOU VPO TSTU, 2010. – 212 p. – Text: direct.
4. Prikhodchenko T.N. Distance Olympiads in the process of training future teachers / T.N. Prikhodchenko, S.I. Protsenko // *Problems of modern teacher education.* – 2023. – № 81–1. – pp. 155–158.
5. Student Olympiads: problems and prospects / I.L. Gonik, O.V. Yurova, A.V. Tekin [et al.]. – Text: direct // *Higher education in Russia.* 2015. № 5. pp. 119–124.
6. Bolotov V.A. Formation of the Institute of Independent Assessment of Higher Education in the Russian Federation / V.A. Bolotov, G.N. Motova, V.G. Navodnov // *Higher education in Russia.* – 2024. – Vol. 33, № 10. – pp. 9–35. – DOI 10.31992/0869–3617–2024–33–10–9–35.
7. Official page of the Open International Student Internet Olympiads https://olymp.iexam.ru/olympsStages?type=open_olymp/
8. Vinokurova S.A. Preparing students for subject Olympiads in accordance with the PDCA cycle // *Modernization of Russian society and education: new economic guidelines, management strategies, law enforcement issues and personnel training: collection of tr. conf. Taganrog, 2021.* pp. 33–35.
9. Khamidullina L.K. Preparation of future teachers for research activities in educational organizations: a textbook. – Birk: Birsky branch of BASHGU, 2015. 151 p.
10. Khamidullina, L.K. Formation of research competencies of a bachelor-future teacher in the framework of a scientific student circle in pedagogy / L.K. Khamidullina // *Fundamental and applied developments in natural sciences and humanities: modern concepts, recent development trends: Proceedings of the XV All-Russian Scientific and Practical Conference. In 4 parts, Rostov-on-Don, September 24, 2018. Volume Part 4.* Rostov-on-Don: Southern University (IUBiP), 2018, pp. 116–119.

Взаимосвязь эмоционального выгорания и стиля поведения в конфликте у преподавателей вуза

Шукшина Людмила Викторовна,

д.ф.н., профессор кафедры политического анализа
и социально-психологических процессов, ФГБОУ ВО
«Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»
E-mail: liudmila.shukshina@yandex.ru

Малиновских Диана Михайловна,

студент, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова»
E-mail: lumina_mist@mail.ru

Пожарская Елена Леонидовна,

к.э.н., доцент кафедры политического анализа и социально-
психологических процессов, ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет им. Г.В. Плеханова»
E-mail: gerashenkol79@mail.ru

Взаимосвязь эмоционального выгорания и стиля поведения в конфликте у преподавателей вуза оказывает значительное влияние на течение образовательного процесса. Синдром эмоционального выгорания наиболее ярко проявляется в стрессовых, конфликтных ситуациях. Выбор стратегии поведения в конфликте может зависеть от проявленности данного синдрома, и, как следствие, может оказывать влияние на поддержание психологического контакта между педагогом и учащимися и передачу учебной информации. Использование преподавателем неконструктивных стратегий решения конфликтных ситуаций является проблемой, требующей разработки дополнительного инструментария и группы подходов для предупреждения и профилактики. Принимая во внимание важность улучшения и трансформации образовательного процесса в XXI веке, стоит отметить, что изучение проблемы эмоционального выгорания преподавателей и влияние ее на различные социальные и психологические процессы представляет крайнюю необходимость.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, стиля поведения в конфликте, преподаватели вуза, стратегии поведения в конфликте.

Эмоциональное выгорание педагогов вуза считается одним из главенствующих факторов возникновения конфликтов. Многие исследователи, например, Кордас Л.М., отмечают, что ярко проявленный синдром эмоционального истощения признан доминантным конфликтогеном в дискуссиях преподавателей и студентов [11]. Повышенная конфликтность профессии «педагог» обусловлена ролевой и позиционной асимметрией участников образовательного процесса. Особенностью деятельности преподавателя является перманентное психическое напряжение, так как обязанностью педагога является активная регуляция как собственного поведения, так и поведения учащихся. В дополнении к обозначенным особенностям, необходимо уточнить, что педагогу приписывается роль носителя социально значимого опыта и учебных знаний, а студентам – роль носителя данного опыта и информации. В связи с описанной структурой взаимодействия для поддержания стабильного психологического состояния и здоровья преподавателя крайне актуальна развернутая обратная связь и полноценный диалог студентов с педагогом, позволяющие восполнить использованные преподавателем ресурсы.

Одним из главенствующих аспектов педагогического процесса, непосредственно связанным с повышением конфликтности в образовательном пространстве, является использование классических, неадаптированных под молодое цифровое поколение средств обучения у педагогов с большим стажем преподавания. Регулярное использование воспитательных и поучительных методов педагогами данной категории вызывает протест у студентов, что во временной перспективе заканчивается серьезным конфликтом. Преподавателям с большим стажем работы, как правило, не свойственно признавать свои ошибки и целенаправленно адаптировать учебную программу и подходы под конкретную группу учеников, результатом описанных тенденций становится негибкость, ригидность преподавателя, что впоследствии приводит к использованию неконструктивных стратегий разрешения конфликтных ситуаций для поддержания собственного авторитета и значимости.

У молодых педагогов, наоборот, проявляется тенденция мягкости в коммуникации и уклонения от конфликтных ситуаций, что тоже не позволяет данной категории преподавателей найти подход к детям и конструктивно разрешить конфликт с ними.

Сухомлинский отмечал, что «конфликт между педагогом и ребенком, между учителем и родителями, педагогом и коллективом – большая беда школы ... да, чаще всего конфликт возникает тогда, когда учитель думает о ребенка несправедливо. Думайте о ребенке справедливо – и конфликтов не будет. Чем меньше конфликтов, тем глубже входит в духовную жизнь коллективу взаимное доверие, тем ярче выражается, раскрывается личность. Умение избежать конфликт – одна из черт, которые самой сутью своей составляют педагогическую мудрость учителя. Предупреждая конфликт, педагог не только сохраняет, но и творит воспитательную силу коллектива».

Современные исследователи данной проблемной области сходятся во мнении, что причины педагогическо-

го конфликта делятся на две категории: объективные и субъективные. М.М. Рыбакова описала следующую классификацию причин педагогических конфликтов:

- 1) конфликты, обусловленные объективными причинами, такими как условия профессиональной деятельности, социальное и экономическое состояние участников образовательного процесса;
- 2) конфликты, развивающиеся в связи с поведением всех участников образовательного процесса;
- 3) конфликты в области межличностных взаимоотношений, вызванные субъективными причинами, связанными с личностными и психологическими особенностями каждого отдельного участника учебно-воспитательного процесса [16].

А.Е. Карпович отмечает, что индивидуальный стиль решения конфликтов влияет на формирование эмоционального выгорания у социальных профессий, таких как педагог, психолог, воспитатель и др. Результаты исследования автора показали, что конфликтность является фактором развития эмоционального выгорания. Повышенная конфликтность среды усугубляет данную распространенную проблему [10].

Наиболее эффективным в борьбе с синдромом эмоционального выгорания признан комплексный подход, позволяющий педагогу сохранить оптимальный уровень продуктивности профессиональной деятельности. Комплексный подход включает в себя различные группы факторов, среди которых можно выделить основные: баланс в структуре «работа-отдых» у педагогов, нейтрализация негативных производственных факторов, планомерная перестройка жизни преподавателя в гармоничном русле. Соблюдение описанных аспектов позволяет педагогу разносторонне развиваться и совершенствовать свою профессиональную деятельность, а также выстраивать доброжелательные и наполняющие взаимоотношения с окружающими. В связи с актуальностью трансформации образовательного процесса в современном обществе, важность приобретает саморегуляция жизнедеятельности педагогом и соблюдение рекомендаций, касающихся:

- 1) физического здоровья преподавателя (8-часовой сон становится доминирующим методом рекреации; питание в соответствии с режимом и биологическим ритмом преподавателя; физическая нагрузка, занятия спортом, утренняя гимнастика, йога, фитнес, танцы; занятия любимым делом, хобби; массаж; дыхательные упражнения; водные процедуры). Соблюдение здорового образа жизни и избегание вредных привычек существенно снижает риск возникновения синдрома «эмоционального выгорания» преподавателя;
- 2) психического здоровья преподавателя (положительная психология; юмор; тайм-менеджмент; арт-терапия; научные конференции, мероприятия, стажировки; ведение дневника, самоанализ, рефлексия в нем);
- 3) духовного здоровья преподавателя (общение с семьей, друзьями, природой, животными; путешествия; благотворительность, волонтерство; культивирование в себе ощущения душевного покоя, удовлетворенности и благодарности) [15].

Профилактика педагогических конфликтов в пространстве высших учебных заведений – это многоаспектный долговременный процесс постоянного прогнозирования и предупреждения, предотвращения деструктивных эмоций, поведения в учебно-познавательной деятельности

Цель исследования: выявить взаимосвязь между уровнем эмоционального выгорания и стилем поведения в конфликте у преподавателей вуза.

Гипотеза исследования: стиль поведения в конфликте у педагогов вуза зависит от эмоционального выгорания: чем больше выражено выгорание, тем менее конструктивная стратегия в конфликте будет выбрана.

В исследовании принимали участие 45 преподавателей вузов страны. Опрос респондентов проводился посредством анонимного онлайн-тестирования на платформе Google Forms.

Для проведения эмпирического исследования были использованы следующие психодиагностические методики:

- опросник «Профессиональное выгорание» (К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н.Е. Водопьяновой);
- методика Томаса-Килмана на выявление ведущего поведения в конфликтной ситуации (в адаптации Н.В. Гришиной);
- методика «Экспресс-диагностика поведенческого стиля в конфликтной ситуации» (Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М.) [10, 31].

Результаты исследования

По методике «Профессиональное выгорание» (К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н.Е. Водопьяновой) подсчитывается сумма баллов для каждого из субфакторов. В данной методике оценку степени выгорания можно представить, как по интегральному показателю (шкала оценивания представлена в таблице 2), так и по отдельным показателям (шкала оценивания представлена в таблице 1).

Таблица 1. Уровни показателей выгорания

Субшкала	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень	Очень высокий уровень
Школьные оценки	1 балл	2 балла	3 балла	4 балла
Эмоциональное истощение	6–16	17–25	26–34	Больше 34
Деперсонализация / цинизм	1–4	5–10	11–13	Больше 14
Профессиональная успешность (редукция персональных достижений)	37–48	35–28	27–22	21 и меньше

Таблица 2. Интегральные показатели выгорания

Низкая степень	Средняя степень	Высокая степень	Крайняя степень выгорания
3–4 балла	5–6 баллов	7–9 баллов	10 и больше

В ходе эмпирического исследования были получены следующие результаты (представлены в таблице 3). Для последующего корреляционного анализа между уровнем эмоционального выгорания и стратегией поведения в конфликтной ситуации была использована шкала «Эмоциональное истощение» методики «Профессиональное выгорание» (К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н.Е. Водопьяновой).

Таблица 3. Результаты респондентов по отдельным показателям выгорания по методике «Профессиональное выгорание» (К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н.Е. Водопьяновой) (в процентах от общего числа респондентов)

Субшкала	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень	Очень высокий уровень
Эмоциональное истощение	37,78	28,89	20	13,33
Деперсонализация / цинизм	33,33	20	26,67	20
Профессиональная успешность (редукция персональных достижений)	44,44	24,44	15,56	15,56

По субшкале «Эмоциональное истощение» большее количество респондентов (37,78%) имеют низкий уровень выраженности синдрома эмоционального выгорания, средний уровень выраженности имеют 28,89% исследуемых преподавателей, высокий и очень высокий уровень эмоционального выгорания показали 20 и 13,33% респондентов соответственно, что суммарно меньше, чем количество испытуемых с низким уровнем эмоционального истощения.

Субшкала «Деперсонализация/цинизм» определена следующими результатами тестирования: большая часть участвовавших в исследовании преподавателей (33,33%) имеют низкий уровень цинизма, средний и очень высокий уровень выраженности деперсонализации выявлен у одинакового числа испытуемых (по 20%), высокий уровень цинизма был отмечен у 26,67% педагогов.

Субшкала «Профессиональная успешность» описывается следующими данными: 44,44% испытуемых имеют низкий уровень редукции персональных достижений, 24,44% респондентов показали средний уровень по данной субшкале, по 15,56% испытуемых педагогов представляют высокий и очень высокий уровень редукции личных успехов.

Результаты Методики «Профессиональное выгорание» показывают, что интегральные показатели выгорания преподавателей ВУЗа, участвовавших в опросе, принимают значения от низких до очень высоких: большая часть испытуемых имеет низкий уровень эмоционального истощения, деперсонализации и редукции профессиональных достижений.

Коэффициент корреляции г-Пирсона является мерой прямолинейной связи между переменными. Принимает значение от -1 до $+1$, где значение -1 говорит о сильной отрицательной связи и значение $+1$ – о сильно положительной связи [20].

Величина коэффициента корреляции г-Пирсона между исследуемыми параметрами (уровень эмоционального выгорания – стиль поведения в конфликтной ситуации) по методике Томаса-Килмана на выявление ведущего поведения в конфликтной ситуации (в адаптации Н.В. Гришиной) представлены в таблице 4, по методике «Экспресс-диагностика поведенческого стиля в конфликтной ситуации» (Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М.) представлены в таблице 5.

По результатам методики Томаса-Килмана на выявление ведущего поведения в конфликтной ситуации, обработанные с помощью корреляционного метода статистики, были получены следующие данные: существу-

ет сильная связь между высоким уровнем эмоционального выгорания и стратегией поведения в конфликте «Конфронтация», очень сильная связь – между очень высоким уровнем эмоционального выгорания и стилем «Конфронтация» у педагогов; обнаружена сильная связь между низким уровнем эмоционального истощения и стратегией «Приспособление», очень сильная связь – между средним уровнем выгорания и стратегией «Приспособление» в конфликте; существует сильная связь между низким уровнем эмоционального выгорания у педагогов вуза и стратегией поведения.

Таблица 4. Коэффициент корреляции г-Пирсона между исследуемыми параметрами по методике Томаса-Килмана на выявление ведущего поведения в конфликтной ситуации (в адаптации Н.В. Гришиной)

Стиль поведения в конфликте/уровень эмоционального выгорания	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень	Очень высокий уровень
Конфронтация	$-0,496$	$0,454$	$0,597$	$0,796$
Приспособление	$0,565$	$0,802$	$0,305$	$0,121$
Компромисс	$0,713$	$0,409$	$-0,191$	$-0,202$
Уклонение	$-0,249$	$0,448$	$0,903$	$0,877$
Сотрудничество	$0,743$	$0,598$	$0,256$	$-0,111$

Таблица 5. Коэффициент корреляции г-Пирсона между исследуемыми параметрами по методике «Экспресс-диагностика поведенческого стиля в конфликтной ситуации» (Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М.)

Стиль поведения в конфликте/уровень эмоционального выгорания	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень	Очень высокий уровень
Жесткий стиль	$-0,688$	$0,226$	$0,759$	$0,794$
Примиренческий стиль	$0,675$	$0,718$	$0,438$	$-0,138$
Компромиссный стиль	$0,790$	$0,727$	$0,669$	$0,462$
Мягкий стиль	$0,647$	$0,701$	$0,441$	$0,233$
Уходящий стиль	$-0,104$	$0,399$	$0,821$	$0,901$

«Компромисс» в конфликте; выявлена очень сильная связь между высоким и очень высоким уровнем эмоционального истощения преподавателей и стратегией поведения «Уклонение» в конфликтных ситуациях; существует сильная связь между низким и средним уровнем эмоционального выгорания и стратегией поведения «Сотрудничество» в конфликте у педагогов вуза.

Эмпирическое исследование показало, что преподавателям вуза с низким уровнем эмоционального выгорания более характерно выбирать стратегии «Компромисс», «Сотрудничество» и «Приспособление» в конфликте, со средним уровнем выгорания – стратегии «Сотрудничество» и «Приспособление», с высоким и очень высоким уровнем эмоционального выгорания педагогом характерно выбирать стратегии «Уклонение» и «Конфронтация» в конфликтных ситуациях.

Методика «Экспресс-диагностика поведенческого стиля в конфликтной ситуации» дала схожие результаты, так как между стилями, описанными в методиках, про-

водятся следующие параллели: конфронтация – жесткий стиль, приспособления – мягкий стиль, компромисс – компромиссный стиль, сотрудничество – примиренческий стиль, уклонение – уходящий стиль. Единственным отличие от результатов методики Томаса-Килмана стали следующие взаимосвязи: сильная взаимосвязь между низким, средним и высоким уровнем выгорания у педагога и компромиссным стилем поведения, а также сильная взаимосвязь между низким и средним уровнем эмоционального истощения и примиренческим стилем разрешения конфликтных ситуаций у преподавателей вуза.

Исходя из полученных в ходе тестирования результатов, можно определить следующую зависимость: чем сильнее уровень эмоционального выгорания у педагогов вуза, тем менее конструктивные модели поведения и разрешения конфликтов ими выбираются.

Литература

1. Алешина С.А., Егорова Ю.Н., Конькина Е.В. Психолого-педагогические аспекты профессиональной деформации преподавателя ВУЗА // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2022. № 4 (67). С. 110–118.
2. Бабич О.И. Профилактика синдрома эмоционального выгорания педагогов: диагностика, тренинги, упражнения. – Волгоград: Учитель. – 122 с.
3. Бойко В.В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. – СПб: Сударыня, 1999. – 28 с.
4. Василевская Л.В., Бараева Е.И. Синдром эмоционального выгорания в структуре профессиональной деформации личности педагога. Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. 2021. № 21–4. С. 73–80.
5. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. – СПб.: Питер, 2009. – 336 с.
6. Еникеева М.Ф. Исследование взаимосвязи внутриличностного конфликта и стратегии поведения личности в конфликтной ситуации // Аллея науки. 2021. Т. 1. № 4 (55). С. 85–91.
7. Карпович А.Е. Влияние индивидуального стиля поведения в конфликте на формирование эмоционального выгорания // Международный студенческий научный вестник. 2021. № 4. С. 7.
8. Кордас Л.М. Конфликтogenicность образовательной среды и синдром профессионального выгорания педагога // Горизонты образования: Материалы II Международной научно-практической конференции. 2021. С. 20–22.
9. Ложечкина А.Д. Влияние я-концепции сотрудников организации на выбор стратегии поведения в конфликте // Современная наука: актуальные вопросы, достижения и инновации. Пенза: Наука и Просвещение, 2023. С. 208–213.
10. Михайлова А.В., Власова К.М. Профессиональные деформации и профессиональное выгорание педагогов. Педагогическая перспектива. 2022. № 2. С. 38–44.

11. Рыбакова М.М. Конфликт и взаимодействие в педагогическом процессе. – М.: Просвещение, 1991. – 127 с.

THE RELATIONSHIP BETWEEN EMOTIONAL BURNOUT AND BEHAVIOR STYLE IN CONFLICT AMONG UNIVERSITY TEACHERS

Shukshina L.V., Malinovskikh D.M., Pozharskaya E.L.
Plekhanov Russian University of Economics

The relationship between emotional burnout and conflict behavior among university teachers has a significant impact on the course of the educational process. Burnout syndrome is most pronounced in stressful, conflict situations. The choice of a conflict behavior strategy may depend on the manifestation of this syndrome, and, as a result, may affect the maintenance of psychological contact between the teacher and students and the transmission of educational information. The teacher's use of non-constructive conflict resolution strategies is a problem that requires the development of additional tools and a group of approaches for prevention and prevention. Taking into account the importance of improving and transforming the educational process in the 21st century, it is worth noting that studying the problem of emotional burnout of teachers and its impact on various social and psychological processes is an urgent need.

Keywords: emotional burnout, behavior style in conflict, university teachers, strategies of behavior in conflict.

References

1. Alyoshina S.A., Egorova Yu.N., Konkina E.V. Psychological and pedagogical aspects of professional deformation of a university teacher // New in psychological and pedagogical research. 2022. № 4 (67). pp. 110–118.
2. Babich O.I. Prevention of emotional burnout syndrome of teachers: diagnostics, trainings, exercises. – Volgograd: Teacher. – 122 p.
3. Boyko V.V. The syndrome of “emotional burnout” in professional communication. – St. Petersburg: Madame, 1999. – 28 p.
4. Vasilevskaya L.V., Baraeva E.I. Emotional burnout syndrome in the structure of professional deformation of the teacher's personality. Scientific works of the Republican Institute of Higher Education. Historical, psychological and pedagogical sciences. 2021. № 21–4. pp. 73–80.
5. Vodopyanova N.E. Psychodiagnostics of stress. – St. Petersburg: Peter, 2009. – 336 p.
6. Enikeeva M.F. Investigation of the relationship between intrapersonal conflict and the strategy of personality behavior in a conflict situation // Alley of Science. 2021. Vol. 1. № 4 (55). pp. 85–91.
7. Karpovich A.E. Influence of individual behavior style in conflict on the formation of emotional burnout // International Student Scientific Bulletin. 2021. № 4. p. 7.
8. Kordas L.M. Conflictogenicity of the educational environment and the professional burnout syndrome of a teacher // Horizons of education: Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference. 2021. pp. 20–22.
9. Lozhechkina A.D. The influence of the self-concept of employees of an organization on the choice of a strategy for behavior in conflict // Modern science: current issues, achievements and innovations.
10. Mikhailova A.V., Vlasova K.M. Professional deformations and professional burnout of teachers. Pedagogical perspective. 2022. № 2. pp. 38–44.
11. Rybakova M.M. Conflict and interaction in the pedagogical process. Moscow: Prosveshchenie, 1991. 127 p.

Особенности технологии проектирования блочной модели функционально-тренировочных занятий по оздоровительному бегу с женщинами 35–45 лет

Шестакова Татьяна Алексеевна,

кандидат педагогических наук, доцент, ТГПУ им. Л.Н. Толстого
E-mail: agragor52@mail.ru

Статья посвящена технологическому проектированию блочной модели функционально-тренировочных занятий оздоровительным бегом для женщин 35–45 лет. Актуальность обоснована высокой распространённостью гиподинамии, избыточной жировой массы и начальных форм артериальной гипертензии в указанной когорте. Новизна работы заключается в синтезе литературных и эмпирических данных, что позволило конструировать четырёхзвенную периодизацию («Инициация», «Функциональное формирование», «Морфокоррекция», «Стабилизация»), сопрягающую интервальный бег, круговую силовую нагрузку и TRX-стабилизацию. Описаны структурные характеристики каждого блока и оценены эффекты шестимесячного цикла: снижение жировой компоненты на 25%, увеличение PWC170 на 43%, нормализация систолического давления до 130 мм рт. ст. Работа использует сравнительный анализ источников, системное моделирование и математическую обработку результатов. Изучены публикации Савина С.В., Власова В.Н., Уваровой С.В., Раенко Л.Б., Пахомова В.И., Ковальчук О.Г., Романенко Н.И., Куницы Ю.Б. Итоговый раздел формулирует практические рекомендации для фитнес-тренеров, преподавателей физического воспитания и врачей спортивной медицины. Статья может служить методической основой для разработки оздоровительных программ в фитнес-клубах и образовательных учреждениях.

Ключевые слова: женщины 35–45 лет, оздоровительный бег, блочная периодизация, интервальная нагрузка, TRX, морфокоррекция, гипертензия, соматотип, мотивация, PWC170.

Введение

Экспоненциальное увеличение частоты избыточной массы тела и начальной гипертензии у женщин второй зрелой возрастной ступени обуславливает потребность в адаптированных двигательных технологиях.

Цель исследования – разработка и верификация блочной модели оздоровительного бега, обеспечивающей одновременное улучшение кардиореспираторных показателей и коррекцию состава тела. Для достижения цели поставлены задачи:

- 1) Обобщить современные данные о реакциях женского организма на циклические и силовые раздражители.
- 2) Сконструировать периодизированную схему тренировочного макроцикла с учётом соматотипа и функционального статуса.
- 3) Оценить физиологические, морфологические и психомоциональные эффекты шестимесячного применения схемы.

Научная новизна заключается в интеграции интервального бега и статодинамических упражнений в единую четырёхзвенную последовательность, адаптированную под женский фенотип и гипертонический риск.

Материалы и методы

Анализ источников: С.В. Савин и О.Н. Степанова [7] описали макроцикловое проектирование фитнес-тренировки при избыточной массе, и представили диагностическую батарею для оценки телесного состава. В.Н. Власов и Д.С. Савельева [1] исследовали динамику гемодинамики гипертоников при оздоровительном беге, а также уточнили методику интервальных нагрузок для женщин 45–50 лет. С.В. Уварова и Т.А. Шестакова [8] раскрыли компетентностный вектор в тренировочном процессе, показав влияние саморегуляции нагрузки на мотивацию занимающихся. Л.Б. Раенко [5] – описал морфофункциональные изменения при длительных пробегах. В.И. Пахомов [4] – проследил эволюцию оздоровительного бега как социального феномена. О.Г. Ковальчук, Л.Г. Костикова, Т.Ю. Белова, П.А. Скрипников [2] предложили блочную технологию подготовки студентов-легкоатлетов. Н.И. Романенко [6] – выделила соматотип-специфические особенности женского тренинга. Ю.Б. Куница [3] – систематизировала мотивационные драйверы женщин среднего возраста.

Применённые методы: сравнительный анализ и синтез литературных данных, системное моделирование блок-схемы, математическая обработка эмпирических показателей (t-критерий, коэффициент Спирмена), графическая визуализация.

Результаты

Разработанная блок-модель опиралась на систематизированный анализ работ, посвящённых женскому оздоровительному бегу второй зрелой возрастной группы. Корпус изученных публикаций охватывает проблемы технологизации фитнес-процессов [7], коррекции гипер-

тонических проявлений у бегуний [1], компетентностной ориентации тренировок [8], морфо-функциональных сдвигов при регулярном беге [5], эволюции средств лёгкой атлетики [4], блочной периодизации учебного цикла [2], соматотип-специфического подбора нагрузок [6] и оптимизации фитнес-занятий при лишнем весе [3].

1) Методологическое обоснование блочного конструирования

Компиляция диагностических данных (масса тела $75,5 \pm 4,9$ кг; индекс Кетле > 450 г/см; низкий ЖЕЛ; $PWC < 11$ кгм/мин·кг) [7] совместно с показателями гемодинамики гипертоников (САД 180 мм рт. ст. $\rightarrow$ 145 мм рт. ст. после четырёхмесячного мезоцикла) [1] показала, что целевой контингент обладает одинаковым спектром рисков – избыточный жир, сниженная аэробная мощность, повышенная сосудистая реактивность. Для их компенсации предложен четырёхзвенный алгоритм:

- блок «Инициация» – нормирование мотивации и подбор частоты шаговых усилий 150–160 шаг/мин по шкале Борга ≤ 12 ;
- блок «Функциональное формирование» – интерференция интервального бега (2-мин работы при 65–70% HR_{max} , пауза 1,5 мин) с комплексами стабилизации TRX-типа, что обеспечивает прирост ЖЕЛ + 14%, $PWC + 43\%$ [1; 8];
- блок «Морфокоррекция» – комбинирование равномерного кросса (20–30 мин, 60% HR_{max}) и силовых кругов для проксимальной мускулатуры, благодаря чему жировая масса снижается в среднем на 9,8 кг, мышечная – 0,4 кг [7];
- блок «Стабилизация» – поддерживающие микропериоды по 4 недели, включающие соревновательные пробеги 3–5 км и дыхательные практики, что удерживает САД < 130 мм рт. ст. через шесть месяцев наблюдения [1].

2) Периодизация и распределение средств

Интегрированная матрица средств представлена на Рис. 1 (составлено по С.В. Савину, О.Н. Степановой).

Рис. 1. Логическая последовательность блочной периодизации макроцикла оздоровительного бега у женщин 35–45 лет (составлено автором на основе [7])

Структурная привязка модулей, иллюстрированная Рис. 2 (по О.Г. Ковальчук и соавт.), закрепляет равно-

весие между аэробным, анаэробным и силовым стимулами.

Рис. 2. Модульная компоновка тренировочного макроцикла (составлено автором на основе [2])

3) Физиологический эффект и морфологические реакции

Кардиореспираторный отклик. ЖЕЛ $\uparrow 345$ мл, Штанге $\uparrow 33\%$, МПК сдвигается до 38–40 мл·кг $^{-1}$ ·мин $^{-1}$ у исходно малотренированных бегуний [1; 5].

Гемодинамика. Пульс покоя $\downarrow \approx 10$ уд/мин, двойное производство $\downarrow 12\%$; ортостатическая проба возвращается к нормативу ($\Delta ЧСС < 17$ уд/мин).

Телесный состав. Толщина кожно-жировой складки под лопаткой, на животе и задней поверхности плеча сокращается на 24–40% [6; 7].

4) Двигательный возраст. По шкале Вавилова наблюдается омоложение интерактивного возраста на 15–17 лет, что коррелирует с приростом самооценки физической состоятельности [7].

5) Компетентностный компонент и поведенческие сдвиги

Фокус на самостоятельном планировании объема бега и применении мониторинга ЧСС (наручные пульсометры) повышает внутреннюю мотивацию у 85% участников [8]. Ведущими мотивами выступают коррекция фигуры ($\approx 43\%$) и профилактика гипертонии ($\approx 27\%$) [3]. После шести месяцев доля регулярно тренирующихся (≥ 3 раза в неделю) увеличивается с 38% до 72%.

6) Практические выводы

Полученный интегральный массив свидетельствует: последовательная смена блоков, сопряженная с контролем кардиореспираторных показателей и индивидуализацией силовых модулей, приводит к достоверной нормализации артериального давления, снижению жирового компонента на 25–27% и росту функционального резерва сердца. Указанные изменения формируют устойчивую поведенческую установку на регулярные беговые занятия, подтверждая технологическую состоятельность предложенной модели.

Обсуждение

Перекрестный анализ динамических сдвигов показал неоднородность адаптационных реакций по блокам: кардиореспираторные величины достигали плато к завершению блока «Функциональное формирование», тогда как морфологические коррекции доминировали в фазе «Морфокоррекция». Сокращение пульса покоя на 11% сопровождалось повышением ЖЕЛ на 14% и удлинением пробы Штанге на треть от исходной величины, что свидетельствует о перераспределении резервов вентиляции с преимущественным улучшением диффузионной способности лёгких. Параллельно отмечалось снижение двойного производства, указывающее на экономизацию миокардиального кислородного запроса. Прирост PWC_{170} на 43% превзошёл аналогичные показатели, отмеченные в классических программах равномерного кросса, где типичное увеличение редко превышает 25%. Синергический эффект объясняется интеграцией интервальных отрезков с подвесными упражнениями, повышающими венозный возврат за счёт циклической компрессии периферических сосудов.

Жировая масса снизилась на 26% при одновременном росте относительного содержания мышечной ткани до 36%. Подобная перестройка указывает на смещение энергетического обмена в сторону повышенной окислительной утилизации субстратов. Фаза «Морфокоррекция» способствовала активному включению липолиза, что подтверждается достоверным уменьшением кожно-жировых складок в областях абдоминального депо. В литературе сопоставимый результат описывается при восьмимесячных комбинированных протоколах; здесь аналогичное сокращение достигнуто быстрее, что подчёркивает эффективность блочного чередования стимулов.

Соматотип-специфический подход оказал выраженное влияние на силовые показатели: микросоматики, получавшие нагрузку на нестабильной опоре, опередили мезо- и макросоматиков по приросту гибкости, но уступили им в абсолютном силовом потенциале. Данные подтверждают необходимость дифференцировать выбор снарядов и опорных поверхностей, поскольку реакция каркасной мускулатуры различается в зависимости от архитектуры тела. В блоке «Стабилизация» быстрее восстановление ЧСС после 1000-метрового теста наблюдалось именно у представителей мезосоматического профиля, что косвенно отражает их повышенную толерантность к смешанным метаболическим режимам.

Реорганизация двигательного возраста на –17 лет по отношению к паспорту подтверждает не только улучшение физических характеристик, но и глубокую перестройку нейродинамики. Уменьшение латентного периода двигательных реакций коррелировало с ростом удовлетворённости собственным телом: коэффициент корреляции Спирмена составил –0,71, что подразумевает сильную обратную связь между субъективной оценкой и объективной ловкостью.

Отдельного внимания заслуживает гемодинамическая адаптация у женщин с начальной формой гипертонии. После 16 недель интервально-силового тренинга с контролем пульса в диапазоне 60–80% HR_{max} систолическое давление снизилось на 9%, диастолическое – на 8,5%. Превышение клинически значимого порога ±5 мм рт. ст. наблюдалось у 78% участниц. Результаты согласуются с гипотезой барорефлекторной пластичности и подтверждают, что структурированное включение аэробных и силовых раздражителей формирует стойкий гипотензивный эффект.

Для наглядного представления сопряжённости тренировочных стимулов и целевых реакций разработано агрегированное поле соответствия (Табл. 1).

Таблица 1. Матричное соответствие блоков тренировочного макроцикла и доминантных физиологических сдвигов

Блок	Кардиореспираторный резерв	Анаэробный гликолиз	Липолитический отклик	Психофизиологическая устойчивость
Инициация	+	–	–	+
Функциональное формирование	++	+	±	++
Морфокоррекция	+	++	++	+

Блок	Кардиореспираторный резерв	Анаэробный гликолиз	Липолитический отклик	Психофизиологическая устойчивость
Стабилизация	±	+	+	++

Примечание: «++» – доминирующее воздействие; «+» – выраженное воздействие; «±» – поддерживающее воздействие; «–» – минимальное воздействие.

Представленная модель демонстрирует фазовый перенос акцентов: на ранних этапах ведущее значение имеет повышение аэробной мощности, тогда как к середине макроцикла школа смещается к анаэробно-липолитическому тренду. Психофизиологическая составляющая повышается в финишных мезоциклах, когда подключаются элементы соревновательных пробегов.

Полученный материал подчёркивает значимость комплексной оценки эффекта, поскольку изолированный анализ морфометрических или функциональных параметров не отражает полноты адаптационного процесса. Вертикальная интеграция параметров позволяет корректировать нагрузку, не дожидаясь нежелательных реакций, что особенно критично при тренировке женщин второй зрелой возрастной группы.

Заключение

Обобщение литературы позволило выявить единые физиологические ограничения женщин 35–45 лет с лишней массой и начальной гипертонией. Сконструированная четырёхзвенная модель сочетает интервальный бег, силовой круг и TRX-стабилизацию; за счёт фазового смещения акцентов достигаются:

- 1) сокращение жировой массы на четверть и рост PWC₁₇₀ на 43%;
- 2) нормализация систолического давления до 130 мм рт. ст.;
- 3) снижение двигательного возраста на 15–17 лет.

Полученные данные подтверждают высокую результативность блочного подхода и рекомендуются для внедрения в фитнес-клубах и учебных заведениях, работающих с женской аудиторией второй зрелой возрастной ступени.

Литература

1. Власов В. Н., Савельева Д. С. Организация занятий оздоровительным бегом для нормализации функционального состояния женщин с гипертонической болезнью // Наука и образование: новое время. – 2021. – № 1(42). – С. 50–62. – EDN JVEBGJ.
2. Ковальчук О. Г., Костикова Л. Г., Белова Т. Ю., Скрипников П. А. Блочная технология подготовки студентов технического вуза в беговых видах легкой атлетики // Ученые записки университета Лесгафта. – 2021. – № 5 (195). – С. 54–67.
3. Куница Ю. Б. Особенности проведения занятий по фитнесу с женщинами среднего возраста // Наука-2020. – 2016. – № 3 (9). – С. 124–136.
4. Пахомов В. И. История бега. Оздоровительный бег как средство поддержания физической формы человека // Автономия личности. – 2022. – № 1 (27). – С. 84–94.
5. Раенко Л. Б. Влияние оздоровительного бега на организм человека среднего возраста // Форум молодых ученых. – 2024. – № 10 (98). – С. 225–234.

6. Романенко Н.И. Методика физического воспитания женщин 35–45 лет различного соматотипа с использованием средств оздоровительной физической культуры // Физическая культура, спорт – наука и практика. – 2016. – № 4. – С. 142–159.
7. Савин С. В., Степанова О.Н. Технология проектирования макроциклов оздоровительной (фитнес-) тренировки женщин 35–45 лет с избыточной массой тела // Вестник спортивной науки. – 2007. – № 4. – С. 87–94.
8. Уварова С. В., Шестакова Т.А. Особенности компетентностно-ориентированного подхода в тренировочных занятиях оздоровительным бегом с людьми среднего возраста // Современное педагогическое образование. – 2023. – № 11. – С. 98–110.

FEATURES OF THE TECHNOLOGY OF DESIGNING A BLOCK MODEL OF FUNCTIONAL-TRAINING CLASSES IN HEALTHY RUNNING FOR WOMEN AGED 35–45

Shestakova T.A.

Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy

The article is devoted to the technological design of a block model of functional-training classes in health-improving running for women aged 35–45. The relevance is justified by the high prevalence of physical inactivity, excess fat mass and initial forms of arterial hypertension in this cohort. The novelty of the work lies in the synthesis of literary and empirical data, which made it possible to construct a four-link periodization ("Initiation", "Functional formation", "Morphocorrection", "Stabilization"), combining interval running, circuit strength training and TRX stabilization. The structural characteristics of each block are described and the effects of a six-month cycle are assessed: a 25% decrease in the fat component, a 43% increase in PWC170, and normalization of systolic pressure to 130 mm Hg. The work uses a comparative analysis of sources, system modeling, and mathematical processing of the results. The publications of Savin S.V., Vlasov V.N., Uvarova S.V., Raenko L.B., Pak-

homov V.I., Kovalchuk O.G., Romanenko N.I., Kunitsa Yu. B. were studied. The final section formulates practical recommendations for fitness trainers, physical education teachers, and sports medicine doctors. The article can serve as a methodological basis for developing health programs in fitness clubs and educational institutions.

Keywords: women aged 35–45, health running, block periodization, interval load, TRX, morphocorrection, hypertension, somatotype, motivation, PWC170.

References

1. Vlasov V. N., Savelyeva D.S. Organization of health jogging classes to normalize the functional state of women with hypertension // Science and education: new time. – 2021. – No. 1 (42). – P. 50–62. – EDN JVEBGJ.
2. Kovalchuk O. G., Kostikova L.G., Belova T. Yu., Skripnikov P.A. Block technology for training students of a technical university in running types of athletics // Scientific notes of Lesgaft University. – 2021. – No. 5 (195). – P. 54–67.
3. Kunitsa Yu.B. Features of conducting fitness classes with middle-aged women // Science-2020. – 2016. – No. 3 (9). – P. 124–136.
4. Pakhomov V.I. History of running. Health running as a means of maintaining human physical fitness // Autonomy of the individual. – 2022. – No. 1 (27). – P. 84–94.
5. Raenko L.B. The influence of health running on the middle-aged human body // Forum of young scientists. – 2024. – No. 10 (98). – P. 225–234.
6. Romanenko N.I. Methodology of physical education of women 35–45 years old of different somatotypes using health-improving physical culture tools // Physical education, sport – science and practice. – 2016. – No. 4. – P. 142–159.
7. Savin S. V., Stepanova O.N. Technology of designing macrocycles of health (fitness) training for women 35–45 years old with excess body weight // Bulletin of sports science. – 2007. – No. 4. – P. 87–94.
8. Uvarova S. V., Shestakova T.A. Features of the competence-oriented approach in training sessions on health running with middle-aged people // Modern pedagogical education. – 2023. – No. 11. – P. 98–110.

Материализация сознания стремления к благополучию: образы и культурное значение декоративной скульптуры в древней китайской архитектуре

Ван Фан,

аспирант кафедры теории искусств, МПГУ
E-mail: wangfang900531@gmail.com

Проследив историю развития декоративного оформления древней китайской архитектуры, можно заметить, что тема молитв о счастье и благополучии выделяется среди множества других декоративных сюжетов. Анализируя образы, связанные с молитвами о счастье и благополучии в декоративном оформлении древней китайской архитектуры, мы можем увидеть процесс формирования и развития сознания стремления к благополучию под влиянием культурной атмосферы и особенностей Китая, а также процесс его материализации в декоративном оформлении древних зданий. В данной статье, начиная с анализа различных тематических проявлений декоративной скульптуры в древней китайской архитектуре, исследуются культурные факторы, лежащие в основе подобных декоративных действий, а также рассматриваются с точки зрения художественных идей и форм, которые они выражают, вопросы наследования в современном обществе архитектурного декоративного дизайна, обладающего традиционными культурными особенностями.

Ключевые слова: культура благополучия; древняя архитектура; декоративная скульптура; образ.

Введение

Сознание стремления к благополучию представляет собой концепцию, сформированную на основе таких психологических факторов, как страх перед неизвестностью природы, почтение к божествам и прекрасные ожидания от будущей жизни. Оно в основном включает такие аспекты, как изгнание злых духов и негативной энергии, привлечение счастья и благополучия, желание многочисленного потомства и долголетия, а также мира и благополучия. Формирование такой культуры благополучия сопровождалось длительным развитием китайской истории. Она укоренена в стремлении китайской нации к прекрасной жизни, а также к счастью, миру и благополучию. Традиционная культура благополучия пронизывает все аспекты жизни людей, начиная с одежды, питания, жилья и заканчивая транспортом. Древние люди особенно внимательно относились к требованиям к жилищной среде. Независимо от выбора места для строительства дома, его ориентации, расположения, планировки или декоративных деталей здания, таких как ступени цоколя, высокие карнизы с фигурами зверей, потолочные узоры, кессонные потолки, кронштейны, дверные проемы, подоконники, резьба по мебели и цветовая гамма, все это несет в себе символическое значение благополучия. По сравнению с самим зданием многие из этих декоративных элементов не обязательно имеют реальную практическую ценность и не влияют на конструкцию и нормальное использование здания. Декоративность – это свойство, заключенное в самом предмете и качественно представляющее его (текстура, цвет, обобщение образа и условная его трактовка, композиционная и пластическая выразительность и т.д.) [1, с. 243]. Тогда в чем заключается намерение людей в проведении декоративных работ над зданиями? В целом это отражает то, что даже под ограничениями древнекитайских феодальных этикетных норм люди все же спонтанно занимались декоративной деятельностью в области архитектуры. Если рассматривать темы декоративных работ, то они, безусловно, связаны с такими намерениями, как стремление к благополучию и избегание бедствий.

Основной текст

Обсуждение традиционной китайской культуры благополучия

Благополучие представляет собой стремление людей ко всему прекрасному, таким как благоприятные погодные условия, хороший урожай и т.д. Культура благополучия является отражением субъективных эмоций человека в гуманитарной сфере и проявляется и передается через такие носители, как архитектура и предметы повседневного использования. Поиск прекрасного – это вечная тема культуры благополучия. Сочетание иероглифов, обозначающих «благополучие», впервые встречается в древней китайской литературе – «Чжуан-цзы: О человеческом мире»: «В пустой комнате возникает свет, и благополучие приходит само собой» [2, с. 3]. Это выра-

жение можно понять так: только пустая комната кажется светлой, и благоприятные события будут происходить непрерывно. Еще можно интерпретировать это следующим образом: если сердце человека подобно пустой комнате, в которой убраны все ненужные вещи и мусор, и очищен от пыли, затуманивающей разум, тогда в сердце будет полно солнечного света, и, как следствие, все будет благоприятно. Даосский ученый эпохи Тан Чэн Сюаньин объясняет это так: «Доброта – это благоприятные события; благополучие – это знаки добрых перемен» [3, с. 41]. Исходя из этого объяснения, можно заметить, что в представлении древних людей «джи» (吉) обозначает конкретные события, а «сян» (祥) – образные знаки; «джи» относится к добрым делам, а «сян» – к благоприятным признакам. Другими словами, все языковые выражения, образные знаки, предметы, действия, ритуалы и т.д., связанные со счастьем, прекрасным, радостным и благоприятным, относятся к сфере культуры благополучия. Несмотря на различия между фактами и признаками, они представляют собой взаимосвязанное, сосуществующее и дополняющее друг друга целое на основе общих ценностей и представлений о выгоде и справедливости. Все вышеуказанные описания показывают, что благополучие – это предзнаменование с позитивным смыслом, символ, наполненный положительной энергией, и выражение прекрасных желаний людей.

Культура благополучия сумела сохраниться и передаваться из поколения в поколение до наших дней не только потому, что она олицетворяет прекрасные надежды и молитвы людей, но и благодаря своему широкому и богатому культурному содержанию, способному давать людям позитивное духовное направление. В системе традиционной китайской культуры три основные философские школы – конфуцианство, даосизм и буддизм – являются важной основой для культуры благополучия. Например, резьба на дверях и окнах древних китайских зданий, изображающая «Картины двадцати четырех примеров почитания родителей», служит образцом добродетели и почитания родителей, пропагандируемых конфуцианством; «Восьми бессмертных, празднующих день рождения» использует образы богов из даосских легенд для выражения пожеланий долголетия и счастья; а такие мотивы, как «Кири́н, приносящий ребенка» и «Жаба, срывающая лавр на лунном дворце», являются материализацией сочетания конфуцианских, даосских и буддийских идей с культурой благополучия.

Анализ материализованных образов сознания стремления к благополучию в древней китайской архитектуре

С момента возникновения у древних людей сознания стремления к благополучию декоративные образы, связанные с молитвами о счастье и благополучии, становились все более разнообразными и богатыми в древней китайской архитектуре. Тема молитв о счастье и благополучии имеет различные формы выражения в зависимости от художественных средств. Художественные образы, созданные в декоративном оформлении древней китайской архитектуры, можно в основном разделить на такие категории, как животные, растения, иероглифы и символы, и все они отражаются во всех аспектах декоративного оформления внутреннего и внешнего пространства древних зданий.

Образы благоприятных животных в древней китайской архитектуре. Появление образов животных в декоративных деталях архитектуры в значительной степени зависит от обычаев и верований. Поклонение животным человеком началось с тотемических верований древних первобытных племен. В Китае уже с периода Янь и Хуанга существовали верования в тоте-

мы животных, которые появлялись на знаменах, домах и архитектурных украшениях древних людей. Это свидетельствует о том, что история применения животных декоративных орнаментов в китайской архитектурной отделке очень древняя. Наиболее часто используемыми образами благоприятных животных древним феодальным правящим классом Китая были «четыре духа», о которых говорится в «Лицзи-Лиюнь» эпохи Цинь: «Кири́н, феникс, черепаха и дракон называются четырьмя духами» [4, с. 4].

Существует много легенд о драконе, но в Китае дракон считается божественным существом, всевышним, символом древних императоров и представителем Востока. Как символ китайской нации, дракон берет свое начало в тотемическом поклонении древней эпохи, являясь одним из первобытных религиозных верований первобытного общества. Происхождение поклонения дракону-тотему можно проследить примерно до 8000 лет назад, и оно достигло зрелости примерно 4000–5000 лет назад [5, с. 57]. Но когда появился образ дракона в архитектуре, то есть в архитектурной отделке? Согласно известным на данный момент материальным объектам, образ дракона появился хотя бы на черепичных коньках периода Чжаньго. После эпохи Хань образ дракона в основном сформировался, и он уже стал символом китайской нации. После того как дракон был связан с императором, его образ широко использовался в архитектуре. Образы драконов в древней китайской архитектуре в основном появляются на таких архитектурных элементах, как колонны, пристенные панно, каисоны (выпуклые украшения в потолке) и коньки крыш, и в основном используются для декоративных целей и выражения желания о защите божеств. В китайской традиционной архитектурной культуре дракон символизирует императорскую власть. Место, где живет император, называется императорским дворцом, и только в королевских зданиях могут использоваться драконы в качестве украшений. Наиболее типичным примером является Запретный город в Пекине. В императорских зданиях дракон, как представитель императора, занимает господствующее положение в архитектуре. В Запретном городе в Пекине образ дракона встречается повсюду: на потолках и каисонах внутри дворцов, на императорских тронах и цоколях также вырезаны различные драконы. По статистике, только в одном Большом зале Тайхэ в Запретном городе насчитывается 12654 дракона. Поэтому, как только вы войдете в императорский дворец, вы попадете в мир драконов. Поскольку дракон не является животным из природы, а идеализированным образом, постепенно созданным человечеством в истории, его форма и размер могут многообразно меняться, что создает удобные условия для декоративного использования.

Фэн (феникс) – это мифическое существо, выдуманное древними людьми. В древних книгах феникс описывается как прекрасная птица, чей пение и грация делают ее царицей всех птиц. Он способен приносить на землю благоприятные знамения, обладает особой духовной силой и символизирует счастье, богатство, удачу и благополучие. В народных поверьях существует выражение «Цилинь приносит ребенка» (о кири́не). Кроме того, поскольку кири́н считается добродетельным существом, в местах, где, как полагают, присутствует негативная энергия (ша), ставят пару медных или резных изображений киринов для ее нейтрализации. Черепаха – единственное из четырех духовных животных, существующее в реальности. Еще в глубокой древности черепаха почиталась людьми и символизирует спокойную и долгую жизнь. Уже в период Шан и Чжоу люди начали изображать черепаху на бронзовых изделиях в надежде

на процветание и мир в стране. Дракон, феникс, кири и черепаха изначально обладали богатым содержанием, а теперь к ним добавилась еще и мистическая аура. Поэтому архитектурные украшения, использующие их образы, приобретают еще более священное значение.

Помимо этих мифических существ из легенд, многие животные из реальной жизни также часто используются в качестве образов для украшения древних зданий, и древние люди приписывали им благоприятные символические значения. Например, бронированный карп символизирует удачу, мандариновые утки – долгую и счастливую совместную жизнь, летучая мышь – счастье, жаба – богатство и т.д. Такие животные часто украшают балки, подкосы, панно, двери, стены и другие части зданий.

Образы животных являются одной из наиболее распространенных декоративных тем, и их появление тесно связано с историческим развитием. В далеком первобытном обществе люди, занимаясь кочевым скотоводством и охотой, естественным образом установили тесные связи с животными. Со временем люди начали обожествлять хищных птиц и зверей из мира животных, считая, что эти животные обладают особой силой, и поэтому почитали их как покровителей, придавая им определенные символические значения. Использование этих образов в архитектурной отделке приобрело многослойный смысл. Однако, в конечном счете, главной целью использования образов животных в отделке древних зданий было обращение к благоприятным знаменам.

Образы благоприятных растений в древней китайской архитектуре. В древности процветание растительности напрямую влияло на жизнь древних людей. Семена, корневища и плоды растений являлись основными источниками пищи для человека, а большинство домов древних людей строились из деревянных конструкций. Видно, что растения играли чрезвычайно важную роль в жизни древних людей. Поэтому образы растений также стали важным материальным проявлением культуры благоприятных знаков.

В зависимости от свойств, функций и форм растений образы благоприятных растений можно разделить примерно на две категории. Первая категория – это растения, имеющие пищевое значение. Например, образ персика чаще всего встречается в украшениях древних зданий. Персик несет в себе первобытные верования в плодородие и размножение, а также символизирует рождение и долголетие[6, с. 17]. Персик часто сочетается с летучей мышью и медными монетами, символизируя счастье и долголетие. Цветы персика, благодаря своему яркому цвету и цветению весной, стали символом любви и весны. Древесина персика считается обладающей способностью отгонять злых духов, приносить счастье и разрушать негативную энергию, поэтому ее часто резят в различную мебель для обеспечения благополучия. Еще один пример – рейши (ганодерма), которая имеет многовековую историю использования в медицинских целях и обладает свойствами продления жизни. Образ «руи» (рисунок, образованный сочетанием рейши и облачных узоров) часто используется в резьбе по дверям, оконным украшениям, подкосам и стенам традиционных зданий. Все эти растения несут в себе благоприятные значения, отражающие прекрасные пожелания людей.

Вторая категория включает растения, которым благоприятные символические значения приданы из-за их уникальных свойств или гомофонических ассоциаций. Часто упоминаемые «четыре благородных растения» – слива, орхидея, бамбук и хризантема. Слива цветет в холодное время года, символизируя стойкость и негибкий дух; орхидея изящна и загадочна; бамбук

прочен и прям; хризантема холодна и чиста. Эти растения не только используются для описания благородных и скромных качеств человека, но и являются популярными декоративными образами в жилищах ученых, поэтов и богатых купцов. Кроме того, пион символизирует величие и богатство, гранат и виноград – многодетность и счастье, тыква-горлянка символизирует счастье и богатство, а также обладает способностью «задерживать ветер и собирать энергию», мандарин – всеобщую удачу, сосна и кипарис – долголетие и т.д.

Разнообразие и разнообразие форм растений делают их идеальным выбором для декоративных тем. В то же время в многих ранних литературных произведениях, стихах и песнях растения часто включаются в содержание, позволяя авторам выражать свои чувства и идеи через описание цветов и трав. Люди также выражают свою любовь и стремление к прекрасной жизни, вещам или людям посредством растений в ходе тяжелого и напряженного труда. С широким использованием этих растений и приданием им различных символических значений, темы декоративных растений в архитектуре получили все более широкое применение. В традиционной русской народной архитектуре декоративные темы на растительную тему также широко используются. Растения, вместе с деревом жизни и бутонами, символизируют жизнь и возрождение[7, с. 87].

Многочисленные ранние произведения искусства свидетельствуют о том, что любое животное или растение, с которым люди вступают в контакт и знакомятся, появляется в украшениях предметов быта.

Декоративные элементы в древней китайской архитектуре: благоприятные иероглифы, сюжеты опер и цветовая гамма. Уже в глубокой древности люди использовали различные символы для абстрактного и реалистичного обобщения всего сущего во Вселенной. Иероглифы – это символы, созданные людьми под вдохновением от природы и всего сущего. Только после тысячелетнего развития и слияния они сформировали современную систему письма, и поэтому сам иероглиф представляет собой существование, использующее форму для передачи смысла. В результате непрерывных поисков, экспериментов, применения и творчества люди превратили иероглифы в популярный декоративный элемент древней китайской архитектуры. Узоры с иероглифами «счастье» (福), «десять тысяч» (萬) и «долголетие» (壽) являются основными орнаментами для украшения центральной части дверных и оконных решеток, а облачные и розовые узоры часто встречаются в резьбе по кирпичу надворных ворот, на ограждениях и стенах.

Декоративные мотивы, связанные с образами оперных персонажей, появились относительно поздно – примерно в середине и конце эпохи Мин. Ранее здания строились в соответствии со строгими патриархальными правилами и четким пространственным планированием, что придавало им однообразный, скучный и угнетающий вид. Декоративные мотивы, основанные на оперных сюжетах, возникли как раз для того, чтобы преодолеть эти ограничения, разрушить ощущение угнетения и создать новую архитектурную среду. Кроме того, таким декоративным мотивам были приданы особые этико-воспитательные значения[8]. Исторические аллюзии или персонажи использовались главным образом для того, чтобы учить людей соблюдать принципы хорошего поведения и этические нормы общения. Некоторые оперные сюжеты предвещали счастье, удачу и светлое будущее, отражая стремление людей к гармонии, красоте, здоровью и благополучию. Все эти темы ярко проявляются в древних архитектурных украшениях, связанных с оперными сюжетами.

Цвет — это также одна из форм материализации. Цветовые сочетания в традиционной китайской архитектуре также таят в себе понятие благоприятности. В традиционных представлениях людей белый цвет символизирует металл, голубой и зеленый — дерево, синий — воду, алый и красный — огонь, а желтый — землю. Между этими пятью элементами существуют тонкие взаимодействия по принципу порождения и подавления, а различные комбинации этих пяти цветов порождают бесконечное множество благоприятных символических значений. Например, архитектура хуэйцзянской школы оставила яркий след в истории китайской архитектуры своей уникальной формой белых стен и черной черепицы.

Культурные значения, стоящие за «образами благоприятных знаков»

Древнекитайская архитектура отличается разнообразием декоративных мотивов, в которых скрыты глубокие культурные смыслы и ярко выраженные особенности. Часть декоративных мотивов древнекитайской архитектуры дополняет социальную иерархическую систему древнего Китая. В некотором смысле они являются знаками и символами китайской социальной иерархической системы, и использование таких мотивов может полностью отразить статус и положение пользователя. Например, образы дракона и феникса встречаются только в королевских дворцах, а обычные граждане не имеют права использовать эти декоративные мотивы в своих домах. Еще некоторые декоративные мотивы древнекитайской архитектуры тесно связаны с социальной этикой и моралью. Благородные качества, символизируемые «четырьмя благородными растениями» — сливой, орхидеей, бамбуком и хризантемой, ярко отражают социальную этику и мораль. Включение иероглифов в декоративные мотивы архитектуры также несет в себе ярко выраженный культурный смысл. Это свидетельствует о том, что древнекитайская архитектурная декорация не просто преследует визуальные эстетические ощущения или просто стремится к красивому внешнему виду. Самое важное заключается в том, чтобы через эти декоративные мотивы выразить внутреннее стремление, которые включают в себя как глубокий социальный и гуманитарный дух, так и жизненную философию и ценности. Все это объясняется тем, что декоративные мотивы и культурные значения тесно слиты воедино.

Из сохранившихся древних китайских зданий и исторических записей можно заметить, что декоративные скульптуры в архитектуре являются результатом взаимодействия материального и духовного. Тотемизм и религиозные верования сформировали своеобразные знаки и символы в древней китайской архитектуре. Во-первых, как идеологизация материального, они отражают уровень эстетического восприятия и техническое мастерство людей разных эпох, являясь эпитомой человеческой мудрости. Во-вторых, как материализация идеологии, декоративные скульптуры часто несут в себе историческую и культурную информацию. Через объемные формы, различные художественные образы и содержание они выражают культуру, идеалы, мораль и стремления людей. Например, развитие драконьего тотема можно рассматривать как постоянное обновление и развитие графического значения дракона. Таким образом, можно утверждать, что декоративные скульптуры являются своеобразным знаком или информационным кодом китайской архитектуры. Поэтому, независимо от того, в какую эпоху и в каких условиях мы их «копируем» или используем, они способны точно передать определенный исторический смысл. «В процессе перехода от культа предков к культу природы это смут-

ное тотемическое представление с течением времени развивалось и эволюционировало в современное искусство орнамента. Современные декоративные орнаменты представляют собой очень распространенное искусство, являющееся формой украшения графики. Первоначальный тотем, начиная с культа предков и заканчивая сегодняшней чисто декоративной функцией, прошел через тысячелетние культурные и политические испытания. Первоначальное значение тотема утрачено, и от него остались лишь некоторые абстрактные символические формы» [9, с. 284].

Архитектурные декоративные элементы с тематикой молитвы о благополучии и счастье в древней китайской архитектуре оставили ценное художественное наследие для китайской декоративной архитектурной деятельности. С точки зрения исторического контекста, все эти декоративные элементы, выражающие стремление к счастливой и благополучной жизни, возникли в эпоху земледелия, когда появились формы ремесленного производства. В условиях ограниченности экономических возможностей тогдашние люди использовали архитектурную декорацию как средство для выражения своих идеалов, желаний и эмоций, что отражало их стремление к богатой, прекрасной и мирной жизни. Формы выражения этого искусства архитектурной декорации тесно связаны с культурной атмосферой и особенностями того времени в Китае, являясь прямым отражением аграрной экономики в культурной жизни светского общества той эпохи.

Нужна ли в современном архитектурном декоре обратная тенденция к возрождению сознания стремления к благоприятному?

С точки зрения формирования и развития декоративной скульптуры в древней китайской архитектуре, древние здания несут в себе историю и культуру различных эпох, являясь информационным кодом китайских типов архитектуры. Большое количество информации сосредоточено в декоративных скульптурах зданий. Независимо от того, в какой период и в каком пространстве мы их «копируем» или используем, они способны точно передать определенный исторический смысл. Таким образом, значение архитектурной декоративной скульптуры глубоко и далеко идущее: оно включает в себя как воспоминания об исторических и культурных произведениях, так и проявление художественного сознания; как гармонию с природной средой, так и привязанность к местной культуре. По мере постоянного развития древней архитектуры функциональность элементов зданий постепенно уменьшалась или исчезала, в то время как их декоративность становилась все более важной. Архитектура тесно связана с декоративной скульптурой, которая повсеместно присутствует в древней китайской архитектуре, и даже в настоящее время мы не можем игнорировать влияние декоративной скульптуры на современную архитектуру. Поэтому, помимо функций сбора культурных реликвий и исторических исследований, декоративная скульптура также должна рассматриваться как символ продолжения формальной, исторической и гуманитарной красоты.

Но уже в конце XIX века и начале XX века, в связи со сменой мировоззрения в обществе, стилевых направлений в искусстве и существенного технологического прогресса, происходит заметное снижение применения монументально-декоративной пластики в архитектурных ансамблях. «Современные архитекторы по всему миру программно отказывались от орнамента и монументально-декоративной скульптуры для того, чтобы проявить в своих постройках легкость, функ-

циональность и ясность пропорций» [10, с147]. Сегодня социально-экономическое и культурное развитие Китая вступило в эпоху модернизации, и стремительно развивающиеся общественные производительные силы оказывают воздействие на китайскую культуру, сформировавшуюся в условиях аграрной экономики. Современные жилые дома, построенные из железобетона, сильно отличаются от древних деревянных зданий. Однако мы все еще можем заметить, что стремление людей к богатой, прекрасной и мирной жизни остается неизменным. Развитие китайской культуры представляет собой непрерывный процесс продвижения вперед, и архитектурные декоративные элементы с тематикой молитвы о благополучии и счастье, созданные древним китайским народом, по-прежнему обладают жизненной силой и практической ценностью и в наши дни. Особенно в современном обществе, когда природная среда ухудшается, условия жизни человека сталкиваются с серьезными вызовами, и люди по-прежнему бессильны перед некоторыми болезнями, сознание молитвы о благополучии и счастье все еще существует в сознании современных людей, и народные мероприятия, связанные с молитвой о благополучии и счастье, по-прежнему проводятся.

Таким образом, исследование декоративной скульптуры в древней китайской архитектуре, как с точки зрения ее формы, так и функции, благодаря яркому отражению духа времени, может принести бесконечные вдохновения для современного архитектурного дизайна и развития городов с уникальным характером. В настоящее время важной задачей, стоящей перед специалистами в области архитектурного и декоративного дизайна, является трансформация этих традиционных тематических проявлений в современный дизайн. Это требует сравнительного анализа и обобщения декоративных тем, созданных древним народом на протяжении тысячелетий, с последующим их реорганизацией с использованием современных дизайнерских мыслей и методов. В результате можно получить декоративные элементы, подходящие для современного архитектурного декора, которые продолжат удовлетворять современные пожелания людей о благополучии и счастье, а также их эстетические вкусы. Поэтому современные дизайнеры должны уделять особое внимание изучению традиционной культуры благоприятных знаков, чтобы эта культура, наполненная благоприятными символами, получила новое развитие в современном пространственном дизайне.

Заключение

В статье, посвященной обсуждению тематики и культурного значения образов декоративной скульптуры в древней китайской архитектуре, удается углубить понимание людей о декоративных элементах древних китайских зданий, а также раскрыть их культурный смысл. Во-первых, китайская традиционная культура благоприятных знаков оказала глубокое влияние на декоративный дизайн древней китайской архитектуры, будь то в плане цветового сочетания, формообразования или символического смысла. Она отражает эстетические предпочтения предков и их стремление к прекрасной жизни, занимая важное место в китайской традиционной культуре. Во-вторых, китайская традиционная архитектурная декорация, наполненная благоприятными пожеланиями, является результатом долгосрочной жизненной практики и культурного наследия. Эти прекрасные пожелания и их богатое культурное содержание формируют бесконечную художественную привлекательность, позволяя культуре благоприятных знаков сохранять свою актуальность на протяжении веков. В-третьих, декоративная скульптура

занимает незаменимо важное место в традиционной китайской архитектуре. Она обладает не только практической функцией, но и является произведением искусства, предназначенным для наслаждения. Ее формирование и развитие тесно связаны с изменениями и развитием архитектуры разных эпох, а содержащиеся в ней социальные идеологические аспекты неосознанно становятся знаками классового иерархического деления правящих классов. Таким образом, система декоративной архитектуры древнего Китая представляет собой согласованную и единую систему с китайской традиционной культурой, являясь художественным выражением мировоззрения китайской традиционной культуры в архитектуре.

Литература

1. Портнова И.В. Формирование анималистического образа в монументально-декоративной скульптуре XX века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2010. № 4. С. 243.
2. Ли Чжэньган. Между «человеком» и «миром»: толкование «Чжуан-цзы. Человеческий мир» // Журнал Хэбэйского университета (философско-общественнонаучная версия). 2009. № 2. С. 3.
3. Сюй Сяоху. Благоприятные знаки прекращаются: о культуре благоприятных знаков в традиционных цветочно-птичьих картинах на основе специальной выставки «Сто цветов приносят благоприятные знаки» // Коллекционер. 2021. С. 41.
4. Сюй Цзин. Исследование культуры четырех духовных существ в Китае до эпохи Хань // Диссертация на соискание ученой степени доктора философии, Шаньдунский университет. 2016. С. 4.
5. Лю Ганьпин. Эволюция образов китайского драконьего тотема в неолите // Яньхуан Дили. 2025. С. 57.
6. Цзо Ханьжун. Символическое значение персиковой культуры в китайском народном искусстве // Народное искусство. 2018. С. 17.
7. Ма С. Культурные коннотации традиционных благоприятных узоров в китайском и русском архитектурном декоре // Культурно-антропологические исследования. 2023. № 2. С. 87.
8. Жэнь Сюэин. О морально-просветительской функции театрального искусства // Оценка произведений искусства. 2019. С. 138.
9. Лю Цзин. Тотемное искусство и современное искусство декоративных узоров // Очаровательный Китай. 2010. № 8. С. 284.
10. Соловьева А. В., Карпусь О.С., Терехина Е.С. Проблема синтеза архитектуры и скульптуры // Вестник Гомельского государственного университета. 2023. № 3. С. 147.

MATERIALIZATION OF THE CONSCIOUSNESS OF THE STRIVING FOR WELL-BEING: IMAGES AND CULTURAL SIGNIFICANCE OF DECORATIVE SCULPTURE IN ANCIENT CHINESE ARCHITECTURE

Wang Fang

Moscow State Pedagogical University

Tracing the history of the development of decorative design of ancient Chinese architecture, one can notice that the theme of prayers for happiness and well-being stands out among many other decorative subjects. Analyzing the images associated with prayers for happiness and well-being in the decorative design of ancient Chinese architecture, we can see the process of formation and development of the consciousness of the striving for well-being under the influence of the cultural atmosphere and characteristics of China, as well as the process of its materialization in the decorative design of

ancient buildings. This article, starting from the analysis of various thematic manifestations of decorative sculpture in ancient Chinese architecture, examines the cultural factors underlying such decorative actions, and examines the inheritance of architectural decorative design with traditional cultural characteristics in modern society from the point of view of artistic ideas and forms they express.

Keywords: culture of well-being; ancient architecture; decorative sculpture; image

References

1. Portnova I.V. Formation of the Animalistic Image in Monumental and Decorative Sculpture of the 20th Century // Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2010. No. 4. P. 243.
2. Li Zhengang. Between "Man" and "World": Interpretation of "Zhuangzi. Human World" // Journal of Hebei University (philosophical and social scientific version). 2009. No. 2. P. 3.
3. Xu Xiaohu. Auspicious Signs Cease: On the Culture of Auspicious Signs in Traditional Flower and Bird Paintings Based on the Special Exhibition "A Hundred Flowers Bring Auspicious Signs" // Collector. 2021. P. 41.
4. Xu Jiying. A Study of the Culture of the Four Spiritual Beings in China before the Han Dynasty // Dissertation for the degree of Doctor of Philosophy, Shandong University. 2016. P. 4.
5. Liu Ganping. Evolution of Images of the Chinese Dragon Totem in the Neolithic // Yanhuang Dili. 2025. P. 57.
6. Zuo Hanzhong. Symbolic Meaning of Peach Culture in Chinese Folk Art // Folk Art. 2018. P. 17.
7. Ma S. Cultural Connotations of Traditional Auspicious Patterns in Chinese and Russian Architectural Decor // Cultural and Anthropological Studies. 2023. No. 2. P. 87.
8. Ren Xueying. On the Moral and Educational Function of Theatrical Art // Evaluation of Works of Art. 2019. P. 138.
9. Liu Jing. Totem art and contemporary art of decorative patterns // Charming China. 2010. No. 8. P. 284.
10. Solovieva A. V., Karpus O.S., Terekhova E.S. The problem of synthesis of architecture and sculpture // Bulletin of Gomel State University. 2023. No. 3. P. 147.

Высоцкий Константин Владимирович,

магистрант, Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова

E-mail: Vysotskiy.Konstantin@yandex.ru

В работе исследуется влияние глобализации международной миграции на различные сферы государственного устройства и общественной жизни. В частности, исследуется опыт Германии, Франции, Великобритании и некоторых других стран Запада через призму влияния международной миграции на состояние социально-экономического развития, культурную и политическую составляющую в этих странах. Определяется, что для международной миграционной ситуации в Российской Федерации является актуальным рост мигрантской преступности и иного противоправного поведения среди иностранных граждан. Отмечается и рост экстремистской и террористической деятельности среди мигрантов, пребывающих на территории России, чему способствует в том числе ослабление административного контроля и коррумпированность правоохранительной системы России. На базе социологических исследований выявлено, что за последние 10 лет социальная напряжённость среди российских граждан по отношению к мигрантам возросла вдвое, что является следствием «захвата» мигрантами нишевых сфер труда, а также навязыванием ими своей культуры наряду с нежеланием адаптироваться под культурные особенности российского общества. В процессе исследования, в том числе на базе анализа миграционной ситуации в России, делается вывод о том, что на сегодняшний день встаёт актуальный вопрос о коррекции системы государственного управления, государственной политики в миграционных правоотношениях, а также усиления административного контроля по отношению к мигрантам, учитывая возможность наступления негативных последствий по образу и опыту некоторых зарубежных стран Запада. Учитывая сложность миграционной регуляции с политической точки зрения, очевидно ожидая возможность ухудшения межполитических отношений между государствами, делается вывод о необходимости принятия мер по регуляции, ужесточению и ограничению международных миграционных потоков в Россию уже сегодня дабы избежать больших кадровых, бюджетных и иных издержек впоследствии.

Ключевые слова: глобализация, международная миграция, мигрант, социальная напряжённость, рынок труда, исламизация, экстремизм, терроризм, социальная адаптация.

Современные международные миграционные процессы на сегодняшний день отражают не только активное перемещение населения из «бедных» стран в развитые и развивающиеся, но и также отток населения из благополучных государств в другие страны похожего политического и социально-экономического порядка.

Способствует тому глобализация межгосударственных экономических, социально-культурных и политических отношений, обеспечивающих создание благоприятных и доступных условий для международной миграции. В поисках лучшей жизни мигранты перебираются на временную или постоянную основу в другие страны, что конечно же, не может не влиять как на отдельные аспекты социально-экономической и политической ситуации в стране гражданства мигранта, так и в такой стране, принимающей мигранта.

В особенности следует отметить на необходимость контролируемой государством миграции населения из-за зарубежных стран, ведь как показывает зарубежный опыт Великобритании, Германии, Франции и ряда других стран Запада, по сути, бесконтрольный допуск и даже поощряемая международная миграция иностранного населения в эти страны привела к колоссальным социальным и политическим проблемам.

Так, достаточно лояльная политика Великобритании привела к тому, что с 2004 по 2023 год доля мигрантов в структуре населения возросла с 5% до 16% [1, с. 3], при этом в рамках данной статистики учитываются лишь официальные мигранты. А потому, необходимо также учитывать и тот факт, что Великобритания на сегодняшний день занимает первой место среди других стран по числу незаконных мигрантов, находящихся в стране [2, с. 10].

Как британская общественность, так и научное сообщество бьют тревогу касательно влияния как законной, так и незаконной массовой миграции на социальные сферы Британии, в частности отмечая, что с ростом иностранных граждан растёт насильственная и экономическая преступность [3, с. 1280].

Здесь же отмечаются и другие проблемы, в том числе, рост районов в британских городах, представляющих собой анклавы мигрантов, нежелающих адаптироваться под культурные особенности британского общества. Кроме того, отмечается проблема связанная с тем, что иностранные мигранты из бедных стран Африки и Ближнего Востока прибывают в Великобританию без цели трудовой или иной хозяйственной деятельности, а равно без такой культурной ассимиляции, живя исключительно на денежные пособия и иные меры государственной поддержки, что также не может сказываться негативно на бюджете страны [4, с. 16].

Аналогичные проблемы свойственны и для других стран, в которых прослеживается лояльный подход к всеобъемлющей поддержке иностранных мигрантов, которые пользуются мерами государственной поддержки и социальными институтами не в добросовестной форме, а лишь злоупотребляя ими, становясь буквально «обузой» для общества.

Так, в Германии отмечается внутринациональная проблема общенационального уровня, касающаяся роста насильственных и имущественных преступлений среди мигрантов и в корреляции от масштабов их въез-

да на территории страны [5, с. 486]. Уже не только среди общественных настроений, но и также в достаточно лояльной научной среде немецких учёных всё чаще встречаются доминирующие нарративы «миграция как кризис», отражающие нестабильность социально-экономического и культурного развития Германии и даже опасность национальному благосостоянию в связи с неконтролируемой миграцией [6, с. 458].

В зарубежных исследованиях также прослеживается некоторое общественное негодование касательно того, что казалось бы политическое государство и государственное устройство в целом, которое как бы должно быть ориентировано на обеспечение интересов коренных граждан Германии, почему то в большей мере предрасположено к созданию привилегий, преференций, льгот и предоставлению социального обеспечения для беженцев и просто мигрантов из зарубежных стран [7, с. 19].

Нельзя не обойти стороны и социально-культурный аспект влияния международной миграции. Так, основной миграционный контингент во Франции, Италии, Испании, Германии, Великобритании, Бельгии, Австрии и ряде других стран – это граждане из стран Исламского миропорядка. Не обобщая всех представителей данной конфессии, всё же, нельзя не отметить существующую проблему связанную с тем, что мигранты из мусульманских стран в стране пребывания не адаптируются к социально-культурным и бытовым особенностям нового общества, а скорее навязывают свою культуру, что нередко отражается в насильственных формах.

Так, мигранты на религиозной основе или на почве межнациональной ненависти совершают убийства, поджоги, террористические акты, распространяют экстремистские материалы, выходят на массовые погромы с повреждением чужого имущества и нанесением вреда жизни и здоровью ни в чём невинных граждан [8].

Как следствие, невозможно не актуализировать насущную почти для всех стран современной Европы проблему межнациональных и межконфессиональных столкновений между коренными гражданами этих стран с международными мигрантами, что нередко протекает в радикальные меры борьбы с насильственным исламом и иными формами навязывания мигрантской культуры [9].

Несмотря на то, что эффект от глобализации международной миграции в России не столь негативный нежели в странах из представленного обзора, всё же, нельзя не учитывать и специфичные проблемы, свойственные для российского общества и экономики в связи с протекающими международными миграционными процессами.

Во-первых, конечно же, это ежегодный рост преступности среди трудовых мигрантов и членов их семьи. По данным на 2024 года в структуре преступности доля преступных актов, совершённых мигрантами, возросла почти в целых два раза по сравнению с 2023 годом [10], а по данным СК РФ, доля преступлений среди нелегальных мигрантов возросла и вовсе в три раза.

Во-вторых, отмечается ослабление административной системы миграционного учёта, а также усиление коррупционности правоохранительных, таможенных и пограничных органов, в связи с чем из года в год растёт число нелегальных мигрантов, пребывающих в Россию по поддельным документам или иным неправомерным способом. Так, за 2024 было выявлено порядка 740 тыс. нелегальных мигрантов, что больше по сравнению с 2023 годом на 40% [11].

В-третьих, несмотря на то, что основной контингент международных мигрантов – это также представители исламской конфессии (около 90%), нельзя не отметить, что их гражданское участие в навязывании своей куль-

туры не столь очевидно, как в ранее описанных случаях в Германии, Великобритании, Франции и ряде других стран Европы и Запада в целом.

В то же время, имеется устойчивая тенденция к постепенной радикализации мигрантов в России. Так, регистрируется всё больше преступлений экстремистского и террористического характера, а их проявление характеризуется всё большей масштабностью и массовостью поражения [12].

В-четвёртых, глобализация международной миграции, а также достаточно лояльные условия административно-правовой системы Российской Федерации для въезда и пребывания трудовых мигрантов из стран Центральной Азии, влияет на изменение структуры рынка труда в России.

Если говорить вкратце, то трудовые мигранты постепенно захватывают нишевые сферы труда, снижая в них как оплату труда, так и минимально допустимые условия для осуществления трудовой деятельности, из-за чего коренные граждане России попросту становятся неконкурентоспособными.

Анализ специалистов из НИУ ВШЭ показывает, что на сегодняшний день иностранные трудовые мигранты работают преимущественно в так называемых мигрантских нишах – отраслях экономики, в которых требуется низкоквалифицированная рабочая сила, основанная на физическом труде. К таким отраслям можно отнести строительство, сферу услуг по доставке товаров и перевозке пассажиров, из которых коренные граждане постепенно вытесняются [13, с. 44].

На фоне коррекции, которую вносят трудовые мигранты, возникают обоснованные опасения российской общественности касательно невозможности или сложности трудоустройства. Об этом свидетельствует данные ВЦИОМ, отражающие, что около 38% населения отмечают ухудшение межсоциальных и бытовых отношений между представителями из мигрантской среды, что больше в целых два раза чем 10 лет назад. Кроме того, 53% опрошенных граждан Российской Федерации считают, что трудовая миграция является негативным явлением для культурной идентичности и экономического положения российского общества.

Как следствие, на сегодняшний день встаёт актуальный вопрос о коррекции системы государственного управления, государственной политики в миграционных правоотношениях, а также усиления административного контроля по отношению к мигрантам, учитывая возможность наступления негативных последствий по образу и опыту некоторых зарубежных стран Запада.

При этом, подводя итоги исследованию, следует справедливо заметить, что существующая проблематика глобализации международной миграции актуализируется не только среди общественности, но и также прослеживается последние 2–3 года в нарративах политических выступлений и позициях государственных должностных лиц.

Учитывая сложность миграционной регуляции с политической точки зрения, очевидно ожидая возможность ухудшения межполитических отношений между государствами, принимать меры по регуляции, ужесточению и ограничению международных миграционных потоков в Россию необходимо уже сегодня дабы избежать больших кадровых, бюджетных и иных издержек впоследствии.

Литература

1. Cuibus M. Migrants in the UK: An Overview / M. Cuibus // The migration observatory, 2024. 11 Pp.

2. Peter W. Unauthorised migration in the UK / W. Peter // The migration observatory, 2025. 14 Pp.
3. Bell B. Crime and immigration: evidence from large immigrant waves / B. Bell // LSE Redearch online. 2023. Vol. 95. P. 1278–1290.
4. Pompova I. European migrants: burden or benefit for the British economy? The depiction of EU migrants in the UK and its consequences / I. Pompova // Migrants & Society. 2015. Vol. 8. P. 1–25.
5. Uebelmesser S. Do immigrants affect crime? Evidence for Germany / S. Uebelmesser // Journal of Economic Behavior & Organization. 2023. Vol. 221. P. 486–512.
6. Sigona N. The contested politics of naming in Europe's 'Refugee Crisis. / N. Sigona // Ethnic and Racial Studies. 2018. Vol. 41 (3). P. 456–460.
7. Fröhlich K. Migration as Crisis? German Migration Discourse at Critical Points of Nation-Building / K. Fröhlich // American Behavioral Scientist. 2023. Vol. 1. P. 1–22
8. Мусульмане в Британии начали «наводить порядок» // Российская газета. 14.08.2024. № 180.
9. Во Франции объявили тотальную войну радикальному исламу // Российская газета. 22.10.2020. № 240.
10. Краснов: Количество преступлений мигрантов за год выросло почти в два раза // Российская газета. 26.03.2024. № 39.
11. Профессор Жданов разъяснил суть ужесточения правил для нелегальных мигрантов // Российская газета. 05.02.2025. № 21.
12. Бастрыкин назвал «все более дерзкими» проявления экстремизма среди мигрантов // Российская газета. 05.02.2025. № 21.
13. Варшавская Е. Я. Мигранты на рынке труда Москвы / Е. Я. Варшавская, М. Б. Денисенко // Вопросы экономики. 2025. № 1. С. 44–70.

GLOBALIZATION OF INTERNATIONAL MIGRATION: SOCIAL PROBLEMS AND POLITICAL CONSEQUENCES

Vysotskiy K.V.

Plekhanov Russian University of Economics

The paper examines the impact of the globalization of international migration on various spheres of government and public life. In particular, the article examines the experience of Germany, France, Great Britain and some other Western countries through the prism of the impact of international migration on the state of socio-economic development, cultural and political component in these countries. It is determined that the growth of migrant crime and other illegal behavior among foreign citizens is relevant for the international migration situation in the Russian Federation. There is also an increase in extremist and terrorist activities among migrants staying in Russia, which is facilitated, among other things, by the weakening of administrative control and the corruption of the Russian law enforcement

system. Based on sociological research, it has been revealed that over the past 10 years, social tension among Russian citizens towards migrants has doubled, which is a consequence of migrants' "capture" of niche areas of work, as well as their imposition of their culture along with their unwillingness to adapt to the cultural characteristics of Russian society. In the course of the research, including on the basis of the analysis of the migration situation in Russia, it is concluded that today there is an urgent question of correcting the system of public administration, state policy in migration relations, as well as strengthening administrative control over migrants, taking into account the possibility of negative consequences in the image and experience of some foreign countries. Western countries. Given the complexity of migration regulation from a political point of view, obviously anticipating the possibility of deterioration of inter-political relations between states, it is concluded that it is necessary to take measures to regulate, tighten and limit international migration flows to Russia today in order to avoid large personnel, budgetary and other costs later.

Keywords: Keywords: globalization, international migration, migrant, social tension, labor market, Islamization, extremism, terrorism, social adaptation.

References

1. Cuibus M. Migrants in the UK: An Overview / M. Cuibus // The migration observatory, 2024. 11 Pp.
2. Peter W. Unauthorised migration in the UK / W. Peter // The migration observatory, 2025. 14 Pp.
3. Bell B. Crime and immigration: evidence from large immigrant waves / B. Bell // LSE Redearch online. 2023. Vol. 95. P. 1278–1290.
4. Pompova I. European migrants: burden or benefit for the British economy? The depiction of EU migrants in the UK and its consequences / I. Pompova // Migrants & Society. 2015. Vol. 8. P. 1–25.
5. Uebelmesser S. Do immigrants affect crime? Evidence for Germany / S. Uebelmesser // Journal of Economic Behavior & Organization. 2023. Vol. 221. P. 486–512.
6. Sigona N. The contested politics of naming in Europe's 'Refugee Crisis. / N. Sigona // Ethnic and Racial Studies. 2018. Vol. 41 (3). P. 456–460.
7. Fröhlich K. Migration as Crisis? German Migration Discourse at Critical Points of Nation-Building / K. Fröhlich // American Behavioral Scientist. 2023. Vol. 1. P. 1–22
8. Muslims in Britain have begun to "restore order" // Rossiyskaya Gazeta. 14.08.2024. No. 180.
9. France has declared a total war on radical Islamism // Rossiyskaya Gazeta. 22.10.2020. No. 240.
10. Krasnov: The number of crimes committed by migrants has almost doubled in a year // Rossiyskaya Gazeta. 26.03.2024. No. 39.
11. Professor Zhdanov explained the essence of tightening rules for illegal migrants // Rossiyskaya Gazeta. 05.02.2025. No. 21.
12. Bastrykin called manifestations of extremism among migrants "increasingly bold" // Rossiyskaya Gazeta. 05.02.2025. No. 21.
13. Varshavskaya E. Ya. Migrants in the Moscow labor market / E. Ya. Varshavskaya, M. B. Denisenko // Economic Issues. 2025. No. 1. P. 44–70.

Значение естественной языковой среды при обучении русскому языку как иностранному

Денисова Ольга Евгеньевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры «Русский язык как иностранный», ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет»
E-mail: d.olga@mail.ru

Статья посвящена анализу функций и факторов, которые влияют на учебный процесс иностранных студентов в естественной языковой среде. К таким факторам относятся: диагностический, мотивационный, информативный, коммуникативный, акселеративный, активизирующий, корректирующий, элиминативный. Обращается внимание на практические формы и методы языковой работы учащихся: обучение языковой словообразовательной, контекстуальной и ситуативной догадок, использование различных словарей, накопление лексики. Результатами погружения в естественную, иноязычную среду являются преодоление языкового барьера, развитие языковой догадки, превращение знаний в коммуникативные навыки.

Ключевые слова: естественная среда, функции, язык, коммуникативные навыки, сознание.

Для ускорения процесса овладения русским языком как иностранным необходимо привлечь реальное языковое окружение, что в короткие сроки может повысить уровень речевой компетенции иностранных студентов. Чтобы успешно реализовать обучающий ресурс языковой среды и определить ее значение следует описать функции языковой среды, понять степень её воздействия и сформировать основные способы использования языкового окружения.

В методике преподавания русского языка как иностранного данные аспекты впервые были освещены в 70–80-ые годы прошлого столетия [1, 2, 4, 6]. Привлечение языковой среды в качестве обучающего процесса становится актуальным в системе преподавания русского языка. Целью данной статьи является рассмотрение некоторых теоретических аспектов и функций языкового окружения, а также использование практических методов в овладении коммуникативными навыками.

Журавлева Н.А. была одной из первых, кто проанализировал языковую среду как обучающий аспект и определил ее как «совокупность всех источников информации на языке страны, в которой находится или обучается данному языку иностранец» [4, с. 20]. На наш взгляд, такое определение является не совсем полным, потому что не учитывает психологического влияния языкового окружения на иностранных студентов.

При изучении литературы стало очевидно, что чаще всего встречается такое понятие как «обучающая функция» [6], что вполне логично, так как мы наблюдаем за воздействием языковой среды с точки зрения обучающего фактора. Однако, чтобы не сузить данную проблему, необходимо отметить влияние психологических факторов, которые активизируют процесс овладения иностранным языком. Поэтому следует выделить как обучающие, так и вспомогательные функции языковой среды.

Анализируя функциональное воздействие среды, исследователи выделяют следующие функции: диагностическую, мотивационную, информативную, коммуникативную, акселеративную. Диагностирующая функция определяется Леонтьевым А.А. в том «что в условиях языковой среды, находясь в тех или иных коммуникативных ситуациях, студент ощущает неадекватность коммуникативной задаче своих языковых знаний, речевых навыков или коммуникативно-речевых умений (их недостаточность или несоответствие)». Мотивационная – формирует «мотивы овладения языковым материалом», а коммуникативная – обуславливает «мотивы общения на русском языке» [6, с. 60].

Приведенные функции языковой среды отражают ее возможности при обучении иностранному языку, однако, не исчерпывают множество факторов влияния окружения, в котором оказывается иностранный студент, приезжая в Россию. Можно обнаружить, что многие из учащихся сталкиваются с проблемой психологического барьера, который препятствует свободному общению на русском языке. Проблема состоит в том, что недостаточно знать только лексический и грамматический строи изучаемого языка, фонетическую и морфологическую структуры, определенную «механику языка». Студенты,

действительно, испытывают внутренний дискомфорт, который может быть связан с недооцененным уровнем языковой компетенции в собственном сознании учащихся. Умение использовать русский язык в сфере общения заключается в практическом опыте, приобретенном в естественной языковой среде, а не только в учебной (искусственной языковой среде).

Опираясь на наблюдения, можно отметить, что учащиеся могут преодолеть страх в общении при различных социально-бытовых ситуациях, потому что они начинают осознавать, когда практикуются в естественной среде, что обладают определенными языковыми знаниями для коммуникативной деятельности. Таким образом, следует сказать и о элиминативной функции (от англ. Elimination – преодаление, устранение). Эту функцию нельзя отнести к обучающей, но она помогает овладеть коммуникативными языковыми знаниями, а не только «механическими». Она предопределяет действия всех предыдущих функций среды.

Значение естественной языковой среды также сводится к активизации пассивного лексического запаса, приобретенного в искусственной (учебной) языковой среде. Под влиянием языковой среды, где иностранные учащиеся ежедневно «сталкиваются с самыми различными коммуникативными задачами и в целях достижения взаимопонимания с носителями языка вынуждены их решать, постоянно напрягая при этом свою память, пассивная лексика (или значительная ее часть) интенсивно переходит в состав активной» [9, с. 97].

В условиях иноязычного окружения можно заметить, как у учащихся, приезжающих из разных стран, корректируются произношение, использование синтаксических конструкций и лексики. Это возможно, когда языковое сознание студента хорошо развито, и он может установить свою речевую или языковую ошибку с тем, что он получает из языковой среды. Таким образом, иностранный студент может корректировать собственные языковые знания и отрабатывать правильность своей речи.

Наличие реального языкового окружения ускоряет процесс овладения коммуникативными навыками, который можно охарактеризовать как интенсивный процесс восприятия, осознания и усвоения языковых норм и правил.

Приведенные факторы и функции реализуются в зависимости от времени, которое студенты проводят в естественной, иноязычной для них среде, уровня владения языком, а также национальных и индивидуальных особенностей.

Вопрос об использовании языкового окружения в практических способах и методах остается открытым. К одной из наиболее результативных практических форм можно отнести «урок внеаудиторной речевой практики». Это уникальный тип занятия, на который стоит обратить внимание преподавателям русского языка как иностранного.

Языковая работа студентов, подготовленная и контролируемая преподавателем, может включать обучение языковой словообразовательной, контекстуальной и ситуативной догадки, использование различных словарей. Необходимость контроля языковой работы иностранных учащихся может быть продиктована нежелательными факторами воздействия естественной языковой среды. Например, неправильное усвоение произношения (акцент, ударение) или усвоение просторечных выражений и жаргонизмов, использование их в своей речи.

Рассмотрев функции и факторы, оказывающие воздействие на иностранных студентов в естественной языковой среде, можно сделать вывод о больших возможностях целенаправленного использования языкового

окружения в учебном процессе. «Целью педагогического процесса должно стать обучение студентов ориентировке в предмете и в условиях деятельности, формирование мотивов, стимулирующих и направляющих учебную деятельность, а также обучение их средствам осуществления этой деятельности» [6, с. 49].

Реализуя практические методы, следует отметить описательные или синонимические подсказки преподавателей русского языка как иностранного или носителей языка. Погружаясь в иноязычную среду, учащиеся преодолевают языковой барьер, развивают языковую догадку, снимают страх ошибки, превращают знания в навыки.

Литература

1. Беспаленко В.В. Среда как обучающий фактор и степень ее активности на начальном этапе обучения // Методика обучения студентов-иностранцев. Киев, 1977. Вып. 1.
2. Добренькова Н. Роль русской речевой среды в обучении иностранных студентов-филологов // Сборник научно-методических материалов к лекциям для слушателей ФПК / Институт русского языка им. А.С. Пушкина. М., 1982.
3. Еремкебаева Г.Г. Языковая среда как психологический фактор обучения негодному языку // Современные наукоемкие технологии. – 2020. – № 3.
4. Журавлева Н.А. Языковая среда как обучающий фактор и резерв повышения эффективности краткосрочного обучения русскому языку: Дис. ... канд. пед. наук. М., 1981.
5. Комарова Ю.А. Естественн-языковая и учебная среда как фактор преодоления коммуникативных и лингвокультурных трудностей студентов-иностранцев / <https://cyberleninka.ru/article/n/estestvenno-yazykovaya-i-uchebnaya-sreda-kak-faktor-preodoleniya-kommunikativnyh-i-lingvokulturnyh-trudnostey-studentov-inostrantsev/viewer>
6. Леонтьев А.А. Обучающие функции языковой среды и проблема интенсификации включенного обучения // Русский язык за рубежом. 1983. № 4.
7. Похолков Ю.П., Горянова Л.Н. Языковая среда: от понятия к принципам создания / <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-sreda-ot-ponyatiya-k-printsipam-sozdaniya/viewer>
8. Пудов А.Г. Функциональность языковой и этнокультурной среды: онтологический аспект / <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnost-yazykovoy-i-etnokulturnoy-sredy-ontologicheskii-aspekt/viewer>
9. Рассудова О.П. Способы активизации пассивного владения языком // Краткосрочное обучение русскому языку иностранцев: Формы и методы / Сост. О.П. Рассудова. М., 1983.
10. Самосенкова Т.В. Обучение культуре речевого общения иностранных студентов-филологов: Дис. ... кан. пед. наук. Белгород, 1999.

THE IMPORTANCE OF THE NATURAL LANGUAGE ENVIRONMENT IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Denisova O.E.

Moscow State University of Civil Engineering (National Research University)

The article is devoted to the analysis of functions and factors that affect the educational process of foreign students in the natural language environment. Such factors include: diagnostic, motivational, informative, communicative, accelerated, activating, corrective, elimination. Attention is drawn to the practical forms and methods of language work of students: teaching language-forming, contex-

tual and situational guesses, the use of various dictionaries, the accumulation of vocabulary. The results of immersion in a natural, foreign-language environment are overcoming the language barrier, developing language guesswork, turning knowledge into communication skills.

Keywords: natural environment, functions, language, communication skills, consciousness.

References

1. Bepalenko V.V. Environment as a learning factor and the degree of its activity at the initial stage of training//Teaching methods for foreign students. Kyiv, 1977. No. 1.
2. Dobrenkova N. The role of the Russian speech environment in the training of foreign philological students//Collection of scientific and methodological materials for lectures for students of the FPK/Institute of the Russian Language named after A.S. Pushkin. M., 1982.
3. Ermekbaeva G.G. Language environment as a psychological factor in teaching a bad language//Modern high-tech technologies. – 2020. – № 3.
4. Zhuravleva N.A. Language environment as a learning factor and a reserve for increasing the effectiveness of short-term education in the Russian language: Dis... cand. ped. sciences. M., 1981.
5. Komarova Yu.A. Natural-language and educational environment as a factor in overcoming communicative and linguistic-cultural difficulties of foreign students/ <https://cyberleninka.ru/article/n/estestvenno-yazykovaya-i-uchebnaya-sreda-kak-faktor-preodoleniya-kommunikativnyh-i-lingvokulturnyh-trudnostey-studentov-inostrantsev/viewer>
6. Leontiev A.A. Educational functions of the language environment and the problem of intensification of included learning// Russian language abroad. 1983. № 4.
7. Pokholkov Yu.P., Goryanova L.N. Language environment: from concept to principles of creation/ <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-sreda-ot-ponyatiya-k-printipam-sozdaniya/viewer>
8. Pudov A.G. Functionality of the linguistic and ethnocultural environment: ontological aspect/ <https://cyberleninka.ru/article/n/funkttsionalnost-yazykovoy-i-etnokulturnoy-sredy-ontologicheskoy-aspekt/viewer>
9. Rassudova O.P. Ways to activate passive language proficiency//Short-term training in the Russian language of foreigners: Forms and methods/Comp. O.P. Rassudova. M., 1983.
10. Samosenkova T.V. Teaching the culture of speech communication of foreign philological students: Dis... kan. ped. sciences. Belgorod, 1999.

Калигина Елена Николаевна,
независимый исследователь

В статье проводится социологическое исследование возрастных групп, представители которых обращались к процедуре перманентного макияжа (ПМ). Автор статьи вначале останавливается на таких понятиях, как социальная стратификация и возрастная стратификация, считая последнюю фактором, определяющим поведение потребителей в ПМ-индустрии, потом дает краткую характеристику ПМ и, наконец, описывает практическую часть своего исследования, которое проводилось в три этапа. В процессе этого исследования удалось выявить процентное соотношение возрастных групп, в состав которых входят клиенты, обратившихся в салоны красоты для прохождения процедуры перманентного макияжа, а также финансовый и профессиональный статус целевой аудитории. В статье также проводится анализ мотивации и особенностей восприятия ПМ-процедуры различными возрастными группами, рассматриваются как позитивные намерения клиентов, так и барьеры, препятствующие решению сделать ПМ. Результаты исследования позволили сделать вывод о возрастных особенностях клиентов, прошедших процедуру перманентного макияжа и о целевой аудитории, которая выбирает долгосрочную корректуру внешности.

Ключевые слова: социальная стратификация, возрастная стратификация, перманентный макияж, возрастная группа, целевая аудитория.

Историки утверждают, что одновременно с появлением человека на нашей земле, у него появилось стремление улучшить свою внешность. Еще в пещерах первобытных людей были найдены палочки для подкрашивания губ и ресниц. В Древнем Египте, Вавилоне, Ассирии, Греции, Риме умело использовали декоративную косметику – мази, краски, притирания и настои лекарственных трав. В наше время стрессов и спешки извечное стремление женщины к красоте также велико, как и в древности. Как и много тысячелетий назад, она все также мечтает выглядеть ухоженной и стильной – в любом возрасте, при любых обстоятельствах и в любое время суток [3, с. 18]. Однако, в наш скоростной век, когда женщины не только много работают, но и заботятся о семье, детях, пожилых родителях, времени на уход за своим лицом у них практически не остается. И тут им на помощь приходит перманентный макияж – тренд современного, «делового», мира.

Перманентный макияж (ПМ), или татуаж, как его еще называют, – это новый способ стать красивой, забыв при этом на несколько лет о ежедневном нанесении на кожу средств декоративной косметики. ПМ, сделанный профессиональным мастером, не только устойчив к температурным режимам и выдерживает холод, зной, дождь, снег и т.п., но и, изменив форму губ, глаз, бровей, помогает внешние недостатки скорректировать, а достоинства – подчеркнуть. Достигается такой эффект путем введения цветового пигмента в верхние слои эпидермиса, где держится в среднем от трех до пяти лет, а затем выводится из организма полностью, если женщина не решится повторить данную косметическую процедуру [5]. Важным преимуществом перманентного макияжа является то, что в процессе коррекции определенных частей лица «мастер использует только натуральные красители, что позволяет делать цвета, максимально близкие к естественным» [2, с. 103].

Конечно, данная процедура очень сложная и требует не только высокого профессионализма со стороны мастера, осуществляющего кропотливую, практически «ювелирную» работу, но и выполнения строгих рекомендаций самой клиентки, которая в первые две недели после того, как ее мечта стала реальностью, сталкивается с серьезными ограничениями, их игнорирование может привести к непредсказуемым последствиям. Но ведь, как гласит известная поговорка, «Красота требует жертв». А это значит, что к услугам профессионалов, зарекомендовавших себя в качестве хороших мастеров по перманентному макияжу, все чаще и чаще прибегают женщины разных возрастов, хотя нельзя сказать, что ПМ-искусство получило широкое распространение – по крайней мере, в России. Последний факт И.А. Зайцева объясняет следующим образом: «Многие женщины опасаются сделать такой серьезный шаг, ведь то, что широко рекламируется и быстро обретает популярность, не всегда гарантирует безопасность для здоровья. Да и неизвестно, что получится в итоге, а смыть это уже не получится» [2, с. 102].

Одним из факторов, определяющих поведение потребителей в индустрии перманентного макияжа, является возрастная стратификация. Социологическое исследование, направленное на изучение восприятия ПМ женщинами разных возрастных категорий, помогает вы-

явить их мотивацию и барьеры в случае принятия «судьбоносного» решения.

В социологии есть термин «социальная стратификация», которым номинируется «один из способов отражения социального неравенства, социальной структуры и социальной иерархии» [1, с. 9]. Понятие стратификации было введено американским социологом русского происхождения Питиримом Сорокиным, который выделял три типа социальной стратификации – экономическую, политическую и профессиональную. Мы же в рамках нашего исследования остановимся на возрастной стратификации, под которой будем понимать социологическое деление общества на возрастные группы, обладающие как схожими (в рамках одной группы), так и различными (на уровне нескольких групп) характеристиками восприятия, мотивации и поведения. В ПМ-индустрии принципы возрастной стратификации позволяют выстраивать целевую аудиторию и стратегии работы с женщинами разных возрастных групп, в процессе которой будут учитываться их физиологические и психологические особенности.

Проводя исследование, мы поставили перед собой четыре цели:

- узнать процентное соотношение возрастных групп представителей «прекрасного пола», решившихся на процедуру перманентного макияжа;
- определить «ожидания» и «страхи» от ПМ в каждой возрастной группе;
- выявить финансовый статус женщин, решившихся на процедуру перманентного макияжа;
- определить социальный статус женщин, сделавших перманентный макияж.

Для реализации данных целей была составлена анкета, включающая следующие вопросы:

1. Делали ли Вы когда-нибудь перманентный макияж? Если не делали, то планируете ли эту процедуру?
2. Если да, то каковы были ваши ожидания от этой процедуры?
3. Соответствовал ли полученный результат вашим ожиданиям?
4. Чего вы боялись больше всего, когда шли на эту процедуру?

Мы также попросили работающих женщин указать уровень их заработной платы и профессию.

Инструментом нашего исследования стал онлайн-опрос, проведенный в результате случайной выборки, в котором приняли участие живущие в разных городах России 800 девушек и женщин в возрасте от 12 до 65 лет, имеющих опыт процедуры перманентного макияжа или рассматривающие возможность ее проведения в будущем.

После обработки анкет мы выявили, что из всех респондентов, к которым мы обратились с первым вопросом, 470 человек хотя бы раз в жизни делали процедуру перманентного макияжа. Из тех респондентов, которые никогда не делали ПМ (их было 330 человек), только одна треть рассматривает возможность прохождения данной процедуры.

На первом этапе нашего исследования мы определили возрастную аудиторию, распределив респондентов по шести группам. «Открытием» для нас стало наличие группы, в которую вошли девочки-подростки в возрасте от 12 до 17 лет, что говорит о популярности ПМ среди самого молодого поколения страны, хотя количество таких респондентов незначительно. Итак, мы выделили следующие группы (рис. 1):

- I группа (подростки) – 12–17 лет
- II группа (молодые девушки) – 18–24 года
- III группа (молодые женщины) – 25–34 года

IV группа (женщины средних лет) – 35–44 года

V группа (женщины «бальзаковского» возраста) – 45–54 года

VI группа (пожилые женщины) – 55–64 года

Как видно из диаграммы, представленной на рис. 1, наибольшее количество клиентов, обратившихся в салоны красоты для прохождения процедуры перманентного макияжа, относятся к третьей группе, в которую входят женщины двадцати пяти – тридцати четырех лет. Этот результат был вполне ожидаем, поскольку именно эта категория женщин нацелена на карьерный рост, реализуется в рамках своей профессиональной деятельности, а поэтому уделяет особое внимание своей внешности.

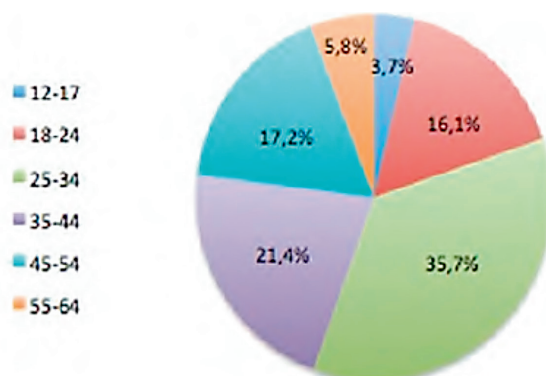

Рис. 1. Процентное соотношение возрастных групп респондентов, делавших перманентный макияж

Дальнейшее наше исследование мы уже продолжили на анкетированном материале респондентов, которые не по наслышке знают, что такое перманентный массаж.

На втором этапе исследования мы хотели выяснить у респондентов, каковы, на их взгляд, «плюсы» и «минусы» перманентного макияжа, оправдались ли их надежды и ожидания от этой процедуры и выявить их «страхи», которые их мучили перед проведением ПМ. Результаты исследования показали, что респонденты первых двух возрастных групп идут на данную процедуру в большинстве своем ради интереса, поскольку очень много информации о ПМ можно найти на просторах Интернета, хотя определенное число респондентов с помощью ПМ решили подкорректировать тот или иной внешний дефект.

Респонденты III–IV групп составляют наиболее активную и осознанную часть клиентской базы. Респонденты IV группы уже сталкиваются с первыми признаками возрастных изменений: снижением упругости кожи, формированием складок на веках, незначительным опущением уголков глаз. Одновременно на респондентов этой группы усиливается социальная нагрузка – карьера, воспитание детей, высокий ритм жизни. В результате – перманентный макияж становится инструментом оптимизации времени и усиления естественной привлекательности. А вот респонденты III группы не всегда обременены семьей, но профессиональную карьеру они строят очень активно, в связи с чем заботятся о своем внешнем виде.

Женщины этих возрастных групп более тщательно и осознанно подходят к выбору формы, цвета и техники ПМ. Они ориентируются не только на результат «здесь и сейчас», но и на его перспективу в будущем. Чаще всего они склоняются к натуральным, деликатным формам и цветам, хотя, в зависимости от внешности, возможны и другие решения.

Женщины V возрастной группы стараются вернуть уходящую молодость и приходят к мастеру с просьбой восстановить контуры губ или бровей, а также их цвет

и визуальную четкость. Снижение зрения, а также отсутствие навыков или сил для нанесения макияжа делают ПМ значимой поддержкой для поддержания внешности у этой категории женщин. При этом клиентки данной категории требуют максимальной деликатности и точности. Их главный страх – получить результат, который будет выглядеть неестественно или подчеркнет возрастные изменения.

Особый интерес представляет VI группа, в которую входят женщины, уже вышедшие на пенсию или готовящиеся на нее выйти. Конечно, женщина хочет оставаться привлекательной в любом возрасте, но «с годами борьба с возрастными изменениями становится все сложнее, а времени и денег на различные косметические процедуры уходит все больше и больше» [4]. Поэтому перманентный макияж для пожилых женщин является «палочкой-выручалочкой». Хотя, как показывает наше исследование доля таких ничтожно мала. Онлайн-опрос женщин этого возраста, которые никак не могут решиться на данную процедуру, показал, что причиной такого недоверия, прежде всего, является «букет» болезней, при которых ПМ нежелателен и даже строго запрещен (к таковым, например, относится сахарный диабет). Кроме того, пожилые женщины волнуются, как они перенесут анестезию, боятся они и инфекции, поскольку качество кожи у них оставляет желать лучшего.

Однако, те женщины, которые решились пройти данную процедуру, не пожалели об этом и довольны результатом. Если нет противопоказаний на ПМ, о которых говорилось выше, то результат будет соответствующим, поскольку в пожилом возрасте

- пигмент удерживается дольше в силу замедления обменных процессов;
- сухая кожа менее чувствительна, а, значит, процедура пройдет максимально легко и безболезненно;
- водится к минимуму кровоточивость

Кроме того, именно в пожилом возрасте ПМ позволяет сделать губы визуально более объемным и выразительными, улучшить их контур. Также с помощью ПМ можно приподнять опущенные уголки губ, что подарит лицу свежесть, а улыбке – яркость и гармоничность [4].

На последнем этапе нашего исследования мы решили выявить финансовый статус и целевую аудиторию респондентов, прошедших процедуру ПМ. Результаты исследования видны на диаграммах, представленных на рис. 2 и рис. 3.

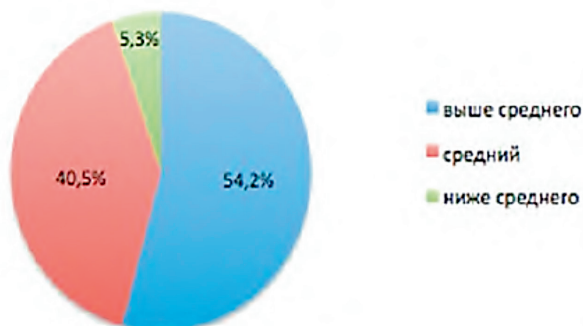

Рис. 2. Финансовый статус клиентов, сделавших ПМ

Как видно из Рис. 2., перманентный макияж делают, как правило, люди, у которых доход выше среднего уровня по стране, что связано с высокими ценами на данную услугу. Но тем не менее женщины со средним доходом тоже иногда могут себе позволить ПМ.

Исследовав целевую аудиторию с учетом их социального статуса и профессиональной деятельности, мы

выявили, что к перманентному макияжу чаще всего обращаются «деловые» женщины – руководители фирм, государственных и частных организаций, директора предприятий и т.п. ПМ соответствует их высокому статусу (рис. 3).

Рис. 3. Целевая аудитория клиентов ПМ

Понимание возрастных особенностей и предпочтений женщин, которые через ПМ-процедуру стремятся не только улучшить черты своего лица, скрыть дефекты и подчеркнуть достоинства, усовершенствовав внешность, но и решить свои социальные и психологические проблемы, – неотъемлемая часть профессиональной этики любого мастера перманентного макияжа. Только знание своей целевой аудитории позволит профессионалу строить долгосрочные отношения с клиентами и создавать эстетические решения, сохраняющие не только здоровье клиентов, но и помогающие добиваться желаемых результатов.

Литература

1. Векленко П.В. Социальная стратификация и социальная мобильность. – СПб: Санкт-Петербургский юридический институт, 2022. – 47 с.
2. Зайцева И.А. Энциклопедия стильного макияжа. – М.: Рипол Классик, 2010. – 264 с.
3. Игнатьев Д.М. Перманентный макияж // Spa&Salon. – 2010. – № 1. – С. 18–20.
4. Особенности возрастного перманентного макияжа // URL: <https://gromovacadey.com/tpost/h83b4mnfh1-osobennosti-vozzrastnogo-permanentnogo-ma>.
5. Серова А. Виды и особенности перманентного макияжа // URL: <https://www.beauty-shop.ru/info/vidyi-osobennosti-permanentnogo-makiyazha/#detail-header-3>.

AGE STRATIFICATION IN THE PERMANENT MAKEUP INDUSTRY

Kaligina E.N.

This article conducts a sociological study of the age groups whose representatives applied to the permanent makeup (PM) procedure. The author of the article first focuses on such concepts as social stratification and age stratification, considering the latter to be a factor determining consumer behavior in the PM industry, then gives a brief description of PM and, finally, describes the practical part of his research, which was conducted in three stages. In the course of this study, it was possible to identify the percentage of age groups that include clients who have applied to beauty salons for permanent makeup procedures, as well as the financial and professional status of the target audience. The article also analyzes the motivation and perception of the PM procedure by different age groups, examines both the positive intentions of clients and the barriers pre-

venting the decision to do PM. The results of the study allowed us to conclude about the age characteristics of the clients who underwent the permanent makeup procedure and about the target audience who chooses long-term appearance correction.

Keywords: social stratification, age stratification, permanent make-up, age group, target audience.

References

1. Veklenko P.V. Social stratification and social mobility. – Saint Petersburg: Saint Petersburg Law Institute, 2022. – 47 p.
2. Zaitseva I.A. Encyclopedia of stylish makeup. – Moscow: Ripol Classic, 2010. 264 p.
3. Ignatiev D.M. Permanent makeup // Spa&Salon. – 2010. – No 1. – Pp. 18–20.
4. Features of age-related permanent makeup // URL: <https://gromovacademy.com/tpost/h83b4mnfh1-osobennosti-vozrastnogo-permanentnogo-ma>
5. Serova A. Types and features of permanent makeup // URL: <https://www.beauty-shop.ru/info/vidy-i-osobennosti-permanentnogo-makiyazha/#detail-header-3> .

Учебно-профессиональное самочувствие студентов с особыми образовательными потребностями

Касьянова Евгения Ивановна,

доктор философских наук, доцент, Забайкальский институт железнодорожного транспорта – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Иркутский государственный университет путей сообщения»
E-mail: eikasianova@mail.ru

Виноградова Нина Иннокентьевна,

доктор психологических наук, доцент, Забайкальский государственный университет
E-mail: vin57@list.ru

Кохан Сергей Тихонович,

кандидат медицинских наук, доцент, Забайкальский государственный университет
E-mail: ispsmed@mail.ru

Актуальность данной работы predetermined необходимостью решения проблем по усовершенствованию подходов по обеспечению доступной инклюзивной образовательной среды в целях социальной интеграции и адаптации студентов с особыми образовательными потребностями (ООП). Категория учебно-профессионального самочувствия студентов с ООП рассмотрена с точки зрения согласованности когнитивных, мотивационных и эмоционально-волевых компонентов, проанализировано влияние высоко тревожных состояний на учебно-профессиональное самочувствие студентов с ООП. Сбор и обработка данных проведена в межсессионный период 2023–2024 учебного года на базе Регионального центра инклюзивного образования ФГБОУ ВО ЗабГУ среди 135 студентов с ООП и 135 нормотипичных. Для изучения учебно-профессионального самочувствия респондентов применялись: модифицированный нами опросник социального самочувствия Головаха Е.И., Панина Н.В., Горбачик А.П., шкала тревоги Спилбергера – Ю.Л. Ханина и шкала сниженного настроения субдепрессии В. Зунга в адаптации Т.И. Балашовой.

В статье доказано, что у студентов с ООП негативное учебно-профессиональное самочувствие проявляется в два раза чаще, чем у нормотипичных. Выделены два вида тревожности, провоцирующие разные проявления учебно-профессионального самочувствия. Личностная тревожность рассмотрена как фактор проявления индивидуально-личностного учебно-профессионального самочувствия и ситуативная тревожность как условие демонстрации группового личностного учебно-профессионального самочувствия. Проявления личностной и ситуативной тревожности находятся в причинно-следственной зависимости друг от друга, усугубляя, либо оптимизируя проявления разных сторон учебно-профессионального самочувствия.

Ключевые слова: учебно-профессиональное самочувствие; индивидуально-личностное и групповое самочувствие студента с особыми образовательными потребностями (ООП); личностная тревожность студента с ООП, ситуативная тревожность студента.

Введение

Значимый процент отчислений студентов с особыми образовательными потребностями (ООП) уже после первой сессии обучения в вузе ставит вопрос о том, каким образом само заболевание и представления студентов о своих жизненных потенциях влияют на снижение функциональных ресурсов совладания, обеспечивающих устойчивость к проявлениям тревожных расстройств. Причину мы видим в снижении качества учебно-профессионального самочувствия студента как наиболее значимого компонента его целостного социального самочувствия. Не проанализированные администрацией и психологической службой вуза проявления измененных (нарушенных) вариантов учебно-профессионального самочувствия, приводят к быстрому разочарованию большинства их них в возможности получения качественного профессионального образования.

Основная часть

Учебно-профессиональное самочувствие студента проявляется как одна из форм его социального самочувствия. В философии, психологии и социологии понятие «социальное самочувствие» рассматривается как в узком контексте, связанным с изменением настроения человека, так и в широком, обусловленным качеством его жизни.

И.И. Осинский и З.А. Батуева [1] выделили базовые составляющие субъективных и объективных характеристик социального самочувствия. Субъективные «сосредоточены на рассмотрении ценностных установок, оценке своего сегодняшнего положения в новых условиях, общем эмоциональном состоянии, уверенности относительно своего будущего, то есть степени удовлетворенности своей жизнью в целом. Объективные проявляются «в таких компонентах, как уровень здоровья, образования, семейного положения, социальной активности в различных сферах жизни, уровень социальной защищенности. При этом субъективные показатели социального самочувствия взаимно дополняют объективные».

Анализ субъективных и объективных признаков социального самочувствия позволяет сделать вывод о том, что они характеризуют, с одной стороны, динамические показатели смены состояний «переживания человеком эмоционального комфорта либо дискомфорта» [2]. С другой стороны, они отражают результирующие показатели деятельности человека, проявляющиеся в ощущении субъективного благополучия (Динер (1985) и Селигман (2002) [3].

Под учебно-профессиональным самочувствием студента с ООП мы понимаем особую форму его эмоционального интеллекта, отражающую степень взаимосвязи объективных условий и субъективных факторов, интегрированных в динамических и результирующих показателях, отягощенных «неадекватной самооценкой, повышенной личностной зависимостью, тенденцией к подчинению, в демонстрации альтруистичности и гипертрофированном дружелюбии, в сужении диапазона личностной направленности и временной перспективы [4].

В связи с тем, что студенты с ООП (особенно на 1 курсе) особо чувствительны к качеству объективных условий профессионализации, выявление его значимых компонентов выступает значимым обстоятельством, влияющим на состояние учебно-профессионального самочувствия. Они представляют собой согласованность медицинских показателей заболевания, экономической и семейной защищенности, а также уровня выраженности компонентов образовательной среды вуза, в целом, позволяющих студенту двигаться по маршруту адаптированной образовательной программы без проявлений рецидива базового заболевания.

Субъективные факторы включают эмоционально-ценностные компоненты эмоционального интеллекта студента. Они интегрируются в особые психологические комплексы, которые проявляются в субъективном переживании своего осложненного физического здоровья, его влиянии на эффективность профессионализации.

Набор объективных и субъективных характеристик учебно-профессионального самочувствия студента с ООП позволяет анализировать его как особый социальный феномен. С одной стороны он выступает динамическим показателем изменения самооценки и отношения к доступным и менее доступным аспектам профессиональной подготовки, а, с другой стороны, результирующим показателем его адаптационных возможностей (ресурсов) к эффективной профессионализации в непрерывно изменяющихся условиях. Наши представления подтверждаются выводами О.Б. Гужавиной о том, что «актуальные динамические эмоциональные состояния, обуславливают временную, пространственную и качественную модальности деятельности человека. Они выступают «поддерживающим и сопровождающим фактором для осуществления...какого либо вида деятельности» [5].

Влияние объективных условий и субъективных факторов на силу и динамику смены проявлений учебно-профессионального самочувствия можно рассмотреть с точки зрения действия механизма интериоризации –экстериоризации, которые, на каждом этапе профессионализации меняют свое соотношение и наполняются новым содержанием. Согласимся с представлением В.Е. Левкина [6] о сущности понятий интериоризации и экстериоризации. Интериоризация обеспечивается через отождествление (идентификации себя) с кем-то, результатом становится самооценка. Экстериоризуя свои состояния, человек опредмечивает их в результатах труда. Действие субъективных (внутренних) факторов и объективных (внешне обусловленных) условий на учебно-профессиональное самочувствие студента протекают на внутриличностном и межличностном уровнях, что позволяет выделить особенности проявлений индивидуально-личностного и группового учебно-профессионального самочувствия.

Индивидуально-личностное проявление учебно-профессионального самочувствия студента строится на идентификации и оценке своих возможностей в получении профессионального образования, с учетом показателей здоровья и отражает уровень осознания профессиональной самоэффективности, что, в целом, определяет общий эмоциональный фон его психического здоровья. Удельный вес специалистов с инвалидностью и ОВЗ, получивших высшее образование, до сих пор, остается незначительным, что свидетельствует о низком качестве, прежде всего, индивидуально личностных проявлений учебно-профессионального самочувствия. Их основу составляют реальные и мнимые представления о своем заболевании как объективной реальности жизнедеятельности, о ценности сохранных

показателей здоровья и проявлениях здорового поведения для достижения профессионального благополучия на последующих этапах жизнедеятельности. Создающие представления уже зрелых профессионалов строятся на попытках идентификации своего потенциального профессионального ресурса с опытом работы высокопродуктивных специалистов с аналогичным заболеванием. Сравнительный анализ позволяет более объективно оценить собственные ресурсы при выборе эффективной траектории профессионализации, обеспечивая развитие эмоционально насыщенного позитивного самопринятия. Итогом становится гибкое использование множества копинг-стратегий для совладания с проблемными ситуациями.

Групповые проявления учебно-профессионального самочувствия представляют собой важный конструкт обобщенного группового сознания, основывающегося на согласованности чувств и переживаний студентов с ООП как особой группы, обеспечивая внутригрупповую поддержку [7]. Групповые проявления учебно-профессионального самочувствия важны не для фиксирования изолированности такой группы от групп нормотипичных студентов, а поиска возможностей их сплачивания за счет «групповой идентификации» всех субъектов образовательной среды вуза. Исследованиями А. Reifman, A. Stress [8] установлено, что «частота участия в мероприятиях с другими студентами отрицательно коррелирует с симптомами депрессии и положительно коррелировала с ощущением здоровья и физической формы». Кроме того, исследователи J. Jetten, C. Haslam, S.A. Haslam, G. Dingle, J.M. Jones отмечают, что «социальные группы являются важными психологическими ресурсами, которые способны защищать здоровье и благополучие только тогда, когда люди осознают, что они разделяют идентичность с другим человеком или группой» [9].

Мы рассматриваем индивидуально-личностные факторы как глубинные причины колебания качества учебно-профессионального самочувствия в сторону ощущения благополучия, либо неблагополучия. Внешние условия выступают только значимыми обстоятельствами, позволяющими усилить или ослабить индивидуально-личностное учебно-профессиональное самочувствие. С.А. Миронов [10] отмечает «нарастание проявлений дезадаптации зависят от структуры личности, преобладания позитивных или деструктивных механизмов психологической защиты, от выраженности позитивных или негативных копинг-механизмов, от субъективного психологического восприятия возраста собственного «Я», от сезонной биоритмической изменчивости. В связи с этим, закономерно, что Г.Л. Воронин и соавторы [11] выделяют два вида самочувствия студентов с ООП. Патологический вид характерен для лиц, ориентированных на пассивную модель инвалидности в качестве основной в своих взаимоотношениях с социумом. В основе такой модели лежит условное самопринятие, проявляющееся в неудовлетворенности выраженности своим «Я» и негативным отношении к социуму» [12]. Здоровый вид социального самочувствия построен на оптимистичном и безусловном принятии себя, что становится личностным ресурсом жизнестойкости субъекта. Он направлен на максимальную социализацию в различных социальных группах и предполагает становление самоконтроля и терпимости, позволяющими справляться с временными неудачами.

Проявление у студента патологического вида учебно-профессионального самочувствия свидетельствует о том, что его индивидуально-личностные характеристики тягостны тревожными расстройствами. Они прояв-

ляются как чувство собственной неполноценности, фобий и фрустрации при осознании реальных или мнимых преград профессионализации, страха перед отвержением однокурсниками и преподавателями, элементами виктимизации, посттравматическими стрессовыми расстройствами, вызванными заболеванием.

Глубинная взаимосвязь патофизиологических, психологических и социальных компонентов психики влияет на психосоматические сдвиги в патофизиологическом ракурсе. Состояние эмоционального расстройства, препятствует социальному функционированию ... и приводит к значительному изменению в жизни или стрессовому жизненному событию» [10]. Поступление в вуз и первый год обучения для студентов с ООП (прежде всего для тех, кто в школе был на домашнем обучении) выступает для них стрессовым жизненным событием. Американские исследователи заявляют о том, что большинство людей, страдающих от психических проблем в современном обществе, это – студенты колледжей и университетов [13]. Исследователи рассматривают тревожность студента как фактор эмоциональной нестабильности, как «наиболее сильнодействующий механизм психического стресса с физиологических позиций...как ствол общей невротической организации» [14;8], как причину проявлений негативных прогностических оценок [15]. А.И. Ахметзянова, Ю.Е. Миндукова отмечают, что «ценностные ориентации студентов с ОВЗ проявляются в сильной потребности в близких отношениях с другими людьми... Это может быть связано как с дефицитом стабильных тесных связей, с тревожностью, обусловленной страхом быть непринятым, потребностью в помощи и одобрении поступков, на фоне внешнего локуса контроля и несамостоятельности» [16]. При этом, как отмечает В.А. Чернишкина, «у юношей с возрастом интенсивность проживания инвалидности снижается, а у девушек остается острой и насыщенной, при этом имеется тенденция к увеличению эмоциональных переживаний» [17].

Подверженность студентов с ООП проявлениям тревожных расстройств блокирует развитие автономной саморегуляции по мере приближения момента преодоления неопределенности [18]. В силу сниженных психофизических показателей здоровья, ограниченной контактности у студентов с ООП чаще проявляется: когнитивный диссонанс, снижение способности к прогнозированию и планированию, общей работоспособности и др. Проявляясь в комплексе, выделенные показатели обуславливают проявления невротических, а затем и психотических расстройств, усугубляя физическое и психическое здоровье студентов. В работах В.А. Худик, И.В. Тельнюк [19], А.О. Ряжкина [20] рассматриваются особенности психических состояний студентов, влияющих на познавательную активность в процессе учебной деятельности.

В ситуации взаимодействия безусловного личностно-профессионального самопринятия студента с ООП и создания вузом благоприятных условий для профессионализации, напряженность стрессовых состояний может снижаться и аккумулироваться в оптимистичные индивидуально-личностные проявления учебно-профессионального самочувствия. При неблагоприятных внешних условиях хронические индивидуально выраженные стрессовые состояния влияют на иммунную систему, осложняя симптоматику основного заболевания, особенно, в предсессионный и сессионный периоды [21, 22, 23].

Для формирования и стабилизации индивидуально-личностного и группового учебно-профессионального самочувствия студентов с ООП на базе ЗабГУ функционирует Региональный центр инклюзивного образования,

педагог-психолог центра «мониторит» состояние стрессоустойчивости, выявляя особенности личностных, психологических и психопатологических реакций.

Результаты малочисленных исследований по социальному самочувствию студентов с ООП противоречивы, отсутствуют понятные и реализуемые алгоритмы психолого-педагогической работы со студентами с ООП. Имеющиеся программы не адаптированы под решение индивидуальных и групповых проблем, связанных с проявлениями их тревожных состояний в процессе профессионализации.

Понимание особенностей негативных преобразования индивидуально-личностного и группового учебно-профессионального самочувствия таких студентов на фоне переживаемых тревожных состояний является ключевым вопросом для совершенствования образовательной среды в целях социальной интеграции и адаптации обучающихся.

Цель исследования – изучение учебно-профессионального самочувствия студентов с особыми образовательными потребностями.

Задачи:

1. Анализ влияния физических, психологических, академических и социальных факторов и условий на учебно-профессиональное самочувствие студентов с ООП.
2. Изучение уровня тревожности у студентов с ООП.
3. Изучение уровня депрессии в группе респондентов.

Методика проведения исследования

Исследование проводилось в межсессионный период 2023/2024 учебного года в Забайкальском государственном университете, г. Чита. В проекте приняли участие 270 студентов из них 135 чел. с ООП и 135 чел. одновозрастных нормотипичных студентов очной формы обучения 1–4 курсов ($20,06 \pm 2,1$), добровольно изъявивших желание участия в тестировании, которое проводилось в онлайн-формате с использованием GoogleForms. Участники исследования обучались на психолого-педагогическом, социологическом факультетах, а также факультете естественных наук, математики и технологии, факультете физической культуры и спорта. Информированное согласие подписали 43 студента с ограниченными возможностями здоровья и 92 обучающихся без инвалидности, которые составили основную группу обследуемых.

Феномен учебно-профессионального самочувствия зачастую характеризуется разнообразными психологическими состояниями [23]. Для понимания динамики его негативных изменений были применены следующие методики: опросник социального самочувствия [24], тесты: шкала тревоги Спилбергера – Ю.Л. Ханина; шкала сниженного настроения – субдепрессии В. Зунга в адаптации Т.И. Балашовой (TheZungself-ratingdepressionscale).

Статистический анализ полученных результатов проводился с использованием лицензионных версий программы Statistica10.0 и приложения MS Excel 2010. Анализу подвергались результаты оценки коэффициента корреляции Спирмена и t-критерия Стьюдента.

Результаты исследования

Исходя из того, что самооценка опосредует связь между тревожностью и началом более тревожных расстройств [25], мы выделили уровни сформированности учебно-профессионального самочувствия студентов с ООП и нормотипичных студентов. Учитывались показатели оценки своих успехов и неудач, личностного статуса в группе физического и эмоционального состояния, удовлетворен-

ность условиями обучения. Подсчет процентных долей респондентов, выбравших каждый вариант ответов на вопросы, позволил дать оценку количественного распределения студентов, по уровням учебно-профессионального самочувствия.

В процессе анализа данных (табл. 1) были установлены статистически значимые различия (t – критерий Стьюдента) между выбором студентами ответов, сопоставленных нами с индивидуально-личностными и групповыми показателями учебно-профессионального самочувствия.

Таблица 1. Значимые различия между студентами с ООП и нормотипичными студентами по показателям учебно-профессионального самочувствия (Т-критерий Стьюдента)

Показатели учебно-профессионального самочувствия	Средний балл по показателям		t-критерий Стьюдента (между студентами с ООП и нормотипичными студентами) $R=1,980$ $P<0,05$
	Студенты с ООП	Нормотипичные студенты	
оценка своих учебно-профессиональных успехов и неудач	2,76	3,81	2,02
оценка личностного статуса в образовательной среде вуза	2,27	4,87	3,36-
оценка физического и эмоционального состояния,	1,84	4,1	3,58
удовлетворенность условиями, созданными вузом	1,24	3,32	2,34
удовлетворенность своих профессиональных интересов	2,31	3,45	1,49

Полученные данные (табл. 1) свидетельствуют о том, что наиболее сильные расхождения проявляются по показателю оценки своего физического и эмоционального состояния. Далее нами были выделены два вектора проявления тревоги у исследуемых. Первый вектор – проявления тревожных состояний были связаны с организацией учебной деятельности, характеризующий групповое учебно-профессиональное самочувствие. Второй вектор – тревожность в связи с состоянием здоровья. Его мы связали с проявлением индивидуально выраженного учебно-профессионального самочувствия.

Первый вектор был ориентирован на проявления тревожности в связи с: нарушениями правил деловой этики; частотой индивидуальных консультаций, наличия тьютора, адаптации учебного материала под нужды студентов, наличия технологических средств, обеспечивающих эффективность восприятия учебной информации, необходимости публичных выступлений, не рационально выбранной преподавателем формы организации.

Второй вектор выделял проявления тревожных состояний, детерминированных психосоматическим состоянием студента в связи с течением хронического заболевания и ограничений жизнедеятельности. Источником тревоги являлись ситуации ожидания операции, постановки или уточнения диагноза, физические ограничения

и ощущения боли в связи с заболеванием, возможные переживания по поводу нетипичной внешности и другие.

Сравнительная характеристика уровня тревожности в исследуемых группах в соответствии с данными о результатах сессии обучающихся (табл. 2).

Таблица 2. Распределение студентов зависимости от уровня личностной и ситуативной тревожности, Чита, 2023/2024 учебный год

Показатели тревожности	Удельный вес, %	
	студенты с ООП	нормотипичные студенты)
1. Уровень личностной тревожности		
1.1 Высокий (>45 баллов)	59	33
1.2 Средний (31–44 балла)	25	58
1.3 Низкий (<30 баллов)	16	9
2. Уровень ситуативной тревожности		
2.1 Высокий (>45 баллов)	49	23
2.2 Средний (31–44 балла)	32	46
2.3 Низкий (<30 баллов)	19	31

Личностная тревожность студентов с ООП выражена в большей степени, чем у нормотипичных студентов. Это свидетельствует о том, что тревожность студентов с ООП имеет глубинную психосоматическую основу. Более низкие показатели ситуативной тревожности, по сравнению с личностной отражают неудовлетворенность от организации учебного процесса и общую накопившуюся усталость в конце учебного дня.

Далее мы выяснили, как взаимосвязаны средние показатели успеваемости студентов со степенью выраженности тревожности.

Таблица 3. Результаты сдачи зимней экзаменационной сессии, Чита, 2023/2024 учебный год

Результат сдачи сессии	Количество обучающихся общее	студенты с ООП	нормотипичные студенты
Отлично	21 (15,5%)	6 (13,9%)	15 (16,3%)
Хорошо	44 (32,5%)	10 (23,2%)	34 (36,9%)
Удовлетворительно	51 (37,7%)	24 (55,8%)	27 (29,3%)
Не сдал	19 (14,4%)	3 (6,9%)	16 (17,3%)

Обработка данных при помощи коэффициента ранговой корреляции Спирмена выявила сильную положительную статистически значимую корреляционную связь между средним значением успеваемости и уровнем личностной тревожности ($p=0,002$, $p>0,05$) и уровнем ситуативной тревожности ($p=0,004$, $p>0,05$).

Затем, мы предположили, что высокий уровень ситуативной тревожности у студентов ООП в сессионный период значимо усугубляет учебно-профессиональное самочувствие студентов с ООП за счет того, что они демонстрируют высокие показатели депрессивных состояний. Нами была установлена сильная положительная статистически значимая корреляционная связь между показателями депрессивных состояний студентов с ООП и уровнем ситуативной тревожности ($p=0,031$, $p>0,05$) и уровнем индивидуальной тревожности ($p=0,28$, $p>0,05$).

Обсуждение результатов

Приведённые результаты подтверждают наши предположения о том, что тревожность выступает значимым фактором снижения учебно-профессионального самочувствия студентов [26]. Современный ритм студенческой жизни влечёт за собой сильное психологическое напряжение для студентов с ООП, которое, при неблагоприятном сочетании факторов и условий, способен привести молодежь к состоянию психологической дезадаптации и отчислению из вуза. Результаты исследования показывают, что высокие проявления личностной тревоги у студентов с ООП детерминированы нарушенным состоянием их здоровья, что влияет на проявления учебно-профессионального самочувствия. Причина кроется в восприятии своего заболевания как наказания, снижающего ресурс профессионализации. В понимании студента болезнь изначально задает его сниженный социальный статус в различных учебно-профессиональных ситуациях. Тяжелые дефекты усугубляют процессы психического равновесия, блокируя адаптивные возможности.

Высокие значения депрессивных состояний, у студентов с ООП в сессионный период свидетельствуют о недостаточно гармоничном выстраивании межличностных взаимодействий. Для снижения уровня высоко тревожных состояний важно:

- понимание и принятие студентом сведений о способах организации возможностей своего психосоматического здоровья и требований профессионального стандарта;
- создание установки на сотрудничество с психологом вуза и активное участие в психокоррекционных мероприятиях, обеспечивающих адаптацию к особенностям профессионального обучения в состоянии обострения и ремиссии своего заболевания;
- снижение эмоциональных переживаний по поводу наличия хронического заболевания, повышение мотивации лечения, выявление причин внутри и межличностных конфликтов, принятие установок здорового образа жизни.

Надо признать, что роль профессорско-преподавательского состава в повышении стрессоустойчивости студентов с ООП в сессионный период еще недостаточно изучена. Требуется более глубокий анализ результатов комплексной диагностики согласованных изменений в двух областях – проявлениях учебно-профессионального самочувствия и медицинских анализов, отражающих качество течения заболевания.

Выводы

Таким образом, по результатам исследования выявлено, что учебно-профессиональное самочувствие студента с ООП выступает как наиболее значимый компонент целостного социального самочувствия. Установлено, что учебно-профессиональное самочувствие таких студентов значимо снижено по сравнению с нормой развития. Многозначные аспекты внутриличностных и межличностных отношений студента, интегрируются в проявления индивидуально-личностного и группового учебно-профессионального самочувствия.

Тревожность выступает наиболее мощным провокатором снижения учебно-профессионального самочувствия студента. Установлено, что личностная тревожность студентов с ООП имеет глубинную психосоматическую основу и отражает индивидуально-личностные проявления учебно-профессионального самочувствия

в зависимости от особенностей протекания заболевания различных нозологических групп.

Показатели ситуативной тревожности сопряжены с проявлениями группового учебно-профессионального самочувствия. Они проявляются в ситуациях слабо организованной инклюзивной среды.

Проявления личностной и ситуативной тревожности находятся в причинно-следственной зависимости друг от друга, усугубляя, либо оптимизируя проявления учебно-профессионального самочувствия. Наиболее управляемым является групповое учебно-профессиональное самочувствие. Выступая как условие группового «заражения», оно способно стабилизировать показатели индивидуально-личностного самочувствия. Расширение возможностей становления группового учебно-профессионального самочувствия студентов с ООП углубляет реабилитационный потенциал индивидуально-личностного самочувствия.

Литература

1. Осинский И.И., Бутуева З.А. Социальное самочувствие: понятие, факторы формирования и показатели измерения // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2015. Т. 14. С. 38–45.
2. Прихожан А.М. «...Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2000. – 304 с... » [Источник: <https://psychlib.ru/mgppu/pri/PRI-001-.HTM#p1>]
3. Шамионов Р.М., Шаров А.А. Роль адаптационной готовности и субъективной оценки ситуации в образовательной среде вуза в академической адаптации студентов // Психологическая наука и образование. 2025. Том 30. № 1 С. 118–129.
4. Авдеева Т.Н. Взаимосвязь самоотношения, индивидуально-типологических качеств и адаптации взрослых с инвалидностью. Теоретическая и Экспериментальная Психология 2023. № 4. с.65–85.
5. Гужавина, О.Б. Роль эмоционального переживания человека в формировании его мировосприятия: специальность 09.00.13 «Философская антропология, философия культуры»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Гужавина Ольга Борисовна. – Томск, 2006. – 19 с. – EDN NKEJET.
6. Лёвкин В.Е. Категории интериоризации, экстериоризации, отождествления, разотождествления, интроекции, проекции, переноса в философии психологии // Человек и культура / Сборник статей и тезисов. Тюмень. Изд-во ТюмГУ, 2001. С. 52–57.
7. Дементьева И.Н., Леонидова Е.Э. Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в 2023 году // Проблемы развития территории. 2024. Т. 28. № 1. С. 160–169. DOI: 10.15838/ptd.2024.1.129.11
8. Reifman A. Stress, Structural Social Support, and Well-Being in University Students // Journal of American College Health. 2010. Vol. 38. P. 271–277.
9. Jetten J., Haslam C., Haslam S.A., Dingle G., Jones J.M. How Groups Affect Our Health and Well-Being: The Path from Theory to Policy // Social Issues and Policy Review. 2014. Vol. 8. I. 1. P. 103–130. <https://doi.org/10.1111/sipr.12003>
10. Миронов С.А. Патофизиологические особенности психосоматического статуса лиц переживших стресс, ассоциированный со служебной деятель-

ностью// <http://cyberleninka.ru>\\ Вестник новых медицинских технологий, 2015, № 1.

11. Воронин Г.Л., Захаркина Т.Н., Лакомова А.А. Социальное самочувствие лиц с ограниченными возможностями здоровья и отношение студенческой молодежи к инвалидности (на примере нижегородской области) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. Т. 2. № 54. С. 52–67.
12. Пилипенко Т.С. Самопринятие как субъектная характеристика» Серия «Психология» 2022. Т. 40. С. 78–85 Онлайн-доступ к журналу: <http://izvestiapsy.isu.ru/ru>. ИЗВЕСТИЯ Иркутского государственного университета.
13. Бондаренко Н. В., Варламова Т.А., Гохберг Л.М., Зорина О.А., Кузнецова В.И., Озерова О.К., Портнягина О.Н., Шкалева Е.В., Шугаль Н.Б. 2024. Индикаторы образования: 2024: статистический сборник. М.: ИСИЭЗ ВШЭ. ISBN 978–5–7598–3010–8
14. Грехов Р.А., Сулейманова Г.П., Адамович Е.И. Роль тревоги в психофизиологии стресса // Вестник ВолГУ. Серия 11, Естественные науки. 2017. Т. 7. № 1. С. 57–66. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu11.2017.1.7>
15. Прохоров А.О. Структурно-функциональная модель ментальной регуляции психических состояний субъекта //Психологический журнал. Том 41, № 1, 2020. С. 5–18.
16. Ахметзянова А.И., Миндукова Ю.Е. Взаимосвязь уровня самодетерминации с ценностными ориентациями студентов-инвалидов в условиях инклюзивного образования // Бехтерев и современная психология человечности: сборник статей V Международной научно практической конференции. 10–12 сентября 2015 г. – Казань: Отечество, 2015. – С. 292–303.
17. Черничкина В.А. Социально-психологические проблемы инвалидов и основные стратегии их разрешения: специальность 19.00.05 «Социальная психология»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Черничкина Вера Анатольевна. – Ярославль, 2003. – 27 с.
18. Лыдкова Г.М., Горбунова Р.О. Взаимосвязь тревожности и суицидального риска у подростков // Культурогенезные функции психолого-педагогического и специального образования: сборник научных и научно-методических статей [Электронный ресурс] / Чуваш.гос. пед. ун-т; под ред. Н.В. Ивановой, С.В. Ешмейкиной. – Чебоксары: Чуваш.гос. пед. ун-т, 2024. – С. 45–49.
19. Худик В.А., Тельнюк И.В. Изучение роли социально-психологических детерминант в мотивированности обучения студентов медицинского вуза //Вестник Санкт-Петербургского научно-исследовательского института педагогики и психологии высшего образования. 2023. Т. 3. № 7. С. 32–47.
20. Рязкин А.О. Удовлетворенность учебной деятельностью и совладающее поведение студентов вуза // Психологические исследования. 2023. Т. 16. № 87. С. 3. DOI: 10.54359/ps.v16i87.1349
21. Маракшина, Ю.А., Исмагуллина, В.И., Лобаскова, М.М. (2024). Стресс и стратегии совладания у студенческой молодежи: обзор исследований. Клиническая и специальная психология, 13(2), 5–33. <https://doi.org/10.17759/cpse.2024.130201>
22. Muller K., Nyman M., Squadere J., Feuer E., Sokolowski K., Rotella L. Examining predictors of first-year college

student retention // New York Journal of Student Affairs. 2017. Vol. 17. № 1. P. 3–14.

23. Виноградова Н.И., Кохан С.Т., Антонов В.Л. Психологические механизмы становления профессионального здоровья студентов с ОВЗ //Проблемы современного педагогического образования. 2018. Т. 58. № 2. С. 324–328.
24. Головаха Е.И., Панина Н.В., Горбачик А.П. Измерение социального самочувствия: тест ИИСС // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2016. № 10. С. 45–71.
25. Ли, У., Го, Ю., Лай, У. и др. Взаимные связи между самооценкой, стилями преодоления трудностей и симптомами тревожности у подростков: межличностные и внутриличностные эффекты. Детская и подростковая психиатрия и психическое здоровье 17,21 (2023). <https://doi.org/10.1186/s13034-023-00564-4>
26. Липская Т.А. Особенности психологического благополучия студентов на начальном и завершающем этапах обучения // Проблемы современного педагогического образования. 2023. Т. 78. № 3. С. 270–274.

EDUCATIONAL AND PROFESSIONAL WELL-BEING OF STUDENTS WITH SPECIAL EDUCATIONAL NEEDS

Kasyanova E.I., Vinogradova N.I., Kokhan S.T.

Transbaikal Institute of Railway Transport – a branch of Irkutsk State University of Railway Engineering, Transbaikal State University

The relevance of this work is predetermined by the need to solve problems of improving approaches to ensuring an accessible inclusive educational environment for the purpose of social integration and adaptation of students with special educational needs (SEN). The category of educational and professional well-being of students with SEN is considered from the point of view of the consistency of cognitive, motivational and emotional-volitional components, the influence of highly anxious states on the educational and professional well-being of students with SEN is analyzed. Data were collected and processed during the intersession period of the 2023–2024 academic year at the Regional Center for Inclusive Education of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Zabaykal State University among 135 students with SEN and 135 normotypical students. To study the educational and professional well-being of respondents, the following were used: the questionnaire of social well-being modified by us by Golovakha E.I., Panina N.V., Gorbachik A.P., the Spielberger Anxiety Scale – Yu.L. Khanina and the scale of low mood subdepression by V. Zung in the adaptation of T.I. Balashova. The article proves that students with special educational needs (SEN) have negative educational and professional well-being twice as often as normotypical students. Two types of anxiety are identified that provoke different manifestations of educational and professional well-being. Personal anxiety is considered as a factor in the manifestation of individual-personal educational and professional well-being and situational anxiety as a condition for demonstrating group personal educational and professional well-being. Manifestations of personal and situational anxiety are in a cause-and-effect relationship with each other, aggravating or optimizing the manifestations of different aspects of educational and professional well-being.

Keywords: educational and professional well-being; individual-personal and group well-being of a student with special educational needs (SEN); personal anxiety of a student with special educational needs, situational anxiety of a student.

References

1. Osinsky I.I., Butueva Z.A. Social well-being: concept, formation factors and measurement indicators // Bulletin of the Buryat State University. Philosophy. 2015. Vol. 14. Pp. 38–45.
2. Prikozhan A.M. "...Anxiety in children and adolescents: psychological nature and age dynamics. – М.: Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh: Publishing House of NPO

- "MODEK", 2000. – 304 p... [Source: [https://psychlib.ru/mgppu/pri/PRI-001-.HTM#\\$p1](https://psychlib.ru/mgppu/pri/PRI-001-.HTM#$p1)]
3. Shamionov R.M., Sharov A.A. The role of adaptive readiness and subjective assessment of the situation in the educational environment of the university in the academic adaptation of students // *Psychological Science and Education*. 2025. Vol. 30. No. 1 P. 118–129.
 4. Avdeeva T.N. The relationship between self-attitude, individual-typological qualities and adaptation of adults with disabilities. *Theoretical and Experimental Psychology* 2023. No. 4. P. 65–85.
 5. Guzhavina, O.B. The role of a person's emotional experience in shaping his worldview: specialty 09.00.13 "Philosophical anthropology, philosophy of culture": abstract of a dissertation for the degree of candidate of philosophical sciences / Guzhavina Olga Borisovna. – Tomsk, 2006. – 19 p. – EDN NKEJET.
 6. Levkin V.E. Categories of interiorization, exteriorization, identification, disidentification, introjection, projection, transference in the philosophy of psychology // *Man and Culture / Collection of articles and theses*. Tyumen State University Publishing House, 2001. Pp. 52–57.
 7. Dementeva I.N., Leonidova E.E. Monitoring the social well-being of the population of the Vologda region in 2023 // *Problems of development of the territory*. 2024. Vol. 28. No. 1. Pp. 160–169. DOI: 10.15838/ptd.2024.1.129.11
 8. Reifman A. Stress, Structural Social Support, and Well-Being in University Students // *Journal of American College Health*. 2010. Vol. 38. Pp. 271–277.
 9. Jetten J., Haslam C., Haslam S.A., Dingle G., Jones J.M. How Groups Affect Our Health and Well-Being: The Path from Theory to Policy // *Social Issues and Policy Review*. 2014. Vol. 8. I. 1. P. 103–130. <https://doi.org/10.1111/sipr.12003>
 10. Mironov S.A. Pathophysiological features of the psychosomatic status of individuals who experienced stress associated with work activities // <http://cyberleninka.ru>\\ *Bulletin of new medical technologies*, 2015, No. 1.
 11. Voronin G.L., Zakharkina T.N., Lakomova A.A. Social well-being of individuals with disabilities and the attitude of student youth to disability (on the example of the Nizhny Novgorod region) // *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*. 2019. Vol. 2. No. 54. Pp. 52–67.
 12. Pilipenko TS Self-acceptance as a subjective characteristic. Series "Psychology" 2022. Vol. 40. Pp. Online access to the journal: <http://izvestiapsy.isu.ru/ru>. NEWS OF IRKUTSK STATE UNIVERSITY.
 13. Bondarenko NV, Varlamova TA, Gokhberg LM, Zorina OA, Kuznetsova VI, Ozerova OK, Portnyagina ON, Shkaleva EV, Shugal NB 2024. Education indicators: 2024: statistical digest. Moscow: ISSEK HSE. ISBN 978–5–7598–3010–8
 14. Grekhov R.A., Suleimanova G.P., Adamovich E.I. The role of anxiety in the psychophysiology of stress // *Bulletin of VolSU. Series 11, Natural sciences*. 2017. Vol. 7. No. 1. P. 57–66. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu11.2017.1.7>
 15. Prokhorov A.O. Structural and functional model of mental regulation of mental states of the subject // *Psychological journal*. Vol. 41, No. 1, 2020. P. 5–18.
 16. Akhmetzyanova A.I., Mindukova Yu.E. The relationship between the level of self-determination and the value orientations of disabled students in the context of inclusive education // *Bekhterev and modern psychology of humanity: a collection of articles from the V International scientific-practical conference*. September 10–12, 2015 – Kazan: Otechestvo, 2015. – P. 292–303.
 17. Chernichkina V.A. Social and psychological problems of disabled people and the main strategies for their resolution: specialty 19.00.05 "Social Psychology": abstract of the dissertation for the degree of candidate of psychological sciences / Chernichkina Vera Anatolyevna. – Yaroslavl, 2003. – 27 p.
 18. L'dokova G.M., Gorbunova R.O. The relationship between anxiety and suicide risk in adolescents // *Culturogenesis functions of psychological, pedagogical and special education: a collection of scientific and scientific-methodical articles [Electronic resource] / Chuvash state ped. university*; edited by N.V. Ivanova, S.V. Eshmeikina. – Cheboksary: Chuvash state ped. university, 2024. – Pp. 45–49.
 19. Khudik V. A., Telnuk I.V. Studying the role of socio-psychological determinants in the motivation for learning of medical university students // *Bulletin of the St. Petersburg Research Institute of Pedagogy and Psychology of Higher Education*. 2023. Vol. 3. No. 7. Pp. 32–47.
 20. Ryazhkin A.O. Satisfaction with educational activities and coping behavior of university students // *Psychological studies*. 2023. Vol. 16. No. 87. P. 3. DOI: 10.54359/ps.v16i87.1349
 21. Marakshina, Yu.A., Ismatullina, V.I., Lobaskova, M.M. (2024). Stress and coping strategies in student youth: a review of studies. *Clinical and Special Psychology*, 13(2), 5–33. <https://doi.org/10.17759/cpse.2024.130201>
 22. Muller K., Nyman M., Squadere J., Feuer E., Sokolowski K., Rotella L. Examining predictors of first-year college student retention // *New York Journal of Student Affairs*. 2017. Vol. 17. No. 1. P. 3–14.
 23. Vinogradova N.I., Kokhan S.T., Antonov V.L. Psychological mechanisms of development of professional health of students with disabilities // *Problems of modern pedagogical education*. 2018. Vol. 58. No. 2. P. 324–328.
 24. Golovakha E.I., Panina N.V., Gorbachik A.P. Measuring social well-being: the IISS test // *Sociology: methodology, methods, mathematical modeling (Sociology: 4M)*. 2016. No. 10. P. 45–71.
 25. Li, W., Guo, Y., Lai, W. et al. Interrelations between self-esteem, coping styles, and anxiety symptoms in adolescents: Interpersonal and intrapersonal effects. *Child and adolescent psychiatry and mental health* 17.21 (2023). <https://doi.org/10.1186/s13034-023-00564-4>
 26. Lipskaya T.A. Features of students' psychological well-being at the initial and final stages of education // *Problems of modern pedagogical education*. 2023. Vol. 78. No. 3. P. 270–274.

Антропологические проблемы в философии российского марксизма: от теории отчуждения к концепции всесторонне развитой личности

Лю Эншуай,

преподаватель, Хэйлунцзянский университет
E-mail: 100054310@qq.com

В статье исследуются антропологические проблемы в философии русского марксизма, прослеживается эволюция представлений о человеке от теории отчуждения в ранних работах до концепции всесторонне развитой личности, ставшей антропологическим идеалом в поздний советский период. Анализируется философско-антропологическое содержание теории отчуждения в трудах представителей раннего русского марксизма, акцентируется внимание на критике капиталистического отчуждения как фактора, деформирующего человеческую сущность. Рассматривается трансформация представлений о личности в трудах русских марксистов, прослеживается переход от экономического детерминизма к признанию роли сознания, культуры и творческой активности в формировании человека нового типа. Особое внимание уделяется исследованию концепции всесторонне развитой личности, ее философским основаниям, утопическому и реалистическому потенциалу. Критически оценивается попытка реализации этого антропологического идеала в советской практике.

Ключевые слова: русский марксизм, философская антропология, отчуждение, личность, всестороннее развитие, советская философия, Г.В. Плеханов, В.И. Ленин, антропологический идеал, исторический материализм.

Введение

Интерес к философской антропологии, к вопросам сущности человека, его места в мире и возможностей самореализации, остается неизменно высоким в современном гуманитарном знании. Особую актуальность приобретает исследование антропологических аспектов в истории отечественной философии, в частности, в таком влиятельном направлении, как русский марксизм. Изучение антропологических проблем в русском марксизме позволяет не только реконструировать эволюцию представлений о человеке в рамках данной традиции, но и выявить ее вклад в формирование отечественной философской мысли, а также проанализировать причины трансформации идеалов и ценностей в различные исторические периоды.

Целью данного исследования является комплексный анализ антропологических проблем в философии русского марксизма, прослеживание эволюции представлений о человеке от теории отчуждения в ранних работах до концепции всесторонне развитой личности в позднем советском периоде.

Научная новизна исследования заключается в комплексном и систематическом анализе антропологической проблематики в философии русского марксизма, рассматриваемой в динамике ее развития от теории отчуждения к концепции всесторонне развитой личности. Впервые проводится детальное сопоставление ранних марксистских представлений об отчуждении с позднейшими разработками, посвященными формированию гармоничной личности. Предлагается новый взгляд на эволюцию понимания человека в русском марксизме, учитывающий не только социально-экономические, но и культурно-исторические факторы. Также, в работе критически осмысливается концепция всесторонне развитой личности, выявляются ее сильные и слабые стороны, а также ее связь с реалиями советской действительности.

Материалы и методы исследований

Материалами исследования послужили работы ведущих представителей русского марксизма, включая Г.В. Плеханова, В.И. Ленина, А.А. Богданова, Н.И. Бухарина, а также работы философов и теоретиков позднего советского периода, разрабатывавших концепцию всесторонне развитой личности. В качестве методологической базы исследования использовались принципы историко-философской реконструкции, сравнительного анализа, а также критического осмысления. При анализе текстов применялись методы интерпретации, контекстуализации и выявления скрытых предпосылок. Для осмысления эволюции антропологических представлений в русском марксизме применялся компаративный анализ, позволяющий выявить как преемственность, так и разрывы в развитии философских идей. Метод исторической реконструкции позволил восстановить интеллектуальный контекст, в котором формировались и развивались антропологические концепции русского марксизма.

Результаты и обсуждения

Теория отчуждения в раннем русском марксизме: философско-антропологический анализ

Теория отчуждения занимает центральное место в раннем марксизме, выступая ключевым элементом критики капиталистического общества и обоснования необходимости его революционного преобразования. В раннем русском марксизме, формировавшемся в специфических социально-экономических и политических условиях, эта теория приобрела особое звучание, преломляясь через призму отечественных философских и культурных традиций [10, с. 78]. Изучение теории отчуждения в раннем русском марксизме представляет собой важную задачу для понимания генезиса русской марксистской мысли, ее теоретических оснований и антропологических горизонтов.

В основе марксистской концепции отчуждения лежит идея о том, что в условиях капиталистического способа производства человеческий труд, изначально являющийся сущностной характеристикой человека, его способом самореализации и преобразования мира, превращается в чуждую и враждебную силу. Рабочий, лишенный средств производства и вынужденный продавать свою рабочую силу капиталисту, отчуждается от продукта своего труда, который становится собственностью другого человека. Более того, он отчуждается от самого процесса труда, который, из творческого акта, превращается в механическую и изнурительную деятельность, направленную на удовлетворение чужих потребностей. В конечном итоге, рабочий отчуждается от своей человеческой сущности, утрачивая способность к самореализации и свободному развитию.

Ранние русские марксисты, такие как Г.В. Плеханов, П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский, восприняли марксистскую теорию отчуждения как мощный инструмент для анализа развития капитализма в России и обоснования необходимости пролетарской революции [6, с. 20]. Они подчеркивали, что капиталистическое отчуждение ведет к углублению социального неравенства, эксплуатации и нравственной деградации общества. При этом, русские марксисты не ограничивались простым воспроизведением марксистских идей, а стремились адаптировать их к российским реалиям, учитывая особенности исторического развития страны, ее социокультурный контекст и специфику рабочего класса.

Г.В. Плеханов, один из основоположников русского марксизма, в своих работах уделял большое внимание анализу роли труда в человеческой жизни. Он рассматривал труд как основу человеческого общества, как источник развития культуры и цивилизации. Однако, в условиях капитализма, по мнению Плеханова, труд превращается в источник отчуждения и угнетения. Рабочий, лишенный возможности распоряжаться результатами своего труда, чувствует себя чужим в мире, им же созданном. Плеханов подчеркивал, что преодоление отчуждения возможно только путем уничтожения капиталистических отношений и установления социалистического общества, в котором труд станет свободным и творческим.

П.Б. Струве, в своих ранних марксистских работах, также акцентировал внимание на проблеме отчуждения труда. Он утверждал, что капиталистическое разделение труда ведет к одностороннему развитию личности, превращая человека в простого исполнителя узких функций. Струве критиковал капитализм за то, что он лишает человека возможности проявить свои способности во всем их многообразии, ограничивая его развитие

рамками узкой специализации. Он видел в социализме возможность преодоления этого одностороннего развития и формирования всесторонне развитой личности.

В целом, теория отчуждения в раннем русском марксизме была тесно связана с идеями о социальной справедливости, равенстве и свободе. Русские марксисты рассматривали отчуждение как главную причину социальных бедствий и видели в его преодолении путь к построению справедливого и гуманного общества. Однако, следует отметить, что понимание отчуждения в раннем русском марксизме не было однородным. Разные мыслители акцентировали внимание на различных аспектах этого феномена, и их представления о путях его преодоления также различались [1, с. 300]. Тем не менее, общим для всех ранних русских марксистов было убеждение в том, что отчуждение является фундаментальной проблемой капиталистического общества и что его преодоление является необходимым условием для прогресса человечества.

Философско-антропологический анализ теории отчуждения в раннем русском марксизме позволяет не только лучше понять теоретические истоки этого направления, но и выявить его вклад в развитие отечественной философской мысли [7, с. 48]. Русские марксисты, восприняв марксистскую теорию отчуждения, адаптировали ее к российским реалиям и обогатили своими собственными идеями, внося значительный вклад в разработку этой проблематики. Изучение теории отчуждения в раннем русском марксизме позволяет также лучше понять антропологические идеалы, которые вдохновляли русских революционеров и интеллектуалов начала XX века, стремившихся к построению справедливого и гуманного общества. В конечном итоге, анализ теории отчуждения в раннем русском марксизме важен для понимания как истории русской философии, так и для осмысления современных проблем отчуждения человека в глобализирующемся мире.

Эволюция представлений о личности в трудах русских марксистов: от экономического детерминизма к идее творческой активности

Эволюция представлений о личности в трудах русских марксистов представляет собой сложный и многогранный процесс, отражающий как внутренние трансформации самого русского марксизма, так и влияние социокультурного контекста эпохи. В начальный период своего развития, ранние русские марксисты, во многом разделяя позиции классического марксизма, склонны были к экономическому детерминизму, рассматривая личность прежде всего как продукт социально-экономических отношений. Однако, по мере развития русского марксизма, представления о личности претерпевают существенные изменения, все большее значение придается роли сознания, культуры и творческой активности в формировании человеческой индивидуальности. Проследивание этой эволюции позволяет лучше понять не только трансформацию русского марксизма, но и его вклад в развитие отечественной философской и социальной мысли.

В ранних работах русских марксистов, таких как Г.В. Плеханов, личность рассматривается прежде всего как продукт классовых отношений [5, с. 378]. Плеханов, в своих работах по теории исторического материализма, подчеркивал, что общественное бытие определяет общественное сознание, и что личность формируется под влиянием экономических условий жизни общества. Он утверждал, что в классовом обществе личность неизбежно несет на себе печать своего класса, и что ее интересы и убеждения определяются ее классовым положе-

нием. Плеханов, безусловно, признавал роль личности в истории, однако считал, что эта роль ограничена объективными закономерностями общественного развития. Он критиковал субъективный идеализм и волюнтаризм, подчеркивая, что история делается не отдельными личностями, а массами, движимыми объективными потребностями и интересами.

Постепенно, в трудах русских марксистов, намечается отход от жесткого экономического детерминизма и усиление внимания к роли сознания, культуры и творческой активности в формировании личности [2, с. 18]. Это связано, прежде всего, с необходимостью решения практических задач революционной борьбы и построения социалистического общества. Русские марксисты осознают, что для успешного осуществления социалистической революции необходимо не только изменить экономические отношения, но и сформировать нового человека, обладающего развитым сознанием, высокой культурой и способностью к творческому труду.

Н.И. Бухарин, один из ведущих теоретиков большевистской партии, также уделял большое внимание проблеме личности в своих работах по теории исторического материализма и экономике. Бухарин критиковал экономический детерминизм за то, что он недооценивает роль сознания и воли в истории. Он считал, что человек является не просто пассивным продуктом экономических отношений, а активным участником исторического процесса, способным влиять на ход событий [4, с. 1]. Бухарин подчеркивал важность развития науки, культуры и образования для формирования всесторонне развитой личности, способной к творческому труду и управлению обществом.

Таким образом, эволюция представлений о личности в трудах русских марксистов характеризуется переходом от экономического детерминизма к признанию роли сознания, культуры и творческой активности в формировании человеческой индивидуальности. Русские марксисты осознали, что для успешного построения социалистического общества необходимо не только изменить экономические отношения, но и сформировать нового человека, обладающего развитым сознанием, высокой культурой и способностью к творческому труду. Этот процесс отражает как внутренние трансформации русского марксизма, так и влияние социокультурного контекста эпохи, стремящегося к формированию активного, сознательного и творческого гражданина нового социалистического общества. Анализ этой эволюции представляет значительный интерес для понимания истории русской философской и социальной мысли, а также для осмысления современных проблем формирования личности в условиях глобализации и информационного общества.

Концепция всесторонне развитой личности как антропологический идеал в позднем советском марксизме

Концепция всесторонне развитой личности занимала центральное место в антропологических размышлениях позднего советского марксизма, выступая одновременно и как нормативный идеал, и как ориентир для построения коммунистического общества. Этот идеал, унаследованный от классического марксизма, в советский период претерпел значительные изменения и получил специфическую интерпретацию, отражающую особенности советской идеологии и социально-политической практики. Изучение концепции всесторонне развитой личности в позднем советском марксизме позволяет понять не только ее теоретические основания и содержание, но и ее роль в формировании советской культуры, образования и социальной политики.

Исходным пунктом для понимания концепции всесторонне развитой личности в советском марксизме является марксистское представление об отчуждении человека в капиталистическом обществе. Как отмечалось ранее, марксизм критикует капитализм за то, что он превращает труд в чуждую и враждебную силу, за то, что он лишает человека возможности реализовать свой потенциал и развивать свои способности во всем их многообразии. В противоположность этому, коммунизм, согласно марксистской теории, должен создать условия для свободного и всестороннего развития каждой личности, для превращения труда в творческую деятельность, приносящую радость и удовлетворение.

В советском марксизме концепция всесторонне развитой личности была конкретизирована и дополнена с учетом особенностей советского общества. Под всесторонним развитием личности понималось гармоничное развитие всех ее способностей и талантов, как физических, так и духовных, как интеллектуальных, так и нравственных [8, с. 10]. Всесторонне развитая личность должна обладать широкими познаниями в области науки, культуры и искусства, быть способной к творческому труду, активно участвовать в общественной жизни и руководствоваться высокими моральными принципами.

Советские философы и педагоги разработали целую систему мер, направленных на формирование всесторонне развитой личности. Эта система включала в себя всеобщее бесплатное образование, развитие науки и культуры, создание широкой сети спортивных и культурных учреждений, а также воспитание в духе коммунистической морали. Особое внимание уделялось развитию политехнического образования, которое должно было обеспечить связь между теоретическими знаниями и практическим трудом, а также сформировать у молодежи навыки и умения, необходимые для работы в различных отраслях народного хозяйства.

Однако, следует отметить, что реализация концепции всесторонне развитой личности в советской практике столкнулась с рядом трудностей и противоречий. Во-первых, советская система образования и культуры, несмотря на свои достижения, зачастую была ориентирована на формирование конформистского мышления и подавление индивидуальности. Во-вторых, советская экономика, с ее централизованным планированием и жесткой системой распределения, не всегда создавала условия для свободного выбора профессии и творческого труда. В-третьих, советская идеология, с ее жесткими догмами и ограничениями, препятствовала свободному выражению мнений и развитию критического мышления.

Несмотря на эти трудности и противоречия, концепция всесторонне развитой личности оказала значительное влияние на формирование советской культуры и социальной политики. Она вдохновляла советских людей на самосовершенствование и творчество, на освоение новых знаний и умений, на активное участие в общественной жизни [9, с. 3]. Она способствовала развитию науки и культуры, распространению образования и повышению культурного уровня населения. Она, безусловно, являлась мощным стимулом для социального прогресса и улучшения качества жизни советских людей.

Вместе с тем, необходимо критически оценивать попытки практической реализации концепции всесторонне развитой личности в советском обществе. Идеализированный образ «советского человека» зачастую не соответствовал реалиям жизни, а попытки его насильственного внедрения приводили к формализму и лицемерию. Кроме того, сама концепция всесторонне развитой личности, в ее советской интерпретации, не всегда учитыва-

ла индивидуальные особенности и потребности каждого человека, что создавало опасность унификации и подавления индивидуальности.

Подводя итог, можно сказать, что концепция всемерно развитой личности являлась важным элементом антропологических размышлений позднего советского марксизма. Она служила нормативным идеалом и ориентиром для построения коммунистического общества, оказывая значительное влияние на формирование советской культуры, образования и социальной политики. Однако, попытки практической реализации этой концепции столкнулись с рядом трудностей и противоречий, что требует критического анализа и переосмысления. Изучение концепции всемерно развитой личности в позднем советском марксизме позволяет лучше понять как сильные, так и слабые стороны советского проекта, а также извлечь уроки для построения более справедливого и гуманного общества. Анализ этой концепции важен и сегодня, так как вопросы гармоничного развития личности, раскрытия творческого потенциала человека и построения справедливого общества не теряют своей актуальности и в XXI веке.

Выводы

В начале своего пути русские марксисты, вслед за Марксом, акцентировали внимание на феномене отчуждения человека в капиталистическом обществе, рассматривая его как результат эксплуатации, разделения труда и превращения человеческой деятельности в товар. Философско-антропологический анализ этого периода выявил глубокую обеспокоенность потерей человеком своей сущности, утратой связи с результатами своего труда и другими людьми. Однако, в отличие от западных марксистов, русские мыслители зачастую придавали отчуждению не только экономический, но и морально-этический аспект, связывая его с духовным кризисом общества.

Эволюция представлений о человеке в трудах русских марксистов отражала их стремление к созданию нового типа общества, в котором человек не был бы простым винтиком в экономической системе, а мог бы реализовать свой потенциал во всех сферах жизни.

Концепция всемерно развитой личности, ставшая антропологическим идеалом в позднем советском марксизме, представляла собой попытку синтезировать достижения науки, культуры и морали для создания гармоничной и творческой личности. Однако, как показало исследование, эта концепция, несмотря на свою привлекательность, была подвержена определенным внутренним противоречиям и часто оказывалась оторванной от реалий советской действительности. Идеализированный образ «всемерно развитого человека» не всегда соответствовал потребностям и возможностям конкретной личности, а попытки его насильственного внедрения приводили к формализму и лицемерию.

Таким образом, исследование антропологических проблем в философии русского марксизма позволяет не только лучше понять эволюцию этой традиции, но и извлечь уроки из ее успехов и неудач. Рассмотренные в работе концепции и идеи сохраняют свою актуальность и в наши дни, напоминая о необходимости поиска баланса между индивидуальной свободой и социальной ответственностью, между материальным благополучием и духовным развитием, между стремлением к гармонии и признанием сложности и многогранности человеческой природы. Результаты исследования могут быть использованы в дальнейших исследованиях по истории русской философии, социальной философии и антропо-

логии, а также в процессе преподавания соответствующих дисциплин. Перспективы дальнейших исследований видятся в изучении влияния антропологических идей русского марксизма на формирование советской культуры и идеологии, а также в сопоставлении этих идей с современными антропологическими теориями.

Литература

1. Альтюссер Л. За Маркса / Пер. с фр. А.В. Денежкина. М.: Праксис, 2006. 392 с.
2. Волков В.А., Востряков Л.Е. Идеология и культура в контексте государственной культурной политики // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2022. – № 3. – С. 18–23.
3. Волков В.А., Востряков Л.Е. Консервативный реализм как идеология современной государственной культурной политики России // Культура и образование. – 2022. – № 3. – С. 14–20.
4. Давыдова Г.А. Проблема отношения человека и природы в философско-исторической концепции К. Маркса // Вопросы философии. 1983. № 5. С. 1.
5. Рагозина Т.Э. Деятельностный подход: иллюзии «личностного монизма истории» / 1н-женерна освгга у розвитку сучасного суствства // Матеріали міжнародної науково-практичної конференції. – Донецьк, 2011. – С. 373–379.
6. Рагозина Т.Э. К вопросу об антропологическом измерении философии истории марксизма // Культура и цивилизация (Донецк), 2021 г. С. 17–24.
7. Ситковский А.М., Козлова О.А. Использование векторных оценок и графоаналитических методов в исследовании демографического поведения населения региона // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2023. – № 3(71). – С. 44–55.
8. Тищенко Ю.Р. Общественная история людей как история их индивидуального развития («Капитал». 1857–1867) / Ю.Р. Тищенко // Культура и цивилизация (Донецк). -Донецк, 2017. – Выпуск № 2 (6). – С. 7–19.
9. Устинов О.А. Концепция человека в философии К. Маркса: опыт реконструкции // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология, 2016 г. С. 1–8.
10. Устинов О.А. Проблема человека в творчестве Н.И. Бухарина: историко-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. М., 2007. 204 с.

ANTHROPOLOGICAL PROBLEMS IN THE PHILOSOPHY OF RUSSIAN MARXISM: FROM THE THEORY OF ALIENATION TO THE CONCEPT OF A COMPREHENSIVELY DEVELOPED PERSONALITY

Liu Enshuai
Heilongjiang University

The article examines anthropological problems in the philosophy of Russian Marxism, traces the evolution of ideas about man from the theory of alienation in early works to the concept of a comprehensively developed personality, which became an anthropological ideal in the late Soviet period. The philosophical and anthropological content of the theory of alienation in the works of representatives of early Russian Marxism is analyzed, and attention is focused on the criticism of capitalist alienation as a factor deforming human essence. The transformation of ideas about personality in the works of Russian Marxists is considered, the transition from economic determinism to the recognition of the role of consciousness, culture and creative activity in the formation of a new type of person is traced. Special attention is paid to the study of the concept of a comprehensively developed personality, its philosophical foundations, utopian

and realistic potential. The attempt to implement this anthropological ideal in Soviet practice is critically evaluated.

Keywords: Russian Marxism, philosophical anthropology, alienation, personality, comprehensive development, Soviet philosophy, G.V. Plekhanov, V.I. Lenin, anthropological ideal, historical materialism.

References

1. Althusser L. For Marx / Translated from the French by A.V. Denzhenkin. Moscow: Praxis, 2006. 392 p.
2. Volkov V.A., Vostryakov L.E. Ideology and culture in the context of state cultural policy // Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture. – 2022. – No. 3. – pp. 18–23.
3. Volkov V.A., Vostryakov L.E. Conservative realism as an ideology of modern state cultural policy of Russia // Culture and education. – 2022. – No. 3. – pp. 14–20.
4. Davydova G.A. The problem of the relationship between man and nature in the philosophical and historical concept of K. Marx // Questions of Philosophy. 1983. No. 5. p. 1.
5. Ragozina T.E. The activity campaign: the illusions of the “personal monism of history” / 1n-Women of the University of the Russian Academy of Sciences // Materials of the world scientific and practical! Donetsk, 2011. pp. 373–379.
6. Ragozina T.E. On the issue of the anthropological dimension of the philosophy of the history of Marxism // Culture and Civilization (Donetsk), 2021, pp. 17–24.
7. Sitkovsky A.M., Kozlova O.A. The use of vector estimates and graphoanalytical methods in the study of demographic behavior of the population of the region // Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University. Series: Social Sciences. – 2023. – № 3(71). – Pp. 44–55.
8. Tishchenko Yu.R. The social history of people as the history of their individual development (Capital. 1857–1867) / Yu.R. Tishchenko // Culture and civilization (Donetsk). Donetsk, 2017. Issue No. 2 (6). pp. 7–19.
9. Ustinov O.A. The concept of man in K. Marx’s philosophy: the experience of reconstruction // Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology, 2016, pp. 1–8.
10. Ustinov O.A. The problem of man in the work of N.I. Bukharin: a historical and philosophical analysis: dissertation of the Candidate of Philology. nauk. M., 2007. 204 p.

Мададли Гульназ Полад гызы,
аспирант Института философии и социологии,
Азербайджанская национальная академия наук

Основная цель в статье рассматривать вопросы трансформации высшего образования в условиях цифровизации, и обсуждать основные направления цифровой трансформации, которая коренным образом меняет экономику, образование и общий образ жизни. Показано, что цифровые технологии необходимы для образовательного процесса, однако их применение само по себе не обеспечивает повышение эффективности преподавания. Методы. Методологической основой работы является единство социально-философских и логических подходов, конкретность, объективность, полнота рассуждений, а также принципы анализа рефлексивных представлений исследуемого объекта. Для достижения научных результатов в статье используются аналитические методы, широко применяемые в современной социальной философии, логике и методологии науки, эвристике научного исследования. К таким методам относятся диалектический, логический, научно-исторический, сравнительный и другие. Новизна статьи. Научная новизна исследования заключается в определении основных направлений трансформации образовательного процесса в университетах в условиях цифровой экономики.

В результате анализа автор разработал концептуальное видение сути, перспектив и возможных результатов трансформации современного образования и обозначил основные направления применения цифровых технологий в образовательном процессе на основе их использования. Выводы. В контексте исследования одним из очевидных решений является разработка электронной информационной и образовательной среды и её интеграция в учебный процесс образовательных учреждений. Отмечается, что для достижения этой цели особенно важно использовать облачные вычисления, широкое распространение высокоскоростного общественного интернета, активное применение умных цифровых инструментов, использование методов искусственного интеллекта и широкое внедрение технологий виртуальной реальности. Изучено применение цифровых технологий, что позволяет совершенствовать образование, планировать конкретные шаги по трансформации университетов, а также улучшать процессы преподавания и воспитания. Для преодоления надвигающихся проблем азербайджанская система образования должна в кратчайшие сроки реализовать цифровую трансформацию и перейти к новой модели организации образовательного процесса с использованием высокотехнологичных организационных, педагогических и методических решений. Предлагается разработать и широко внедрить высокоэффективные и экономически выгодные цифровые технологии. Одновременно в статье обозначены пути устранения существующего технологического цифрового разрыва в образовании.

Ключевые слова: цифровые технологии, система образования, цифровая трансформация, обучение, интернет, высшее образование, цифровизация, цифровая экономика, онлайн-образование.

Introduction

One of the characteristic features of the social development of modern civilization is the digitalization of existence – that is, the transformation of reality into the language of numbers – along with the rapid and widespread development and dissemination of remote technologies. The global network known as the Internet has had, and continues to have, a profound impact on all areas of human activity, including daily tasks, the economy, and business operations.

In the context of digitalization, we must address a new phenomenon of the global world – one that is rapidly becoming close, understandable, essential, and important for people: this is distance education services, or innovative education.

All sectors of the economy are undergoing digital transformation. Despite its inherent inertia and even rigidity, education is no exception. We will need to adapt to this by adopting new tools and acquiring new skills. In just a few years, the labor market will see demand for new professions such as education trajectory planners, tutors, or virtual reality architects.

The labor market demands a qualitatively different content for master's education. Digitalization affects not only the content of education but also its organization. These processes produce mixed outcomes for both universities and academic staff. The necessary competencies are often acquired outside the walls of educational institutions, as educational programs frequently fail to keep pace with the dynamics of technological advancement.

Teachers are transforming from mere transmitters of knowledge and skills into navigators who help manage knowledge bases. All these issues are particularly relevant in the context of the reforms being implemented in Azerbaijan's higher education system. The necessary optimization is often reduced to simply decreasing the number of universities and providing them with financial support. The evaluation of scientific activity is being replaced by the formal aspects of science. Teaching is taking on a new character.

The penetration of digital technologies into all spheres of life demands a new quality of education for the mass workforce. Today, the basic literacy formed by the current education system is no longer sufficient. More than 50% of workers are engaged in jobs where the required literacy level could be replaced by computers. Only 15% of them possess a level of literacy that exceeds that of intelligent computer systems. At the same time, compared to the 1990s, the proportion of workers with high general literacy has decreased. The preparedness of modern workers is lower than that of workers twenty years ago. The current education system is in urgent need of fundamental change [7].

Due to limited resources and the insufficient digital literacy of educational staff, digital transformation has had a delayed and uneven impact on education, proving that the educational reforms carried out in recent decades have been largely ineffective.

The main text

The digital revolution has brought tools to address the challenges it faces. The productivity of intellectual labor significantly increases when individuals skillfully use digital technologies and tools in their work. Policymakers and economists

often assume that a similar effect should be observed in the field of education, and that the only obstacle to improving the quality of educational institutions is the technological digital divide caused by the lack of digital technologies. However, both local and international experience show that the presence of digital technologies among participants in the educational process is a necessary but insufficient condition for increasing the effectiveness of teaching and learning.

The spread of digital technologies helps improve the work of individual creative teachers but is not enough to enhance the efficiency of traditionally organized educational processes.

Expanding access to the internet and mobile computing devices (laptops, tablets, smartphones, etc.) helps to bridge the digital divide between those with access to digital technologies and those without. This is a technological gap. The spread of mobile devices and the internet is gradually closing the “digital divide.” In the coming years, this gap will shift from a significant factor to an insignificant one. However, as the “technological digital divide” closes, a new digital divide emerges. This new divide stems from the inequality between those who can use computer technologies creatively for non-standard tasks—such as research, observation, and design—and those who can only use them for routine operations.

This new “digital divide” is growing in all areas where digital technologies are being developed, across all social groups, and it begins in schools and universities. Eliminating this new digital divide requires updating educational content and is becoming one of the most pressing challenges in education.

The most important areas of the informatization of education [1] include the following:

- Formation of a virtual information environment at the level of educational institutions;
- System integration of information technologies in education that support teaching, research, and organizational management processes;
- Establishment and development of a unified educational information space;
- Continuous provision of new scientific-technical and scientific-methodological information;
- Creation of an extensive network of information centers aimed at solving the problems of information support for the education system using computer programs.

Many scholars agree that today, the computer has become the first universal mass tool for working with all types of information [6]. Modern computer programs allow us to work in new ways with images, audio, video materials, texts, calculations, and informational models of various objects. In the coming years, due to the widespread adoption of new digital information tools, education department staff and methodologists will need to revise traditional views on learning outcomes. They will have to review the decisions used to assess whether educational outcomes are being achieved and to define the content of general education.

From early on, computer technology has become an integral part of modern human life: it replaces theater, books, and friends, and reduces the intensity of traditional communication. Computers create another reality that can be taken more seriously than the external world. This perspective is also evident in the phenomenon of immersion in virtual reality, which includes, among other things, the abundance of pseudo-activities in human life (for example, people deeply immersed in computer games).

The information society dictates new rules for individuals. It is primarily about the desire to change one’s activities, the ability to maintain a high level of mobility, and the capacity for

retraining and mastering new professions. In previous stages of development, such skills were not as critically important.

Anthropogenic civilization is based on the principle that the human being is the core value of society and all of its subsystems.

It can be assumed that in the future, the robotization of existence will have other negative consequences that will actively affect people and society. As a responsible being, the human makes all decisions related to the transformation of the environment. However, the infosphere is beginning to make its own adjustments to this situation [5].

The electronic information system is an essential component designed to support the modern educational process. It must utilize contemporary technological platforms to facilitate the flow of knowledge and enable effective interaction among all participants in the learning process through both synchronous and asynchronous communication tools. With the proper organization of the teaching process using an electronic information system, the advantages of this innovation become clearly evident. Let us list just a few of them:

1. Minimization of existing “technological gaps.”
2. The electronic information system enables effective resolution of current educational challenges.
3. Personalization of the learning path.
4. Elimination of boundaries of time and space.

Access to the electronic information system allows teaching and learning regardless of the physical location of the teacher or student—learning can take place anytime, anywhere. The physical presence of the teacher and student becomes less relevant; it is sufficient to have a “guide” into the world of knowledge. For this, a unified information and educational environment should be created, which includes a university or secondary education portal, mobile applications, class schedules, electronic portfolios, and an online grading system.

The electronic information system helps effectively monitor each student’s academic work. It expands the range of possible actions while increasing accountability for the effectiveness of educational and developmental work. The widespread use of multimedia instructional materials, developed in accordance with the requirements of pedagogical design, significantly relieves teachers of the responsibility of “delivering educational content,” allowing them to focus more on providing pedagogical support, as well as on organizational, instructional, and developmental activities.

In the modern technogenic world, there are deep social-philosophical roots underlying the problems that determine the qualitative transformation of the individual and their everyday life. Humanity is becoming increasingly globalized, with the value and interdependence of different regions and countries growing. The foundation of socio-political development is the prioritization of universal human values, and violence is rejected [8, pp. 68–75].

The new vision of society presented by scholars and futurists is gradually acquiring distinct characteristics:

- First, a unified information society is emerging, where people live in homes equipped with various electronic and “smart” devices.
- Second, new industries are developing within the framework of information technologies and knowledge-intensive sectors.
- Third, the cultural content of social development is changing – including intra-family priorities, the growth of virtual museums, and the use of various forms of human interaction.
- Fourth, the process of supporting daily life is increasingly based on innovative production principles and tools, and new forms of payment for goods and services (e.g., elec-

tronic money, internet banking, mobile banking, WAP banking, SMS, etc.).

These changes, which have a complex impact on the whole of society, are leading to significant transformations in both the productive and spiritual lives of individuals.

Technology, technological innovations, and widely accessible information increase individuals' ability to adapt to growing volumes of knowledge. However, due to increased organization, "rationalization" of work conditions, and the creation of comfortable living environments, the strength of human nature is declining. N. Berdyaev speaks clearly about this: "Technology is to blame for the terrible defeats of moral life, above all, emotional life and human feelings. In modern civilization, the moral and emotional elements are fading" [4, p. 500].

Digital technologies are spreading and evolving rapidly (e.g., high-speed internet; high-performance digital mobile devices such as smartphones and tablets; and the emergence of new generations of virtual reality and artificial intelligence devices). These advancements provide students with unlimited access to digital services, tools, and materials. They also greatly expand the possibilities for gaining unprecedented control over one's own information space and its shared use, and for fostering a genuine interest in learning.

Students and teachers now have access to a wide range of competitive resources, including digital educational materials, training programs, online courses, and various online services through the electronic information system. Digital resources available via the internet contain hundreds of thousands of learning materials, creating real opportunities to select content tailored to the individual characteristics and needs of students, differentiate the learning process, and fully achieve the educational outcomes required for each learner.

In educational institutions, the primary tool for monitoring the content of education should be the requirements for learning outcomes – the standards of educational achievement. Faculty members must define and approve these standards for each subject area, taking into account the existing Azerbaijani State Educational Standards, regional standards, and local conditions.

Although learning outcomes are formally included in the curriculum, they are not always recognized or understood by students and are often weakly aligned with the tasks proposed for assessment. The learning outcomes of different subjects do not always correspond in terms of content or the time planned for their achievement. Their descriptions are often underdeveloped, and as a result, they do not significantly influence the selection of instructional materials.

There is a need to shift toward the use of pedagogical design procedures and to revisit the practice of planning instructional work. The use of the digital information environment facilitates this process.

Thus, the key social innovation functions of education include:

- Socio-economic: the development of human capital, meeting the labor market's demand for professional personnel, and the formation and growth of society's intellectual, scientific, technical, and human resource potential;
- Socio-political: ensuring public security, enabling social control, social mobility, sustainable development of society, internationalization, and integration into global civilization processes;
- Cultural and creative development: directed at the development of society's moral life, in which education plays a decisive role [3, p. 429].

It should be noted that digital technologies offer many opportunities to improve education, but their integration into the educational process is not simple. Equipping education-

al institutions with digital technologies alone does not automatically lead to improved educational outcomes. The digital transformation of education can be understood as addressing the problems of bridging the digital divide. The education system itself is a continuous production of information carried out within an information environment. In recent decades, we have witnessed the transition from a "paper" to a "digital" information educational environment. At various stages of development, this transition was called computerization, informatization, and today it is referred to as the digitalization of the relevant area of human activity.

Modern socio-cultural reality has the following main characteristic features:

1. The formation of a new type of relationship in society, significant changes in the value system due to new ideologically oriented needs;
2. New phenomena in culture that provide great opportunities to optimize the realization of the individual's hidden potential;
3. A significant expansion of the differentiation between vital needs and abilities;
4. The beginning of dialogue among major cultural currents in the modern world [3, p. 7].

Thus, the basis for the use of digital technologies in education is created by a new developing phase of the digital revolution, which turns digital technology into a generally accessible and reliable tool for solving assigned tasks. The essence of the digital transformation of education is movement toward the individualization of the educational process through the use of digital technologies. Its main feature is that digital technologies help to implement new pedagogical practices (new models of organizing education) that, due to the complexity of using traditional "paper" information technologies, could not previously find a proper place in mass education.

Over the past decade, digital technologies have helped improve the daily operations of modern high-tech production facilities, service sector institutions, and government bodies. In the coming decade, they will assist in improving the work of educational organizations through new achievements in information and communication technologies.

Conclusion

The transformation and digitalization of social life, as well as the application of remote technologies, are not limited to economic and political changes, nor do they end there. Deep and ambiguous changes are occurring in all spheres of life and in human communication. However, the most significant changes in these processes occur in the value orientations of the individual, which form the core of the modernization process. Thus, within the framework of such transformations, the new society that emerges develops numerous specific variations according to the distinct characteristics of national culture and history, as well as its relationship with digital technologies.

Intelligent systems can influence social and everyday life and fundamentally change it, but the key issue is what kind of influence this will be and to what extent humans, as thinking beings, are protected from it.

Technical civilization dictates its own values and priorities. One of its main priorities is a new social space, a new type of communication, and other conditions of social existence that determine the priorities of competition and utility.

Литература

1. Law of the Republic of Azerbaijan "On Information, Informatization, and Protection of Information." 1998. E-qanun.gov.az.framework/3525

2. Nəzərov M.H. Social Philosophy. Textbook. Baku, 2024. 652 pages.
3. Nəzərov M.H. Philosophy of Education. Textbook. Baku, 2022. 496 pages.
4. Berdyaev N. Philosophy of Creativity, Culture, and Art: in 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Iskustvo, 1994. p. 513.
5. Ioseliani A.D. Artificial Intelligence versus Human Intelligence // Tambov: Gramota, 2019. Vol. 12, Issue 4. pp. 102–107.
6. Kozlova N. Sh. Relevance of Online Education for IT Specialists // Bulletin of Maikop State Technological University. 2018, Issue 4. pp. 80–85.
7. Karakozov S.D., Uvarov A. Yu. Successful Informatization – Transformation of the Educational Process in the Digital Educational Environment // Contemporary Problems of Education. 2016, No. 2. pp. 7–19.
8. Chumakov A.N. Features of Education in the Field of Global Studies: Current Issues // Era of Globalization. 2019, No. 2(30). pp. 38–48.

DIGITAL TECHNOLOGIES IN EDUCATION: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Madadli G.

Azerbaijan National Academy of Sciences

The main objective of the article is to consider the issues of transformation of higher education in the context of digitalization, and to discuss the main directions of digital transformation, which is fundamentally changing the economy, education and general way of life. It is shown that digital technologies are necessary for the educational process, but their use in itself does not ensure an increase in the effectiveness of teaching. The novelty is in the article. The scientific novelty of the research lies in identifying the main directions of the transformation of the educational process at universities under the conditions of the digital economy.

As a result of the analysis, the author has developed a conceptual view of the essence, prospects, and possible outcomes of the transformation of modern education and has outlined the main directions for applying digital technologies in the educational process based on their use. Methods. The methodological foundation of this work is formed by the unity of social-philosophical and logical approaches, specificity, objectivity, comprehensiveness of reasoning, as well as the principles of analyzing the reflexive concepts of the subject under study. To achieve scientific results, the article uses analytical methods commonly applied in modern social philosophy,

the logic and methodology of science, and the heuristics of scientific research. These methods include dialectical, logical, scientific-historical, comparative, and others. Conclusions. In the context of the study, one of the obvious solutions is the development of an electronic information and educational environment and its integration into the educational process of educational institutions.

It is noted that to achieve this goal, it is especially important to use cloud computing, the widespread use of high-speed public Internet, the active use of smart digital tools, the use of artificial intelligence methods and the widespread introduction of virtual reality technologies. The use of digital technologies has been studied, which allows improving education, planning specific steps to transform universities, and improving teaching and education processes.

To overcome the impending problems, the Azerbaijani education system must implement digital transformation as soon as possible and move to a new model of organizing the educational process using high-tech organizational, pedagogical and methodological solutions. It is proposed to develop and widely implement highly effective and cost-effective digital technologies. At the same time, the article outlines ways to eliminate the existing technological digital gap in education.

Keywords: digital technologies, education system, digital transformation, learning, internet, higher education, digitalization, digital economy, online education.

References

1. Law of the Republic of Azerbaijan “On Information, Informatization, and Protection of Information.” 1998. E-qanun.gov.az. framework/3525
2. Nəzərov M.H. Social Philosophy. Textbook. Baku, 2024. 652 pages.
3. Nazarov M.H. Philosophy of Education. Textbook. Baku, 2022. 496 pages.
4. Berdyaev N. Philosophy of Creativity, Culture, and Art: in 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Iskustvo, 1994. p. 513.
5. Ioseliani A.D. Artificial Intelligence versus Human Intelligence // Tambov: Gramota, 2019. Vol. 12, Issue 4. pp. 102–107.
6. Kozlova N. Sh. Relevance of Online Education for IT Specialists // Bulletin of Maikop State Technological University. 2018, Issue 4. pp. 80–85.
7. Karakozov S.D., Uvarov A. Yu. Successful Informatization – Transformation of the Educational Process in the Digital Educational Environment // Contemporary Problems of Education. 2016, No. 2. pp. 7–19.
8. Chumakov A.N. Features of Education in the Field of Global Studies: Current Issues // Era of Globalization. 2019, No. 2(30). pp. 38–48.

Англия в эпоху промышленного переворота: особенности экономического развития

Новоселова Ольга Анатольевна,

аспирантка Высшей школы педагогики и истории, ТОГУ

E-mail: helganovoselova97@gmail.com

В представленной работе рассматриваются различные научные подходы к понятию «промышленный переворот» («промышленная революция»). Отмечается, что промышленный переворот представил собой системный процесс, охвативший ключевые отрасли производства. Проанализированы предпосылки индустриализации, включая религиозные установки, особенности английского Просвещения, аграрные реформы, колониальную экспансию, снижение стоимости сельскохозяйственной продукции и развитие транспортной инфраструктуры. Описаны стадии промышленного переворота в Великобритании. Особое внимание уделяется социальным последствиям, в частности снижению заработной платы, эксплуатации труда женщин и детей, росту урбанизации и ухудшению условий жизни трудящихся. Сделан вывод о том, что промышленный переворот стал фундаментом формирования рыночной экономики.

Ключевые слова: промышленный переворот, промышленная революция, великобритания, колония, мануальный труд, автоматизация, инновации, средний класс, рабочий класс

На современном этапе Великобритания представляет собой одну из наиболее развитых капиталистических стран, играющих роль в глобальной экономике. Вес страны в глобальной экономике определяется высоко-развитой промышленной и финансовой системой, эффективным функционированием институтов государственной власти, а также значительной ролью в международной политике, торговле и культуре. В условиях текущих трансформаций мировой экономики и политики изучение исторического пути Великобритании приобретает особую научную актуальность. Именно в Великобритании зародились механизмы и структуры рыночной экономики, стали появляться капиталистические производственные отношения, был учрежден первый международные корпорации. В течение длительного времени Великобритания была крупнейшим экспортером капитала, вплоть до середины XX в. [5, с. 2]. Великобритания, кроме того, стала одной из первых стран, где свершилась буржуазная революция, в результате чего произошел переход от феодализма к развитым рыночным отношениям. Именно в Великобритании была основана международная система страхования. Колониальная империя долгое время была крупнейшей – с точки зрения объема капитала, территорий и численности населения – в мире, в связи с чем британский «след» можно увидеть в экономике и политике множества современных государств [5, с. 4].

Анализ исторического опыта Великобритании позволяет не только глубже понять закономерности и противоречия капиталистической модели социально-экономического развития, но и выявить предпосылки и условия формирования современной глобальной экономической системы.

Прежде всего следует проанализировать существующие подходы к термину «промышленный переворот». С.С. Булдыгин предлагает следующее определение промышленного переворота. Промышленный переворот (промышленная революция) представляет собой один из этапов «постепенного развития человеческого общества, пройдя через который оно полностью трансформируется, меняя социально-экономический уклад» [3, с. 93]. Ключевой характеристикой промышленного переворота, пишет Н.А. Бахтин, выступает то, что изменения происходят одновременно в нескольких стратегически важных производственных отраслях, что впоследствии приводит к реорганизации всей экономической и социальной структуры [2, с. 18].

А.Н. Ежов с соавт. определяют промышленную революцию (промышленный переворот) как «преобразование от классической финансовой концепции, при которой основой хозяйственной жизни считается земледелие и рукодельная деятельность, к индустриальной, при которой наступает активное внедрение в производственную деятельность машин и возникают совершенно новые фабрики» [4, с. 2].

Великобритания стала первой страной, где произошел переход к индустриальному этапу, хотя сам по себе термин «промышленная революция» стал использоваться лишь в начале XIX в. в работах французских экономистов и политологов. Уже тогда стало очевидно, что

экономический успех Великобритании был в первую очередь связан с промышленной революцией (*révolution industrielle*) и следующей за ней революции политической (*révolution politique*).

В работах британских исследователей понятие «промышленная революция» (*industrial revolution*) появляется только в 1840-е гг. [3, с. 91]. Ученые уже тогда выделили основные индикаторы, наличие которых позволяет делать вывод о промышленном перевороте: смещение акцента с аграрного на промышленное производство, наличие дешевой рабочей силы, переход от мануального труда к машинному, повсеместная имплементация новых технологий [1, с. 22].

Г.Г. Попов пишет о том, что промышленный переворот, произошедший в Великобритании, позволил ей получить статус «мастерской мира». Промышленный переворот позволил стране перейти к индустриальной модели развития, где, в отличие от аграрной, основной капитал формируется за счет высоких объемов темпов промышленного производства [7, с. 499].

Данный статус, по мнению А.Н. Ежова, был получен Англией во многом благодаря изобретению и широкому внедрению в практику парового мотора, прядильных машин, станков, технологий в области металлургии. Эти и другие изобретения обеспечили Великобритании возможность снабжать многие страны собственной продукцией, что, несомненно, стало одним из ключевых триггеров экономического подъема [4, с. 2].

Промышленный переворот едва ли может случиться в стране без наличия определенных условий и предпосылок. При этом, как показывает анализ научной литературы и периодики в рассматриваемой нами области, существует несколько точек зрения о том, какие обстоятельства и тенденции послужили предпосылками промышленной революции в Великобритании XVIII в.

А.Н. Ежов с соавт. считает, что одной из предпосылок выступает специфика **религиозной жизни жителей страны**, что оказало воздействие на менталитет ее граждан и социальный уклад. Англиканская церковь, являясь одним из направлений протестантизма, пропагандировала умеренность, трудовую дисциплину и сдержанность в потреблении, выступая против излишеств и праздного образа жизни [4, с. 3]. Несмотря на критику торговых и финансовых спекуляций и роскоши, протестантская доктрина подчёркивала, что успех в «земной» деятельности, профессиональная добродетель и материальное благополучие могут свидетельствовать о признаках духовного благополучия. Именно в этом контексте протестантская этика сыграла ключевую роль в становлении рыночных отношений в Европе и поспособствовала формированию капитализма как модели социально-экономического развития.

Говоря о неэкономических предпосылках, можно также отметить **специфику английского Просвещения**: в отличие от интеллектуалов континентальной Европы, «увязших в мировоззренческих и теологических исследованиях», английские просветители в большей степени были сфокусированы на технологиях производства и прикладных разработках. Именно вещественный мир интересовал представителей науки.

Кроме того, одной из предпосылок промышленного переворота можно считать **военные походы Великобритании**, осуществленные в период XVII–XVIII вв. Английское правительство было вынуждено заимствовать средства на содержание армии у предпринимателей, а взамен предлагало им льготы и разрешения на формирование оптимальной для них торговой инфраструктуры. Таким образом, несмотря на тот факт, что к XVIII в. правительственный бюджет пришел в состояние упадка,

были сформированы инструменты, правила и механизм для взаимодействия с представителями частного сектора, созданы условия для развития страхового, кредитного, банковского дела.

Помимо прочего, следует отметить фактор снижения стоимости аграрной продукции в первой половине XVI–II в. Данный фактор запустил многие экономические, инфраструктурные и социальные процессы и в конечном итоге стал одной из предпосылок промышленной революции. Несмотря на то, что промышленный переворот априори предполагает смещение фокуса с сельского хозяйства на фабричное производство, потребность в продуктах питания и иного аграрного сырья обусловила сохранение значительной части предприятий в аграрной сфере.

Англичане в XVIII в., благодаря формированию разных индустриальных сфер все чаще стали приобретать непродовольственную продукцию, что, в свою очередь, поспособствовало **снижению спроса на сельскохозяйственную продукцию**. Удешевление продукции обусловило потребность фермеров в повышении объема продаж. Все это привело к потребности в интенсификации аграрного производства посредством внедрения новых технологий.

Можно сказать, что **развитие транспорта и совершенствование дорожной инфраструктуры** – увеличение протяженности дорог и повышение их качества – также стало одной из предпосылок промышленного переворота в Великобритании. Качественные дороги оказали положительное воздействие на темпы коммуникации, привели к формированию устойчивых торговых-финансовых связей. Также следует отметить введение государственной концепции платных дорожных путей, что стало дополнительным источником средств.

Безусловно, промышленный переворот в Великобритании стал возможен благодаря **сохранению колониальных владений**. Колонии обеспечивали Империю недорогими трудовыми и материальными ресурсами, а также предоставляли промышленникам возможность для сбыта произведенной продукции за рубежом. В.В. Пресмаков и Д.М. Широких говорят о том, что Англия фактически проводила политику разграбления колоний, за счет чего аккумулировались огромные капиталы, которые впоследствии инвестировались в производство [8, с. 493].

Наконец, одной из важных предпосылок промышленной революции стала **практика «огораживания»**, которая привела к беспрецедентной урбанизации. Рост спроса на английский текстиль привел к потребности увеличения поголовья овец и площадей под пастбища. В данной связи британский парламент начал публиковать распоряжения о т.н. огораживании – насильственной экспроприации коллективных фермерских территорий [4, с. 3]. Лишенные земельных наделов, аграрии и их семьи стали мигрировать в города, где трудоустраивались на фабрики, обеспечивая таким образом промышленность трудовыми ресурсами.

Начальной стадией промышленного переворота в Англии стала трансформация хлопчатобумажной промышленности. До момента переворота основная доля мануфактурного производства в Англии принадлежала шерстяной промышленности: именно она создавала тысячи рабочих мест и обеспечивала приток денежных средств. Тем не менее, шерстяная промышленность развивалась экстенсивным путем и была в высшей степени консервативна, сохраняя существующие технологии производства. В противовес данной отрасли, хлопчатобумажное производство стало развиваться гораздо более динамично. Вырос спрос на хлопковую ткань и из-

деля из нее, промышленники стали внедрять в производство инновации, которые позволили увеличить темпы и качество продукции [8, с. 493].

Со второй половины XVIII в. внутренний и внешний рынок быстро рос и нуждался в увеличении объемов выпускаемой продукции. Было представлено множество изобретений, среди которых «судьбоносными» Е.В. Лаптева называет следующие: замена прялки и веретена самопрялкой, применение машин, облегчающих надлежащую подготовку основы и утка до поступления на станок, введение сукновалок вместо того, чтобы мять сукно в воде [6, с. 82].

Другие отрасли, в свою очередь, сохраняли приверженность мануальному труду, но уже ко второй половине XVIII в. промышленники ощутили насущную потребность технического перевооружения.

Технический прогресс сопровождался растущим требованием к удешевлению производимой продукции. Предприниматели стремились к максимальному снижению оплаты труда наемных работников, привлекали детей и женщин к труду. Мануальный труд, безусловно, требовал большей квалификации и поэтому оплачивался на более высоком уровне, но автоматизация привела к тому, что человек стал выполнять лишь «обслуживающие» операции на производстве.

Таким образом, переход от мануфактурного к фабричному производству привел к трансформации структура занятости и системы оплаты труда. Требование удешевления производственной себестоимости стимулировало предпринимателей к максимальной экономии на издержках, и в первую очередь – на заработной плате наемных работников.

Снижение заработной платы привело к ухудшению условий жизни широких слоев населения. Работники нередко получали оплату на уровне физиологического минимума, при этом они были вынуждены трудиться в тяжелых условиях, не имея социальных гарантий. Все это приводило к росту заболеваемости, смертности и общему снижению качества жизни. Низкая заработная плата и ухудшение условий труда способствовали формированию движений социального протеста. Уже в конце XVIII в. становится известно о первых стихийных выступлениях и протестах рабочих. Впоследствии это привело к развитию профсоюзного движения и формированию трудового законодательства.

На макроэкономическом уровне подобные тенденции также возымели негативный эффект: снижение заработной платы сдерживало рост внутреннего потребительского спроса, так как население не имело достаточных доходов для приобретения товаров. Британские промышленники в данной связи стремились переориентироваться на внешние рынки сбыта, что стало одним из стимулов к сохранению колониальной экспансии.

А.Н. Ежов отмечает, что бедственное положение широких масс в долгосрочной перспективе породило и положительные последствия. Так, общественные волнения привели к тому, что Англия стала одной из первых стран мира, где установилась общественная справедливость. В период промышленного переворота сформировались, кроме того, предпосылки с целью развития среднего класса.

В Великобритании XVIII в. земля более не являлась ключевым активом; ценностью стал капитал – коммерческий, экономический или производственный. Вес в обществе стали приобретать лица, которые оказались способны генерировать и удерживать этот капитал – промышленники, лавочники и ремесленники – которые стали затем фундаментом английского среднего класса. С течением времени в ряды среднего класса стали

входить индустриальные рабочие, представители ряда специальностей (врачи, юристы) [4, с. 4].

Таким образом, промышленный переворот стал стимулом для формирования капиталистической модели и становлением рыночной экономики, где основными акторами стали: частные производители (капиталисты), инвестирующие в средства производства; наемные работники. В это время окончательно формируются классы буржуазии и пролетариата, имеющие фундаментальное значение для капиталистической экономики. В этот период усиливаются позиции экономического либерализма, для которого характерны: минимальное вмешательство государства в экономику, свободная конкуренция, разделение труда, формирование трансграничных хозяйственно-финансовых связей.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

- Промышленный переворот (промышленная революция) представляет собой трансформацию социально-экономического уклада посредством изменения принципов функционирования производственных отраслей, перехода от аграрного к фабричному производству, внедрения в производственную деятельность новых технологий.
- Великобритания стала первой страной, где произошла промышленная революция – во многом благодаря изобретению и широкому внедрению в практику парового мотора, прядильных машин, станков, технологий в области металлургии.
- Промышленный переворот едва ли может случиться в стране без наличия определенных условий и предпосылок. В отношении Великобритании можно отметить следующие предпосылки: специфика религиозной жизни жителей страны, отличительные особенности английского Просвещения, военные походы Великобритании, фактор снижения стоимости аграрной продукции в первой половине XVIII в., развитие транспорта и совершенствование дорожной инфраструктуры, сохранение колониальных владений, практика «огораживания», которая привела к урбанизации.
- Начальной стадией промышленного переворота в Англии стала трансформация хлопчатобумажной промышленности. Другие отрасли, в свою очередь, сохраняли приверженность мануальному труду, но уже ко второй половине XVIII в. многие отрасли стали применять новые технологии производства.
- Промышленный переворот привел к ухудшению условий жизни широких слоев населения. Все это приводило к росту заболеваемости, смертности и общему снижению качества жизни.
- Промышленный переворот стал стимулом для формирования капиталистической модели и становления рыночной экономики. В Великобритании XVIII в. земля более не являлась ключевым активом; ценностью стал капитал – коммерческий, экономический или производственный.

Литература

1. Аверина, И.С. Эволюция феномена «промышленная революция»: предпосылки и факторы / И.С. Аверина // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. – 2020. – Т. 22, № 4. – С. 18–25.
2. Бахтин, Н.А. Промышленная революция в Великобритании XVIII–XIX вв.: историография вопроса / Н.А. Бахтин // Шаг в историческую науку: материалы XXII Всероссийской научно-практической конфе-

ренции молодых ученых, Екатеринбург, 22 апреля 2022 года / гл. ред. Г.А. Кругликова. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2022. – С. 17–22.

3. Булдыгин, С.С. Концепция промышленной революции: от появления до наших дней / С.С. Булдыгин // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2017. – № 420. – С. 91–95.
4. Ежов, А.Н. Промышленная революция в Англии: причины и результаты / А.Н. Ежов, Н.А. Гончарова, Г.В. Кренинина – 2021. – Т. 4, № 3. – 8 с.
5. Короткая, А.Г. Место и роль Великобритании в мировой экономике / А.Г. Короткая // Digital. – 2022. – № 1. – 5 с.
6. Лаптева, Е.В. Западная Европа эпохи промышленного переворота: достижения и противоречия / Е.В. Лаптева // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2020. – № 4–1. – С. 79–85.
7. Попов, Г.Г. Хозяйственный порядок в Британии в XVIII – начале XX вв. О причинах кризиса капитализма «Нулевая депрессия» / Г.Г. Попов // Cloud of science. – 2014. – № 3. – С. 498–516.
8. Пресмаков, В.В. Промышленный переворот в Англии / В.В. Пресмаков, Д.М. Широких // Экономика и социум. – 2014. – № 4–4 (13). – С. 492–497.

GREAT BRITAIN DURING THE INDUSTRIAL REVOLUTION: FEATURES OF ECONOMIC DEVELOPMENT

Novoselova O.A.

Pacific National University

The presented research analyses various scientific approaches to the definition of the term “industrial revolution”. It is noted that the industrial revolution was a systemic process that covered key industries. The prerequisites for industrialization are analyzed, including religious attitudes, features of the English Enlightenment, agrarian reforms, colonial expansion, reduction in the cost of agricultural products and the development of transport infrastructure. The stag-

es of the industrial revolution in Great Britain are described. Particular attention is paid to the social consequences, in particular the decline in wages, the exploitation of women and children, the growth of urbanization and the deterioration of living conditions for workers. It is concluded that the industrial revolution became the foundation for the formation of a market economy.

Keywords: industrial revolution, Great Britain, colony, manual labor, automation, innovation, middle class, working class.

References

1. Averina, I.S. Evolution of the phenomenon of “industrial revolution”: prerequisites and factors / I.S. Averina // Bulletin of Volgograd State University. Economics. – 2020. – Vol. 22, No. 4. – Pp. 18–25.
2. Bakhtin, N.A. Industrial Revolution in Great Britain in the 18th-19th centuries: historiography of the issue / N.A. Bakhtin // Step into Historical Science: Proceedings of the XXII All-Russian Scientific and Practical Conference of Young Scientists, Yekaterinburg, April 22, 2022 / ed. -in-chief G.A. Kruglikova. – Yekaterinburg: Ural. state ped. university, 2022. – Pp. 17–22.
3. Buldygin, S.S. The concept of industrial revolution: from its emergence to the present day / S.S. Buldygin // Vestn. Tom. state University. – 2017. – No. 420. – P. 91–95.
4. Yezhov, A.N. Industrial revolution in England: causes and results / A.N. Yezhov, N.A. Goncharova, G.V. Kretinina – 2021. – Vol. 4, No. 3. – 8 p.
5. Korotkaya, A.G. The place and role of Great Britain in the world economy / A.G. Korotkaya // Digital. – 2022. – No. 1. – 5 p.
6. Lapteva, E.V. Western Europe in the era of the industrial revolution: achievements and contradictions / E.V. Lapteva // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. – 2020. – № 4–1. – P. 79–85.
7. Popov, G.G. Economic order in Britain in the 18th – early 20th centuries. On the causes of the crisis of capitalism “Zero Depression” / G.G. Popov // Cloud of science. – 2014. – № 3. – P. 498–516.
8. Presmakov, V.V. Industrial revolution in England / V.V. Presmakov, D.M. Shirokih // Economy and society. – 2014. – № 4–4 (13). – P. 492–497.

Как внештатные переводчики справляются с профессиональными рисками

Падерина Яна Вячеславовна,

студент, кафедра китаеведения, Дальневосточный
Федеральный институт
Paderinaana869@gmail.com

Коваленко Алёна Сергеевна,

старший преподаватель Академического департамента
английского языка Восточного института – Школы
региональных и международных исследований, ДВФУ

Карцева Екатерина Алексеевна,

кандидат филологических наук, доцент АДАЯ ВИ-ШРМИ,
ДВФУ

Кохан Ирина Николаевна,

кандидат филологических наук, доцент АДАЯ ВИ-ШРМИ,
ДВФУ

В статье рассматриваются основные профессиональные риски, с которыми сталкиваются переводчики-фрилансеры в своей деятельности, а также описываются эффективные стратегии их минимизации. Обращается внимание на основные проблемы, с которыми сталкивается фрилансер-переводчик в отличие от штатного работника. Проанализированы и приведены конкретные примеры профессиональных рисков: психологические, физиологические, социальные и финансовые. Рекомендуется использовать комплексный подход: применять психологические практики, организовать домашнее рабочее место с учетом удобства и полезности, проводить регулярно зарядку для глаз, делать перерывы в работе, используя современные мобильные приложения-напоминания, использовать современные программы для перевода, снижая нагрузку, а также принимать активное участие в профессиональных сообществах, искать дополнительные возможности дохода, легализовать свою деятельность через оформление самозанятости.

Ключевые слова: переводчик, профессиональные риски, психоэмоциональное выгорание, эргономика, стрессоустойчивость, технологии в переводе, фриланс, управление рисками, профессиональное развитие, CAT-инструменты.

Введение

Современная профессия переводчика в XXI веке сочетает в себе высокую востребованность и значительный уровень профессиональных рисков, связанных с психоэмоциональными, физиологическим, социальными и финансовыми аспектами деятельности. Современные вызовы требуют от специалистов не только языковой компетенции, но и умения адаптироваться к быстро меняющейся цифровой среде, поддерживать здоровье и финансовую стабильность. Цель данной статьи – выявить и систематизировать стратегии минимизации профессиональных рисков переводчиков, а также оценить их эффективность в условиях цифровизации отрасли.

Обзор литературы

Анализ отечественных и зарубежных исследований показывает, что профессиональные риски переводчиков классифицируются на психологические, физиологические, социальные и финансовые. Каждая из них оказывает комплексное влияние на качество работы и благополучие специалиста:

- Психологические риски связаны со стрессом, тревогой и профессиональным выгоранием, особенно характерными для фрилансеров, у которых отсутствует стабильная организационная структура (Васина, 2023, с. 7–11 [3]).
- Физиологические риски обусловлены длительной работой за компьютером, что ведёт к проблемам с опорно-двигательным аппаратом и зрением (Гавриленко, 2024, с. 176–196 [4]).
- Социальные и финансовые риски проявляются в виде изоляции, нестабильности дохода и отсутствия социальных гарантий, что особенно актуально для удаленных специалистов (Безобразова Т.А., 2024, с. 780–788 [2]).

Научная новизна

Новизна исследования заключается в комплексном подходе к анализу профессиональных рисков переводчиков с учетом современных цифровых инструментов и сравнении стратегий управления рисками для различных форм занятости (фриланс и штатная работа). Впервые выделены наиболее эффективные методы профилактики и минимизации рисков на основе синтеза теоретических источников и практических кейсов. Практическая значимость заключается в разработке рекомендаций для переводчиков, работодателей и образовательных учреждений по профилактике профессиональных угроз и внедрению программ поддержки специалистов отрасли.

Фриланс и переводчик в нем

«Фриланс предполагает под собой отсутствие трудового договора, вместо которого используется гражданско-правовое соглашение. В том случае, когда договор заключен, и человек просто работает дома дистанционно, то его деятельность можно назвать надомным трудом, который урегулирован российском законодательством, в ст. 310 Трудового кодекса Российской Федерации, в которой го-

ворится, что «надомниками считаются лица, заключившие трудовой договор о выполнении работы на дому из материалов и с использованием инструментов и механизмов, выделяемых работодателем либо приобретаемых надомником за свой счет». Данное понятие нельзя полностью сопоставить с фрилансом, так как оно не отражает его суть. Само же определение термина «фриланс» отсутствует в нормативно-правовых актах отечественной законодательной системы.

Исходя из этого правовые аспекты фриланса практически не регулируются в Российской Федерации, здесь авторы статьи могут отследить проблему государственного контроля этой отрасли...» (Дроздова, 2022, с. 229–236).

В исследовании А.А. Захаровой отмечено следующее: «... При должном уровне иностранного языка, вы можете заняться переводом. За это оплачивают больше, чем за обыкновенный рерайтинг. Но здесь тоже все зависит от биржи:

1) Vakvak.ru – вакансии для переводчиков в России. В бесплатной версии возможно посмотреть задания, выложенные 12 часов назад и позднее. Для приобретения свежих вакансий понадобится платная подписка.

2) Tranzilla.ru – биржа высококвалифицированных переводчиков.

Регистрация бесплатная. Есть справочник специалистов из России и других стран мира. Русскоязычная биржа профессиональных переводчиков-фрилансеров.

3) Perevodchik.me – каталог переводчиков. Здесь вы можете выложить заявку на выполнение перевода. Оплата подписки не требуется...» (Захарова, 2021, с. 64–70).

На рынке труда для фрилансеров-переводчиков есть реальные возможности получения заказов, но большинство из них сосредоточено в интернете.

Для того, чтобы начать работу в данной сфере также нужны начальные денежные вложения, опыт, а также время на поиск заказов. Есть риски неполучения заказов, мошенничества, особенно в аспекте правовой незащищенности. Правовой вакуум в сфере фриланса требует внимания со стороны государства для разработки нормативных актов, обеспечивающих защиту прав и интересов фрилансеров, чтобы минимизировать риски, которые могут возникнуть у переводчиков. В целом все риски объединяются в психологические, физиологические, социальные и финансовые.

Стратегии минимизации психологических рисков

Исследования показывают, что развитие стрессоустойчивости и создание системы профессиональной поддержки существенно снижают негативное влияние психоэмоциональных факторов. Например, использование техник глубокого дыхания, медитаций и практик осознанности способствует снижению тревожности и повышению эмоциональной стабильности (Безобразова А.С., 2021, с. 50–54 [1]). Эти методы особенно эффективны при работе с травмирующими текстами и при работе с высокой умственной нагрузкой, как у переводчиков. Так как данные методики помогают и при работе в условиях неопределенности и рисков, с которыми сталкиваются переводчики-фрилансеры. Эти методики помогают фрилансерам, так как вполне подходят для самостоятельного освоения, не требуют много времени и специальной долгой подготовки. Помогают вышеуказанные техники фрилансерам-переводчикам, так как снижают уровень стресса, помогают сосредоточиться на важном в своей жизни или просто сделать перерыв,

так как работа с текстом может быть очень утомительна и занимать много времени.

Профессиональные сообщества играют ключевую роль в поддержке переводчиков. Участие в международных платформах, таких как ProZ.com и IAPT1, позволяет специалистам обмениваться опытом, обсуждать сложные ситуации и получать эмоциональную поддержку (Васина, 2023, с. 7–11 [3]). Для фрилансеров это снижает уровень социальной изоляции и способствует формированию устойчивости к стрессу, повышению мотивации. Так как переводчики-фрилансеры в основном работают дома, а их окружение обычно ограничено семьей и друзьями, среди которых не всегда присутствуют люди, которые также заняты в схожей сфере и могут поддержать, поделиться опытом и историями успеха. Поэтому так важно вовлекаться в профессиональные сообщества.

Профилактика физиологических рисков

Работа переводчика-фрилансера сопряжена с тем, что у переводчика-фрилансера нет прямой обязанности находиться за рабочим местом во время работы над текстом, как это могло бы быть на рабочем месте в офисе. Часто происходят ситуации, когда работа над переводом ведется в постели, на кухне, без рабочего стола или за ним, но в не в физиологической позиции, либо в транспорте, при этом может не соблюдаться режим перерывов. Это грозит проблемами со здоровьем, а именно проблемами со зрением, позвоночником, шеей.

Правильная организация рабочего места и рациональный режим труда являются фундаментальными мерами профилактики профессиональных рисков у переводчиков-фрилансеров. Эргономическая оптимизация рабочего пространства предполагает использование регулируемых по высоте столов и кресел, корректное расположение монитора на уровне глаз, а также специальных опор для запястий, что способствует снижению мышечного напряжения и предотвращению развития профессиональных заболеваний и опорно-двигательного аппарата (Гавриленко, 2024, с. 176–196 [4]). Для профилактики утомления глаз рекомендуется техника 20–20–20, предложенная Американской оптометрической ассоциацией: каждые 20 минут смотреть на объект на расстоянии около 6 метров в течение 20 секунд.

Помимо этого, регулярная физическая активность играет ключевую роль в поддержании здоровья переводчиков-фрилансеров, особенно при длительной работе за компьютером. Выполнение специальных упражнений для мышц спины, шеи и рук, а также планирование перерывов каждые 50–60 минут способствуют снижению мышечного напряжения и профилактике профессиональных заболеваний. Для систематизации режима труда и отдыха целесообразно использовать специализированные программные приложения такие как Workrave и Break Timer, которые напоминают о необходимости выполнения перерывов и физических упражнений (Гулиянц А.Б., Гулиянц С.Б., 2022, с. 125–134 [5]). Таким образом, комплексное применение эргономических и физиологических рекомендаций способствует снижению профессиональных рисков и повышению эффективности работы переводчиков-фрилансеров.

Социальные и финансовые риски

Работа переводчика-фрилансера подразумевает отсутствие рабочего места в офисе. Часто отсутствуют трудо-

вой договор, где четко определены финансовые вознаграждения, режим труда и отдыха, компенсации.

У такого работника отсутствует деловое окружение, которое есть в рабочем офисе. Нет здоровой деловой конкуренции. Также отсутствуют финансовые гарантии.

Для снижения социальных рисков переводчикам-фрилансерам рекомендуется активно создавать и участвовать в профессиональных сообществах. Это способствует обмену информацией и поддержке. Обучение менеджменту и маркетингу позволяет специалистам грамотно устанавливать цены, вести клиентскую базу и участвовать в тендерах и аукционах, что обеспечивает финансовую устойчивость (Безобразова Т.А., 2024, с. 780–788 [2]).

Для снижения финансовых рисков рекомендуется поиск дополнительных доходов и самостоятельное профессиональное развитие, а также возможный выход в сферу фриланса, которая регулируется законодательством – оформление самозанятости.

Дополнительные источники дохода, такие как создание курсов или ведение блогов, способствуют финансовой независимости и расширению профессионального влияния. Освоение новых языков и специализаций, например, в медицинской или технической сфере, снижает риски отсутствия заказов и повышает конкурентоспособность (Безобразова А.С., 2021, с. 50–54 [1]).

Оформление самозанятости поможет снизить финансовые риски, так как дает возможность снизить возможное финансовое мошенничество при оплате переводов, так как факт наличия работы можно доказать с помощью оформления и выдачи чека, договора и акта выполненных работ. Появляется возможность официально работать с юридическими лицами и получать от них выплаты за выполненные переводы. Также многие компании предпочитают выбрать фрилансера-переводчика, который сможет выдать чек, тем самым подтвердив исполнение услуги, которую можно провести по бухгалтерии юридического лица. Используя такой режим, фрилансер-переводчик может минимизировать финансовые риски, так как может получать и выполнять официальные заказы от юридических лиц и рассчитывать на долгосрочное сотрудничество.

Роль технологий в управлении рисками

Работа фрилансера-переводчика, конечно, подразумевает использование своего образования и опыта при выполнении перевода, но современный мир предоставляет возможности для упрощения данного процесса, помогая осуществить большую часть перевода, оставив переводчику больше свободного времени, помогая избегать переутомления и выгорания.

Современные технологии значительно повышают эффективность работы и снижают когнитивную нагрузку. Использование CAT-инструментов (Trados, memoQ) позволяет ускорить процесс перевода и повысить точность, снижая вероятность ошибок (Гавриленко, 2024, с. 176–196 [4]). Автоматическая проверка текста с помощью Grammarly и LanguageTool помогает минимизировать грамматические и стилистические ошибки.

Проектные платформы, такие как Asana и Trello, способствуют организации рабочего процесса и контролю сроков, что уменьшает стресс, связанный с дедлайнами. Облачные хранилища (Google Drive, Dropbox) обеспечивают сохранность данных и снижают риск их потери.

Особое внимание уделяется освоению машинного перевода и систем постредактирования, которые позволяют справляться с большими объемами работы, снижая

энергетические затраты и повышая конкурентоспособность (Васина, 2023, с. 7–11 [3]).

Обсуждение эффективности стратегий

Анализ показывает, что комплексное применение перечисленных стратегий значительно снижает профессиональные риски. Например, фрилансеры-переводчики, активно участвующие в профессиональных сообществах и использующие современные технологии, демонстрируют более высокую стрессоустойчивость и финансовую стабильность по сравнению с изолированными специалистами (Безобразова Т.А., 2024, с. 780–788 [2]). Штатные переводчики, применяющие эргономические рекомендации и методы саморегуляции, реже сталкиваются с профессиональным выгоранием.

Однако эффективность стратегий зависит от индивидуальных особенностей и условий работы. Необходим дальнейший сравнительный анализ для определения оптимальных подходов в различных подкатегориях переводчиков.

Выводы

Профессиональные риски в сфере перевода представляют собой комплексные вызовы, требующие системного и проактивного подхода к их минимизации. Научные данные подтверждают, что развитие личных компетенций, применение современных технологий, организация рабочего пространства и активное участие в профессиональных сообществах существенно снижают уровень стрессовых и физиологических нагрузок, а также обеспечивают финансовую устойчивость.

Перспективы дальнейших исследований связаны с углублённым сравнительным анализом эффективности различных стратегий для фрилансеров и штатных сотрудников, а также с разработкой специализированных программ поддержки и обучения.

Литература

1. Безобразова, А.С. Переводы вчера и сегодня: как современные технологии меняют работу переводчика / А.С. Безобразова // Восточно-Европейский научный журнал. – 2021. – № 1–6(65). – С. 50–54.
2. Безобразова, Т.А. Переводческая деятельность в эпоху цифровой глобализации: вызовы и перспективы / Т.А. Безобразова // Вестник науки. – 2024. – № 11 (80). – С. 780–788.
3. Васина, Е.А. Профессионально-деятельностный подход в обучении синхронных переводчиков в вузе / Е.А. Васина // МНКО. – 2023. – № 2 (99). – С. 7–11.
4. Гавриленко, Н.Н. Когнитивные риски цифровизации процесса подготовки переводчиков / Н.Н. Гавриленко // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2024. – № 4 (56). – С. 176–196.
5. Гулянец, А. Б., Гулянец, С.Б. Метод проектов как средство профессиональной подготовки переводчиков в вузе / А.Б. Гулянец, С.Б. Гулянец // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2022. – № 1 (45). – С. 125–134.
6. Дроздова, А.А. Фриланс: новый этап развития организации трудовой деятельности или неэффективная её форма / А.А. Дроздова, Ю.Е. Капускина // Исследование инновационного потенциала общества и формирование направлений его стратегического развития. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. – С. 229–236.

7. Захарова, А.А. Фриланс биржи как направление современного бизнеса в России / А.А. Захарова, А.Ю. Быструшкин // Социальное и экономическое развитие АТР: проблемы, опыт, перспективы. – Комсомольск-на-Амуре: Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, 2021. – С. 64–70.

HOW FREELANCE TRANSLATORS COPE WITH PROFESSIONAL RISKS

Paderina Ya.V., Kovalenko A.S., Kartseva E.A., Kokhan I.N.

Far Eastern Federal Institute

The article discusses the main professional risks faced by freelance translators in their work, and describes effective strategies for minimizing these risks. It highlights the main challenges freelance translators encounter compared to full-time employees. The article analyzes and provides specific examples of professional risks, including psychological, physiological, social, and financial risks.

It is recommended to adopt a comprehensive approach that includes the following strategies: applying psychological practices, organizing a home workplace that is both convenient and functional, performing regular eye exercises, taking breaks using modern mobile reminder apps, utilizing advanced translation software to reduce the workload, and actively participating in professional communities, seeking additional income opportunities, and legalizing your activities through self-employment.

Keywords: translator, professional risks, psychoemotional burnout, ergonomics, stress resistance, translation technologies, freelancing, risk management, professional development, CAT tools.

References

1. Bezobrazova, A.S. Translations Yesterday and Today: How Modern Technologies Change the Work of a Translator / A.S. Bezobrazova // East European Scientific Journal. – 2021. – No. 1–6(65). – Pp. 50–54.
2. Bezobrazova, T.A. Translation Activity in the Era of Digital Globalization: Challenges and Prospects / T.A. Bezobrazova // Bulletin of Science. – 2024. – No. 11 (80). – Pp. 780–788.
3. Vasina, E.A. Professional and Activity-Based Approach in Teaching Simultaneous Translators at a University / E.A. Vasina // MNKO. – 2023. – No. 2 (99). – Pp. 7–11.
4. Gavrilenko, N.N. Cognitive Risks of Digitalization of the Translation Training Process / N.N. Gavrilenko // Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Philology. Theory of Language. Language Education. – 2024. – No. 4 (56). – Pp. 176–196.
5. Guliyants, A. B., Guliyants, S.B. The Project Method as a Means of Professional Training for Translators at a University / A.B. Guliyants, S.B. Guliyants // Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Philology. Theory of Language. Language Education. – 2022. – No. 1 (45). – Pp. 125–134.
6. Drozdova, A.A. Freelancing: a New Stage in the Development of Labor Organization or an Inefficient Form of Labor / A.A. Drozdova, Yu.E. Kapuskina // Research on the Innovative Potential of Society and the Formation of Directions for Its Strategic Development. – Kursk: South-Western State University, 2022. – Pp. 229–236.
7. Zakharova, A.A. Freelance Exchanges as a Direction of Modern Business in Russia / A.A. Zakharova, A. Yu. Bystrushkin // Social and Economic Development of the Asia-Pacific Region: Problems, Experience, and Prospects. – Komsomolsk-on-Amur: Amur State University of Humanities and Education, 2021. – Pp. 64–70.

Культурные и интеллектуальные процессы в Великобритании конца XVIII столетия

Новоселова Ольга Анатольевна,

аспирантка Высшей школы педагогики и истории, ТОГУ

E-mail: helganovoselova97@gmail.com

В статье рассмотрены политические и социально-экономические условия, сформировавшиеся в Великобритании в конце XVIII в. Обозначена роль промышленной революции в развитии культуры, общества, производства, науки и искусства. Описаны некоторые важнейшие научные достижения, сделанные британскими учеными. Подробно анализируются изменения в области образования, издательского дела, литературного творчества. Сделан вывод о широком распространении науки и культуры за пределы интеллектуальной элиты общества, что стало возможным благодаря росту грамотности, развитию системы образования и увеличения масштабов выпуска печатной продукции. Кроме того, обозначена специфика развития изобразительного искусства в конце XVIII в.

Ключевые слова: Великобритания, промышленная революция, механизация, просвещение, демократизация, система образования, урбанизация, библиотека, издательское дело, литература, изобразительное искусство.

Изучение культурных и интеллектуальных процессов, происходивших в Великобритании в конце XVIII в., представляет собой весьма *актуальную* научную задачу. Данный период характеризуется высокой степенью интенсивности социальных и экономических преобразований, высокими темпами развития научного знания, формированием новых подходов к образованию. Кроме того, указанный период совпадает с промышленной революцией, которая привела к радикальным социально-экономическим сдвигам и к формированию новой социально-культурной парадигмы. Исследование культурных и интеллектуальных процессов в Великобритании конца XVIII в. позволяет глубже понять истоки современной европейской цивилизации, выявить закономерности взаимодействия философии, науки, литературы и искусства в условиях социокультурной трансформации.

Прежде чем приступить к анализу культурной и интеллектуальной динамики в Великобритании в конце XVIII в., следует отметить, что наука, культура и искусство развивались в условиях ощутимых трансформационных политических, производственных и экономических процессов. Подобные изменения оказали непосредственное влияние на культуру, науку и британское общество в целом.

Промышленная революция, произошедшая в Великобритании в XVIII в., изменила производственные и социальные отношения и оказала стимулирующее воздействие на экономику страны. Возникновение масштабных производств, автоматизация и внедрение новых технологий привели к формированию буржуазии и укреплению механизмов капиталистической модели экономического развития. Все это, в свою очередь, привело к развитию банковской системы и финансовых услуг, увеличило объемы инвестиций в торговлю и промышленность. Колониальная экспансия Великобритании продолжала обеспечивать доступ к ресурсам и новым рынкам.

Переход от мануального к механизированному производству, расширение промышленной сферы, экономический подъем и научные достижения – все это привело к тому, что в конце XVIII в. Великобритания получила статус «мастерской мира». Именно этот период стал решающим в формировании современной Великобритании – высокоиндустриальной страны с мощным промышленным сектором и высоким уровнем технологического развития, лидера в производстве и технологиях [7, с. 1085].

Развитие науки, как отмечено выше, стало фундаментом для реорганизации и эффективизации производства. Первая промышленная революция, начавшаяся во второй половине XVIII в., стала возможной именно благодаря внедрению технологических новшеств. Среди наиболее значительных изобретений рассматриваемого нами периода можно назвать механическую прялку «Дженни», станок Картрайта, паровой двигатель, пудлинговая печь (металлургия), гребной винт.

Технологии, изобретенные и имплементируемые в Великобритании, стали распространяться по всему миру. Так, в США были позаимствованы многие производственные инновации, что впоследствии привело к росту индустрии и усугубило социально-экономические раз-

личия между Севером и Югом. Британский опыт, кроме того, стал основой для модернизации производственной сферы во Франции, Германии, Бельгии и др. Усиление роли промышленного производства привело к урбанизации и изменениям в социально-классовой структуре как в Великобритании, так и в других странах. Многие крестьяне утратили земельные наделы в результате насильственных ликвидаций сельских общин, что заставляло их массово переселяться в города [9].

Великобритания – «мастерская мира» – стала одним из центров «мирохозяйственных связей и полюса экономического притяжения, по отношению к которым остальной мир занимает зависимое положение» [13, с. 17]. Как указывал шотландский ученый Э. Ур (1835 г.), «этот остров выделяется на фоне остальных цивилизованных стран колоссальным уровнем промышленного производства и потому является объектом зависти правительств иностранных держав» [цит. по 2, с. 91]. Безусловно, технологические новшества, возникшие в Великобритании, можно считать «триггером глобальных экономических и политических изменений» [1, с. 1074].

Важную роль в развитии культуры, науки, философии, идеологии и общества в целом сыграло политическое развитие страны в XVIII в. Данный период характеризуется ослаблением роли монархической власти и переходом существенной доли политического влияния к парламенту и кабинету министров. Политическая борьба в Великобритании XVIII в. разворачивалась между представителями партий вигов и тори. При этом подобное противостояние возымело позитивное влияние на хозяйственную деятельность Великобритании путем укрепления права частной собственности, стимулирования частного сектора, расширения возможностей внутренней и внешней торговли [3, с. 164].

В годы правления короля Георга III, кроме того, произошли многие события мирового масштаба: закончилась Семилетняя война, американские колонии получили независимость от Британской Империи, произошла Великая французская революция и Наполеоновские войны [9].

Великобритания начала постепенно утрачивать свое влияние на освоенных ранее колонизированных территориях. Тем не менее, со стороны британских исследователей все еще сохранялся научный интерес к освоению удаленных регионов. Так, в частности, в конце XVIII в. была создана «Ассоциация для содействия открытию внутренних частей Африки», которая занималась научными экспедициями в страны Африки. Также британские геологи исследовали Альпы, Пиренеи, Апеннины, Французский массив, Карпаты.

Во второй половине XVIII в. учёным удалось сделать множество прорывов в области астрономии, физики, химии, биологии, медицины, экономики, политологии и др. К примеру, Дж. Пристли открыл процесс фотосинтеза, доказав, что растения поглощают углекислый газ, выделяя кислород [11]. Э. Дженнер заложил основы иммунологии и внес ощутимый вклад в популяризацию вакцинации и профилактической медицины в целом. У. Гершель в 1781 г. открыл планету Уран, внёс вклад в изучение туманностей, звёзд и инфракрасного излучения, что заложило основы современной астрофизики. Г. Кавендиш открыл водород и изучил его свойства; его работы оказали влияние на последующие исследования М. Фарадея и Дж. К. Максвелла. А. Смит сформулировал принципы классической политической экономии, включая теорию «невидимой руки рынка». Его идеи стали фундаментальными в развитии либеральной экономической теории, в т.ч. на современном этапе. Э. Берк – один из основателей современного консерватизма –

провел глубокий анализ идеологических и культурных проблем эпохи, сопоставив британский эволюционный путь модернизации и радикализм Французской революции. Эти и многие другие примеры научных достижений демонстрируют, что конец XVIII в. был для Великобритании эпохой расцвета и модернизации научного знания, междисциплинарной интеграции, формирования современной научной методологии, а также интенсивных культурных и философских дискуссий.

Безусловно, важным аспектом культурной и интеллектуальной трансформации Великобритании конца XVI–II в. является широкое распространение науки и культуры за пределы узких элитарных кругов, что стало возможным благодаря росту грамотности, развитию системы образования и расширению печатной продукции. Данные процессы можно считать индикаторами ранней стадии формирования публичной сферы и зарождения европейской (западной) массовой культуры.

Во второй половине XVIII в. уровень грамотности среди населения Великобритании значительно возрос, особенно в городах и среди представителей среднего класса. Развитие начального образования, воскресных школ, традиционных англиканских университетов способствовали обеспечению широкого доступа к знаниям. Доля грамотного населения к началу георгианской эпохи (1714 г.) среди мужчин составляла 45%, а среди женщин – 25%. К концу XVIII в. данные показатели составили 60 и 40% соответственно [6, с. 66].

Расширение печатной индустрии сыграло решающую роль в демократизации культуры и знания. На данном этапе наблюдается значительное увеличение объема издаваемой литературы – как научной, так и художественной. Ежедневные и еженедельные газеты, научно-популярные журналы, энциклопедические издания, библиотеки – все это обеспечило доступ к научному знанию для широкой публики. Пресса и книжная продукция не только информировали население, но и формировали общественное мнение, вовлекая читательскую аудиторию в интеллектуальные дискуссии.

Периодическая публицистика получила распространение в XVIII в. с изданием *The Tatler* (1709 г.), *The Examiner* (1710 г.) и *The Spectator* (1711 г.) [6, с. 66]. В конце века наблюдался рост тиражей региональной прессы, чему поспособствовал закон, разрешавший типографскую деятельность вне территории Лондона. В XVIII в. в употребление вошло слово «газета». Средний класс стал основным потребителем печатной продукции, однако, данная продукция все еще оставалась недоступной для многих граждан по причине высокой стоимости. В данной связи издатели начали внедрять системы платных абонементов, приобретение которых позволяло брать книги напрокат.

Развитие периодики и массовой художественной и научной литературы привело к возникновению новых жанров – литературных обзоров и литературной критики. В качестве примеров подобных изданий можно привести *Monthly Review* (1749–1815 гг.) и *Critical Review* (1756–1817 гг.) [6, с. 69].

Вышеотмеченные тенденции и процессы обусловили, кроме того, развитие книготорговли и литературного дела. Можно сказать, что именно в литературном творчестве проявились самые смелые достижения творческой мысли (произведение Дж. Свифта «Путешествие Гулливера», Д. Дефо «Робинзон Крузо» и проч. [5]).

Современные исследования, посвященные издательскому делу и литературе Великобритании XVIII в., раскрывают разнообразие выбора читателей, обнаруживают эволюцию культуры чтения, раскрывают механизмы

и способы распространения и циркуляции книжной продукции через книжные лавки и библиотеки [12, с. 151].

Коммерческие библиотеки появились в Великобритании около 1740 г., а уже к 1801 г. только в Лондоне насчитывалось порядка 1 000 публичных библиотек. На базе библиотек функционировали дискуссионные клубы и джентельменские общества. Крупные библиотеки предоставляли читателям как индивидуальное, так и коллективное пространство для чтения. Публичные библиотеки стали местами социализации и интеллектуальной коммуникации [12, с. 152].

Значительное распространение получили публичные лекции, проводимые учёными и популяризаторами науки. Подобные встречи собирали широкую аудиторию, включая представителей ремесленного сословия, купечества и даже рабочего класса. Распространение получили, кроме того, т.н. кабинеты любознательности, где демонстрировались научные инструменты, аппараты, минералы, геологические и археологические находки, анатомические препараты и технические инновации. В 1753 г. был основан Британский музей, ставший одним из основных признаков институционализации парадигмы массового просвещения и популяризации научного знания.

Как отмечено выше, в конце XVIII в. начальное образование становится всё более доступным, особенно в городах. Значительную роль в этом процессе сыграли воскресные школы, где дети из бедных семей обучались чтению, письму и основам арифметики. Существовали также благотворительные школы, финансируемые частными лицами, религиозными обществами или филантропами. Диссентерские школы и академии, ставшие альтернативой классическим англиканским учебным заведениям, предлагали прогрессивную по тем временам программу обучения, включая естественные науки, современные языки, географию и математику [8, с. 135]. Тем не менее, система среднего и особенно высшего образования сохраняла элитарный характер. Университеты поддерживали классическую схему образования, основанную на изучении богословия, античной философии и латинской литературы.

Говоря об изобразительном искусстве конца XVI–II в., следует отметить, что британская изобразительная школа сложилась позже остальных видов искусств. Пуританская идеология, доминировавшая на протяжении XVII в., существенно ограничивала развитие национальной живописной школы. Лишь в середине XVII в. начинает развиваться портретный жанр. Тем не менее, в последующем английские художники стали работать гораздо более интенсивно, свободно, самообытно, что позволило сформировать уникальный британский стиль в изобразительном искусстве [10].

По мнению ряда исследователей, XVIII в. для большинства европейских стран «был значительно беднее художественным наследием, чем предыдущее столетие, а ранее ведущие страны в области изобразительного искусства, такие как Голландия, Фландрия и Испания, опустились до уровня самоповторов» [4, с. 89]. Великобритания, тем не менее, является исключением: британские живописцы данного периода внесли существенный вклад в европейское искусство.

На данном этапе формируются основные черты национальной школы живописи, утверждаются новые эстетические принципы, усиливается социальная функция искусства. Художественная культура Великобритании этого периода развивалась в тесной связи с философией Просвещения, ростом национального самосознания, а также изменениями в структуре общества и распространением идей сентиментализма и романтизма.

Изобразительное искусство Великобритании конца XVIII в. опиралось на фундамент эстетики и морали, обращалась к литературе и театру, к проблемам современности. Светские произведения живописного искусства отличались буржуазным, проблемно-бытовым характером повествования, что резко отличало британское искусство от общеевропейского, где художники изображали греческих богов или монументальных личностей (барокко), либо пасторальные романтические сюжеты (рококо) [4, с. 90].

Некоторые исследователи считают XVIII в. «золотым веком» живописи Великобритании. Одной из причин динамичного развития изобразительного искусства принято считать тот факт, что английские художники работали исключительно на частного заказчика, в отличие от европейских, ориентировавшихся на придворную культуру или на заказ со стороны церкви. Англиканская церковь, как известно, не нуждается в алтарных картинах и храмовых росписях и, следовательно, едва ли может выступать заказчиком. Придворной культуры в ее европейском понимании в Англии также не сформировалось. Все это позволило создать в английской живописи особый уникальный стиль и специфическую палитру художественных жанров.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

- Культурные и интеллектуальные процессы, разворачивавшиеся в Великобритании конца XVIII в., происходили в условиях масштабных социально-экономических трансформаций, вызванных, прежде всего, промышленной революцией. Переход от аграрно-ремесленного к индустриальному обществу, автоматизация производства и внедрение новых технологий не только трансформировали экономическую структуру страны, но и обусловили глубокие изменения в социальной жизни.
- Наука на данном этапе стала фундаментом технического прогресса, индустриального и социального развития. Экономический подъём, рост буржуазной прослойки, урбанизация способствовали распространению образования, повышению уровня грамотности и демократизации культуры.
- Во второй половине XVIII века система образования в Великобритании начала переход от элитарной к более массовой модели. Рост грамотности, развитие начального обучения, расширение доступа к знаниям за счёт печатной продукции способствовали формированию новой прослойки образованной публики.
- Изобразительное искусство конца XVIII века в Великобритании не только отклонилось от происходящих в обществе изменений, но и активно формировало новые эстетические и моральные ориентиры, становясь важным элементом национальной культурной идентичности и интеллектуальной жизни нации.

Литература

1. Бронникова, А.А. Промышленные революции: локальные решения и их глобальное влияние / А.А. Бронникова, К.С. Калашникова // Вестник науки. – 2025. – № 6 (87). – С. 1073–1080.
2. Булдыгин, С.С. Концепция промышленной революции: от появления до наших дней / С.С. Булдыгин // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2017. – № 420. – С. 91–95.
3. Карпова, М.О. Место торговли в политике Великобритании XVIII в. / М.О. Карпова, Е.П. Макаров // Скиф. – 2019. – № 5–1 (33). – С. 193–197.
4. Коновал, А.Р. Английская живопись периода просвещения и ее влияние на становление академизма

ма в России / А.Р. Коновал // Новости науки: социальные и гуманитарные науки. – Москва: Научно-издательский центр «Империя», 2023. – С. 88–91.

5. Культура и искусство Англии 18 века // Арт-планета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://smallbay.ru/article/culture_england.html. – Дата доступа: 02.07.2025.
6. Куцева, Е.А. Книжная культура Англии XVIII века / Е.А. Куцева // Исследования зарубежной истории. – 2021. – Вып. 2. – С. 65–72.
7. Купрякова, А.В. Великобритания – социально-экономическая характеристика страны / А.В. Купрякова // Вестник науки. – 2024. – № 12 (81). – С. 1084–1087.
8. Марушкина, Н.С. Английская культура и российское общество XVIII века / Н.С. Марушкина, Ю.Ю. Шаматова, С.Ю. Травин // Приволжский научный вестник. – 2015. – № 12–1 (52). – С. 134–137.
9. От аграрной страны к промышленной державе // Исторические портал «История. Рф» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://histrf.ru/teacher/istoriya-novogo-vremeni-xviii-nachalaxix-v-velikobritaniya-promyshlennaya-revolyuciya/article/lyudi-i-stanki-promyshlennye-revolucionery-velikobritanii>. – Дата доступа: 02.07.2025.
10. Петров, А. Английское искусство XVIII века // Интернет-библиотека Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://library.by/portalus/modules/culture/readme.php?subaction=show-full&id=1100181866&archive=&start_from=&ucat=&. – Дата доступа: 02.07.2025.
11. Развитие естественных наук в XVIII в. // Онлайн-школа «Фоксворд» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://foxford.ru/wiki/istoriya/razvitie-estestvennyh-nauk-v-vosemnadcatom-v?srltid=AfmBOopfJg6lDoBmsKeJaingAhtyUL1w8Vx8rQLWycSxXm7KtgH0d2p&utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F. – Дата доступа: 02.07.2025.
12. Созинова, К. А. «Библиотечная революция» и культура чтения в Англии во второй половине XVIII – начале XIX в. / К.А. Созинова // Диалог со временем. – 2020. – Вып. 72. – С. 149–164.
13. Хесин, Е.С. Становление Европы как мастерской мира / Е.С. Хесин // Современная Европа. – 2014. – № 1 (57). – С. 17–25.

CULTURAL AND INTELLECTUAL PROCESSES IN GREAT BRITAIN AT THE END OF THE 18TH CENTURY

Novoselova O.A.

Pacific National University

The article describes the political and socio-economic conditions that formed in Great Britain at the end of the 18th century. The role of the Industrial Revolution in the development of culture, society, production, science and art is outlined. Some of the most important scientific achievements made by British scientists are described. Changes in the field of education, publishing, and literary creati-

ty are analyzed in detail. A conclusion is made about the wide dissemination of science and culture beyond narrow elite circles, which became possible due to the growth of literacy, the development of the education system and the expansion of printed products. The specifics of the development of fine art in the late 18th century are outlined.

Keywords: Great Britain, industrial revolution, mechanization, enlightenment, democratization, education system, urbanization, library, publishing, literature, fine arts.

References

1. Bronnikova, A.A. Industrial Revolutions: Local Decisions and Their Global Impact / A.A. Bronnikova, K.S. Kalashnikova // Bulletin of Science. – 2025. – No. 6 (87). – P. 1073–1080.
2. Buldygin, S.S. The Concept of Industrial Revolution: from its Emergence to the Present Day / S.S. Buldygin // Vestn. Tom. state University. – 2017. – No. 420. – P. 91–95.
3. Karpova, M.O. The Place of Trade in the Politics of Great Britain in the 18th Century / M.O. Karpova, E.P. Makarov // Skif. – 2019. – No. 5–1 (33). – P. 193–197.
4. Konoval, A.R. English painting of the enlightenment period and its influence on the formation of academicism in Russia / A.R. Konoval // Science news: social and humanitarian sciences. – Moscow: Scientific Publishing Center "Imperia", 2023. – Pp. 88–91.
5. Culture and art of England of the 18th century // Art planet [Electronic resource]. – Access mode: https://smallbay.ru/article/culture_england.html. – Access date: 07/02/2025.
6. Kutseva, E.A. Book culture of England in the 18th century / E.A. Kutseva // Studies of foreign history. – 2021. – Issue. 2. – Pp. 65–72.
7. Kupryakova, A.V. Great Britain – socio-economic characteristics of the country / A.V. Kupryakova // Science Bulletin. – 2024. – № 12 (81). – P. 1084–1087.
8. Marushkina, N.S. English Culture and Russian Society of the 18th Century / N.S. Marushkina, Yu. Yu. Shamatova, S. Yu. Travin // Privolzhsky Scientific Bulletin. – 2015. – № 12–1 (52). – P. 134–137.
9. From an Agrarian Country to an Industrial Power // Historical Portal "History. Rf" [Electronic resource]. – Access mode: <https://histrf.ru/teacher/istoriya-novogo-vremeni-xviii-nachalaxix-v-velikobritaniya-promyshlennaya-revolyuciya/article/lyudi-i-stanki-promyshlennye-revolucionery-velikobritanii>. – Access date: 02.07.2025.
10. Petrov, A. English art of the 18th century // Internet library of Belarus [Electronic resource]. – Access mode: https://library.by/portalus/modules/culture/readme.php?subaction=show-full&id=1100181866&archive=&start_from=&ucat=&. – Access date: 02.07.2025.
11. Development of natural sciences in the 18th century // Online school "Foxword" [Electronic resource]. – Access mode: https://foxford.ru/wiki/istoriya/razvitie-estestvennyh-nauk-v-vosemnadcatom-v?srltid=AfmBOopfJg6lDoBmsKeJaingAhtyUL1w8Vx8rQLWycSxXm7KtgH0d2p&utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F. – Access date: 02.07.2025.
12. Sozinova, K. A. "Library Revolution" and Reading Culture in England in the Second Half of the 18th – Early 19th Century / K.A. Sozinova // Dialogue with Time. – 2020. – Issue. 72. – P. 149–164.
13. Khesin, E.S. Formation of Europe as a Workshop of the World / E.S. Khesin // Modern Europe. – 2014. – No. 1 (57). – P. 17–25.

Кризис беженцев рохинджа: исторические предпосылки, современное состояние и перспективы урегулирования

Раджиб Наимул Ислам,

аспирант кафедры сравнительной политологии ФГСН,
Российский университет дружбы народов им. Патриса
Лумумбы
E-mail: 1042235358@rudn.ru

Кризис, обусловленный историческим отчуждением, преследованиями и вынужденными перемещениями, привёл к гибели множества людей, а более миллиона человек были вынуждены бежать из Мьянмы в Бангладеш, где в настоящее время проживают в переполненных лагерях для беженцев. Ситуация остаётся крайне тяжёлой: беженцы сталкиваются с ограниченным доступом к основным жизненным потребностям. Урегулирование кризиса требует постоянного дипломатического давления на правительство Мьянмы, всесторонней международной поддержки беженцев, а также установления инклюзивного диалога, затрагивающего коренные вопросы этнической идентичности, гражданства и прав человека. Долгосрочные решения должны предусматривать безопасное, добровольное и достойное возвращение беженцев, наряду с мерами по обеспечению их защиты и интеграции в мьянманское общество.

Ключевые слова: рохинджа, апатриды (лица без гражданства), преследования, дискриминация, Организация Объединённых Наций, Комиссия по правам человека, преступления против человечности, маргинализация.

Introduction

The Rohingya refugee crisis is a multi-faceted humanitarian disaster that has garnered international attention due to its complexity and the severe human rights violations associated with it. The Rohingya people, primarily Muslim, are an ethnic minority in Myanmar's Rakhine State, where they have faced decades of persecution, exclusion, and violence. Their plight can be traced back to colonial legacies and nationalistic policies that have systematically marginalized this community, stripping them of their citizenship and basic human rights. This crisis escalated dramatically in August 2017 when a military crackdown, termed "clearance operations," was launched in response to attacks by a Rohingya militant group. This brutal campaign resulted in widespread atrocities, including killings, sexual violence, and arson, leading over 700,000 Rohingya to flee to neighboring Bangladesh. Today, they reside in sprawling refugee camps, predominantly in Cox's Bazar, which host one of the world's largest populations of refugees living in precarious conditions. As the current situation stands, the Rohingya continue to face numerous challenges, including inadequate access to healthcare, education, and livelihood opportunities¹. The geopolitical landscape further complicates the situation, as regional dynamics and national interests often hinder effective intervention and support for the Rohingya. Despite international condemnation and calls for accountability, efforts to resolve the crisis remain limited, with the Myanmar government largely unresponsive to external pressures. Looking towards the future, the prospects for a resolution to the Rohingya crisis hinge on several critical factors: the restoration of Rohingya rights within Myanmar, sustained international advocacy for their protection.

In the context of conflict, civil society, non-governmental organizations and local govt; institutions help to restore the destroyed society by acting as a key agent of social capital. Rohingya's crisis, rooted in decades of national and religious discrimination in Myanmar, shows that there is a lack of social capital between Rohingya and other national groups. Nevertheless, the theme of civil society uses social capital to help refugees and reconciliation and pressure on political decisions. Only through concerted action from both the global community and regional stakeholders can there be hope for a peaceful resolution that allows for the safe and dignified return of the Rohingya to their homeland, alongside measures to ensure their long-term security and integration. Methodological basis on the Rohingya refugee crisis: Its historical background, present state and the prospect of Resolution².

Historical background

Origin of the Rohingya Community

The Rohingya community, has a complex and contentious history that shapes their identity and status. Their origins can be traced back to the 8th century, when Arab traders

¹ Zahed, I. U. M. (2021). The State against the Rohingya: Root Causes of the Expulsion of Rohingya from Myanmar. *Politics, Religion & Ideology*, 22(3–4), 436–460.

² Alam, J. (2019). The Current Rohingya Crisis in Myanmar in Historical Perspective. *Journal of Muslim Minority Affairs*, 39(1), 1–25

and other groups began settling along the coastal areas of Rakhine State¹. The British colonial era (1824–1948) significantly impacted the demographics of Rakhine State, leading to increased tensions between the Muslim population and the local Buddhist Arakanese community. The Rohingya primarily speak Bengali and practice Islam, distinguishing them culturally and religiously from the predominantly Buddhist population of Myanmar. The term “Rohingya” reflects their distinct ethnic identity, stemming from “Rohang,” an ancient name for Arakan. However, the recognition of their ethnic identity has faced opposition from the Myanmar government, which has classified them as “Bengalis,” suggesting they are illegal immigrants from Bangladesh. The 1982 Citizenship Law rendered many Rohingya stateless, reinforcing their status as a marginalized group within Myanmar². Understanding their historical roots and identity is essential for addressing the current humanitarian crisis and finding pathways to peace and reconciliation in Myanmar.

Colonial Legacy and Ethnic Tensions

Central to its contemporary tensions are the legacies of British colonial rule, which extended from the early 19th century until the country's independence in 1948. This research examines how the colonial legacy has impacted ethnic relations in Myanmar, leading to persistent tensions and unrest. The British annexed Burma through a series of military campaigns beginning in 1824, incorporating various regions inhabited by diverse ethnic groups. This approach created a rift between the Burman majority and various ethnic minorities, including the Karen, Shan, Kachin, and Rohingya³. The failure to incorporate ethnic identities into a unified national framework fueled the rise of ethnic nationalism. The interplay of historical grievances and current political challenges underscores the complexity of addressing ethnic tensions in the country. For Myanmar to move toward sustainable peace and reconciliation, it is imperative to acknowledge and address the historical context of its ethnic dynamics⁴.

Post-Independence Developments

1. The 1982 Citizenship Law. The 1982 Citizenship Law of Myanmar is a pivotal piece of legislation that has had lasting implications for the country's ethnic minorities, particularly the Rohingya Muslim community. The law was introduced against a backdrop of increasing ethnic tensions and national identity politics in Myanmar, which is home to diverse ethnic groups, each with distinct languages, cultures, and histories. The previous laws regarding citizenship were perceived as inadequate, leading the government to create a more stringent and restrictive framework. The most significant impact of the law has been on the Rohingya Muslim population, who have lived in Rakhine State for generations. The lack of citizenship has led to restrictions on movement, access to education, healthcare, and employment opportunities, creating a cycle of poverty and oppression. The law has exacerbated ethnic tensions in Myanmar⁵. By codifying the idea of “Bamar” citi-

¹ Cheesman, N. (2017). How in Myanmar “National Races” Came to Surpass Citizenship and Exclude Rohingya. *Journal of Contemporary Asia*, 47(3), 461–483.

² Ho, E. L. E., & Chua, L. J. (2015). Law and ‘race’ in the citizenship spaces of Myanmar: spatial strategies and the political subjectivity of the Burmese Chinese. *Ethnic and Racial Studies*, 39(5), 896–916.

³ Kramer, Tom. “Ethnic Conflict and Lands Rights in Myanmar.” *Social Research*, vol. 82, no. 2, 2015, pp. 355–74. JSTOR,

⁴ Barany, Zoltan. *The Rohingya Predicament: Why Myanmar's Army Gets Away with Ethnic Cleansing*. Istituto Affari Internazionali (IAI), 2019. JSTOR

⁵ Cheesman, N. (2017). How in Myanmar “National Races” Came to Surpass Citizenship and Exclude Rohingya. *Journal of Contemporary Asia*, 47(3), 461–483.

zenship and excluding non-Bamar groups, the law has fueled ethnic nationalism and resentment among minority communities. The 1982 Citizenship Law has had profound implications beyond just the Rohingya issue. It has shaped the discourse around nationality, identity, and belonging in Myanmar. By establishing rigid definitions of citizenship, the law has reinforced divisions within society and hindered efforts toward national reconciliation. In evaluating the 1982 Citizenship Law, it serves as a foundational element in understanding the complexities of ethnic relations and citizenship in

2. Rise of Nationalism and Anti-Rohingya Sentiment.

Myanmar, a nation characterized by its rich tapestry of ethnicities and cultures, has witnessed a troubling rise in nationalism intertwined with anti-Rohingya sentiment over the past few decades. The roots of modern nationalism in Myanmar can be traced back to the colonial period under British rule⁶. The colonial era under the British rule (1824–1948) has influenced the political, social and economic structure by forming a deeply formed nationalism. The British politics led to the dismantling of traditional Burma monarchs, changing socioeconomic relations, and introducing Western management systems to the emergence of resistance and nationalism ideology. Between 1824 and 1948, British administrative practices in Burma spurred a redefinition of local authority and identity⁷.

Education and medicine also played roles in this process. Western medical practices became intertwined with national self-construal, and Ludington (2022) credited colonial education policies with catalyzing student movements and the rise of new nationalist leaders⁸. In response to these administrative shifts, ethnic-based organizations emerged, as illustrated by Fujimura (2021) in the formation of the Karen National Association in 1881. Seven distinct colonial policies, spanning administrative control, resource management, and social engineering, elicited six corresponding nationalist responses. These studies collectively indicate that British colonial governance disrupted traditional structures and, through various legal, economic, and social interventions, helped forge the contours of modern Burmese nationalist ideology.

The failure to recognize the diverse identities within Myanmar intensified ethnic nationalism and further alienated the Rohingya community. This form of nationalism emphasizes a homogeneous national identity centered around the Burman language and culture, often at the expense of minority groups. The portrayal of the Rohingya as illegal immigrants from Bangladesh has permeated public discourse, leading to widespread perceptions of them as undeserving of citizenship and resources. The rise of nationalism and anti-Rohingya sentiment in Myanmar illustrates a complex interplay of historical legacies, political dynamics, and social factors⁹. As the country grapples with its identity, the exclusion of the Rohingya undermines the ideals of equality and justice.

This paper explores the causes, events, and consequences of the 2012 Rakhine State riots, while also examining their implications for the broader socio-political landscape of Myanmar. In retaliation, a mob of Rakhine Buddhists attacked a group of Rohingya, resulting in the deaths of ten Rohingya men. In response to the escalating violence,

⁶ Alam, J. (2017). The Rohingya of Myanmar: theoretical significance of the minority status. *Asian Ethnicity*, 19(2), 180–210.

⁷ Tarling, N. (1982). “A New and a Better Cunning”: British War-time Planning for Post-War Burma, 1942–43. *Journal of Southeast Asian Studies*, 13, 33–59.

⁸ Edwards, P. (2011). *Bitter Pills: Colonialism, Medicine and Nationalism in Burma, 1870–1940*. *Journal of Burma Studies*, 14, 21–58.

⁹ Zahed, I. U. M. (2021). The State against the Rohingya: Root Causes of the Expulsion of Rohingya from Myanmar. *Politics, Religion & Ideology*, 22(3–4), 436–460.

the government declared a state of emergency on June 10, 2012, and deployed military troops to restore order¹. The violence set a precedent for subsequent incidents. The legacy of the riots continues to haunt Myanmar, complicating the peace process and hindering national reconciliation efforts. The events of 2012 illustrated the fragility of Myanmar's transition towards democracy and the challenges posed by ethnic nationalism. The rise of anti-Rohingya sentiment and the failure to address underlying grievances created a cycle of violence that remains unresolved. The 2012 Rakhine State riots represent a critical episode in Myanmar's history, revealing the intricate web of ethnic relations, nationalism, and human rights challenges facing the country. The violence not only resulted in immediate suffering and displacement but also had profound implications for the trajectory of Myanmar's political landscape.

Triggered by a complex interplay of longstanding ethnic tensions, nationalist sentiments, and political dynamics, the violent response of the Myanmar military led to the mass exodus of over 700,000 Rohingya individuals to neighboring Bangladesh. It delves into the causes, events, and consequences of the 2017 military crackdown, highlighting its implications for human rights, regional stability, and Myanmar's future. In the years preceding the crackdown, Myanmar was undergoing a fragile transition from military rule to a quasi-democracy under the leadership of Aung San Suu Kyi and her National League for Democracy party. The scale and intensity of the violence shocked the global community, revealing the systematic targeting of the Rohingya population². The mass exodus of Rohingya refugees posed significant challenges for Bangladesh, straining resources and exacerbating social tensions in host communities. The aftermath of the 2017 military crackdown continues to shape the socio-political landscape of Myanmar and the surrounding region. Efforts to hold perpetrators accountable for human rights abuses have been met with resistance, complicating reconciliation processes and hindering the establishment of a lasting peace.

International Response to Historical Events

The international response to this crisis has revealed both significant efforts and glaring shortcomings in addressing the needs of the Rohingya population. The international community's actions and reactions to the Rohingya refugee crisis, exploring the effectiveness of these responses and highlighting lessons for future global governance. By September 2017, an estimated 700,000 Rohingya had fled to Bangladesh, resulting in a dramatic increase in the refugee population in Cox's Bazar, which became one of the largest refugee camps in the world. The international diplomatic response to the crisis has been mixed. The international community has taken steps to address accountability for the atrocities committed against the Rohingya³.

In 2019, the International Court of Justice heard a case brought by The Gambia against Myanmar, alleging genocide against the Rohingya people. The absence of a clear pathway for repatriation and resettlement continues to leave refugees in limbo, exacerbating their vulnerability and mental health issues. The international community has yet to develop a cohesive strategy that addresses the root causes of the crisis while ensuring the protection and rights of the Rohingya.

¹ International Crisis Group. "Attacks on Rohingya Communities in Rakhine State." *The Dark Side of Transition: Violence Against Muslims in Myanmar*, International Crisis Group, 2013, p. Page 7-Page 11. JSTOR.

² Kipgen, Nehginpao. "MYANMAR'S PERSPECTIVE ON THE ROHINGYA CRISIS." *International Journal on World Peace*, vol. 37, no. 1, 2020, pp. 43–70. JSTOR,

³ Conflict in Myanmar and the International Response Asia-Pacific (taylorfrancis.com)

Present State of the Rohingya Refugee Crisis

Current Population Statistics and Demographics: The current population statistics and demographics of the Rohingya refugee community in Bangladesh, highlighting the challenges they face and the implications for humanitarian response and policy⁴. The Rohingya population is predominantly young, with around 50% under the age of 18. This demographic trend presents unique challenges in terms of education, health care, and protection from exploitation, the gender distribution is relatively balanced, although women and girls face heightened vulnerabilities due to cultural norms and the lack of security in refugee camps, many Rohingya families have been separated during their flight from Myanmar, leading to an increase in single-parent households and unaccompanied minors. The international community has mobilized to address the needs of Rohingya refugees in Bangladesh. The current statistics and demographics reflect both the resilience of the Rohingya people and the profound challenges they face in a host country grappling with its own limitations.

Living Conditions in Refugee Camps

The Rohingya refugee crisis has led to the establishment of sprawling camps in Bangladesh, particularly in the Cox's Bazar district. The response from the Bangladeshi government and international organizations led to the creation of extensive refugee camps designed to provide shelter and necessities. The majority of Rohingya refugees live in makeshift shelters constructed from bamboo and tarpaulin. The shelters are poorly equipped to withstand extreme weather conditions, including heavy rains and cyclones. Additionally, mental health issues related to living in unsanitary conditions further exacerbate the plight of the refugees⁵. This raises concerns about the long-term educational prospects for Rohingya children and their ability to reintegrate into society if repatriation occurs. The absence of consistent educational opportunities can lead to psychological distress and hinder personal development.

Legal Status and Rights of Refugees

The ongoing Rohingya refugee crisis has placed Bangladesh at the forefront of humanitarian response efforts. Historically, Bangladesh has been a host to various waves of refugees, including those from India during the partition, and later from Pakistan during the 1971 Liberation War. The Rohingya, however, represent a unique case due to their protracted statelessness and lack of formal recognition within both Myanmar and Bangladesh. Bangladesh is not a signatory to the 1951 Refugee Convention or its 1967 Protocol, which creates a complex legal environment for refugees. The absence of international legal frameworks translates into a lack of asylum rights for Rohingya refugees⁶. Women expressed fear of violence both within the camps and from external actors, with one participant stating, "We live in constant anxiety; safety is a luxury we cannot afford."

Ongoing Humanitarian Efforts and Funding Shortfalls

Through interviews with aid workers, focus group discussions with refugees, and analysis of organizational reports, this study aims to illuminate the complexities surrounding humanitarian

⁴ Chowdhury, M., Williams, N. L., Thompson, K., & Ferdous, G. (2022). The Rohingya refugee crisis in Bangladesh: an analysis of the involvement of local humanitarian actors. *Third World Quarterly*, 43(9), 2188–2208.

⁵ Islam, M.R., Islam, M.T., Alam, M.S. et al. An Assessment of the Sustainability of Living for Rohingya Displaced People in Cox's Bazar Camps in Bangladesh. *J. Hum. Rights Soc. Work* 7, 331–345 (2022)

⁶ Lal, R. Social and economic rights of refugees under international legal framework: An appraisal. *Indian Journal of International Law* 58, 467–488 (2018).

initiatives in this context. The conditions in the camps are often described as overcrowded and lacking adequate infrastructure and resources. Funding plays a vital role in determining the extent and effectiveness of humanitarian interventions¹. However, qualitative observations reveal a persistent gap between the needs of the refugees and the funds available to address those needs.

The Prospect of Resolution

International Diplomacy and Advocacy

The United Nations has been at the forefront of the response, employing various strategies and interventions to address the humanitarian needs of these refugees. This qualitative analysis delves into the UN's role through the lenses of co-ordination, provision of services, advocacy, and long-term strategies, highlighting both successes and challenges. The qualitative feedback from community leaders within refugee camps indicates that the UN's inclusive approach to stakeholder engagement actively involving refugees in decision-making processes enhances the effectiveness of programs. The UN's advocacy efforts aim to raise awareness about the plight of Rohingya refugees on international platforms². Despite its extensive role, the UN faces persistent funding shortfalls that limit its capacity to meet the growing needs of Rohingya refugees. The reluctance of the Myanmar government to engage meaningfully with the UN complicates efforts to advocate for the rights of Rohingya people. Engaging community leaders in program design is seen as essential for overcoming these barriers, ensuring that initiatives resonate with the cultural context of the Rohingya population.

Bilateral Relations and Regional Diplomacy

The primary bilateral relationship involved in the Rohingya crisis is that between Bangladesh and Myanmar. The Bangladeshi government has repeatedly called for the safe, voluntary, and dignified return of Rohingya refugees³. A transparent and trust-building approach must be adopted, with both nations recognizing the need for joint initiatives to improve conditions in Rakhine State to facilitate the return of refugees. In recent years, ASEAN has initiated discussions on providing humanitarian assistance to Rohingya refugees and has encouraged Myanmar to engage in meaningful dialogue with the international community. Collaborative efforts between these agencies and regional governments are essential to ensure the effective distribution of aid and support services for both refugees and host communities⁴. International pressure, coupled with constructive engagement, can incentivize Myanmar to adopt inclusive policies that recognize the rights of all its citizens, thereby reducing tensions in Rakhine State and enhancing regional stability. The Rohingya refugee crisis represents a complex intersection of humanitarian need, historical grievances, and regional politics.

Local integration – Community Engagement and Support: Community engagement is vital in refugee settings as it enables aid organizations to understand the specific cultural,

social, and economic contexts of the displaced population. For instance, qualitative interviews conducted with refugees reveal that culturally appropriate interventions tailored to traditional practices and values are more effective in meeting their needs, whether in health care, education, or livelihood training. Building trust between refugees and aid organizations is crucial for ensuring the success of humanitarian efforts. Community engagement fosters transparency and openness, encouraging refugees to participate actively in decision-making processes. Qualitative feedback from both NGOs and refugees underscores the value of participatory planning in creating holistic solutions that cater to diverse community needs. Many refugees report feeling empowered when they can advocate for their rights, leading to increased visibility of their issues and greater responsiveness from aid agencies and governments⁵. Youth-led initiatives, such as peer mentoring and skills workshops, demonstrate the potential for young Rohingya to become catalysts for change within their communities.

Socio-Economic Development Initiatives

Following the violent crackdown by the Myanmar military in 2017, hundreds of thousands fled to Bangladesh, leading to the establishment of sprawling refugee camps in Cox's Bazar. Economic empowerment is crucial for the Rohingya refugees, many of whom have lost their homes and livelihoods. By providing skills training and access to microfinance, initiatives can help refugees start small businesses or engage in income-generating activities, fostering self-sufficiency. Funding for development initiatives is often insufficient compared to the overwhelming need, resulting in gaps in services and support⁶. Continued tensions between Rohingya refugees and local Bangladeshi communities can complicate the implementation of joint initiatives and may lead to conflict over resources.

Repatriation Prospects: Preconditions for Safe Return

The critical preconditions necessary for the safe return of millions of Rohingya refugees. The government needs to demonstrate a genuine commitment to safeguarding the lives and rights of returnees. Returnees must have access to legal recourse and protections against discrimination and violence, ensuring that they can seek justice and redress in cases of abuse. Ensuring these services are available will ease the transition for returnees and enhance their quality of life. Refugees should receive comprehensive information about the conditions in Myanmar before making their decision to return⁷. The return process must be devoid of any coercive elements, allowing individuals to make choices based on their circumstances and preferences. International support, including financial resources and technical expertise, is essential for reconstruction efforts and to help the Myanmar government meet its obligations to returnees. These preconditions aim to create an environment conducive to not only the return but also the long-term well-being and integration of the Rohingya community in Myanmar⁸. The repatriation of Rohingya refugees to Myanmar is fraught with challenges that necessitate careful planning and execution. The need for monitoring and support during this process cannot be overstated.

¹ Obaidullah, M., Hossain, M., Raihan, M.S. et al. From humanitarian crisis to burden: understanding the Rohingya refugee crisis in Bangladesh. *SN Soc Sci* 4, 141 (2024)

² Dagba, G., Nyadera, I.N. (2022). Position of Responsibility: International Response to the Rohingya Refugee Crisis – The Case of Western Countries. In: Bülbül, K., Islam, M.N., Khan, M.S. (eds) *Rohingya Refugee Crisis in Myanmar*. Palgrave Macmillan, Singapore

³ Jacob, H. (2017, January 23). The nowhere people next door: New Delhi should use creative diplomacy to persuade Myanmar to resolve the Rohingya crisis. *The Hindu*

⁴ Adams, S. (2019). 'If not now, when?': The responsibility to protect, the fate of the Rohingya, and the future of human rights. *Global Centre for the Responsibility to Protect*.

⁵ 2024 Joint Response Plan: Rohingya Humanitarian Crisis (January – December 2024)

⁶ Islam, M.R. (2016). Bangladesh and the Emergence of NGOs for Development. In: *NGOs, Social Capital and Community Empowerment in Bangladesh*. Palgrave Macmillan, Singapore.

⁷ Understanding the Rohingya Displacement, International Perspectives on Migration, Md.R. Islam (B) University of Dhaka, Dhaka, Bangladesh

⁸ Islam, M., Haque, M.M. (2024). Repatriation of Rohingya Refugees: Prospects and Challenges. In: Ahmed, K., Islam, M.R. (eds) *Understanding the Rohingya Displacement. International Perspectives on Migration* (). Springer, Singapore

Addressing Root Causes

Policy Changes within Myanmar: The root causes of this crisis are deeply embedded in decades of systematic discrimination, violence, and denial of basic rights faced by the Rohingya community. The government should facilitate discussions that include Rohingya voices and concerns. Engaging with organizations such as the United Nations High Commissioner for Refugees and non-governmental organizations can provide valuable technical expertise and financial resources to support policy implementation.

Enhancing Inter-communal Relations: This highlights strategies for fostering dialogue, understanding, and cooperation among communities to resolve the Rohingya crisis¹. Implementing educational programs that teach about the history, culture, and contributions of all communities in Myanmar can promote mutual respect and understanding².

The Role of the International Community

The international community plays an essential role in addressing this multifaceted crisis, which is rooted in systemic discrimination, violence, and denial of fundamental rights. INGOs should facilitate dialogue between the Myanmar government and Rohingya representatives. Beside, diplomatic pressure can be exerted on the Myanmar government to enact policies that ensure the rights and safety of the Rohingya people. This includes advocating for the restoration of citizenship Donor countries and international organizations, including the United Nations, must provide adequate funding to support humanitarian operations in refugee camps and host communities. International organizations and human rights groups should document evidence of human rights abuses against the Rohingya community. International actors can assist in developing frameworks that include guarantees for security, access to services, and restoration of property rights³, and can assist the Myanmar government in rebuilding infrastructure, restoring livelihoods, and promoting inclusive economic growth, and facilitate dialogues among Southeast Asian nations to address shared challenges related to migration, security, and human rights. The international community should collaborate with media outlets to highlight the plight of the Rohingya people.

Conclusion

Millions of Rohingya remain in precarious conditions in overcrowded refugee camps, primarily in Cox's Bazar, Bangladesh, facing limited access to necessities, education, and employment. Resolving the crisis requires a multifaceted approach involving diplomatic engagement, sustainable development initiatives, and robust support from the international community. It includes a commitment from the Myanmar government to recognize the Rohingya's identity and rights, international pressure balanced with constructive dialogue, sustained humanitarian assistance, and investments in education and livelihood programs to empower the Rohingya population. Regional cooperation among South Asian nations, along with support from global entities like the United Nations, is vital to develop comprehensive solutions that ensure the Rohingya's safety and dignity.

Литература

1. Akins, H. (2018). The Two Faces of Democratization in Myanmar: A Case Study of the Rohingya and Burmese

¹ Solution to the Refugee Problem and the Protection of Refugees by UNHCR, EC/SCP/5523 August 1989

² Albert, Eleanor; Chatzky, Andrew, 2018: "The Rohingya Crisis", Council on Foreign Relations, USA, 5 December

³ The International Community's Response to the Rohingya Crisis By Aisha Ismail and Dr Elliot Dolan-Evans, 12 Sep 2017

- Nationalism. *Journal of Muslim Minority Affairs*, 38(2), 229–245.
2. Zahed, I. U. M. (2021). The State against the Rohingya: Root Causes of the Expulsion of Rohingya from Myanmar. *Politics, Religion & Ideology*, 22(3–4), 436–460.
3. Bjørnskov, Christian. "The Multiple Facets of Social Capital." *European Journal of Political Economy* 22, no. 1 (2006): 22–40. Accessed March 1, 2025. <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2005.05.006>.
4. Brauer, K. (2010). Social Capital, Definition of. In: Anheier, H.K., Toepler, S. (eds) *International Encyclopedia of Civil Society*. Springer, New York, NY. https://doi.org/10.1007/978-0-387-93996-4_130
5. Alam, J. (2019). The Current Rohingya Crisis in Myanmar in Historical Perspective. *Journal of Muslim Minority Affairs*, 39(1), 1–25
6. Cheesman, N. (2017). How in Myanmar "National Races" Came to Surpass Citizenship and Exclude Rohingya. *Journal of Contemporary Asia*, 47(3), 461–483.
7. Ho, E. L. E., & Chua, L. J. (2015). Law and 'race' in the citizenship spaces of Myanmar: spatial strategies and the political subjectivity of the Burmese Chinese. *Ethnic and Racial Studies*, 39(5), 896–916
8. Kramer, Tom. "Ethnic Conflict and Lands Rights in Myanmar." *Social Research*, vol. 82, no. 2, 2015, pp. 355–74. JSTOR,
9. Barany, Zoltan. *The Rohingya Predicament.: Why Myanmar's Army Gets Away with Ethnic Cleansing*. Istituto Affari Internazionali (IAI), 2019. JSTOR
10. Cheesman, N. (2017). How in Myanmar "National Races" Came to Surpass Citizenship and Exclude Rohingya. *Journal of Contemporary Asia*, 47(3), 461–483.
11. Alam, J. (2017). The Rohingya of Myanmar: theoretical significance of the minority status. *Asian Ethnicity*, 19(2), 180–210.
12. Tarling, N. (1982). "A New and a Better Cuning": British Wartime Planning for Post-War Burma, 1942–43. *Journal of Southeast Asian Studies*, 13, 33–59.
13. Aung-Thwin, M.A. (1985). The British "Pacification" of Burma: Order Without Meaning. *Journal of Southeast Asian Studies*, 16, 245–261.
14. Bowser, M.J. (2020). Partners in Empire? Co-colonialism and the Rise of Anti-Indian Nationalism in Burma, 1930–1938. *The Journal of Imperial and Commonwealth History*, 49, 118–147.
15. Edwards, P. (2011). Bitter Pills: Colonialism, Medicine and Nationalism in Burma, 1870–1940. *Jou. rnal of Burma Studies*, 14, 21–58.
16. Zahed, I. U. M. (2021). The State against the Rohingya: Root Causes of the Expulsion of Rohingya from Myanmar. *Politics, Religion & Ideology*, 22(3–4), 436–460.
17. International Crisis Group. "Attacks on Rohingya Communities in Rakhine State." *The Dark Side of Transition: Violence Against Muslims in Myanmar*, International Crisis Group, 2013, p. Page 7-Page 11. JSTOR.
18. Kipgen, Nehginpao. "MYANMAR'S PERSPECTIVE ON THE ROHINGYA CRISIS." *International Journal on World Peace*, vol. 37, no. 1, 2020, pp. 43–70. JSTOR,
19. *Conflict in Myanmar and the International Response Asia-Pacific* (taylorfrancis.com)
20. Chowdhury, M., Williams, N. L., Thompson, K., & Ferdous, G. (2022). The Rohingya refugee crisis in Bangladesh: an analysis of the involvement of local

humanitarian actors. *Third World Quarterly*, 43(9), 2188–2208.

21. Rohingya Refugee Response/Bangladesh: Rohingya Population by Location (as of 31 Jan 2022), by UNHCR
22. Islam, M.R., Islam, M.T., Alam, M.S. et al. An Assessment of the Sustainability of Living for Rohingya Displaced People in Cox's Bazar Camps in Bangladesh. *J. Hum. Rights Soc. Work* 7, 331–345 (2022)
23. Lal, R. Social and economic rights of refugees under international legal framework: An appraisal. *Indian Journal of International Law* 58, 467–488 (2018).
24. Obaidullah, M., Hossain, M., Raihan, M.S. et al. From humanitarian crisis to burden: understanding the Rohingya refugee crisis in Bangladesh. *SN Soc Sci* 4, 141 (2024)
25. Dagba, G., Nyadera, I.N. (2022). Position of Responsibility: International Response to the Rohingya Refugee Crisis – The Case of Western Countries. In: Bülbül, K., Islam, M.N., Khan, M.S. (eds) *Rohingya Refugee Crisis in Myanmar*. Palgrave Macmillan, Singapore
26. Jacob, H. (2017, January 23). The nowhere people next door: New Delhi should use creative diplomacy to persuade Myanmar to resolve the Rohingya crisis. *The Hindu*
27. Adams, S. (2019). 'If not now, when?': The responsibility to protect, the fate of the Rohingya, and the future of human rights. *Global Centre for the Responsibility to Protect*.
28. 2024 Joint Response Plan: Rohingya Humanitarian Crisis (January – December 2024)
29. Islam, M.R. (2016). Bangladesh and the Emergence of NGOs for Development. In: *NGOs, Social Capital and Community Empowerment in Bangladesh*. Palgrave Macmillan, Singapore.
30. Understanding the Rohingya Displacement, International Perspectives on Migration, Md.R. Islam (B) University of Dhaka, Dhaka, Bangladesh
31. The Rohingya Crisis: Eight Potential Pathways to Repatriation – New Lines Institute
32. Islam, M., Haque, M.M. (2024). Repatriation of Rohingya Refugees: Prospects and Challenges. In: Ahmed, K., Islam, M.R. (eds) *Understanding the Rohingya Displacement. International Perspectives on Migration* (). Springer, Singapore
33. Solution to the Refugee Problem and the Protection of Refugees by UNHCR, EC/SCP/5523 August 1989
34. Akins, H. (2018). The Two Faces of Democratization in Myanmar: A Case Study of the Rohingya and Burmese Nationalism. *Journal of Muslim Minority Affairs*, 38(2), 229–245. <https://doi.org/10.1080/13602004.2018.1475619>
35. Zahed, I. U. M. (2021). The State against the Rohingya: Root Causes of the Expulsion of Rohingya from Myanmar. *Politics, Religion & Ideology*, 22(3–4), 436–460. <https://doi.org/10.1080/21567689.2021.1995716>

THE ROHINGYA REFUGEE CRISIS: IT'S HISTORICAL BACKGROUND, PRESENT STATE, AND THE PROSPECT OF RESOLUTION

Rajib Naimul Islam

Peoples' Friendship University of Russia

Rohingya crisis is one of the most complex humanitarian crises in the world, and based on historical alienation, persecution and compulsory movement led to dead of so many and many more than a million people fled from Myanmar to Bangladesh, where they currently reside in overcrowded refugee camps. The situation remains dire, with refugees facing inadequate access to basic needs. Resolving the crisis requires sustained diplomatic pressure on the My-

anmar government, comprehensive international support for refugees, and the establishment of an inclusive dialogue that addresses the underlying issues of ethnic identity, citizenship, and human rights. Long-term solutions must prioritize the safe, voluntary, and dignified return of refugees, alongside measures to ensure their protection and integration within Myanmar¹.

Keywords: Rohingya, Stateless, Persecuted, Discrimination, United nation, Human rights commission, Crimes against humanity, marginalization.

References

1. Akins, H. (2018). The Two Faces of Democratization in Myanmar: A Case Study of the Rohingya and Burmese Nationalism. *Journal of Muslim Minority Affairs*, 38(2), 229–245.
2. Zahed, I. U. M. (2021). The State against the Rohingya: Root Causes of the Expulsion of Rohingya from Myanmar. *Politics, Religion & Ideology*, 22(3–4), 436–460.
3. Bjørnskov, Christian. "The Multiple Facets of Social Capital." *European Journal of Political Economy* 22, no. 1 (2006): 22–40. Accessed March 1, 2025. <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2005.05.006>.
4. Brauer, K. (2010). Social Capital, Definition of. In: Anheier, H.K., Toepler, S. (eds) *International Encyclopedia of Civil Society*. Springer, New York, NY. https://doi.org/10.1007/978-0-387-93996-4_130
5. Alam, J. (2019). The Current Rohingya Crisis in Myanmar in Historical Perspective. *Journal of Muslim Minority Affairs*, 39(1), 1–25
6. Cheesman, N. (2017). How in Myanmar "National Races" Came to Surpass Citizenship and Exclude Rohingya. *Journal of Contemporary Asia*, 47(3), 461–483.
7. Ho, E. L. E., & Chua, L. J. (2015). Law and 'race' in the citizenship spaces of Myanmar: spatial strategies and the political subjectivity of the Burmese Chinese. *Ethnic and Racial Studies*, 39(5), 896–916
8. Kramer, Tom. "Ethnic Conflict and Lands Rights in Myanmar." *Social Research*, vol. 82, no. 2, 2015, pp. 355–74. JSTOR,
9. Barany, Zoltan. *The Rohingya Predicament: Why Myanmar's Army Gets Away with Ethnic Cleansing*. Istituto Affari Internazionali (IAI), 2019. JSTOR
10. Cheesman, N. (2017). How in Myanmar "National Races" Came to Surpass Citizenship and Exclude Rohingya. *Journal of Contemporary Asia*, 47(3), 461–483.
11. Alam, J. (2017). The Rohingya of Myanmar: theoretical significance of the minority status. *Asian Ethnicity*, 19(2), 180–210.
12. Tarling, N. (1982). "A New and a Better Cuning": British War-time Planning for Post-War Burma, 1942–43. *Journal of South-east Asian Studies*, 13, 33–59.
13. Aung-Thwin, M.A. (1985). The British "Pacification" of Burma: Order Without Meaning. *Journal of Southeast Asian Studies*, 16, 245–261.
14. Bowser, M.J. (2020). Partners in Empire? Co-colonialism and the Rise of Anti-Indian Nationalism in Burma, 1930–1938. *The Journal of Imperial and Commonwealth History*, 49, 118–147.
15. Edwards, P. (2011). Bitter Pills: Colonialism, Medicine and Nationalism in Burma, 1870–1940. *Jou. rnal of Burma Studies*, 14, 21–58.
16. Zahed, I. U. M. (2021). The State against the Rohingya: Root Causes of the Expulsion of Rohingya from Myanmar. *Politics, Religion & Ideology*, 22(3–4), 436–460.
17. International Crisis Group. "Attacks on Rohingya Communities in Rakhine State." *The Dark Side of Transition: Violence Against Muslims in Myanmar*, International Crisis Group, 2013, p. Page 7-Page 11. JSTOR.
18. Kipgen, Nehginpao. "MYANMAR'S PERSPECTIVE ON THE ROHINGYA CRISIS." *International Journal on World Peace*, vol. 37, no. 1, 2020, pp. 43–70. JSTOR,
19. Conflict in Myanmar and the International Response Asia-Pacific (taylorfrancis.com)
20. Chowdhury, M., Williams, N. L., Thompson, K., & Ferdous, G. (2022). The Rohingya refugee crisis in Bangladesh: an analy-

¹ Akins, H. (2018). The Two Faces of Democratization in Myanmar: A Case Study of the Rohingya and Burmese Nationalism. *Journal of Muslim Minority Affairs*, 38(2), 229–245.

- sis of the involvement of local humanitarian actors. *Third World Quarterly*, 43(9), 2188–2208.
21. Rohingya Refugee Response/Bangladesh: Rohingya Population by Location (as of 31 Jan 2022), by UNHCR
 22. Islam, M.R., Islam, M.T., Alam, M.S. et al. An Assessment of the Sustainability of Living for Rohingya Displaced People in Cox's Bazar Camps in Bangladesh. *J. Hum. Rights Soc. Work* 7, 331–345 (2022)
 23. Lal, R. Social and economic rights of refugees under international legal framework: An appraisal. *Indian Journal of International Law* 58, 467–488 (2018).
 24. Obaidullah, M., Hossain, M., Raihan, M.S. et al. From humanitarian crisis to burden: understanding the Rohingya refugee crisis in Bangladesh. *SN Soc Sci* 4, 141 (2024)
 25. Dagba, G., Nyadera, I.N. (2022). Position of Responsibility: International Response to the Rohingya Refugee Crisis – The Case of Western Countries. In: Bülbül, K., Islam, M.N., Khan, M.S. (eds) *Rohingya Refugee Crisis in Myanmar*. Palgrave Macmillan, Singapore
 26. Jacob, H. (2017, January 23). The nowhere people next door: New Delhi should use creative diplomacy to persuade Myanmar to resolve the Rohingya crisis. *The Hindu*
 27. Adams, S. (2019). 'If not now, when?': The responsibility to protect, the fate of the Rohingya, and the future of human rights. *Global Centre for the Responsibility to Protect*.
 28. 2024 Joint Response Plan: Rohingya Humanitarian Crisis (January – December 2024)
 29. Islam, M.R. (2016). Bangladesh and the Emergence of NGOs for Development. In: *NGOs, Social Capital and Community Empowerment in Bangladesh*. Palgrave Macmillan, Singapore.
 30. Understanding the Rohingya Displacement, *International Perspectives on Migration*, Md.R. Islam (B) University of Dhaka, Dhaka, Bangladesh
 31. *The Rohingya Crisis: Eight Potential Pathways to Repatriation* – New Lines Institute
 32. Islam, M., Haque, M.M. (2024). Repatriation of Rohingya Refugees: Prospects and Challenges. In: Ahmed, K., Islam, M.R. (eds) *Understanding the Rohingya Displacement. International Perspectives on Migration* (). Springer, Singapore
 33. *Solution to the Refugee Problem and the Protection of Refugees by UNHCR*, EC/SCP/5523 August 1989
 34. Akins, H. (2018). The Two Faces of Democratization in Myanmar: A Case Study of the Rohingya and Burmese Nationalism. *Journal of Muslim Minority Affairs*, 38(2), 229–245. <https://doi.org/10.1080/13602004.2018.1475619>
 35. Zahed, I. U. M. (2021). The State against the Rohingya: Root Causes of the Expulsion of Rohingya from Myanmar. *Politics, Religion & Ideology*, 22(3–4), 436–460. <https://doi.org/10.1080/21567689.2021.1995716>

Китайская культура как культура поэтическая: опыт сино-европейского диалога

Е Цзюотянь,
независимый исследователь

Автор посвящает свою статью выяснению базовой характеристики китайской культуры. Такой предмет потребовал использования философских категорий – концептов высшей степени абстрактности, которые чаще всего радикально различаются в китайском гуманитарном знании и в европейской, а также в российской научной парадигме. Никак не претендуя даже просто на перечень этих базовых различий, но обращаясь к российскому академическому сообществу, китайский автор выявляет те из них, которые непосредственно касаются излагаемой авторской концепции китайской поэзии. В то же время отмечены параллели, которые существуют в развитии китайской и европейской, а также российской гуманитарной мысли. В таком способе нарратива видится возможность «перевода» смыслов с китайского на русский и обратно, т.е. некоторый личный опыт сино-европейского диалога культур.

Ключевые слова: поэтическое, поэзия, жизнь, Дао, китайский менталитет, европейская научная парадигма.

Поэзия, согласно «Современному китайскому словарю», – это художественный концепт, выраженный в стихотворной форме, который дарит людям эстетическое удовольствие.

Относительно трактовки термина «концепт» в российской науке нет однозначного определения. В большинстве случаев он используется в гуманитарных дисциплинах как синоним понятия, но иногда в расширительном смысле: как понятие и образ, выраженный вербально или невербально, имеющий аксиологическое и ассоциативное измерения, сознательный или бессознательный характер, выработанный культурой того или иного народа¹. При этом набор концептов разных народов может быть примерно одинаков, но различаться содержательно и с течением времени (Родина, честь, свобода и др.).

В текстах китайских гуманитариев также нет единой трактовки понятия «концепт». Он «может быть переведен как “концепция”, “понятие” или “представление” – “概念” (гайнянь), либо “смысл”, “идея” – “观念” (гуаньянь)... В первом случае “концепт” характеризуется как совокупность знаний о предметах или их существенных признаках»² и является понятием, отражающим объективные реалии. В то же время другое понимание концепта сводится к образу мышления конкретного человека и, соответственно, означает субъективные особенности людей. Сегодня в китайских гуманитарных исследованиях чаще трактуют «концепт» в качестве смысла или идеи³.

В настоящее время слово «поэтический» китайскими авторами обычно используется при оценке произведений искусства, их воздействия, которое заставляет аудиторию разделять с автором некие возвышенные чувства и указывает на уникальный способ культурного самовыражения.

Китайская классическая поэзия, которой более 3 тысяч лет, – краеугольный камень китайской культуры. Под влиянием этой традиции и другие виды и жанры искусства естественным образом приобретают качества вовлекающей чувственности и глубокой интеллектуальной силы, а именно эти черты признаются ведущими для поэзии.

В настоящее время китайские исследования поэзии в основном ограничиваются описанием генезиса поэтических образов и выражением собственных впечатлений при их восприятии, но еще не обрели контекста китайской культуры в целом как предмета исследования. Одна из причин этого заключается в том, что вербальный потенциал для описания традиционной поэзии в современном китайском искусствознании слишком слаб. Однако именно сегодня, когда китайская культура вступает в новую эпоху постглобализации, тема ее уникальности становится особенно актуальной.

¹ Чжан И. О термине «концепт» в исследованиях российских и китайских ученых // Гуманитарные и социальные науки. – 2021. – № 4. – С. 189–199 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-termine-kontsept-v-issledovaniyah-rossiyskih-i-kitayskih-uchenyh/viewer> DOI: 10.18522/2070-1403-2021-87-4-189-199.

² По своему содержанию.

³ Чжан И. О термине «концепт» в исследованиях российских и китайских ученых. Цит. изд. С. 194–195.

Согласно китайским представлениям, «поэтический дух» является неотъемлемым атрибутом, присущим искусству или самой культуре, который отличается формой и не является субъективным самовыражением. Другими словами, поэтический дух не может быть создан или изобретен самостоятельно. Тут необходимы детальные пояснения.

Дело в том, что понятие «шэнь» (神), одно из базовых в китайском менталитете и переводимое на русский язык обычно как «дух», на самом деле чрезвычайно объемно и несводимо к русскому понятию духа как чего-то нематериального, настроенческого и атмосферного. Российский исследователь разъясняет, что «шэнь» (神) – «дух (духи, душа, одухотворенность, духовность, разум, святость, непостижимое, чудесное). Категория китайской философии и культуры, имеющая три осн. смысла: 1) дух, божество, персонификация духовных субстанций (часто в сочетании гуй шэнь – нави и духи); 2) духовная субстанция, потенциально содержащаяся в “изначальной” (юань ци) и актуально в мирообразующей “пневме” (ци...), одно из субстантивированных мировых “начал” наряду с “пневмой” и “эссенциальным семенем” (цзин...); 3) потенциальная способность вещей к “[взаимо]восприятию” (гань), в т.ч. основание мыслит., познават. и любой психич. деятельности, реализующееся в движении “духовной пневмы” – шэньци и проявляющееся в виде “воли” (чжи...) и “воли/помысла” (и...)»¹.

Для целей данной работы достаточно отметить, что эта категория сочетает в себе телесное и духовное (т.е. является модусом «телесного сознания», по выражению В.В. Малявина), интеллектуальное начало и чувственное (разум и сердце), есть условие приобщения человека к всеединому и всемогущему бессмертному Дао и проявление Дао; выступает как часть триады начал вселенной (юань), или «трех цветков» (сань хуа); духовная пневма (шэнь ци) как онтологическая сущность порождает человека, который со смертью в неё возвращается². К пониманию сущности поэзии в китайской культуре это имеет самое непосредственное отношение.

Творчество в исконном значении слова означает сотворение из ничего, превращение небытия в бытие. Но то, что создает художник, является произведением искусства и ничем иным. Ни о ком нельзя сказать, что вот тот или этот автор создал поэтическое как таковое, это свойство нам дано как-то иначе, до создания конкретного произведения искусства.

Г-н Вэнь Идуо³, известный китайский ученый, указывал, что собственно китайская культура находит свое выражение прежде всего в литературе, которая воздействует и на другие виды искусства. Китайский профессор Лю Шилин⁴ считает, что «сущность китайской культуры – поэзия, ее духовная форма – поэтическое, ее культурный срез – “Книга песен”»⁵, а ее духовная вершина – поэзия Тан».

¹ Юркевич А.Г. Шэнь 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.synologia.ru/a/%D0%A8%D1%8D%D0%B%D1%8C_1

(дата обращения 19.06.2024).

² Там же.

³ Вэнь Идуо. Исторические тенденции в литературе// Вэнь Идуо Полное собрание сочинений. – Шанхай: Жизнь · Чтение · Новые знания Книжный магазин Санлиан, 1982. С. 202. 闻一多.文学的历史动向:闻一多全集[M], 上海:生活·读书·新知三联书店, 1982:202.

⁴ Лю Шилин. Поэтическая культура и китайское культурное сознание//Jiefang Daily. – 2015–01–24 (007). 刘士林.诗性文化与中国文化自觉[N].解放日报, 2015–01–24 (007).

⁵ «“ШИ ЦЗИН”, “Шицзин” (“Книга песен”, “Книга стихов”, “Канон стихов”), древнейший кит. литературный памятник.

Одним словом, китайская культура – это культура поэтическая. Что позволяет определять ее таким образом?

Во-первых, от «Книги песен» периода Вэсен и Осеней (Чуньцю, 722–481 гг. до н.э.) к «Песням Чу» периода Воюющих царств (V в. до н.э. – 221 г. до н.э.), к «Юэфу» династий Хань (206 г. до н.э. – 220 г.н.э.) и Вэй (220–265 гг.); от «Стихотворений Тан» к «Сун Ци» и «Юань Цюй» – хотя форма поэзии постоянно менялась, сама она всегда занимала ведущее положение в китайском художественном пространстве и проникала в другие виды искусства: не только либретто опер имеет стихотворный вид, но и романы могли сочиняться в форме поэм, а каллиграфия и живопись обладают особым поэтическим ритмом и жизненным смыслом.

Поэтический характер китайской культуры очевиден, во-вторых, потому, что дух поэзии доминирует не только в китайском искусстве, но присутствует и в иных формах культуры. Так, китайский спорт не ставит цель превышения пределов человеческих возможностей тела и никогда не впадает в дионисийское самолюбование. Гармония тела и духа – вот идеал. По сей день китайцы традиционно сильны в тех видах спорта, в которых ярко выражена художественная составляющая (гимнастика, прыжки в воду и др.), но в футболе и тех видах спорта, где присутствуют нотки доминирования физического начала вплоть до его гипертрофии, Китай не отличается большими успехами, это просто не его мир.

Китайцы называют исследуемое здесь начало поэтическим (а не эстетическим, как сделало бы большинство европейцев), потому что в китайской картине мира именно поэтическое – высшая форма эстетического, выражение жизненной силы, ее носитель.

Категория «жизнь» (ци) в китайской культуре имеет особый характер, как и вопрос о соотношении жизни и образа. Теория мимесиса, столь характерная для европейской и русской эстетики и берущая начало во времена Античности, совершенно чужда эстетике китайской. Есть принцип подобия – но это не принцип подражания. Теория мимесиса опирается на убеждение в расколото-сти мира на оригиналы и копии, а также сознание и тело и пр. В Китае реальность понимается по «Книге Пере-

Представляет собой свод нар.-поэтич. произведений – трудовых песен, заклинаний, календарно-обрядовой поэзии, эпических песен, датируемых 11–6 вв. до н.э. Составление и редактирование сб-ка приписывается Конфуцию. Сыма Цянь свидетельствовал, что Конфуций из св. 3 тыс. изначальных текстов оставил 305. В 213 до н.э. по приказу имп. Цинь Шихуанди “Шиц.” вместе с остальными конфуцианскими книгами была сожжена. Во 2 в. до н.э. появились четыре версии “Шиц.”, наиболее достоверным признан список “Маоши” (“Песни рода Мао”), который в 139 до н.э. вошел в собрание конфуцианских канонов “Пятикнижие”, а в 12 в. стал называться “Ши ц.”. Включает в себя 4 раздела: “Нравы царств” (“Гофэн”) – песни, собранные в 15 царствах древнего Китая и рисующие картину жизни кит. народа; “Малые оды” (“Сяо я”) – стихотворения, созданные к разным торжественным случаям при дворе; “Великие оды” (“Да я”) – крупные поэтич. произведения, связанные с конкретными историч. событиями и деяниями древних героев; “Гимны” (“Сун”) – песнопения, обращенные к божествам и древним мудрым правителям. Поэтич. язык “Ши ц.” отличается красочностью, выразительностью, богатством сравнений и образов; многие использованные в нём выражения превратились в поэтич. клише и вошли в сочинения поэтов разных эпох. Сборник даёт богатый материал для изучения социально-политич. и экономич. жизни древнего Китая, исследований этнографич. характера. До нач. 20 в. знание стихов “Ши ц.” было обязательным для получения гос. должности» (Захарова Н.В. Ши Цзин // Большая российская энциклопедия 2004–2017 <https://old.bigenc.ru/literature/text/4943521> (дата обращения 20.06.2024).

мен» как «животворение живого» (шэн шэн)¹. Тут едины живое и мертвое, Беспредельное и Великий Предел, означающее и означаемое и всё – копии. А видимые образы – спонтанные проявления «семян» вещей, «пребывающих в символическом пространстве первозданного динамизма жизни»². Семена, конечно, не похожи на свой исток и будущее «растение», но тут можно и нужно говорить о подобии. Такой образ «не показывает, а указывает»³.

Для теории искусства выбор принципа подражания или принципа подобия оказывается радикально разным, имеющим совсем несходные последствия. Китайцы уверены в том, что истина жизни может быть только прожита, а не выучена по учебникам и принята в готовом виде повторением.

Китайская наука не ставит развитие ratio как самоцель и стремится никогда не впадать в духовное опьянение рациональностью. Но традиционная научная деятельность и ее плоды нередко обладают эстетическим характером. Например, «сейсмограф» Чжана Хэна⁴ можно рассматривать и как научный инструмент, и как художественный шедевр, а многие рецепты традиционной китайской медицины передавались в форме гэ цзюэ – рифмованных тайных речитативов. Это совсем не походит на тренды Запада, где развитие науки требовало исключительно аристотелевой логики.

Дело в том, что логика основана на цепочках причинно-следственных отношений («если А, то Б»), а они связаны с последовательностью в пространстве и времени. Представления о пространстве и времени у китайцев и жителей Запада периода Нового времени различаются радикально. Об этом, например, писал канадский социолог и медиатеоретик М. Маклюэн⁵. Благодаря тому, что, по мнению исследователя, китайская культура остается холистической аудиотактильной⁶ с ие-

роглифической письменностью, в Поднебесной не случилось разрыва семантических значений и визуальности, как это произошло с культурами, выработавшими фонетический алфавит. Этот разрыв сыграл определяющую роль в формировании картины мира эпохи Модерна, опрокинутой новейшими научными открытиями биологии и физики, к которым древние китайские представления о пространстве, времени и причинно-следственных отношениях оказались неожиданно близки.

Поэтому для китайцев их «четыре великих изобретения», как и другие явления китайской культуры, не есть плоды «чистого разума», но сочетают в себе чувственность и рациональность, они – зачастую феномены не только и не столько науки, сколько ремесла и искусства.

В-третьих, говоря о поэтичности китайской культуры, следует помнить, что духом искусства пронизано и само поведение древних китайцев, для которого был выработан этико-эстетический идеал. Внешнее поведение людей диктовалось ритуалом. Китайцы были убеждены в том, что те, чье поведение гармонично, понимают суть вещей в ритуале и музыке. Только в этом смысле можно трактовать высказывания Конфуция «Если ты не изучаешь поэзию, ты не можешь говорить» и «Если ты не изучаешь ритуал, ты не можешь стоять» («Беседы и суждения Цзи Ши»)⁷. В рамках ритуально-музыкальной культуры слова, дела и поступки людей обладают эстетическими характеристиками. Поэтому, когда Запад использовал логику и математику для раскрытия тайн вселенной и даже Бога, китайская система экзаменов, зародившаяся в династиях Суй (581–617) и Тан (618–907), рассматривала сочинение стихов как самую важную способность, которой должен обладать каждый чиновник страны для обеспечения ее благоденствия. Такого рода эстетические требования к правителям и менеджерам в мире встречаются крайне редко.

В отличие от конфуцианства, даосизм противопоставляет культуре ритуала и музыки, но его свободный дух «путешествия разумом, используя вещи» (Чжуан-цзы)⁸ позволяет людям относиться ко всей жизни с эстетиче-

of handling and sensing many facets at a time through more than one sense at a time. It begins to be evident that “touch” is not skin but the interplay of the senses, and the “keep in touch” and “getting in touch” is a matter of fruitful meeting of senses, of sight translated into sound and sound into movement, and taste and smell. ... Perhaps touch is not just skin contact with things, but the very life of things in the mind?» («Само наше слово “схватывание” или “постижение” указывает на процесс понимания одной вещи через другую, на обработку и восприятие многих аспектов одновременно с помощью более чем одного чувства одновременно. Становится очевидным, что “прикосновение” – это не кожа, а взаимодействие органов чувств, а “поддерживать контакт” и “вступать в контакт” – это результат плодотворной встречи органов чувств, когда зрение преобразуется в звук, а звук – в движение, вкус и обоняние. ... Возможно, прикосновение – это не просто прикосновение кожи к вещам, но и восприятие самой жизни вещей в сознании?») (Marshall McLuhan. Understanding Media. The extensions of man [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://designopendata.wordpress.com/wp-content/uploads/2014/05/understanding-media-mcluhan.pdf> (дата обращения 21.06.2024). – перевод мой.)

⁷ В переводе Л. С. Переломова эти изречения выглядят так: «Если ты не будешь учить Стихи, у тебя не будет ничего, о чем говорить»; «Если ты не будешь учить Правила, у тебя не будет ничего, на чем утвердиться» (Конфуций. Лунь Юй (Беседы и Суждения). Глава XVI «Цзи Ши». Пер. Л. С. Переломов. – М.: Восточная литература, 2001).

⁸ В переводе В. В. Малявина это место выглядит следующим образом: «привольно странствовать сердцем, пользуясь вещами как колесницей» («сердце» и разум, согласно представлениям китайцев, не противостоят друг другу, а являются со-

¹ Малявин В. В. Жизнь. Как разделаться с (без)опасностью // Малявин В. В. Средоточия: избранные эссе, доклады, интервью, рецензии. – Иваново: Издательское товарищество «Роща Академии», 2011. С. 21.

² Там же.

³ Малявин В. В. Мир. Образ. Воображение. Образование // Малявин В. В. Средоточия... С. 243.

⁴ Сейсмограф Чжана Хэна – древнейший китайский детектор землетрясений, изобретенный 2000 лет назад. В исторических источниках подробно описаны элегантный внешний вид аппарата и способ его функционирования.

⁵ Маклюэн Маршалл. Понимание медиа: Внешние расширения человека/Пер. с англ. В. Николаева. – М.: Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. 464 с.; Мак-Люэн Маршалл. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. – К.: Ника-Центр, 2003 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://yanko.lib.ru/books/media/mcluhan%3Dgalaktika_gutenberg.pdf (дата обращения 02.06.2024).

⁶ Работы М. Маклюэна написаны на английском языке, в связи с чем некоторые важные моменты в переводе могут оказаться неясными. Приведем комментарий из русскоязычного издания «Понимания медиа»: «Здесь при переводе неизбежно ускользает важный смысловой пласт оригинального текста, связанный с особенностями английского языка, на которые Маклюэн в своих рассуждениях часто опирается. Суть в том, что в английском языке, в отличие от русского, слово touch (“осознание”) имеет также значение “общения”, “связи”, “контакта”, “знания”, “понимания”, а такое, например, выражение, как to be in touch, означает “быть в контакте”, “быть в курсе”, “поддерживать связь”, “знать”, “владеть (например, методами или информацией)”, и т. п. Таким образом, в самом слове touch заключен смысл целостного контакта с воспринимаемым объектом» (Маклюэн Маршалл. Понимание медиа... Указ. изд. С. 430). Т. е. «тактильность» как средство коммуникации следует понимать как целостность восприятия мира, холизм. Маклюэн пишет, например: «Our very word “grasp” or “apprehension” points to the process of getting at one thing through another,

ской точки зрения. Будь то Лао-цзы с его высказыванием «великий звук не имеет звука, а у великого образа нет формы» (Лао-цзы «Дао-Дэ цзин», сорок один)¹ или Чжуан-цзы с его идеей «блуждания за пределами пыли и грязи, беззаботности и недеяния» (Чжуан-цзы, «Великий мастер»)², кажется, что эти нормы проповедуемой жизни ближе к области искусства, чем морали. Поэтому древние китайские ученые-чиновники могли не знать астрономии, календаря и расчетов, но они должны были использовать фортепиано, шахматы, каллиграфию и живопись, чтобы развивать свои тело и ум.

В-четвертых, традиционное китайское искусство оказало особое влияние на религиозность китайцев. Если в западном обществе вплоть до XX века искусство косвенно или напрямую было связано с религией и даже свой бунт против нее основывало не на иных идеях, а прежде всего на отрицании религиозных постулатов, что накрепко связывало их друг с другом, то в китайском обществе оно исполняло квазирелигиозную функцию, формируя чувство гармонии и прекрасного. В связи с этим в четырех школах – конфуцианстве, даосизме, сао (элегический стиль поэтических произведений) и чань-буддизме – известных как столпы китайской мысли, – эстетика и искусство считаются высшим состоянием. Конфуций воздерживался от высоких речей и возрождал ритуал всю жизнь, но в критический момент все же произнес известное изречение «всё сущее во мне» («Беседы и суждения» Конфуция), утверждая особую миссию человека на Земле, его ответственность перед родом и Небом, а это философско-религиозные постулаты. Чжуан-цзы всю жизнь воздерживался от общения с мудрецами и отказывался от «мудрости» (имеется в виду «мудрость» постоянных дворов и официоза), но многие его сентенции представляют собой литературные шедевры религиозно-философского характера. Буддизм, пришедший из Индии, был китаизирован, в результате чего и он оказался в достаточно свободном эстетическом царстве. Вот почему в древнем Китае нет Библии, а есть «Книга песен». Этот культурный феномен использования поэзии в качестве религиозных правил больше в мире нигде не встречается.

В-пятых, для утверждения того, что китайская культура является поэтической культурой, есть также важное теоретическое основание с лингвистической точки зрения. Китайский язык, принадлежащий к сино-тибетской языковой семье, обладает характеристиками полисемии

бой единство) – Чжуан-цзы. Внутренний раздел. Глава IV. Среди людей [25]. Пер. В.В. Малявина

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.seod-ed.ru/downloads/books/ch_tzh.html (дата обращения 30.05.2024).

¹ В переводе В.В. Малявина этот пассаж выглядит следующим образом: «Великая музыка слышна всего меньше. Великий образ не имеет формы» [Лао-цзы. Дао-Дэ цзин. Книга о Пути жизни. Заново исправленный перевод В.В. Малявина [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

[url=https%3A%2F%2Fseod-ed.ru%2Fwp-content%2Fuploads%2Fdao-de-czin-10.pdf&lr=213&mime=pdf&10n=ru&sign=1271131b6fa741be860e20458e7b4bc6&keyno=0&nosw=1&serpParams=tm%3Dhttps%253A%2F%2Fseod-ed.ru%2Fwp-content%2Fuploads%2Fdao-de-czin-10.pdf%26lr=213%26mime=3Dpdf%2610n%3Dru%26sign=3D1271131b6fa741be860e20458e7b4bc6%26keyno%3D0%26nosw=3D1](https://www.seod-ed.ru/downloads/books/ch_tzh.html) (pdf). С. 338].

² В переводе В.В. Малявина этот пассаж выглядит так: «Безмятежные, скитаются они [мудрые] за пределами мира пыли и грязи, весело странствуют в царстве недеяния». – Чжуан-цзы. Внутренний раздел. Глава VI. Высший учитель [35]. Пер. В.В. Малявина

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.seod-ed.ru/downloads/books/ch_tzh.html (дата обращения 30.05.2024).

в лексике, гибкости в грамматике, тональности в произношении. Естественно, все это не способствует логическому выражению и научному мышлению, зато располагает особенно богатыми возможностями для развития художественного мышления. Язык нации – это не только особый способ выражения, но и уникальный способ мышления, чувствования и бытия. С древних времен китайцы относились к миру и мыслили о нем метафорически, поэтически. Гу Хунмин, владеющий 10 языками, отметил, что китайский – язык души, язык поэзии, в нем есть поэтический оттенок и очарование, поэтому даже текстовое сообщение, написанное в прозе древними китайцами, можно читать как стихотворение.

Приведенные аргументы свидетельствуют о поэтическом и поэзии как сущности китайской культуры. Есть достаточные основания говорить о китайской культуре как о поэтической культуре.

В классической литературе слова «поэзия» и «природа» употребляются раздельно, но в древних литературных теориях эти два слова тесно связаны. Конфуций сказал: «Поэты – это сердце неба и земли. Поэзия – это опыт чувств, а чувства – это энергия инь и ян мира. Ци (сила)³ неба и земли делится на инь и ян и пять элементов⁴. Люди рождаются с инь и ян, и в их сердцах пять природ и шесть чувств»⁵.

Если искать аналогии в идейной истории Европы, то следует указать прежде всего на теорию итальянского философа XVIII века Джамбаттиста Вико (1668–1744). Поэтическое он понимал в широком смысле слова – как имеющее отношение к чувствам, воображению⁶. Именно творческое мышление, поэзия, согласно развиваемой Вико в его главном труде «Основания новой науки об общей природе наций» концепции, является основой познания мира во всех ранних обществах («поэтическая мудрость»). Но по мере развития социума разум побеждает поэзию, и способом познания выступает тогда философия. Это и есть прогресс: говоря сегодняшним языком, это переход от мифа к логосу, от дологического

³ Ци – «氣 пневма, эфир, атмосфера, газ, воздух, дыхание, дух, нрав, темперамент, энергия, жизненная сила, материя. Одна из основополагающих и наиболее специфичных категорий кит. философии, выражающая идею континуальной, динамич., пространственно-временной, духовно-материальной и витально-энергетич. субстанции. ... Предельно общее понятие ци ... конкретизируется на трех гл. смысловых уровнях: космологич., антропологич. и психологич. В первом случае ци... – универсальная субстанция Вселенной; во втором – связанный с кровообращением наполнитель чело-веч. тела (аналог «жизненных» или «животных духов» европ. философии), способный утончаться до состояний «семенной души» (цзин...) и «духа» (шэнь...); в третьем – проявление психич. центра, «сердца» (синь...), управляемое волей (чжи...) и управляющее чувствами (цин...). Общепризнанным в кит. философии было представление о ци... как бескачественном первовеществе, из к-рого состояла Вселенная в исходной фазе своего развития, называемой «хаосом» (хунь дунь), «Великим пределом» (тай цзи), «Великим единым» (тай и), «Великим началом» (тай чу) или «Великой пустотой» (тай сюй). Начальные формы дифференциации этого вещества – инь–ян и «пять элементов» (у синь)» [Кобзев А.И. Ци [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.synologia.ru/a/%D0%A6%D0%B8_1 (дата обращения 24.06.2024)].

⁴ Согласно древним китайским представлениям, структура мироздания пятичленна: это огонь, вода, дерево, металл, земля.

⁵ [Цин] Чэнь Цяокун. Том 2. Шивэй Цичжэн, гравированное издание музея Сяомухуань 26-го года правления Даогуана династии Цин. С. 144. [清]陈乔枞.《诗纬集证》卷二，清道光二十六年小艸嬛馆刻本，Р. 144.

⁶ Тут нельзя не отметить, что само слово «эстетика» восходит к греческому αἰσθητικός (чувственность).

сознания к рациональному. Однако Вико выступил против картезианства, у него есть элементы критики культа разума и сциентизма. Изначально природа человека связана именно с поэзией, с органическим и образным освоением мира, полагал Вико. «Эти первобытные люди не обладают способностью рассуждать, но они полны сильной чувствительности и живого воображения»¹. «Поскольку “в детстве мира люди по своей природе были возвышенными поэтами”..., Вико рассуждает, что нации должны быть “поэтичными в своем начале”»². Трудно не заметить тут сходства с древнекитайскими представлениями, и прежде всего с интуициями относительно естественного происхождения поэтического, хотя о влиянии их на Вико речь вести достаточно бессмысленно.

Таким образом, в китайской парадигме поэзия исходит из разума и сердца, облекая в художественную форму восприятие окружающего и выражая эти метаморфозы вовне. И тут следует обратиться к содержанию китайского концепта «сердце» (синь). Его семантика включает чувства и разум, а также может обозначать душу, центр, середину, дух, сознание, критерий нравственности. «Сердце» – это «心», «сердце/разум», «сердце/сознание» (также психика, сердцевина, субъективное, дух, сознание). Категория традиц. кит. философии. Имеет четыре осн. смысла: 1) функциональный орган – средоточие сознания и психич. возможностей, в т.ч. чувств и воли; 2) сердцевина, квинтэссенция возможностей любой “вещи”, живой и неживой, в т.ч. человека; 3) функции сознания, психики и познания; 4) обозначение субъективно идеального... (ср. тезис Чжу Си: “Иероглиф синь... – это только мать знаков. Поэтому иероглифы “природа” (син...) и “чувственность” (цин...) производны от синь”»³. Сам язык связывает чувственность, природу (как изначальное, органическое, естественное) и поэзию. Очевидно, что концепт «сердце» в китайской культуре существенно отличается и от европейского концепта, где он обычно означает сферу чувств в их оппозиции разуму, и от русского, хотя к русскому концепту китайский все же гораздо ближе.

Главная специфика теории познания в Китае – положение о том, что истинное познание достигается погружением в самую глубину жизни, а не отрывом от нее и восхождением к абстракциям. Как уже упоминалось, ци есть одновременно духовная и материальная основа жизни, изменение как таковое, пронизывающее всё сущее. И проникать, вовлекаться, участвовать в понимании и слиянии с ци – вот одновременно онтологическая и гносеологическая цель человека. И эту способность воспринимает поэзия прежде всего.

Но, с другой стороны, если такая приобщенность к жизни выражается словами, она становится поэзией. Если «сердечный разум» или «разумное сердце» выражены визуальными образами, они становятся искусством живописи.

Поэтому поэзия и живопись – это самое чистое выражение сущности человека в его общительности

¹ Вико. Новая наука. Перевод Чжу Гуанцяна. – Народная литература, 1985. С. 6–7. [意] 维柯.《新科学》, 朱光潜译, 人民文学出版社 1985 : 6–7.

² Giambattista Vico // Stanford Encyclopedia of Philosophy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://plato.stanford.edu/entries/vico/> (дата обращения 24.06.2024). Автор статьи в энциклопедии цитирует Дж. Вико. Конечно, тут уже проступает ставшая широко популярной позже идеализация интеллектуалами образа «дикаря», но все же это совсем не идиллическое видение древности.

³ Юркевич А.Г. Сердце [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.synologia.ru/a/%D0%A1%D0%B8%D0%B%D1%8C_1 (дата обращения 15.06.2024).

с миром. В «Беседах и суждениях» Конфуция говорится и об этом: «Очисти свой разум от (злого) умысла»⁴.

В статье профессора Лю Шилиня «Китайская поэтическая культура» автор расширил перечень поэтических качеств, упомянутых Вико. Он считает, что так называемая «поэтическая мудрость» является общим ментальным языком и исходным состоянием человеческой мудрости, а упомянутые в перечне сильное чувство и широкое воображение есть первая реализованная форма человеческой культуры. «Поэтическая мудрость» есть нечто, что переживается, но не может быть формализовано по своей природе.

И действительно, предельно широкие понятия, охватывающие внерациональные состояния, определить затруднительно. Как сказал Лао-цзы в начале своей книги «Дао дэ цзин», Дао, базовое начало, невыразимо в слове⁵, что перекликается с идеями о «поэтической мудрости» как «детском» состоянии человечества у Вико. При этом нельзя не упомянуть о некотором сходстве с китайскими идеями интерпретации поэтического начала в культуре у Гегеля и особенно у Хайдеггера, но разговор об этом потребовал бы отдельной статьи.

Выводы

Китайская культура с полным основанием может быть названа поэтической культурой. Поэзия в китайском мировоззрении представляет собой причащение жизнью и путь к Дао. В целом даосизм не склонен к прозелитизму, однако его интуиции при всей их уникальности оказываются близки некоторым европейским воззрениям, в связи с чем можно говорить об их глубоком общечеловеческом значении.

Литература

- Захарова Н.В. Ши Цзин // Большая российская энциклопедия 2004–2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://old.b-enc.ru/literature/text/4943521#:~:text=%C2%AB%D0%A8%D0%B8%20%D1%86%D0%B7%D0%B8%D0%B-D%C2%BB%2C%20%C2%AB%D0%A8%D0%B8%D1%86%D0%B7%D0%B8%D0%B-D%C2%BB%20\(%C2%AB%D0%9A%D0%B-D%D0%B8%D0%B3%D0%B0%20%D0%B-F%D0%B5%D1%81%D0%B5%D0%BD%C2%B-V%2C,%D0%B8%20%D1%80%D0%B5%D0%B4](https://old.b-enc.ru/literature/text/4943521#:~:text=%C2%AB%D0%A8%D0%B8%20%D1%86%D0%B7%D0%B8%D0%B-D%C2%BB%2C%20%C2%AB%D0%A8%D0%B8%D1%86%D0%B7%D0%B8%D0%B-D%C2%BB%20(%C2%AB%D0%9A%D0%B-D%D0%B8%D0%B3%D0%B0%20%D0%B-F%D0%B5%D1%81%D0%B5%D0%BD%C2%B-V%2C,%D0%B8%20%D1%80%D0%B5%D0%B4) (дата обращения 20.06.2024).
- Кобзев А.И. Ци [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.synologia.ru/a/%D0%A6%D0%B8_1 (дата обращения 24.06.2024).
- Конфуций. Лунь Юй (Беседы и Суждения). Пер. Л.С. Переломов. – М.: Восточная литература, 2001. 168 с.
- Лао-цзы. Дао-Дэ цзин. Книга о Пути жизни. Заново исправленный перевод В.В. Малявина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1719725209&tld=ru&lang>

⁴ [Весна и осень] Конфуций. Аналитики Конфуция. [Вэй] с примечаниями Хэ Яня, опубликованные в четырех томах издательством Shanghai Commercial Press в 8-й год существования Китайской Республики, японское издание Shohei, С. 18. [春秋]孔子.《论语》, [魏] 何晏集解, 民国八年上海商务印书馆四部丛刊景日本正平刻本, Р. 18.

⁵ [Чуньцю] Лао-цзы. Дао дэ цзин, часть первая, [Троецарствие] аннотация Ван Би. Древняя рукопись И Цуншу Цзин Тан, ч. 1. [春秋]老聃.《道德经上篇》, [三国]王弼注. 古逸丛书景唐写本, Р. 1.

- =ru&name=dao-de-czin-10.pdf&text=-de-czin-10.pdf&lr=213&mime=pdf&l10n=ru&sign=1271131b-6fa741be860e20458e7b4bc6&keyno=0&nosw=1&serpParams=%3Dhttps%253A%2F%2Fsredotochie.ru%2Fwp-content%2Fuploads%2Fdao-de-czin-10.pdf%26lr%3D213%26mime%3Dpdf%26l10n%3Dru%26sign%3D1271131b-6fa741be860e20458e7b4bc6%26keyno%3D0%26nosw%3D1 (pdf).
5. Лао-цзы. Книга о пути жизни (Дао-Дэ цзин). В.В. Малавин, перевод, составление, предисловие, комментарии. – М.: АСТ, 2018. 256 с.
 6. Мак-Люэн Маршалл. Галактика Гутенберга: Создание человека печатной культуры. – К.: Ника-Центр, 2003 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://yanko.lib.ru/books/media/mcluhan%3Dgalaktika_gutenberg.pdf (дата обращения 02.06.2024).
 7. Маклюэн Маршалл. Понимание медиа: Внешние расширения человека/Пер. с англ. В. Николаева. – М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. 464 с.
 8. Малавин В.В. Средоточия: избранные эссе, доклады, интервью, рецензии. – Иваново: Издательское товарищество «Роща Академии», 2011. 624 с.
 9. Чжан И. О термине «концепт» в исследованиях российских и китайских ученых // Гуманитарные и социальные науки. – 2021. – № 4. – С. 189–199 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-terminе-kontsept-v-issledovaniyah-rossiyskih-i-kitayskih-uchenyh/viewer> (дата обращения 29.06.2024). DOI: 10.18522/2070-1403-2021-87-4-189-199.
 10. Чжуан-цзы. Внутренний раздел. Пер. В.В. Малавина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.seoded.ru/downloads/books/ch_tzh.html (дата обращения 30.05.2024).
 11. Юркевич А.Г. Сердце [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.synologia.ru/a/%D0%A1%D0%B8%D0%BD%D1%8C_1 (дата обращения 15.06.2024).
 12. Юркевич А.Г. Шэнь 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.synologia.ru/a/%D0%A8%D1%8D%D0%BD%D1%8C_1 (дата обращения 19.06.2024).
 13. Giambattista Vico // Stanford Encyclopedia of Philosophy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://plato.stanford.edu/entries/vico/> (дата обращения 24.06.2024).
 14. McLuhan Marshall. Understanding Media. The extensions of man [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://designopendata.wordpress.com/wp-content/uploads/2014/05/understanding-media-mcluhan.pdf> (дата обращения 21.06.2024).
 15. 闻一多.文学的历史动向:闻一多全集[M], 上海:生活·读书·新知三联书店, 1982:202. Вэнь Идуо. Исторические тенденции в литературе// Вэнь Идуо Полное собрание сочинений. – Шанхай: Жизнь · Чтение · Новые знания Книжный магазин Санлиан, 1982. С. 202.
 16. 刘士林.诗性文化与中国文化自觉[N].解放日报, 2015-01-24 (007. Лю Шилин. Поэтическая культура и китайское культурное сознание//Jiefang Daily. – 2015-01-24 (007).
 17. [清]陈乔枞.《诗纬集证》卷二, 清道光二十六年小娜嬛馆刻本, Р. 144. [Цин] Чэнь Цяокун. Том 2. Шивэй Цзичжэн, гравированное издание музея Сяомухуань 26-го года правления Даогуана династии Цин. С. 144.
 18. [意]维柯.《新科学》, 朱光潜译, 人民文学出版社 1985 : 6–7. Вико. Новая наука. Перевод Чжу Гуанцяна. – Народная литература, 1985. С. 6–7.

19. [春秋]孔子.《论语》, [魏] 何晏集解, 民国八年上海商务印书馆四部丛刊景日本正平刻本, Р. 18. [Весна и осень] Конфуций. Аналитики Конфуция. [Вэй] с примечаниями Хэ Яня, опубликованные в четырех томах издательством Shanghai Commercial Press в 8-й год существования Китайской Республики, японское издание Shohei, С. 18.
20. [春秋]老聃.《道德经上篇》, [三国]王弼注. 古逸从书景唐写本, Р. 1. [Чуньцю] Лао-цзы. Дао дэ цзин, часть первая, [Троецарствие] аннотация Ван Би. Древняя рукопись И Цуншу Цзин Тан, ч. 1.

CHINESE CULTURE AS A POETIC CULTURE: AN EXPERIENCE OF SINO-EUROPEAN DIALOGUE

Ye Zuoitan

The article deals with the clarification of the basic Chinese culture characteristics. Such a subject required the use of philosophical categories – concepts of the highest degree of abstraction, which most often radically differ in Chinese humanitarian knowledge and in the European, as well as in the Russian scientific paradigm. Without even pretending to list these basic differences in any way, but addressing the Russian academic community, the Chinese author identifies those of them that directly relate to the author's concept of Chinese poetry. At the same time, the parallels that exist in the development of Chinese and European, as well as Russian humanitarian thought, are noted. In this way of narrative, one sees the possibility of “translating” meanings from Chinese to Russian and back, i.e. some personal experience of the Sino-European dialogue of cultures.

Keywords: poetic, poetry, life, Tao, Chinese mentality, European scientific paradigm.

References

1. Zakharova N.V. Shi Jing // The Great Russian Encyclopedia 2004–2017 [Electronic resource]. – Access mode: [https://old.b.intheuniversaldeepvalue.igenc.ru/literature/text/4943521#:~:text=\(date%20of%20access%2020.06.2024\).](https://old.b.intheuniversaldeepvalue.igenc.ru/literature/text/4943521#:~:text=(date%20of%20access%2020.06.2024).)
2. Kobzev A.I. Tsi [Electronic resource]. – Access mode: https://www.synologia.ru/a/%D0%A6%D0%B8_1 (date of access 24.06.2024).
3. Confucius. Lun Yu (Conversations and Judgments). Trans. L.S. Perelomov. – М.: Eastern Literature, 2001. 168 p.
4. Lao Tzu. Tao Te Ching. Book of the Path of Life. Newly corrected translation by V.V. Malyavin [Electronic resource]. – Access mode: [https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1719725209&tld=ru&lang=ru&name=dao-de-czin-10.pdf&text=https%3A%2F%2Fsredotochie.ru%2Fwp-content%2Fuploads%2Fdao-de-czin-10.pdf&lr=213&mime=pdf&l10n=ru&sign=url%3Dhttps%253A%2F%2Fsredotochie.ru%2Fwp-content%2Fuploads%2Fdao-de-czin-10.pdf%26lr%3D213%26mime%3Dpdf%26l10n%3Dru%26sign%3D1271131b6fa741be860e20458e7b4bc6%26keyno%3D0%26nosw%3D1 \(pdf\).](https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1719725209&tld=ru&lang=ru&name=dao-de-czin-10.pdf&text=https%3A%2F%2Fsredotochie.ru%2Fwp-content%2Fuploads%2Fdao-de-czin-10.pdf&lr=213&mime=pdf&l10n=ru&sign=url%3Dhttps%253A%2F%2Fsredotochie.ru%2Fwp-content%2Fuploads%2Fdao-de-czin-10.pdf%26lr%3D213%26mime%3Dpdf%26l10n%3Dru%26sign%3D1271131b6fa741be860e20458e7b4bc6%26keyno%3D0%26nosw%3D1 (pdf).)
5. Lao Tzu. The Book of the Way of Life (Tao Te Ching). V.V. Malyavin, translation, compilation, preface, comments. – М.: AST, 2018. 256 p.
6. McLuhan Marshall. The Gutenberg Galaxy: The Creation of Man in Print Culture. – К.: Nika-Center, 2003 [Electronic resource]. – Access mode: http://yanko.lib.ru/books/media/mcluhan%3Dgalaktika_gutenberg.pdf (accessed 02.06.2024).
7. McLuhan Marshall. Understanding Media: The External Extensions of Man / Translated from English by V. Nikolaeva. – М.: Zhukovsky: CANON-press-C, Kuchkovo Pole, 2003. 464 p.
8. Malyavin V.V. Foci: selected essays, reports, interviews, reviews. – Ivanovo: Publishing partnership “Roshcha Akademii”, 2011. 624 p.
9. Zhang Y. On the term “concept” in the studies of Russian and Chinese scientists // Humanities and social sciences. – 2021. – No. 4. – Pp. 189–199 [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-terminе-kontsept-v-issledovaniyah-rossiyskih-i-kitayskih-uchenyh/viewer> (date of access 06/29/2024). DOI: 10.18522/2070-1403-2021-87-4-189-199.

10. Zhuangzi. Inner section. Trans. V.V. Malyavina [Electronic resource]. – Access mode:
21. https://www.seoded.ru/downloads/books/ch_tzh.html (date of access 30.05.2024).
11. Yurkevich A.G. Heart [Electronic resource]. – Access mode: https://www.synologia.ru/a/%D0%A1%D0%B8%D0%B-D%D1%8C_1 (date of access 15.06.2024).
12. Yurkevich A.G. Shen 1 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.synologia.ru/a/%D0%A8%D1%8D%D0%B-D%D1%8C_1 (date of access 19.06.2024).
13. Giambattista Vico // Stanford Encyclopedia of Philosophy [Electronic resource]. – Access mode: <https://plato.stanford.edu/entries/vico/> (accessed 06/24/2024).
14. McLuhan Marshall. Understanding Media. The extensions of man [Electronic resource]. – Access mode: <https://designopendata.wordpress.com/wp-content/uploads/2014/05/understanding-media-mcluhan.pdf> (accessed 06/21/2024).
15. 闻一多.文学的历史动向:闻一多全集[M], 上海:生活•读书•新知三联书店, 1982:202. Wen Yiduo. Historical trends in literature// Wen Yiduo Complete Works. – Shanghai: Life • Reading • New Knowledge Sanlian Bookstore, 1982. P. 202.
16. Complete Works of Liu Shilin. Poetic Culture and Chinese Cultural Consciousness//Jiefang Daily. – 2015–01–24 (007).
17. [清]陈乔枞.《诗纬集证》卷二, 清道光二十六年小娜嬛馆刻本, P. 144. [Qing] Chen Qiaokong. Volume 2. Shiwei Jizheng, engraved edition of the Xiaomuhuan Museum of the 26th year of Daoguang of the Qing Dynasty. P. 144.
18. [意]维柯.《新科学》, 朱光潜译, 人民文学出版社 1985 : 6–7. Vico. New science. Translated by Zhu Guangqiang. – Folk literature, 1985. pp. 6–7.
19. [春秋]孔子.《论语》, [魏] P. 18. [Spring and Autumn] Confucius. Analysts of Confucius. [Wei] with annotations by He Yan, published in four volumes by Shanghai Commercial Press in the 8th year of the Republic of China, Japanese edition Shohei, p. 18.
20. [春秋]老聃.《道德经上篇》, [[三国]王弼注. [古逸丛书]景唐写本, P. 1. [Chunqiu] Laozi. Tao Te Ching, Part One, [Three Kingdoms] annotation by Wang Bi. Ancient manuscript of the Yi Gongshu Jing Tang, part 1.